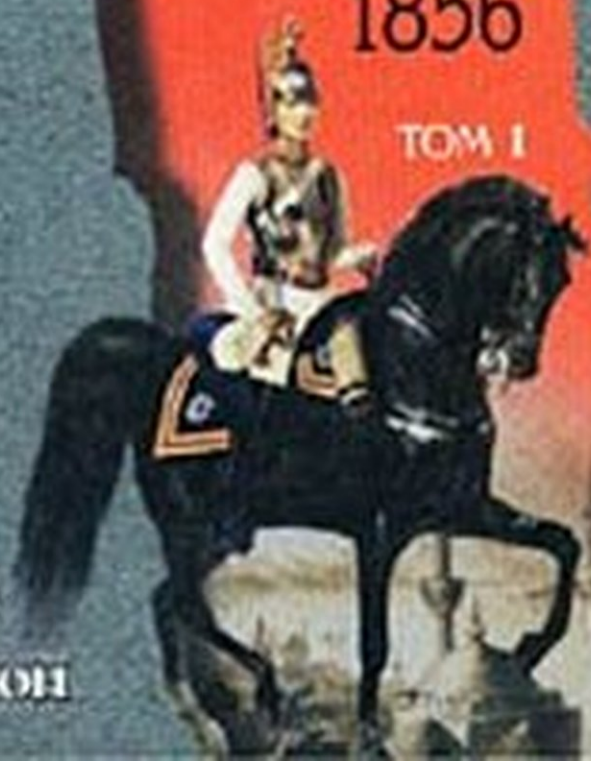

А. М. Зайончковский

Восточная война

1853-
1856

ТОМ I

ПОЛНОЕ

ВЕЛИКИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

А. М. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856

ТОМ I

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2002

Серия основана в 2002 году

Зайончковский А. М.

312 Восточная Война 1853-1856. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. — 928 с., ил. (Серия «Великие противостояния»).

ISBN 5-89173-156-8, т. 1

ISBN 5-89173-159-2

Этот обширный труд известного русского военного историка генерала от инфантерии Андрея Медардовича Зайончковского (1862—1926) является фундаментальным исследованием истории Восточной (Крымской) войны 1853—1856 годов. В нем автор основывался на достоверных документах, стремился показать реальный ход событий по возможности, как он заметил сам, без всяких собственных выводов. Современному читателю эта работа поможет по-новому, не традиционно, как это принято в значительной части нашей исторической литературы, взглянуть на императора Николая I и ряд его современников, а также значительно расширить свои познания об эпохе его правления.

Труд А. М. Зайончковского был издан в России по случаю 50-летия Восточной войны и с тех пор не переиздавался. Настоящее издание выходит в двух томах (второй том в двух книгах). Первый том охватывает события, предшествовавшие Восточной войне и начало военных действий России против Турции. Издание представляет интерес не только для историков, но и для широкого круга читателей, которых интересует прошлое. Все три тома содержат много иллюстраций.

ББК 63.2 (2) 47

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
Государю Императору

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
*с глубочайшим благоговением
всеподданнейше посвящает
автор*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий труд был предпринят по случаю истекшего пятидесятилетия Восточной войны 1853—1856 годов и имеет целью осветить эту эпоху по не изданным еще архивным материалам. Ныне издаваемый первый том охватывает события, предшествовавшие войне, и заканчивается началом военных действий против Турции. Все то, что относится к эпохе 1850-х годов, изложено почти исключительно на основании архивных документов, предшествующее же этим годам — большей частью по печатным источникам, так как автору разрешено было пользоваться главными архивами лишь в размерах, имеющих непосредственное отношение к эпохе Восточной войны 1853—1856 годов.

При изложении политической обстановки имелась в виду главная цель представить фактический ход событий, основываясь на достоверных документах, по возможности без всяких собственных выводов; этим автор руководствовался при составлении своего труда, относя наиболее интересные и неизвестные в печати документы в отдельный том приложений.

Настоящий том был подготовлен к печати еще к началу Русско-японской войны, но начавшаяся кампания и последующие события замедлили печатание, и он выходит в свет только в настоящее время без каких-либо изменений и поправок.

Автор считает своим долгом принести искреннюю благодарность Б. Ф. Кутыловскому, принимавшему самое деятельное участие в его труде, а также и прочим своим сотрудникам: Н. А. Болотову, В. В. фон Нотбек и С. И. Соваж. Иллюстрировано издание было при участии П. Я. Дашкова, который любезно предоставил в распоряжение автора свою редкую коллекцию и не отказал в своих советах. Нельзя не упомянуть также о самом отзывчивом отношении к работам по собиранию материалов для настоящего труда со стороны заведующего Собственной Его Величества библиотекой В. В. Щеглова и чинов Государственного архива.

18 августа 1907 года
С.-Петербург

А. Зайончковский

Николай I
(с гравюры Г. Риаля, по портрету Ф. Крюгера, 1841 г.)

Глава I

Великий князь Николай Павлович до вступления на престол

В событиях, ознаменовавших собой русскую историю пятидесятих годов минувшего столетия, одну из главных руководящих сил представляет личность императора Николая Павловича.

В течение почти тридцатилетнего царствования этого государя Европа видела в нем могущественного представителя и защитника установившейся системы общественной и политической жизни народов, а шестидесятимиллионная Российская империя как бы всецело воплощалась в особе своего монарха. Непреклонная воля, рыцарский характер, твердость убеждений, любовь к своему государству и желание возвеличить Россию во внутреннем и внешнем отношениях на выработанных государем основаниях — инстинктивно давали каждому чувствовать, что император Николай Павлович не уклонится от избранного пути, с чем нельзя было не считаться. В его лице западноевропейские державы видели либо вернейшего союзника, либо неумолимого врага; представители разных партий одинаково сильно его ненавидели или почитали, но и те и другие бесспорно в равной мере его боялись.

Поэтому исследование современной императору Николаю Павловичу жизни России и даже отчасти политической истории Западной Европы невозможно без знакомства с колоссальной и рыцарской личностью этого государя.

За несколько месяцев до вступления великого князя Павла Петровича на престол, а именно — 25 июня 1796 года, родился третий его сын, великий князь Николай Павлович, последний из внуков императрицы Екатерины II, появившихся на свет при ее жизни. У колыбели новорожденного великая императрица назвала его «рыцарем», и это наименование вполне оправдалось царствованием и кончиной императора Николая.

По установленному при императрице Екатерине порядку великий князь Николай с самого рождения поступил на попечение царственной бабки, но последовавшая вскоре кончина императрицы пресекла влияние ее на ход воспитания великого князя. Единственным в этом отношении наследием, оставленным Екатериной своему третьему внуку, был превосходный выбор няни, шотланд-

ки Лайон¹, бывшей в течение первых семи лет его единственной руководительницей. Юный великий князь со всей силой души привязался к своей первой воспитательнице, и нельзя не согласиться с тем, что в период нежного детства «геройский, рыцарски благородный, сильный и открытый характер няни Лайон» положил отпечаток и на характер ее воспитанника².

После воцарения императора Павла воспитание великого князя Николая и родившегося в 1798 году четвертого сына Михаила перешло в руки родителей. Долго сдерживавшееся отчуждением старших сыновей чувство нежной привязанности должно было обильной волной хлынуть на младших. И действительно, император Павел страстно любил малолетних детей своих³, особенно же великого князя Николая Павловича. По словам барона М. А. Корфа, «он ласкал их весьма нежно, чего никогда не делала их мать». Строгая блюстительница чопорного этикета того времени, императрица Мария Федоровна⁴ распространяла его во всем объеме и на малолетних великих князей, которые «в первые годы детства находились со своей августейшей матерью в отношениях церемонности и холодной учтивости и даже боязни; отношения же сердечные и притом самые теплые наступили для них лишь впоследствии, в лета отрочества и юности».

Смерть императора Павла не могла не запечатлеться в памяти пятилетнего великого князя Николая Павловича⁵. Это был первый удар судьбы, нанесенный ему в период самого нежного возраста, удар, который, несомненно, должен был в будущем, при ознакомлении с обстоятельствами, сопровождавшими воцарение императора Александра I, оставить глубокий след в характере Николая Павловича.

В судьбе великого князя наступил, таким образом, новый перелом, и с этих пор дело его воспитания и образования сосредоточилось всецело и исключительно в ведении вдовствовавшей императрицы Марии Федоровны, из чувства деликатности к которой император Александр воздерживался от всякого влияния на воспитание своих младших братьев⁶.

«Единственным, по мнению барона М. А. Корфа⁷, недостатком императрицы Марии Федоровны была излишняя, может статься, ее взыскательность к своим детям и к лицам, от нее зависевшим», и эта взыскательность, совместно с общими строгими порядками, господствовавшими в то время при дворе⁸, и при характере нового воспитателя великого князя, генерала Ламздорфа, окружила царственного ребенка той сферой суровости, которая впоследствии иногда чувствовалась во внешнем проявлении воли Николая Павловича.

Такая двойственность в воспитании молодых великих князей имела, впрочем, и более общие основания. Достаточно вспомнить

характер Гатчинского двора времен Павла Петровича, в котором странно смешивалась привитая прусская грубость с сентиментальным направлением современной литературы.

Выбор генерала Ламздорфа на должность воспитателя великого князя был сделан еще императором Павлом, но факт семнадцатилетнего пребывания его при особе своего воспитанника и неизменное благоволение к нему императрицы-матери несомненно указывают, что генерал этот вполне удовлетворял педагогическим требованиям Марии Федоровны.

Матвей Иванович Ламздорф, во время своей предшествовавшей назначению на должность воспитателя военной и административной деятельности, выказался как человек с благородными правилами и, без сомнения, содействовал развитию этого свойства в своем воспитаннике. Но принятые им воспитательные приемы отличались жестокостью, имели исключительно грубо-карательный характер и часто состояли из телесных наказаний⁹. Ни сам воспитатель великого князя, ни так называемые «кавалеры», следившие за его воспитанием, насколько можно судить по дошедшим сведениям, никогда не применяли нравственного на ребенка воздействия, к которому он, по своему врожденному характеру, должен был быть особенно чутким. Им не удалось взять душевного и умственного мира великого князя в свои руки и дать ему надлежащее направление; все сводилось к мерам укрощения и подчас суровой борьбы с природными качествами воспитанника.

А между тем склад ума и характера Николая Павловича в достаточной степени выяснился еще в детском его возрасте. Настойчивость, стремление повелевать, сердечная доброта, страсть ко всему военному, дух товарищества, выразившийся в позднейшее время в непоколебимой верности союзам, — все это сказывалось еще в самом раннем детстве и, конечно, подчас в самых ничтожных мелочах¹⁰. Н. К. Шильдер в своем жизнеописании императора Николая Павловича рисует его недостатки, присущие большинству детей, в более сильном виде. «Обыкновенно весьма серьезный, необщительный и задумчивый, а в детские годы и очень

**Императрица Мария
Федоровна**

*(с гравюры Меку,
по рисунку Беннера)*

застенчивый мальчик, Николай Павлович точно перерождался во время игр. Дремавшие в нем дурные задатки проявлялись тогда с неудержимой силой. В журналах кавалеров с 1802 по 1809 год постоянно встречаются жалобы на то, что «во все свои движения он вносит слишком много несдержанности», «в своих играх он почти постоянно кончает тем, что причиняет боль себе или другим», что ему свойственна «страсть кривляться и гримасничать», наконец, в одном случае, при описании его игр, сказано: «его нрав до того мало общителен, что он предпочел остаться один и в полном бездействии, чем принять участие в играх. Этот странный поступок может быть объяснен лишь тем, что игры государыни, его сестры, и государя, его брата, нисколько не нравились ему, и что он нисколько не способен ни к малейшему проявлению снисходительности».

Такие задатки юного великого князя требовали особой заботливости и обдуманности в направлении его воспитания, а его сердечность, склонность к раскаянию и сожалению о своих дурных поступках, а также чувство нежной привязанности к окружающим, которое сохранялось навсегда¹¹, несмотря иногда на жестокое с ним обращение, казалось, давало возможность путем нравственного воздействия, при некоторой, впрочем, настойчивости, сгладить эти врожденные недостатки Николая Павловича. Письма великого князя к генералу Ламздорфу в 1808 году и некоторые из донесений состоявших при нем кавалеров императрице Марии Феодоровне в достаточной степени представляют эти симпатичные стороны его характера.

«Удовольствие писать вам¹² уменьшается упреками моей совести. Мои уроки вчера и третьего дня не совсем хорошо прошли... Осмеливаюсь просить вас, генерал, простить мне эту погрешность и обещаюсь постараться большее ее не повторять»¹³.

«Смею льстить себя¹⁴, что ваше превосходительство должны были, по письмам моей дорогой матери и г. Ахвердова, остаться довольным моими аттестатами, по крайней мере, я для этого сделал все возможное»¹⁵.

В свою очередь, кавалеры, следившие за поведением великого князя, доносили императрице-матери: «Во время урока русского языка¹⁶, видя, что его (великого князя) рассеянность меня огорчает, он был так растроган, что бросился ко мне на шею, заливаясь слезами и не имея возможности произнести слова¹⁷. Поведение его императорского высочества великого князя Николая было хорошее»¹⁸. Он вообще был менее шумлив, чем обыкновенно, и причиной этому, по всей вероятности, была мысль о том, что он должен исповедоваться. Он долго оставался со своим священником, от которого вышел в чрезвычайной степени растроганный и в слезах»¹⁹.

Историк жизни императора Николая Павловича не указывает, каким образом кавалеры великого князя пользовались в воспита-

тельном отношении этими сторонами его характера²⁰.

Наибольшие заботы императрицы Марии Федоровны в деле воспитания Николая Павловича заключались в старании отклонить его от увлечения военными упражнениями, которое обнаружилось в нем с самого раннего детства. Страсть к технической стороне военного дела, привитая в России рукой императора Павла, пустила в царской семье глубокие и крепкие корни. Император Александр, несмотря на свой либерализм, был горячим приверженцем вахт-парада и всех его тонкостей; великий князь Константин Павлович испытывал полное счастье лишь на плацу, среди муштруемых команд²¹.

Младшие братья не уступали в этой страсти старшим.

Великий князь Николай Павлович с самого раннего детства начал показывать особое пристрастие к военным игрушкам и к рассказам о военных действиях. Лучшей для него наградой было разрешение отправиться на парад или развод, где он с особым вниманием наблюдал за всем происходившим, останавливаясь даже на мельчайших подробностях²².

За исполнение желания императрицы Марии Федоровны отвлечь великого князя от этой страсти воспитатели его взялись неумелыми руками; они не были способны направить ум своего воспитанника к преследованию других, более плодотворных идеалов. Напротив того, благодаря системе воспитания, настойчиво проводимой императрицей, склонность к военной выправке и к внешностям военной службы получила в глазах великого князя всю прелесть запретного плода²³. Эта склонность осталась в нем в достаточной степени и в зрелом возрасте и невольно, как увидим ниже, отразилась на характере образования русской армии. Но в то же время неудачное старание отвратить великого князя от всего военного не дало ему возможности получить правильное в этой отрасли знаний образование и установить на прочных основах свои выдающиеся природные способности. Обозрение военной деятельности императора Николая Павловича

Александр I
(с рисунка Г. Галактионова)

заставляет удивляться замечательной широте его военных взглядов и правильности рассуждений, наравне с чрезмерным иногда увлечением парадной стороной дела, при нахождении государя перед фронтом войск.

Заботы об обучении и образовании великого князя сосредоточивались в тех же неумелых руках воспитателей Николая Павловича. Они не только не могли внушить великому князю любви к наукам, но сделали все возможное, чтобы оттолкнуть его от учения. В учебном деле заботы воспитателей направлены были к тому, чтобы не дать юному великому князю времени увлекаться его любимым военным делом и чтением военных книг. Средством для этого было выбрано такое распределение дня, которое оставляло в распоряжении воспитанника возможно менее свободного времени. С этой целью, при деятельном участии самой императрицы, не только были составлены особые таблицы лекций с подробным исчислением количества часов ежедневных занятий разными предметами, но и сам характер занятий был заключен в очень определенные и тесные рамки. «Великие князья не должны даже позволять себе задавать пустых вопросов²⁴, относящихся к предмету, о котором с ними толкуют, если эти вопросы непосредственно не относятся к необходимым объяснениям для изучения самого предмета, о котором им говорят», — наставляла императрица Мария Федоровна генерала Ламздорфа²⁵.

Выбор назначенных для Николая Павловича преподавателей также заставлял желать лучшего. «Некоторые из числа этих наставников, — говорит Н. К. Шильдер²⁶, — были люди весьма ученые, но ни один из них не был одарен способностью овладеть вниманием своего ученика и вселить в нем уважение к преподаваемой науке». Много лет спустя, уже в 1847 году, император Николай Павлович в разговоре с бароном Корфом сделал сам резкую характеристику своих педагогов, а вместе с тем и системы своего образования. «Совершенно согласен с тобой, — сказал государь, — что не надо слишком долго останавливаться на отвлеченных предметах, которые потом или забываются, или не находят никакого приложения в практике. Я помню, как нас²⁷ мучили над этим два человека, очень добрые, может статься, и очень умные, но оба несноснейшие педанты: покойники Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам на смеси всех языков, из которых не знал хорошенько ни одного, о римских, немецких и Бог весть еще каких законах; другой — что-то о мнимом «естественном» праве. В прибавку к ним являлся еще Шторх со своими усыпительными лекциями о политической экономии, которые читал нам по своей печатной французской книжке, ничем не раз-

нообразия этой монотонии. И что же выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственные их карикатурные портреты, а потом, к экзаменам, выучивали что-нибудь в долбляжку, без плода и пользы для будущего. По-моему, лучшая теория права — добрая нравственность, а она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию. В этом моим детям также лучше, чем было нам, которых учили только креститься в известное время обедни да говорить наизусть разные молитвы, не заботясь о том, что делалось в душе»²⁸. Во время того же разговора государь не упустил случая отдать дань уважения

добрым чувствам и настоящей любви к родине его бывших кавалеров. Высказав свой взгляд на патриотизм и идею народности, в которых, при всей их необходимости, он признавал должным избегать крайностей, император Николай Павлович прибавил, что с этой стороны он ничего не может приписать влиянию своих учителей, но очень многим обязан людям, в обществе которых он жил, а именно: Ахвердову, Арсеньеву и Маркевичу. «Они, — по словам государя, — искренно любили Россию и, между тем, понимали, что можно быть самым добрым русским, не ненавидя, однако же, без разбора всего иностранного»²⁹.

Легко можно предвидеть, как, при таких условиях, шло образование великого князя. Познания приобретались урывками, без определенной связи, которая могла бы служить к прочному и последовательному развитию умственного кругозора. Да и выбор самих предметов преподавания был сделан односторонне, без правильно выработанной программы. Больше всего обращалось внимание на предметы отвлеченные, умозрительные, и на языки, менее — на предметы реального характера, а что касается военных наук, то они долгое время были совершенно изъяты из учебного курса будущего верховного вождя миллионной армии. В недостаточном знании русского языка государь впоследствии сам созна-

*С собственноручного офорта
великого князя
Николая Павловича*

вался, говоря, чтобы не судили его орфографии, так как на эту часть при его воспитании не обращали должного внимания³⁰. Он вообще писал бегло и без затруднения, но не всегда употреблял слова в собственном их значении. Что касается до наук политических, столь необходимых монарху, то они почти не входили в программу образования великого князя. По словам В. А. Муханова³¹, Николай Павлович, окончив курс своего образования, сам ужаснулся своему неведению и после свадьбы старался пополнить этот пробел, но условия жизни рассеянной, преобладание военных занятий и светлые радости семейной жизни отвлекали его от постоянных кабинетных работ. «Ум его не обработан, воспитание его было небрежно», — писала об императоре Николае Павловиче королева Виктория в 1844 году³².

Не ко всем, однако, наукам великий князь относился с одинаковым, по его словам, равнодушием. Предметы отвлеченные, умозрительные, менее привлекали его внимание, и навряд ли он увлекался поэтическим образом героев древности; науки же прикладные, имеющие отношение к практическому применению, а также исторические события недавнего прошлого были Николаю Павловичу особенно по душе.

Великий князь с самого раннего детства выказал большое пристрастие к строительному искусству, и эта склонность сохранилась в нем на всю жизнь. Легко владея карандашом, он применял свой талант почти исключительно к черчению геометрических фигур, укреплений, планов сражений и к рисованию войск. Его любовь к прямым линиям и симметричным построениям воплотилась впоследствии в архитектуру Николаевских времен. При изучении истории юный великий князь особенно интересовался деятелями позднейшей эпохи, и здесь встречались у него лица, которым он сочувствовал или же к которым относился с нескрываемым пренебрежением. Заключение его о некоторых исторических личностях характерны в том отношении, что выказывали те взгляды будущего повелителя обширнейшей монархии, которым он не изменил до конца своей жизни. В поведении Оттона II в нем возбуждало негодование то вероломство, с которым этот государь поступил относительно высшего класса населения Рима (*les principaux habitants de Rome*)³³. В судьбе Людовика XVI Николай Павлович видел кару, понесенную французским королем за неисполнение своего долга в отношении государства. «Быть слабым не значит быть милосердным, — сказал он по этому поводу своему преподавателю. — Монарх не имеет права прощать врагов отечества. Людовик XVI видел перед собой настоящее возмущение, скрытое под ложным названием свободы; он сохранил бы от многих невзгод свой народ, не пощадив возмутителей»³⁴. Лучшей победой генерала Бонапарта он признавал его

торжество над анархией. Особые же симпатии великого князя вызывал Петр Великий, и это поклонение памяти гениального предка не покидало его до самой смерти.

Заветное желание императрицы Марии Федоровны совершенно отстранить великого князя Николая Павловича от изучения военных наук не могло осуществиться в полной мере. Будущность, которая могла ожидать Николая Павловича, и воинственное настроение, охватившее Европу во время Наполеоновских войн, «способствовали победе нежной матери над «личными вкусами», и к великому князю были приглашены профессора, которые должны были прочитать военные науки в возможно большей полноте»³⁵. Для этой цели были выбраны известный инженерный генерал Опшерман и, в помощь ему, полковники Джанотти и Маркевич³⁶.

Н. К. Шильдер, усиленно останавливаясь в своем жизнеописании императора Николая Павловича на присущем великому князю увлечению вахт-парадами и мелочной техникой военного ремесла, к сожалению, почти не дает указаний о том, каким образом развились те обширные познания военного дела, которыми бесспорно обладал впоследствии император Николай. Нет сомнения, что великий князь весь свой досуг уделял чтению любимых им военных книг и, таким образом, в значительной степени был обязан развитием своих познаний самому себе; но надо думать, что большую роль в этом отношении сыграли и первые руководители его военного образования. Одно имя генерала Опшермана, как достойного представителя нашей военно-инженерной науки того времени, награды, которыми впоследствии осыпал его император Николай Павлович, а также добрая память, которую он еще в 1847 году сохранил о другом своем наставнике, Маркевиче³⁷, подтверждают, что преподаватели военных наук пользовались несравненно большим уважением своего воспитанника, чем преподаватели остальных предметов.

Сведения о военном образовании великого князя крайне отрывочны, и нельзя составить себе понятия даже о тех вопросах, которые входили в курс читавшихся ему лекций; об этом можно судить лишь приблизительно.

*Граф Паскевич
(с гравюры Н. Уткина)*

Обнаруженное с самого раннего возраста влечение великого князя к инженерному искусству, да и сама специальность главного руководителя военного образования генерала Оппермана, дают основание предполагать, что большая доля внимания была обращена на надлежащую подготовку будущего генерал-инспектора по инженерной части. Что же касается остальных военных предметов, то в дошедших до нас сведениях сохранились указания, что в 1813 году великому князю преподавалась стратегия³⁸, а с 1815 года начались военные беседы Николая Павловича с генералом Опперманом.

Беседы эти состояли в том, что великий князь читал разработанные им самим трактаты о предполагаемых военных действиях, или планы войны на заданную тему, и давал объяснения, относящиеся до подробностей представленной работы. В этом же году, между прочим, великий князь составил трактат «О войне против соединенных сил Пруссии и Польши», которым наставник остался очень доволен, заподозрив даже, что его ученик имел в своих руках мемуар, составленный на эту же тему одним русским генералом³⁹. Одновременно с этим великий князь занимался с Маркевичем «военными переводами», а с Джанотти — чтением сочинений Жиро и Ллойда о разных кампаниях, равно как разбором проекта «Об изгнании турок из Европы при известных данных условиях»⁴⁰.

Занятия эти, видимо, шли небезуспешно, так как в журналах 1815 года генерал Опперман отмечает военные дарования Николая Павловича и советует ему читать подробные истории замечательных кампаний, через что «неминуемо должны совершенствоваться в великом князе его блестящие военные способности, преимущественно состоящие в таланте верно и ясно судить о военных действиях».

Следует, впрочем, упомянуть еще об одном неожиданном руководителе военного образования великого князя, а именно о будущем знаменитом «отце-командире», Иване Федоровиче Паскевиче. Знакомство с ним состоялось в Париже в 1815 году, после чего «Николай Павлович, — говорит Паскевич в своих записках, — постоянно меня звал к себе и подробно расспрашивал о последних кампаниях. Мы с разложенными картами по целым часам вдвоем разбирали все движения и битвы 12, 13-го и 14-го годов. Этому завидовали многие и стали говорить в шутку, что он (великий князь) в меня влюбился. Его нельзя было не любить. Главная его черта, которой он меня привлек к себе, это — прямота и откровенность».

В программу военного образования великого князя не введены были, кажется, предметы, которые могли бы дать ему правильное понятие о тех технических мелочах военного дела, от которых в значительной степени зависит успех всякой военной операции и

без основательного знания которых само изучение высших военных наук не приносит пользы в полной мере. Ни с требованиями, которые можно предъявлять солдату как физической и боевой единице, ни с техникой ведения боя, ни, наконец, со всеми прочими элементами войны, которые составляют главный фундамент военных познаний, великий князь в своей молодости, видимо, не был основательно ознакомлен, и это обстоятельство, совместно с другими неблагоприятными условиями, не осталось без вредного влияния на состояние нашей армии в эпоху царствования императора Николая Павловича. Выдающиеся, бесспорно, военные таланты великого князя перемешивались, при неполноте его военного образования, с пустившими в детстве корни вахт-парадными тенденциями Александровской эпохи и породили те последствия, которые и поныне служат основанием для двойственности в военной оценке императора Николая I.

Впрочем, в оправдание руководителей военного образования великого князя следует заметить, что в то время не существовало ни тактики, ни военной истории как науки, поставленной на почве твердого теоретического исследования; не существовало и литературы этих наук, которая на русском языке появилась гораздо позднее двадцатых годов⁴¹.

Курс образования великого князя должен был закончиться его путешествием по России и за границу. Настоятельное желание Николая Павловича участвовать в действиях освободительной войны заставило наконец императора Александра согласиться в 1814 году на прибытие его младших братьев к армии, причем император приказал состоять при них генерал-адъютанту Коновницину. В этом назначении выразилось, кажется, единственное участие государя в деле воспитания и образования младших великих князей, и выбор, им сделанный, был, несомненно, наиболее удачный. Опытный воин, покрывший себя неувядаемыми лаврами, Коновницин соединял в себе, при присущей ему доброте характера и всестороннем знакомстве с военным делом, все необходимые условия для выполнения возложенной на него задачи. Пробыв при великих князьях во время их путешествий в 1814 и 1815 годах, он был назначен в следующем году на пост военного министра, и его плодотворная деятельность как руководителя практического военного образования великого князя Николая Павловича должна была прекратиться. Столь кратковременное пребывание при августейших юношах, сопряженное к тому же с перерывами и необходимостью сообразоваться со взглядами генерала Ламздорфа⁴², не могло принести им особенно существенной пользы, но во всяком случае оно не осталось без благотворного влияния.

При расставании с великими князьями генерал-адъютант Коновницын преподал им в особом письме ряд советов для будущей их деятельности. Это письмо представляет несомненный интерес как в отношении характеристики самого автора, так и потому, что в нем должны были отразиться подмеченные Коновницыным черты характера великих князей.

«Никакой добродетельный подвиг, — писал он между прочим, — без напряжения духа, без труда не совершается. Следовательно, для благих и полезных подвигов ум напитан быть должен добрыми познаниями, которые украшают и самую старость. Чтобы непременно занимать, питать разум, без чего он, так сказать, засыпает, возьмите на себя хоть один час в день (но каждый день непременно) занять разум какой-либо наукой или познанием, составив в самом чтении себе план, чтобы не перемешивать предметов в одно время. В рассуждениях общих оскорблять никогда не должно, ниже говорить о ком худо; по единой неосторожности получите недовольных. Общая вежливость привлекает, а надменность, и еще более грубость, лишит вас больших и невозвратных выгод. Держитесь людей таких, которые бы от вас ничего не желали, которые не ослеплялись бы величием вашим и с надлежащим почтением говорили бы вам истину и противоречили бы вам для воздержания вас от погрешностей. Если придет время командовать вам частями войск, да будет первейшее ваше старание о содержании их вообще и о призрении больных и страждущих. Старайтесь улучшить положение каждого, не требуйте от людей невозможного. Крик и угрозы только раздражают, а пользы вам не принесут. На службе надобно неминуемо людьми запасаться. Буде случится вам быть в военных действиях, принимайте совет людей опытных. Обдумайте оный прежде, нежели решитесь действовать»⁴³...

Отъезд великих князей к армии был тяжелым испытанием для императрицы Марии Федоровны, но она сознавала всю необходимость его, а потому и мирилась с невольной разлукой. Императрица с особой заботливостью обставила путешествие своих сыновей, снабдив самыми подробными инструкциями лиц, их сопровождавших, и дав письменные наставления самим великим князьям. Эти прекрасные наставления охватывали всевозможные случаи и состояли из ряда высоконравственных советов, касающихся поведения, занятий и времяпрепровождения великих князей. Мария Федоровна не обходит молчанием и специально военные предметы. Она настойчиво предостерегала сыновей от увлечения мелочами военной службы, советуя, напротив того, запасаться познаниями, создающими великих полководцев. «Следует, — писала императрица, — изучить все, что касается до сбережения солдата, которым так часто пренебрегают, жертвуя им красоте фор-

мы, бесполезным упражнением, личному честолюбию и нежееству начальника»⁴⁴.

Великим князьям не удалось принять участия в военных действиях, и они прибыли в Париж, чтобы быть свидетелями славы императора Александра и доблестной русской армии. Возможность практического боевого опыта для Николая Павловича, к сожалению, ускользнула впредь до Турецкой войны 1828 года. Ему пришлось ограничиться лишь довершением своего общего образования.

Предложение императора Александра воспользоваться пребыванием младших братьев за границей, дабы они занялись усовершенствованием своего образования в Париже, под руководством опытного ментора Лагарпа, и совершили путешествие по Голландии, Англии и Швейцарии, не встретило сочувствия со стороны Марии Федоровны, которая, в видах нравственных, опасалась продолжительного пребывания сыновей в столице Франции.

И в данном случае сказалась склонность великого князя Николая Павловича ко всему военному; он осматривал в Париже предпочтительно учреждения военные, политехническую школу, дом инвалидов, казармы, госпитали⁴⁵.

Биографы Николая Павловича не дают почти никаких сведений, по которым можно было бы судить о влиянии на него зарубежных поездок 1814 и 1815 годов. Можно разве упомянуть лишь о том, что во время этих поездок выяснилась любовь молодых великих князей ко всему своему, родному, и, по словам Михайловского-Данилевского, они «восхищались всем тем, что есть русское». Тогда же на смотре в Вертю 29 августа 1815 года Николай Павлович впервые выехал перед строем, командуя 2-й бригадой 3-й гренадерской дивизии. Сообщая об этом императрице Марии Федоровне, генерал-адъютант Коновницын прибавлял, что великие князья, «командуя своими частями наилучшим образом, приобрели истинное уважение от войск, им подчиненных, исправностью в команде, кротостью и снисхождением ко всем чинам».

В 1816 году были предприняты великим князем Николаем Павловичем обширные путешествия по России и Англии.

Император Николай I
(с гравюры И. Рабинского,
по портрету Г. Дау)

Первое имело целью ознакомление со своим отечеством в административном, коммерческом и промышленном отношениях и состоялось опять под руководством нового лица, а именно генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова. Наставление для этого путешествия, разработанное с особой тщательностью императрицей Марией Федоровной, старалось сделать его особо поучительным и преследовало, между прочими целями, необходимость для Николая Павловича приобрести популярность среди народа⁴⁶.

Во время своего путешествия великий князь обязан был вести особые журналы, внося в них свои впечатления по гражданской и промышленной частям и отдельно по военной части. Эти журналы, веденные двадцатилетним великим князем, только что окончившим курс своего образования, были бы крайне интересны для его характеристики, но, к сожалению, они неизвестны в печати, и даже Н. К. Шильдер приводит лишь незначительные выдержки из гражданского и военного их отделов. Однако и эти короткие выписки отмечают некоторые черты автора журналов⁴⁷. Отсутствие поэтических увлечений, общих идей и поверхностных рассуждений, реальный склад ума с правильным и практичным взглядом на вещи, большая наблюдательность, не упускающая из вида и мелочей, основательная и здравая оценка положения дел и любовь к порядку — таковым рисуется Николай Павлович по отрывкам его собственноручного журнала.

«Нелицемерно и с восхищением должен повторить, — докладывал Голенищев-Кутузов императрице Марии Федоровне по возвращении из путешествия, — что Его Высочество повсюду приобрел отличное уважение, преданность и любовь от всех сословий. Я нередко докладываю Его Высочеству, что всем оным он обязан Вашему Императорскому Величеству; правила, внушенные при воспитании, Вашим Величеством были предначертаны»⁴⁸.

Путешествие в Англию должно было, по словам Марии Федоровны, не только удовлетворить любопытство великого князя, но и обогатить его полезными познаниями и опытами⁴⁹. Однако в то же время это путешествие внушало и некоторое опасение, совершенно, впрочем, неосновательное при выяснившемся уже характере Николая Павловича, а именно: опасение, чтобы великий князь не слишком увлекся свободными учреждениями Англии и не поставил их в прямую связь с видом несомненного благосостояния ее. Его характер успел уже настолько образоваться с присущим ему трезвым, далеким от всякой мечтательности мирозерцанием, что увлечений в конституционном смысле нельзя было предвидеть.

И действительно, во время своего пребывания в Англии великий князь менее всего интересовался ораторскими прениями в палате лордов и в палате общин, а также разговорами об этих явлении-

ях английской общественной жизни. Распространенные в стране клубы и митинги также не встретили сочувствия со стороны Николая Павловича. «Если бы, — сказал он по этому поводу Голенищеву-Кутузову, — к нашему несчастью какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, делающие более шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков или, еще лучше, лишить дара слова всех тех, которые делают из него такое употребление».

Четырехмесячное пребывание великого князя в Англии прошло в разъездах по всем направлениям, для ознакомления с разными отраслями жизни этой, отличной от всех государств Европы, страны. Николай Павлович, по словам сопровождавшего его Саврасова, не оставил своим вниманием ни одного предмета, того заслуживавшего, и своим ласковым обхождением приобрел всеобщее уважение и похвалу⁵⁰. Этот отзыв подтверждается и другими лицами его свиты.

Симпатия ко всему военному и в данном случае не изменила великому князю. Имея возможность знакомиться с самыми разнообразными политическими и государственными деятелями страны, которыми Англия тогда гордилась, он предпочитал общество и беседы с представителями британской армии⁵¹. Англия произвела на молодого великого князя неизгладимое впечатление. Трезвость и положительность английского ума не могли не прийтись по вкусу великому князю Николаю Павловичу. Симпатий его к Англии не могло поколебать, много лет спустя, даже то упорное противодействие, которое оказывал нашим начинаниям английский кабинет. Император Николай никогда не оставлял мысли о союзе с Великобританией.

Лейб-медик принца Леопольда, Штокмар, занес в свои записки описание наружности Николая Павловича в это время. По его словам, он был необыкновенно красивый, пленительный молодой человек, прямой, как сосна, с правильными чертами лица, открытым лбом, красивыми бровями, необыкновенно красивым носом, красивым маленьким ртом и точно очертанным подбородком. Он отличался очень приличными манерами, полными оживления, но

*Императрица
Александра Федоровна
(с гравюры Райта,
по портрету Соколова)*

без натянутости и смущения. В то же время великий князь привел английское общество в удивление своей изысканной вежливостью с дамами и спартанской простотой образа жизни. «По-видимому, он обладает решительным талантом ухаживать», — заканчивает доктор Штокмар свои воспоминания о Николае Павловиче⁵².

Рядом описанных путешествий закончился полный курс образования великого князя, и в следующем 1817 году его уже ожидали радости семейного счастья. В этом году состоялся брак великого князя с принцессой прусской Шарлоттой⁵³, и Николай Павлович достиг «того единственного истинного и прочного счастья», которое он находил в течение всей жизни в своей семье и которого он, воспитанный в духе строгих семейных начал, так жаждал еще в 1814 году⁵⁴.

С этого времени начинается общественная деятельность великого князя Николая Павловича, а потому не будет излишним набросать теперь общий контур этой выдающейся, великой личности.

Богато одаренный от природы тем практическим умом, который чужд всяких иллюзий и увлечений, но зато полон здорового и деловитого взгляда на вещи, великий князь в значительно большей степени проявлял способности к анализу, чем к творчеству; твердость раз установившихся убеждений в нем очень часто шла в ущерб той гибкости ума, которая неразрывна с легким восприятием новых идей, бесспорно ведущих к прогрессу, но и не чуждых роковых увлечений. Эта отличительная черта способностей Николая Павловича была скорее пригодна к развитию и педантичному проведению в жизнь какой-нибудь идеи в одном направлении, чем к изменению ее путем хотя бы легкого отклонения в сторону. Критический склад ума великого князя делал для него очень трудным изменение образа мыслей, к которому он мог подходить только исподволь, путем всесторонней оценки новых факторов. Медленное поступательное движение ему было более по сердцу, чем широкий размах творческой мысли.

Правильно поставленное образование служит к уравниванию природных умственных дарований, но образование великого князя Николая Павловича не соответствовало этим условиям, и он выступил на арену общественной жизни лишь с теми богатыми дарами, которыми оделила его природа при рождении. «Изолированное положение великих князей, — говорит по этому поводу Корсаков, — созданное настойчивым и неуклонным стремлением матери держать их исключительно под своим влиянием, естественно должно было задерживать в них развитие политической зрелости и опытности»⁵⁵.

С самого раннего возраста характер Николая Павловича, при высоких душевных нравственных качествах, которые не изме-

няли ему в течение всей жизни, отличался непоколебимой твердостью⁵⁶, высоко рыцарскими правилами, строгим исполнением долга, сердечностью и нежной привязанностью к окружающим. Но, наряду с этим, в нем безгранично были развиты самолюбие и вспыльчивость, соединенные с некоторой долей строптивости и своеволия. Эти свойства характера несколько затемняли рыцарски-благородную фигуру великого князя при повседневном знакомстве с ней и способствовали ему в приобретении несравненно более порицателей, чем людей, сердечно преданных, — суровая оболочка очень часто скрывала полную величия душу великого князя.

Если воспитание великого князя, под руководством одаренной высокими добродетельными качествами императрицы Марии Федоровны, послужило к развитию положительных качеств его характера, то, с другой стороны, господствовавшая в его воспитании система не могла повести к смягчению отрицательных сторон характера Николая Павловича. Теория «око за око и зуб за зуб» скорее должна была иметь своим последствием усиление крутого нрава великого князя, а никоим образом не смягчение его. Но эта система суровых телесных наказаний имела еще и ту вредную сторону, что она привила в Николае Павловиче взгляд на них, как на главное воспитательное средство, отодвинув на второстепенный план систему нравственного воздействия и милосердия, столь сродного его сердечной и нежной душе. Воспитатели великого князя, по всей вероятности, забыли, а, может быть, и не знали мудрого совета Бецкого, что «благородную душу должно воздерживать опасением пренебрежения или бесчестия, а не страхом вредительного наказания».

Страстное поклонение всему военному развило у великого князя, совместно с понятием о беспрекословной дисциплине, понятие о законности и долге как об основных догматах общественной и семейной жизни. До крайности властолюбивый и не допускавший даже в мелочах умаления своего первенства, Николай Павлович был беспрекословно покорным во всем воле императора, своего брата, и своей матери. Чувство исполнения долга у великого князя было развито до щепетильности, и ничто не могло отстранить его от исполнения того, что, по его мнению, ему предписывал долг.

К этому же времени у Николая Павловича в достаточной степени выяснилась любовь к открытому, прямому образу действий, отвращение ко всякого рода фальши, дух товарищества, и все это в таких определенных и непоколебимых формах, которые соответствовали всему складу его характера.

Курс пройденных им наук, а главное — способ их преподавания, не могли, как было сказано выше, положительным образом

Император Николай I, императрица Александра Федоровна и цесаревич Александр Николаевич
(с гравюры Т. Райта, по портрету Г. Дау)

развить ум и способности великого князя. Он получил отрывочные, без всякой логической связи и общих выводов, сведения по разным отраслям знаний; сведения эти были более полны по тем предметам, которые нравились великому князю, и совершенно ничтожны по предметам, к которым не сумели привлечь его внимания.

Такое образование не могло соответствовать высокому положению, которое занимал Николай Павлович по своему рождению, и впоследствии, когда ему пришлось стать у кормила правления, он не нашел в своей теоретической подготовке тех основ, которые помогли бы ему с полной пользой и практичностью отдать любимой им России, вместе со своей жизнью, богатые душевные и умственные силы, щедро данные ему от природы.

Но, вместе с тем, наставники и воспитатели великого князя сумели не только поддержать в нем, но и развить любовь ко всему русскому, гордость своим отечеством; они помогли ему сделаться истинно русским царем, воплощавшим в себе весь народ, готовый всюду за ним следовать. Император Николай Павлович и шестидесятимиллионная серая масса инстинктивно понимали друг друга и обоюдно верили в несокрушимую силу один другого. В этом качестве Николая Павловича заключалась та мощь, которая доводила, по словам всех современников, до неописуемого энтузиазма народные массы при соприкосновении со своим царем, которая внушала к нему обожание со стороны народа, несмотря на крутые подчас меры в его управлении.

Детство и юность Николая Павловича прошли между практическим изучением всех господствовавших в то время тонкостей парадной и гарнизонной службы, сопряженных с суровым обращением и несоразмерными с силами солдата требованиями, и теоретическим исследованием вопросов, относящихся до ведения войны. Великому князю не удалось получить прочного фундамента военных познаний; он не был ознакомлен ни практически, ни теоретически с боевой техникой военного дела; она воплотилась для него в тех односторонних формах, к которым он привык с детства на разводах, парадах и показательных маневрах.

Строевые привычки юношеских лет оставили в Николае Павловиче след на всю жизнь, который шел вразрез с его выдающимися военными дарованиями.

Таковой представляется нам личность великого князя Николая Павловича ко времени окончания им образования и вступления на самостоятельный жизненный путь. Невольно напрашиваются на память слова, занесенные В. А. Мухановым в свой дневник на другой день после смерти императора Николая Павловича: «Если б, при столь многих прекрасных свойствах, которыми был одарен покойный император, он получил воспитание соответственно его великому назначению, то, без сомнения, он был бы одним из великих венценосцев»⁵⁷.

Первые шаги великого князя Николая Павловича на поприще общественной деятельности были сделаны при крайне неблагоприятных обстоятельствах.

Общество, которое его почти не знало, не только не проявило к нему, юному, неизвестному, только что собиравшемуся начать свою службу Отечеству, ни малейшего чувства симпатии, а, напротив, сразу отнеслось очень враждебно. Вигель, описывая в своих записках въезд 20 июня 1817 года в столицу невесты великого князя, принцессы Шарлотты, упоминает о пристрастном в дурную сторону отношении общества к Николаю Павловичу. По словам автора, он прочел на лице великого князя уже в то время предзнаменование «ужаснейших преступных страстей, которые в его царствование должны потрясти мир». Далее Вигель высказывает, что Николай Павлович был несообщителен, холоден и весь предан чувству своего долга; в исполнении его он был слишком строг к себе и другим. «В правильных чертах его белого, бледного лица была видна какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Никто не знал, никто не думал об его предназначении, но многие в неблагоприятных взорах его, как в неясно писанных страницах, как будто уже читали историю будущих зол. Скажем всю правду, он совсем не был любим»⁵⁸.

Обучение рекрутов в 1825 году
(с русской гравюры на дереве, по рисунку А. Васильева)

Тяжелые, по мнению большинства, стороны характера Николая Павловича были всем известны; о них, по свойственной всему человечеству особенности, сообщения быстро распространялись по всему городу; положительные же его качества оставались известными лишь тем немногим, которые или на себе лично их испытали, или же сумели отличить их под суровой иногда внешностью великого князя. Кроме того, сама обстановка, в которой ему приходилось жить и работать до вступления на престол, не способствовала великому князю выказать себя в полном объеме; отсутствие обширной деятельности, при его привыкшей к постоянному труду натуре, поневоле заставляло посвящать много времени мелочам, а врожденное и воспитанное в нем понятие о чувстве долга ставило его само собою в оппозицию той халатности, которая в то время господствовала в офицерской среде Петербургского гарнизона.

Служебная деятельность великого князя Николая Павловича до вступления его на престол состояла в командовании л.-гв. Измайловским полком, 2-й бригадой 1-й гвардейской пехотной дивизии и с лета 1825 года этой дивизией. При этом в скромной должности командира бригады, ведающего исключительно строевую подготовку войск, великому князю довелось пробыть с лишком семь лет, в течение которых ему только и приходилось вращаться в заколдованном кругу господствовавшей в то время сис-

темы мирного образования наших войск. Если такая продолжительная деятельность в одном направлении должна была бы положить известный отпечаток на всякого человека, то воздействие ее на деятельную, сильную, прямую и привыкшую беспрекословно повиноваться натуру Николая Павловича должно было быть несравненно более сильное.

Но наряду со строевой службой на великого князя с января 1818 года была возложена и другая обязанность, дававшая больше простора его самостоятельной деятельности. С этого времени он вступил в исправление обязанности генерал-инспектора по инженерной части.

Строевое образование нашей армии того времени хорошо известно. О нем одинаково отзываются в своих записках все современники, и русские и те иностранцы, которым удавалось видеть нашу армию.

После 1815 года, пишет по этому поводу будущий фельдмаршал Паскевич⁵⁹, Барклай-де-Толли, подчиняясь желаниям Аракчеева, стал требовать красоты фронта, доходившей до акробатства; он свою высокую фигуру нагибал до земли, чтобы равнять носки гренадер. «В год времени, — заканчивает он, — войну забыли, как будто бы ее никогда и не было, и военные качества заменились экзерцирмейстерской ловкостью»⁶⁰. Воцарившееся в русской армии направление согнало со сцены лучших генералов и офицеров, и генерал Нацмер совершенно справедливо внес в свой дневник следующую резкую оценку их⁶¹: «Просто непонятны те ошибки, которые делались генералами, противно всякому здравому смыслу. Местность совершенно не принималась в соображение, равно как род войска, который для нее годится».

Если такое направление обучения господствовало во всей армии, то оно должно было пустить еще более глубокие корни в гвардии, на глазах императора Александра и его сподвижника графа Аракчеева.

В такой-то обстановке происходила первая строевая служба Николая Павловича, и он провел в этом деле не один-два года, а целых восемь лет. Его натура требовала деятельности, а судьба оградила поле этой деятельности непроницаемым забором экзерцирмейстерства Аракчеевского обучения. Понятно, что такая продолжительная практика не прошла для великого князя бесследно.

Но, одновременно с суровым обучением солдат, среди офицеров гвардейского корпуса господствовала полная распущенность. «Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте, — пишет великий князь Николай Павлович в своих заметках об этом времени⁶², — уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все

делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день».

Николай Павлович, воспитанный совершенно в другом направлении и с другими взглядами на служебные обязанности, не был способен потворствовать вкоренившейся распущенности. Изложим его собственными словами то положение, в котором он оказался, командуя гвардейской бригадой⁶³.

«Только что вступил я в командование бригадой, как государь, императрица и матушка уехали в чужие края. Из всей семьи я с женой и сыном остались одни в России. Итак, при самом моем вступлении в службу, где мне наинужнее было иметь наставника, брата-благодетеля, оставлен я был один с пламенным усердием, но с совершенной неопытностью.

Я начал знакомиться со своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила были в нас твердо влиты. Я начал взыскивать — один, ибо, что я, по долгу совести, порочил, дозволялось везде, даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников и подчиненных против себя, тем более, что меня не знали, и многие или не понимали, или не хотели понимать.

По мере того, как начал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в других полках, я возымел мысль, что под сим, т. е. военным распутством, крылось что-то важнее, и мысль сия постоянно у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренно усердных и знающих, на добрых малых, но запущенных, и на решительно дурных, т. е. говорунов, дерзких, ленивых и совершенно вредных; но их-то, последних, гнал я без милосердия и всячески старался оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь через все полки и в обществе имели покровителей, коих сильное влияние сказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне оплачивалось».

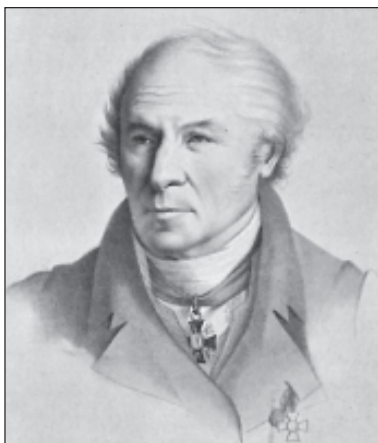
И действительно, Николай Павлович был строг и взыскателен со своими подчиненными; ни одно малейшее упущение по службе не проходило безнаказанно⁶⁴. Но это не было, как многие думают, следствием его черствого сердца, а применением строгой системы, соблюдение которой так часто доставляло ему душевные муки⁶⁵. Беспощадная строгость касалась только лиц, которые были известны великому князю исключительно с дурной стороны, и в проступках которых он видел лишь одну злую волю. Наказания же за случайные проступки очень часто влекли за собой старание великого князя загладить свою строгость особым вниманием, а в

случае несправедливого наказания и публичным извинением⁶⁶. О неоднократных таких извинениях даже в то время, когда Николай Павлович был на престоле, упоминают многие из современников.

Случаи теплого, сердечного отношения к своим подчиненным, желание прийти им на помощь составляли далеко не редкие исключения в этот период жизни великого князя. Даже в тех немногих письмах к нему императрицы Марии Федоровны, которые известны в печати⁶⁷, неоднократно проглядывает заботливость Николая Павловича о семьях подчиненных ему офицеров и о материальной им помощи. Такие поступки редко доходили, по понятным причинам, до суда публики, которой великий князь вырисовывался поэтому исключительно с отрицательной стороны. Один пустой и отчасти комичный даже случай лучше всего подтверждает сердечное отношение Николая Павловича к своим подчиненным. Летом 1825 года, когда он уже командовал дивизией, генерал-майор Головин, один из подчиненных великого князя, обратился к нему с просьбой дать из своей конюшни лошадь на парад, так как его собственная лошадь на репетиции парада выбила его из седла. «Обратиться же в теперешней моей крайности, — заканчивает генерал Головин свою оригинальную просьбу, — мне не к кому, кроме Вашего Императорского Высочества, не стыдясь открыться перед вами в моем положении»⁶⁸. Трудно согласовать суровость и жестокость великого князя с подобными обращениями к нему его подчиненных!

Более обширное поприще для самостоятельной деятельности Николаю Павловичу представляла его должность генерал-инспектора по инженерной части.

В своем вступительном приказе он прежде всего обращал внимание чинов инженерного корпуса на то, что «ревностным исполнением своих обязанностей, усердием о пользе государственной и отличным поведением всякий заслужит государевы милости, а во мне найдет усердного ходатая перед лицом Его Величества. Но, в противном случае, за малейшее упущение, которое никогда и ни в каком случае прощено не будет, взыщется по всей строгости

Мартос, известный скульптор времен Александра I и Николая I

***Возвращение сына-инвалида
на родину***
(с английской гравюры на стали)

законов». Таким образом, охранительному и карательному принципу и здесь было отведено первое место, но наравне с этим в своей самостоятельной работе великому князю удалось достигнуть отличных результатов, и «деятельность Николая Павловича как генерал-инспектора была во всех отношениях блестящая и плодотворная; она принесла великую пользу государству, вызвав к жизни русский инженерный корпус»⁶⁹ и дав ему то прочное основание, плодами которого мы и поныне можем гордиться.

В дела инженерного управления великий князь вкладывал весь избыток присущей ему энергии. Почти ежедневно он посещал подведомствен-

ные ему учреждения; чувствуя в себе недостаток познаний, он очень часто просиживал на лекциях офицерских и кондукторских классов Главного инженерного училища, изучал строительное искусство, занимался черчением и другими предметами, чтобы не быть вынужденным утверждать строительные проекты, не понимая сути их. Строго взыскивая с подчиненных за неудовлетворительные постройки, Николай Павлович не отрицал и своей виновности как лица, утверждающего проекты. А. Савельев приводит случай, когда великий князь, налагая денежное взыскание на одного инженерного офицера, у которого на постройке свалился карниз, приказал сделать вычет и из своего жалованья — как лица, виновного в утверждении проекта⁷⁰.

В этот же период жизни Николая Павловича обнаружили в нем и зачатки деятельности на пользу просвещения, которая, в известных рамках и не лишенная некоторой односторонности, красной чертой проходит через все его царствование.

По идее великого князя и под его ближайшим руководством была учреждена в 1823 году школа гвардейских подпрапорщиков, в которой будущие гвардейские офицеры обучались военным наукам. Наиболее любимым детищем Николая Павловича было Главное инженерное училище⁷¹, им созданное, организованное и поставленное на твердое и прочное основание. Не проходило суток, чтобы

великий князь не посетил своего училища и не вникал во все подробности бытовой, учебной и строевой его жизни.

В первый же год по учреждении училища Николай Павлович обратился к его воспитанникам с наставлением, в котором проглядывают все те же присущие ему правила жизни. «Кротость, согласие и беспрекословное повиновение властям, — писал великий князь, — суть отличительные признаки посвящающих себя военной службе и в особенности вступивших в Главное инженерное училище, где щедротами всеавгустейшего монарха открыты все способы к приобретению познаний, образующих инженера, предоставляя ему вместе с сим верный путь к чести и славе Отечества и собственной своей. Порядок и строгое исполнение возложенных на каждого обязанностей, будучи непреложными правилами, удобоисполняемыми во всяком возрасте и звании, доведут до добродетелей, вышеупомянутых и необходимо нужных во все время жизни»⁷².

Но одновременно с этой заботой о повиновении и нравственности великий князь проявил большую заботливость о надлежащей постановке учебного курса. Программа училищных курсов того времени дает понятие о солидной подготовке воспитанников как в отношении общего образования, так и по их специальности. В состав преподавателей и профессоров приглашались лучшие силы тогдашней русской науки⁷³.

Что касается до дисциплины, господствовавшей в училище, то она, разумеется, мало отличалась от общего направления того времени, когда не признавались мудрые советы Бецкого «за ошибки выговаривать с возможной умеренностью и, употребляя строгость, соединять ее с приятностью». Офицеры и кондукторы были окружены целой стеной предупредительных мер, совершенно стеснявших их свободу и ставивших их на положение детей. Карательные меры сводились к строгим наказаниям за маловажные проступки и иногда к наказаниям, имеющим оскорбительный для самолюбия молодых людей характер. Но таков был дух того времени, и в других учебных заведениях обращение с воспитанниками было еще более сурово.

Великий князь, по крайней мере, сумел у себя в училище некоторым образом смягчить это общее жестокое направление выбором целого ряда гуманных и просвещенных начальников. «Обращение этих лиц с молодежью, ласковое, приветливое, взыскания, производимые ими с виновных, настолько были мягки, что возбуждали общую любовь к этим начальникам»⁷⁴.

Кроме того, Николай Павлович своей заботливостью о воспитанниках, частым общением с ними, а также ласками и баловством, как своим, так и императрицы Марии Федоровны, старался возвысить их нравственный уровень, облегчить им то суровое обуче-

***Прусский король
Фридрих-Вильгельм III***

ние, которое вошло в систему Александровского времени⁷⁵. И многие из старых инженеров до самой смерти с благоговением вспоминали имя своего первого генерал-инспектора.

Скромной ролью бригадного командира и заведующего инженерной частью, имевшей в то время второстепенное значение, ограничилась вся официальная деятельность Николая Павловича до вступления его на престол. Он не был приобщен ни к каким высшим правительственным совещаниям, не был ознакомлен с делами государ-

ственными и вообще был совершенно удален от всего, что выходило за пределы его служебной деятельности⁷⁶.

«Соперничества Константина Павловича, — писал один из современников той эпохи⁷⁷, — император Александр не боялся; цесаревич не был ни любим, ни уважаем и давно уже говорил, что царствовать не хочет и не может. Александр боялся превосходства Николая и заставлял его играть жалкую и тяжелую роль пустого бригадного и дивизионного командира, начальника инженерной части, не важной в России. Вообразите, каков бы был Николай со своим благородным, твердым характером, с трудолюбием и любовью к изящному, если бы его готовили к трону хотя бы так, как приготавливали Александра».

И Николай Павлович действительно тяготился семилетним пребыванием в бездейственной должности бригадного генерала. Впрочем, признаки этого неудовольствия в нем выразились только однажды и то в частном разговоре с А. Ф. Орловым. Когда этот последний сказал великому князю, что хочет отделаться от бригады, то он, покраснев, воскликнул: «Ты Алексей Федорович Орлов, я Николай Павлович; между нами есть разница, и ежели тебе тошна бригада, то каково же мне командовать бригадой, имея под своим начальством весь инженерный корпус»⁷⁸.

Трудно предположить, чтобы Николай Павлович решился высказать императору Александру тяготившее его положение: еще с юных лет его предупреждала императрица Мария Федоровна, хорошо знавшая характер своего старшего сына, не начинать первым с ним разговор о делах⁷⁹.

В 1824 году великий князь провел продолжительное время в Пруссии. Здесь, по своей склонности ко всему военному, он посвящал много времени знакомству с прусскими войсками. Как гость и любимый зять короля, он мог в полной мере удовлетворить свою любознательность и имел более обширное поле наблюдения, чем в России, где его кругозор сковывался рамкой должности бригадного командира. Великий князь присутствовал на крепостных и обыкновенных маневрах, на смотрах, на испытании новых ружей и, наконец, был в курсе дела многих работ прусского военного министерства.

Своими впечатлениями великий князь делился в письмах с императором Александром, и эти письма, скорее похожие на донесения, интересны в смысле характеристики самого великого князя и его военных взглядов⁸⁰. В них проглядывает все та же присущая ему наблюдательность, краткость и сжатость в выражениях, отсутствие всяких отвлеченностей, здравая оценка всего виденного, и притом оценка не только в общих фразах, но с принятием во внимание всех деталей, которые никогда не ускользали от внимания великого князя. Предлагая в отчете очень осторожно свое собственное суждение, он предпочитал приводить мнение других, более компетентных лиц.

Между прочим, Николаю Павловичу пришлось присутствовать на испытании новых, заряжавшихся с казны карабинов. Давая государю очень подробный отчет об этом испытании, великий князь далеко не выказал себя таким противником усовершенствования огнестрельного оружия, каковым его привыкли считать. В этом отношении он привел только мнение специалиста о пользе нового оружия, но не для общего употребления из опасения быстрого расхода солдатами носимых патронов. Подобные возражения, как известно, имели право гражданства и семьдесят пять лет спустя.

Продолжительное пребывание великого князя в Берлине не осталось в то же время без влияния на укрепление его симпатий к прусской армии, которые затем не покидали его всю жизнь.

За этот период в своей частной жизни Николай Павлович был лишен самостоятельности в еще большей степени, чем в служебной деятельности. Императрица Мария Федоровна продолжала смотреть на него, человека уже семейного, как на несовершеннолетнего еще юношу, и держала в строгом повиновении. Эта страсть Марии Федоровны стеснять свободу своих младших сыновей доходила до того, что великий князь Николай Павлович и великая княгиня Александра Федоровна получали от нее выговоры за то, что без позволения уехали кататься из Павловска в Царское Село и заехали к императрице Елизавете Алексеевне⁸¹.

Тяжелое служебное и общественное положение Николая Павловича как бы вознаграждалось его полным семейным счастьем. В

свободное от службы и придворной жизни время он предавался радостям тихой семейной жизни в Аничковом дворце — жизни, к которой он давно уже стремился и о которой не переставал мечтать. «Если кто-нибудь спросит, — говорил он по этому поводу великой княгине, — в каком уголке мира скрывается истинное счастье, сделай одолжение, пошли его в Аничковский рай». И действительно, ничего не могло быть трогательнее, как видеть великого князя в домашнем быту. Лишь только переступал он к себе за порог, как угрюмость вдруг исчезала, уступая место не улыбкам, а громкому радостному смеху, откровенным речам и самому ласковому обхождению с окружающими⁸².

В такой скудной обстановке текла жизнь намеченного уже наследника русского престола до роковой минуты междоусарствия, которая, помимо воли великого князя Николая Павловича, возвела его на трон.

И в эти тяжелые дни междоусарствия Николай Павлович, отказываясь до последней крайности от принадлежащего ему права на престол, выказал то величие своего характера и приверженность к законности, которые неизменно отличали его с самого раннего возраста⁸³. Только 12 декабря 1825 года, окончательно убедившись в непреклонном решении цесаревича Константина Павловича не принимать великодушно предлагаемой ему короны, Николай Павлович принял бразды правления, которому он всецело отдал последние двадцать девять лет своей жизни.

Совершенно не посвященный в вопросы высшей политики и не принимавший никакого участия в государственных делах⁸⁴, совершенно не зная требований своего времени и внутреннего состояния государства, великий князь Николай Павлович вззошел на престол, будучи почти неизвестен, при общем против него предубеждении⁸⁵; лишь только многочисленные злые анекдоты о строгости великого князя, распускаемые в обществе недовольными им гвардейскими офицерами, встретили впервые шаги Николая Павловича на его новом трудном пути⁸⁶. А между тем внутреннее положение России в это время находилось в самом критическом состоянии.

Примечания

¹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903 г.

² Корф М. А., барон. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Сборник Императорского российского исторического общества (ИРИО). Т. ХСVIII.

³ Сборник ИРИО. Т. ХСVIII.

⁴ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. V.

⁵ Н. К. Шильдер в своем труде «Император Николай» приводит следу-

ющий разговор великого князя Николая Павловича с императором Павлом 11 марта 1801 года, показывающий, что молодой великий князь находился в том периоде развития, которое позволяет предполагать в нем сознательное воспоминание о своем отце. В этот вечер он обратился к императору Павлу со странным вопросом, почему его называют Павлом Первым.

— Потому что не было другого государя, который носил бы это имя до меня,— отвечал ему император.

— Тогда,— ответил великий князь,— меня будут называть Николаем Первым.

⁶ Заметка, написанная великой княгиней Анной Павловной.

⁷ Рукописный дневник барона Корфа. Собственная Его Величества библиотека.

⁸ Корсаков. Детство и отрочество Великого князя Николая Павловича. Русский архив, 1896 г., Кн. 2.

⁹ Monseigneur le Grand-Duc Nicolas, значит, например, в донесении об успехах вел. кн. Николая Павловича за 1 февраля 1806 года, après avoir assez bien appris le russe et l'arithmétique, a été très distrait et inattentif à la leçon du français, de sorte que son maître, se servant de la permission du général, a été obligé de poser la baguette sur la table pour réveiller l'attention de monseigneur; aussi en a-t-il été puni par la privation de tous les jeux et par une retraite absolue dans ses appartements... И такими мерами наполнена большая часть донесений.

¹⁰ Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование.

¹¹ Н. К. Шильдер в оставшихся после его смерти рукописных материалах таким образом описывает отношения императора Николая Павловича к своему бывшему воспитателю, генералу, впоследствии графу, Ламздорфу: «Император Николай, памятный к добру, не забыл старика, хотя в свое время столько претерпевал от него гонений. В день своей коронации он прислал графу в деревню с особым фельдгегерем свой портрет. Когда же в марте 1828 года граф Ламздорф умер, находясь в Петербурге, и его сын явился с докладом государю о желании отца быть погребенным безо всяких военных почестей и при участии одних родных, то Николай Павлович отвечал: «Надеюсь, что вы меня не исключите из числа родных», и почтил своим присутствием погребальный обряд в Анненской лютеранской церкви».

¹² Письмо великого князя генералу Ламздорфу от 5 июля 1808 года.

¹³ «Le plaisir que j'ai de vous écrire une lettre est diminué par les reproches de ma conscience. Hier et avant-hier mes leçons n'ont pas été faites bonnes... J'ose vous prier, mon général, de vouloir bien me pardonner en vous promettant de tâcher de ne plus y retomber».

¹⁴ Письмо от 19 июля 1809 года.

¹⁵ «J'ose m'applaudir, que par les lettres de ma chère maman et de m-r Achard votre excellence a dû être assez contente de mes attestats, du moins j'ai fait tout mon possible pour en mériter de bons».

¹⁶ Донесение от 27 февраля 1806 года.

¹⁷ «A la leçon russe, voyant, que ces distractions me faisaient de la peine, il en fut tellement touché, qu'il se jeta à mon cou, fondant en larmes et sans pouvoir proférer une parole».

¹⁸ Донесение от 2 марта 1806 года.

¹⁹ «La conduite de son altesse impériale monseigneur le grand-duc Nicolas a été bonne. Il a été en général moins bruyant qu'à l'ordinaire, et la raison en fut probablement l'idée qu'il devait se confesser. Il est resté longtemps avec son aumônier, qu'il a quitté extrêmement touché et pleurant».

²⁰ Один из кавалеров великого князя, Арсеньев, в 1809 году как-то, во время своих продолжительных наставлений Николаю Павловичу, получил от него в ответ: «Вам это не нравится, а я привык так делать». На другой день, когда прошел первый порыв вспыльчивости, великий князь просил у Арсеньева извинения, но отнюдь не из страха наказания, а из чувства сожаления, что он огорчил воспитателя, который был ему так предан. Сборник Императорского русского исторического общества, Т. ХСVIII. С. 72.

²¹ Корсаков. Детство и отрочество Николая Павловича//Русский архив. 1896. Кн. 2. Шильдер Н. К. Жизнь императора Николая I.

²² Лакруа П. История жизни и царствования императора Николая. Вып. I. С. 22.

²³ Шильдер Н. К. Император Николай I.

²⁴ Письмо императрицы Марии Федоровны генералу Ламздорфу от 5 июня 1806 года.

²⁵ «Les frands-ducs ne doivent pas même se permettre de faire sur le sujet, que l'on traite avec eux, des questions oiseuses, qui ne mènent pas directement à une explication nécessaire pour leur instruction de l'objet même, dont on leur parle».

²⁶ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 16.

²⁷ Т. е. великих князей Николая и Михаила Павловичей.

²⁸ Корф М. А., барон. Материалы и черты к биографии императора Николая I. Рукопись. Собственная Его Величества библиотека.

²⁹ Там же.

³⁰ Со слов князя Тенишева//Русский архив. 1878. Кн 3. С 520.

³¹ Дневник В. А. Муханова за 1855 год//Русский архив. 1897. Кн I. С 88—90.

³² В письме к королю Бельгийскому Леопольду.

³³ Письмо к императрице Марии Федоровне от 5 января 1813 года.

³⁴ Лакруа П. Т. I. С. 19 и 20.

³⁵ Корф М. А, барон. К биографии императора Николая Павловича. Рукопись. Собственная Его Величества библиотека.

³⁶ Шильдер Н. К. Император Николай I.

³⁷ См. выше.

³⁸ «Dans la leçon d'art militaire j'ai lu dans Rocheaymon les différents cas où il est permis de livrer bataille», — писал великий князь императрице Марии Федоровне 5 января 1813 года.

³⁹ Шильдер Н. К. Великий князь Николай Павлович с 1814 по 1822 гг. // Русская старина. 1901. № 6.

⁴⁰ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁴¹ Савельев Ал. Первые годы Главного инженерного училища.

⁴² «Vous voudrez décider le plan de leur voyage, cher Alexandre, et fixer le temps de leur retour, pourvu que le bon Lamsdorff soit avec eux, mon âme

est tranquille et le général Konownitzin que vous leur avez donné, leur sera de même bien utile pour les connaissances militaires qu'ils doivent acquérir dans ce voyage, pour lequel les conseils du digne m-r de Laharpe leur seront de même bien utiles» (Из письма императрицы Марии Федоровны к императору Александру I от 26 апреля 1814 года).

⁴³ Письмо ген.-ад. Коновницына помещено в приложении № 1.

⁴⁴ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Выписка помещается в приложении № 2.

⁴⁸ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁴⁹ Письмо к Г. А. Глинке//Русская старина. 1876. Т. XVII. С. 219.

⁵⁰ Письмо к императрице Марии Федоровне из Эдинбурга от 9 декабря 1816 года.

⁵¹ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁵² *Denkwürdigkeiten aus den Papieren des Freiherrn Christian Friearlich von Stockmar. Braunschweig, 1872.*

⁵³ Для характеристики взглядов Николая Павловича на семейные отношения приведем следующий рассказ В. А. Абазы//Русский архив. 1887. Кн. 5:

В 1814 году он осматривал Цюрихское поле сражения и узнал, что супруга Наполеона I, императрица Мария-Луиза, проезжала в тот день через Цюрих, направляясь в Акер. Сопутствующие великому князю ожидали, что он поторопится увидеться с нею, но ошиблись. Восемнадцатилетний Николай Павлович ответил: «Гораздо приятнее было бы знать, что она, исполняя долг жены, отправляется, наконец, к мужу на остров Эльбу», и продолжал свою печальную прогулку.

⁵⁴ В этом году великий князь во время своего пребывания в Париже познакомился с герцогом Орлеанским, отрадная картина семейного счастья которого глубоко запала ему в душу.

— Какое громадное счастье жить так, семьею! — сказал великий князь герцогу.

— Это единственное истинное и прочное счастье, — отвечал герцог Орлеанский убежденным тоном (Lacroix, t. I, p. 73).

⁵⁵ Детство и отрочество великого князя Николая Павловича//Русский архив. 1896. Кн. 2.

⁵⁶ «Твердость его напоминала мужей древности, украшавшихся сим качеством», — записал В. А. Муханов в свой дневник 21 февраля 1855 года//Русский архив. 1897. Кн. 2.

⁵⁷ Русский архив. 1897. Кн. 1. С. 88—90.

⁵⁸ Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. 5. С. 70.

⁵⁹ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁶⁰ Почти то же самое говорят в своих записках прусский генерал Нацмер и наш известный партизан Давыдов. Могущественная сила привычек мирного времени особенно видна из приведенного отрывка записки Паскевича. Как удивился бы он, если бы в 1815 году ему кто-либо предсказал, что через 25—30 лет он, фельдмаршал русской армии, будет повторять с гренадерскими носками эксперименты Барк-лая-де-Толли.

⁶¹ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁶² Из собственноручных записок императора Николая о событиях 14 декабря 1825 года.

⁶³ Из собственноручных записок императора Николая о событиях 14 декабря 1825 года. В этой выдержке мы помещаем только те места, которые относятся к интересующему нас вопросу.

⁶⁴ В приложении № 3 мы помещаем несколько приказов великого князя по бригаде и дивизии как образчик его взысканий.

⁶⁵ Савельев А. Первые годы Главного инженерного училища. Из рассказов современника, впоследствии инженер-генерала А. З. Теляковского.

⁶⁶ Савельев А. Первые годы Главного инженерного училища//Русская старина. 1875. Т. XII и XIII. «Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны» Дарагана. В приложении № 3 мы помещаем несколько приказов великого князя по бригаде и дивизии как образчик его взысканий.

⁶⁷ Шильдер Н. К. Император Николай I//Русская старина. 1903.

⁶⁸ Это курьезное письмо помещается в приложении № 4.

⁶⁹ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁷⁰ Савельев А. Первые годы Главного инженерного училища.

⁷¹ Ныне Николаевская инженерная академия и училище.

⁷² Приказ от 25 марта 1820 года.

⁷³ Так, в 1823 году среди преподавателей училища мы встречаем имена Арсеньева и Талызина, известных ученых и профессоров университета.

⁷⁴ Савельев А. Первые годы Главного инженерного училища.

⁷⁵ Подробности об обращении Николая Павловича с воспитанниками читатели найдут в вышепоименованном труде А. Савельева.

⁷⁶ В рукописном журнале Михайловского-Данилевского за 1819 год имеется указание, что с этого года великий князь Николай Павлович начал присутствовать в кабинете императора Александра при всех докладах военных и гражданских, но это свидетельство не подтверждается никакими другими источниками.

⁷⁷ Записки Греча Н. И. (рукопись).

⁷⁸ Рукописный дневник князя А. С. Меншикова за 15 ноября 1823 года.

⁷⁹ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁸⁰ Два из этих писем мы помещаем в приложении № 5.

⁸¹ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁸² Там же.

⁸³ Н. К. Шильдер в своем труде «Император Николай I» очень подробно останавливается на выяснении вопроса о том, было ли известно Николаю Павловичу существование актов, узаконивавших его вступление на престол, и оставляет этот вопрос открытым. В этом отношении интересно заметить, что в придворном Берлинском календаре за 1824 год Николай Павлович назван наследником Русского престола, а с Берлинским двором у него были самые близкие и сердечные родственные связи.

⁸⁴ Записки графини А. Д. Блудовой//Русский архив. 1893. Кн. 1. С. 91.

⁸⁵ Из записок барона Корфа//Русская старина. Июнь 1900.

⁸⁶ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. VI.

Глава II

Император Николай I до 1831 года включительно

Особые условия, при которых протекло двадцатипятилетнее царствование императора Александра Благословенного, легли тяжелым бременем на внутреннее состояние государства.

Беспрерывные войны в течение первых пятнадцати лет царствования Александра I потребовали громадных жертв, которые, впрочем, окупились торжеством России и высоким положением, занятым ею в сонме европейских государств. Последние десять лет давали, казалось, полную возможность положить прочную основу внутреннего благосостояния государства, но этого не случилось. Император Александр перестал быть исключительно русским царем, а сделался монархом всей Европы.

Трудно себе представить, чтобы внутренняя жизнь страны могла испытать на себе в течение только четверти столетия и в продолжение царствования одного и того же государя применения столь разнообразных программ, начиная с либеральных увлечений первых годов правления и кончая суровой реакцией аракчеевского застоя. Такое непостоянство в направлении государственной деятельности являлось особенно опасным потому, что оно началось с полной распушенности после сурового гнета царствования Павла Петровича и постепенно перешло к еще более суровому гнету, но основанному не на болезненности и вспыльчивости желавшего добра государя, а на узкости взгляда и умственной посредственности всевластного Аракчеева¹.

Все современники рисуют состояние государства и умственное брожение русского общества в последние годы царствования императора Александра в самых мрачных красках.

П. Г. Дивов в своем дневнике указывает на полное расстройство внутреннего управления, на накопление во всех отраслях администрации такой массы горячего материала, которая могла ежеминутно воспламениться. В делах государственных не было определенного плана, все делалось в виде опыта, на пробу, все блуждали впотьмах. «Разрушено все, что было хорошего и прекрасного, и заменено пагубными новшествами, которые зачастую оказываются чересчур сложными и совершенно неудобополными»².

Материальное благосостояние государства находилось в самом критическом положении. Народонаселение и торговля не оправились от ударов, нанесенных им Отечественной войной; измени-

Граф В. П. Кочубей
(с гравюры Т. Райта, по портрету
Брюллова)

вая торговая политика последующих годов не только не содействовала восстановлению благосостояния, но, напротив, благодаря разрешению в 1819 году всеобщего ввоза иностранных товаров произошло банкротство многих купцов и фабрикантов и неразрывное с ними лишение народонаселения работы. Тарифом 1823 года старались исправить сделанную ошибку, но причиненный вред был вознаградим.

Разорение откупщиков и передача торговли вином в руки казны были новым злом, подорвавшим состояние страны. Оно повлекло за собой увеличение числа питейных домов с разными приманками

для простого народа, возвышение цены на вино, установление стеснительных правил для виноторговцев. Все это имело единственной целью увеличение доходов казны, но цели этой не достигло. «Первые годы точно принесли прибыль, — пишет по этому поводу один из современников³, — но вскоре оказалось, что она была временная, ибо в последние годы уже не добираются многие миллионы». По словам декабриста Штенгеля, эта мера имела еще и другой, чисто нравственный недостаток. Она послужила соблазном для чиновников, среди которых стремление к наживе стало выше понятий о чести, и те, «кои при начале за унижение считали надзирать за питейными домами, увидя, что на сих людей обращается внимание министра и вместе с обогащением даются чины и кресты, стали искателями сего рода службы»⁴.

Одновременно с этим налоги на предметы первой необходимости были чрезмерно велики, недоимки же с разоренного населения взыскивались с неимоверной строгостью. Помещики, не внесшие недоимок, брались в опеку, а у казенных крестьян продавался последний скот и даже дома. Если прибавить сюда многолетние неурожаи в одной части империи и полное отсутствие сбыта хлеба в Приволжских губерниях, а также постоянные и безрассудные сборы крестьян в рабочую пору для сооружения дорог, проводимых безо всякого плана, то картина хозяйства страны ко времени вступления на престол императора Николая Павловича представится во всей своей грустной действительности. «Внутрен-

нее положение государства в отношении богатства есть довольно страдательное, — доносила императору Николаю Павловичу комиссия графа Кочубея, графа Толстого и князя Голицына уже в 1828 году⁵. — Государство не имело еще времени поправиться после Отечественной войны, потому ли, что не были приняты меры исправления, или — что меры сии были недостаточны. Произведения наши изобилуют почти везде, но нет оным сбыту, и цены на все удерживаются самые низкие; обороты денежные почти ничтожны, и министр финансов в комиссии неоднократно отзывался, что он ожидает, и сие вероятно, больших в сборе податей недоимок».

Крепостное состояние процветало во всей своей силе, без всякого стеснения прав помещиков над крестьянами. Среди чиновников замечался полный упадок чувства нравственного долга и любви к родине; единственным двигателем их деятельности была любовь к стяжанию. Что касается до высшего слоя общества, то либеральные начала первых годов царствования императора Александра I и заграничные походы в революционную Францию и во взволнованную новыми веяниями Германию не остались на него без влияния. Живое сближение с Европой, в лице образованного слоя нашей армии, дало, по словам Аксакова⁶, победу над русскими умами обаятельным формам европейской гражданственности, и русское общество, расколовшись, как море, от разразившейся над Россией великой исторической бури, представляло зрелище необычайного умственного брожения. Под влиянием иностранных образцов это брожение вызывало к жизни то тугендбунды, то иные союзы; во всяком случае оно заставляло более чувствительно относиться к неурядицам, господствовавшим в стране, и изыскивать средства к улучшению положения. Однако почва была мало подготовлена, и русская интеллигенция одинаково увлекалась английской конституцией, швейцарской и американской республиками и немецким иллюминизмом, без всякого соображения, насколько это применимо к исторически сложившимся особенностям русской жизни⁷.

Внутреннее состояние государства к концу царствования императора Александра I лучше всего видно из заключительных слов записки А. Д. Боровкова, составленной им из мнений декабристов по этому вопросу⁸. Говоря о затруднительном положении вновь воцарившегося государя, Боровков в следующих словах указывает на нужды государства: «Надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства, подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвещение юношества сообразно каждому состоя-

Император Николай I
(с гравюры Т. Райта)

нию, улучшить положение земледельцев, уничтожить унижительную продажу людей, воскресить флот, поощрить частных людей к мореплаванию, словом — исправить неисчислимые беспорядки и злоупотребления»⁹.

Признаки распространявшегося среди интеллигентной части общества недовольства «страдательным» положением страны были заметны, по словам декабриста Штенгеля¹⁰, уже в 1809 году, но с особенной быстротой оно начало распространяться в реакционный период царствования им-

ператора Александра, к концу которого успело развиться в огромный заговор, имевший целью ниспровержение существовавшего государственного устройства.

Безотрадность внутреннего положения России чувствовалась и в высших сферах. Еще в 1815 году юная великая княжна Анна Павловна упоминала в своей переписке, что внутренние дела идут плохо, и что каждый день приносит в этом отношении новые подробности. Она сознавалась в существовании причин к недовольствию¹¹, и действительно, число недовольных росло с каждым днем. Кошелев вспоминает в своих записках¹² о либеральных толках, которыми были полны гостиные 1818—1822 годов, и о всеобщих жалобах на слабость императора Александра I в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву. Неудовольствие, по его словам, было сильное и всеобщее. «И старики, и люди зрелого возраста, и в особенности молодежь, словом, чуть-чуть не все, беспрестанно и без умолка осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно ее желали и на нее полагали все надежды».

Правительство знало о существовании большого числа недовольных, но боролось с ними только при помощи полиции и шпионов. И в том и в другом недостатка не было, но они по преимуществу сражались, по выражению Н. К. Шильдера¹³, «с ветряными мельницами, между тем как в тайных обществах спокойно обсуждался вопрос о цареубийстве».

Благодаря всему этому, по свидетельству Батенкова¹⁴, «тяжесть двух последних годов царствования Александра I превосходила все, что мы когда-либо воображали о железном веке. Все подведе-

ны уже были под один уровень невозмутимого бессилия, и все зависело от многочисленных тайных полиций».

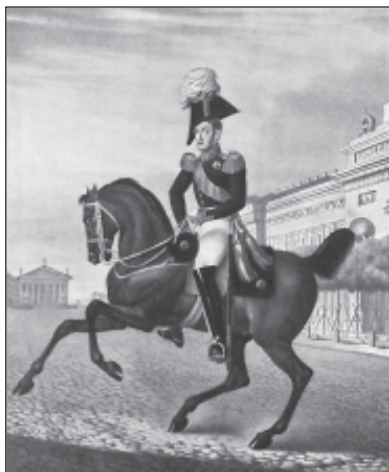
Все это в значительной степени оставалось сокрытым от великого князя Николая Павловича, который, по его собственным словам, только смутно замечал вокруг себя что-то ненормальное и лишь догадывался о существовании какой-то противоправительственной организации.

Истинное положение дел предстало перед государем во всей своей неприглядной наготе только в ужасные декабрьские дни 1825 года.

Лишь с минуты получения в Петербурге известия о кончине императора Александра I общество обратило внимание на мало знакомого ему до тех пор великого князя Николая Павловича, которому суждено было занять первое место в разыгравшейся драме и который через несколько дней предстал перед глазами удивленной Европы во всем величии своей духовной красоты.

В дни междоусобицы и исключительной по обстановке борьбы из-за отказа вел. кн. Константина от трона Николай Павлович выказал редкую приверженность к законности, к освященным историей правам старшинства, замечательное отсутствие честолюбия и желание отклонить от себя тяжелый жребий царствования.

Во всем этом не было никакой рисовки своим положением: поступки Николая Павловича исходили исключительно из свойства его характера. «Никакого тут подвига нет, — ответил он членом Государственного Совета, удивлявшимся его великодушному отказу от своих прав на престол, — в моем поступке нет другого побуждения, как только исполнить священный долг мой пред старшим братом. Никакая сила земная не может переменить мыслей моих по сему предмету и в этом деле»¹⁵. И вся последующая жизнь Николая Павловича является лучшим подтверждением сказанного им. Несколько дней спустя, в разговоре с глазу на глаз с молодым офицером Ростовцевым, великий князь имел случай еще раз выяснить истинный смысл своего поведения во время междоусобицы. На мольбу Ростовцева упрощить Константина Павловича принять во избежание могущего быть возмущения корону он откровенно ответил ему, что ни убеждения императрицы-матери, ни мольбы великого князя не могли склонить цесаревича принять корону, от которой он решительно отрекся. «Мой друг, — закончил великий князь свой разговор, — можешь ли ты сомневаться, чтобы я любил Россию менее себя? Но престол пуст, брат мой отрекается, я единственный законный наследник, Россия без царя быть не может. Что же велит мне делать Россия?»¹⁶

Николай I

(с литографии Гернера, 1826 г.)

Эта-то любовь к России и законности заставила Николая Павловича 12 декабря прекратить переговоры с цесаревичем и принять императорский скипетр. И случайно в этот же день Николай Павлович получил с разных концов первые известия о громадном заговоре, имевшем целью низвержение существующего порядка и распространившемся по всей империи. «Тогда только почувствовал я, — пишет Николай Павлович в своей записке о декабрьском бунте¹⁷, — в полной мере всю тяжесть своей участи и с ужасом вспомнил, в каком находился положении. Должно было действовать, не

теряя ни минуты, с полной властью, с опытностью, с решимостью: я не имел ни власти, ни права, на случай мог только действовать через другого, из одного доверия ко мне обращающегося, без уверенности, что совету моему последуют, и притом чувствовал, что тайну подобной важности должно было наитщательнейше скрывать от всех, даже от матушки, дабы ее не испугать или преждевременно заговорщикам не открывать, что замыслы их уже не скрыты от правительства. К кому мне было обратиться — одному, совершенно одному, без совета!»

В роковой день 14 декабря император Николай Павлович подтвердил всеми своими поступками справедливость сказанной им в тот день утром фразы: «Если я хоть час буду императором, то покажу, что этого достоин»¹⁸.

По свидетельству всех современников, он выказал то присутствие духа, личную отвагу и распорядительность, которые во многом содействовали успешному и быстрому усмирению бунта и покорили ему сердца народных масс¹⁹. К сожалению, бунт принял такие размеры, что прекратить его без кровопролития являлось невозможным. Трагическую минуту сознания этой необходимости государь описывает в своей записке таким образом: «Генерал-адъютант Васильчиков, обратившись ко мне, сказал: «Sire, il n'y a pas un moment à perdre, on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille». — Я предчувствовал сию необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру, и меня ужас обьял. «Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le

premier jour de mon règne», — отвечал я Васильчикову. «Pour sauver votre empire», — сказал он мне. Эти слова меня снова привели в себя; опомнившись, я видел, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти наверно все, или, пощадив себя, жертвовать решительно государством»²⁰.

Картечные выстрелы прекратили бунт 14 декабря, но зато взятый государем «на Исаакиевской площади первый урок на царство»²¹ лег тяжелым, неизгладимым отпечатком на всю его жизнь. «Никто не в состоянии понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать во всю жизнь при воспоминании об этом дне», — признавался Николай Павлович французскому послу графу Лаферронэ вскоре после своего воцарения²².

Кончился декабрьский бунт, но начались неисчислимые для России последствия его.

Если сам день 14 декабря должен был произвести на молодого государя тяжелое впечатление, то начавшееся над декабристами следствие открыло перед ним полную ужасов картину, которая глубоко запала в его душу.

Огромный заговор имел целью истребление всей царской фамилии и, стремясь к установлению в России нового порядка вещей, не сообразованных ни с ее положением, ни с ее историческим развитием, вел ее к гибели; он оскорблял Николая Павловича в его лучших чувствах памяти к «незабвенному ангелу», как он всегда называл императора Александра I, в чувствах семьянина и человека, горячо любящего свою родину. Но в то же время заговор открывал перед молодым государем и неприглядную картину внутреннего состояния России.

День 14 декабря, по мнению Н. К. Шильдера²³, окончательно закалил характер императора Николая. По мнению Бисмарка, император Николай руководствовался после этого в своих действиях убеждением, что, по воле Божьей, он призван быть вождем защиты монархизма против надвигавшейся с запада революции. Сам государь в следующих выражениях характеризует впечатление всего происходившего с ним²⁴. «Я твердо убежден в Божественном покровительстве, которое проявляется на мне слишком ощутительным образом, чтобы не замечать его на всем, что случается со мной, — и вот моя сила, мое утешение и мой всегдашний руководитель»²⁵.

В своих отношениях к участникам заговора молодой государь строго отделял то большинство, которое было вовлечено в него по неведению, от меньшинства зачинщиков и активных деятелей. Если к первым он относился со всем присущим ему милосердием, то последних считал достойными примерного наказания. «Страшно сказать, — писал он цесаревичу Константину Павловичу²⁶, — но необходим внушительный пример, и так как в данном

*Николай I с семейством на катере
(с русской литографии)*

случае речь идет об убийцах, то их участь не может быть достаточно сурова».

Такой строгий приговор не был вызван жестокосердием или мстительностью государя, а прочно установившейся системой, состоявшей в том, что лучше наказать одного виновного, но зато спасти массу невинных, а также всегдашним подчинением у Николая Павловича в делах государственных чувства человека обязанностям правителя. «Право миловать и щадить, — писал он в манифесте от 1 января 1826 года, — признавая драгоценнейшим преимуществом данной нам от Бога самодержавной власти, мы с восшествием нашим на престол положили в сердце своем хранить сие право во всей полноте его, как залог, вверенный нам от Бога, употребляя его всегда сообразно благу общему и не в ослабление правосудия, на коем утверждаются престолы и зиждется благосостояние царств земных».

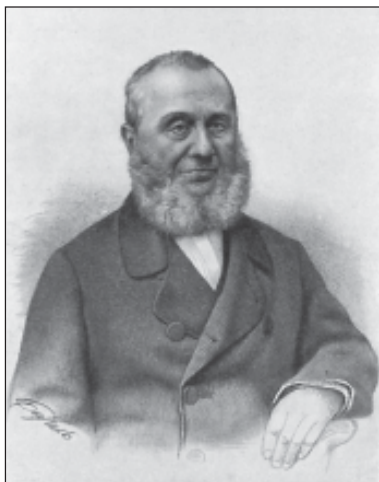
По словам одного английского дипломата, строгость императора Николая «была скорее вызвана необходимостью, нежели собственным желанием; она возникла из убеждения, что Россией необ-

ходимо управлять твердой и сильной рукой, а не от врожденного чувства жестокосердия или желания угнетать своих подданных»²⁷.

Другой иностранный писатель²⁸ находил, что «все личные качества Николая Павловича наложили на него печать властелина, сильного и могучего самодержца народа, для управления которым нужна твердая рука. Он наказывал строго, и скипетр его казался железным, но он не был жестоким. Отдельные, сделавшиеся известными случаи свидетельствуют о возвышенности и даже нежности его сердца; но прежде всего он в каждом деле был государем, и частный человек уступал место царю»²⁹.

Таким Николай Павлович остался до конца своей жизни. Выражая в 1853 году императору Францу-Иосифу радость по случаю неудавшегося против него покушения, государь предостерегал его³⁰ от излишнего милосердия, которое потворствует подобным попыткам. «Есть такого рода негодяи, — продолжал он, — которые не понимают великодушия и, принимая его за слабость, пользуются им в своих гнусных расчетах»³¹.

Декабрьские события болезненно отозвались на императоре Николае еще в двух отношениях. Он стал очень осторожно и недоверчиво относиться к окружающим, в особенности если он подозревал их в критике своих действий или вообще в либеральном образе мыслей. Такая осторожность шла совершенно вразрез с врожденной доверчивостью Николая Павловича, с постоянством его чувств и любовью к правде и откровенности. Только этим обстоятельством и можно объяснить ту двойственность, которая отличала все сношения государя с его приближенными. Если сравнить между собой показания современников, то они наглядно подтвердят эту двойственность: половина из современников утверждает, что император Николай любил и требовал, чтобы ему говорили правду, другая же половина с одинаковой силой убеждения доказывает противное. «Это несчастье, что все боятся говорить мне правду, и никто о том не думает, насколько облегчили бы мне тяжесть царствования, если бы говорили всегда правду», — жаловался Николай Павлович М. А. Паткуль³². «Ты знаешь, — заметил государь однажды графу Киселеву, — как я терпелив в разговоре наедине и выслушиваю всякий спор, принимаю всякое возражение. Тут я, пожалуй, позволю сказать себе и дурака, хотя могу этому и не поверить. Но, чтобы назвали меня дураком публично, этого, конечно, никогда не допущу»³³. «Прошу генерал-адъютанта Муравьева не вмешиваться в то, что до него не касается», — написал он же на одном месте записки Муравьева в 1834 году о состоянии нашей армии³⁴. Следует, впрочем, заметить, что вся записка была прочтена государем с полным вниманием, что можно заключить по собственноручным его отметкам на полях, с изложением своего о ней мнения.

Князь П. П. Гагарин
(с литографии А. Мюнстера,
по фотографии Денъера)

Такая двойственность объясняется как чрезвычайно самолюбивым характером императора Николая Павловича и усвоенной им с детства наружной резкостью обращения, так и вкоренившейся в нем с декабрьского бунта недоверчивостью к людям. Любимая фраза императора Николая: «Я с трудом даю свою доверенность, но, давши раз, не изменяю ее», является лучшим объяснением его характера в этом отношении. Впечатление обширного, тайно созревшего заговора побуждало в нем врожденное чистосердечие и свойственную его рыцарскому характеру любовь к правде. Он очень долго присматривался к людям, в

особенности отличавшимся самостоятельным характером, и в каждом их суждении более охотно видел желание критиковать, «умничать», как он часто говорил, и вообще желание выказать свое недовольство. Слово правды со стороны таких людей принималось далеко не снисходительно. Но зато стоило только государю уверовать в отсутствие злонамеренной критики и в искреннюю преданность долгу службы — и обстановка менялась: самая горькая истина была доступна сердцу императора Николая Павловича и принималась им с благодарностью³⁵.

Эта вполне естественная подозрительность государя имела своим последствием две печальные особенности, отличившие его царствование. Его безграничным доверием очень часто пользовались не люди, действительно ему преданные и радевшие о пользе государя, а лица, более заботившиеся о том, чтобы суметь приобрести его доверие и сохранить расположение к себе, скрывая от него все дурное³⁶. Большинство из них не чувствовало даже особой привязанности к облагодетельствовавшему их Николаю Павловичу. «Этот человек, — замечает по этому поводу у себя в дневнике князь П. П. Гагарин³⁷, — не любим даже теми сердцами, которым он сделал добро»³⁸.

Многие из лиц, обладавших выдающимися способностями и отличавшихся искренней преданностью к государю, не пользовались его доверием и стояли в стороне от дел³⁹. Со своей стороны, император Николай Павлович очень часто старался по мере воз-

возможности сблизиться с такими лицами и охотно дарил их своим доверием, убедившись в отсутствии враждебности к себе⁴⁰, но не всегда это удавалось⁴¹. «Что мне остается желать, — восклицает по этому поводу Муравьев⁴², — как не совершенного удаления от сего круга злобы, козней и личной вражды, через который только доступен государь, единый из них с правилами прямоты и чести?»

Отчасти благодаря этой особенности государя в его царствование во главе управления стояли люди, не всегда по своим качествам соответствовавшие тому высокому положению, которое они занимали; это особенно было заметно в конце его тридцатилетнего правления, когда люди прежних царствований сошли со сцены. По отзывам всех современников, император Николай Павлович был действительно несчастлив в выборе людей⁴³. Разочароваться в своем выборе государю пришлось, к сожалению, очень поздно, в тяжелую годину Крымской войны. «Заставляет дрожать мысль о том, — пишет один из современников этой эпохи⁴⁴, — на какой высоте мы были и как мы охотно и по собственной воле спустились так низко, и все это потому, что люди, которые должны были говорить истину императору, скрывали ее от него⁴⁵, потому что наши посланники, в видах своих личных интересов, предпочитали сглаживать то, что они должны были говорить, и что остальные поступали так же, как и они»⁴⁶.

Нельзя не отметить здесь того факта, что развитию в императоре Николае подозрительности много содействовал и цесаревич Константин Павлович, мнения которого в первые годы царствования высоко ценились молодым государем. В своих письмах во время следствия по декабрьскому бунту цесаревич останавливается на поразившем его ум обстоятельстве, что «список арестованных включает в себе лишь фамилии лиц, до того неизвестных, до того незначительных самих по себе и по тому влиянию, которое они могли оказывать, что я смотрю на них только, как на передовых охотников или застрельщиков шайки, дельцы которой остались сокрытыми на время»⁴⁷. Поэтому цесаревич предлагал разыскивать подстрекателей и руководителей и не делать никаких остановок, пока не будет найдена исходная точка всех происков.

«Я держусь правила обрушиваться лишь на тех, которые разоблачены», — отвечал молодой государь своему старшему брату⁴⁸, но настойчивые предостережения Константина Павловича в конце концов содействовали утверждению в императоре Николае недоверия и подозрительной возбужденности. «Я желаю, — писал он цесаревичу через месяц⁴⁹, — и если Богу будет угодно, я дойду до дна озера, будь, что будет»⁵⁰.

Но печальные события, сопровождавшие воцарение Николая Павловича, вызвали, сверх того, еще другое явление, а именно то нерасположение государя ко всякому либеральному движению, ко-

торое постоянно замечалось в распоряжениях императора Николая. «Одаренный сильной волей и обширным государственным умом, — пишет по этому поводу граф Д. А. Толстой, — он твердой рукой повел Россию к предположенной им цели, стремясь неуклонно по пути, самым им избранному, а так как характер этого великого государя был вполне национальным, то и вышло, что Россия не только безропотно, но даже охотно за ним следовала»⁵¹.

Роковые события 1825 года не остались без влияния и на жизнь русского общества последующего тридцатилетия. Наступила естественная реакция, и на сцене появились консервативные силы общества. Замечательно при этом, что реакция и застой не столько обнаруживались в мерах правительства, сколько в настроении самого общества, которое в подавляющем большинстве цепко держалось существующего, ценило только силу и успех и недружелюбно относилось ко всей западной культуре⁵². По словам одного из писателей⁵³, в русском обществе того времени нигде не замечалось умственного движения, критической мысли, потребности в высшем образовании, не связанном с привилегиями по службе, а тем более сознания необходимости серьезных улучшений общественных условий. Вся оппозиция носила мелкий характер личных пререканий губернских предводителей с губернаторами или состояла в нападках на полицию, решавшуюся требовать с помещиков недоимки или допускаящую поблажки ослушным крепостным. Даже в зажиточных усадьбах редко можно было встретить газету, а чтение книг было вообще не в почете. По словам Н. А. Энгельгардта⁵⁴, декабристы погубили себя, надолго затормозили дело освобождения крестьян, приготвили торжество бюрократии и своей бестактностью обессилили власть монарха.

Нравственное состояние императора Николая по вступлении его на престол лучше всего выражается его собственными словами: «Я предчувствую свои обязанности, скоро узнаю их и сумею их исполнить, — говорил он французскому послу графу Лаферронэ⁵⁵. — В 29 лет в обстоятельствах, в каких мы находимся, позволительно страшиться задачи, которая, казалось мне, никогда не должна была выпасть мне на долю и к которой, следовательно, я не готовился. Я никогда не молил Бога ни о чем так усердно, как чтобы Он не подвергал меня этому испытанию. Его воля решила иначе; я постараюсь стать на высоте долга, который Он на меня возлагает. Я начинаю царствование под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить».

«Никто не ощущает большей потребности, чем я, быть сданным со снисходительностью, — писал государь цесаревичу⁵⁶. — Но пусть же те, которые судят меня, примут во внимание, каким

необычайным образом я вознесся с поста недавно назначенного начальника дивизии на пост, который занимаю в настоящее время, кому я наследовал и при каких обстоятельствах».

В таком положении молодому государю было естественно искать опоры в ком-либо из ближайших слуг императора Александра или в старших членах своей семьи. Но Александр Павлович оставил в наследство своему брату только графа Аракчеева, личность которого с самых первых дней воцарения императора Николая представилась молодому монарху в полном блеске своей непривлекательности⁵⁷, и, разумеется, не в нем он мог искать опоры своему правлению.

Несколько в другом положении государь находился относительно своей семьи. Цесаревич Константин Павлович был не прочь преподать своему державному брату ряд советов, которые, ввиду сыновней к старшему брату почтительности со стороны императора Николая и чувства долга, как к передавшему ему престол⁵⁸, должны были, в особенности первоначально, оказывать большое влияние на Николая Павловича.

В своем письме еще во время междуцарствия⁵⁹ цесаревич, отказываясь окончательно от престола, давал наставления своему младшему брату «ничего не менять из того, что было сделано нашим дорогим, прекрасным и обожаемым усопшим, как в важнейших, так и в малых делах... Ничего не меняйте в установившейся политике Нессельроде, который, зная просвещенные намерения императора, ознакомит вас с тем, чего он желал, и с тем, что вознесло нашу страну на верх славы. Ничего не нужно выдумывать, но, действуя в духе нашего покойного императора, поддерживать и укреплять то, что было сделано им и что стоило ему стольких трудов и, быть может, даже свело в могилу, так как физическая сторона поборола нравственную. Одним словом, примите за основание, что вы лишь уполномоченный покойного благодетеля и что в каждое мгновение вы должны быть готовы отдать ему отчет в том, что вы делаете и что сделаете».

Но с первых же дней царствования перед императором Николаем открылись такие истины, которые ему ясно показали, что поло-

Вице-канцлер граф Нессельроде

жение России требует сильного врачевания, как во внутренних, так и во внешних делах.

Вся программа деятельности Николая Павловича по внутреннему управлению выразилась в тех нескольких словах, которыми он ответил чрезвычайному послу Карла X виконту де Сен-При на намек его о необходимости преобразований в управлении. Упомянув о том, что он лучше, чем кто-либо другой, знает о необходимости преобразований, государь высказал следующий взгляд: «Я отличал и всегда буду отличать тех, кто хочет справедливых преобразований и желает, чтобы они исходили от законной власти, от тех, кто сам хотел бы предпринять их и Бог знает какими средствами»⁶⁰.

Что же касается внешней политики, то хотя император Николай и остался сторонником Священного союза и готов был во всякое время протянуть совершенно бескорыстно руку помощи своим союзникам⁶¹, но по складу своего ума и характера он, по словам Шильдера⁶², «не мог сделаться сторонником туманного космополитизма на религиозной подкладке и не мог жертвовать русскими интересами в пользу соображений какого-то высшего порядка».

Неопытный и неподготовленный, молодой государь был, таким образом, совершенно одинок в делах управления страной, если не считать более будировавшего и мешавшего, чем помогавшего ему цесаревича Константина Павловича⁶³ и вице-канцлера графа Нессельроде. А между тем, после пережитого сильного напряжения жизнь государства требовала энергичного и умелого хозяина, для того чтобы ввести ее в русло спокойного течения и развития.

В манифесте 13 июля 1826 года император Николай ясно высказал те руководящие основы, которым он был намерен следовать. «Не от дерзостных мечтаний, — писалось в манифесте, — всегда разрушительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех открытым, всегда приняты будут нами с благоволением: ибо мы не имеем, не можем иметь другого желания, как видеть отечество наше на самой высокой степени счастья и славы, Провиденьем ему предопределенной». Для молодого государя не прошла бесследно картина хаотического беспорядка в законодательстве и администрации, изображенная в показаниях декабристов. Государь, по словам графа Кочубея⁶⁴, часто просматривал составленный для него из этих показаний свод и черпал из него много дельного. Уже в конце первого года своего царствования император Николай ре-

шил приняться самым энергичным образом за усовершенствование внутреннего управления государства. С этой целью 6 декабря 1826 года им был образован, под председательством графа В. П. Кочубея, особый секретный Комитет, назначение которого лучше всего объясняется следующей запиской государя: «Занятия комитета должны вкратце состоять: 1. В пересмотре и разборе бумаг, найденных в кабинете покойного императора. 2. В пересмотре нынешнего государственного управления. 3. В изложении мнения: 1) что предполагалось, 2) что есть, 3) что кончить оставалось бы. 4. В изложении мнения: что ныне хорошо, что оставить нельзя и чем заменить... Еженедельно уведомлять меня при наших свиданиях об успехе дела, которое я почитаю из важнейших моих занятий и обязанностей»⁶⁵.

Деятельные занятия секретного Комитета продолжались до апреля 1830 года; в течение двух последующих лет он собирался только несколько раз, а потом окончательно прекратил свои занятия. Комитет в своих работах затронул много насущных вопросов по внутреннему управлению, но его предложения не осуществились в полном их объеме. Вероятными причинами этого можно считать возражения цесаревича Константина Павловича, а также возникшие в то время французская и бельгийская революции и польское восстание⁶⁶, которые намного охладили преобразователь-

Николай I на ночных маневрах (с русской литографии, Собственная Его Величества библиотека)

ный пыл императора Николая, заставляя его предполагать, что предлагаемые ему меры более рассчитаны на будущее, чем на настоящее. Во всяком же случае некоторые части проектов комитета имели несомненное влияние на законодательные акты позднейшего времени царствования императора Николая Павловича⁶⁷.

Не лишним будет отметить здесь, что государь в первые годы своего царствования очень часто прибегал к образованию особых секретных комитетов для решения важных вопросов внутреннего управления, военных дел и внешней политики⁶⁸. Таким образом император Николай старался почерпнуть недостающую ему опытность в мнениях наиболее заслуженных деятелей прошлого царствования и при помощи их выработать себе программу дальнейшего управления. В позднейшее время, как и следовало ожидать, обращение к комитетам сделалось реже, хотя по разным отраслям управления они встречаются вплоть до пятидесятых годов.

Но самым первым делом, занявшим государя по вступлении на престол, было правосудие. «Я еще смолоду слышал о недостатках у нас по этой части, — говорил Николай Павлович Государственному Совету в 1833 году⁶⁹, — о ябеде, о лихоимстве, о несуществовании полных на все законов или о смешении их от чрезвычайного множества указов, нередко между собою противоречивых. Все это побудило меня с первых дней моего правления рассмотреть состояние, в котором находится комиссия, учрежденная для составления законов».

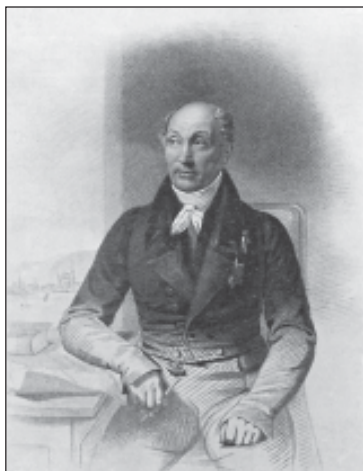
По общему убеждению как современников, так и самого императора Николая, дело упорядочения законов было по плечу только Сперанскому, к которому государь относился с большим и вполне понятным предубеждением. И Николай Павлович сумел побороть в себе личные чувства для государственной пользы, передав дело приведения в порядок законов всецело в руки Сперанского. Впрочем, недоверие к опальному министру Александра I продолжалось недолго, и уже 1 июля 1826 года государь писал Дибичу о своем длинном разговоре со Сперанским, который прошел спокойно и дружелюбно и кончился принесением последним повинной⁷⁰. С тех пор лед начал таять в сношениях Николая Павловича со Сперанским, и в 1839 году известие о смерти этого знаменитого государственного деятеля вызвало следующие о нем суждения со стороны государя: «Михаила Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить; сперва я и сам в этом более всех, может статья, против него грешил. Мне столько было наговорено о его превратных идеях, о его замыслах; но потом время и опыт уничтожили во мне действие всех этих наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу с огромными сведениями, с огромной опытностью, с неустанавившей никогда деятельностью»⁷¹.

Сперанский был не единичным примером привлечения Николаем Павловичем к государственной деятельности лиц, которые, как ему казалось, относились к нему враждебно или были противоположных с ним мнений. Он возвел в графское достоинство и наградил орденом св. Андрея Первозванного Николая Семеновича Мордвинова, мнения которого так часто и решительно расходились с мнениями правительства. Будучи председателем департамента Государственного Совета, Мордвинов, не стесняясь, высказывал свои взгляды на правительственные мероприятия. Он защищал против графа Канкринна пользу железных дорог, ратовал против сосредоточения в ведении казны разных отраслей народного хозяйства, представлял государю записки, указывающие на необходимость коренного преобразования государственного устройства, смело критиковал министров, их деятельность и взгляды⁷². Замечательно также сближение государя и с нашим знаменитым поэтом Пушкиным, который чистосердечно раскаялся в своих увлечениях и «обещался сделаться другим»⁷³. Несколько иной была участь еще одного выдающегося деятеля той эпохи, так называвшегося «проконсула Грузии», Ермолова, который подозревался по записке, найденной в кабинете императора Александра, в участии в замыслах декабристов⁷⁴. Невозможность для государя лично свидеться с Ермоловым не дала случая рассеяться вкравшимся подозрениям, как это было со Сперанским и Пушкиным, а последовавшие вслед за сим старания новых приближенных молодого монарха, Дибича и Паскевича, основанные на личных интересах, лишили государя и Россию одного из выдающихся слуг в полном расцвете его сил.

Возлагая предварительное обсуждение более важных дел по внутреннему управлению на комитеты, государь, со своей стороны, лично принялся с неустанной энергией за водворение порядка в делах. Из Зимнего дворца раздавался повелительный голос, направленный против распушенности чиновного мира Александровских времен и к поддержанию попорченной законности и прав частных лиц. Давая своим неутомимым трудом пример приближенным, император Николай в ряде иногда очень резких резолюций, относящихся к деятельности высших государственных учреждений, с первых же лет своего правления встает в полный рост среди своих ближайших сотрудников.

Эти резолюции являются крайне интересными для характеристики государя, так как взгляды его, исходя из сущности характера, остались неизменными в течение всего тридцатилетнего царствования, а слово никогда не расходилось с делом.

«Мы все на службе не за тем, чтобы гулять, а чтобы дело делать». «Должно держаться неотступно данных приказаний и впредь отнюдь не сметь от них отступать». «Я уже не раз прика-

М. М. Сперанский
(с гравюры Т. Райта,
по портрету Г. Дау)

зывал с предложениями, противными закону, не сместь входить... когда закон есть, должно его соблюдать без изыскания предлогов к неисполнению»⁷⁵. В одной из своих резолюций на мемориях Государственного Совета император Николай начертал: «Прочитав со вниманием журнал Государственного Совета и особое мнение князя Любецкого, я должен заметить, что в толико важном деле в Государственном Совете с неизвинительной легкостью пропущены все те важные обстоятельства, которые князем Любецким весьма основательно выставлены. Не так я разумею обязанности членов, которых мое доверие призвало к суждению в

оном: вопросы, от которых зависит благоденствие миллионов, должны обсуживаться, а не пропускаться... Сколь не терплю я потери времени в спорах, не на деле основанных, а на одних личностях или пустословии, столь я требую, чтобы всякое дело, а подавно толикой важности, обсуживалось с надлежащим вниманием»⁷⁶.

В то же время Николай Павлович старался сделать некоторые попытки децентрализации высшей власти предоставлением министрам большей самостоятельности, которой они окончательно лишились при аракчеевском управлении. Уже в 1826 году последовала Высочайшая резолюция министрам «не вносить в Комитет (Министров) таких предметов, по которым разрешения их собственного совершенно достаточно по власти, им дарованной». Но привыкшие к аракчеевской опеке министры не так-то легко осваивались с предоставляемой им самостоятельностью, и в 1827 году государю пришлось вторично просить их не обременять его делами, которые они могут сами разрешать⁷⁷. Несмотря на это, в 1836 году государю вновь было поднесено дело, в котором вопрос шел лишь о 75 руб. 40 коп.; оно вызвало строгое повеление «впредь с подобными мелочами не входить»⁷⁸.

Следует отметить одну важную меру, принятую в 1826 году и оказавшую влияние на все последовавшее царствование императора Николая. В этом году было учреждено Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Идея этого нового учреждения находилась в непосредственной связи с событиями 14 декабря, и генерал-адъютант Бенкендорф объясняет его появление стремлением государя к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления, а также и убеждением, вызванным внезапно открытым заговором, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который сосредоточивался бы в одних руках.

Современный нам историк жизни императора Николая⁷⁹ дает несколько иное объяснение причинам образования Третьего отделения, а именно находит его в желании правительства устранить на будущее время всякую возможность повторения декабрьских событий и быть в состоянии задушить в самом зародыше всякий умысел врагов существующего порядка. Для достижения подобной цели нельзя было по-прежнему пренебрегать настроением общественного мнения; отныне надо было знать, что затевается в обществе, какие мысли его волнуют, что в нем говорится, о чем оно размышляет. По мысли государя, лучшие фамилии и приближенные к престолу лица должны были стоять во главе этого учреждения и содействовать искоренению зла. По словам современников царствования Николая Павловича, ожидания и надежды в этом смысле не оправдались в действительной жизни, первоначальная руководящая цель отступила на задний план, как бы стерлась в памяти призванных к делу исполнителей, и скопленное веками зло осталось неприкосновенным на многие годы.

Графиня Нессельроде в своей характеристике первых годов царствования Николая Павловича рисует следующую тяжелую обстановку, которая namного парализовала деятельность молодого монарха. «Вам будем интересно узнать, — писала она⁸⁰, — что происходит в стране, но мне трудно вас заинтересовать в этом отношении, так как я сама не могу разобраться в своих мыслях. Я знаю, что злословят менее, и это, разумеется, к лучшему, что в ведении дел замечается больше энергии, хотя от этого они не двигаются и не разрешаются с большей справедливостью, несмотря на чрезвычайное желание государя достигнуть этого. Но для достижения воли государя нужно еще столько и столько вещей, что установить это

Граф А. Х. Бенкендорф, 1826 г.

очень трудно, в особенности если не пользуются всеми средствами, которые могут привести к таким результатам. Управляют все те же неспособные министры, а помощники, которых им дали, не могут ничего поделать, так что нельзя рассчитывать на возрождение»⁸¹. Свои печальные сетования графиня кончает несколькими сочувственными словами, относящимися лично к императору Николаю: «Намерения чисты, превосходны, отличаются большой искренностью, но замечено, что у него нет чутья (*le tact*) относительно людей, и что каждый сделанный им выбор несчастлив в том смысле, что он совершенно не достигает цели. Тем не менее обращение государя и его расположение к добру делают то, что его любят, и это чувство упрочивается во всех слоях общества».

Пребывание государя во время Турецкой кампании 1828 года при армии, за границей, вызвало к жизни редкий факт учреждения для управления государством особой комиссии из графа Кочубея, графа Толстого и князя Голицына. Члены этой комиссии, по возвращении государя в Петербург, представили ему отчет о состоянии страны, который является ценным документом в отношении результатов первоначального правления императора Николая. «Расположение умов внутри империи, — так начинали свой доклад члены комиссии⁸², — есть вообще совершенно удовлетворительно. Спокойствие везде было сохранено, и не видно было нигде и ни в каком сословии никаких порывов к новизнам». Обращаясь к правительственным делам, они не только отдали должное сделанному лично государем, но и решились преподать ему несколько советов. «Известно, — говорилось по этому поводу в отчете, — что намерения Вашего Величества, часто в разных случаях ознаменованные, произвели весьма полезное внутри государства влияние. Таковы суть: предписание о наблюдении за успешным производством дел и, в особенности, уголовных; уменьшение колодников в тюрьмах; распоряжения к прекращению злоупотреблений при рекрутских наборах; облегчение при производстве самой тягостной для народа повинности исправления и содержания дорог на тех стеснительных правилах, коими до последних времен в отбывании сей повинности руководствовались; сокращение отчасти во многих губерниях земских повинностей вообще и многие другие меры в частности, выгодное впечатление произведшие. Но должно признаться, что именно, по мере оказанного уже Вашим Величеством благорасположения к подданным Вашим, все внутри пребывают в некотором ожидании, что сим не ограничите Вы, Всемилостивейший Государь, благотворные намерения Ваши и что общими и существенными мерами довершите Вы великое предназначение Ваше. По мере сих ожиданий и чувств признательности, благословения общие доселе на Вас везде распространились».

Все таким образом предвещало, что новое царствование поведет Россию по пути усовершенствований, несмотря на неблагоприятные события 14 декабря. Но императору Николаю Павловичу готовились еще новые испытания, которые придали некоторую односторонность всем благим начинаниям государя.

В бытность великим князем император Николай Павлович большую часть времени посвящал военной службе, и хотя по своему положению командира полка и бригады он был скорее подготовлен к строевой деятельности, но, как было замечено выше, ему были не чужды и теоретические познания военного дела в более широком объеме.

Император Николай с детства любил военное дело и как ремесло, и как искусство, а потому трудно предположить, чтобы после воцарения эта любовь в нем уменьшилась. Напротив того, по мере знакомства с жизнью военная среда сделалась еще более ему симпатичной, так как ее духовная сущность вполне соответствовала нравственному мировоззрению государя.

«Здесь, между солдатами, — говорил он Шнейдеру⁸³, — и посреди этой деятельности я чувствую себя совершенно счастливым. Здесь порядок, строгая законность, нет умничанья и противоречия, здесь все одно с другим сходится в совершенном согласии. Никто не отдает приказаний, пока сам не выучится повиноваться; никто без права друг перед другом не возвышается, все подчинено определенной цели, все имеет свое значение, и тот самый человек, который сегодня сделал мне по команде на караул, завтра идет на смерть за меня. Только здесь нет никаких фраз, нет лжи, которую видишь всюду. Здесь не поможет никакое притворство, потому что всякий должен рано или поздно показать, чего он стоит в виду опасности и смерти. Оттого мне так хорошо между этими людьми, и оттого у меня военное звание всегда будет в почете. В нем повсюду служба, и самый главный командир тоже несет службу. Всю жизнь человеческую я считаю не чем иным, как службой: всякий человек служит».

Одиннадцатилетний мирный период, предшествовавший воцарению Николая Павловича, свел со сцены доблестных представителей освободительных войн и не дал случая выдвинуться молодым силам, получившим практическую подготовку в наполеоновских кампаниях. Таким образом и в этом отношении молодой монарх не получил богатого наследства от своего предшественника. Приходилось рассчитывать более чем в других отраслях управления на собственные силы, на людей, случайно оказавшихся у дела, и на тех немногих, которые были лично известны государю.

К первым принадлежал начальник штаба Его Величества генерал-адъютант Дибич, с которым государю приходилось иметь непос-

Граф И. И. Дибич-Забалканский

славы непобедимого полководца, которая имя его, по выражению императора Николая, присоединяла к именам Румянцева и Суворова⁸⁴. Но в то же время выяснились и некоторые особенности характера этого государственного деятеля, который имел такое первенствующее значение в жизни нашей армии в последующую четверть века. Пылкость нрава графа Паскевича, недоверие к ближайшим помощникам, подозрительность и раздражительность его выказались в такой степени, что заставили императора Николая Павловича дважды напоминать ему о скромности, этой «истинной доблести великих людей». А между тем подобные черты характера молодого фельдмаршала принудили многих достойнейших генералов искать нового поприща деятельности вне Кавказского корпуса⁸⁵.

В качестве главного советника государя по военным делам первое место занял Дибич, несмотря на свой сварливый, по словам графини Нессельроде⁸⁶, характер (*malgré que c'est un brouillon*). Человек бесспорно талантливый⁸⁷, но более всего ловкий, Дибич в своей деятельности преследовал скорее личные интересы, чем пользу дела. Ему не удалось выказать ни твердости убеждений, ни смелости открытой поддержки перед государем своего мнения, если оно шло вразрез с первоначальными мыслями монарха, т. е. именно тех качеств, которые были столь необходимы ближайшему сотруднику первых годов царствования императора Николая. А между тем Николай Павлович именно и нуждался в таких людях. По словам одного из отличавшихся своей наблюдательностью современников, государь был «искренен в обхождении, находчив, но у него отсутствие опытности и много необдуманной поспешности, что замечается, когда следишь за его пер-

редственные и самые деятельные сношения в первое время воцарения, а ко вторым — генерал Паскевич, с которым государя связывала тесная дружба еще с 1815 года, когда он в Париже изучал с ним историю наполеоновских войн.

Впрочем, Паскевич, находясь в первые годы царствования императора Николая на Кавказе, не мог иметь большого влияния. Этот период был им употреблен на приобретение совместно с титулом графа и чином фельдмаршала

выми побуждениями, и когда лица, докладывающие ему о делах, не осмеливаются противоречить. Они вдвойне неправы, так как дознано, что он прислушивается к правде и часто поддается хорошим советам»⁸⁸.

Мирное течение военной службы было нарушено в первые же годы царствования императора Николая войнами, сначала Персидской, а потом Турецкой и Польской. Наибольшее впечатление на государя должна была произвести Турецкая война, так как первый год кампании он лично находился при армии.

Главное начальствование над нашими армиями в этом году представляло оригинальное и крайне неблагоприятное для успешного хода операций явление. Во главе армии был поставлен ответственный главнокомандующий, престарелый фельдмаршал князь Витгенштейн, но при армии же, не принимая, впрочем, на себя командования, находился и государь император и при нем его начальник штаба, честолюбивый генерал Дибич, который к этому времени успел уже приобрести полное доверие императора Николая.

В результате главнокомандующий был стеснен в своих распоряжениях, которые мало-помалу всецело перешли в руки ответственного советчика генерала Дибича. К несчастью, этот последний искренно или не искренно сделался сторонником крайне неудачного плана, а государь в большей части случаев становился на сторону своего начальника штаба.

Нельзя не согласиться с мнениями современников⁸⁹, что последствия такого порядка вещей были бы для нас еще более неблагоприятны, если бы присущий императору Николаю инстинкт и здравый военный смысл не помогали ему иногда исправлять пагубные увлечения своего начальника штаба.

Николаю Павловичу лично пришлось командовать войсками во время Буланлыкского сражения 8 июля 1828 года. По свидетельству одного очевидца — иностранца, «спокойствие и выдержанность, с которыми Его Величество отдавал свои распоряжения, были удивительны и достой-

Граф И. И. Дибич-Забалканский
(с гравюры Т. Райта,
по портрету Г. Дау)

ны самого опытного генерала (du général le plus consommé). Ни одного нетерпеливого движения, ни одной вспышки даже тогда, когда адъютанты, плохо поняв его приказания, осмеливались просить их повторить. Он объяснял их им с такой ясностью и точностью, которые возбуждали удивление у офицеров, уже опытных в командовании войсками»⁹⁰.

И в мирной обстановке император Николай, в особенности в первые годы своего царствования, старался бороться с приступами врожденной ему горячности характера и поражал современников умением сдерживать себя. Описывая один случай вспышки государя, графиня Нессельроде прибавляет, что это была «единственная черта его (государя) горячности, которую можно привести, потому что поразительно, насколько он старается сдерживать себя, как он спокоен перед войсками даже тогда, когда они не выполняют чего-либо должным образом»⁹¹. Самообладание государя отмечает в своем дневнике и князь А. С. Меншиков⁹².

Рыцарь всегда и во всем, Николай Павлович возводил это свойство своего характера относительно военного звания в какой-то культ. Все военные доблести встречали в государе самый сердечный отголосок, не завися от того, кем и при каких обстоятельствах они были проявлены. Королевская гвардия Карла X во время Июльской революции⁹³ и английский адмирал под Наварином одинаково восхищали императора Николая, и на храбрецов награды лились щедрой рукой⁹⁴; всякий же позорный для военного поступок беспощадно клеймился государем, причем клеймилась не только личность, но и неодушевленные предметы, разумеется, для поддержания общей идеи чести военного звания. Так, в 1829 году фрегат «Рафаил» спустил флаг при встрече с турецким флотом. В своем указе по этому поводу император Николай выражал надежду, что Черноморский флот не оставит «Рафаила» в руках турок, но «когда он будет возвращен во власть нашу, — писал государь, — то почитая фрегат сей впредь недостойным носить флаг российский и служить наряду с прочими судами нашего флота, повелеваю предать оный огню»⁹⁵.

В своих взглядах на образ ведения военных действий государь был большой противник разного рода нелегальных военных хитростей в виде подкупов врагов и прочих уловок, так часто допускаемых цивилизованными государствами, и отзывался «с крайним омерзением» против правительства, предпочитавшего обращаться к подкупу вместо того, чтобы рисковать на жестокое кровопролитие⁹⁶.

Кончилась мало успешная кампания 1828 года, и государь, желая согласовать образ военных действий кампании следующего года со своими охранительными политическими намерениями, предполагал, согласно советам Дибича, продолжать войну систематическим овладением крепостями по Дунаю. Впрочем, прису-

щий ему здравый военный взгляд не останавливался исключительно на этой пагубной мысли, и государь оканчивал свои предположения надеждой, «смотря по обстоятельствам, от сего рода войны перейти к действиям, более наступательным, ежели, по соображению сил и движений неприятеля, в открытом поле представится к тому благоприятный случай»⁹⁷.

Но в это время в Петербурге случился весьма редкий и отрядный факт. Генерал-адъютант И. В. Васильчиков обратился к императору Николаю с прямодушной речью честного солдата и представил государю записку, в которой беспощадно критиковал весь ход кампании 1828 года в Европейской Турции⁹⁸. Николай Павлович, сам бывший близким участником критикуемых действий, по достоинству оценил, однако, правдивое слово Васильчикова, и высказанные им суждения пали на благодарную почву. Государь освоился с непреложной истиной, что на войне, в виду неприятеля, главнокомандующий должен руководствоваться исключительно собственными соображениями, но что при подготовке к кампании следует призывать для обсуждения людей опытных и способных⁹⁹.

19 ноября 1828 года, под личным председательством государя, был собран комитет для обсуждения вопроса о плане кампании 1829 года, который решил необходимость нанесения неприятелю чувствительных, сильных ударов. Император Николай не только присоединился к мнению комитета, но и высказал полную солидарность со взглядами Васильчикова¹⁰⁰.

Записка Васильчикова имела и другое, весьма важное последствие, а именно: отказ государя от личного присутствия при армии во время кампании следующего года ввиду хорошо прочувствованного им неудобства нахождения на одном театре войны двух главных квартир со всеми присущими им разногласиями и недоразумениями. И замечательно, что император Николай, столь любивший военное дело, никогда в течение своего продолжительного царствования не присутствовал более при своих армиях во время военных действий. Лишь за несколько дней до своей кончины, когда Россия находилась в крайне тяжелом положении, Николай Павлович, разочарованный в своих приближенных и в осо-

*Император Николай
у Шумлы*

бенности в князе Паскевиче, выразил намерение стать во главе своих армий, если к врагам нашим присоединятся, как этого следовало ожидать, наши традиционные союзники — Австрия и Пруссия¹⁰¹. Но в таком случае в лице государя верховная власть соединялась бы с властью главнокомандующего, благодаря чему необходимое единство распоряжений не было бы нарушено.

Честный и правдивый голос генерал-адъютанта Васильчикова не только был выслушан и принят в соображение, но повлек за собой самую тесную дружбу между государем и им; в течение своей последующей деятельности, в качестве председателя Государственного Совета, Васильчиков продолжал неоднократно высказывать государю свои откровенные, очень часто не сходные с волей Николая Павловича мнения, сохраняя за собой всегдашнее уважение со стороны государя¹⁰². Невольно пожалеешь, что среди приближенных императора Николая лица, подобные Васильчикову, этому «рыцарю без страха и упрека», были исключительным явлением¹⁰³, и невольно вспомнишь слова графини Нессельроде, что император «прислушивается к правде и часто поддается хорошим советам»¹⁰⁴.

Вскоре за Турецкой кампанией началась война против польских мятежников. Прославившийся Забалканским походом граф Дибич снова стал во главе русской армии. Но ему не удалось поддержать своей славы полководца; неустойчивость в мыслях и нерешительность в действиях отличали Дибича в продолжение всей затянувшейся, по его вине, кампании.

Переписка государя с главнокомандующим во время этой продолжительной войны является яркой характеристикой военных взглядов императора Николая, которым он не изменил до конца своей жизни. Несмотря на неудачи и непонятный для него образ действий графа Дибича, он ни в чем не позволил себе стеснять самостоятельности главнокомандующего. Предлагая ему разные советы, государь настоятельно требовал, чтобы они применялись лишь в мере, соответствующей личным взглядам главнокомандующего, которому на месте лучше видны все обстоятельства дела, или же не применялись бы совсем. В любимых выражениях Николая Павловича, так часто встречавшихся в его переписке с лицами, поставленными им во главе армий, как в эту, так и в последующие кампании, что он «не австрийский гофкрихсрат и за несколько сот верст не может давать точных указаний, как действовать», а предоставляет это усмотрению главнокомандующих, выливается его правильный взгляд на дело управления армиями.

Война с польскими мятежниками дала возможность государю выказать свои обширные военные дарования и познания в собственноручной записке о плане военных действий, относящейся к началу апреля 1831 года. Помещая этот интересный документ в приложении¹⁰⁵, упомянем здесь только, что граф Паскевич, вступив

после смерти Дибича в командование армией, воспользовался почти в полном объеме планом государя и окончил кампанию в несколько месяцев.

После подавления польского мятежа начался продолжительный мирный период, охватывающий, с маленьким перерывом в 1849 году, время вплоть до Восточной войны 1853—1856 годов. Военная деятельность Николая Павловича за этот долгий промежуток времени должна была сузиться до роли административной и воспитательной с присущей мирной обстановке односторонностью, но об этом будет речь в своем месте.

«Ничего не меняйте в установившейся политике Нессельроде, — так напутствовал цесаревич Константин Павлович первые шаги своего царственного брата¹⁰⁶, — который, зная просвещенные намерения императора, ознакомит вас с тем, чего он желал, и с тем, что вознесло нашу страну на верх славы».

С таким наставлением старшего брата, с искренним намерением следовать по стопам императора Александра, будучи мало ознакомлен с областью международных отношений, император Николай выступил на политическую арену.

Программа императора Александра вполне характеризуется следующими словами, сказанными им Шатобриану в 1822 году: «Теперь не существует более политики английской, французской, русской, прусской и австрийской, а существует только одна политика общая, которая, для спасения всех, должна быть усвоена союдами народами и государями»¹⁰⁷. Но такой взгляд не соответствовал чисто русскому прямому характеру императора Николая. Он не допускал и мысли о возможности иностранным дворам вмешиваться в дела, исключительно касающиеся России. Этот взгляд молодого государя инстинктивно высказался в первый же день его воцарения, когда 14 декабря, во время бунта, ганноверский посланник граф Дернберг предложил от имени своих товарищей нравственную поддержку молодому монарху. Император Николай сразу сумел поставить дипломатов на свое место, отклонив их поддержку, так как, по словам государя, «это дело было семейное, в которое Европе нечего вмешиваться»¹⁰⁸. С таким же чувством оберегания достоинства России отклонялись и последующие попытки европейских держав вмешиваться в дела, исключительно касавшиеся нашего отечества.

Но еще в более ясной форме вылилась эта черта Николая Павловича в его отношениях к унаследованному им от императора Александра Священному союзу. По справедливому замечанию Поццо ди Борго, относящемуся к 1826 году¹⁰⁹, этот союз принес существенную пользу другим, а не нам. Англия, охраняемая со-

*А. П. Ермолов (с рисунка с натуры
А. Чернышева, 1846 г.,
собр. П. Я. Дашикова)*

юзниками, успела развить свою промышленность и торговлю; Австрия никогда не стеснялась обязательствами союза, когда речь шла об ее материальных пользах или же были задеты ее политические интересы. Священный союз служил ей лишь щитом от внутренних потрясений и внешних врагов. Пруссия также сумела воспользоваться поддержкой союза; не принимая участия в пожертвованиях, которые союз требовал от других, она успела совершить свои обширные реформы внутри государства. И только Россия, в своем идеальном увлечении принципа-

ми Священного союза, позволяла даже слабой Порте Османской не исполнять относительно себя обеспеченных трактатами обязательств. Император Николай и в этом унаследованном им деле сумел провести резкую грань между вопросом чисто русским и европейским.

При вступлении на престол император Николай Павлович нашел турецкие дела в таком состоянии неопределенности и запутанности, которое требовало решения быстрого и категорического¹¹⁰.

В своих сношениях с Турцией государь немедленно отделил личные к ней претензии России от греческого вопроса, касающегося всей Европы. Признавая право Европы на совместное разрешение последнего вопроса, император Николай принял в нем лишь инициативу для скорейшего умиротворения Греции; что же касается собственно русско-турецких дел, относящихся к соблюдению прежних трактатов, то государь не допускал мысли какого-либо в этом посредничества Европы и повел дело с энергией, достойной великой державы, оскорбленной в своих законных правах¹¹¹.

Русским правительством было предложено турецким уполномоченным подписать в Аккермане заранее приготовленную конвенцию, с предупреждением, что при неисполнении этого наши войска перейдут Прут. 25 сентября 1826 года требуемая конвенция была подписана, и этим был сделан первый шаг в новой системе наших сношений с Турцией. «Способ переговоров, установленный в Аккермане, — восхищался по этому поводу барон Бруннов, — дал нам возможность избегнуть медленности, которая сопровож-

дала наши прежние переговоры и затрудняла в течение 14 лет успехов наших представлений в Константинополе»¹¹².

Вызывающий образ действий турецкого правительства принудил, однако, императора Николая в скором времени поддержать права России с оружием в руках. В своем манифесте 14 апреля 1828 года государь объявил, что целью военных действий не служат ни честолюбивые намерения, ни желание завоеваний, ни низвержение Оттоманской империи, а твердая решимость не класть оружия до тех пор, пока Россия не получит справедливого возмездия за прошедшее и основательных гарантий спокойствия и уверенности в будущем.

Эти, так сказать, охранительные начала, поставленные целью войны с Турцией, сделались девизом всей последующей политики Николая Павловича, которая, по словам барона Бруннова¹¹³, определялась тремя словами: *не тронь меня*. Но в охранении указанного выше принципа император Николай был непоколебим и действовал с настойчивостью, которая не давала возможности сомневаться в конечных ее результатах. В своем разговоре с французским посланником при Берлинском дворе графом Агу (comte Agout) государь высказался по этому поводу с полной определенностью. Он заметил графу Агу, что если войне не суждено кончиться в 1829 году, то он предпримет третью, четвертую, пятую кампании; что он очень сожалеет о необходимости пролить столько крови и принести столько жертв из-за мало значащих, по-видимому, причин, но что честь и достоинство его империи, равно как личное положение его как преемника императора Александра не позволяют ему отклоняться от принятого непоколебимого решения. Однако в то же время государь подтвердил слова своего манифеста, что он отказывается от всяких завоеваний и будет довольствоваться одним вознаграждением за военные издержки¹¹⁴.

Несмотря на подобные заявления и на бескорыстную, честную политику Николая Павловича, направленную исключительно к охранению существовавших уже до него интересов России, ему суждено было, как в данном случае, так

Николай I
(с гравюры Т. Райта, 1832 г.)

и впоследствии, внушать иностранным дворам опасение относительно его честолюбивых видов.

Характер политических взглядов государя невольно отражался и на характере военных действий. Опасаясь возбудить подозрение в честолюбивых намерениях, он часто поддавался внушениям не наносить врагу сильных ударов и соразмерять военные операции с вызвавшими их правонарушениями. С этим пришлось считаться и в кампанию 1828 года, и в роковую для императора Николая войну 1853—1856 годов.

Успешные действия графа Дибича в Забалканском походе 1829 года привели к вопросу о дальнейшей судьбе Турции. Этот важный и принципиальный вопрос не был решен молодым государем лично, а был передан на обсуждение первых сановников государства. Единогласное решение их сохранить во что бы то ни стало существование слабой, расстроенной Турции было принято императором Николаем Павловичем в основу всей его дальнейшей политики на Ближнем Востоке¹¹⁵, а закончивший войну Адрианопольский мир удивил Европу скромными требованиями, предложенными Россией.

Среди политических дел, занимавших в начале нового царствования Европейские дворы, на первом месте стояло разрешение греческого вопроса, в котором император Николай принял на себя инициативу. Дело это было не чуждо нам ни по нравственным побуждениям, ни в отношении наших политических интересов. Чувства русского народа возмущались при виде единоверной ему нации, способной к самостоятельной жизни и страдающей под гнетом мусульманского фанатизма. С другой стороны, нельзя было допустить образования в сфере существенных политических интересов России нового государства, враждебного нам по своему направлению. Этими двумя отправными точками государь руководствовался в своем образе действий в греческом вопросе.

Национальная политика императора Николая на Востоке и состоявшееся соглашение с Англией и Францией шли совершенно вразрез с желаниями всемогущего князя Меттерниха, который в последние годы царствования императора Александра привлек руководить русской политикой, сообразуясь со своими собственными интересами. Однако всемогущему канцлеру Габсбургской монархии пришлось в этом деле встретиться с непреклонной волей и ясно выраженными взглядами русского государя. Столь обычные впоследствии в практике австрийского кабинета запугивания революцией не воздействовали на императора Николая в желаемом направлении; он остался верен своей политике в восточных делах, не нарушая обязанностей члена Священного союза в отношении долга оказать помощь союзникам всегда, когда они требуют этого от России¹¹⁶.

Такая самостоятельность не могла нравиться князю Меттерниху и вызвала с его стороны ту открытую враждебность к политике императора Николая, которая отличала все действия Австрии вплоть до Мюнхенского свидания 1833 года¹¹⁷. Казалось, можно было радоваться, что России надолго удалось отряхнуться от Меттерниховского кошмара и несколько высвободить себя из сетей Священного союза, но Июльская революция и Польское восстание вновь помogli торжеству австрийской программы.

Императору Николаю Павловичу пришлось бороться не только с князем Меттернихом в своем желании несколько стряхнуть с себя узы Священного союза и придать национальный характер русской политике; против этого восставал и цесаревич Константин Павлович, с авторитетным положением которого государю было считаться гораздо труднее. Цесаревич не жалел густых красок, чтобы удерживать императора Николая в русле политического направления, установившегося с 1815 года. И собственный опыт, и взывание к памяти почившего императора — все было пущено в ход с этой целью. Константин Павлович сознавался, что император Александр был «жестоко обманут и проведен образом действий наших друзей, но что в то же время он был доволен подобного рода направлением дела, чтобы только избежать необходимости иметь столкновение с турками», которое повлечет за собой страшное пробуждение и сотрясение во всей Европе. Свое длинное нравоучение цесаревич заканчивал напоминанием о том принципе, которого держался Александр I и который требовал обращать все внимание в сторону Европы¹¹⁸. Но особенно возмущало цесаревича поведение императора Николая в греческом вопросе, который он считал вопросом чисто якобинским¹¹⁹ и из-за которого вся политика была отложена в сторону, так же как и частные интересы европейских государств¹²⁰. «Греческое дело, — писал цесаревич, — опиралось и опирается на революционные головы всего света; протянуть им руку, это значит поставить себя наравне и в компанию с ними... Общественное мнение, как его называют в

*Кабинет Николая I
в Зимнем дворце*

наши дни, это чума, и если правительства ему подчиняются и согласно с ним действуют, то нет больше ничему границ, так как оно так же переменчиво, как ветер; правительства должны им руководить, но не следовать за ним с целью иметь на своей стороне современное большинство. Нельзя допускать (*admettre*) у других то, чего не потерпели бы у себя»¹²¹...

Но почва не была еще достаточно подготовлена к восприятию внушений, усердно напеваемых из Вены и Варшавы, и император Николай Павлович неуклонно шел по намеченному себе пути самостоятельного решения русско-турецких вопросов, освобождения Греции, сердечного отношения к Франции¹²², солидарности с Англией, при низведении обязательств Священного союза до оказания лишь помощи союзникам, когда таковая потребуется. Роковые события, разразившиеся во Франции и в России в 1830 и 1831 годах, более повлияли на перемену образа мыслей императора Николая.

Июльские дни в Париже впервые послужили для открытого проявления государем той политики принципа, которая наложила отпечаток на все последующие действия его в международных сношениях. Поддержание монархической власти и законности государь считал не частным делом каждого венценосца в отдельности, а общим делом всех монархов Европы, и в решительном подавлении декабрьского бунта император Николай видел услугу, оказываемую им не только России, но и всем европейским правительствам¹²³. «Одно из несчастий нашего времени, — говорила под впечатлением Июльской революции престарелая герцогиня Дюра, — что ни один король не умеет умереть». «Другое заблуждение, — прибавляла к этому С. П. Свечина¹²⁴, — это не смотреть на королей, как на солидарных между собой, не относить к себе взаимно опасности и оскорбления, предметом которых они служат... Хорошо, что находится государь, показывающий в высоты престола душу, опечаленную и разгневанную видом больших беспорядков»¹²⁵.

И действительно, событиями в Париже император Николай был оскорблен в глубине своих рыцарских чувств. С берегов Невы раздалось откровенное осуждение свершившегося во Франции, и хотя первая вспышка вскоре уступила место спокойной рассудительности, но тем не менее отношения к правительству Людовика-Филиппа продолжали оставаться в ненормальном положении.

Тогдашний французский посол при Петербургском дворе барон Бургоэн приводит в своих воспоминаниях¹²⁶ разговор с государем по поводу июльских событий, замечательно рельефно обрисовывающий взгляды императора Николая.

Строгий поборник законности, государь не одобрял нарушения конституции Карлом X и открыто порицал его образ действий. «Если бы, — сказал он Бургоэну, — во время кровавых смут в Париже народ разграбил дом русского посольства и обнародовал бы мои депеши, то все были бы поражены, узнав, что я высказывался против государственного переворота; удивились бы, что русский самодержец поручает своему представителю внушить конституционному королю соблюдение установленной конституции, утвержденной присягой».

Первые неопределенные известия о парижских происшествиях не возмутили, но обеспокоили императора Николая; он предвидел их в поведении короля французского. В своем спокойном на этот раз разговоре с послом государь обсуждал последствия возмущения и выражал твердую надежду на спасение монархического начала и на возведение на престол Франции законных наследников короля. Но обстановка совершенно изменилась, когда до Петербурга дошли вести о захвате власти Людовиком-Филиппом.

Император Николай с жаром высказал французскому представителю все отвращение к установившемуся незаконному порядку вещей, которого он решил никогда не признавать, как не истекающего из легитимной королевской власти. «Принцип легитимизма, — добавил государь, — вот что будет руководить мною во всех случаях... Никогда не уклонюсь я от моих принципов: с принципами нельзя вступать в сделку, я же не вступлю в сделку с моей честью».

Но, кроме своих личных чувств, государю как правителю обширной монархии, приходилось считаться и с другими факторами. «В своих чувствах, — пишет по этому поводу Бургоэн, — симпатиях и принципах он был уверен, но серьезная действительность минуты ставила его в мучительную нерешимость, в большое недоумение. В продолжение нескольких дней его осаждали самыми противоположными советами: воинственные подстрекательства преобладали, но он не пренебрегал соображениями, которые могли быть ему представлены и в другом смысле».

Спокойное обсуждение императором Николаем совместно с французским послом событий привело к отмене тех враждебных мер против Франции, которые государь хотел принять в порыве первого раздражения. Естественное влечение к этой стране не покидало Николая Павловича и в тяжелые дни Июльского переворота. «Не теряйте из виду большую разницу между Англией и мною, — заметил он Бургоэну на высказанное этим последним опасение возможного сближения Франции с Англией в случае враждебности к ней со стороны России. — Несмотря на все то, что меня волнует и что мне не нравится у вас, я никогда не переставал интересоваться судьбами Франции. Все эти дни меня бес-

Император Николай I
(с литографии В. Адама)

покоила мысль, что Англия, завидуя завоеванию Алжира, воспользуется вашими смутами, чтобы отнять у вас это прекрасное владение. Что же касается Австрии, то она трепещет за Италию; из-за этого страха она сожалеет о вашей новой революции и потому только беспокоится. Она никогда не будет сожалеть о ваших горестях; мы же, напротив того, всегда счастливы, когда Франция возрастает в силе и благоденствии».

Государь в последующих своих отношениях резко отделял Францию от ее революционного правительства, которое он, верный унаследованному им Священному союзу, решил признать только по соглашению со своими союзниками¹²⁷. Но Австрийский и Прусский дворы, смотревшие на Священный союз далеко не с той идеальной точки зрения, с какой смотрел на него император Николай, поспешили признать новый порядок правления во Франции без предварительного соглашения с нами. Государю оставалось только последовать их примеру. Рыцарская прямота Николая Павловича помешала ему скрыть свои взгляды и чувства по отношению к Июльской монархии искусными оборотами дипломатической речи. В своем ответе на собственноручное письмо короля Людовика-Филиппа государь с видимой неодобрительностью признал свершившийся факт и не удостоил нового короля французов соблюдением обычных форм, установившихся в переписке между царствен-

ными особами. Николай Павлович не назвал себя в ответном письме «добрым братом» короля французов, власть которого не исходила из принципа легитимности¹²⁸.

Этими событиями определились отношения России к правительству Людовика-Филиппа. Государь, верный своему слову не отступать от принципа законности, но желая по возможности меньше вредить политическим сношениям, любил при всяком случае выставлять на вид различие, которое он делает между Францией и ее королем; лаская французскую нацию, он в то же время относился враждебно к новой династии. «Это был образ действий, — говорит Гизо¹²⁹, — обнаруживший довольно странную непоследовательность в представителе неограниченной монархии, где обыкновенно стараются не нарушать тесной связи, существующей между народом и его государем, почитаемых представителем и как бы воплощением ему подвластных миллионов».

Барон Бруннов, со своей стороны, дает следующую характеристику Июльской монархии во Франции и наших отношений к ней¹³⁰:

«Наши отношения с Тюильрийским кабинетом, — пишет наиболее влиятельный дипломат царствования Николая Павловича, — в настоящее время сводятся к полной ничтожности. Император не рассчитывает на прочность порядка, установившегося во Франции, но, верный своим принципам, он не вмешивается во внутренние дела этой страны и положительно ничего не делает, чтобы вызвать в ней перемену правления... Его величество продолжает жить в мире с Францией, пока она будет верна договорам, на которых покоится европейское общественное право. Только исключительно на этих условиях наш монарх согласился установить с нынешним правительством отношения, которые существуют между двумя странами после событий 1830 года... Они по необходимости страдают от падения престижа королевской власти при настоящем правительстве (*de la déconsidération dans laquelle la Royauté est tombée en France sous le régime actuel*). Государь принимает это очень близко к сердцу (*en est péniblement affecté*), так как он чувствует, насколько распушенность общественного строя на Западе влияет в остальной Европе на все большее и большее ослабление значения законной власти».

«Французское правительство, — продолжает дальше свое повествование барон Бруннов, — после 1830 года никогда не держалось прямого пути во всех важных политических вопросах; его действия были всегда в противоречии со словами, и его сегодняшние уверения опровергались его завтрашними поступками... Политика Франции есть любопытное соединение противоречий разного рода. Традиции самых удаленных эпох и самые разнообразные системы соединяются между собой. Высокомерность (*les prétentions*) века Людовика XIV наряду с симпатиями к Июльской

революции, воспоминания, честолюбие и надменность империи наравне со скромностью реставрации, желание первенствовать вне и чувство слабости и угнетения внутри страны — вот в нескольких словах положение случайного правительства посреди неуправляемой страны, положение престола, воздвигнутого на развалинах революции. Такова Франция наших дней. Таковы причины, по которым император Всероссийский в письмах к королю французов не называет его «*Monsieur mon frère*».

Не успел успокоиться император Николай от возмущавших его душу событий Июльской революции, как его поразили новый, более жестокий удар. Это было известие о бунте в Варшаве, сопровождавшемся изменой польских войск и удалением цесаревича из города. На благородную душу государя поведение поляков должно было произвести особо удручающее впечатление, так как выказывало их полную неблагодарность императору Александру, восстановившему самостоятельное существование Польши и способствовавшему ее блестящему материальному благосостоянию, а также сопровождалось изменой войск данной ими присяге; то и другое в рыцарских правилах императора Николая причислялось к самым тяжким проступкам.

Поступки поляков тем более возмущали государя, что он лично ни в чем не мог упрекнуть себя в отношении строго законного своего поведения в качестве конституционного короля, а также потому, что они произошли после того, как он дал столько доказательств своего расположения к полякам¹³¹. Он ни в чем не стеснил прав Польши, дарованных ей императором Александром, и свято исполнял все обязанности, возлагаемые на него конституцией. «Мы существуем для упорядочения общественной свободы и для подавления злоупотребления ею, — писал он цесаревичу перед открытием Польского сейма в мае 1830 года в ответ на предложение не открывать сейма¹³². И все это делалось государем исключительно в видах той же законности, которая всегда и во всем стояла у него на первом месте. Лично же он чувствовал неловкость положения русского монарха в королевстве Польском, чувствовал все зло либеральной и преждевременной организации этого края, которую охранять присягнул сам¹³³.

Но зато из уст нового конституционного короля полякам не удалось уже услышать проблематических обещаний о восстановлении Польши в древних ее размерах. Государь полагал это делом неосуществимым, пагубным для России, и считал, вопреки мнению цесаревича, непристойным убаюкивать поляков несбыточными надеждами. «Я не могу и не должен делать ничего непоследовательного, — писал он цесаревичу Константину Павловичу по

этому поводу¹³⁴; — ввиду этого я совершил бы одну из непрости- тельнейших непоследовательностей, если бы нисколько не забо- тился, чтобы мои поступки отвечали моим мыслям в вопросе, со- ставляющем одну из важнейших сторон моих обязанностей. Пока я существую, я никоим образом не могу допустить, чтобы идеи о присоединении Литвы к Польше могли быть поощряемы, так как, по моему убеждению, это вещь неосуществимая и которая могла бы повлечь за собой для империи самые плачевные последствия. При всем том это не мешает мне быть столь же хорошим поля- ком, как и хорошим русским; я доказал и при каждом случае буду доказывать это строгим и верным соблюдением и охранением при- вилегий, которые наш покойный ангел даровал королевству»...

Известие о бунте в Варшаве было для Николая Павловича со- вершенно неожиданным. Он склонен был приписать это событие увлечемому революционным движением на западе Европы мень- шинству и рассчитывал еще вернуть поляков к исполнению свое- го долга мирными средствами. Но события быстро шли своим по- рядком, и все попытки государя к примирению, в виде воззвания и манифеста к войскам и народу Царства Польского¹³⁵, в которых выражалась готовность примириться со всеми, кто возвратится к долгу, оказались тщетны.

«Если,— писал после этого император Николай своему стар- шему брату¹³⁶, — один из двух народов и двух престолов должен погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновение?.. Мое положе- ние тяжелое, моя ответственность ужасна, но моя совесть ни в чем не упрекает меня в отношении поляков»...

Последние попытки примирения императором Николаем были сделаны через посредство полковника польской службы Тадеуша Вылежинского, присланного в Петербург в конце декабря 1830 года с депешами к князю Любецкому и графу Езерскому. Вылежинский, сделанный императором Николаем за свой правильный образ мыс- лей и действий флигель-адъютантом, удостоился лично представиться государю, причем он занес в свои записки разговор, веденный с Николаем Павловичем. Этот разговор является лучшей характери- стикой образа мыслей и взглядов молодого государя¹³⁷.

Император Николай, по описанию Вылежинского, человек вы- сокого роста, строгой наружности, с прекрасными правильными чертами лица и выразительной, полной величия, но суровой физи- ономией. В течение разговора он несколько раз приходил в силь- ное волнение, но всегда во всех его приемах проявлялось вели- чие, а в голосе его звучали ноты мягкости и чистосердечия, кото- рые заставляли Вылежинского, несмотря на строгую наружность государя, чувствовать к нему невольное влечение. Вообще же император Николай производил на своего собеседника впечатле- ние человека более огорченного, чем негодующего.

Вход русских войск в Адрианополь

«Вы видите, что я спокоен,— начал государь свой разговор с Вылежинским,— а потому вы можете понять, что все, что я буду говорить вам, не будет следствием какого-либо увлечения или гнева. Скажите сами, неужели я мог ожидать когда-нибудь революции в Польше? Все было там так прекрасно, и я, со своей стороны, ни в чем не могу упрекнуть себя, как король польский. Я верно сохранил конституцию в том виде, в каком нашел ее при вступлении на трон и в каком мне оставил ее мой брат император Александр; я в ней не сделал никакого изменения. Я отправился в Варшаву для коронации; я сделал для Польши все то хорошее, что только мог, и я есть король польский, король законный, и останусь им всегда. Существовали, может быть, в управлении Польшей некоторые недостатки, но это была не моя вина; надо было войти в мое положение, надо было иметь в меня веру. Я желал добра Польше и сумел бы дать его ей в полной мере¹³⁸... Я не желал бы прибегать к мерам строгости и надеюсь, что благоразумная часть нации возьмет верх, что народ польский сознает свою ошибку, и что все войдет в порядок. Но я требую полного подчинения, без всяких условий, ибо я не имею намерения поступаться чем-либо. Вспомните, что я царь польский, ваш законный монарх и таковым останусь всегда».

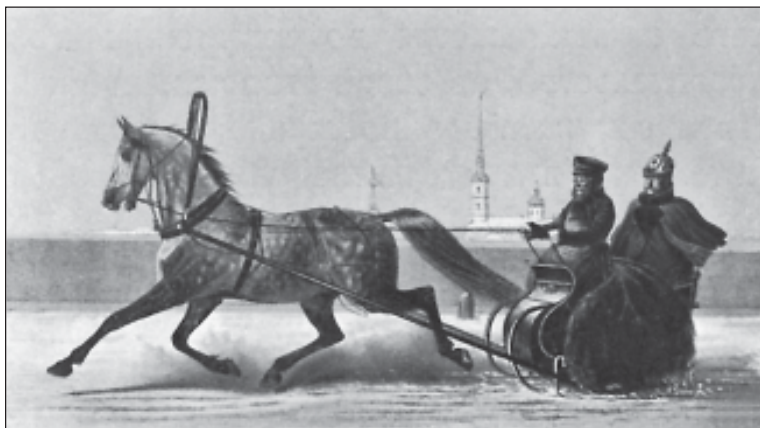
Император Николай, несмотря на ясные намеки Вылежинского, что восстание охватило всю страну, как бы нарочно старался отогнать от себя мысль о невозможности примирения; он все еще продолжал выражать уверенность, что на поляков действует ино-

странное влияние, которое государь считал главным поводом революции. Николай Павлович очень прозрачно намекал на ту прекрасную роль, которую еще мог сыграть Хлопицкий, провозглашенный главою временного правительства, «восстановив спокойствие страны и направив ее по пути долга и чести». Но сдержанные ответы Вылежинского не оставляли в государе никакой иллюзии. Участь Польши была решена следующими заключительными словами государя: «Остается лишь одно средство, к которому я должен буду прибегнуть как русский император и как царь польский. Первый пушечный выстрел с вашей стороны, и я уже больше ни за что не отвечаю; скажите это в Варшаве»...

Поляки решили предать жребию войны судьбу своего отечества. *«Кто из двух должен погибнуть, — писал по этому поводу император Николай цесаревичу Константину Павловичу¹³⁹. — Россия или Польша, так как, кажется, что кому-нибудь погибнуть надо? Решите сами. Я исчерпал все возможные средства, чтобы отклонить подобное несчастье».*

Продолжительное и ожесточенное сопротивление Польши с оружием в руках производило на императора Николая тяжелое впечатление. «Все, что делается, и все, что еще происходит в Польше, — писал государь¹⁴⁰, — очевидно доказывает, что прошла пора великодушия; неблагодарность поляков сделала его невозможным, и на будущее время во всех сделках, касающихся Польши, все должно быть подчинено истинным интересам России. Установив это положение, нельзя не согласиться, что русский интерес не совместим с существованием Польского королевства в том виде, как оно было создано в 1815 году и при условии сохранения им своей конституции». В результате государь пришел к тому заключению, что Россия не имеет никакого интереса владеть провинциями, неблагодарность которых обнаружилась столь очевидным образом. Мысль императора Николая заключалась в том, чтобы отказаться от владения провинциями, находящимися на левом берегу Вислы, но и не допустить образования из них нового враждебного России сильного государства. Эти свои предположения император Николай не привел в исполнение, но замечательно, что во время восстания 1863 года такие же мысли вновь проповедовались многими русскими людьми¹⁴¹.

Двухдневный штурм Варшавы закончил жестокую братоубийственную войну. Будущее положение Польши определилось следующими словами, сказанными императором Николаем барону Бургоэну: «Обоих нас, моего брата Александра и меня, подвергают ответственности за то, чего мы оба не делали. Не нам принадлежит мысль о разделе Польши: это событие уже стоило Европе многих хлопот, пролило много крови и может пролить еще; но не нас следует упрекать в том. Мы должны были принять дела таки-

Николай I

ми, какими их передали нам. Я имею обязанности, как император Российский. Я должен остерегаться повторения тех ошибок, которые породили нынешнюю кровопролитную войну. Между поляками и мною может существовать лишь полнейшая недоверчивость... Разве я вправе вернуться к разделу, так давно исполненному тремя различными державами? Все сторонники поляков разглагольствуют об этом на досуге. Они забывают, что я Российский император, что я должен принимать во внимание не только выгоды, но и страсти моих русских подданных и сочувствовать их страстям в том, что они имеют в себе справедливого»¹⁴².

И действительно, после подавления мятежа император Николай повел Польшу по намеченному им пути благосостояния, но не в ущерб интересам империи, с той твердостью и определенностью, которые отличали этого государя во всех его действиях и которые сделали немыслимым поднятие польского вопроса даже в тяжелую для России годину Крымской войны. Поляки увидали перед собой уже не конституционного монарха, верного данной им присяге, а грозного судью их дел, простившего личные оскорбления, но желавшего устроить счастье Польши, как составной части России, вопреки самим полякам, всегда его разрушавшим¹⁴³. «Уверяю вас, — сказал государь польским депутатам¹⁴⁴, — что я стану благодетельствовать вам против вашей воли. Если вы будете хорошо вести себя, если вы будете исполнять свои обязанности, мое отеческое попечение прострется на всех вас, и, несмотря на все прошедшее, правление мое не перестанет пещись о вашей пользе».

Закончилась польская революция, но не окончилось то зло, которое она принесла России. Кроме тяжелого влияния на характер

государя, она вызвала к жизни польскую эмиграцию, которая разнесла по Европе ненависть против России и подготовила враждебное настроение общественного мнения Запада против русского правительства, с тех пор выражавшееся при каждом удобном случае и словом и делом¹⁴⁵.

Восстание в Польше послужило отчасти и к определению наших международных отношений.

Император Николай еще раз имел случай показать западным державам, что он не потерпит какого-либо иностранного вмешательства во внутренние дела России¹⁴⁶. Французское правительство, со своей стороны, избегало оскорблять нас открытым сочувствием восстанию, но радушно принимало эмиссаров мятежного правительства, убаюкивало их разными надеждами и, советуя продлить сопротивление развитием партизанских действий, одновременно вступило в роль неудачного посредника в Петербурге. Поведение английского кабинета было к нам недоброжелательно, не доходя, однако, до пределов открытого сочувствия восставшим. Но занятие нами Варшавы и уничтожение польской конституции поколебало популярность английского министерства, которое нашлось необходимым выразить в лице лорда Пальмерстона протест против нарушения, по его мнению, постановлений Венского трактата. Ответ нашего правительства по этому поводу прекратил спор, однако, «если английский министр и хранит молчание, — писал барон Бруннов¹⁴⁷, — то мы никоим образом не должны льстить себя мыслью, что мы его победили или убедили в противном. Напротив того, он с грустью созерцает настоящее подчинение Польши и оплакивает укрепление в ней нашей власти; в свободе поляков он рассчитывал видеть противодействие нашему могуществу и постоянное средство беспокоить наше правительство и мешать ему таким образом следить за тем, что происходит вне России». Поведение же австрийского кабинета лучше всего видно из следующих слов императора Николая: «Затеи австрийцев подлы, и двуличность гнусна, но не время с ними ссориться... Поведение наших соседей тем неблагоприятнее, что не дает им права в тяжелое для них время просить нашей помощи, и я, верно, не пролью капли драгоценной русской крови за их дело, ежели они произвольно нарушать станут трактаты, а для нас одних считать их будут святыми»¹⁴⁸. Остается, быть может, пожалеть, что этот урок двуличности Австрии был нами так скоро позабыт.

Июльская революция и Польское восстание не закончили собой всех тревожений первых годов царствования императора Николая. К ним присоединились холера в обеих столицах, сопровождавшаяся возмущением в Петербурге, и кровавый бунт в военных поселениях.

В эти тяжелые дни государь выказал в полном величии те черты своего характера, которые привлекли к нему народные сердца в день 14 декабря и которые инстинктивно делали его властелином народных масс. И в Москве и в Петербурге, среди зараженного города и бунтующей черни, и в Новгородских поселениях, среди обгабренных кровью своих офицеров поселян, государь являлся первым, чтобы разделить несчастье своего народа, утешить его в горестях, вразумить заблудшихся и остановить бунтующих своим мужеством, равным мужеству героев древности. Появления его на Сенной площади среди взволнованной и разнузданной несколькими днями беспорядков черни и в Новгородских поселениях могли бы считаться легендарными, если бы они не были историческими фактами.

Прекрасная, строго классическая наружность императора Николая, его рыцарская фигура и прирожденное величие, конечно, должны были играть немалое значение в импонирующем влиянии на народные массы, но это было ничто в сравнении с тем замечательным обаянием, с той необыкновенной чарующей силой, которой богато одарила его природа и влиянию которой, по словам современников¹⁴⁹, не мог не подчиниться самый лютой враг Николая Павловича.

Если сравнить между собой многие сотни описаний наружности императора Николая, то невольно поразишься однообразием впечатления, которое производила его редкая мужественная красота, воплощавшаяся только в художественных резцах знаменитых ваятелей при изображении ими идеальных образцов классического мира. Эта красота не уменьшалась с течением времени, и на пятьдесят девятом году своей жизни император был так же прекрасен и еще более величествен, чем в молодые годы. «Я увидел черты, — пишет один из иностранцев¹⁵⁰, — какими изображают нам героев древности: высокий лоб, пронизательный, исполненный достоинства взгляд, рост и формы Алкида. Сделав несколько шагов вперед, он поклонился на обе стороны, одним протянул руку, других приветствовал милостивой улыбкой, с некоторыми стал беседовать то по-русски, то по-французски, то по-немецки, то по-английски, и все одинаково свободно. Ему все было известно. Мысль и речь его переходили от востока к западу, от юга к северу. Замечания его о разных странах и об их взаимных отношениях были так тонки и обличали такое глубокое знание, что, забыв монарха, я дивился в нем только мыслителю. Откуда находится у него время, чтобы иметь обо всем такие верные и положительные сведения и о каждой вещи произносить такое справедливое и основательное суждение? В нем сосредоточивается целая администрация колоссальной империи, ни одно сколько-нибудь важное дело не решается без него, просьба последнего его подданного восхо-

дит до него. Каждое утро, с ранних часов он работает со своими министрами, каждая ночь застает его опять за рабочим столом»¹⁵¹. «По такому оригиналу, — пишет другой иностранец¹⁵², — Фидий мог бы лепить Зевса или Марса. Вся рыцарская наружность императора производила импонирующее впечатление, и я понял, как этот гигант мог одним мановением руки усмирить мятежную толпу во время холерной эпидемии». Величественная осанка государя, все его движения и жесты являлись естественным дополнением к его царственной наружности, самой природой предназначенной воплощать в себе бытие обширнейшего государства в мире. И если Наполеон I перед каждым торжественным выходом репетировал свою роль с Тальма, то Николай I от природы обладал тем величавым достоинством в соединении с простотой, той грацией в соединении с естественностью, которые заставляли преклоняться перед ним все окружающее и чувствовать во всем его величии что-то неземное.

Но что особенно поражало в Николае Павловиче современников, — это выражение его лица, которое было живым отпечатком чувств, волновавших государя, и различных оттенков его богато одаренной натуры. Безграничная доброта и любовь к своему народу наравне с гневом, нежность любящего отца наравне с непоколебимой твердостью карающего судьи, врожденная доверчивость и притивная печальным опытом подозрительность, присущая ему простота сердечного человека и величие монарха, словом, все бушевавшие душу его хорошие и дурные чувства с одинаковой силой отражались на его прекрасном лице. Этим объясняется то различное и во всяком случае сильное впечатление, которое император Николай производил на всех, его когда-либо видавших. И «зимние» глаза, леденившие Герцена¹⁵³, и то полное благородства и сердечности обращение, которое заставляло иностранца по чувствам и воспитанию Витгенштейна¹⁵⁴, а также многих, ему подобных, с радостью жертвовать за государя последней

Николай I
(с литографии, по рисунку
Раффэ, 1837 г.)

капель своей крови, были в одинаковой мере присущи Николаю Павловичу.

«Я никогда не встречала лица человеческого, — писала графиня Блудова¹⁵⁵, — которое до такой степени менялось бы в выражении, смотря по состоянию душевному, как оно менялось у Николая Павловича. Его открытая, благородная натура была неспособна на ложь ни словом, ни делом, ни взглядом. Античная правильность в чертах лица, высокий стройный стан и что-то бессознательно повелительное в повороте головы придавали ему строгий и несколько грустный вид, когда он молчал или задумывался. Но как очаровательно просветлялось лицо его, как оно озарялось при веселой мысли или нежном чувстве». Протоиерей Базаров так описывает впечатление, произведенное на него императором Николаем¹⁵⁶: «Я остался на месте, пораженный этой величавой фигурой необыкновенного человека и изнемогая под величием его, устремленного на меня, взгляда. Я склонил перед ним голову не по чувству только подданнической покорности, но по какому-то магнетическому влиянию величественного явления, перед которым, — казалось и чувствовалось — все должно преклоняться»¹⁵⁷. «C'est un colosse idéal!» — восклицали иностранцы при виде императора Николая; «Богатырь, богатырь», — восторженно твердил простой народ; «Орел!» — гордо говорили солдаты¹⁵⁸.

Но классическое лицо императора Николая редко покидало выражение какой-то затаенной грусти. Было ли то следствием событий, омрачивших раннее детство государя, или следствием впечатления первого дня воцарения и постоянных угроз покушения на его жизнь из-за угла¹⁵⁹, но он производил впечатление человека далеко не счастливого. «На меня и на Альберта, — писала королева Виктория¹⁶⁰, — он производил такое впечатление, как будто этого человека нельзя признать счастливым, как будто на нем лежит тяжким, болезненным бременем громадная власть, соединенная с его положением. Он редко улыбается, а когда появляется улыбка, она не говорит о счастье»¹⁶¹.

Но если сильно было впечатление, производимое императором Николаем на отдельных лиц, то оно принимало в полном смысле слова стихийные размеры при общении его с народом. По своему характеру, по своим взглядам, наконец, по всей своей природе это был поистине русский царь, олицетворявший в себе одном могущественную нацию¹⁶². Николай Павлович не преувеличивал своей моральной силы, говоря, что стоит ему сказать слово, и все 60 миллионов встанут за ним, как один человек. Энтузиазм народный при виде государя доходил до неописуемых размеров. Генерал-адъютант Бенкендорф, постоянный спутник государя во всех его путешествиях первых годов царствования, в следующих выражениях описывает неожиданный приезд импе-

ратора Николая в Москву в марте 1831 года¹⁶³.

«Еще гул колоколов не замолк, а уже народ и экипажи со всех сторон устремились к дворцу; началась толкотня, давка; все поздравляли друг друга с нечаянной радостью; все были в восторге и удивлении. На дворцовой площади происходило такое волнение, что можно было бы принять его за бунт, если бы на всех лицах не изображалось благоговения и радости, свидетельствовавших, напротив, о народном счастье. В 11 часов государь вышел из дворца пешком в Успенский собор; все головы обнажились, загремело многотысячное ура, и толпа до того сгустилась, что генерал-губернатор князь Голицын и я

насилу могли следовать за государем, да и сам он, при всех усилиях народа раздаваться перед ним, едва мог подвигаться вперед. Только на какой-нибудь аршин очищалось вокруг него место; он беспрерывно останавливался и, чтобы пройти двести шагов, разделяющих дворец от собора, употребил, конечно, десять минут».

Император Николай обладал в высокой степени даром сердечного красноречия; его мощное, истинно русское слово приводило простой народ в те редкие минуты, когда ему удавалось слышать государя, в неописуемый восторг¹⁶⁴. Ему было замечательно присуще свойство одним словом или взглядом ободрить или повергнуть в уныние присутствующих. «Бывало, взглянет милостиво, — пишет Карцев¹⁶⁵, — за счастье почел бы отдать за него жизнь. В походе люди устали, еле плетутся; проедет государь, скажет слово, заплещут плясуны, зальется песня, забренчат бубны, и усталость забыта!»¹⁶⁶ ...

И нельзя не согласиться со словами барона Корфа, что император Николай знал и любил Россию, как знал и любил ее до него разве один только Петр Великий, а знание народа, согретое любовью, всегда действует с электрической силой¹⁶⁷.

На иностранцев такое обожание русским народом своего царя производило особенно сильное и иногда непонятное впечатление. «Деспотические желания императора Николая, — пишет один из

*Николай I (с литографии
П. Пети, по рисунку
Г. Митрейтера)*

позднейших историков Второй Империи¹⁶⁸, — которого Провидение наградило таким величием, парили так высоко, что они переставали быть ненавистными и требовали безусловного повиновения. Его самые несправедливые капризы, его самые ужасные упрямства были окрашены чем-то вроде святой настойчивости. Будучи одновременно главой церкви и гражданского управления, он считал себя представителем божественной власти. Уединенный по своему положению, слушающий только те советы, которые ему желательно выслушать, он привык в небесах искать света и в торжественные минуты своей жизни не сомневался, что его решения были продиктованы ему самим небом. Отсюда происходила вся опасность и в то же время все величие мистицизма, отсюда происходили и мечтания, которые не удавалось рассеять, так как они основывались неизвестно на каких священных галлюцинациях, отсюда также происходила и широта взглядов, которая расстраивала обыкновенное течение политики, и язык наполовину библейский, наполовину воинственный, который непривычным звуком раздавался в дипломатических канцеляриях и возбуждал религиозный энтузиазм с одного конца Святой Руси до другого»¹⁶⁹.

Треволнениями первых шести годов царствования императора Николая заканчивается период формирования его как человека и как государя. Ряд неблагоприятных обстоятельств произвел значительный переворот в образе мыслей Николая Павловича и дал особое развитие некоторым присущим ему с детства чертам характера.

В нем еще более резкой чертой прошла грань между добрым, сострадательным сердцем и благородными порывами¹⁷⁰, с одной стороны, и чувством строгого исполнения того, что он признавал своим долгом, своей святой обязанностью в служении Отечеству, с другой. Под влиянием протекшего в жестокой обстановке детства, а отчасти и ввиду свойственной ему по природе решительности, император Николай иногда облакал исполнение своего долга в суровую форму беспощадного пресечения зла. Верный духу своего времени, он в проступках серьезных был сторонником мер карательных, строго убежденный в том, что наказание одного виновного спасает от гибели многих невинных. Печальные события первых годов царствования, происшедшие в России и Западной Европе, содействовали окончательному утверждению в нем этих воззрений. Сила закона и обязанности государя как первого охранителя его стояли в глазах Николая Павловича несравненно выше чувств человека. Одно поведение его в день казни декабристов¹⁷¹ показывает, как в лице государя жестоко страдал человек, верный принятым на себя обязательствам¹⁷². «Je repousse le rôle de bourreau, et je ne veux user que de

*Прибытие Николая I в Москву во время холеры 1831 г.
(с английской гравюры на стали)*

mon droit de gracier»¹⁷³, — в этой фразе императора Николая выражается вся борьба чувства и долга.

Подчинившись выработанной системе, государь неуклонно следовал ей и в этом отношении правил Россией железной рукой. Отдельные факты из его царствования могут показаться жестокими и даже пристрастными, но исследование их в совокупности не оставляет сомнения в полной беспристрастности и сердечном отношении государя даже к виновным. Утверждая смертный приговор над декабристом Рылевым, он в то же время послал 3000 рублей его семье и принял на себя заботы по воспитанию его дочери¹⁷⁴. Узнав, что у привлеченного в 1849 году капитана Менькова к следствию имеется старушка мать, находившаяся в затруднительном материальном положении, государь секретно послал ей 1000 рублей¹⁷⁵. Признав необходимым в 1837 году лишить князя Дадияна в резкой форме флигель-адъютантских вензелей, император Николай, для смягчения тяжелого впечатления, которое это наказание должно было произвести на тестя князя Дадияна, барона Розена, здесь же передал эти вензеля сыну последнего¹⁷⁶. И смело можно сказать, что на один случай, в котором можно подозревать ввиду отсутствия достаточных сведений пристрастность или мстительность со стороны Николая Павловича, найдутся десятки случаев, фактически доказывающие противное¹⁷⁷.

Обстановка жизни и царствования императора Николая не могла содействовать уменьшению врожденной его вспыльчивости, и

*Граф А. Ф. Орлов
(с литографии,
по портрету Крюгера)*

государь подвержен был приступам гнева, которые проявлялись с той же силой, как и все чувства, обуревавшие его могучую натуру¹⁷⁸. Опасение подобных вспышек накладывало известный отпечаток на отношение к государю приближенных к нему лиц: слово правды редко доходило через них до высоты трона. Жесткая оболочка скрывала для большинства трезвый взгляд государя на вещи. «Я сам не раз ошибался, — сказал государь генерал-адъютанту Бибикову¹⁷⁹, — верно, ошибаюсь нередко и теперь и, верно, буду ошибаться и впредь; за непреднамеренные ошибки я никогда не взыщу». Рыцарскому характеру императора Николая было не чуждо сознание в

своей вине и удовлетворение обиженного даже в виде публичного перед ним извинения¹⁸⁰.

Обрисовавшиеся еще с юношеских лет черты характера Николая Павловича не изменились и в последующие годы, но приобрели лишь более определенные рельефные формы. Они были всецело перенесены им и в дело управления государством, что придавало всему царствованию этого государя отпечаток чего-то высоко благородного и рыцарского, но не всегда, к сожалению, соответствовавшего благодаря сложившейся международной обстановке истинным интересам России. Император Николай во все время своего царствования был окружен, так сказать, сиянием своих личных высоких качеств, через призму которых он смотрел на все окружающее; другие же руководствовались в своих поступках иными основаниями. Борьба происходила совершенно различными оружиями — идеального рыцарства и расчетливой практичности — и окончилась не в пользу первого. И замечательно то, что тяжелые уроки действительности мало способствовали изменению возвышенных взглядов императора Николая.

Открытый и прямой образ действий, отвращение ко всяким тайным и фальшивым средствам, душевная потребность откровенно высказывать во всякой обстановке свое одобрение и неудовольствие, открытое презрение к проявлениям отрицательных черт человеческой жизни и восхищение перед ее положительными сто-

ронами, сердечная доброта и простота государя в обращении — все эти присущие императору Николаю качества в размерах, соответствовавших его мощной натуре, отличали и его поведение как государя¹⁸¹.

И декабрьский бунт, и июльская революция, и польский мятеж убедили государя в том, что во главе революционного движения в большей части стояли лица, ознакомившиеся с учениями новых философов и различных образовавшихся в первую четверть девятнадцатого столетия обществ, но без надлежащей практической подготовки к тому, чтобы суметь отделить в этих учениях полезное от разных теоретических увлечений. Император Николай уверовал в громадный вред распространения среди мало подготовленной массы русской интеллигенции этих учений, да еще в окраске современных, в большей части случаев стоящих не на высоте своего призвания, мыслителей и публицистов, и ополчился против такого направления литературы и образования со всей страстью своей могучей натуры и с силой, равной вере в искореняемое этой борьбой зло. Насколько велико было в этом отношении убеждение государя, показывают следующие строки из его письма к князю Варшавскому¹⁸²: «Чертков привез мне экземпляр проекта конституции для России, найденный у Новосильцева в бумагах. Напечатание сей бумаги крайне неприятно; на 100 человек наших молодых офицеров 90 прочтут, не поймут или презрят, но 10 оставят в памяти, обсудят и, главное, не забудут. Это пуще всего меня беспокоит... Начальникам велеть обращать самое бдительное внимание на суждение офицеров и стараться и словами, и собственным примером доказывать, колкого презрения заслуживают те, кои подобным оружием нам вредить хотят».

Это приобретенное императором Николаем убеждение положило яркий отпечаток на направление в его царствование образования юношества и развитие мысли русского общества.

Из тех же источников получила начало и появилась подозрительность государя, в особенности к лицам, «будирующим», по его выражению¹⁸³. К таким лицам император Николай очень долго присматривался, прежде чем дарил их своим доверием. Всякое их свободное суждение очень часто принималось государем как поступок, враждебный лично против него¹⁸⁴.

Исключительные обстоятельства, сопровождавшие вступление Николая Павловича на престол, при отличавшей его всегда глубокой религиозности, придали его характеру мистический оттенок. Император Николай видел в этих обстоятельствах ясное доказательство Божественного промысла, и власть, данная ему «милостью Божией», имела для него особое религиозное значение. Считая всех монархов за одну семью, государь стал во всем своем величии на защиту принципа монархизма и законности во всей Европе. Если обстоя-

**Цесаревич Александр
Николаевич**
(с литографии П. Иванова,
по картине Г. Чернышева)

тельства не всегда давали ему возможность фактически поддерживать этот принцип, то во всяком случае его правдивая натура не могла воздержаться от выражения своего нравственного презрения к нарушителям законности¹⁸⁵.

Со вступлением на престол император Николай перестал жить своей частной жизнью; он весь предан служению России. Он, казалось, сознавал, как короток период человеческой жизни для того, чтобы достигнуть видимых результатов в обширном деле управления громаднейшим государством. Его непостижимой деятельности удивлялись все современники. Все бумаги и доклады, восходившие до государя, непременно разрешались в тот

же день¹⁸⁶. Граф А. Х. Бенкендорф так описывает деятельность государя во время путешествий: «Курьеры, ежедневно приезжавшие из Петербурга или из армии, были отправляемы обратно в ту же ночь. Государь ложился спать не раньше трех часов утра, чтобы только порешить и отослать все без изъятия поступившие бумаги. Таким образом доклады Государственного Совета, Комитета министров, министерств: иностранных дел, военного и финансов и начальников армий возвращались точно так же без замедления, как бы государь проживал в Петербурге, свободно располагая своим временем. Кроме того, он находил время ежедневно писать подробные письма к императрице, перечитывать донесения о здоровье и ходе уроков своих детей, перелистывать газеты и часто даже пробегать вновь появившиеся в печати книги на русском и французском языках»¹⁸⁷.

Все личные чувства и интересы государя отступали перед обязанностями «службы», как император Николай не раз называл свое царствование. Надо понять, что он, отличный семьянин, чувствовал, отправляясь в бунтующие поселения в то время, когда императрица находилась в последнем периоде беременности¹⁸⁸. Даже такие удары, как смерть взрослой и любимой дочери великой княгини Александры Николаевны, ни на минуту не отвлекли его от государственных дел¹⁸⁹.

Подготовка наследника престола и воспитание прочих детей обращали на себя особое внимание Николая Павловича. Он всеми силами старался оградить их от того, что он испытал своим горьким опытом. Слова, сказанные маршалу Мармону — «je veux faire de mon fils un homme avant d'en faire un prince»¹⁹⁰ — легли в основу воспитания будущего царя-освободителя. Цесаревич с первой молодости присутствовал при всех докладах государю и прочитывал представляемые ему бумаги¹⁹¹, заседал в Государственном Совете и Комитете министров, а при отъезде государя ему предоставлялось право решать Высочайшим именем многие дела¹⁹². Одни имена лиц, привлеченных к заведованию образованием наследника, Жуковский и Сперанский, говорят сами за себя и вызывают невольное сравнение с детством Николая Павловича.

Некоторые мысли, высказанные государем по поводу воспитания его детей, крайне интересны и в отношении личной характеристики императора Николая. Восхваляя блестящие способности великого князя Константина Николаевича, он выражал сожаление о том, что они помрачаются «какой-то смешной и безотчетной неприязнью ко всему западному, каково бы оно ни было, и излишним ультрапатриотизмом». В чтении курсов он требовал не останавливаться долго на отвлеченных предметах, которые потом или забываются или не находят никакого приложения на практике. На высказанное преподавателем сомнение о том, знакомить ли великого князя с конституционными планами, занимавшими императора Александра, государь отвечал: «Разумеется, и непременно; его надо вводить во все со всею искренностью и ничего от него не скрывать»¹⁹³.

Такова в общих чертах полная благородства и высоких выдающихся качеств личность императора Николая. Тридцатилетнее тяжелое царствование, в которое государь вкладывал с присущей ему горячностью всю свою жизнь, не могло пройти бесследно ни для его здоровья, ни для его характера. Постоянные внешние успехи окончательно утвердили его в верности того направления, по которому он повел Россию. Особенности его характера естественно должны были к концу царствования несколько обостриться, мистицизм несколько увеличиться. Французский посол при Петербургском дворе генерал Кастильбажак дает следующую характеристику Николая Павловича, относящуюся к концу его царствования¹⁹⁴:

«Император Николай похож на Петра Великого, Павла I и рыцаря средних веков, но, по мере приближения старости, Павел I начинает преобладать; необходимо ловить на лету его благие вдохновения и предупреждать плохие. В общем, это человек и государь очень оригинальный, которого очень трудно узнать — таково несоответствие между его достоинствами и недостатками. Он внушает страх и уважение своей семье и всем, кто его окружает, а вместе с тем очень часто он является самым простым и сердеч-

ным человеком, катаясь по ковру со своими многочисленными внуками, которые рвут его редкие волосы и мучат его всяким образом. Это друг верный и очень часто выказывающий нежность, достойную сердца молодой романтической женщины, но в то же время жесткий и беспощадный (*intraitable*) к малейшим ошибкам и никогда не восстанавливающий того, что им разрушено»¹⁹⁵.

Со своей стороны, принц Евгений Виртембергский следующими строками заканчивает свои воспоминания об императоре Николае: «Я сказал бы императору Николаю — испытай свое сердце, и ты увидишь, что оно благородно, доброжелательно и склонно ко всему великому; не обманывай самого себя насчет собственных чувств. Протяни Европе братскую руку и не делай ни для кого исключения... Ты сам настолько великодушен, человеколюбив и вместе с тем так тверд и решителен, что тебе предназначено играть блестящую роль во главе могущественнейшего государства. Тебе следует стать во главе всякого доброго начинания и презирать крикунов, но если ты не тиран, то не старайся же казаться им!»¹⁹⁶

Примечания

¹ «Сначала был период либерализма и филантропии, — говорит по этому поводу декабрист Штенгель в своем письме к императору Николаю Павловичу, — потом период мистицизма и, наконец, противных мнений и действий тому и другому»//Русский архив. 1895. Кн. 1.

² Дневник П. Г. Дивова.

³ Штенгель В. И., барон//Русский архив. 1895. Кн. 1. С. 161—169.

⁴ Там же.

⁵ Всеподданнейший отчет членов комиссии графа Кочубея, графа Толстого и князя Голицына, представленный, по возвращении государя из Турецкой кампании, 16 октября 1828 года.

⁶ Из биографии Ф. И. Тютчева//Русский архив. 1874.

⁷ Император Николай Павлович. Записки графини А. Д. Блудовой//Русский архив. 1893. Кн. 1.

⁸ Русская старина. 1898. Т. 96. С. 353—362.

⁹ София Петровна Свечина//Русская старина. 1900. № 11. С. 416—418.

¹⁰ Русский архив. 1895. Кн. 1.

¹¹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 59.

¹² Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884.

¹³ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 163.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Записка гос. секр. А. Н. Оленина. Сборник ИРИО. Т. XX.

¹⁶ Записки Я. И. Ростовцева.

¹⁷ Собственная Его Величества библиотека.

¹⁸ Барон Корф. Историческое описание.

¹⁹ «L'empereur Nicolas, — писала по этому поводу графиня М. Д. Нессельроде 30 декабря 1825 года, — a su le même 14 prouver, qu'il était

capable de gouverner les 50 millions d'âmes qui lui sont échues par le destin. Le matin de ce jour l'on ignorait encore ses grandes qualités que ces tristes circonstances firent éclore subitement. Dans quelques heures par son courage, sa présence d'esprit, sa fermeté, son humanité il sut se gagner les coeurs et la confiance de la troupe, des habitants de sa capitale qui confièrent à la renommée avec enthousiasme ce qu'il a été ce jour-là et ce qu'il continue à être». (Гос. архив, разр. III, № 43).

Следует заметить, что графиня М. Д. Нессельроде, давшая в своей переписке весьма меткую характеристику современных ей деятелей, вообще не отличалась особым пристрастием к личности императора Николая Павловича.

²⁰ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 290.

²¹ Собственные слова императора Николая Павловича.

²² Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 311.

²³ Там же.

²⁴ Письмо к цесаревичу Константину Павловичу от 29 ноября (11 декабря) 1827 года.

²⁵ J'ai la ferme conviction de cette protection divine qui s'exerce sur moi d'une manière trop palpable pour que je ne veuille l'apercevoir dans tout ce qui m'arrive, — et voilà ma force, ma consolation, voilà mon guide en tout.

²⁶ Письмо от 15 декабря 1825 года.

²⁷ The diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus, 1837—1862. London, 1892, 2 vol.

Следует отметить тот факт, что вообще, за немногими исключениями, характеристика императора Николая Павловича иностранными писателями отличается во всем, кроме, впрочем, его внешней политики, большей беспристрастностью и правдивостью, чем характеристика русских писателей. Эти последние и доньше находятся под впечатлением пристрастных и партийных отзывов современников.

²⁸ Из статьи газеты «Aftonbladet» от 5 марта 1855 года. Архив Мин. иностр. дел, U. W. V., 1855.

²⁹ Один из многих подобных эпизодов рассказан в «Воспоминаниях из прошлого» княгини Варвары Репниной//Русский архив. 1870. Кн. 2.

³⁰ Собственноручное письмо императора Николая I к императору Австрийскому от 1 (13) февраля 1853 года. Гос. архив.

³¹ «Il y a telle espèce de scélérat qui ne comprend pas la générosité, la prend pour de la faiblesse et en profite dans ses exécrables calculs».

³² Исторический вестник. 1901. Кн. 5. С. 586.

³³ Из Записок барона М. А. Корфа //Русская старина. 1900. Кн. 2.

³⁴ А. Зайончковский. Заметки Императора Николая Первого на записке Н. Н. Муравьева//Военный сборник. 1903. № 2.

³⁵ Целая масса примеров выслушивания императором Николаем Павловичем с благодарностью самостоятельных мнений и горьких иногда истин помещены в дневниках: барона М. А. Корфа (выдержки напечатаны в ж. «Русская старина»), флигель-адъют. Аркаса (выдержки напечатаны в ж. «Исторический вестник»), отчасти князя А. С. Меншикова (рукопись) и во многих других воспоминаниях об этой эпохе.

³⁶ Характер отношения к императору Николаю Павловичу приближенных к нему лиц очень рельефно выясняет Н. Н. Муравьев в своем рукописном дневнике за 1849—1854 годы. Архив Гр. Гр. Черткова.

³⁷ Дневник князя П. П. Гагарина. Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, карт. 15.

³⁸ «Cet homme n'est point aimé même des coeurs auxquels il a fait du bien».

³⁹ Упомянем между прочими Ермолова, Муравьева-Карского, Закревского и др.

⁴⁰ Сперанский, Пушкин, Муравьев-Карский и др. Рукоп. дневн. Н. Н. Муравьева. Воспоминания Г. Д. Щербачева//Русский архив. 1890. Т. I. С. 118; Grimm. Р. А. Старина и новизна.

⁴¹ Как, например, с Ермоловым.

⁴² Русский архив. 1894. Кн. 3.

⁴³ Воспом. Д. К. Тарасова//Русская старина. 1872. Т. VI. Критич. заметки А. Зиссермана//Русский архив. 1885. Кн. 5 и др. Письма графини Нессельроде графу Гурьеву. Гос. архив, разр. III и др.

⁴⁴ Рукоп. дневник князя П. П. Гагарина за 12 октября 1854 года. Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, карт. 15.

⁴⁵ Интересна приводимая князем П. П. Гагариным в дневнике от 7 сентября 1854 года, между прочим, характеристика бывшего в то время военным министром князя В. А. Долгорукова. «A présent que tout ce qui pense, que tout ce qui sent n'a qu'une idée, la Crimée, on se redit tout ce que l'on sait qui y a rapport. C'est comme cela que j'ai su que le comte Nesselrode sur une observation qu'on lui faisait à propos de la nécessité d'y envoyer des renforts avait répondu: — Mais il y a in mois que j'en parle et reparle à Dolgorouky dont je n'ai pu obtenir d'autre réponse que celle-ci: Sa Majesté ne m'a pas donné d'ordres à cet égard. — Ces mots-là ne donnent-ils pas la mesure du ministre. Il a bien tout ce qu'il faut pour faire un favori. Extérieur, manières, caractère, organe, mais il paraît que cela ne suffit pas pour faire un homme d'Etat».

⁴⁶ «Quand on pense à quelle hauteur nous étions et que nous sommes volontairement et de plein gré descendus aussi bas, cela fait frémir, et tout cela parce que des gens qui devaient dire la vérité à l'empereur la lui ont cachée, que tous nos ministres à l'étranger ont préféré atténuer ce qu'ils avaient à dire, en vue de leur intérêt personnel et que d'autres ont fait comme eux».

⁴⁷ Письмо от 22 декабря 1825 года.

⁴⁸ Письмо от 29 декабря 1825 года.

⁴⁹ Письмо от 29 января 1826 года.

⁵⁰ «Je veux et, s'il plaît à Dieu, j'irai au fond du lac, arrive ce qui voudra».

⁵¹ Историческая записка графа Д. А. Толстого. Архив П. Я. Дашкова.

⁵² Киевская университетская старина//Русская старина. 1899. № 6.

⁵³ Мекензи Уоллесс. Россия//Древняя и Новая Россия, 1879, октябрь.

⁵⁴ Николаевская цензура//Исторический вестник. 1901. № 11.

⁵⁵ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 346.

⁵⁶ Письмо от 29 ноября (11 декабря) 1827 года.

⁵⁷ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I и II.

⁵⁸ «Vous qui avez été notre maître et qui pour moi l'êtes toujours au fond de mon coeur». (Из письма императора Николая цесаревичу Константину Павловичу от 30 марта (11 апреля) 1831 года).

⁵⁹ От 8 (20) декабря 1825 года.

⁶⁰ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 402.

⁶¹ «Подобные узы, — писал по этому поводу император Николай князю Паскевичу 2 марта 1835 года, — передаются от отца к сыну, из рода в род; я его (союз) наследовал от Александра Павловича и передам сыну; император Фердинанд получает в наследство от отца, моего друга, и дружба моя ему принадлежит отныне свято; в этом залог счастья народов! Новые лица перемениться могут, но священные правила никогда; они вечны, как святыня»//Русский архив. 1897. Кн. 1.

⁶² Там же, стр. 349.

⁶³ Роль цесаревича в первые годы царствования императора Николая Павловича с достаточной подробностью выяснена в труде Н. К. Шильдера: «Император Николай I».

⁶⁴ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

⁶⁵ Императорское Российское историческое общество: Сборник. Т. LXXIV. С. 16.

⁶⁶ По крайней мере, этого мнения держался один из делопроизводителей комитета, барон Корф, в своем сочинении «Жизнь графа Сперанского».

⁶⁷ Сюда можно отнести: Новое положение о дворянских выборах, учреждение почетного гражданства, ограничение продажи крестьян без земли, расписание должностей гражданской службы, изменение условий приобретения дворянства при помощи чина и пр.

⁶⁸ Кроме вышеупомянутого комитета 6 декабря 1826 года, в первые годы царствования были собраны комитеты для выработки плана войны с Турцией в 1829 году, для выработки оснований наших дальнейших отношений к этой империи и др.

⁶⁹ Корф М. Жизнь графа Сперанского. Ч. II. С. 300.

⁷⁰ «J'ai eu une longue conversation avec Spéransky; elle s'est passée d'une manière fort calme et amicale et on принес повинную» (Из бумаг Шильдера. Архив П. Я. Дашкова).

⁷¹ Корф М. Жизнь графа Сперанского. Ч. II. С. 308.

⁷² «Министр народного просвещения говорит: опасно учить крестьян читать и писать; министр внутренних дел говорит, что промышленность убивает Россию; министр финансов не идет далее, как займы делать и налоги умножать; члены Государственного Совета утверждают, что мужик русский знает пахать землю лучше, нежели ученый какой агроном и т. д.» (Архив графов Мордвиновых. Т. IX. СПб., 1903 г., с ценными предисловиями и примечаниями В. А. Бильбасова).

⁷³ Дневник барона М. А. Корфа за 1848 год.

⁷⁴ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁷⁵ Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров.

⁷⁶ Госуд. архив, разр. III, № 164.

⁷⁷ Высочайшая резолюция на одной из меморий Комитета Министров в 1827 году.

⁷⁸ Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета Министров.

⁷⁹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 466—468.

⁸⁰ В письме к графу Гурьеву от 9 сентября 1827 года. Госуд. архив, разр. III.

⁸¹ Графиня Нессельроде вела свою переписку на французском языке; приводим подлинный текст этих отрывков: «Vous êtes très curieux de savoir ce qui se passe dans le pays; il m'est difficile de vous intéresser à ce sujet, parce que je ne puis moi-même classer mes idées. Je sais que l'on glose moins, ce qui est certainement un mieux et qu'il règne plus d'activité dans les affaires, sans qu'elles aillent ou soient jugées avec plus d'équité, malgré l'extrême désir qu'aurait le souverain, qu'il y en eût, mais pour cela il faudrait tant et tant de choses, qu'il est très difficile de l'établir, surtout lorsqu'on n'embrasse pas tous les moyens qui y conduisent. Ce sont les mêmes ministres ineptes qui gouvernent; les aides qu'in leur a donnés ne peuvent rien; ainsi l'on ne peut s'attendre à une régénération... Les intentions sont pures, parfaites, accompagnées d'une grande franchise, mais on a remarqué, qu'il n'a pas le tact des hommes et que tout choix qu'il fait est malheureux en ce qu'il ne remplit point le but. Cependant les formes de l'Empereur, sa volonté pour le bien font qu'il est aimé, que ce sentiment se consolide dans toutes les classes»

⁸² «Всеподданнейший отчет членов Комиссии графа Кочубея, графа Толстого и князя Голицына от 16 октября 1828 года». Этот интересный отчет помещается в приложении № 6.

⁹³ «Aus meinem Leben», von Louis Schneider. Berlin, 1879.

⁸⁴ Письмо государя от 25 сентября 1829 года.

⁸⁵ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

⁸⁶ В письме к графу Гурьеву от 9 сентября 1827 года. Гос. архив, разр. III.

⁸⁷ «On dit qu'il (Дибич) manque entièrement de logique, c'est cependant lui qui mène toutes les affaires militaires», — пишет в том же письме графиня Нессельроде.¹ (Письмо государя от 25 сентября 1829 года).

⁸⁸ «Il a de la franchise dans l'abord de l'a propos, mais pas d'expérience et beaucoup de promptitude non raisonnée, ce qui se voit lorsque l'on suit ses premiers mouvements et que la personne qui lui présente l'affaire n'ose le contredire. Elle a doublement tort, parce qu'il est prouvé qu'il entend la vérité et cède souvent à une bonne raison». (Из письма графини Нессельроде графу Гурьеву от 8 ноября 1827 года. Гос. архив, разр. III).

⁸⁹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

⁹⁰ «Le calme et la tranquillité avec lesquels Sa Majesté donnait ses ordres étaient admirable, dignes du général le plus consommé. Aucun mouvement d'impatience, ni d'humeur, quand même les aides de camp, qui avaient mal compris ses ordres, osèrent lui demander de les leur répéter. Il les leurs expliquait avec une clareté et une précision, qui ont provoqué l'étonnement des officiers qui ont toute l'habitude de commander». (Из письма датского посланника графа Блом из-под Шумлы от 12 (24) июля 1828 года. Военн. учен. архив, отд. II, № 4445).

⁹¹ Из переписки с графом Н. Гурьевым в 1827 году. Гос. архив, разр. III.

⁹² Из дневника князя А. С. Меншикова: «19 июня 1845 года. С государем ездил в Кронштадт и на пути с ним работал. Он учил канонерские лодки по стрелковым сигналам, и хотя все делалось, но не так, как ему хотелось. Он говорил, что Гейден, улучшая, испортил начертанную им тактику, и потому приказал завтра привести в Петергоф по 4 человека с каждой лодки для личного Высочайшего обучения их движениям по гор-

новым звукам, т. е. пешее не по конному, а по гребному...

24 июня. Забыл отметить, что на пешем лодочном учении, на Петергофском плацу, государь крикнул на гр. Гейдена: «*Извольте молчать*», и восклицание это было не без дополнения; офицерам же толковал с терпением правила движения с вопросами, понимают ли, и непонимающим повторял». (Рукопись. Архив князя Н. Н. Гагарина).

⁹³ «Молодцы ваши гренадеры королевской гвардии, — выразился государь в разговоре с французским послом Бургоэном. — Я желал бы воздвигнуть золотую статую каждому из них». «*Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques*» par le baron Paul de Bourgoïn. Paris, 1864.

⁹⁴ Замечательные награды, данные командиру и офицерам брига «Меркурий», выдержавшему 14 мая 1829 года трехчасовое сражение с двумя турецкими кораблями в виду всего неприятельского флота: «Капитан-лейтенанта Казарского произвести в капитаны 2 ранга, дать Георгия 4-го класса, назначить в флигель-адъютанты, с оставлением при прежней должности, и в герб прибавить пистолет. Всех офицеров — в следующие чины, и у кого нет Владимира с бантом, то таковой дать. Штурманскому офицеру, сверх чина, дать Георгия 4-го класса. Всем нижним чинам знаки отличия Военного ордена и всем офицерам и нижним чинам двойное жалованье в пожизненный пенсион. На бриг «Меркурий» — Георгиевский флаг» (Архив Морск. мин.)

⁹⁵ Указ на имя адмирала Грейга 4 июня 1829 года. Архив Морск. мин. Существует рассказ, что потомству командира «Рафаила» Стройникова было запрещено императором Николаем когда-либо вступать в брак, чтобы фамилия, опозорившая русский флаг, перестала существовать, и несколько лет тому назад скончался холостым последний представитель этой фамилии. Нам не удалось найти подтверждения этого рассказа в архивных документах.

⁹⁶ Дневник барона М. А. Корфа за 1849 год. Собственная Его Величества библиотека.

⁹⁷ Письмо к графу Паскевичу 15 ноября 1828 года.

⁹⁸ Записка эта, «*Aperçu sur la campagne de l'année 1828*», помещена в приложениях к т. II труда: Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁹⁹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

¹⁰⁰ Там же. См. примечания.

¹⁰¹ Более подробно об этом обстоятельстве будет изложено далее.

¹⁰² Дневник барона М. А. Корфа.

¹⁰³ Смотри выше.

¹⁰⁴ «Я знаю, — писал будущий министр Валуев графу Д. Н. Толстому в августе 1848 года, — как составляются всеподданнейшие доклады. Один из ваших знакомых, без сомнения умный и деловитый, говоря о каком-то Сенявинском докладе и видя лишь мой мундирный фрак, а не меня, сказал мне: «Все дело в том, как поднести доклад и как составить его, чтобы на нем не могла лечь неблагоприятная резолюция». Это также, — прибавляет Валуев, — различие между буквой и духом, которого Его Величество не подозревает» (Переписка графа Д. Н. Толстого с графом П. А. Валуевым. Архив П. Я. Дашкова).

¹⁰⁵ См. приложение № 7.

¹⁰⁶ Письмо от 8 (20) декабря 1825 года.

¹⁰⁷ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 349.

¹⁰⁸ «Cette scène était une affaire de famille, à laquelle l'Europe n'avait rien à démêler» (Корф М. А., барон. Восшествие. С. 159).

¹⁰⁹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 411.

¹¹⁰ Лекции, читанные в 1838 году бароном Брунновым наследнику цесаревичу Александру Николаевичу. Эти лекции, хранящиеся в рукописи в нашем Государственном архиве, представляют собой замечательный исторический документ, в котором с полной рельефностью высказались взгляды нашего Министерства иностранных дел на политику, преследуемую нами в царствование императора Николая. Нет сомнения, что государь, в особенности в первые годы своего царствования, был по самому свойству своего характера сторонником национальной политики, но печальные обстоятельства первого пятилетия царствования, обещание следовать по стопам императора Александра и, наконец, влияние опытного дипломата графа Нессельроде, совместно с другими побочными обстоятельствами, заставили императора Николая все более и более отклоняться от намеченного им первоначального пути. Ту часть работы барона Бруннова, которая касается царствования Николая Павловича, мы помещаем в полном объеме в приложении № 8.

¹¹¹ Отношения императора Николая к Турции будут нами подробно рассмотрены в отдельной главе. Здесь же мы их касаемся лишь в мере, необходимой для выяснения характера государя.

¹¹² «Le mode de négociation établi à Ackerman nous fit éviter les longueurs qui avaient accompagné nos anciennes discussions et entravé depuis 14 ans le succès de nos démarches à Constantinople» (См. приложение № 8).

¹¹³ «La politique de l'Empereur peut se résumer en trois mots: не тронь меня».

¹¹⁴ Muffling. Aus meinem Leben. Berlin, 1855.

¹¹⁵ Подробнее об этом будет изложено в соответствующих главах.

¹¹⁶ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 416.

¹¹⁷ Записки барона Бруннова. См. приложение № 8.

¹¹⁸ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 416—418.

¹¹⁹ «Cette cause grecque est la cause du Jacobinisme pur et simple» (Письмо к императору Николаю 7 (19) декабря 1827 года).

¹²⁰ «Toute politique mise à part, ainsi que les intérêts particuliers des puissances européennes». Там же.

¹²¹ «La cause grecque a été et est appuyée par toutes les têtes révolutionnaires du monde entier, y prêter les mains, c'est se mettre de pair et compagnie avec eux... L'opinion publique, comme on l'appelle de nos jours, est une peste, et si les gouvernements s'y soumettent et agissent d'après, il n'y a plus de bornes puisqu'elle est aussi versatile que le vent, — c'est au gouvernement à la diriger et non de la suivre pour avoir la majorité du moment... Il ne faut pas admettre chez autrui ce qu'on ne souffrirait chez soi...» (Из письма к императору Николаю от 7 (19) декабря 1827 года).

¹²² Из «Записок Гизо» в выдержках//Русский архив, 1880. Кн. I.

¹²³ Из разговора государя с чрезвычайным послом Карла X виконтом Сен-При 8 (20) января 1826 года. Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I. С. 400.

¹²⁴ В письме к графине Нессельроде из Парижа от 13 ноября 1830 года.

¹²⁵ С. П. Свечина//Русская старина. 1900, ноябрь.

¹²⁶ «Souvenirs d'histoire contemporaine. Episodes militaires et politiques» par le baron Paul de Bourgoïn. Paris, 1864.

¹²⁷ Интересные в этом отношении взгляды императора Николая высказаны им в письме к цесаревичу Константину Павловичу от 17 (29) августа 1830 года, выдержка из которого помещается в приложении № 9.

¹²⁸ Приложение № 10.

¹²⁹ Гизо об императоре Николае и его отношениях к королю Людовигу-Филиппу//Русский архив. 1880. Кн. 1.

¹³⁰ См. приложение № 8.

¹³¹ Доказательством этому могут служить: коронование в Варшаве, открытие сейма, справедливость императора в деле приговора сената в борьбе его с цесаревичем, покровительство фабричной промышленности даже в ущерб России, его уважение к польской национальности, выразившееся в даровании денежных средств для реставрации древнего замка королей польских, и проч.

¹³² Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

¹³³ Из записок генерал-адъютанта графа А. К. Бенкендорфа.

По этому же поводу один из польских историков пишет: «Наши историки, смотрящие на вещи лишь сквозь призму 1831 года, говорят о презрении и непоборимом отвращении императора Николая к конституционному устройству Польши. В этой оценке может заключаться доля правды, так как характер государя с трудом поддавался малейшему разделу власти; тем не менее, в течение первых четырех лет своего царствования император Николай не только пальцем не затронул учреждений Польши, но не переставал выполнять свои обязанности конституционного короля лучше, чем его предшественник» (Lisicki: Le Marquis Wielopolski. Vienne. 1880).

¹³⁴ Из письма императора Николая к цесаревичу Константину Павловичу 24 октября (5 ноября) 1827 года.

¹³⁵ От 5 (17) и 12 (24) декабря 1830 года.

¹³⁶ Письмо императора Николая к цесаревичу Константину Павловичу от 8 (20) декабря 1830 года.

¹³⁷ Военский К. А. Николай I и Польша//Исторический вестник. 1903. № 4 и 5.

¹³⁸ Мы берем эти выдержки из французского подлинника записки Вылежинского.

¹³⁹ «Qui des deux doit périr, car il paraît que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne? Décidez vous-même. J'ai épuisé tous les moyens possibles pour prévenir un pareil malheur»... (Из письма императора Николая к цесаревичу Константину Павловичу от 3 (15) января 1831 года).

¹⁴⁰ В собственноручной записке по польскому вопросу. Архив мин. иностр. дел. Доклад 1830 г. Записка эта приведена в приложении XVIII к II тому труда Шильдера Н. К. Император Николай I.

¹⁴¹ Гейнс А. С. Полное собрание сочинений. СПб., 1898.

¹⁴² Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

¹⁴³ Речь императора Николая к польским депутатам 4 октября 1835 года.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Из записок польского епископа Буткевича //Русский архив. 1876. Кн. 8.

¹⁴⁶ Беседа императора Николая с Бургоэном о Польше//Древняя и Новая Россия, 1879, октябрь. Т. XV. С. 1.

¹⁴⁷ Лекции, читанные наследнику цесаревичу в 1838 году. См. приложение № 8.

¹⁴⁸ Из письма императора Николая к князю Варшавскому от 18 (30) октября 1831 года.

¹⁴⁹ Кюстин, барон Корф, Экштедт и др.

¹⁵⁰ Кюстин.

¹⁵¹ Эти строки принадлежат лицу, настроенному очень враждебно против системы правления императора Николая.

¹⁵² Фицтум фон Экштедт. С. 14.

¹⁵³ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. VI.

¹⁵⁴ Воспоминание князя Эмилия Витгенштейна//Русская старина. 1901. Кн. 3.

¹⁵⁵ Записки графини Блудовой//Русский архив. 1872. С. 1227.

¹⁵⁶ Из воспоминаний протоиерея И. И. Базарова//Русская старина. 1901. Кн. 3.

¹⁵⁷ «Надобно отдать справедливость, Николай Павлович умел от души говорить горячее слово, которое шло прямо в душу. Выражение его лица в минуты благоволения было чрезвычайно симпатично. Зато в минуты гнева и раздражения его наружность мгновенно изменялась» (Воспом. Гр. И. Филиппсона//Русский архив. 1883. Кн. 6).

Другой современник, Филлеборн, в письме к тайному советнику Тенгобарскому от 18 мая 1852 года из Вены (Госуд. архив, разр. XV, д. № 139) так описывает впечатление, произведенное на венцев приездом императора Николая:

«Оно не поддается описанию, все народонаселение им очаровано. «Вот государь, — слышалось на каждом шагу, — который должен служить образцом!» Действительно, нужно сознаться, что весь образ его действий способен наэлектризовать. Ему также не должно быть неизвестным, что он служит предметом всеобщего удивления».

¹⁵⁸ Из записок старого преображенца, князя Н. К. Имеретинского//Русская старина. 1900. Кн. 12.

¹⁵⁹ Князь Щербатов, генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. V.

Из записок Ф. Я. Маркевича//Русский архив. Т. I. С. 417.

¹⁶⁰ В письме к королю Леопольду Бельгийскому от 4 июня 1844 года.

¹⁶¹ «И хотя он часто улыбался и аплодировал (в театре), но выражение его прекрасного лица было серьезное, даже грустное», — пишет в своих воспоминаниях леди Блумфильд//Русский архив. 1899. Кн. 1.

¹⁶² «Николай Павлович, — пишет графиня А. Д. Блудова, — один из тех людей, которыми движется целое поколение, потому что они каким-то инстинктом предчувствуют, так сказать, внушения и потребности своего времени, сочувствуют им и тем самым управляют стремлением, помогая ему, но вместе и с твердостью удерживая от безумной поспешности, которая бы увлекла стремглав мимо цели в пропасть»//Русский архив. 1893. Кн. 1, С. 89, 90.

¹⁶³ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

¹⁶⁴ Дневник барона М. А. Корфа за 1842 год.

¹⁶⁵ Из воспоминаний старого лейб-егеря Карцева, рукопись.

¹⁶⁶ «Il y a eu aujourd'hui une grand parade à l'occasion de la promotion des officiers. L'empereur a fait un discours qui a fait fondre en larmes tous les assistants et l'empereur lui-même» (из дневника князя П. П. Гагарина за 19 июня 1854 года. Собственная Его Величества библиотека).

¹⁶⁷ Дневник за 1842 год.

¹⁶⁸ «Histoire du Second Empire». De la Gorce. Paris, 1899. Т. I. P. 146.

¹⁶⁹ «Jamais empereur, — пишет St-Ange, — n'avait inspire a ses sujets de race moscovite un attachement plus fanatique et, il est tres vrai que partout ou l'on voyait le czar avec sa haute taille et son port imperial, on l'accueillait moins comme un homme que comme un demi-dieu. Son orgueil s'était eleve avec sa position et sa puissance; il semblait quelquefois produire des hallucinations mystiques, comme s'il avait voulu franchir les bornes assignee a la grandeur humaine» (Архив канц. воен. мин. по снар. в. 1854 г., д. № 124).

¹⁷⁰ «Дм. Вас. Дашков, — пишет графиня Блудова, — сопровождавший государя в Турецкой кампании 1828 года, говорил по возвращении отцу моему, что тут узнав государя ближе, он глубоко полюбил его, видя на каждом шагу его доброе, сострадательное сердце и благородные порывы, его любовь к Отечеству и сердечное сокрушение, когда было много убитых и раненых» (Воспом. графини А. Д. Блудовой//Русский архив. 1874).

¹⁷¹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I.

¹⁷² Княгиня Варв. Репнина сообщает следующий рассказ, слышанный ею от киевского генерал-губернатора Бибикова.

«Только что мы вышли с государем из дома, чтобы сесть в поданную коляску, как молодая девушка бросилась к нему в ноги, рыдая и прося помилования матери, сосланной в Березов, и в истерике упала под самую коляску. Государь поспешно вернулся в дом. Поручив молодую девушку попечению стоявших тут, я также вошел в дом и прямо в свой кабинет, где, к моему удивлению, застал Государя, стоявшего лицом к окну. Он быстро обернулся ко мне; лицо его было орошено слезами. Скажи, скажи мне, сказал он с волнением, можно ли ей простить? Я отвечал, что можно, но что, по моему мнению, лучше для этого дожидаться дня его ангела» (Русский архив. 1870. Кн. 2).

¹⁷³ Из письма Императора Николая к цесаревичу Константину Павловичу от 19 декабря 1830 года.

¹⁷⁴ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I.

¹⁷⁵ Записки Менькова П. К. СПб., 1897. Т. II.

¹⁷⁶ Император Николай на Кавказе в 1837 году//Русская старина. 1884. № 8.

¹⁷⁷ Приведем здесь один случай, рассказанный Савельевым А. И.//Русская старина. 1900. № 8. С. 334.

В видах сбережения мундиров, ежедневно носимых воспитанниками Инженерного училища, построены были серые куртки с кожаными локотниками, и приказано было их надеть, и, когда после несколько раз повторенных приказаний младшего и затем старшего начальства воспитанники приказаний не исполнили, уведомили об этом генерал-инспектора по инженерной части, великого князя Николая Павловича, проживавшего тогда в Аничковском дворце. Великий князь скоро приехал. После выраженного великим князем роте неудовольствия, и, когда на его при-

казание надеть куртки не последовало исполнения, великий князь обратился к правофланговому, это был Реймерс.

— Сейчас надеть куртку! — сказал великий князь.

— Простите, ваше высочество, мы не променяем нашего мундира на куртку фурашадта! — ответил Реймерс.

— Так ты наденешь лямку солдата! — сказал великий князь и оставил училище.

К счастью, гнев великого князя скоро прошел. Реймерс кончил курс наук и вышел в офицеры, но только прапорщиком, которого долго не провозили в следующие чины. На его счастье, когда он был в Инженерном училище уже преподавателем ситуации, рисования и перспективы, приезжает в Инженерный замок император Николай Павлович. Государь, обходя офицерские классы, вошел в верхний кондукторский класс, где читал лекцию о перспективе и теории теней прапорщик Реймерс. Государь любовался рисунками кондукторов, сел на первую скамейку подле кондуктора, прослушал всю лекцию, встал и взволнованным голосом сказал:

— Реймерс, поди ко мне, — и когда Реймерс подошел, государь обнял его со слезами на глазах и несколько раз повторил: — Прошлое забываю; мы по-прежнему остаемся друзьями.

Вечером в тот же день из капитула орденов прислан был пакет с орденом св. Владимира 4-й степени на имя инженер-подпоручика Реймерса.

¹⁷⁸ Записки флигель-адъютанта Н. А. Аркаса, рукопись. Дневник Н. Н. Муравьева за 1849—1853 гг. (Рукопись. Воспоминания Докудовского. Рязань, 1898).

¹⁷⁹ Дневник барона М. А. Корфа за 1850 год.

¹⁸⁰ Записка графини А. Д. Блудовой//Русский архив. 1893. Кн. 1. Деша Баранта к Тьеру из Москвы от 23 августа 1836 г./Русский архив. 1896. Кн. 1. Письмо капитана Челищева, август 1836 года//Русская старина. 1897. Кн. 4. Воспоминания старого лейб-егеря Карцева, рукопись.

¹⁸¹ Для ознакомления с этими чертами характера императора Николая, кроме массы записок разных современников, особую ценность представляют записки барона М. А. Корфа, графа А. Х. Бенкендорфа и ежедневная переписка государя с графом А. Ф. Орловым (Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14). Эта последняя дает возможность по мелким собственноручным запискам государя составить себе понятие о высоких качествах Николая Павловича как человека.

Программа настоящего труда не дает нам возможности остановиться на этом подробнее.

¹⁸² От 14 сентября 1831 года.

¹⁸³ Мердер Н. И. Воспоминания о В. И. Анненковой//Исторический вестник. 1902. № 10.

¹⁸⁴ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I.

¹⁸⁵ Приведем следующий мелкий факт, характеризующий императора Николая. В 1844 году, после кончины великой княгини Александры Николаевны, король бельгийский Леопольд не осмелился адресовать своего соболезнования непосредственно государю, а просил (письмом от 25 августа 1844 года) графа Орлова, с которым он вместе дрался в рядах русских войск под Фер-Шампенуазом, повергнуть свои чувства Его Величеству, причем

вспоминал с удовольствием свое участие в боевых подвигах нашей армии.

Государь сделал следующую пометку на этом письме:

«Remerciez de ma part pour l'intention et rien de plus; quant au reste cela vous regarde; le passé ne ressemble pas au présent, et s'il se fût rappelé du passé il ne serait pas ce qu'il est, un roi coiffé du bonnet rouge, mais pas d'un couronne. Amen».

Орлов в своем, одобренном государем, ответе королю Леопольду писал между прочим:

«Cette armée où vous avez servi avec tant de distinction... est digne de tout l'intérêt que vous lui témoignez. Un jour viendra peut-être où l'Europe Monarchique ruinée par l'hydre révolutionnaire aura besoin de ses services; alors obéissant à la voix de son souverain elle reparaitra de nouveau»... (Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14).

¹⁸⁶ Из письма графа Орлова к Д. П. Татищеву 24 декабря 1837 года// Русский архив. 1865.

¹⁸⁷ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ «L'empereur a été admirable comme père, comme souverain et comme chrétien, — писал по этому поводу граф Орлов княгине Меттерних в октябре 1844 года. — Son amour pour ses enfants vous est connu; vous pouvez donc juger de l'horrible douleur que lui a fait éprouver la perte de sa fille, mais pas un instant les affaires du pays n'ont été négligées»... (Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14).

¹⁹⁰ «Mémoires du maréchal Marmont duc de Raguse de 1792 à 1841». Paris, 1857. T. VIII. P. 49.

¹⁹¹ Собственноручные пометки государя на дипломатических депешах того времени о прочтении их наследником. Архив госуд. и Мин. иностр. дел.

¹⁹² Дневник барона М. А. Корфа за 1841—1847 год.

¹⁹³ Там же, за 1847 год.

¹⁹⁴ В письме к Тувенелю от 16 сентября 1853 года. «Nicolas 1er et Napoléon III» par L. Nouvenel. Paris. P. 218, 219.

«L'empereur Nicolas tient de Pierre le Grand, de Paul Ier et d'un chevalier du moyen âge; mais, en vieillissant, c'est le Paul Ier qui domine, et il faut saisir au vol ses bonnes inspirations et prévenir les mauvaises. C'est, en somme, un homme et un souverain très excentrique et très difficile à connaître, tant il y a de disparates entre ses qualités et ses défauts. Il inspire la crainte et le respect à sa famille et à tout ce qui l'entoure, et, avec cela, il est souvent le plus simple et le meilleur des hommes, se roulant sur son tapis avec ses nombreux petits-enfants qui lui tirent ses rares cheveux et le tourmentent de toute façon. Il est ami sûr, et souvent d'une délicatesse de cœur digne d'une jeune femme romanesque, et puis dur et intraitable pour les moindres fautes, et ne revenant jamais quand il a brisé un de ses instruments».

¹⁹⁵ De la Gorce в своей «Histoire du Second Empire» дает следующую характеристику императора Николая: «В своем жестоком ремесле государя Николай встречал менее радостей, чем забот. Он блистал великолепным собранием качеств монарха, но не обладал верной прозорливостью государственного человека».

¹⁹⁶ Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Wurtemberg. T. 4. P. 158.

Глава III

Император Николай I до 1848 года

Принимая по вступлении на престол министров и членов Государственного Совета, император Александр II повторил им те слова, которые он часто слышал от покойного государя Николая Павловича: «Ежели мне не удалось достигнуть успеха, то это не от недостатка желания и воли, а от недостатка средств. Во всю мою жизнь я имел только одно желание — это покончить со всем жестоким и тягостным, что я должен был сделать для счастья моей страны, чтобы тебе оставить царствование легкое»¹.

В этих немногих словах выражается вся программа царствования императора Николая, программа тяжелого и неблагодарного труда, который он принял на себя в эпоху, подготовившую великие реформы его наследника. Таким образом политика железной или желания затормозить внутренний рост России, а следствием строго обдуманной системы, основанной в глазах государя на суровой необходимости залечить те зияющие раны во внутреннем благоустройстве страны, которые при вступлении на престол открылись ему во всей наготу, и положить прочный фундамент для дальнейшего поступательного движения.

Первые мероприятия царствования императора Николая по внутреннему управлению показывают, что эта охранительная система явилась не сразу. Учреждение секретного комитета 6 декабря 1826 года доказывало желание государя идти по пути реформ, причем эти реформы должны были явиться результатом всестороннего их обсуждения целой группой лиц опытных и практически знакомых с потребностями государственной жизни.

Император Николай вложил в это дело всю присущую ему энергию; каждую неделю ему докладывалось о ходе занятий комитета. Но судьба не благоприятствовала реформаторской деятельности молодого государя. Более близкое знакомство с положением дел внутри империи, умственное брожение и, наконец, открытые мятежи в связи с общественным движением, охватившим запад Европы, привели его к убеждению, что время для реформ не настало. Государь одобрял большинство делаемых ему хороших предложений, но никогда не решался их осуществить, находя, что они более рассчитаны на будущее и не пригодны для настоящего.

Со времени происшедшего, таким образом, перелома, который можно отнести примерно к 1831 году, император Николай как бы поставил себе задачей временно не вводить новые основания в

управление империей, а лишь восполнять пробелы в существовавшем порядке вещей, чинить обнаружившиеся ветхости государственного строя при помощи практического законодательства и улучшения администрации, содействовать материальному благосостоянию страны развитием торговли, промышленности, путей сообщения и распространением среди населения практических познаний. Всю эту работу решено было производить исключительно мерами правительственными, без всякого участия общества, которое признавалось для этого неподготовленным и которое, напротив, требовало в глазах государя особых забот правительства в отношении надлежащего направления его мыслей.

*Граф П. А. Клейнмихель
(с гелиографии, по рисунку
Соколовской)*

Такая консервативная программа внутреннего управления в общем была сохранена во все время царствования императора Николая.

В изложенных причинах можно искать основания всей внутренней политики этого монарха. Гигантская работа правительства по упорядочению законодательства, по приведению в должный порядок всех отраслей государственной жизни, по развитию учебных заведений исключительно реального, практического направления составляют примечательную особенность царствования императора Николая Павловича. Но поспешность, с которой он хотел заворачивать все внутренние раны страны, имела следствием некоторую неопределенность целей², неудовлетворительность в выборе средств, а в общем направлении правительственной воли противоречие в ее указаниях, излишек в требованиях и, как неизбежную принадлежность всякого переходного времени, страдательное состояние общественного организма.

Тайный советник Позен в своей записке об устройстве управления государством, поданной императору Александру II 7 апреля 1856 года³, отмечает следующие результаты благих по мысли мер императора Николая, namely, однако, умаленных благодаря недостатку тех средств, о которых неоднократно говорил государь. Упомянув о безуспешной деятельности комитета 6 де-

кабря 1826 года, автор записки следующими словами характеризует внутреннюю деятельность нашего правительства:

«Обстоятельства беспрерывно возбуждали новые вопросы, и правительство начало издавать закон за законом, постановление за постановлением. Все они возникали случайно, часто обрабатывались наскоро, без связи в целом, без гармонии в частях; иногда и без практического взгляда на возможность исполнения... Состав высшего управления чрезвычайно увеличился, департаменты и канцелярии расширились и наполнились огромным числом людей. Каждому хотелось действовать, иметь влияние. Отсюда излишняя централизация, вредное многоделие и всемертвющие формализм и механизм. Каждое министерство и управление действует по своему усмотрению, мало заботясь о последствиях, какие принимаемые им меры могут иметь на части другого министерства⁴. Для некоторых частей государства учреждены особые комитеты, которым предоставлено окончательное решение важнейших вопросов, до тех частей относящихся. Это еще более разрознило действия высшего управления и передало участь многих дел первостепенной государственной важности на произвол безответственных канцелярий⁵. Контроля над действиями министров и главных управлений нет. Правда, они представляют отчеты о своих действиях, но кто поверяет эти отчеты, кто соображает их с общими началами государственного устройства нашего; кто сличает новые отчеты с прежними? Напрасно думают, что отчеты эти содержат в себе показания ложные. Напротив, то, что в них показывается — показывается справедливо; но, к несчастью, в них показываются только хорошие стороны управления, а умалчивается о дурных. В таком положении дело обнародования отчетов, конечно, более приносит вреда, чем пользы, потому что между читающими их находится много людей, зорко следящих за всеми правительственными мерами, и они-то, делая поверки и сличения, которые необходимо бы делать в высшей точке управления, выводят заключения весьма невыгодные для правительства, особенно когда заключения эти вполне оправдываются фактами, и каждый более или менее в собственном своем положении видит справедливость делаемого упрека⁶. В новом законодательстве Позен находил несоответствие с нашими нравами, указывая между прочим, что формы гражданского судопроизводства оставались почти без изменения, и народ в тяжбных делах своих терпел прежнюю медленность и проволочку.

Таково было мнение и многих других современников царствования императора Николая, и нельзя за ним не признать значительной доли справедливости. Обширные мероприятия государя, предпринимавшиеся им по всем отраслям управления государством и в особенности касавшиеся области законодательства, ад-

*Николай I с семейством в Монплезире в Петергофе
(с литографии Бегрова)*

министрации, нужд населения, промышленности, торговли, образования, армии и флота, одно перечисление которых заняло бы многие страницы, намного умалялись в своем практическом применении благодаря тем неудовлетворительным органам, через которые воля государя приводилась в исполнение и через посредство которых он знакомился с действительным состоянием страны. Этот оттенок деятельности императора Николая являлся отчасти следствием особенности его характера, некоторой подозрительности к общественной деятельности и несчастливой выбора приближенных, через заколдованный круг которых лишь случайно проникали его взоры. Ему редко удавалось слышать голос правды, который старался дойти до него. Он знал, что, несмотря на его реформы, корыстолюбивая администрация управляла страной, и что каждый день его именем производились несправедливости. В редких случаях обнаружения виновного государь прибегал к строжайшим наказаниям, желая самой строгостью приостановить зло, но так как истина доходила до него неполной и запоздалой, то его строгость не всегда относилась к настоящим виновным и, не приводя к цели, вызывала лишь упреки в жестокости.

Деятельность государя Николая Павловича была направлена преимущественно на улучшение материального благосостояния страны, главной основы ее духовного и умственного процветания. И в этом отношении великим делам государя отдадут должное даже лица, враждебно к нему расположенные. По словам

Кокорева⁷, Николай Павлович, как хозяин русской земли, являлся после Петра Великого замечательнейшим деятелем. В его царствование началась, исключительно благодаря его личной настойчивости, постройка железных дорог⁸; Волга покрылась пароходами⁹, на многие тысячи верст были проведены шоссейные дороги, и все это без помощи иностранцев, одними русскими силами. «В его царствование, — пишет Кокорев¹⁰, — московские купцы в Кремлевском дворце неоднократно получали изустные разговоры за плохо приготовленные фабричные изделия для Китая; художественная жизнь в живописи и архитектуре процветала и оживлялась; в его царствование окончено размежевание земель; возникла и развилась золотопромышленность; казенные крестьяне получили самоуправление, и, наконец, Россия получила свод законов»¹¹.

Но вся плодотворная в этом отношении деятельность государя намного умалялась дурной и злонамеренной администрацией. И официальные донесения того времени, и записки современников единогласно свидетельствуют, что произвол в высших инстанциях¹² и исключительная забота о личных мелких интересах в низших были общим явлением во всех ведомствах¹³. Сравнивая между собой все архивные документы и целый ряд записок современников¹⁴, навряд ли можно признать сильно преувеличенными следующие суждения князя Петра Долгорукого в его записке «О внутреннем состоянии России», поданной им императору Александру II в ноябре 1857 года¹⁵: «Неудовольствие общее возникло по причине весьма ясной и естественной: *между царем и народом стоит дурная и злонамеренная администрация*¹⁶, легион воров, известный под названием бюрократии, который заслоняет народ от царя, а царя от народа, обманывает и обкрадывает обоих. Грустно сжимается сердце русского при взгляде на внутреннее состояние России, на администрацию нашу. Что видим мы в ней? Преступное равнодушие ко благу общему, презрения достойное поползновение к выгодам личным; почти все в ней основано на обмане и плутнях, почти везде мошенничество, грабеж; почти все продается, почти все покупается...»¹⁷

Государю было неизвестно такое печальное состояние администрации. «Сначала я никак не мог вразумить себя, — говорил он барону Корфу в 1837 году¹⁸, — чтобы можно было хвалить кого-нибудь за честность, и меня всегда взрывало, когда ставили это кому в заслугу; но после пришлось поневоле свыкнуться с этой мыслью. Горько подумать, что у нас бывает еще противное, когда и я, и все мы употребляем столько усилий, чтобы искоренить это зло». Но искоренить зло без содействия самого общества и надлежащего развития его было не по силам даже такому человеку, каким был император Николай. И в этом отношении, к

сожалению, на нем особенно отразилось влияние мятежных событий, омрачивших первые годы царствования этого государя.

Являясь представителем начал чистого монархизма, император Николай Павлович по самому существу своего характера был далек от возможности допустить вмешательство голоса общественного мнения в правительственные дела. Охраняя, по выражению барона Корфа, всю «девственность монархической власти»¹⁹, государь очень ревниво относился к открыто высказываемым мнениям и предположениям, которые, согласно его убеждениям, должны исходить исключительно от верховного правительства. Такие суждения он охотно выслушивал только с глазу на глаз и то при известных условиях²⁰. Самостоятельные действия даже таких лиц, которые пользовались полным доверием государя, не всегда благосклонно принимались как идущие вразрез с тем же принципом чистого монархизма²¹. Правда, что неудовольствие государя обыкновенно продолжалось недолго, и он особенно ценил откровенный голос лиц, близких ему²², но шепетильность императора Николая в этом отношении все-таки оказывала свое связующее влияние. В этом государе с замечательной силой боролись чувства врожденной искренности и рыцарской прямоты с привитым впоследствии чувством подозрительности, которое очень часто заставляло видеть враждебность и поползновение на чистоту принципа монархизма почти в каждом откровенно высказанном самостоятельном мнении. «Он наидоверчивейший из людей, — сказал Пушкин про императора Николая²³, — потому что сам человек прямой, а это-то и страшно. Он верит в искренность людей, которые часто его обманывают». И действительно, в продолжительное царствование императора Николая Павловича замечается редкое постоянство в сохранении своего влияния и положения теми лицами, которым однажды удалось приобрести доверие государя. Имена князя Варшавского, князя Меншикова, князя Васильчикова, графа Воронцова, Сперанского, Перовского, Клейнмихеля и многих других красной нитью проходят через все царствование императора Николая, и суду беспристрастной истории предстоит определить, все ли они достойно оправдали высокое доверие своего монарха.

С другой стороны, развившаяся со временем в государе подозрительность к свободному проявлению самостоятельного мнения послужила к пользованию ею для устранения в видах личных целей и ко вреду самого государя многих выдающихся деятелей²⁴; при этом имена некоторых из них сделались особенно популярными среди русского общества, как бы в виде невольного протеста против того заколдованного круга, который способствовал императору Николаю Павловичу смотреть несколько пристрастно на истинное положение дел.

*Бал в губернском городе во времена Николая I
(с акварели, собств. вел. кн. Николая Михайловича)*

Нельзя, однако, здесь не отметить одной весьма характерной для такого выдающегося самолюбия, каким обладал император Николай, черты. Он охотно делал всякие попытки для привлечения людей даровитых, но заслуживших его неудовольствие, вновь к государственной деятельности, и бывали случаи полного возвращения доверия государя к таким лицам²⁵.

На всю деятельность императора Николая Павловича по внутреннему управлению государством наложила свой особый отпечаток нелюбовь государя или, вернее, какое-то органическое отращивание к революционным движениям, которые, как нарочно, во все время его царствования волновали запад Европы.

Государь не только видел в них непримиримого врага священного принципа законности, но он всем своим существом признавал в них грозного врага благоденствия народов. Тотчас же вслед за декабрьским бунтом государь объявил себя борцом на жизнь и смерть против этого зла современного общества²⁶ и предался своей идее со всем присущим его характеру постоянством и твердостью, не изменив ей до конца своей жизни. Он был одинаково грозный в этом отношении враг и у себя, внутри страны, и за границей. Личная переписка императора Николая и вся его внешняя политика служат этому лучшим доказательством. «Усиливающийся дурной дух,— писал он князю Варшавскому, — меня крайне заботит; нельзя довольно обращать внимания на сей предмет, и несколько строгих примеров были бы необходимы, ежели бы возможно было кого изобличить... Я начинаю разделять надежду твою

мир на сей год видеть еще сохраненным, — писал государь ему же в 1834 году, — но, правду сказать, не знаю, радоваться ли сему, ибо зло с каждым днем укореняется; наша же сторона бездействием слабеет, тогда как противная всеми адскими своими способами подкапывает наше существование»²⁷.

Таким направлением мыслей государя замечательно умело пользовались иностранные союзники в личных их целях²⁸, а строгие меры внутри страны встречали самое живое сочувствие в ближайших сотрудниках императора Николая Павловича. «Здесь все смирно и благополучно, — доносил государю князь Варшавский в 1845 году, — частые наказания имеют свое хорошее с этим народом... В здешнем крае надобно каждые шесть месяцев вести так, чтобы они чувствовали, что есть власть над ними»...²⁹

Вкоренившееся путем горького опыта в императоре Николае воззрение должно было более всего отразиться на состоянии русского общества, образовании юношества и невольно затормозить разрешение столь близкого сердцу государя вопроса об уничтожении крепостного права.

Почти тотчас по вступлении на престол императору Николаю Павловичу пришлось выслушать много советов по вопросу о воспитании молодого поколения, принадлежащему, по его словам, «к числу тех важных предметов, для преуспеяния которых никакие пожертвования не могут почитаться преувеличенными»³⁰. Суждение замечательнейшее, говорит по этому поводу профессор Цветаев, вполне достойное, чтобы вырезать его золотыми буквами и всегда помнить при обсуждении вопроса о просвещении в нашем отечестве³¹.

Князь И. В. Васильчиков³², предупреждая государя о заразе всего общества и необходимости спешить искоренением зла, предлагал учреждение во всех губернских городах кадетских корпусов, в которых необходимое образование соединялось бы с дисциплиной, и вообще считал полезным воспитание в чисто монархическом, а не разрушительном направлении, предсказывая в противном случае опасность для спокойствия империи. Граф А. Х. Бенкендорф, проповедуя Пушкину, что нравственность, прилежное служение и усердие нужно предпочесть просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному³³, в то же время рядом сведений, собираемых Третьим отделением, убеждал государя в необходимости ограничительных относительно образования постановлений, а существование школы, открытой генералом Муравьевым в своем имении, в которой «60 крестьянских детей воспитываются столь хорошо, что в течение четырех лет могут быть управителями имений»³⁴, казалось шефу жандармов опасным для существования

*Князь А. С. Меншиков
(с русской литографии)*

государства. И мнение графа Бенкендорфа было далеко не единичным; можно смело сказать, что оно разделялось значительным числом, если не большинством, лиц, окружавших императора Николая Павловича, и притом лиц, сохранивших в потомстве за собой славу наиболее просвещенных. Достаточно упомянуть о том искреннем ужасе, которым тридцать лет спустя было проникнуто каждое слово записок князя А. С. Меншикова при описании депутации крестьян, явившейся выразить ему благодарность за труды, понесенные во время Крымской войны, когда он узнал, что среди них также есть грамотные, которые чи-

тают газеты³⁵. В этом явлении один из наиболее просвещенных вельмож того времени готов был видеть чуть ли не приближение светопреставления³⁶.

И только один голос поэта Пушкина шел вразрез с общими возгласами, раздававшимися вокруг императора Николая. В своей записке «О народном воспитании» он проводил ту основную мысль, что просвещение, подымая нравственный уровень общества, может удалить поводы к общественным волнениям и смутам. Чем менее путей открыто для просвещения, чем менее свободы предоставлено литературе, тем труднее достигается благая цель. В заключение Пушкин указывал на то обстоятельство, что «рукописные пасквили на правительство» и другие возмутительные вещи размножались именно тогда, когда литература была подавлена самой своенравной цензурой³⁷.

Но наиболее сильное впечатление в этом отношении на взгляды государя произвела всеподданнейшая записка от 20 апреля 1826 года попечителя Харьковского университета Перовского³⁸. Раскритиковав направление образования в эпоху императора Александра I, когда наружный блеск «подал повод к ложному мнению, будто бы в самом деле Россия «просвещается», автор записки указывал на два «упущенные из вида коренные и ничем не опровергаемые правила: 1) что истинное просвещение не состоит в количестве умствователей и полуученых писателей и 2) что система народного просвещения необходимо должна быть применена к сис-

теме правительства». Поэтому Перовский рекомендовал исключительное распространение познаний, основанных на положительных и точных науках. «Мы имеем, — писал он, — нужду в медиках, химиках, технологах, но весьма сомнительно, чтобы появление в отечестве нашем русских Кантов и Фихте принесло какую-либо оному пользу. Отвлеченные науки, как, например, метафизика и другие, принадлежат, так сказать, к роскоши ума человеческого; а роскошь сия, не ограниченная пределами умеренности и не приспособленная к нуждам народа, еще юного, не может быть не вредна для оного».

Господствовавшие среди приближенных императора Николая взгляды на образование и воспитание юношества находили в нем самом известный отклик. «Je vous avoue, — говорил государь князю Меншикову³⁹, — que je n'aime pas les envois à l'étranger; les jeunes gens en reviennent avec un esprit de critique qui leur fait trouver, peut-être avec raison, les institution de leur pays defectueuses».

Результатом приведенных воззрений явился рескрипт государя на имя министра народного просвещения адмирала Шишкова от 19 августа 1827 года, который, передавая дело образования почти исключительно в руки правительства, положил основание его направлению в продолжение всего царствования императора Николая. В этом рескрипте государь, почитая народное воспитание одним из главнейших оснований благосостояния страны, выражал желание, чтобы для него были установлены правила, вполне соответствующие истинным потребностям и положению государства. Как средство для этого, рескрипт указывал на соответствие предметов учения и самых способов преподавания с будущим предназначением обучающихся, «чтобы каждый вместе с здоровыми, для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности приобретал познания наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи и, не быв ниже своего состояния, также не стремился через меру возвыситься над тем, в коем по обыкновенному течению дел ему суждено оставаться». Далее в рескрипте упоминалось о дошедшем до государя сведении, что многие из крепостных людей обучались в гимназиях и других высших учебных заведениях. В этом усматривался двойной вред. «С одной стороны, молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, по большей части входят в училища уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах и через то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения; с другой же, отличнейшие из них по прилежности и успехам приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тяготы оного для них становятся несносны, и от того они нередко в унынии

**Филарет, митрополит
Московский и Коломенский**
(с литографии Дарленга)

предаются пагубным мечтаниям или низким страстям».

Для достижения указанных целей образования повелевалось прекратить доступ крепостным в гимназии и в высшие учебные заведения, предоставив им по-прежнему обучаться в приходских и уездных училищах, в которых должен был быть введенным курс учения, «достаточный для воспитания людей низких состояний в государстве, стараясь в особенности обогащать их теми сведениями, кои по образу жизни их, нуждам и упражнениям могут быть им истинно полезны»⁴⁰.

Несколько лет спустя, а именно в 1831 году, в особой записке, препровожденной, по

Высочайшему повелению, на рассмотрение Государственного Совета, указывался вред от образования молодых людей за границей, откуда они «возвращаются в Россию с самыми ложными о ней понятиями», причем Государственному Совету предлагалось разобрать вопрос об обязательном образовании детей в России. Записка эта кончалась повелением обсудить вопрос о запрещении принимать, через семь лет после введения нового устава учебных заведений, на гражданскую службу лиц, не окончивших полного курса учения в университете или гимназии или не выдержавших там соответственных экзаменов⁴¹.

Эта вполне определенно начертанная программа благодаря все той же неудачной и чрезмерно угодливой администрации привела в практическом ее применении к отрицательным результатам. Даже такой консерватор, как граф Толстой⁴², жалуется, что «профессора были поставлены в условия не служителей просвещения, а казенных чиновников».

Преподавание носило чуждый жизни школьный характер, ограничивалось скучным чтением убогих записок и не имело никакого влияния на развитие и кругозор студентов⁴³. Министерство народного просвещения, чтобы задержать естественное развитие учащейся молодежи, составило особые программы преподавания наук и указало черту, далее которой не должно было идти изучение предмета. В высших учебных заведениях было строго предписано, как можно легче касаться наук умозрительных, а потому

программы всех предметов, и в особенности философских, были крайне сокращены, да и по ним предметы читались в искаженном виде, приноровленном к заранее указанной цели⁴⁴. Сам быт профессоров и отношение их к студентам носили патриархальный, учительский характер, в котором отразились многие темные стороны тогдашнего общества⁴⁵. Профессора жили своей кружковой жизнью, с довольно скудными интересами и развлечениями; студенты, в свою очередь, были вполне обособлены, и не было той соединяющей связи между одними и другими, которая питала бы духовной пищей учащуюся молодежь.

Искусственная обстановка, в которой вращались студенты, и ограниченные рамки, в какие было поставлено дело народного образования, не везде достигали цели, несмотря на всю бдительность учебной администрации, и либеральные понятия проявлялись иногда там, где менее всего их ожидали. Эти вспышки либерализма очень часто влекли за собой гибель многих молодых людей, несмотря на ясно выраженную мысль государя, что поступки их следует считать школьными и по школьнически же их наказывать⁴⁶.

Такая мрачная картина дела образования невольно вызывает на сравнение личные мысли императора Николая по этому вопросу, высказанные им в разговоре с бароном Корфом по поводу лекций, читанных великому князю Константину Николаевичу⁴⁷.

Насколько тяжелое состояние столь важного в деле государственного благосостояния вопроса зависело исключительно от исполнителей предначертания верховной власти, доказывает положение, в котором находился Московский университет с начала сороковых годов. Такие профессора, как Грановский, Буславев, Соловьев и некоторые другие, сумели в нем придать заметное движение самобытной научной мысли и не только обучать студентов наукам, но и раскрывать перед ними высшие моральные и общественные задачи. Влияние в этом отношении Московского университета постепенно начало обнаруживаться и на других университетах, а через них и на самом обществе⁴⁸. Влияние это продолжалось до роковых событий 1848—1849 годов, давших новый толчок к усилению охранительного начала в наших внутренних делах.

Параллельно с системой, предпринятой в отношении образования, очевидно, должна была следовать и система литературного надзора.

И здесь невольно обращает на себя внимание значительное разногласие между личными поступками императора Николая и действием различных органов по надзору за печатью. Государь далеко не был врагом литературы и даже не относился к ней равнодушно, а, напротив, истинные таланты по этой отрасли, так

***Христосование Николая I
с кадетами***
(с французской гравюры на
дереве)

же как и по всем другим, имели в нем достойного ценителя и покровителя. Среди своих многотрудных обязанностей он находил время следить за тем, что писалось у нас и за границей⁴⁹, и только этим можно объяснить, что, при недостаточном образовании в юности, государь удивлял иностранцев своей всесторонней осведомленностью⁵⁰. Отношение императора Николая Павловича к Пушкину⁵¹, Крылову, а впоследствии к Гоголю и некоторым другим прибавляет еще одну светлую черту к характеристике его выдающейся личности.

Разрешение напечатать трагедию «Борис Годунов» вызвало со стороны Пушкина следующие хвалебные слова по отношению к императору Николаю: «Писанный в минувшее царствование «Борис Годунов» обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня государь, но и свободе, смело дарованной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание»⁵².

Но насколько относился государь с уважением к высоким образцам литературы и к серьезным труженикам на этом поприще деятельности, настолько же он не сочувствовал писателям, бравшимся с легкостью за обсуждение вопросов философских и политических⁵³; в них он видел то зло, которое способствует развитию среди мало подготовленной части общества вредных идей, и ополчился против них со всей силой своих твердых убеждений⁵⁴.

Наибольшим и вполне справедливым нареканиям современников подвергалась цензура Николаевской эпохи.

Через полгода по вступлении на престол, под свежим впечатлением декабрьского бунта, императором Николаем был утвержден новый цензурный устав⁵⁵, принадлежавший перу министра народного просвещения Александровской эпохи адмирала Шишкова. Этот суровый устав, допускавший толкование сомнительных и двусмысленных мест в худшую сторону, давал такой произвол цензорам, который, по меткому выражению С. Н. Глинки, позволял «и *Отче наш* истолковать якобинским наречием»⁵⁶. Но еще большее зло заключалось в том обстоятельстве, что все

сочинения, кроме чистой поэзии и беллетристики, проходили через цензуру того или другого ведомства, которые оберегали в этом отношении свои интересы со щепетильностью, доходившей до наивности.

Однако, когда первые впечатления, оставленные 14 декабря, улеглись, то в последующие ближайшие года, отмеченные вообще намерением императора Николая идти по пути реформ, было обращено внимание и на облегчение цензурных строгостей. В 1827 и 1828 годах действовал особый комитет для разрешения вопроса о цензуре, результатом работ которого явился новый цензурный устав, утвержденный 22 апреля 1828 года и значительно облегчавший постановления устава 1826 года⁵⁷. Но, тем не менее, комитет не счел возможным ввести в устав все те положения, к которым он пришел путем зрелого рассмотрения вопроса о цензуре. Многое он предоставил будущему развитию начал, им установленных и одобренных императором Николаем, до сведения которого доводились все прения, происходившие в комитете⁵⁸.

Вскоре затем наступившие события 1830 и последующих годов погасили светлый луч, промелькнувший для литературы, и в административных сферах, по словам Н. А. Энгельгардта⁵⁹, развилась крайняя степень мыслелюбости, причем литература очутилась в положении заподозренной, тайно злонамеренной области. Это повело не к развитию цензуры в смысле постановлений комитета 1828 года, а, напротив, к целому ряду произвольных административных распоряжений, запутавших цензурное дело сетью вредных формальностей, которые положили свой отпечаток и на умственное развитие русского общества.

Курьезами цензуры того времени могут быть наполнены целые тома⁶⁰. Административные лица этого учреждения в общем не обладали ни высшим образованием, ни тем тактом, который требуется на таких ответственных местах для того, чтобы суметь избежать крайностей в ту или другую сторону. В царствование императора Николая цензура, по выражению барона Корфа⁶¹, часто и много грешила, то пропуская, не ведая того, статьи с чрезвычайно дурным и опасным направлением, то впадая в самые «нелепые» крайности⁶².

Следует, впрочем, оговориться, что и положение цензоров было поистине безвыходное. Кроме цензурного устава и распоряжений своего непосредственного начальства, они должны были соотноситься со всеми требованиями и, скажем больше, со всеми капризами посторонних ведомств. Граф Клейнмихель возмущался, например, что без его особого разрешения была издана частным лицом тетрадь фасадов православных церквей; генерал-адъютант Адлерберг протестовал против издания частным лицом без его ведома алфавита городов на трактах от Петербурга до Москвы⁶³,

*Наследник цесаревич
Александр Николаевич*

а все прочие не отставали от первых двух. И каждый входил с непосредственными докладами к государю, без сношения с ответственным за цензуру министром народного просвещения, и Высочайшим именем прикрывал свои капризы. Граф Клейнмихель не останавливался даже перед отправлением за непонравившуюся статью не подчиненных ему цензоров на гауптвахту⁶⁴. И в результате бедные цензоры предпочитали ничего не допускать до печатания, лишь бы пройти спокойно свой тернистый путь⁶⁵.

Такая постановка цензурного дела привела к результатам, совершенно противоположным тем, которые были в мыслях императора Николая. Кроме угнетения русской

мысли и подавления самостоятельной жизни русского общества, она повела к установлению в периодической печати особой привычки писать между строк⁶⁶, а у читателей — искать этого междустрочного смысла даже там, где его нет, а также к распространению иностранных книг⁶⁷ и к развитию рукописной литературы, более опасной, чем самое вредное книгопечатание⁶⁸. Граф Толстой следующими словами характеризует тогдашнее положение⁶⁹:

«Журнальная пресса, под видом самых невинных статей, распространяла те же тлетворные идеи и самыми недомолвками возбуждала неудовольствие публики, уже приученной читать между строк, а цензура заглушала только голоса честных убеждений, которые могли бы обличить официальную ложь. Затруднения, поставленные для сношений России с Европой, не помешали русским изменникам высылать к нам во множестве экземпляров революционные газеты и журналы, и «Колокол» сделался общедоступной газетой, которая нарасхват читалась повсюду, под глазами близорукой и неспособной полиции».

Но тем не менее все притеснения цензуры не помешали высшему расцвету нашей художественной литературы, который отличает Николаевское царствование. «На протяжении трех десятилетий, — справедливо замечает Н. А. Энгельгардт⁷⁰, — столпи-

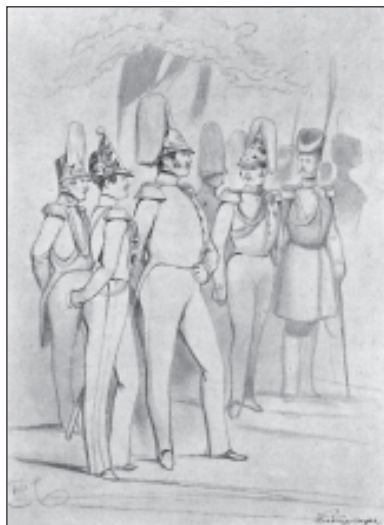
лись таланты чрезвычайной силы, явились прямо гении. Во всех областях художества слова неиссякаемым ключом било свежее, вдохновленное творчество».

Графиня Блудова в своих воспоминаниях⁷¹ приводит следующие слова одного из членов Академии наук того времени: «Правда, мы меньше болтали всякого вздору, и легкая литература страдала; но зато спросите, сколько русских имен записано в течение этого времени на страницах общей европейской науки, истинной, серьезной, и вы увидите, что оно не пропало для умственного запаса поколений, следующих за нами, не пропало для науки»⁷².

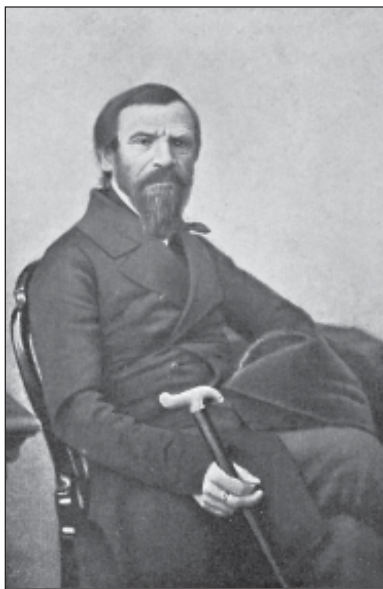
Равнодушие к политическим и общественным вопросам, вызванное административной системой, отразилось известным образом на политическом развитии русского общества и его деятельности, которая процветала под разными формами в предшествовавшее царствование. Но оно нисколько не повредило развитию изящной словесности; напротив, изгоняя те практические интересы, которые стремятся смутить, обеспокоить артистическое творчество и завладеть вниманием публики, оно развило то, что на тогдашнем языке было известно под именем «служения музам». Нет ничего удивительного поэтому, что царствование императора Николая может быть названо в известном смысле золотым веком русской литературы⁷³.

И. С. Тургенев дает такую характеристику описываемой эпохи⁷⁴: «Литературы, в смысле живого проявления одной из общественных сил, находящегося в связи с другими столь же и более важными проявлениями их, не было, как не было личной свободы, а была словесность и были такие словесных дел мастера, каких мы уже потом не видали».

Русское общество было как бы взято в опеку и должно было жить и развиваться в известных определенных для него рамках⁷⁵. Враждебные действия появившейся за границей эмиграции, процветавшие там учения и недружелюб-

**Император Николай I со
свитой в Петергофе**
(с рисунка с натуры
А. Чернышева, 1846 г.)

М. П. Погодин
(с фотографии, с натуры)

но настроенное к России общественное мнение заставили наше правительство неблагосклонно смотреть на поездки за границу, и это выразилось в постепенном стеснении права выезда, обратившемся с 1844 года для многих почти в совершенное запрещение оставления пределов России⁷⁶. Общественная мысль, конечно, работала и в то время, но работала исподволь, втихомолку, как бы подготавливая силы к будущему, вполне сознательному ходу вперед. В эпоху царствования императора Николая возросли и созрели те элементы, которые выказались в полную свою ширь в реформах шестидесятых годов прошлого столетия.

Б. Н. Чичерин отмечает в своих воспоминаниях⁷⁷ пони-

жение общественного уровня в Николаевскую эпоху именно в верхних слоях. В то время, как, по его словам, высшие слои общества все более и более погружались в раболепство и невежество, так как требовалась безусловная покорность при полном отсутствии образования, среднее дворянство хранило в себе лучшие черты своего сословия. В Москве оно спланивалось в общественные кружки, в провинции образовывало ряды независимых помещиков. Чичерин проводит, однако, резкую грань между теми и другими. «Без сомнения, — пишет он, — образ мыслей образованных помещиков того времени был либеральный, насколько это требуется от всякого просвещенного человека. Они ценили свободу, понимали потребность реформ, но в них не было ничего похожего на тот оппозиционный, воинствующий либерализм, с которым я впоследствии познакомился в Москве. Напротив, они уважали власть, в которой видели охрану порядка и залог своего благосостояния, но, уважая ее издали, они не преклонялись перед нею, держали себя в стороне с независимостью и достоинством. Причина этого различия понятна. В столицах живо чувствовался тот тяжелый деспотизм, который в то время беспощадно подавлял всякое живое движение мысли, всякое свободное слово и обращал в преступление самые невинные поступки»⁷⁸.

Вышеприведенные слова относились, впрочем, к незначительной части нашего общества. На большую же его часть стеснение мысли и отсутствие гласности действовали не только в отношении полного умственного застоя, но и способствовали развитию дурных инстинктов⁷⁹, следствием чего, по словам одного из современников⁸⁰, была подавленность нравственного чувства русского общества, остановка его умственного развития и безнаказанные злоупотребления, дошедшие до чудовищных размеров.

Замечательно при этом, что реакция и застой обнаружились не столько в мерах правительства, сколько в настроении самого общества, которое в подавляющем большинстве цепко держалось существующего, не знало ничего лучшего и недружелюбно относилось ко всему культурному. «Крепостной строй, — пишет один из современников⁸¹, — умственная темнота и моральное безразличие господствовали в полной силе. Нигде не замечалось умственного движения, критической мысли, потребности в высшем образовании, не связанном с привилегиями по службе, а тем более сознания необходимости серьезных изменений и улучшений общественных условий».

Общее направление внутренней политики при императоре Николае отразилось роковым образом и на его всегдашней мысли об освобождении крестьян от крепостной зависимости⁸². По словам Шелгунова, государь «не оставлял мысли о преобразовании крепостного права, но ему не пришлось довершить того, что в течение двадцати пяти лет он начинал каждый год»⁸³. Император Николай, говорит дальше Шелгунов, был окружен защитниками крепостного права. И действительно, вплоть до 1848 года⁸⁴ собирались, под личным председательством государя, секретные комитеты для разрешения этого вопроса. «Три раза начинал я это дело, — говорил он графу П. Д. Киселеву в 1854 году, — и три раза не мог продолжать: видно, это перст Божий!»⁸⁵ О взглядах императора Николая Павловича относительно облегчения участи крестьян, высказанных им в этих комитетах, можно отчасти судить по следующим словам, сказанным им дворянам в 1847 году: «Земля, заслуженная нами, дворянами, или предками нашими, есть наша дворянская, но крестьянин, находящийся ныне в крепостном состоянии почти не по праву, а обычаем, через долгое время, не может считаться собственностью, а тем менее вещью»⁸⁶.

Насколько император Николай мало встречал поддержки в этом деле со стороны своих ближайших сотрудников, могут свидетельствовать откровенные мысли одного из образованнейших людей того времени князя А. С. Меншикова, занесенные им в свой дневник. В особой записке, протестующей против обеспечения дворовых людей, князь страшил государя «негодованием против правительства всего образованного класса» и в конце

концов заметил в своем дневнике, что при обсуждении этого вопроса государь, при всем своем искусстве, не мог скрыть «своей злобы» к дворянам⁸⁷.

Последняя попытка государя к уничтожению крепостного права относится к декабрю 1847 года, когда велено было депутатам смоленского дворянства в изъятие из установившегося при императоре Николае Павловиче обычая прибыть в Петербург для принесения благодарности за продолжение дарованных дворянству прав.

«Я буду говорить с вами не как государь, а как первый дворянин империи, — произнес между прочим Николай Павлович в своей речи депутатам⁸⁸. — Земли принадлежат нам, дворянам, по праву, потому что мы приобрели ее нашей кровью, пролитой за государство; но я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством — с другой. Этому должно положить конец. Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли. Крепостное право причиной, что у нас нет торговли, промышленности». Отпуская депутатов, государь поручил держать сказанное им в секрете, но «побудить смоленское дворянство к совещаниям о мерах, как приступить к делу». Одновременно с этим журналам была предоставлена некоторая свобода в обсуждении крепостного права.

Наступившие вскоре события 1848 года заставили отложить вопрос об отмене крепостного права до наступления нового царствования. Во всяком случае, императором Николаем Павловичем был проведен в жизнь целый ряд мер, послуживший к улучшению быта крестьян⁸⁹, и наследник престола, принимавший деятельное участие в работах своего отца, получил основательную подготовку для быстрого проведения в жизнь заветной мечты, которую не пришлось осуществить его предшественнику.

Цели, положенные императором Николаем Павловичем в основу его внешней политики, определяются следующими строками записки государя к наследнику, при которой он препроводил ему для прочтения отчет графа Нессельроде за двадцатипятилетие своего царствования. «Вот тебе мой отчет по дипломатической части, — писал государь, — дай Бог, чтобы удалось мне тебе сдать Россию такой, какой я стремился ее поставить, сильной, самостоятельной и добродетельной: нам добро, никому — зло»⁹⁰.

Но средства к достижению этой цели, под влиянием и личного характера государя и, в особенности, неблагоприятно сложившихся внешних обстоятельств, приняли несколько одностороннее направление, связанное со строго определенным характером всей Николаевской политики.

В ряду этих обстоятельств отметим прежде всего наследие, оставленное императором Александром I и ревниво охраняемое советами цесаревича Константина Павловича. Надо вспомнить характер императора Николая, обстоятельства его вступления на престол, полное незнакомство с делами, обаяние внешнего величия России, созданное политикой императора Александра, и обожание памяти брата, чтобы понять, что унаследованные принципы не могли остаться для Николая Павловича пустым звуком⁹¹.

В первые годы царствования его политика приняла, однако, направление настолько самостоятельное, что можно было рассчитывать на значительное умаление неблагоприятного влияния Священного Союза, но события 1830 и 1831 годов заставили в корне изменить взгляд императора Николая на ближайшие задачи внешней политики.

«Всеобщее волнение, вызванное в 1830 году падением старшей линии Бурбонов, — говорит граф Нессельроде в своей всеподданнейшей записке⁹², — дало в скором времени новое направление политике Вашего Величества, сообщив Вашему царствованию тот характер, который составит отличительную его черту в будущем. Вследствие этих переворотов Ваше Величество сделалось в глазах всего мира представителем монархической идеи, поддержкой принципов порядка и беспристрастным защитником европейского равновесия... Могучая рука Вашего Величества давала себя чувствовать везде, где были поколеблены престолы и где общество, потрясенное в своих основах, склоняло главу под гнетом пагубных учений...» Далее граф Нессельроде останавливается на тех средствах, при помощи которых указанные выше начала проводились в жизнь: «Ослабить по мере возможности пагубный союз, возникший между июльской монархией во Франции и либеральной Англией, препятствовать применению на практике того принципа невмешательства, который эти державы старались навязать кабинетам консервативных монархий всякий раз, как по соседству с ними вспыхивало восстание, и который сами же они первые нарушали, поддержать колеблющееся мужество двух монархических держав, выработать совместно с ними единообразный

*Инвалид и его семейство
(с русской литографии)*

*Николай I на маневрах
(с литографии Шмидта, по рисунку Шварца, 1844 г.)*

план действий, склонив к принятию его и второстепенные державы, подчиненные их влиянию, — такова была задача, преследуемая Вашим Величеством»⁹³.

Замечательным документом для характеристики нашей внешней политики в Николаевскую эпоху являются лекции, читанные в 1838 году бароном Брунновым наследнику цесаревичу. Как по выдающемуся положению в нашей дипломатической канцелярии самого лектора, по значению документов, на основании которых составлены эти лекции, а именно подлинных актов нашего Министерства иностранных дел, так, наконец, и по цели, которую преследовал барон Бруннов, — подготовить в известных взглядах будущего императора, эти лекции являются лучшим и самым достоверным выражением идей руководителей внешней политики России. Но особенный интерес труда барона Бруннова заключается еще в том, что внимательное чтение его вызывает полное недоумение относительно поведения наших дипломатов в эпоху Крымской войны, и в частности, относительно поведения самого автора лекций.

Помещая этот интересный документ в приложениях⁹⁴, мы ограничимся здесь выдержками из общего обзора бароном Брунновым тех принципов, на которых основывалась наша политика.

Политику России барон Бруннов определяет тремя словами: «*не тронь меня*», но дальнейшие его рассуждения показывают, что такое определение было несколько условно. Наше правительство, по словам автора лекций, поставило за правило не вмешиваться в чужие дела, пока не будет приглашено; оно решило уважать установленную трактатами территориальную карту Европы, но и не допускать никакого покушения и со стороны других держав на установившийся порядок вещей и вообще сохранять в Европе общий мир, основанный на постановлениях Венских и Парижского договоров.

Как известно, Европейский мир был поставлен Венскими трактатами под гарантию союза пяти великих держав, но наряду с ним существовал союз четырех держав, исключительно направленный против будущих завоевательных поползновений Франции⁹⁵. Этот четверной союз хотя впоследствии и не был уничтожен, но был ослаблен тем, что Англия мало-помалу отделилась от трех континентальных держав. Такое отдаление с особенной силой выказалось во время министерства Каннинга, а революционное возмущение 1830 года окончательно увлекло Великобританию на путь, противоположный принципам и интересам ее старых союзников. Вступившее вскоре в управление страной министерство вигов решило для удержания власти в своих руках соединиться с французским правительством, «потому что, — говорит Бруннов, — положения, по которым управляются обе страны, одинаково основаны на конституционных началах», и отдалиться от дворов русского, австрийского и прусского, так как их форма правления чисто монархическая.

«Эта громадная ошибка английского министерства, — по словам Бруннова, — удвоила зло, причиненное Июльской революцией. Благодаря ей, политическая система Европы была окончательно расшатана. Отношения между государствами не основывались более на их личных *интересах*, но на *симпатиях* общественного мнения».

Таким образом с этого времени Европа оказалась разделенной на два лагеря. С одной стороны находились Англия и Франция, которые старались распространить свое влияние на все конституционные государства, а с другой — Россия, Австрия и Пруссия, образовавшие консервативный союз, имевший «целью сохранить существовавший общественный строй и избавить его от переворотов, которые ему грозили от революционного духа, к несчастью, господствовавшего в Англии и во Франции».

Император Николай придавал выдающееся значение поведению Англии, а потому главной целью своей политики он поставил удержать по возможности Англию в рядах четверного союза. Надежда эта не покидала его до самого разрыва перед Крымской вой-

ной. И хотя 21 апреля 1834 года Англия заключила союз не с монархическими державами, а, напротив, с Францией, Испанией и Португалией и тем как бы окончательно определила направление своей дальнейшей внешней политики, но наше Министерство иностранных дел настойчиво старалось видеть в поведении Англии какое-то временное ослепление. Барон Бруннов с уверенностью доказывал, что «этот союз, столь противный положению обоих государств, не может существовать вечно... Время не замедлит разорвать узы, устроенные людьми, руководившими политикой Англии в видах личных целей, но не согласно хорошо понимаемым интересам их страны». По мнению нашего дипломата, для этого со стороны Франции нужны были только завоевательные попытки, и Англия вновь обратилась бы к своим прежним союзникам. «С нашей же стороны, — поучает барон Бруннов, — не должно ничего упускать не только для того, чтобы расторгнуть узы, связывающие обе морские державы, но со временем надо постараться увеличить мало-помалу между ними брешь, которая поведет к полному крушению временного союза, не имеющего прочного основания».

Благодаря отделению Англии, по мнению самого барона Бруннова, политическая система, установленная в 1814 и 1815 годах, в 1834 году рухнула в своем основании. Оставался только Парижский договор 8 (20) ноября 1815 года, который к «этому времени имел лишь историческое значение». Для России явилась таким образом возможность воспользоваться свершившимся фактом и предоставить себе свободу действий. Но такое решение совершенно не соответствовало интересам Австрии и Пруссии, которые в течение почти двадцати лет с замечательным искусством привыкли пользоваться союзными с Россией договорами исключительно в видах собственных выгод.

Австрией и Пруссией для удержания нашего правительства от самостоятельной деятельности было высоко поднято знамя борьбы против революционных начал, которым наши союзники с замечательным умением пользовались вплоть до кончины императора Николая.

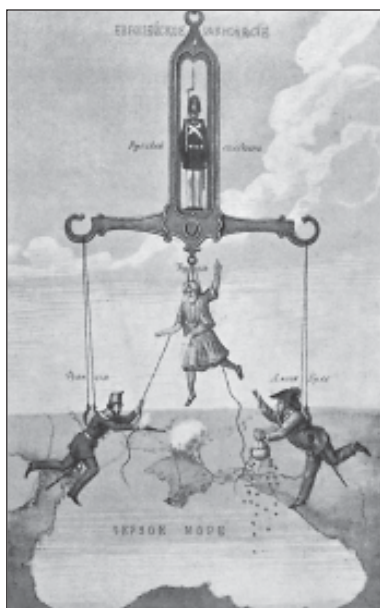
России в это время, по словам Бруннова, предстоял выбор между двумя направлениями: или отделиться от своих союзников и сосредоточиться в самой себе, или же остаться верной своим обязательствам относительно Австрии и Пруссии, укрепить узы, уже связующие три континентальные державы, и восполнить новыми договорами значение тех, которые рухнули благодаря отделению Англии.

Полное уединение Бруннов находил не только не внушающим в то время никакого опасения, но и намного упрощающим наше положение. Однако в таком образе действий он предвидел

большую опасность в будущем. «Франция будет торжествовать, увидев императора отделившимся от своих союзников; она будет иметь от этого все выгоды, так как незаметно распространит свое влияние на Германию. Пруссия и Австрия, брошенные Россией, принуждены будут одна за другой войти в миролюбивое соглашение с французским правительством. Таким образом революционные доктрины, не встречая более сопротивления ни с какой стороны, свободно распространят свое влияние на центр Европы. Оплот, который им в настоящее время представляют Австрия и Пруссия, уничтожится. Борьба мнений, процветавшая в то время на берегах Рейна, будет перенесена на наши собственные границы. Одним словом, Россия, как и в 1812 году, должна будет снова бороться лицом к лицу с Францией, но эта борьба, осмелюсь сказать, в настоящее время будет более опасна, чем тогда, потому что нам предстоит победить не только правильно организованного противника, но мы должны будем противостоять неприятелю, еще более грозному; мы встретимся с тем революционным духом, который скрытно подкапывается под самые сильные государства, и интересы России заключаются в том, чтобы держать его в отдалении при посредстве стран, которые отделяют нас от очага революции.

Поддерживать между нами и Францией этот нравственный барьер, созданный из держав дружественных и монархий, прочно основанных на принципах, сходных с нашими, — вот истинный и постоянный интерес России»⁹⁶.

И действительно, старания нашего правительства укрепить тройственный союз континентальных держав являлись путеводной звездой русских дипломатических канцелярий тридцатых годов. Поведение их в этом отношении относительно Пруссии и Австрии заставляет барона Бруннова восхищаться нашей осторожностью, терпением и ловкостью». Приходилось считаться с боязнью этих держав, которую им внушало наше превосходство, и автор лекций сознается, что они тем более будут к нам расположены, чем менее будут чувствовать влияние России на их положение. «Отсюда, — говорит Бруннов, — происходит та подозрительность со стороны наших союзников, которая досадным образом затрудняет взаимные сношения. Наши советы не всегда принимаются так, как они этого заслуживают. Не один раз Австрия и Пруссия подозревали со стороны России намерение внушить им наши политические виды и желание вовлечь их в политические комбинации, которые они считали противоречащими их интересам... Они всегда предполагали, что мы их хотим вовлечь в войну, первые удары которой обрушатся на них, и в важном значении которой они сомневались. Эта боязнь в особенности проявлялась в Берлине».

**Карикатура на европейское
равновесие**
(с русской литографии
того времени)

Оба кабинета боялись скомпрометировать себя перед Францией, и этот страх придавал всему их поведению оттенок нерешительности и слабости, который совершенно не соответствовал взглядам императора Николая. Отсюда происходили серьезные различия в мнениях трех держав, и нашему правительству приходилось употреблять большие усилия для поддержания хотя бы видимости солидарности между союзниками.

Австрия и Пруссия считали поддержание мира главным условием своего существования, барон же Бруннов полагал, что мир при современном состоянии революционной пропаганды для них более опасен, чем война, и что революционные учения во время мира наделают этим державам более вреда, чем во время войны.

Берлинский министр иностранных дел Ансильон в 1833 году сделал следующую характеристику положения Пруссии: «Мы не можем, — сказал он Бруннову, — изменить нашего поведения; мы не можем рисковать войной с Францией по крайней мере до тех пор, пока она не сделается для нас национальным делом. Мы не можем ее предпринять, пока общественное мнение нас не поддержит». Князь Меттерних относительно положения Австрии высказался несколько в других выражениях. «Сравните обе монархии, — говорил он Бруннову же в 1835 году. — Россия — как ваш император. Она молода, полна сил. Она может позволить себе большие усилия без вреда для своего здоровья. Теперь взгляните на Австрию. Мы стары; наше тело уже испытано годами. Мы не можем позволить себе каких-либо опытов; мы живем только в силу осторожности и умеренности».

Тем не менее нашему правительству удалось в 1833 году заключить в Мюнхенграце союзный договор с Австрией, к которому впоследствии присоединилась и Пруссия. Этот договор послужил основой для нашей дальнейшей политики и состоял из трех отдельных актов.

Первый акт касался солидарности в действиях и взаимной защиты союзников, направленных главным образом против поддержки революционных движений со стороны Франции. Согласно этому акту, союзные державы решили в будущем не вмешиваться во внутренние дела этой страны, но в то же время отнюдь не допускать распространения внешнего влияния французского правительства и во всяком случае не позволять ему смущать спокойствие других держав «фатальным ободрением деятельности революционной пропаганды».

Такая мера, по словам Бруннова, была вызвана тем, что Июльская Франция присвоила себе право громогласно провозгласить, что если когда-либо восстание вспыхнет вне ее границ и третья держава захочет вмешаться, чтобы восстановить порядок, то она не допустит такого вмешательства, которое считает противным независимости народов».

Противовесом этому принципу и должен был служить первый акт Мюнхенского договора⁹⁷. Союзные державы признавали за каждым независимым государем право приглашать себе на помощь, в случае внутренних волнений или внешней опасности, любого из независимых государей, который может принять или отклонить это предложение. Если такая помощь будет подана, то ни одно из государств не приглашенных не имеет права вмешиваться ни под предлогом помешать обещанной помощи, ни с целью действовать в противоположном смысле. И если бы такое вмешательство имело место, то вооруженные действия этого государства будут рас-

*Карикатурная карта Европы 1830 г.
(с английской гравюры Маклина)*

смастиваться Россией, Австрией и Пруссией как направленные против них.

«Этим актом, — восклицает барон Бруннов, — общественное право Европы восстанавливалось в своих основаниях, солидарность тройственного союза вновь подтверждалась и, наконец, общий мир был огражден от опасностей, которыми ему угрожало развитие революционных идей».

Второй акт Мюнхенгретского договора касался восточных дел. Необходимость его заключалась в желании нашего правительства привлечь Австрию к нашей программе действий в Турции, чтобы в будущем, в случае каких-либо там происшествий, «морские державы не были бы в состоянии увлечь ее в комбинацию, направленную *против нас*»⁹⁸.

Согласно этому акту, договорившиеся державы обязывались остаться верными своему решению в поддержании Оттоманской империи под главенством существовавшей династии и решили посвятить этой цели в полном взаимном соглашении все средства, которые будут в их власти. Во исполнении этого обе державы будут противодействовать всякой попытке против независимости верховной власти в Турции, и они не только не признают нового порядка вещей, но войдут в соглашение относительно принятия обща самых решительных мер, чтобы предупредить опасность, которая может грозить их собственным странам от изменения, происшедшего в положении Оттоманской империи.

Вторым параграфом секретного акта, приложенного к этому договору, определялось поведение России и Австрии в случае падения Турции. В таком случае обе державы обязывались действовать в полном согласии по вопросу о восстановлении в ней такого порядка, который обеспечивал бы спокойствие их собственных стран, а также права, установленные прежними трактатами, и не нарушал бы политического равновесия Европы⁹⁹.

И, наконец, третий акт, подписанный в Мюнхенгретце, касался польских дел.

В чрезмерном восхвалении бароном Брунновым заслуг русской дипломатии по поводу заключения Мюнхенгретского договора нельзя не видеть некоторой односторонности. Бесспорно, что ввиду отрицательного отношения западных держав, и в особенности Англии, к Ункиар-Искелесскому договору, союз с Австрией являлся естественным, но, с другой стороны, несомненно, что в Мюнхенгретце австрийский канцлер князь Меттерних достиг своей давнишней, заветной цели стеснить свободу действий России по отношению к Турции обязательством ничего не предпринимать на Востоке без полного предварительного сношения с Австрией. Попытки к заключению такого договора были сделаны им еще в 1831 году¹⁰⁰, но в то время почва еще не была достаточно подготовлена, и пред-

ложение австрийского канцлера не встретило благоприятного приема со стороны императора Николая¹⁰¹.

Насколько этот союз был приятен для Австрии, можно судить из следующего донесения князя М. Д. Горчакова (от 11 сентября 1834 года), который был послан в Брюнн на австрийские маневры.

«Из всех его слов, — писал он о своем разговоре с императором Францем, — видно, что в трудных обстоятельствах, коих скорого приближения ожидает не скрывая, он считает первейшей опорой союз государя императора. Он повторил мне в разных разговорах, может быть, бо-

лее десяти раз, что находится в *авангарде* и что полагает величайшим счастьем иметь могущественного союзника, который не только подаст ему руку помощи в случае внешней войны, но, если нужно, посодествует к прекращению внутренних беспорядков (разумея Галицию и Венгрию). Ваш государь, — говорил он неоднократно, — не только будет действовать дружно со мною, но обеспечит мой тыл»¹⁰².

В Мюнхенгреце завязалась тесная личная дружба между престарелым австрийским императором и государем, имевшая решающее влияние на дальнейший ход политических событий. Император Франц просил дружбы и покровительства императора Николая своему слабому и болезненному наследнику и объявил, что в своем духовном завещании поставит последнему в обязанность ничего не предпринимать без совета государя¹⁰³. Личное знакомство с Меттернихом, а главное, общее нерасположение ко всем революционным проявлениям сблизили несколько императора Николая с этим замечательным государственным деятелем, но не затмили в нем истинной его оценки. «Меттерних теперь будет все, — писал государь Паскевичу после смерти императора Франца¹⁰⁴. — Покуда польза Австрии будет с нами оставаться в союзе, дотоль нам на него надеяться можно; но характер его таков, что к нему я никогда никакого совершенного доверия иметь не могу».

Пожертвовав своей самостоятельностью относительно Турции, мы в глазах наших дипломатов приобрели, по крайней мере, спо-

Граф К. В. Нессельроде
(с гравюры Р. Майера, по
портрету Крюгера)

койствие на Западе, образовав при помощи тройственного союза оплот против революционных стремлений Франции и Англии. Барон Бруннов в своих лекциях даже упоминает о намеченном распределении между союзниками ролей для поддержания защищаемых ими основ. Пруссия должна была следить за безопасностью северных, подверженных нападению Франции границ, Австрия следила за южными странами, а Россия составляла центр и в то же время резерв коалиции. Таким образом она отвечала за спокойствие царства Польского, не упускала из виду Галицию, Позен, Венгрию; она должна была обеспечить мир на Востоке, распространяя свое влияние от Дуная до Босфора и употребляя все усилия, чтобы избежать в этих странах событий, которые могли бы серьезно поколебать мир всего света.

Такое распределение ролей, по мнению Бруннова, определяло и образ действий союзных держав в каждом частном случае. При недоразумениях в Швейцарии, Италии и Германии наш кабинет не считал необходимым высказываться первым; инициативу действий он предоставлял Вене и Берлину. Совсем иначе обстояло дело в вопросах, непосредственно касающихся России, к каковым относились главным образом польские и турецкие дела. «Во всех этих случаях, — пишет Бруннов, — император не ожидает мнения союзников, а лично принимает меры, которые обеспечивают спокойствие и благосостояние его государства!» Так он действовал на Висле и на Босфоре и «так будет действовать каждый раз, когда будет призван разрешать вопросы, имеющие влияние на исключительно *русские интересы*»¹⁰⁵.

Эта охранительная система существовала до Крымской войны. Уверенность русской дипломатии в прочности заключенных союзов и рыцарская доверчивость императора Николая к своим союзникам, и в особенности к энергичному молодому императору австрийскому, имевшему к тому же случай использовать всю силу верности союзам со стороны России, определили направление нашей политики при возникших в пятидесятых годах недоразумениях с Портой Оттоманской.

Однако и современные дипломаты сознавали некоторую странность союза, который мог от нас многое потребовать и в то же время ничего нам не давал. «Спокойствие России, — пишет барон Бруннов, — существенно обеспечивается его (союза) сохранением. Это истина, которая должна быть оценена, так как в противном случае трудно было бы понять, почему Россия старается поддерживать союзы, которые налагают на нее жертвы и от которых она не может надеяться получить никаких выгод».

Но прибавим к этому, что ревностное следование охранительным началам, вылившимся в форму Мюнхенгрецкого и Берлинского договоров, и выдающаяся по характеру личность им-

*Император Николай I, выезжающий в фиакре
из посольства в Вене в 1835 г.
(с литографии, по рисунку А. Бенуа)*

ператора Николая, которой были противны всякие полумеры, повлекли за собой резкие нападки на Россию и ее государя публицистов всей Западной Европы, не исключая и охраняемой Германией, и вооружили против нас общественное мнение всего Запада. Когда, по словам Тютчева¹⁰⁶, Николай Павлович посещал Германию, то он казался в сонме немецких властителей верховным над ними повелителем. Такое тяготение России заставляло германское общество видеть в ней помеху своим либеральным стремлениям и, еще более, стремлениям к политическому единству.

Верхом совершенства являются общие заключительные рассуждения барона Бруннова. Они замечательно ярко обрисовывают то искусственное колесо, в котором вертелась наша политика, и делают понятным фальшивое международное положение, в котором мы очутились во время Крымской войны. Весь тон рассуждений Бруннова показывает, как глубоко верили наши дипломаты во все величие скомбинированной ими системы, какое самомнение руководило ими при обсуждении творения их рук.

«Отдадим себе совершенно искренно, — пишет барон Бруннов, — отчет о цене, которую мы должны придавать этим союзам. Постараемся избежать при этом двойной ошибки. Примем во внимание лишь наименьшее значение союзов для наших интересов и не будем требовать от дружбы союзников более, чем они могут дать.

Надо сознаться, что если России удалось в течение восьми лет¹⁰⁷ поддержать среди очень трудных обстоятельств общий мир, то это

только потому, что она успела противопоставить *консервативную систему* тройственного союза соединенным усилиям двух морских держав. Только один тот факт, что Австрия и Пруссия *за нас*, способен остановить честолюбивые планы Франции и расстроить недоброжелательные намерения Англии. Ни та, ни другая не предпримут ничего решительного, так как не пожелают ссориться сразу с тремя континентальными державами».

Эта солидарность России, Австрии и Пруссии производила в глазах барона Бруннова самое лучшее влияние на поведение Англии и Франции.

«Обе державы, — продолжает он, — считают единение континентальных держав более сильным, чем оно есть в действительности, и это убеждение спасло Европу от общего потрясения. Стоит только Франции заметить ослабление уз между тремя кабинетами, как несомненно она поднимет тон; Англия, со своей стороны, станет более высокомерна и с большим рвением начнет преследовать ужасный план пропаганды своего политического влияния и навязывать всем остальным государствам конституционные формы правления».

В конце концов барон Бруннов предсказывал, что в случае расторжения консервативного союза может осуществиться мечта Наполеона об общей монархии, но уже на подкладке революционных начал. «Однако, — говорит он далее, — до тех пор, пока будет существовать консервативный союз, такое несчастье не может иметь места в полной своей силе. Пропаганда прежде, чем дойти до нас, потратит свои силы и разобьется об Австрию и Пруссию. Наши правильно понимаемые интересы будут всегда заключаться в ободрении и подкреплении наших союзников в ужасной борьбе с противником, который их ежедневно атакует тысячами различных способов. Мы не должны скрывать от себя всей опасности этой борьбы. Положение наших союзников стало более трудным. Смерть императора Франца невоснаградимая потеря для Австрии. Значение власти там все более и более уменьшается. С другой стороны, Пруссия заключает в себе опасные элементы для внутренних волнений и несогласий...

В таком положении наши союзники более чем когда-либо нуждаются в попечении и благорасположении императора. Он их единственная опора, только от него они могут ожидать откровенных, дружественных и бескорыстных советов. Роль примирителя, которая, таким образом, принадлежит нашему августейшему монарху, имеет первенствующее значение для будущего спокойствия континента. Но эта задача сопряжена и с огромными затруднениями. Россия призвана руководить своими союзниками, *не первенствуя* над ними; она должна их подкреплять, не позволяя им чувствовать, насколько ей известна их слабость;

одним словом, она должна поддерживать их, заставляя забывать тяжесть руки, которая их направляет.

От большого или меньшего успеха, с которым Россия выполнит эту трудную задачу, будет зависеть судьба континентального союза, а также и спокойствие Австрии и Пруссии... Торжество революционных идей на берегах Дуная и Одера нас ближе касается, чем билль о реформах и июльские баррикады. Вот почему мы должны смотреть на дело монархизма в Пруссии и Австрии как на вопрос, который непосредственно касается России. В этом заключается практическая цель наших союзов, так как интересы Австрии, Пруссии и наши нравственно сливаются в один общий интерес...

Император Николай I

Мы не должны требовать от наших союзников, при непосредственном их сношении с Францией, нравственного мужества, которое всегда является следствием силы и которого поэтому нечего искать ни в Берлине, ни в Вене... Вот почему каждый раз, когда предстоит обратиться к Франции с общим решительным заявлением, государь предварительно спрашивает своих союзников, какими средствами они решили поддержать свои заявления...

Другое правило, которого мы должны придерживаться в наших сношениях с союзниками, чтобы не впасть в досадную ошибку, это не ожидать от них никакого активного содействия в случае осложнения между нами и морскими державами на Востоке. В этом отношении мы не должны иметь никакой иллюзии относительно поведения Пруссии и Австрии.

Первая будет сопровождать нас самыми лучшими пожеланиями, даже употребит свои добрые услуги, чтобы сгладить то различие во взглядах, которое будет существовать между нами и Англией или Францией, но она не примет прямого участия в борьбе, которая возгорится с тем или другим государством. Государь, со своей стороны, не требует от Пруссии ничего сверх того, что мы можем от нее ожидать.

Что касается Австрии, то ее положение, в случае осложнений на Востоке, для нас также вперед определено благодаря заблаговремен-

ным объяснениям, которые состоялись по этому поводу между обеими державами. Если мы подвергнемся несправедливому нападению, то Венский двор выскажется за нас; он примет военные предосторожности со стороны Запада, чтобы удерживать Францию и чтобы помешать осложнениям на Востоке отразиться на спокойствии остальной Европы. Но он не дойдет до оказания нам материальной помощи, чтобы действительно подействовать окончить войну в нашу пользу.

Россия в этом случае должна будет рассчитывать только на свои собственные средства. Помощь союзников будет исключительно *отрицательного* характера (*d'une nature toute negative*), т. е. мы будем иметь преимущество не иметь их против нас. Следовательно, наша западная граница будет совершенно прикрыта, но мы не имеем никакой надежды на прямую помощь ни со стороны Пруссии, ни со стороны Австрии».

Как видно из приведенного отрывка, барон Бруннов довольно верно представлял себе будущую роль наших союзников в случае нашего столкновения с морскими державами на почве Восточного вопроса. Однако, предостерегая своего августейшего слушателя от всяких *иллюзий* в этом отношении, он поддавался им сам, воображая, будто Австрия будет прикрывать наши границы, и как бы не замечая германских национальных стремлений. Действительное или предполагаемое противодействие этим стремлениям вызвало в трудную эпоху Крымской войны недружелюбное к нам отношение германского народа, чувств которого не мог не принимать во внимание даже ближайший наш союзник — берлинский двор. Замечательно, что граф Нессельроде в иллюзиях шел гораздо дальше барона Бруннова. Во всеподданнейшем отчете за 1833 год¹⁰⁸ он утверждал, что Мюнхенская конвенция обещает нам, в случае осложнений на Востоке, видеть Австрию с нами, а не против нас, а год спустя уверял, что, убежденная в нашем бескорыстии, Австрия согласилась играть на Востоке второстепенную роль нашего сателлита¹⁰⁹.

В своих сношениях с морскими державами наша дипломатия преследовала ту же цель полного уединения революционной Франции, для чего необходимо было уничтожить или, по крайней мере, ослабить ее союз с Англией. Эта трудная задача и легла в основу деятельности нашего Министерства иностранных дел, тем более что она вполне соответствовала и личным симпатиям императора Николая к Великобритании. Но все попытки к сближению не приводили ни к чему. Лондонский кабинет смотрел на Россию как на самого грозного противника конституционным началам, которым покровительствовала Англия, а общественное мнение этой страны обвиняло нас в честолюбивых замыслах на Востоке и в желании захватить Константинополь¹¹⁰. Особенная вражда к России

обнаружилась после заключения нами в 1833 году с Турцией Ункиар-Искелесского договора, который делал нас защитниками Османской империи в случае внешней опасности, предоставляя за это в нашу пользу единственное преимущество закрытия проливов. Этот акт произвел неблагоприятное впечатление на морские державы, которые не могли радоваться усилению нашего влияния в Турции, а легкость приобретения такого влияния заставляла их опасаться столь же легкого, при нашем желании, полного подчинения Порты Османской¹¹¹. Насколько английское общество относилось недружелюбно к нам в тридцатых годах прошлого столетия, может свидетельствовать тот факт, что когда в 1838 году имелась в виду поездка наследника цесаревича в Лондон, то наш посол граф Поццо ди Борго советовал обождать с этой поездкой ввиду враждебного настроения английского общественного мнения¹¹².

При таких обстоятельствах наше правительство решило держаться в отношении великобританского кабинета выжидательного образа действий и, не уступая ему ничего, ждать, пока доброе согласие между обеими морскими державами нарушится самой силой событий.

Такой политики мы держались до 1840 года, когда истек срок Ункиар-Искелесского договора, против которого обе морские державы протестовали еще при самом его заключении. Франция и Англия решили объявить его уничтоженным. Французский посол в Константинополе генерал Гильемино (Guilleminot) даже исследовал вопрос о высадке в Крыму и наметил Евпаторию как один из наиболее выгодных для этого пунктов¹¹³. Крымская кампания грозила осуществиться на четырнадцать лет раньше.

Но в это же время настало давно ожидаемое соглашение между Англией и Францией, которой удалось обнаружить поползновение первой на Египет. Русское правительство решило воспользоваться образовавшейся брешью и не только стало на сторону Англии, но и пошло на уступки относительно ее. Оно добровольно отказалось от возобновления Ункиар-Искелесского договора, который был заменен подписанным 3 (15) июля 1840 года всеми великими державами, кроме Франции, трактатом о закрытии Константинопольских проливов для военных судов всех стран, «пока Порта будет находиться в мире с державами».

Хотя граф Нессельроде в своей всеподданнейшей записке¹¹⁴ и говорит, что этим трактатом Ункиар-Искелесский договор был уничтожен только для вида, в действительности же он им был якобы увековечен под другой формой, и что «новый договор, подписанный всеми державами, воспрещая вход в Дарданеллы иностранным военным судам, обеспечивал нас впредь от нападения со стороны моря», но в этих словах нельзя не признать большой дозы самообольщения. Новый акт навсегда закрывал выход русскому флоту из Черного моря, оставляя проливы свободными для входа

*Граф К. А. Поццо ди Борго
(с гелиографии, по портрету
К. Брюллова)*

в него иностранных эскадр в случае нашей войны с Турцией; кроме того, он уничтожал возможность исключительного протектората России над этой страной, поставив ее под опеку всей Европы.

Так велики были уступки, сделанные нами Англии с исключительной целью уединить Францию и расторгнуть англо-французский союз, «столь враждебный нашим политическим интересам и столь пагубный для положения консервативных держав»¹¹⁵.

Но радость петербургского кабинета продолжалась недолго. Во Франции скомпрометировавшее страну министерство пало; Гизо, заменивший Тьера, вновь вошел в соглашение с руководителем английской политики Пальмерстоном, а 1 (13) июля 1841 года была подписана новая конвенция о проливах, являющаяся повторением конвенции 1840 года, но уже за подписью и Франции. Этой конвенции в Петербурге не желали, но вынуждены были на нее согласиться. Таким образом, русскому влиянию на берегах Босфора был нанесен тяжелый удар; Турция была поставлена под опеку и Франции, чем наши интересы ставились в прямое соприкосновение с той «революционной» страной, которую столькими жертвами русским интересам мы старались отдалить от себя.

Наше влияние в Турции с этих пор начало заметно и быстро падать. В 1842 году Австрия посадила князя Александра Карагеоргиевича на сербский престол, и России пришлось примириться с этим фактом; в 1843 году Греция превратилась в конституционное государство и окончательно вышла из-под нашего влияния; Пруссии удалось добиться провозглашения в Турции равноправности протестантов с православными и католиками. И во всех этих вопросах Англия явно действовала против нас, хотя граф Нессельроде в своем всеподданнейшем отчете за 1840 год не усматривал между Россией и Англией ничего, кроме пустых предубеждений, и высказывал уверенность, что Лондонская конвенция 1840 года установит на будущее время между обеими державами глубокое чувство взаимного доверия и уважения.

Замечательнее всего то, что автором конвенции 1840 года явился тот же барон Бруннов, который в 1838 году составил упомина-

емый выше обширный труд по русской политике под видом лекций наследнику цесаревичу. В 1839 году он был назначен послом в Лондон, и с тех пор фальшивый взгляд на наши отношения с Англией укреплялся в возрастающей прогрессии вплоть до Крымской войны. Надо думать, что барон Бруннов был убежденным фанатиком выгоды для нас конвенции 1840 года; он был в то время искренно уверен в русофильстве главы английского министерства Пальмерстона, которого называл «Сеидом» России, и откровенные слова английского посла при венском дворе Гордона, что «только мы (англичане) одни выиграем от конвенции о проливах, так как принцип закрытия исключительно выгоден только нам», не убедили русского дипломата в его ошибочном предположении.

В 1844 году со стороны нашего правительства была сделана новая серьезная попытка к сближению с Англией. Император Николай, видя всю искусственность докладов как своего канцлера, так и лондонского посла, и убедившись, что все сделанные до тех пор уступки Англии ни на шаг не сблизили ее с Россией, совершенно неожиданно для всех решил сам отправиться в Лондон, чтобы путем личных переговоров устранить всегдашнее предубеждение англичан против наших завоевательных намерений относительно Турции.

Граф Нессельроде в своем всеподданнейшем отчете за 1844 год¹¹⁶ придает следующую окраску поездке государя в Лондон.

«Каждый раз, — писал канцлер, — когда приходится определять характер наших сношений с Англией, необходимо брать за исходную точку отношение этой державы к Франции, так как оно неизбежно на них влияет. Поэтому и в прошлом году я обратил особое внимание Вашего Величества на взаимное положение этих двух правительств. В начале 1844 года благодаря в особенности визиту королевы Виктории к французскому королю между двумя странами восстановилось положение вещей, которое французские министры называли *сердечным соглашением* (*entente cordiale*). Тюильрийский кабинет, уверенный, что это соглашение поведет к изменению во взаимных отношениях между обоими государствами, в высшей степени его превозносил и старался дать понять Европе, что это есть восстановление прежнего союза. Наши союзники очень легко поверили такому объяснению без чрезмерного, однако, беспокойства, но тем не менее с этого времени кабинет Вашего Величества позволил себе, несмотря на поднятый шум, думать, что это дружественное соглашение, преувеличенное в том значении, которое ему старались придать, скоротечно по своим результатам и более кажущееся, чем действительное...» Далее граф Нессельроде упоминал, что наши частные сношения с Англией постепенно становились более ясными и определенными. В доказательство улучшения отношений канцлер указывал на то обстоятельство, что до сих пор английские министры, отчасти из опасения перед возбужденным

Часть Босфорского пролива (с английской гравюры на стали)

против нас общественным мнением, отчасти из угоды Франции, избегали упоминать о выказываемых нами уверениях в дружбе и доверии, но в 1844 году обстановка изменилась, и представитель английского правительства торжественно заявил на ежегодном банкете русской колонии в Лондоне о том значении, которое Великобритания придает дружбе России, и громко выразил желание видеть императора Николая в Англии. Личное приглашение королевы придало желанию Английского кабинета официальную форму.

Хотя такая манифестация в пользу России была вызвана не искренним желанием сближения с нами, а личными счетами с Францией, с целью противодействовать распространенному Гизо слуху о политическом значении путешествия королевы Виктории в Э (Eu), но оно совпадало с давним желанием императора Николая войти в соглашение с Англией.

Поездка была окружена какой-то особой таинственностью. До последней минуты никто из приближенных не подозревал настоящей цели путешествия государя, и все предполагали, что он едет в Киссинген для пользования минеральными водами¹¹⁷.

Пребывание Николая Павловича в Лондоне не могло не произвести сильного впечатления на английское общество¹¹⁸ и в особенности на тех лиц, с которыми государю пришлось иметь личное сношение. Величественная наружность императора Николая, простота в обращении, любезность и щедрость, а также политические объяснения с министрами — все понравилось в Лондоне, и появле-

ние государя на улице вызывало рукоплескания толпы. «Государь победил представителей всех партий, — пишет княгиня Ливен¹¹⁹, — и в минуту своего отъезда он пользовался громадной популярностью... С Пальмерстоном он обошелся очень милостиво, а Пиль и Абердин в восторге от него». Со своей стороны, граф Нессельроде отмечал огромное политическое значение впечатления, произведенного государем, на наши сношения с английским правительством. «Разбирая в частных разговорах с министрами королевы, — пишет канцлер¹²⁰, — все современные важные вопросы, а также и те, которые могут представиться в будущем, Ваше Величество придала им тот определенный характер, который с давнего времени не могли достигнуть ни все депеши Вашего кабинета, ни все попытки Вашего представителя в Лондоне. С этого времени улучшение наших сношений с английским правительством с каждым днем становится все более и более заметным». И действительно, рыцарский характер государя, благородство и твердость его речи, откровенное и прямое изложение своих политических видов приобрели ему несколько поклонников среди государственных людей Великобритании. С другой стороны, откровенные и прямые заявления государя относительно необходимости русско-английского соглашения на берегах Босфора на случай смерти «больного человека» не достигали цели; они, напротив, вселяли в английских политических деятелей, как замечает профессор Мартенс, некоторую подозрительность относительно целей нашей восточной политики. Исключением среди них явился глава тогдашнего кабинета лорд Абердин. Вера этого государственного деятеля в твердость слова императора Николая была так велика, что и через десять лет, накануне Крымской войны, он оставался в Англии единственным защитником бескорыстия намерений русской политики, несмотря на непоследовательное поведение нашей дипломатии.

Можно полагать, что поездка императора Николая Павловича в Лондон явилась несколько неожиданной и для самого графа Нессельроде; по крайней мере, канцлер не находился в числе лиц, сопровождавших государя в путешествии, и был в то время в отпуске за границей. Но в августе, уже после возвращения императора, состояние здоровья графа Нессельроде вызвало для него необходимость пользования морскими купа-

*Сэр Роберт Пиль
(с английской гравюры на дереве)*

ниями в Англии и пребывания в Лондоне. Здесь, в продолжительных разговорах с лордом Абердином, обсуждались речи государя, и это обсуждение вылилось в форму особого меморандума, который и дает нам возможность ознакомиться с политической целью и результатами самой поездки.

Главным предметом бесед государя с министрами Великобритании были наши отношения к Турции и желание императора Николая добиться письменного соглашения по этим вопросам и даже союзного договора с Англией. Можно думать, что связывать себя в будущем каким-либо письменным договором не входило в расчеты лорда Абердина. Франция в то время не угрожала никаким интересам Англии; с ней еще только недавно было заключено «сердечное соглашение», возведенное Гизо чуть ли не в тесный союз, и, таким образом, государю не удалось довести до конца начатое им дело. Но через месяц обстановка изменилась. Поведение Франции относительно Англии становилось мало-помалу вызывающим, действия французов в Таити и Марокко начинали угрожать интересам англичан, и осторожный лорд Абердин стал опасаться, что дело может дойти до вооруженного столкновения.

При таких условиях он сам заговорил с бароном Брунновым о возможности заключения Россией и Англией оборонительного и наступательного союза при предстоящем приезде графа Нессельроде в Лондон¹²¹.

«Разумеется, мы еще не пришли к этому, — говорил он нашему удивленному дипломату, — но не надо слишком смеяться. Я хорошо помню, как в день Виндзорского парада государь сказал королеве, что она может рассчитывать на все его войска. Может прийти время, когда мы в них будем нуждаться». Через несколько дней, после получения известия о бомбардировке французами Танжера, разговор на эту же тему между нашим послом и английским министром вновь возобновился, причем лорд Абердин просил взглянуть на это дело серьезно, а не как на шутку. Весьма характерна и пометка императора Николая на этом письме барона Брунова. «Да, важное дело, — написал государь. — Я готов буду, ежели *Англии* угрожать будет опасность; но *сам* не начну, а буду сидеть у моря и ждать погоды. Вот плоды подлости 14 лет! Кончится тем, что предсказывал, и *меня же* будут просить о *помощи*. Вот слава России, как я ее понимаю, и тогда с нами Бог!»¹²²

Таким образом, переговоры графа Нессельроде с лордом Абердином начались при самых благоприятных для нас условиях.

Государственный канцлер в своем донесении государю из Лондона от 19 сентября 1844 года¹²³ упоминает о приглашении лорда Абердина воспользоваться его пребыванием в этом городе, чтобы «сговориться по тем вопросам, по которым Россия и Англия должны высказаться и на окончательное разрешение которых их пол-

ное взаимное согласие должно произвести полезное влияние». Упомянув о состоявшемся между канцлером и первым министром соглашении по делам Сирии и Персии, граф Нессельроде отдает государю отчет о последовавшем обмене мыслей между ним и лордом Абердином по вопросу, более важному, по которому государь во время своего пребывания в Лондоне достиг результатов, превзошедших всякие ожидания графа Нессельроде.

«Уже барон Бруннов, — пишет канцлер, — познакомил меня в подробностях с объяснениями, которые Ваше Величество имели с английскими министрами насчет общего состояния Оттоманской империи. Лорд Абердин, со своей стороны, высказал мне, как он был счастлив получить из уст Вашего Величества объяснения, столь успокоительные для всех друзей мира. С этой стороны взаимное обязательство, являвшееся результатом этого объяснения, мне казалось драгоценным как для них, так и для нас. Все то, что могло клониться к более точному определению сути этого обязательства, я считал неоспоримо полезным и поэтому позволил себе, государь, составить представляемый меморандум, который сообщил лорду Абердину и, таким образом, еще раз предоставил его обсуждению намерения и виды британского кабинета относительно вопросов будущего, которые вызываются положением Турции».

Лорд Абердин нашел эту работу превосходно составленной и удостоверяющей главные основания обмена мыслей между государем и им; «он без оговорок дал свое согласие на предначертанный в меморандуме образ действий для настоящего и на предварительные обязательства, которые намечены для будущего».

Не упустил граф Нессельроде затронуть в своих разговорах с лордом Абердином и старинной мечты нашего кабинета привлечь Англию по всем политическим вопросам на сторону консервативного союза. Великобританский министр, со своей стороны, находил, по словам канцлера, что настоящие интересы Англии, как и прежде, находятся в тесном единении с консервативными кабинетами, и обещал приложить свои усилия к скреплению этого единения.

Меморандум графа Нессельроде¹²⁴ начинается указанием на взаимное убеждение России и Англии, что, в видах сохранения общего мира и в видах их взаимных интересов, желательно Порту Оттоманскую поддержать в состоянии независимости и в тех территориальных пределах, в которых она находилась в то время. Поэтому для обеих держав одинаково важно соединить свои усилия, чтобы укрепить существование Турции и удалять все опасности, которые могут угрожать ее спокойствию. С этой целью признавалось необходимым не беспокоить ее разными дипломатическими придирками (*des tracasseries*) и не вмешиваться без крайней к тому необходимости в ее внутренние дела.

*Медаль по случаю пребывания императора
Николая в Лондоне в 1844 г.*

Чтобы провести эту систему в жизнь, рекомендовалось не терять из вида двух вещей.

Порта одержима постоянным желанием освободиться от обязательств, которые на нее налагают договоры, заключенные с другими державами; она всегда рассчитывает это сделать безнаказанно, надеясь на взаимную зависть держав. Необходимо разубедить Порту в этом заблуждении, и польза всех кабинетов требует дать ей почувствовать ошибку ее поведения всякий раз, когда она будет пренебрегать своими обязательствами относительно одного какого-либо государства, и настойчиво убедить ее в необходимости дать справедливое удовлетворение.

В положении Порты существует еще другое затруднение — это необходимость соединить уважение к верховной власти султана, основанной на мусульманских законах, со вниманием к интересам христианского населения империи. Это затруднение имеет реальную почву. При настоящем состоянии умов в Европе державы не будут спокойно смотреть на притеснительные действия против христианских народностей Турции, вызываемые религиозной нетерпимостью. Необходимо беспрестанно давать чувствовать эту истину турецким министрам и убедить их в том, что они могут рассчитывать на дружбу и поддержку великих держав только при условии обращения с христианскими подданными Порты с мягкостью и религиозной терпимостью. Со своей стороны, иностранные представители держав должны употребить все свое влияние, чтобы удержать этих последних в подчинении верховной власти султана. Руководимые подобным принципом, они должны действовать в полном согласии между собой; всякие предостережения, делаемые Порте, должны носить отпечаток полного единодушия, без какого-либо исключительного превосходства. Следуя такой системе, представителям великих держав скорее всего удастся до-

стигнуть успеха в их намерениях, не вызывая осложнений, угрожающих спокойствию Османской империи. Если все державы чистосердечно присоединятся к такому образу действий, то тогда можно надеяться на сохранение существования Турции.

«Нельзя, однако, не признаться самому себе, — продолжает далее граф Нессельроде, — сколько элементов распадаения заключает в себе эта империя. Непредвиденные обстоятельства могут ускорить ее падение, не позволив дружественным державам его предупредить. Но так как человеческому разуму не дана возможность заблаговременно установить способ действий в видах той или другой неожиданности, то будет преждевременно рассуждать о случайностях, которые могут осуществиться. Среди той неуверенности, которая существует относительно будущего, одна основная мысль достойна поистине практического применения: опасность, которая может произойти от катастрофы с Турцией, намного уменьшится, если Россия и Англия согласятся между собой относительно способа действий в этом случае. Это согласие будет тем более благотворно, что оно встретит полное одобрение со стороны Австрии, между которой и Россией существует полное сходство взглядов на турецкие дела, в видах общего интереса сохранения мира. Остается только желать присоединения к этому соглашению Англии, чтобы придать ему еще большую силу».

Граф К. В. Нессельроде в кабинете Министерства иностранных дел (с акварели Гарсени)

Выяснив далее выгоды такого соглашения между Россией и Англией и упомянув, что общие основания его были установлены во время пребывания государя в Лондоне, а меморандумом они лишь подтверждаются, канцлер устанавливал, что, в случае каких-либо неожиданностей в Турции, Россия и Англия соглашаются действовать совместно, имея в виду следующие цели:

«1) Старание поддержать существование Османской империи в настоящем ее виде до тех пор, пока эта политическая комбинация будет возможна.

2) Если мы будем предвидеть, что Османская империя должна погибнуть, то предварительно должны согласиться относительно нового порядка вещей, который должен будет заменить ныне существующий, и совместно заботиться о том, чтобы эта перемена не нарушала спокойствия наших собственных стран и прав, обеспеченных трактатами, и не мешала бы поддержанию европейского равновесия».

В заключение граф Нессельроде высказывал уверение, что к соглашению должна будет примкнуть и Франция; таким образом, возможность столкновения между великими державами будет устранена, и общий мир в Европе будет поддержан даже среди самых критических обстоятельств.

Вот в чем заключалась сущность нашей политики, как она выразилась в переговорах императора Николая в Лондоне. В каждом слове меморандума замечается полное отсутствие ее честолюбивых замыслов, и императора Николая скорее можно обвинить в том, что он, для обеспечения мира, окончательно подчинил русскую самостоятельность в делах Востока европейскому концерну, чем в каких-либо поползновениях на целость турецких владений. Это было соглашение охранительное, но никоим образом не наступательное. Николай Павлович, оберегая Россию с присущей ему энергией от революционных волнений, более чем кто-либо сознавал нежелательность европейской войны. Считая себя огражденным от революционных движений со стороны Запада своим влиянием на Австрию и Пруссию, он, очевидно, обращал наибольшее внимание на Юг, как потому, что там наши владения непосредственно соприкасались с турецкими, так и потому, что Турция была тот очаг, в котором сосредоточивались интересы большинства великих европейских держав. Осложнения в делах Востока легко могли вызвать войну и революционное брожение.

Меморандум графа Нессельроде имел значение лишь изложения обмена мыслей между государем и лордом Абердином, но не представлял из себя документа, с которым должно было бы считаться английское правительство и после ухода первого министра от дел. На вопрос лорда Абердина о том, угодно ли государю, чтобы меморандум хранился в архивах обоих кабинетов или же Его

Император Николай в Лондоне в 1844 г.

Величество предпочтет устное обязательство английских министров¹²⁵, император Николай приказал ответить, что, напротив, «он будет особенно удовлетворен, если документ такого выдающегося значения будет сохраняться в архивах обоих кабинетов в свидетельство их соглашения, которое, со своей стороны, он решил свято соблюдать»¹²⁶. По этому поводу происходила длинная переписка между нашим министром иностранных дел и послом в Лондоне, которая привела к очень оригинальному выполнению ясно выраженной воли императора Николая.

Барон Бруннов предложил лорду Абердину обменяться письмами с графом Нессельроде, в которых наш министр иностранных дел сообщал бы главе великобританского правительства, что государь удостоил своим утверждением меморандум, а лорд Абердин в своем ответе должен был признать, что этот документ «точно выражает принципы, установленные во время пребывания Его Величества в Англии»¹²⁷. После нескольких дней обдумывания английский министр согласился на закрепления мыслей, выраженных в меморандуме, обменом с графом Нессельроде секретными письмами, имеющими личный и дружественный характер.

Надо отдать справедливость барону Бруннову, который откровенно высказал свое мнение, что эта формальность «ничего не прибавит к обязательной силе соглашения»¹²⁸, заключенного во время пребывания государя в Лондоне¹²⁹. Граф же Нессельроде, отправляя барону Бруннову свое письмо для вручения лорду Абердину, требовал замены его, со стороны последнего, подобным же письмом, которое «служило бы удостоверением согласия английского правительства на принципы, изложенные в меморандуме, и дало

Великая княгиня Елена Павловна
(с литографии И. Гефелиха,
по рисунку Крихубера, 1847 г.)

бы новую силу соглашению, заключенному устно во время пребывания государя в Лондоне»¹³⁰.

В действительности текст обоих писем, которыми обменялись главы кабинетов, поражает своим различием. Граф Нессельроде своим письмом¹³¹ выполнял «приятный долг», уведомляя благородного лорда, что «Его Величество удостоил своим полным одобрением документ, предназначенный удостоверить все то, что было сказано между ним и министрами королевы во время пребывания государя в Лондоне. Император находит, что меморандум отлично выполняет это условие, что он заключает самый верный отчет об его разговорах с вами и вашими коллегами, и что принципы,

которые он устанавливает, будут самым верным руководителем в нашем общем согласном поведении в делах Востока». Лорд Абердин, со своей стороны¹³², ограничился только выражением удовольствия узнать, что государь соблаговолил признать точность меморандума, «закрывающего в себе сущность разных разговоров, которыми я был удостоен Его Императорским Величеством во время пребывания его в здешней стране», и выразил надежду на солидарность взглядов при обмене мнений с графом Нессельроде во время его пребывания в Лондоне, которые он надеялся иметь в виду при всех сношениях по делам Востока.

Таким образом, мы давали торжественное обещание перед министрами Великобритании следовать в нашей политике на Востоке выработанной меморандумом программе и не предпринимать ничего без согласия Англии, а в обмен за это получали лишь неопределенное уведомление лично от лорда Абердина в форме, совершенно не обязательной для великобританского правительства.

Смеем думать, что не надо быть и дипломатом, чтобы придать должную оценку обоим документам. Барон Бруннов препроводил в Петербург письмо лорда Абердина, не упомянув ни словом об его оригинальной редакции¹³³, и, видимо, был очень доволен достигнутыми им результатами; граф Нессельроде, со своей сторо-

ны, ничего против него не возражал, и нет данных думать, чтобы он выяснил государю, что ответ лорда Абердина совершенно не соответствовал желанию, категорически выраженному императором Николаем своему канцлеру.

Одновременно с ведением переговоров об обмене писем на барона Бруннова была возложена задача подготовить почву для будущих сообщений, которыми государь предполагал обменяться с великобританским кабинетом насчет тех новых комбинаций, которые могли бы со временем заменить существовавший в Турции порядок вещей¹³⁴. На это письмо наш лондонский посол ответил длинным рассуждением, которое настолько характерно, что мы приведем его почти в полном объеме, тем более что оно разъясняет поведение императора Николая перед началом кровавой драмы пятидесятых годов¹³⁵.

Начав с заявления, что лорд Абердин сознает всю политическую важность намерения русского государя не ожидать крушения Оттоманской империи для того, чтобы начать думать о средствах восстановления на ее развалинах нового порядка вещей, барон Бруннов переходит к характеристике современного положения этого вопроса.

«Я хорошо знаю, — пишет он про лорда Абердина, — что его система будет состоять в предоставлении нашему августейшему монарху заботы принять на себя инициативу в этом важном деле. Тогда он сообразит, могут ли предложенные комбинации согласоваться с интересами и видами Англии. Со своей стороны, он ничего не представит вперед.

Таково же было положение, в котором государь нашел английских министров во время своего пребывания в этой стране. Его Величество удостоит вспомнить, что в эту эпоху сэры Роберт Пиль и лорд Абердин воздержались от сообщения какой-либо мысли о том, *что надо будет делать*¹³⁶, если Оттоманская империя рухнет.

Я думаю, что я не ошибусь, уверяя, что в настоящее время английские министры не имеют никакого реального предположения относительно этого вопроса будущего. Но так как нет ничего более трудного, как удалить из головы английского министра ложную мысль, которая успела уже пустить в ней корни, то я смотрю как на счастливейшее обстоятельство, что великобританский кабинет не наметил себе определенного плана относительно могущих быть случайностей в судьбе Турции. По крайней мере, мы будем иметь преимущество не бороться с программой, пустившей глубокие корни в умах министров и которая, может быть, совершенно не будет соответствовать видам нашего августейшего монарха». Далее барон Бруннов советует вести переговоры с Англией относительно будущего устройства Турции возможно медленнее, отнюдь не торопясь, и мысли свои основывает на следующих соображениях:

Император Николай I
(с наброска с натуры
А. Чернышева, 1846 г.)

«Право первенства в предварительных сношениях по турецким делам, которое предоставил нам великобританский кабинет, факт совершенно новый в истории наших политических сношений с Англией... Ставший в настоящее время у власти консервативный кабинет поставил за правило в делах Востока всем пяти державам действовать одновременно. Я думаю, что он убедился в невозможности полной одновременности действий. Для того чтобы политическое движение было хорошо направлено, необходимо, чтобы толчок был дан с какой-нибудь стороны. Вот что английские министры отлично почувствовали,

когда оказались перед лицом государя. Они уверовали в него. Они были поражены простотой и силой его языка, когда он им объявил, что не хочет быть владыкой Константинополя, но и не допустит тем более Англию им завладеть. С тех пор они сказали сами себе, что монарх, который так откровенно высказывает свои мысли, есть тот, с которым придется решить судьбу Османской империи, если это политическое тело рухнет. С тех пор английский кабинет вступил на новый путь. Он взял за правило прежде соглашаться с Россией, а потом совещаться с другими европейскими державами». «Правило» это было, очевидно, создано розовым воображением нашего лондонского посла.

Далее автор письма переходит к общим рассуждениям относительно необходимости осторожно работать для развития всякой новой политической системы, чтобы не испортить ее в самом начале, так как только в таком случае слова государя принесут наилучшие плоды; им надо дать развиваться мало-помалу и созреть при помощи времени. В особенности такой образ действий необходим благодаря нерешительному и имеющему мало веры в самого себя характеру лорда Абердина.

С другой стороны, успех всего дела много зависел от оборота событий в Турции. Английские министры, по словам Бруннова, находились всецело под впечатлением известий, присылаемых им из Константинополя. То они верили в вечное существование Порты, то они считали ее падение событием возможным и попеременно переходили

ли от надежды к страху. Страдфорд Канинг, великобританский посол в Константинополе, делал это состояние неуверенности вдвойне тягостным. Он судил события по своим личным ежедневным впечатлениям. Если турецкие министры ему льстили, то Порты в его глазах должна была существовать вечно; если они им пренебрегали, то она находилась накануне катастрофы. В декабре 1844 года он представлял положение Турции в очень непривлекательных красках: подкуп и неспособность министров, закоренелый фанатизм наравне с желанием льстить мнению Европы некоторыми проблематическими уступками в пользу райи, работа в этом направлении французского посланника с целью успокоения периодической печати, полное внутреннее неустройство страны — такова была в общих чертах нарисованная Страдфордом Канингом картина положения Турции.

Это донесение великобританского посла дало повод барону Бруннову убеждать лорда Абердина в неизбежности падения Турции и в необходимости заблаговременно обсудить последствия такого события. К сожалению, автор письма, увлекаясь красотой своих собственных рассуждений, не сообщает, по обыкновению, мыслей, высказанных его собеседником. А между тем подобный же разговор императора Николая в 1853 году с великобританским послом в Петербурге Сеймуром привел к совершенно другим печальным результатам¹³⁷. Канцлер, одобрив в своем ответе барону Бруннову¹³⁸ его образ действий, подтвердил только непрременную волю императора Николая, чтобы Константинополь не принадлежал ни России, ни Франции, ни Англии, и что он никогда не согласится на восстановление Византийской империи.

В последующие десять лет, вплоть до Крымской кампании, барон Бруннов, видимо, исполнял намеченную им самим себе программу. Он продолжал льстить своему монарху и, трудно сказать, с какой долей искренности, представлять английскую политику в совершенно превратном виде. Считая себя необыкновенно искусным дипломатом, он был убежден в своем превосходстве над английскими государственными людьми и воображал себя способным направлять их деятельность в духе наших желаний. Нижеприводимые его депеши свидетельствуют обо всем этом с неопровержимой убедительностью.

Примечания

¹ «Si je n'ai pas réussi, ce sont les moyens, ce n'est ni le désir la volonté qui m'ont manqué. Tant que j'ai vécu, je n'ai eu qu'un désir, c'était d'achever tout ce que je voyais de dur et de pénible dans ce que j'avais à faire pour le bonheur de mon pays, afin de ne te laisser qu'un règne facile» (из рукописного дневника князя П. П. Гагарина за 25 февраля 1855 года. Собственная Его Величества библиотека).

² Дневник П. Г. Дивова//Русская старина, 1900. Кн. 4 и 7.

Шульгин В. Я. Юго-Западный край//Древняя и Новая Россия. 1879. Т. II.

³ Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14.

⁴ Весьма характерным образчиком в этом отношении служит спор в Государственном Совете между графом Перовским и графом Клейнмихелем, изложенный бароном Корфом в своем дневнике. Рассказ этот является очень правдивой иллюстрацией той стесняющей благие намерения императора Николая обстановки, в которой ему приходилось действовать благодаря излишнему доверию к кружку ближайших сотрудников. Мы помещаем его в приложении № 11.

⁵ В обширном дневнике барона М. А. Корфа, охватывающем все царствование императора Николая и составляющем скорее жизнеописание этого государя, можно найти подробные сведения о не всегда удачной роли этих комитетов и в особенности Кавказского (дневник за 1845 год). Таким образом, благая по существу мысль государя о коллективном обсуждении вопросов очень часто выливалась в неудачную форму, благодаря все тому же недостатку средств, который в данном случае выразался в неудачном подборе людей.

Фактическая сторона дневника барона Корфа как ближайшего свидетеля и участника описываемых событий заслуживает полного внимания, тем более что весь этот дневник был прочитан и исправлен императором Александром II.

⁶ Позен представил государю ряд записок по всем отраслям государственного управления. Приводимый отрывок входит в записку «О системе улучшений по основным предметам государственного управления»

⁷ Русский архив. 1887. Кн. 7.

⁸ Кислинский. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров.

⁹ В этом отношении дает любопытные данные Н. А. Аркас в своем дневнике. Рукопись.

¹⁰ Русский архив. 1887. Кн. 7.

¹¹ См. также: записки графини А. Д. Блудовой//Русский архив. 1893. Кн. 1; Биографию императора Николая в газете Aftonbladet от 5 марта 1855 года Архив Мин. иностр. дел U. W. V., 1855.

¹² Записки бывшего инженера//Русская старина. 1900. Кн. 1.

¹³ «В Бессарабской области,— доносил начальник 5-го жандармского округа шефу жандармов 5 июня 1853 года,— никто не может быть ни исправником, ни становым приставом, ни городничим, ни даже мелким служащим, не подвергнув себя ежегодному взносу условленной платы; вследствие сего определенным на места предоставлено неограниченное право делать и со своей стороны налоги, грабежи, насилия и всякого рода противозакония... Это обширное поле для грабежей и воровства, деятельно разрабатываемое губернатором в течение 19 лет!»... Архив канц. Воен. мин., 1853, секр. д. № 75.

¹⁴ Рукописные дневники барона М. А. Корфа, князя А. С. Меншикова, Н. Н. Муравьева, записки Лебедева (Русский архив. 1888 и 1889), дневник Муханова (Русский архив. 1897) и многие другие.

¹⁵ Рукопись императора Александра II, № 108. Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14.

¹⁶ Курсивом — фразы, подчеркнутые императором Александром II.

¹⁷ «А что делалось в Казанской губернии? Она походила на озеро, в глубине которого крупные рыбы поедали мелких; на поверхности же его было тихо, и оно блистало, гладкое, как зеркало». С. Н. Кулябко (Казанская старина//Русская старина. 1899. Кн. 10).

¹⁸ Русская старина. 1899. Кн. 6.

¹⁹ Дневник за 1851 год.

²⁰ Дело о сословиях в Государственном Совете в 1831 году. То же о передаче всех дорог из ведения Министерства внутренних дел в Главное управление путей сообщений (см. приложение № 11) и многие другие.

²¹ Размолвка государя с председателем Государственного Совета князем Васильчиковым в 1840 году. Дневник барона М. А. Корфа. Рассказы князя Варшавского. Записки П. К. Менькова, т. II.

²² «Князь Васильчиков, — пишет барон Корф в своем дневнике, — преданный государю и России всеми чувствами и помыслами, часто гогворили мне, что идет всегда от того начала, что государь рассердится, покосится и — пройдет». Все размолвки между государем и князем Васильчиковым, вызываемые откровенными суждениями последнего, противными мнению государя, приводили к еще большему сближению этих двух лиц.

²³ А. С. Пушкин по запискам А. О. Смирновой//Русский архив. 1899. Кн. 1.

²⁴ Н. Н. Муравьев, А. П. Ермолов, граф А. А. Закревский и др.

²⁵ Ценным материалом для ознакомления с этой чертой характера императора Николая может служить дневник Н. Н. Муравьева-Карского за 1849—1854 гг.

²⁶ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I.

²⁷ Князь Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Приложения к т. 5 1832—1847 гг. См. также переписку императора Николая с графом Орловым. Рукописный отдел Собственной Его Величества библиотеки.

²⁸ Письма к императору Николаю императора австрийского и короля прусского. Архив Мин. иностр. дел. Некоторые из них будут приведены в настоящем труде.

²⁹ Письма князя Варшавского к государю от 17 (29) июля и 31 октября (12 ноября) 1845 года. Архив П. Я. Дашкова.

³⁰ Отношение министра статс-секретаря Царства Польского Туркула от 5 (17) февраля 1847 года к министру народного просвещения графу Уварову.

³¹ Русская старина. 1901. Кн. 1, С. 20.

³² В письме от 11 января 1826 года.

³³ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. I.

³⁴ Военн. учен. архив, отд. I, д. № 1048.

³⁵ Рукописный дневник князя А. С. Меншикова за 1855 год.

³⁶ Анненков уже в эпоху реформ, когда в Государственном Совете прошел вопрос о всеобщем образовании, вернулся из заседания Совета со следующими словами: «Случилось страшное, непоправимое несчастье для России — подписано большинством голосов решение о всеобщем образовании». Мердер Н. И. Воспоминания о Анненковой В. И.//Исторический вестник. 1902. Кн. 10. С. 96.

³⁷ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

³⁸ Записка эта напечатана в Русской старине. 1901. Кн. 5. С. 363—365.

³⁹ Рукописный дневник князя А. С. Меншикова за 21 мая 1827 года.

⁴⁰ «Император Николай, — пишет Мекензи Уоллес, — всегда чувствовал глубокую антипатию к философии и ко всяким отвлеченным идеям и хотел, чтобы его подданные ограничивали свое внимание их личными делами и материальным благосостоянием. Он имел инстинкт и убеждение, что для обыкновенных смертных материальное благосостояние гораздо важнее, чем эти пустые и превыспренние похвалы, которых горячо добиваются мечтательные философские умы, и это инстинктивное убеждение, по-видимому, нашло ясное и энергетическое выражение у писателей новой школы». Из сочинения Уоллеса Мекензи. Россия//Древняя и Новая Россия. XV, 1 октября 1879 г.

⁴¹ Русский архив. 1873. С. 2054, 2055.

⁴² Историческая записка графа Толстого на тему графа П. А. Валусева. Архив П. Я. Дашкова.

⁴³ Киевская университетская старина//Русская старина, 1899. Кн. 7.

⁴⁴ Там же; Записки Н. И. Мамаева//Исторический вестник. 1901. Кн. 4.

⁴⁵ Барсуков Н. П. Жизнеописание М. П. Погодина. Воспоминания о профессорах Давыдове, Шевыреве, Перевошикове и др.//Русский архив, Русская старина.

⁴⁶ Из записок О. Я. Мирковича//Русский архив. 1890. Т. I. С. 433.

⁴⁷ См. главу II.

⁴⁸ Киевская университетская старина//Русская старина. 1899. Кн. 7.

⁴⁹ Записки графа А. Х. Бенкендорфа.

⁵⁰ См. в главе II рассказы Кюстина и Фицтум фон Экштедта, а также дневник барона М. А. Корфа за 1848 год.

⁵¹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

Воспоминания о Пушкине Смирновой//Русский архив.

⁵² В письме к графу А. Х. Бенкендорфу от 18 января 1831 года.

⁵³ Интересна в этом отношении пометка государя на записке графа Орлова от 9 ноября 1844 года, в которой он сообщал о смерти знаменитого баснописца Крылова: «Крайне сожалею; вот хорошо б было, ежели вся наша литературная дрянь исправилась и наследовала его чувствам». Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14.

⁵⁴ Барон М. А. Корф в своем дневнике за 7 мая 1848 года приводит следующие знаменательные слова императора Николая: «Больше всего мне досадны глупые взгляды против Петра Великого; досадно, когда говорят, а тем больше нестерпимо, когда печатают. Петр Великий сделал, что мог и даже более, чем мог, и вправе ли мы теперь, при таком отдалении от той эпохи и в нашем незнании тогдашних обстоятельств, критиковать его действия и унижать его славу, унижая через то славу самой России!» Николай Павлович как будто предчувствовал, что его памяти также придется страдать от подобной же критики ближайшего потомства.

⁵⁵ 10 июня 1826 года.

⁵⁶ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II.

⁵⁷ В новом уставе между прочим постановлено было, чтобы цензоры

всегда за основание принимали явный смысл речи, не позволяя себе произвольного толкования ее в дурную сторону.

⁵⁸ Из бумаг князя Одоевского//Русский архив. 1874.

⁵⁹ Энгельгардт Н. А. Очерк Николаевской цензуры//Исторический вестник, 1901. Кн. 9.

⁶⁰ См.: Цензура в царствование императора Николая I//Русская старина, 1903. Кн. 5.; Энгельгардт Н. А. Очерк Николаевской цензуры//Исторический вестник. 1901; Письма А. С. Хомякова к А. Н. Попову//Русский архив. 1884 и др.

⁶¹ Дневник за 1844 год.

⁶² Барон Корф приводит следующие два, по его выражению, «бесподобные» анекдота, относящиеся к действиям цензуры в 1844 году.

В Париже обанкротился один банкирский дом, в котором лишились значительных сумм певец Тамбурины и Папа. В переводе статей о том из иностранных газет цензура зачеркнула Папу, найдя неприличным ставить имя главы римско-католической церкви наряду с именем оперного артиста.

В газетах наших, при объявлении о пароходных рейсах на 1844 год, было объявлено, что пароход «Николай» отправится в третью субботу мая месяца, «Александра» во вторую и «Наследник» в первую. Отчего же, спрашивали многие, так изменен тут естественный порядок и говорится о времени отправления третьего парохода прежде второго, а второго прежде первого? Оттого, что цензура не допустила назвать наследника прежде императрицы и императрицу прежде государя!

⁶³ Цензура в царствование императора Николая I//Русская старина. 1903. Кн. 5.

⁶⁴ Герцен А. И. Полное собрание сочинений.

⁶⁵ Воспоминания протоиерея И. И. Базарова//Русская старина. 1901. Кн. 3, С. 541.

⁶⁶ Дневник барона М. А. Корфа за 1849 год.

⁶⁷ Записка К. Н. Лебедева//Русский архив. 1888. Кн. 5; Письма А. С. Хомякова к А. Н. Попову//Русский архив. 1884.

⁶⁸ Записка князя Петра Долгорукова. О внутреннем состоянии России (Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14. Рукоп. имп. Александра II, № 105).

⁶⁹ Рукописная записка графа Толстого на тему графа П. А. Валуева. Архив П. Я. Дашкова.

⁷⁰ Очерк Николаевской цензуры//Исторический вестник, 1901 г. Кн. 9.

⁷¹ Русский архив. 1873.

⁷² Того же мнения держится и Д. Иловайский. Взгляд на русскую печать за последние 18 лет//Русский архив. 1874. С. 224.

⁷³ Мекензи Уоллес так описывает состояние русского общества того времени: «Почти никто не интересовался общественными или иностранными делами. Действия правительства, за которыми следили наиболее внимательно, были приказы о передвижениях по службе и указы о наградах. Появление повести Загоскина или Марлинского, двух писателей, теперь почти забытых, казалось несравненно более важным, чем какой бы то ни было новый закон, и такие события, как французская революция

1830 года, бледнели перед появлением новой поэмы Пушкина»//Древняя и Новая Россия. 1879. Т. XV. С. 103.

⁷⁴ Тургенев И. С. Литературные воспоминания.

⁷⁵ «Мудрость управления, — говорит граф П. Х. Граббе в своей характеристике двадцатипятилетия царствования императора Николая, — видна не только в том, что делается, но и в том, от чего оно воздерживается, предоставляя времени и постепенно подготавливая для него материалы». (Из записной книжки графа П. Х. Граббе//Русский архив. 1889. Т. I. С. 493.)

⁷⁶ Дневник барона Корфа М. А. за 1844 год; Герцен А. И. Собрание сочинений.

⁷⁷ Из воспоминаний Б. Н. Чичерина//Русский архив. 1890. Т. I.

⁷⁸ Там же. С. 515.

⁷⁹ С. Н. Кулябко. Казанская старина//Русская старина. 1899. Кн. 10. С. 102.

⁸⁰ Дневник Никитенко за 20 марта 1855 года.

⁸¹ Киевская университетская старина//Русская старина, 1899. Кн. 7.

⁸² Еленев Ф. П. Первые шаги освобождения помещичьих крестьян в России//Русский архив. 1886. Кн. 7.

⁸³ Сочинения. Т. II, С. 637 и 638. То же см. Русский архив. 1887. Кн. 6. С. 262.

⁸⁴ Из рассказов участника комитетов графа П. Д. Киселева. См. также Русский архив, 1887. Кн. 6. С. 262.

⁸⁵ «Ввиду волнений, происходивших в 1848 году во Франции, Германии, Австрии и Италии, император Николай Павлович призадумался, и крестьянское дело было отложено в дальний ящик. А висело оно тогда на ниточке» (Записки графа М. Д. Бутурлина//Русский архив. 1898. Кн. 1).

⁸⁶ Смоленские дворяне и обязанные крестьяне//Русская старина. 1873. Т. VIII.

⁸⁷ Рукописный дневник князя А. С. Меншикова: «26 января 1844 года. Был с докладом у государя и вручил ему записку о дворовых людях в доказательство, что предложенные против помещиков понудительные меры не только не нужны, но в особенности вредны по дурному влиянию, которое иметь будет негодование против правительства всего образованного класса, т. е. того, который имеет дворовых людей в империи. Государь сказал, что на второй неделе поста соберет у себя комитет о дворовых, а записку мою оставил у себя для прочтения.

25 февраля 1844 года. У государя собрался комитет о дворовых... При всем искусстве государя злоба его к дворянам не могла скрыться».

⁸⁸ Барсуков. Кн. IX. С. 305.

⁸⁹ Сюда, между прочим, относится: уничтожение продажи крестьян без земли, приписка дворовых людей к земле, ограничение власти помещиков в отношении телесных наказаний, отличное устройство государственных крестьян и пр.

⁹⁰ Всеподданнейшая записка графа Нессельроде, 20 ноября 1850 года. Архив Мин. иностр. дел.

⁹¹ Анатолий Демидов, говоря в своей рукописи, представленной после смерти императора Николая Первого вдовствующей императрице о завещании государя, собственноручно написанном в 1844 году, прибавляет:

«Faisons remarquer que l'acte testamentaire de l'Empereur Nicolas 1er, écrit, il y a déjà quelques années, par le Maître des plus vastes Etats du Monde, au milieu des circonstances florissantes, favorables même à des vues ambitieuses si l'Empereur les avait eues, ne renferme pas un chapitre, pas un mot de politique, ni pour l'intérieur, ni pour l'extérieur de l'Empire. L'Empereur Nicolas savait que toute disposition de ce genre, émanant d'un souverain et d'un Père, pouvait, à la première variation des faits politiques, restreindre ou entraver, jusqu'à un certain point, la liberté d'action de son successeur» (Собственная Его Величества библиотека. Рукоп. имп. Александра II, № 88).

⁹² От 20 ноября 1850 года. Архив Мин. иностр. дел. Этот всеподданнейший юбилейный отчет помещается в приложении № 12.

⁹³ В 1830 году император Николай, под впечатлением июльских событий и противного его убеждению признания державами короля Людовика-Филиппа, высказал в собственноручной записке свою политическую исповедь, которая является весьма интересным документом, определяющим основные взгляды Николая Павловича. Записка эта в переводе приведена в II томе труда Шильдера Н. К. «Император Николай I»; мы же в приложении № 13 прилагаем подлинный текст этого важного документа.

⁹⁴ Приложение № 8.

⁹⁵ *Traité de Chaumont* 1 mars 1814. *Traité d'alliance de Paris* 8 (20) novembre 1815.

Protocole secret et militaire d'Aix la Chapelle 3 (15) novembre 1818.

⁹⁶ Курсив барона Бруннова.

⁹⁷ Подписан в Берлине 3 (15) октября.

⁹⁸ Курсив барона Бруннова.

⁹⁹ Подлинный текст этого договора помещен в приложении № 14.1 Курсив барона Бруннова.

¹⁰⁰ Донесение Татищева графу Нессельроде от 17 (29) августа 1831 года (Архив Мин. иностр. дел. Vienne, 1831, II).

¹⁰¹ «Voilà le grand désir de Metternich, — написал он на вышеприведенном донесении Татищева, — selui d'être à la tête des affaires, clair et nettement prononcé; or comme nous savons à quoi nous en tenir sur lui par les antécédents, je n'y consentirai qu'en cas ou la Prusse le voudrait et nous le proposerait de son côté».

¹⁰² Военн. учен. архив, отд. 1, д. № 696.

¹⁰³ Дневник князя А. С. Меншикова за 1 октября 1833 года.

¹⁰⁴ В письме из Петербурга от 15 (27) марта 1835 года.

¹⁰⁵ Курсив барона Бруннова.

¹⁰⁶ Русский архив. 1874. С. 72—162.

¹⁰⁷ Написано в 1838 году.

¹⁰⁸ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. С. 463.

¹⁰⁹ Ibid., 467.

¹¹⁰ Лекции барона Бруннова.

¹¹¹ *Etude diplomatique sur la guerre de Crimée par un ancien diplomate.*

Т. I. Р. 5.

¹¹² Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. Т. XII.

¹¹³ Etude diplomatique sur la guerre de Crimée par un ancien diplomate.
T. I. P. 8.

¹¹⁴ От 20 ноября 1850 года.

¹¹⁵ Всеподданнейшая записка графа Нессельроде от 20 ноября 1850 года.

¹¹⁶ Всеподданнейший отчет графа Нессельроде за 1844 год: «Aperçu de l'état et du caractère de nos relations avec les grandes Puissances. Angleterre». Гос. архив, разр. III, № 91. См. приложение № 15.

¹¹⁷ Из записок А. А. Окуловой//Русский архив. 1896. Кн. 1. С. 610.

¹¹⁸ Королева Виктория писала, между прочим, королю Бельгийскому Леопольду 4 июня 1844 года: «Разумеется, этот приезд великое событие для нас и знак большой к нам учтивости; здешний народ очень польщен этим визитом».

¹¹⁹ Исторический вестник. 1901. Кн. 2.

¹²⁰ См. приложение № 15.

¹²¹ Конфиденциальное письмо барона Бруннова графу А. Ф. Орлову из Лондона от 8 (20) августа 1844 года.

Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14.

¹²² Письмо барона Бруннова помещено в приложении № 16.

¹²³ См. приложение № 17.

¹²⁴ См. приложение № 18.

¹²⁵ Донесение графа Нессельроде императору Николаю из Лондона от 6 (18) октября 1844 года (Гос. архив, разр. III, № 104).

¹²⁶ Письмо графа Нессельроде барону Бруннову от 27 октября (8 ноября) 1844 года (Гос. архив, разр. III, № 104).

¹²⁷ Барон Бруннов графу Нессельроде от 21 ноября (3 декабря) 1844 года, № 10 и 11 (Гос. архив, разр. III, № 104).

Письма эти помещены в приложениях № 19 и 20.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Император Николай на письме барона Бруннова написал: «A merveille».

¹³⁰ Граф Нессельроде барону Бруннову от 16 декабря 1844 года (Гос. архив, разр. III, № 104).

Письмо это помещено в приложении № 21.

¹³¹ См. приложение № 22.

¹³² См. приложение № 23.

¹³³ Письмо барона Бруннова к графу Нессельроде от 9 (21) января 1845 года помещено в приложении № 22.

¹³⁴ См. приложение № 19.

¹³⁵ Письмо барона Бруннова графу Нессельроде от 21 ноября (3 декабря) 1844 года, № 11 (Гос. архив, разр. III, № 104. Французский текст этого письма помещен в приложении № 20).

¹³⁶ Курсив барона Бруннова.

¹³⁷ Император Николай на этом письме барона Бруннова сделал следующую пометку: «Nous en parlerons».

¹³⁸ См. приложение № 21.

Глава IV

Последние годы царствования императора Николая I

Наступал памятный в летописях Европы 1848 год. Казалось, что в ней все было спокойно, и дипломатические канцелярии великих держав не предвидели нигде грозных осложнений. Лишь из Сицилии доходили вести о народном волнении, которому, впрочем, никто не придавал какого-либо значения. А между тем на политическом горизонте Европы незаметно собирались темные тучи, которые разразились грозой самым неожиданным образом.

В Петербурге зимний сезон, отличавшийся в этом году большим оживлением, подходил к концу. 21 февраля, в субботу на масленой, из Варшавы была получена депеша, поразившая всех своей неожиданностью. Она сообщала о происшедшей во Франции перемене. Король Людовик-Филипп отказался от престола в пользу своего малолетнего внука, графа Парижского, с передачей регентства, впредь до совершеннолетия нового короля, в руки его матери, вдовствующей герцогини Орлеанской. Известие это, по словам барона Корфа¹, разнеслось по городу с быстротой молнии, но никто не мог предполагать, что в то время для королевской власти во Франции была уже близка и окончательная развязка.

На следующий день, в воскресенье, у наследника цесаревича в Аничковом дворце вся императорская фамилия и высшее общество веселились на «*folle journée*», которая должна была закончиться блестящим балом. В пять часов быстрыми шагами вошел в залу, где шли танцы, император Николай с бумагами в руках, «произнося какие-то непонятные для слушателей восклицания о перевороте во Франции и о бегстве короля».

Государь был взволнован до глубины души. В падении нелюбимого «короля баррикад» он видел давно предсказываемую им кару Божию и наказание за произведенный восемнадцать лет тому назад обман, а также за попрание строгой законности и принципа легитимизма. Но наравне с этим император Николай был озабочен торжеством революции.

Явившись вечером вторично на бал, он обратился к группе присутствовавших там лиц со следующими словами, которые с обычной откровенностью выказывали чувства государя: «*Voilà donc la comédie jouée et finie, et le coquin à bas. Voilà bientôt dix-huit ans qu'on me taxe d'imbécile, quand je dis que son crime trouvera sa punition encore ici-bas, et pourtant mes prévisions viennent de s'accomplir*»². «Поделом ему, прекрасно, бесподобно!»³

Князь П. М. Волконский

Со своей стороны, императрица говорила в кружке приближенных ей лиц, что бывший король, вероятно, не раз вспоминал в своем бегстве из Парижа о нашем государе и что образ императора Николая должен был преследовать его, как страшный призрак⁴.

На петербургское общество известие о февральской революции произвело, по словам современников, очень сильное впечатление. Чувствовалось, что в этом водовороте страстей Россия не останется в стороне и что вполне определенные взгляды ее государя не замедлят указать тот путь, по которому ей

надлежит следовать в общей сумятице, охватившей запад Европы. Даже в заседаниях Государственного совета более говорилось о французских событиях, чем о текущих делах. Всеобщее возбуждение росло по мере получения новых известий из Парижа и в особенности вестей о начавшихся волнениях в Германии, т. е. в ближайшем с нами соседстве.

Еще на балу у наследника государя заметил, что «коммунисты и радикалы между немцами легко могут, пожалуй, затеять что-нибудь подобное и у себя», и в порыве первого сильного впечатления высказал мысль о постановке на военную ногу 300-тысячной армии, имея в виду отправить ее на Рейн для укрощения революционной гидры⁵. Смелый, правдивый голос старика князя П. М. Волконского, поддержанный советами графа Орлова и графа Киселева, был услышан, однако, императором Николаем, подчинившим, как это неоднократно бывало, свои личные чувства требованиям государственной мудрости⁶. Отлично знавший характер своего государя, граф П. Д. Киселев более всего опасался, что рыцарские чувства императора Николая относительно его союзников заставят под первым впечатлением принять решение, не соответствующее истинным интересам России. «Не давайте только воли чувству великодушия относительно ваших союзников», — смело предостерегал государя граф Павел Дмитриевич⁷.

По всей вероятности, под впечатлением этих разговоров императором Николаем была утверждена следующая инструкция нашему послу в Париже, которую канцлер препроводил ему 3 (15) мар-

та 1848 года⁸ и которая вполне ясно определяла роль России относительно последовавшего во Франции переворота. «Дорогой Киселев, после парижских событий вас все будут спрашивать, включая сюда, может быть, и господина Ламартина, что хочет и что будет делать Россия? Вы должны отвечать: она хочет мира и поддержания в Европе территориального распределения, намеченного Венским и Парижским трактатами. Она не хочет вмешиваться во внутренние дела Франции и не примет никакого участия во внутренних распрях, которые могут ее поколебать; она никаким образом не будет влиять на выбор нацией себе правительства. В этом отношении Россия будет придерживаться самого строгого нейтралитета. Но как только Франция выйдет из своих пределов или атакует одного из союзников императора, или если она будет поддерживать вне своих границ революционное движение народов против их законных государей, то император придет на помощь атакованной державе и в особенности своим более близким союзникам, Австрии и Пруссии, всеми своими силами. Такого языка вы должны держаться, и в таком духе я отвечаю представителям дипломатического корпуса, ожидая времени, когда нам можно будет публично объявить виды и намерения императора»⁹.

«В эти смутные времена, — замечает барон Корф, — положение императора Николая было, конечно, одним из самых тягостных. С его привязанностью к монархическому началу, имея близких ему и его семье почти во всех дворах Германии, а в одном из них и родную дочь, он принужден был бездейственно смотреть, как падали вокруг него цари и престолы и как от дерзостного буйства страстей разрушалась вся святыня исконных политических верований... Но, поистине, тут мы и научились познавать все величие духа нашего монарха»... Император Николай и в эти тяжелые дни ни в чем не изменил порядка своих обычных занятий, находил время даже для второстепенных дел, казался веселым, и во время отдыха его речь по-прежнему изобиловала остроумными шутками.

А между тем возбужденные на западе волнения подходили в своем движении к востоку к нашим границам. В Берлине начались «Мартовские дни», смуты в Австрии и Венгрии принимали все более и более угрожающий характер.

Император Николай следил за событиями с озабоченным вниманием. Наконец он решил усилить свои войска на западной границе и в особом торжественном акте громогласно возвысить перед лицом народа и Европы свой голос по поводу происходивших событий и высказать чувства, его волновавшие. Результатом такого решения был наделавший столько шума манифест 14 марта.

В тиши своего кабинета, среди массы текущих забот и в возбужденном от свершавшихся кругом тяжелых событий состоянии,

изливал государь в собственноручном проекте этого исторического документа те мысли, которые наполняли все его существо. Вера в Божественное провидение, во власть, исходящую от Бога, в то полное единение, которое существует между русским царем и многомиллионной Россией и которое так же ясно сознавалось императором Николаем, как и каждым его подданным, наконец, несомненное решение всего русского народа стать до единого на страже исконных его традиций, все это с полной определенностью вылилось из-под пера Николая Павловича.

Окончательная редакция манифеста была возложена на барона Корфа. Описывая минуты, когда он читал государю свой труд, барон Корф заметил, что на глазах императора появились слезы. «Видно было, что он всей душой следил за этим выражением заветных его мыслей и чувств».

Однако государь очень хорошо сознавал, что манифест будет читаться не только в России, но и за границей, где слова русского монарха в обращении к своему народу могут быть превратно истолкованы, а потому, несмотря на собственное благородное увлечение и на восторги Корфа, он приказал изготовленный проект показать графу Нессельроде, который, по словам государя, был «очень взыскателен на выражения и в теперешних обстоятельствах совершенно в том прав».

Обоим цензорам мыслей государя, и графу Нессельроде и барону Корфу, пришли на ум тождественные замечания относительно впечатления, которое манифест может произвести на Европу, но

они не решились открыто их высказать, а оставили их до все разрешающей критики времени «про себя».

Манифест 14 марта производил грозное и величественное впечатление. В нем громовой струной звучало возмущение «разливающимися повсеместно с наглостью мятежом и безначалием» и «дерзостью, угрожающей в безумии своем России» и «готовность в союзе со святой Русью» защищать честь русского имени и неприкосновенность пределов России. Он заканчивался уверенностью, что древний призыв «за веру, царя и отечество» предрекает

П. Д. Киселев
(с русской литографии)

путь к победе, и религиозным возгласом: «С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог!»¹⁰

Впечатление, произведенное манифестом в России, было громадное. Когда цесаревич прочел его собравшимся у него командирам и адъютантам отдельных частей войск гвардии, то раздалось восторженное, несмолкаемое «ура». Все бросились целовать руки цесаревича, и сцена достигла высшей степени умиления¹¹. В церквах, вслед за чтением манифеста, пелся тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Но наряду с общим возбуждением раздавались и более спокойные, недоумевавшие голоса. Такое обращение к народу находили преждевременным, не вызванным обстоятельствами, так как государству не угрожала никакая опасность. Многие, под влиянием манифеста, были искренно убеждены, что Россия уже подверглась новому вторжению двенадцати языков. В народе пошел говор о появлении антихриста¹².

В Европе манифест произвел впечатление не менее сильное, чем в России, хотя и толковался там весьма разнообразно. Одни желали в нем видеть гордый вызов, брошенный северным гигантом торжествующей революции, другие — лишь новое подтверждение политической программы императора Николая Павловича: «не тронь меня, я никого не трону».

Канцлер граф Нессельроде поспешил истолковать перед Европой в своем органе «Journal de St-Peterbourg» смысл манифеста именно в этом духе. Наше Министерство иностранных дел объясняло Европе, что Россию не следует «представлять себе каким-то страшилищем», что она только не потерпит, «чтобы чужеземные возмутители раздували в ее пределах пламя мятежа», а равно, «чтобы, в случае изменения политического равновесия и иного какого-либо распределения областей, подобное изменение обратилось бы к ущербу империи». Вне указанных случаев «она будет соблюдать строгий нейтралитет»¹³.

В то время, как общественное мнение Европы смотрело на манифест 14 марта как на открытый вызов популярным идеям,

Великий князь Михаил Павлович

охватившим большинство населения Запада, взоры потрясенных правительств обращались с упованием на Россию, которая, выражаясь словами одного из современных русских иерархов, стояла «непоколебимо, яко гора Сион, среди всемирных треволнений»¹⁴.

Все правительства Германии потеряли головы, и паривший над ними исполинский образ императора Николая особенно рельефно возвышался. Все только на него и надеялись, от него одного ждали спасения¹⁵. В Европе, народы которой протягивали руку симпатии республике, царило полное смятение. «Даже Англия, — говорит Герцен, — покачнулась на своих средневековых основах. Франция естественно становилась главою всемирного движения... Депутация за депутацией являлись к временному правительству с речами сочувствия и братства. Поляки, итальянцы, немцы, американцы, ирландцы, английские демократы и чартисты наперерыв заявляли свою дружбу и удивление. И это не были праздные слова. Достаточно только вспомнить, что происходило в 1848 году в Вене, Берлине, Милане, Риме, в Южной Германии, в Познани и в самой Бельгии. Ни в какую эпоху империи Франция не имела такого влияния на всю Европу, как в марте и апреле месяцах; правительства были сбиты с толку, народы за Францию; испуг был так велик, что прусский король и австрийский император соглашались на демократические уложения...»¹⁶

Благородство чувств императора Николая и бескорыстие его политики в годы революций и потрясений Европы признают даже иностранные историки, менее всего способные увлекаться Россией.

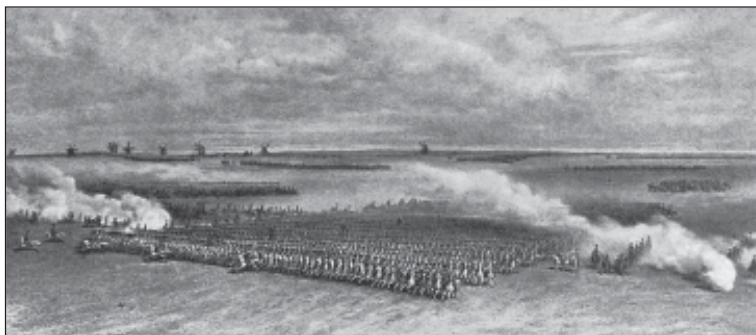
«Русское влияние, — говорит один из них¹⁷, — всегда значительное среди немецких владетельных домов, необыкновенно усилилось и достигло своего апогея после февральского потрясения. Оставшись вне революционной бури, которая охватила почти все государства континента, империя царей казалась самым крепким оплотом начал порядка и консервативного духа. «Покоряйтесь народы, яко с нами Бог!» — восклицал император Николай в знаменитам манифесте, и монархическая Европа, не удивляясь особенно языку, который делал в некотором смысле Бога участником непомерной человеческой гордости, лишь восхищалась государем, который с замечательным бескорыстием трудился над восстановлением законных властей и над сохранением мирового равновесия.

Справедливость требует признать, что в эти тревожные годы северный самодержец пользовался своим влиянием и мечом единственно для укрепления пошатнувшихся престолов и для охранения трактатов. Он защищал Данию, к которой уже в то время потянулась хищная рука Германии, и с горячностью занялся приведением держав к соглашению по этому вопросу, благодаря которому удалось вырвать из рук немцев столь жадно захватываемую

жертву. Он непосредственно вмешался в Венгерскую войну и помог при помощи своей армии раздавить восстание, потрясшее до самых оснований древнюю империю Габсбургов, которая была обессилена и внутренними волнениями и двукратным началом завоевательной войны со стороны Пьемонта. Мало расположенный и по своим убеждениям, и по своим интересам поддерживать объединенную Германию, «первая мысль которой была мысль о захвате, а первый оклик воинственным кличем»¹⁸, он способствовал всем своим влиянием восстановлению германской конфедерации на основаниях, предшествовавших 1848 году. Узы родства и дружбы, которые соединяли его с берлинским двором, никогда не были столь сильны, чтобы заставить хоть на минуту отказаться от поддержки верховной власти германских государей и независимости государств; несмотря на искреннюю привязанность, которую он питал к своему «зятю-поэту», он не избавил Фридриха-Вильгельма IV от эвакуации герцогств, ни от тяжелых Ольмюцких условий... В этот исторический момент император Николай был окружен вполне заслуженным ореолом истинного величия и неизмеримого престижа, который отразился и на лицах, являвшихся представителями той политики государя, непреклонной твердости и прямоты которой никто не осмеливался отрицать».

Действительно, древняя монархия Габсбургов находилась в это время на краю гибели. Каждая из ее разрозненных в национальном отношении частей стремилась обособиться или влиться в состав единоплеменных им государств. Одного слова императора Николая было достаточно, чтобы Австрийская империя перестала существовать на карте Европы как самостоятельное государство. Но он был далек от подобных идей. Государь находил, что единство австрийской державы, основанное на общности религиозных верований и исторического прошлого, должно быть поддержано¹⁹. Победы Радецкого над пьемонтцами, взятие мятежной Вены князем Виндишгрецом и верность предводительствуемых баном Елачичем хорватов внушали императору Николаю чувства живой радости не только как близкие его сердцу подвиги военной доблести и верности присяге, но и как успех союзного ему монарха. «Ура! Герою Радецкому и нашему фельдмаршалу», — начертил государь на депеше барона Медема от 17 мая 1848 года, сообщавшей о решительной его победе у Навары²⁰. Австрийские полководцы были богато одарены русскими орденами, которые они получили намного раньше австрийских²¹.

При таких тяжелых обстоятельствах в Австрии произошло событие чрезвычайной важности. Слабоумный император Фердинанд отказался от престола, на который вступил восемнадцатилетний эрцгерцог Франц-Иосиф, объявленный только накануне своего воцарения совершеннолетним.

***Маневры русской кавалерии в лагере под Вознесенском
1837 г. (с литографии Лемерсье, по рисунку Раффе)***

«Благоволите, государь, — писал он 2 декабря 1848 года императору Николаю Павловичу²², — перенести на меня часть тех чувств доверия и расположения, многочисленные доказательства которых до самой своей смерти получал славной памяти император Франц... Я надеюсь, что мои политические принципы и характер управления позволят мне приобрести похвалу Вашего Величества»²³. Через две недели в новом письме австрийский император высказывал уже надежду, что государь поддержит его и Австрию своей дружбой, а в крайнем случае и материальной помощью. Он взывал к памяти своего деда, императора Франца, который при последнем свидании с Николаем Павловичем просил его покровительства своим преемникам, говоря, что умрет спокойно, лишь получив подобное обещание нашего государя. Князь Виндишгрец в своем благодарственном письме также счел необходимым напомнить об этом императору Николаю.

Но такие напоминания, конечно, были излишни. Еще в октябре на донесении нашего поверенного в делах в Вене Фонтана о возможности австрийского обращения к великодушию императора Николая Павловича государь начертал: «И я отвечу на их призыв, и они во мне не ошибутся».

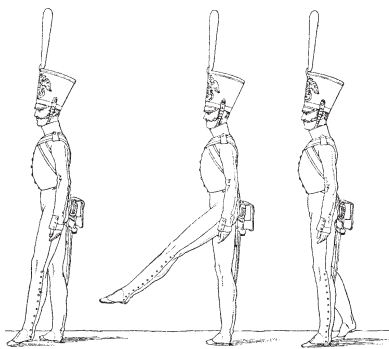
Не только, однако, чувство верности данному слову и кажущейся общности политических принципов имело в этом случае влияние на решимость государя оказать Австрии вооруженную помощь. Тесная связь, обнаруженная между венгерским восстанием и польской революционной пропагандой в сопредельной нам Галиции, а также в западных областях империи, придавала такому решению значение и с точки зрения собственных государственных интересов. Затушить по ту сторону границы пламя готовившегося восстания было гораздо легче и безопаснее, чем бороться с ним в наших собственных пределах²⁴.

Всеподданнейшие донесения князя Варшавского представляли положение Царства Польского в усиленно сгущенных мрачных красках, что не соответствовало действительному положению вещей²⁶; редкие попытки заграничных революционеров, подавляемые к тому же в течение восемнадцати лет решительными мерами наместника, не встречали подготовленной среди населения почвы. А между тем донесения князя Варшавского вызвали чрезмерное утомление наших войск, поставленных в необходимость совершать постоянные передвижения по всему западному краю, и предоставление Виленскому, Ковенскому и Бессарабскому генерал-губернаторам чрезвычайных полномочий по охране общественного спокойствия²⁶. Называя Паскевича в одном из писем к нему «зодчим стены», благодаря которой «Бог помог нам стать против постигшей других гибели», государь сокрушался о том, что приходится лишь «смотреть, быть осторожным и ждать, сколь это ни тяжело»²⁷. Но «зодчий стены» в своем воображении рисовал себе картины очень мрачные и в своей душе серьезно ожидал ежеминутного повторения в Варшаве кровавых событий конца 1830 года.

О нравственном состоянии варшавских властей лучше всего свидетельствует следующая записка генерал-адъютанта князя Горчакова к коменданту Александровской цитадели графу Симоничу, относящаяся к 1848 году²⁸: «Имеются сведения, что сегодня должен вспыхнуть мятеж; между прочим, хотят закидать матрацами и прочими предметами ров цитадели. Этот последний проект не имеет никакого здравого смысла. Тем не менее фельдмаршал мне приказал предупредить вас об этом и просил быть настороже сегодня и последующие дни и не только ночью, *но и днем*»²⁹.

Подобного рода донесения из Варшавы совместно с известием о приближении к нашей границе из Буковины венгерских повстанцев под предводительством польского революционного генерала Бема вызвали со стороны государя распоряжение «не ожидать, чтобы он к нам приближался, но, перейдя границу, идти навстречу и истребить его»³⁰.

Благодаря изложенным обстоятельствам просьба императора Франца-Иосифа о нашей помощи в подавлении венгерского мятежа встретила полную готовность императора Николая оказать вооруженное содействие своему союз-

*Школа маршировки
(с русской гравюры)*

нику. «Мы в нем не откажем, — гласил манифест 26 апреля 1849 года. — Призвав в помощь правому делу Всевышнего вождя бра-ней и Господа побед, Мы повелели разным армиям нашим двинуться на потушение мятежа и уничтожение дерзких злоумышленников, покушающихся потрясти спокойствие и наших областей. Да будет с Нами Бог, и никто же на Ны!»

Впечатление, произведенное этим манифестом на русское общество, по словам барона Корфа³¹, было неблагоприятное. Многие говорили, что нам нет причины вступаться за других, когда у самих беспокойно, намекая на наделавшую первоначально много шума историю Петрашевского; другие же не сочувствовали оказанию помощи именно Австрии, «вероломная политика которой довольно известна по истории», и которая в случае нашей нужды, конечно, не придет нам на помощь.

Государь прибыл в Варшаву, чтобы находиться ближе к театру военных действий. Он поддерживал самую оживленную переписку с руководившим боевыми операциями фельдмаршалом князем Паскевичем, и в этих письмах, свидетельствующих о военных талантах императора, с особой определенностью проявились также его чуткость к неразлучным с войной страданиям, его забота о солдате и глубокое сознание своей ответственности перед Богом и совестью за свершающиеся события.

Через два месяца кампания кончилась, обнаружив несоответствие полководческих талантов князя Варшавского с тем ореолом славы, который окружал его среди современников. Период кампании, предшествовавший сдаче армии Гёргея, даже временно поколебал престиж «отца-командира» в глазах императора Николая³². Это была как бы прелюдия к разочарованиям 1854 года. Но последовавшая вслед за тем бескровная сдача Гёргея сгладила плохое впечатление, получившееся от ведения всей кампании.

Венгерская армия сложила оружие перед русскими войсками, «прибегая к посредничеству Нашему, — как гласит манифест 17 августа 1849 года, — для испрошения великодушного помилования у своего законного повелителя. Исполнив Наш обет свято, повелели Мы ныне торжествующим войскам Нашим возвратиться в свои пределы. С благодарным сердцем к подателю всех благ от глубины души восклицаем: Да, воистину с Нами Бог, разумейте языцы и покоряйтесь, яко с Нами Бог!».

Но здесь произошло одно обстоятельство, положившее печальный отпечаток на отношение к нам венгерской нации в течение многих десятков лет. Ее армия охотно сдалась русским войскам, предупредив, что она будет драться до последнего, если появятся австрийцы или если им будут выданы венгерские войска. Император Николай потребовал безусловной сдачи, но обещал ходатайствовать перед законным правительством о милосердии, в дарова-

нии которого был уверен. Гёргею же было предложено, если он хочет, поселиться в России. Милосердие было обещано, но не было исполнено на деле³³. Преимущество, оказанное венгерцами русским войскам, и необходимость прибегнуть в тяжелую годину внутренних потрясений к русской помощи не могли не оставить горького осадка и в отношениях спасенной такими исключительными средствами Австрии к России.

Император Николай, глубоко веровавший в Божественный источник монархизма и в неприкосновенность данных монархам от Бога прав, не мог смотреть одобрительно на попытки своего зятя, короля прусского, ввести полуконституционные изменения в системе управления государством. Король Фридрих-Вильгельм, насколько мог, защищал свои предположения, доказывая государю, что идея объединения провинциальных прусских ландтагов в один общий ни в чем не нарушает начал монархического управления.

«Я не ослабил моей короны, — писал король³⁴, — я не переменил старого, естественного, патримониального устройства моего государства». Но эти восклицания не убеждали императора Николая, который намного раньше указывал королю, что «революционная пропаганда делает новые завоевания, и что число врагов общественного порядка увеличивается с ужасающей скоростью»³⁵; за несколько же недель до февральского переворота, поколебавшего Францию, он предсказывал наступление страшных бедствий, против которых следует бороться не словами, а действием. «Скажите мне замолчать, — пишет государь³⁶, — и мое молчание будет ненаруσιμο, но если говорить, то я буду говорить только правду»³⁷.

Предсказания императора Николая сбылись, и вслед за падением Людовика-Филиппа начались волнения и в Германии. Государь всеми силами старался поддержать мужество упавшего духом короля прусского, колебавшегося относительно выбора пути, по которому ему надлежало следовать.

Фридрих-Вильгельм не допускал и мысли о торжестве революционных принципов в порядке управления Пруссией, но в то же время ему казалось возможным воспользоваться приподнятым настроением нации для осуществления своей заветной мысли объединить Германию под главенством прусской короны. Погоня за этими двумя целями совместно со слабым, нерешительным характером короля, увлекавшегося поэзией и мистицизмом и всегда находившегося под впечатлением быстро менявшегося в разные стороны настроения, в конце концов посадила его между двух стульев и заставила его державного зятя, которому поведение коро-

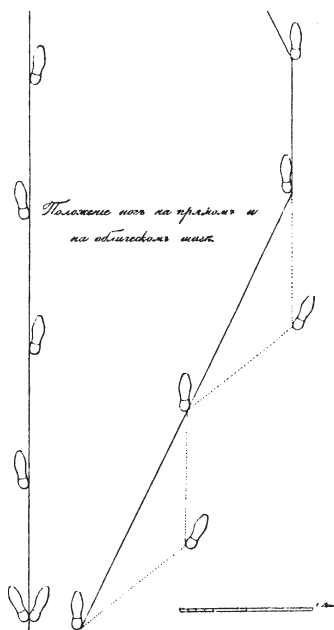

Рисунок из устава первой половины XIX столетия

ля причиняло массу хлопот, выразиться о нем характерным образом, что «наш прусский союзник очень слаб».

Объединенная Германия в руках такого властелина, каким был Фридрих-Вильгельм, не могла обеспечить спокойствия Европе, да, кроме того, образование ее шло совершенно вразрез с трактатами 1815 года, а потому император Николай старался всей силой своего авторитета и родственных влияний поддержать в известном направлении увлекающегося, не без большой, однако, дозы эгоистических поползновений, король прусского.

Переписка между обоими монархами, относящаяся к этому времени, обрисовывает весьма рельефно колеблющийся характер Фридриха-Вильгельма и дружественный, но решительный и не отступающий от своих принципов тон императора Николая. Желание

первого «вырвать из рук демагогов опасное и фатальное оружие германской национальности»³⁸ вызвало со стороны государя призыв оставаться «le sauveur de l'Allemagne et de la bonne cause», стоять смело на высоте положения и не отступать перед задачей, указанной Провидением³⁹; однако в этих словах вовсе не заключалось призыва к какому-либо изменению устройства Германии, не соответствовавшего трактатам 1815 года. Называя предлагаемую ему франкфуртским парламентом корону объединенной Германии «собачьим ошейником»⁴⁰, король в то же время принял депутацию этого парламента и, выслушав ее, со свойственным ему увлечением объявил, что «в ее словах узнает голос германского народа».

Но император Николай Павлович не мог при свойственной ему прямоте смотреть так двойственно на вещи. Он называл франкфуртский парламент «Tas de vauriens»⁴¹ и устами нашего посла в Берлине барона Мейендорфа заявил, что «Пруссия не имеет права становиться во главе Германии, и что такое ее стремление не опирается ни на право, ни на факты»⁴².

Прусский двор начал стараться создать такие факты, и после разгрома франкфуртского парламента берлинский кабинет напра-

вил все усилия, чтобы объединить германские государства под главенством Пруссии. Первоначально было предположено образование федерального государства с королем прусским во главе, который, вслед за образованием такого государства, заключил бы союз с Австрией. Но этот проект постигла неудача. После этого в Берлине решили по крайней мере сгруппировать вокруг Пруссии меньшие государства и создали Эрфуртскую унию. В ответ на это Австрия, на основании трактатов 1815 года, созвала на Франкфуртский сейм представителей всех германских владений, причем на ее призыв откликнулись даже многие из членов прусской «унии».

Германия разделилась на два враждебных лагеря, и среди всех внутренних смут и неурядиц, поглотивших Западную Европу, готовилась вспыхнуть междоусобная брань между главными немецкими державами, союзницами России, на полном единении с которыми, как известно, император Николай строил здание своей политики за последние восемнадцать лет. Допустить такую войну, которая к тому же дала бы могущественное средство распространить успех «дела революции» на самой границе наших пределов, государь, разумеется, не мог. Настало время, когда император Николай Павлович пришел к заключению, что пора возвысить свой мощный голос и перейти в умиротворении своих немецких союзников от слов к делу.

Он решительно высказался против прусской политики, скорбел о том, что «добрая, старая, приверженная в законности Пруссия» перестала существовать, и откровенно делился этим своим мнением с королем⁴³. Государь не допускал удаления Австрии из Германии, и по его поручению барон Мейендорф не раз говорил королю, что «Император не может понять, каким образом ревностный защитник монархического начала и охранительного союза с Австрией может создавать планы, прямо противоположные тому, что он защищал в течение всей жизни»⁴⁴.

В мае 1850 года государь находился в Варшаве. Сюда прибыли принц прусский Вильгельм из Берлина и князь Шварценберг из Вены. Король Фридрих-Вильгельм не упустил по этому случаю патетически воскликнуть: «Наступила минута воззвания к императору, чтобы он решил спор между Австрией и Пруссией!»⁴⁵

В решении государя сомнения быть не могло. Он склонился на сторону Австрии, так как этого требовала и неприкосновенность трактатов 1815 года. Прусской политике пришлось временно отступить от намеченной цели, хотя она и подчинилась этому не сразу.

Она начала играть на другой струнке. Король Фридрих-Вильгельм пытался внушить императору Николаю недоверие к австрийцам, жаловался на их недобросовестность, на вступление их войск в герцогство Гессенское и на военные приготовления в Богемии.

**Барон Мейендорф, русский
посол в Берлине**
(с фотографии с натуры)

Наконец, король сообщил государю, что он решился мобилизовать свою армию. Но и это не помогло. Император Николай сообщил королю, что не имеет никаких оснований сомневаться в доброй вере венского кабинета и настоятельно советовал своему зятю не вводить Пруссию в опасности, с которыми она не в силах бороться⁴⁶. Фридриху-Вильгельму пришлось подчиниться и отстранить от дел представителя объединительной политики генерала Радовица.

Расставаясь с ним, король в письме к Радовицу просался не только с министром, но и с собственной несбывшейся мечтой. «Посылаю вам, — писал Фридрих-Вильгельм, — слово печала-

ли, верности и надежды. Я подписал указ об увольнении вас от должности министра иностранных дел, и Бог свидетель удрочения моего сердца. Я принужден был, я — верный ваш друг, хвалить вас публично за решение удалиться от дел...»

Заменивший Радовица барон Мантейфель просил свидания у австрийского первого министра князя Шварценберга, которое и состоялось в Ольмюце в присутствии нашего посланника при берлинском дворе барона Мейендорфа. Пруссия уступила, и трактаты 1815 года не подверглись никакому изменению.

Некоторому охлаждению отношений государя к Пруссии содействовали также польские дела и вопрос о датских герцогствах.

Император Николай Павлович в самых решительных выражениях требовал от берлинского кабинета подавления смут в Познани и возмущался, что, несмотря на уверения прусского правительства, познанские поляки «продолжают пользоваться покровительством своей так называемой национальности». Государь даже объявил войну Фридриху-Вильгельму, в порыве недоверия к многочисленным уверениям его кабинета, очень редко согласовавшимся по польским делам с действительными поступками, что лишь тогда поверит наказанию польского революционного агитатора Меро-славского, когда узнает, что его действительно повесили⁴⁷.

Вмешательство Пруссии в датские дела вызвало еще более решительные меры со стороны императора Николая. Общегер-

манское движение откликнулось, как известно, и волнением в Голштинии, причем восставшие голштинцы были поддержаны прусскими войсками. Узнав об этом, государь поручил барону Мейендорфу выразить берлинскому кабинету сожаление по поводу несправедливого нападения на Данию и объявить, что Россия не может остаться безучастной зрительницей происходившего⁴⁸. Через десять дней последовало новое заявление нашего двора, требовавшее от пруссаков немедленной приостановки военных действий и в противном случае угрожавшее разрывом⁴⁹.

Пруссия смирилась, и у императора Николая Павловича стало одной заботой меньше. «Ouf en voilà un de moins!» — воскликнул он, узнав о заключенном в Мальмё перемирии.

Из приведенного краткого обзора видно, как нелегка была роль охранителя пошатнувшихся устоев политического быта Европы, защитника чистого монархического начала и неприкосновенности существовавших трактатов, которую добровольно принял на себя император Николай, отчасти в виде наследства от своего предшественника, а отчасти в силу собственного глубокого внутреннего убеждения в справедливости избранного образа действий. Можно спорить о пользе того или другого акта внешней политики этого государя для России, как, например, участия вооруженной силой в подавлении венгерского восстания⁵⁰, но нельзя отрицать благородства побуждений, которыми он руководствовался, и не удивляться прямоте, твердости и великодушию, которые отличали императора Николая Павловича во всех поступках его внешней политики.

Этот государь сознавал все величие своего сана, все значение своего царственного долга, которые не были для него лишь пустым словом или формой, и он безуспешно хотел вселить такое же сознание в сердца всех венценосных глав Европы⁵¹.

Император Николай не дал титула «брата» королю Людовиду-Филиппу, получившему престол не «Божьей милостью», но выдвинувшемуся благодаря революционной смуте; он не поколебался отказать в этом имени и новому императору французов, Людовиду-Наполеону, хотя и признавал заслуги последнего по водворению порядка во Франции. Государь не снисходил до разрешения вступать в полемику с печатными проявлениями неприязненного по отношению к России общественного мнения. «Величественное молчание на общий лай, — написал он по этому поводу на одной из политических записок М. П. Погодина, — приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка»⁵².

Вообще эта записка Погодина представляет большой интерес благодаря многочисленным заметкам государя. Заметки эти свидетельствуют, что он с замечательной ясностью отдавал себе отчет в политическом положении Европы. Государь считал «неоспоримым»,

**Барон О. Мантейфель, прусский
министр иностранных дел**
(с литографии Ланта)

что Австрия не могла бы устоять в годину бедствий без нашей помощи; отлично сознавал, что, кроме императора, в Вене есть правительство, с которым приходилось считаться, дипломатия, враждебная нам бюрократия — «одним словом, много каналов», но отрицал выполнимость предъявленного Погодиным к Австрии требования, чтобы она была для нас союзницей, готовой принести всякую жертву. «Это невозможно», — заметил государь на полях; а мнение автора, что нам выгоднее иметь Австрию врагом, чем другом, он коротко назвал «чепухой». Император Николай возлагал упование лишь на Бога и далеко не разделял восторженных увлечений Погодина относительно наших «естественных союзников» — славянских народностей Турции и Австрии. Зато государь вполне соглашался с

мнением историка о необходимости освобождения турецких славян именно нами, так как в противном случае это будет сделано другими державами во вред России. «Совершенно так», — заметил он на записке, подчеркнув рассуждения Погодина⁵³.

Если и можно отметить одну, может быть, не совсем обоснованную черту во внешней политике императора Николая, то это только то, что он прилагал к западноевропейским отношениям и событиям тот принцип самодержавия, который сложился всей исторической жизнью и бытом исключительно среди русского народа, в котором заключается могущественная сила России и исключительно одной ей принадлежащая особенность, всегда отличавшая и отличающая Русское государство от остальных наций. Западный абсолютизм далеко не обладал жизненностью и мощью русского самодержавия. Он роковым образом должен был рушиться, и император Николай, защищая его, поддерживал здание, обреченное судьбой на неминуемое падение.

А между тем, наравне с могучей силой государя, высоко державшего знамя своих убеждений, в Европе росла сила сопротив-

ления многочисленного класса германских националистов и либералов всех стран, проводивших совершенно противоположные принципы. Отчаявшись в возможности склонить Россию на свою сторону, они объявили ей, или, вернее, ее государю бумажную войну, на которую император Николай отвечал полным презрением. Общественное мнение было на стороне этой партии, которой, таким образом, легко было убедить всех в том, что Россия является страшным чудовищем, готовым поглотить весь образованный мир⁵⁴. Один из выдающихся представителей партии объединения Германии Стокмар даже отождествлял деятельность императора Николая с деятельностью... Меттерниха.

Меры, предпринимаемые по отношению к польской народности и к римско-католической церкви, сосредоточение войск на западной границе, вмешательства в дела Дунайских княжеств Австрии и Дании — все это давало достаточную пищу в Германии, Франции, Италии и Англии для бесчисленных статей и брошюр, направленных против России. Общественное мнение повсюду было против нас, и, по свидетельству протоиерея Базарова⁵⁵, в Германии матери пугали детей именем императора Николая. «Европа, — говорил по этому поводу сам государь⁵⁶, — никогда не простит нам нашего спокойствия и наших заслуг».

Но зато никогда, быть может, Россия не пользовалась в Европе большим престижем и значением. Император Николай Павлович казался верховным вершителем судеб нашей части света: перед ним преклонялись правительства и дрожали народы. Немудрено было проникнуться чувством особой гордости; оно естественно усилилось в государе, чем многие из близких ему лиц были смущены. Барон Остен-Сакен, при первом свидании с государем после покорения Венгрии, вынес тяжелое впечатление о перемене, в нем происшедшей. «Государь произвел на меня тяжелое впечатление, — говорил он окружающим⁵⁷; — знаете, что он сильно возгордился. Я уверен, что эта кампания его погубит».

Тем более тяжелы должны были быть готовившиеся удары судьбы, которые император Николай принял с присущим ему величием.

Революционный ураган, пронесшийся над центральной Европой, произвел глубокое впечатление на русское общество и на правительственные круги. Приводимые Н. П. Барсуковым в его сочинении «Жизнь и труды М. П. Погодина»⁵⁸ отзывы современников являются ярким свидетельством испытанного ими душевного потрясения. И. С. Аксаков признавался, что у него дух захватило, когда он увидел «отречение Запада от всех начал, которыми он управлялся во всю свою историю». Гоголь поддавался испугу. «Все, что рассказывают приезжие о парижских происшествиях, — писал

Император Николай I
(с гравюры, по рисунку
К. Афанасьева, 1852 г.)

он, — просто страх: совершенное разложение общества. И это тем более безотраднo, что никто не видит никакого исхода и выхода». Жуковский называл происшествия в Германии событиями «чудовищными». Ему казалось, что в них проявилась ложь западной цивилизации, раздавливающей своим грузом страну и «все святое». Погодин был поражен не менее других и искал забвения в занятиях своими историческими исследованиями. «Новые страшные известия из Берлина, — занес он в свой дневник 10 октября 1848 года. — Страшное совершается, а мы стоим, разиня рот»⁵⁹.

Но наше правительство не дремало в принятии внутренних мер предосторожности. Забота об ограждении России от влияния революционного духа заслонила собой все другие задачи внутренней политики и вылилась в форму сильной реакции, продолжавшейся до окончания Крымской войны.

Император Николай как защитник осященных вековой традицией начал монархизма и основанного на них порядка считал своим долгом принять все меры для ограждения их от революционных посягательств.

Принимая 21 марта 1848 года депутатов петербургского дворянства, государь обратился к ним с речью, в которой очень рельефно проводил мысль о необходимости сплочения консервативных элементов для борьбы с разрушительными веяниями. «Забудем все недовольствия, — говорил император⁶⁰, — все неприятности одного к другому. Подайте между собой руку дружбы, как братья, как дети родного края, так, чтобы последняя рука дошла до меня, и тогда, под моей главой, будьте уверены, что никакая сила земная нас не потревожит». Государь просил дворян наблюдать за мыслями и нравственностью учащейся молодежи, рекомендовал осторожность в беседах с дворовыми людьми или в их присутствии, успокоил помещиков относительно неприкосновенности их прав на землю и сообщил о принятых их мерах, чтобы журналы не позволяли себе впредь печатать статей, возбуждающих крестьян против помещиков, и вообще статей неблагоприятных.

Настроением императора Николая Павловича не упустили, конечно, воспользоваться приближенные, как по вопросу о крепостном праве, так и по другим отраслям внутреннего управления. Цензура преследовала с беспощадной строгостью самые отдаленные намеки на зловерность крепостного права и изыала его из круга предметов, о которых можно было говорить в печати. В казенных изданиях начали появляться восхваления закрепощения крестьян, а наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений, напечатанное в 1852 году, приводит в его защиту даже тексты Священного Писания. Крепостное право, согласно наставлению, рекомендовалось беречь и охранять как учреждение божественное; послушание своим помещикам приравнялось к соблюдению Божьих заповедей. П. Д. Киселев имел полное основание сказать своему племяннику Милютину, что «вопрос о крестьянах лопнул»⁶¹.

Но наибольшее впечатление на общество произвели два мероприятия той эпохи: учреждение «негласного комитета» 2 апреля 1848 года по надзору за периодической печатью и литературой и сокращение приема молодежи в университеты.

Академик К. С. Веселовский⁶² передает ходившие в 1848 году в «хорошо осведомленных кругах» известия о возникновении «негласного комитета». Рассказывали, что пользовавшийся особым благоволением государя статс-секретарь барон М. А. Корф⁶³ счел произведенную событиями во Франции тревогу весьма подходящим временем для того, чтобы отличиться особым усердием в глазах императора и в награду получить давно желаемый министерский портфель. Барон нашел себе союзника в лице бывшего попечителя московского учебного округа графа С. Г. Строганова, которого нетрудно было убедить, что находившаяся в ведомстве министра народного просвещения цензура не представляется достаточным оплотом против наплыва революционных идей с Запада и что необходимо было сделать ее более действительной, установив строгий и бдительный надзор за ее деятельностью.

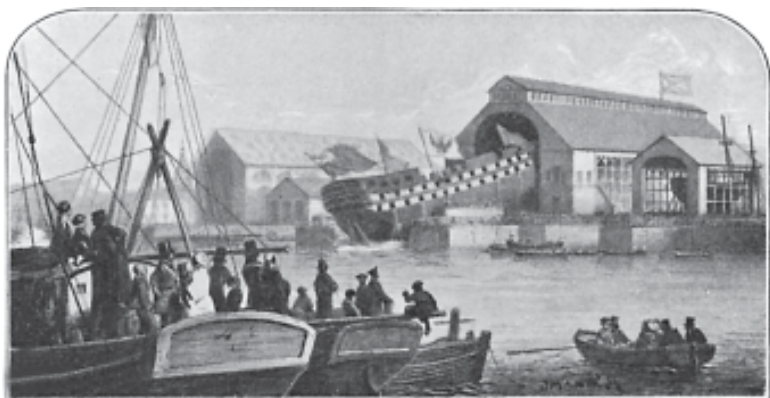
Сам барон Корф объясняет в своих записках участие в деле образования негласного комитета следующим образом:

«Среди жаркой тревоги, вдруг овладевшей всеми нами вследствие парижских вестей, нельзя было не обратить внимания на нашу журналистику, в особенности же на два журнала, «Отечественные записки» и «Современник». Оба, пользуясь малоразумием тогдашней цензуры, позволяли себе печатать Бог знает что и по проповедуемым ими, под разными иносказательными, но очень прозрачными для посвященных формами, коммунистическим идеям, могли сделаться небезопасными для общественного спокойствия». Убедив себя, что доведение до сведения государя, в особенности «в такое опасное время», о столь неблагонадежном

направлении журналистики будет исполнением священного долга, барон Корф переслал составленную им записку наследнику цесаревичу. Дело было передано в руки шефа жандармов графа Орлова, на всеподданнейшем докладе которого государь написал: «Необходимо составить особый комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура, и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждой программы? Комитету донести мне с доказательствами, где найдет какие упущения цензуры и ее начальства, т. е. министра народного просвещения, и которые журналы и в чем вышли из своей программы. Комитету состоять, под председательством генерал-адъютанта князя Меншикова, из действительного тайного советника Бутурлина, статс-секретаря барона Корфа, генерал-адъютанта графа Строганова 2-го и статс-секретаря Дега. Уведомить о сем кого следует и занятия комитета начать немедленно».

Таким образом, министерский портфель вновь ускользнул из рук барона Корфа, но зато к жизни был призван новый орган для надзора и за журналами, и за цензорами, и, наконец, за самим министром народного просвещения. Почин в этом деле, как видно, не принадлежал императору Николаю, который, получив в столь тревожное время донесение лица, пользовавшегося его полным доверием, о вредном направлении литературы, не мог не принять соответствующих мер. И надо отдать справедливость, что меры эти были приняты в самом беспристрастном виде; надзор не был возложен на одно какое-либо лицо, а на целую коллективную группу, под председательством пользовавшегося известностью «наиболее просвещенного» человека своего времени князя А. С. Меншикова. Но форма, в которую вылилась эта мера, получила, к сожалению, очень нежелательное направление и наложила тяжелый отпечаток на последний период царствования императора Николая Павловича. Инициатору особого надзора надо было оправдать в глазах государя правоту возведенного им обвинения.

И действительно, комитет энергично принялся за дело. Он проектировал некоторые изменения цензурных правил, делал внушения редакторам журналов и цензорам и в самом скором времени успел доказать на деле свою «несомненную пользу». «В результате, — как говорит барон Корф⁶⁴, — у государя явилась мысль учредить, под непосредственным своим руководством, всегдашний безгласный надзор за действиями нашей цензуры. С этой целью, вместо прежнего временного комитета, учрежден был, 2 апреля, постоянный, из члена Государственного совета Д. П. Бутурлина, статс-секретаря Дега и меня, с обязанностью представлять все замечания и предположения свои непосредственно государю».

*Спуск линейного корабля в Петербурге, 1851 г.
(с русской литографии)*

Призвав к себе Бутурлина и Корфа, император Николай Павлович объявил, что поручает им дело надзора за печатью по своему «безграничному» доверию. «Как самому мне некогда читать все произведения нашей литературы, то вы станете делать это за меня и доносить мне о ваших замечаниях, а потом мое уже будет дело расправляться с виновными»⁶⁵.

Комитет 2 апреля 1848 года существовал во все остальное время царствования императора Николая Павловича и был упразднен только в 1856 году, по докладу того же барона Корфа, который более всех способствовал его учреждению.

Деятельность комитета отличалась резко реакционным направлением. Во главе его, как было уже сказано, стоял Д. П. Бутурлин, доходивший в своем усердии к искоренению вольнодумных мыслей до смешных крайностей. Даже некоторые выражения в молитвах ему казались угрожающими общественному спокойствию. Акафист Покрову Богородицы особенно привлекал внимание усердного председателя. Выражения вроде «радуясь, незримое укрошение владык жестоких и зверонравных... советы неправедных князей разори» казались ему «опасными» и подлежащими исключению в интересах общественного порядка. На замечания, что и в Евангелии есть выражения, осуждающие злых правителей, он отвечал, переходя, впрочем, в шуточный тон: «Так что ж? Если бы Евангелие не было такой известной книгой, конечно, надо бы было цензуре исправить ее»⁶⁶.

Впрочем, вскоре по учреждении комитета духовная литература была изъята из круга его действий, и Бутурлину не пришлось произвести нового исправления церковных книг. Но зато в других областях печати, и в особенности в периодической, цен-

Русский монастырь на Афоне

зура, запуганная комитетом, принимала совершенно невероятные меры предосторожности. Один цензор не допускал в учебном сочинении графа А. С. Уварова «О греческих древностях, открытых в южной России», перевода надписей, в которых встречалось слово «демос» — народ; другой не позволил писать об убитых римских императорах, что они «убиты»; третий в учебнике физики не разрешал выражения «силы природы»; четвертый остановил печатание арифметики, потому что между цифрами какой-то задачи нашел ряд «подозрительных» точек⁶⁷. Члены комитета немногим отставали от цензоров. Они распорядились, например, перепечатанием посвящения наследнику цесаревичу в книге Арсеньева «Статистические очерки России», найдя необходимым вычеркнуть слова: «и с каким участием Вы скорбели о разных преградах к свободному развитию новой лучшей жизни народа» и сделали выговор ей за помещение статьи, разрешенной к печати самим государем⁶⁸.

Реакционное направление отразилось и на жгучем вопросе о воспитании юношества. Революционные лозунги «свобода, братство, равенство» легко западали в душу впечатлительной молодежи. Франция казалась им каким-то чудным горнилом, из которого на весь мир шли лучи света и тепла. Это увлечение в конце концов разразилось в Петербурге наделавшей много шума, но в действительности ребяческой историей тайного общества Петрашевского. Глава этого общества, если его можно только так назвать, Петрашевский, несколько оригинальный, но ничем не выдававшийся человек, собирал у себя на вечера самое разнообразное, случайное общество молодых чиновников, офицеров и учащейся молодежи, придавая себе и этим собраниям какую-то особенную таинственность. В действительности же здесь без всякой связи обсуждались только общие политические вопросы и передавались

друг другу статьи подпольной, очень распространенной благодаря притеснению цензуры литературы. Вряд ли кто-либо из участников этих собраний, посещая их, имел какие-либо более серьезные цели, чем отведать сладость запретного плода. Но неожиданное открытие в столь тревожное время обширного, как тогда говорили, заговора Петрашевского произвело на правительственные сферы и общество большое впечатление. Более всего пострадали от этого сами петрашевцы и направление образования молодежи.

Строгие блюстители порядка не упустили представить государю настроение части учащегося юношества и отдельных случаев ее увлечений в самом мрачном свете. Вредное влияние на умы молодежи было приписано изучению древних языков и истории греков и римлян. «С 1849 года, — пишет профессор Иловайский⁶⁹, — преподавание классических языков было ограничено, а вскоре потом греческий язык был почти исключен из гимназической программы. И удар, нанесенный классическому элементу, не имел никакой другой цели, кроме того отдаленного соображения, по которому древние язычники являлись опасными для общественного порядка, ибо классический мир был по преимуществу мир республиканский». Грановский, со своей стороны, в 1850 году делился с Герценом следующими мыслями⁷⁰: «Положение наше становится нестерпимее день ото дня. Всякое движение на Западе отзывается у нас стеснительной мерой... Есть от чего сойти с ума!»

Одной из таких мер, по мнению современников, было установление комплекта студентов в университетах. Среди петербургского общества слух об этом носился еще с 1848 года, но, по свидетельству барона Корфа⁷¹, все отказывались ему верить до появления в мае 1849 года объявления ректора С.-Петербургского университета о прекращении приема студентов ввиду полного их комплекта. «Установление комплекта, — продолжает барон Корф, — возбудило в то время общее неудовольствие и даже в людях, самых благонамеренных, общее сокрушение».

Эта мера шла вразрез с просветительными стремлениями императора Николая Павловича, который в продолжение своего царствования основал целый ряд учебных заведений. Государь в данном случае руководствовался высшим интересом ограждения государственного и общественного порядка от опасности заражения молодежи западными революционными идеями, но был далек от мысли стеснить самое образование. Вскоре по установлении комплекта были сделаны изъятия для богословских факультетов и для медицинского в Юрьеве (Дерпте)⁷².

Почти одновременно с указанной выше непопулярной мерой установления комплекта студентов портфель министра народного просвещения перешел в руки князя Ширинского-Шахматова, при назначении которого петербургские остряки не без некоторого

Фельдгегерь
(с английской гравюры
на стали)

основания говорили, что в его лице русскому просвещению дан не только шах, но и мат⁷³.

Будучи генерал-инспектором по инженерной части, государь знал князя Ширинского-Шахматова как исполнительного чиновника инженерного департамента. Перейдя в Министерство народного просвещения, бывший начальник отделения занимал последовательно посты директора канцелярии, департамента и, наконец, товарища министра графа Уварова. В 1849 году он подал государю записку «о необходимости преобразовать преподавание в наших университетах таким образом, чтобы впредь все положения и выводы

науки были основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах в связи с богословием»⁷⁴. Призвав к себе Ширинского и выслушав его объяснения, государь сказал цесаревичу: «Чего же нам искать еще министра просвещения? Вот он найден».

Передавая это событие, барон Корф замечает, что «Император Николай, несмотря на все свое моральное величие, был смертный и, следовательно, не чужд человеческих ошибок. Управление Шахматова доказало, что можно быть хорошим казуистом, не будучи государственным человеком, что хороший начальник отделения не есть еще непременно хороший министр...»

Митрополит Филарет, приветствуя назначение Ширинского министром, а А. С. Норова его товарищем, писал: «Сии, конечно, пожелают просвещать восточным светом»⁷⁵. Но новый министр вовсе, по-видимому, не находил нужным пользоваться каким бы то ни было «светом». Посетив Московский университет, он заявил, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен», и в представленном по Высочайшему повелению докладе предложил изъять из преподавания «философии теорию познания, метафизику и нравственную философию». С тех пор в университетах читались лишь логика и психология, причем преподавание последней было возложено на профессоров богословия⁷⁶.

В порыве общего усердия администрации не устояли и славянофилы. Третье отделение сообщило министру народного про-

свещения, что московские славянофилы смешивают приверженность свою к русской старине с такими началами, которые не могут существовать в монархическом государстве. Они, «явно недоброжелательствуя нынешнему порядку вещей, в заблуждении мыслей своих беспрерывно желают оттолкнуть наше Отечество ко временам равноапостольного князя Владимира», и, хотя некоторым из них, как, например, Ивану и Константину Аксаковым и Хомякову, были сделаны «внушения», но это на них «не подействовало». Ввиду такого упорства и чтобы «раз навсегда положить предел распространению такого образа мыслей и предупредить строгие, но справедливые взыскания правительства, которым подвергаются цензоры», начальник штаба шефа жандармов генерал Дубельт предложил прекратить издание органа славянофилов «Московский сборник» и запретил Ивану Аксакову быть редактором какого бы то ни было периодического издания. Не довольствуясь этим, Дубельт рекомендовал сделать «наистрожайшее внушение» братьям Аксаковым, Хомякову, Киреевскому и князю Черкасскому за желание распространять нелепые и вредные понятия и воспретить даже представлять к напечатанию свои сочинения⁷⁷. Воспрещение это было отменено лишь с наступлением нового царствования.

Во время разгара революционных волнений, естественно, подверглись крайнему стеснению и сношения русских подданных с Западной Европой. Заграничные путешествия стали на некоторое время почти невозможны. Когда же волнения улеглись и жизнь западноевропейских народов вошла в нормальную, хотя и не прежнюю колею, то император Николай Павлович вновь стал менее строг в этом отношении; однако, разрешая заграничные отпуска людям пожилым, он продолжал отказывать в этом состоявшей на государственной службе молодежи⁷⁸.

Опасения, внушенные нашему правительству революционными веяниями, были сильно преувеличены. Никто не мог в России и думать серьезно о потрясении основ нашего незыблемого государственного устройства. В ней сознавались частные недостатки общественного строя, лучшие умы с нетерпением ожидали отмены крепостного права, устройства правосудия, оживления деятельности общества, но никто не предполагал возлагать надежду на революционные волнения и смуты. Все упования направлялись к престолу и к самодержавной власти русского царя. Народные массы обожали государя и в нем лишь искали источника удовлетворения своих справедливых желаний. «Ничто не могло сравниться, — писал барон Корф⁷⁹ о пребывании императора Николая в Москве в 1849 году, — с теми громкими выражениями народной преданности, которые сопровождали государя в вербное воскресенье, когда он, отслушав обедню во дворце, пошел в собор.

Граф К. В. Нессельроде
(с немецкой гравюры
на стали)

Весь переход был усыпан, унизан народом; в окнах, на крышах, на церковных куполах, на колокольне Ивана Великого, везде лепились люди. Едва царь показался в дворцовых дверях в казачьем кафтане и в шапке на голове, народ хлынул к подъезду с воплями радости. Забывали все, лезли друг на друга, на двери, на стены, позволяли полиции бить и толкать себя, а проходу государю все-таки не давали, бросаясь целовать ему руки и ноги, так что 600 или 700 шагов до Успенского собора он шел целые четверть часа... Таковы были, — кончает барон Корф, — в эту эпоху общего превращения на Западе наши баррикады!».

Но среди изъявлений народного восторга государь был грустен. Он как бы предчувствовал тяжелые испытания, которые судьба готовила ему и России после двадцатипятилетнего славного царствования. «В нем, — пишет один из современников⁸⁰, — заметили какую-то особую мрачность или, что называется, «mauvaise humeur». Французский посол в Петербурге маркиз Кастельбажак сообщал в Париж⁸¹, что «Император Николай постарел на десять лет; он, действительно, физически и нравственно болен»⁸². Английский врач Грэнвилль, исследовавший государя в июне 1853 года, писал Пальмерстону, что император Николай болен неизлечимо, и что он может прожить не более двух лет⁸³. Саксонский дипломат Фицтум фон Экштедт, представлявшийся государю около того же времени, заметил, что в его речах звучала трагическая нота. «Чувствовалось, — записал Экштедт, — как тяжело легло на него бремя двадцатисемилетнего правления, которое он почти один нес в течение человеческой жизни. Взгляд его омрачился»⁸⁴.

И действительно, в судьбе императора Николая Павловича было нечто глубоко трагическое. Вознесшись на вершину человеческого величия, государь был до глубины души проникнут святостью своего призвания, мечтал об укрощении революции, о мирной жизни народов, основанной на соблюдении трактатов и традиционного политического устройства Европы, об усилении законного нравственного и политического влияния России на Востоке, и вме-

сто этого после многолетних трудов суровый рок не избавил его от полного трагизма несчастья видеть в последние годы жизни постепенное крушение того, во что он верил и на что всецело ушли двадцать девять лет царствования и жизни этого исполина и рыцаря в душе и на деле, императора Николая. В Европе устанавливался новый порядок, в Турции распоряжались англичане, а внутреннее состояние России казалось безотрадным, и государь не мог не увидеть, что его труды и усилия были парализованы той стеной официальной неправды и условностей, которую не проникал даже его орлиный взор. Перед окончанием жизненного пути судьба ни в чем не дала ему пощады. Даже те святые в глазах государя чувства верности союзам, дружбы, благодарности, которые он с младенческих лет ставил выше всего на свете и которым верно служил до гробовой доски, были оскорблены самым беспощадным и бесцеремонным образом. Переходя в вечность, он сохранил веру лишь в свою семью, а также в доблести и нравственную мощь своего народа, поражавшего свет своим героизмом на далеком уголке Крымского полуострова.

И в день кончины императора Николая Павловича, когда поверхностные умы решались приписывать именно ему все бедствия родной страны⁸⁵, более глубокие мыслители лучше поняли покинувшего свет монарха. «Смерть доказала нравственную правоту человека, — писал Хомяков Аксакову⁸⁶, — который столько казался виновным; впрочем, я его всегда считал правым, как вы знаете, и винил не лицо, а систему». Его ошибки, по словам того же Хомякова⁸⁷, были ошибки в понятиях и системе, но «он был честный труженик, который действовал под ложно приложенным нравственным законом, и, следовательно, он прав перед судом совести».

В этой нравственной правоте заключается не только тайна громадного влияния, которым пользовался император Николай Павлович во всей Европе, но и тайна той духовной мощи, которая проявлялась во всю свою ширь при общении царя со своим народом.

Примечания

¹ Дневник барона М. А. Корфа за 1848 год.

² «Вот, наконец, комедия разыграна и окончена, и бездельник пал. Вот уже скоро восемнадцать лет, как меня считают глупцом, когда я говорил, что его преступление будет наказано еще здесь, на земле, а между тем мои предсказания сбылись».

³ Дневник барона М. А. Корфа за 1848 год.

⁴ Там же.

⁵ Барон Корф приводит в своих записках со слов графа Киселева очень

характерный рассказ, относящийся к поведению князя Варшавского в эту эпоху. «В фельдмаршале явно отражались те же фазы, через которые прошел и государь. Сперва он дышал самым восторженным героическим духом и одной лишь войной. К весне, говорил он, мы можем выставить 370 тыс. войска, а с этим пойдем и раздавим всю Европу!.. — Кому же командовать этой армией, — возражал Киселев. — Кому? — А на что же Паскевич? Кто поправил Ермолова грехи, кто Дибичевы? Кто во всей новейшей истории счастливо и с полным успехом совершил пять штурмов? Все тот же Паскевич. Авось Бог даст ему и теперь не ударить лицом в грязь!

Но прошло несколько дней, и Паскевич совсем переменял тон; он уже начал говорить о бесполезности внешних с нашей стороны действий, о большей необходимости охранять внутреннее спокойствие и пр.» (Русская старина. 1900. Кн. 3).

⁶ Записки В. И. Панаева; Дневник барона М. А. Корфа.

⁷ Из записок барона Корфа//Русская старина. 1900. Кн. 3.

⁸ Гос. архив, разр. III, № 165 (1848 г.).

⁹ Французский подлинник в приложении № 24.

¹⁰ Приложение № 25.

¹¹ Дневник барона М. А. Корфа за 1848 год.

¹² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина//Русский архив. Кн. IX. С. 261, 262.

¹³ Современная летопись//Сын Отечества. 1848. № 4. Полный текст помещен в приложении № 26.

¹⁴ Слово преосв. Иннокентия по прочтении Манифеста 14 марта. СПб., Син. тип., 1848.

¹⁵ Воспоминания протоиерея Базарова//Русская старина. Т. 105. Кн. III. С. 524.

¹⁶ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. 4. С. 321, 322.

¹⁷ J. Kłaczko. Deux chanceliers. P. 16, 19.

¹⁸ Выражение циркулярной депеши графа Нессельроде от 6 июля 1848 года.

¹⁹ Доклад графа Нессельроде 15 июня 1848 года.

²⁰ Записки барона М. А. Корфа.

²¹ Там же.

²² Гос. архив, карт. № 4065.

²³ Французский подлинник см. в приложении № 27.

²⁴ См. также: Алексеев А. Воспоминания старого служачи//Русский архив. 1890. Кн. 3; . Абазы В. А. Взгляд на революционное движение//Русский архив. 1887.

²⁵ Архив дипломатической канцелярии Варшавского генерал-губернатора; Записки П. К. Менъкова. Т. 2.

²⁶ Указы от 19 марта 1848 года.

²⁷ Письмо от 2 (14) января 1849 года. Собственная Его Величества библиотека.

²⁸ Из архива П. Я. Дашкова.

²⁹ Перевод с французского.

³⁰ Император Николай князю Варшавскому 5 (17) января 1849 года. Собственная Его Величества библиотека.

³¹ Из записок барона Корфа//Русская старина. 1900. Кн. 4.

³² Рукописные записки Н. Н. Муравьева (Архив Гр. Гр. Черткова).

³³ Архив дипломатической канцелярии варшавского генерал-губернатора.

³⁴ Письмо от 12 декабря 1847 года.

³⁵ Император Николай королю прусскому 2 января 1846 года.

³⁶ В письме к королю прусскому 6 января 1848 года.

³⁷ «Dites-moi taire et mon silence sera imperturbable, mais parler, je parlerai toujours vrai».

³⁸ Король Фридрих-Вильгельм императору Николаю 17 (29) февраля 1848 года.

³⁹ Император Николай Фридриху-Вильгельму 29 февраля (12 марта) 1848 года.

⁴⁰ Фридрих-Вильгельм Бунзену 5 мая 1849 года.

⁴¹ Надпись на депеше Медема из Вены 16 (28) ноября 1848 года.

⁴² Барон Мейендорф канцлеру 27 ноября 1849 года.

⁴³ Император Николай королю прусскому 14 сентября 1848 года.

⁴⁴ Барон Мейендорф канцлеру 8 сентября 1849 года.

⁴⁵ Записка барона Мейендорфа от 10 мая 1850 года.

⁴⁶ Письмо от 7 ноября 1850 года.

⁴⁷ Император Николай Фридриху-Вильгельму 3 июля 1848 года.

⁴⁸ Канцлер барону Мейендорфу 15 апреля 1848 года.

⁴⁹ Канцлер барону Мейендорфу 26 апреля 1848 года.

⁵⁰ В своей политической записке от 24 мая 1854 года, поданной императору Николаю, Погодин замечает, что «политика России возбудила против нее слепую ненависть народов и доставила ей черную неблагодарность государей, вольную или невольную, это в итоге все равно; относительно законного порядка, он сохранился, и то только отчасти, в смежных государствах к новому ее вреду — следовательно, политика ее была неверна и должна перемениться, хотя для Европы она была, может быть, спасительна, если не популярна, и доставила императорам Александру и Николаю титул европейских благодетелей» (Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14. Рукоп. императора Николая I, № 77).

⁵¹ Барон Корф занес в свои записки за 1850 год следующий эпизод: «Летом на морских водах в Остенде, куда собиралось много польских эмигрантов, один из них, молодой князь Чарторийский, за каким-то торжественным у них обедом предложил тост, предварив заранее, что его товарищи ему удивятся, а именно — à la santé de l'Empereur Nicolas, du dernier Souverain de l'Europe, qui reste encore digne de ce titre! И этот тост был принят с общою симпатией, почти с восторгом...»

⁵² Архив Мин. иностр. дел. Доклады 1853 года.

⁵³ Приложение № 28.

⁵⁴ «Der Czar gegenüber der europäischen Anarchie». L. 1849 (Архив канц. Военн. мин., 1851, секр. д. № 33). «Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart», Jos. Sporschil. L. 1849 (Там же).

⁵⁵ Русская старина. 1901. Кн. 3. С. 522.

⁵⁶ Записки графини А. Д. Блудовой//Русский архив, 1893. Кн. 1. С. 96.

⁵⁷ Дневник В. А. Муханова за 1 февраля 1862 год//Русский архив.

⁵⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина//Русский архив. Кн. IX.

⁵⁹ Там же. С. 271.

⁶⁰ По редакции графа В. П. Завадовского//Русская старина. 1883.

⁶¹ Барсуков Н. П. Кн. IX. С. 315.

⁶² Отголоски старой памяти//Русская старина. 1899. Кн. 10.

⁶³ Мы умышленно останавливаемся несколько подробно на этой подпольной стороне дела, чтобы показать обстановку, сопровождавшую некоторые мероприятия императора Николая Павловича.

⁶⁴ Записки за 1848 год.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Воспоминания графини А. Д. Блудовой.

⁶⁷ Записки Никитенко.

⁶⁸ Записки барона Корфа.

⁶⁹ Иловайский Д. Уроки истории//Русский архив. 1874. С. 802.

⁷⁰ Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. VII.

⁷¹ Записки за 1849 год.

⁷² Барон Корф передает в своих записках со слов великой княгини Елены Павловны, что причиной установления комплекта в университетах было желание государя побудить молодых людей идти в военную службу. «Au moins, — прибавила великая княгиня, — voilà comme j'ai entendu l'Empereur se prononcer devant moi et je vous raporte ce qu'il a dit en ma présence».

⁷³ Записки барона Корфа.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 11. С. 20.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 133.

⁷⁸ Записки барона Корфа.

⁷⁹ Записки за 1849 год.

⁸⁰ Записки барона Корфа за 1851 год.

⁸¹ Кастельбажак Тувенелю 11 февраля 1854 года. «Nicolas I et Napoleon III». Р. 333.

⁸² «L'Empereur Nicolas a vieilli de dix ans. Il est réellement malade, physiquement et moralement».

⁸³ Фицтум фон Экштедт. С. 19.

⁸⁴ Там же. С. 12 и 13. Перевод с немецкого.

⁸⁵ «Cet homme, — занес в свой дневник князь П. П. Гагарин 19 августа 1855 года, — pendant plus de 25 ans a eu un immense prestige. Il a fallu ces cruelles années d'épreuves pour le lui enlever. Y a-t-il justice à lui attribuer nos malheurs, à y voir le résultat de ses fautes? Je crois pouvoir répondre affirmativement, malgré la longue habitude d'admirer son caractère, la force de son sentiment impérial et des qualités incontestables. Sans doute, il a été mal servi, mais n'en est-il pas lui-même coupable? Après un règne aussi long ne devait-il pas connaître les hommes et devait-il prendre l'adulation, le mutisme et la crainte qu'il inspirait pour des qualités dans ses serviteurs? Peut-être ne croyait-il pas à son orgueil? Et pourtant il en a été la victime» (Собственная Его Величества библиотека).

⁸⁶ Русский архив. 1884. Кн. 4.

⁸⁷ В письмах Гильфердингу//Русский архив. 1878. С. 380.

И́ отношения России с Ближним Востоком до воцарения императора Николая I

Первоначальные сношения России с Ближним Востоком долгое время имели характер преимущественно религиозный и торговый, хотя, впрочем, одновременно с этим в Московской Руси уже со времени падения Константинополя проявлялось сознание ее политических задач относительно Турции. Вместе с большой скорбью, вызванной известием об уничтожении Византийской империи, в Москве все более и более распространялось убеждение, что Россия должна быть преемницей этой монархии. Еще старец Филофей писал великому князю Василию Ивановичу, что нельзя и говорить о падении Греческого государства, так как оно только переместилось, и «нынешнее Ромейское царство есть Российское царство». Москва — третий Рим — сияет паче солнца, а «четвертому Риму не бывать».

Несомненно, что такое мнение разделялось и самими московскими царями, но они еще не признавали возможным заявлять политические требования, а заботились лишь о восстановлении торговли с Востоком, прерванной преграждением турками старого торгового пути «из варяг в греки». С этой целью в 1497 году Плещеевым был заключен с Турцией от имени Иоанна III договор о свободной торговле русских в Азове и Каффе. С другой стороны, старания цесаря, Папы и Польши заключить с Москвой наступательный против Турции союз не могли до самого конца шестнадцатого столетия поколебать ее осторожной политики. И замечательно то, что, несмотря на такую видимую безучастность московских государей к судьбе балканских народов, последние смотрели на Москву как на свою будущую избавительницу. Венецианский резидент при Оттоманской Порте в письме к своему сенату в 1576 году прямо свидетельствует о «неограниченном доверии болгар, сербов и греков» к России.

Крайняя осторожность русской политики по отношению к Турции проявлялась и в последующее время, хотя война с «поганым басурманом» почиталась как бы религиозным долгом и заслугой перед христианством. Царь Алексей Михайлович первый более открыто сочувствовал идее борьбы за освобождение балканских народов и даже повелел гостившим в Москве греческим купцам просить всех монахов и епископов в турецких владениях молиться о царе и совершать за него литургию.

Первое столкновение Московского государства с Турцией было вызвано украинскими делами. Оно закончилось заключенным в

*Медаль Ивана Грозного
с надписью «Самодержец
Ромейский»*

неции. Это был первый союз между Россией и венским двором. Совместные действия привели к заключению при посредстве Англии и Голландии Карловицкого мира, причем уже тогда обнаружилась известная рознь между интересами московского и венского дворов. Последний заключил даже отдельный мир с Портой, вопреки условиям союза и протестам русского представителя. По Карловицкому миру к Московскому государству отошел Азов с его округом.

Более точное определение условий предварительного Карловицкого договора было поручено думному дьяку Емельяну Украинцеву. Украинцев, подобно тому, как много лет спустя другой русский посол, прибыл в Стамбул на военном корабле, остановился с пушечной пальбой у стен сераля и грозно потребовал от Порты исполнения предъявленных условий, а в том числе передачи Гроба Господня от латинян грекам и свободного русского судоходства по Черному морю. От первого требования, однако, посол отказался после того, как ему объяснили, что султан волен распоряжаться в своей империи, и что «государь государю не указывает». Сам переводчик Маврокордато заявил послу, что вопрос о Гробе Господнем есть вопрос внутреннего управления, который может быть разрешен по жалобе иерусалимского патриарха, или о котором русский царь особо может писать султану, но что включать о нем постановления в мирный договор нельзя. Что касается предоставления русским судам свободного плавания по Черному морю, то против этого горячо восстали английский и голландский представители, и это наше требование было Портой отклонено. В конце концов 3 июля 1700 года Украинцеву удалось заключить Кон-

1681 году на двадцать лет перемирием в Бахчисарае, по которому Порты отказалась от притязаний на левобережную Украину. В следующем же году, при ратификации этого акта, она, сверх того, обещала не препятствовать паломничеству русских людей в Иерусалим.

Перемирие, однако, продолжалось недолго. Султан Мустафа II попытался вернуть Турции утраченное политическое значение, чем вызвал образование против себя «Священного союза» из России, Польши, Австрии и Ве-

стантинопольский трактат, статья 4-я которого утверждала переход к России Азова с его округом, а статья 12-я обуславливала «московского народа мирянам и инокам вольное употребление ходить во святой град Иерусалим» без платежа каких бы то ни было податей и «нечинение ни единой досады живущим в странах Государства Оттоманского московским и российским духовным».

Одиннадцать лет спустя известная прутская неудача заставила нас отказаться от Азова и прочих завоеванных от турок земель, а также разорить вновь построенные города. Последовавшими затем Константинопольскими договорами 1712 и 1713 годов были разрешены некоторые частные пограничные вопросы, а трактатом 5 ноября 1720 года Порты согласилась на пребывание в Константинополе русского резидента.

Но эти миролюбивые отношения и даже общие интересы в Персии, с которой ко времени смерти Петра Великого Россия и Турция вели войну, не уничтожили сознания на берегах Невы и Босфора глубокой политической розни между обоими государствами. Турки ясно понимали, что после достижения берегов Балтики русская политика естественно должна была устремиться на юг, для расширения границ государства до берегов Черного моря и для обеспечения их от беспокойного соседства крымских татар и кавказских горцев. Порты делала все возможное для приостановления поступательного движения России к югу, и петербургский Верховный тайный совет предвидел неминуемый разрыв с турками, «понеже по турецким поступкам войны с ними миновать невозможно». Это вызвало с нашей стороны необходимость искать вновь союза с венским двором, который и был заключен в 1726 году.

Австрия с большой для себя выгодой воспользовалась нашим союзом и помощью в начавшейся ее войне с Францией, но не ответила тем же при последовавшем затем столкновении России с Турцией.

Русское правительство, начав военные действия против Оттоманской Порты, потребовало от венского двора

*Аллегория победы христианства над исламом
(собственноручный офорт
Петра Великого, 1698 г.,
Амстердамский музей)*

условленной помощи, но этот последний, насколько было возможно, медлил, завел переписку об особой военной конвенции и двинул против турок свои войска лишь после одержанных Ласси и Минихом побед и по взятии нами Очакова. Ввиду успехов русского оружия французы стали хлопотать о мире, который и был заключен 18 сентября 1739 года в Белграде при посредстве французского посла маркиза де Вильнева.

Этот «медиацией его христианнейшего величества» заключенный «постоянный, вечный и ненарушимый мир» вовсе не соответствовал успехам русского оружия в предшествовавшую кампанию. Статья 2-я Белградского трактата определяла, что «границы обеих империй быть имеют те, как учреждены и постановлены были в прежних трактатах», а по 3-й статье Азовская крепость «имеет вовсе разорена быть», а «земля той крепости имеет остаться пустая и между двумя империями барьером служить будет». Та же 3-я статья постановляла, «чтобы Российская держава ни на Азовском, ни на Черном море никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла». Идея стран буферов между двумя государствами повторяется и в статье 6-й, в которой было сказано: «быть тем кабардам вольным и не быть под владением ни одного, ни другого империя, но токмо за барьеру между обоими империями служить имеют». Следующие статьи договора подтверждали права русских паломников и духовных лиц, обещали дружеское соглашение о титуле Ее Всероссийского Величества и постановляли, что русские резиденты в Константинополе будут «содержаны и почитаны против министров прочих наизнатнейших держав».

В последующее двадцатипятилетие внимание нашей политики было исключительно обращено на Запад, и наши столкновения с Турцией прекращаются вплоть до первой турецкой войны императрицы Екатерины II.

Успехи в это время русской политики в Польше вызвали опасения западных держав, и в особенности Франции, которая пользовалась значительным влиянием в Константинополе. В январе 1768 года Оттоманская Порта потребовала от русского резидента Обрезкова удаления наших войск из Польши. Требование это было заявлено в столь решительной форме, что Обрезков обещал удовлетворить его в месячный срок. Однако вспыхнувшее вслед за тем в Польше движение, известное под именем Барской конфедерации, сделало невозможным вывод оттуда наших войск. Обе стороны начали усиленно готовиться к войне. Мы на этот раз решили действовать не только на сухом пути, в Молдавии, в Крыму и на Кавказе, но и со стороны моря, отправив флот в Средиземное море с целью поднять восстание черногорцев и греков.

В своем манифесте от 19 января 1769 года к балканским славянам императрица упоминала о «лютости турецкой», которой «свет

*Прием турецкого посольства в Стокгольме в 1636 г.
(с шведской гравюры, по рисунку Дальберга)*

православного христианства погашается», о том, что Петр Великий и императрица Анна Иоанновна пытались освободить балканские народы от «томительства», и приглашала эти народы «потщиться содействовать» русскому оружию.

Уничтожение турецкого флота при Чесме и победы Румянцева в Молдавии привели к мирным переговорам, которые закончились подписанием знаменитого Кучук-Кайнарджийского трактата 10 июня 1774 года.

По 3-й статье этого трактата крымские татарские народы были объявлены независимыми от Порты, под самодержавной властью собственного их хана Чингисского поколения. Этим постановлением упрощались наши будущие отношения к Крыму и северному побережью Черного моря, и являлась возможность занять со временем эти области без нарушения турецких верховных прав.

Другие важнейшие постановления Кучук-Кайнарджийского договора относились к защите христианских подданных султана и были изложены в 7, 14, 16-й и 17-й статьях. Дипломатическая полемика, возгоревшаяся накануне Крымской войны по поводу значения и пределов применения статей этого договора, заставляет привести здесь их подлинный текст.

Статья 7-я. «Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного, равным образом дозволяет министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в 14 артикуле церкви, так и служащих в оной разные представления и обещает принимать оные в уважение, яко чинимые доверенной особой соседственной и искренно дружественной державы».

Статья 14-я. «Российскому высочайшему двору, по примеру других держав, позволяется, кроме домашней в доме министра церкви, воздвигнуть в части Галата, в улице Бей-Оглу называемой, публичную Греко-российского исповедания церковь, которая всегда под протекцией оной империи министров остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет».

Статья 16-я специально относилась к княжествам Валахскому и Молдавскому и обязывала Порту, во-первых, «не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию христианского закона, совершенно свободного, так же как созиданию церквей новых и поправлению старых, как то прежде сего уже было, и... признавать и почитать духовенство с должным оному чину отличием» и, во-вторых, согласиться также, «чтобы по обстоятельствам обоих сих княжеств министры Российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные со сродственным к дружеским и почтительным державам уважением».

Статья 17-я определяла, что в возвращенных Порте Оттоманской Архипелагских островах «христианский закон не будет подвержен ни малейшему притеснению, также как и церкви оного, ниже будет препятствовано к перестраиванию или поправлению оных; люди же, в них служащие, равным образом не имеют быть оскорбляемы, ниже притесняемы».

Таким образом, значительная часть Кучук-Кайнарджийского договора касается обеспечения религиозных прав христианского населения Турции, дарованных им победами русского войска; но, надо сознаться, что этот общий смысл договора был в большей степени стеснен его буквальным текстом, который ограничивал право вмешательства России лишь некоторыми турецкими провинциями и к эпохе Крымской войны низвел значение его до полного ничтожества.

Успешная борьба с турками вызвала появление известного «Греческого проекта» Потемкина. Он предлагал в своем «великом плане восточной системы» изгнать турок из Европы и образовать Греческое царство с русским великим князем на престоле. Графом Безбородко была даже составлена в 1782 году подробная записка о разделе Оттоманской империи и о восстановлении Греческой монар-

хии. По этой записке предполагалось венскому двору предоставить в его торговых интересах укрепиться на Средиземном море, а Англии, Франции, Испании и Венеции передавались острова на Архипелаге или порты и округа в Морее и по берегам Африки.

По поводу греческого проекта императрица Екатерина вступила в переписку со своим союзником императором австрийским Иосифом, который после некоторых колебаний согласился на петербургские предложения, и в 1787 году, вслед за присоединением к России Крыма, на столбе близ

только что основанного Севастополя повелено было начертать знаменитую надпись: «Дорога в Константинополь».

В этом же году вспыхнула новая война России с Турцией, так как Порта не могла дружелюбно относиться к столь открыто про-
являемым замыслам петербургской политики.

Впрочем, успехи этой политики возбуждали недружелюбие к России не только в Турции, но и во многих европейских государствах. Даже австрийский посол в Константинополе предупреждал свое правительство о том, что Кучук-Кайнарджийский трактат и занятие берегов Черного моря дают России слишком большой перевес в делах турецкого Востока, и что «поддержка Оттоманской империи не будет более зависеть от государств Европы, а лишь от доброжелательства России». Особенное же волнение по поводу последовавшего присоединения Крыма к России выказал версальский двор. Он вошел с представлением ко всем европейским дворам, указывая на мнимые опасности, угрожавшие Европе, и приглашал Австрию и Пруссию вступить в союз для противодействия замыслам петербургской политики; при этом французское правительство предлагало соответствующее территориальное вознаграждение себе и своим союзникам. Однако в Вене и Берлине французские предложения встретили весьма холодный прием, а императрица Екатерина решительно отклонила дипломатическое посредничество версальского двора.

Открытый разрыв между Россией и Турцией был, ввиду такого положения Европы, несколько отсрочен, но когда императрица

**Взятие города Каффы
гетманом Сагайдачным**
(с русской гравюры на дереве
XVII столетия)

приняла титул царицы Херсонеса Таврического, то Османская Порта стала деятельным образом готовиться к будущей войне. К этому времени у нее нашлись и неожиданные союзники в лице Англии и Пруссии.

Первая, теряя свои североамериканские колонии, устремила все свои взоры на Индию, и установление свободного сообщения с Южной Азией стало для нее вопросом первостепенной важности. Поэтому англичане старались не только не допустить, чтобы этот путь был прегражден владениями столь могущественной державы, какой являлась Россия, но даже чтобы русское влияние не сделалось преобладающим на берегах Босфора. Со своей стороны, король прусский был недоволен союзом России с Австрией и тем противодействием, которое его планы вообще встречали в Петербурге.

15 (27) июля 1787 года великий визирь вручил нашему посланнику Булгакову ультиматум, которым требовалось признание отдавшегося под покровительство России грузинского царя Ираклия турецким подданным, отзывание русских консулов из Ясс, Бухареста и Александрии, подчинение турецкому осмотру всех русских судов, выходивших из Черного моря, и выдача укрывшегося в России молдаванского господаря Маврокордато. Вскоре Порта стала действовать еще решительнее, требуя возвращения Крыма, а затем, заключив Булгакова в Семибашенный замок, объявила России 12 (24) августа 1787 года войну за «нарушение трактатов захватом земель».

Исполнялось, таким образом, горячее желание Потемкина; война, должествовавшая повести к выполнению Греческого проекта, началась. Петербургский двор был так уверен в возможности легко справиться с Турцией, не прибегая к посторонней помощи, что изъявление императором Иосифом готовности ополчиться на турок и даже известие об отзывании из Константинополя австрийского посла были приняты на берегах Невы довольно холодно.

В феврале 1788 года появилась царская грамота сербам, черногорцам и «всем родственным знаменитым славянским народам», которой они призывались к борьбе с турками. Грамота достигла своей цели: восстали албанцы, македонцы и сербы, а греки создали даже флот, который с некоторым успехом действовал против турок.

Война, однако, затянулась, а политические отношения в Европе складывались, между тем, не в пользу России. Пруссия успела заключить в 1789 году союз с Турцией, а в следующем году и с Польшей, обещая последней свободное преобразование ее государственного устройства. Король шведский Густав III также объявил нам войну, требуя оставления Финляндии и заключения с Турцией мира на основаниях Белградского договора.

Такая неблагоприятная политическая обстановка заставила императрицу Екатерину заявить в Берлине, что она согласна заключить мир с Портой Оттоманской на условиях подтверждения этой державой Кучук-Кайнарджийского договора, а также уступки России Аккермана и земель по Днестру и признания независимости Молдавии и Валахии.

Порта отвергла эти условия, и продолжавшаяся война дала возможность русским войскам покрыть себя неуязвимой славой.

Между тем политический горизонт омрачался все более и более. Верный союзник России австрийский император Иосиф скончался, а его преемник поспешил заключить с Турцией отдельный мир и возвратить ей завоеванные провинции и города, оставив за собой лишь Орсову. Англия и Пруссия открыто заявили в Петербурге, что они не допустят нарушения на Востоке *statu ante quo bellum* и начали готовиться к военным действиям. Но петербургский двор, несмотря на крайне неблагоприятное стечение обстоятельств, оставался непреклонным и со своей стороны готовился к решительной борьбе с коалицией, в которую входили Англия, Пруссия, Голландия и Польша. Британский флот направился уже в Балтийское море, прусские войска подошли к Курляндии, польские вступили в Волинь.

В это трудное для России время разыгралась французская революция, и императрица Екатерина не замедлила воспользоваться тревогой монархических дворов в Европе. «Я ломаю себе голову, — писала она в 1791 году, — чтобы пододвинуть венский и берлинский дворы в дела французские. У меня много предприятий неоконченных и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали». Революция в Европе сыграла на этот раз по отношению внешней политики России не ту роль, которую ей пришлось сыграть шестьдесят лет спустя.

Образование в мае 1791 года союза против французской революции из Австрии, Англии, Испании и Сардинии развязало руки императрице Екатерине. Порта, видя себя оставленной, признала после поражения при Мачине необходимость покориться, и 11 августа 1791 года были подписаны предварительные мирные условия. Сам мир был заключен графом Безбородко в Яссах 29 декабря 1791 года.

Статья 2-я Ясского мирного трактата подтверждала Кучук-Кайнарджийский договор, акт 1783 года о присоединении к России Тамани и Крыма, а также конвенцию 1779 года и торговый трактат 1783 года.

Следующая статья устанавливала реку Днестр границей между Россией и Турцией, причем все завоеванные российскими войсками земли и крепости, а в том числе Аккерман и Измаил, возвращались Блистательной Порте.

4-я статья подтверждала в особенности постановление Кучук-Кайнарджийского договора относительно княжеств Молдавии и

Валахии, причем Порта обязывалась сложить с княжеств все старые счета, не требовать никакой контрибуции и освободить их на два года от всякой дани и тягостей.

6-й статьей Порты обязывалась обуздывать народы, обитавшие на левом берегу пограничной реки Кубани, и ответственность за чинимые ими убытки.

Мир в Яссах не соответствовал, таким образом, успехам нашего орудия, и его заключение было вызвано как изложенными выше политическими осложнениями в Европе, так и необходимостью приняться за другие «неоконченные предприятия» императрицы Екатерины. Он является заключительным актом екатерининской политики в Восточном вопросе и в связи с подтверждаемыми им прежними договорами свидетельствует о значительных успехах, достигнутых Россией.

Границы России распространились до Черного моря, и этим обеспечивались как наши торговые интересы, так и политическое влияние на дела турецкого Востока. Заботы русского правительства при заключении мирных договоров о «твердой защите Портой Оттоманской христианского закона и церковей оного» возвысили его нравственный престиж в глазах христианских народностей Турции и создали ему право вмешательства в их религиозные дела.

С другой стороны, политика императрицы Екатерины II вызывала всеобщее недоверие Европы. Греческий проект, заявление о желании занять Константинополь и частичное приведение этих замыслов в исполнение — все это не могло не внушить подозрений тем государствам, которые издавна имели в Леванте жизненные экономические и политические интересы.

Величие России ослепляло петербургских сановников. В конце царствования императрицы Екатерины была составлена, например, графом Зубовым записка, известная под названием «общих политических соображений». Автор этой записки проводил ту идею, что в состав России должны войти в полном объеме не только Турция, но также и Австрия, Пруссия, Польша, Дания и Швеция. Такой план не мог, разумеется, вызвать особенного сочувствия дворов упомянутых государств и явился лишь новым основанием для обвинения нашего правительства в честолюбивых замыслах и в посягательствах на независимость чуть ли не всех европейских наций.

Император Павел, вступив на престол, круто повернул с пути, по которому шла наша политика в течение предшествовавшего царствования. Он отказался от системы территориальных приобретений, и его внешняя политика должна была «обратиться в удаленную совершенно от всякого желания завоевания».

Набег казаков на Константинополь
(с офорта Рамин де Хоге)

Независимо от других причин, которые могли влиять на волю императора Павла, охранительная политика оправдывалась внутренним экономическим расстройством, в котором находилась Россия в последние годы царствования императрицы Екатерины. Но миролюбие петербургского двора и «пренужное отдохновение России» продолжались недолго, так как правительство вскоре изъявило намерение «противиться всевозможными мерами неистовой французской республике, угрожающей всю Европу совершенным истреблением закона, прав и благонравия».

Император Павел приступил к коалиции Австрии и Англии против «богомерзкого» французского правительства и, обеспокоенный французскими планами относительно Египта, заключил союз с Турцией. 23 декабря 1798 года в Константинополе был заключен трактат, цель которого состояла в сохранении неприкосновенности владений обеих сторон и в противодействии французским замыслам на «ниспровержение закона Божия, престолов государских и всякого порядка».

Русская эскадра вице-адмирала Ушакова принудила французов очистить захваченные ими Ионические острова, из которых, на основании русско-турецкой конвенции 21 марта 1800 года, была образована самостоятельная республика под покровительством России и Турции.

Но к этому времени идеи императора Павла приняли другое направление. Он был недоволен и Пруссией, не приставшей к ко-

*Аллегорическое изображение положения Турции
(с голландской гравюры Ф. Бутатса начала XVII столетия)*

алиции, и Австрией, благодаря которой русские войска оказались в тяжелом положении в Швейцарии, и Англией, захватившей остров Мальту и не возвращавшей его мальтийскому ордену, гроссмейстером которого был Павел Петрович. Идея защиты справедливости и отвлеченных принципов уступила место екатерининской идее заботы об интересах России.

Выражением такой перемены в мыслях государя явилась записка, составленная по его приказанию графом Ростопчиным. В этой записке политика петербургского двора подвергалась решительной критике, и прямо указывалось, что единственным руководителем действий первой державы в мире — России — должны быть ее собственные интересы. Ростопчин приводил в пример Пруссию, сумевшую округлить свои владения. Он предлагал, для того чтобы доставить России «новые богатства, моря и славу» и превозносить имя императора Павла «выше всех государей, живущих по смерти в храме бессмертия», заключить союз с мятежной, но уже успокоенной Францией и приступить к разделу оттоманских владений. Турцию автор записки называл *безнадежно больным человеком* и из ее наследия отдавал России «Романию, Булгарию и Молдавию», а из Греции и островов Архипелага учреждал республику, выражая надежду, что со временем греки сами подойдут под скипетр Российский². Австрии, которая «подала столь

справедливые причины к негодованию»³, автор предлагал отдать Боснию, Сербию и Валахию⁴, Франции — Египет, а Пруссию предполагалось вознаградить землями в северной Германии.

2 октября 1800 года император возвратил Ростопчину его записку с надписью: «Опробую план ваш во всем; желаю, чтобы вы приступили к исполнению оного: дай Бог, чтоб по сему было».

Но здание Ростопчинской политики рушилось в ночь с 11 на 12 марта 1801 года.

Император Александр Благословенный, со своей стороны, считал существование Турции залогом спокойствия и безопасности России и своему послу в Вене приказал оказывать возможное содействие сохранению Оттоманской империи, так как ее бессилие и плохое внутреннее управление «служат драгоценным ручательством безопасности». В то же время нашему послу в Париже графу Моркову, который доносил о том, что Наполеон заводит разговор о падении Турции, было предписано отвечать определенно, что Россия не имеет никаких против нее враждебных планов⁵.

Однако такое дружелюбное отношение петербургского кабинета к Порте не отвратило ее от сближения с Францией, которая, не добившись соглашения с Петербургом, обратила свои взоры на Константинополь.

Вспыхнувшее в 1804 году восстание сербов выставлялось французским послом в Константинополе Себастиани делом интриг России, хотя на самом деле петербургский кабинет не только не поддерживал сношения с восставшими сербами, но, наоборот, отклонял всякое общение с ними. И действительно, поданная императору Александру записка сербского митрополита в Венгрии Стратимировича, в которой он просил об освобождении сербов и об образовании сербского государства под главенством одного из русских великих князей, была возвращена автору, а на длинное прошение, привезенное сербскими депутатами в Петербург в октябре 1804 года, последовал ответ, предлагавший им направиться в Константинополь, где их законные требования будут поддержаны русским послом.

Тем не менее Себастиани удалось убедить Порту в неприязненных намерениях России, что вызвало принятие ряда враждебных против нас мер, которые выразились в закрытии для русских судов проливов и в смещении господарей Дунайских княжеств.

Русский посол Итальянский потребовал немедленной отмены упомянутых распоряжений, а также охраны Ионических республик против нападений Али-паши. Для поддержки этих требований наша южная армия приблизилась, под начальством генерала Михельсона, к турецкой границе, а затем, к концу 1806 года, заняла Дунайские княжества, причем генерал Михельсон начал формировать сербские волонтерские отряды.

18 (30) декабря 1806 года Порта официально объявила нам войну, надеясь на поддержку Франции и не обращая внимания на угрозы англичан, флот которых прошел Дарданеллы и которые требовали уступки России обоих княжеств. Австрия в этой борьбе осталась нейтральной, несмотря на предложение петербургского кабинета присоединить к ее владениям Боснию и Сербию взамен согласия на присоединение к России Молдавии и Валахии.

Тем временем Восточный вопрос вступил в новый фазис. В Тильзитском договоре нашлась тайная статья, гласившая, что если Порта не согласится на французское посредничество и не заключит с Россией мира в течение трех месяцев со дня вручения ей французской ноты, то договаривающиеся стороны примут меры для освобождения от ига и притеснения турками всех областей Европейской Турции, за исключением Румелии с Константинополем.

Однако соперничество России и Франции в делах Турции не прекратилось, и заключенное 12 (24) августа 1807 года, при посредстве французского генерала Гильемино, перемирие в Слободзее не удовлетворило императора Александра, так как в нем не упоминалось о присоединении к России Дунайских княжеств. Наполеон не соглашался на такое расширение наших границ, и лишь неудачи в Испании склонили его к заключению в 1808 году в Эрфурте конвенции, по которой он признавал за Россией право на присоединение Молдавии и Валахии. Результатом этой конвенции было предъявление петербургским двором к Порте целого ряда требований, в числе которых были: уступка Дунайских княжеств, признание русского протектората над Грузией, Имеретией и Мингрелией и самостоятельность Сербии, под покровительством России и Турции.

Но в течение двух последующих лет обстоятельства переменились. На сторону Турции стали встревоженные нашим союзом с Наполеоном Австрия и Англия. Эскадра последней вновь появилась в Дарданеллах, и 3 января 1809 года был заключен англо-турецкий союз.

Вследствие отказа Порты удовлетворить наши требования война возобновилась, но велась вяло и не приводила к решительным результатам. С другой стороны, разрыв России с Францией представлялся все более вероятным и наконец неминуемым. Нашему главнокомандующему Кутузову было послано повеление заключить мир с Турцией в возможно непродолжительном времени. Это повеление было исполнено в Бухаресте 16 мая 1812 года, после уничтожения Кутузовым главного корпуса турецких войск.

Бухарестский мирный договор подтвердил (ст. 3) все заключенные до него между Россией и Портой трактаты, конвенции, акты и постановления, не отмененные позднейшими договорами. Он признавал (ст. 4) границей в Европе реку Прут и левый берег

Дуная до Килийского устья, а относительно азиатской границы (ст. 6) определял, что «границы восстанавливаются совершенно так, как оные были прежде до войны и как постановлено в третьей статье предварительных пунктов. Вследствие чего Российский императорский двор отдает и возвращает Блистательной Порте Оттоманской... крепости и замки, внутри сей границы лежащие и оружием его завоеванные». Впоследствии эта статья вызвала ряд недоразумений, так как, по толкованию министра иностранных дел графа Румянцева, она должна была определять лишь, что Россия возвращает только области, ею завоеванные, а не присоединенные к ней добровольно. По 8-й статье договора Порты даровала сербам прощение и общую амнистию, а также «все те выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелагских... и дает им возможность чувствовать действие великодушия ее, предоставив им самим управление внутренних дел их».

Бухарестский договор был заключен в неблагоприятное для России время, когда она все свои помыслы направляла к борьбе с нашествием Наполеона. Поэтому требования, предъявленные Порте, были самые умеренные, и в Петербурге подумывали не только о мире с Турцией, но и о союзе с ней.

Недовольными остались лишь сербы, которым Порты обещала гораздо более того, что им было предоставлено 8-й статьей Бухарестского трактата. Поэтому они прервали начавшиеся после войны в Нише переговоры и вновь восстали. Но турецкие войска успели рассеять мятежные отряды, вожди которых или погибли, или скрылись, подобно Кара-Георгию, за границу. В Сербии остался только Милош Обренович, вскоре ставший фактическим и нравственным вождем народа.

Надежды восточных славян на близкое освобождение от турецкого владычества расцвели с новой силой после падения Наполеоновской империи, но им суждено было, и то отчасти лишь, исполниться в течение многих десятков лет.

Участники Венского конгресса исключительно заботились о торжестве начал легитимности и политического равновесия; их идеалом было охранение дореволюционного *statu quo*, а также поддержание полного застоя и спокойствия. Эти начала они применяли и к Оттоманской империи, которой хотели даже гарантировать неприкосновенность владений. Однако такому поступку воспротивились Россия и Англия.

В феврале 1815 года появилась русская циркулярная нота о том, что Европа из естественного сочувствия к единоверцам и из гуманных начал международного права, соединяющего цивилизованные народы в одну семью, обязана оградить турецких христиан от

зверских преследований. Однако заступничество за угнетаемых христиан первоначально ограничивалось одними словами, и просившие о нем в Вене сербские депутаты получили в ответ: «Вы должны действовать одни».

Необходимость вмешательства Европы в турецкие дела стала выясняться лишь с 1821 года, когда вспыхнуло греческое восстание.

Весной этого года сын молдавского господаря и генерал русской службы Александр Ипсиланти перешел из Бессарабии в Молдавию и стал во главе движения, которое одновременно возгорелось в Морее и других греческих областях, а также и на островах Архипелага. В марте Ипсиланти отправил в Петербург письмо, прося заступничества России, к которой обращались, по его выражению, мольбы десяти миллионов христиан. На этот призыв граф Каподистрия отвечал Ипсиланти упреками⁶ в том, что он осмелился в своих прокламациях обещать восставшим содействие великого государства, причем было замечено, что если под этим государством он подразумевал Россию, то жестоко ошибся, так как Россия останется неподвижной. Одновременно Ипсиланти был исключен из службы, и ему был запрещен возврат в Россию.

Граф Каподистрия не замедлил также сообщить в Константинополь, что император Александр «громко и торжественно осуждает революционные движения, угрожающие новыми несчастьями греческим областям Оттоманской империи».

Между тем европейские кабинеты встревожились возможностью активного вмешательства России в дела турецкого Востока и приписывали ей честолюбивые замыслы.

Князь Меттерних принял усиленно ломиться в открытые двери, убеждая императора Александра⁷ в том, что греческое восстание «есть последствие заранее обдуманного плана, прямо направленного против самой страшной для революционеров силы, против союза монархов с целью восстановления законного порядка и его охранения».

Порта, озлобленная борьбой с греческим восстанием, искала опоры в мусульманском фанатизме. В мечетях был прочитан фирман о заговоре христиан против правоверных, и возбужденная толпа произвела страшную резню во многих городах, не исключая и Константинополя, где погиб вселенский патриарх, схваченный фанатиками в церкви в день Св. Пасхи. Дипломатическое вмешательство по этому поводу русского посла барона Строганова привело к переговорам, в которых Порта проявила крайнюю раздражительность, а вслед затем рядом принятых мер явно нарушила трактаты с нами. Тогда барон Строганов предъявил 6 (18) июля 1821 года ультиматум, в котором говорилось, что хотя на основании Кучук-Кайнарджийского договора Россия может оказывать христианам покровительство на всем пространстве владе-

ний Османской Порты, но что «Императорский кабинет предпочитает сослаться на принятое всеми христианскими державами обязательство поддерживать общее единение и безопасность». Ультиматум требовал, чтобы Порта возвратила христианской вере ее преимущества, восстановила разрушенные церкви, даровала амнистию всем восставшим, которые изъявят покорность в определенный срок, а также чтобы она назначила господарей в Дунайские княжества и вывела бы из них войска. Неисполнение этих требований в восьмидневный срок, по словам ультиматума, «узаконивало защиту греков». После некоторого колебания Порта ответила, что принятые ею против восставших меры необходимы и вполне естественны, и барон Строганов 29 июля 1821 года со всем посольством выехал в Одессу.

*Александр Ипсиланти
(с гравюры Рему)*

Разрыв дипломатических сношений на этот раз не привел к войне, так как одновременно между Петербургом и Веной шла переписка о предложенном графом Нессельроде совокупном вмешательстве великих держав для восстановления порядка на турецком Востоке⁸. Переписка эта закончилась составлением в Вене особого протокола, по которому Порта должна была признать право вмешательства России, с целью защиты христиан, очистить Дунайские княжества и назначить уполномоченных для совместного с русскими уполномоченными разрешения спорных вопросов. Россия и Австрия обеспечивали Порте, со своей стороны, обладание греческими областями на условиях дарования им самоуправления. В случае же непринятия Портой условий протокола Австрия обязывалась порвать с ней дипломатические сношения.

Такая редакция протокола не была одобрена Меттернихом, который не пожелал его подписать, находя, что заключенные Россией с Турцией трактаты не дают нам права покровительства христианам в восставших областях. В своем меморандуме от 19 апреля 1822 года князь Меттерних предлагал, чтобы решение всех спорных вопросов и обеспечение прочного мира на Востоке было вве-

рено особой конференции из представителей союзных держав и турецких уполномоченных.

С этой запиской Меттерниха была связана судьба графа Каподистрии. Он советовал ответить Венскому кабинету в том смысле, что Россия предпочитает ожидать событий, сохраняя за собой полную свободу действий; но это предложение не встретило сочувствия императора Александра, и Каподистрия был удален. Государь полагал в то время, что «нет политики русской, французской, австрийской, прусской, а есть лишь общая политика для общего всех народов счастья»⁹.

На Балканском полуострове между тем события быстро следовали одно за другим. Собравшееся в Эпидавре греческое национальное собрание обнародовало 15 (27) января 1822 года акт независимости и отправило своих депутатов на конгресс монархов в Вероне; они не были приняты монархами и ограничились обнародованием в Анконе предназначавшейся для конгресса декларации к народам Европы. Это обращение греческого народа встретило повсюду живейшее сочувствие, и во всех странах стали образовываться филэллинские союзы и комитеты.

Петербургский кабинет продолжал оставаться на прежней точке зрения общего с союзными державами воздействия на Оттоманскую Порту. Граф Нессельроде издал новый меморандум, в котором предлагал образовать из греческих владений Турции три княжества — Восточной, Западной и Южной Греции. Для обсуждения этих предложений решено было созвать в Петербурге конференцию союзных держав. Англия не пожелала принять участия в этой конференции и решительно стала на сторону восставших греков. В феврале 1824 года в Лондоне был устроен для греческого национального правительства заем в 20 миллионов франков, и блокада греческих портов турецкими судами была признана недействительной.

Между тем упомянутая выше конференция собиралась в Петербурге два раза, в июне 1824 и в феврале 1825 годов, и после долгих прений пришла к довольно платоническому заключению, что следует «убедить Порту в необходимости допустить для прекращения волнений на Востоке вмешательство великих континентальных держав».

Такое постановление конференции не имело, разумеется, никакого практического результата, и греки, потеряв всякую надежду на помощь России и континентальной Европы, искали единственной опоры в Англии. В августе 1825 года заседавшее в Навплии греческое национальное собрание постановило передать «священное сокровище национальной независимости и свободы и политическое существование Греции под защиту Великобритании».

Тогда только петербургский кабинет признал невозможным дальнейшее бездействие. Граф Нессельроде запросил Вену и Бер-

лин, что следует предпринять, если Порты не даст убедить себя в необходимости вмешательства. Ответы прусского и австрийского дворов, объявивших себя противниками убеждения Порты силой и всяких по отношению к ней мер принуждения, окончательно открыли глаза петербургским государственным людям. Император Александр повелел своим представителям при союзных дворах сообщить им, что отныне в восточных делах Россия будет руководствоваться своим собственным интересом. Мысль о неизбежности войны была вполне усвоена государем, которому, однако, не суждено было привести ее в исполнение.

Бросая общий взгляд на наши отношения к турецкому Востоку со времени падения Константинополя и до воцарения императора Николая Павловича, невольно приходится прежде всего отметить ту нравственную связь, которая существовала между Россией и подвластными Турции христианскими народностями с первых дней утверждения Османской империи в Европе.

Слабость Московского государства в начале этой эпохи и его отдаленность, а впоследствии и насущные потребности России, направлявшие ее деятельность в другую сторону, не придавали этой нравственной связи большого реального значения. Она выражалась только тем, что во всех своих сношениях с Турцией наши государи являлись перед Портой ходатаями за своих единоверцев. Но, по мере роста России и сближения ее границ с Балканским полуостровом, единение ее с подвластными Турции христианами все более и более увеличивалось. Вооруженные столкновения России с Портой начинают понемногу становиться сигналом для восстания тех христианских народностей, которые сохранили еще под гнетом турецкого ига свою жизненную силу.

Одновременно с этим и в русско-турецких трактатах отводиться все большее и большее место заботе об обеспечении христианских народностей и их религии. Кульминационным в этом отношении пунктом является царствование императрицы Екатерины II, которая заключением Кучук-Кайнарджийского мирного договора дала могущественнейший толчок к самостоятельной жизни большинства христианских народностей турецкого Востока. В то же время этот договор предоставил России фактическое право защиты христианских жителей некоторых турецких провинций и нравственное покровительство над всеми подвластными Порте христианами. Приобретение нами северного берега Черного моря сближало Россию с опекаемыми ею народностями и еще более увеличивало ее значение в этом отношении.

К сожалению, меняющаяся в разных направлениях политика последующих двух царствований намного умила значение дей-

**Александр и Дмитрий
Испиланти**

(с офорта Г. Валентина)

ствий великой Екатерины и внесла в отношения христиан турецкого Востока к России тот разлад, который, при доброй помощи заинтересованных в турецких делах европейских государств, намного поколебал нравственное ее среди них значение.

В особенности обильно печальными последствиями в этом отношении царствование императора Александра. Оно в корне подорвало доверие к нам христиан и впервые вызвало оставшееся с нашей стороны без ответа толкование европейскими кабинетами Кучук-Кайнарджийского договора не по духу его, а по букве, исключительно примененной к положению Турции конца XVIII столетия. В конце же царствования императора Александра Благословенного была впервые предъявлена Европой, в лице князя Меттерниха, претензия на коллективное разрешение дел христианского Востока.

В течение царствования этого государя можно отметить также зародыш того преувеличенного значения, которое дипломаты петербургского двора начали придавать всевозможным нотам, меморандумам и депешам. Из средства подготовительного, долженствовавшего служить исключительно к выяснению общих взглядов и намерений, мнили сделать их средством, решающим судьбы народов. Родоначальник такого направления вице-канцлер граф Нессельроде, казалось, полагал, что интересы государства исключительно зависят от убедительности его нот, забывая, что в мировых вопросах ноты хороши только тогда, когда поддержаны твердой решимостью довести дело до конца. И замечательно, что в этот период признаваемого исключительного могущества нот и трактатов не было обращено внимания на различие в толковании Кучук-Кайнарджийского договора, которое обнаружилось уже с достаточной ясностью.

Но кроме тех нравственных целей, которые преследовала Россия в постоянной борьбе с Турцией, ей приходилось заботиться и об удовлетворении своих жизненных интересов, требовавших открытого выхода в Черное море и обеспечения границ от нападения диких кочевников. Благодаря успешным войнам императрицы Екатерины мы достигли на юге наших естественных границ.

Такое законное тяготение к югу не могло, разумеется, нравиться тем государствам, торговые и политические интересы которых со-

прикасались с Турцией; но Россия доекатерининской эпохи не внушала большого опасения, а потому и не встречала существенных препятствий к достижению своих планов. Величие же, приобретенное ею за время царствования императрицы Екатерины II, а главное, обширные восточные проекты наших государственных людей конца восемнадцатого столетия заставили несколько иначе смотреть на миссию России на Ближнем Востоке. И хотя с воцарением императора Александра Благословенного в основу русской политики легло сохранение до последней возможности существования слабой Турции, но вышеуказанные проекты и двойственная относительно Порты политика императора Александра Павловича дали возможность созреть общему убеждению в исключительно завоевательных намерениях России относительно Порты Оттоманской. Вся последующая политика Александра I, девизом которой с высоты трона признавалось поглощение русских интересов интересами общеевропейскими, не уменьшила недоверия к России, но зато отодвинула ее в делах Востока на второстепенный план.

Изложенный период русско-турецких сношений дает также возможность определить и отношение иностранных дворов к исторической миссии России. Наиболее заинтересованной в этой смысле выказала себя Австрия, отличие взглядов которой выяснилось еще с 1700 года; образ же ее действий во время наших столкновений с Портой оставался всегда одинаков. Почти в таком же положении находилась и Англия, которая только однажды, во время ее борьбы с Наполеоном, стала на сторону русских требований. К концу же рассматриваемого периода ее влияние не только в Турции, но и среди христианского населения южной части этой империи упрочилось за счет уменьшившегося влияния России. Что же касается до Франции и Пруссии, то обе эти державы в русско-турецких делах находили лишь средство давления на Россию в видах тех или других своих интересов.

Таково было наследие по делам Востока, которое принял на себя юный император Николай Павлович. Оно далеко не находилось в том блестящем состоянии, в котором было оставлено его бабкой, и чуждому замыслов уничтожения Турции и захвата Константинополя государю Николаю Павловичу пришлось вынести на своих плечах подозрительность Европы, которая, сама того не замечая, играла в руку всесветной в то время повелительнице морей.

Примечания

¹ Данилевский. Россия и Турция. СПб., 1878; Sorel. L'Europe et la revolution; Пыпин. Славянский вопрос по выводам И. Аксакова//Вестник Европы, 1886.; Попов. Россия и Сербия. 1869; Богданович М. И. История царствования императора Александра I; Шильдер. Император Павел I; Шиль-

дер. Император Александр I; Татищев. Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887; Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, I, II, VIII, IX, XII; Бар. Розен. История Турции; Бухарев. Россия и Турция. Исторический очерк. СПб., 1878; Жигарев. Русское положение в восточном вопросе. М., 1896; Попов. Россия и Сербия. М., 1869; Данилевский. Россия и Европа. СПб., 1871; Синклер. Восточный вопрос. СПб., 1878; Ed. Engelhardt. La Turquie et le Tanzimat. Paris. 1882; М. Погодин. Историко-политические письма и записки. М., 1874; Adolf Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Prag & Leipzig, 1883; Жомини А. Г. Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, Paris, 1874; Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб, 1869; Рамбо А. Живописная история древней и новой России. М., 1878.

² «Можно и подвесьть», — заметил при этих словах император Павел Петрович.

³ «Чего захотел от слепой курицы!» — пометка государя.

⁴ «Не много ль?» — заметил государь.

⁵ Делеша канцлера Воронцова от 24 декабря 1802 года.

⁶ В письме от 26 марта 1821 года.

⁷ Записка от 26 апреля (8 мая) 1821 года.

⁸ Делеша графу Головкину 22 июня (4 июля) 1821 года.

⁹ Собственные слова государя Шатобриану на Веронском конгрессе.

Глава VI

Восточный вопрос при императоре Николае I до Адрианопольского мира включительно

Император Николай Павлович объявил своим первым дипломатическим актом¹, что в делах внешней политики он будет руководствоваться заветами предшествовавшего царствования и строго придерживаться начал, обеспечивавших мир Европы со времени Венского конгресса.

Что же касается запутанных в то время восточных дел, то государь различил в них две категории фактов, из которых одна представляла многочисленные нарушения Турцией заключенных с нами трактатов и составляла в глазах государя наше частное дело с Портой Оттоманской; другая же касалась событий, в которых были затронуты интересы и прочих европейских государств.

Вопреки трактатам с Россией, Порта продолжала содержать свои войска в Дунайских княжествах, отказывалась восстановить в них существовавший до 1821 года порядок, не признавала прав сербского народа, обеспеченных условиями Бухарестского трактата, отказывалась покончить споры относительно восточного побережья Черного моря и оставила без ответа протест русского поверенного в делах. С другой стороны, южная часть Балканского полуострова и острова Архипелага были охвачены восстанием, которое вызывало сочувствие общественного мнения как в России, так и в прочих странах Европы.

Циркулярная нота графа Нессельроде о восточных делах, относящаяся к 17 (29) марта 1826 года, резко отличала нарушение Портой трактатов с Россией от прочих турецких дел. Что касается первых, то государь, не питая никаких честолюбивых замыслов, желал только точного исполнения договоров и решил в случае надобности прибегнуть к силе. Считая это дело исключительно русским, он предъявлял Порте непосредственные требования и ожидал ее ответа без чьею-либо посредничества. Иного взгляда император Николай держался в греческом вопросе. Признавая разрешение недоразумений между Грецией и Турцией делом международным, которое должно быть поконченным с общего согласия великих держав, он в нем не принимал на себя исключительного почина и даже не считал возможным высказать свои соображения, пока положение России относительно Порты Оттоманской оставалось неопределенным. Программа императора Николая в этом отношении выказалась в сообщении вице-канцлера графа Нессельроде Венскому кабинету, что государь желает видеть в

Карта Константинопольских проливов XVIII столетия
(с гравюры И. Нильсона)

греческом вопросе Россию, поставленную «на одну линию с другими державами-посредницами».

С. С. Татищев, разбирая циркулярную ноту 17 марта 1826 года, правильно замечает, что в этом важном дипломатическом документе политика императора Николая обнаружилась во всем своем нравственном величии. Твердый, хотя умеренный тон, строго ограниченные, но настойчиво выраженные требования, признание европейских интересов, но вместе с тем решимость с оружием в руках защищать права, принадлежащие России по договорам, глубокое сознание собственных прав и достоинства — все это произвело неотразимое впечатление на чужеземные дворы, которые начали наперерыв советовать Турции подчиниться нашим требованиям.

Однако державы все-таки не верили бескорыстию России, а что касается Англии, то она была серьезно обеспокоена русско-турецкими несогласиями.

Для принесения императору Николаю Павловичу поздравлений с восшествием на престол лондонский двор отправил в Петербург героя Ватерлоо герцога Веллингтона. Государь отклонил его посредничество в споре с Портой из-за нарушения трактатов, но охотно вступил в переговоры относительно общего разрешения греческого вопроса. Результатом такого решения был подписанный в конце марта 1826 года — со стороны России графом Нессельроде и князем Ливеном, а со стороны Великобритании герцогом Веллингтоном — «протокол», которым договаривающиеся стороны устанавливали начало будущего устройства Греции².

Согласно 1-й статье этого протокола, Греция должна была оставаться в зависимости от Порты и платить ей раз навсегда определенную дань, но управляться властями, избираемыми самими греками при некотором лишь участии Порты в их назначении. Им предоставлялась полная свобода совести, торговли и внешних сношений, а мусульманские земли, которые должны были войти в состав вновь образуемой Греции, предполагалось выкупить.

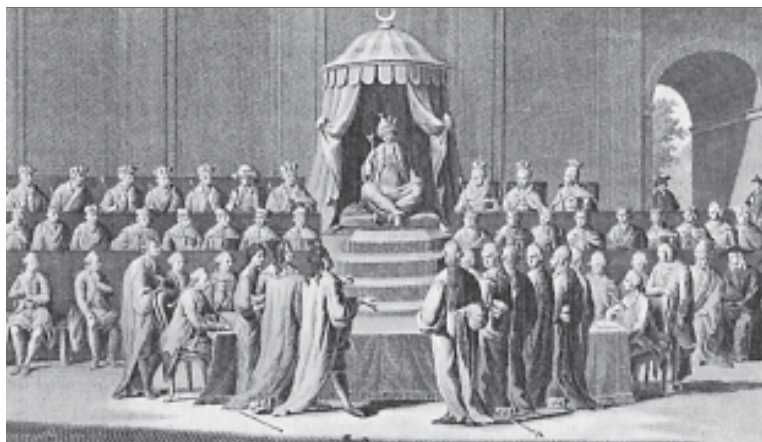
Следующие статьи протокола определяли общее посредничество петербургского и лондонского дворов в Константинополе, совместную выработку подробностей прекращения греко-турецкой распри и подтверждали, что договаривавшиеся стороны не ищут ни расширения территории, ни исключительного влияния, ни особых торговых преимуществ, которые не были бы доступны прочим нациям. В заключение протокол постановлял сообщить конфиденциально о состоявшемся соглашении в Вену, Берлин и Париж, приглашая кабинеты великих держав присоединиться к делу примирения турок с греками.

Одновременно с установлением изложенных выше отправных точек с Великобританией Россия вела частные переговоры с Турцией по делам, касающимся ее личных интересов. 24 марта наш поверенный в делах Минчаки вручил Порте последний ультиматум, требовавший в шестинедельный срок эвакуации Дунайских княжеств, исполнение 8-й статьи Бухарестского договора, освобождения сербских депутатов и отправления к русской границе уполномоченных для ведения переговоров по спорным вопросам.

Порта под влиянием советов европейских держав подчиниться русским требованиям выразила нотой от 1 (13) мая, т. е. еще до истечения назначенного срока, свое согласие на ультиматум Минчаки. Граф Нессельроде, сообщая об этом успехе иностранным дворам, замечал, что при дальнейших переговорах с Портой государь намерен действовать с настойчивостью и энергией, которые, как показал счастливый недавний опыт, составляют необходимое условие успеха.

1 июля открылись в Аккермане переговоры русских и турецких уполномоченных, которые явились живой иллюстрацией только что приведенных слов графа Нессельроде. Турецким представителям было сообщено, что государь, предвидя их попытки протянуть время, приказал еще в Петербурге заготовить проект конвенции, которую им остается только подписать. «Какие же это переговоры!» — восклицали турецкие комиссары, кладя, однако, свои подписи на приготовленном документе. Восстание янычар, вызвавшее внутренние неурядицы, и расстройство армии лишали Порту какой-либо возможности сопротивляться.

Заклученная в Аккермане конвенция имела «единственной целью отвратить всякий повод к дальнейшим несогласиям и

*Аллегорическое изображение положения Турции
в середине XVIII столетия
(с гравюры В. Джонса, по рисунку Н. Филиппса)*

обеспечить во всей их силе исполнение Бухарестского и всех прочих трактатов».

Первая статья этой конвенции определяла, что все условия договора, заключенного в Бухаресте 16 мая 1812 года, подтверждаются во всем их пространстве и будут иметь такую же силу, как если бы Бухарестский договор был внесен в нее от слова до слова.

Третьей статьей Блистательная Порта обязывалась в шестимесячный срок возобновить гатти-шерифы 1802 года относительно прав и преимуществ Молдавии и Валахии и дополнить их приложенным к конвенции отдельным актом, который устанавливал участие России в управлении Дунайскими княжествами. Согласно этому акту господарями княжеств должны были назначаться местные природные бояре, избираемые в качестве кандидатов боярами диванов каждой области и утверждаемые Портой. Срок пребывания господарей в должности полагался семилетний, и преждевременное смещение их допускалось не иначе, как с согласия русского посланника. Самовольное сложение с себя звания господаря требовало также согласия нашего двора. Установление и точное определение податей и повинностей в обоих княжествах должно было быть сделано господарями совместно с боярами диванов на основаниях постановлений гатти-шерифа 1802 года. «Господари, — гласил далее отдельный акт, — ни в каком случае не должны позволять себе ни малейшего отступления от сего правила. Они должны принимать со вниманием и уважением представления посланника Его Императорского Величества, а равно

представления, кои по его предписанию будут делаемы от российских консулов, как по сему предмету, так и относительно сохранения иных прав и преимуществ сего края, особенно же во всем том, что касается до соблюдения положений и условий, в сем акте означенных». Эти же «положения и условия» касались всех существенных вопросов внутреннего управления княжествами.

Пятая статья Аккерманской конвенции отличалась несколько иронической редакцией. Она говорила о тщательном радении Порты к точному соблюдению постановлений Бухарестского договора относительно сербского народа, «имеющего полное право на ее милость и великодушие». Блистательная Порта должна была установить совместно с сербскими депутатами меры для утверждения обещанных трактатами преимуществ, которые «будут справедливой наградой за доказанную на опыте верность к империи Оттоманской».

Но этим не ограничились заботы императора Николая Павловича о сербском народе. Они вызвали присоединение к Аккерманской конвенции второго отдельного акта, исключительно ему посвященного.

«Непредвиденные препятствия, писалось в этом акте, принудили отложить сие дело», т. е. дарование сербам преимуществ, но Порта немедленно должна была приступить к соответственным распоряжениям и обязывалась уведомить Российский императорский двор обо всем, что ею будет сделано во исполнение восьмой статьи Бухарестского договора, а также сообщить ему утвержденный гати-шерифом фирман, которым сербскому народу будут дарованы обещанные преимущества. Преимущества эти, как видно из перечисленных в отдельном акте требований сербской депутации, касались свободы богослужения, выбора начальников, независимости внутреннего управления, возвращения отторгнутых от Сербии округов, податных реформ, свободы торговли и многих других вопросов, в достаточной степени обеспечивавших самостоятельную жизнь и развитие сербского народа.

Но Аккерманская конвенция, имевшая целью обеспечить за Россией преимущественное влияние на Востоке, не достигла конечных результатов. Униженные при ее заключении турки затаили в себе бессильную злобу, и их ненависть к нам стала проявляться все определеннее, а недоверие иностранных дворов к нашей политике — все сильнее. Недоверие это стало проникать повсюду, находя некоторое удовлетворение в порицании энергичных приемов наших представителей в Аккермане. «Поведение русских в этом дипломатическом походе, — писал сердобольный Генц австрийскому посланнику Оттенфельсу, — поразило меня в сердце; ничего более насильственного и более вероломного не бывало даже в дипломатических актах Наполеона».

Чувства Порты по отношению к нам вскоре обнаружились по поводу решенного Петербургским протоколом русско-английского вмешательства в несогласия между султаном и восставшими греками. На врученную 10 марта 1827 года ноту, касающуюся греческого вопроса, Порта ответила решительным отказом. Англии она указала, что не вмешивается в распри лондонского правительства с ирландскими католиками, а русскому посланнику напомнила, что наши уполномоченные в Аккермане заявили, что не предъявляют никаких требований относительно греков. Реис-эффенди счел необходимым добавить еще, что вмешательство России и Англии противно началу самостоятельности верховной власти каждого государства, и что «оттоманы скорее уйдут из Европы, чем допустят чужое вмешательство между государем и его подданными, разрушающее верховную власть и независимость».

В своих заявлениях Порта находила некоторую поддержку в политике венского и берлинского кабинетов, которые отказались присоединиться к постановлению Петербургского протокола 4 апреля 1826 года. Меттерних заявил при этом, что такой дипломатический акт, становясь на защиту мятежа, является прямым оскорблением священному союзу.

Зато англо-русская декларация встретила самый радушный прием в Париже. 24 июня (6 июля) 1827 года в Лондоне был подписан представителями России, Англии и Франции трактат о замирении Греции, по которому эти три державы решили предложить Порте свое посредничество. Трактат в общем повторял постановления Петербургского протокола, но был дополнен особой секретной статьей, согласно которой договаривавшиеся державы решили обратиться к Порте с заявлением, что они принуждены сблизиться с греками, установить с ними торговые сношения, а также назначить в Грецию своих и принять греческих консулов. Если бы в течение месяца между Портой и греками не состоялось перемирия, то три державы обязывались принять меры к прекращению военных действий и послать соответствующие инструкции командирам своих средиземных эскадр. В заключение договаривающиеся стороны представили своим лондонским представителям условиться о дальнейших мерах на случай отказа Порты или греков согласиться на примирительные предложения.

Коллективная нота трех держав приглашала Порту принять эти условия и предупреждала ее, что в случае отказа державы «для прекращения положения, несовместимого с истинными интересами Порты, с безопасностью торговли и со спокойствием Европы» прибегнут к более действенным мерам.

Но турецкое правительство отвергло предложения трех держав. В совете султана не думали, чтобы они решились на меры

Битва у Перекопа 1736 г. (с немецкой гравюры того времени)

принуждения, и нельзя не сознаться, что этот взгляд турецких сановников имел за собой некоторые основания.

Князь Меттерних, ревностный защитник легитимности, напрягал все свои усилия, чтобы не допустить в греко-турецкую распрю вооруженного вмешательства Европы. Австрийский посланник в Константинополе успокаивал Порту уверениями, что в сущности ни одно правительство не сочувствует мятежу; при этом повторялись выражения русской ноты начала 1826 года, что «дело России есть дело исполнения договоров, а не поддержка восстания, противного праву», а также резкие слова императора Николая о греках, будто бы сказанные им эрцгерцогу Фердинанду д'Есте³. Князь Меттерних, получив от австрийского посла в Лондоне успокоительные сведения о намерениях англичан и убедившись из бесед с русским и французским представителями в Вене в миролюбии России и Франции, предложил Порте добрые австрийские услуги в ее споре с тремя державами. Оттоманское правительство радостно ухватилося за такое предложение, но в это время грянула весть о Наваринском погроме.

Адмиралы трех союзных в деле освобождения Греции держав получили, согласно Лондонскому договору, приказание помешать прибытию в Морею новых подкреплений из Египта, причем им было предписано вступить в бой лишь в случае форсирования турецким флотом проходов с целью высадки десанта. Ибрагим-паша пожелал оставить со своим флотом Наварин и отправиться в Патрас, но получил в этом отказ от адмирала Кондрингтона. Взбешенный паша продолжал с особой жестокостью опустошать Морею, что принудило адмиралов предложить ему возвратиться в

*Эскадра Спиридова в Дарданеллах в 1770 г.
(с гравюры И. Вилля)*

Египет. Ряд неожиданных при этом обстоятельств и привел 20 октября к бою у Наварина трех соединенных эскадр с турецким флотом, который был при этом совершенно уничтожен.

Эта победа произвела сильное и неординарное впечатление на императора Николая Павловича и на его министра иностранных дел. Государь был очень доволен энергией адмиралов, а граф Нессельроде полусутоливо замечал в своем письме к нашему представителю в Вене Татищеву, что было бы вообще недурно, если бы дипломаты уступили место адмиралам, доказавшим, что они умеют разрешать запутанные вопросы.

Наваринский погром повел к более решительным действиям с обеих сторон. Реис-эффенди нотой от 9 ноября 1827 года потребовал от послов трех держав вознаграждения за уничтоженный флот, удовлетворения за нарушение нейтралитета и обещания воздержаться от всякого вмешательства в дело умиротворения Греции. По первым двум пунктам послы отклонили требования Порты, так как было дознано, что первое нападение у Наварина сделали турки; относительно же вмешательства в греческие дела они подтвердили, что их правительства твердо решились достигнуть умиротворения средствами, указанными в их союзном договоре. Через несколько дней после этого представители России, Франции и Англии заявили Порте через своих драгоманов, что останутся в Константинополе лишь в том случае, если Порта возобновит с ними

официальные сношения, установит перемирие с греками и торжественно заявит, что дарует им изложенные в Лондонском трактате права и преимущества, как только греки представят приличное по этому поводу прошение султану. Совет турецких сановников единогласно отверг требования послов, которые вскоре покинули оттоманскую столицу.

Вследствие такого оборота дел русское правительство в конце декабря 1827 года выступило с двумя предложениями.

Прежде всего граф Нессельроде сообщил в Лондон, что император Николай Павлович намерен твердо держаться начал договора 6 июля и с точностью исполнит обязательство не делать на счет Турции территориальных приобретений и не добиваться каких-либо новых исключительных торговых преимуществ. Государь шел даже дальше такого уверения и, видя в сохранении Турции прямой интерес России, готов был подтвердить свое желание новым особым трактатом. Кроме того, наше правительство предлагало Лондонской конференции, состоявшей из представителей России, Франции и Великобритании, принять некоторые понудительные против Порты меры, которые заставили бы ее подчиниться требованиям держав. В числе этих мер были намечены занятие русскими войсками Дунайских княжеств, очищение территории будущей Греции от египетских войск и охранения ее союзным флотом от новых вторжений турок. Но приведение в исполнение намеченного предлагалось нами только в том случае, если Порта откажется принять в восьмидневный срок новый ультиматум держав, приглашающий ее вступить в переговоры о замирении Греции на известных уже условиях.

Однако предложения графа Нессельроде не вызвали сочувствия лондонского кабинета, во главе которого стоял тогда герцог Веллингтон. Он отвечал, что Лондонский трактат имел целью обеспечение мира в греческих областях, а не войну с Турцией, и предлагал ограничиться только занятием Коринфского перешейка, очищением Мореи от турецких войск и организацией автономного управления этой области. В то же время лондонский кабинет советовал привлечь к общему делу умиротворения Греции Австрию и Пруссию, что, по его мнению, должно было повлиять на решимость султана присоединиться к постановлениям трактата 6 июля.

Натянутое положение между Россией и Турцией беспокоило уже обе немецкие державы, и в особенности Австрию, которая начала даже стягивать войска в Трансильванию. Князь Меттерних решился на совершенно неожиданный шаг, а именно выступил с предложением признать Грецию независимой. Он полагал, что, обратив внимание дипломатов на новый вопрос, он предотвратит русско-турецкую войну, возможные последствия которой возбудили в нем разные опасения.

Но было уже поздно. После ряда враждебных нам и противных трактатам мер султан обнародовал 8 (20) декабря манифест, в котором обвинял Россию в подстрекательстве греков к восстанию и в стремлении стереть ислам с лица земли. Манифест этот, призывая мусульман к борьбе с неверными, присовокуплял, что «война не будет, подобно предшествовавшим, борьбой из-за областей и границ. Нам предстоит сражаться за веру и за наше национальное существование. Все мы одинаково, богатые и бедные, большие и малые, должны взирать на эту борьбу, как на священный долг».

Конечно, Россия не могла оставить вызова Порты без ответа. 2 (14) апреля 1828 года последовали Высочайший манифест об объявлении войны Турции и декларация нашего кабинета, излагавшая причины войны и цели, которые мы были намерены преследовать. По словам упомянутого документа, Россия не стремилась ни к завоеваниям на счет Турции, ни к ее падению, но к обеспечению безопасности и свободы торговли, к возобновлению и утверждению договоров и к оказанию помощи христианским народам, поставленным этими договорами под ее покровительство. Далее декларация присовокупляла, что Россия считает долгом чести привести в исполнение договор 6 июля, но, чуждаясь революционных средств, она не стремится вызывать восстание христианских народностей Турции, хотя для этого было бы достаточно одного ее слова.

Кампания 1828 года, завершенная взятием русскими войсками в присутствии императора Николая Павловича Варны, не привела, однако, к решительным результатам. Этим обстоятельством воспользовался князь Меттерних с целью вызвать посредничество держав к окончанию русско-турецкой распри, а в особенности с целью приведения в исполнение своей старой мечты — поставить отношения России с Турцией под контроль Европейского ареопага.

И действительно, находившаяся в то время под его влиянием Порта заявила о необходимости заключения мира не иначе, как при участии Европы и за ее коллективным ручательством.

Император Николай, со своей стороны, не только не уклонялся от заключения мира, а даже шел ему навстречу, но, разумеется, не на условиях, внушаемых князем Меттернихом. Наш кабинет сообщил Порте через датского посланника в Константинополе, что государь согласен даже немедленно заключить перемирие, если Турция выразит намерение вступить в переговоры о мире.

Одновременно с этим государь не забывал и греческих дел, особенно заботясь о том, чтобы обуздать греческие тайные общества и уничтожить в Греции революционные стремления,

чего можно было достигнуть только установлением в этой стране монархического образа правления.

10 (22) марта 1829 года представителями держав в Лондоне была подписана Лондонская конвенция, в которой вновь были выработаны основания будущего устройства Греции. Эта страна должна была оставаться под верховным главенством султана, но управляться государем христианского вероисповедания, не принадлежащим, однако, к царствующим домам России, Франции и Великобритании. Северной границей нового государства была намечена линия между Эгейским и Ионическим морями, от залива Воло до залива Арто, а связь его с Турцией выражалась уплатой ежегодной дани в размере 1,5 миллиона пиастров.

Император Николай Павлович согласился, со своей стороны, уполномочить возвращавшихся в Константинополь французского и английского послов вести переговоры с Портой по греческому вопросу на выработанных Лондонской конференцией основаниях. Но представителям этих держав не удалось убедить Порту в необходимости согласиться на предложения Европы.

Эта необходимость выяснилась для Турции лишь после новых наших побед и приближения армии генерала Дибича в начале августа 1829 года к Адрианополю. Тогда только в Константинополе поняли, что дальнейшая борьба может повести к уничтожению турецкого владычества в Европе, и султан обратился к государю с просьбой о мире.

Переговоры, однако, затянулись, и император Николай, опасаясь их неуспеха, поручил Дибичу занять Дарданеллы, чтобы воспрепятствовать появлению «незваных гостей для вмешательства и вреда делам нашим».

Такое вмешательство, видимо, беспокоило государя, и уже в конце августа он вновь писал Дибичу: «При неуспешности переговоров вы должны немедленно двинуться к Константинополю, обеспечив себя со стороны Дарданелл... Овладев Константинополем, вы будете ожидать новых приказаний, до получения которых положительно откажетесь войти в какие-либо переговоры, какого рода они бы ни были и с кем бы то ни было». В письме же к Дибичу

*Медаль в память
Адрианопольского мира*

от 1 сентября государь замечал: «Английское министерство совершенно поражено успехами нашего оружия до такой степени, что Абердин сказал нашим: ради Бога, не обходитесь с нами по-Дибичевски и пощадите нашу честь. Они видят и не боятся более падения Оттоманской империи, но боятся узреть нас *владыками* Константинополя!» Император Николай подчеркнул пять раз слово «владыками».

Приказания, о которых государь предупреждал в письмах Дибича, должны были зависеть от хода совещаний образованного в Петербурге, сначала под председательством графа Кочубея, а потом и самого императора, особого Тайного комитета.

Работы комитета открылись докладом одобренной государем записки вице-канцлера графа Нессельроде, доказывавшего, что «никакой другой порядок вещей не возместит нам выгоды иметь соседом государство слабое, постоянно угрожаемое революционными стремлениями своих вассалов и вынужденное покориться воле победителя». При этом вице-канцлер Нессельроде находил невозможным разрешить вопрос о судьбе Оттоманской империи без участия других держав, так как подобный акт затрагивал существеннейшие их интересы. Мнение это вполне разделял и министр юстиции Дашков, который в доложенной комитету записке проводил ту идею, что цель России распространять свое влияние между соседними народами может быть удобнее всего достигнута продлением существования Турции. Комитету было доложено также и письмо графа Каподистрии, который предлагал создание на развалинах европейской Турции пяти государств: Дакии, Сербии, Македонии, Эпира и Эллады и образование из Константинополя с окружающей территорией вольного города, в котором заседал бы конгресс конфедерации упомянутых государств.

Комитет после незначительных прений высказал *единогласное* мнение, что выгоды сохранения Оттоманской империи в Европе превышают его невыгодные стороны и что разрушение Турции противно истинным интересам России. Благоразумие требовало предупредить падение Турции и воспользоваться всеми обстоятельствами для заключения почетного с ней мира, но, если бы Оттоманская империя рушилась, то Россия прежде всего должна озаботиться, чтобы никакая посторонняя держава не предупредила ее занятием проливов; при этом вопрос об участии земель, входивших в состав Турецкой империи, должен быть разрешен соглашением с прочими державами.

Согласно этим заключениям комитета, к графу Дибичу были отправлены инструкции для заключения мира, но они были получены слишком поздно. Мир был заключен в Адрианополе 2 сентября, за два дня до первого заседания петербургского комитета.

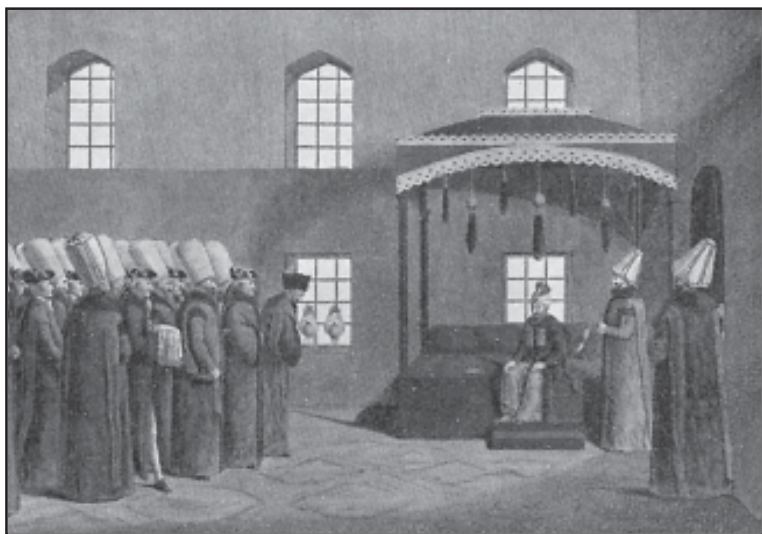
До Дибича вовремя не дошло даже Высочайшее повеление об уступке нам Турцией Батума и Карса, что и не было включено в Адрианопольский мирный договор. Тем не менее государь удостоил этот договор своим одобрением и в письме к Дибичу от 22 сентября замечал даже, что Адрианопольский мир «самый славный из когда-либо заключенных, и вы сумели придать ему характер, приличный миру, заключенному после такой войны. Наша умеренность зажмет рты всем нашим клеветникам, а нас самих мирит с нашей совестью».

Суть Адрианопольского мирного трактата заключалась в следующем:

По 3-й его статье Порты уступала нам устья Дуная, до впадения в море Георгиевского гирла, со всеми островами, образуемыми рукавами реки, но без права устраивать там какие-либо укрепления или вообще заведения, кроме карантинных.

Статья 4-я передавала во владение России крепости Ахалкалаки и Ахалцых и весь восточный берег Черного моря от устья Кубани до поста Св. Николая включительно.

Статья 5-я постановляла, что «поелику княжества Молдавское и Валахское подчинили себя особыми капитуляциями верховной власти Блистательной Порты, и поелику Россия приняла на себя ручательство в их благоденствии, то ныне сохраняются им все права, преимущества и выгоды, дарованные в тех капитуляциях или же в договорах, между обоими императорскими дворами заключенных, или же, наконец, в гатти-шерифах в разные времена изданных. Посему оным княжествам предоставляется свобода богослужения, совершенная безопасность, народное независимое управление и право беспрепятственной торговли». В отдельном же, приложенном к договору акте постановлялось, что господа Молдавии и Валахии будут возводимы в это звание на всю жизнь, и что им предоставляется власть постановлять, по совещании с диванами, все, относящееся до внутренних дел в княжествах, а также, что Порты Оттоманская не оставит за собой никакого укрепленного места на левом берегу Дуная и не позволит ни одному магометанину иметь жительство в княжествах. Мусульмане, владевшие в княжествах ненасильственно приобретенными недвижимыми имуществами, обязывались продать их в течение 18 месяцев. Правительству каждого княжества дозволялось содержать вооруженную силу для карантинной и внутренней службы, а также для охраны границ. Все подати и повинности, несомые по отношению к Порте, заменялись одной, ежегодно уплачиваемой суммой, размер которой предполагалось определить впоследствии. В заключение Порты обязывалась утвердить составленные во время занятия княжеств русскими войсками уставы внутреннего управления этих областей.

*Прием князя Репнина султаном в 1775 г.
(с гравюры Березникова)*

Не забыта была Адрианопольским мирным договором и Сербия. По 6-й его статье Порты обязывалась «возвратить немедленно Сербии шесть округов, от сей области отторгнутых, и таким образом навсегда обеспечить спокойствие и благосостояние верного и покорного сербского народа. Утвержденный гатти-шерифом фирман о приведении в действие постановлений отдельного акта Аккерманской конвенции будет издан и официально сообщен Российскому двору в течение одного месяца со дня подписания настоящего договора».

Статья 7-я предоставляла русским подданным право свободной морской и сухопутной торговли в Турции и обязывала Порту открыть проход через проливы как русским судам под купеческим флагом, так и торговым судам всех держав, состоявших в дружбе с Турцией. В случае нарушения этой статьи Порты предоставляла России право «принять таковое нарушение за неприязненное действие и немедленно поступить в отношении к империи Оттоманской по праву возмездий».

Следующими двумя статьями Порты обязывалась возместить русским подданным понесенные ими с 1806 года убытки в сумме 1,5 миллиона голландских червонцев и уплатить нашему правительству приличное военное вознаграждение. Вознаграждение это было исчислено в 10 миллионов голландских червонцев, уплачиваемых в сроки, назначенные императором всероссийским,

причем очищение турецкой территории нашими войсками должно было производиться по мере уплаты этой суммы. Крепость Силистрия и Дунайские княжества оставались в наших руках до окончательной расплаты.

Наконец, по 10-й статье Адрианопольского мирного договора Турция присоединялась к акту Лондонской конференции 10 (22) марта 1829 года относительно границ и устройства Греции.

Остальные статьи трактата касались второстепенных постановлений и подтверждали во всей их силе все прежние договоры, конвенции и постановления между обоими правительствами, которые не были отменены позднейшими трактатами.

Таким образом, Адрианопольский трактат, хотя и был заключен Дибичем до сообщения ему постановлений Тайного комитета, отражал в своих статьях настроение императора Николая Павловича и окружавших его лиц. Он щадил самолюбие Порты и ее права на европейские области, находившиеся под оттоманским владычеством.

Великодушные государя и умеренность русских требований признавались даже повсюду за границей. Тот самый Генц, который в столь резкой форме возмущался по поводу переговоров в Аккермане, удивлялся великодушию государя при заключении Адрианопольского мирного договора. «Умеренность понятие относительное, — писал он, — но в случае, подобном настоящему, оно должно одинаково распространяться на победителя и на побежденного. В сравнении с тем, что могли требовать русские, и требовать безнаказанно, они потребовали очень мало. Я не говорю, чтобы у них достало силы разрушить турецкое владычество в Европе, не подвергаясь европейскому противодействию, но они могли потребовать уступки княжеств и Болгарии до Балкан, половины Армении и, вместо десяти миллионов, пятьдесят, причем Порты не имела бы силы, а никто из ее друзей желания этому воспрепятствовать».

Если сравнить Адрианопольский договор со всеми предшествовавшими ему мирными трактатами с Турцией, не исключая и Кучук-Кайнарджийского, то невольно бросается в глаза отсутствие у императора Николая Павловича завоевательных стремлений и обилие достигнутых им результатов в отношении обеспечения прав христианских народностей Турции. Адрианопольский мир, принимая во внимание известный характер государя, должен был служить прочным указанием программы дальнейшей политики петербургского двора относительно Турции и должен был успокоить страх Европы насчет поползновений Великой Северной державы на Константинополь. С другой стороны, почти исключительные заботы России при заключении этого договора о судьбе восточных христиан укрепили духовную связь между ней и опекаемыми ею народностями и дали ей

предпочтительное над всеми другими державами нравственное право на вмешательство в их дальнейшую судьбу. Адрианопольский договор покрыл таким образом Кучук-Кайнарджийский, и четверть века спустя, Россия, казалось бы, могла основывать свое право на вмешательство в дела христианского Востока исключительно на этом договоре и на том обстоятельстве, что она одна не ограничивалась в вопросе освобождения христианских народностей Турции, наподобие остальных держав, более или менее платоническими мерами, а неоднократно боролась за него вооруженной силой.

Но, несмотря на в высшей степени умеренный свой характер, Адрианопольский мирный договор возбудил сильное неудовольствие в Лондоне и Вене. Стоявший во главе лондонского кабинета лорд Абердин указывал в январе 1830 года на «опасные» последствия Адрианопольского мира. Он находил, что этот мир закреплял за Россией преобладающее влияние на Востоке и предоставлял ей исключительное господство на Черном море. Благородному лорду казалось, что английской торговле вперед уже прекращен доступ через названное море в Турцию и Персию, что размер военного вознаграждения превышает финансовые силы Турции и что вообще усиление русского влияния опасно для независимого существования Османской империи и при этом противоречит заявлениям, сделанным нашим правительством до начала военных действий.

Еще далее зашел в своем удрученном настроении лучший австрийский полководец граф Радецкий. В записке, поданной императору Францу, он доказывал, что Адрианопольский мир низвел Австрию на степень второстепенной державы, так как освобожденные при содействии России балканские области, Молдавия, Валахия, Сербия и Греция, будут подчиняться исключительно ее влиянию. Этим миром, говорил Радецкий, положен предел расширению Австрией своей территории, и ей следовало сто лет назад занять устья Дуная. В настоящее же время они попали в руки России, от которой будет зависеть благосостояние и будущность Габсбургской монархии.

Взгляды Радецкого разделял и австрийский канцлер Меттерних, который для ослабления русского влияния на Востоке решил испытать еще одно средство. Он изобрел идею общеевропейской коллективной гарантии независимости Османской империи и предложил созвать для решения этого вопроса особую конференцию. На это государь повелел ответить решительным отказом, находя, что предложение держав равносильно приглашению России принять меры против себя же, и что он никогда не признает основательности питаемого к его политике недоверия.

В свою очередь, граф Несельроде в письме к цесаревичу Константину Павловичу намного определеннее высказал мысли нашего правительства насчет существования Турции. «По мнению государя, — писал он, — монархия эта, вынужденная отныне существовать под покровительством России и повиноваться ее воле, более отвечает нашим политическим и торговым интересам, чем всякая новая комбинация, которая вынудила бы нас либо слишком распространить путем завоеваний наши владения, либо заменить Оттоманскую империю государствами, которые не замедлили бы соперничать с нами в могуществе, цивилизации, промышленности и богатстве».

*Граф И. А. Каподистрия,
президент Греции
(с гравюры К. Майера)*

Такое вечное сдерживание стихийного движения турецких христиан к освобождению и к образованию независимых государств навряд ли соответствовало личным взглядам государя, как это будет видно ниже при ознакомлении с перепиской императора Николая Павловича в эпоху, предшествовавшую Крымской войне.

Оно могло иметь место лишь до тех пор, пока Турция представляла из себя способный к самостоятельному в некоторой степени существованию организм; когда же в пятидесятых годах государь убедился в неспособности Оттоманской Порты к независимой жизни, то он первый подал голос в пользу образования на Балканском полуострове, в случае падения Турции, ряда отдельных христианских государств, предоставляя им право самобытного существования.

Греческие дела шли своим порядком. Члены Лондонской конференции обратились к нашим представителям, требуя заявления, что 10-я статья Адрианопольского договора не отменяет прав союзников на устройство судьбы Греции.

Истинные причины такого требования были весьма рельефно выражены в письме князя Меттерниха от 24 ноября 1829 года к австрийскому послу в Лондоне князю Эстергази. «Главное, — писал он, — чтобы перемены в судьбах Востока не были привилегией одной России».

В последующих своих совещаниях конференция пошла далее Адрианопольского договора. Протоколом 3 февраля 1830 года она провозгласила Грецию независимым государством, но отодвинула ее границы к югу, оставив под турецким владычеством часть Этолии и Акарнании. Греческий престол был предложен принцу Леопольду Саксен-Кобургскому, несмотря на то что вследствие его женитьбы на английской принцессе он имел титул английского принца и получал пожизненную пенсию из великобританского казначейства.

Далее протокол постановлял, что жители нового королевства будут пользоваться полной свободой вероисповедания, но впоследствии это постановление было, по настоянию наших представителей, дополнено другим, по которому права иных исповеданий не должны были наносить ущерба правам господствующей православной церкви.

Принц Леопольд отказался от предложенного ему престола, так как конференция не признала возможным гарантировать для Греции 60-миллионный заем и отодвинуть к северу границу нового государства, в видах его безопасности. Конференция стала искать для Греции другого короля и особым протоколом заявила, что три державы-покровительницы твердо решились привести в исполнение постановления 3 февраля, к которым присоединились как Порта, так и греческое правительство.

Между тем во Франции вспыхнула июльская революция, а в Англии стали во главе правления виги. События эти отразились в Греции сильным брожением в оппозиционном лагере, тотчас же замеченным стоявшим во главе временного правления графом Каподистрия, который еще в начале августа выражал опасения за судьбу греческого государственного «суденышка».

Революционное брожение, руководимое Кондуриоти, Маврокордато и Миаулисом, привело к открытому восстанию против правительства на острове Гидра, где конституционная комиссия успела захватить власть в свои руки. Миаулису удалось даже завладеть в июле 1831 года всеми правительственными боевыми судами, из которых он образовал флотилию для защиты восставших островов. Тогда граф Каподистрия обратился за содействием к представителям и адмиралам трех держав, но французский и английский адмиралы не сочли нужным принять активное участие в международной войне, и только русский адмирал Рикорд атаковал у Пароса мятежную эскадру.

С этой минуты оппозиция против правления Каподистрии приняла яркий антирусский оттенок, причем главным обвинением правителю выставлялась его преданность России. 28 сентября 1831 года он пал от руки убийц.

Сенат тотчас же образовал верховную административную комиссию под председательством Августина Каподистрии, брата уби-

того, но сторонники конституции продолжали держать в своих руках целые области.

Адмиралу Рикорду, поддерживавшему временное правительство Августа Каподистрии, было весьма трудно согласовать свои действия с политической программой нашего представителя при греческом правительстве Рикмана, который старался поддержать фикцию единомыслия трех держав. В сущности, этого единомыслия не было, что должно было отразиться самым серьезным образом на внутреннем состоянии Греции. «Англия хотела, — по словам барона Бруннова⁴, — навязать во что бы то ни стало новому государству конституционный порядок; наш кабинет противился этому всеми зависящими средствами... Обе морские державы желали бы обратить Грецию в передовой пост конституционной Европы, установив в ней порядок, враждебный принципам России и противный нашему влиянию на Востоке... Верно понятые интересы наши советуют нам никогда не допускать, чтобы Греция распространила свою территорию и свое политическое значение за пределы, ныне ей положенные...»

И действительно, посеянные в долгий период восстания и поддерживаемые французами и англичанами конституционные идеи распространялись в Греции все более и более. Когда возрожденная, после признания нами короля Людовика-Филиппа, Лондонская конференция предложила протоколом 7 марта 1832 года корону принцу Оттону Баварскому, то греческие мятежники приступили к решительным действиям. Их вождь Коллети подошел во главе своих отрядов к самой Навплии и торжественно вступил в нее 29 марта, в тот самый день, когда отрекшийся от власти Августин Каподистрия отплывал на русском военном судне из Греции, увозя из неблагодарного отечества останки своего убитого брата.

В январе 1833 года король Оттон появился в своем новом королевстве. Сопровождавшее его регентство, которое должно было управлять страной до совершеннолетия короля, занялось умиротворением Греции, причем, видимо, склонялось на сторону революционной партии. Однако вследствие наших представлений в Мюнхене и нерасположения короля Людовика к либеральным порядкам конституция, обещанная грекам, не была им дарована.

Одновременно с этим замечается и сильное падение нашего влияния в Греции. Обращение двора с нашими представителями было настолько холодное, что заменивший Рикмана посланник Катакази громко выражал мнение, что присутствие русского посла в Афинах совершенно излишне.

В 1833 году известные сторонники России были даже привлечены к суду за заговор против регентства и основных законов го-

сударства. Наконец посланный в Афины в 1835 году ко дню достижения королем Оттоном совершеннолетия генерал-адъютант граф Строганов свидетельствовал о полном падении русского влияния в Греции и о «росте разрушительных идей и стремлений известной партии, желающей введения в стране конституционного порядка».

Примечания

¹ Циркулярная нота графа Нессельроде от 14 декабря 1825 года представителям иностранных держав.

² Протокол 23 марта (4 апреля) 1826 года.

³ «Я их зову не греками, а бунтовщиками», — повторил государь несколько раз.

⁴ Рукоп. записка, составленная в 1838 году для изложения наследнику цесаревичу хода политических событий в Европе. Приложение № 8.

Глава VII

Восточный вопрос при императоре Николае I после Адрианопольского мира

Война с Россией прервала начатую в Турции после упразднения янычар преобразовательную деятельность султана Махмуда, который, подобно своему отцу Селиму III, сознавал необходимость коренного переустройства Османской империи и введения ее в состав цивилизованных государств.

Неудачный исход кампании 1828—1829 годов и падение влияния центральной государственной власти внутри страны затянули дело реформ, тем более что султан или, вернее, его приближенные не проявляли уже в этом деле той энергии, которой они отличались при усмирении янычар. Могущественное мусульманское духовенство, напрягавшее все свои силы, чтобы сохранить господствующее в стране положение, и развращенное чиновничество, ревниво оберегавшее собственные интересы, сплотились вместе, чтобы противодействовать проведению реформ. Впрочем, надо сознаться, что и у самого султана не было в этом отношении ни определенной программы, ни деятельных сотрудников. Он высказывал противоречивые мысли, колебался и, по справедливому замечанию одного из историков турецких реформ, «оставался турком при горячем желании перестать им быть»¹. Османская империя находилась в полнейшем расстройстве, и, несмотря на некоторые податные реформы, правительство не могло свести в своем хозяйстве концов с концами. Одну только армию кое-как удалось организовать в тактическом отношении, причем административная ее часть по-прежнему продолжала оставаться в хаотическом беспорядке. Окончательное падение империи османов казалось неминуемым, и в Вене серьезно подумывали о необходимости ее раздела.

Между тем подобные проекты шли вразрез с определившейся уже политикой нашего кабинета, на которой отразились известные заключения тайного петербургского комитета² о необходимости в интересах России сохранения существования слабой Турции. Адрианопольский мир вполне достигал указанной цели и, по общему мнению современников, ставил Османскую империю в полную зависимость от петербургского двора. «Этот мир, — по словам вице-канцлера графа Нессельроде³, — упрочил преобладающее влияние России на Востоке». Австрийский посол в Константинополе писал князю Меттерниху по поводу его заключения, что «Россия исключила Турцию из числа независимых держав, и в мирном трактате

Константин Инсланти
(с офорта Г. Валентина)

она найдет все, что захочет». Подобные же мысли волновали и самого всесильного канцлера Австрийской империи, который утверждал, что Адрианопольский мир отдал Турцию на произвол ее могущественного соседа.

Так же думали и в Петербурге. Наш кабинет поставил себе целью утвердить исключительное влияние России на Босфоре, причем достижение такого положения казалось ему совместимым с сохранением Турции как особого политического организма, который, однако, должен был действовать под нашим руководством. Мы считали возможным положить пре-

дел колебаниям султана и направить его реформаторскую работу согласно политическим интересам России и в духе желаний ее монарха. Император Николай не без некоторого увлечения относился к этой программе и даже считал возможным принятие султаном Махмудом христианской веры, исповедуемой большинством его подданных. Государь беседовал по этому вопросу с приезжавшим в Петербург после войны турецким послом Халиль-пашой⁴.

И действительно, после заключения Адрианопольского мира замечается в отношениях России к Турции целый ряд уступок и покровительственных действий, имевших целью поддержать призрак самобытного существования Османской империи и привлечь ее на сторону могущественного северного соседа. Конвенцией 14 апреля 1830 года император Николай уменьшил военную контрибуцию с Турции на 2 миллиона червонцев, не считая ранее подаренного Порте за признание независимости Греции миллиона червонцев; уплата же остальной суммы была рассрочена на ежегодные взносы, по миллиону каждый. Далее государь отказался от десятилетней оккупации Дунайских княжеств и повелел вывести из них наши войска, как только Турция уплатит, независимо от контрибуции, вознаграждение за убытки русских подданных. До полной же уплаты контрибуции в наших руках должна была оставаться только крепость Силистрия и дорога, ведущая к ней через княжества. Влияние наше в Константинополе возрастало с каждым днем, так что в июле 1830 года австрийский поверенный в делах барон Оттенфельд доносил своему правительству из Царьграда, что «ничего здесь не

делается без согласия русской миссии, и все покровительствуемые Россией и единоверные ей народности наперебой ищут ее поддержки для успешного проведения своих дел».

Преобладающее положение России вызвало, конечно, усиленное противодействие прочих держав. Борьба из-за влияния приняла решительный характер на почве египетского вопроса, глубоко затронувшего судьбы мусульманского Востока.

Проведение реформ во всей Оттоманской империи, не удавшееся султану Махмуду, было, в частности, с успехом осуществлено одним из пашей в подвластной ему провинции. Египетский паша Мехмед-Али сумел в течение целого ряда лет создать у себя сильную армию и флот, упорядочить финансы, обеспечив своей казне доход более ста миллионов франков в год, и задумал образовать из Египта новое могущественное государство, обратив свою столицу Александрию в новый центр всемирной торговли.

Энергичный паша распространил свои владения в Африке, усмирил арабских шейхов, восставших против султана, и, получив за эти услуги от падишаха титул защитника Мекки и Медины, был сделан управителем Аравии. Но честолюбивый Мехмед-Али не ограничился предоставленными ему узкими рамками, и, видя слабость Турции и непопулярность султана Махмуда, он потребовал отдачи в свое управление Сирии. Порты, по обыкновению, медлила с ответом, а нетерпеливый египетский паша отправил в Сирию, под предлогом разрешения своих споров с правителем этой страны, значительную армию под предводительством своего сына Ибрагима. После взятия египтянами Сен-Жан-Дарка и победы над высланным против них турецким корпусом при Гомее вся Сирия перешла в фактическое владение Ибрагима, перед которым, успевшим вскоре занять горные проходы в Тавре, лежал открытым путь в Малую Азию и в Константинополь.

Победы египетского паши происходили в конце 1831 года и в первой половине 1832 года, когда Турция до некоторой степени уже успела забыть внушительный урок войны, законченной Адрианопольским миром, а также и великодушные дары императора Николая. Кроме того, Блистательная Порты находилась в то время под влиянием бурных европейских событий — революции во Франции, низведшей с престола одушевленного дружбой к России короля Карла X, и восстания в Польше, которое привело на берега Босфора многих эмигрантов. Английская и французская дипломатии, со своей стороны, деятельно трудились над уничтожением нашего влияния на Порту и достигли в этом отношении полного успеха.

Ведение иностранными делами империи оттоманов перешло в руки недружелюбно к нам настроенного Неджиба, который начал искать поддержки у западных держав и отправил в Лондон чрезвычай-

*Аллегорическое изображение решения Восточного вопроса
(с голландской гравюры начала XVIII столетия)*

чайного посла с просьбой о помощи английского флота против Египта. Но великобританское правительство, несмотря на поддержку турецких ходатайств Пальмерстоном, отказалось принять активное участие в споре султана с его непокорным вассалом. Однако новые победы египтян вызвали усиленную деятельность европейской дипломатии. Лондонский, парижский и венский кабинеты пришли к заключению о необходимости общего вмешательства в турецко-египетскую распрю и пригласили участвовать в этом и наш кабинет.

В правительственных сферах Петербурга замечалось, между тем, по делам Ближнего Востока два разных направления мыслей относительно предстоявшего нам образа действий. Одна партия, во главе которой стоял командовавший войсками в Дунайских княжествах П. Д. Киселев, находила необходимым оказание Порте сильной материальной поддержки взамен признания ею за нами права покровительства турецким христианам и уступки нам на берегах Босфора гавани с укрепленным пунктом. Это утвердило бы за Россией «неоспоримое преобладание» на Востоке. Другая партия, во главе с нашим министерством иностранных дел, прежде всего стремилась к сохранению союзных отношений с Австрией, Пруссией и Великобританией и более всего боялась нашей политической обособленности. Перевес получила партия решительных действий, но с некоторыми уступками противоположному мнению.

Петербургский кабинет отклонил предложение западных держав о совместном вмешательстве и вошел в непосредственные сношения с Портой Оттоманской. Однако наши самостоятельные

действия отличались неполнотой и нерешительностью, почему и не привели к прочным результатам.

В своем всеподданнейшем докладе 7 января 1833 года граф Несельроде излагал мысль, что «Россия не может допустить, чтобы Турция стала сильна настолько, чтобы получила возможность служить постоянной угрозой русским владениям и интересам». По словам вице-канцлера, в этом заключалась «основная цель русской политики». Нельзя не признать такого выражения нашего знаменитого дипломата в достаточной степени определенным. Надо думать, что цель политики петербургского двора заключалась не в слабости Турции, а в силе России и в утверждении ее преобладающего, даже исключительного влияния на турецком Востоке. По крайней мере, так понимал цель русской политики император Николай, который неоднократно это высказывал в определенных выражениях и неуклонно стремился к подобной цели. Сохранение существования слабой Турции до последней к тому возможности признавалось государем как средство к достижению целей своей политики, причем он никогда не задавался мыслью, в случае нежелательного падения Турции, окончательно разрешить Восточный вопрос одному, без участия других заинтересованных держав.

Тяжелое положение Порты, вызванное честолюбивыми замыслами Мехмеда-Али, предоставляло нам случай восстановить утраченное влияние на Босфоре. Как только в Петербурге было получено известие о враждебных против султана действиях египетского паши, государь немедленно приказал нашему консулу в Египте снять герб, спустить флаг и прекратить сношения с местными властями. Вслед за этим из Петербурга был отправлен к султану и Мехмеду-Али с чрезвычайным поручением генерал-лейтенант Н. Н. Муравьев, который должен был передать султану собственноручное письмо императора Николая, в котором государь порицал мятеж и подтверждал свою верную дружбу к Махмуду, несмотря на то, каков бы ни был ход событий⁵. Что касается Мехмеда-Али, то Муравьев должен был высказать ему осуждение государя как охранителя мира на Востоке и посоветовать, немедленно прекратив военные действия, обратиться для переговоров о мире непосредственно к своему сюзерену.

Отправляя чрезвычайного посла, император Николай напутствовал его следующими словами⁶: «Я хочу показать султану мою дружбу. Надобно защищать Константинополь от нашествия Мехмеда-Али. Вся эта война не что иное, как последствие возмутительного духа, овладевшего ныне Европой, и в особенности Францией. Самое завоевание Алжира есть действие беспокойных голов. Ныне они далее распространили влияние свое и возбудили египетскую войну... Надобно низвергнуть этот новый зародыш зла и беспорядка; надобно показать влияние мое в делах Востока».

*Карикатура на Восточный вопрос 1833 г.
(с английской гравюры)*

Прибытие Муравьева в Константинополь и известие о готовности нашего Черноморского флота отплыть по первому требованию султана в Босфор были встречены Портой с глубоким недоверием к нашим намерениям. Турецкое правительство находилось в то время под влиянием Франции и относилось с большим подозрением к поездке Муравьева в Египет, опасаясь вмешательства нашего посла в переговоры Порты с ее мятежным вассалом⁷. Недоверие было так велико, что прибывший вслед за Муравьевым в Александрию от имени султана Халил-паша даже уклонился от свидания с нашим уполномоченным и не уведомил его о своих мирных переговорах с египетским пашой.

Тем не менее продолжавшееся победоносное движение армии Ибрагима так подействовало на султана, что он решился наконец обратиться за помощью к России, и государь немедленно повелел принять меры к скорейшему удовлетворению турецких ходатайств. Эскадра адмирала Лазарева вышла из Севастополя к Босфору, генералу Киселеву было приказано двинуть за Дунай двадцатипятитысячный корпус войск, и, независимо от этого, в Одессе сажился на транспортные суда десятитысячный отряд, предназначенный для охраны Босфора; начальство над этим отрядом вверялось возвращавшемуся из Египта Муравьеву. В инструкции, данной начальнику десантного отряда, указывалось, между прочим, занять по укрепленному пункту на обоих берегах Бос-

фора, что Муравьевым не было выполнено как по неопределенности самого приказа, так и ввиду несоответствия топографическим свойствам побережья.

Прибытие в Босфор русской эскадры вызвало крайнее беспокойство как в руководящих турецких кругах, так и среди европейских дипломатов. На нашей стороне, по всей вероятности, находились только султан и двое или трое его советников; остальные же турецкие сановники считали пребывание наших войск и флота в Босфоре более опасным, чем победы Мехмеда-Али. Поэтому старания французского посла в Константинополе уладить распрю с египетским пашой при его посредстве нашли подготовленную почву, и Порты просила отослать нашу эскадру обратно.

Однако Мехмед-Али не принял французских предложений, и его войска заняли Смирну. Это вновь вынудило султана обратиться к России с просьбой о присылке сухопутных войск.

Появление русских знамен и русского флага у самых ворот Царьграда вызвало сильное возбуждение в Париже и Лондоне. Эскадры западных держав, в свою очередь, направились к столице Турции, но были остановлены у Дарданелл и в заливе Вурла вследствие решительного требования нашего правительства.

Чтобы избавиться от дальнейшего пребывания наших войск на Босфоре, англо-французской дипломатии оставалось последнее средство — убедить турок в необходимости заключить мир с египетским пашой. Будущий реформатор Турции Решид-бей вместе с французским уполномоченным Варенном отправился в стан Ибрагима, где и был подписан мирный договор, передавший Сирию во владение Мехмеда-Али, а Аданский округ по северную сторону Таврских проходов в личное владение его сына Ибрагима.

Ввиду неблагоприятного оборота дел в Константинополе император Николай решил отправить туда чрезвычайным послом генерал-адъютанта графа А. Ф. Орлова, на которого возлагалось все руководство переговорами с турками и начальствование над нашими сухопутными и морскими силами, сосредоточенными на Востоке.

Граф Орлов прибыл в Константинополь вслед за заключением мира с Мехмедом-Али пашой, а потому он не мог уже придать более решительного направления нашему вмешательству в турецко-египетскую распрю, и ему оставалось только удивляться, почему наши представители в Константинополе так медлили приглашением генерала Киселева выступить с его корпусом из Придунайских княжеств к Царьграду⁸. Но, считая заключенный мир непрочным, наш посол старался подготовить почву к тому, чтобы «после второго призыва нам прийти уже так, чтобы занять все».

Медаль в память пребывания русских войск на Босфоре

Вселяя в турках убеждение в большой пользе, которая может произойти для них от дружбы и покровительства такой могущественной державы, как Россия, Орлов вполне успел в достижении своей цели. «Здесь нет другого влияния, кроме русского, — писал он П. Д. Киселеву. — Самые яркие из министров должны были спустить флаг перед непоколебимой волей султана; даже общественное мнение отчасти за нас, таков плод удивительного поведения наших войск и флота... Я придерживаюсь с турками системы ласкать одной рукой, сжимая другую в кулак, и это привело меня к счастливому успеху».

И действительно, пребывание Орлова в Константинополе завершилось подписанием 26 июня 1833 года союзного с Турцией Ункиар-Искелесского договора, первоначальная идея которого была дана султаном генералу Муравьеву вслед за высадкой наших войск на берега Босфора. Император Николай Павлович отнесся очень благосклонно к такой мысли, считая осуществление ее соответствующим утверждению политического влияния России на Востоке, причем текст самого договора был выработан в Петербурге и одобрен государем.

Первая статья Ункиар-Искелесского договора указывала, что поелику союз имеет единственной целью взаимную защиту против всякого покушения, то Их Величества обещают согласоваться откровенно касательно всех предметов, которые относятся до их обоюдного спокойствия и безопасности и на сей конец подавать взаимно существенную помощь и самое действительное подкрепление».

Статьей третьей Россия обязывалась предоставить в распоряжение Блистательной Порты, если бы обстоятельства побудили эту последнюю вновь искать посторонней помощи, свои сухопутные и морские силы, какие будут признаны необходимыми.

Отдельная и секретная статья устанавливала, что «Блистательная Порта, взамен помощи, которую она, в случае нужды, обязана подавать по силе правил взаимности явного договора, должна будет ограничить действия свои в пользу Императорского Российского двора закрытием Дарданельского пролива, т. е. не допускать никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом».

В пятой статье договора обе стороны выражали чистосердечное намерение, чтобы их обязательство сохраняло силу до отдаленнейших времен, но, принимая во внимание, что новые обстоятельства могут потребовать изменений в договоре, постановили «определить срок его действия на восемь лет».

Способу ведения самих переговоров барон Бруннов дает следующую характеристику: «Никогда, — говорит он, — ни одни переговоры не были ведены в Константинополе с большей тайной и не были окончены с большей быстротой. Особенное искусство графа Орлова заключалось в том, что он привлек к ним (чтобы не сказать увлек) главных советников султана... Все они были вынуждены принять на себя ответственность за договор, подписанный ими вместе, причем они продолжали опасаться друг друга и удивлялись, видя имена свои одни возле других».

В наших дипломатических сферах Ункиар-Искелесскому договору приписывалось громадное значение. Он должен был завершить ряд усилий для утверждения преобладающего влияния России на Востоке и начать собой эру нашего деятельного участия в управлении судьбами населяющих его народов. По словам графа Нессельроде⁹, этим договором мы достигали двух важных преимуществ. Он должен был приостановить честолюбивые замыслы египетского паши и прекратить на будущее время колебания Порты между Англией, Францией и Россией, которая одна обязалась формальным трактатом оказывать ей помощь и покровительство. «Мы получили, — заканчивает граф Нессельроде, — законное основание для вооруженного вмешательства в турецкие дела».

Заключение Ункиар-Искелесского договора признавалось большинством современников и позднейших историков как полное торжество русской политики на Востоке, и подписание его было встречено дружным хором восторгов. «Отношения Порты к России, — писал по этому поводу барон Розен¹⁰, — походили на полную подчиненность, смягчаемую лишь умелым и приятным обхождением Бутенева». И доньше многие считают этот договор «искуснейшим шахматным ходом» нашей дипломатии¹¹, трактатом, «достойно завершающим ряд славных наших договоров с Портой»¹². Искусственность русско-турецкой дружбы сознавалась только императором Николаем и Н. Н. Муравьевым, отличным знатоком Востока. «Россия, — занес он в свои записки¹³, — дав-

ний враг Турции, поддерживает упадающее царство сие, и Турция должна положить лучшие свои надежды на Россию».

Что касается государя, то он высказал свое мнение еще за четыре месяца до Ункиар-Искелесского договора в разговоре с австрийским послом Фикельмонтом об участии России в турецко-египетской распри и об оказанной султану помощи. «Я не скрою от вас, — сказал государь¹⁴, — что эта приносимая мною жертва слишком противоречит нашим прежним отношениям к Турции, чтобы Россия могла чувствовать удовольствие, оказывая помощь султану. Этому препятствуют наши религиозные убеждения». Заметив далее, что Россия отказалась в своей восточной политике от преследования целей, намеченных императрицей Екатериной, государь закончил свой разговор следующим образом: «Я желал бы поддержать Турецкую империю, но, если она падет, то я не хочу ничего из ее обломков. Мне ничего не нужно»...

Весьма вероятно, что сообщение Фикельмонта о таком категорическом заявлении императора Николая повлияло на сочувственное отношение австрийского кабинета к заключенному нами договору. Как венский, так и берлинский дворы даже поздравили государя с успехом, что вызвало саркастическое замечание Пальмерстона: «Легко угодить Меттерниху!»

Впрочем, дружба Австрии к нам имела в то время своим основанием и особые причины, а именно страх перед революционным духом, торжествовавшим во Франции и пробуждавшимся во всей Западной Европе. Барон Бруннов особенно подчеркивает происшедшее в это время охлаждение между Австрией и Англией, которая, «увлекшись влиянием преобразовательных идей, последовала политическому и нравственному импульсу Франции». Венский двор лишился друзей на Западе, почему в этом отношении он вновь обратил взоры свои на Восток.

Но зато Ункиар-Искелесский договор был принят с нескрываемым неудовольствием в Париже и в Лондоне. Послы этих держав 27 августа заявили Блистательной Порте, что их правительства считают договор недействительным и оставляют за собой свободу и независимость действий. Такой же протест был предъявлен английским послом нашему вице-канцлеру в ноте от 17 (29) октября. «Если бы постановления этого трактата, — было сказано в ноте, — могли бы в будущем привести к вооруженному вмешательству России во внутренние дела Турции, то the British Government will hold itself at liberty to act upon such occasion in any manner, which the circumstances of the moment may appear to require, equally as if the Treaty above mentioned were not in existence». Британское и французское правительства оставили за собой свободу действий, «как если бы Ункиар-Искелесский договор вовсе не существовал».

*Памятник пребыванию русских войск на Босфоре в 1833 г.
(с русской литографии)*

Наше правительство заявило в двух ответных нотах¹⁵ английскому и французскому послам, что оно не понимает причин неудовольствия, и что, вероятно, оба правительства не ознакомились с договором, так как иначе они ничего не имели бы против акта, заключенного «dans un esprit pacifique et conservateur». В конце ответа петербургский кабинет присовокуплял, что императорское правительство, несмотря на протесты Англии и Франции, намерено в своих сношениях с Турцией придерживаться указанному образу действий, не обращая внимания на ничем не мотивированные их заявления¹⁶.

Такой ответ в Лондоне был найден «жестким и высокомерным». Английский кабинет с усиленной деятельностью начал подыскивать себе союзников, но все его старания не увенчались успехом. Австрия и Пруссия признали Ункиар-Искелесский договор без всяких оговорок, Швеция предупредила о своем строгом нейтралитете, если дело дойдет до англо-русского столкновения, а правительство Людовика-Филиппа соглашалось только на военную демонстрацию против России, но не считало возможным вступить с нами в действительную войну.

В Лондоне должны были смириться перед свершившимся фактом. Великобританский посол в Петербурге вручил графу Нессельроде новую ноту, заявлявшую на этот раз, что русско-турецкий договор не повредит добрым отношениям между обоими правительствами, а лорд Пальмерстон сильно понизил тон в своих беседах с нашим послом в Лондоне князем Ливеном; тем не менее он продолжал выражать опасения относительно увеличения на-

*Ибрагим-паша (с русской гра-
юры, по рисунку Богги, 1826 г.)*

шего черноморского флота, протестовал против укрепления Аландских островов и жаловался на наши вооружения.

Английская «любезность»¹⁷ заставила и наш кабинет быть несколько предупредительнее. Князю Ливену было поручено объяснить великобританскому правительству, что черноморский флот не увеличен, а балтийский содержит судов не более того числа, которое было во времена Екатерины II, и что «укрепления» Аландских островов сводятся к постройке казарм для двух батальонов, которые, разумеется, не могут угрожать безопасности Великобритании.

К этому же времени относится свидание императора Николая с королем прусским в Шведте и с императором австрийским в Мюнхенгрее, закрепленные союзными договорами между тремя континентальными монархами, договорами, которые, как известно, направили дальнейшее течение русской политики в особое, несколько своеобразное русло. В Мюнхенгрее, между прочим, была заключена и особая секретная конвенция, имевшая, по мнению современников, целью расчленение Османской империи¹⁸.

Заключению конвенции предшествовал приведенный уже выше разговор государя с графом Фикельмонтом, а также переговоры между австрийским канцлером и нашим послом в Вене Татищевым. Мысли, высказанные при этом князем Меттернихом, вполне согласовались и с предначертаниями императора Николая. Знаменитый австрийский дипломат заявил, что в случае падения Турции он не допускает возможности возникновения на ее месте какого-либо могущественного государства, способного угрожать России и Австрии. Последняя «предпочла бы учреждение независимых государств Молдавии, Валахии, Сербии, Боснии, Болгарии и Албании, из которых христианские будут находиться под властью князей, а мусульманские — ханов. Австрия ни за что не допустит, чтобы государь, который получит берега Босфора и сделает Константинополь своей столицей, принял титул императора»¹⁹.

Сущность Мюнхенгреевской конвенции 18 сентября 1833 года заключалась в следующем. Россия и Австрия обязывались под-

держивать существование Османской империи под управлением царствовавшей династии и «противостоять общими силами всякой комбинации, которая наносила бы ущерб правам верховной власти в Турции или учреждением регентства, или же совершенной переменой династии». Особыми добавочными и секретными статьями договаривавшиеся стороны обязывались препятствовать распространению власти египетского паши на европейские провинции Турции, если Османской империи будет суждено перестать существовать, и действовать в полном согласии относительно всего, что касается порядка, «имеющего заменить ныне существующий».

Наше Министерство иностранных дел ставило состоявшееся с Австрией соглашение в непосредственную связь с Ункиар-Искелесским договором. Насколько последний, по мнению органов графа Нессельроде, обеспечивал наше преобладающее влияние на Востоке, настолько же вновь подкрепленный союз с Австрией и Пруссией являлся могучим оплотом против англо-французских стремлений и низводил Австрию к роли второстепенной или, вернее, к беспрекословному следованию за нами.

В действительности же дело обстояло несколько иначе. Англия и Франция напрягали все усилия, чтобы вернуть утраченное на берегах Босфора влияние, а Австрия и не думала отречься от преследования своих личных целей.

Заменивший князя Ливена на посту нашего посла в Великобритании граф Мемел убедился из бесед с английскими государственными людьми, что нет возможности уверить Англию в бескорыстии русской политики, что ее кабинет будет пользоваться всяким случаем «nuire à notre intimité avec la Porte», и если британское правительство готово вступить с нами в соглашение для поддержания Османской империи, то единственно с целью контролировать степень нашего влияния²⁰.

И это не было лишь мнением лиц, стоявших в то время во главе великобританского правительства, а руководящим началом всегдашнего отношения этого правительства к нашей политике на Востоке. В декабре 1834 г. министерство лорда Грея должно было уступить место тори, и граф Мемел услышал от Роберта Пиля и Веллингтона то же самое, что ему пришлось раньше слышать от Пальмерстона²¹. Герцог Веллингтон старался даже разъяснить нашему представителю, что Ункиар-Искелесский договор сам по себе вовсе не обеспечивает преобладающего положения России на Востоке. «Ведь само императорское правительство, — говорил он, — убеждено и нам доказывает, что договор не имеет действительного значения (*importance réelle*) — так почему бы, с согласия султана, и не отменить акта, возбуждающего ненависть во всех странах и в особенности в Англии».

*Аллегорическое изображение 2-й Турецкой войны
(с гравюры Энгельбрехта)*

Профессор Мартенс, приводя из донесения графа Медема это изречение, замечает, что известное уважение, с которым император Николай относился к герцогу Веллингтону, не осталось без влияния на решение государя не возобновлять Ункиар-Искелесского трактата.

В марте 1835 года физиономия лондонского правительства вновь изменилась, и во главе его стал кабинет лорда Мельбурна, имея министром иностранных дел лорда Пальмерстона, который свою деятельность по отношению к России ознаменовал целым рядом враждебных протестов²². Величавое спокойствие петербургского двора окончательно вывело из терпения благородного лорда, который в припадке раздражения объявил графу Поццо ди Борго, нашему новому послу в Лондоне, что «Европа спала слишком долго; она пробуждается, чтобы положить предел системе захватов, которую император желает применять на всех концах своего обширного государства. Англия должна исполнить свою роль покровительницы независимости народов». Одновременно с враждебностью лондонского кабинета шло и возбуждение общественного мнения Англии против России.

Но лорд Пальмерстон не ограничивался пререканиями с нашими представителями в Лондоне, а преследовал и более существенную цель противодействия русскому влиянию в Константи-

нополе, которая настойчиво выполнялась английским послом при Порте лордом Понсонби.

Придравшись к пустому случаю оскорбления английского подданного Черчилля, представитель Великобритании потребовал смены реиса-эфенди Акифа-паши и известного своей приверженностью к России начальника султанской гвардии Ахмеда. Уклончивый ответ Порты вызвал со стороны лорда Понсонби громовую ноту, в которой он утверждал, что Россия, Австрия и Пруссия на совещании в Теплице решили разделить Турецкую империю, которая продолжает существовать единственно благодаря Великобритании. Испуганная Порта поспешила заменить Акифа-пашу английским кандидатом Хулусси-пашой, все приверженцы России во главе с сераскиром Хозревом-пашой были отстранены от своих мест или удалены в ссылку, и среди советчиков султана перевес перешел на сторону противников русско-турецкого соглашения.

В 1837 году русскому влиянию в Константинополе был нанесен новый удар назначением на пост реиса-эфенди Решида-паши, который являлся олицетворением танзимата, т. е. реформ Турции. Решид-паша поставил себе целью заслужить доверие западноевропейских держав и всю свою деятельность направил на упорядочение финансов государства и экономической жизни страны. Появился целый ряд гатти-шерифов о наказаниях за продажность чиновников, об обеспечении их постоянным содержанием, об отмене податных откупов, и, что всего важнее, Порта вступила в переговоры с западными державами о торговых трактатах. Такой договор с Великобританией был заключен 16 августа 1839 года, и он, несомненно, явился одним из могучих средств для упрочения в Константинополе влияния держав, которые имели наиболее значительные торговые обороты с Османской империей.

Бороться с морскими державами в Турции на почве экономического влияния и торговли нам представлялось невозможным. Порта могла искать русского покровительства и защиты в минуту непосредственной военной опасности, но в обыкновенное время, когда дело касалось исключительно экономических интересов, наша дружба не имела для турок особого значения. Поэтому влияние наше в Царьграде естественно падало, хотя петербургский кабинет и сознавал, что «главная опасность в Константинополе, и Бутеневу следует быть весьма бдительным, чтобы Порта нам не изменила»²³.

Нельзя искать причины умаления нашего значения на берегах Босфора в ошибках русских дипломатов; она лежала более глубоко, а именно в руководящих основах нашей политической программы относительно Турции, принятой после Адрианопольского мира.

*Аллегорическое изображение Чесменской битвы
(с гравюры И. Нильсона)*

Секретный комитет 1829 года поставил целью русской политики иметь соседом Турцию слабую, неспособную к внутреннему и внешнему росту, а потому вполне естественно, что мы и не могли поддерживать турецких реформ, направленных к укреплению и обновлению империи оттоманов. Мы считали ее обреченной на неминуемое в ближайшем будущем падение и заблаговременно желали условиться с Англией и Австрией относительно нового устройства судьбы турецких областей.

Совершенно другого взгляда придерживался в этом отношении лорд Пальмерстон. Он являлся убежденным защитником живучести Турции и возможности ее долгого и самостоятельного существования. «Я расположен думать, — писал он сэру Бульверу в конце 1838 года²⁴, — что ежедневно развивающиеся сношения между Турцией и прочими странами Европы должны в непродолжительном времени разъяснить недостатки турецкой системы и повести к различным в ней улучшениям».

Что касается французского правительства, то, сочувствуя Мехмеду-Али, оно не было расположено поддерживать целостность Оттоманской империи, но оно, подобно Англии, опасалось нашего преобладания на Востоке и нисколько не сомневалось в завоевательных замыслах России.

Австрия в этом отношении была спокойна, так как знала, что император Николай не нарушит данного им в Мюнхенгрееце слова²⁵, но князя Меттерниха смущали другие обстоятельства. Он более всего заботился о том, чтобы на Востоке не было никаких потрясений, а поэтому одинаково опасался и покровительствуемых Англией «улучшений», которые ему казались «революционными», и исключительного влияния России на Порту, которое могло повести к возбуждению среди турецких славян и вызвать нежелательные осложнения.

Лорд Пальмерстон и князь Меттерних одинаково были убеждены, что единственным средством разрешения Восточного вопроса может служить установление общеевропейского покровительства над Турцией и подвластными ей народами. Более откровенный лорд Пальмерстон определенно заявил, что прежде всего Порте необходимо отделаться от Ункиар-Искелесского трактата. Единственное средство для этого он видел в «погружении его в какой-либо общий договор такого же рода».

Случай для осуществления желания великобританского министра вскоре представился.

Кутахийский мир не удовлетворил Мехмеда-Али, и он продолжал стремиться к заветной своей цели — независимости Египта; султан Махмуд, в свою очередь, желал восстановить утраченную власть в захваченных египтянами областях и унижить гордого вассала. Столкновение между противниками делалось неизбежным, и все державы усиленно занялись принятием мер к его предупреждению.

Лондонский кабинет вступил в переговоры с парижским с целью заставить Мехмеда-Али отказаться от своих честолюбивых планов, и идея руководителя английской политики состояла в том, чтобы, в случае надобности, великобританский, французский и русский флоты оказали бы Порте поддержку на море, а Австрия — на суше.

Между тем осложнения на Востоке развивались с большой быстротой. Султан Махмуд отправил против египтян отборную армию Гафиза-паши, которая вступила в апреле 1839 года в Сирию. Это еще более беспокоило лорда Пальмерстона, который немедленно обратился к парижскому кабинету с новым предложением принять меры для предупреждения возможного поражения Турции и вторичного искания ею опоры у одной России. С этой целью великобританский кабинет предлагал обратиться и в Вену для совместного представления России о необходимости заключить общеевропейское соглашение в видах поддержки Оттоманской империи. Мысли лорда Пальмерстона встретили самое живое сочувствие в Вене и Париже. Результатом начавшейся оживленной дипломатической переписки явилось приглашение

австрийским двором прочих держав к участию в совещании по делам Востока, которое предполагалось собрать в Вене. Франция и Англия уже заблаговременно выразили свое согласие на эту меру, и таким образом удача предпринятого западными державами дипломатического шага зависела от решения России.

Наш кабинет, однако, решительно отказался от участия в совещании. Граф Нессельроде в своей депеше русскому поверенному в делах в Вене Струве объяснял этот отказ такими соображениями²⁶: Англия и Франция, по мнению вице-канцлера, вовсе не имели в виду сохранения независимой Турции как залога безопасности России. Они только стремились к учреждению там порядка, прямо враждебного нашим интересам, и задались мыслью освободить Порту из-под влияния России, поставив ее под покровительство всех европейских держав. Подобную общеевропейскую гарантию граф Нессельроде совершенно основательно полагал исключительно направленной против нас, «поэтому, — прибавлял он, — требовать от нас, чтобы мы дали Порте такую гарантию, значит требовать от нас невозможного и безрассудного».

Этот ответ нашего кабинета привел в отчаяние князя Меттерниха, который до того вышел из себя, что решился заметить Струве, будто «пришло для России время сбросить маску, которой она закрывается, когда дело касается Восточного вопроса»²⁷.

Между тем в депеше вице-канцлера Татищеву от 24 августа 1839 года точка зрения русского правительства была выражена более определенно. Граф Нессельроде объяснял, что Россия готова специально поручиться за исполнение соглашения между Портой и Египтом, но при условии, что Франция и Англия подпишут декларацию об отказе их от идеи общей гарантии целостности Оттоманской империи, провозгласят закрытие Дарданелл и Босфора для военных судов как во время мира, так и во время войны и откажутся от введения своих эскадр в Мраморное море в случае появления русских войск на берегах Босфора²⁸.

Возможность такого факта уже предвиделась в наших дипломатических кругах. Еще в половине 1838 года граф Поццо ди Борго советовал нашему правительству серьезно готовиться к тому времени, когда султан обратится к России за помощью, и рекомендовал, чтобы эта помощь была оказана значительной армией, потому что, «только заняв прочно Босфор и Дарданеллы, Россия может спокойно ожидать событий». И действительно, в 1839 году Турция сразу лишилась государя, армии и флота. Султан Махмуд скончался вскоре после победы египтян над Гафиз-пашой, а через несколько дней египетскому паше передалась и турецкая эскадра под флагом Ахмеда-Февзи-паши.

Однако новый султан Абдул-Меджид не обратился к нам за помощью, а вступил в переговоры с Мехмедом-Али, предлагая

*Фейерверк в Царском Селе по случаю мира с Турцией
(с русской гравюры конца XVIII столетия)*

ему удовольствоваться наследственным владением — Египтом. Честолюбивый вассал этим не ограничился и потребовал предоставления ему управления всей империей в звании верховного визиря. Порта сочла тогда необходимым обратиться за помощью к представителям всех держав.

Посланники, в том числе и наш представитель Бутенев, собрались на совещание у австрийского интернунция и решили предъявить Порте общую ноту, в которой заявляли, что согласие России, Австрии, Франции, Великобритании и Пруссии в египетском вопросе обеспечено. Это заявление, по словам лорда Понсонби, «придало Порте силу и мужество, чтобы противиться требованиям паши и защищать права султана».

В действительности же ввиду отказа петербургского двора от возможности общеевропейской гарантии Оттоманской империи согласия между державами еще не существовало, хотя его и можно было предвидеть благодаря образовавшейся группировке держав.

1833 год в Турции повториться не мог, и о призыве наших войск султаном нельзя было и думать. Абдул-Меджид вполне подчинился влиянию Англии, которая поддерживала Решида-пашу в его реформаторской деятельности, и был далек от мысли возобновлять с нами Ункиар-Искелесский договор. Венский кабинет, видимо, также склонялся на сторону английской политики; Франция, соединясь с Анг-

*Барон Ф. Бруннов, русский
посол в Лондоне
(с литографии Бельяра,
по фотографии Пирсона)*

лией против России, по словам графа Поццо ди Борго, «положит громадную тяжесть»²⁹.

Такая политическая комбинация, являясь прелюдией обстановки 1854 и 1855 годов, делала вероятным открытое столкновение России с Европой на почве турецких дел еще за четырнадцать лет до разгоревшейся впоследствии Восточной войны. Ввиду этого, говорит профессор Мартенс³⁰, является понятным решение императора Николая Павловича предупредить скрепление союза великих западноевропейских держав против России.

Но у государя были и другие побуждения не отказываться от вступления в общие переговоры. Он, как известно,

стремился к восстановлению Шомонского союза 1814 года с целью сплотить между собой консервативные государства Европы, а в том числе и Великобританию, эту «vieille amie et alliée», к которой питал особое расположение, несмотря на неблагоприятные отзывы наших дипломатов об ее государственных людях. И эта симпатия государя к Англии особенно укрепилась во время пребывания в Петербурге великобританского посла лорда Дюргема, искренно полюбившего Россию. Выгода сердечного соглашения между обоими государствами, в видах поддержания европейского мира и их собственных интересов, сознавалась, впрочем, и руководителями внешней политики этих стран. «Как только Россия и Англия придут к соглашению», — говорил лорд Пальмерстон³¹, — то мир в Азии будет обеспечен»³². Граф же Нессельроде был того мнения, что между Россией и Англией не существует никаких недоразумений, кроме простых предубеждений. По его словам³³, Россия не желает ни оспаривать у Англии ее морского влияния, ни делать из Средиземного моря русского озера, ни уничтожать империю оттоманов, ни, наконец, низвергнуть британское владычество в Индии³⁴.

Поручение отвлечь Великобританию от совместных действий и союза с Францией было с 1839 года возложено на нашего посланника в Штутгарте барона Филиппа Бруннова, и такая задача была не из легких. Граф Поццо ди Борго еще в апреле этого года доносил из

Лондона³⁵, что английское общественное мнение заражено дуновением правительства (*par le souffle du gouvernement*) и возбуждено против России, и что деятельность английского кабинета обнаруживала план систематической враждебности против нас. И действительно, великобританское правительство в течение целого ряда лет пользовалось всяким удобным случаем, чтобы жаловаться на русскую политику. Оно обвиняло нас в подстрекательстве персидского шаха в походе на Герат и в желании утвердить наше влияние в Афганистане, спорило с нами по делам Турции и Бельгии, оспаривало наши права на восточном побережье Черного моря, считало Ункиар-Искелесский договор недействительным и обвиняло наше правительство, по поводу его заключения, в стремлении поработить Турцию и захватить ее владения.

Барон Бруннов должен был одновременно вести в Лондоне переговоры о делах турецких, персидских и греческих³⁶. Наиболее важными были переговоры о Турции, в которых наш кабинет пошел на большие уступки относительно Англии. Россия соглашалась на свое участие в коллективной гарантии турецко-египетского соглашения, отказалась от возобновления Ункиар-Искелесского договора и принимала на себя обязательство явиться в случае надобности на Босфоре с вооруженной силой не на основании своего частного договора с Портой, а в качестве уполномоченной представительницы всей Европы. Эти предложения наш кабинет обуславливал, однако, отказом морских держав от объявления неприкосновенности владений Османской империи, их согласием на закрытие проливов для военных судов всех наций и отказом Франции и Англии от посылки в Мраморное море военных флотов для охраны турецкой столицы.

Великобританское правительство приняло наши предложения с нескрываемым удовольствием, и барон Бруннов счел себя вправе утверждать, что «Англия пока еще не с нами, но она уже более и не с Францией»³⁷. Нельзя не признать такого заключения нашего дипломата несколько поспешным. Конечно, отказ России от возобновления Ункиар-Искелесского договора и от самостоятельного отношения к Турции, с заменой его коллективным воздействием всех держав, представлялся для Великобритании таким большим успехом, что английские министры готовы были несколько разойтись с Францией, но подобное охлаждение было временное и скорее вызывалось текущими политическими разговорами частного характера на почве египетского вопроса³⁸. И действительно, в январе 1840 года добрые отношения между морскими державами вновь восстановились, и Пальмерстон заявил французскому послу, что он «никогда не думал разрывать союза с Францией и в особенности приносить его в жертву России». По его словам, соглашение с нами состоялось по одному

*А. П. Бутенев, управляющий
посольством в Константинополе
(с фотографии с натуры)*

лишь вопросу; по всем прочим союз с Францией остается в прежней силе.

Однако с.-джемский кабинет не сразу принял наши предложения и потребовал внесения в будущую конвенцию поправки, допускавшей появления флотов западных держав в Дарданеллах одновременно с появлением наших военных сил на Босфоре. Императорское правительство согласилось и на эту поправку, но переговоры благодаря новым требованиям лорда Пальмерстона еще затянулись. Английский министр выдвинул вопрос об участии в европейской конференции по делам Востока также и Турции и прилагал новые усилия для достижения соглашения между Великобританией и Францией. Он всеми силами убеждал французского посланника Гизо

воспользоваться настроением России, чтобы ввести Восточный вопрос в европейское международное право. «Достаточно будет для всех, — говорил Пальмерстон, — если держава, стремящаяся к исключительному протекторату над Турцией, откажется от него и свяжет себя договором».

Но французское правительство относительно Египта осталось при своем мнении, а кабинет лорда Мельбурна не решался заключить конвенции, в которой не приняла бы участия и Франция. Только решительное заявление Пальмерстона о выходе из состава кабинета поколебало наконец упорство его товарищей. Английский министр иностранных дел объяснял, что если европейские державы не воспользуются сговорчивостью России, то она возьмет обратно свои предложения и будет стремиться к заключению нового Ункиар-Искелесского договора с Турцией, но в еще более неблагоприятной для Англии форме. Оттоманская империя разделится, таким образом, на две части, из которых Египет будет послушным орудием в руках Франции, а особенно Турция — в руках России; при этом в обеих частях английское влияние будет совер-

шенно уничтожено, и великобританские торговые интересы нарушены³⁹. Лорд Пальмерстон даже лично отправился к королеве и представил ей по этому поводу доклад, на котором она поставила собственноручную надпись: «Highly approved».

При таких обстоятельствах была заключена конвенция 3 (15) июля 1840 года между Россией, Австрией, Пруссией, Англией и Турцией; в ней не приняла участия только Франция.

Первой статьей конвенции четыре державы приняли на себя обязательство соединить свои единодушные усилия к побуждению Мехмеда-Али согласиться на условия, предложенные ему султаном.

Вторая статья определяла действия держав в случае отказа египетского паши согласиться с предложением договаривающихся держав. Они обязывались в этом случае оказать султану вооруженную помощь, предварительно приняв меры к прекращению морского сообщения между Египтом и Сирией.

По третьей статье, державы обязывались принять сообща меры для защиты Константинополя, если Мехмед-Али направит туда свои войска, причем военные силы договаривающихся государств должны оставаться в турецкой столице лишь столько времени, сколько потребует султан.

«Эта мера, — говорится в четвертой статье, — не будет отменять старого права Османской империи, в силу которого военным судам иностранных держав во все времена запрещалось входить в Дарданелльский и Босфорский проливы». Султан решил сохранить это начало, а державы обязывались уважать такое решение⁴⁰.

Пруссия, со своей стороны, объявила особым протоколом 2 (14) августа, что в случае возникновения вооруженного столкновения между державами из-за Восточного вопроса ее участие в конвенции не пойдет далее строгого нейтралитета.

Представители России, Австрии, Великобритании и Пруссии в сентябре подписали новый протокол, которым соглашались при выполнении обязательств, принятых на себя конвенцией 3 июля, не искать никакого увеличения территории, ни исключительного влияния в Турции и торговых преимуществ в ней для своих подданных. Уполномоченный Порты Хекиб-паша принял к сведению эту декларацию.

Заключение конвенции вызвало взрыв негодования во Франции, и парижский кабинет, обвинив Англию в «измене», начал готовиться к открытому разрыву. Дело едва не дошло до вооруженного столкновения между обеими морскими державами, и император Николай поручил барону Бруннову объявить великобританскому правительству, что русская эскадра немедленно придет на помощь к англичанам⁴¹. Тучи, однако, вскоре рассеялись. С.-Жан д'Акр был взят турецкими войсками, подвезенными англо-авст-

рийской эскадрой, а великобританский флот появился под флагом адмирала Непира у Александрии, и Мехмед-Али был принужден принять условия лондонской конференции. Франция, видя свое одиночество и невозможность дальнейшей борьбы за египетского пашу, вновь начала искать сближения с Англией.

Это дало возможность лорду Пальмерстону сделать дальнейший шаг к довершению своей заветной мечты подчинить турецкие дела общему надзору европейского концерта. Он обратился с вопросом к барону Бруннову, не сочтет ли наше правительство своевременным заключить новую, более определенную конвенцию о проливах, но на этот раз и при участии Франции. Парижский кабинет действительно предлагал заключить новый договор, который гарантировал бы неприкосновенность Турции, проводил бы христианские пожелания в пользу населения Сирии, а также разрешал бы вопросы о суэцком коммерческом пути и о закрытии проливов.

Но французский проект в полном его объеме встретил самое решительное противодействие не только со стороны барона Бруннова, но и лорда Пальмерстона. В покровительстве христианской религии в Сирии русский посланник и английский министр одинаково видели право вмешательства Франции во внутренние дела Турции, что представлялось вполне нежелательным⁴². Были отвергнуты также предложения о гарантии неприкосновенности Османской империи и вопрос о суэцком коммерческом пути и, таким образом, из всего французского предложения был принят лишь один последний пункт о закрытии проливов.

Новая конвенция о проливах была подписана представителями России, Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии и Турции 1 (13) июля 1841 года и отличалась от 4-й статьи конвенции предыдущего года тем, что устанавливала закрытие проливов, «пока Порты находятся в мире»⁴³.

Нельзя не признать, что такая оговорка давала Турции полную возможность пропускать во время войны суда своих союзников через проливы, а потому глубоко ошибался барон Бруннов, высказывая свою искреннюю радость по случаю подписания международного акта, в составлении которого он принимал такое деятельное участие. Со своей стороны, и император Николай, проникнутый победными донесениями своего посла, полагал, что лондонская конвенция навсегда обеспечивала полную безопасность наших владений на Черном море⁴⁴. Последующие события показали, что это обеспечение являлось мнимым, и в 1854—1855 гг. англо-французский флот свободно бомбардировал русское черноморское побережье.

Июльская конвенция 1841 года послужила к началу восстановления согласия между Англией и Францией, которое не замедлило еще более укрепиться последующими событиями. Осенью это-

го года на смену министерства лорда Мельбурна явился кабинет Роберта Пиля и лорда Абердина, не участвовавших в причинении Франции дипломатического поражения, а приезд в эту страну королевы Виктории окончательно довершил новое скрепление англо-французской дружбы.

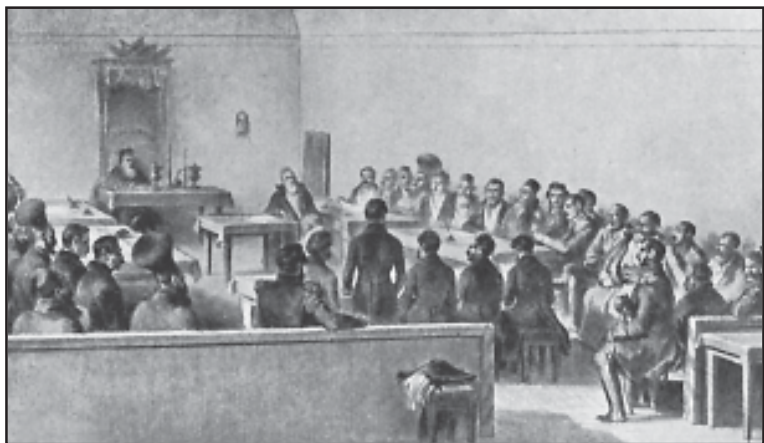
Наше правительство совершенно ошибочно полагало, что барон Бруннов успел окончательно похоронить эту дружбу, и еще в 1850 году граф Нессельроде не успел отказаться от этого заблуждения. В своем обзоре нашей внешней политики, представленном государю ко дню двадцатипятилетия вступления на престол, канцлер, между прочим, писал, что конвенции 1840 и 1841 годов «сохранили навеки» Ункиар-Искелесский договор, хотя и отмененный «по виду», и «обеспечили нас от какого бы то ни было нападения с моря». При этом граф Нессельроде выражал свою уверенность, что «замешательства на Востоке имели одним из важнейших для нас последствий распадение англо-французского союза»⁴⁵ ...

Одержанные английской дипломатией успехи и непосредственное участие Великобритании в усмирении Мехмеда-Али сильно подняли ее влияние на турецком Востоке. Центр тяжести Восточного вопроса переместился благодаря ловкому шахматному ходу в Лондон.

На Балканском полуострове события, между тем, шли своим чередом. Молдавия и Валахия отдельным актом Аккерманской конвенции 1826 года и Адрианопольским мирным трактатом были поставлены под особое покровительство России, и для управления этими княжествами предполагалось выработать особые уставы.

В 1828 году, в начале возгоревшейся русско-турецкой войны молдавский и валахский господа были сменены «за навлечение на себя крайнего неудовольствия государя», и во главе местного управления стал особый русский полномочный председатель диванов генерал-адъютант П. Д. Киселев. Составление же органических уставов обоих княжеств было возложено на особый комитет под председательством нашего генерального консула Минчаки, который должен был руководствоваться инструкцией, выработанной статс-секретарем Дашковым.

В 1831 году работы комитета были окончены, статуты выработаны, одобрены и приняты валахским и молдавским диванами. На основании заключенной в Петербурге в 1834 году особой конвенции Порты обязывалась утвердить органический статут обоих княжеств и обнародовать его отдельным гатти-шерифом, по издании которого наши войска должны были очистить княжества. И действительно,

*Заседание бояр в Бухаресте
(с литографии Лемерсье, по рисунку Раффле)*

после назначения в апреле этого года Михаила Стурдза молдавским господарем, а Александра Гика валахским, наши войска покинули княжества, несмотря на доводы П. Д. Киселева, который в особой секретной записке⁴⁶ убеждал, что «Россия в течение столетия не для того подвигалась вперед, чтобы остановиться на берегах Прута». Восемь лет управления господаря Гики прошли довольно спокойно, но в 1842 году собрание бояр обратилось на него с жалобой в Петербург и в Константинополь. В Бухарест в качестве чрезвычайного комиссара был немедленно отправлен генерал Дюгамель, на основании расследования которого петербургский кабинет потребовал от Порты смещения Гики. Господарем был избран Георгий Бибеско.

В том же 1842 году произошли волнения и в Сербии. Этой страной управлял князь Милош Обренович, признанный еще фирманом 1830 года наследственным князем сербского народа. Вообще упомянутый фирман предоставлял Сербии почти полную самостоятельность. Он обеспечивал княжеству свободу вероисповедания, передавал внутренние дела страны в управление князя и совета старейшин, не допускал турецких чиновников вмешиваться в сербские дела, запрещал мусульманам селиться в Сербии и предоставлял князю содержать в Константинополе агентов для сношений с Портой. Зависимость Сербии от Турции выражалась только платежом ежегодной дани и оставлением турецких гарнизонов в сербских крепостях⁴⁷.

Барон Бруннов замечает по этому поводу в лекциях, читанных наследнику цесаревичу⁴⁸, что фирман 1830 года не был формально признан нашим кабинетом. «В наши виды, — писал барон, — не

входит давать слишком большого развития власти правителя, неправильная администрация которого уже вызвала много жалоб со стороны сербов. Объявленное Милошу неудовольствие государя внушает ему опасения, которые наталкивают его на ложную дорогу и побуждают искать у иностранных держав опоры против России». Свои объяснения барон Бруннов заканчивал рассуждением о неблагодарности народов, которая «служит нам поводом к тому, чтобы не идти далее и не эмансипировать вполне (турецких) областей».

Петербургский кабинет действовал в смысле ограничения власти неприятного ему сербского князя. Наш представитель в Бухаресте Рикман поддерживал сношение с сербскими великошами, которые желали достигнуть политического положения румынских бояр, и по нашему настоянию Порты издала в 1838 году особый фирман, который ограничивал власть сербского князя в пользу образованного из великош сената. Вслед за этим князь Милош отрекся от власти, и, после смерти его старшего сына Милана, сербским князем сделался младший сын Михаил.

Однако такая перемена не дала спокойствия княжеству. Против нового режима восстали сербские либералы, так называемые «уставобранители», пользовавшиеся поддержкой турецкого коменданта Белградской крепости. Князь Михаил принужден был бежать, а созданная временным правительством скупщина избрала князем Александра Карагеоргиевича. Порта утвердила этот выбор без предварительного сношения с петербургским кабинетом, чем вызвала крайнее неудовольствие со стороны императора Николая, который решил даже послать в Сербию особого чрезвычайного комиссара и вступил в переговоры с Австрией о пропуске в Сербию двадцатитысячного отряда русских войск. Дело, однако, окончилось мирно, так как Александр Карагеоргиевич добровольно отказался от своего звания, а вновь созданная скупщина избрала его вторично. Порта утвердила новое избрание, но на этот раз с нашего согласия.

В начале сентября 1843 года произошел переворот и в Греции, преобразовав это государство в конституционную монархию. Во главе правительства стали представители либеральной партии, отверженцы Великобритании и Франции. Наше правительство отозвало после этого из Афин своего представителя, Катакази, и на его место не был назначен новый посланник. В 1844 году Россия признала все-таки новый порядок в Греческом королевстве.

Имевшая место в том же году поездка императора Николая в Англию не принесла в отношении нашей восточной политики тех плодов, на которые, со свойственным ему оптимизмом, рассчитывал барон Бруннов. Хотя графом Нессельроде и был составлен после бесед с лордом Абердином одобренный английским мини-

*Александр Гика, молдаванский
господарь
(с австрийской литографии)*

стром меморандум, который напоминал в своих выводах пункты Мюнхенгретцкой конвенции, но ему не было суждено получить обязательную силу⁴⁹. Предубеждение лондонского кабинета не было рассеяно, и спустя четыре года противоположность нашей и английской политики на Востоке проявилась во всей своей резкости. И действительно, по мнению графа Нессельроде⁵⁰, «две причины содействовали всеобщему восстанию народов: бессмысленная страсть к демократическим установлениям и сумасбродная идея перестроить общественное право на воображаемом принципе расы, языка и национальности», между тем как английское правительство избегало «всякой войны идей» и поддерживало

революционные движения чуть ли не во всех странах Европы.

Волнения коснулись также и балканских областей. В Валахии вспыхнуло восстание; господарь Бибеско отрекся от власти и уехал в Австрию, а в Бухаресте было организовано временное правительство, которое ввело вместо органического статута либеральную конституцию. Султан, по совету английского посла, отправил в Бухарест своего комиссара Сулеймана-пашу, который, получив от временного правительства 20 тысяч червонцев, начал действовать в его пользу; он для вида распустил это незаконное правительство, образовав вместо него наместничество, в состав которого вошли, однако, все те же члены, и стал доказывать необходимость введения реформ. Лорд Пальмерстон, со своей стороны, горячо поддерживал эту идею и успокоился только тогда, когда русская оккупация княжеств стала свершившимся фактом.

Наше правительство принуждено было заняться выработкой мер, могущих предотвратить в будущем повторение смут, и потребовало от Порты заключения особого договора относительно тех изменений, которые предполагалось ввести в управление княжествами. Желание России было исполнено в форме особой декларации, подписанной 19 апреля 1849 года на даче великого визиря Балте-Лиман.

Согласно заключенному договору, избрание господарей заменялось назначением их на семилетний срок властью султана; дарованный княжествам в 1831 году органический устав сохранял свою силу; созыв собраний бояр отменялся, а для пересмотра существовавших установлений в Яссах и Бухаресте учреждались ревизионные комитеты из «заслуживающих уважение» бояр. Кроме того, до восстановления в княжествах спокойствия там должны были оставаться отряды русских и турецких войск, силой от 25 до 30 тысяч каждый. После водворения в обеих провинциях спокойствия в них должно было остаться по 10 тысяч человек с каждой стороны, а «по окончании работ по органическому улучшению и укреплению внутреннего спокойствия в обеих странах» войска должны были очистить княжества, но оставаться наготове немедленно вступить в них снова. Пребывание русско-турецких войск в княжествах в действительности ограничилось более коротким сроком, и к началу 1851 года оккупация этих провинций была окончена. Об этом с особой энергией хлопотал между прочим и лорд Пальмерстон, который создавал себе, таким образом, друзей среди либеральных румынских бояр и их многочисленных приверженцев.

Враждебное настроение английского правительства к России обнаружилось также по поводу требования, предъявленного Порте петербургским и венским кабинетами относительно выдачи участников венгерского восстания, которые нашли убежище в Турции. Наши требования опирались при этом на статью 2-ю Кучук-Кайнарджийского договора, истинный смысл которой с большой энергией оспаривался лордом Пальмерстоном. Неодинаковое толкование статей этого договора, обнаружившееся уже в середине первой половины прошлого века, вновь всплывало, таким образом, наружу и вновь прошло незамеченным для нашего Министерства иностранных дел. Следует, впрочем, отметить, что барон Бруннов хотя и доказывал лорду Пальмерстону правильность нашей ссылки на Кучук-Кайнарджийский договор, но в своем секретном донесении графу Нессельроде признавал возражения английского министра «*parfaitement juste*»⁵¹.

Великобританским послом в Константинополе в то время уже был сэр Страдфорд Каннинг, впоследствии знаменитый лорд Редклиф, который советовал султану противиться нашим требованиям. Однако, вопреки этим советам, султан отправил в Петербург Фуада-эфенди с особым поручением к императору Николаю. Это неповиновение султана вызвало бурю со стороны английского посла, который не постеснялся пригласить эскадру адмирала Паркера приблизиться к турецкой столице, и адмирал прошел мимо спокойно его созерцавших турецких батарей и замков через Дарданеллы и бросил якорь в Мраморном море. Такое беспримерное

нарушение конвенций 1840 и 1841 годов о закрытии проливов вызвало справедливое негодование императора Николая Павловича. На представленном по этому поводу графом Нессельроде докладе государь написал: «Il est bon de répondre à ce goujat de Palmerston, que ses menaces ne nous effraient pas, ni que nous ne souffrirons pas d'ingérence dans nos affaires directes avec la Porte. Tout cela peut être dit poliment, mais degnement et fortement».

Но на этот раз наше столкновение с Турцией уладилось без участия британской дипломатии. Император Николай решил не настаивать на первоначальном нашем требовании и ограничился лишь некоторыми мерами относительно польских выходцев из русских подданных; они должны были подлежать удалению из Турции, кроме лиц, принявших мусульманство⁵². Беседы же барона Брунова с Пальмерстоном относительно входа в Мраморное море английской эскадры окончились предписанием адмиралу Паркеру вернуться в Архипелаг и заявлением лорда Пальмерстона, что «этого более не случится».

В 1850 году произошло событие, по поводу которого наша дипломатия в своем споре с Англией нашла себе союзника во французском правительстве. В этом году дом поставившего себя под покровительство Великобритании португальского еврея Пачифико был разграблен в Афинах уличной толпой. Греческое правительство предлагало выдать пострадавшему вознаграждение по действительной его стоимости, но еврей Пачифико желал получить в несколько десятков раз больше. Английское правительство для поддержания требования Пачифико блокировало греческие берега и конфисковало греческие суда; однако против таких действий лорда Пальмерстона одновременно восстали и барон Брунов, и французский посол в Лондоне Друэн де Люис, который называл такую меру «вопиющим злоупотреблением». Со своей стороны, граф Нессельроде отправил в Лондон 7 февраля 1850 года ноту, в которой напоминал великобританскому кабинету, что Греция — государство, созданное в такой же мере Россией и Францией, как и Великобританией, и что одной из этих держав не может принадлежать право разрушить общее их дело, покушаясь на неприкосновенность Греции и на унижение ее перед всем светом. «Прием, который будет оказан нашим представлением, — так заканчивал свою ноту граф Нессельроде, — прольет свет на характер отношений, который мы должны ожидать со стороны Англии; скажу более, он выяснит положение Англии в отношении всех держав, больших и малых, побережье которых повергает их опасности внезапного нападения»⁵³. Несмотря на справедливость наших доводов, лорд Пальмерстон не счел возможным согласиться с требованиями графа Нессельроде. В своем ответе от 2 апреля он доказывал законность предъявленных к Греции пре-

*Карикатура на обучение французами турецких войск
(с русской гравюры XVIII столетия)*

тензий и действий английского флота. Его популярность после блестящей победы в палате общин над оппозицией достигла к этому времени своего апогея.

Император Николай был, видимо, разочарован в своих симпатиях к Англии, но, находясь под впечатлением донесений барона Бруннова, он полагал, что виною всей враждебности политики великобританского кабинета был исключительно лорд Пальмерстон, тогда как остальные государственные люди этой страны, вроде лордов Ислингтона, Абердина, Дж. Росселя, Дэрби и других, придерживаются мнений, более согласных с видами нашей политики. Когда в декабре 1851 года Пальмерстон вышел из состава кабинета, то барон Бруннов приветствовал это событие как радостное предзнаменование перемены направления английской дипломатии и, считая политическую карьеру Пальмерстона окончательно погребенной, даже написал подробный «некролог» этого государственного деятеля⁵⁴. А между тем ровно через год погребенный нашим послом Пальмерстон снова стал министром в кабинете лорда Абердина.

Тем временем английское влияние на Востоке продолжало возрастать и укрепляться. Пальмерстон был уверен в возможности обнов-

ления Османской империи при посредстве устранения причин недовольства христианских подданных султана и «утверждения, таким образом, его престола на прочном и широком основании»⁵⁵.

Англия поддерживала реформаторскую деятельность Решид-паши, которая началась провозглашением гатти-шерифа 3 ноября 1839 года, обещавшего всем, без различия вероисповедания, подданным султана безопасность жизни, чести и имущества. В 1841 году Решид-паша был временно удален от дел, но реформаторская деятельность османского правительства продолжалась. Она, соображаясь во всем с западными образцами, совершалась при участии иностранцев и сводилась к переорганизации вооруженных сил (новый военный закон 1843 года), к упорядочению внутреннего управления и финансов и к признанию некоторых прав за христианскими подданными султана. Усовершенствование армии производилось, между прочим, при посредстве прусских офицеров, в числе которых наибольшим расположением султана пользовался будущий фельдмаршал Мольтке. Но господствующее влияние в Константинополе принадлежало в это время великобританскому послу сэру Страдфорд Каннингу, или «великому послу», как называли его турки.

О нашем «преимущественном влиянии» в делах Ближнего Востока в то время не могло уже быть и речи. Вот что говорил по этому поводу один из современников, хорошо ознакомленный с положением вещей в Турции⁵⁶: «Ежели страна, ищущая влияния, из-под личины благонамеренности выкажет неловко иные замыслы и даст основательный повод сомневаться в искренности ее дружбы или, при обнаружении своих требований, забудет о началах умеренности, приличия и права, в таком случае влияние ее непременно исчезнет. На место доверия явится недоверчивость, и чувство благорасположения заменится отвращением. Для поддержания влияния необходима также последовательность в действиях. Кто льстит сегодня мне, а завтра врагу моему, тот лишается общего доверия и уважения; кто сегодня грозен, а завтра уступчив, тот никому не страшен; кто, смело высказав свое требование, не окажет твердости в поддержании его, а уступит перед сопротивлением посторонних лиц, тот подвергнет себя заслуженному презрению; кто предпримет дело, не имея под рукой достаточных средств для достижения своей цели, тот выйдет из дела побитый и отброшенный. В сих коротких строках заключается история сношений наших с Востоком или, лучше сказать, с Османской империей в течение последнего сорокалетия. Один только пятилетний период, протекавший с 1829 по 1833 год, составляет исключение из общей жалкой картины наших неудач на Востоке».

Автор записки резко критикует союзный русско-турецкий договор 1833 года, и нельзя не признать за этой критикой большой

Вид Константинополя
(с французской гравюры начала XVIII столетия)

доли справедливости. Вместо того, чтобы удовольствоваться ослаблением Османской империи посредством постепенного раздробления ее на самостоятельные государственные единицы, мы пожелали сразу стать полными хозяевами на Босфоре, и наша дипломатия не нашла для этого лучшего средства, как Ункиар-Искелесский договор. «В С.-Петербурге, — говорит по этому поводу Волков, — забыли, что Махмуд не имел ни силы, ни желания, ни возможности привести когда-нибудь этот договор в исполнение».

Необходимость, кроме того, являться в глазах христианских народностей Османской империи союзником и «другом» султана и желание защищать повсюду, даже в Турции, установившиеся политические и общественные отношения вызвали недружелюбные к нам чувства почти во всем населении Балканского полуострова.

«Османское правительство и мусульмане, — пишет Волков, — почитали нас людьми лукавыми, неловкими и слабыми. В глазах христиан союзный договор с Портой казался явной изменой... В Сербии нашими ошибками мы отбивали смелость и дух у наших приверженцев, а неприличными выходками против западной партии раздражали сию последнюю до чрезвычайности, не внушая ей ни малейшего страха, ибо эта партия, под покровительством Турции, Англии и Франции, никого не опасалась»... Когда в Фессалии, Эпире и южной Албании усилилось эллинское народное движение, то

«наш двор, — замечает Волков, — наистрожайшим образом приказ своему представителю в Афинах объявить грекам, фессалийцам, эпиrotам и арнаутам, что султан есть его первый друг и союзник, и что, ежели кто из помянутых племен дерзнет против султана восстать, то русская армия вступит в ряды войск султана»...

После Адрианопольского мира румыны были исполнены благодарности к русскому монарху. «Они, — по словам автора приводимых записок, — называют его отцом, воссоздателем их утраченной народности, великим покровителем восточных христиан и, лаская себя той обманчивой надеждой, что русское правительство не отступит впредь от свободолюбивых идей, коими проникнуты молдо-валахские и сербские постановления, устроенные под личным надзором русских сановников и одобренные русским двором, предаются всем сладким мечтам обольщенных людей. Но эти мечты скоро рассеиваются. Либеральная политика графа Киселева уступает место воздействию, и это воздействие тем сильнее тяготит на сербах и румынах, что осуществление мыслей русского правительства поручается чиновникам второстепенным... Агенты русского правительства своими гордыми приемами оскорбляют личность и достоинство князей, уничтожают чувства народности, делают гонителями всякого свободолюбивого человека, объявляют неловкую войну Западу, преследуют того, кто не их раб, превращают дома свои в вертепы интриг и своей необдуманной готовностью угождать Высочайшему двору доводят всех благомыслящих людей в княжествах до отчаяния, так что народы, любившие Россию, как мать, исполняются неприязнью к их благотворительнице».

Упомянув далее о наших беглых раскольниках и крепостных, проживающих в пределах Турции, присутствие которых за Дунаем не способствовало усилению влияния России среди балканских христиан, Волков отмечает недружелюбное к нам отношение константинопольской православной церкви и ее патриарха. «Представитель России есть в глазах его естественный покровитель православия на Востоке, но с тем условием, что он не позволит себе ни запроса, ни разбора, ни порицания, ни надзора по делам Вселенской церкви... Патриарх и Синод боятся одной Порты и потому ей одной и хотят угождать». Дело в том, что, несмотря на частую смену патриархов, самостоятельность церкви в ее внутреннем управлении не нарушается; власть переходит из рук в руки, но она остается все той же самостоятельной властью, относящейся крайне подозрительно ко всякому внешнему покровительству.

Таковы в общем несколько односторонние выводы Волкова. Не удивительно, что наше влияние на турецком Востоке в тридцатых и сороковых годах прошлого столетия он признает влиянием мнимым. Оно таковым и было на самом деле.

Примечания

¹ Ed. Engelhardt: «La Turquie et le Tanzimat». Т. I. Р. 23.

² См. главу VI.

³ В письме к цесаревичу Константину Павловичу. Татищев. Внешняя политика императора Николая I. С. 340.

⁴ Муравьев Н. Н. Русские на Босфоре в 1833 году.

⁵ Татищев. Внешняя политика императора Николая I. С. 349.

⁶ Муравьев Н. Н. Русские на Босфоре в 1833 году. С. 9—13.

⁷ Русские на Босфоре. С. 78.

⁸ В письме к П. Д. Киселеву. «Внешняя политика императора Николая I». Татищев. С. 374—376.

⁹ Секретное письмо к князю Ливену от 24 июля 1833 года.

¹⁰ История Турции. Т. I. С. 223.

¹¹ Бутковский. Сто лет австрийской политики. Т. II. С. 4.

¹² Татищев. Внешняя политика императора Николая I. С. 381.

¹³ Русские на Босфоре. С. 47.

¹⁴ Фикельмонт — князю Меттерниху 1 февраля 1833 года.

¹⁵ 24 октября 1833 года.

¹⁶ Мартенс. Собрание трактатов. Т. XII. С. 45 и 46.

¹⁷ «Comme le gouvernement anglais demande avec politesse des explications sans les exiger» (Из письма графа Нессельроде к князю Ливену от 4 января 1834 года).

¹⁸ Мартенс. Собрание трактатов... Т. IV. С. 445.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Т. XII. С. 54.

²¹ Там же. С. 56.

²² Там же. С. 60—63.

²³ Пометка императора Николая на донесении графа Поццо ди Борго от 30 сентября 1838 года (Мартенс. Собрание трактатов. Т. XII. С. 73).

²⁴ Татищев. Внешняя политика императора Николая I. С. 471.

²⁵ «Jamais l'Empereur n'oublia ce qu'il promis à Muenchengraetz à son auguste ami et allié, l'Empereur François» (вице-канцлер Татищеву 13 мая 1837 года). Мартенс. Собрание трактатов... Т. IV. С. 477.

²⁶ Мартенс. Собрание трактатов... Т. IV. С. 481.

²⁷ Там же. С. 483.

²⁸ Там же. Т. XII. С. 71.

²⁹ Там же. С. 73.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 53.

³² «Dès que la Russie et l'Angleterre s'entendent, la paix de l'Asie est assurée».

³³ Мартенс. Собрание трактатов... Т. XII. С. 160.

³⁴ «Ni lutter d'influence maritime avec les Anglais, ni faire un lac russe de la Méditerranée, ni briser l'Empire Ottoman, ni renverser la puissance britannique aux Indes».

³⁵ Мартенс. Собрание трактатов... Т. XII. С. 83.

³⁶ Там же. С. 110.

³⁷ «L'Angleterre n'est pas encore à nous, mais elle n'est plus à la France».

³⁸ Как известно, Франция покровительствовала Мехмеду-Али и желала предоставить ему на наследственном праве не только Египет, но и всю Сирию; английское же правительство не находило согласным со своими интересами образование сильного египетского государства.

³⁹ Татищев. Внешняя политика императора Николая I. С. 516 и 517.

⁴⁰ Мартенс. Собрание трактатов... Т. XII. С. 135.

⁴¹ Там же. С. 146 и 147.

⁴² Там же. С. 151.

⁴³ Там же. С. 158.

⁴⁴ Там же. С. 154 и 155.

⁴⁵ Гос. архив, 1850, № 323. См. приложение № 12.

⁴⁶ Татищев. Внешняя политика императора Николая I. С. 328.

⁴⁷ Попов. Россия и Сербия. Т. I. С. 236.

⁴⁸ См. приложение № 8.

⁴⁹ См. главу III.

⁵⁰ Всеподданнейший отчет за 1848 год. Архив Мин. иностр. дел, карт. Д.

⁵¹ Мартенс. Собрание трактатов... Т. XII. С. 256.

⁵² Татищев. Внешняя политика императора Николая I. С. 606, 607.

⁵³ Мартенс. Собрание трактатов... Т. XII. С. 262, 263.

⁵⁴ Приложение № 29.

⁵⁵ Пальмерстон Страдфорду Каннингу 7 ноября 1849 года.

⁵⁶ Волков Мих. Что довело Россию до настоящей войны. Рукописная записка, представленная автором князю Александру Михайловичу Горчакову 6 мая 1856 года. Записка эта помещается в приложении № 30.

Глава VIII

Людовик-Наполеон и восстановление империи во Франции

Конец 1850 года был особенно знаменателен для России. Истекала четверть века со дня вступления императора Николая Павловича на престол, и современникам казалось, что Россия стала, по крайней мере во внешней политике, на вершине могущества и блеска.

Министры приветствовали державного юбиляра отчетами обо всем, сделанном в течение двадцатипятилетнего царствования государя по разным отраслям управления, и в этом отношении был особенно примечателен отчет графа Нессельроде, неизменно державшего в своих руках в продолжение всего царствования императора Николая портфель министра иностранных дел. Блеск славы государя невольно должен был озарить и его постоянного сотрудника по руководству внешней политикой.

«Положение России и ее властелина, — писал граф Нессельроде¹, — не было с 1814 года еще никогда столь блестящим и столь великим». Канцлер в особенности настаивал на заслугах петербургского кабинета в отношении охраны пошатнувшегося исторического порядка в Европе, вызванного переворотами, которые произошли в этой части света начиная с 1830 года. Приветствуя государя от лица всего мира как представителя монархической идеи, охранителя начал порядка и защитника европейского равновесия, он упоминал в своем поздравлении, что могучая рука императора Николая давала себя чувствовать «повсюду, где колебались престолы, где подкопанное общество ослабевало под натиском возмутительных учений».

Одну из задач нашей политики граф Нессельроде видел в достижении разрыва «зловредного союза, который установился между июльской Францией и Англией», или по крайней мере в обеспечении остальных государств Европы от тех «пагубных» идей, распространению которых содействовали обе западные державы.

Но нельзя не признать, что в этом отношении самоуверенность канцлера была основана на очень зыбком фундаменте.

Граф Нессельроде, как это было изложено выше², полагал франко-британский союз расторгнутым благодаря подписанию лондонских протоколов 1840 и 1841 годов о проливах и был уверен, что эти акты навсегда обеспечат безопасность наших черноморских берегов. Он заявил об этом в самых категорических выражениях государю и в своем юбилейном отчете, хотя, казалось бы, что имевший место в сентябре 1849 года вход английской эскадры адмирала

Карта Босфорского пролива

(с подлинника, принадлежавшего князю М. И. Кутузову-Смоленскому)

Паркера в Дарданеллы во время нашего спора с Турцией о выдаче венгерских и польских выходцев должен был бы убедить графа Нессельроде в противном.

Канцлер вообще радужно смотрел на успехи нашей восточной политики. «Старательно избегая, — говорит он в своем юбилейном докладе, — обязываться территориальной гарантией по отношению к упадающему государству, чтобы этим не связать вперед будущности России, Ваше Величество в настоящем держались всегда начала поддержки целостности оттоманских владений, так как соседство этого государства при относительной его слабости, которая явилась следствием наших прежних завоеваний, представляется при настоящих условиях наиболее удобным для наших коммерческих и политических интересов».

Переходя к позднейшим, взволновавшим Европу событиям 1847—1849 годов, которые не только уничтожили престол июльской Франции, но и «потрясли до самых оснований наиболее древние и прочные монархии», граф Нессельроде рисует в следующих словах поведение нашего кабинета в эту тревожную эпоху:

«Со времени этого опустошительного кризиса, — пишет канцлер, — угрожавшего нашей внутренней безопасности и оставившего нас в Европе без союзников, как между народами, так и между правительствами, положение Вашего Императорского Величества стало еще более высоким и могущественным, чем было до того времени. События 1848 года возвеличили то призвание охра-

нителя, ту роль спасителя порядка, которую провидение предназначило Вам с 1830 года. В то время, как Великобритания, ошибочно увлеченная своей эгоистичной политикой, пользовалась общим хаосом, чтобы сеять новые зерна беспорядка, и проявляла свое могущество только притеснением малых государств, Ваше Величество пользовались своим могуществом лишь для того, чтобы вносить успокоение, энергично возвышая голос в пользу правых и слабых и провозглашая уважение к трактатам и к освященным ими территориальным владениям».

Канцлерский доклад ссылался на усмирение нами Валахии, на поддержку королевства обеих Сицилий против «злой воли» английского правительства, на сохранение неприкосновенности Дании против «грубых притязаний» германской демократии и против менее открытых прусских вожделений. Граф Нессельроде не забыл о нашей дипломатической поддержке Австрии в ее итальянских делах и о вооруженной помощи в ее борьбе с восставшими мадьярами. Упомянув далее о переговорах, которые двукратно происходили в Варшаве в 1850 году между вызванными туда государем представителями Австрии и Пруссии, канцлер поздравлял императора Николая с успехом в достижении соглашения между непримиримыми до того стремлениями обеих немецких держав и со спасением таким образом Германии от новой тридцатилетней

*Бой русских с татарами у Перекопа
(с голландской гравюры конца XVII столетия)*

войны, а Европы — от всеобщего потрясения. «В течение четверти века, — так заканчивал граф Нессельроде свое поздравление, — Ваше Величество приобрели много данных для благодарности Европы. Но, я не боюсь этого сказать, юбилейный год Вашей деятельности оказался самым славным, если истинная слава государей главным образом основана на проявлении благотельного влияния на судьбы мира в интересах спокойствия всего света».

Краткий юбилейный доклад канцлера яркими красками рисует основные принципы политики петербургского кабинета, которых он придерживался в последние двадцать лет царствования императора Николая. В основу ее, с одной стороны, ложилось «спокойствие человечества», т. е. обеспечение мирной, не смущаемой никакими новшествами жизни европейских государств и народов, а с другой — оберегание слабой, «упадающей» Турции, не связывая, однако, этим обереганием будущности России, а готовясь, наоборот, к моменту неминуемой смерти улегшегося у берегов Босфора «больного человека».

По-видимому, граф Нессельроде и не подозревал, каковы будут конечные результаты такой политики. Правда, он упоминает в своем отчете о том, что мы остались в Европе без союзников, «как между народами, так и между правительствами», но эта «splendid isolation» ему казалась лишь возвеличивающей могущество и блеск России. Наши дипломаты были убеждены, что все идет к лучшему и радужными снами убаюкивали олимпийское спокойствие канцлера.

В особенности достойны внимания в этом отношении депеши барона Бруннова из Лондона, которые производили впечатление, совершенно не соответствовавшее действительному положению дел. Все донесения барона отличались особым покровительственно-снисходительным тоном относительно Англии, ее политики и ее государственных людей; одержимый большим самомнением, чрезмерно увлеченный неотразимой силой своего красноречия и слога, барон Бруннов не замечал печальной действительности и держал в заблуждении наше правительство.

В самом деле, хотя наша нота о незаконности принудительного воздействия Великобритании на слабую Грецию по поводу дела еврея Пачифико³ и произвела некоторое нравственное впечатление на английское общественное мнение, но никакого практического результата она не имела. В ответе от 2 апреля 1850 года лорд Пальмерстон опровергал обвинение в злоупотреблении силой и доказывал законность предъявленных Греции требований. Вторая нота графа Нессельроде по этому же делу вызвала даже резкий отпор, сделанный благородным лордом нашему посланнику. «Вы нас учите, как учат маленьких детей, — воскликнул он барону Бруннову, — и обращаетесь с нами, как с детьми!»⁴

Русский посол удовольствовался этим выражением, находя, что продолжать разговор бесполезно⁵.

Вообще барон Бруннов в своих сношениях с лондонским кабинетом довольствовался сознанием, что английские министры — люди бестолковые. По его мнению, они были упрямы, зараженные «странностью английского духа», в силу которого хотели одного, а поступали совершенно противоположно своему желанию⁶. Барон Бруннов считал большим успехом со своей стороны, когда услышал от лорда Лэнсдоуна по делу Пачифико заявление, что подобная история больше не повторится, «так как английскому правительству и без того много хлопот».

Но императора Николая Павловича не так-то легко было удовлетворить, как его представителя в Лондоне; государь не скрывал, что одних слов для него недостаточно, что ему нужны и дела. К сожалению, из-за стилистических упражнений наших дипломатов дел совсем не было видно; их увидали в Петербурге лишь тогда, когда вспыхнула война с Турцией и последовал разрыв с западными державами.

Барон Бруннов был убежденный или, может быть, кажущийся сторонник обособленности России не только в нравственном и умственном, но и в материальном отношении; по крайней мере, он таковым выставлял себя в донесениях графу Нессельроде, которые всегда читались императором Николаем. Яркой иллюстрацией взглядов этого наиболее знаменитого из наших дипломатов середины прошлого столетия может служить следующий, повидимому, пустой факт: в начале 1851 года в Лондоне устраивалась первая международная выставка, и барон Бруннов настойчиво просил канцлера, насколько возможно, ограничить выдачу заграничных паспортов, уверяя⁷, что русским подданным нечего делать в Лондоне на выставке. «Ничему полезному они здесь не научатся, — писал наш посланник⁸, — среди общего съезда авантюристов и революционных промышленников, собирающихся в Лондоне отовсюду». Это рассуждение вызвало пометку государя: «C'est aussi mon opinion», на которую, по всей вероятности, и было рассчитано.

Дизраэли
(с английской гравюры)

Окружавшая императора Николая среда и обособленность нашего правительства рельефно выказались в вышеприведенных словах. Из опасения влияния революционных идей на более образованную часть русского общества мы отказывались даже от знакомства с чисто материальным прогрессом Европы.

Барон Бруннов часто беседовал с престарелым лордом Веллингтоном, который «сокрушался о деморализации английского народа и предсказывал ему всевозможные бедствия»⁹. Он не одобрял поведения великобританского правительства, которое давало у себя приют политическим эмигрантам, а между тем подобная деятельность лондонского кабинета с особенной силой проявилась после смутного периода 1847—1849 годов: итальянский революционер Мадзини открыл в Лондоне публичную подписку на заем для нового восстания в Италии; Кошут совершал триумфальное путешествие по английским городам, а выходцы из всех стран находили там широкое гостеприимство и средства для своей пропаганды.

Граф Нессельроде настойчиво приказывал барону Бруннову энергично протестовать против образа действий великобританского правительства и против «вопиющего нарушения им международного права». Но лорд Пальмерстон не обращал никакого внимания на наши протесты, и наш посол утешал себя мыслью, что всему виною лишь этот сварливый английский министр и что с его уходом наступит перемена к лучшему.

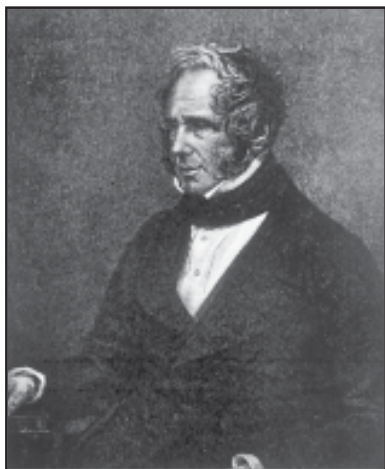
Барон Бруннов радовался назначению в начале 1851 года послом в Петербург сэра Гамильтона Сеймура вместо предложенного Пальмерстоном лорда Коулэя и рекомендовал нового посла как «дипломата старой английской школы, которая несравненно выше новой»¹⁰. Под старой школой наш посол разумел представителей идей Венского конгресса, которые заполняли свои донесения, вместо точных сведений и фактов, бесконечными повторениями упомянутых идей и стилистическими тонкостями.

Сэр Гамильтон Сеймур не оправдал, однако, ожиданий барона Бруннова. Сравнивая депеши этих двух выдающихся представителей среди наших и английских дипломатов того времени, легко убедиться, что они принадлежали к совершенно разным школам. Наш лондонский представитель не пропускал случая пощеголять общими идеями и характеристиками лиц и фактов с точки зрения, наиболее подходящей ко взглядам государя¹¹. Вызванный в Петербург в 1851 году, барон Бруннов написал целый ряд записок по разным текущим политическим вопросам. В одной из них он высказывал общее мнение, что английское правительство не думает о будущем; по его словам, это вполне соответствует характеру английской администрации, во главе которой находится первый министр, могущий рассчитывать остаться у кормила правления не более как в течение пяти лет. «В подобном взгляде, — продолжает

барон Бруннов, — есть что-то узкое и глубоко эгоистичное, что должно быть противно нашему кабинету, виды которого более простираются к будущему, так как у нас власть убеждена в своей продолжительности... Глава английского кабинета заботится о выполнении своего долга только в течение того времени, которое определяется границами его парламентских полномочий»¹².

Таким образом, нашему дипломату казалось, что Англия не имеет никакой постоянной определенной политики и что все зависит от личного взгляда министра и срока его парламентского полномочия. Он ни одним словом не обмолвился ни о силе общественного мнения, ни о сознании английским обществом и парламентом жизненных задач и целей нации. Мы совершенно упускали из виду, что в основных вопросах внешней политики английские государственные люди самых различных партий держались одного и того же мнения, что Веллингтон и Пиль, с одной стороны, а Пальмерстон и Мельбурн — с другой, хотя и принадлежали к противоположным политическим лагерям, говорили и поступали одинаково, когда дело касалось Ункиар-Искелесского договора или египетского вопроса. Думать, как думал барон Бруннов, что английский образ правления «ставит личную политику министров на место государственной»¹³, значило глубоко заблуждаться относительно условий английской государственной жизни. Это заблуждение, во многом разделяемое и в Петербурге, было одной из причин нашей неподготовленности к последовавшему в 1854 году разрыву с Англией.

Интересно сопоставить вышеприведенное мнение барона Брунова со следующими словами известного английского историка Крымской войны¹⁴: «Народ, как и государь, может подчиниться воинственной страсти и потребовать от самых миролюбивых министров исполнения его насильственных приказаний. Но в общем интересы, страсти и слабости, влекущие к войне, скорее могут возникнуть в одном человеке, чем в собрании общественных деятелей, именуемом министерством. Правда, такой кабинет также будет разделять чувства справедливого народного озлобления, но он не

Лорд Пальмерстон
(с английской гравюры на стали)

легко подчинится чувству фанатизма, тщеславия, нетерпения или страха, так как, если один из членов кабинета и будет буруевам этими недостатками, то опасность может быть часто устранена общим совещанием». Далее английский историк переходит к характеристике таких ответственных министров, которые, по его несколько односторонним словам, являются, в отличие от министров монархий, деятелями в области общественной: «У них имеются близкие и постоянные связи с людьми таланта и дела, которые во всех великих государствах составляют постоянный состав правительств; поэтому даже если бы такой министр был новичком на своем посту, то во всяком случае он близко знает великие заветы страны и чувствует, в чем состоят ее истинные интересы».

Деятельность лорда Пальмерстона представлялась барону Брунову отрывочной и непоследовательной, и он даже не подозревал ее связи с настроением и чувствами английской нации. Вообще дипломаты «старой школы» не обращали никакого внимания на эти чувства; для них существовали только их кабинеты, переговоры, трактаты и ноты — народов и истории они не видели.

Лорд Пальмерстон, увлеченный своею популярностью, вступил в декабре 1851 года в тайные переговоры с французским представителем и, не посоветовавшись даже со своими товарищами по министерству, признал переворот, совершенный во Франции принцем Людовиком-Наполеоном. Такой самовольный поступок вызвал отставку всемогущего министра¹⁵. Барон Бруннов считал его окончательно сошедшим с политической сцены¹⁶, в доказательство чего приводил даже слова одного из своих влиятельных приятелей в Лондоне, который уверял, что Пальмерстон будет последним, к которому королева обратится для формирования кабинета.

Наш посол не упустил при этом случая составить даже «для сохранения в наших государственных архивах» очень интересный документ, представляющий нечто вроде некролога лорда Пальмерстона, написанного бароном Брунновым под впечатлением его отставки¹⁷.

Упомянув о том, что в течение сорокатрехлетней своей деятельности лорд Пальмерстон был членом палаты общин и тридцать четыре года занимал важные государственные посты, барон Бруннов замечает, что этим он обязан своему девизу «*flecti non frangi*» — гнуть без ломки. Но всему есть конец; Пальмерстон пал, и «можно сказать, — пишет наш дипломат, — что судьба, изменив ему среди столкновения различных интересов, взяла на себя задачу научить его великой истине, что нет ничего более губительного и более рокового для всякого государственного человека, как отсутствие принципов. У лорда Пальмерстона их не было».

Однако барон Бруннов не отрицал за беспринципным министром некоторых руководящих идей. Пальмерстон как обществен-

ный деятель «обладал в высшей мере духом господства. По его мнению, в Европе не было никого, кроме Англии, кто был бы призван господствовать над миром. Все должно было уступать перед этой страстью, для которой он жертвовал самыми важными соображениями, относящимися к охранению общественного порядка. Часто задавали себе вопрос, почему он старался с таким жаром навязать другим представительный образ правления? Причина этому была очень простая. Он повсюду старался ослабить верховную власть, чтобы государства, сделавшиеся благодаря этому менее сильными и менее независимыми в своих действиях, стали более доступными английскому влиянию. Это было мечтой его честолюбия». Барон Бруннов не замечал, что в Англии также действовал представительный режим.

Другой целью политики лорда Пальмерстона было «сделать Францию орудием английского преобладания на континенте, не позволяя, однако, ей преследовать свою самостоятельную политику». Этим наш дипломат объясняет, почему Пальмерстон был «поочередно врагом, союзником, противником и помощником всех чередовавшихся во Франции правительств... Республика пугала его не теми несчастьями, которые она предвещала Европе, а тем значением, которое она могла придать Франции, если бы движение умов предоставило ей преобладающее влияние на континенте. Вот здесь-то все расчеты лорда Пальмерстона и оказались неправильными (*commencé par porter tous à faux*). Он решил, что для того, чтобы не позволить республиканской Франции играть первую роль на континенте, Англии необходимо опередить ее и стать во главе общего движения в Европе. В этом заблуждении, — заключает барон Бруннов, — я нахожу причины политических ошибок, совершенных лордом Пальмерстоном сначала в Италии, а потом и по отношению венгерских дел».

Взгляд нашего лондонского представителя вполне разделялся и графом Нессельроде. «Вы не можете ошибаться, барон, — писал он Бруннову¹⁸, — во впечатлении, которое здесь произвело падение лорда Пальмерстона. После той ожесточенной борьбы, которую мы должны были выдержать против Пальмерстона, после всего того зла, которое принесла Европе его суетливая и пристрастная политика, мы не можем достаточно нарадоваться, видя, что руководство внешней политикой Англии перешло в другие руки»¹⁹.

Дипломаты старой школы, видным представителем которой был барон Бруннов, как бы не замечали, что Западная Европа преобразуется в силу присущей ей исторической необходимости, и если при этом, по выражению графа Нессельроде, колебались «даже самые старые и почтенные монархии», то только потому, что их правительства не были на высоте новых условий жизни западноевропейского общества.

«Ф

ранцузская революция 1848 года, — говорит известный историк современной Европы Сеиньобас²⁰, — состояла в расширении политических прав на всех взрослых французов; она одним толчком перевела Францию от правления, основанного на известном цензе избирателей, к правлению демократическому и совершила резкий переворот в условиях политической жизни. Июльская монархия предоставляла всю власть в управлении немногочисленному классу обладателей имущественного ценза; вся политическая жизнь страны сосредоточивалась в собраниях двухсотфранковых избирателей, в палате, министрах и короле; остальная нация не принимала в этой жизни никакого участия».

Революция совершилась неожиданно, и вначале никто не знал, к чему приведут уличные беспорядки, происшедшие в первые дни смуты. Даже руководители тайных обществ, бывшие свидетелями беспорядков 22 февраля, заявляли, что революция невозможна, а 24 числа от правительства короля Людовика-Филиппа уже ничего не осталось. На следующий день новое временное правительство провозгласило республику, причем было созвано Учредительное собрание, которое было избрано всеобщей подачей голосов по кантонам и состояло из 900 членов. Новому правительству пришлось на первых порах бороться с партией социалистов, особенно сильной в Париже, но движение это было скоро подавлено генералом Кавеньяком после кровопролитного боя на улицах столицы.

Конституция, выработанная Учредительным собранием, передавала законодательную власть особой палате из 750 членов, избранных всеобщей подачей голосов, а исполнительная власть вручалась на четыре года президенту республики, которому, наподобие президента Северо-Американских Соединенных Штатов, предоставлялось право избирать своих министров. При этом очень долго спорили о том, кем должен был выбираться президент республики, всеобщим голосованием или законодательным собранием. Ламартин защищал первый способ, и Учредительное собрание согласилось с его доводами. Предложение отстранить от выбора в президенты членов царствовавших во Франции династий было отклонено, и 10 декабря 1848 года избранным оказался принц Шарль-Луи-Наполеон Бонапарт, получивший 5 400 000 голосов против 1 400 000 голосов, поданных за генерала Кавеньяка, и 370 000 голосов за кандидата социалистов Ледрю-Роллена.

Новый президент Французской республики родился в апреле 1808 года, в период наибольшей славы своего великого дяди. Он был сын Людовика Бонапарта, в то время короля Голландии, и Гортензии-Евгении Богарнэ, падчерицы императора Наполеона I.

По отзывам близких лиц, король Людовик был человек способный и образованный, но отличался странностями характера,

которые отчасти объясняются постигшей его в ранней молодости весьма докучливой болезнью²¹. Королева Гортензия, креолка, получившая светское воспитание в духе восемнадцатого века, не была чужда, при открытом характере и высоком благородстве, фривольных увлечений, которые давали некоторые основания предположениям о внебрачном происхождении будущего императора французов. Отсутствие короля Людовика при рождении и крещении Луи-Наполеона являлось как бы подтверждением упомянутых предположений²², но, с другой стороны, известно также, что в июне 1807 года король и королева гол-

Королева Гортензия (с рисунка, сделанного ею самой)

ландские жили вместе в тихом уединении в Пиренеях, в Котерэ, и лицо, на которое впоследствии указывала молва, было в то время им до такой степени чуждо, что королю и королеве его представил местный префект. Известно также, что воспитателями молодого принца были император и императрица, и Наполеон I всегда относился к сыну королевы Гортензии как к законному представителю своего дома; в 1815 году он прощался с ним в Мальмезоне с особой нежностью и любовью.

После падения империи Наполеона I королева Гортензия, принявшая титул герцогини Сен-Лё (de Saint-Leu), принуждена была покинуть Францию и поселиться, с разрешения союзных держав, в Швейцарии, в кантоне Сан-Галлен, без права выезда оттуда. Однако швейцарское правительство отказало герцогине в гостеприимстве, и ей пришлось поочередно иметь пребывание в Констанце, в Аугсбурге, в Баварии и, наконец, с 1817 года в вилле Арененберг, в швейцарском кантоне Тургау (Thurgovie).

Здесь протекла ранняя юность принца Луи, изредка уезжавшего к отцу во Флоренцию, на смену старшего брата, Наполеона, который постоянно находился при короле Людовике и только на несколько недель в году приезжал в Арененберг.

Постоянное общество матери, несомненно, должно было оказать очень большое влияние на характер молодого принца. Подобно королеве Гортензии, ее сын отличался наружным спокой-

**Принц Людовик-Наполеон,
будущий император
Наполеон III, в шестилетнем
возрасте (с французской
миниатюры того времени)**

ствием, любезным обхождением, мечтательностью и некоторой нерешительностью в действиях. Необыкновенная, почти сказочная судьба его дяди естественно вызвала в принце Луи чувства глубокого удивления и неопределенной грусти, которые особенно резко проявились при получении известия о смерти Наполеона I. Для мечтательности открывался широкий простор. История народов казалась калейдоскопом событий, направляемых роком, который выдающиеся роли предоставлял своим избранныкам. Принц стал верить в предопределение, в «свою судьбу», в «звезду», которая должна поставить его во главе всемирной исторической драмы²³.

Он, подобно своему гениальному дяде, искал случая выдвинуться и в 1829 году хотел поступить волонтером в нашу армию, но намерение это не было осуществлено не только вследствие нежелания императора Николая, но и вследствие решительного отказа короля Людовика, который писал сыну, что «кроме случая законной защиты, т. е. кроме случая защиты своего отечества, война есть варварство и жестокость, отличающаяся от жестокости дикарей и зверей лишь большим искусством и хитростью. Можно участвовать в войне только ради своей страны...»

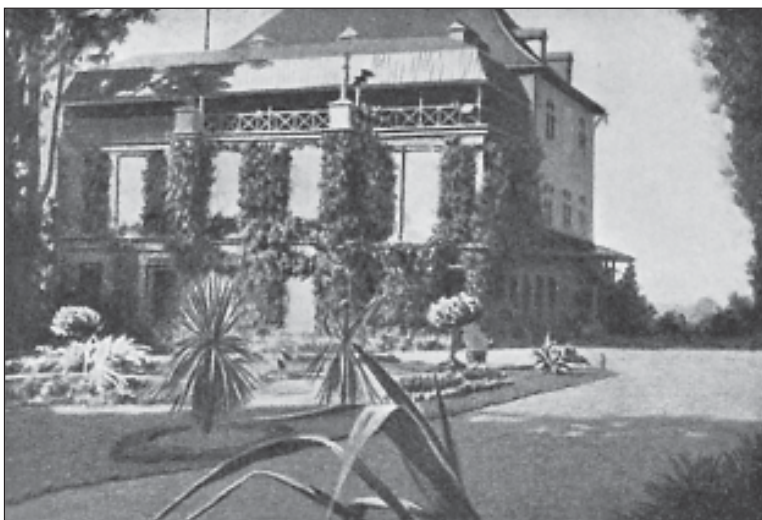
В 1830 году оба сына короля Людовика, Наполеон и Луи, приняли деятельное участие в революционных беспорядках, вызванных итальянскими конституционалистами. Принцами при этом руководило желание пробить первую брешь в столь ненавистной им системе 1815 года, воскресить в Италии заветы французской революции, которую они отождествляли с наполеоновским цезаризмом. Старшего из братьев ждала смерть от болезни в Форли, а младший, Луи, должен был, после умирения восстания, вернуться в Арененберг. Здесь он предался литературным занятиям, плодом которых были «*Rêveries politiques*», и продолжал посещать артиллерийскую школу в Туне (Thoune).

В 1833 году принц Луи отправился в Англию для свидания со своим дядей графом Сюрвиле, т. е. королем Иосифом, который

после смерти герцога Рейхштадтского остался главой дома Бонапартов, а по возвращении из этой поездки продолжал свои занятия историей, изучая особенно усердно ее наполеоновский период во Франции. В то же время принц не забывал и любимой им артиллерии; в 1834 году им был даже издан учебник артиллерии, который доставил автору почетный чин капитана федеральной артиллерии.

В 1835 году возник проект женить принца Луи-Наполеона на португальской королеве донье Марии. По мысли друзей, португальский престол должен был служить принцу первой ступенью к будущему императорскому престолу. Но Луи-Наполеон не поддавался искушению и заметил, что это слишком кружная дорога и что он предпочитает прямую²⁴. К тому же принц в это время увлекался своей кузиной принцессой Матильдой, дочерью короля Жерома; однако предполагаемый обеими сторонами брак не состоялся по причинам материального характера.

Эта неудача еще более обострила в Луи-Наполеоне чувство нелюбви к тогдашнему французскому правительству, которое изгнало из отечества и унизило семью великого императора. В уме мечтательного принца, подогретом и практическими соображениями, уже тогда зародилась мысль последовать примеру возвратившегося с острова Эльбы дяди, явиться во Францию, увлечь армию и страну славными воспоминаниями и совершить новый государственный переворот. В конце октября 1836 года Луи-Наполеон прибыл в Страсбург, где его уже ожидал полковник артиллерии

Замок Арененберг

Водре, который убедил своих подчиненных, что в Париже вспыхнула революция, и что король свергнут с престола. Посланные полковником Водре патрули арестовали дивизионного генерала и префекта, а принц Луи-Наполеон, одетый в исторический костюм «императора», отправился со своим «штабом» в казармы 46-го полка. Но здесь солдаты не так легко поддались убеждению, что перед ними находится настоящий император, а когда в казарму вбежал командир полка подполковник Таландье, то дело претендента было совершенно проиграно. Решительный командир прямо направился к «императору». «В одну минуту, — говорит официальный рапорт генерала Вуароля, — Луи-Наполеон Бонапарт и негодяи, принявшие его сторону, были арестованы, а ордена, в которые они нарядились, были сорваны солдатами 46-го полка»²⁵.

Принца арестовали и отправили в Париж; туда же поспешила и королева Гортензия, которая обратилась к королю Людовику-Филиппу с просьбой о помиловании ее сына. Со своей стороны, король вовсе не желал усиливать возбуждения, которое страсбургская история вызвала в населении. Он ограничился отправкой принца Луи-Наполеона без всякого суда в Америку на судне «Андроида». Принц протестовал против отделения его от сотоварищей по неудавшемуся предприятию и просил милости короля для «увлечшихся славными воспоминаниями старых солдат, судьбу которых он, единственный виновник, разделить не может»²⁶.

По прибытии в Америку принцу стало известно, что полковник Водре и другие участники страсбургского покушения были оправданы ассизным судом; это известие, независимо от радости за спасение товарищей неудавшегося предприятия, служило Луи-Наполеону доказательством чувств нации, которые оказались весьма благоприятными для осуществления замыслов американского изгнанника.

Принц не остался долго за океаном. Известие о тяжелой болезни королевы Гортензии заставило его покинуть Соединенные Штаты в июне 1837 года и прибыть в августе в Арененберг. В начале октября королева скончалась, и французское правительство, не видя более причин для пребывания Луи-Наполеона в Швейцарии, просило федеральное правительство об его удалении. Вскоре просьба сменилась требованием, поддержанным приблизившимся к швейцарской границе двадцатитысячным корпусом. Но королева Гортензия и ее сын во время своего продолжительного пребывания в Швейцарии снискали большую привязанность жителей этой страны, которые с тех пор, как принц принял поднесенное ему в 1832 году звание почетного гражданина Тургауского кантона, считали его своим соотечественником.

Швейцарцы не испугались угроз и уже готовились к войне с могущественным соседом, но принц решил предупредить стол-

кновение и переселился в Англию. Его пребывание в этой стране имело весьма серьезные последствия. Связи, которые Луи-Наполеон создал себе за время своего пребывания в английском обществе и в политических сферах, помогли ему через много лет укрепить единение между Великобританией и Францией и устранить мешающее этому единению обоюдное недоверие²⁷.

Между тем страсбургская неудача не охладила у Луи-Наполеона веры в его звезду, и во время пребывания в Лондоне он продолжал изыскивать средства произвести во Франции государственный переворот. Принц воспользовался пребыванием в Лондоне генерал-адъютанта Шильдера и всеми силами старался с ним познакомиться; однако Шильдер, зная нерасположение государя к претенденту, по мере возможности уклонялся от этого знакомства. Но случай свел их, и Луи-Наполеон, высказав те высокие чувства, которые ему внушала личность императора Николая, просил Шильдера доложить государю, что одного его слова будет достаточно, чтобы он, Луи-Наполеон, свергнул короля Людовика-Филиппа с престола²⁸. Нечего и говорить о том приеме, который это сообщение встретило со стороны императора Николая.

Вскоре после этого правительство Людовика-Филиппа решило перевезти во Францию останки великого императора. Наполеоновская легенда вновь начала господствовать над умами французов, и принц Луи-Наполеон, неутомимый в создании разных планов восстановления империи, решился повторить предприятие, так неудачно окончившееся в Страсбурге.

Он издал книгу «Idées Napoléoniennes», в которой первого императора французов называл «исполнителем духовного завещания республики, ускорившим царство свободы». Автор проводил идею, что «природа демократического режима состоит в том, что он воплощается в едином человеке». Две поддерживаемые принцем газеты «Le Capital» и «Le Commerce» распространяли бонапартистские идеи по Франции. Сторонникам Луи-Наполеона было не трудно убедить его, что по ту сторону Ламанша умы были достаточно подготовлены к перевороту. Последовавшее вслед за тем булонское предприятие было, однако, так же неудачно, как и страсбургское. Принц, а также и все его сподвижники, кроме двух убитых и спасшегося бегством Персиньи, были схвачены, и на этот раз носителя наполеоновских традиций ожидал суд. Принц сумел держать себя перед судилищем пэров с достоинством и мужеством. «Являясь представителем политической идеи, — сказал Луи-Наполеон, — я не могу признать судьями моих поступков и моей воли это политическое судилище. Если вы представители победителя, то мне нечего ждать справедливости, а милостивого благородства от вас не приму»²⁹. Приговоренный к пожизненному заключению, принц был помещен в тюрьму крепости Гам в тот самый день, когда

Внутренние покои замка Арениберг

высланный за останками Наполеона корабль «Belle Poule» появился в виду острова Св. Елены.

Будущий император французов проявил во время своего заключения замечательную деятельность. Он прочел массу книг, написал ряд статей по волновавшим Европу текущим политическим вопросам и по военному искусству, издал «Исторические отрывки» об Англии, брошюру «Об устранении пауперизма», поднял вопрос о прорытии в средней Америке канала для соединения Тихого и Атлантического океанов за много лет до начала его разрешения, составил весьма ценную записку о сахарной промышленности и очень интересный том «О прошедшем и будущем артиллерии». Обширная корреспонденция Луи-Наполеона и его пребывание, хотя и в заключении, на французской территории способствовали образованию и сплоченности партии бонапартистов, а несчастная судьба принца привлекала к нему сердца многих.

В 1844 году умер старший представитель дома Бонапартов граф Сюрвилье, бывший король Иосиф Испанский, а два года спустя гамский узник получил известие об опасном состоянии здоровья своего отца. Он обратился к французскому правительству с просьбой разрешить ему отправиться исполнить сыновний долг по отношению к больному отцу и давал честное слово вернуться об-

ратно. Отказ в этой просьбе вызвал решение принца бежать из заключения, что ему и удалось сделать 25 мая 1846 года. Доктор Канно доставил одежду рабочего, и переодетый Луи-Наполеон, неся на плечах доску, которой он закрывался от встречавшихся по дороге лиц, благополучно миновал все посты часовых и через два дня прибыл в Лондон.

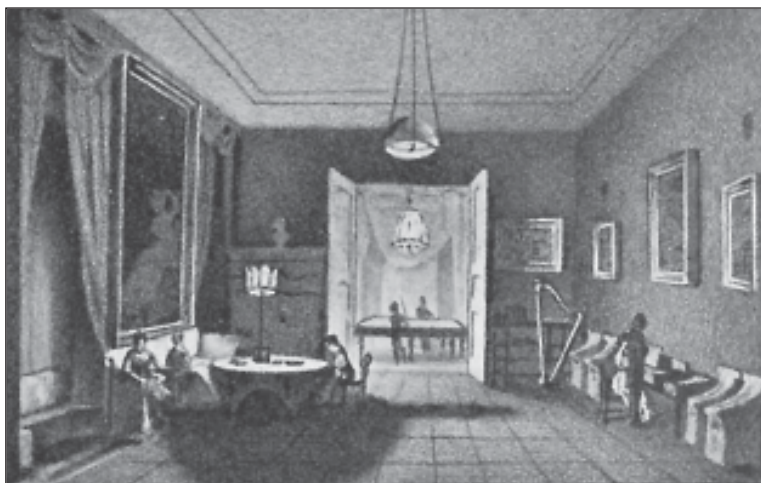
Через два с небольшим года принц Луи-Наполеон стал во главе французского правительства и в течение последующих двадцати двух лет играл выдающуюся роль на политическом горизонте Европы. Киселев приводит следующую характеристику этого замечательного человека, сделанную очень близким ему лицом, графом Морни³⁰: «Наряду с неоспоримым умом, большой природной храбростью, приятностью в обращении и со спокойной и хладнокровной наружностью, которая ему дает большое преимущество перед живыми и наглыми французами, его голова наполнена разными теориями, химерами и упрямством, а его сердце настолько же скрытно и недоверчиво, насколько неблагодарно и мстительно». Морни прибавил к этому, что, несмотря на иногда великодушные побуждения Луи-Наполеона, он считает его способным на все, даже на жестокость³¹.

Со своей стороны, новейший историк Второй империи³² дает следующую характеристику личности будущего императора: «Наполеон III часто был своим собственным министром; он прятался от своих друзей почти столько же, как и от своих врагов, и во многих случаях корреспонденции его официальных агентов показывали только изнанку его намерений. Судьба Наполеона — небывалая! Происшествия, случившиеся в молодости, сделали его заговорщиком; во время же долгого досуга своего плена он оцепенел в мечтаниях... Мечтатель и заговорщик! Он им был на троне и в жизни. Мечтатель необыкновенный — с полной властью выполнять свои мечты; еще более необычайный заговорщик, который, имея в руках все средства официальной власти, предпочитал подземные мины открытым переговорам, секретных агентов аккредитованным дипломатам, тайные сборища советам, тайну — гласности... По необходимости прибегая прежде к таинственности, Наполеон пристрастился к ней по привычке или по вкусу, и ему доставляло удовольствие запутывать свои следы до такой степени, что он сам путался в них. Все было в Наполеоне противоречиво. То он вел сложные интриги, как будто бы изучал Макиавелли, то покровительствовал гуманным утопиям в степени, достойной подражания Дон Кихоту. Он доводил и, странная вещь, в одних и тех же предприятиях расчет до двоедушия и бескорыстие до обмана. Его мечтания, одновременно честолюбивые и тщедушные, не были мечтаниями ни ума посредственного, ни ума святого. Более всего Наполеона приводила в ужас рутина. Он делал много ошибок, но делал их с

видом такого триумфатора и глубокого мыслителя, что ослеплял своих друзей и на некоторое время сбивал с толку своих врагов. Даже в тех случаях, когда его действия были противоречивы или низки, его речи высоко и широко парили, сильно превосходя общечеловеческую среду. Следуя традициям наполеонидов, он выказывал презрение к теории, к *идеологии* и в то же время показал себя теоретиком более, чем кто-либо. Из всех теорий Людовика-Наполеона самой знаменитой была теория национализма, и на этом пути его химеры дошли до преступного ослепления. У него были поступки благородные, вдохновения великодушные, но со всегдашним перемешиванием того, что производит лишь эффект, и того, что действительно величественно. Не имея совершенно возможности сделаться государственным человеком, он в то же время сделался отличным механиком; с замечательным и глубоко рассчитанным искусством он берег свой театр, чтобы забавлять, захватывать врасплох и ослеплять свой народ и Европу. Одним словом, характер Наполеона III можно резюмировать таким образом: с качествами необыкновенными, он включал в себя все то, что делает властелина гибельным; он имел намерения великие, но не имел здравого смысла для их практического применения и мудрой предусмотрительности, которая одна только может помочь провести их в жизнь».

При первом известии о февральской революции Людовик-Наполеон появился в Париже, но обращенная к нему просьба временного правительства не создавать своим присутствием новых затруднений для Франции заставила принца поспешить оставить эту страну. Он не пожелал даже явиться кандидатом на выборах в Национальное собрание и, несмотря на это, был сразу избран в четырех департаментах. Республиканцы сильно встревожились таким успехом, и правительство распорядилось об аресте принца, ссылаясь на не отмененный еще указ 1816 года, на основании которого были удалены из Франции все члены семейства Бонапартов. Людовик-Наполеон сложил свои полномочия, но новый выбор в шести департаментах убедил принца в силе бонапартистской партии. Он занял место в Национальном собрании, и естественное течение событий возвело его в сан президента.

Новому президенту пришлось на первых же порах вести упорную борьбу с Законодательным собранием и с министрами. Большинство собрания отличалось республиканскими убеждениями и вовсе не желало восстановления империи; министры же, и в особенности непримиримый Дюфор, создавали президенту ряд затруднений, которые связывали его деятельность. Принц даже не мог добиться от собрания увеличения своего гражданского лис-

Интерьер замка Арениенберг

та. Всеякие попытки сближения с выдающимися представителями палаты остались без результата, и для того чтобы сохранить власть в своих руках, президенту оставалось прибегнуть к установлению непосредственного соприкосновения с избравшими его миллионами населения. С этой целью принц начал совершать путешествия по стране и произносить речи, которые вызывали одобрение масс, а иногда и неподдельный энтузиазм. Облеченный как глава исполнительной власти правом назначать на должности, распределять награды и знаки отличия, Людовик-Наполеон исподволь подготавливал себе сторонников среди лиц высшего военного и гражданского управления.

Неудача в попытке приблизить к себе лучшие элементы Национального собрания заставила президента окружить себя людьми, «готовыми на все, лишь бы ожидаемая награда была велика»³³. Первое место в этом кружке занимал граф Морни³⁴, биржевой спекулянт, организатор разных торговых и промышленных предприятий, депутат времен июльской монархии, но человек, одаренный недюжинными способностями, с положительным, энергичным и решительным характером, и человек, который ясно видел цель восстановления империи. В отношении характера Морни, может быть, уступал смелому Флери, который не был способен отступить перед какой бы то ни было опасностью. Этот офицер президентской свиты нашел в Алжире кандидата на пост военного министра в лице генерала Сент-Арно, человека без нравственных устоев, но обладавшего умением вселять доверие

в подчиненных, весьма способного и готового на всякий риск. «Солдат, со скудной совестью и редкой энергией, — говорит de la Gorce³⁵, — он привык к свободным экспедициям в Африке и в разогнании парламента видел только набег, более блестящий и имеющий большие последствия, чем всякий другой». К обществу «братьев» принадлежали также Персиньи, спасшийся во время булонской авантюры, Мопя, назначенный префектом полиции, и секретарь принца Моккар.

В мае 1852 года истек срок четырехлетних полномочий президента; легко можно было предвидеть, что новые выборы не пройдут без сильного потрясения, беспорядков и смут. Сторонники Людовика-Наполеона старались воспользоваться настроением испуганной буржуазии; они убеждали всех, что избежать потрясения страны возможно только отменой статьи конституции, которая запрещала вторичное избрание оставляющего свой пост президента, и введением закона, определявшего более продолжительный срок президентских полномочий. Президенту оставалось снискать симпатии народных масс, и здесь судьба пришла ему на помощь.

31 мая 1850 года Национальное собрание приняло составленный консервативными элементами закон, который, вопреки конституции, ограничивал избирательное право. Хотя принц и был инициатором этого закона, но после принятия его он резко переменял фронт и в самых решительных выражениях потребовал отмены нового постановления. Слова президента произвели огромное впечатление на массу населения, которая отвернулась от парламента и была убеждена, что единственным защитником ее прав является обитатель Елисейского дворца.

По мере приближения времени выбора нового президента и задуманного Людовиком-Наполеоном государственного переворота партия ближайших сотрудников принца значительно увеличилась. К заговору примкнули начальник парижского гарнизона генерал Маньян, генералы Лавостин и Виейра, командир и начальник штаба национальной гвардии, а также многие другие представители армии.

В конце ноября 1851 года генерал Маньян собрал у себя двадцать генералов, которым объявил, что, может быть, им скоро придется усмирять беспорядки в Париже и способствовать отмене республиканской конституции. При этом известии генералы бросились в объятия друг друга. За несколько дней до предрешенного переворота к числу сторонников его примкнул и директор государственной типографии.

Сам переворот совершился 2 декабря, в годовщину коронации Наполеона I и Аустерлицкого сражения. «С замечательными искусством и предусмотрительностью, но и не без достаточной доли

счастливой случайности дело было покончено быстро, с небольшим кровопролитием, и 5 декабря Париж уже окончательно успокоился»³⁶; несколько дней спустя успокоились и департаменты.

Президент издал декрет, которым присваивал себе право подвергать ссылке участников тайных обществ, и образовал особые смешанные судные комиссии для безапелляционного суда над лицами, оказавшими сопротивление перевороту. Всего подверглось аресту 26 тысяч человек, из которых 6 ½ тысячи были безусловно освобождены и 5 тысяч оставлены под надзором полиции; 10 тысяч осужденных были сосланы в Алжир и Кайенну на каторгу, а восемьдесят республиканских депутатов были изгнаны из пределов Франции.

В своей прокламации от 2 декабря Людовик-Наполеон объявил, что он исполняет «обязанность охранения республики обращением к единственному властелину — народу», и публичная подача голосов была назначена на 20 декабря. Результат был обеспечен заранее принятыми мерами³⁷. Около 7 ½ миллиона голосов было подано за формулу: «народ желает сохранения власти Людовика-Наполеона Бонапарта и даст ему необходимые полномочия на составление конституции на основаниях, предложенных им в прокламации 2 декабря», т. е. на основаниях возврата к системе Наполеона I, «которая дала уже Франции спокойствие и счастье».

Согласно новой конституции, исполнительная власть вверялась президенту, который избирался на десять лет и был ответствен лишь перед народом, объявлявшим свою волю плебисцитами. Президент имел право заключать трактаты, объявлять войну, провозглашать осадное положение, назначать на все должности, и он один пользовался законодательной инициативой. Все должностные лица присягали президенту в верности, министры зависели только от него, и ему же принадлежало право утверждать и обнародовать законы, а также и право помилования. Кроме президента, правительство новой республики состояло из государственного совета, который подготовлял законы, из избираемого всеобщей подачей голосов законодательного корпуса, на который возлагалось обсуждение законов и вотирование бюджета, и из второго собрания, впоследствии названного сенатом; он состоял из лиц, назначаемых президентом, и должен был играть роль «стража конституции и общественной свободы».

Первоначальная деятельность Людовика-Наполеона как президента республики вызвала полное одобрение монархов континентальных держав и во главе их императора Николая. Обуздание революционных элементов, водворение порядка, решительность и энергия, которыми отличались все действия президента в ограничении республиканских идей, при недостаточно еще выяснившейся истинной цели поползновений принца, вызвали чувства

*Н. Д. Киселев, русский
посол в Париже*

искренней симпатии к нему со стороны нашего государя³⁸, который проявлял их во всех мелочах, способных щадить самолюбие нового главы государства.

Государственный переворот произвел большое впечатление как в консервативных, так и в либеральных лагерях Европы; для всех стало ясно, что восстановление империи во Франции является делом ближайшего будущего. Кошут пришел в отчаяние и произнес в Филадельфии гжучую речь против Людовика-Наполеона, предвидя в парижских событиях начало общего переворота³⁹. Слухи о появлении в будущем империи во Франции вскоре дошли и до Петербурга. «Читала ли ты уже письмо Фрица⁴⁰, — обратился госу-

дарь к императрице за обедом 22 декабря 1851 года⁴¹; — он доходит до того, что говорит, будто Людовик-Наполеон ранее конца будущего года будет нашим товарищем. Я позволяю себе сомневаться в этом. Пусть он будет всем, чем хочет, хотя бы великим муфтием, если ему это нравится; но что касается императорского или королевского титула, то я не думаю, что он будет настолько неосторожен, чтобы его добиваться»⁴²...

В начале января 1852 года принц Людовик-Наполеон обратился к императору Николаю Павловичу с письмом⁴³, в котором он в весьма обдуманных выражениях извещал государя о происшедшем во Франции перевороте. «Возрастающая и несправедливая неприязнь Законодательного собрания, — писал принц, — повторяющиеся покушения на ограничение моей власти и деятельность старых партий угрожали Франции анархией, которая скоро могла бы объять и всю Европу. Я уже поручил довести до сведения Вашего Величества о мерах, которые в столь серьезных обстоятельствах я считал себя обязанным принять, ставя право и общественное спасение выше законности, сделавшейся бессильной».

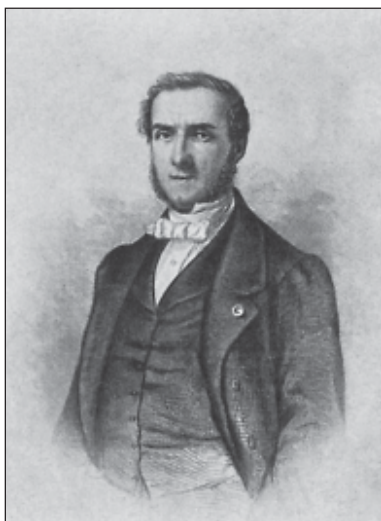
Упомянув затем о всенародном голосовании, уполномочившем его составить новую конституцию, принц приходил к заключению, что таким образом создается единство власти, «полу-

чившей достаточную силу, чтобы обеспечить и утвердить общественный порядок... Правительство будет особенно заботиться о поддержании внешнего мира и о более близких отношениях к кабинету Вашего Величества»⁴⁴...

Государь не замедлил ответом. Он поспешил послать принцу «искренние поздравления» по поводу почти единогласного избрания, которое на десять лет продлило срок его президентских полномочий и предоставило Людовику-Наполеону право дать своей стране новую конституцию.

«Франция, — писал далее государь⁴⁵, — спасенная вашей энергией от опасностей, которыми ей угрожали злостные намерения врагов общественного порядка, вторично призвала вас руководить ее судьбами и торжественно подтвердила то доверие, которое она питает к вашим патриотическим чувствам, а также к началам порядка и власти, внесенными вами в управление... Ничто не могло быть для нас более приятным, как ваши уверения в заботливости о великих интересах сохранения всеобщего мира и ваше желание видеть все более укрепляющимися те отношения доброго согласия, которые, к счастью, существуют между Россией и Францией. Будьте уверены, что, со своей стороны, мы приложим особливую заботливость к еще большему сближению, и вы всегда встретите в нас полную готовность соединиться с вами для совместной защиты священного дела сохранения общественного порядка, спокойствия Европы, независимости и территориальной целостности ее государств и уважения существующих трактатов»⁴⁶. Последние слова служили как бы напоминанием Людовику-Наполеону о существовании Венского трактата, который исключал возможность возвращения дома Бонапартов на французский престол.

Но, кроме подозрений, питаемых в Петербурге к императорским поползновениям президента, там не особенно доверяли и его миролюбивым заявлениям. На депеше барона Бруннова⁴⁷, описывавшей впечатление, которое произвел в Англии декабрьский переворот, император Николай сделал следующую пометку⁴⁸:

*Друзи де Люис
(с французского рисунка
того времени)*

«Я уверен, что если Франция начнет войну, то первые ее удары будут направлены не против Германии, а скорее против Англии, так как там это более вероятно, чем возможно»⁴⁹. Убеждение государя, с одной стороны, основывалось на уверенности, что «раз навсегда удалось расторгнуть пагубный союз Великобритании и Франции»⁵⁰, а с другой — на утверждениях Бруннова, что Англия совершенно неспособна к внешней войне, для которой не может выставить более 20—25 тысяч человек⁵¹.

Следует, впрочем, заметить, что одновременно с двумя предыдущими депешами наш лондонский посол прислал и третью⁵², в которой изложил свой разговор по поводу возможного восстановления империи во Франции с лордом Гренвилем. Английский министр заметил при этом, что Россия и Англия находятся по отношению к этой стране в различных условиях. Россия отделена от Франции громадным расстоянием и свободна в своих действиях. «Англия же поставлена в совершенно иные условия. Между Парижем и Лондоном сообщения сделались почти моментальны, и всякий вопрос требует немедленного ответа. Если бы правительству ее величества пришлось бы высказаться по вопросу о перемене титула принцем Людовиком-Наполеоном, то оно должно было бы определенно ответить за или против; желание же обуславливать признание имело бы в Париже значение отказа или по крайней мере явного недоброжелательства. Впечатление от такого поступка отозвалось бы на отношениях между обеими странами; оно равнялось бы разрыву. Общественное мнение страны не нашло бы оправданий для поведения правительства ее величества, если бы оно вызвало беспокойство, сопряженное с таким положением вещей, и тем более из-за отказа признать титул, предоставляющий главе французского правительства ту власть, которой в действительности он облечен уже в настоящее время».

Времена изменились с тех пор, когда союзники объявили, что «не будут вести переговоров с Бонапартом, а также с кем бы то ни было из его дома», и... «правительство ее британского величества оказалось в необходимости отказаться от этих заявлений и вести переговоры с принцем Людовиком-Наполеоном в качестве президента республики». В своих доводах лорд Гренвиль ссылался между прочим на пример герцога Веллингтона, который признал перемену династии, положившей конец правлению старшей линии Бурбонов⁵³. Против этого места депеши барона Бруннова император Николай сделал пометку: «Ceci est un triste aveu de l'impardonnable sottise qu'a fait alors le maréchal»⁵⁴.

В отдельном письме к графу Нессельроде⁵⁵ барон Бруннов благодарил судьбу, что ко времени происшедшего во Франции переворота Пальмерстон сошел со сцены. «Возблагодарим Бога, что Пальмерстон нас покинул, так как он мог бы попробовать зава-

речь серьезную драму. Я не знаю хорошо почему, но он очень симпатизировал принцу Людовику. Один со своей звездой, орлами и тремястами тысяч штыков, а другой со своим духом господства, враждой к Австрии и злобой против всего континента могли бы завести нас очень далеко. Но это кончено»⁵⁶... Вернее было бы написать — это начинается.

И действительно, весь 1852 год прошел в подготовке к провозглашению империи со стороны Людовика-Наполеона, в старании остановить его от этого шага со стороны императора Николая и в переговорах между тремя континентальными монархами относительно тех условий, на которых могла бы быть признана империя во Франции.

Граф Нессельроде считал необходимым секретно сообщить венскому двору ответ императора Николая на уведомление Людовика-Наполеона о произведенном им перевороте, и глава австрийского кабинета князь Шварценберг поспешил уверить нашего канцлера в полном согласии взглядов Австрии со взглядами петербургского кабинета и пообещать, что если бы Людовик-Наполеон объявил себя императором, то император Франц-Иосиф выскажется по этому вопросу не иначе, как по предварительному соглашению со своими близкими союзниками, императором Всероссийским и королем Пруссим⁵⁷.

В особом меморандуме, который был приложен к депеше князя Шварценберга⁵⁸, Венский кабинет признавал, что восстановление империи есть цель Людовика-Наполеона. «Половина Франции, — говорится в меморандуме, — объявлена в осадном положении, печать скована, выдающиеся люди, противодействия которых опасался президент, большей частью изгнаны из страны или заключены в тюрьму, социалистская партия раздавлена, легитимисты запуганы». Обрисовав достигнутое таким образом восстановление порядка, князь Шварценберг приходит к тому заключению, что искушение для принца слишком велико, а потому Европе необходимо готовиться к провозглашению во Франции империи. Наиболее важным и необходимым в этом отношении обстоятельством князь Шварценберг полагал соглашение между петербургским, венским и берлинским кабинетами в полной тождественности их поведения относительно Людовика-Наполеона; по его мнению, это произвело бы самое лучшее впечатление и послужило бы примером для других держав.

Австрийский меморандум рассматривал провозглашение империи с точки зрения трактатов и с точки зрения естественного права и удобства. В первом случае вопрос разрешался 2-й статьей союзного акта 20 ноября 1815 года, которая навсегда устранила

Персины

(с фотографии с натуры Майера)

дом Бонапартов от французского престола; во втором же случае австрийское правительство считало возможным «отойти от буквы трактатов, сохраняя их дух». Сравнительно с 1815 годом условия переменились, и «в настоящее время, а также и в ближайшем будущем, — пишет князь Шварценберг, — мы полагаем Людовика-Наполеона лучшим и единственным охранителем порядка во Франции». Строго придерживаясь трактатов 1815 года, не следовало бы признавать принца президентом, но если это уже сделано, то остается только перемена в титуле, т. е. перемена словесная, которая имеет лишь чисто звуковое значение. «Мы не думаем, — замечает австрийский министр, — чтобы вопрос имел характер принципиальный. От нас не будут

требовать, чтобы мы признали Людовика-Наполеона государем по собственному праву, а еще менее, чтобы мы объявили законными и справедливыми средства, употребленные им для достижения престола. Время поднимать принципиальный вопрос, по нашему мнению, прошло».

Указав далее на особое положение Великобритании, которая поспешит признать новую империю и привязать ее к себе «узами благодарности», австрийский меморандум приходит к заключению, что «многие соображения как бы советуют нашим государям подчинить высшим интересам и миролюбию то чувство внешнего достоинства, которое заставляло бы их колебаться в признании равенства ранга личности такого рода, как Людовик-Наполеон». В заключение князь Шварценберг советовал признать империю лишь при соблюдении некоторых условий. Новый император должен был дать монархам уверение, что перемена правления коснется лишь только внутреннего управления Франции, оставив неприкосновенными ее внешние отношения, основанные на соблюдении существующих трактатов, что он не предпримет завоевательной политики своего дяди, и если бы он задумал основать во

Франции новую династию наполеонидов, то союзные государи не должны принимать на себя никаких обязательств.

На приведенное сообщение австрийского правительства с нашей стороны последовал ответ⁵⁹, который не разделял взгляда князя Шварценберга на отношение держав к исповедуемым ими принципам в отношении святости существовавших трактатов, но в то же время соглашался, что признание Людовика-Наполеона императором вызывается силой вещей и «желанием всех друзей мира и порядка, чтобы он удержался у власти». Граф Нессельроде соглашался, что это признание необходимо поставить в ограниченные рамки, которые, со своей стороны, предлагал в следующем виде: 1) Державы признают за Людовиком-Наполеоном императорский титул единственно из внимания к положению Франции и к услугам, оказанным принцем делу охранения общественного порядка, но при условии, если он обяжется уважать трактаты и территориальное равновесие Европы; 2) такое признание *временного факта* не может противоречить законности и непокрываемым давностью правам Бурбонского дома, и 3) державы никогда не признают за Людовиком-Наполеоном правоспособности к основанию династии и к передаче своей власти и титула другому лицу из своей семьи. Подобное же сообщение было отправлено и нашему представителю в Берлине⁶⁰.

Прусское правительство было вполне солидарно в своих взглядах с петербургским кабинетом⁶¹ и ставило князю Шварценбергу упрек относительно отношения его к существовавшим трактатам, которые надо было соблюдать или же изменить по общему соглашению, отнюдь не выделяя Англии. В заключение же наш посол уведомлял, что «король прусский и его кабинет решили действовать в полном согласии с Россией, и окончательное установление отношений, которое они примут относительно Франции, всецело находится в руках Его Императорского Величества». Император Николай признал желательным сообщить великобританскому кабинету смысл происшедшего обмена мыслей, но в дальнейших действиях придерживаться выработанного образа мыслей, не стесняясь направлением, которое Англия пожелает принять.

Таким образом, и Австрия, и Россия сознавали необходимость признать империю во Франции, но с известными обязательствами, которые надлежало предъявить будущему императору. Однако в самом начале переговоров по этому вопросу было уже заметно значительное несходство во взглядах между обеими монархиями на характер требований, которые предполагалось предъявить будущей империи. В то время как Австрия почти исключительно заботилась об обеспечении своей безопасности и целостности своих земель, Россия и согласная пока с ней во всем Пруссия на первое место ставили сохранение в пределах возможности существовав-

**Граф Вавельский, министр
иностраннх дел Наполеона III**
(с литографии Лафоса)

ших трактатов и поддержание принципа законности.

Граф Нессельроде, соображаясь со взглядами нашего правительства, поручил русскому послу в Париже Н. Д. Киселеву отклонять принца Людовика-Наполеона от принятия императорского титула, причем государь внушал это со своей стороны французскому послу в Петербурге генералу Кастельбажаку⁶².

Различие взглядов нашего и австрийского правительств было вскоре обнаружено и в Париже. «Я уже знаю, — сообщает Киселев в своей депеше от 12 (24) января⁶³, — что президент устанавливает различие между отношениями к нему венского и двух других северных дворов. Он говорит,

что Австрия ему более благоприятствует, чем Россия и Пруссия, и я потому обращаю на эти слова внимание императорского кабинета, что они доказывают, что г. Гюбнер⁶⁴ здесь или князь Шварценберг в Вене дали понять принцу Людовiku-Наполеону, что их правительство не откажет в признании империи во Франции». Вообще в этой депеше наш посол в Париже останавливал внимание Петербургского кабинета как на необходимости полной солидарности трех континентальных держав, при которой Людовик-Наполеон не рискнет на враждебные против Европы действия, так и на обнаружившуюся уже двуличную политику Австрии. «Болтуны Елисейского дворца, — заканчивает Киселев, — уже говорят об интимных отношениях с Австрией; с другой стороны, Гюбнер избегает с некоторых пор говорить со мной о делах и вообще испытывает стеснение при встрече со мной».

Некоторое различие в отношениях этих двух кабинетов к главе французского правительства было, впрочем, заметно и в обращении государей к принцу-президенту. В то время, как император Николай называл его «grand et bon ami», император Франц-Иосиф писал «très cher grand ami»⁶⁵.

В своих депешах за первую половину 1852 года⁶⁶ Киселев доносил, что он пользовался каждым удобным случаем, чтобы в вежливой форме представлять принцу всю невыгоду провозглашения

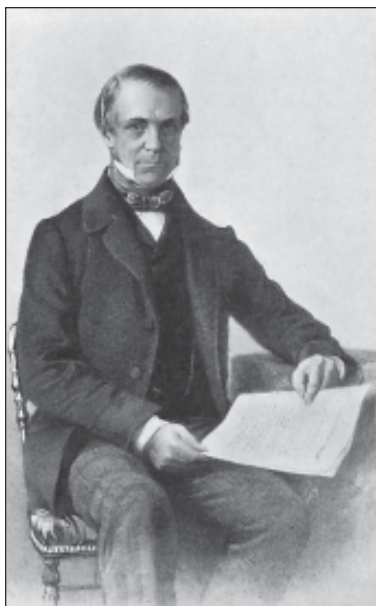
империи и все благорасположение к нему императора Николая; в конце же концов он, как и многие из приближенных к Людовика-Наполеону, пришли к тому убеждению, что империя будет рано или поздно восстановлена — обстоятельства могут заставить отложить ее провозглашение, но не отменить. Наш посол не упускал при этом случая подчеркнуть мелочное самолюбие и большую мстительность будущего императора французов.

Между тем петербургский кабинет продолжал заботиться о возможном сохранении принципов Венского конгресса. Граф Нессельроде, восхваляя в своей депеше к барону Бруннову⁶⁷ Людовика-Наполеона за его «твердость, энергию и за начало порядка и власти, которых он придерживается», находил все-таки невозможным согласиться со взглядами великобританского кабинета о свободном признании империи. Он просил лорда Гренвиля оставить по крайней мере Людовика-Наполеона в сомнении относительно решения правительства королевы Виктории, чтобы этим его удержать от преследования «честолюбивых намерений».

Наши переговоры по тому же поводу с дворами венским и берлинским шли своим порядком. Князь Шварценберг⁶⁸, соглашаясь со всеми принципиальными доводами графа Нессельроде, тем не менее затруднялся найти формулу ограничений, не оскорбительную для будущего императора французов, и работал над проектом декларации, которую можно было бы предъявить принцу Людовику-Наполеону.

В феврале проект был готов и прислан в Петербург⁶⁹. Князь Шварценберг предлагал трем северным дворам не принимать, в случае провозглашения Людовика-Наполеона императором, окончательного решения, не вступив в предварительное между собой соглашение. Этот случай не будет сам по себе поводом к разрыву с новым властелином, а тем более к войне, и признание Людовика-Наполеона императором последует лишь после получения от него гарантий в миролюбивой политике и положительных уверений в том, что он не стремится к территориальным изменениям. Наконец, признание Россией, Австрией и Пруссией Людовика-Наполеона императором будет признанием только одного факта, а не права. В заключение князь Шварценберг объяснял, что союзные державы, конечно, не должны признавать за принцем права основывать династию, и если бы он передал власть кому-нибудь из членов своей семьи, то союзники решат, могут ли они допустить вторичное отступление от трактата 1815 года.

Последнее предположение австрийского кабинета вызвало следующую пометку императора Николая: «Этого много; не надо даже позволять и думать, что можно будет продолжать увертываться от существующих трактатов»⁷⁰. Следствием этой заметки было наше сообщение венскому двору, что мы не считаем возможным

**Лорд Коулей, английский
посол в Париже**
(с английской литографии, по
фотографии Пирсона)

включить в свою декларацию предположения о преемнике Людовика-Наполеона, так как это противоречило бы заявлению о непризнании за ним права основывать династию⁷¹.

Программу своих действий по отношению к Людовигу-Наполеону государь изложил в собственноручном письме к королю прусскому от 21 февраля (4 марта) 1852 года⁷². По мнению императора Николая, ввиду возможного нападения со стороны Франции необходимы были полное согласие и единомыслие трех союзных государей, хотя государь считал такое нападение маловероятным⁷³, если со стороны союзников не будет вызова щепетильному правителю Франции⁷⁴. «В заключение, — заканчивает государь свое письмо, — я думаю, что надо оставаться спокойными, старательно избегать всего, что может возбу-

дить Людовика-Наполеона, напоминая ему, однако, при каждом удобном случае, наше уважение к трактатам и *непоколебимое решение никогда от них не отступать*⁷⁵, а в то же время усердно готовить наши силы, чтобы, если Господь пошлет войну, она была ведена в общем согласии и с возможной энергией».

Однако принц-президент находил, что именно отношения нашего правительства для него оскорбительны. В письме к генералу Кастельбажаку он жаловался на депешу, адресованную канцлером Н. Д. Киселеву, хотя эта депеша, по словам графа Нессельроде⁷⁶, повторяла лишь в форме благожелательных советов те же рассуждения, которые сам принц приводил в своем письме как доказательство отсутствия у него намерения провозгласить себя императором. У канцлера явились сомнения в искренности рассуждений президента, и он затруднялся понять, каким образом при таких условиях Людовик-Наполеон может утверждать, что, принимая титул императора, он действовал бы в интересах Европы¹.

Впечатление неискренности письмо принца-президента произвело и на императора Николая, который сделал на докладе графа Нес-

сельроде следующую пометку⁷⁸: «Такое же впечатление это письмо произвело и на меня; вместо того, чтобы жаловаться на Россию, нужно вспомнить, мне кажется, что только *одна*⁷⁹ Россия с самого начала давала доказательства благорасположения к Людовику-Наполеону, и я достоверно могу сказать, что до сих пор я был *единственный*, который не питал к нему личного недоверия. Я не скрываю, что впредь этого не будет, так как все, что принц говорит, порождает недоверие к его будущим намерениям; та *безусловная необходимость*, которой он оправдывает перемену титула, как он это называет, в действительности очень неопределенна и не представляет никакой уверенности. Остальные обвинения доходят до глупости, и смех есть лучший ответ на них. Я свободен для приема генерала Кастельбажака в час дня; будьте добры уведомить его, что я буду ожидать, как тот раз, внизу, в час. Это будет очень интересно. Уф!»⁸⁰.

В Вене не соглашались принять предлагаемое нашим кабинетом открытое противодействие династическим попыткам Людовика-Наполеона. Князь Шварценберг был даже поражен предположением, что мы как бы считаем возможным огласить выработанные союзными дворами условия признания императорского титула во Франции⁸¹. Он полагал, что это соглашение останется тайным, а принцу будет дан ответ, возможно меньше затрагивающий самолюбие наполеонидов. Через три недели император Франц-Иосиф отправил в Петербург особого уполномоченного графа Монсдорфа, который должен был представить государю австрийскую редакцию предполагаемой, в случае провозглашения во Франции империи, общей декларации держав⁸².

Венский проект был составлен в следующих выражениях⁸³: «Его величество, император австрийский, принимая во внимание состояние Франции и услуги, оказанные Людовиком-Наполеоном поддержанию общественного порядка в этой стране, и уверенный, что политическая программа, которой он выразил намерение следовать, есть, при современных обстоятельствах, лучшая гарантия общего мира, могущего быть сохраненным только при точном соблюдении существующих трактатов и поддержании территориального распределения, на котором покоится европейское равновесие, признает возвышение президента французской республики в императорский сан и будет поддерживать с ним дружеские сношения». Далее в депеше говорилось, что текст сообщения подлежит изменению в зависимости от тех условий, при которых произойдет принятие Людовиком-Наполеоном императорского сана.

Переговоры в конце концов привели к принятию тремя союзными дворами австрийского проекта без изменения⁸⁴; в сопровождавшем этот проект протоколе осталась даже статья, говорившая о возможном назначении Людовиком-Наполеоном себе преемника, против которой мы первоначально восставали.

Между тем наши отношения с правительством принца-президента постепенно улучшались. 5 апреля граф Нессельроде отправил Киселеву одобренную государем депешу⁸⁵, в которой восхвалялась речь, произнесенная принцем Людовиком-Наполеоном при открытии высших государственных учреждений. Десять же дней спустя генерал Кастельбажак передал государю «note confidentielle et personnelle à S. M. l'Empereur Nicolas»⁸⁶, в которой говорилось, что принц сумеет восторжествовать над искушениями, какими являлись бы петиции о восстановлении империи со стороны областных советов и частных собраний, а также и желание армии, но «если монархисты пожелают выдвигать свои права, не признаваемые нацией, то принц снова прибегнет к общему голосованию для торжественного признания себя императором».

Наше правительство было прекрасно осведомлено о том, что происходило во Франции. Кроме содержательных донесений Киселева, граф Нессельроде получил в конце апреля обширное письмо проводившего в Париже свой отпуск старшего советника Министерства иностранных дел К. К. Лабенского. В этом замечательном письме⁸⁷ автор рассматривает три вопроса. Первый касается прочности и силы власти Людовика-Наполеона. Лабенский находит ее весьма сильной. «Армия ее поддерживает, народ за нее. Устали от анархии, боятся угроз социализма. С общества довольно болтовни трибун и злоупотребления свободой прессы. Оно хочет спокойствия, не заботясь о том, каков человек, который его приносит». Со временем, конечно, общество проснется. Ему надоест бездействие, оно почувствует свое унижение, познав тот деспотизм, которым его наделила смелая кучка авантюристов и задолжавших заговорщиков. Людовик-Наполеон делает неправильный расчет, думая исключительно опираться на низшие классы. «Нельзя управлять Францией, не обращая внимание на общественное мнение». Общество также послушно некоторому закону тяготения, и всегда кончается тем, что мнение высших классов опускается и распространяется в низших.

Вопрос о восстановлении империи, по мнению Лабенского, должен разрешиться положительно, хотя и неизвестно когда именно. Трудно предвидеть что-либо, когда приходится иметь дело с таким человеком, как Людовик-Наполеон. Отношения к нему Европы и в особенности наши предостережения произвели на него угнетающее впечатление. Он постарается убедить Европу в необходимости восстановления империи посредством народных манифестаций. Он отправится путешествовать; «к приветствиям армии присоединятся приветствия департаментов, и по возвращении сенат займется заключением дела». Лабенский в точности предвидел течение событий.

Автор письма не предполагал, чтобы восстановление империи угрожало Европе неотложной войной. «У вас, граф, есть время свободно закончить курс лечение в Киссингене», — заключил Лабенский свое интересное письмо.

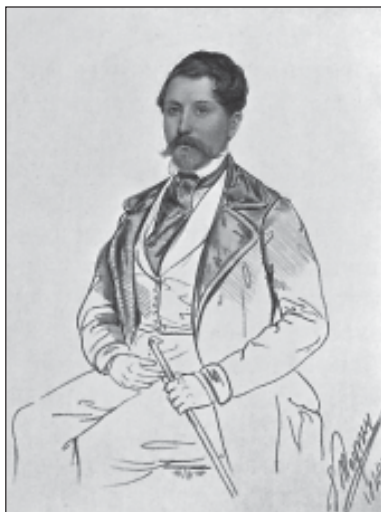
Киселев, со своей стороны, также сообщал, что не следует ожидать немедленного провозглашения империи. Народ и армия благоприятно расположены к Людовику-Наполеону, но далеки от энтузиазма, и президент хорошо сознает те политические затруднения, которыми должно сопровождаться принятие им императорского титула⁸⁸.

В это время император Николай был в Берлине. Туда прибыл с особым поручением от принца-президента к государю барон Гекерен, который, в качестве бывшего офицера нашей гвардии⁸⁹, был принят императором Николаем «*condamne et gracie*». Он изложил перед государем виды Людовика-Наполеона относительно возможного изменения формы правления и надежды на поддержку держав в его борьбе с революционными партиями, причем заметил, что принц-президент, со своей стороны, готов дать всякие гарантии своего миролюбия и уважения к трактатам; он даже приступит к разоружению.

В ответ на заявления Гекерена государь заметил, что никто в Европе не признавал так открыто, как он, заслуг принца делу поддержания порядка, и никто так искренно не аплодировал всем действиям Людовика-Наполеона, при помощи которых он учредил во Франции твердое правительство, опирающееся на прочное основание консервативных начал. С другой стороны, император Николай не скрыл, что не видит необходимости изменять в чем-либо прекрасного положения принца, но если бы такой случай имел место, то Его Величество выскажется о нем лишь по получении гарантий, о которых упомянул барон Гекерен. Когда же посол коснулся вопроса о наследственности, то государь остановил его следующими словами: «Я не хочу знать намерений Людовика-Наполеона в этом отношении; он человек честный, и я полагаюсь на него»⁹⁰. Достоин внимания, что в разговоре с императором Францем-Иосифом тот же Гекерен не считал нужным говорить о разоружении, а по вопросу о наследственности заметил, что «Людовик-Наполеон не думает передать власть кому-либо из членов своей фамилии, так как он их презирает»⁹¹.

Во избежание возникновения «сомнений относительно слов, сказанных государем барону Гекерену», текст разговора был сообщен для сведения нашему послу в Париже⁹².

В тот же день граф Нессельроде сообщил Киселеву, что благодаря путешествию государя установилось между тремя северными монархами полное единомыслие по вопросу о провозглашении Людовика-Наполеона императором. «Как только это событие

Барон Гекерен (с литографии по рисунку Л. Вагнера, 1844 г.)

совершится, — писал канцлер⁹³, — вы должны сговориться с послами австрийским и прусским, чтобы прежде всего получить от Людовика-Наполеона гарантии его миролюбивых намерений и *форменное обязательство*⁹⁴ уважения существующих трактатов и установленного ими территориального распределения»⁹⁵. По получении этих гарантий Киселев должен был признать императорский титул Людовика-Наполеона посредством известной уже декларации, которая была выполнена тремя дворами.

Путешествие государя и его переговоры с союзниками, конечно, обратили на себя внимание французского пра-

вительства. Парижский посол в Вене де Лакур (de Lasour) обратился к графу Булю, который после князя Шварценберга занял пост первого министра, с соответствующим запросом, носившим частный характер, а потому венскому кабинету легко было оставить этот запрос без определенного ответа. Но граф Буль предвидел, что вопрос повторится в официальной форме, и предлагал союзным кабинетам отвечать в том смысле, что три двора, на случай новых событий во Франции, установили совместность и тождественность своих действий, не определяя пока их ближайшего характера⁹⁶.

Континентальные державы решили после установившегося между ними соглашения сделать попытку привлечь на свою сторону и Англию. С этой целью их представители вступили в тайные переговоры с лордами Дерби и Мальмсбери. Хотя английский кабинет дружески откликнулся на призыв союзников, но вскоре оказалось, что, по выражению барона Бруннова, «мы не могли надеяться на вполне благоприятный результат»⁹⁷. Великобританские министры прямо заявили⁹⁸, что, руководствуясь началом полного права каждой независимой нации выбирать себе любой образ правления, Англия признает Людовика-Наполеона императором без всяких условий. Но лорд Дерби, находя, что было бы полезно получить от президента обязательство в уважении трактатов и в сохранении территориального разграничения Европы, предлагал заключить с

принцем-президентом конвенцию, в которой он дал бы эти обязательства за отмену статьи, устранявшей Бонапартов от верховной власти во Франции. Английская точка зрения существенно отличалась от точки зрения трех континентальных держав, и трудно понять, почему барон Бруннов полагал, что переговоры с британским кабинетом принесли пользу «нашим дружественным и доверчивым сношениям с Англией»⁹⁹.

Наше правительство, очевидно, не могло согласиться на лондонские предложения. Конвенция с Людовиком-Наполеоном в таком виде являлась бы частичным пересмотром трактатов 1814 и 1815 годов, о чем мы не хотели и думать. Император Николай на депеше барона Бруннова положил по этому поводу следующую пометку¹⁰⁰: «Вопрос о наследственности мне кажется непреодолимым препятствием в этом проекте; наследственность не может быть принята, и нет сомнения, что президент, без предварительно данного на это согласия, никогда не согласится ни на какое обязательство».

Иначе смотрели на это англичане. Они, видимо, разделяли мнение Веллингтона, приведенное в одной из депеш барона Бруннова¹⁰¹. Указав на Наполеона I, Карла X и Людовика-Филиппа, знаменитый фельдмаршал заметил, говоря про Францию: «Каждое царствование там кончалось изгнанием. Таким образом, наследственность во Франции нельзя принимать в расчет, как вещь вероятную. Это только одно предположение».

В своей депеше барон Бруннов касался также весьма важного вопроса о необходимости щадить, по примеру Англии, щепетильность представителя верховной власти во Франции. Это условие, прибавляет барон, «будет более всего чувствительно для нашего августейшего монарха. Он любит только истину; он относится с уважением только к тому, что основано на законности, праве и справедливости. По долгу государя и по желанию сохранить свету благоденствие мира, он сумел уже принести не одну жертву для спокойствия России и Европы. Но это будет жертва лично для него»...

Между тем президент неуклонно стремился к осуществлению своей цели. Он установил на 15 августа торжественное празднование дня рождения Наполеона I не только во Франции, но и во французских посольствах, миссиях и консульствах за границей. У нас всякое внешнее торжество было запрещено. На последовавшем по этому поводу докладе сенатора Сениявина¹⁰² государь написал: «Совершенно согласен; разумеется, что день рождения *самого* президента может быть празднован, как по обычаю водится при здешних иностранных миссиях; но нет никакого приличия праздновать рождения покойного Наполеона у нас, откуда препровожден был с подобающей честью от Москвы до Ков-

К. К. Лабенский
(с немецкой литографии)

ны. Не только в Берлин и в Вену, написать следует и в Париж и в Лондон».

Депеша канцлера с этим распоряжением¹⁰³ была доставлена Киселеву распечатанной. В ней говорилось, что события, связанные с днем рождения Наполеона I, не покрыты исторической давностью и могли бы возбудить страсти в Польше и чувство народной гордости в России. Далее канцлер довольно наивно спрашивал, не есть ли празднование 15 августа пробный шар со стороны Людовика-Наполеона?

События вскоре рассеяли сомнения графа Нессельроде. «Здесь все похоже, — доносил Киселев¹⁰⁴, — на прибли-

жение к будущему восстановлению империи»¹⁰⁵; через несколько же дней он сообщал¹⁰⁶, что «общее ожидание перемены, о которой говорят, как о вещи, долженствующей на днях совершиться, оставляет очень мало сомнения в замене в более или менее близком будущем республики империей»¹⁰⁷.

Вскоре вслед за этим, а именно 9 октября, Людовик-Наполеон произнес в Бордо свою знаменитую речь, которая поставила прямо на очередь вопрос о восстановлении в его лице империи¹⁰⁸. Дальнейшее путешествие принца-президента по Франции походило уже на триумфальное шествие, а его возвращение в Париж вызвало восторженную встречу со стороны народа. На арке у Аустерлицкого моста красовалась надпись «La ville de Paris à Louis-Napoléon, Empereur», а народные массы повсюду кричали: «Vive l'Empereur»¹⁰⁹. На следующий день в официальном «Moniteur» появилась заметка, которая заявляла, что «ввиду блестящей манифестации всей Франции» в пользу «восстановления империи, президент считает своей обязанностью посоветоваться с сенатом».

В своем послании к сенату Людовик-Наполеон бросил вызов Европе, указав, что восстановление империи будет «мирной местью» за трактаты 1814 и 1815 годов¹¹⁰.

Между тем переговоры между державами по этому предмету вошли в новую стадию. Англичане начинали опасаться морской демонстрации со стороны Франции и полагали, что она предпри-

мет экспедицию в защиту Испании от поползновений Соединенных Штатов на остров Кубу¹¹¹, что, разумеется, лондонскому кабинету было бы приятнее, чем более близкая экспедиция беспокойной соседки. Великобританские министры начинали чувствовать, по словам барона Бруннова¹¹², что «империя не всегда будет означать мир»¹¹³, и это заставило их более внимательно отнестись к предложению континентальных держав о выработке совместных условий признания нового императора. Британский кабинет пришел к убеждению¹¹⁴, что неудобно признавать за новой главой французского правительства титул Наполеона III, так как «этот титул придавал бы его власти законное происхождение, какого она никогда не будет иметь в глазах английского правительства, так как оно может признать в Людовике-Наполеоне лишь власть, истекающую из народного избрания, но не по праву преемственности». Против этого места депеши государь отметил: «C'est cela». Когда лорд Мальмсбери заметил французскому послу в Лондоне графу Валуевскому на его уведомление о намерении Людовика-Наполеона принять титул Наполеона III, что этот титул «заставил бы лгать историю», французский посланник был неприятно смущен. В результате английское правительство решило сговориться по этому вопросу с союзными дворами.

Мнение нашего двора можно было предвидеть. На депеше барона Бруннова государь написал: «Очень хорошо; мое мнение называть его *Louis-Napoléon, Empereur des Français* и только. Если он будет сердиться, тем хуже для него, а если он станет дерзким, то Киселев покинет Париж»¹¹⁵.

Во исполнение приведенной резолюции государя 29 октября граф Нессельроде сообщил нашим представителям в Лондоне, Вене и Берлине обширный меморандум¹¹⁶, в котором излагалась точка зрения петербургского кабинета. В частном же письме к барону Бруннову¹¹⁷ канцлер приводил многочисленные основания, которые должны были убедить англичан, что признание императора французов под именем Наполеона III невозможно, и отказ держав в этом отношении не может быть оскорбителен для Франции, так как он касается не самой империи и не императора, а цифры III, которая уничтожала бы существовавшие трактаты.

Сам меморандум повторял эти рассуждения на пятнадцать страницах, написанных, впрочем, довольно размашистым почерком. Он начинался замечанием, что майский протокол соглашения трех держав не предвидел возможности, «которой мы отказываемся верить — так она безрассудна», приставки к имени будущего императора Наполеона цифры III. Признать ее значило бы отрицать все прошедшее, и союзные державы не могут согласиться на такой титул. «Государь не сделает этого, так как он решился не забывать памяти своего покойного брата, связанной со славной для России эпохой».

**Барон Гюбнер, австрийский
посол в Париже**
(с литографии А. Лемуана)

Граф Нессельроде предлагал державам немедленно принять необходимые меры предосторожности, чтобы Людовик-Наполеон не думал, что «он может отважиться на все». Канцлер рекомендовал предупредить президента, так как, «может быть, предвиденное непризнание его державы не останется без внимания... Иначе же может наступить минута, когда ни одной из сторон нельзя будет отступить с честью». Замечание относительно цифры III относилось также и к титулу Алжирского короля, если бы президент пожелал его принять, и к титулу Протектора Святых мест, которого императорский кабинет, несомненно, не признает.

Государь одобрил меморандум, вычеркнув из него лишь неудачную ссылку графа Нессель-

роде на пример Людовика-Филиппа, не назвавшегося ни Людовиком XIX, ни Филиппом V.

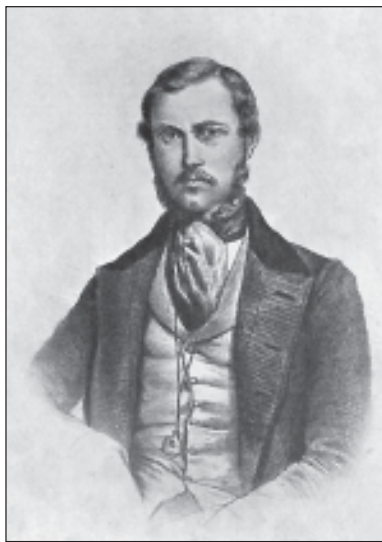
В начале ноября, отправляя бывшего в отпуске Киселева обратно в Париж, император Николай обратился к принцу-президенту с собственноручным письмом¹¹⁸. «Никто более меня, — писал государь, — не оценит энергии вашего характера, вашего умения управлять страной и вашего участия в подавлении во Франции анархии и в восстановлении порядка. Но чем искреннее мои чувства, тем мне больнее было узнать, что вы намереваетесь вступить на путь, который вас поставит вне Европы. Все державы единодушно признают новую форму правления, которую Франция, в полной своей независимости, готова себе дать. Но они не могут принять положения, в которое вы их поставите, заставляя их одним признанием династического имени, которое вы желаете принять, отказаться от политического прошлого. Из уважения к себе они не могут согласиться объявить ничтожными и недействительными события, договоры, наконец, весь порядок вещей, который Европа признает существующим 38 лет. Не ставьте их в это положение. Избегайте возбуждать вопрос, заключающий зачатки споров, щепетильностей, непримиримых требований и без нужды возжигающий страсти прежних лет. Мы

все желаем жить с вами в добром согласии, не отнимайте же от нас средств для этого. Исторические факты не могут быть стерты словами. Примите их в прошедшем, как мы принимаем в настоящем изменения, вызываемые вашим восшествием на императорский престол. Я уполномочиваю моего посланника развить перед вами всю мою мысль по этому предмету и ограничиваюсь пожеланиями, чтобы в этом важном случае Провидение вдохновило вас решением, сообразным как с вашими интересами, так и с интересами остального мира».

Делая из чувства долга эту последнюю попытку, государь едва ли мог думать, что письмо от 5 ноября изменит решение президента.

Тем временем в дипломатической переписке возникли вопросы этикета, связанные с предстоящим признанием неминуемого уже изменения во Франции формы правления.

Австрийский двор, в противность прежнего мнения князя Шварценберга, начал склоняться к тому убеждению, чтобы государь в своих обращениях к новому императору французов писал ему: «Monsieur mon frère»¹¹⁹. Граф Нессельроде возбуждал вопрос о том, как поступить аккредитованным при президенте представителям союзных держав, если бы он пригласил их на торжество восстановления империи, и предлагал, чтобы они явились в Тюильри только в том случае, если цель торжества не будет упомянута, и вслед за провозглашением объявили бы о прекращении своих полномочий¹²⁰. Второстепенные немецкие державы испрашивали в Вене соответствующих инструкций, и австрийский кабинет объявил, что его представитель останется в Париже, но будет считать свои полномочия прекратившимися¹²¹. Лорд Мальмсбери продолжал еще говорить о невозможности признания титула Наполеона III, и граф Буоль радовался соглашению с с.-джемским кабинетом, «к которому несомненно примкнут петербургский и берлинский дворы»¹²²; в своей инструкции послу в Париже он

*Тувенель
(с французского рисунка
того времени)*

прямо указывал на необходимость выказать перед французским правительством полную солидарность союзных дворов.

Король прусский также интересовался вопросом о форме обращения к новому императору в кабинетных письмах и хотя упоминал о наименовании «mon frère», которое было дано покойным королем Людовик-Филиппу, но решил во всем следовать указаниям нашего кабинета¹²³. Король склонялся к мысли, предложенной лордом Мальмсбери, о созыве конференции для установления программы поведения четырех великих держав по отношению к Франции. Он вообще смотрел на Людовика-Наполеона как на бич Божий, называл его «воплощенной революцией» и «хищной птицей»¹²⁴. Он боялся колебаний Австрии и Англии и писал Бунзену, что «история не обесчестит лишь императора Николая и его — короля»¹²⁵.

Великобританский кабинет действительно колебался. Он удовлетворился объяснениями Людовика-Наполеона лорду Коулею, что принятие им титула Наполеона III не угрожает ни Англии, ни Европе. Принц высказал, что все правительства, бывшие во Франции с 1815 года, он считает законными, что его власть имеет единственным основанием народную волю, и он не называет себя по преемственности своего рода Наполеоном V и начало царствования будет считать со дня провозглашения империи.

Лорд Мальмсбери сообщил барону Бруннову эти объяснения принца с видимым удовольствием¹²⁶. Но наш посланник такого удовольствия не высказал. «Если Людовик-Наполеон, — писал барон, — не первый, а третий, то он продолжает серию, начатую до него; это очевидно». К удивлению барона Бруннова, английский министр не убедился этой логикой. Он заметил, что цифра III есть простая арифметическая формула, теряющая всякое династическое значение, если она не опирается на наследственное право, от которого Людовик-Наполеон сам отказывается. Лорд Дерби вполне разделял взгляды своего товарища и находил, что меморандум графа Нессельроде является несколько запоздавшим, а его рассуждения неприложимыми после новых объяснений французского правительства. Английские министры предлагали собрать конференцию в Лондоне, но барон Бруннов восстал против этой мысли, так как конференция «не будет иметь определенного основания, если британское правительство, находясь изо дня в день под влиянием объяснений, органом которых служит лорд Коулей, удовлетворится тем порядком вещей, на который три союзные двора могут смотреть с совершенно иной точки зрения»¹²⁷. ... Там, где не имеется твердо установившегося решения настаивать общими силами на системе, ясно определенной, необходимо спасти по крайней мере полную независимость взглядов каждого кабинета. Наш кабинет судит настоящее положение так, как оно ему представляется. Он воспользуется впоследствии полной свободой действий и примет то, что

его удовлетворит, и отвергнет не подходящее к этим условиям». Это место рассуждений нашего посла удостоилось следующей отметки государя: «Bravo, merci, Brunnow!».

Барон Бруннов искал утешения у австрийского посланника, и эти два дипломата пришли к заключению, что великобританские министры «окончат принятием цифры III в виде молчаливого допуска, если не в виде точного признания. Они склоняются к решению, избавляющему их от определенного положения, которого они не в силах долго удержать».

Мерка какой-то салонной трусости и отваги, личной чести и личной обидчивости применялась нашим дипломатом к деятельности английских министров. В депеше нет ни одного слова о политических интересах Великобритании и о значении для нас и для нее дружбы с будущей французской империей. Эти донесения производили такое впечатление, что будто наш дипломат, зная рыцарские и благородные чувства императора Николая, писал их не для того, чтобы осведомить свое правительство об истинном положении дел, а единственно с целью заслужить похвалу за смелые, рыцарские речи, обращаемые к «трусливым» английским министрам.

Включение вопросов чести в политические переговоры было органическим недугом нашей дипломатии, которая к тому же не ограничивалась заботами только о чести одной России. Граф Нессельроде вполне сходил с бароном Брунновым относительно отклонения созыва конференции в Лондоне и продолжал убеждать Англию в необходимости не признавать титула Наполеона III. «Покажем ему, — пишет канцлер, — что есть вопросы, в которых великие державы не сделают уступок; их и так сделано много. По несправедливому требованию г-на Жерома Бонапарта, за ним признано право первенства перед посланниками, хотя он не принц крови, а простой французский чиновник... Если мы, — замечает далее граф Нессельроде, — попустимся теперь европейской

*Граф Гацфельдт, прусский
посол в Париже (с литогра-
фии Э. Де-Мезона, 1856 г.)*

честью, то можем быть уверены, что Людовик-Наполеон пойдет еще далее и будет совершать свою «мирную месть»¹²⁸ в Бельгии, Савойе, Тунисе, Марокко, Константинополе». Канцлер, упомянув между прочим о вызове, брошенном президентом державам в его послании Сенату¹²⁹, счел долгом отметить, что император Николай в вопросе о цифре III считает замешанной свою честь¹³⁰.

Тем временем Куракин сообщал из Парижа, что между президентом и английским послом лордом Коулей установились близкие отношения и Друэн де Люис заявил австрийскому представителю о признании Англией титула «Наполеон III»¹³¹. Французский министр иностранных дел объяснял также законность этого титула генералу Кастельбажаку¹³². «Где же, — писал он, — хотят видеть во всем этом намерение уничтожить предшествовавшие события, заставить Европу отречься от того, что она сделала? Это неосновательное подозрение, которым можно прикрывать лишь предвзятое неблагоприятное положение, но это не есть серьезный довод, на который могло бы опираться правительство рассудительное и благонастроенное. Мы не просим Европу отказываться от совершенных ею актов, но мы надеемся, что она не будет отрицать и наших и не упразднит царствования Наполеона II, хотя оно и продолжалось только восемь дней»¹³³...

В беседе с Куракиным¹³⁴ французский министр высказался совершенно откровенно. Он заметил, что Англия вполне удовлетворилась его объяснениями, и что, если другие государства будут придерживаться системы недоверия и недоброжелательства, то им нечего будет удивляться, в случае Франция бросится в объятия Великобритании и постарается привлечь к этому союзу еще некоторые государства континента. «Разве можем мы оставить наших друзей, — объяснил Друэн де Люис свою мысль, — для тех, которые нам показывают только холодность и дурное расположение?»¹³⁵ Свой разговор представитель принца-президента закончил восхищением личностью императора Николая. «Я не знаю, что я дал бы, — заключил он, — чтобы отправиться к вам и находиться лицом к лицу с вашим великим Монархом!»¹³⁶

Усилия французского правительства не привели, однако, ни к какому результату. Почти уже накануне провозглашения империи граф Нессельроде продолжал спорить против доводов представителей Людовика-Наполеона. Упомянув в своей депеше к Киселеву¹³⁷ о различии, существующем между принципом чистого монархизма и властью, данной волей народной, канцлер выражал сомнение, чтобы в нравственном отношении такая империя могла служить гарантией общего спокойствия. Но на этот исключительно французский вопрос граф Нессельроде смотрел как не касавшийся Европы, и все свои возражения направлял против наследственных предположений принца-президента. «Нам говорят, — писал канц-

лер, — что император Наполеон II царствовал юридически и фактически, что он был провозглашен палатами, и что правительственные акты издавались от его имени. Это, может быть, хорошо для Франции, но для Европы дело обстоит иначе. Для Европы с 1814 года сам Наполеон I перестал царствовать во Франции; он в 1815 году не мог отказываться от престола в пользу не присутствовавшего сына, который для остального мира не царствовал поэтому ни юридически, ни фактически... Вот две истории и два международных права (*droits publics*), открыто выставленные на вид».

Рассуждения канцлера встретились в дороге с депешей Киселева¹³⁸, подробно описывавшей аудиенцию 17 (29) ноября, в которой он вручил Людовику-Наполеону вышеприведенное письмо государя. Наш посол начал с уверения, что император Николай питает по отношению к принцу чувства «благосклонности, сочувствия и симпатии», что государь «удивлялся его откровенности и смелости» и умеет ценить услуги, оказанные им поддержанию порядка и власти. Со своей стороны, Людовик-Наполеон, прочитав письмо, сказал Киселеву, что мог бы ответить императору его же словами, которые применяются не к державам, а к принцу. «Я не могу принять положения, — прочитал он, — которое меня обязывает отказаться от прошлого и объявить несуществовавшим все то, что меня касается так близко, не посягнув на достоинство Франции и мое. Я уверен, зная характер императора, что он сказал бы, что я делаю подлость, не принимая имени, которому я всем обязан, и которое составляет всю мою силу».

Киселев советовал принцу писать государю откровенно и свободно, но в то же время убеждал его отказаться от принятия имени Наполеона III и подверг резкой критике выражение послания президента сенату «*vengeance pacifique*», придавая преувеличенное значение этому более эффектному, чем существенному выражению. В заключение наш посол обратил внимание своего собеседника на то, что Россия всеми мерами старается никого не обидеть, но это вызвало в ответ со стороны президента грустный вздох: «Ah, *sependant!*»

Все это происходило почти накануне провозглашения империи, когда было уже известно, что Англия признает цифру III, и что эта цифра, несомненно, будет принята новым императором.

Французским сенатом еще за месяц до вышеприведенной аудиенции нашего посланника было принято предложение комиссии о «восстановлении императорского достоинства в пользу Людовика-Наполеона и его потомства». 21 ноября нового стиля было всенародное голосование, а 1 декабря законодательный корпус провозгласил результаты плебисцита, при-

Император Наполеон III

чем за предложение сената было подано 7 824 189 голосов против 253 145 голосов, и воздержалось от голосования более двух миллионов граждан.

В ночь на 2 декабря, тотчас по окончании подсчета, в замок Сен-Клу, где проживал президент, отправились в каретах, предшествуемых факелами, сенаторы, депутаты и государственные советники. Новый император на их приветствия ответил, что он рассчитывает на сотрудничество «независимых людей, которые ему помогут своими советами и введут его власть в надлежащие границы, если бы она когда-либо их перешагнула».

Свой прием Наполеон III закончил словами: «Я не только признаю правительства, которые мне предшествовали, но в некотором смысле я наследую то, что ими сделано хорошего или дурного... Мое царствование начинается не с 1815 года, а с настоящей минуты, когда вы сообщаете мне волю нации»...

Официальное уведомление о преобразовании верховной власти во Франции было сделано Друэн де Люисом 2 декабря¹³⁹. «Новый император, — писал французский министр, — вступает милостью Божественного Провидения на престол вследствие почти единогласного призыва французского народа... Я спешу исполнить приказание главы государства и сообщить через вас правительству Императора Всероссийского об его восшествии на престол. Это преобразование в политической конституции Франции требует, по обычаю, чтобы дипломатические представители, аккредитованные в Париже, так же, как и представители императора французов при иностранных дворах, получили новые верительные грамоты. Однако, пока исполнится эта двойная формальность, мне будет приятно поддерживать с вами официально сношения, соответствующие доброму согласию, которое существует и не перестанет существовать между нашими правительствами. Действительно, если Франция избирает себе образ правления, наиболее подходящий к ее нравам, преданиям и к месту, занимаемому ею в мире, если восстановлением монархии ее интересы получают гарантию, которой им недоставало, то в этом нет ничего, что могло бы изменить ее внешнее по-

ложение. Император признает и одобрит все то, что в течение четырех лет признал и одобрил президент республики. Та же рука, та же мысль будут управлять судьбами Франции, а опыт, совершенный при самых трудных обстоятельствах, достаточно доказал, что французское правительство, ревниво оберегая свои права, равно уважает чужие и придает величайшую цену сохранению общего мира»...

Император Николай нашел это сообщение весьма удовлетворительным. На препроводительной депеше Киселева, в которой он между прочим сообщал о собрании у него посланников для выработки общего ответа, государь написал¹⁴⁰: «Я нахожу французское сообщение очень приличным; соединение у *Киселева* английского министра со всеми другими примечательно; может быть, ответ всех четырех будет одинаков»¹⁴¹.

Тем временем дипломатические перья продолжали скрипеть в канцеляриях всех европейских кабинетов. Все еще продолжал обсуждаться вопрос о цифре III и о том, должны ли государи писать императору французов: «*Monsieur mon frère*», или как-нибудь иначе.

Еще в то время, когда предполагалось, что Англия не примет цифры III, Австрия высказывала мнение, что новому императору придется писать «*frère*», потому что такое обращение применялось и к королю Людовику-Филиппу¹⁴². Что касается поднятого графом Нессельроде вопроса о династической цифре, то, по мнению графа Буоля, он может быть оставлен открытым, если новое французское правительство не затронет его в своих сообщениях само¹⁴³. Через несколько дней

австрийский министр сообщил нашему представителю Фонтону свой взгляд в более определенной форме¹⁴⁴. По его мнению, три державы должны настаивать на следующем: 1) признание ими перемены образа правления во Франции должно последовать одновременно; 2) если Людовик-Наполеон раньше не даст гарантий относительно трактатов и территориальных границ, то упомянуть об этих гарантиях в акте признания; 3) не признавать цифры III, и если будет о ней речь во французском сообщении, то отвергнуть ее заявлением, что для держав Наполеон II никогда не

*Князь А. М. Горчаков
(с портрета масляными
красками)*

царствовал, и 4) майский протокол по вопросу о наследственности должен оставаться в силе. Граф Буоль затрагивал вопрос и об обращении «*mon frère*». Он заявлял, что Австрия согласна на это обращение, если его предпочтут два другие двора, но, со своей стороны, она предпочла бы титул «*sire*», так как не признает за Людовиком-Наполеоном династического права ни в прошедшем, ни в будущем. Эти предложения австрийского правительства были утверждены следующей пометкой императора Николая на депеше Фонтона: «Для нас не может быть вопроса о Наполеоне III, так как эта цифра нелепость; обращение должно быть: «Его величеству, императору французов», *совершенно коротко*, и подписано не «брат», а только «Франц-Иосиф», «Фридрих-Вильгельм» и «Николай», а, если возможно, то и «Виктория»¹⁴⁵.

Прусский двор в половине ноября, со своей стороны, заявил¹⁴⁶, что он «без колебания принимает все возможные последствия твердого и энергичного положения, которое три континентальных державы и Англия сообщат примут против будущего императора французов»¹⁴⁷. Но прусская «*attitude ferme*» поколебалась, когда стало известно настроение великобританского правительства и когда французский представитель Варенн объяснил прусским министрам, что цифра III имеет лишь «внутреннее» значение и не может относиться к внешним сношениям Франции. «Вот как!» — иронический заметил император Николай на полях депеш нашего посла¹⁴⁸.

Представители держав в Лондоне, собравшись у лорда Мальмсбери, старались выработать правила общего по отношению к Франции поведения и составили меморандум¹⁴⁹, согласно которого они устанавливали, что происшедшая в этой стране перемена правительства есть ее внутреннее дело, почему державы не находят нужным высказываться по поводу этой перемены и будут продолжать с Францией отношения доброго согласия, как с прежними ее правительствами. Ввиду происшедших с 1815 года изменений державы решились признать принца-президента императором французов, что должно было служить для Франции гарантией их миролюбивых намерений. Меморандум останавливался на данных Людовиком-Наполеоном обещаниях относительно охранения общего спокойствия, выражал надежды держав на исполнение этих обещаний и заявлял, что державы будут защищать освященный трактатами *statu quo*. Он был помечен 3 декабря для того, чтобы предшествовать отправленной лорду Коулею депеше о высылке ему в Париж новых кредитивных грамот¹⁵⁰.

Три дня спустя барон Бруннов сообщал о последовавших в палатах лордов и общин объяснениях лорда Мальмсбери и сэра Дизраэли относительно происшедшей во Франции перемены и о том, что великобританское правительство, удовлетвоваввшись объяс-

нениями нового императора, признало эту перемену без всяких ограничений¹⁵¹. Это известие вызвало следующую заметку государя: «Все это похоже на то, когда дети говорят, когда боятся — дядюшка, боюсь! В этом меня окончательно убедили донесения Горчакова¹⁵², которые я получил сегодня вечером. Любопытно, как наивно со стороны английских министров сознание страха; это печально». Такое мнение государя можно поставить в связь с другой более ранней депешей Бруннова¹⁵³, в которой говорилось об опасениях лорда Абердина и других министров по поводу слухов, что Людовик-Наполеон, «кажется, задумал нападение на Англию».

Донесения из Парижа давно уже подтверждали близкие отношения, установившиеся между президентом и лордом Коулем, а потому надо было ожидать, что Великобритания одной из первых признает императора Наполеона III¹⁵⁴, что в действительности и случилось; при этом кабинетные письма всех поторопившихся признать империю дворов начинались формулой: «Monsieur mon frère».

Киселев, сообщая об этом¹⁵⁵, замечает, что «все внимание Тюильрийского дворца теперь обращено в сторону России. С огромным нетерпением ожидают известий, какой прием именно у нас встретят сообщение о перемене правления и речь в Сен-Клу, и считают дни, когда может прибыть признание из Петербурга»¹⁵⁶.

У нас между тем не торопились и продолжали беседовать с Веной, Берлином и Лондоном. Австрийцы спорили с англичанами о том, что цифра III при имени Наполеона является самым формальным «отказом от всей прошедшей истории»¹⁵⁷, сообщали о том же в Петербург и беспокоились о формуле «frère» в кабинетных письмах. При этом Австрия вновь заявляла, что она согласна на такое наименование, но предпочитает короткое «sire»¹⁵⁸. Государь написал против этого места венской депеши: «Sire et Votre Majesté et pas de frère». Граф Нессельроде находил более подходящими свои предложения, и император Николай заметил на его докладе¹⁵⁹: «Я совершенно согласен с вами относительно сообщений, которые нужно сделать в Париж; мы ограничимся тем, о чем говорили. Я также остаюсь при решении подписаться очень коротко, как я это делал до сих пор — *votre ami Nicolas*».

Но через несколько дней взгляды графа Буоля изменились, и он выражал нашему представителю сожаление о том, что поднял вопрос о титуле «frère», так как отказ Наполеону в таком обращении при одновременном признании его императором являлся бы «проявлением недовольства, мало согласным с достоинством держав»¹⁶⁰.

Несмотря на видимые колебания Австрии, в намерениях петербургского кабинета не произошло никаких изменений. 5 декабря граф Нессельроде докладывал проекты депеш новому фран-

**Барон Буркеней, представи-
тель Австрии в Париже**
(с литографии Ланта)

что его проекты отличаются большей определенностью, чем австрийские. Однако в решительный момент граф Нессельроде колебался и 7 декабря представил государю следующие соображения¹⁶⁵: «Так как исключение «mon frère» представит пилюлю, которую новому императору будет труднее всего проглотить, а, с другой стороны, было бы достойно сожаления, если бы этот вопрос этикета привел к разрыву с Францией, то я счел бы полезным в частном письме снабдить Киселева некоторыми доказательствами, способными убедить Людовика-Наполеона, что Ваше Величество не руководствовались никаким личным против него предубеждением». Государь не только одобрил идею Нессельроде, но приказал сообщить его письмо австрийскому и прусскому посланникам.

Автор письма¹⁶⁶ советовал Киселеву «faire un peu d'archéologie» и объяснить французскому правительству, что прежде все государи царствовали исключительно Божьей милостью, и, называя себя братьями, они признавали именно это роднящее их начало. Такое родство не существует между ними и новыми властелинами народного и демократического происхождения. Сам Наполеон подчеркнул эту разницу, называя свое правительство

цузскому правительству, и государь написал на докладе¹⁶¹: «Отлично, и больше нечего прибавлять. Может представиться и должен быть предвиден один только случай, хотя и мало вероятный, это, если министр не примет писем без обращения «monsieur mon frère»; в этом случае официальная деятельность прекратится, и он испросит новых приказаний. Я думаю, что, может быть, было бы полезно сговориться с Венной и Берлином, чтобы наши министры в данном случае поступили одинаково»¹⁶².

Фонтону было сообщено в Вену, что наши верительные грамоты не будут заключать обращения «frère»¹⁶³. В другой же депеше, отправленной ему в тот же день¹⁶⁴, канцлер вновь подробно излагал наши взгляды на цифру III и замечал,

самым законным из всех. «Конечно, будут неудобства, — заключал граф Нессельроде, — как они были при Людовике-Филиппе, но теперь нас будет *трое*».

Канцлер заблуждался — мы были одни. Спустя три дня после отправления депеш Киселеву Будберг донес из Берлина¹⁶⁷, что король считает сыновним своим долгом не отказывать Наполеону в обращении «*monsieur mon frère*», потому что его отец именно так писал королю Людовику-Филиппу. Император Франц-Иосиф также сообщал в Берлин о своем согласии на обращение «*frère*», и нашему посланнику стоило большого труда уговорить своего австрийского товарища не сообщать прусскому правительству этого решения, так как оно еще может перемениться по получении в Вене наших депеш от 6 декабря¹⁶⁸.

Надеждам нашего посланника не было суждено осуществиться. Из Вены пришел окончательный ответ о принятии обеими германскими державами в письмах к Людовику-Наполеону обращения «*mon frère*»¹⁶⁹. Будбергу удалось только добиться предписания прусскому посланнику в Париже не вручать своих грамот до тех пор, пока не будут приняты грамоты Киселева¹⁷⁰. Граф Буоль поведение своего двора объяснял необходимостью согласовать поступки и речи обоих германских государств, ролью австрийского императора в Германском союзе и географическим положением Австрии¹⁷¹. В депеше же к графу Менсдорфу граф Буоль добавлял¹⁷², что, по справкам в архивах венского двора, императоры признавали титул «*frère*» за Наполеоном I, Людовиком-Филиппом и за польскими королями, которые, подобно Людовику-Наполеону, были монархами по избранию. «Это жалко, — заметил государь на депеше австрийского министра. — Разумеется, я останусь непоколебим в моем решении. Но поведение графа Буоля неизвинительно».

Граф Нессельроде¹⁷³ не скрыл перед венским кабинетом дурного впечатления, произведенного на императора Николая уклонением от общей формы, причем напомнил, что наши кредитивные грамоты написаны согласно формуле, «предпочитаемой» Австрией и «признанной» Пруссией. Свои доводы наш канцлер заканчивал объяснением личных чувств государя и напоминанием о публично брошенной Людовиком-Наполеоном перчатке в его известном послании. Видимо, граф Нессельроде не мог еще отрешиться от языка средневековых поединков.

Однако убеждения его на Австрию не подействовали: она даже не предписала своему представителю в Париже приостановить вручение грамот до приема писем Киселева, а только поручила ему не испрашивать в этом случае аудиенции, снести со своим правительством и объяснить французскому министру, что русская формула «*sire*» и «*bon ami*» не является обидной, если Россия не требует от императора французов и для себя иной фор-

В. П. Титов, русский посланник в Константинополе
(с фотографии с натуры)

мы¹⁷⁴. Нашему же представителю граф Буоль заявил, что продолжительное задерживание передачи Наполеону австрийских грамот, если бы он не принял верительных писем Киселева, является невозможным, так как Австрия не может отделиться от других германских дворов и предоставить свободное поле одной Англии¹⁷⁵. Австрийский министр оправдывался при этом тем обстоятельством, что формула обращения не обсуждалась на майских переговорах держав¹⁷⁶. Впрочем, венский и берлинский дворы заявили, что согласие трех держав остается ненарушимым, и, по сообщению Киселева, это согласие производило сильное впечатление на французское правительство.

«Дело в том, что здесь чувствуют, — пишет Киселев¹⁷⁷, — с какой плотной и соединенной силой имеют дело, и каковы бы ни были хвастовство и самодовольный вид стоящих у власти лиц после их торопливых разведок, их озабоченность усиливается изо дня в день при виде, что даже самые маленькие немецкие государства не могут показывать своей одиной уступчивости, и что Россия есть единственный ключ того единения, существование которого до сих пор считали невозможным или по крайней мере невероятным... Весь свет понимает, что это могущественная рука нашего монарха, которая держит и направляет единение такой силы, так как ни для кого не секрет, что государства германской конфедерации ни на что не решатся без соединенной воли Австрии и Пруссии, а что эти последние решат и сделают только то, что в своей мудрости решит и сделает государство»¹⁷⁸.

Впрочем, далее Киселев сознавался, что нетерпение Баварии и Виртемберга признать нового императора французов достигло последних пределов, и они более не ожидали бы примера Австрии и Пруссии.

Наш представитель в Париже сделал, со своей стороны, все возможное, чтобы ослабить впечатление уклонения в веритель-

ных письмах из Петербурга от обращения «monsieur mon frère» и облегчить новому императору французов их прием. Положение Киселева в особенности затруднилось благодаря полученному из Берлина через французского посла уведомлению, что оба немецкие двора приняли обычную в таких случаях форму.

Он передал Друэн де Люису официальное письмо¹⁷⁹, в котором сообщал удовольствие императорского правительства по поводу представленных новым императором гарантий мира и уважения к трактатам, а также сообщил о получении им новых кредитивных грамот, копию которых, а также копию наших оговорок относительно цифры III¹⁸⁰ он передал французскому министру. Относительно последнего документа Киселев, впрочем, заметил, что он предназначен лишь для хранения в архиве, а относительно кредитивных грамот повторил рассуждения канцлера из области «археологии».

Друэн де Люис не сдался на убеждения Киселева и заявил, что, по его личному мнению, наши верительные письма не могут быть приняты. Французские писатели добавляют, что при этом он заметил, что «петербургский двор очень молод, чтобы порывать традиции или создавать новые»¹⁸¹.

Французский министр не изменил своего взгляда и после свидания с графом Гацфельдом и Гюбнером, которые его предупредили, что, в случае отказа в приеме грамот Киселева, они приостановятся со вручением своих. Это вызвало только ядовитое замечание Друэн де Люиса, что он после этого не понимает их присутствия в Париже и ему остается по делам Австрии и Пруссии непосредственно обращаться к русскому представителю.

Существенную услугу Киселеву в таких затруднительных обстоятельствах оказал Морни. Убедившись в благорасположении императора Николая к новому императору французов, он уговорил последнего принять наши грамоты. Морни указал Наполеону, что для него важнее всего факт признания, а не форма, что сущность письма государя благожелательна и что принятие грамот не вызовет обвинений в трусости, так как во всей Европе только и речи, что об отважных воинственных замыслах нового властелина Франции.

Наполеон сдался на эти доводы и принял Киселева в торжественной аудиенции 5 января. В ответ на приветствие посланника и заявления о дружеских чувствах государя он сказал, что не может дать более очевидного доказательства цене, которую он придает этим заявлениям, как тем, что в данном случае он выше ставит сущность, а не форму, и, со своей стороны, сделает все, чтобы поддержать лучшие отношения с Россией. Girandeauc рассказывает¹⁸², что Наполеон произнес при этом: «Поблагодарите императора Николая за то имя, которое ему угодно было мне дать; я осо-

**Граф Кларендон, секретарь
посольства в Лондоне**
(с литографии С. Мэзона, 1856 г.)

бенно им тронут, так как братьев не выбирают, а выбирают друзей». Киселев, однако, о такой фразе не упоминает в своем подробном рапорте и ограничивается сообщением, что прием и беседа в кабинете Наполеона отличались дружеским характером¹⁸³.

Со своей стороны, и император Николай был доволен оборотом, который приняло дело. Он высказал это удовольствие генералу Кастельбажаку, прибавив, что благодарен за него Наполеону. «Мое доверие принадлежит ему, — сказал государь, — и я надеюсь, что он даст мне свое, как другу, потому что для меня выражения имеют смысл, а не простые слова»¹⁸⁴.

Таким образом вопрос о признании империи во Франции и о возобновлении с ней дипломатических сношений был наконец разрешен. Не подлежит, однако, сомнению, что отступление в последнюю минуту двух немецких держав от общего соглашения сделало в глазах французского правительства и народа виновной в том тяжелом впечатлении, которое произвели на них все переговоры, исключительно более всех расположенную к Франции Россию, и от этого впечатления французские историки не могут отрешиться до последнего времени.

Граф Нессельроде тем не менее остался очень доволен результатами нашей политики по отношению к Франции. В своем всеподданнейшем отчете за 1852 год¹⁸⁵ канцлер писал: «Насколько переворот 2 декабря прошлого года, прекративший во Франции анархию и водворивший там силу и власть, может приветствоваться с общественной точки зрения, настолько восстановление империи, бывшей прежде источником многих смут, должно вызвать раздумье и беспокойство... Спасти по крайней мере дух трактатов, буквою которых пришлось пожертвовать, признать новую империю в приличной форме и в приличных условиях, оговорить при признании настоящего факта наши права в будущем, а прежде всего придать признанию великих держав вид согласия и солидарности и

показать Франции Европу, решившуюся обуздать всякую попытку завоеваний, — таков был предмет наших переговоров и нашей дипломатической переписки с другими державами... Ваше Величество высоким своим положением, известной твердостью своего характера оказали большое влияние на способ окончательного признания империи. На вас были обращены все взгляды ваших союзников. От вас они ожидали первого поощрения».

В дальнейшем изложении канцлер не забыл ни об отказе государя при приеме барона Гекерена касаться вопроса о наследственности новой империи, ни о запрещении празднования консульствами 15 августа, ни о доказательствах невозможности признания цифры III, что было бы, по мнению графа Нессельроде, равносильно признанию, что Европа заключала трактаты с фиктивными монархами или с узурпаторами. «Что же станет, — восклицал он, — с обязательствами, которые мы заключали с этими призраками, с трактатами, с территориальным *status quo*, с европейским равновесием? Все постановления, опубликованные в течение 38 лет, подрываются в основании или по крайней мере вновь подлежат обсуждению!»

Но в особенности канцлер был доволен отказом Наполеону в титуле «*frère*», который вызвал в нем раздражение и горечь, и только благодаря вмешательству близкого лица и Англии не вывел его из границ «осторожности и умеренности». Высокомерие Наполеона принуждено было склониться перед Россией, потому что, объясняет граф Нессельроде, «отказывая в имени брата, Ваше Величество не внимали только внутреннему чувству, которое противилось следованию за всеми превращениями правительственной власти во Франции и необходимости обращаться, как с равными, с призрачными властелинами, поочередно возводимыми капризной судьбой на трон. В глубине этого самого отвращения таилась политическая мысль. Следовало, чтобы Людовик-Наполеон понес наказание за свое наглое послание и притворство, с которым он, провозглашая себя более законным государем из всех, противопоставил свой демократический принцип нашему». Все это канцлер называл «*une conduite amicale, pacifique, bienveillante, mais en même temps vigilante et ferme*» и заявлял, что такой же политической системы предполагается следовать и в тернистом вопросе о Святых местах.

Примечания

¹ Приложение № 12.

² См. главу VII.

³ См. там же.

⁴ «*Vous nous faites la leçon comme on la fait aux enfants et vous nous traitez comme tels*».

⁵ Барон Бруннов графу Нессельроде 23 апреля 1850 года.

⁶ Мартенс. Собрание трактатов. Т. XII. С. 256.

⁷ Донесение от 22 января 1851 года.

⁸ Татищев. Внешняя политика императора Николая I. С. 269.

⁹ Там же. С. 271.

¹⁰ Там же. С. 274.

¹¹ Для характеристики барона Бруннова весьма ценным материалом являются все его донесения, хранящиеся в Архиве Министерства иностранных дел, и частная переписка с графом Нессельроде, хранящаяся в Государственном архиве.

¹² «Dans cette manière de voir il y a quelque chose d'étroit et de profondément égoïste, qui doit répugner à notre Cabinet dont les vues portent sur l'avenir, parce que le pouvoir chez nous a la conviction de sa permanence... Le chef du cabinet anglais ne s'acquitte que de son devoir ministériel pour la durée du temps qui constitue pour lui la limite de son mandat parlementaire».

¹³ «...substitue une politique personnelle à une politique d'Etat». Мартенс (Собрание трактатов. Т. XII. С. 275).

¹⁴ Kinglake. L'invasion de la Crimée. Т. I.

¹⁵ Барон Бруннов, говоря в своей депеше канцлеру от 19 (31) декабря 1851 года, № 187 об отставке лорда Пальмерстона, приводит следующий мелкий, но ярко характеризующий несимпатичную личность этого министра факт. После своей отставки Пальмерстон отказался передать государственную печать своему преемнику лорду Гренвиллю или кому-либо другому, кроме королевы. В назначенный королевой час приема Пальмерстон не прибыл, и она, уже привыкшая к постоянным опаздываниям лорда, прождала его на этот раз целый час, но Пальмерстон не пожаловал вовсе. Обида королевы Виктории еще больше увеличилась, когда Пальмерстон прислал печать, не потрудившись вручить ее лично (Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852, I).

¹⁶ Депеши от 19 (31) декабря 1851 года и 15 (27) января 1852 года. В последней депеше барон Бруннов замечает, впрочем, в выноске, что французский посланник граф Валевский держится по этому поводу другого мнения. «Nous vergons», — самодовольно прибавляет барон Бруннов. (Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852, I—IV).

¹⁷ Этот документ помещается в приложении № 29.

¹⁸ От 15 января 1852 года, № 23. Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852.

¹⁹ «Vous ne pouviez vous méprendre, M. le Bon, sur l'impression que devait produire ici la chute de Ld Palmerston. Après les luttes si animées que nous avons eues à soutenir contre lui, après tout le mal qu'a fait en Europe sa politique tracassière et passionnée, on conçoit que nous ne saurions assez nous féliciter de voir remise en d'autres mains la direction de la politique extérieure de l'Angleterre».

²⁰ Seignobas. Histoire politique de l'Europe contemporaine. P. 142.

²¹ Girandau Ferdinand. Napoléon III intime. P. 12.

²² Майков. Гортензия Богарнэ//Русская старина. 1900. С. 594 и след.

²³ Эту черту Луи-Наполеона подметил и барон Бруннов. «Ce qui frappe surtout, — писал он канцлеру в конце 1851 года, — c'est que le prince Louis, dominé en toute chose par une pensée de prédestination, se croie obligé

de marcher sur les traces de son oncle, guidé comme lui par une certaine fatalité. Je me souviens un jour l'avoir entendu parler de son étoile comme d'une destinée qui devait irrévocablement l'amener au pouvoir. Il m'a dit cela à Londres longtemps avant son élection...

Cela cesse d'être de la politique, — заканчивает барон Бруннов, — c'est de l'astrologie»... (Из депеши к канцлеру от 26 декабря 1851 года, № 199. Архив Мин. иностр. дел. Лондон, 1852, I).

²⁴ Girandau. P. 51.

²⁵ Kinglake. T. I. P. 184.

²⁶ Girandau. P. 61.

²⁷ Girandau. P. 79.

²⁸ Из рассказов генерал-адъютанта Шильдера, сообщенных его сыном Н. К. Шильдером.

²⁹ Girandau. P. 85; Kinglake. T. I. P. 188.

³⁰ Депеша Киселева канцлеру от 20 февраля (3 марта) 1852 года, № 19 (Архив Мин. иностр. дел. France, 1852).

³¹ «A côté d'une intelligence incontestable, de beaucoup de courage naturel, d'une grande aménité dans les manières et d'une apparence de calme et de sangfroid qui lui donne beaucoup d'avantages sur les Français vifs et pétulants, sa tête est remplie de théories, de chimères et d'obstination, et son coeur est aussi dissimulé et défiant, qu'ingrat et vindicatif». Il a ajouté que malgré des instincts quelquefois généreux, il le croyait cependant capable de tout, même de cruauté...

³² P. de la Gorce. Histoire du Second Empire. Paris, 1899. T. I. P. 33—35.

³³ P. de la Gorce. Histoire du Second Empire. T. I.

³⁴ По свидетельству Майкова (Гортензия Богарнэ//Русская старина. 1900. Кн. 9. С. 599), сын матери Людовика-Наполеона, Гортензии Богарнэ, и графа Флахо.

³⁵ Histoire du Second Empire. T. I.

³⁶ P. de la Gorce. Histoire du Second Empire. T. I.

³⁷ Герцен А. И. Былое и думы//Собр. сочинений. Т. IX. С. 87.

³⁸ См. переписку императора Николая с князем Варшавским за эти годы (Собственная Его Величества библиотека. Рукоп. отдел имп. Николая Павловича).

³⁹ Бодиско — канцлеру 23 декабря 1851 г. (4 января 1852 г.), № 47 (Архив Мин. иностр. дел. Washington, 1852).

⁴⁰ Так в домашнем кругу государя называли прусского короля.

⁴¹ Записки барона М. А. Корфа//Русская старина. 1900. Кн. 7. С. 53.

⁴² «As-tu déjà lu la lettre de Fritz. Il va jusqu'à dire, qu'avant la fin de l'année prochaine Louis-Napoléon deviendra notre collègue. Je me permets d'en douter. Qu'il devienne tout ce qu'il voudra, grand Mouphti même, s'il lui plaît; mais quand au titre d'Empereur ou de Roi, je ne crois pas qu'il soit assez imprudent pour y viser»...

⁴³ Архив Мин. иностр. дел. France, 1852.

⁴⁴ Подлинник помещен в приложении № 31.

⁴⁵ Архив Мин. иностр. дел. France, 1852.

⁴⁶ Подлинник помещен в приложении № 32.

⁴⁷ От 26 декабря (7 января) 1851/1852 года, № 201.

⁴⁸ Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852, I.

⁴⁹ «Je suis convaincu que si la France pousse à la guerre, les premiers coups seront dirigés non contre l'Allemagne, mais bien contre l'Angleterre, car là, c'est possible plus qu'on ne le pût».

⁵⁰ Вышеприведенные слова графа Нессельроде.

⁵¹ Барон Бруннов графу Нессельроде 26 декабря (7 января) 1851/1852 года, № 202. Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852, I.

⁵² От того же числа, за № 200. Там же.

⁵³ Подлинник помещен в приложении № 33.

⁵⁴ «Это есть печальное подтверждение непростительной глупости, которую сделал тогда фельдмаршал».

⁵⁵ От 26 декабря (7 января) 1851/1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852, IV.

⁵⁶ «Remercions le Ciel d'être quittés de lord Palmerston. Il aurait pu essayer de mettre en scène un drame sétieux. Le prince Louis, je ne sais trop pourquoi, s'était passionné pour lui. L'un avec son étoile, ses aigles et ses 300 m. bayonnettes, l'autre avec son esprit de domination, son animosité contre l'Autriche, sa rancune contre tout le Continent, auraient pu nous conduire fort loin. C'est fini»...

⁵⁷ Шварценберг — Лебцельтеру 29 декабря 1851 года. См. приложение № 34.

⁵⁸ Приложение № 35.

⁵⁹ Граф Нессельроде — барону Мейендорфу 9 января 1852 года. См. приложение № 36.

⁶⁰ Канцлер — Будбергу 10 января 1852 года, № 12. Архив Мин. иностр. дел. Berlin, 1852.

⁶¹ Будберг — канцлеру 28 декабря (9 января) 1851/1852 года, № 218. См. приложение № 37.

⁶² Канцлер — Киселеву 10 января 1852 года, № 17. Архив мин. иностр. дел. France, 1852.

⁶³ Приложение № 38.

⁶⁴ Австрийский посол в Париже.

⁶⁵ Приложение № 39.

⁶⁶ Архив Мин. иностр. дел. France, 1852.

⁶⁷ 15 января 1852 г., № 21 (См. приложение № 40).

⁶⁸ Барон Мейендорф — канцлеру 22 января (3 февраля) 1852 года, № 13 (Архив Мин. иностр. дел. Vienne, 1852, I).

⁶⁹ Приложение № 41.

⁷⁰ «Ceci est de trop; il ne faut même pas laisser croire qu'on pourrait continuer à éluder les traités existants».

⁷¹ Приложение № 42.

⁷² Приложение № 43.

⁷³ «Je persiste à croire cette agression fort peu probable».

⁷⁴ Таким вызовом, по мнению государя, было бы предлагаемое прусским королем публичное провозглашение ненарушимости трактатов с 1815 по 1848 год (Письмо короля прусского, доложенное 23 февраля 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Доклады, 1852).

⁷⁵ Курсив подлинника.

⁷⁶ Всеподданнейший доклад 1 марта 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Доклады, 1852.

⁷⁷ Интересно заметить, что еще 2 февраля Тюрго поручал Капельба-
жаку сообщить нашему правительству, что Людовик-Наполеон и не дума-
ет об императорском сане, и что его благородное сердце не может перене-
сти несправедливых подозрений (Архив Мин. иностр. дел. France, 1852).

⁷⁸ Архив Мин. иностр. дел. Доклады, 1852.

⁷⁹ Курсивы подлинника.

⁸⁰ «C'est tout juste l'effet que la lettre a produit sur moi; loin de se plaindre
de la Russie, il me semble, que c'est la Russie *seule* qui, dès son début, n'a
donné que preuves de bienveillance à L.-Napoléon, et je puis dire avec vérité
que j'ai été le *seul* jusqu'à ce moment, qui n'ait pas eu de défiance personnelle
envers lui. Je ne cache pas qu'il n'en sera plus de même pour l'avenir, car ce
que dit le prince doit faire naître la défiance de ses intentions futures, *la*
nécessité absolue au bout de laquelle il place un changement de titre, comme
il l'appelle, est certes fort vague et n'offre aucune sécurité. Le reste de ses
accusations passe à l'absurde, et en rire est la meilleure réplique. J'ai tout le
loisir de recevoir aujourd'hui à une heure le g. Castelbajac, veuillez donc le
faire avertir que je l'attendrai, comme l'autre jour, en bas et à 1 heure. Ce sera
fort amusant. Ouf!»

⁸¹ Барон Мейендорф — канцлеру 7 (19) марта 1852 года, № 41. См.
приложение № 44.

⁸² Барон Мейендорф — канцлеру 20 марта (1 апреля) 1852 года,
№ 52. Архив Мин. иностр. дел. Vienne, 1852, I.

⁸³ Приложение № 45.

⁸⁴ Приложение № 46.

⁸⁵ Канцлер — Киселеву 5 апреля 1852 года, № 152. Архив Мин. иностр.
дел. France, 1852.

⁸⁶ 15 апреля 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. France, 1852.

⁸⁷ Приложение № 47.

⁸⁸ Дешеш Киселева — канцлеру от 6 (18) мая и 28 мая (9 июня) 1852 го-
да, № 49 и 55 (Выдержки из них помещены в приложениях № 48 и 49).

⁸⁹ Барон Гекерен — офицер Кавалергардского полка, убивший на ду-
эли поэта Пушкина.

⁹⁰ Подробное изложение разговора с бароном Гекереном помещено в
приложении № 50.

⁹¹ Барон Мейендорф — Сенявину 17 (29) мая 1852 года, № 73. Архив
Мин. иностр. дел. Vienne, 1852, I.

⁹² Канцлер — Киселеву 15 (27) мая 1852 года, № 14. Архив Мин.
иностран. дел. France, 1852.

⁹³ Дешеш от 15 (27) мая 1852 года, № 15. Там же.

⁹⁴ Курсив подлинника.

⁹⁵ «Vous auriez à vous concerter vos collègues d'Autriche et de Prusse
pour obtenir d'abord de la part de Louis-Napoléon des garanties de ses
intentions pacifiques et l'engagement formel de respecter les traités existants
et les circonscriptions qu'ils ont établis».

⁹⁶ Фонтон — Сенявину 23 мая (4 июня) 1852 года, № 77. Архив Мин.
иностран. дел. Vienne, 1852, I.

- ⁹⁷ «Nous ne saurions nous en promettre un résultat absolument décisif».
- ⁹⁸ Приложение № 51.
- ⁹⁹ Приложение № 52.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Приложение № 53.
- ¹⁰² 25 июня 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Доклады, 1852.
- ¹⁰³ От 30 июля 1852 года, № 249. Архив Мин. иностр. дел, 1852, Paris.
- ¹⁰⁴ Депеша от 11 (23) сентября 1852 года, № 71. Там же.
- ¹⁰⁵ Tout semble marche et s'apprêter ici à un prochain rétablissement de l'Empire».
- ¹⁰⁶ В депеше от 17 (29) сентября, № 73. Архив Мин. иностр. дел.
- ¹⁰⁷ L'attente générale d'un changement dont on parle actuellement partout comme d'une chose qui est à la veille de s'accomplir, ne laisse au fond que peu de doute sur le remplacement plus ou moins prochain de la République par l'Empire».
- ¹⁰⁸ Приложение № 54.
- ¹⁰⁹ Куракин — канцлеру 4 (16) октября 1852 года, № 5. Архив Мин. иностр. дел. Paris, 1852.
- ¹¹⁰ Приложение № 55.
- ¹¹¹ Барон Бруннов — канцлеру 21 октября (2 ноября) 1852 года, № 233. Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ «L'Empire ne sera pas toujours la paix».
- ¹¹⁴ Приложение № 56.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Приложение № 57.
- ¹¹⁷ Приложение № 58.
- ¹¹⁸ Приложение № 59.
- ¹¹⁹ Приложение № 60.
- ¹²⁰ Циркулярная депеша графа Нессельроде от 6 ноября 1852 года, № 349—396. Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852.
- ¹²¹ Приложение № 61.
- ¹²² Приложения № 62, 63 и 64.
- ¹²³ Мантейфель — Розову 31 октября 1852 года; Будберг — канцлеру 6 (18) ноября 1852 г., № 119 и 122. Архив Мин. иностр. дел. Prusse, Berlin, 1852.
- ¹²⁴ «Aus dem Briefwechsel Fridrich-Wilhelms IV und Bunsen» Леопольда Ранке. С. 296—300.
- ¹²⁵ Будберг — канцлеру 6 (18) ноября 1852 года, № 121. Архив Мин. иностр. дел. Berlin, 1852.
- ¹²⁶ Приложение № 65.
- ¹²⁷ «И это именно то, чего я хочу избежать», — заметил государь на против этого места депешы Бруннова.
- ¹²⁸ Его выражение в послании к Сенату.
- ¹²⁹ Приложение № 66.
- ¹³⁰ Приложение № 67.
- ¹³¹ Шифрованная депеша Куракина — канцлеру 10 (22) ноября 1852 года, № 30. Архив Мин. иностр. дел. Paris, 1852.

¹³² Друэн де Люис — Кастельбажаку 15 ноября 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. France, 1852.

¹³³ «Où voit-on dans tout cela la prétention de supprimer les faits intermédiaires, d'obliger l'Europe à renier ce qu'elle a fait? C'est une supposition gratuite, qui peut couvrir un parti pris de mauvais vouloir, mais ce n'est pas un argument sérieux que puisse objecter un gouvernement sensé et bienveillant. Nous ne demandons pas à l'Europe de renier ses actes, mais nous entendons ne point renier les nôtres et ne pas supprimer le règne de Napoléon II, n'eût-il duré que huit jours»...

¹³⁴ Куракин — канцлеру 15 (27) ноября 1852 года, № 35. Архив Мин. иностр. дел.

¹³⁵ «Pourrons-nous abandonner nos amis pour ceux qui ne nous nontrentont que de la froideur ou du mauvais vouloir?»

¹³⁶ «Je ne sais ce que je ne donnerais pas pour aller chez vous, pour me trouver face à face avec votre grand Monarque!»

¹³⁷ От 19 ноября 1852 года, № 414. Депеша эта была доставлена Киселеву распечатанной. Она помещена в приложении № 67.

¹³⁸ Приложение № 68.

¹³⁹ Приложение № 69.

¹⁴⁰ Киселев — канцлеру 20 ноября (2 декабря) 1852 года, № 77. Архив Мин. иностр. дел. Paris, 1852.

¹⁴¹ «Je trouve la pièce française fort convenable; le fait de la réunion du ministre anglais avec les autres chez Kisselew est digne de remarque; peut-être sera-t-il possible que notre réponse à tous quatre soit identique».

¹⁴² Граф Буоль — графу Менсдорфу 11 ноября 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Autriche, 1852.

¹⁴³ Граф Буоль — графу Менсдорфу 21 ноября 1852 года. Там же.

¹⁴⁴ Фонтон — канцлеру 21 ноября (2 декабря) 1852 года, № 165. См. приложение № 70.

¹⁴⁵ «Il ne peut être question pour nous de Napoléon III, car ce chiffre est absurde; l'adresse doit être: à S. M. l'Empereur des Français tout court, et signée non frère, mais tout court François-Joseph, Frédéric-Guillaume et Nicolas et, s'il est possible, Victoria».

¹⁴⁶ Барон Мантейфель — Рахову 26 ноября.

¹⁴⁷ «Il accepte sans hésitation toutes les conséquences possibles d'une attitude ferme et énergique que prendront en commun les trois puissances continentales et l'Angleterre vis-à-vis du futur empereur des Français».

¹⁴⁸ Будберг — канцлеру 22 ноября (4 декабря) 1852 года, № 132. Архив Мин. иностр. дел. Berlin, 1852.

¹⁴⁹ Приложение № 71.

¹⁵⁰ Барон Бруннов — канцлеру 22 ноября (4 декабря) 1852 года, № 287. Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852.

¹⁵¹ Приложение № 72.

¹⁵² Наш представитель при виртембергском дворе.

¹⁵³ Приложение № 73.

¹⁵⁴ Первым поторопился вручить свои грамоты неаполитанский посланник, сделавший это чуть ли не на другой день после провозглашения империи. За ним быстро последовали Англия, Бельгия, Швейцария, Сар-

диния, Испания, Нидерланды и Дания. (Депеши барона Бруннова и Киселева. Архив Мин. иностр. дел).

¹⁵⁵ Киселев — канцлеру 27 ноября (9 декабря) 1852 года, № 83. Архив Мин. иностр. дел.

¹⁵⁶ «Toute l'attention des Tuileries est à present tournée vers la Russie. C'est de chez nous qu'on attend avec le plus d'impatience et de curiosité la nouvelle comment la notification et le discours de St-Cloud auront été accueillis et jugés et l'on compte les jours pour savoir quand la reconnaissance pourra arriver de St-Petersbourg».

¹⁵⁷ Граф Буоль — графу Коллоредо 27 ноября 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Autriche, 1852.

¹⁵⁸ Приложение № 74.

¹⁵⁹ Приложение № 75.

¹⁶⁰ Приложение № 76.

¹⁶¹ Доклад канцлера от 5 декабря 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Доклады, 1852.

¹⁶² «C'est parfait, et il n'y a rien à y ajouter. Un seul cas, quoique peu probable, peut cependant se présenter et doit être prévu, c'est celui où il se vérifierait que le ministre n'accepterait point de lettres, sans l'ajouté de monsieur mon frère; dans ce cas les fonctions officielles de Kisséleff devront cesser, et il demandera de nouveaux ordres. Je crois qu'il serait peut-être utile d'en revenir également à Vienne et Berlin pour que nos ministres observent le cas échéant la même règle de conduite».

¹⁶³ Канцлер — Фонтону 6 декабря 1852 года, № 449. Архив Мин. иностр. дел. Vienne, 1852.

¹⁶⁴ Приложение № 77.

¹⁶⁵ Приложение № 78.

¹⁶⁶ Приложение № 79.

¹⁶⁷ Приложение № 80.

¹⁶⁸ Будберг — канцлеру 14 (26) декабря 1852 года, № 147. Архив Мин. иностр. дел. Berlin, 1852.

¹⁶⁹ Будберг — канцлеру 17 (29) декабря 1852 года, № 147. Там же.

¹⁷⁰ Будберг — канцлеру 18 (30) декабря 1852 года, № 149. Там же.

¹⁷¹ Фонтон — канцлеру 17 (29) декабря 1852 года, № 185. Архив Мин. иностр. дел. Vienne, 1852.

¹⁷² Приложение № 81.

¹⁷³ Приложение № 82.

¹⁷⁴ Приложение № 83.

¹⁷⁵ Фонтон — канцлеру 22 декабря (3 января) 1852/53 года, № 189. Архив Мин. иностр. дел. Vienne, 1852.

¹⁷⁶ Граф Буоль — графу Менсдорфу 31 декабря 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Autriche, 1852.

¹⁷⁷ Киселев — канцлеру 16 (28) декабря 1852 года, № 87. Архив Мин. иностр. дел. Paris, 1852.

¹⁷⁸ «Le fait est qu'on sent ici à quelle puissance compacte et unie on a affaire et quels que soient la jactance et les airs dégagés des hommes au pouvoir après les reconnaissances qui se pressent et se suivent, leur préoccupation augment de jour en jour en voyant que pas le petit Etat allemand n'ose prouver

isolément sa déférence et que la Russie est la véritable clef de voûte de cet ensemble et de cette union dont jusqu'ici on croyait l'existence impossible ou pour le moins improbable... Tout le monde comprend aussi que c'est la main puissante de notre Auguste Maître qui tient et dirige l'ensemble de cette force, car ce n'est un secret pour personne que les Etats confédérés de l'Allemagne ne décideront rien sans la volonté combinée de l'Autriche et de la Prusse et que ces deux dernières ne décideront et ne feront que ce que décidera et fera la sagesse de l'Empereur»...

¹⁷⁹ Приложение № 84.

¹⁸⁰ Приложение № 85.

¹⁸¹ Gorce P. de la. T. I. P. 117.

¹⁸² С. 151.

¹⁸³ Приложение № 86.

¹⁸⁴ Rothan G. L'Europe et l'avènement du Second Empire. P. 410.

¹⁸⁵ Приложение № 87.

Глава IX

Святые места

Места, связанные с воспоминаниями о важнейших событиях земной жизни Иисуса Христа, с древнейших времен особо почитались христианами. Слабеющая Византийская империя, в пределах которой они находились, не могла защитить их от нападений азиатских завоевателей. В 614 году Иерусалим был взят войсками персидского царя Хазрая, уведшего в плен местного патриарха Захария и захватившего с собой в Персию Крест Господень.

Император Ираклий, одержавший над персами ряд побед, освободил в 628 году патриарха из плена и сам торжественно ввез святой Крест обратно в Иерусалим. Шесть лет спустя патриарх Софроний был принужден сдать город арабам, но при этом успел уговорить халифа Омара не вступать в храм Гроба Господня, и, кроме того, ему удалось получить указ, признававший права местных христиан на их храмы. Один из преемников Омара, халиф Эль-Хакем, приказал в 1010 году разрушить этот храм, но он вновь был восстановлен в 1048 году на средства императора Константина Мономаха.

В 1053 году последовало разделение церквей, которое первоначально не вызывало никаких разногласий между представителями их на местах земных страданий Иисуса Христа, и иерусалимский патриарх Симеон даже обращался за помощью к папе Урбану II. В 1099 году святой город был взят крестоносцами, которые ввели там латинскую иерархию, строили новые церкви и монастыри, где помещали гробницы иерусалимских королей и знатнейших рыцарей. Но изгнавший крестоносцев из Иерусалима султан Саладин оказал при распределении Святых мест между представителями разных христианских вероисповеданий явное предпочтение своим египетским подданным — коптам и абиссинцам, а также грекам, поддерживаемым императором Исааком Комненом, с которым Саладин находился в мирных и дружественных отношениях. Тем не менее в главном храме и у Гроба Господня могли служить священники всех вероисповеданий, причем латиняне пользовались часовней св. Магdalины.

В последующие года, вплоть до конца первой половины XIII века, крестоносцам удавалось отвоевывать некоторые Святые места, но они не смогли удержать Палестины под своей властью. Однако вслед за крестоносцами потянулись в святую землю монахи разных католических орденов, которые получали от египетских султанов право на пребывание там, а от пап — благословляющие

Вид Иерусалима

(с гравюры Лебедева, по рисунку М. Чернецова)

буллы. Особенной деятельностью отличались францисканцы, которые в XVI веке владели лишь маленьким приютом в Вифлееме, а сто лет спустя стали уже хозяевами великолепного собора Рождества. Патриарх Досифей рассказывает в своей истории Иерусалима, что латиняне захватили этот храм хитростью в то время, когда греческие монахи ушли праздновать пасху в Иерусалим. Впоследствии греки вновь завладели храмом, но за католиками осталась «la Ste-Criche», подземелье св. Ясель, где была поставлена украшенная французским гербом большая серебряная звезда, которая особенно почиталась паломниками. В 1515 году султан Селим, завоевавший Сирию и Египет, признал в Иерусалиме первенство арабского патриарха Досифея, который хранил ключи церкви Вознесения, а через пять лет преемник Селима Солиман передал ключи от храма на хранение одному семейству, происходившему от Магомета, с правом взимать за вход в святыню Гроба Господня особую плату; при этом наибольшая плата была установлена с франков, т. е. с католиков¹.

Обыкновенно над латинскими монастырями в святой земле развевались флаги разных западных государств, и чаще всего Франции, короли которой считали себя покровителями католической веры на Востоке. В 1740 году между Францией и Портой был заключен особый договор под названием капитуляций², которыми определялись права латинской церкви в Святых местах. Согласно 32-й статье этих капитуляций «епископы и другие католические духовные лица, находящиеся под главенством королей Франции, к

какой бы нации они ни принадлежали, могут отправлять богослужение в местах, где они находятся издавна». Статья 33-я определяла, что «латинские монахи, как пребывающие ныне, так и пребывавшие в прежние времена, внутри и вне Иерусалима и в храме святого Гроба, называемом Камамэ, останутся владельцами своих мест паломничества так же, как они владели ими прежде; никто не будет их беспокоить и требовать от них податей».

Но в то время, когда Франция утверждала таким образом свое влияние в святой земле, на Севере послышались первые раскаты грозы, которой было суждено сломить могущество оттоманов и воскресить христианский Восток. Миних одерживал победы над турками и готовился, покорив Молдавию, переправиться через Дунай, а тридцать четыре года спустя был заключен знаменитый Кучук-Кайнарджийский договор. Взоры православных восточных христиан с надеждой устремились на Россию. Иерусалимские патриархи переселились в Константинополь и, опираясь на наше заступничество, начали вести там борьбу с «франками» из-за обладания Святыми местами, так что когда в 1808 году сгорел храм Воскресения, то Порта, несмотря на протесты посланника Наполеона I генерала Себастиани, признала за греками право его возобновления на основании прежних хатти-шерифов.

В 1850 году иерусалимский патриарх обратился к Порте за разрешением исправить главный купол храма Господня, и одновременно с этим бельгийская миссия в Константинополе возбудила вопрос о возобновлении могил иерусалимских королей-крестоносцев. Тогда же в Париже появилась брошюра католического священника Борэ, направленная против России и православного палестинского духовенства, которое он обвинял в незаконных захватах у латинян некоторых Святых мест. Брошюра была очень сочувственно встречена во Франции, и принц-президент, желая привлечь на свою сторону могущественное в то время по своему влиянию на народ католическое духовенство, предписал французскому послу в Константинополе генералу Опику (Aupik) напомнить в энергичных выражениях султану Абдул-Меджиду о неприкосновенности прав латиниян в Иерусалиме.

«Поднимая этот вопрос, — говорит Тувенель³, — принц Людовик-Наполеон совершенно не подозревал последствий, которые могут повлечь за собой его требования. Мысль о возможном столкновении с Россией вовсе не являлась в представлении принца-президента и его советников, мало знакомых с этим темным вопросом. Истина заключалась в том, что поддержка клерикальной партии была нужна для внутренней политики принца Людовика-Наполеона».

Генерал Опик начал с того, что поставил Порте категорический вопрос, признает ли она, *да* или *нет*, трактаты 1740 года? Несмотря

ря на наши предостережения⁴, оттоманское правительство вступило в переговоры на почве этого трактата, сделав лишь оговорку о необходимости принять при этом во внимание прежние и новые правительственные ее акты, которые определяют положение вещей к 1850 году. Однако французский посол настоял на своем, и Порта, признав капитуляции 1740 года, предложила образование комиссии для рассмотрения актов, на которых представители обоих вероисповеданий в Палестине основывали свои права⁵.

Генерал Опик потребовал при этом для католиков владения большой церковью в Вифлееме, часовней Рождества, в которой должна быть установлена вместо похищенной новая серебряная звезда, часовней

могилы Богородицы и семью аркадами в храме Гроба Господня; он потребовал также приведения купола в то состояние, в котором этот последний находился до пожара 1808 года⁶. Его поддерживали в этом требовании представители прочих католических государств, Бельгии, Австрии⁷, Испании, Сардинии, Португалии и Неаполя⁸. Что касается Великобритании, то ее посол получил предписание воздержаться от деятельного участия в споре о Святых местах.

В ответ на наши представления в Париже по поводу возникшего спора французское правительство заявило, что оно считает поднятый вопрос второстепенным, и возбудило его только для того, «чтобы приобрести на выборах расположение и голоса духовенства»; после же переворота 2 декабря сам президент высказал, что французский посланник в Константинополе преступил свои инструкции, но тем не менее наше правительство, будучи верным защитником прав православной веры, внимательно отнеслось к предотвращению грозившей ей опасности. «Во всех стадиях этих переговоров, — говорится в отчете графа Нессельроде⁹, — увещания нашего правительства приходили на помощь слабой Порте, и мы первые предостерегали ее против роковых последствий, которые могли быть результатом этой слабости».

**Граф Буоль, австрийский
министр иностранных дел**
(с литографии,
по фотографии Пирсона)

Действительно, спор, который Порте приходилось разрешить, был чрезвычайно щекотливого характера. В 1740 году католики владели Гробом Господним под обоими куполами и аркадой, отделяющей его от греческой церкви, южной половиной Голгофы и часовней Адама с могилами Готфрида Бульонского и Балдуина, разрушенными в 1811 году, гротом нахождения Св. Креста и многими другими Святыми местами в Иерусалиме и вне его; они владели также большим Вифлеемским храмом, три ключа которого, от центрального и боковых входов, находились во владении латинских монахов¹⁰.

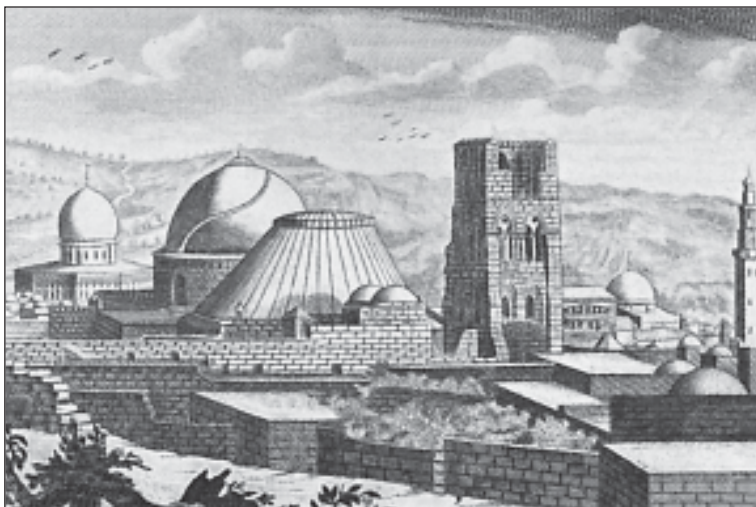
Трудно было согласовать существование таких преимуществ католиков, имевших место в 1740 году, с фактическими преимуществами греческого духовенства, основанными на целом ряде позднейших султанских фирманов и гатти-шерифов¹¹.

В январе 1851 года наш посланник Титов сообщал, что «Порта принимает участие в своих греческих подданных» и имеет твердое намерение поддержать православное вероисповедание¹², между тем на деле турецкая комиссия склонялась на сторону Франции, в особенности благодаря энергичному настоянию прибывшего в Константинополь в конце апреля нового французского посла Лавалета¹³.

Император Николай, обеспокоенный таким оборотом дела, счел необходимым в личном письме к султану¹⁴ подтвердить свой определенно сложившийся взгляд, что, в связи с заявлениями Титова, произвело в Константинополе сильное впечатление и вызвало со стороны султана обещание постараться удовлетворить желание государя¹⁵. Но Лавалет также проявил необыкновенную энергию и поставил вопрос на почву национальной чести. Он заявил сэру Каннингу, что «скорее удалится от дел, чем станет орудием унижения своей страны, и если бы дело зависело от него, то он без колебания призвал бы флот для блокады Дарданелл, чтобы привести спор к удовлетворительному исходу»¹⁶.

Приведя эти слова Лавалета, английский посланник замечал, что, по его наблюдениям, турецкие министры склоняются в сторону Франции не потому, чтобы этого требовало правильное решение вопроса, а потому, что им кажется менее опасным уступить влиянию Франции, чем допустить торжество русского влияния на христиан греческого исповедания, состоящих в турецком подданстве. Впрочем, Каннинг не вмешивался в то время в спор двух влияний и только оставался внимательным его зрителем. В депеше от 30 декабря¹⁷ он сообщал между прочим своему правительству, что Лавалет начал уже угрожать Порте тулонской эскадрой.

Лавалет действительно не унимался. Несмотря на уверения, данные нам французским правительством, он заявил Порте, что в

*Внешний вид церкви Гроба Господня
(с французской гравюры начала XVIII столетия)*

Париже вполне одобряют его действия¹⁸. При таких обстоятельствах оттоманское правительство решило избрать средний путь и предложило некоторые уступки католикам взамен за другие уступки, в пользу греков¹⁹. Иерусалимский патриарх согласился на такое решение, которое удовлетворяло и наше правительство, при условии, однако, что исправление купола Гроба Господня будет предоставлено исключительно грекам.

В Константинополе были изготовлены проекты фирмана и ответного письма государю. Фирман отклонял большую часть претензий католиков, называя их несправедливыми, и торжественно подтверждал изданные в прежние времена в пользу греков акты²⁰. При этом Титову было обещано, что действительного вручения латинянам ключей от Вифлеемского храма не будет, и ему сообщались секретные по этому поводу инструкции, которые должны были быть посланы иерусалимскому паше. В письме же султана государю²¹ заявлялось, что «современное состояние святынь будет вполне сохранено, утверждено и обеспечено», и что «прежние права, дарованные православным подданным султана, увеличены, в целости сохранены и обеспечены». Одновременно с этим Порта издала другой фирман, которым за латинянами признавалось право исправления принадлежавших им Святых мест и сооружений, «без нарушения прав других исповеданий»²².

Наш кабинет был доволен таким исходом дела, и канцлер общал Киселеву шифрованной депешей, что решение вопроса было

гораздо более удовлетворительно, чем можно было ожидать от мелочности турок и самохвальства (rodomontades) Лавалета²³.

Впрочем, исходом дела был не менее доволен и французский посол. Порты не сообщила ему фирмана, препровожденного петербургскому двору, а тем более секретного предписания иерусалимскому паше, но уведомила его о своем решении особой, нам неизвестной нотой²⁴, против которой он не протестовал²⁵. Прощальная аудиенция Лавалета у султана перед отъездом в отпуск отличалась особенно блестящим характером, что, впрочем, наш представитель Озеров объяснил охлаждением англо-турецких отношений²⁶. Вскоре Лавалет вернулся обратно в Константинополь, хотя, по донесениям барона Бруннова, Людовик-Наполеон был недоволен его поведением в вопросе о Святых местах²⁷.

Во время отсутствия посла французский поверенный в делах узнал о существовании данного нам фирмана, в котором требования католиков признавались несправедливыми, и выразил по этому поводу Порте неудовольствие французского правительства²⁸. Это вызвало уклонение Порты от признания за греками права на перестройку купола, который было решено ремонтировать на средства султана с негласным возмещением султанской кассы из сумм иерусалимского патриарха. Оттоманское правительство под разными предлогами откладывало также торжественное провозглашение в Иерусалиме данного в пользу православных фирмана, хотя Озеров и настаивал на исполнении этого до возвращения Лавалета. Наконец ему удалось получить обещание, что отправляемый в Египет с особым поручением Афиф-бей заедет на обратном пути в Иерусалим и примет там меры к выполнению фирмана, но данные Афифу инструкции отличались такой неопределенностью, что возбуждали у нашего представителя сомнение в искренности намерений Порты²⁹.

С этих пор вопрос о Святых местах принимает более резкий оборот и постепенно приобретает общеевропейский интерес.

В Константинополь вернулся из отпуска Лавалет, придав своему въезду в столицу оттоманов особую торжественность. Не без труда получив разрешение турецкого правительства на проход через Дарданеллы, под предлогом осмотра султаном судов новой конструкции, одного из лучших французских кораблей «Charlemagne», он бросил якорь у дворца падишаха, «желая своим высокомерием и резкостью произвести на турок необходимое ему давление»³⁰.

Французский посол потребовал от Порты особой декларации, которая разъясняла бы, что данный грекам фирман ни в чем не изменяет ноты в пользу латинян и силы договора 1740 года. Такая

нота, исторгнутая угрозой двинуть французский флот к берегам Сирии, была, как доносил Озеров³¹, дана Лавалету, но существование ее старательно скрывалось от нашего посольства.

С этих пор положение оттоманского правительства по отношению к спорящим сторонам стало невозможным. Оно дало противоречивые обещания и никак не могло их исполнить. Фуад-эфенди следующими словами характеризовал современное положение: «Титов заявил Порте, что он оставит Константинополь со всем посольством, если Порта позволит себе малейшее отступление от status quo, а Лавалет угрожает блокадой Дарданелл французским флотом, если она сохранит status quo»³².

Порта попробовала, как и всегда в затруднительных случаях, сделать нечто неопределенное, полагая, что обе стороны войдут в ее положение и удовлетворятся полудуспехами.

Ко времени прибытия Афиф-бея в Иерусалим, туда для наблюдения за исполнением фирмана торжественно въехал наш консул Базили в сопровождении греческого патриарха. Французский консул Ботта также приехал, чтобы, со своей стороны, наблюдать за исполнением данных Портой Франции обещаний. В храме Гроба Господня собрались патриархи, консулы и представители властей. Выкурив в сосредоточенном молчании свою трубку, Афиф-бей произнес речь об отеческих заботах султана обо всех его подданных и объявил, что падишах собственным иждивением возобновит купол. Потом все отправились в храм Богородицы и Гефсимании. Здесь турецкий комиссар прочел султанское ираде, которым латинянам разрешалось производить службу в храме, ни в чем не изменяя алтаря и его украшений. Католики, ожидавшие торжества над православными, пришли в ужас и возмущались предложением служить литургию на алтаре, украшенном греческими тканями вместо латинского полотна. Но еще более возмутились греки, когда Афиф-бей ушел, не прочитав в их пользу никакого фирмана. На требование Базили оттоманский комиссар сначала отвечал, что он не знает, о каком фирмане идет речь, а потом заявил, что его инструкции не говорят ни о каком прочтении фирмана. Со своей стороны, новый великий визирь Мехмед-Али-паша на требования Озерова отвечал, что он ничего не может сделать, если его предшественники торжественно обещали не читать фирмана. Наше правительство считало Мехмеда-Али заслуживающим доверия, и его ответ Озерову приписывало «a la pernicieuse influence de Fuad-pacha».

В конце ноября Озеров получил от нашего правительства³³ два приказания: открыто выразить Порте неудовольствие государя по поводу поведения ее в Иерусалиме и секретно сообщить оттоманскому правительству, что мы готовы оказать ему помощь в случае несправедливого нападения Франции. Но наш представитель счел

*Али-паша, великий визирь
эпохи Восточной войны
(с литографии де Мезона, 1856 г.)*

неудобным делать это последнее сообщение³⁴, так как великий визирь «показал себя совершенно недостойным этого»³⁵. И действительно, Порта оказалась уже слишком подчинившейся французскому влиянию. Латиняне не только получили ключи от северо-восточных и южных дверей Вифлеемского храма, но ключ от главного портала, бывшего до того времени в исключительном владении греков. Это произошло между прочим и вследствие почти единогласного решения созванного султаном совета. Некоторые улемы держали сначала сторону России, в пользу которой склонялись также султанша Валидэ и отчасти визирь Мехмед-Али, но в конце восторжествовало влияние Фуада-эфенди, который

убедился, что все иностранные представители по вопросу о Святых местах высказались против нас³⁶.

Порта, однако, вскоре сообразила, что зашла слишком далеко. Февральский фирман в пользу греков был в конце концов прочитан в местном совете Иерусалима и занесен в книги, хотя, вопреки обычаю, латинские делегаты и не были приглашены для выслушания фирмана.

Двойственное поведение Порты не могло не вызвать сильного недовольствия нашего двора. Озерову было приказано холодно держаться относительно турецких министров и, в случае вопросов с их стороны по поводу сосредоточения войск 5-го корпуса, отвечать, что он, хотя и не уведомленный официально, считает естественной такую меру ввиду затруднений, которых, впрочем, Порта может избежать, если будет вести себя более согласно с принятыми по отношению к нам обязательствами³⁷. С другой стороны, Базили советовал патриарху Кириллу запечатать главные двери Вифлеемского храма и ехать в Константинополь жаловаться султану³⁸.

Вопрос, видимо, обострялся, и барон Бруннов, наблюдавший из Лондона за ходом событий, замечательно ясно предвидел последствия русско-французского конфликта, возникшего на почве

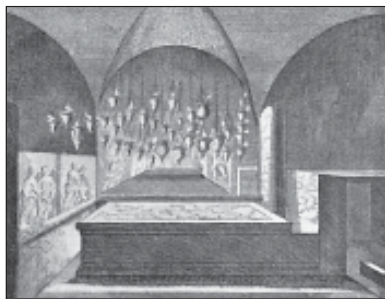
иерусалимской «querelle des moines». «Если, — писал в начале декабря наш лондонский посланник³⁹, — мы начнем действовать более решительно, французы скажут, что мы посягаем на независимость Порты, и что они обязаны явиться к ней на помощь. Они в таком случае будут стараться увлечь Англию на свою сторону под предлогом защиты прав султана от наших поползновений. Если Порта будет иметь слабость согласиться с таким объяснением и обратиться также к Англии, то эта последняя будет поставлена в очень фальшивое положение. Надо во что бы то ни стало помешать, чтобы дела приняли такой оборот».

Государь подчеркнул это место депеши и сделал следующую пометку: «Это подтверждает наши подозрения, и Бруннов прав. Надо определить образ действий».

В дальнейшем изложении своей депеши наш лондонский посол советует в том случае, если мы примем по отношению к Турции твердое положение, объявить, что это делается для защиты независимости султана против французских притязаний, причем он сам решился убеждать английских министров, что «мы хотим защищать султана, но не нападать на него».

Конец депеши Бруннова, очевидно, противоречил ее началу; единственным правильным судьей в вопросе по отношению держав к султану являлся он сам, и если Порта утверждала, что мы на нее нападаем, то наши уверения в ее защите не могли встретить доверия.

В Англии в это время произошел министерский кризис, и барон Бруннов ограничился изложением своей точки зрения лордам Дерби и Мальмсбери, указывая на необходимость охранять мир на Востоке⁴⁰. Английские министры, со своей стороны, заявили только, что они вообще не одобряют действий Лавалета, и предписали великобританским представителям в Константинополе воздерживаться от всякого вмешательства в спор о Святых местах. На этой депеше Бруннова государь сделал следующую пометку: «Следовало бы теперь же, чтобы поступать откровенно, прибавить, что отказ нас удовлетворить необходимо приведет к войне, *которой мы не желаем*⁴¹, и которая столь же мало согласна с интересами Англии; поэтому было бы справедливо, если бы английское правительство заговорило твердо в Париже и Константинополе».

Гроб Господень (с французской гравюры начала XVIII столетия)

С берегов Босфора спор переходил на международную почву. Граф Нессельроде в письме Киселеву 8 декабря⁴² впервые указывает на «guerre a outrance que nous fait Lavalette» и на дерзкие речи (insolent langage) этого французского дипломата. Киселев говорил по этому поводу с Друэн де Люисом в самый день вручения своих верительных грамот и получил уверение, что «французское правительство вовсе не намерено поднимать из-за Святых мест политического вопроса, и что самые положительные в этом смысле инструкции уже посланы в Константинополь»⁴³. С другой стороны, наш канцлер был, видимо, озабочен тем оборотом, который принимали дела. Он говорил английскому послу сэру Гамильтону Сеймуру что не видит основания (terme moyen), могущего привести к соглашению, но что он готов рассмотреть вопрос с самыми миролюбивыми чувствами⁴⁴.

Что касается императора Николая, то он видел в интригах Лавалета озлобление против него Людовика-Наполеона и решил принять энергичные меры, чтобы настоять на выполнении своих требований. «Думаю, что L.-Napoléon, — писал государь князю Варшавскому⁴⁵, — будет на меня очень зол (по поводу «fuite»), хотя явно, может быть, и не покажет, но искать будет вредить из-под руки. Уже и теперь видно его дурное влияние в Царьграде по делам Святых Мест. Турки с ума сходят и вынуждают меня к посылке чрезвычайного посольства для требования удовлетворения; но вместе вынуждают к некоторым предварительным мерам осторожности. Почему я теперь же собираю резервные и запасные батальоны и батареи 5-го корпуса. Ежели дело примет серьезный оборот, тогда не только приведу 5-й корпус в военное положение, но и 4-й, которому вместе с 15-й дивизией придется идти в княжества для скорейшего занятия, покуда 13-я и 14-я дивизии сядут на флот для прямого действия на Босфор и Царьград... Но дай Бог, чтобы обошлось без этого, ибо решусь на то только в крайности. Зачать войну не долго, но кончить и как кончить — один Бог знает как».

Отправление в Константинополь чрезвычайного посольства, о котором государь упомянул в своем письме, было ему предложено графом Нессельроде в докладе 13 декабря⁴⁶. Упомянув о пристрастном поведении Порты по отношению к разрешению спора о Святых местах, канцлер обратил внимание государя, что французские требования в Константинополе за последнее время стали поддерживаться представителями Англии и Пруссии, которые прежде воздерживались от всякого вмешательства. «При таких обстоятельствах, — продолжает канцлер, — кажется необходимым, чтобы покровительственное влияние России и благородные намерения Вашего Величества проявились в Константинополе посредством чрезвычайного особого посольства, которое было бы уполномочено поддерживать официальные и секретные действия

нашего поверенного в делах и прибавить к этому новые, более настойчивые советы». Чрезвычайный посланник, «хранитель мыслей и носитель слов государя», должен был, по предложению графа Нессельроде, напомнить султану об исполнении данных им в письме к государю обещаний и укрепить стойкость и мужество падишаха и его министров, обещая помощь в случае враждебных действий со стороны Людовика-Наполеона.

В конце доклада канцлер переходит к вопросу о другой возможной цели чрезвычайного посольства. В своих требованиях Франция опиралась на трактат 1740 года, которому мы могли противопоставить лишь общее выражение Кучук-Кайнарджийского трактата. Было бы поэтому желательно, писал граф Нессельроде, «заключить и противопоставить французским капитуляциям трактат или конвенцию, которая возобновляла бы и дополняла сущность Кайнарджийского трактата относительно покровительства и преимуществ, которыми должны пользоваться в Турецкой империи православная религия и ее духовенство». Надо, впрочем, оговориться, что первоначальным автором этой идеи был не канцлер, а удаленный от дел великий визирь Решид-паша, который секретно сообщил свою мысль нашему поверенному в делах и при посредстве русского влияния хотел вновь занять утраченный пост. Канцлер предостерегал, однако, что на месте следует удостовериться в возможности осуществления идеи Решиды.

В другом своем докладе⁴⁷, замечая, что Озеров не нашел возможным делать секретных сообщений турецким министрам, открыто сочувствовавшим Франции, граф Нессельроде вновь возвращается к мысли, что представление султану истинного положения дел и освещение его относительно опасного состояния Турции должны быть возложены на особого чрезвычайного, высокопоставленного и облеченного доверием государя посланника. Миссия посланника, при поддержке ее военными приготовлениями, должна была, по мнению канцлера, быть успешна, но если бы успех не был достигнут, то оставалось прибегнуть «а la dernière raison des rois», т. е. к войне. Граф Нессельроде признавал, что войну придется вести не с Турцией, а с Францией, и притом в самых неблагоприятных условиях. Она ловко воспользуется предубеждением, существующим в Европе относительно наших завоевательных планов на Востоке, и будет ссылаться на такой незначительный предлог, как ключи от Вифлеемского храма, которым мы пользуемся для осуществления своих воинственных намерений.

Старания французского кабинета в особенности подействуют на Англию, которая в лучшем случае если и не обратится против нас, то будет соблюдать вооруженный нейтралитет. Остается Пруссия, которая в самом благоприятном случае может оказать нам

Вид Иерусалима

(с немецкой гравюры начала XVII столетия М. Мериана)

только материальную поддержку. Ввиду таких соображений канцлер находил целесообразным подробно и откровенно объяснить лондонскому и венскому кабинетам причины нашего неудовольствия на Турцию и заявить им о наших миролюбивых и бескорыстных намерениях.

«Мы совершили бы большую ошибку, — заключает граф Нессельроде, — поднимая в настоящее время вопрос о разделе и составляя предположения о неизвестном будущем; этой ошибкой поспешили бы воспользоваться наши недруги. Предубежденные и завистливые умы не преминули бы усмотреть в наших заявлениях доказательства, что мы желаем не сохранения, а падения Оттоманской империи». Поэтому канцлер высказывал мнение не сообщать великобританскому правительству мыслей государя о возможном падении Турции, изложенных в особой записке⁴⁸; подобное сообщение было тем более бесполезно, что «английское правительство всегда держалось начала не связывать себя по отношению к неопределенной будущности».

В таком положении находился вопрос о Святых местах в конце 1852 года. Чувствовалось, что спор греческих монахов с францисканцами в Иерусалиме рос с каждым днем и приобретал вид и значение борьбы России с Европой на почве турецкого Востока.

«Человеческой судьбе свойственно, — говорит позднейший историк Второй империи⁴⁹, — что небольшие, долго продолжающиеся разногласия глухо готовят сердца к обиде и гневу и вдруг разражаются огромной ссорой, которая является внезапно и заставляет забыть все остальное». Вопрос о Святых местах был лишь прологом к великой исторической драме.

Граф Нессельроде, говоря в своем докладе государю о возможности обращения к «*dernière raison des rois*», имел основания взирать на будущее с некоторой тревогой. Из-за спора о Святых местах во всей своей сложности вставал Восточный вопрос, который, по выражению одного дипломата, в сущности являлся вопросом между Западной Европой и Россией.

В то время, когда в Петербурге готовились к отправке в Царьград чрезвычайного посольства, которое должно было убедить Порту подчиниться нашим требованиям, канцлер исключительно заботился о том, чтобы наши действия не возбуждали на западе Европы никаких сомнений. Он старался, по рецепту барона Бруннова, убедить державы в нашем неисчерпаемом миролюбии и в наших симпатиях к султану, которые не отступают даже перед возможностью защищать его от энергичных домогательств Франции.

Император Николай придерживался несколько иного сравнительно со своим канцлером взгляда. Уверенный в себе, он не видел необходимости убеждать кого-либо в своем бескорыстии и в своем миролюбии. Однако, опасаясь, что новая война с Турцией потрясет устои владычества оттоманов в Европе у самого их основания, государь считал необходимым заблаговременно определить будущее устройство Балканского полуострова, хотя бы в общих чертах.

В беглых собственноручных заметках⁵⁰, о которых граф Нессельроде упоминал в своем докладе, государь ставил себе ряд вопросов относительно дальнейших действий к разрешению возникших с Турцией недоразумений и выяснял могущие произойти от этого последствия. Возгоревшаяся война могла бы, по мнению императора Николая, окончиться падением Оттоманской империи, даже в случае помощи им со стороны французов и нашего вооруженного столкновения с последними, которое предполагалось где-нибудь у Дарданелл, после занятия нашим десантом Константинополя.

Вопрос о восстановлении Турции после войны был оставлен государем без ответа, но зато он довольно определенно высказался о характере устройства Балканского полуострова в случае изгнания турок из Европы. Император Николай считал невозможным оставить за нами все европейские области Турции, но он не считал также удобным восстановление Византийской империи и присоединения турецких провинций к Греции. «Наименее плохой из всех плохих комбинаций» государю казалось присоединение к России Молдавии, Валахии и части Болгарии до Кюстенджи, объявление независимыми остальной Болгарии и Сербии, передача побережий Адриатического и Эгейского морей — Австрии, Египта, Кипра и Родоса — Англии, Крита — Франции и островов Архипелага — Греции. Константинополь мог бы быть объявлен вольным

городом, причем предполагалось на Босфоре иметь русский гарнизон, а на Дарданеллах — австрийский.

Невозможно, конечно, эти наброски считать программой императора Николая; они являются лишь доказательством стремления государя выяснить себе возможную судьбу народов Балканского полуострова и его политического устройства на случай падения Турции.

Указание на то, что государя в это время не покидала забота о судьбе европейских провинций Турции как возможное последствие будущей войны, имеется и в записках Фицтума фон Экштедта, относящихся к концу 1852 года. Разговаривая за обедом с графом Зичи, государь заметил, что настало время удалить турок из Европы, положить конец их хозяйничанию на Балканском полуострове и угнетению ими христиан. Эти слова он поручал передать в Вене, добавив, что рассчитывает на союз и дружбу императора Франца-Иосифа. «Граф Нессельроде покачал бы головой, — замечает автор записок, — если бы услышал такие речи, и, поправляя очки, сказал бы: мой Государь не дипломат?!»

Действительно, император Николай не всегда следовал советам своего канцлера, который, как мы видели, более всего опасался поднимать Восточный вопрос в полном его объеме.

Встретив на балу у великой княгини Елены Павловны английского посла сэра Гамильтона Сеймура, государь удостоил его милостивой беседой и между прочим сказал: «Вам известны мои чувства к Англии, и я повторю то, что сказал раньше: обоим нашим странам предназначено жить в добром согласии, и я убежден, что так и будет... Необходимо, чтобы английское правительство и я, я и английское правительство были в лучшем согласии, и эта необходимость никогда не ощущалась так сильно, как в настоящее время. Я прошу вас передать эти слова лорду Рёсселю. Если мы согласны, то я более не беспокоюсь о западе Европы; то, что подумают сделать другие, имеет мало значения. Что же касается Турции, то эта страна находится в критическом положении и может нам наделать много хлопот».

Английскому дипломату было желательно, разумеется, вывести более подробно мысли государя, а потому он постарался вызвать своего августейшего собеседника на продолжение разговора. «Турция, — заметил государь, — находится в полном расстройстве; эта страна как бы распадается. Ее падение будет большим несчастьем, и было бы весьма важно, если бы Россия и Англия условились относительно будущего и не предпринимали бы ничего, не предупредив взаимно друг друга. У нас на руках человек больной и сильно больной. Я говорю откровенно, что было бы большим несчастьем, если бы он скончался на днях и в особенности раньше, чем будет заключено необходимое соглашение».

Следующий разговор между государем и Сеймуром происходил 22 января. Коснувшись честолюбивых и широких замыслов императрицы Екатерины II, государь заметил своему собеседнику: «Наследовав ее обширные владения, я не наследовал ее видений или, если хотите, проектов. Наоборот, моя страна так обширна и находится в столь счастливом во всех отношениях положении, что с моей стороны было бы безрассудно желать увеличения земель и большего могущества, чем у меня есть». Но тем не менее судьба Оттоманской империи не могла оставаться для России безразличной.

«В этой империи, — говорил государь, — живет несколько миллионов христиан, интересам которых я должен оказывать покровительство, и это право обеспечено за мною трактатами. Я могу сказать по правде, что пользуюсь этим правом с воздержанием и умеренностью, причем откровенно признаю, что с ним иногда связаны стеснительные обязанности, но я не могу отступить перед исполнением совершенно ясного долга. Наша религия в том виде, как она существует в России, перенесена к нам с Востока, и есть чувства и обязанности, которых иногда не должно упускать из виду».

Переходя к вопросу о будущем Турции, государь продолжал:

«Как бы мы все ни желали продлить существование больного человека (а я прошу вас верить, что, подобно вам, желаю продолжения его жизни), он может умереть неожиданно. У нас нет власти воскрешать мертвецов. Если Турецкая империя падет, то она падет, чтобы не подняться более. Поэтому я и спрашиваю вас, не лучше ли раньше подготовиться к этой возможности, чем втянуться в хаос, путаницу и в общеевропейскую войну».

На замечание Сеймура, что великобританские государственные люди держатся правила не связывать Англии в отношении возможных в будущем событий, император Николай сказал, что это, конечно, хорошее правило, но было бы чрезвычайно важно для России и Англии сговориться настолько, чтобы события не захватили их врасплох.

Де Буркенз

(с фотографии А. Брауна)

Лондонским сведениям о жизненных элементах Османской империи государь не придавал особого значения, так как наш представитель в Константинополе Титов постоянно сообщал о полном расстройстве всего механизма Турецкой империи.

«Я повторяю вам, — говорил государь английскому дипломату, — что больной умирает, и мы не должны допускать, чтобы это событие произошло для нас неожиданно». Распадение Турции, при предварительном соглашении держав, по мнению императора Николая, не вызвало бы особенных потрясений. «Фактически, — заметил государь, — Дунайские княжества образуют государство, под моим покровительством, и такое положение могло бы продолжаться. Сербия могла бы получить такую же форму правления. То же можно сказать о Болгарии: я не вижу причин, мешающих этой стране образовать самостоятельное государство. Что касается Египта, то для меня ясно значение его для Англии. Все, что я могу сказать, это то, что, если вы возьмете, в случае раздела османского наследства, Египет, то я не буду делать особых возражений».

Сэр Гамильтон Сеймур в сообщении своему правительству о разговоре с императором Николаем счел долгом отметить, что «не желая дать повода государю думать, что английский дипломат *se laisserait prendre a pareilles ouvertures*», объяснил ему, что английские виды на Египет «не идут далее обеспечения скорых и верных сообщений с Индией»⁵¹. Великобританская скромность проявилась здесь во всем своем блеске; впрочем, император Николай не придал ей большого значения. Он имел для этого много данных. Английская дипломатия не допускала Египта до чрезмерного усиления и даже рассорилась из-за Мехмеда-Али с покровительствовавшей ему Францией, а в настоящее время эта нация хозяйничает над Нилом, как во владениях индийских раджей.

Разговоры государя с Сеймуром послужили исходной точкой переговоров, которые должны были вестись секретно, но год спустя английское правительство дало им пристрастную огласку с целью убедить общественное мнение Европы в честлюбивых замыслах нашего правительства.

Истинный свет на предмет и цель этих переговоров бросают превосходные собственноручные заметки императора Николая на депеше лорда Рёсселя Сеймуре от 9 февраля 1853 года, сообщенной нам в копии⁵².

Предупредив о полной откровенности своего ответа, английский министр высказывал в этой депеше соображения, что в действительности ничего не произошло такого, что бы требовало решения Восточного вопроса; спор о Святых местах в сущности являлся спором между Россией и Францией и, по мнению английского правительства, не затрагивал сферы внутреннего управления Турции. Лорд Рёссель говорил о невозможности определить

время падения империи оттоманов, о том, что наше соглашение с Англией в предвидении падения Турции может, вопреки желанию обеих сторон, ускорить падение этого государства, так как такое соглашение нельзя будет хранить втайне, и оно придаст силы всем врагам Турции. Благородный лорд относился с особой похвалой к той политике, которой император Николай придерживался до того времени по отношению к Турции и которая «сделает его имя более славным, чем имена знаменитых государей, стремившихся к бессмертию путем ничем не вызываемых завоеваний».

Английский министр давал далее нашему правительству советы, что нужно делать для успеха такой политики. «Было бы желательно, — писал он, — чтобы по отношению к Турции все державы проявляли наибольшее терпение, чтобы все их требования к ней являлись скорее предметом дружественных переговоров, а не энергичных заявлений; всякие военные и морские демонстрации для принуждения султана к исполнению требования той или другой державы должны быть, по возможности, избегаемы, и решение возникших в пределах ведения Порты споров должно происходить по взаимному соглашению великих держав, а не требоваться у Турции под угрозой силы».

Император Николай по поводу английских соображений сделал на полях депеши лорда Рёсселя следующие замечания: спор о Святых местах «может привести к войне, а война может легко окончиться падением Оттоманской империи в особенности, если бы война возникла вследствие совершающихся в Черногории ужасов, к которым христианские народности не могут оставаться безучастными, предвидя для себя такую же судьбу». Необходимо доказать султану, что «разорение Черногории недопустимо, как равно и подданство Порте этой страны, которая ей не принадлежит и на которую в течение столетия простирается наше покровительство».

«Здесь не затрагивается вопроса, — замечает далее государь, — о распоряжении владениями султана; дело идет только об определении, на случай падения Турции, того, что было бы противно нашим и английским интересам, чтобы не действовать противно им. Ничего более не нужно».

Император Николай не находил основательными опасения английского министра о том, что соглашение между обеими кабинетами повлияет на ускорение падения Оттоманской империи. Текст соглашения предполагалось сообщить Франции только в случае неминуемого наступления предвиденных событий. «Я не вижу надобности, — писал государь, — говорить о соглашении раньше времени, потому что моя цель состоит только в том, чтобы не стать в противоречие с Англией, и единственно с этой целью я придаю обмену наших мнений самую секретную форму. Он не может про-

Вид Иерусалима

(с французской гравюры Дартуа, начала XVIII столетия)

исходить с пользой официальным путем и остается строгой тайной между королевой и мною».

Император Николай выразил свое удовольствие по поводу заявления лорда Рёсселя, что у Англии нет желания овладеть Константинополем, и обещания ни с кем не входить в предвидении падения Турции ни в какие переговоры, не согласившись предварительно с Россией. «Это уверение ценно, — заметил государь, — потому что оно доказывает, какое тождество стремлений существует между Англией и Россией. Гораздо легче идти рука об руку при установлении предначертаний, которые не имеют другой цели, кроме *предупреждения* того, чего ни Англия, ни Россия никогда не могли бы допустить».

Совет ласково обращаться с Турцией вызвал замечание государя, что такое обращение применяется, «но бесполезно, и именно это может вызвать войну и все ее последствия».

Руководствуясь приведенными отметками, граф Нессельроде изложил взгляды нашего правительства сэру Гамильтону Сеймуру⁵³. Канцлер объяснил, что беседы государя вовсе не имели целью предложить Англии какой-либо *план* действий на случай падения Турции, а только объяснить не столько насчет того, что каждая из сторон желает, сколько насчет того, что ей нежелательно, и государь избрал для этого форму секретного частного разговора с представителем королевы. Падение Османской империи есть, конечно, событие неопределенного и далекого будущего, но оно может наступить и наступит вдруг. Черногорский вопрос обострился, и во время разговора государя с Сеймуром трудно было предвидеть его скорое и мирное разрешение. Вопрос о Святых местах также находился в неопределенном положении и мог вызвать весьма серьезные осложнения, «если самолюбие и угрозы Франции будут продолжать действовать на Порту и заставят ее отказать нам в каком бы то ни было удовлетворении, и если, с другой стороны, оскорбленное уступками, сделанными католикам, чувство православных заставит восстать против султана огромное большинство его подданных».

Что касается ласкового обращения с Портой, то, по мнению графа Нессельроде, такая мера была бы действительна, если бы все державы применяли эту систему. Но не так действовала Франция, все требования которой поддерживались демонстрациями: «*c'est a la bouche du canon qu'elle a présent ses réclamations*». Россия и Австрия должны были последовать этому примеру, так как иначе невозможно действовать по отношению к правительству, которое становится сговорчивым только под влиянием угрозы. Нота оканчивалась выражением взаимного удовольствия по поводу высказанного обеими сторонами уверения в отсутствии желания обладать Константинополем и по поводу заявления лорда Рёсселя, что Англия не войдет ни с кем в соглашение на случай падения Турции, не сговорившись предварительно с нами. Прочитав канцлерскую депешу, государь сделал на ней пометку: «*Cela peut aller ainsi, je pense*». В этих словах как будто сквозит указание на недостаточную полноту или некоторую неясность ноты.

Эту недосказанность граф Нессельроде старался восполнить в депешах и письмах к барону Бруннову. Не могло быть сомнения в том, что характер дальнейшего хода событий на Востоке зависел преимущественно от Англии; ее влияние в Париже и в Константинополе легко могло бы способствовать разрешению недоразумений на Востоке в духе наших желаний. В частном письме графа Нессельроде к барону Бруннову от 2 января 1853 года⁵⁴ эта точка зрения изложена весьма определенно. Канцлер исходил из той мысли, что новый император французов не может не питать завоевательных стремлений, так как в противном случае восстановление империи было бы смешно (*ridicule*). Но завоевания в Западной Европе вызвали бы несомненную коалицию против Франции, которая могла бы повлечь за собой новое падение наполеонидов; поэтому властелину этой страны оставалось только обратиться на Восток. Такое предприятие могло показаться Наполеону, по мнению канцлера, легко осуществимым. «Соединенные морские силы Турции, Англии и Франции будут иметь большой перевес над русским флотом. Проникнуть в Черное море, разорить там русскую торговлю, сжечь приморские города, снабдить подкреплениями кавказских горцев, — все это, соединившись втроем, не требует очень разорительных жертв...» В таком виде граф Нессельроде представлял себе цели Наполеона, полагая, что «задача противодействовать французским планам есть специальное дело Англии».

Канцлер как бы не замечал странного противоречия в своих выводах; он допускал возможность совместных действий Франции, Англии и Турции для уничтожения нашей торговли и морского могущества на Черном море и в то же время обращался к содействию Англии для предупреждения той же возможности.

**Л. Г. Сенявин, товарищ
министра иностранных дел**
(с фотографии, с натуры)

Одновременно с тем, когда граф Нессельроде искал сближения с Великобританией, а барон Бруннов успокаивал из Лондона⁵⁵, что лорду Страдфорду Редклифу, отправлявшемуся послом в Константинополь, даны «des instructions plus sages», и что лорд Абердин старается предупредить возможные при характере этого посла осложнения «par des rigles de conduite conzues dans un bon esprit», Лорд Кларендон писал тому же самому лорду Страдфорду⁵⁶:

«Цель вашей миссии внушить Порте благоразумие и осторожность в отношении тех держав, которые будут побуждать ее к удовлетворению их требований. На вас возлагается обязанность употребить все уси-

лия, чтобы отвратить войну и склонить державы к дружелюбному разрешению споров»... Государства, обращающиеся к Порте «в диктаторском, чтобы не сказать угрожающем, тоне, могут ускорить разложение Турецкой империи и вызвать катастрофу, предупредить которую желали бы все».

Лорду Страдфорду предписывалось повидаться проездом через Париж с французским министром иностранных дел и подтвердить, что британское правительство сознает тождественность интересов Франции и Англии на Востоке и никакие случайности не могут нарушить их согласия в деле поддержки независимости Турции.

Что касается султана, то великобританский посол должен был ему откровенно выяснить, в чем заключается опасность положения, рекомендовать Порте особую осторожность в действиях и предупредить командующего мальтийской эскадрой быть наготове, в случае опасных осложнений, отплыть к Дарданеллам.

А между тем барон Бруннов сообщал в частном письме графу Нессельроде от 9 (21) февраля⁵⁷, что ему еще никогда не удавалось иметь такого полного и быстрого успеха. Он был уверен, что убедил Англию и победил Порту следующей фразой, сказанной турецкому послу: «Mandez a votre gouvernement, que c'est pour lui la 11-me heure». Если турки, по мнению барона, не окончательно глухи, то князь Меншиков сумеет их убедить.

Зимой 1852—1853 годов в турецких провинциях западной части Балканского полуострова вспыхнули беспорядки, и турецкая армия под начальством Омера-паши разоряла Черногорию. Все это происходило на границе Австрии, которая не могла оставаться равнодушной к вспыхнувшему раздору и приняла меры, чтобы его потушить в самом начале. С чрезвычайным послом императора Франца-Иосифа графом Лейнингеном был отправлен в Константинополь ультиматум, требовавший немедленного отозвания турецких войск из пределов Черногории.

Появление австрийского чрезвычайного посла в Стамбуле произвело некоторый переполох среди местных дипломатов. Они не знали, действует ли венский кабинет вполне самостоятельно или по соглашению с нами. Сначала преобладало второе предположение, и, как видно из донесений Балабина, Лавалет возмущался поведением Австрии; по его мнению, Австрия не имела права предъявлять подобных требований независимой Турции, и последняя должна ей отказать⁵⁸. Такой совет и дан был Порте велико-британским и французским представителями⁵⁹; отказ Австрии был уже заготовлен, но не послан благодаря содействию Озерова, который убедил Фуада-пашу в необходимости сделать уступки. Однако сделанные уступки не удовлетворили графа Лейнингена, который собирался уже покинуть Константинополь.

В дело пришлось вмешаться императору Николаю. «Я не знаю, каково будет твое решение, — писал государь императору Францу-Иосифу⁶⁰, — но каково бы оно ни было, ты можешь быть вперед уверенным, что, если последует война между тобой и Турцией, то это будет равносильно тому, что Турция объявила войну мне. Я поручаю князю Меншикову сообщить это в Константинополе, а пока ставлю на военное положение 4-й и 5-й корпуса, а также Черноморский флот, и мы будем готовы». Инструкции, данные одновременно с этим Озерову, заставили Порту отказаться от всякого сопротивления и принять австрийские требования без всяких оговорок.

Поведение государя во всем этом деле является лучшим доказательством отсутствия у него тех кажущихся завоевательных намерений, в которых его так сильно обвиняли наши западные недоброжелатели. Разрыв между Австрией и Турцией был бы прекрасным предлогом для выполнения таких планов, но император Николай, со своей стороны, сделал все, чтобы его предупредить.

Впрочем, под конец миссия графа Лейнингена встретила поддержку и со стороны дипломатов западных держав. Лавалет сообщил даже Озерову, что он сильно содействовал уступчивости турок. С некоторой вероятностью это возможно допустить, если принять во внимание, что Англия и Франция действовали сообща, а австрийское правительство отрицало факт какого-либо соглашения с нами⁶¹.

Примечания

¹ «Notice historique sur les Sts-Lieux de Jérusalem». Гос. архив, разр. XI, д. № 1228; P. de la Gorce. Histoire du Second Empire. T. I. P. 135—138. Oesterns papers, t. I, p. 24.

² «Articles des capitulations Francaises ayant trait aux йglises et aux religieux». Oesterns papers. T. I. P. 5.

³ Thouvenel L. Nicolas I et Napoleon III. P. 3.

⁴ Приложение № 88, а также генерал Опик — Кору 12 августа 1850 года и Али-паше 23 февраля 1851 года. Oesterns papers. T. I. P. 8 и 13.

⁵ Али-паша — генералу Опику 30 декабря 1850 года. Там же. P. 10.

⁶ Генерал Опик — Али-паше 28 мая 1850 года. Там же. P. 4.

⁷ Австрия опиралась при этом на статьи Карловицкого, Пассаровицкого, Белградского и Систовского трактатов (Клец — Али-паше 3 февраля 1851 года. Там же. P. 14).

⁸ Депеша Каннинга от 5 июня 1850 года. Там же.

⁹ Приложение № 88.

¹⁰ Oesterns papers. T. I. P. 20.

¹¹ Там же. P. 26.

¹² Депеши Титова — канцлеру 4 (16) января и 29 января (10 февраля) 1851 года, № 1 и 10. Архив Мин. иностр. дел.

¹³ Титов — канцлеру 24 апреля (6 мая) 1851 года, № 54. Архив Мин. иностр. дел.

¹⁴ От 7 сентября 1851 года. См. приложение № 89.

¹⁵ Каннинг — Пальмерстону 17 октября 1851 года. Oesterns papers. T. I. P. 18.

¹⁶ Каннинг — Пальмерстону 4 ноября 1851 года. Там же. С. 19.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Титов — канцлеру 4 (16) января 1851 года, № 1. Архив Мин. иностр. дел.

¹⁹ Али-паша — Лавалету 9 февраля 1852 года. Oesterns papers. T. I. P. 36.

²⁰ Приложение № 90.

²¹ От 29 января (10 февраля) 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Turquie, 1852.

²² Фирман в пользу латинян, приложенный к ноте от 8 февраля 1852 года. Архив Мин. иностр. дел. Paris, 1853, I.

²³ Канцлер — Киселеву 10 апреля 1852 года, № 168. Архив Мин. иностр. дел. Paris, 1852.

²⁴ Приложение № 91.

²⁵ В историческом обзоре (приложение № 88) говорится о протесте Лавалета, «содержание которого нам осталось неизвестным». Французские историки о таком протесте не упоминают.

²⁶ Озеров — канцлеру 14 (26) марта 1852 года, № 50. Архив Мин. иностр. дел. Constantinople, 1852.

²⁷ Барон Бруннов — канцлеру 19 (31) мая 1852 года, № 121. Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1852.

²⁸ Озеров — канцлеру 24 мая и 9 июня 1852 года, № 77 и 80. Архив Мин. иностр. дел. Constantinople, 1852.

²⁹ Озеров — канцлеру 24 июня 1852 года, № 101. Там же.

- ³⁰ Письмо Озерова — Сенявину 28 июля (9 августа) 1852 года. Там же.
- ³¹ Депеши Озерова — канцлеру от 4 (16) и 14 (26) сентября 1852 года, № 118 и 129. Там же.
- ³² Деша полковника Розе из Константинополя 20 ноября 1852 года. Oesterns papers. Т. I.
- ³³ Приложения № 92 и 93.
- ³⁴ Письмо Озерова — канцлеру 4 (16) декабря 1852 года. Архив Мин. иностр. дел.
- ³⁵ «Qu'il s'en est montré tout a fait indigne».
- ³⁶ Озеров — канцлеру 15, 24 ноября, 1 и 4 декабря 1852 года, № 159, 165, 168 и 170. Архив Мин. иностр. дел.
- ³⁷ Канцлер — Озерову 30 декабря 1852 года. Там же.
- ³⁸ Озеров — канцлеру 24 декабря (5 января) 1852/1853 года, № 178. Там же.
- ³⁹ Приложение № 94.
- ⁴⁰ Приложение № 95.
- ⁴¹ Курсив подлинника.
- ⁴² Архив Мин. иностр. дел.
- ⁴³ Киселев — канцлеру 29 декабря (10 января) 1852/1853 года, № 95. Архив Мин. иностр. дел.
- ⁴⁴ Деша Сеймура от 31 декабря 1852 года. Oesterns papers. Т. I.
- ⁴⁵ 25 декабря (6 января) 1852/1853 года. Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, карт. 14.
- ⁴⁶ Приложение № 96.
- ⁴⁷ Приложение № 97.
- ⁴⁸ См. приложение № 98.
- ⁴⁹ P. de Gorce. Т. I. P. 144.
- ⁵⁰ Приложение № 98.
- ⁵¹ Kinglake. Т. I. P. 74—79.
- ⁵² Приложение № 99.
- ⁵³ Приложение № 100.
- ⁵⁴ Приложение № 101.
- ⁵⁵ От 24 января 1853 года.
- ⁵⁶ 24 января (5 февраля) 1853 года. Oesterns papers. Т. I. P. 80.
- ⁵⁷ Выдержки помещены в приложениях № 102.
- ⁵⁸ Донесение Балабина, полученное в Петербурге 4 февраля 1853 года. Архив Мин. иностр. дел.
- ⁵⁹ Депеши Озерова 26 и 31 января и 4 февраля 1853 года, № 12, 14 и 16. Там же.
- ⁶⁰ От 11 (23) февраля 1853 года. Приложение № 103.
- ⁶¹ Kinglake. Т. I. P. 64.

Глава X

Посольство князя Меншикова

Тем временем в Петербурге готовилось отправление в Константинополь чрезвычайного, облеченного особым доверием государя посла, который при существовавших трудных обстоятельствах мог бы добиться у Порты не только исполнения наших требований относительно Святых мест, но и установления необходимых гарантий в том, что права православной церкви впредь не будут нарушаемы.

Выбор лица, на которое можно было бы возложить выполнение такого важного поручения, являлся делом в высшей степени затруднительным. Граф А. Ф. Орлов и граф П. Д. Киселев, не рассчитывая на успех задуманного предприятия, уклонились от его выполнения, и выбор государя остановился на генерал-адъютанте светлейшем князе Меншикове. Этот выбор обуславливался и тем, что император Николай желал в своем после в Турцию видеть не только дипломата, но и лицо, способное, в случае надобности, руководить морскими и сухопутными военными операциями¹. Таким условиям, по мнению государя, наиболее удовлетворял князь А. С. Меншиков².

Князь Александр Сергеевич, по словам бывшего канцлера князя Горчакова³, обладал замечательным природным умом и к тому же получил самое разностороннее образование, но, как замечает Горчаков, к сожалению, его «ум и образование затемнились истинным или напускным бессердечием. Ко всему на свете он относился саркастически, злобно и разве по меньшей мере насмешливо. Отсюда происходил тот неиссякаемый источник всех его остроум, всех злых, но метко высказанных им *bons mots*».

И действительно, князь Александр Сергеевич сохранил о себе в потомстве память, как человек необыкновенного ума, обладавший к тому же весьма злым и острым языком.

Не задаваясь целью писать биографию этого деятеля первой половины прошлого столетия чуть ли не по всем отраслям государственной жизни, остановимся, однако, несколько на личности, с которой так неразрывно связана эпоха Восточной войны пятидесятых годов⁴.

Как человек обширного ума князь Меншиков, поставленный во главе многих отраслей государственного управления, должен был бы оставить потомству хоть какие-либо положительные следы своей деятельности. Но их не видно ни в одном из тех дел, во главе которых становился князь Александр Сергеевич. А деятельность его была обширна и, главное, разнообразна. И дипломатом, и моряком,

*Силоамская купель
(с гравюры, по рисунку Н. де Брюиня)*

и администратором, и, наконец, главнокомандующим сухопутной армией довелось быть князю Меншикову, и всюду он вносил достаточную долю эгоизма, сомнения, равнодушия; что касается талантов, то злой рок, видимо, не дал ему возможности проявить на деле ту разнородность их, которой его так щедро наделяли.

Свойства характера князя Меншикова, скрытность и присущая ему, по отзывам современников, способность острого и едкого слова заставляли опасаться князя и приписывать ему те качества, которых он не сумел или не имел в действительности случая выказать.

Непомерное себялюбие, громадное самолюбие и сомнение, обширная начитанность, отсутствие привязанности к кому бы то ни было и к чему бы то ни было, недоверчивость к окружающим, неумение распознавать людей и несомненная личная храбрость — вот в немногих словах тот облик, в котором в действительности рисуется князь Меншиков⁵.

Впоследствии при изложении фактической стороны Восточной войны личность князя Александра Сергеевича выяснится более подробно сама собой.

По некоторым намекам дневника князя Меншикова можно предполагать, что канцлеру был не особенно приятен его выбор в чрезвычайные послы⁶, и этот вопрос был окончательно решен только 18 января, причем граф Нессельроде счел необходимым снабдить князя Меншикова сверх данных ему полномочий и кабинетного письма целым рядом письменных инструкций⁷.

Канцлер в своем докладе государю⁸ следующим образом рисует поведение чрезвычайного посла в Константинополе: он прежде всего должен прямо и настоятельно потребовать обнародования данных нам фирманов без малейшего отступления от обычных формальностей. Турецкие министры, конечно, предложат некоторые изменения для согласования фирмана с признанным за латиня-

Часовня Гроба Господня
(с французской гравюры начала
XVIII столетия)

нами правом владеть ключами от Вифлеемского храма. Князь Меншиков должен был согласиться на это, но при условии опубликования другого, объясняющего отступление в пользу католиков, фирмана и отмены всех остальных данных им в ущерб православным преимуществ, причем признание Портой прав греческой церкви должно было быть изложено в особой, заключенной с нами конвенции или сенеде.

Но самая богатая по последствиям часть всеподданнейшего доклада канцлера заключалась в том, что он предлагал обязать нашего посла отказаться вести переговоры с потерявшим доверие петербургского кабинета Фуадом-эфенди, если бы султан избрал последнего для этой цели, и должен был предложить Порте заключение союзного оборонительного договора в том случае, если бы Франция мешала Турции своими угрозами удовлетворить наши требования.

Краткий и определенный доклад государю вылился в целый ряд очень обширных и менее определенных письменных инструкций, которыми напутствовал граф Нессельроде нашего чрезвычайного посла⁹.

В первой инструкции канцлер обращал внимание князя Меншикова на те основания, которыми руководствовался петербургский кабинет в своей политике относительно Турции после Адрианопольского мира, и на всегдашнее желание государя поддерживать с этой страной отношения благосклонные, миролюбивые и даже снисходительные. Такое поведение граф Нессельроде объяснял «как слабостью этого государства и его внутренними смутами, так и большей частью несправедливыми притязаниями других держав». Выяснив дальше особое значение для нас в данную минуту удачного решения вопроса о Святых местах, канцлер повторял в общем вышеприведенный свой всеподданнейший доклад. В этой инструкции новой является только одна мысль о связи уступок католикам с общим преобразовательным движением, охватившим министров Порты и заставлявшим их принимать меры, к которым совершенно не подготовлены мусульманские и христианские подданные султана. Наставление заканчивалось новым повто-

рением о нежелании государя ускорять распадение Османской империи, которое необходимо должно последовать «за первым серьезным ударом, который наши войска ей нанесут».

Вторая, секретная инструкция, составленная под впечатлением «новейших известий из Константинополя», производит несколько странное впечатление. Начинаясь выражением почти полной уверенности в благополучном исходе посольства князя Меншикова, она неожиданно переходила к изложению поведения посла в случае отказа Порты в удовлетворении наших требований. Князю Меншикову предписывалось в таком случае испросить торжественную аудиенцию, заявить на ней об оставлении Константинополя со всей миссией, протестовать против неправильных действий Порты и возложить ответственность за происшедший разрыв на советников султана, которые противились принятию наших предложений. Угроза о выезде должна была быть исполнена через три дня.

Третья инструкция, которая также ссылалась на полученные из Константинополя известия, имела совершенно иной характер. Она говорила о нравственном состоянии султана, находившегося под влиянием угроз Франции и сознания неисполненного долга перед Россией, причем канцлер выводил отсюда предположение о возможности со стороны султана и визиря искреннего желания сблизиться с нами. В таком случае князю Меншикову предлагалось в своих переговорах «дойти до предложения оборонительного союза». Целью такого союза должна была быть защита Порты от протектората Франции над Иерусалимом, чего, видимо, добивался Людовик-Наполеон; мы, со своей стороны, взамен этого требовали только подписания с нами отдельной конвенции по вопросу о Святых местах.

Еще в одной секретной инструкции граф Нессельроде объяснял чрезвычайному послу цель действий наших противников. По словам канцлера, она заключалась в том, чтобы ослабить русское влияние на турецком Востоке, поставив католическое исповедание в особенное преимущественное положение. В турецких министрах граф Нессельроде видел слепое орудие скорее политической, чем религиозной пропаганды, «и мы оказываем, — писал канцлер, — услугу султану и его империи, обращая его внимание на преступную деятельность турецких министров». В заключение автор инструкции напоминал, что каково бы ни было течение переговоров относительно заключения оборонительного союза, не следует приостанавливать дела об исполнении фирмана относительно Святых мест, так как «в этом отношении обязательства Порты относительно нас вполне положительны».

Граф Нессельроде не ограничился этими инструкциями. В тот же день он дал князю Меншикову еще одну, касавшуюся поведе-

ния нашего посла по отношению к аккредитованным при султане представителям великих держав.

Канцлер начал с Франции. По его словам, политика императора Николая имела целью ослабить нравственными неудачами влияние нового французского правительства, поэтому князь Меншиков должен был по отношению к французскому представителю в Константинополе держаться вежливо, но твердо, не выказывая ни желания войны, ни боязни перед ней. Примирительные предложения, сделанные французским правительством в Петербурге, навели графа Нессельроде на мысль, что в Париже стало преобладать более спокойное настроение, почему он предоставлял личному усмотрению князя Меншикова придать тот или другой характер сношениям с французским дипломатом, который должен был заменить пылкого Лавалета.

Весьма интересны взгляды канцлера на отношения к нам других держав. По его мнению, мы еще не достигли полного согласования наших видов с видами великобританского правительства, но «достаточно восстановления во Франции наполеонидов и воспоминаний, с этим связанных, чтобы восстановить между нами и Англией некоторую общность интересов (*une certaine communion d'intérêts*)». Граф Нессельроде высказывал полное удовольствие по поводу приема, который встретили в Лондоне наши сообщения относительно политики императорского кабинета в вопросе о Святых местах; он был уверен, что английский посол в Константинополе получит инструкции, проникнутые доверием к нашей консервативной и умеренной политике. Поэтому канцлер предлагал князю Меншикову убеждать английского представителя полковника Розе в нашем миролюбии и склонять к совместным действиям для охраны мира на Востоке.

Что касается Австрии и Пруссии, то инструкция указывала на полное согласие их взглядов с нашими, и особенно подчеркивалась в этом отношении Австрия. Эта католическая держава поняла, по словам канцлера, что Людовик-Наполеон заботился не о католицизме, а о подрыве русского влияния, и отказалась содействовать французской политике, так как такие предложения «скрывали хитро задуманную цель ослабления ее связи с Россией». В доказательство полного согласия наших взглядов и интересов канцлер ссылался на посольство графа Лейнингена и выражал надежду, что князь Меншиков встретит в австрийском представителе союзника, который будет защищать одно и то же дело и стремиться к одному и тому же результату.

К инструкциям князя Меншикова были приложены краткое обозрение истории вопроса о Святых местах¹⁰ и проект предполагавшейся к заключению с Портой конвенции¹¹.

Согласно первой статье этого проекта, договаривавшиеся стороны постановляли, что православная религия будет пользо-

ваться постоянным покровительством Блистательной Порты и наши посланники в Константинополе будут иметь право делать ей по этому поводу представления. Вторая и третья статьи обеспечивали права, преимущества и несменяемость четырех восточных патриархов. Четвертой статьей Порты обязывалась перед императорским двором хранить и поддерживать права иерусалимского греческого патриарха в Иерусалиме и вне его не во вред, однако, другим христианским общинам. Пятая статья обязывала султана издать гатти-гамаюн, который признавал бы все прежде данные иерусалимской греческой церкви фирманы и с точностью указывал те Святые места, которые были с древних времен предназначены для православных и католиков. Наконец, согласно последней статье, Порта принимала на себя обязательство предоставить в Иерусалиме в распоряжение нашего правительства место для постройки там русской церкви и странноприимного дома.

**Князь А. С. Меншиков
в Константинополе**
(с немецкой гравюры на дереве)

Чрезвычайный посол был снабжен также проектом отдельного и секретного акта оборонительного союза с Турцией¹². В первой статье этого документа выражалась готовность императора Всероссийского оказать султану вооруженную помощь в том случае, если бы какая-нибудь держава решилась напасть на него потому только, что он, пользуясь своими верховными правами, признает за православными подданными Оттоманской империи их вековые права и преимущества. Впрочем, автор проекта трактата оговаривался, что «такого случая никаким образом нельзя ожидать или опасаться». Во второй статье указывалось, что, в случае наступления предусматриваемых трактатом неожиданных событий, договаривающиеся стороны определяют количество сухопутных и морских сил, какие наше правительство отправит на помощь Порте.

28 января князь Меншиков откланялся государю, получив приказание «угрожать туркам признанием независимости княжеств»¹³, а 29 числа поторопился отправиться в путь.

Но отъезд не избавил князя Александра Сергеевича от многочисленных письменных наставлений канцлера. Он подтверждал ему вслед¹⁴ всегдашнее свое желание действовать не в смысле отнятия у католиков дарованных им прав, а в смысле соответственного увеличения прав православных; радовался благорасположению Лондона и Парижа и предупреждал относительно ожидаемого в Константинополе сопротивления со стороны Лавалета и полковника Розе; сообщал о скором прибытии в Стамбул Редклифа и нового французского посла Лакура, выражая радость по поводу последнего и искреннее пожелание князю Меншикову покончить все дело до приезда первого¹⁵. Канцлер послал также князю копию депеши барона Бруннова¹⁶, в которой сообщалось, что полковник Розе получил инструкцию склонять Порту к уступчивости и что английское правительство будет содействовать выполнению наших желаний в Париже.

16 февраля пароход-фрегат «Громоносец», на котором находился князь Меншиков, сопровождаемый генерал-адъютантом Корниловым, генералом Непокойчицким и многочисленной свитой, бросил якорь в Буюк-дере. Чрезвычайный посол был встречен всей русской колонией и многочисленной толпой греков, которые с радостными криками провожали его до русского дворца в Перу. Султан приветствовал приехавшего через своего церемониймейстера Киамиль-бея¹⁷.

С этой минуты начинается последний, самый решительный акт дипломатического воздействия на Порту.

Через день после своего приезда в Константинополь князь Меншиков отправился с официальным визитом к великому визирю, во фраке¹⁸. Он начал свою беседу с заявления визирю, что «не может иметь никакого доверия к Фуаду-эфенди (турецкому министру иностранных дел) по вопросу, ему порученному, и просил назначить для переговоров другое лицо¹⁹. «Мое заявление, — пишет князь, — смутило визиря; по выходе же от него, я, желая подтвердить свои слова действием и показать, как мало ценю Фуада-эфенди, не сделал ему обычного визита вежливости. Это произвело большое впечатление и вызвало неудовольствие Порты, а Фуад подал в отставку».

Английский и французский поверенные в делах обратились к обиженному министру с настойчивой просьбой остаться на своем посту; особенно настаивал на этом полковник Розе. Фуад, однако, ушел, а князь Меншиков поторопился сделать визит его преемнику Рифату-паше, которого ему рекомендовали как «человека достойного, с довольно порядочными правилами», но также с большим недостатком: «он никогда не желает принять на себя ни малейшей ответственности»²⁰.

С первых же дней прибытия нашего чрезвычайного посла в Константинополь начались недоразумения между ним и временным представителем Англии полковником Розе, который желал присвоить себе право контроля над нашими переговорами с Портой. «Assaut repoussé du colonel Rosem, qui veut connaitre mes instructions, — занес князь Меншиков в свой дневник за 19 февраля²¹. — Visite du colonel Rose, — записал он через несколько дней, — ргйоссуей д'ун авис де сон консул д'Odessa sur nos ргйпаратифс де guerre»²².

Французский представитель Бенедетти держал себя по отношению к нашему послу совершенно иначе и первоначально прилагал старания к дружелюбному разрешению вопроса о Святых местах²³.

Определились к этому же времени и отношения князя Меншикова к главе православной церкви в Константинополе. Через приветствовавшего его по случаю приезда от имени патриарха митрополита он просил последнего передать вселенскому патриарху его упреки относительно беспорядков в духовном управлении, невежества духовенства и относительно тех преимуществ, которые они уступили другим исповеданиям²⁴.

Только через неделю после своего приезда в Константинополь князь Меншиков удостоился торжественной аудиенции у султана. Такая задержка объяснялась турками переменой министра иностранных дел, но в действительности она была следствием старания полковника Розе задержать ход переговоров до прибытия в Константинополь великобританского посла лорда Редклифа. Резкое поведение князя Меншикова с Фуадом дало повод утверждать, что возложенное на него поручение имеет враждебный характер, причем турецкие министры и их английские советники допускали даже возможность дерзкого обращения нашего чрезвычайного посла с султаном. Князю Александру Сергеевичу пришлось уверять Рифата-пашу, что он «умеет говорить с монархом с подобающим уважением»²⁵.

Аудиенция с соблюдением обычного церемониала происходила 24 февраля, после чего последовал частный прием султаном нашего посла в присутствии министра иностранных дел и наиболее почтенного драгомана. Князь Меншиков вручил падишаху письмо государя, которого султан, видимо, не ожидал и был до такой степени смущен, что посол счел нужным не делать никаких упреков, «de ne pas augmenter l'esprit d'effroi qu'il semblait йprouver». Для успокоения султана князь Меншиков заметил, что, конечно, государь жалуется, но делает это как друг, желающий добра и независимости Турции и радующийся увеличению ее сухопутных и морских сил. Падишах отвечал отрывочными фразами о недоразумениях, которые разъяснятся, и успокоился лишь тогда, когда разговор перешел на другие темы.

Письмо императора Николая было написано внушительным тоном²⁶. Признавая, что отправление князя Меншикова в Констан-

*Аудиенция князя Меншикова у султана. Май 1853 г.
(с литографии К. Ланцеделли)*

тинополь является актом дружбы и союза, государь тем не менее не скрывал чувств «глубокого прискорбия и удивления», вызванных в нем поведением султана, и указывал на «серьезные последствия», которые такое поведение может повлечь за собою. Конец письма касался возможного скрепления союза между Россией и Турцией, в случае возникновения каких-нибудь осложнений или опасности для Турции причем этот союз мог бы привести к соглашению, которое прекратило бы всякие притязания, несовместимые с независимостью и спокойствием Оттоманской империи.

Меншикову все более и более приходилось разочаровываться в точности наших дипломатических сведений и в английском поведении в делах полковнике Розе. Вместо ожидаемой помощи и поддержки наших требований, которые предсказывали барон Брунов и граф Нессельроде, полковник Розе действовал в совершенно противоположном смысле. После отказа князя Меншикова познакомить его с полученными инструкциями английский дипломат стал почти в открытую оппозицию нашему послу. Является несколько непонятной такая скрытность князя Александра Сергеевича, так как канцлер ему писал, что программа наших действий уже сообщена лондонскому кабинету и встретила там самый прекрасный прием.

В действительности следует оговориться, что сообщение это нашим министерством иностранных дел было сделано с.-джем-скому кабинету в самой общей форме, и английское правительство и даже наш представитель при лондонском дворе подробно ознакомились с инструкциями князя Меншикова только в апреле, причем до сведения первого они были доведены лордом Страдфордом Редклифом.

Отчасти благодаря такой скрытности и поведению чрезвычайного посла миссия князя Меншикова возбуждала все большее и большее недоверие среди западных дипломатов. Французский поверенный в делах Бенедетти, со своей стороны, счел необходимым передать Порте записку, в которой предостерегал турок от опасности, «*parce que le but de l'ambassade serait peut-etre de lier la Porte par quelque acte, comme celui de Hounkiar-Iskïlessi, dont l'Europe s'est donnй tant de peine pour sauver la Turquie*»²⁷. Полковник же Розе, даже получив из Лондона приказание объявить Порте, что с.-джемский кабинет считает наши требования основанными на праве, «*n'a pas pu se dйcider а prendre une attitude passive et parait s'etre accorder avec M. Benedetti pour engager la Porte а employer des moyens dilatoires*»²⁸.

Официальные переговоры князя Меншикова с Портой начались 4 (16) марта, когда наш посол сообщил Рифату-паше устную ноту, заключавшую перечень всех провинностей турецких министров перед Россией по вопросу о Святых местах²⁹, и передачу эту сопровождал указанием, что время одних слов миновало и впредь необходимо положительное обеспечение от повторения прошедшего³⁰. Князь Меншиков предлагал турецким министрам вникнуть в смысл его слов и уяснить суть его посольства.

Таким образом, не ознакомившись с обстановкой и со степенью влияния различных партий в Константинополе, наш посол с первых шагов принял тон таинственный и угрожающий, который давал обильную пищу недоброжелателям России, заставил с недоверием относиться ко всяким, даже самым справедливым требованиям нашего посла и придал будущим переговорам характер, очень затруднявший их успешное окончание.

Князь Меншиков после первого объяснения с Рифатом-пашой дал Порте несколько дней «*pour prier le sultan et les ministres aux demandes que nous allions formuler et dont je leur avais dйja fait pressentir la nature*»³¹. Он предполагал, что в течение этого времени султан пригласит его к себе, но так как этого не случилось, то 10 (22) марта он имел второе частное совещание с Рифатом-пашой. Наши требования относительно Святых мест³² и даже относительно включения турецких обязательств по этому поводу в особый торжественный акт³³ не смутили турецкого министра, что дало князю Меншикову надежду достигнуть успеха без больших затруднений.

Султан Абдул-Меджид
(с литографии Лемерсье,
по рис. Ланта)

Но совершенно иначе Рифат-паша отнесся к предложению о заключении особой конвенции, касающейся гарантии наших прав в будущем³⁴. При чтении проекта этого документа, сопровождавшегося весьма решительной нотой нашего посла, «лицо Рифата видимо потемнело»; он показался князю Меншикову «сильно взволнованным и несколько мгновений не мог ни слова произнести».

Одновременно с этим наш посол принял меры к тому, чтобы предостеречь султана от превратных толкований наших требований. Он поручил Озерову объяснить их смысл первому секретарю султана Фериду-эфенди и уверить его, что они сводятся лишь к подтверждению наших прав по прежним трактатам, что мы не желаем ни-

чего нового, стесняющего верховную власть султана, и что наши предложения имеют безусловно мирный характер³⁵.

Князь Меншиков не забывал, впрочем, и возможных последствий неудачи его посольства. Адмирал Корнилов и генерал Непокойчицкий исследовали берега Босфора и даже совершили поездку в Смирну и Пирей, чтобы убедиться, что число французских и английских судов на этих морских станциях не превышает обыкновенного. По мнению князя, Порты не в состоянии была выслать в море более пяти военных кораблей, а в Константинополе находилось войск не более 30 тысяч при 144 орудиях³⁶.

Тем временем переговоры продолжались. Наши требования относительно Святых мест предполагалось передать на обсуждение совета, а проект конвенции предварительно должен был быть представлен султану. Рифат-паша счел долгом заметить при этом, что, по его «*opinion intime et toute privée*», мы правы, но что заключение конвенции будет трудно. «*Ce ne sont point les articles de votre projet, — сказал Рифат, — qui m'effrayent; ils ne me paraissent nullement forts, c'est le principe même qui ne me paraît point acceptable*»³⁷.

19 (31) марта у турецкого министра происходила конференция, продолжавшаяся свыше семи часов, на которой наш и турецкий представители пришли к соглашению относительно большей части

вопросов, касавшихся Святых мест. Было установлено, что ключ от Вифлеемского храма не даст латинянам особых прав на этот храм, что серебряная звезда будет объявлена пожалованной от щедрот султана всем христианским вероисповеданиям, вифлеемские сады будут в ведении обеих сторон, а прилегающие к Святым местам здания гаремов разрушены. Остались неразрешенными только вопросы о подробностях перестройки купола в храме Гроба Господня и о порядке богослужений разных исповеданий в этом храме³⁸.

В Петербурге между тем замечалось уже некоторое нетерпение, вызываемое медленностью переговоров. Граф Нессельроде, разъясняя еще раз князю Меншикову сущность нашего проекта конвенции, указывал, что цель ее состоит в более точном и ясном определении нашего права покровительствовать Восточной церкви в пределах Оттоманской империи, чем это было определено Кучук-Кайнарджийским договором; таким образом нашу конвенцию можно было бы противопоставить французским капитуляциям 1740 года. Граф Нессельроде не придавал значения ни названию, ни форме договора, но желал лишь, чтобы он имел силу и ценность трактата. «Ce qui nous parait le plus important, — писал канцлер³⁹, — c'est que les irrésolutions du sultan ne se prolongent pas trop et que nos adversaires ne profitent de cette indécision et des retards qui en résultent pour faire perdre à la mission de votre altesse le caractère de sîlîritî et de vigueur qui doit en assurer le succès».

К концу марта, по-видимому, можно было надеяться, что мы достигнем полного успеха. Канцлер писал князю Меншикову⁴⁰, что обещания, данные Портой французам⁴¹, не противоречат нашим требованиям, и если французское правительство не имеет еще каких-либо намерений, то «l'entente et l'arrangement réciproquement équitables, qu'on nous propose, ne nous semblent pas difficiles à établir». Канцлер только добавлял, что необходимо убедить французское правительство так же, как и другие католические державы, что, требуя от Порты «des garanties pour le maintien inaltérable les immunités dont nos coreligionnaires de l'Orient n'ont cessé de jouir depuis les premiers temps de la conquête, nous ne réclamons rien de blessant pour la dignité des gouvernements qui accordent leur protection aux établissements catholiques de la Palestine».

Беседы князя Меншикова с прибывшим в Константинополь французским послом Лакуром также подтверждали благоприятное направление парижского кабинета. Хотя Лакур и начал с заявления, что «c'est une question de dignité pour les deux empires», но в конце концов согласился с нашими предложениями относительно ключей Вифлеемского храма, порядка богослужения в Гефсиманском вертепе и даже возобновления купола под наблюдением иерусалимского патриарха⁴². Сведения о миролюбии французского правительства князь Меншиков получал и с других сторон⁴³.

Вид Константинополя

(с русской гравюры, по немецкому рисунку начала XVII столетия)

Что касается Англии, то барон Бруннов сообщал нашему послу⁴⁴, что великобританское правительство находит поведение полковника Розе неправильным и несогласным с видами лондонского кабинета. Его же требование, обращенное к адмиралу Дундасу, о приближении английской эскадры к турецким берегам, не исполненное, впрочем, адмиралом, порицалось, и по возвращении лорда Редклифа в Константинополь полковник Розе должен будет покинуть столицу оттоманов.

Через Петербург также приходили весьма успокоительные известия. Князю Меншикову была сообщена копия депеши лорда Кларендона Сеймуру⁴⁵, в которой великобританский министр сообщал, что лондонский кабинет не испытывает никакого страха по поводу тревожных слухов, доходящих из Константинополя, так как он «неоднократно получал личные уверения государя о решении его поддерживать независимость Турецкой империи, и если бы намерения Его Величества по отношению к этому важному вопросу изменились, то они были бы откровенно сообщены правительству королевь». Признавая далее, что положение, занятое французским правительством, может вызвать осложнения, лорд Кларендон выражал надежду, что этих осложнений можно будет избежать благодаря государю, который, наверно, предпишет своему послу не требовать ничего, что оскорбило бы честь и интересы Франции.

Граф Нессельроде после этого вполне уверовал, что английское правительство смотрит на события совсем иначе, чем полковник Розе, и с облегчением сообщал нашему послу дошедшие до него вести, что «le terrible Stratford Canning est dans les mmes dispositions que son gouvernement»⁴⁶.

Казалось, таким образом, что все обстоит самым благоприятным образом. Вопрос об удовлетворении наших требований по поводу торжественного объявления фирмана о правах греческого вероисповедания в Святых местах был разрешен удовлетворительно, причем, по словам Меншикова, «окончательному соглашению сему много способствовал лорд Редклиф»⁴⁷. Однако вслед за этим

наш чрезвычайный посол добавлял: «Но это его (Редклифа) доброе желание миновалось, и я встречаю сильное сопротивление в получении обязательства, обеспечивающего в будущем положение настоящего времени, как относительно Святых мест, так и православного духовенства».

Уже в половине марта князю Меншикову стало известно, что турецкие министры не находили возможным скрывать предмета наших переговоров от представителей прочих держав, и в особенности от всевластного английского посла. В то же время ясно обнаружился и взгляд Порты на предлагаемую нами конвенцию. Рифат-паша умолял оставить эту идею. «Во имя Бога, — говорил он одному из лиц посольства, — будьте умеренны; не толкайте нас в объятия других»⁴⁸.

Князь Меншиков не замедлил сообщить в Петербург⁴⁹ свои подозрения насчет знакомства лорда Редклифа при посредстве турецких министров с нашими требованиями и насчет тайных бесед последних с великобританским представителем, причем до сведения князя из этих бесед дошли лишь слова Мехмеда-Али и Рифата-паши: «Cela nous est impossible». Они, заметил по этому поводу наш посол, могли относиться равно к нашим предложениям, как и к предложениям английского представителя.

Князь Меншиков начинал предвидеть возможность отказа Порты от заключения договора, который обеспечивал бы в будущем наше право на покровительство православной церкви в пределах Османской империи. Он сообщил в Петербург⁵⁰ заявление великого визиря о невозможности удовлетворить наше требование о конвенции и спрашивал, должен ли он довести свою настойчивость по этому предмету даже до риска выезда посольства из Константинополя или же может в крайнем случае удовлетвориться обменом нот или другими тождественными заявлениями, не имеющими формы трактата? Против первого вопроса император Николай написал: «Oui», а против второго заметил: «Traité ou convention m'est fort égal». В конце запроса нашего посла государь начертил: «Я не имею ничего добавить; все ясно изложено в последних инструкциях, и я настаиваю на их исполнении».

С другой стороны, турки продолжали упрямяться; князь Меншиков, со свойственной ему любовью к остроумию, их упрямство изобразил в следующем напутствии одному из отъезжающих в Петербург чиновников его канцелярии: «Прибавь, разве, что я здоров, что часто езжу верхом, что теперь объезжаю лошадь, которая попалась очень упрямая, и что лошадь эту зовут... султан»⁵¹.

В дальнейших переговорах наш посол решился следовать совету, изложенному в турецком стихотворении, любезно прислан-

Лорд Редклиф
(Страдфорд Каннинг)

ном ему Зивером-эфенди: «Кто скоро бежит, тот всегда встречает много препятствий, а чем тише едешь, тем вернее достигнешь цели»⁵². Он сообщал канцлеру⁵³, что слишком угрожающий тон не повлечет за собой уменьшения турецкой щепетильности и опасений относительно предлагаемой конвенции, поэтому князь принял предложение Рифата-паши рассматривать конвенцию по отдельным пунктам.

Наш посол не уяснил себе истинной цели турецкого министра, который заботился только о том, чтобы выиграть время в надежде на поддержку иностранных держав. И, действительно, лорд Страдфорд Редклиф, видя, что заключение предлагаемой князем Меншиковым конвенции может повести к утверждению нашего влияния в Константинополе и на всем турецком Востоке, проявил замечательную деятельность с целью воспрепятствовать успеху посольства князя Меншикова.

Этой личности не без веских оснований приписывались все наши неудачи в восточной политике. Обладая характером весьма самостоятельным и тяжелым, лорд Страдфорд Редклиф представлял из себя тип, от которого все старались избавиться. Его не хотели держать в Лондоне в составе кабинета; назначение его послом в Петербург было отклонено императором Николаем еще в начале тридцатых годов и вызвало в нем чувство горечи к государю, высокие качества которого привлекали к себе сердце этого английского государственного деятеля, несмотря на полную противоположность взглядов императора Николая и лорда Редклифа. Весть о назначении его послом в Париж также не встретила одобрения со стороны французского правительства. Благородному лорду пришлось посвятить свою продолжительную деятельность делам турецкого Востока.

Это был человек, обладавший большими способностями и огромной силой ума и характера, но в то же время направлявший всю свою энергию в узких рамках только одной отрасли деятельности, что мешало ему обладать обширным кругозором. Такие качества лорда Страдфорда «придавали силу и величие его деятельности на дипломатическом поле»⁵⁴.

Редклиф свою продолжительную деятельность в столице оттоманов посвятил борьбе против усиления нашего влияния на Босфоре, которое он считал невыгодным для интересов Великобритании на Востоке. Желание достигнуть намеченной цели дошло до размеров фанатизма, и он поставил задачей своей жизни борьбу с нами на почве восточных дел.

Способ обращения с турками и находчивость в самых затруднительных дипломатических осложнениях дали возможность лорду Страдфорду высоко поднять среди турок свой личный авторитет и значение Англии. В начале пятидесятых годов он был всемогущ в Константинополе. Турецкие министры преклонялись перед ним, искали у него покровительства и совета. Князю Меншикову пришлось, таким образом, иметь дело не только с Портой, но главным образом с лордом Редклифом, искусившимся в дипломатии, превосходно изучившим константинопольский театр действий и пользовавшимся доверием турок. Очевидно, что борьба была очень неравная, хотя сам лорд Страдфорд признавал, что наш посол «благоразумен, и ему можно доверять».

Вернувшись из отпуска к своему посту, великобританский представитель поспешил сделать в сопровождении своего драгомана графа Пизани визиты даже не имеющим веса турецким сановникам. Он привез от Дж. Рёсселя, Пальмерстона и Абердина письма к Решиду-паше, игравшему в деле наших переговоров с Портой весьма двойственную роль⁵⁵. Этот последний поспешил на другой же день явиться к английскому послу со своим сыном Али-Галиб-пашой⁵⁶.

Очевидно, что беседы лорда Страдфорда во время этих визитов касались посольства князя Меншикова, так как он по всему Константинополю искал копий наших трактатов с турками и после многих поисков нашел их в бельгийской миссии⁵⁷.

В беседе с нашим послом у лорда Редклифа «сквозило подозрение о домогательстве у Порты вступить в оборони-

*Балабин, советник посольства
в Константинополе
(с фотографии, с натуры)*

тельный с нами союз»⁵⁸; сам же он доносил своему правительству, что он не скрыл от князя Меншикова знакомства с нашими предложениями⁵⁹. «Я, со своей стороны, — доносил он лорду Кларендону⁶⁰, — принимая во внимание основательность справедливых его (князя Меншикова) доводов и не скрывая между прочим, что мне известны и его последние предложения, старался склонить его к уступкам, высказывая свое убеждение, что предложения князя встретят отпор среди держав, наиболее расположенных к Порте».

Из бесед с австрийским представителем Редклиф убедился, что венский кабинет стоит на стороне Англии, а его представитель терпеть не может князя Меншикова⁶¹, предложения которого клонятся «к утверждению русского влияния на Востоке в ущерб независимости Турции».

Сообщения нашего посла от 14 (26) апреля носили уже угрожающий относительно успеха дела характер. Западное влияние получило решительный перевес, и представители держав усматривали в требуемой нами конвенции нарушение верховных прав султана⁶². В частном письме канцлеру от того же числа⁶³ Меншиков сообщил заявление Редклифа, что с европейской точки зрения наша конвенция с Турцией «offre des grandes difficult s». Письмо было наполнено слухами о приглашении визирем флотов западных держав, и сказанная Редклифом фраза потерялась до такой степени, что император Николай сделал на письме пометку: «Toute cette exp dition ne pr sente rien du tout».

Английский посол неуклонно следовал установившейся у него точке зрения. Когда великий визирь и Рифат-паша явились к нему за советом относительно предложений князя Меншикова, то лорд Редклиф дал турецким сановникам такую программу⁶⁴: «Старайтесь отделить вопрос о Святых местах от всякого дальнейшего русского предложения, каково бы оно ни было. Ваше поведение относительно первого пункта, кажется, было правильно, и оно имеет шансы на успех. Всякий раз, как только князь Меншиков сделает вам новые предложения, вы можете отказаться от переговоров, предварительно требуя полного разъяснения их сущности, пространства и основания. Если, рассматривая их, вы найдете, что такие предложения создают в пользу иностранной державы такое влияние на христианских подданных Порты, которое может вызвать опасность или серьезные неудобства для осуществления верховных прав султана, то вы не совершите ошибки, отклонив их».

«Личный характер императора Николая, — продолжал дальше действительный руководитель турецкой политики, — его отношения к другим христианским дворам, его частые заявления об уважении самостоятельности Турецкой империи не допускают мысли, чтобы для достижения цели он решился прибегнуть к силе».

Граф Нессельроде уверял князя Меншикова⁶⁵, что Редклиф ведет в Константинополе свою частную политику, а не политику английского правительства, и что лорд Абердин и Гамильтон Сеймур говорят совсем иное сравнительно с тем, что говорит великобританский посол в Константинополе. Но навряд ли наш канцлер был прав в этом отношении. В приведенной выше депеше Редклифа отразилась вся английская политика на турецком Востоке, имевшая целью не допустить там нашего влияния и в то же время по возможности избежать войны. Английский посол искренно радовался удовлетворительному ходу переговоров о Святых местах, но с присущей ему страстностью и неоправдываемым недоверием отнесся к нашему желанию конвенции, против которой он ополчился со всей силой убежденного фанатика. Он продолжал настоятельно советовать турецкому министру отделить вопрос о Святых местах от остальных наших требований⁶⁶, идти навстречу в первом и отклонять остальные. Замечательно то, что князь Меншиков подобное разделение вопросов считал очень выгодным шахматным ходом со своей стороны, при помощи которого полагал довести до успешного конца и свои остальные требования.

8 апреля наш посол вручил Рифату-паше новую словесную ноту⁶⁷. В ней князь Меншиков указывал, что «турецкий министр видел двуличность своих предшественников и должен был понять, до какой степени они проявили неуважение к особе государя императора, и до какой степени простирается великодушие Его Величества, дающее Порте средство выйти из затруднений, которые были созданы недобросовестностью (*mauvaise foi*) ее министров». Упомянув о желании государя получить прочное обеспечение для будущего, нота замечает, что государь «*les veut formelles, positives et assurant l'inviolabilitй du culte professй par la majoritй des sujets chritiens tant de la Sublime Porte que de la Russie, et enfin par l'Empereur Lui-mйme*».

Далее нота требовала от турецкого правительства: 1) издания объяснительного фирмана, составленного по обоюдному соглашению и касающегося ключей от Вифлеемского храма, звезды, Гефсиманского грота и вифлеемских садов; 2) Верховного указа об исправлении турецким правительством купола храма Гроба Господня при участии греческого патриарха и без вмешательства делегатов других вероисповеданий, а также о заделке окон, выходящих в этот храм, и о разрушении прилегающих к нему гаремных построек. Князь Меншиков присовокуплял, что по этим пунктам он обязан требовать формального удовлетворения.

Третье требование касалось сенеда или конвенции, гарантирующей точное *status quo* преимуществ православного вероисповедания и Святых мест, находящихся в его исключительном или совместном с другими исповеданиями владении. «Россия, —

замечал князь Меншиков, — не требует у Порты политических уступок. Ее желание состоит в успокоении умов уверенностью в сохранении того, что есть и что практиковалось во все времена». Требование это хотя и не отличалось столь решительным характером, как два первые, но было также выражено в настойчивой форме, и князь Меншиков заканчивал свою ноту фразой, что от ответа турецкого министра будут зависеть дальнейшие действия чрезвычайного посла, согласные прежде всего с достоинством представляемого им правительства и исповедуемой его государем веры⁶⁸.

Настойчивость князя Меншикова имела известную поддержку и в сообщениях из Петербурга. «Требуя заключения конвенции, — писал граф Нессельроде нашему послу 11 апреля⁶⁹, — император руководствовался соображениями высшего порядка, которых не в состоянии понять в Константинополе, а может быть, и в других местах. Его Величество не преследует в том, что в настоящее время он требует от Турции, политических целей, а следует голосу своей совести и исполняет долг государя, защищая церковь, которой учение исповедует он и его подданные». Поэтому, заключает граф Нессельроде, мы требуем не протектората над христианским населением Турции, а только формального обещания Порты уважать преимущества, которыми пользовались ее православные подданные. Форма конвенции или обязательной ноты для канцлера была безразлична, но, прибавляет граф Нессельроде, государь не может допустить, чтобы его намерения подвергались сомнению и чтобы переговоры слишком затягивались. Князь Меншиков уполномочивался дать Порте для ответа определенный срок.

В частном же письме канцлер советовал князю⁷⁰ прежде всего заботиться о том, чтобы в надвигающемся восточном кризисе не допустить Англию и Францию соединиться против нас и с этой целью оберегать щепетильность лорда Редклифа. Граф Нессельроде как бы уже в то время предвидел неудачу миссии князя Меншикова и в конце письма выражал желание, чтобы «оно застало его со всем персоналом посольства еще в Константинополе, а не в Одессе».

Корреспонденция канцлера встретила в дороге с донесением нашего посла⁷¹ об успехе переговоров относительно Святых мест и о том, что по вопросу о конвенции посол сталкивается «со слепым и упорным противодействием Порты», и что лорд Редклиф остается непоколебимым в своем враждебном отношении к заключению нами новой конвенции с Турцией. «Турция, — говорили западные советники турок, — давая России новое свидетельство благорасположения к православным, усилит ее влияние в ущерб верховным правам султана. Европа неукоснительно работает над противодействием этому влиянию; она не позволит, чтобы труды соединенных усилий неожиданно ускользнули бы от нее».

*Русское посольство в Константинополе
(с рисунка, с натуры К. Букэ)*

Редклиф не стеснялся в совершенно открытом выражении своих взглядов. В беседе с нашим поверенным в делах Озеровым он заметил⁷², что наше желание заключить торжественный акт конвенции неосторожно и несправедливо. То положение, «которое создают вам в Турции религиозные симпатии, — сказал английский дипломат, — всегда вызывает подозрения. Каждый ваш новый успех на этом поприще вызовет подозрительность не только Порты, но и всех нас, западных соседей. Против вас образуется лига»... Австрийскому же поверенному в делах Редклиф прямо сказал, что если с нашей стороны проявятся по отношению к Порте «давление и угрозы», то Англия не замедлит присоединиться к Франции. Князь Меншиков взывал о новых инструкциях и указывал на необходимость уведомить барона Бруннова о ходе переговоров в Константинополе⁷³.

Но новые инструкции не прибывали, и приходилось действовать на основании того, что предлагалось в депеше канцлера от 31 марта⁷⁴, т. е. потребовать от Рифата-паши принятия наших предложений в трехдневный срок и, в случае неисполнения этого требования, объявить цель посольства оконченной и выехать из Константинополя. Князь Меншиков колебался и не знал, как лучше поступить при изменившихся обстоятельствах, как примирить то, что говорил Редклиф, с тем, что писали об английской политике граф Нессельроде и барон Бруннов.

У нашего посла, отлично знавшего чистоту намерений государя, оставалось в руках еще одно решительное средство, которое, может быть, помогло бы довести до успешного конца порученное ему дело. Так как князю Меншикову было известно, что все секретные переговоры его с турецкими министрами тотчас же сообщались великобританскому представителю, то не следовало окутывать их какой-то таинственной завесой, которая заставляла подозрительного лорда Редклифа предполагать за ней нечто, ему еще неизвестное и особенно опасное для английских интересов. Откровенное объяснение, на которое неоднократно напрашивался английский посол, могло бы принести пользу. «Lord Redcliff, — занес князь Меншиков в свой дневник⁷⁵, — me fait confidentiellement demander la copie du projet; je le laisse confidentiellement sans réponse».

23 апреля (5 мая) наш чрезвычайный посол передал Порте новую ноту, требуя ответа в течение пяти дней⁷⁶; в противном случае князь Меншиков предполагал угрожать разрывом, но считал возможным принять предложение совместного разбора проекта сенеда, не допуская в нем существенных изменений⁷⁷.

Нота⁷⁸ ссылаясь на то, что ответ на требования, предъявленные князем Меншиковым еще 7 апреля, был получен лишь 23 числа, причем он касался только первых двух предложений и совершенно умалчивал о последнем, касавшемся гарантии прав православной церкви, в виде сенеда. «*en renfermant cette fois ses réclamations dans les dernières limites des directions supérieures*», требовал соглашения, основания которого должны были состоять в следующем:

Православная восточная вера, ее духовенство, церкви и владения будут на будущее время пользоваться под управлением султана преимуществами и правами, которые признаны за ними *ab antiquo*.

Новый объяснительный фирман о Святых местах должен иметь значение формального обязательства перед императорским правительством.

В Иерусалиме русское духовенство и паломники будут пользоваться преимуществами, которые признаны за другими народностями.

Все эти пункты составят предмет особого сенеда, который будет служить доказательством взаимного доверия обоих правительств.

Нота заключалась замечанием, что неполучение ответа до 28 апреля возложит на посланника самые прискорбные обязательства.

К ней был приложен и сам проект сенеда⁷⁹, несколько отличавшийся от первоначального проекта, который был составлен в Ми-

*Русское посольство в Константинополе
(с акварели начала XIX столетия К. Букэ)*

нистерстве иностранных дел. Нота объясняла это отличие примитивным настроением нашей политики, благодаря чему были приняты во внимание секретные замечания Рифата-паши на первоначальный проект.

Князем Меншиковым была выпущена первая статья первоначального проекта, согласно которой наши представители в Константинополе должны были пользоваться правом делать представления о нуждах греко-российской церкви и ее духовенства. Это изменение представляло большую уступку, не вознаграждавшуюся ссылкой на прежние договоры, по которым «министры Российского императорского правительства в Константинополе могли ходатайствовать лишь по делам одной построенной в Константинополе церкви и служащих в оной».

В новый проект сената не были также включены статьи, относившиеся к выбору и преимуществам всех православных патриархов Востока, а только внесена статья, касавшаяся одной иерусалимской церкви, ее патриархата и епископов, по которой Порта обязывалась хранить, без ущерба прочим вероисповеданиям, права и преимущества этой церкви, дарованные оттоманскими императорами.

Статьей 4-й проекта князя Меншикова требовалось точное исполнение двух султанских фирманов от 30 января (11 февраля) 1852 года и об исправлении купола, а также сохранение status quo относительно владения Святыми местами.

В последних двух статьях говорилось об отведении в Иерусалиме места для русского храма, странноприимного дома и госпиталя и о сохранении в силе всех прежних договоров наших с Портой.

Ответ на наши предложения относительно Святых мест, о чем упоминала нота князя Меншикова, заключался в препровожденных ему 23 апреля двух султанских фирманах⁸⁰. Согласно первому из них, купол храма Гроба Господня подлежал исправлению турецким правительством, причем иерусалимскому патриарху предоставлялось право следить за правильностью исправления формы купола; этим фирманом повелевалось также заделать окна турецких жилищ, пробитые в куполе.

Другой фирман давал объяснения относительно преимуществ латинян на Вифлеемский храм. Данный им ключ, по толкованию фирмана, свидетельствовал лишь об их праве входа в храм, но не предоставлял им ни владения этим храмом, ни права совершать в нем службу. Новая серебряная звезда в вертепе объявлялась даром султана, который не давал особых преимуществ ни одному из вероисповеданий. Фирман подтверждал также порядок службы у могилы Пресвятой Богородицы, причем первенство давалось грекам, за которыми следовали армяне, а потом уже латиняне. Вифлеемские сады и прочие Святые места, находившиеся в общем или отдельном владении каждого вероисповедания, должны были оставаться в таком же положении и на будущее время.

Таким образом, наши требования относительно Святых мест были окончательно удовлетворены. Оставался нерешенным вопрос о сенеде.

Турки, по обыкновению, старались затянуть переговоры. Рифат-паша предложил через нашего драгомана Аргиропуло князю Меншикову⁸¹ принять участие в особом совещании, в котором с турецкой стороны должны были присутствовать, кроме Рифата-паши, еще великий визирь и сераскир. «Нам необходимы, — сказал турецкий министр, — разъяснения: что вы требуете гарантию или права вмешательства. Мы поспорим, сговоримся и, я надеюсь, придем к удовлетворительному результату».

В своих действиях министры Порты Оттоманской строго следовали указаниям лорда Редклифа. В беседах с Рифат-пашой этот последний советовал⁸² заявить князю Меншикову, что его требования затрагивают верховные права султана, и если дело касается международного положения Турции, то его надо разрешить совместно со всеми державами, подписавшими трактат 1841 года. Великому визирю и сераскиру Редклиф прямо сказал, что, по своему внутреннему убеждению, он находит конвенцию, которую предлагал князь Меншиков, совершенно невозможной к принятию (*as inadmissible*). На вопрос же великого визиря, может ли Порта рас-

считывать на приближение английской средиземной эскадры, посол отвечал, что «в настоящем положении вопрос имеет преимущественно нравственный характер, и поэтому с затруднениями следует бороться только нравственными средствами, а не демонстрациями, которые способны только увеличить тревогу и вызвать неудовольствие».

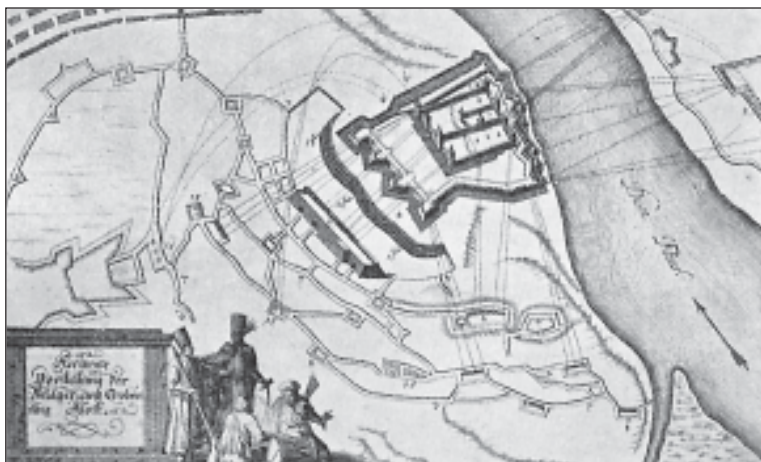
Тем временем в Петербурге тот самый граф Нессельроде, который выражал опасения, что его письма даже не застанут Меншикова в Константинополе, считал долгом придавать своим всеподданнейшим докладам яркий розовый оттенок. В докладе от 26 апреля⁸³ он сообщал об успешном ходе переговоров по вопросам, касающимся Святых мест, и замечал, что только вопрос о гарантиях на будущее время *еще* встречает затруднения, которые, впрочем, будут сглажены, когда князь Меншиков получит последние приказания. Государь вернее своего канцлера видел положение дел и надписал на докладе: «Будем надеяться, но не будем спешить верить успеху; с этим Редклифом можно всего опасаться».

Государь не ошибался. Великобританский посол откровенно высказал в беседе с Озеровым⁸⁴ свои соображения по поводу наших требований, касавшихся заключения сенеда или конвенции. Он начал с указания на «беспокойство, которое мы внушаем Европе», приглашал князя Меншикова удовлетвориться достигнутым уже успехом и жаловался, что «его правительство не было предупреждено о наших намерениях относительно покровительства православному вероисповеданию». Все более и более увлекаясь своей речью, Редклиф советовал нам бросить почву трактатов и совместно с ним стремиться к улучшению положения турецких христиан во имя человеколюбия. «Мои мнения в этом отношении, — прибавил английский дипломат, — до такой степени во мне укоренились, что если бы я встретил неодобрение моего правительства, то предпочел бы скорее оставить службу, чем от них отказаться».

Озеров возражал на доводы лорда Страдфорда, и беседа закончилась предложением последнего внести некоторые изменения в предлагаемый нами акт.

Решид-паша

*План осады Азова
(с немецкой гравюры того времени)*

Князь Меншиков из приведенного разговора вывел заключение, что Редклиф станет менее упорствовать, «в особенности, если мы немного польстим его самолюбию»⁸⁵. Очевидно, что наш посол недостаточно изучил своего противника или не желал придать должного значения его словам.

Сущность своего разговора с Озеровым лорд Редклиф повторил в письме к князю Меншикову⁸⁶. В своем ответе наш посол доказывал⁸⁷, что его требования «не нарушают ни верховных прав султана, ни независимости его правительства, ни его отношений к союзникам». Он признал также несправедливым упрек в неисполнении обещаний, данных нашим правительством кабинету королевы, и, со своей стороны, отметил отсутствие содействия удачному выполнению его посольства со стороны лорда Редклифа как великобританского посла. Свое письмо князь Меншиков заключал невозможностью для русского представителя играть в Константинополе второстепенную роль, почему он и полагал ждать ответа Порты на последнее его сообщение, а потом поступить согласно инструкциям, полученным из Петербурга.

Ответ не заставил себя ждать. Рифат-паша, до истечения назначенного ему князем Меншиковым пятидневного срока, обратился к нему с просьбой о свидании в загородном дворце великого визиря. Наш посол отказался от приглашения, и Рифат-паша прислал ему записку⁸⁸, в которой ограничился выражением досады («je suis faché»), что князь отсутствовал на дружеском свидании и что «идеи и соображения его светлости не могли согласоваться с его (Рифата-паши) доброжелательными предложениями».

«Вот ответ Рифата, — замечал князь Меншиков. — Он сух и подвергся изменению у великого визиря. Был приготовлен и другой ответ, прочитанный Рифатом Шавари, через которого его предполагалось доставить. Он был гораздо любезнее и повторял просьбу о свидании до срока (ответа)».

С этой минуты на сцену более открыто выступает новое действующее лицо — Решид-паша, двойственная игра которого была уже отмечена ранее.

На следующий после неудавшегося у великого визиря свидания день князь Меншиков обратился за содействием к Решиду-паше, который занимал перед тем пост великого визиря и пользовался значительным влиянием в совете султана. Наш посол убедительно просил турецкого сановника⁸⁹ довести, если возможно, до сведения султана, что положение становится очень серьезным. «Я вас заклинаю, — писал князь Меншиков, — любовью, которую вы должны питать к благосостоянию и устойчивости вашей страны, и преданностью султану, вашему государю, немедленно представить ему картину настоящего положения и того, что оно повлечет за собой».

В тот же день князь Меншиков получил официальный ответ Порты на свои требования⁹⁰. Он был наполнен уверениями в мире и дружбе, существовавшими между обоими государствами во все времена, обещанием заняться делом о русской церкви и о странноприимном доме в Иерусалиме, а также о русском духовенстве, «насколько это не наносит ущерба верховным правам Порты», но что касается сенеда, то турецкий ответ с замечательной точностью повторял доводы Редклифа против его заключения. Порта, говорилось в ноте, сохраняет и утверждает права греческого вероисповедания, «но заключение по столь щекотливому вопросу между обоими правительствами сенеда, который уничтожает основные устои независимости, противно, как это очевидно для всех, правам правительств и в корне подрывает их верховную независимость». Рифат-паша заканчивал свою ноту уведомлением, что Порта намеревается еще раз провозгласить перед лицом всего мира те меры, которые обеспечат ее христианским подданным их права и преимущества, что должно быть достаточной для всех гарантией.

В ответ на изложенное князь Меншиков предупредил Рифата-пашу⁹¹, что если Порта будет продолжать уклоняться от соглашения, то ему придется считать свое посольство оконченным, и что он не может принять турецкой ноты как ответа, сообразного с достоинством государя императора, а потому назначил новый срок до 2 (14) мая. В то же время наш посол жаловался, что ответ Порты отличается недоверием к императорскому правительству и сомнениями в его намерениях. «Это сомнение, — писал князь Меншиков, — высказывается в то время, когда император с сердечной от-

кровенностью обращается к дружбе своего августейшего союзника и не требует ничего более, как торжественного доказательства его забот о православной вере, которая исповедуется Россией, и естественным защитником которой является государь».

30 апреля наш посол обратился к Фериду-эфенди⁹², излагая ему суть последних обоюдных нот, и просил доложить султану о необходимости другого направления политики его министров, так как в противном случае переговоры будут прерваны и наше посольство оставит Константинополь. Князь Меншиков ходатайствовал также о том, чтобы султан дал ему 1 или 2 мая аудиенцию без свидетелей и выражал при этом мнение, что свидание может предупредить неисчислимые несчастья.

Однако надеждам, возлагаемым князем Меншиковым на объяснение с султаном, не суждено было оправдаться, так как за день до его обращения к Фериду-эфенди султаном был принят в особой аудиенции лорд Редклиф. Он объяснил повелителю оттоманов, что «Порта должна нравственными мерами противодействовать русским требованиям, которые действительно не могут быть приняты ввиду серьезных и справедливых оснований; такое же начало лишь нравственного сопротивления должно быть принято и в случае оккупации княжеств — не по слабости или отчаянию, а в расчете на симпатии дружественных и независимых правительств»⁹³.

Султан ознакомил английского посла с последними документами, касавшимися переговоров с князем Меншиковым, и выразил надежду на поддержку Англии. Лорд Страдфорд, приняв самый таинственный вид, сообщил султану, что «он уполномочен потребовать от начальника морских сил королевы в Средиземном море держать свою эскадру наготове» — тайна, которую благородный лорд не сообщил даже ни одному из турецких министров. Торжественность и таинственность, с которыми было передано это известие, произвели ожидаемое впечатление, и султан окончательно примкнул к Великобритании. Впрочем, князь Меншиков рассчитывал на влияние Решида-паши, который успел представить султану записку о положении, созданном отношениями Порты к нашему послу и его требованиям.

Бросив якорь между Чераганским дворцом и домом великого визиря Мехмеда-Али-паши, князь Меншиков ожидал, что аудиенция состоится в субботу, 2 мая, а не в пятницу, но случилось иначе, и в 10 часов утра 1 мая наш посол предстал перед султаном⁹⁴. Изложив поводы нашего недовольства Портой, князь Меншиков подчеркнул «безусловную необходимость» гарантии перед государем прав православного исповедания, на что султан ответил несколькими несвязными словами о желании и надежде установить сердечное согласие между обеими империями и о доверии к бескорыстной политике императора Николая.

Медали в память второй Турецкой войны

Наш посол коснулся другой стороны дела. Он указал на опасность обращения русско-турецкого вопроса в общеевропейский, что может повести к низведению Турции до роли Греции, Бельгии или Швейцарии. «Это предупреждение, — замечает князь Меншиков, — которое относилось к маловероятной будущности, казалось, произвело сильное впечатление на султана».

Аудиенция окончилась извинением в обращении к посредничеству отставного министра Решида-паши и просьбой решительного ответа на наши требования с предупреждением о тех тяжелых обязанностях, которые, в случае новой отсрочки, послу пришлось бы выполнить.

Следствием аудиенции князя Меншикова была состоявшаяся в тот же день отставка великого визиря, пост которого занял Мустава-паша. Смещенный визирь Мехмед остался в совете в качестве сераскира, Рифат-паша сделался председателем совета, уступив свой портфель министра иностранных дел Решиду-паше. Лорд Редклиф сообщал своему правительству, что вновь назначенный состав министров принадлежал к противникам России⁹⁵.

3 (15) мая наш посол лично отправился к новому министру⁹⁶ и узнал, что его последние предложения встречаются с сильным противодействием большинства членов совета. «Я должен был, — пишет князь Меншиков, — обратиться к Решиду со строгой речью. Я ему объявил, что, исчерпав все средства примирения и достигнув

последних пределов уступок, я не могу заставлять императорский кабинет ожидать ясного и точного ответа, и что последний должен быть дан в кратчайший срок».

Вслед за князем Меншиковым Решида посетил лорд Редклиф, визит которого продолжался два часа. Вечером наш посол получил от турецкого министра просьбу о новой отсрочке в пять или шесть дней ввиду необходимости для вновь назначенных министров ознакомиться с вопросом⁹⁷. Хотя, как замечает наш посол в своей депеше к канцлеру, эта турецкая нота должна была бы повлечь за собой разрыв сношений с Портой, но ввиду полученных сведений о решительной поддержке Решидом наших предложений в заседаниях Государственного совета и ввиду затруднительного положения, в котором оказался новый турецкий министр, наш посол согласился отсрочить свой отъезд. Он устно заявил, что вручение официальной ноты о своем отъезде откладывает до 6 мая, если до того времени вопрос не получит удовлетворительного решения⁹⁸. Князь Меншиков признавался канцлеру, что он имел на это очень слабую надежду.

В частном письме к графу Нессельроде, написанном в тот же день, но уже на «Громоносце»⁹⁹, князь Александр Сергеевич сообщал, что его переезд на пароход и видимые приготовления посольства к отъезду произвели в Константинополе глубокое впечатление, и «страх, который охватил всех, был бы полезен для успеха», если бы вообще можно было на него надеяться. Но, замечает наш посол, сам лорд Редклиф не только не опасался разрыва наших дипломатических сношений с Портой, а, напротив, «привыкал к мысли, что оккупация княжеств будет необходимым последствием этого разрыва».

5 (17) мая в Константинополе был собран совет из всех министров и высших чинов Порты, включая сюда даже отставных, престарелого Хозрева-пашу и Фуада-эфенди. В нем приняли также участие шейх-уль-ислам, важнейшие улемы и пять провинциальных губернаторов.

Необыкновенно деятельный лорд Редклиф утром в день совета и накануне навестил большую часть созванных на совет сановников, «чтобы, — как говорит князь Меншиков¹⁰⁰, — убедить их подавать голоса против нас и принять проект ответа, который уже заглаженно был заготовлен в английском посольстве и передан бывшему великому визирю Мехмеду-Али».

Влияние Редклифа в Константинополе было так велико, что в его присутствии исчезала последняя тень самостоятельности турок. «*Resserré entre une flotte et une ingérence hors de toute mesure, — замечает князь Меншиков¹⁰¹, — cette indépendance est désormais un mot vide de sens, et il ne nous reste qu'à nous prémunir contre le danger sérieux que présente une pareille situation pour le repos de la Turquie et la paix générale*».

*Аллегорическое изображение положения Турции
в середине XVIII столетия
(с гравюры И. Вилля)*

В совете султана ненависть к России вспыхнула самым ярким образом. Мехмед-Али даже решился требовать наступательной против нас войны. Он с особенным торжеством указывал на возможность заключения союза с Сардинией, которая, видимо, уже тогда соображала шансы будущего содействия морским державам. Князю Меншикову этот союз казался принадлежащим к «*domaine du ridicule*»¹⁰².

Совет султана сорока двумя голосами против двух высказался за отказ удовлетворить наши требования.

На следующий день, 6 мая, Решид-паша лично сообщил князю Меншикову решение совета, которое заключалось в следующем¹⁰³:

Обнародовать верховный указ, обеспечивающий *status quo* Святых мест в Иерусалиме, причем впредь никакое изменение во владении этими местами не должно было допускаться без предварительного соглашения с Россией и Францией.

Выдать константинопольскому патриарху фирман, охраняющий православную веру.

Послать князю Меншикову объяснительную ноту¹⁰⁴ и предложить ему сенед, который имел бы силу трактата и касался передачи нам в Иерусалиме места для постройки русской церкви и странноприимного дома.

Князь Меншиков резко отказал в приеме таких сообщений, и Решиду-паше оставалось только выразить ему сожаление о невозможности господствовать над положением. Нашему послу казалось, что турецкий министр стыдился того, что был вынужден высказать; в действительности же он торопился закончить беседу и отправиться на Босфор, где в лодке поджидал окончания свида-

ния лорд Редклиф, уже беседовавший рано утром с Решидом. «Вот что, — горько замечает князь Меншиков, — английские агенты называют независимостью Турции».

Предполагая, что намерение Порты издать торжественный фирман в пользу православной церкви скрывает ее желание утвердить лишь духовные права, совершенно умалчивая о гражданских, князь Меншиков 6 (18) мая обратился к ней с «нотой разрыва»¹⁰⁵. «Отстраняя с недоверием, — писал наш посол, — требования императора в пользу греко-российской православной веры, Блистательная Порта не оказала должного уважения своему августейшему союзнику». Сделав далее очерк последнего периода переговоров, князь Меншиков заявил:

что он считает свою миссию оконченной;

что наш двор не может, не поступаясь своим достоинством, оставлять своего представителя в Константинополе, почему весь состав посольства, исключая директора коммерческой канцелярии, выезжает отсюда;

что отказ в гарантии повлечет для нашего правительства необходимость искать ее в собственном могуществе, и

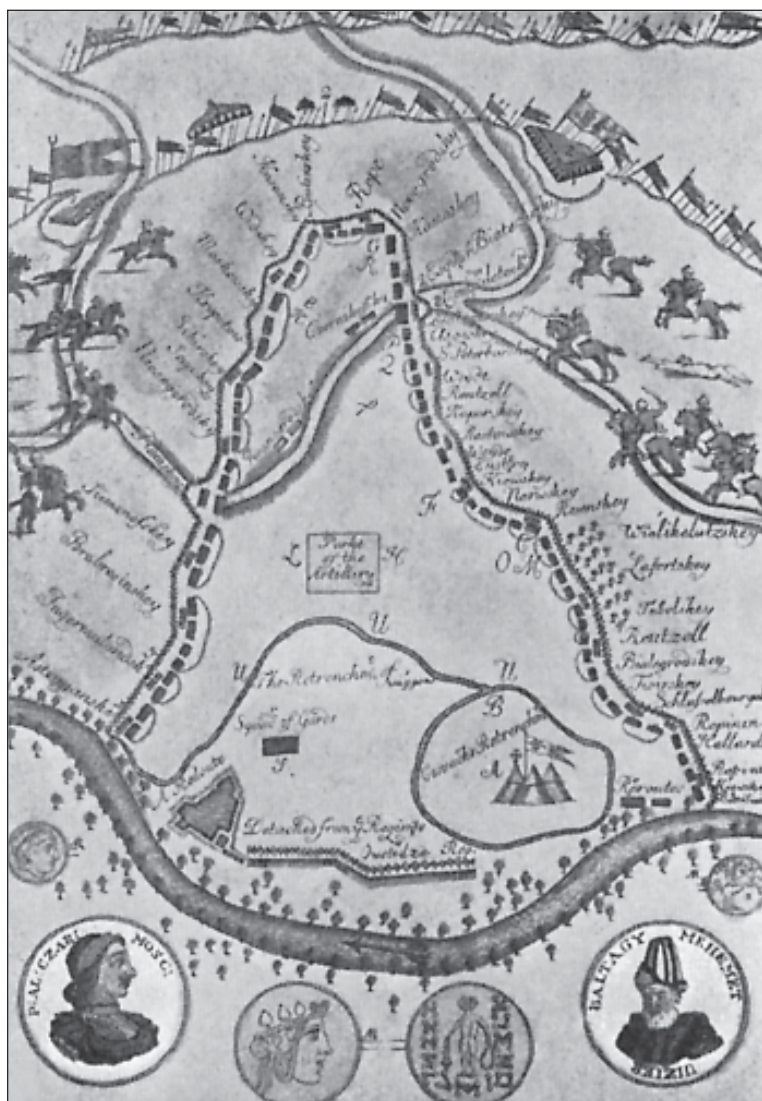
что всякое уклонение от *status quo* прав Восточной церкви будет рассматриваться как нарушение существующих трактатов и как неприязненное по отношению к России действие.

Одновременно с этим князь Меншиков обратился к Решиду-паше с частным письмом¹⁰⁶, в котором выражал пожелание, чтобы ему удалось осуществить соглашение и в более счастливой обстановке возобновить союз между двумя государствами.

Таким образом официальный разрыв наступил. Однако попытка австрийского поверенного в делах, который просил князя Меншикова отсрочить, если возможно, принятое решение, дала нашему послу новый призрачный надежды на успех¹⁰⁷. Князь уведомил Решида-пашу, что он мог бы удовольствоваться новым проектом ноты, который он вместе с этим сообщал турецкому министру¹⁰⁸.

Новое предложение князя Меншикова заключалось в том, чтобы ему как представителю русского правительства было дано самое торжественное уверение в заботливости султана о православном вероисповедании. Чтобы сделать это уверение более определенным и исполнить статьи прежних трактатов, оно должно было сопровождаться следующей декларацией оттоманского правительства:

1) православное восточное исповедание, его духовенство, церкви, имущество и религиозные установления будут пользоваться в будущем, без малейшего ущерба, правами и преимуществами, признанными за ними *ab antiquo*, и что, в силу начала высшей справедливости, они будут пользоваться преимуществами, даруемыми другим исповеданиям;

Лагерь под Прутом в 1711 г.
(с гравюры В. Гогарта)

2) фирманы от 15 февраля 1852 года и 23 апреля (5 мая) 1853 года будут буквально исполнены и точно соблюдаемы, чтобы навсегда сохранить *status quo* Святых мест, находящихся в исключительном или совместном с другими исповеданиями владении греков;

3) по требованию императорского правительства будет назначена местность для русской церкви и странноприимного дома, которые будут находиться под особым наблюдением русского генерального консула в Сирии и Палестине, и, наконец

4) об исполнении этих верховных решений будут изданы фирманы и указы должностным лицам и патриархам, и о разрешении частных вопросов, а также вопросов, не вошедших в настоящую ноту, последует соглашение в будущем.

Решид-паша, получив этот проект, немедленно отправился в английское посольство, где умолял драгомана упросить лорда Редклифа уступить нашим последним требованиям. «Представьте ему наше положение, — восклицал турецкий министр. — Ведь своим сопротивлением он толкает нас в пропасть... ведь может образоваться русская партия, и английский посол потеряет свое влияние»¹⁰⁹.

Сам Редклиф отрицает существование таких просьб, а также тот факт, что Решид-паша в своей неуступчивости следовал только его советам¹¹⁰. Во всяком случае известно, что лорд Страдфорд, желая своему мнению придать в глазах турок более авторитета, собрал у себя представителей Франции, Австрии и Пруссии для совместного рассмотрения вопроса об отношении Турции к нашим требованиям. Дипломаты, конечно, уклонились от прямого ответа и составили меморандум, в котором заявляли, что «по вопросу, касающемуся свободы действий и верховных прав султана, Решид-паша есть лучший судья того, как следует действовать»; послы же «не считают себя вправе излагать свое мнение»¹¹¹. Это не помешало лорду Страдфорду утверждать, что представители держав выразили мнение, совершенно согласное с мнением турецкого министра (*an opinion essentially identical with that of the Turkish Minister*)¹¹².

Князю Меншикову оставалось покинуть Константинополь. Уезжая из столицы османов, он счел необходимым письменно заявить Решиду-паше¹¹³, что всякий изданный Портой акт, который будет стремиться ослабить гражданские преимущества православного духовенства, хотя бы и утверждая его духовные права, будет считаться актом неприязненным по отношению к России и ее религии. Князю Меншикову было известно, что об опубликовании именно такого акта очень хлопотал лорд Редклиф.

«Громоносец» ушел в море; со здания нашего посольства были сняты флаг и гербы, и в Константинополе остался — и то лишь в качестве частного лица — наш бывший поверенный в делах Озеров. Ему пришлось беседовать с английским руководителем ту-

рецкой политики, которого отъезд князя Меншикова смутил и лишил энергии¹¹⁴. Уверая Озерова, что он вовсе не стремился к разрыву, а только «разделял общий взгляд турок и европейцев на наши требования», Редклиф старался узнать, возможен ли прием в Петербурге чрезвычайного турецкого посольства, а также заключение договора без «общих гарантий» для православной веры.

В Петербурге, где «до последней минуты» надеялись на успех посольства князя Меншикова¹¹⁵, неудача произвела самое сильное впечатление и чрезвычайно огорчила императора Николая.

На следующий день после прибытия «рокового фельдгегера» государь поделился волновавшими его чувствами с князем Варшавским.

«Итак, — писал он¹¹⁶, — вот плоды образа действий, на который я так неохотно согласился, быв вперед уверен, что ни к чему не приведет и только прибавит важности неудаче по торжественности, данной посылке Меншикова. Ежели бы, как я хотел, поступили мы, как австрийцы, *страшая*, вероятно, имели бы тот же успех, что они. Последствием — война. Однако прежде чем приступить к действиям, заняв княжества, дабы всем доказать, сколько я до крайности желаю избежать войны, решаюсь послать требование последнее туркам, удовлетворить меня в восьмидневный срок; ежели нет, то объявляю войну».

Государь знакомил князя Варшавского с выработанной программой дальнейших действий, в основу которой ложилось не нанесение Турции решительных ударов, а последовательный ряд мер, которые могли бы заставить ее уступить, сохраняя ее дальнейшее существование. Воздействие на Турцию предполагалось в следующей постепенности: занятие Придунайских княжеств, блокада Босфора, предложение Австрии занять Герцеговину и Сербию и, как крайность, объявление независимости всех этих турецких провинций. «И тогда, — пишет государь, — вряд ли Турецкая империя устоит, и, вероятно, будут везде бунты христиан, и настанет последний час Оттоманской империи». Переходить Дуная государь не предполагал — «разве империя (Турецкая) рушится, да и тогда скорее пошлю флот».

В своем письме император Николай останавливался и на поведении английского правительства по отношению к нашим требованиям в Константинополе. «Покуда хочу полагать, что Каннинг действовал по-своему, не согласно данной ему инструкции от своего правительства, что скоро откроется. Но ежели и правительство одобряет его действия, то это было бы величайшее вероломство. Но и это меня не остановит; буду идти своим путем по долгу моего убеждения, как надо достоинству России». Свое письмо государь заканчивал следу-

ющим грустным восклицанием: «Сколько мне все это на старости прискорбно, отгадаешь; желал бы кончить жизнь в покое!»

Император Николай не желал войны. Он только подчинялся своему долгу, «как надо достоинству России». Но, видимо, война приближалась; ее чувствовали все, о ней повсюду говорили. Было нечто непримиримое между столкнувшимися на почве Восточного вопроса интересами, и эту непримиримость нессельродовская дипломатия не имела сил устранить. Задача превышала ее силы, знания и средства.

Государь отдавал себе полный отчет в том, что всякое внешнее потрясение может вызвать острый кризис на Востоке. «J'admais, — писал государь на докладе графа Нессельроде еще 5 апреля¹¹⁷, — que l'avenir de l'Empire Ottoman est incertain; l'expression est juste, mais par la mme cela indique que l'on ne peut ni dire que sa fin est йloignйе, comme il n'est pas possible d'affirmer qu'elle ne soit rapprochйе; tout est *incertain*, et il faut ktre prêt a tout»¹¹⁸.

Хотя упорство Порты приписывалось у нас почти исключительно интригам лорда Редклифа, который действовал на свой личный страх¹¹⁹ и риск, тем не менее сознание важности исторической минуты и ответственности за будущее вызвало со стороны нашего кабинета еще одну попытку склонить султана к удовлетворению требований, заявленных чрезвычайным послом.

Граф Нессельроде не решился сразу предложить государю прибегнуть по отношению к Турции к военно-политическому воздействию, хотя о нем уже давно говорилось. Князь Меншиков еще 14 марта писал канцлеру, что, в случае необходимости активной поддержки наших требований, было бы лучше всего занять Карс, Баязет и побережье Черного моря до Трапезунда, так как подобная мера не вызвала бы ни брожения среди славянских народностей Оттоманской империи, ни особого протеста или вооруженного вмешательства Франции и Англии¹²⁰.

Граф Нессельроде полагал, что отъезд князя Меншикова из Константинополя должен был произвести на Порту достаточно отрезвляющее впечатление, и она, быть может, радостно ухватится за случай, который ей даст возможность примириться с Россией. Он написал Решиду-паше одобренное государем письмо¹²¹. Указав в нем на крайнюю умеренность наших требований и на старания князя Меншикова избежать малейшего оскорбления щепетильности Порты, граф Нессельроде замечал, что Решид слишком прозорлив, чтобы не предвидеть последствий разрыва наших дипломатических сношений с Турцией. «Достоинство Его Величества, — говорилось далее в письме, — интересы его империи, голос его совести не позволят ему переносить оскорблений... Он должен требовать и получить удовлетворение и обеспечить себя от их повторения в будущем.

*Русско-турецкие переговоры в Фокианах в 1772 г.
(с немецкой гравюры того времени)*

Через несколько недель войска получают приказание перейти границу империи, но не для того, чтобы вести с султаном войну, которую Его Величество не желал бы предпринимать против государя, которого он всегда считал искренним союзником и доброжелательным соседом, а чтобы получить материальные гарантии до того времени, когда обращенное к более справедливым чувствам оттоманское правительство даст России нравственное обеспечение, которого она напрасно домогалась в течение двух лет...

Да поспешит ваше превосходительство, по испрошении согласия его величества султана, подписать эту ноту¹²² без изменений и переслать ее не позднее восьми дней нашему послу в Одессу, где он должен еще находиться».

Письмо это не могло отклонить Оттоманскую Порту от избранной ею системы отказа в наших требованиях. В Константинополе положение дел сильно изменилось в течение тех нескольких дней, которые последовали за отъездом князя Меншикова. Лорд Редклиф получил за это время депешу лорда Кларендона, в которой великобританский министр сообщал послу, что «придется прибегнуть к силе, как к последнему и неизбежному средству для защиты Турции против не вызванного нападения и для охраны ее независимости, которую Великобритания призвана поддержать»¹²³.

Английская средиземная эскадра получила приказание подчиниться всякому требованию константинопольского посла, несмотря на могущие произойти от этого последствия¹²⁴.

Обе эскадры, французская и английская, подошли почти к самым Дарданеллам и остановились в Безикской бухте. Турки чувствовали себя в полной безопасности.

По совету английского посла Порты обнародовала торжественные акты об обеспечении религиозных прав христианских подданных султана. Греческому иерусалимскому патриарху Германосу были посланы фирманы, в которых говорилось, что «с вечно славного дня восшествия султана на престол и согласно с обязанностью калифа и с высоким призванием государя, оттоманское правительство никогда не переставало, следуя искренней и доброжелательной воле султана, посвящать все свои усилия и внимательно наблюдать, чтобы все классы подданных без всякого исключения пользовались полной охраной, а в особенности полным спокойствием в отношении их религии и их духовных дел». В конце фирмана патриарху предоставлялось право ходатайствовать перед Блистательной Портой по поводу всякого нарушения религиозных привилегий его паствы¹²⁵.

Обнародование такого рода документов должно было, по мнению лорда Редклифа, произвести самое выгодное для Турции впечатление в глазах общественного мнения всего образованного мира. Сам посол посетил патриархов и епископов всех вероисповеданий и уверял их, что он три года работал, чтобы довести Порту до признания и обеспечения свободы религии. У Решида-паши был устроен торжественный прием, на который поочередно являлись патриархи православный и армянский, представители католического и протестантского духовенства и, наконец, еврейские раввины¹²⁶.

После этих торжеств великий визирь встретил довольно холодно Аргиропуло, который привез ему письмо графа Нессельроде. Замечание нашего директора коммерческой канцелярии о приведении на военное положение части русских войск и о «возбуждении умов в России, могущем увлечь за собой правительство, вопреки его желанию¹²⁷», не произвело, по-видимому, на Решида-пашу никакого впечатления. Зато в Петербурге, просматривая донесение Аргиропуло, император Николай Павлович написал против этого замечания резкие слова: «C'est bkte».

В Константинополе ответ на письмо графа Нессельроде, конечно, составлялся при ближайшем участии лорда Редклифа; деятельно помогал Решиду и французский посол¹²⁸. Визирь начинал с уверения¹²⁹, что султан проявлял всегда особое внимание к русскому императору как к искреннему союзнику и доброму соседу, что Порта глубоко огорчена разрывом, происшедшим, быть мо-

*Медаль на взятие Хотина
(с гравюры Д. Ходовецкого)*

жет, вследствие того, что «недостаточно хорошо была понята невозможность для нее подтвердить дипломатическим актом дарованные греческому вероисповеданию привилегии».

Порта надеялась, «от признанной мудрости князя Меншикова», что он останется доволен турецким проектом ноты. Решид-паша сознавался, что князь Меншиков допустил в своем проекте сенеда некоторые изменения, но что эти изменения не коснулись сущности самого акта, который продолжал являться дипломатическим обязательством, «не могущим согласоваться ни с независимостью Османского правительства, ни с правами его верховной власти». По мнению Решида-паши, «такую невозможность нельзя называть отказом и превращать ее в вопрос чести Его Величества Императора Всероссийского».

Далее Решид-паша говорил о нашем недоверии к Порте, об издании облеченного султанским гатти-шерифом фирмана о правах и привилегиях греческой церкви, о противоречии между нашими мирными заверениями и намерением вступить военными силами в пределы Турции.

«Я надеюсь, — писал в заключение Решид, — что Русский двор доверчиво оценит искренность и законность поступков Блистательной Порты и примет во внимание действительную для нее невозможность удовлетворить предъявленным ей требованиям. Я уверяю ваше превосходительство, что как только эта невозможность будет оценена по достоинству, то Блистательная Порта не поколеблется отправить в С.-Петербург чрезвычайного посла для возобновления переговоров и для выработки, при участии правительства императора Всероссийского, соглашения, которое, будучи угодно Его Величеству, было бы вместе с тем приемлемо Портой без нарушения принципа ее независимости и верховной власти султана».

*Аллегорическое изображение Турецкой войны 1788 г.
(с гравюры Энгельбрехта)*

После отправления письма Решид-паши к графу Нессельроде лорд Редклиф посетил патриархов греческого и армянского, настаивая на том, чтобы они поднесли адреса султану в благодарность за фирманы, которые подтверждали их привилегии. Греческий патриарх¹³⁰ согласился на адрес, но решительно отказался упомянуть в нем, что будет молиться за успехи турецкого оружия. Что касается армянского патриарха, то он обещал лишь, что армяне будут вести себя так же, как греки. Составленный в греческом патриархате адрес подписали двадцать представителей высшего духовенства, двадцать именитых греков и десятка четыре купцов и ремесленников. Сообщая об этом, Аргиропуло замечает¹³¹, что «при исполнении формальности подписания адреса бросалась в глаза поразительная холодность, причем многие лица удалились перед этим», и что «вмешательство лорда Редклифа вызвало величайшее негодование греков».

Но до этого негодования английскому послу не было никакого дела. Он стремился произвести на Европу выгодное для Турции впечатление и цели этой достиг. Он представил миру Оттоман-

скую Порту в совершенно новом виде благотворительницы своих христианских подданных, наделяющей их всех, без различия, широкими правами, которые превосходили даже наши требования относительно православного вероисповедания, уступчивой и мирной, но непоколебимо защищающей свое право независимости и государственного верховенства¹³². Общественное мнение склонилось, за немногими исключениями, на сторону Турции. Циркулярная нота Порты была встречена в Европе с нескрываемым сочувствием, наша — с недоверием.

Турецкий циркуляр¹³³ сообщал, что «хотя вопрос о Святых местах был разрешен к общему удовлетворению, но князь Меншиков заявил совершенно другие по существу требования, которые относились к греческой религии и к духовенству. Честь Порты заставляет ее охранять ныне и в будущем религиозные права и преимущества духовенства, церквей и монастырей, оттоманских подданных греческого вероисповедания, дарованные в прежние царствования и утвержденные его величества султаном... Но входить в соглашение с иностранным правительством в виде сенеда (обязательный акт), конвенции или ноты, имеющей такую же силу и ценность, о правах и привилегиях (хотя бы только относящихся к церквям и к культу) большей части своих подданных было бы противно независимости и верховным правам державы, дающей такое обязательство».

Циркуляр уверял далее, что Порта не питает никакой вражды к русскому Августейшему двору, и что, «принимая во внимание известные чувства справедливости императора, она надеется, что государь не начнет военных действий, и что постоянные принципы его политики, свидетелем которых является весь мир, не позволят ему предпринять ничего из того, что стоит в противоречии с данными всем европейским дворам положительными заверениями». В конце циркуляра упоминалось о наших вооружениях, которыми и объяснялись предпринимаемые Портой военные меры предосторожности.

Граф Нессельроде, со своей стороны, старался бороться с предубеждениями искусно направляемого против нас общественного мнения Западной Европы. Его циркулярная депеша от 30 мая (11 июня)¹³⁴ начиналась с указаний на преувеличенные толки, вызванные отъездом князя Меншикова и перерывом дипломатических сношений с Оттоманской Портой и полемикой с западной прессой, которая приписывала нашему кабинету завоевательные замыслы, а также намерение установить религиозный протекторат над православным населением Турции. Граф Нессельроде заявлял, что государь не желает разрушения Оттоманской империи и считает сохранение *status quo* лучшим средством предупреждения международных осложнений.

«Что касается протектората над греко-русским вероисповеданием в Турции, — говорил наш циркуляр, — то для охранения его интересов нам не нужно никаких других прав, кроме тех, которые обеспечены за нами договорами, нашим положением и влиянием, истекающим из религиозной симпатии между 50 миллионами православных русских и большинством христианских подданных султана, влиянием древним, влиянием неизбежным, как вытекающим из фактов, а не из слов, влиянием, которое застал император при вступлении своем на престол, и от которого он не может, из-за несправедливых подозрений, отказаться, не отрекаясь от славного наследия своих августейших предшественников.

До какой степени были неосновательны все распространяемые по поводу миссии князя Меншикова слухи, ясно из того, что эта миссия никогда не имела другой цели, как разрешение вопроса о Святых местах».

В дальнейшем изложении канцлер замечал, что упомянутый вопрос был возбужден не нами и что наш кабинет предвидел грустные последствия этого возбуждения. Дарование латинянам привилегий, нарушающих вековые права греков, вызвало вмешательство государя, которое повлекло за собой назначение комиссии улемов и торжественное обещание султана сохранить все издревле признанные за греками религиозные права.

Граф Нессельроде жаловался далее на слабость, извороты и двуличность оттоманских властей, напоминал, что вышеупомянутый фирман был прочитан в Иерусалиме лишь после долгих проволочек и многократных настаиваний, что не помешало туркам нарушать его постановления. «Самым резким нарушением явилась передача латинскому патриарху ключа от главного входа Вифлеемского храма. Эта передача противоречила точным словам фирмана. Она глубоко задела духовенство и все население греко-российского вероисповедания, ибо по идеям, принятым в Палестине, владение ключом означает само по себе владение всем храмом.

Такое забвение самых положительных обещаний, данных в письме султана к императору, такое несомненное нарушение доверия, отягченное вдобавок поведением и неприличными заявлениями советников султана, очевидно, было достаточно для того, чтобы наш августейший государь, оскорбленный в своем достоинстве, в своем дружеском доверии и в своем религиозном чувстве, общем с чувством его народов, тотчас потребовал самого торжественного удовлетворения».

Государь не воспользовался случаем, чтобы разрушать Оттоманскую империю. У него не было таких намерений. Он избрал мирный путь переговоров. Миссия князя Меншикова имела два предмета, относившихся к делу о Святых местах:

Карикатура на освобождение Греции
(с английской гравюры Маклина)

1) «установить вместо потерявшего значение фирмана новое соглашение, которое, не отнимая у латинян того, что они приобрели в последнее время, объяснило бы по крайней мере эти уступки отнюдь не победой над греко-российским вероисповеданием, и восстановливало бы нарушенное равновесие»;

2) «укрепить это соглашение актом, который был бы для нас удовлетворением в настоящее время и гарантией на будущее».

Несмотря на разные затруднения, первая цель была достигнута, но, по словам циркуляра графа Нессельроде, «достигнуть соглашения было далеко не все». Необходима была гарантия его исполнения, и именно эту гарантию государь считал удовлетворением за нанесенное его достоинству оскорбление.

Циркуляр переходит далее к оценке турецких возражений против предложенной князем Меншиковым конвенции, сводившихся к тому, что она противоречила бы независимости и верховным правам Порты. Граф Нессельроде ссылаясь на договор времен реформации и находил, что в принципе конвенция не противоречила бы международным обычаям и что, опять *лишь в принципе*, все равно, к какому числу подданных султана она относилась бы.

«*На деле*, — писал далее граф Нессельроде, — религиозный протекторат уже существует, и предлагаемая форма конвенции ничего бы не прибавила к этому протекторату. Кайнарджийский договор, по которому Порта обязалась охранять в своих владениях христианское исповедание и его церкви, устанавливает в достаточной

мере наши права наблюдений и замечания. Эти права вновь вошли и еще более ясно указаны в Адрианопольском договоре, подтверждавшем все прежние. Вот, следовательно, уже около 80 лет нам фактически принадлежат признанные актами права, против которых ныне возражают».

«Конвенция, — говорилось далее, — не даст нам никакого преимущества, которое не принадлежало бы нам ранее, и которым мы не могли бы давно злоупотреблять, если бы наши намерения были таковы, каковыми их предполагают».

Циркуляр напоминал, что вопрос о форме соглашения представляется второстепенным и что князь Меншиков сделал Порте ряд уступок, предлагая вместо конвенции менее торжественную форму сенеда, отказываясь от статей о сохранении духовных и материальных преимуществ, издревле дарованных Портой всем четырем православным патриархам, и, наконец, соглашаясь заменить сенед односторонней нотой, проект которой прилагался при циркуляре.

Несмотря на умеренность выражений и на миролюбивый тон циркулярной депеши графа Нессельроде, она не могла умиротворяюще повлиять на политические страсти, систематически возбуждаемые нашими недоброжелателями. Деша самым категорическим образом подтверждала наше право протектората над православными подданными Порты и даже указывала, что наш кабинет имел полную возможность злоупотреблять этим правом. Но именно это-то право отрицалось кабинетами морских держав, а общественное мнение обвиняло нас в желании оформить протекторат конвенцией или сенедом для того, чтобы иметь возможность им злоупотреблять. Граф Нессельроде, всегда столь осторожный и расчетливый в выражениях, на этот раз недостаточно оценил поводы всеобщего к нам недоверия. Его циркуляр как бы подтверждал недружелюбные догадки и злостные обвинения, которые сыпались на нашу политику во всей, за немногими исключениями, западноевропейской прессе.

О впечатлении, произведенном в Константинополе циркуляром графа Нессельроде, можно судить по следующему, несколько одностороннему донесению Аргиропуло князю Меншикову¹³⁵: «Циркуляр императорского правительства произвел здесь громадный успех... Лакур ведет себя менее шумливо, в чем некоторые видят иезуитство. Лорд Редклиф постоянно находится в том же пароксизме; он суетится, он озлоблен, бегаёт, инспектирует крепости, присутствует при измерении воды в Босфоре, и вообще он находится всюду. Его разговор, то угрожающий, то миролюбивый и успокаивающий, в зависимости от лиц и обстоятельств. Три дня тому назад он сказал Николаевичу, который мне это передал, не делая секрета, что он постарается убедить Порту не смотреть на

занятие княжеств как на действие враждебное, и что если Россия пообещает не завладеть оттоманской территорией и не вызывать там возмущения, то его правительство поверит слову государя; но он не уверен, примет ли Франция эти обещания. Другим он говорил, что первоначальная ошибка была сделана полковником Розе, призвавшим флот, чем Англия была втянута в спор, а также тем, что она тотчас же не отступила. С другой стороны, его действия и слова, так же как действия и слова его приближенных, не соответствуют этим сообщениям»¹³⁶.

Примечания

¹ Из рассказа князя А. М. Горчакова. Записки П. К. Менькова. Т. I. С. 17 и 18.

² Из дневника князя Меншикова за 19 января 1853 года: «Был у государя; он объяснил мне свою политику, прибавив, что избрал меня для командования армией и флотом и послом — предвестником мира или войны».

³ Записки П. К. Менькова. Т. I. С. 17 и 18.

⁴ В наших руках находился собственноручный дневник князя, веденный им ежедневно чуть ли не с 1810 года и до последних лет его жизни. Надо полагать, что этот дневник был любимым детищем автора, человека по своему характеру вообще весьма скрытного. Порядок, в котором он содержался, точность, с которой в него записывалось все, касающееся личности самого князя, служат тому ручательством. Смеем думать, что такой дневник, веденный более полу столетия изо дня в день, в достаточной степени может обрисовать личность его автора. Замечательно, что в дневнике князя Меншикова, при самом подробном описании всего того, что касалось физического существования его личности, нет ни одного теплого слова об интересах государственных и общественных, с которыми он так близко соприкасался.

⁵ Совершенно иного взгляда на князя Меншикова придерживается его бывший адъютант Панаев («Воспоминания» помещены в ж. «Русская старина»).

⁶ Из дневника за 17 января: «При докладе Нессельроде положено спросить меня, могу ли я на будущей неделе отправиться в путь, а между тем полковника Ковалевского послать в Черногорию, но *Нессельроде не дал мне знать о сем*». (Курсив подлинника.)

⁷ Архив Мин. иностр. дел. Картон «Доклады 1854 г.».

⁸ Приложение № 104.

⁹ Приложения № 105, 106, 107, 108 и 109.

¹⁰ Приложение № 88.

¹¹ Приложение № 110.

¹² Приложение № 111.

¹³ Рукописный дневник князя А. С. Меншикова за 1853 год. Архив князя Н. Н. Гагарина.

¹⁴ Письмо от 12 февраля 1853 года, № 63. Гос. архив, разр. XI, № 1226.

¹⁵ Письмо от 20 февраля 1853 года. Гос. архив, разр. III, № 124.

¹⁶ Письмо от 9 (21) февраля 1853 года, № 33. Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1853.

¹⁷ Рукописный дневник князя А. С. Меншикова.

¹⁸ Во время этого визита произошел маленький эпизод, который западной печатью был раздут до громадных размеров. Отправляясь к визитю, князь Меншиков имел сверх фрака надетым пальто, в котором он и вошел в первую комнату помещения, занимаемого турецким сановником. Предполагая, что до комнаты, где состоится свидание, еще далеко, он вошел в пальто в следующую комнату, где, к своему удивлению, встретил великого визиря. Князь поторопился освободиться от неподходящего костюма.

Все европейские газеты воспользовались этим случаем, чтобы убедить читающую публику, что князь Меншиков явился на аудиенцию к султану в пальто.

¹⁹ Князь Меншиков — канцлеру 25 февраля (9 марта) 1853 года, № 2. Гос. архив, разр. XI, № 1226.

²⁰ Агриполо — князю Меншикову 21 февраля (5 марта) 1853 года. Гос. архив, разр. XI, № 1234.

²¹ Рукописный дневник.

²² Дневник за 28 февраля.

²³ Из дневника князя Меншикова за 2 марта: «*Visite de M. Benedetti; son désir d'une entente préalable avec l'ambassade française sur les questions des Sts-Lieux*».

²⁴ Дневник за 1 марта 1853 года.

²⁵ Князь Меншиков — графу Нессельроде 25 февраля (9 марта) 1853 года, № 3 и 4. Гос. архив, разр. XI, д. № 1226.

²⁶ Приложение № 112.

²⁷ Аргиропуло — князю Меншикову 21 февраля (5 марта) 1853 года. Гос. архив, разр. XI, д. № 1234.

²⁸ Князь Меншиков — канцлеру 12 (24) марта 1853 года, № 17. Архив Мин. иностр. дел.

²⁹ Приложение № 113.

³⁰ Князь Меншиков — канцлеру 5 (17) марта 1853 года, № 6. Гос. архив, разр. XI, д. № 1226.

³¹ Князь Меншиков — канцлеру 12 (24) марта 1853 года, № 14. Там же. Богданович. Восточная война. Т. I. С. 40—46 (Oesterns papers. Т. I).

³² Приложение № 114.

³³ Приложение № 115.

³⁴ Князь Меншиков — канцлеру 12 (24) марта 1853 года, № 16. Гос. архив, разр. XI, № 1226.

³⁵ Князь Меншиков — канцлеру 12 (24) марта 1853 года, № 19. Там же.

³⁶ Князь Меншиков — канцлеру 14 (26) марта 1853 года, № 20. Там же.

³⁷ Князь Меншиков — канцлеру 24 марта (5 апреля) 1853 года, № 22. Там же.

³⁸ Граф Нессельроде — князю Меншикову 20 марта 1855 года, № 113. Архив Мин. иностр. дел.

³⁹ 31 марта 1853 года, № 143. Архив Мин. иностр. дел.

⁴⁰ Вход и право богослужения в Вифлеемском и Гефсиманском хра-

мах, возобновление католического монастыря, прилегающего к храму Воскресения, и приобретение султаном нескольких домов для этого монастыря.

⁴² Князь Меншиков — канцлеру 4 (16) и 14 (25) апреля 1853 года, № 28 и 33. Гос. архив, разр. XI, № 1226.

⁴³ Аргиропуло — князю Меншикову 29 марта (10 апреля) 1853 года. Там же, № 1234.

⁴⁴ 24 марта (5 апреля) 1853 года, № 151. Там же, № 1226.

⁴⁵ Приложение № 116.

⁴⁶ Приложение № 117.

⁴⁷ Приложение № 118.

⁴⁸ Приложение № 119.

⁴⁹ Приложение № 120.

⁵⁰ Приложение № 121.

⁵¹ Русская старина. 1875. Кн. III.

⁵² Секр. донесение князю Меншикову от 4 апреля 1853 года. Гос. архив, разр. XI, д. № 1250.

⁵³ Князь Меншиков — канцлеру 24 марта (5 апреля) 1853 года, № 23. Архив Мин. иностр. дел.

⁵⁴ Kinglake. L'invasion de la Crimée. Т. I. Р. 36.

⁵⁵ Между прочим, Решид-паша подал нам мысль потребовать от Порты трактата, который служил бы противовесом французским капитуляциям 1740 года.

⁵⁶ Секретные донесения князю Меншикову от 28 марта (7 апреля) 1853 года. Гос. архив, разр. XI, д. № 1260.

⁵⁷ Князь Меншиков — барону Бруннову 26 марта (7 апреля) 1853 года. Там же, д. № 1236.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Oesterns papers. Т. I. Р. 150.

⁶⁰ Письмо от 3 (15) апреля 1853 года.

⁶¹ Лорд Редклиф — Кларендону 11 апреля 1853 года (Oesterns papers): «Австрийский поверенный в делах, очевидно, получил инструкции конфиденциально сообщаться со мной по всем текущим делам. Он сказал мне, что его правительство вполне довольно тем, что мною сказано в Вене и в особенности по отношению к России» (Перев. с английского).

⁶² Приложение № 122.

⁶³ Госуд. архив, разр. III, д. № 124.

⁶⁴ Редклиф — Кларендону 6 апреля 1853 года. Oesterns papers. Т. I. Р. 125.

⁶⁵ Граф Нессельроде — князю Меншикову 11 апреля 1853 года, № 165. Архив Мин. иностр. дел.

⁶⁶ Лорд Редклиф — лорду Кларендону 20 апреля 1853 года. Oesterns papers. Т. I. Р. 155.

⁶⁷ Приложение № 123.

⁶⁸ Эта нота уже 11 (23) апреля, т. е. через три дня после ее вручения, сообщалась лордом Редклифом своему правительству (Oesterns papers. Р. 157).

⁶⁹ Приложение № 124.

- ⁷⁰ Письмо от 11 апреля 1853 года. Гос. архив, разр. III, д. № 124.
- ⁷¹ Приложение № 122.
- ⁷² Приложение № 125.
- ⁷³ Князь Меншиков — графу Нессельроде 20 апреля (2 мая) 1853 года. Гос. архив, разр. III, д. № 122.
- ⁷⁴ № 144. Архив Мин. иностр. дел.
- ⁷⁵ Рукописный дневник князя А. С. Меншикова 10 (22) апреля 1853 года.
- ⁷⁶ Князь Меншиков — графу Нессельроде 24 апреля (6 мая) 1853 года, № 37. Гос. архив, разр. XI, № 1226.
- ⁷⁷ Интересно отметить, что эта нота сообщалась лордом Редклифом своему правительству в тот же день, когда сообщал о ней и князь Меншиков (Oesterns papers. Т. I).
- ⁷⁸ Приложение № 126.
- ⁷⁹ Приложение № 127.
- ⁸⁰ Приложения № 128 и 129.
- ⁸¹ Аргиропуло — князю Меншикову 26 апреля (8 мая) 1853 года. Гос. архив, разр. д. № 1234.
- ⁸² Лорд Редклиф — Кларендону 9 мая (27 апреля) 1853 года. Oesterns papers. Т. I. P. 176.
- ⁸³ Приложение № 130.
- ⁸⁴ Приложение № 131.
- ⁸⁵ Там же. № 131.
- ⁸⁶ От 8 мая (26 апреля) 1853 года. Гос. архив, разр. XI, № 1226.
- ⁸⁷ Приложение № 132.
- ⁸⁸ Приложение № 133.
- ⁸⁹ Приложение № 134.
- ⁹⁰ Приложение № 135.
- ⁹¹ Приложение № 136.
- ⁹² Приложение № 137.
- ⁹³ Oestern papers. Т. I. P. 213.
- ⁹⁴ Приложение № 138.
- ⁹⁵ Лорд Редклиф — Кларендону 2 (14) мая 1853 года. Oesterns papers. Т. I.
- ⁹⁶ Приложение № 139.
- ⁹⁷ Решид-паша — князю Меншикову 3 (15) мая 1853 года. Гос. архив, разр. XI, № 1246.
- ⁹⁸ В письменном сообщении Решиду-паше не был указан срок до 6 мая. Приложение № 140.
- ⁹⁹ Приложение № 141.
- ¹⁰⁰ Приложение № 142.
- ¹⁰¹ Князь Меншиков — барону Бруннову 8 (20) мая 1853 года. Гос. архив, разр. XI, № 1236.
- ¹⁰² Приложение № 143.
- ¹⁰³ Приложение № 142.
- ¹⁰⁴ Проект этой ноты был доставлен князю Меншикову сыном Решида-паши 8 мая. Он помещен в приложении № 144.
- ¹⁰⁵ Приложение № 145.
- ¹⁰⁶ Письмо от 6 (18) мая 1853 года. Гос. архив, разр. XI, № 1243.

¹⁰⁷ Приложение № 146.

¹⁰⁸ Приложение № 147.

¹⁰⁹ Приложение № 146.

¹¹⁰ Oestern papers. Т. I. Р. 236—238.

¹¹¹ Приложение к депеше Озерова от 14 (25) мая 1853 года, № 28. Гос. архив, разр. XI, № 1247.

¹¹² Oestern papers. Т. I. Р. 220. Следует заметить, что, по мнению Озерова (Гос. архив, разр. XI, № 1246), меморандум «*exprime sous une forme d'clinatoire une opinion contraire a nos demandes*».

¹¹³ Приложение № 148.

¹¹⁴ Приложение № 149.

¹¹⁵ Граф Нессельроде — князю Меншикову 19 мая 1853 года. Гос. архив, разр. XI, № 1227.

¹¹⁶ Приложение № 150.

¹¹⁷ Архив Мин. иностр. дел, 1853. Доклады.

¹¹⁸ «Я допускаю, что будущность Оттоманской империи неопределенна; выражение правильно, но это именно и указывает, что невозможно ни предсказывать ее близкий конец, ни утверждать, что он далек; все неопределенно, и надо готовиться ко всему».

¹¹⁹ В письме к князю Меншикову от 5 (17) мая барон Бруннов уверял, что английское правительство «остается в совершенной неизвестности насчет окончательного решения, к которому поведут действия его посла», и что в сущности английские министры и даже Редклиф заботятся более о том, чтобы наша конвенция с Турцией произвела выгодное впечатление на английскую публику и всего менее о том, какой вред конвенция нанесет Турции (Приложение № 151).

¹²⁰ Князь Меншиков — канцлеру 14 (26) марта 1853 года. Гос. архив, разр. III, д. № 124.

¹²¹ Приложение № 152.

¹²² По последнему проекту князя Меншикова.

¹²³ Oestern papers. Т. I. Р. 197.

¹²⁴ Там же. Р. 199.

¹²⁵ Фирман конца месяца Шабана 1269 года. Oestern papers. Т. I. Р. 338, 339.

¹²⁶ Аргиропуло — Балабину 29 мая 1853 года. Архив Мин. иностр. дел.

¹²⁷ Аргиропуло — князю Меншикову 28 мая (9 июня) 1853 года. Там же.

¹²⁸ Балабин — князю Меншикову 4 (16) июня 1853 года, № 9. Гос. архив, разр. XI, д. № 1226.

¹²⁹ Приложение № 153.

¹³⁰ Балабин — князю Меншикову 4 (16) июня 1853 года, № 9. Там же.

¹³¹ Донесение из Перы от 3 (15) июня 1853 года. Архив Мин. иностр. дел.

¹³² По настоянию Редклифа Порты издала особый приказ губернаторам провинций, приглашая их наблюдать, чтобы при возникших затруднениях население не причинило никаких притеснений русским подданным (Oestern papers. Т. I).

¹³³ Он приложен к донесению Балабина — Озерову 27 мая (8 июня) 1853 года, № 4. Приложение № 154.

¹³⁴ Приложение № 155.

¹³⁵ От 13 (25) июня 1853 года из Константинополя. Гос. архив, разр. XI, д. 1226.

¹³⁶ «La Circulaire du Ministère Impérial a fait fureur ici...

Monsieur Lacour contient sa conduite peu bruyante, que quelques-uns croient même jésuitique; Lord Redcliff est toujours dans le même paroxysme; il s'agite, il est irrité, il court, il fait des inspections des places fortes, il assiste au mesurage des eaux du Bosphore, enfin il est partout. Son langage est tantôt menaçant, tantôt pacifique et conciliant, selon les personnes et les circonstances. Il y a trois jours, il disait à Monsieur Nicolaevitch, qui me l'a rapporté sous le sceau du secret, qu'il tâchait de persuader la Porte de ne pas considérer l'occupation des Principautés comme un acte d'hostilité, que si la Russie promettait, qu'elle n'avait pas des projets d'entamer le territoire Ottoman, ni d'y exciter des révoltes, son cabinet ajouterait foi à la parole de l'Empereur, mais il n'était pas sûr si la France accepterait ces assurances. A d'autres il dit que la première faute a été commise de la part du colonel Rose, qui avait invité les flottes; que depuis lors l'Angleterre de trouvait engagée, et qu'elle n'a pas reculé par la suite. D'une autre part ses actions et ses paroles, ainsi que celles de son entourage, ne répondent pas à ses confidences».

Глава XI

Организация русских военно-сухопутных сил к началу Восточной войны

К началу Восточной войны военно-сухопутные силы Российской империи состояли из *регулярных* и *иррегулярных* войск.

Регулярная армия подразделялась на войска *действующие*, или линейные, которые главным образом предназначались для боевых действий в поле, составляя существеннейшую часть наших вооруженных сил, и войска *резервные* и *запасные*, назначение которых состояло как в пополнении действующих войск, так отчасти и в образовании новых частей.

На двух вышеперечисленных категориях нашей регулярной армии собственно и основывалась боевая сила государства; на поддержание их в должном состоянии почти исключительно и обращалось внимание правительства. Остальные виды наших регулярных вооруженных сил, как-то *местные войска*, назначавшиеся преимущественно для внутренней службы, и *вспомогательные*, имевшие характер административный, хозяйственный и полицейский, не предназначались для борьбы с врагом внешним.

Следует, впрочем, упомянуть, что в описываемую эпоху, при неожиданно нагрянувшей необходимости быстро развернуть наши вооруженные силы, частям различных категорий на самом деле приходилось выполнять назначения, к которым они по существу своему совершенно не были предназначены.

Действующая пехота подразделялась на *линейную* и *легкую*, которую составляли егерские и карабинерные полки и стрелковые батальоны.

Ни в организации, ни в обучении и вооружении никакого различия между линейной и легкой пехотой, кроме стрелковых батальонов, в сущности не было. Линейная пехота отличалась лишь более рослыми людьми, а егеря по существовавшему обычаю преимущественно перед другими высылались для действия в стрелковой цепи и для выполнения задач, требующих особой подвижности и легкости.

Вся пехота к началу 1853 года¹ состояла в общем из 110 полков², 9 стрелковых³ и 84 линейных батальонов, причем последние преимущественно были расположены в отдаленных окраинах государства⁴.

Подразделение полков на батальоны было разнообразное, от 3 до 5 батальонов в полку. Но большая часть нашей пехоты, а именно 72 пехотных и егерских полка, которые входили в состав

*Рядовой Владимирского
пехотного полка
(Интендантский музей)*

шести армейских корпусов, расположенных в Европейской России, подразделялись каждый на 4 батальона.

Батальоны состояли из 4 рот силой в 230 рядовых при 4 офицерах и 20 унтер-офицерах в роте. В действительности состав рот в мирное время был несколько менее указанного, так как примерно по 100 человек от батальона находились в бессрочном отпуске, составляя на случай войны нечто вроде современного запаса⁵.

Линейные батальоны по своей численности подходили к пехотным, а стрелковые содержались в несколько меньшем составе, а именно они имели по 180 нижних чинов в роте как в мирное, так и в военное время. В начале же войны стрелковые батальоны были доведены до тысячного состава⁶.

Пехотные полки и часть линейных батальонов были соединены в 30 пехотных дивизий⁷ и 6 отдельных бригад⁸; стрелковые же батальоны были приданы непосредственно к корпусам.

Дивизии в общем состояли из 4 полков⁹, соединенных в две бригады, причем первые бригады составляли два пехотных, а вторые — два егерских полка.

Кавалерия подразделялась на тяжелую (кирасирские и драгунские полки) и легкую (уланские и гусарские полки).

Всех кавалерийских полков имелось 59¹⁰, из которых 23 тяжелых и 36 легких¹¹.

Полки подразделялись на эскадроны, по 6 эскадронов в кирасирских полках, по 10 эскадронов в драгунских и по 8 эскадронов в остальных полках. Во всех полках имелось 454 действующих эскадрона. В строевом отношении каждые два эскадрона составляли дивизион.

Кавалерийские полки были соединены в 15 дивизий различного наименования и состава, включая сюда и резервную уланскую дивизию, на самом деле состоявшую из 4 действующих уланских полков¹².

Каждый эскадрон, как в мирное, так и в военное время, имел по 15 рядов во взводе, что составляло 133 конных нижних чина в эскад-

роне и, кроме того, 35 пеших нижних чинов, из которых 10 человек в мирное время, как и в пехоте, находились в бессрочном отпуске¹³.

Полевая артиллерия¹⁴ состояла всего из 135 батарей, в том числе 106 пеших и 29 конных. Все пешие и 14 конных батарей были сведены в 28 пеших и 7 конно-артиллерийских бригад¹⁵. Все бригады и батареи, за исключением гвардейских, были, сверх того, соединены в 10 артиллерийских дивизий, по числу имевшихся в нашей армии, кроме гвардейского, пехотных корпусов. Соединения артиллерийских частей в дивизиях были очень разнообразны¹⁶. Большей частью артиллерийская дивизия состояла из 3 бригад, по 4 батареи, причем в общем числе 12 батарей дивизии одна треть была тяжелых батарей и две трети легких¹⁷.

В составе полевой армии в общем на каждый пехотный полк приходилось по одной пешей батарее и на каждые два кавалерийских полка по одной конной батарее.

В военное время большинство пеших батарей полагалось 12-орудийного состава, но в мирное время они состояли в 8-орудийной запрядке; материальная же часть остальных 4 орудий хранилась в складах и арсеналах, а люди находились в бессрочном отпуске.

Всего же в полевой артиллерии состояло в мирное время 1134 орудия (902 пеших и 232 конных) и в военное время 1446 орудий (1214 пеших и 232 конных).

Для снабжения войск огнестрельными припасами имелись *летучие и подвижные артиллерийские парки*¹⁸. Летучих парков было 4, из которых два в уменьшенном составе; каждый парк состоял из 110 зарядных ящиков, в которых возилось 6612 зарядов и 84 780 патронов. Подвижных парков было 19, состоявших каждый из 120 парковых повозок, в которых полагалось возить 7276 снарядов (по 150 на орудие), 537 пудов пороха и 410 400 патронов.

Летучие парки, назначение которых состояло в первоначальном пополнении запасов в войсках, имели в мирное время бульшую готовность и бульшую подвижность сравнительно с готовностью подвижных парков.

Инженерные войска состояли из 9 саперных батальонов, по 4 роты

Барабанищик
1-й артиллерийской
бригады
(Интендантский музей)

каждый, и 2 конно-пионерных дивизионов, имевших по два эскадрона. При обоих конно-пионерных дивизионах, сверх того, состояло по одному понтонному парку из 16 кожаных понтонов и 4 козел.

Саперные батальоны в мирное время были сведены в 3 саперные бригады¹⁹.

Состав каждой роты, как в мирное, так и в военное время, был одинаков, по 250 человек, из которых в мирное время 25 человек находилось в бессрочном отпуске. Конно-пионерные эскадроны в военное время имели по 15 конных рядов во взводах; в мирное время по 30 человек находилось в бессрочном отпуске²⁰.

Высшим соединением большей части действующих или полевых войск служили корпуса, которых имелось всего 14: гвардейский, гренадерский, шесть армейских пехотных корпусов, гвардейский и два армейских резервных кавалерийских корпуса и отдельные корпуса: Кавказский, Оренбургский и Сибирский²¹.

Состав корпусов был крайне разнообразен²², но большая их часть состояла из трех пехотных дивизий, одной кавалерийской, одной артиллерийской дивизии соответствующих номеров, одного стрелкового и одного саперного батальонов также соответствующих номеров. Резервные кавалерийские корпуса состояли: первый из двух армейских кавалерийских и резервной уланской дивизии, а второй из двух драгунских дивизий и конно-пионерного дивизиона с соответствующей конной артиллерией.

Кроме соединения в корпуса, большая часть полевых и иррегулярных войск, а также часть резервных и вспомогательного назначения входили в зависимости от своего расположения и командного подчинения в состав особых высших соединений, существовавших у нас и в мирное время.

Таким образом, 4 армейских корпуса, расположенные по нашей западной границе, входили в состав так называемой *действующей армии*; гвардейские и гренадерские корпуса, а также учебные и образцовые части подчинялись одному общему главнокомандующему гвардейским и гренадерским корпусами, а части войск, квартировавшие в Финляндии, именовались *войсками, в Финляндии расположенными*.

Штаты действующих войск пятидесятих годов прошлого столетия²³ отличались двумя особенностями от штатов настоящего времени.

Ныне в мирное время полевые войска, представляя из себя, за исключением кавалерии, лишь кадр, содержатся в значительно меньшем числе, чем в военное время, и при мобилизации увеличиваются почти в два раза призывом под знамена запасных нижних чинов.

Ввиду коротких сроков действительной службы среди населения имеется в достаточном количестве необходимый для пополнения полевых войск запас обученных людей. В эпоху же Восточной

войны различия между штатами действующих войск в мирное и военное время почти не существовало; их составляли только те несколько человек на роту (около 25 чел.), которые находились в бессрочном отпуске и при мобилизации призывались в свои части.

Другую особенность штатов того времени составляло громадное число нестроевых нижних чинов в войсковых частях; эту особенность можно объяснить характером бывшего войскового хозяйства, при котором почти все потребности полков удовлетворялись своими средствами.

В общем число нестроевых чинов к строевым составляло в пехоте 7 %, в кавалерии 13 % и в артиллерии 20 %.

Резервные и запасные войска предназначались для формирования особых резервных и запасных частей, а также для скорого пополнения в случае надобности временного некомплекта действующих войск. Следует, однако, оговориться, что некоторые войсковые части, нося в то время название резервных, по своей организации и назначению в действительности ничем не отличались от действующих войск, в состав которых, как было упомянуто выше, они и входили. Такие части назывались резервными лишь в качестве стратегического резерва действующей армии.

Назначение резервных войск в том смысле, как это понимается в настоящее время, исполняли лишь некоторые резервные и все запасные части, для которых в мирное время или совсем не содержались, или же содержались небольшие кадры. При мобилизации резервные и запасные части формировались посредством призыва офицеров и нижних чинов, находившихся в бессрочном и продолжительном отпусках. Эти нижние чины, составляя единственный подготовленный запас вооруженных сил государства, причислялись к действующим, резервным или запасным войскам по принадлежности, в зависимости от того, на пополнение какой категории они предназначались.

Сообразно с этим, имевшийся среди населения запас обученных людей подразделялся на три разряда²⁴.

К первому разряду принадлежали нижние чины, которые предназначались на пополнение рядов частей действующих войск, не содержащихся в мирное время; ко второму разряду причислялись нижние чины, долженствовавшие укомплектовывать резервные войска, а к третьему — запасные.

Соответственно такому подразделению отпускных на разряды 46 губерний европейской России и Царство Польское были разделены на три полосы, причем губернии, входившие в первую полосу, — заключали в себе отпускных первого разряда, губернии, со-

Обер-офицер Черниговского пехотного полка в походной форме
(Интендантский музей)

ставлявшие вторую полосу, отпускных второго разряда, а губернии третьей полосы включали в себе запас для пополнения третьей категории.

При распределении губерний по полосам²⁵ принималась во внимание скорейшая готовность действующих войск, затем уже резервных и запасных. Ввиду этого в первую полосу входили губернии, ближайшие к нашим западным и южным границам, а также и к пунктам расположения большей части наших действующих войск; во вторую полосу входили центральные губернии, а в третью — восточные и северо-восточные.

Указанный способ распределения отпускных имелся, впрочем, в виду лишь при общей мобилизации армии; при частной же мобилизации для пополнения как действующих, так резервных и запасных войск отпускные брались только из губерний той полосы, которая оказывалась ближайшей к месту расположения войск, приводимых на военное положение.

Так как в сущности большинство резервных войск ничем не отличалось от запасных, то в дальнейшем изложении обе эти категории будут рассматриваться вместе.

Резервные войска подразделялись на *постоянные* и *состоящие из отпускных*²⁶.

Постоянные резервы, всегда содержимые налицо, имели целью как подготовку части рекрутов в мирное время, так и немедленное укомплектование действующих войск, на случай выступления в поход, формирование запасных частей и обучение отпускных при общих сборах.

Резервы же, комплектуемые отпускными нижними чинами, подразделялись, в свою очередь, на имеющие небольшие кадры и не имеющие таковых.

Запасные войска также разделялись на имеющие и не имеющие кадров.

Кадры резервных и запасных частей состояли в мирное время из небольших команд, которые предназначались для наблюдения за сохранностью имущества распущенных частей и для исполнения разных хозяйственных потребностей при сборе войск.

Отпускные, приписанные к частям, имевшим постоянные кадры, собирались в случае призыва на службу к этим кадрам; остальные же собирались в несколько определенных пунктов, в которых и производилось их формирование.

В мирное время на действительной службе во всех кадрах резервных и запасных войск числилось²⁷ 490 офицеров, 13 270 нижних чинов и 5336 строевых и артиллерийских лошадей²⁸.

Для пехоты существовали *резервные и запасные батальоны*, которые за немногими исключениями в мирное время содержались лишь в виде незначительных кадров, в составе 1 офицера и 22 нижних чинов каждый. В военное же время для 84 полков гренадерского и шести армейских корпусов полагалось из них формировать по 2 батальона на каждый полк, в том числе один резервный и один запасный.

В каждой дивизии эти батальоны сводились в резервную бригаду, в которой таким образом получалось 8 батальонов — 4 резервных и 4 запасных. Три резервные бригады каждого корпуса соединялись в резервную дивизию этого корпуса.

Для остальных частей пехоты формировались, применительно к изложенному, резервные или запасные батальоны гвардейские, линейные, стрелковые и проч.

Резервные и запасные части пехоты образовывали таким образом в мирное время 16 батальонов и 168 кадров, которые разворачивались в военное время в 196 батальонов, сведенных в 8 резервных дивизий, 1 полубригаду и 1 отдельный резервный стрелковый батальон.

*Резервную и запасную кавалерию*²⁹ в военное время образовывали резервные и запасные эскадроны, которые формировались по расчету на каждый кавалерийский полк от 1 до 3 эскадронов, что всего составляло 115 эскадронов (56 резервных и 59 запасных).

В мирное время из этого числа содержались лишь: 1) постоянный кавалерийский резерв в составе 24 резервных эскадронов первых шести армейских кавалерийских дивизий, которые были сведены в *резервную легкую кавалерийскую дивизию*, 2) запасный эскадрон при Нижегородском драгунском полку и 3) 48 кадров для прочих армейских кавалерийских полков.

Постоянные резервные эскадроны содержались в составе 20 конных рядов во взводе, носили форму своего полка и назывались девятыми эскадронами, причем в мирное время служба их ничем не отличалась от службы действующих полков. В военное же время они предназначались для немедленного укомплектования соответствующих полков и для формирования для них запасных частей из отпускных, которые собирались к этим эскадронам в ежегодные учебные сборы.

48 постоянных кадров резервных и запасных эскадронов состояли каждый из 1 офицера, 10 строевых рядовых и 1 писаря³⁰ и содер-

*Казак 2-го пешего
батальона Черноморско-
го казачьего войска*

жались в кавалерийских округах военных поселений при складах вооружения и обмундирования этих частей.

*Резервные и запасные части пешей артиллерии*³¹ в военное время состояли из 8 резервных артиллерийских бригад шестибатареинного состава (по три резервных и запасных батареи), для формирования которых в мирное время содержался постоянный пеший артиллерийский резерв из кадров резервных и запасных батарей, в составе от одного до двух взводов на каждую резервную и запасную батарею военного времени.

Кадры эти в мирное время были сведены в сводные резервные батареи и бригады 12-орудийного состава в батарее, имея запряженными только 4 орудия и 1 ящик на батарею.

Во всех сводных резервных батареях было 120 орудий, из которых запряженными — 40.

Число орудий в батареях, формируемых в военное время, не было точно определено и каждый раз назначалось особым Высочайшим приказом³². Во время Восточной войны батареи формировались

самого разнообразного состава, от 12- до 2-орудийного.

Ежегодные учебные сборы отпускных нижних чинов производились как при сводных резервных бригадах, так и при прочих артиллерийских частях.

Резервные и запасные части конной артиллерии в военное время состояли из 12 конноартиллерийских батарей 8-орудийного состава, кроме гвардейской, которая имела 12 орудий; всего 100 орудий. В мирное же время содержались кадры только для 6 батарей, составлявших *постоянный конноартиллерийский резерв* из 6 полубатарей (всего 24 орудия), сведенных в 3 сводные резервные конноартиллерийские батареи.

Постоянный резерв имел своим назначением быстрое укомплектование действующих батарей первых шести конноартиллерийских бригад, а также формирование для них запасных частей и ежегодное обучение в учебных сборах отпускных нижних чинов.

Для прочих резервных батарей военного времени никаких кадров в мирное время не содержалось.

*Резервные и запасные части инженерных войск*³³ в мирное время состояли из 3 резервных саперных батальонов с 6 понтонными парками, одной резервной саперной роты и 4 кадров, каждый из 1 офицера, 10 строевых и 1 нестроевого нижних чинов.

В военное время из этих частей предполагалось сформировать 4 резервных и 2 запасных саперных батальона, 6 понтонных рот с понтонными парками, 1 запасную роту, резервный и запасный конно-пионерные эскадроны.

Войска местные и вспомогательного назначения не имели, как сказано выше, прямого боевого значения, но в то же время составляли необходимую принадлежность армии. К ним следует отнести:

*Местные артиллерийские парки*³⁴, которые предназначались для хранения и снабжения войск снарядами, зарядами и патронами.

Таких парков в Европейской России было 62, и каждый из них имел патронов на одну пехотную дивизию, на 1/3 стрелкового батальона, на 1/3 кавалерийской дивизии и снарядов на одну артиллерийскую бригаду³⁵.

На Кавказе парковые запасы содержались в 17 пунктах в разном количестве, смотря по местной потребности.

*Осадные артиллерийские парки*³⁶, в состав которых входила материальная часть артиллерии и снаряды, потребные для осады крепостей. Всего имелось 2 осадных парка, Кавказское осадное отделение и 2 запасных отделения³⁷.

Гарнизонная артиллерия, состоявшая из гарнизонных и лабораторных артиллерийских рот. Первые из них предназначались для действий при крепостных орудиях, а вторые — для приготовления боевых припасов. Всего состояло в крепостях 97 1/2 гарнизонных и 6 лабораторных рот.

*Осадные инженерные парки*³⁸ заключали в себе шанцевый инструмент и материальную часть инженерного ведомства, необходимые для осады крепостей.

Таковых парков имелось 2, в Риге и Бендерах, подразделенных каждый на 4 отделения, с материальной частью в отделении, достаточной для осады одной крепости.

Полевой инженерный парк, составлявший подвижный запас разного инструмента для саперных батальонов, действующих против неприятеля.

Корпус внутренней стражи³⁹, состоявший из гарнизонных батальонов и уездных инвалидных и этапных команд. Части эти предназначались для несения внутренней службы в губернских и уездных городах, но, кроме того, на командиров гарнизонных батальонов возлагались некоторые обязанности нынешних уездных воинских начальников по ведению учета и призыву на службу бессрочно отпускных, по приему рекрутов, конвоированию их и проч.

Всего в корпусе внутренней стражи состояло 52 гарнизонных батальона, 2 полубатальона, 564 уездных инвалидных команды, 296 этапных и 5 соляных команд.

Части вспомогательного назначения состояли из *корпуса жандармов* и *учебных и образцовых войск*; последние предназначались как для подготовки унтер-офицеров, так и для распространения в армии однообразной техники сложного в то время военного артикула.

К этой же категории войск следует отнести: подвижные инвалидные роты, подвижные арсеналы и военно-рабочие роты.

К особенностям военной организации пятидесятих годов прошлого столетия следует отнести и *военные поселения*⁴⁰, доживавшие, впрочем, в то время свои последние года.

Основанные в 1811 году, они имели целью сокращение расходов на содержание армии посредством образования особого военно-земледельческого сословия, наподобие австрийских граничар.

Идея основателя заключалась в том, чтобы в будущем возложить комплектование и содержание всей армии исключительно на военные поселения, освободив остальное население от рекрутских наборов, а государственное казначейство — от материальной тяготы содержания армии.

К 1831 году военные поселения достигли своего наивысшего развития, причем тогда же выяснилась вся несостоятельность принятой системы, повлекшая за собой их коренное преобразование.

К началу Восточной войны организация военных поселений в общем представлялась в следующем виде: они состояли из *действующей* и *поселенной* частей. К первой принадлежала вся выставляемая поселениями, на общих основаниях рекрутской повинности, боевая сила, а ко второй — вся масса населения с их землями, угодьями и всякого рода хозяйственными учреждениями.

Поселенную часть составляли: 1) 25 округов военного поселения кавалерии, расположенных в южной России и находящихся в ведении инспектора резервной кавалерии; 2) округ военного поселения пехоты, составлявший поселенные роты Охтенского порохового завода; 3) 9 округов пехотных солдат в Новгородской, Витебской и Могилевской губерниях; 4) военное поселение на Кавказе.

Военные поселяне и пахотные солдаты имели определенный земельный надел (в округах пахотных солдат по 6 ½ десятины на каждую душу⁴¹) и были освобождены от всех государственных податей и земских повинностей. Взамен этого пахотные солдаты были обложены оброком, а кавалерийские округа продовольствовали кавалерию, в них расположенную; кроме того, и те и другие обязывались производить в своих округах все общественные работы.

Рекрутская повинность отбывалась военными поселянами на общем основании, причем поселенная их часть хотя и подчинялась воинскому порядку и дисциплине и носила собственную форменную одежду, но обучению военному делу не подвергалась.

К 1 января 1853 года в военных поселениях и округах пахотных солдат состояло: 728 688 душ обоего пола и на Кавказе 1344 души; у них имелось 88 114 голов лошадей, 163 929 голов волов, 558 263 овцы и 367 033 штуки прочего рогатого скота. Земли под ними числилось всего 3 452 686 десятин, капитала — 6 036 077 руб. и запасов в хлебных магазинах — 1 337 794 четв.⁴². На продовольствии состояло 81 472 человека и 31 382 лошади.

Кроме регулярных войск в состав нашей армии входили, как входят и в настоящее время, войска иррегулярные⁴³, состоявшие из казаков и инородческих частей.

Поселенные на окраинах государства, соприкасавшихся с беспокойными соседями, и обязанные охранять эти окраины, казаки за свою службу исстари пользовались обширными льготами сравнительно с прочим населением империи. Взамен этих льгот они несли службу на особых, более тяжелых основаниях, являясь на нее с собственными лошадьми, вооружением, снаряжением, обмундированием и проч.

Все казачьи войска и инородческое население Кавказского и Оренбургского края несли службу внутреннюю — в пределах своего войска, линейную или кордонную службу — для охраны границ и внешнюю службу — вне пределов своего войска.

В мирное время казачьи войска выставляли неопределенное и различное, в зависимости от требования правительства, число частей; в военное же время, по первому призыву, каждое войско обязано было выставлять определенное число частей, составлявших «комплект» войска⁴⁴.

В отношении организации казачьи части несколько отличались от регулярных и имели вообще более легкий, подвижной характер, так как все тяжести их перевозились на выюках, а не в обозе.

*Штаб-лекарь и лекарь
(Интендантский музей)*

*Нестроевой и фельдшер
(Интендантский музей)*

В 1853 году в ведении Военного министерства находились Донское, Черноморское, Кавказское линейное, Уральское, Астраханское, Дунайское, Оренбургское, Азовское, Сибирское линейное, Забайкальское и Башкиро-Мещерское казачьи войска.

Донское казачье войско в военное время выставило комплект в 58 действующих конных полков шестисотенного состава и 14 конноартиллерийских батарей. В мирное же время на службе состояло 34 конных полка и 4 батареи.

Комплект Черноморского войска составляли гвардейский дивизион, 12 пеших батальо-

нов, 3 конные батареи и гарнизонная пешая артиллерийская рота; в мирное же время из них на службе находились 4 батальона, конная батарея и артиллерийская рота.

Кавказское линейное войско полагалось в комплекте 18 конных полков шестисотенного состава и 3 конных батарей; почти все эти части находились на службе и в мирное время при Кавказском корпусе и на Кавказской линии.

Комплект Уральского войска состоял из гвардейского дивизиона и 12 шестисотенных конных полков, из которых в мирное время на службе находилось только два дивизиона.

Комплекты остальных казачьих войск в общем были меньшей численности и имели исключительной целью местную службу, а потому они здесь не перечисляются.

К числу инородческих войск относились между прочим л.-гв. Крымско-Татарский эскадрон, находившийся в ведении новороссийского генерал-губернатора, Закавказский конно-мусульманский полк, состоявший при действующей армии, Дагестанский конно-иррегулярный полк и Балаклавский греческий батальон, состоявшие на службе при Кавказском корпусе, и некоторые другие.

Численность⁴⁵ армии к 1 января 1853 года выражалась следующими цифрами⁴⁶:

на действительной службе под знаменами в регулярных войсках состояло 27 581 генерал и офицер и 911 150 нижних чинов;

в бессрочном и годовом отпусках числилось 244 генерала и офицера и 212 433 нижних чина.

Таким образом, общая наличность обученных людей регулярной армии определялась в 27 745 генералов и офицеров и 1 123 583 нижних чина.

Во всех иррегулярных войсках числилось по спискам 3647 генералов и офицеров и 242 203 нижних чина; из них в частях, находившихся на действительной службе, состояло 89 168 человек.

Итак, во всей русской армии состояло по спискам 31 392 генерала и офицера и 1 365 786 нижних чинов, из коих к 1 января 1853 года действительно несли службу 1 000 318 нижних чинов.

В общем штатном числе всех войск (вместе с иррегулярными) составляли: пехота — $\frac{2}{3}$, кавалерия — $\frac{1}{5}$, артиллерия — $\frac{1}{13}$ и инженерные войска — $\frac{1}{38}$.

Численность прочих родов оружия относилась к пехоте как: кавалерия — $1:3\frac{1}{3}$, артиллерия — $1:8\frac{3}{4}$, инженерные войска — $1:26\frac{1}{2}$. Казачьи войска составляли $\frac{1}{11}$ часть всех регулярных войск⁴⁷.

Беглый обзор организации нашей армии перед Восточной войной указывает на следующие ее особенности: 1. Армия состояла из двух резко отличавшихся по своим качествам частей.

Действующие войска, которые в мирное время содержались почти в таком же составе, как и в военное, представляли из себя вполне подготовленную и сплоченную в долгие годы мирного обучения боевую силу, которая при приведении армии на военное положение весьма мало изменялась приливом в нее отпускных и была готова немедленно выступить в поход. Но зато за этой отличной по своему составу армией государство фактически уже не имело правильно организованных и хоть сколько-нибудь подготовленных вооруженных сил.

Незначительные по количеству и весьма слабые по своему составу кадры резервных и запасных войск никоим образом не могли служить гарантией их надлежащей и скорой формирования и подготовки. Малая готовность этой категории войск увеличивалась еще тем, что при мобилизации в резервные и запасные части вливалось лишь весьма незначительное количество обученных людей в виде бессрочно отпускных; булышая же часть состояла из рекрутов, представлявших собой совершенно сырой материал.

Такие качества резервных и запасных войск являлись следствием существовавшего в то время во всех государствах, за исключением отчасти Пруссии, взгляда, по которому в европейских армиях обращали исключительное внимание на содержание полевых войск, составлявших почти всю боевую силу государства.

Если сравнить силу нашей постоянной армии мирного времени последних лет царствования императора Николая Павловича и

силу ее в настоящее время, то постоянные армии в эти отделенные друг от друга полувековым периодом эпохи окажутся почти одинаковыми, но зато какая громадная разница замечается при переходе армии на военное положение. Силы современной армии увеличиваются в несколько раз, причем соответствующая организация ее делает большую часть этой армии ко времени столкновения с неприятелем почти одинаковой по своим боевым качествам.

Причиной такого различия служат не только сильные кадры резервных войск, ныне содержимых и в мирное время, но и нахождение среди населения целой массы подготовленного боевого материала в виде запасных нижних чинов, которые при мобилизации вступают в ряды армии; пятьдесят же лет тому назад подготовленный боевой запас существовал лишь в зачатке, в лице незначительного числа бессрочно отпускных и увольняемых в годовой отпуск нижних чинов. Лиц этой категории по спискам числилось к 1 января 1853 года на миллионную армию всего 212 433 человека.

Причина такого незначительного запаса состояла во всеобщем в то время убеждении, что получить армию с хорошими боевыми качествами возможно только при весьма продолжительных сроках службы, в 15 или 20 лет. Очевидно, что люди, пробывшие под знаменами столь долгий срок, были по окончании службы по большей части неспособны как по своему возрасту, так и по состоянию своего здоровья поступить в случае войны вновь в ряды войск.

Император Николай Павлович рядом принятых мер положил основание организации резервных войск и ревниво оберегал их от поползновений начальников, не оценивших надлежащим образом основной идеи их назначения. «Не ошибайся в отношении резервов, — писал государь князю Горчакову 20 октября 1853 года⁴⁸. — В прежние войны резервов в полном смысле значения слова, *как я его понимаю*⁴⁹, не было. Оттого полки таяли, не получая подкрепления или получая голых, необурых, изнуренных рекрутов; полки таяли, гибли и за ними — *никого!* Теперь на каждый полк 2 батальона резерва, в нем половина старые, надежные солдаты, а другая из рекрутов, и *через 6 месяцев* каждый полк получит не менее 600 человек укомплектования; стало, к весне полки будут опять комплектованы и надежно. Но, чтоб это *возможно* было, надо резервам быть на месте, в покое и не обременять их сверх меры караулами и другими посторонними заботами, а еще менее употреблять их без крайности против неприятеля...»

Примерно с 1834 года государь начал принимать меры и к образованию среди населения подготовленного запаса людей, увольняя старшие сроки службы преждевременно в так называемые бессроч-

ные отпуска. Этот первообраз нынешнего запаса имел очень мало общего с современным. Он был весьма незначителен, так как люди увольнялись в бессрочный отпуск лишь после беспорочного служения под знаменами 15 или 20 лет, в количестве около 17 000 человек ежегодно; к ним следует прибавить еще 10 000 человек, увольняемых в годовой отпуск.

В действительности же людей, годных для поступления вновь на службу из бессрочного отпуска, было еще менее, чем числилось по спискам; престарелый возраст отпускных делал процент неявлявшихся весьма значительным, а их самих — мало пригодными к перенесению тягот военного времени.

Нельзя не отметить этот первый шаг к образованию у нас запаса, предпринятый исключительно по инициативе государя Николая Павловича и проведенный в жизнь благодаря его настойчивым требованиям. Мысль об уменьшении сроков службы с целью накопления обученных людей среди населения казалась в то время большинству военных деятелей и даже такому выдающемуся генералу, как Муравьев-Карский, преступной; они считали, что такая мера, несомненно, поведет к ухудшению армии, лишая ее лучших солдат и наполняя молодыми и не втянутыми в работу рекрутами. Особенно беспокоил их унтер-офицерский вопрос, как будто бы в пятнадцатилетний срок службы нельзя было подготовить хороших и в особенности опытных унтер-офицеров⁵⁰.

Лишь только двадцать лет спустя, после огромных успехов пруссаков во время Франко-прусской войны у нас приобрели право гражданства короткие сроки службы и неразрывно связанное с ним накопление среди населения запаса обученных людей, первоначальную идею которых с таким трудом проводил в жизнь император Николай Павлович в последние годы своего царствования.

Такой характер организации нашей армии приводил к замечательным фактам. Уже летом 1854 года, когда война еще не достигла своего полного напряжения, у нас не хватало войск для одновремен-

Н. Н. Муравьев
(с литографии В. Тимма,
по рисунку Карадини)

ной готовности к борьбе по всей западной границе и в Крыму. Какой грустью и бессилием дышат многие письма государя к князю Горчакову и к князю Меншикову в 1854 году, в ожидании высадки в Крыму, когда государь сознавал, что Крымскую армию необходимо усилить, но у него не было больше свободных войск.

«Теперь к этой опасности, — писал, например, государь князю Горчакову 7 июля 1854 года⁵¹, — присоединилась другая — вероятность весьма скорого нападения на Крым. Мысль весьма полезную образования отряда к стороне Перекопа вполне и я разделяю. Назначить же мне пехоту в сей отряд *неоткуда, ибо уже ничем не располагаю*⁵² с той поры, как князь Иван Федорович⁵³ взял, меня не спрося, 16-ю дивизию в Молдавию. Крайне желательно наискорее отправить хоть одну бригаду с двумя батареями к Перекопу. Обсуди, откуда послать наилучше, и сейчас же распорядись... Кажется, выбор должен пасть на 16-ю дивизию, *но я не гоффрихс-рат*; необходимость тебе ставлю на вид, образ же действий предоставляю тебе».

И в таком положении находилась могущественнейшая монархия с 60-миллионным населением, которая содержала в мирное время миллионную армию под ружьем!

2. Другую особенность организации того времени составляло несоразмерно большое отношение небоевого элемента к общей численности постоянной армии.

Эта категория войск в лице корпуса внутренней стражи и разных вспомогательных частей включала в свои ряды 218 515 человек, что уменьшало боевую численность армии почти на 17 %⁵⁴.

Такая же несоразмерность боевого элемента к нестроевому замечалась, как было сказано выше, и в отдельных частях полевых войск, где цифра нестроевых составляла от 7 до 20 % всего состава части.

3. Обращает на себя внимание также большое разнообразие в составе тактических единиц. В пехоте число батальонов в полках изменялось от 3 до 5, что не вызывалось никакими тактическими соображениями. В кавалерии большинство полков имело по 8 и 10 эскадронов, что делало их неудобными в отношении командования ими одним лицом. В этом отношении неудобен был также и 12-орудийный состав батарей.

Разнообразие тактических единиц, впрочем, не всегда являлось следствием принятой системы и очень часто происходило и от побочных причин, главная среди которых заключалась в желании уменьшить расходы на содержание армии⁵⁵.

Существование конно-пионерных дивизионов также не оправдывало надежд, на них возлагавшихся. Понтонные парки, которые при них состояли, делали конно-пионеров недостаточно подвижными для следования с кавалерией, а малое их число имело

своим последствием то, что они никогда не участвовали в деле. В течение сорокадвухлетнего своего существования конно-пионеры только в 1828 году были два раза употреблены в дело со специальной целью и, наконец, в 1862 году были совершенно упразднены.

Система военных поселений, в свою очередь, не оправдала возлагавшихся на нее ожиданий. Вместо воинов-пахарей, поселяне являлись простыми хлебопашцами, обязанными продовольствовать квартировавшие у них войска. Чисто военные качества к ним не привились, к чему, впрочем, со стороны правительства в последнее время почти и не прикладывалось никаких стараний. Одной из слабых сторон военных поселений был крайне дурной состав офицеров, куда офицеры «сбывались» из действующих войск; да, впрочем, и само начальство военных поселений более предпочитало офицеров, вышедших из солдат. В финансовом отношении военные поселения также не принесли ожидаемой от них пользы. Они были окончательно упразднены в 1857 году.

В пятидесятых годах прошлого столетия комплектование *армии нижними чинами* производилось у нас по рекрутскому уставу 1831 года.

Военная служба по этому уставу не была общеобязательной; от нее были освобождены все дворяне, купцы, почетные граждане, дети священнослужителей и вообще все классы общества, выжившие над общим уровнем податного сословия. Она была таким образом обязательна⁵⁶ только для солдатских детей, мещан, крестьян и вообще для лиц податных сословий.

Но, кроме поступления на военную службу нижними чинами на основании рекрутского устава, таковыми зачислялись крестьяне по желанию помещиков, по приговорам сельских обществ, а также и по приговорам судов, причем в этом последнем случае отдавались не только лица, которые принадлежали к сословиям, обязанным рекрутской повинностью, но и к изъятым от нее по своему происхождению.

Вся тягость военной службы ложилась таким образом на беднейшие классы населения; около 20 % общего числа жителей империи имели право на освобождение от рекрутской повинности⁵⁷. Тем не менее средства населения России, при существовавших сроках службы, в количественном отношении далеко превосходили требуемое от него число рекрутов.

И действительно, за восемнадцать лет, с 1835 по 1854 год, было принято на службу всего 1 436 711 рекрутов, что составляло около 80 тысяч человек в год⁵⁸. Лиц же, подлежащих в начале пятидесятых годов рекрутской повинности, считалось около 25 миллионов; если исключить отсюда около двух третей всего числа неспособными, то

*Государственное ополчение 1854 г.
(с литографии И. Шевалье)*

годных к службе оставалось около 8 миллионов. Штатное число войск относилось к этой массе, как $1:7\frac{1}{2}$, и один служивший приходился на 26 душ мужского пола, подлежащих повинности.

Рекрутская повинность не была личной, а общинной, при которой правительство предъявляло свои требования к известной группе населения, а не к отдельным лицам; рекруты же выставлялись от семейств, принимая в расчет число имевшихся в семействе рабочих рук.

Возраст принимаемых на службу по набору был определен от 20 до 35 лет; это условие держало массу лиц податного состояния в течение пятнадцати лет в неопределенном положении ожидания рекрутчины. С другой стороны, и армия получала слишком много рекрутов старших возрастов, которых трудно было обучить и которые вливали в армию значительный контингент пожилых солдат. За 1851-й, 1852-й и 1853-й, например, отношение числа рекрутов по возрастам к общему числу принятых было следующее⁵⁹: моложе 20 лет — около 6 %, от 20 до 25 лет — 73 %, от 25 до 30 — 14 % и от 30 до 35 лет — 6 %, т. е. более четвертой части принятых находилось в возрасте, не совсем соответствовавшем требованиям военной службы.

Сроки действительной службы⁶⁰ были установлены от 22 до 25 лет. Прослужившие беспорочно 15 лет увольнялись в бессрочный отпуск, во время которого они ежегодно собирались на один месяц в учебные сборы.

Такие продолжительные сроки службы, кроме указанного уже выше недостатка в отношении количества и качества запаса обученных людей, который образовывался среди населения империи, представляли для армии и населения еще много других неудобств. Служба отнимала рекрута из его среды на столь продолжительное время, что он возвращался домой, совершенно отвыкнув от условий жизни своей среды и уже мало пригодный к работе. На рекрутов в населении смотрели поэтому как на заживо погребенных, и сдача в рекруты, «рекрутчина», как ее называли, наводила на население ужас. Для уклонения от службы среди призываемых в сильной степени было развито членовредительство, а побеги в войсках были явлением заурядным, так что в законах о наградах предусматривалось даже награждение ротных и эскадронных командиров «за неимение бежавших во вверенных им частях» в относительно короткий трехлетний промежуток времени⁶¹.

Общинный характер воинской повинности вносил еще один нежелательный элемент в состав армии, а именно достаточное количество наемников (примерно около 10 тысяч человек в год)⁶², хотя правительство и старалось бороться с этим злом при помощи выпуска зачетных рекрутских квитанций, по числу добровольно поступивших в армию охотников. Квитанции эти могли быть перепродаваемы из рук в руки и освобождали от службы лицо, их предъявлявшее. Таких квитанций не хватало на всю массу лиц, желавших освободиться от службы, и потому, как сказано выше, многие прибегали к найму заместителей. В нравственном отношении заместители не представляли, конечно, из себя надежного элемента в войсках.

Отдача в рекруты по приговору судов, по приговору крестьянских обществ и по назначению помещиков также не служила на пользу войскам.

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», издания 1845 года, перечислен, например, длинный ряд проступков, за которые допускалась отдача в солдаты в наказание взамен ссылки на поселение. Помещики, в свою очередь, отдавали крестьян в солдаты преимущественно в наказание и вообще сбывали в войска самых негодных людей⁶³.

Все это вливало в армию людей порочных, которые не могли способствовать возвышению нравственного уровня войск, а, что еще хуже, поддерживало в населении взгляд на военную службу как на наказание, а не как на священную обязанность защиты Отечества.

Солдатские дети и кантонисты⁶⁴ по самому своему происхождению относились к числу обязанных военной службой. Солдатскими детьми считались все сыновья нижних чинов недворянского сословия, прижитые во время нахождения их отцов на действи-

*Церемониальный марш пехоты
в сомкнутых взводных колоннах
(с литографии, по рисунку Раффэ)*

тельной службе и в отставке, а также все незаконнорожденные солдатками мальчики. Кантонистами же назывались солдатские дети, которые состояли в заведениях военных кантонистов, имевшихся при частях войск, или жили при родителях, служащих в полках. Таким образом в составе армии получалось потомственное сословие солдат, приносившее в военном отношении очень мало пользы и, безусловно, вредное в общегосударственном отношении.

Сын солдата поступал в кантонисты ребенком и, лишенный влияния семьи, воспитывался в суровой казарменной обстановке. По окончании же действительной службы под знаменами он оказывался совершенно одиноким и оторванным от той среды, в которой ему приходилось доживать свой век.

Во время своего пребывания в кантонистах дети подвергались большей, сравнительно с другими, смертности и, развиваясь физически хуже своих деревенских сверстников, уступали в этом отношении остальной массе рекрутов. Живя с юных лет среди солдат, кантонисты, очевидно, не могли отличаться и хорошей нравственностью.

Император Николай ясно сознавал всю невыгоду и несправедливость существовавшей рекрутской повинности, но не в силах был бороться с установившимся положением. «Всякий набор, — говорил государь князю А. С. Меншикову 14 марта 1845 года⁶⁵, — счетом с 500 или другого участка душ, а также вербовкой, есть мера неправильная, и справедлива лишь одна конскрипция, обязывающая всех служить, но много препятствий существует к ее введению». «Вот что ожидает нас по таковым понятиям о справед-

ливости!» — саркастически закончил князь Александр Сергеевич свои воспоминания об этом разговоре.

В Царстве Польском воинская повинность отбывалась на несколько иных основаниях, по системе конскрипций. Повинность эта была общеобязательной, но не личной, и ей подлежали почти все сословия, причем на семейное положение призываемых обращалось очень мало внимания. Кому поступать на службу, определялось жребием, который прежде всего тянули молодые люди в возрасте от 20 до 22 лет, а после того в постепенности люди старших возрастов до пополнения всего требуемого числа призываемых.

Кроме обязательного поступления на службу, наше законодательство допускало для лиц привилегированных сословий и поступление по добровольному желанию, причем потомственные дворяне, лица, окончившие курс высших учебных заведений, и купцы первых двух гильдий поступали на сокращенные сроки службы.

При распределении рекрутов в войска руководствовались главным образом только внешним их видом, причем лучшие и рослые люди назначались в гвардию. Раскольники и попавшиеся «в буйствах и дерзостях» назначались на Кавказ и в Сибирь; отданные в солдаты за дурное поведение — преимущественно в гарнизонные и военно-рабочие части; бродяги и преступники — во внутренние гарнизонные и линейные батальоны.

В разные роды оружия люди назначались без всякого разбора, не принимая во внимание ни склада их, ни способностей к тому или другому роду службы. Зато заботы о ранжировке солдат доходили до невероятного. Не только в полках, но в ротах и эскадронах люди подбирались рябые к рябым, курносые к курносым, красавчики к красавчикам. Роты и взводы старались составить из людей одинаковых по цвету волос, по длине усов, бакенбард и т. д.⁶⁶.

Но долгие сроки службы давали возможность подготавливать без особого напряжения сил молодых рекрутов, отлично знающих свое дело солдат; отличные унтер-офицеры образовывались в полках сами собой. Солдаты глубоко проникались духом военной службы и традициями своей части; они смотрели на полк как на свой родной дом и семью, с которыми было связано все их существование.

Что касается казачьего населения, то отбывание военной службы было обязательно для всех казаков почти без всякого исключения. Сроки службы были для офицеров в 25 лет и для казаков в 30 лет; но на действительной службе они не находились непрерывно все это время, а, прослужив от одного до трех лет, увольнялись на льготу по домам впредь до нового поступления на службу через такой же приблизительно срок времени. Кому из казаков

подлежало в каждом данном случае идти в состав выставляемых войском строевых частей определялось очередными станичными списками, причем по семейному и имущественному положению, в исключительных случаях допускались или временное освобождение от службы, или же отсрочка, но никоим образом не полное освобождение.

К 1 января 1853 года на действительной службе всего состояло 53 % штатного состава казачьих «комплектов» или 39 % списочно-го, так как вообще списочное число служилых казаков превосходило штаты выставляемых комплектов; при этом 1 служащий приходился средним числом на 7,3 казаков, обязанных службой.

Комплектование армии унтер-офицерами не встречало до Восточной войны никаких затруднений как благодаря продолжительным срокам службы, так и тем несложным требованиям, которые предъявлялись к унтер-офицерам.

Строевые части пополнялись ими при помощи производства добровольно поступивших на службу и поступивших по набору; некоторая же часть унтер-офицеров пополнялась кантонистами и нижними чинами, прошедшими курс учебных частей.

Для первой категории лиц унтер-офицерское звание было переходной степенью для производства в офицеры; процент унтер-офицеров из последней категории был вообще весьма незначителен, так что главный контингент их ложился на производимых из поступивших на службу по набору⁶⁷ по прослужении ими в строю не менее трех лет.

Для подготовки унтер-офицеров пехоты и кавалерии в самых частях не существовало никаких школ и учебных команд, и знание грамотности для производимых не было обязательным. В законе указывалось только, «чтобы назначаемые к производству в унтер-офицерское звание знали совершенно порядок службы и верный шаг... чтобы были доброго и трезвого поведения и... чтобы при всех таких качествах производимы были в унтер-офицеры преимущественно имеющие знаки отличия военного ордена»⁶⁸.

Школами же для специальной подготовки унтер-офицеров пехоты и кавалерии служили 4 карабинерные полка, ежегодно выпускавшие до 1000 человек, учебный эскадрон и школы кантонистов. Унтер-офицеры, выходившие из этих специальных школ, не удовлетворяли современников ни своими нравственными, ни строевыми качествами⁶⁹.

В артиллерии для производства в фейерверкеры требовалось, как правило, окончание трехгодичного курса дивизионной или бригадной школы по весьма обширной программе, до геометрической съемки включительно.

Унтер-офицеры инженерных войск также подготавливались в особых бригадных школах.

Комплектование армии *офицерами*⁷⁰ производилось при помощи: 1) выпуска из военно-учебных заведений, 2) производства добровольно поступивших на службу нижними чинами и 3) производства нижних чинов, поступавших на службу по наборам.

Военно-учебные заведения, дававшие право на выпуск офицерами, были: Пажеский и 15 кадетских корпусов, Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, Дворянский полк, Михайловское артиллерийское, Главное инженерное училище и Школа топографов.

Кадетские корпуса имели целью воспитывать и образовывать молодых дворян для всех родов военной службы.

Все корпуса представляли собой закрытые интернаты; кадеты воспитывались на казенный счет или на счет дворянства и состояли на полном казенном содержании.

Курс обучения состоял из предметов общеобразовательных, проходимых в общих классах, и специально военных, которые составляли курс специальных классов. Объем общеобразовательных предметов соответствовал программам среднеучебных заведений, причем особое внимание обращалось на естественные и математические предметы. В специальных классах, кроме общеобразовательных предметов, проходились механика, законоведение, физическая география, статистика, артиллерия, фортификация, тактика и топография. Провинциальные корпуса не имели специальных классов, и юноши по окончании общего курса отправлялись в Петербург в Дворянский полк, где и проходили курс специальных классов.

Лучшие воспитанники по окончании курса выпускались офицерами в гвардию, следующие выходили в артиллерию и саперы, а уже остальной состав в армейскую пехоту и кавалерию. Малоупешные из кадетов выпускались из первого специального класса в линейные батальоны или же по окончании общих классов и по достижении девятнадцатилетнего возраста во внутреннюю стражу.

Программа курса кадетских корпусов, как можно видеть, была достаточно обширна, и корпуса должны были бы давать хорошее общее и военное образование, но сама постановка учебного дела не была вполне удовлетворительна и мало способствовала умственному развитию кадетов. Занятия целый день в классах и на строевых занятиях, мальчики имели только один-полтора часа времени на приготовление уроков.

Такой срок следует признать крайне недостаточным, в особенности принимая во внимание слабую подготовку поступавших в корпуса мальчиков, не всегда удачный состав преподавателей и большое число учеников (35 и более) в каждом учебном отделении. Не все ученики могли поэтому следить за курсом одинаково, и уже с младших классов появлялись отстающие, которые, по мере

Князь В. А. Долгорукий,
военный министр
(с литографии Мюнстера, по
рисунку П. Бореля)

продвижения выпуска вперед, отставали еще больше, сидели по два и по три года в одном классе и назначались в конце концов по малоуспешности до окончания курса в войска унтер-офицерами или вовсе исключались из корпуса. В общем числе до окончания курса доходила только половина из кадетов, поступивших в младшие классы.

Что касается внутренней жизни учащихся, то корпусное начальство входило в нее мало и нисколько не влияло на смягчение нравов, в которых было много грубого и дикого⁷¹. Отличительными чертами кадетского быта были дружба, тесное товарищество

кадетов между собой и общее крайне суровое направление. Старшие кадеты давали тон всей кадетской жизни, а младшие им слепо повиновались. Кадет, отличавшийся физической силой, ловкостью, молодцеватостью и находившийся в оппозиции к начальству, всегда пользовался особым почетом и уважением товарищей⁷². Любимые игры кадетов также носили характер занятий, развивающих физическую силу, ловкость и терпение; игры эти часто переходили в ожесточенные драки не только между кадетами, но и между целыми классами, а в лагерях — так и между корпусами. Во всех классах кадеты составляли так называемые «классные общества», имевшие своих коноводов и свои обычаи, которым они слепо подчинялись, причем кадетский самосуд имел большое значение, и им особенно строго карались трусость, выдача товарища, жалоба начальству, невыносимость и т. п.

Применяемые в корпусах наказания могли только способствовать еще большему ожесточению кадетских нравов. Самым обычным наказанием были розги, которыми мальчики наказывались и за дурные баллы, и за плохое знание фронта, и за маловажные проступки; более серьезные проступки зачастую наказывались 100—200 ударами розог⁷³.

Но кадетские корпуса имели и свои положительные стороны. Столь ценные в военном деле высокий дух товарищества и взаимной выручки глубоко внедрялись в каждого кадета и клали отпечаток на всю его дальнейшую службу; кадетская жизнь закаляла

юношей и подготавливала из них людей, способных с легкостью переносить все невзгоды военной жизни. Из них, при отсутствии внешнего лоска и невысоком умственном развитии, выходили, однако, честные служаки, преданные своему долгу службы офицеры, которые сроднились с нею с юных лет и любили ее.

От остальных военно-учебных заведений несколько отличались Михайловское артиллерийское и Главное (ныне Николаевское) инженерное училища. В них давалась более солидная научная подготовка и существовали особые офицерские классы, преобразованные в настоящее время в Артиллерийскую и Инженерную академии. Воспитанниками этих училищ пополнялся в незначительном числе офицерский состав артиллерийских и саперных частей.

Во всех военно-учебных заведениях по штату 8556 воспитанников, но эта с первого взгляда большая цифра в действительности была очень недостаточна для подготовки необходимого для армии числа офицеров. За десятилетие с 1845 по 1855 год число воспитанников военно-учебных заведений (без Артиллерийского и Инженерного), закончивших полный курс, составляло в среднем лишь 7 % всего числа воспитывавшихся в этих заведениях⁷⁴, а за все время царствования императора Николая Павловича из этих же учебных заведений было всего выпущено около 17 тысяч офицеров, что составит в год около 560 человек, или треть всего числа офицеров, потребных для армии. Да и эта треть почти

Наместник кавказский князь М. С. Воронцов

исключительно поступала на укомплектование гвардии и специальных родов оружия.

Главный контингент офицеров армейской пехоты и кавалерии пополнялся производством дворян и вольноопределяющихся, поступивших по добровольному желанию на службу нижними чинами. Небольшая лишь часть этих лиц принадлежала к окончившим курсы различных учебных заведений; большинство же из них имело самое ограниченное общее домашнее образование или же принадлежало к лицам, не окончившим курса кадетских корпусов и гражданских гимназий.

Молодые люди эти при поступлении на службу, т. е. при зачислении их юнкерами, должны были выдержать самый незначительный экзамен по общеобразовательным предметам при штабе корпуса или при каком-нибудь кадетском корпусе. Насколько ничтожны были в этом отношении требования, предъявлявшиеся будущим офицерам, можно судить по программе, установленной для юнкеров при штабе 2-го армейского корпуса уже в 1857 году, после Крымской кампании, которая, как известно, дала сильный толчок к увеличению образовательного ценза наших офицеров.

Эта программа⁷⁵ обязывала довести по русскому языку юнкеров до той степени грамматически правильного и ясного изложения на бумаге своих мыслей, которое требуется от деловых бумаг. Знание арифметики должно было быть доведено до того, чтобы каждый численный житейский или служебный вопрос был решаем без затруднения. При изучении истории обращалось особое внимание на указания обучаемым, каким образом развивались главные начала русской жизни: самодержавие, православие, народность. Что же касается французского и немецкого языков, то они должны были составлять последний предмет занятий, и рекомендовалось стараться, чтобы юнкера умели хоть отличить книгу, написанную на одном языке от написанной на другом. При этом никаких военных познаний, кроме уставов, от офицеров армейской пехоты и кавалерии не требовалось.

Вся эта категория лиц получала офицерские чины уже без экзамена, по прослужении в звании унтер-офицера от 3 до 6 месяцев для студентов, 2 лет — для дворян и от 4 до 12 лет — для прочих вольноопределяющихся, в зависимости от прав их по состоянию⁷⁶.

Легкость поступления на службу унтер-офицером, или, как тогда называли, юнкером на казенном содержании, и легкость, таким образом, достижения офицерского чина без экзамена привлекали на военную службу лиц, которые не могли найти других средств к существованию.

До производства в офицеры в полках юнкерам также негде было учиться и расширять свои научные познания, тем более что для

самостоятельных занятий не было никаких побудительных причин: всякий знал, что будет произведен в офицеры без экзамена. Живя на службе полковой жизнью и принадлежа по рождению и воспитанию к офицерской среде, юнкера часто находились в обществе офицеров, скудном благодаря разбросанности чуть ли не поодиночке по глухим деревням в умственном отношении и богатом кутежами и картежной игрой. Такая обстановка, само собой разумеется, не могла содействовать надлежащему направлению гибкой воли молодых людей, избравших себе военную карьеру.

Нижние чины, поступавшие по набору, могли быть произведены в офицеры после прослужения в звании унтер-офицерском от 10 до 18 лет и по выдержании особого экзамена при штабе дивизии из катехизиса, чтения, письма, арифметики (включительно до тройного правила), составления бумаг, относящихся к обязанностям младших офицеров, а также уставов гарнизонного, лагерного, форпостной службы и строевого, до батальонного учения включительно⁷⁷. Кроме того, все унтер-офицеры общих сроков службы, представляемые к производству в офицеры, собирались на целый год к корпусным штабам для испытания их по службе.

Унтер-офицеры, выполнившие все вышеуказанные условия, могли отказаться от офицерского чина, и тогда они, состоя на службе, получали шевроны и две трети прапорщичьего жалованья. После прослужения пяти лет со времени отказа от производства в офицеры им давалась пожизненная пенсия в размере получаемого ими содержания.

Эта последняя мера служила причиной тому, что очень многие из унтер-офицеров, пройдя весь тот несложный искус, который требовался для производства в офицеры, отказывались от чина, предпочитая воспользоваться представляемыми им преимуществами. Да и, действительно, материальное положение их, при условии солдатских требований, было несравненно лучше материального положения производимых в офицеры; они могли выйти с пенсией в отставку почти на семь лет раньше,

**Князь Варшавский, граф
Паскевич-Эриванский**
(с гравюры К. Майера,
по портрету Крюгера)

чем их сверстники — офицеры. К тому же многих устрашала и жизнь в совершенно непривычной им новой среде; офицерский эполет не служил связью между дворянином и простолюдином, протянувшим солдатскую лямку около полутора десятков лет, и этот последний всегда держался в стороне от остального общества офицеров.

Число офицеров этой категории вообще было незначительно — около 9 % общего состава армейской пехоты и около 8 % армейской кавалерии⁷⁸. Таким образом, установившееся общее мнение, что в нашей армии того времени было много офицеров из солдат, поступивших по набору, или «бурбонов», как их тогда называли, не совсем справедливо; в особенности это касается, как увидим ниже, полевых войск.

Все изложенное выше о пополнении армии офицерами показывает, что корпус офицеров того времени, принадлежа по своему происхождению почти в полном составе к одному дворянскому сословию, очень различался между собой в отношении приобретенного как общего, так и военного образования. Незначительный контингент воспитанников военно-учебных заведений представлял из себя ко времени производства в офицеры людей с достаточным по тому времени общим и военным образованием; главная же масса офицеров, которая и давала тон армейской офицерской среде, отличалась, за немногим исключением, полным отсутствием общего и военного образования.

Но этот разнородный по умственной подготовке состав офицеров далеко не равномерно распределялся по разным частям наших вооруженных сил. В то время, как гвардия и специальные роды оружия были почти исключительно укомплектованы офицерами из военно-учебных заведений, главные составные части наших вооруженных сил — армейская пехота и кавалерия имели офицеров почти исключительно из юнкеров. В 1853 году, например, из военно-учебных заведений в гвардию и специальные роды оружия было выпущено 249 человек, а в остальные войска — 206 человек; во время войны в 1855 году это соотношение еще более увеличилось в пользу первой категории, куда было выпущено 430 человек из 678 окончивших курс⁷⁹.

На армейскую пехоту приходилось 12 % из окончивших кадетские корпуса, 9 % производимых из поступивших по набору и 79 % из юнкеров.

В свою очередь, и в армейской пехоте было заметно большое различие в составе офицеров между отдельными видами ее. Наилучший состав был в гренадерских и армейских полках и в стрелковых батальонах; в линейных батальонах состав офицеров был уже значительно хуже, а во внутренней страже совершенно слабый, причем целый ряд лиц, производимых в офицеры из учебных войск,

назначался исключительно в эту последнюю. Такая неудовлетворительность корпуса офицеров внутренней стражи признавалась даже официально. Так, в 1853 году, когда, по недостатку офицеров в пехоте, повелено было прикомандировать туда офицеров из внутренней стражи, то в переписке по этому поводу встречается целый ряд запросов о том, достойны ли они перевода в армейские полки⁸⁰.

Остается сказать еще несколько слов о подготовке офицеров к службе Генерального штаба. Для этой цели в 1832 году была учреждена Военная академия, состоявшая из двух курсов, теоретического и практического. Офицеры поступали в академию по выдержании особого установленного экзамена, но до 1839 года допускался перевод в Генеральный штаб и без прохождения курса академии.

Сама академия далеко не представляла из себя того первоклассного высшего учебного заведения, которое впоследствии дало государству столько выдающихся деятелей на всех поприщах. Из нее, по словам современников⁸¹, сделали заведение школьников. От офицеров требовали не изучения предметов и обсуждения их со всех сторон, а безусловного повторения записок профессоров и их учебников.

Несмотря на незначительный штат академии (25—27 офицеров на курсе), в ней не было полного комплекта слушателей, так как среди офицеров было мало желающих туда поступать. С 1852 года поэтому пришлось немало увеличить преимущества по службе, предоставляемые успешно окончившим академию, и, несмотря на это, в армии ощущался полный недостаток офицеров Генерального штаба. К 1 января 1853 года всего налицо их состояло 274 человека⁸². Во время войны этот недостаток чувствовался особенно сильно, и в переписке того времени между начальством действующей армии и военным министром встречался целый ряд просьб о присылке офицеров Генерального штаба «ввиду крайней в них необходимости»⁸³.

Вообще корпус офицеров того времени, по словам современников⁸⁴, отличался беззаветной храбростью, но зато и очень узким военным кругозором, как следствие недостаточного военного образования и воспитания. Боязнь ответственности и недостаток веры в себя были причиной тому, что наши генералы и офицеры во время военных действий не умели в огромном большинстве случаев пользоваться благоприятными обстоятельствами и избегать неблагоприятных. По словам многих современников, в этом заключалась причина большинства наших неудач⁸⁵.

К 1853 году наша пехота и кавалерия были почти исключительно вооружены гладкоствольными, заряжавшимися с дула кремневыми и ударными ружьями; лишь весьма незначительная часть имела ружья нарезные, но также заряжавшиеся с дула⁸⁶.

Николай I со свитой на маневрах
(с немецкой гравюры, по рисунку Клейста)

Состоявшие в то время на вооружении кремневые гладкоствольные ружья были образцов 1828 года (пехотное, саперное и драгунское) и 1833 года (казацье и кавалерийский карабин). Калибр всех этих ружей — 7 линий⁸⁷, прицел, не меняющийся для разных дистанций. Вес пехотного ружья со штыком — $11\frac{1}{2}$ фунтов, саперного и казацкого также со штыком — $9\frac{1}{3}$ фунтов; казацье ружье и карабин штыков не имели и весили $6\frac{3}{4}$ фунтов. Огонь заряду сообщался при помощи искры, происходившей от удара курка с кремнем по огниву, которая зажигала порох, насыпанный на особой «полке».

Ударные гладкоствольные ружья образцов 1845 и 1852 годов (пехотное), 1847 года (драгунское) и 1846 года (казацье) отличались от кремневых главным образом способом сообщения огня заряду, которое производилось при посредстве удара курка по капсюлю.

Нарезное оружие состояло из штуцеров стрелковых батальонов образца 1843 года (Литтихский) и Гартунга, оба ударные, и кавалерийских кремневых штуцеров образца 1818 года. Первые имели по два широких винтообразных нареза, последний — восемь винтовых нарезов. Калибр также 7 линий⁸⁸, прицелы на разные дистанции. Вес Литтихского штуцера со штыком был почти 13 фунтов; штуцер Гартунга был переделан из драгунского ружья и отличался очень плохими качествами⁸⁹. Пули для гладких ружей, сферические свинцовые, весом в 6 зол. 56 дол., и для Литтихских штуцеров, цилиндрострельчатые, весом в 7 зол. и 75 дол.

Из гладкоствольного оружия можно было стрелять в пехоте — до 300 шагов, из драгунских ружей — до 250 шагов и из караби-

нов — до 200 шагов, причем вероятность попадания в мишень в рост человека доходила: из пехотных ружей на 200 шагов — до 50 % и на 300 шагов — до 30 %, из кавалерийских карабинов — до 40 % и 16 %. Свыше указанных расстояний стрельба считалась неверной и сила удара пули недостаточной. Эти официальные сведения были, впрочем, опровергнуты опытами, которые производились под Севастополем во время Крымской кампании и которые показали возможность стрельбы из наших гладкоствольных ружей — до 600 шагов с вполне достаточной силой удара⁹⁰. Дальность прямого выстрела была 150—200 шагов, при стрельбе же на большие расстояния приходилось менять точку прицеливания.

Штуцера давали возможность стрелять: пехотные — на 1120 шагов, а кавалерийские на 400 шагов, причем вероятность попадания из Литтихских штуцеров в мишень человеческого роста была: с 500 шагов — 55 %, с 600 шагов — 50 % и с 800 шагов — 27 %.

Заряжание ружей было крайне медленное и неудобное и могло производиться только стоя; потеря шомпола ставила солдата в невозможность стрелять. Сам процесс заряжания производился в 12 приемов; для этого надо было скусить бумагу патрона, высыпать порох из патрона в дуло, опустить пулю в ствол, дослать ее и прибить шомполом, затем насыпать у кремневых ружей порох на полку, а у ударных — одеть капсюль. Заряжание штуцеров требовало особой тщательности, так как пули своими выступами вводились в нарезы ствола, а в кавалерийских штуцерах они еще обертывались пластырем. Особенно трудно было заряжать их после нескольких выстрелов, когда нагар покрывал внутренность нарезов и делал почти невозможным вхождение пули в ствол⁹¹.

Скорость стрельбы из кремневых ружей была около одного выстрела в минуту, да и то в хорошую погоду; в дурную же порох на полке делался сырым и иногда вовсе не загорался. Стрельба из ударных ружей производилась немного скорее.

Для полной характеристики ружей того времени следует упомянуть и о невозможном обращении с огнестрельным оружием, которое делало его совершенно непригодным для главного назначения — стрельбы. Солдат, по ходу самого обучения и предьявляемых ему требований, полагал, что ружье ему дано главным образом для ружейных приемов и отчасти для действия штыком; на стрельбу же он смотрел как на вещь второстепенную. Со своей стороны, начальствующие лица с преступной халатностью относились к сохранению оружия и к вкоренению у нижних чинов правильного понятия о назначении и сбережении ружей. С ними обращались так, чтобы сделать их лишь более пригодными к щегольским, звенящим ружейным приемам и придать им наружный блеск.

Чтобы лучше отбивались темпы при исполнении ружейных приемов, винты в ружьях нарочно расшатывались, затравки бук-

важно рассверливались и выполировывались. Внутренность стволов была окончательно испорчена неумелой чисткой. Все это делало наши ружья не только совершенно непригодными к цельной стрельбе, но и небезопасными вообще при стрельбе из них⁹².

Артиллерийские штаб-офицеры, ежегодно осматривавшие в войсках оружие, относились к этому делу совершенно безучастно, а между тем на них лежала обязанность распространения среди войск правильного взгляда на сбережение и опрятность оружия⁹³. Ружья со сломанными штыками, со стволами тонкими, как лист жести, и испещренными раковинами составляли оборонительное и наступательное вооружение нашей пехоты⁹⁴.

Высшие начальствующие лица, за весьма редким исключением, не только не обращали никакого внимания на сохранение ружей в пригодном для стрельбы виде, но, напротив, своими требованиями доводили извращенное понятие в войсках о назначении и содержании ружей до чудовищных размеров⁹⁵. Донесения же о состоянии ружей сводились к удостоверению об их исправности⁹⁶.

И только с открытием военных действий начались в обилии со всех сторон жалобы на никуда не годное состояние ружей, которые «без явной опасности решительно в дело не годились». Таими жалобами наполнены в наших архивах обширные дела⁹⁷.

К 1 января 1853 года⁹⁸ гвардейский и 2-й армейский пехотные корпуса были вооружены новыми ударными ружьями; гренадерский, 1, 3, 4-й и 5-й корпуса и 17-я дивизия 6-го корпуса — ударными, переделанными из кремневых; остальные части пехоты — кремневыми ружьями. Все стрелковые батальоны имели Литтихские штуцера, и кроме того, по 24 застрельщика в каждом из батальонов действующей пехоты были вооружены штуцерами Гартунга или Литтихскими. Саперные батальоны имели драгунские ружья и по 24 штуцера Гартунга на каждый батальон. Драгуны имели ружья драгунского образца, и по 15 человек в каждом эскадроне — штуцера Гартунга; кирасиры, уланы и гусары имели карабины, а фланговые ряды во взводах уланы и гусар — штуцера. Во всей кавалерии, за исключением гвардейского и 2-го резервного кавалерийского корпусов, ружья были кремневые.

Вооружение значительной части нашей действующей пехоты кремневыми ружьями является непонятным, так как к 1 января 1853 года в нашей армии было уже изготовлено 790 044 ударных ружья — число которого с избытком хватало на снабжение всей действующей пехоты⁹⁹.

Таким образом, в то время, как треть французской и половина английской армий были вооружены к началу войны нарезным оружием и их штуцера метко стреляли на 800 до 1200 шагов, мы в каждом корпусе имели вооруженных штуцерами по одному стрелковому батальону и по 96 человек в полку, что составляло в це-

лом корпусе 1810 штуцеров на 42 208 ружей, т. е. лишь $\frac{1}{23}$ часть всей действующей пехоты.

Преимущество союзников в вооружении производило во время начавшихся военных действий тяжелое нравственное впечатление на наши войска, и в особенности на начальствующих лиц.

Наша легкая артиллерия, по их донесениям, едва успевала сделать несколько выстрелов, как лишалась большей части своей прислуги и лошадей; что касается наших ружей, то их прямо исключали из отдела огнестрельного оружия. Но в то же время в этих жалобах проглядывала традиционная боязнь увлечения огнем¹⁰⁰ и уверенность в невозможности соединить в одном солдате умение действовать огнем и штыком. «Увеличение числа штуцеров, — доносилось военному министру, — настолько же увеличит у нас число стрелков, рассчитывающих на свою пулю, насколько уменьшит число солдат, работающих штыком».

В чем же заключалась причина такого с нашей стороны пренебрежения к усовершенствованному нарезному оружию? Трудно согласиться с мнением многих, что мы «прозевали» введение нарезного оружия в иностранных армиях. Оно для нас не было новостью, так как еще во времена Екатерины II часть егерских батальонов была вооружена таким оружием¹⁰¹, да и наши военные агенты за границей еще за несколько лет до войны предупреждали наше правительство о перевооружении армий соседних государств¹⁰². Нет достаточных оснований полагать, что и государь Николай Павлович отрицал положительные свойства усовершенствованного оружия. Кроме показания весьма пристрастного в своих рассказах современника, генерала Докудовского¹⁰³, в официальных источниках не встречается никакого намека на подтверждение этого мнения.

Скорее есть основание предполагать, что мысль о скорейшем введении штуцеров беспокоила государя. «Наследник сказал мне, — занес в свой дневник за 1853 год Н. Н. Муравьев¹⁰⁴, — что у государя давно намерение снабдить стрелковые батальоны швейцарскими штуцерами нового изобретения малого калибра и тогда Литовские передать в пехоту, а также отпустить швейцарских штуцеров и в гусарские полки».

Из всей переписки государя и записок современников видно, что он во время своих многочисленных смотров войскам обращал внимание на обучение стрельбе и лично смотрел стрельбу в цель¹⁰⁵.

«Смотрами и учениями гвардии, — писал государь князю Варшавскому 25 июля 1852 г.¹⁰⁶, — был я отменно доволен; стреляли в цель артиллерия и пехота изумительно хорошо, отрядно!»

Причиной нашей отсталости в вооружении следует скорее признать традиционное направление нашей тактики, проповедовавшей энергичное наступление и атаку холодным оружием, при содействии подготовки атаки лишь огнем артиллерии. На увлече-

Окрестности Нарвы

(с французской гравюры, по рисунку Кленце)

ние стрельбой смотрели как на вещь, противодействующую энергии и порыву атаки¹⁰⁷ и деморализующую войска. Таково было мнение большинства людей, и не только людей общего уровня, но даже и выдающихся боевых военных деятелей.

Когда в 1834 году в Петербурге, после удачных опытов с ружьем Роберта, отличавшимся большей скорострельностью, предполагали вооружить им нашу пехоту, то Муравьев докладывал великому князю Михаилу Павловичу, что «введением сего ружья сделают совершенно противное тому, что надобно (ибо и ныне уже пехота наша без меры и надобности стреляет), что привычку сию надобно бы извести в войсках, а не усиливать оружием, дающим способ к сему; что у нас с сим ружьем войска перестанут драться, и не достанет никогда патронов»¹⁰⁸.

Если обратить внимание на историю развития огнестрельного оружия за истекшие после Крымской войны пятьдесят лет, то вышеприведенные взгляды Муравьева встретятся в той или другой форме не один раз, да и в настоящее время навряд ли можно отказать им в некоторых правах гражданства¹⁰⁹.

Нельзя также признать справедливым мнение, что более усовершенствованное оружие наших врагов было главной причиной наших неудач. После Крымской войны в двух европейских войнах, Франко-прусской и Русско-турецкой, победителями оказались стороны, хуже вооруженные! Среди всех невзгод Крымской эпопеи недостаток нашего вооружения занимал во всяком случае не первое место.

Кроме оружия, состоявшего в мирное время в употреблении в войсках, полагалось иметь запас его в складах артиллерийского

ведомства¹¹⁰, как для снабжения им людей, призываемых при мобилизации для пополнения действующих, резервных и запасных войск, так и на случай формирования новых частей войск, для текущих потребностей и проч. Но к 1 января 1853 года¹¹¹ в действительности запас ружей едва достигал половины того, который полагалось содержать¹¹²; что же касается качества ружей, то, как выше уже было замечено, большинство из них было непригодно для стрельбы.

Ручное огнестрельное оружие приготавливалось у нас на трех оружейных заводах: Сестрорецком (близ С.-Петербурга), Тульском и Ижевском (Вятской губернии). Производительность этих заводов вполне обеспечивала потребность армии¹¹³.

Огнестрельных припасов полагалось иметь¹¹⁴ в пехоте на каждое ружье 100 патронов (60 в сумке и 40 в патронных ящиках) и у драгун 70 (40 в лядунке и 30 в ящике); в парковых же запасах состояло на каждое пехотное ружье действующих войск по 24, а на каждый штуцер только по 17 патронов.

Такое распределение запасов никоим образом не могло соответствовать действительной потребности. Застрельщики, вооруженные штуцерами, шли обыкновенно в дело с самого начала и вели преимущественно огнестрельный бой, тогда как батальоны открывали огонь гораздо реже. Запас штуцерных патронов оказывался поэтому недостаточным, а число патронов для пехотных ружей превышало действительную в них потребность. И в самом деле, уже в декабре 1853 года князь М. Д. Горчаков возбудил ходатайство об увеличении в парковых запасах вдвое количества штуцерных патронов¹¹⁵.

Вообще существовавший перед войной в нашей высшей военной администрации расчет, что «для одной кампании в европейской войне весьма достаточно иметь на каждое ружье не более 140 патронов»¹¹⁶, был основательно опровергнут наступившей кампанией.

Вооружение полевой артиллерии¹¹⁷ к 1853 году состояло из 6-, 12-фунтовых пушек и четверть- и полупудовых единорогов; эти последние представляли из себя собственно укороченную пушку, приспособленную главным образом для стрельбы разрывными снарядами. Единороги были годны к тому же и для навесной стрельбы под небольшими сравнительно углами возвышения.

Все орудия полевой артиллерии были медные, гладкострельные и заряжающиеся с дула; огонь сообщался через скорострельную трубку посредством фитиля. В 1853 году на вооружении были орудия системы 1838 года и разных систем, проектированных до этого года¹¹⁸. Орудия всех этих систем мало отличались друг от друга.

Типы кавказских войск

Все полевые орудия стреляли картечью и, кроме того, 6-фунтовая пушка — ядрами (6 $\frac{7}{8}$ ф. вес.), 12-фунтовая — ядрами (14 $\frac{1}{2}$ ф. вес.) и картечными гранатами, единороги — обыкновенными (весом 10 и 20 фунтов) и картечными гранатами.

Все снаряды были чугунные, сферические. Обыкновенные гранаты были пустотелые, начиненные порохом; они рвались на 8—10 кусков, которые разбрасывались на 80—300 сажень. Картечные гранаты начинялись свинцовыми ружейными пулями, убивавшими человека в 100 сажень от места разрыва.

Скорость стрельбы доходила до 1 $\frac{1}{2}$ — 2 выстрелов в минуту из 6-фунтовых пушек и до 1 — 1 $\frac{1}{2}$ выстрелов из прочих орудий. Наибольшей меткостью отличались 12-фунтовые пушки и полупудовые единороги, причем наибольший процент попаданий в мишень размеров с взводную колонну на 400 сажень дистанции при стрельбе ядрами и обыкновенными гранатами был из первых 56 % и из вторых 40 %, а на 500 сажень — 38 % и 22 %.

При стрельбе на бульшие дистанции преимущественно употреблялись гранаты или же стрельба настильно-рикошетными выстрелами; лучшими результатами стрельбы этого последнего вида считалось попадание от 25 до 30 % выпущенных снарядов. Стрельба картечной гранатой была менее метка и давала для 6-фунтовой пушки на 300 сажень — 26 % попаданий, а на 500—600 сажень — 15 %; из 12-фунтовой на эту последнюю дистанцию попадало всего 12 %.

Предельной дальностью для картечного выстрела считалось 250—300 сажень при 21 % попаданий.

При таких свойствах артиллерийского огня этот род оружия не мог служить тем могущественным орудием для подготовки атаки, каким он, бесспорно, является в настоящее время. И действительно, в сражении под Алмой неприятельские стрелки не дали даже приблизиться нашей батарее 17-й бригады на дистанцию хорошего прицельного выстрела, выведя в самое короткое время из строя 50 % людей и лошадей убитыми и ранеными. При наступлении же наших войск, как, например, это было в Инкерманском сражении, огонь легких батарей становился столь слабым, что пехоте приходилось прокладывать себе дорогу штыками и огнем своих гладкоствольных ружей, без содействия артиллерии.

Но если в отношении ручного оружия мы намного отстали от наших врагов, то в отношении артиллерии этой разницы не было, и наша артиллерия «по меткости своей стрельбы и по спокойствию прислуги оказалась намного выше неприятельской»¹¹⁹.

Различные свойства орудий, входивших в состав полевой артиллерии, вызвали необходимость организации разнообразного вида батарей. В полевых войсках таким образом у нас были батарейные батареи, в состав которых входили 12-фунтовые пушки и полупудовые единороги, а также легкие и конные батареи — из 6-фунтовых пушек и четвертьпудовых единорогов.

Лафеты для полевых орудий были деревянные, с одинаковыми для всех систем передками; зарядные ящики двухколесные, с оглобленной упряжкой и не приспособленные к посадке на них прислуги. Орудия легких батарей запрягались четырьмя лошадьми, а батарейных и конных — шестью лошадьми; на ящики полагалось по три лошади. На каждую лошадь, таким образом, приходилось груза в пешей артиллерии от 20 $\frac{1}{4}$ до 18 $\frac{2}{3}$ пуда (без прислуги и ездовых), а в конной — около 14 пудов. Такую нагрузку, принимая в особенности в расчет еще груз прислуги и утомление лошадей в военное время, следует для пешей артиллерии признать чрезмерной. Открывшаяся кампания, действительно, по словам современников¹²⁰, указала на малую подвижность нашей артиллерии.

В военное время на каждое батарейное орудие полагалось по три и на каждое легкое орудие по два зарядных ящика. Это позволяло возить на каждое орудие в передках и зарядных ящиках от 120 до 170 снарядов¹²¹. Кроме того, в подвижных парках к 1 января 1853 года состояло снарядов на каждое орудие по расчету военного времени около 100 штук и в местных парках — около 350, т. е. на каждое полевое орудие имелось в запасе около 450 снарядов, что с избытком превосходило положенную норму.

Что касается состояния, в котором в действительности находилась материальная часть нашей полевой артиллерии перед войной, то, к сожалению, приходится повторить то же, что выше говорилось о состоянии ручного огнестрельного оружия¹²². То же

преступное нерадение начальствующих лиц, единственная забота которых была направлена, кажется, к тому, чтобы представить государю свои части в наружном блеске и тем избежать его законного гнева.

Запас полевой артиллерии для частей, не содержащихся в мирное время, и для обыкновенных расходов полагался в 1622 орудия¹²³; к 1 же января 1853 года налицо состояло орудий в запасе лишь 1272. Такой некомплект произошел от переформирования батарей 2, 3-го и 4-го пехотных корпусов в 12-орудийный состав, от нового формирования пеших резервных и конных запасных батарей и от замены артиллерии прежней конструкции.

В состав *осадной артиллерии* входили 24- и 18-фунтовые пушки, пудовые единороги, $\frac{1}{2}$ -, 2-, и 5-пудовые мортиры¹²⁴. Все эти орудия были медные, заряжаемые с дула.

Наибольшая меткость стрельбы из пушек и единорогов определялась 50 % попаданий на 350 саженей в мишень, длиной в 2 сажени и вышиной в 9 футов.

Снаряды для всех орудий были сферические, чугунные. Из пушек стреляли только сплошными ядрами, из единорогов гранатами, из мортир бомбами. Гранаты и бомбы были одинакового устройства, с пустотой и разрывным зарядом внутри, причем гранатами назывались снаряды, весившие менее одного пуда, а бомбами — более.

Для обороны крепостей¹²⁵ употреблялись все орудия, как новейших, так и старых образцов, входившие в состав осадной и полевой артиллерии, и, кроме того, 36-фунтовые и 3-пудовые бомбовые пушки.

Все эти орудия были чугунные, гладкостенные, заряжаемые с дула; из меди были только полупудовые и часть 5-пудовых мортир для приморских крепостей.

В Севастополе преимущественно для сильного картечного огня употреблялись во время Восточной войны еще каронады, т. е. пушки для прицельной стрельбы на близких расстояниях. Они были 12-, 18-, 36-, 68-фунтовые и, за недостатком мортир, применялись также для навесной стрельбы. С этой целью каронадам придавали искусственным образом углы возвышения до 30°.

Меткость крепостных орудий¹²⁶ допускала попадание около 50 % ядрами в мишень около 14 футов длины и 9 футов высоты, на расстоянии от 250 до 400 саженей, в зависимости от образа орудия. Наибольшая досягаемость 3-пудовой бомбовой пушки была 2085 саженей и пудового единорога — 1700 саженей.

Стрельба рикошетная при благоприятных условиях производилась на расстоянии до 1000 саженей. Стрельба картечными бомбами из бомбовых пушек производилась на расстоянии до 1100 саженей.

В приморских крепостях против флота можно было действовать из 18-, 24-, 30- и 36-фунтовых пушек с 1500 саженьей, из 3-пудовых бомбовых — с 1700 саженьей, из пудовых единоголов — с 1300 саженьей.

Скорость стрельбы из крепостных орудий при полном числе номеров была следующая: из пушек в 2 минуты — от 1 до 2 выстрелов, из единоголов — 1 выстрел и из бомбовых пушек в 3 минуты — 1 выстрел¹²⁷.

Снаряды в крепостной артиллерии употреблялись такого же рода, как в осадной и полевой, но, кроме того, применялись: брандскугели, т. е. бомбы, начиненные, вместо пороха, кусками зажигательного состава, который загорался при выстреле и при полете снаряда бил струей из 3—5 отверстий, делаемых в снаряде; каленые ядра для стрельбы по деревянным судам, которые калились в особых ядрокалительных печах и имели свойство при попадании даже в совершенно сырое дерево тотчас же его зажигать; гранатная карточка для стрельбы до 150 саженьей, заключающая в карточном корпусе 8- и 3-фунтовые гранаты, ручные гранаты 3-фунтового калибра, которые употреблялись в последний период обороны на расстоянии не более 17 саженьей.

К числу вооружения крепостей принадлежали также и крепостные ружья, предназначавшиеся больше всего для борьбы с неприятелем, ведущим перед крепостью саперные работы.

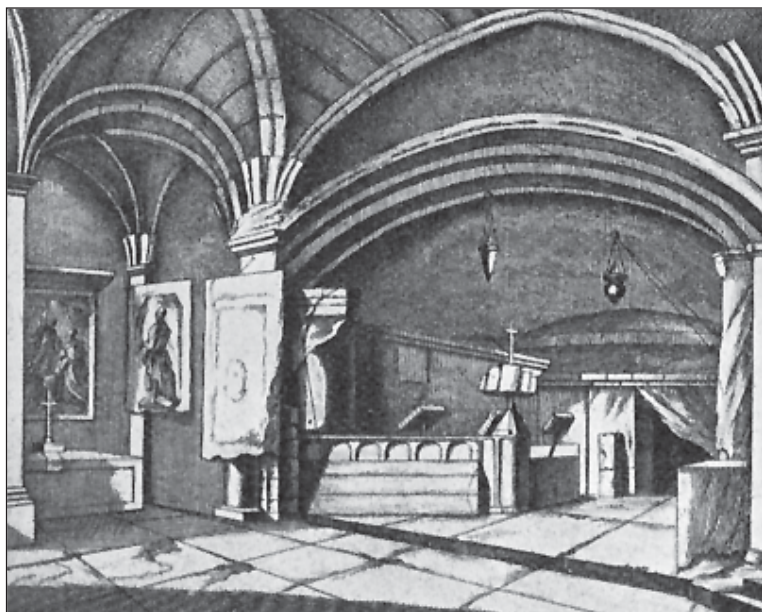
Калибр этих ружей $8 \frac{1}{3}$ лин., вес около $26 \frac{1}{2}$ фунт., вес пули 13,42 зол. Заряжались ружья с казны и имели канал с нарезками. Меткость таких ружей была незначительна: в мишень около 1 сажени в квадрате на 600 шагов попадало от 10 до 15 %.

Крепостные штуцера, сохраняя тот же калибр, имели более тяжелую пулю (17,9 зол.) и заряжались с дула. Своими баллистическими свойствами они значительно превосходили ружья. Меткость штуцеров была хороша: в мишень вышеприведенных размеров на 600 шагов попадало 93 % и на 900 шагов 58 % выпущенных пуль.

Всего положено было иметь в крепостях 2630 крепостных ружей, состояло же в действительности около половины. Что касается крепостных штуцеров, то они были заказаны в Льеже, но ввиду начавшейся войны не были к нам доставлены¹²⁸.

Следует упомянуть еще о появившихся во время Крымской войны у союзников ракетах, которые они бросали с большого расстояния преимущественно с целью производства пожаров. У нас в Севастополе также было организовано ракетное отделение, но оно, просуществовав несколько месяцев и не будучи ни разу применено в дело, было расформировано¹²⁹.

Артиллерийские орудия главным образом изготовлялись: медные — на С.-Петербургском и Брянском арсеналах, а чугунные —

***Католическая церковь в Назарете**
(с голландской гравюры, по рисунку Н. де Брюиньи)*

на чугунолитейном Александровском заводе в Петрозаводске и на заводах Верхне-Туринском и Камско-Воткинском.

Но и крепостная артиллерия по своему состоянию в действительности находилась не в лучшем виде, чем остальные роды оружия¹³⁰. «В Севастополе, — говорится в записке, поданной князю Меншикову в январе 1854 года¹³¹, — по малочисленности гарнизона невозможно назначить к орудиям того числа людей, которое необходимо для безостановочного действия из оных; если же при этом принять в соображение тяжесть больших калибров, неповоротливость лафетов, необходимость всякий раз при зарядании входить по ступенькам на поворотную платформу, наконец, отдаленность пороховых погребов, то, конечно, от приморских батарей можно ожидать самой редкой стрельбы. При такой медленности стрельбы в особенности важно иметь ручательство в верности выстрелов, а между тем по самому способу действия из крепостных орудий трудно ожидать меткой пальбы по быстро движущемуся судну; наводить орудие можно не иначе, как стоя на поворотной платформе, стрелять же только тогда, когда номер, наводивший орудие, поставит трубку и успеет сойти вниз, на что нужно время. Номер с пальником сообщает огонь заряду, стоя на ска-

мейке сбоку орудия; но при употреблении фитиля и даже пальной свечи случается нередко, что мякоть несколько отсыревшей скорострельной трубки загорается только по прошествии нескольких секунд, а этого времени уже достаточно для неприятельского судна, чтобы выйти из-под действия выстрела»...

Порохом армия наша снабжалась из трех заводов: Охтенского, Шостенского и Казанского. В начале пятидесятых годов прошлого столетия все три завода вместе могли изготовлять в год около 85 тысяч пудов пороха. Сами заводы к этому времени были в очень расстроенном состоянии — строения ветхи, машины плохи, контроль слаб¹³².

Запаса пороха¹³³ полагалось иметь в готовом виде около 500 тысяч пудов и в материалах на 125 тысяч пудов, но к 1 января 1853 года не хватало около 96 тысяч пудов готового пороха и материалов на 30 тысяч пудов пороха.

*Холодное оружие*¹³⁴ в наших войсках имелось следующих видов.

В пехоте у нижних чинов — тесаки (в линейной пехоте), клинковые штыки от штуцеров (в стрелковых батальонах), саперные ножи (в пехоте Кавказского корпуса, у саперов и пеших артиллеристов); у офицеров этих же родов оружия — полусабли на поясной портупее. Тесаки только стесняли солдат при ходьбе, как оружие — были плохи, и владению ими никто и никогда не обучался; при наличии штыка они к тому же являлись совершенно лишними. Саперные ножи представляли из себя еще менее серьезное оружие и главным образом предназначались для бивачных работ.

В кавалерии уланы и гусары, кроме указанного выше огнестрельного оружия, имели кавалерийские сабли с кривым клинком, уланы, кроме того, в обеих шеренгах пики; драгуны имели сабли с шашечными клинками, а 9-е и 10-е эскадроны еще и пики; кирасиры имели палаши с прямыми клинками и передние шеренги пики; казаки — шашки и пики, кроме кавказских и черноморских, которые вместо пик имели кинжалы.

Вообще вооружение кавалерии было самое разнообразное, и в состав его входило много лишнего; уланы и пикинерные эскадроны драгун представляли из себя, можно сказать, ходячие арсеналы.

С большой похвалой современники отзывались о пиках. «Наши златоустовские пики делают чудеса, если судить по тем ужасным ранам, которые встречаются у пленных и мертвых, оставленных в наших руках»¹³⁵.

В *обмундировании* войск того времени совершенно забывалось главное назначение одежды для солдата: дать ему укрытие от непогоды, сохранить его силы и здоровье и дать возможность удобно передвигаться и удобно действовать оружием.

Ни одному из этих условий обмундирование наших войск не удовлетворяло. В формах одежды преследовалась только одна цель — грозный вид всего строя и воинственный и красивый вид каждого воина, взятого в отдельности. Поэтому войска наряжали в предметы крайне неудобные и по большей части не только бесполезные во время войны, но даже и вредные¹³⁶.

Впрочем, такой взгляд на обмундирование и снаряжение солдата не был исключительной принадлежностью нашей армии того времени. Лишь много позднее Крымской войны, в начале шестидесятых годов, под влиянием опытов французского военного министерства, начал приобретать повсюду права гражданства вопрос о соответствии ноши солдата его силам и о гигиеничности его обмундирования.

Наша армия перед Крымской войной была одета следующим образом¹³⁷: мундиры узкие, с перехватом в талии, двубортные, с лацканами для гвардии и улан и однобортные для остальных; они были длиной только до талии, с фалдами сзади; рукава узкие, с перехватом у кисти; воротники высокие, стоячие, без выреза спереди; они застегивались доверху на крючки и, плотно охватывая шею, заставляли голову держать неподвижно. В гусарских полках существовали доломаны, ментики, куртки и венгерки, со жгутами на груди. В войсках Кавказского корпуса мундиры были с фалдами кругом. Шаровары, суконные зимой и полотняные летом; в кавалерии рейтузы в обтяжку. Шаровары, кроме походов, всегда носились навывпуск. Шинели длинные, однобортные, со стоячим воротником, шились в талию, в обтяжку, так что под шинель, кроме мундира, ничего нельзя было поддеть. На походе полы шинелей для удобства подгибались на высоту колен, а иногда углы их отворачивались в стороны и пристегивались у пояса, открывая таким образом ноги почти до пояса.

Солдатское мундирное сукно было толстое, без ворса, черного цвета, по качеству очень схожее с нынешним шинельным сукном. О качестве же шинельного сукна того времени можно судить уже по тому только, что шинель, весившая обыкновенно около 8 $\frac{1}{2}$ фунта, после дождя весила до 23 фунтов¹³⁸.

Головные уборы у большей части войск состояли из касок черной лакированной кожи, с двумя козырьками, подборной чешуей, большим гербом и многими медными украшениями. Каски весили более двух фунтов, связывали солдата и делали его неподвижным; нагретые солнцем, они причиняли головную боль и мешали стрелять. Их медные украшения делали войска видимыми издали. Этот головной убор был настолько стеснителен, что в начале войны разрешено было в походе их бросить¹³⁹ и ограничиться только фуражками, похожими на нынешние, которые в обыкновенное время предназначались для домашнего обихода. У гусар головными уборами служили высокие кивера, в виде усеченных конусов

широким основанием кверху; уланы имели кивер такой же высоты, но с перехватом в средней части и с четырехугольным верхом. Высокие головные уборы в кавалерии были также обременительны и мешали, особенно драгунам, снимать ружья со спины. По отзывам современников, лучшим головным убором был уланский. Кавказские войска вместо касок имели низкие круглые шапки из овечьего меха с суконным верхом.

Неудобство существовавших головных уборов, впрочем, сознавалось и нашей военной администрацией, которая изыскивала лучшие образцы для введения их в армии¹⁴⁰.

К боевому снаряжению войск принадлежали те предметы, которые были необходимы им в бою, на походе и отдыхе, чтобы сделать войска несколько независимыми от обозов.

Таким образом, солдат имел на себе запасное, кроме одетого, обмундирование, белье, сапоги, сухари, а в кавалерии и запас фуража, патроны, шанцевой инструмент и разные мелочи для содержания себя и лошади в порядке.

В пехоте и пешей артиллерии эти вещи распределялись между ранцем и патронной сумой.

Ранцы из тюленьей и телячьей кожи, более полуаршина в квадрате, весили около 4 $\frac{1}{2}$ фунта и носились на спине на широких ремнях, перекрещивавшихся на груди. Сверху к ранцу привязывался цилиндрической формы чемоданчик для укладки в него шинели или мундира и металлический котелок или манерка для воды. Ранец с полной укладкой весил 28,81 фунта¹⁴¹.

Патронная сума, в которую укладывались все носимые солдатом патроны, была кожаная, больших размеров (5 x 6 вершк.) с металлическими украшениями и весила без патронов 2,7 фунта. Она носилась на широком ремне через левое плечо под ранцем сзади, ниже поясницы.

Тяжесть всего носимого пехотным солдатом доходила до 77 фунтов; ежели же сюда прибавить еще вес тесака и шанцевого инструмента, который по очереди носили люди задней шеренги (на роту 20 топоров, 10 лопат, 5 кирок и 5 мотыг), то вес увеличится до 87 фунтов, т. е. 2 пуда и 7 фунтов. Цифра эта еще более увеличивалась в ненастную погоду от намокания шинелей.

Ни в одной армии того времени солдат не был так нагружен, как наш. Общий вес носимого солдатами иностранных армий был: во Франции 56 фунтов, в Англии 61 и в Пруссии 65 фунтов.

Все снаряжение нашего солдата, кроме его тяжести, отличалось и очень неудобной пригонкой¹⁴². Грудь его была слишком стеснена узким мундиром и ранцевыми ремнями, следствием чего было часто открывавшееся у людей на походе кровохарканье, а вскрытие трупов людей, умерших во время переходов, большей частью обнаруживало переполнение легких кровью¹⁴³. Пригонка патрон-

ных сум также делала неудобным доставание патронов, которые на бегу часто к тому же рассыпались.

В кавалерии и конной артиллерии полный походный व्यок состоял из седла, чемодана для вещей, двух сумок, двух сакв, киты для сена и котелка. Все эти предметы заключали в себе огромное количество вещей¹⁴⁴, что доводило тяжесть груза, носимого лошадью (включая сюда и вес всадника), до 8—9 пудов.

Вьюк, приторачиваемый спереди и сзади седла, представлял из себя, в особенности благодаря парадной одежде, которая всегда возилась с собой, две горы, способствовавшие к скорому набиванию лошадям спин и делавшие посадку на коней вещью акробатической.

Все предметы для обмундирования и снаряжения солдата, как и все прочие потребности армии, вполне удовлетворялись внутренним производством страны, без необходимости прибегать к приобретению их за границей¹⁴⁵.

Различные виды снабжения нашей армии состояли в следующем: для продовольствия нижних чинов отпускались ржаная мука или печеный хлеб, гречневая крупа, мясо, соль и винные порции¹⁴⁶.

Основанием продовольствия служил ржаной хлеб, которого полагалось на человека 3 фунта в день, и каша из $\frac{1}{4}$ фунта круп на каждого. Мяса полагалось лишь по 7 фунтов в месяц на каждого строевого нижнего чина; нестроевые получали половину, а денщики вовсе не получали. Винные порции нижним чинам отпускались вообще в значительном размере, причем не только в каких-либо исключительных случаях или во время усиленных лагерных занятий, но некоторым частям и всегда. Так, например, войска, расположенные в губерниях Царства Польского и в некоторых других, получали в год по 156 чарок водки.

В некоторых частных случаях, когда продовольствие нижних чинов производилось при неблагоприятных условиях, отпускались для улучшения артельных сумм особые добавочные порционные деньги, в гвардии по 3 $\frac{1}{2}$ коп. на человека и в армии по 1 $\frac{1}{2}$ коп.

Провиант и деньги отпускались не на полное число дней в году, а только на 360 дней.

Денежные оклады были малы, хотя бы только для сносного довольствия солдат, поэтому приходилось изыскивать особые средства, чтобы хозяйственным способом покрывать недостаток отпускаемых на продовольствие сумм.

В военное время ежедневная дача провианта оставалась та же самая, а увеличивалось лишь число мясных и винных порций. Мясо в этом случае отпускалось в размере $\frac{1}{2}$ фунта на человека, строевым по 3 раза, а нестроевым по 2 раза в неделю.

Русский пост на Аляске (с английской гравюры на дереве)

Провиантское довольствие в военное время рассчитывалось казной на наличное число людей, и никакая экономия по этим отделах не допускалась¹⁴⁷.

Фуражное довольствие¹⁴⁸ было установлено в размере ежедневного отпуска на каждую строевую и артиллерийскую лошадь от 4 до 3 гарнцов овса, от 15 до 10 фунтов сена и от 3 до 2 фунтов соломы, причем этот фураж отпускался на 30 дней в месяце.

Только большая часть гвардейской кавалерии и артиллерии получали фураж на круглый год; прочим же кавалерийским частям фураж отпускался на 11 и 10 месяцев в году, остальное же время года лошади должны были довольствоваться на пастбищах, отводимых от обывателей. Подъемные лошади получали овса $2\frac{1}{3}$ гарнца и сена 20 фунтов, и то только на 6 месяцев в году.

В огромном большинстве случаев фураж отпускался не натурой, а деньгами, по ценам, утверждаемым два раза в год.

В военное время¹⁴⁹ фураж полагался в том же количестве, как и в мирное время, причем определение сроков довольствия сухим фуражом и подножным кормом делалось властью главнокомандующего.

Фуражное довольствие генералам и офицерам выдавалось в военное время в виде особых денежных или натуральных рационов, число которых зависело от количества лошадей, полагавшихся иметь каждому офицеру.

Денежное довольствие составляли жалованье, столовые, квартирные для тех офицеров, которые не имели квартиры натурой, и разные выдачи в особых случаях.

Оклад годового жалованья¹⁵⁰ полного генерала в круглых цифрах был 1394 руб., генерал-майора — 838 руб., полковника — 502 руб., капитана — 307 руб. и прапорщика — 209 руб. Гвардейские офицеры получали жалованье двумя чинами выше армейских. Квартирные деньги отпускались в пределах от 857 руб. (полный генерал) до 57 руб. (поручик) в год.

Столовые деньги, как и теперь, были принадлежностью не чинов, а некоторых должностей, и выдавались лицам, действительно их исполнявшим. Таковые деньги полагались всем строевым начальникам до командиров батальонов, дивизионов и батарей включительно. Командирам корпусов, например, полагалось 2802 руб. столовых, полковым командирам 980 руб. и батальонным 280 руб.

Жалованье нижних чинов колебалось от 27 руб. 45 коп. в год (гвардейский фельдфебель) до 2 руб. 70 коп. в год (рядовой армейской пехоты).

В военное время за границей жалованье полагалось по усиленным окладам¹⁵¹.

Жалованье и столовые выдавались по третям года вперед.

Предметами вещевого довольствия¹⁵² солдаты снабжались натурой через определенные сроки, которые каждая вещь должна была выслужить. Из одежды самый продолжительный срок полагался для шинелей — 3 года. Сапог солдату выдавалось две пары в год. В военное время для носки вещей полагались сроки, одинаковые с мирным временем, и только в случае необходимости с особого Высочайшего разрешения отпускалась третья пара сапог.

Материалы для обмундирования были грубые и непрочные, едва выдерживавшие установленные сроки. Шинели даже в мирное время никогда не выслуживали трех лет¹⁵³. В военное же время все вещи изнашивались еще скорее; одежда сильно ветшала, и большие солдаты переполняли военно-врачебные заведения¹⁵⁴.

Квартирное довольствие существовало для офицеров деньгами или натурально; для нижних чинов только натурой.

Войска располагались в казенных и городских казармах или на квартирах по отводу у обывателей.

Главная масса наших войск была расположена на обывательских квартирах, так как число казарм к тому времени было крайне ничтожно¹⁵⁵.

Расположение по обывательским квартирам практиковалось двойное¹⁵⁶: просторное, когда нижние чины должны были размещаться с таким расчетом, чтобы на каждого приходилось не менее кубической сажени воздуха, и тесное, когда нижние чины помещались по двое и больше в каждой избе, а летом и в сараях.

Расходы вообще по воинскому постою не входили в бюджет военного министерства, а относились на земские и городские сборы и составляли «постоянную повинность» населения, которая велась особыми присутствиями о земской повинности.

Постоянная повинность ложилась весьма неравномерно на разные местности государства и особенно была тяжела для тех губерний, где скапливалась масса войск, как-то для Петербургской и губерний, соприкасавшихся с нашей западной границей.

Неравномерность, а следовательно, и несправедливость существовавшей квартирной повинности, неудобной к тому же для войск и для жителей, заставили императора Николая Павловича принять ряд мер с целью замены натуральной повинности более справедливой денежной. Около пятидесяти городов перешли на этот новый вид довольствия, и войска размещались в таких городах в строениях, специально нанятых и приспособленных для этой цели¹⁵⁷.

Порядок ремонта нашей армии лошадьми изложен в приложении № 176.

Все виды довольствия войска получали от двух различных ведомств: провиантского, которое снабжало их провиантом и фуражом, и комиссариатского, снабжавшего войска деньгами, вещами, а также ведавшего хозяйственной частью военно-врачебных заведений и ремонтированием лошадей.

В мирное время обязанности провиантского ведомства распределялись между полевыми управлениями, состоявшими при действующей армии и при отдельных корпусах, и Центральным управлением — при военном министерстве¹⁵⁸.

Комиссариатское ведомство управлялось Комиссариатским департаментом военного министерства, от которого и исходили все распоряжения по этому отделу довольствия войск¹⁵⁹.

С переводом армии на военное положение все виды ее довольствия, как по провиантской, так и по комиссариатской и госпитальной частям, вверялись генерал-интенданту армии, причем организация подведомственных ему учреждений и круг их деятельности существенно изменялись и расширялись¹⁶⁰.

Общее устройство в военное время системы продовольствия в связи с планом войны принадлежало власти главнокомандующего. Генерал-интендант армии являлся начальником всей провиантской и комиссариатской частей, и на нем лежала обязанность изыскания всех средств для их довольствия.

Вообще система учреждений провиантского и комиссариатского ведомств была и в мирное, и в военное время очень сложна.

В мирное время все учреждения имели характер местный; в военное же они были частью местные, частью подвижные. Корпусные командиры и начальники дивизий в обоих случаях не были поставлены в необходимость принимать участие в обеспечении

**Н. Н. Анненков, новороссийский
генерал-губернатор**
(с литографии А. Мюнстера,
по рисунку Бореля)

войск продовольствием, и строевое управление армии было совершенно отделено от интендантского.

Военный министр перед началом войны доставлял главнокомандующему¹⁶¹ все сведения о запасах, имевшихся на случай войны.

Этот последний, принимая во внимание и запасы, имевшиеся в подведомственном ему управлении, делал распоряжения о сближении и размещении всех этих запасов соответственно предполагаемому плану кампании; в то же время он назначал дополнительное заготовление необходимых предметов на базе и во внутренних губерниях. Мес-

тные учреждения заготавливали и хранили эти запасы и, оставаясь по-прежнему в ведении своих департаментов, расходовали их не иначе, как по распоряжению генерал-интенданта армии¹⁶².

Общее состояние и организация провиантской и комиссариатской частей официально признавались неудовлетворительными еще до войны. Сложность организации увеличивала и без того крайний формализм и бесконечную переписку, которые, в свою очередь, замедляли производство операций, требовавшее в военное время особой быстроты. Контрольные отделения, например, главных полевых провиантской и комиссариатской комиссий должны были иметь от десяти до пятнадцати тысяч одних шнуровых книг и тетрадей¹⁶³.

В деятельности комиссариатского департамента было заметно постоянное стремление сосредоточивать у себя подробные распоряжения по таким даже предметам, которые, на основании законов, были предоставлены власти и ответственности комиссариатских комиссий. Эти последние, приученные к постоянному руководству департамента в делах по довольствию войск, обращались к нему с такими вопросами, которые положительно разрешались данными им в руководство постановлениями, и прикрывали таким образом почти все свои незаконные действия предписаниями и разрешениями начальства... Подобное направление, истекая из форм бюрократически охранительных, влекло за собой запутанность в делах и увеличивало поводы к злоупотреблениям¹⁶⁴.

Войсковое хозяйство фактически всецело находилось в руках командиров частей; ближайшие его в этом отношении помощники, казначей и квартирмейстр, хотя и выбирались общим составом офицеров части, но всегда под давлением командира, и по закону они нисколько не ограничивали его власти; они не имели даже права выражать своих мнений, если видели, что действия командира части неправильны.

Полковые командиры были единственными ответчиками за продовольствие и состояние имущества своей части; они являлись как бы комиссионерами, обязанными содержать вверенный их управлению полк за определенную, отпускаемую казной сумму, и все хозяйство части становилось в полную зависимость от личности ее начальника. Существовавшие табели, со своей стороны, много содействовали беспорядочности хозяйства. По некоторым частям казенные отпуска не соответствовали действительной потребности, а по многим статьям полкового хозяйства отпусков от казны и вовсе не полагалось.

Перерасходы по одним частям приходилось покрывать, таким образом, усиленной экономией по другим, и употребление остатков находилось в полной зависимости от командиров полков.

Со своей стороны, высшее начальство, зная, что в полках остаются экономические деньги, предписывало часто производить такие расходы, которые по закону не полагались. Они покрывались из остатков по некоторым отделам, которые официально назывались «благоразумной экономией», а в общежитии «безгрешным доходом»¹⁶⁵.

Отчетность по хозяйству была чисто формальная, и по ней нельзя было составить себе ясного представления о действительном состоянии и израсходовании полковых сумм и имущества; она состояла лишь в правильном показании расходов, согласно штатам, табелям, числу людей и лошадей.

Фуражное довольствие составляло самую оживленную статью полкового хозяйства и вместе с тем большое место нашей кавалерии. Закупку фуража брал на себя или сам полковой командир, или же передавал его в эскадроны, причем в этом последнем случае происходил торг между начальником и подчиненными о величине скидки со справочных цен в пользу экономических капиталов полка¹⁶⁶. Чаше всего довольствие оставалось за эскадронными командирами, так как при этом условии они более заботились о телах лошадей.

В каждой отдельной части войск имелась целая масса своих мастеровских: швальная, сапожная, оружейная, слесарная, плотничья, столярная, басонная, лакировальная, кузница, а в гвардии даже султанная. Все необходимое делалось в полках своими средствами, даже ружейные замки и ложа изготовлялись в полковых мастерских. Но исполнение такой массы работ требовало прикомандирования

Вид Ситхи

(с английской гравюры на дереве)

к мастерским большого количества людей из строя, которым приходилось и работать в мастерских и проходить весь искус строевых учений и смотров.

Такая постановка полкового хозяйства имела много вредных сторон. В лице начальника части получалось нежелательное совмещение обязанностей и расходчика и контролера, причем его произволу представлялся широкий простор. Полковые командиры и некоторые из офицеров были к тому же сильно отвлечены от своего прямого назначения, количество нестроевого элемента в полках было очень велико; упущения по хозяйственной части, недовольствия и жалобы подчиненных подрывали авторитет начальника. Страдающим лицом при всем этом являлся солдат: его пища не всегда была хороша, его обмундирование служило чересчур длинные сроки... Часто встречались командиры, которые слишком заботились о наружном блеске своих частей в ущерб статьям более существенной важности¹⁶⁷.

Ротное хозяйство ограничивалось продовольствием нижних чинов. При сосредоточении войск в казармах или на тесных квартирах продовольствие производилось из котла, в противном же случае — приварком от жителей.

Продовольственные средства роты составляли провиант, приварочные деньги, отчисление из денег амуниционных, наградных за смотры, заработанных на вольных работах и др. Имевшиеся, кроме того, в некоторых частях огороды составляли существенное подспорье в хозяйстве. Но огороды в армейских действующих

частях были исключением, а приварочные деньги были весьма незначительны; высшая категория их для армии составляла по 12 руб. в год на человека. Таким образом, один только провиант, отпускаявшийся в роты полностью, должен был давать остаток, который и помогал сводить концы с концами при улучшенном довольствии войск во время сбора их в лагеря и во время усиленных занятий¹⁶⁸.

Но существенным средством для покрытия всех расходов ротного хозяйства являлось довольствие солдат приварком от жителей.

При расположении на широких квартирах обыватели обязывались кормить солдат горячей пищей, за что, по закону, должны были получать весь провиант (крупу и муку), отпускаящийся казной на довольствуемых ими солдат. Приварочные же деньги в этом случае оставались в полках. Жители, иногда по доброй воле, иногда под давлением общинного и войскового начальства¹⁶⁹, жертвовали в большей части случаев полагавшийся им провиант в пользу войск. Иногда же население, по бедности или другим причинам, отказывалось кормить войска, и тогда роты собирались на тесные квартиры, где уже довольствовались из котла.

Такая система довольствия порождала совершенно нежелательные отношения между солдатами и обывателями. Пища солдата находилась в полной зависимости от степени зажиточности жителей и притом в такой мере, что продовольствие от обывателей влияло на распределение цифры смертности в войсках по временам года¹⁷⁰.

В военное время войска продовольствовались при помощи запасов, сосредоточенных в магазинах внутри страны и на базисе, а также при помощи подвижных войсковых запасов и средств самого театра войны.

Наши войска выступали в поход, имея при себе провианта на 10 дней (на 4 дня в ранцах и на 6 дней в полковых провиантских телегах) и в подвижном магазине на 20 дней. Зерновым фуражом кавалерия была обеспечена на 3—4 дня, артиллерия и обозы — на 6 и более дней.

При передвижениях вблизи и вдали от неприятеля войска расходовали свой 10-дневный запас, пополняя его немедленно из местных или подвижных магазинов, а в крайнем случае и реквизициями. Ранцевый же запас позволялось расходовать лишь в исключительных случаях, с особого разрешения начальства. Приварком преимущественно полагалось довольствоваться от жителей.

Реквизиции по нашим законам допускались лишь для сбора предметов, имевшихся у жителей в количестве, превышавшем их собственную потребность, и допускавших уравнительную между

ними раскладку. Разрешение на производство реквизиций давалось только властью главнокомандующих и в исключительно редких случаях частными начальниками.

Хлебопечение в военное время производилось частью самими войсками в полевых печах, частью же обывателями. Для приготовления пищи возились в полковом обозе большие котлы, по двадцати штук на роту. В войсках Кавказского корпуса были малые котелки, на трех человек каждый, носившиеся на ранцах вместо манерок.

Указанные выше подвижные магазины предназначались для подвоза продовольствия к войскам, когда местных средств оказывалось недостаточно. Они формировались при приведении армии на военное положение с таким расчетом, чтобы могли поднять, кроме мяса, 20-дневный запас продовольствия, необходимый для войск, для которых они предназначались.

Подвижные магазины формировались при приведении армии на военное положение в размере, вызываемом величиной армии и богатством местных средств, и состояли главным образом из обывательских пароконных повозок, получаемых реквизиционным способом или наймом¹⁷¹.

Подвижным магазинам полагалось следовать за войсками в одном-двух переходах. Возимый в них провиант мог расходоваться только в случаях крайней необходимости и должен был немедленно пополняться.

Войсковой обоз подразделялся на комиссариатский, артиллерийский и инженерный.

К первому относился аптечный выюк и четырнадцать видов повозки, предназначавшиеся для возки патронов, провианта, больных и прочего хозяйственного имущества, необходимого войскам на войне.

Артиллерийским обозом назывались орудия, запасные лафеты, зарядные ящики, инструментальные полуфурки, роспуски и вообще повозки для артиллерийских принадлежностей.

Инженерным обозом назывались повозки разного наименования для возки шанцевого и мастерского инструмента, гальванических принадлежностей и чертежных дел.

Обозом были снабжены все действующие войска; резервные же и запасные части имели его в самом ограниченном размере. Число и род повозок, полагавшихся в разных войсковых частях, видны из приложений № 180 и 181.

В казачьих войсках обоза, кроме ящика для письменных дел, не было; все же тяжести перевозились на вьючных лошадях, которых полагалось иметь по одной на 10 казаков.

Почти весь обоз¹⁷² имел троечную оглобельную упряжку, что составляло один из главных его недостатков. Такая упряжка была

сложна, тяжела, дорога, набивала спины лошадям и не позволяла распределять грузы равномерно между ними.

Все телеги были очень тяжелы на ходу; самая легкая весила 32 пуда, а самая тяжелая — аптечный ящик — 42 пуда. Общий вес повозок с полной укладкой составлял от 66 до 90 пудов¹⁷³, так что на лошадь приходилось от 22 до 30 пудов. По дурным дорогам лошади едва тащили этот чрезмерный груз, и коренные быстро набивали себе спины.

Вообще же все повозки благодаря своей конструкции и большому мертвому грузу были мало вместительны; это, в свою очередь, вызывало увеличение числа повозок и влекло за собой увеличение глубины походных колонн.

Число полагавшихся под обоз действующих частей и подъемных лошадей¹⁷⁴ указано в приложениях № 183, 184 и 185. По штатам мирного времени полагалось содержать лошадей только под патронные и аптечные ящики и провиантские телеги¹⁷⁵. В резервных и запасных частях число лошадей, содержимых в мирное время, было совершенно незначительное¹⁷⁶; да и в случае приведения резервов «в полный состав для движения» число полагавшихся им лошадей на каждую повозку было менее, чем в действующих войсках.

Для управления повозками назначались фурштадтские рядовые, которых полагалось в военное время по одному на повозку. В мирное же время эти рядовые содержались только при том обозе в войсках, при котором всегда полагалось иметь подъемных лошадей; остальные же фурштадтские чины считались в отпуску¹⁷⁷.

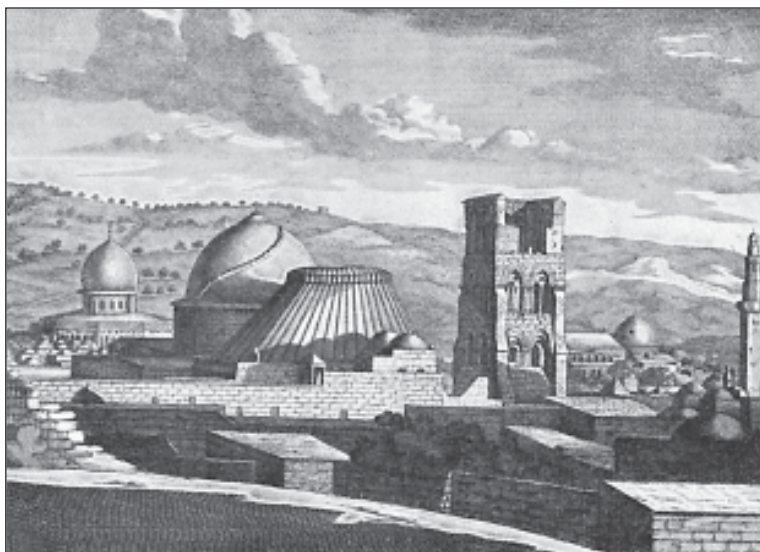
Лечение воинских чинов в мирное время производилось в военных госпиталях, полковых лазаретах и, за неимением их, в «градских» больницах.

Постоянные или непрременные военные госпитали разделялись, по числу имевшихся в них мест, на шесть классов и включали от 10 офицерских и 150 солдатских мест (1-й класс) до 50 офицерских и 2500 солдатских мест (6-й класс).

Управление госпиталями было сосредоточено в двух различных ведомствах, комиссариатском и медицинском; местное же военное начальство имело только общее наблюдение за ними.

Внутреннее управление каждого госпиталя состояло из старшего врача, смотрителя и прочих чинов, которые все вместе составляли «контору» госпиталя; все хозяйственные дела решались конторой коллегиальным порядком.

К 1 января 1853 года состояло всего 183 госпиталя и их отделений с 1096 офицерскими и 40 662 для нижних чинов местами¹⁷⁸.

*Церковь Гроба Господня
(с голландской гравюры конца XVII столетия)*

Это число не удовлетворяло общей потребности нашей армии, и до 85 000 человек ежегодно должны были пользоваться в больницах гражданского ведомства.

Кроме того, в мирное время полагалось при комиссариатских комиссиях иметь запас госпитальных вещей на 165 офицеров и 12 тысяч нижних чинов, перевязочных припасов и медикаментов на 12 950 человек, всего на сумму 364 580 руб. В действительности же к 1 января 1853 года из этого количества не хватало вещей на сумму около 300 тысяч руб.¹⁷⁹.

Госпитальные средства эти к 1 мая 1853 года были распределены по районам государства следующим образом¹⁸⁰: для района Прибалтийского края имелось мест 230 офицеров и 10 205 нижних чинов, для действующей армии — 161 и 7732, южной и крымской армий — 392 и 10 895 и отдельного Кавказского корпуса — 313 офицеров и 11 830 нижних чинов¹⁸¹.

Общее состояние госпиталей было весьма неудовлетворительное. Излишняя централизация госпитального управления в двух различных учреждениях в Петербурге, плохой состав чиновников, неопределенность прав и обязанностей главных в госпитале лиц, крайне сложная и неудовлетворительная отчетность при полном отчуждении от всего этого дела строевого элемента были тому причиной.

Полковые лазареты содержались в частях только в мирное время в объеме соразмерно штатной величине части, причем одна кровать полагалась на 28—37 человек штатного числа¹⁸².

На содержание полковых лазаретов отпускалось в год по 28 1/2 коп. на каждого штатного нижнего чина. Лазареты, как и все прочие отделы хозяйства, находились в прямом ведении командиров частей, которые и распоряжались лазаретной суммой на коммерческом основании.

В полковых лазаретах уход за солдатами был вообще лучше, чем в госпиталях, и содержание их обходилось дешевле; кроме того, лазареты имели большое значение при широком расквартировании нашей армии, когда многие полки занимали районы до 250 верст в поперечнике и до госпиталей было далеко. Недостаток существования полковых лазаретов заключался в том, что они усложняли управление полком и представляли значительную материальную часть, которая должна была перевозиться за полком при всех его передвижениях.

При выступлении в поход войска, кроме лазаретов по положению, имели перевязочные припасы на себе каждый третий солдат: бинт в 4 аршина, компресс в 1 аршин и корпии 12 золотн.¹⁸³

Комплектование войск врачами производилось выпуском из медико-хирургической академии и из медицинских факультетов университетов. Академия давала ежегодно около 30 врачей, а университеты — около 50.

Фельдшеры и фармацевты выпускались из фельдшерских школ, состоявших при некоторых госпиталях и комплектовавшихся кантонистами. Число тех и других было недостаточно, и образование их было ограниченное¹⁸⁴.

К 1 января 1853 года по штатам полагалось иметь 2020 врачей, налицо же их состояло 1814 человек; примерно такой же недостаток ощущался и в фельдшерах¹⁸⁵.

С приведением армии на военное положение недостаток в медицинском составе должен был еще больше увеличиться вследствие формирования врачебных заведений военного времени, комплектовавшихся преимущественно из госпиталей. Недостаток этот в военном ведомстве был к тому же трудно пополним при недостатке врачей вообще в России, когда на 200 тысяч душ в уезде полагался 1 штатный врач и 1 фельдшер¹⁸⁶.

В военное время для пользования больных и раненых воинских чинов служили¹⁸⁷:

Полевые временные госпитали, которые учреждались на коммуникационной линии в тех случаях, когда отправка больных и раненых в другие госпитали была затруднительна. Число и размеры этих госпиталей определялись в зависимости от потребностей армии; они разделялись на несколько линий и при движении армии вперед перемещались на новые места, ближе к ней.

*Внутренний вид храма Гроба Господня
(с французской гравюры начала XVIII столетия)*

Для образования военно-временных госпиталей в мирное время содержались госпитальные кадры, которых к 1 января 1853 года состояло 53 на 15 тысяч человек¹⁸⁸.

Подвижные госпитали, которые имели целью подавать первоначальную помощь раненым и внезапно заболевшим до отправки их в другие госпитали; на них же в некоторых случаях возлагалась перевозка больных из одного госпиталя в другой.

Подвижных госпиталей полагалось по одному в 600 кроватей на каждый корпус; кроме того, резервный подвижной госпиталь такого же состава состоял при главной квартире. В этих же госпиталях имелись запасы перевязочных материалов, медикаментов и других госпитальных вещей для расходования их во время сражений и для экстренного пополнения полевых запасов.

На походе, вдали от неприятеля, подвижные госпитали следовали за корпусами и подбирали отсталых и заболевших; вблизи же противника они должны были находиться возможно ближе к главным силам корпуса. При выделении из главных сил самостоятельных отрядов к ним в случае надобности прикомандировывались отделения подвижных госпиталей¹⁸⁹.

К 1 января 1853 года в ведении комиссариата состояло 8 подвижных госпиталей, каждый на 10 офицерских и 300 мест для нижних чинов¹⁹⁰.

Недостаток организации подвижных госпиталей заключался в том, что они придавались к очень крупным частям — корпусам, которым вместе редко приходилось действовать. Поэтому подвижные госпитали приходилось дробить по частям для придачи их дивизиям и более мелким отрядам и тем нарушать их организую связь.

Этапные госпитали, которые устраивались на короткое время, преимущественно после сражений. Для них не существовало установленных штатов, а размеры их в каждом данном случае определялись в зависимости от обстоятельств и имеющихся средств.

Для снабжения армии медикаментами учреждались: временные запасные аптекарские магазины, главные подвижные аптеки, передовые аптеки и вспомогательные аптечные заведения.

Все госпитали в военное время находились в ведении директора госпиталей, который был непосредственно подчинен дежурному генералу и находился вне зависимости от интендантства и генерал-штаб-доктора армии.

В смысле удобства пользования больных и раненых на войне играет большую роль быстрая эвакуация их в тыл, а если возможно, так и совсем с театра военных действий. Могуущественное средство, существующее для этой цели в настоящее время, — железные дороги в то время не существовали, и вопрос об эвакуации больных и раненых в Восточную войну находился в самом печальном состоянии; в особенности это относилось, как будет изложено в своем месте, к Крымской армии.

Первоначальную помощь раненые получали на перевязочных пунктах, которые учреждались в тылу полей сражения; отсюда их немедленно перевозили в подвижные госпитали, открывавшиеся по возможности ближе к перевязочным пунктам. Подвижные госпитали не назначались собственно для пользования больных и раненых, а потому при первой к тому возможности они эвакуировали их в ближайшие временные госпитали или в местные лечебные заведения, а сами следовали за войсками. Если состояние больных не допускало их передвижения, то на месте подвижного госпиталя открывался временной или этапный, куда и передавались все больные; подвижной же обязательно следовал за армией¹⁹¹.

Полевые временные госпитали первой линии, в свою очередь, оставляли на излечение лишь только таких больных, которые подавали надежду на скорое возвращение в строй; остальных же отправляли в госпитали второй и третьей линий. Эти последние при первой возможности эвакуировали их в постоянные госпитали.

Что касается болезненности в войсках того времени, то за десятилетие с 1841 по 1852 год средним числом на 1000 человек приходилось в год около 692 заболеваний и 38 умерших, которые, таким образом, составляли 3,8 % всего наличного состава войск¹⁹².

Такая смертность оказывалась втрое больше смертности среди населения России соответствующих возрастов.

Смертность в других европейских армиях той же эпохи была значительно ниже нашей и составляла около 20 человек на тысячу — всего вдвое больше, чем в населении.

Причины большой смертности армии зависели отчасти от ее организации, а также от способов комплектования, системы продовольствия, расквартирования и медицинской части.

Наибольший процент смертности давали люди старших возрастов и рекруты. Эти последние испытывали в первое время после поступления на службу слишком крутую перемену в жизни и, попадая в суровую школу военной муштровки, умирали еще в большем проценте, чем старослужащие. Расположение армии по обывательским домам и довольствие нижних чинов приварком от жителей также влияло на увеличение смертности, так как при своей усиленной работе солдаты должны были вместе с жителями терпеть лишение в неблагоприятное для довольствия нашего крестьянина время, а именно весной. Наибольшая смертность в армии и совпадала именно с этим временем года.

Примечания

¹ См. приложение № 156.

² 10 гвардейских, 12 гренадерских, 4 карабинерных, 42 пехотных и 42 егерских.

³ Л.-гв. Финский, Гренадерский, Кавказский и 6 армейских.

⁴ 18 грузинских, 16 черноморских, 13 кавказских, 10 оренбургских, 15 сибирских и 12 финляндских.

⁵ Число чинов в частях войск всех родов оружия показано в приложении № 157.

⁶ Прик. Воен. мин. 1853 г., № 72.

⁷ 3 гвардейских, 3 гренадерских и 24 армейских.

⁸ Кавказская гренадерская резервная, 3 бригады грузинских линейных батальонов и 2 бригады кавказских линейных батальонов.

⁹ См. приложение № 158.

¹⁰ См. приложение № 156.

¹¹ 12 кирасирских, 11 драгунских, 20 уланских и 16 гусарских.

¹² См. приложение № 159.

¹³ Ср. Полное собрание сводов законов Российской империи, ст. 23556, т. XXIV (1849 г.) и ст. 25918, т. XXVII (1852 г.). Прик. Воен. мин. 1849 г., № 102.

¹⁴ Рук. для арт. сл., изд. по Выс. пов. в 1853 г. Архив канц. Воен. мин. д. по сн. в. 1853 г., № 73/а.

¹⁵ 3 гвардейских и 12 полевых конных батарей в бригады не соединялись.

¹⁶ См. приложение № 160.

¹⁷ См. приложение № 156.

¹⁸ Более подробно см. в приложении № 161.

¹⁹ Сводная, 1-я и 2-я саперные бригады. В сводной бригаде считались саперные батальоны гвардейский и гренадерский, в первой — 1, 2-й и 3-й батальоны, во второй — 4, 5-й и 6-й батальоны. Кавказский саперный батальон находился при Кавказском корпусе. В состав саперных бригад, кроме действующих батальонов, входили: в сводную — учебный саперный батальон с резервной ротой, в первую — 1-й резервный саперный батальон, во вторую — 2-й резервный саперный батальон.

²⁰ Полн. собр. свод. зак. Росс. имп., ст. 25995, т. XXVII по Выс. пов. 18 февраля 1852 г.

²¹ Респ. сух. войск, испр. по 25 декабря 1852 г.

²² См. приложение № 162.

²³ См. приложение № 157.

²⁴ Архив канц. Воен. мин. по сн. в. д. 1853 г., № 31. Записка о прив. в. на военн. пол.

²⁵ См. приложение № 163.

²⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. III, д. № 977. Пол. 1849 г. о пост. рез. кав. и конн. арт. Пол. о пеш. арт. рез.

²⁷ Всеподд. отчет Воен. мин. за 1851 год.

²⁸ Подр. см. приложение № 164.

²⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. III, № 977 и архив канц. Воен. мин. по снар. войск. 1853 г., д. № 31.

³⁰ Полн. собр. свод. зак. Росс. имп., 1852 г., т. XXVII, ст. 2705.

³¹ Респ. сух. войск в 1852 г. Рук. для арт. сл., изд. 1853 г. Всеподд. отч. Воен. мин. за 1851 г. Архив воен. уч. ком., отд. III, № 977 и Архив канц. Воен. мин., 1852 г., д. № 32 и 1853 г., д. № 95, ч. 1.

³² Архив канц. Воен. мин. по снар. в. 1853 г., д. № 31 и Рук. для арт. сл., 1853 г.

³³ Прик. по воен. вед. 1851 г., № 115 и 1852 г., № 22.

³⁴ Рук. для арт. сл., изд. в 1853 г. Всеподд. отч. Воен. мин., 1852 г. Респ. сух. в. за 1852 г.

³⁵ См. приложение № 165.

³⁶ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1853 г., д. № 31.

³⁷ См. приложение № 166.

³⁸ Респ. сух. в. в 1852 г. Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1853 г., д. № 31. Св. воен. пост. 1838 г. Ч. I. Кн. 2. С. 1369—1391.

³⁹ Св. воен. пост. 1839 г. Ч. I. Кн. 2. С. 1307—1357.

⁴⁰ Св. воен. пост. 1838 г. Ч. I. Кн. 4. С. 2232—4260; Гр. Чернышев. Ист. обзор. воен. сух. упр. за 1855—1880 гг. Богданович. Ист. обзор. воен. упр. в России за 1855—1880 гг.

⁴¹ Архив канцелярии Военного министерства. Всеподд. отч. за 1852 г.

⁴² Всеподд. отч. Воен. мин. за 1850 г.

⁴³ Св. воен. пост. 1838 г. Ч. I. Кн. 2. С. 1641—2672. Богданович. Ист. очерк воен. упр. в России за 1855—1880 гг. Респ. сух. войск за 1852 г.

⁴⁴ См. приложение № 167.

⁴⁵ Всепод. отч. Воен. мин. за 1852 и 1853 гг.

⁴⁶ См. приложение № 168.

⁴⁷ Всепод. отч. Воен. мин. за 1852 г.

⁴⁸ Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд., шк. 115, портф. 14.

⁴⁹ Курсив подлинника.

⁵⁰ Муравьев пользовался каждым случаем, чтобы указать государю на пагубность меры, столь ревниво им оберегаемой; в своем собственноручном дневнике он также неоднократно затрагивал этот наболевший в его душе вопрос.

«Я объявил государю, — писал он в своем дневнике в 1834 году, вскоре после введения бессрочно отпускных, — что через сие армия лишается последних людей, к службе годных, и что за отпуском сих последних останутся только одни рекруты и молодые люди, коими полки теперь наполнены. Я не имел права, — продолжает он, — говорить государю о неудобствах, которые произойдут от сего в самом крае и деревнях, которые наполнятся людьми без дела и без средств к жизни, отчего можно было ожидать больших беспорядков» (Русский архив, 1894. Кн. 9).

В своем дневнике за июль 1850 года Муравьев вновь возвращается к волнующему его вопросу о бессрочно отпускных. «К сим мыслям, — пишет он, — еще более обратишься, когда взглянешь на предстоящий роспуск нижних чинов в бессрочный отпуск. До 15 000 расходятся по отпускам, и места их должны наполниться людьми из резервов и рекрутами, ныне набираемыми. Отличные полки наши расстроятся до чрезвычайности. Уйдут лучшие солдаты, унтер-офицеры, фельдфебеля, музыканты; все унтер-штабы расстроятся. Толчок для армии ужасный, и едва ли она когда-либо от того поправится. Не менее того весной потребуют, чтобы корпус был представлен опять в том же виде, как он ныне представлялся!.. Мало было опыта прошедших двух годов с этими резервами, истощившими казну и не принесшими никакой действительной пользы для укомплектования армии, которая наполнилась людьми, незрелыми в образовании своем или отвыкшими от тягостной службы. Но государь или не знает о том, или не хочет знать того, а упорствует в гибельной для России и армии системе бессрочно отпускных, через что он надеется иметь внутри империи огромную армию, готовую представиться на первый его призыв» (Рукоп. архив Гр. Черткова).

Другой современник этой эпохи, П. К. Меньков, также в своих записках (ч. II, стр. 109) восстает против бессрочно отпускных. «Система бессрочно отпускных, — пишет он, — отняв в полках кадры старых солдат, изгнала тот воинственный дух, одушевляемые которым войска наши творили чудеса храбрости. Некому рассказать молодым солдатам о славных подвигах товарищей, о былых битвах и походах!.. Воспоминания теперешнего солдата оканчиваются или блестящим разводом, или неудачным парадом!».

⁵¹ Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд., шк. 115, портф. 14.

⁵² Курсив подлинника.

⁵³ Паскевич.

⁵⁴ В настоящее время у нас в армии эта цифра уменьшена до 6,5 %. (Редигер: Комп. и устр. воор. силы).

⁵⁵ «Кончили мы смету и не без труда, — писал государь князю Варшавскому 20 декабря 1851 года. — Несмотря на все прибавки доходов и на убавки в расходах 7 милл. дефициту! Вынужден расформировать 4 уланских полка, два первой уланской и два 6-й легкой дивизии, соединив кирасирские и бывшую 2-ю уланскую в один корпус и причислив остающиеся 2 уланские полка к 6-й легкой»... (Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд., шк. 115, портф. 14).

⁵⁶ Св. воен. пост., 1838 г. Т. V. Ч. II. Кн. 1. С. 1—4.

⁵⁷ Петров. Русская военная сила.

⁵⁸ Истор. обзор. воен. сух. упр. 1825—1850 гг. Всеподд. отч. Воен. мин. за 1851—1853 гг.

⁵⁹ Всеподд. отч. Воен. мин. за соотв. года.

⁶⁰ Св. воен. пост. 1838 г. Т. V. Ч. II. Кн. 1.

⁶¹ «Тогдашние солдаты всех полков, а Московского в особенности, — пишет историк этого полка, — были положительно охвачены манией к побегам, и не проходило дня, чтобы из какой-либо роты не бежало два или три человека; жестокие наказания за это шпицрутенами от 400 до 1500 ударов не останавливали отчаянных любителей свободы... Таким образом в первой половине 1836 года из полка бежало 102 человека» (История 65-го пех. Моск. полка. С. 386).

⁶² Петров. Русская военная сила.

⁶³ «В России, — пишет П. А. Обнинский в своих походных заметках, — для разбойников и мошенников две ссылки, одна в Сибирь, другая на военную службу. Душегубец, грабитель и поджигатель, если только он молод и годится в рекруты, или законом приговаривается в солдаты, или помещики не жалеют ни денег, ни поклонов, чтобы после похвастать перед соседями: «Упек, батюшка, своего мошенника Фильку-то в солдаты; слава Богу, квитанция будет, издержки свои ворочу»...// Русский архив. 1891. Кн. 3.

⁶⁴ Св. воен. пост., 1838 г. Т. V. Ч. I. Кн. 1. С. 65—176.

⁶⁵ Рукописный дневник князя А. С. Меншикова.

⁶⁶ Записки Алабина.

⁶⁷ Св. воен. пост. 1838 г. Т. V. Ч. II. Кн. 1.

⁶⁸ «У нас, обыкновенно, унтер-офицеры самые красивые и ловкие люди, — пишет один из современников той эпохи в своем официальном докладе, — но несколько не лучшие как по нравственности своей, так и по знанию службы» (Архив воен. уч. ком. гл. шт., отд. 4, д. № 520).

⁶⁹ «Мне удалось также объяснить Наследнику вред, который получаем от назначения к нам людей из гарнизонных батальонов и в особенности унтер-офицеров из учебных карабинерных полков, мальчишек, знающих только одни ружейные приемы, безнравственных, и которым нельзя поручить никакой части» (Рукописный дневник Н. Н. Муравьева за 1853 год).

⁷⁰ Св. воен. пост. 1838 г. Т. III. Кн. 3.

⁷¹ Записки П. К. Менькова. Т. II. С. 15.

⁷² Лалаев. Истор. очерк воен.-учебн. завед.

⁷³ «Педагогии как науки, — пишет в своих воспоминаниях о кадетских сороковых годах Н. А. Крылов, — не было; об ней в кадетских

корпусах даже не помышляли. Нас секли, учили по программам в классах и по уставам в ротках. Выучивши, выпускали в офицеры, распределяли в полки и батареи, где мы, в свою очередь, учили солдат не тому, что требуется на войне, а в то же время сами учились пить и в карты играть. «Бурса» Помяловского — ровесница кадетских корпусов со школьных годов. В то время не удивлялись, как воспитывают наше духовенство для нравственных проповедей в народе; никто не смел критиковать и ту систему, которая употреблялась для воспитания дворян на все поприща государственного служения»//Исторический вестник. 1901. Кн. 9.

⁷⁴ Лалаев. Историч. очерк воен.-учебн. заведений 1880 г.

⁷⁵ Записки П. К. Менькова. Т. II. С. 224.

⁷⁶ По свидетельству командира Колыванского пехотного полка полковника Пересветова, например, офицеры 10-й пехотной дивизии были так малограмотны, что полковые командиры с трудом могли выбирать полковых адъютантов (Восп. Г. Д. Щербачева//Русский архив. 1890. Т. I).

⁷⁷ Св. воен. пост. 1838 г. Ч. II. Кн. 1. С. 611.

⁷⁸ Русск. инв., 1863 г., № 81.

⁷⁹ Всеподд. отч. главн. нач. воен.-учебн. завед.

⁸⁰ Общ. архив Гл. шт., отд. 5, ст. I, 1857 г., д. № 174.

⁸¹ Записки П. К. Менькова. Т. II. С. 21 и 23.

⁸² Всеподд. отч. Воен. мин. за 1852 г.

⁸³ Архив воен. уч. ком., от. II, д. № 3713.

⁸⁴ Архив канц. Воен. мин., секр. д. 1854 г., № 150. Донес. Воен. мин. кап. Эльстона.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Рук. к арт. сл., изд. 1853 г.

⁸⁷ Калибр иностранных ружей был менее 6 линий, что давало им большую дальность и настильность сравнительно с нашими.

⁸⁸ Кавалерийский штуцер — 6 $\frac{1}{2}$ линии.

⁸⁹ Рукоп. записки Н. Н. Муравьева за 1853 г. Собств. Гр. Гр. Черткова.

⁹⁰ Рукоп. дневник к.-л. Асланбекова. Севастопольский музей.

⁹¹ Записки и рассказы современников.

⁹² Из записок стар. преобр. князя Н. К. Имеретинского//Русская старина. 1900. Алабин. Четыре войны. С. 1—8//Русский архив. 1884. № 6.

⁹³ Записки князя Н. К. Имеретинского//Русская старина. 1900.

⁹⁴ Записки П. К. Менькова. Т. II. С. 111.

⁹⁵ Приказы по частям 1-й гв. пех. див. и некоторым другим.

⁹⁶ Рапорт ген.-ад. Лидерса 1 марта 1853 г., № 226. Архив канц. Воен. мин. по сн. войск 1852 г., д. № 11, ч. I.

⁹⁷ Общ. архив Гл. шт., 6 отд., 1 ст., 1855 г., № 315 и Воен. уч. арх. Гл. шт., отд. 2, 1855 г., № 3626.

⁹⁸ Всеподд. отч. Воен. мин. за 1851, 1852 и 1853 гг.

⁹⁹ Всеподд. отч. за 1851 и 1852 гг.

¹⁰⁰ Архив канц. Воен. мин., за 1854 г., секр. д. № 150. Рапорт кап. Эльстона воен. министру.

¹⁰¹ Богданович. Истор. очерки воен. упр. 1855—1880 гг.

- ¹⁰² Донес. ген. Штакельберга. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 16.
- ¹⁰³ Воспоминания Докудовского. С. 212.
- ¹⁰⁴ Рукоп. записки Н. Н. Муравьева. Собств. Гр. Гр. Черткова.
- ¹⁰⁵ Рукоп. записки одного из современников.
- ¹⁰⁶ Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд., карт. 115, портф. 14.
- ¹⁰⁷ Рапорт кап. Эльстона воен. министру. Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 150.
- ¹⁰⁸ Дневник Н. Н. Муравьева//Русский архив. 1894. Кн. 3.
- ¹⁰⁹ Написано до Русско-японской войны 1904—1905 гг.
- ¹¹⁰ По полож. 1850 г. Всеподд. отч. за 1851 и 1852 г.
- ¹¹¹ Всеподд. отч. Воен. мин. за 1852 г.
- ¹¹² См. ведом. в приложении № 169.
- ¹¹³ Записка ген.-ад. Ростовцова наследн. цесар. 31 мая 1853 г. Рукоп. архив П. Я. Дашкова.
- ¹¹⁴ См. подробн. свед. в приложении № 170.
- ¹¹⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/и, за 1853 г.
- ¹¹⁶ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск 1852 г., д. № 15; Отн. Инсп. вс. арт., 9 апреля 1853 г.
- ¹¹⁷ Все числовые данные о вооружении нашей полевой артиллерии см. приложение № 171.
- ¹¹⁸ Рук. к арт. сл., изд. 1853 г.; Цессель. Курс артилл., 1852 и 1857 гг.
- ¹¹⁹ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 150. Из донес. кап. Эльстона воен. министру.
- ¹²⁰ Архив канц. Воен. мин., 1854 г., секр. д. № 150.
- ¹²¹ См. приложение № 172 и архив в. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3321.
- ¹²² Воспоминания Г. Д. Щербачева//Русский архив. 1890. Т. I. С. 256.
- ¹²³ Всеподд. отч. Воен. мин. за 1852 г.
- ¹²⁴ См. приложение № 173.
- ¹²⁵ См. приложение № 174.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4277.
- ¹²⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254. Письмо военного министра князю Меншикову 25 января 1854 г.
- ¹²⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254. Письмо князя Меншикова военному министру от 4 мая 1854 г.; Зап. Г. Д. Щербачева//Русский архив.
- ¹³⁰ Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 45.
- ¹³¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4277.
- ¹³² Всеподд. отч. Воен. мин. за 1850 г.
- ¹³³ Всеподд. отч. Воен. мин. за 1852 г.
- ¹³⁴ Рук. для арт. сл., 1853 г. Висковатов. Ист. опис. од. и воор. Росс. войск. Т. 19—30, 1862 г.
- ¹³⁵ Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 150. Из рапорта кап. Эльстона воен. министру.
- ¹³⁶ Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 150.
- ¹³⁷ Висковатов. Ист. опис. од. и воор. росс. войск, изд. 1862 г.

- ¹³⁸ Воен. сборн. 1862 г., № 3.
- ¹³⁹ Архив канц. Воен. мин., 1855 г., секр. д. № 9.
- ¹⁴⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4328. Письмо воен. мин. князю Меншикову 6 октября 1854 г.
- ¹⁴¹ Прик. Воен. мин., 1851 г., № 120. Воен. сборн. 1862. № 3.
- ¹⁴² Записки Алабина. Зап. Генерици//Русская старина. 1877. Кн. 10; Записки ген. Сталя. Рукопись. Музей Севастопольской обороны.
- ¹⁴³ Изнанка Крымской войны. Воен. сборн. 1858. № 4.
- ¹⁴⁴ Прик. Воен. мин. 1853 г., № 78.
- ¹⁴⁵ Записка г-ад. Ростовцова насл. цесар. 31 мая 1853 г. Рукоп. Архив П. Я. Дашкова.
- ¹⁴⁶ Св. воен. пост. 1838 г. Т. X. Кн. 3. С. 482—499.
- ¹⁴⁷ Устав для упр. арм. 1846 г.
- ¹⁴⁸ Св. воен. пост. 1838 г. Т. X. Кн. III. Ч. 4. С. 506, 510.
- ¹⁴⁹ Устав для упр. арм. 1846 г.
- ¹⁵⁰ Общ. архив Гл. шт. подр. раскл. ден. дов. на осн. Высоч. ман. 1 июля 1839 г. и прик. Воен. мин. 1840 г., № 51—74.
- ¹⁵¹ Устав для упр. арм. 1846 г.
- ¹⁵² См. приложение № 175.
- ¹⁵³ Военный сборник 1861 г., № 6.
- ¹⁵⁴ Затлер. Записки о продвижении войск в военное время.
- ¹⁵⁵ В 1860 г. казармы для полев. войск имелись всего в 65 пунктах (Аничков. Воен. хозяйство).
- ¹⁵⁶ Св. воен. пост. 1838 г. Т. X, кн. III. С. 1223—1412.
- ¹⁵⁷ Аничков. Военное хозяйство, 1860 г.
- ¹⁵⁸ Подробности и устройство их см. в приложении № 177.
- ¹⁵⁹ Подробнее см. там же.
- ¹⁶⁰ Подробнее см. там же.
- ¹⁶¹ Устав об управл. армиями 1846 г.
- ¹⁶² Более подробно в приложении № 177.
- ¹⁶³ Затлер. Записки о продовольствии в военное время. Ч. II.
- ¹⁶⁴ Количество содержимых налицо к 1 января 1853 года провиантских и комиссариатских запасов показано в приложении № 178.
- ¹⁶⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.
- ¹⁶⁶ Там же; Аничков. Военное хозяйство; Воен. сб. 1858 г., № 3. О состоянии кавалерии.
- ¹⁶⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.
- ¹⁶⁸ Св. воен. пост. 1838 г. Ч. IV, кн. 4. С. 86—154; Аничков. Военное хозяйство.
- ¹⁶⁹ Аничков. Военное хозяйство.
- ¹⁷⁰ См. «Смертность в войсках».
- ¹⁷¹ Подробнее см. приложение № 175.
- ¹⁷² Более подр. свед. об обозе см. приложение № 182.
- ¹⁷³ Аничков. Военное хозяйство. 1860 г.
- ¹⁷⁴ Св. воен. пост. 1838 г., ч. IV, кн. 4, по 9 прод. прил. к ст. 244 и прик. Воен. мин. 1849 г., № 87.
- ¹⁷⁵ См. приложение № 184.
- ¹⁷⁶ См. приложение № 181.

¹⁷⁷ Полн. собр. свода зак. Т. XVI. С. 25097. Выс. повел. 5 апреля 1851 г.

¹⁷⁸ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1856 г., секр. д. № 71.

¹⁷⁹ Всеподд. отч. Воен. мин. за 1852 г.

¹⁸⁰ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1853 г., секр. д. № 71.

¹⁸¹ Эти цифры на 10 000 мест меньше, чем указанные во всеподданнейшем отчете военного министра за 1852 год, но должны быть признаны более достоверными.

¹⁸² Св. воен. пост. 1838 г. Т. X. Кн. IV.

¹⁸³ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1856 г., секр. д. № 71.

¹⁸⁴ Богданович. Истор. очерк воен. упр. в России за 1855—1880 гг.

¹⁸⁵ Всеподд. отч. Воен. мин. за 1852 г.

¹⁸⁶ Военный сборник, 1867 г., № 6.

¹⁸⁷ Затлер. О госпиталях в военное время.

¹⁸⁸ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск. 1853, секр. д. № 71.

¹⁸⁹ Управл. арм. в воен. вр., 1846 г.

¹⁹⁰ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1852 г., д. № 19 и 1853 г., д. № 31.

¹⁹¹ Устав для управл. арм. 1846 г.

¹⁹² Богданович. Истор. очерки воен. упр. в России за 1855—1880 гг.

Глава XII

Тактическое устройство и внутреннее состояние русской армии к началу войны

Обращаясь к рассмотрению *тактического устройства войск*, считаем необходимым оговориться, что, затрагивая здесь эту важную отрасль лишь относительно в общих чертах, мы более подробное обозрение уставов и тактики наших войск того времени помещаем в приложении¹.

Пехота. Рота в строевом отношении разделялась на 2 взвода, а каждый взвод — на 2 полувзвода. Боевыми строями роты и батальона были развернутый строй, колонны, каре и рассыпной строй.

Развернутый строй (в 3 шеренги) главным образом предназначался «для частой и сильной пальбы».

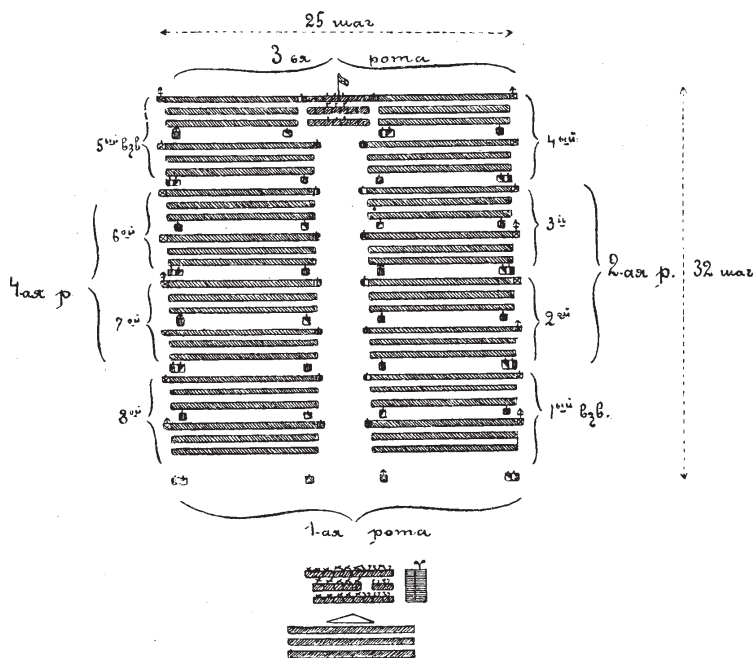
Боевыми колоннами батальона служили так называемые густые колонны, дивизионные, взводные и полувзводные, имевшие между первыми шеренгами дистанции в 4 шага, и колонна к атаке; изредка применялись также ротные колонны, первообраз нынешнего строя батальона поротно.

Для расположения на месте и маневрирования наиболее удобной признавалась густая полувзводная колонна из середины, занимавшая по фронту 25, а в глубину 32 шага. Для атак холодным оружием, из которых преимущественно и состоял пехотный бой того времени, лучшей считалась колонна к атаке, т. е. взводная из середины, разомкнутая на полувзводные дистанции; батальон в этой колонне по фронту занимал 50 шагов, а в глубину 40 шагов. Недостатком всех боевых колонн была излишняя глубина их, происходившая от построения развернутого строя в 3 шеренги. Колонна к атаке, например, состояла из 12 шеренг; очевидно, что такое количество их было бесполезно для штыкового удара, а большая глубина строя вела к напрасным потерям от огня.

Ротные колонны состояли из рот батальона, построенных каждая во взводную густую колонну и разведенных друг от друга по фронту и в глубину на некоторое незначительное (100—150 шагов) расстояние. Ротные колонны, сохраняя возможность действовать холодным оружием и помогать друг другу, были очень хорошо применимы к местности и мало страдали от огня.

Каре исключительно предназначалось для отражения кавалерийских атак и представляло из себя строй квадратной или прямоугольной формы, способный дать отпор во все стороны.

Вообще же различных форм сомкнутого строя было слишком много, всевозможные перестроения совершались по весьма точ-

Батальон в густой полувзводной колонне из середины

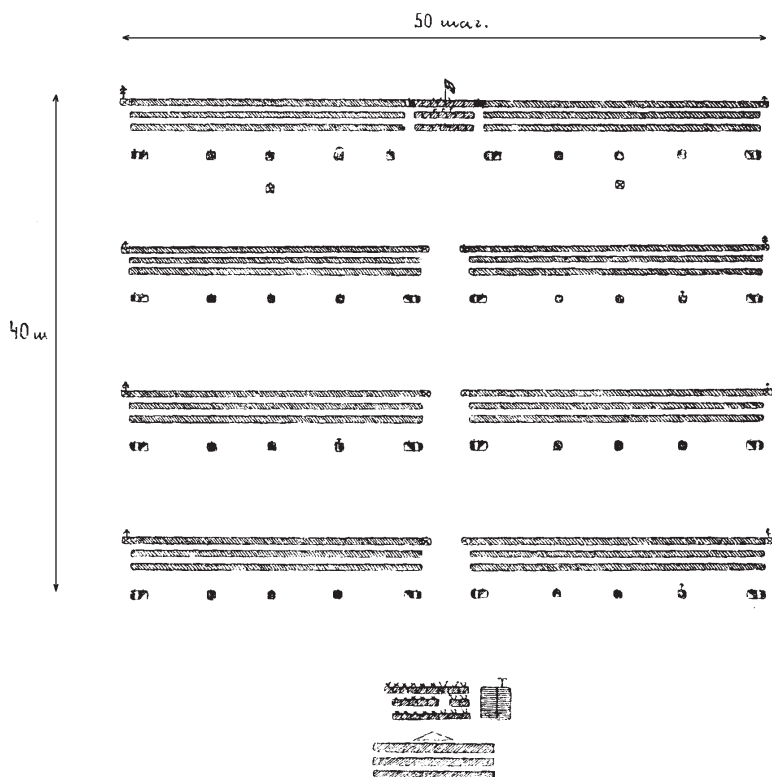
ным правилам устава, которые самым подробным образом указывали места и движения каждого человека. Большая часть уставов была посвящена этим эволюциям в сомкнутом строю, слишком сложным и требовавшим много времени, а потому и не всегда пригодным в настоящем бою.

Рассыпной строй, предназначавшийся исключительно для стрельбы, состоял из застрельщичьей или стрелковой цепи и ее резервов и был двух родов: 1) когда цепь состояла из одних застрельщиков и 2) когда в цепь высылались и прочие люди части.

Застрельщиками назывались 48 лучших стрелков в каждой роте, которых особо обучали стрельбе и действиям в рассыпном строю. Кроме того, в каждой роте было по 6 штуцерных, которые в стрелковой цепи располагались между застрельщиками.

В стрелковой цепи люди становились для взаимной защиты попарно на расстоянии между парами от 3 до 15 шагов. Резерв цепи располагался за нею в 100—150 и в таком же расстоянии от сомкнутого строя.

Рассыпной строй из ротных колонн представлял из себя развитие цепи застрельщиков и употреблялся в тех случаях, когда од-

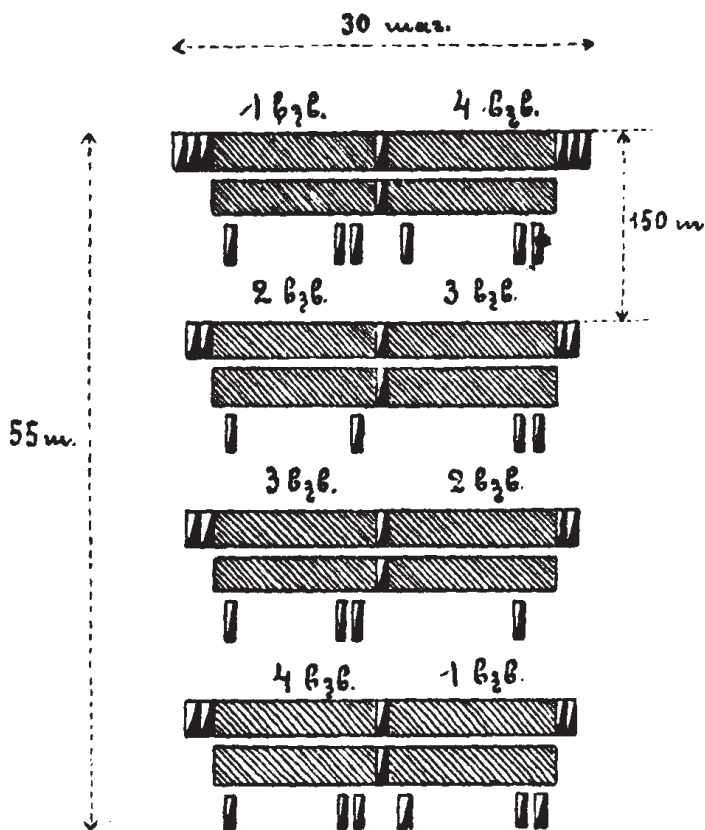
Батальон в колонне к атаке

них застрельщиков для действия огнем признавалось недостаточным. В таком случае в первой линии становились три роты во взводных колоннах, которые и высылали от себя «в стрелки» столько людей, сколько было нужно, а гренадерская или карабинерная рота составляла боевой резерв и располагалась в 100—150 шагах за серединой первых трех рот.

В стрелковой цепи не требовалось строгого равнения и интервалов; люди должны были применяться к местности, могли стрелять как на месте, так и в движении по установившейся между парами очереди, а в каждой паре по очереди между людьми, ее составлявшими. Такой порядок стрельбы назначался с целью иметь всегда в каждой паре одно ружье заряженным. Движение цепи производилось несколько ускоренным шагом; беглый же шаг употреблялся только в исключительных случаях.

Вообще же уставные положения о рассыпном строе во многих отношениях вполне удовлетворяли современным взглядам на это дело, но, к сожалению, он играл второстепенную роль в боевых действиях того времени. Рассыпной строй большей частью употребляли как средство вспомогательное — перед фронтом своих сомкнутых частей, для противодействия неприятельским стрелкам или же когда стрельба из развернутого строя становилась почему-либо затруднительной.

Само распределение застрельщиков в частях было мало приспособлено к формированию стрелковой цепи и затрудняло широкое пользование ею. То же можно сказать и о лучших стрелковых силах в войсках, о штуцерных. Они, как известно, распределялись по ротам и в бою стреляли только штуцерные тех рот, от которых были

Дивизион в колонне к атаке

вызваны застрельщики; таким образом, большая часть штуцерных не принимала участия в огне, лишая армию содействия и того небольшого числа нарезного оружия, которое в ней имелось.

Из развернутого строя стрельба производилась или залпами, или рядами (батальный огонь); в этом последнем случае ряды попеременно стреляли один за другим с таким расчетом, чтобы по возможности огонь был непрерывен. Вообще стрельба из развернутого строя производилась очень медленно, как по сложности заряжания ружей, так и по способу производства ее в строю. Пальба залпами была особенно медленна, и только исключительно хорошо обученные войска производили ее в бою без замешательства и без того, чтобы она не переходила в пальбу рядами. Ввиду изложенного чаще употреблялся этот последний вид стрельбы.

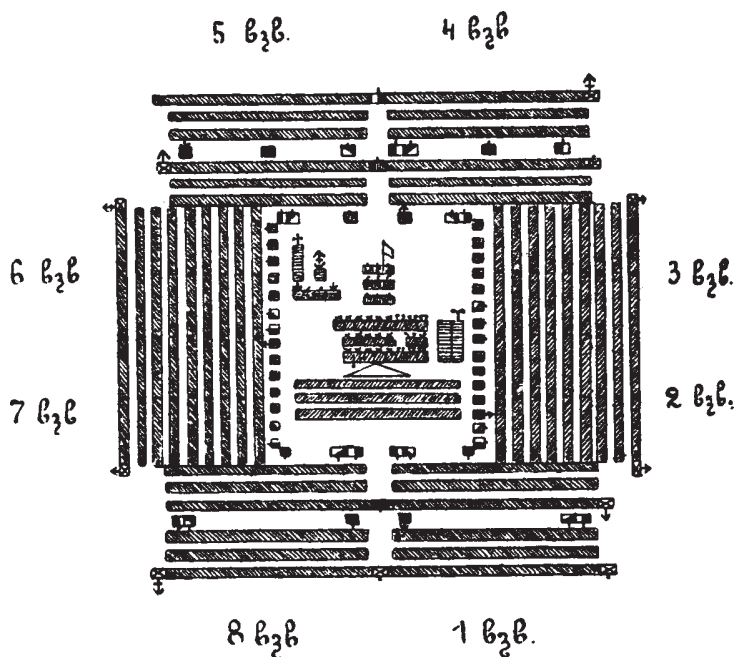
Боевой порядок нескольких батальонов пехоты состоял из двух боевых линий и резерва². Батальоны 1-й линии становились преимущественно в колоннах к атаке, на интервалах от 100 до 300 шагов, или в развернутом строю, а иногда в ротных колоннах, причем этот, очень выгодный строй применялся, к сожалению, в исключительных, весьма редких случаях. Батальоны 2-й линии располагались в 100—300 шагах от первой в колоннах к атаке, а батальоны резерва, в который назначалось от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всех войск, в полувзводных колоннах из середины, в 400—500 шагах от второй линии.

Такой боевой порядок, при условии применения его к местности и свободы различного сочетания батальонов и интервалов между ними в зависимости от складывающейся обстановки боя, мог бы удовлетворить всем тактическим требованиям. Он давал возможность подготовить атаку огнем, произвести сильный первый натиск, поддерживать батальонами второй линии батальоны первой, а в значительном резерве имел все средства для довершения успеха и парирования случайностей. Но беда заключалась в том, что выгодные стороны боевых порядков не замечались, ими никогда не пользовались, а все внимание обращалось исключительно на самое точное сохранение интервалов и дистанций и на равнение линий. Это, в свою очередь, придавало боевым порядкам характер чего-то неуклюжего, мертвого, почти всегда не соответствовавшего ни местным условиям, ни складывавшейся обстановке.

Боевые действия пехоты состояли из наступления и обороны.

При наступлении боевой порядок строился в таком расстоянии от неприятеля, «чтобы последний не мог напасть на выстраивающиеся войска раньше, чем они займут свои места».

Первая линия в большинстве случаев, и в особенности когда была вероятность рукопашного боя, строилась в колоннах к атаке с высланными вперед застрельщиками, которые на местности ровной выдвигались не далее 200 шагов.

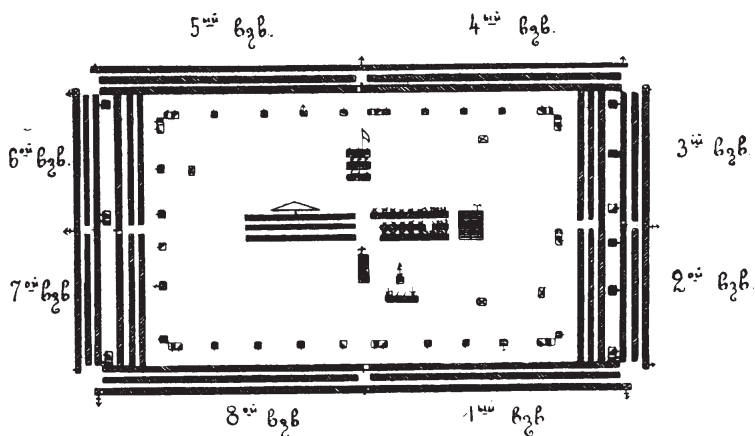
Карте батальона из полувзводной колонны из середины

Выстроенный боевой порядок подвигался вперед большей частью всей линией; допускаемое уставом движение уступами или в шахматном порядке, под прикрытием огня частей, остававшихся на месте, на практике, по своей сложности и опасности, почти не применялось. При движении боевых порядков обращалось особое внимание на строгое равнение батальонов и точное сохранение между ними дистанций и интервалов.

Подойдя к неприятелю на расстояние верного выстрела (250—300 шагов), застрельщики открывали огонь и, наступая впереди батальонов, старались отеснить стрелковую цепь противника и расстроить огнем его сомкнутые части.

Собственно атаку или движение в штыки полагалось производить, когда противник будет ослаблен нашим огнем «до некоторой степени». Удар производился или всей линией одновременно, или частями ее, под покровительством огня застрельщиков, которые собирались в интервалы между батальонами.

Особенность тактики того времени заключалась между прочим в смене боевых линий. Батальоны первой линии, в случае их расстройств или утомления, сменялись батальонами второй линии, а эти последние — резервом. Для производства такой заме-

Каре батальона из колонны к атаке

ны в бою были установлены точнейшие правила, которые указывали, в каких колоннах и с какой стороны батальоны одной линии должны обходить батальоны сменяемой линии.

Этой особенности устава никоим образом нельзя приветствовать. Она, во-первых, лишала войска, введенные в дело и надеющиеся на смену, необходимой энергии и, во-вторых, узаконивала преступную, с военной точки зрения, систему введения войск в бой по частям, а не полное напряжение сил всего отряда для достижения конечного успеха дела.

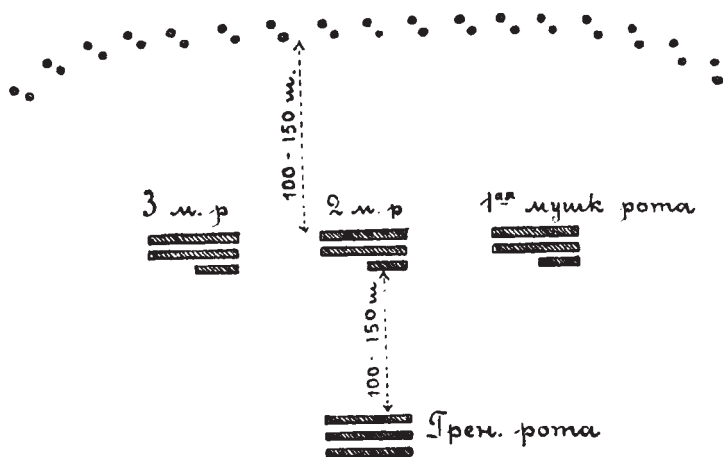
Оборонительный бой пехоты велся на тех же общих основаниях, как и наступательный. Первая линия, если она была построена развернутым фронтом или в ротных колоннах, встречала неприятеля огнем, и если огонь этот не задерживал наступления неприятеля, то вторая линия проходила сквозь первую и встречала атаку атакой; первая же свертывалась в колонны к атаке. Такой способ был несколько рискован, так как в случае неудачной атаки второй линией неприятель врывается на ее плечах на позицию в то время, когда первая линия не успевала перестраиваться в колонны к атаке, а резервы не успевали пододвинуться вперед. Если первая линия была построена в колоннах, то она не выжидала удара на месте, а как только противник оттеснял застрельщиков, батальоны этой линии тотчас же встречали атаку атакой.

Атаки кавалерии отбивались из каре, которые всегда располагались в шахматном порядке. Кавалерия встречалась преимущественно батальным огнем с 40—50, редко со 100 шагов, а иногда и залпами, после чего люди брали на руку. В редких случаях каре разрешалось наступать против кавалерии, если она была распо-

ложена далеко и если ее надо было заставить отойти еще дальше.

Кавалерия. Как изложено выше, в состав нашей армии входили кавалерийские полки разных видов. Кирасиры, комплектовавшиеся из рослых людей, посаженных на рослых коней, предназначались главным образом для нанесения сильных ударов в сомкнутом строю; гусары и уланы, составляя легкую кавалерию, преимущественно предназначались для действий, требующих быстрых передвижений на далекие расстояния, и приучались вести бой как в сомкнутом, так и в одиночном строю. Драгуны представляли из себя, так сказать, среднюю кавалерию, назначавшуюся для действия в сомкнутом конном строю и для спешивания.

Строи кавалерии состояли из: развернутого для производства атак, колонн для маневрирования на поле сражения и походных движений, рассыпного — для рассыпной атаки, когда требовалось достигнуть не столько силы удара, сколько быстроты нападения, и, наконец, строя для фланкирования³. Этот последний строй состоял из высланных вперед полуэскадронов, которые рассыпали цепь, оставляя в тылу, в расстоянии около 100 шагов, от каждого взвода маленькие поддержки; остальные полуэскадроны составляли резервы, двигавшиеся в сомкнутом строю шагов в 100 за поддержками. Назначение фланкеров состояло в действии огнем с коня против одиночных всадников неприятеля с целью не допустить их до нашего сомкнутого строя, в осмотре перед атакой места перед фронтом своей кавалерии, а иногда и в заблаговременном осмотре расположения противника. Навряд ли уставное построение, предназначавшееся для фланкеров, спо-

Батальон в ротной колонне с рассыпанными полувзводами

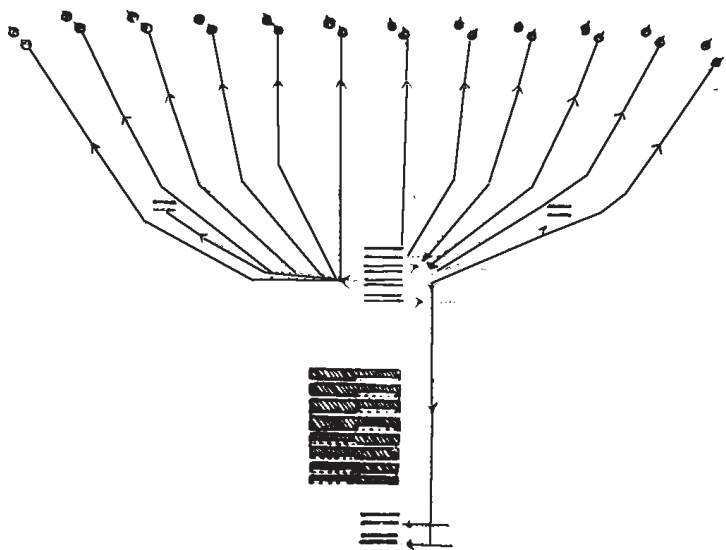
собствовало выполнению всех этих задач; действие же последних цепью с частой стрельбой с коня являлось как бы увлечением кавалерии стрельбой в рассыпном строю.

Спешивание легкой кавалерии применялось очень редко и в самых крайних случаях. Для этой цели специально употреблялись драгуны, из 10 эскадронов которых спешивалось 8, составляя в пешем строю 8-взводный батальон.

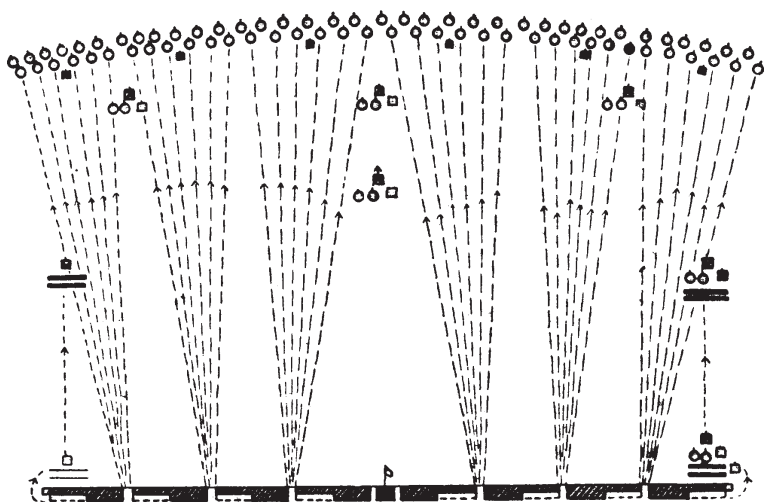
В отношении построения для боя и боевых действий кавалерия рассматриваемой эпохи мало отличалась от современной; необходимые детали читатели найдут в приложении⁴. Здесь же отметим только одну особенность устава сравнительно с нынешними требованиями. В боевых порядках кавалерии того времени 2-я линия располагалась не уступом за 1-й, как это принято ныне, когда она имеет фронт открытым для действия против неприятеля, а в затылок ей, и предназначалась так же, как и в боевых порядках пехоты, для смены 1-й линии в случае ее неудачи.

Вообще же кавалерийский устав времен Крымской войны, так же как и пехотный, был очень сложен, включал массу совершенно ненужных построений и старался предусмотреть многие случайности, подробности и утонченности, совершенно не применимые в бою.

*Артиллерия*⁵ состояла из батарей пеших 12-орудийного в военное время состава и конных 8-орудийного состава.

Батальон с двумя взводами рассыпанных застрельщиков

Рассыпанные застрельщики непосредственно из строя

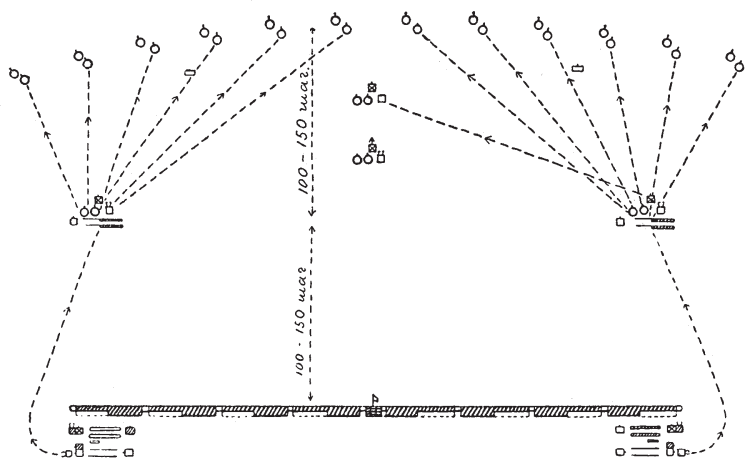
Пешие батареи, в свою очередь, состояли из батарейных, вооруженных шестью 12-фунтовыми пушками и шестью $\frac{1}{2}$ -пудовыми единорогами, и легких — из восьми 6-фунтовых пушек и четырех $\frac{1}{4}$ -пудовых единорогов. Конные батарейные батареи состояли из восьми $\frac{1}{2}$ -пудовых единорогов, а легкие — из четырех 6-фунтовых пушек и четырех $\frac{1}{4}$ -пудовых единорогов.

Такой разнообразный состав батарей объясняется тем, что пушки, действуя хорошо ядрами и на большие расстояния, были неудобны для действия картечью; единороги же, удобные для стрельбы гранатами и картечью, вовсе не стреляли ядрами, и к тому же на большие расстояния действия их было слабое. Значительное число единорогов в конной артиллерии вызывалось желанием стрельбы по кавалерии преимущественно снарядами с разрывным действием. Большим недостатком разнообразия калибров в составе одной батареи являлась затруднительность в снабжении их снарядами.

Строй артиллерии были двух родов; устав, сравнительно с нынешним, никаких резких особенностей не представлял.

Огонь полагалось открывать с расстояний верного выстрела, т. е. с 400—500 саженей, и только по густым колоннам допускалась стрельба с 600 саженей.

При расположении на позиции нескольких батарей в резерв преимущественно назначались легкие, как более подвижные, батареи. В боевой линии батарея от батареи располагалась на расстоянии

Батальон с двумя полувзводами застрельщиков

картечного выстрела; батарей не позволялось дробить, но не разрешалось и соединять по несколько вместе. Нельзя сказать, чтобы в то время не признавалась польза массирования артиллерии в большие группы, но препятствием к такому массированию считались: малая дальность огня, ограничивающая круг действий соединенной батареи, трудность прикрытия ее, при существовавшей системе построения боевых порядков, другими войсками и, наконец, нежелание ослаблять прочие пункты боевого расположения.

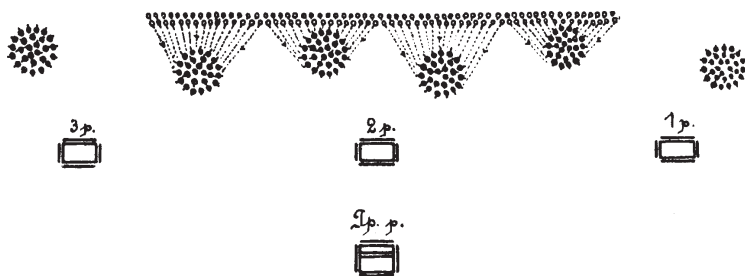
Для совокупных действий различных родов оружия были установлены так называемые нормальные боевые порядки пехотных и кавалерийских дивизий с их артиллерией. Эти порядки не только определяли общее расположение войск в бою, но и точно устанавливали все интервалы и дистанции между ними, стараясь охватить наиболее типичные случаи боя.

Может быть, в основе своей идея установления нескольких норм боевых порядков, объемлющих характерные свойства современного боя и пользования сильными сторонами различных родов оружия, и имела свои положительные стороны; они даже были необходимы как полезное пособие при том ничтожном военном кругозоре, которым отличалось подавляющее большинство начальствующих лиц в нашей армии. Но узкий взгляд на назначенные уставных боевых порядков, которым были проникнуты даже самые выдающиеся представители наших военачальников, обратил их в мертвую рутину, которая в бою стесняла природный инстинкт и

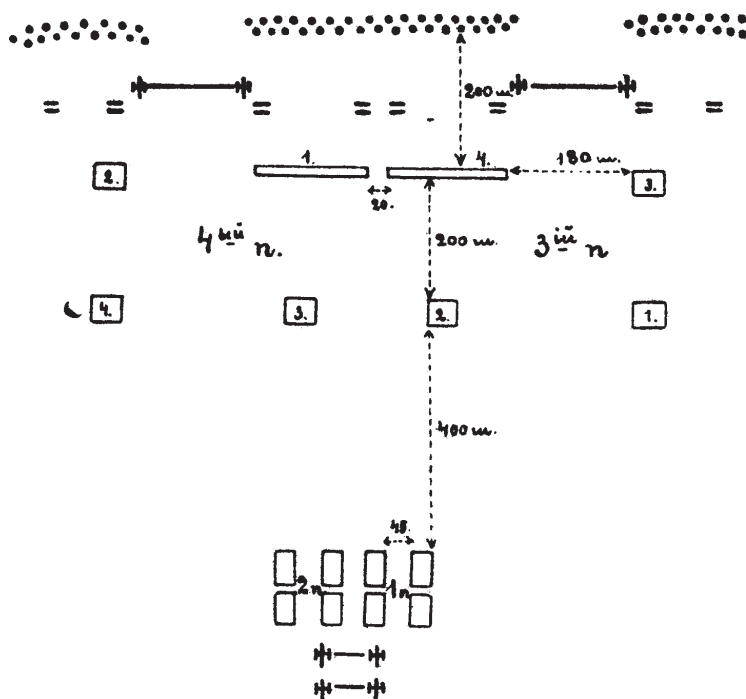
сковывала лучшие намерения многих из генералов. Они смотрели на боевые порядки как на нечто неподвижное, связанное ненарушаемыми цифрами и долженствовавшее в сражении непременно быть перенесенным на местность, ничуть не отступая от уставного чертежа.

Выгодная, бесспорно, сторона боевых порядков заключалась в том, что они давали в руки начальников отряды, вполне сплоченные, умевшие превосходно маневрировать на полях сражения с точным сохранением интервалов и дистанций. Мы жили еще воспоминаниями Наполеоновских войн, когда маршал Лан считался совершенством, потому что он неподражаемо «умел маневрировать с 30-тысячным корпусом на поле сражения»; жили воспоминаниями наших побед над первым полководцем в мире, которые приписывались искусству вождения сплоченных масс. Подготовить армию к умению маневрировать в совершенстве, добиться, чтобы она при всякой обстановке двигалась на неприятеля в стройном порядке, в ногу и сохраняя равнение, считалось самым трудным и необходимым делом, на которое у нас было обращено особое внимание. «Одно из важнейших военных знаний, — писал в 1853 году генерал-адъютант Ростовцов наследнику цесаревичу, — без которого все прочие остаются неприменимыми, а именно умение маневрировать в значительных массах без замешательства, доведено в наших войсках несравненно до высшей степени, чем в какой-либо другой армии».

Но громадным большинством наших генералов выгодная сторона боевых порядков не понималась, и в своем одностороннем увлечении они иногда доходили до смешного. Цель уставных боевых порядков видели, например, в том, что благодаря им старший начальник будет избавлен от необходимости отдавать подробные приказания каждой части, где и в каком строе стать, а что он может ограничиться только командой: «По такой-то части, в такой-то боевой порядок стройся!»

Встреча кавалерийской атаки (3 взвода в цепи)

1-й боевой порядок пехотной дивизии

В могущественную силу уставных боевых порядков вера была так велика, что во время Венгерской войны фельдмаршал князь Варшавский и генерал Панютин, донося о победах последнего над венграми, приписывали их, действительно или умышленно, построению Панютиных войск в первый боевой порядок, а не чему-либо другому⁶. «Государь хвалил боевые порядки, — занес в свой дневник за 1849 год Н. Н. Муравьев, — говоря, что фельдмаршал описывает ему пользу их на практике». — «Стало быть, — продолжал государь, — все, что мы ныне в мирное время делаем при образовании войск, правильно и необходимо для военного времени». «Я отвечал, что всякий боевой порядок, употребляемый в деле против неприятеля, более или менее уподобляется первому и второму боевому порядку: две боевые линии и резерв». — «С применением к местности», — сказал государь. «Стало быть, — пишет Н. Н. Муравьев в другом месте, — они уверены, что эти боевые порядки суть настоящие изображения военных действий, и что тот только воин, кто знает равнение, дистанции и интервалы. Государь убежден по ложным и грубо льстивым донесениям

бой наступлением; сохраняя половину войск в резерве, этот порядок располагал боевые линии шире и в строях, удобных для движения. Третий боевой порядок соответствовал уже выяснившейся обстановке; в боевые линии в нем назначалось три полка, причем первая линия была способна открыть сильный, но, к сожалению, равномерный по всему фронту огонь. Четвертый боевой порядок преимущественно предназначался для удара в штыки; он имел в боевых линиях три полка, построенных в колоннах к атаке, и в резерве один полк.

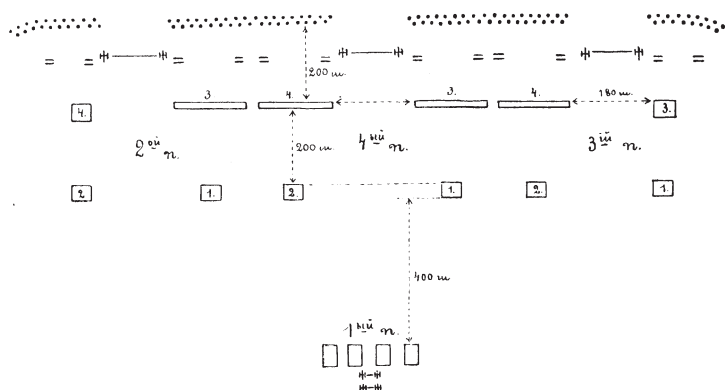
Уставные требования, сопровождавшие эти боевые порядки, требования, понимаемые к тому же исполнителями донельзя узко, уничтожали все хорошее, вложенное в суть их, и обратили их в тот рецепт ведения боя, слепое следование которому так дорого стоило нашей армии.

Устав точно указывал, каким полкам и бригадам стоять впереди и каким сзади; батальоны размещались по старшинству номеров, а сами боевые порядки на учениях строились по жалонерам, и только в бою этого не требовалось; для применения же к местности батальоны разрешалось передвигать не более чем на 50 шагов. В боевых линиях разрешалось держать определенное число батальонов, и строго проводилась идея равномерности сил по фронту.

До чего такой характер уставных требований и влияние известной системы обучения вошли в плоть и кровь даже лучших представителей из начальствующих лиц того времени, можно судить по интересному донесению командира 5-го пехотного корпуса генерала Лидерса в 1852 году в Военное министерство⁸, что «при корпусном штабе нет никаких правил для употребления состоящего при корпусе стрелкового батальона», причем генерал Лидерс просил указания мест для него «на церемониальном марше, на общих линейных учениях и в боевых порядках». Очевидно, что Высочайшее повеление от 30 апреля 1844 года, по которому «стрелковые батальоны не должны иметь определенного места в линиях боевых порядков, но должны находиться в непосредственном ведении командиров корпусов и т. д.», не удовлетворяло современных исполнителей, привыкших держаться устава, как каменной стены.

Для действия кавалерии с конной артиллерией также было установлено три боевых порядка, подробное описание которых помещается в приложении⁹. Общий характер их носил тот же отпечаток, как и в пехоте. Те же точно определенные формы, слишком стеснявшие инициативу частных начальников и тормозившие находчивость, то же равномерное распределение сил по фронту и та же симметричность.

Боевые порядки отрядов из трех родов оружия собственно состояли из боевых порядков пехоты и пешей артиллерии, к которым при-

3-й боевой порядок пехотной дивизии

соединялась кавалерия. Эта последняя при наступлении высылалась возможно далее вперед для прикрытия перестроения пехоты и для действия против неприятельской кавалерии; при обороне же она выдвигалась всего на 2-3 версты вперед или же прямо располагалась в резерве за центром или за одним из флангов боевого порядка. Во время боя на кавалерии лежала обязанность разведывания, охранения флангов, а при удобном случае — и атаки противника.

Характер наступательного и оборонительного боя в общих чертах сводился к следующему.

При наступлении боевой порядок подходил к неприятелю на расстоянии дальнего пушечного выстрела, 400—500 саженей, откуда начиналось артиллерийское состязание сторон. Это время служило для производства рекогносцировки противника и окончательного видоизменения боевого порядка в зависимости от собранных сведений. После более или менее продолжительной артиллерийской стрельбы боевой порядок двигался вперед и, подойдя к противнику на 300—350 саженей, вновь приостанавливался для подготовки в данном случае атаки огнем. Артиллерия с этой позиции продолжала действовать по артиллерии, а застрельщики завязывали бой с рассыпанными частями неприятельской пехоты и, оттеснив их, обстреливали неприятельскую артиллерию и сомкнутые части неприятельской пехоты. При дальнейшем наступлении пехоты вперед с ней двигалась и артиллерия до дистанции картечного выстрела (400—500 шагов), откуда и покровительствовала пехотной атаке своим огнем.

При движении в атаку требовался строгий порядок — равнение, нога, интервалы и дистанции. В этом полагался залог успеха; считалось, что если батальоны доведены до того, что идут в атаку в ногу и соблюдают все остальные правила движений сомкнутого строя, то никто из солдат не оставит рядов, и в то же время при-

близие стройной массы должно производить на противника подавляющее впечатление. Само движение производилось ускоренным шагом, без стрельбы; не доходя 20—30 шагов до противника, люди бегом бросались в штыки.

Вторая линия безостановочно следовала за первой с целью поддержать ее при успехе и сменить при неудаче.

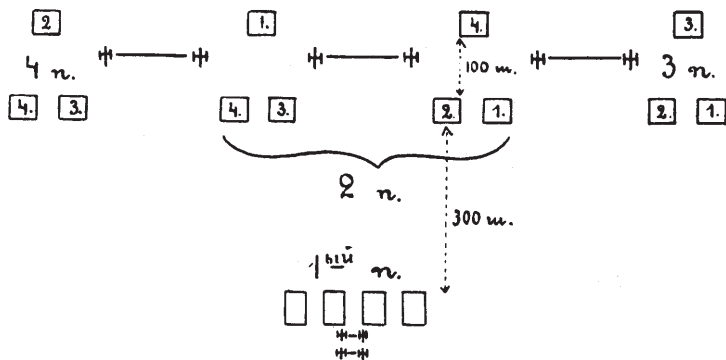
В случае успешной атаки батареи выезжали еще вперед для действия по отступающему, а в случае неудачи они занимали позицию несколько позади, для прикрытия своим огнем отступления отбитых частей.

Оборона в общем велась так, как изложено выше, при рассмотрении боевых действий пехоты.

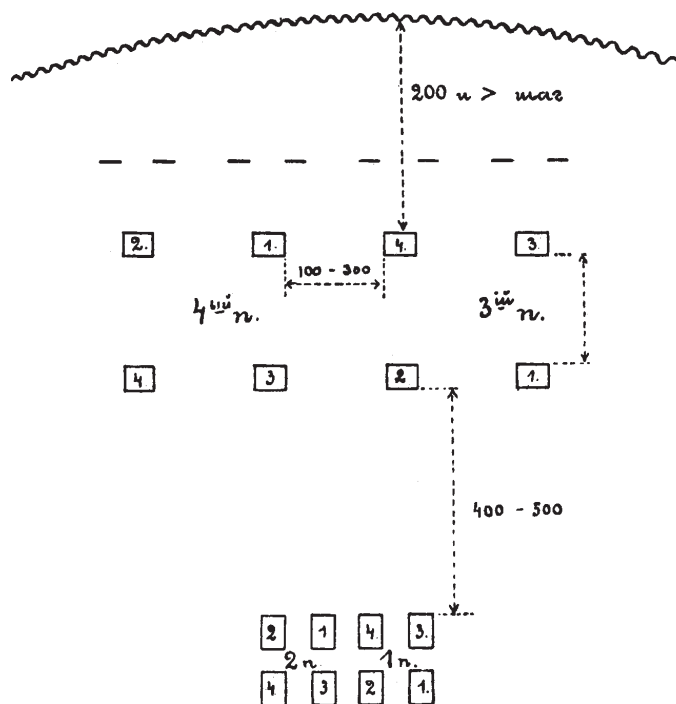
Общий обзор тактического устройства нашей армии того времени показывает, что отличительными чертами нашей тактики были: стремление к действиям большими сомкнутыми массами; взгляд на рассыпной строй как на средство вспомогательное; твердость форм боевых порядков; малая их гибкость и применяемость к местности; большая приверженность к точным цифровым данным; малая подготовка атаки огнем и пренебрежение к мерам, уменьшающим потери от огня.

Бесспорно, что одной из причин неудачного для нас исхода Восточной войны была и наша тактика с ее нормальными боевыми порядками и способом действий, требующим стройности движений и совершенно ровных мест. В эту же войну нам преимущественно приходилось действовать на местности пересеченной, где наши боевые порядки были неприменимы, а наши войска и военачальники других способов действий не знали.

Дивизии генерала Соймонова в Инкерманском сражении, например, назначено было строиться в первый боевой порядок, а в

4-й боевой порядок пехотной дивизии

Боевой порядок пехотной дивизии из 4-батальонных полков

сущности, попав впотьмах на местность крайне пересеченную, она вступила в бой без всякого порядка. Кавалерии за всю войну представлялся в Балаклавском сражении единственный случай выставить уставной боевой порядок, но и тут она не могла этого сделать за недостатком времени и места¹⁰.

Тактическое устройство и образование иностранных армий было несравненно выше. Лучше вооруженные, лучше обученные стрельбе, они широко пользовались рассыпным строем. Французы около двадцати лет воевали с арабами и кабилами, и это сильно повлияло на развитие у них рассыпного строя и на придание должного значения огню. Они уступали нам в меткости стрельбы артиллерии и штуцерных, но превосходили в быстроте всех движений и атак и в умении применяться к местности. Англичане хотя в течение всей войны и отличались непомерной медленностью движений, но по стрельбе стояли также много выше наших войск.

В самом начале войны, в Алминском сражении, французы для опыта впервые применили двухшереножный строй и, видя его

выгоды, продолжали действовать в нем во время всей кампании; мы же продолжали нести бесполезные потери и даром держать людей в третьих шеренгах до окончания кампании.

Во всех сражениях в поле наша армия, соблюдая главным образом стройность движения в массах, несла огромные потери. Застрельщики, больше привыкшие к сомкнутому строю, заботились в цепи почти исключительно о сохранении интервалов, дистанций и даже равнения, совершенно забывая о меткой стрельбе и применении к местности. Наши колонны лишались массы начальников и людей, далеко еще не доходя до противника. Ольтеница, Инкерман, Черная свидетельствуют об этих печальных особенностях нашей тактики.

И каким диссонансом с только что очерченной тяжелой картиной тактического устройства наших войск звучат собственные взгляды государя Николая Павловича на характер тогдашних уставных требований при применении их к военным действиям.

Прочитав описание дела под Ольтеницей, государь собственноручно сделал следующие замечания по поводу весьма точного применения генералом Данненбергом уставных требований в этом бою¹¹: «1) двух батарей было мало, — пишет государь, — чтобы уничтожить артиллерию укреплений; 2) атака пехотой, вопреки всем правилам, ведена колоннами к атаке в почти сплошном построении; 3) следовало в помощь артиллерии иметь цепь всех штуцерных бригады, которым сосредоточивать свой огонь по амбразурам; 4) переднюю линию вести ротными колоннами, со стрелками в интервалах» и т. д.

Отсюда видно, насколько отличался взгляд государя от существовавшего тогда общего взгляда на букву уставных тактических форм!

«Впрочем, — писал вслед за этим военный министр князю Горчакову¹², — государь император уверен, что вы приняли меры, дабы тактические правила, утвержденные уставом, соблюдались во всей точности».

Трудно было исполнителям сочетать взгляды государя с узкой рамкой, даваемой его министром, а также фельдмаршалом князем Варшавским.

«Его светлость, — писал князь Горчаков генералу Лидерсу 20 апреля 1854 года¹³, — полагает, что, в случае боя двумя вашими дивизиями, всего выгоднее принять следующее распределение войск: каждую дивизию для боя иметь в 12-батальонном составе с тем, чтобы оные строились, имея по 4 батальона в первой и во второй линии и по 4 батальона в резерве, а из остальных 8 батальонов, присоединив к коим стрелковые, составить особый резерв. Кавалерию же держать между сим резервом и боевыми дивизиями».

Действительно, в уставе ведь не было чертежа и точных цифр построения целого корпуса для боя, и фельдмаршал, среди своих

обширных боевых забот, считает необходимым прийти в этом отношении на помощь лучшему из корпусных командиров. Он, очевидно, не сознавал всего вреда даваемых им генералу Лидерсу за несколько сот верст точных указаний, как строиться для ведения боя в неизвестной обстановке, на неизвестной местности и не будучи совершенно знаком с предположениями неприятеля.

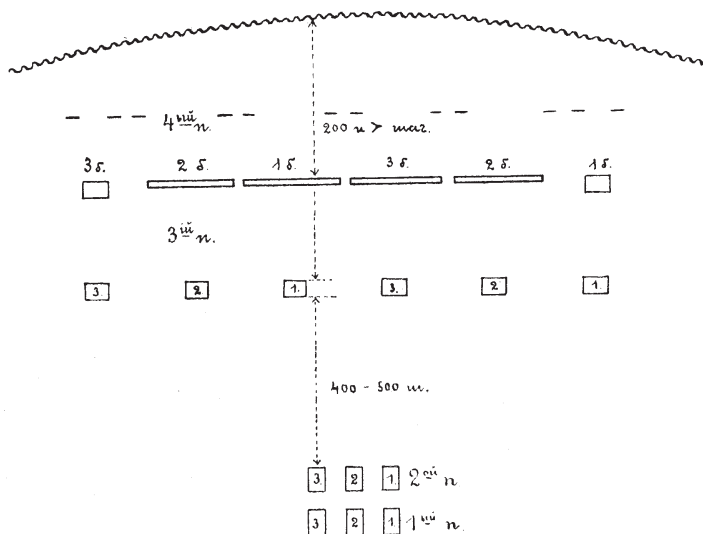
На боевые качества армии оказывают влияние не только современные уставные и тактические требования, но и характер проведения этих требований в жизнь, способ надлежащего обрабатывания сил, мыслей и привычек каждого отдельного бойца, а в особенности лиц, которым вверено в бою руководство себе подобными.

Война представляет из себя такой kaleidoscope изменяющихся различных положений, разнообразной обстановки, состояния физических и нравственных сил войска; она находится в самой тесной зависимости от умелого пользования слабыми сторонами противника, который всегда желает ускользнуть от нашего влияния и идти наперекор нашим намерениям. Успешное ведение войны поэтому требует столь же полного и всестороннего напряжения всех умственных, физических и нравственных сил армии и столь же разносторонней гибкости ее, как гибки в своих изменениях те силы и обстоятельства, против которых и при посредстве которых армии приходится действовать.

В достижении положительных в этом отношении результатов имеют значение не только установившиеся в армии уставные и тактические формы, но и в особенности соответственно направленное ее образование.

Уставы, как бы они ни были несовершенны, всегда дадут возможность правильно веденной и обученной армии выказать необходимую на войне гибкость, даже не нарушая форм устава, и, напротив, для армии, обученной и воспитанной в фальшивом направлении, самые широкие уставные формы не помогут оказаться победоносной. Эти последние могут быть изменены одним взмахом пера, но то, что входило в плоть и кровь войск в течение долгих лет мирной жизни — образование и воспитание каждого отдельного лица, может измениться только годами или кровавыми уроками, стоящими государству десятков лет жизненного застоя и многих испытаний.

Длинные промежутки мира всегда кладут свой нежелательный отпечаток на качества армий всех наций. Все элементы войны настолько разносторонни, многие из них до того неуловимы, до того не подлежат реальному подсчету разума, что в мирное время невольно забываются и при подготовке армии не принимаются

Боевой порядок шести пехотных полков

в расчет. С другой стороны, впечатление победоносной войны всегда заставляет искать причин успеха в каких-нибудь новых, особо ощутимых обстоятельствах, без обращения должного внимания на всю совокупность происходившего. Эти обстоятельства при-
ветствуются как единственные виновники победы, они проводятся в жизнь в течение последующего продолжительного мирного периода. Армии воспитываются в духе этих мнимых исключительных вершителей судеб народов, забывая все остальное, и горе тем отдельным смельчакам, которые осмелились бы поднять голос против общего увлечения. Таков закон природы, такова сила вещей, которые всегда оказывали и будут оказывать влияние на мирную подготовку армий.

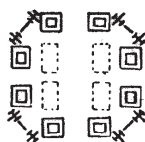
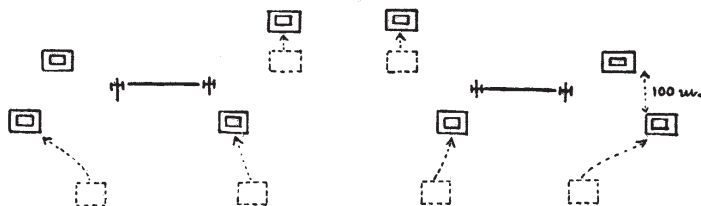
Обстановка, в которой обучалась и подготавливалась наша армия времен Крымской войны, была очень неблагоприятная. выдающиеся деятели войн за освобождение Европы, вдохновленные идеями великого Суворова, давно сошли со сцены, а заветы их позабыты; незначительные войны, Персидская и Польская, увенчались дешевыми лаврами новых героев, поставленных волею судеб во главе наших вооруженных сил на последующий долгий период мира. Привычные им образцы военных действий, подтвержденные успехами под Эриванью и Варшавой, сделались руководящими в нашей армии до Крымской войны включительно.

Тон всему образованию войск, бесспорно, дают начальствующие лица, верхи армии.

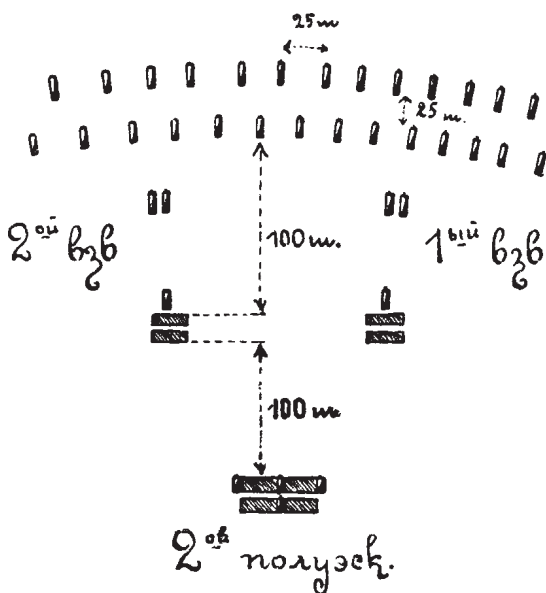
Редко кому из государственных деятелей приходилось выдерживать столько упреков ближайшего потомства в неудачах по всем отраслям государственного управления, какие выпали на долю императора Николая Павловича. Полагали, казалось, что, подобно тому, как могучая натура Николая I несла на одном себе в течение тридцати лет все бремя государственной жизни России, память о нем примет на себя всю вину его ближайших сотрудников.

Личность императора Николая Павловича должна была бы играть первенствующее значение в деле образования нашей армии. Его прирожденные военные таланты, здравый взгляд, его любовь к военному делу и к своей армии должны были бы служить порукой успешному ведению дела, но в действительности этого не оказалось. Военная деятельность императора Николая Павловича служит лучшим свидетельством того, насколько благие намерения монарха могут оказаться бесполезными, если он одинок в своей работе.

Все те отдельные военные мысли государя, которые вышли в разное время из-под его пера, заставляют признать в нем широкий военный взгляд, далеко оставивший за собой понятия даже лучших представителей своего времени, и правильное понимание сути военного дела. Суждения государя о разных военных вопросах, разбросанные в его собственноручных письмах и заметках; та самостоятельность, которую государь предоставлял своим главнокомандующим на войне, осторожно делая им намеки из боязни стеснить даже в тех случаях, когда их действия достойны были явного осуждения; меры его для развития маневров и военной игры с целью надлежащей подготовки начальствующих лиц, — все это с успехом может удовлетворить самые строгие современные требования.

Встреча кавалерийской атаки пехотной дивизией

Эскадрон с высланными фланкерами

Но, к сожалению, проведение в жизнь всех мыслей императора Николая Павловича очень часто выливалось в невозможную форму. Ближайшие его сотрудники не схватывали идей государя в полном их объеме, не вникали в их суть, а ограничивались лишь их буквою, которую и прививали к армии, совершенно извращая общий смысл¹⁴.

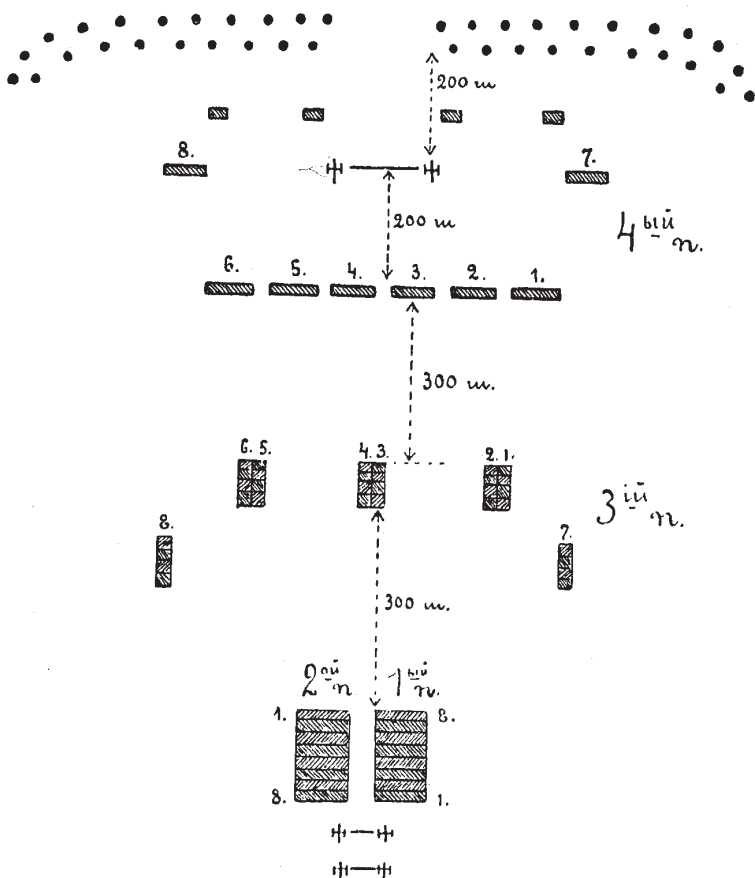
Мирная обстановка обучения армий давала возможность государю на своих смотрах обращать внимание и поверять только то, что можно схватить в короткое время высочайшего смотра и что бросалось в глаза, т. е. показную сторону: дисциплину, сплоченность, умение сноровисто маневрировать и пр. На эти-то внешние признаки только и обращалось исполнителями внимание, и в них видели залог дешевого успеха смотра.

Такая постановка дела порождала двойную беду. С одной стороны, государь, видя, как все требования его быстро прививаются к войскам, и слыша только льстивые отзывы о них, все более и более верил в выполнимость и пользу им требуемого и все более увлекался в одном направлении; с другой же стороны, армия воспитала целое поколение начальствующих лиц в фальшивом взгляде на военное дело.

К характерным особенностям государя Николая Павловича следует отнести унаследованную им с детства, со времен императора

Александра I, любовь к технике солдатского ремесла; стойку, маршировку, ружейные приемы, все это государь знал в совершенстве и любил, как привычку, вкоренившуюся с юношеского возраста. Такое маленькое пристрастие государя оказало также больше влияние на образование нашей армии. Корпусные командиры строили на чистоте этой техники, которой хотели блеснуть на царских смотрах, свои служебные успехи, а их требования, катясь по наклонной плоскости, увеличивались, как ком снега, и воплощались в уродливое одиночное обучение солдат, о котором будет речь ниже.

Считая свою армию на высоте совершенства, тяжело было государю так глубоко ошибиться в этом в последние годы своей жизни. «Теперь собираемся воевать, — писал он князю Варшавскому 25 июля

1-й боевой порядок легкой кавалерийской дивизии

1852 года из Петергофа¹⁵, — команду против Ридигера, продолжится, думаю, 8 дней. Посмотрим, что будет. Чужестранцы просто осовели, они остоленели здорово!» И это всего за год до войны!

Император Николай отличался большим доверием к своим приближенным, которое он сохранял до тех редких случаев, когда несомненные факты убеждали его в ошибке. Этой отличительной чертой государя многие пользовались, и она была причиной тому, что истинное положение дел до государя не доходило; все отрасли государственной жизни ему представлялись в гораздо лучшем виде, чем они были в действительности. Доверенные лица государя очень часто не имели гражданского мужества сознаться в непорядках подведомственных им частей, и редко доходило до государя слово правды¹⁶.

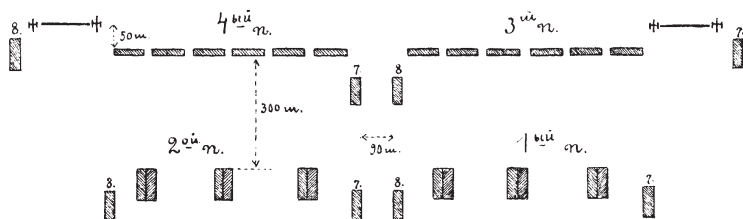
«При изучении срочных отчетов, — всеподданнейше доносил генерал Глинка 20 июня 1856 года¹⁷, — проявляется тот разительный факт, что все они суть не что иное, как хвалебные речи о беспримерном во всех отношениях благоустройстве и благосостоянии войск и управлений. Если в отчетах, поступающих от низших инстанций, и замечаются некоторые оттенки, то они сглаживаются и исчезают по мере восхождения, так что в отчетах, представляемых высшими инстанциями, все подводится в уровень и облекается в какие-то общепринятые формы, нисколько не поясняющие настоящего положения дел»¹⁸.

Рядом с величественной фигурой императора Николая в деле образования армии стоит и фигура знаменитого «отца-командира», «славы царствования Николая, истории царя царствующего»¹⁹.

Не только как фельдмаршал русской армии, находившийся в течение тридцати лет во главе большей части наших полевых войск или так называемой действующей армии, но как военный наставник государя, как человек, пользовавшийся его неограниченным доверием и полным на него влиянием, князь Паскевич должен был играть большую роль в деле образования армии. И в то же время мы затрудняемся сказать, в чем, собственно, выразилось его влияние на усовершенствование нашей армии, и, пожалуй, не ошибемся, если скажем, что ни в чем.

Бесспорно, талантливый генерал, но заурядный главнокомандующий, Паскевич имел счастье или несчастье в молодых относительно годах, в первые пять лет царствования императора Николая Павловича, достигнуть небывалой для простого смертного славы. Дальнейшая его деятельность не имела уже активного направления; она исключительно сосредоточилась на сохранении приобретенного им и на зорком надзоре за тем, чтобы кто-либо не затемнил военной славы фельдмаршала.

Паскевич не обладал тем широким, всеобъемлющим умом, который способен был оставить в истории следы его деятельно-

2-й боевой порядок легкой кавалерийской дивизии

сти. Как полководец он застыл на основах, примененных им в счастливой для него Персидской войне, но войне, веденной в особых, исключительных условиях. В этих основах вылился весь его военный кругозор, обрисовавшийся в двух аксиомах — в держании войск в кулаке и в солидном обеспечении их продовольствием.

Неоспоримо, что и то и другое являются весьма существенными данными в деле военного успеха, но во всяком случае не в них одних заключается вся суть военного искусства. В войнах Венгерской и Восточной нам жестоко пришлось поплатиться за такие воззрения фельдмаршала, который по своим способностям скорее был годен для роли знаменитого интенданта, чем главнокомандующего.

Как руководитель образования армии Паскевич ничем не выделялся из обычной среды современных генералов. Можно думать, что он был убежденным сторонником того направления обучения армии, которое процветало у нас в царствование императора Николая Павловича; по крайней мере не имеется никаких данных полагать иначе. Паскевич в тех делах, где были затронуты его личные интересы, отстаивал свое мнение и противился воле государя²⁰; в деле же обучения армии таких особых мнений и противоречий установившемуся порядку не удалось отметить.

Паскевич был первым руководителем императора Николая Павловича в деле военного образования. Еще в 1815 году юный великий князь познакомился с генералом Паскевичем, и они вместе занимались разрешением на бумаге разных стратегических вопросов²¹. Здесь зародились та дружба и то влияние, которым Паскевич пользовался до Венгерской войны. Неудачные действия его в этой войне несколько усомнили императора Николая в выдающихся военных способностях князя Варшавского²², но бескровная сдача армии Гёргеса вновь возвеличила его до высоты отдачи ему войсками царских почестей. На этой высоте князь Варшавский держался до «Силистрийского его сидения», этой лебединой песни «современного героя».

В руках Паскевича таким образом было придать то или другое направление образованию нашей армии. Как доверенное лицо го-

сударя, как фельдмаршал и как главнокомандующий действующей армии он имел полную возможность проводить свои взгляды в жизнь, и мы не ошибемся, если скажем, что излагаемая ниже система образования русского войска находилась в неразрывной связи с характером, взглядом и способностями князя Варшавского.

«Все эти правила, — писал князь М. Д. Горчаков в своем руководстве для боя против турок, составленном им в 1853 году, — не выдуманы мною, а были постановлены и всегда соблюдаемы генерал-фельдмаршалом князем Варшавским в знаменитых походах его против персиян и турок. Нам остается только следовать его примеру»²³.

Общий характер обучения армии сводился исключительно к выработке из солдат и офицеров составных единиц тех масс войск, которые предполагалось двигать на полях сражения. Все внимание обращалось на обучение действиям в сомкнутом строю, и в этом отношении наша армия доходила до совершенства. Но для достижения такого совершенства забывалось все остальное; солдат и офицеров старались почти нечеловеческими трудами и усилиями обратить в машины, забывая в них все то живое, чем полно военное дело. Занятий, развивающих некоторый кругозор войск, поднимающих нравственную их сторону, подготавливающих их, наконец, к самостоятельной разумной деятельности на войне, в ту эпоху совершенно не встречалось.

Уставы, изучение которых и составляло собственно всю премудрость военного дела, так как бульших познаний от офицеров и не требовалось, представляли из себя весьма объемистые томики; устав батальонного учения, изданный в 1848 году, имел, например, 342 страницы убористого шрифта (ныне — около 20 страниц). Лишь весьма незначительная часть этих уставов относилась собственно к боевой, тактической стороне дела; все остальное было наполнено техническими мелочами о том, как командовать, где стоять, куда кому повернуться, сколько шагов отойти в многочисленных до бесконечности построениях и перестроениях. И такими мелочами были наполнены многие сотни страниц во всех уставах, начиная с одиночного учения и кончая боевыми порядками. Является вполне понятным поэтому, что, может быть, иногда и правильные основные положения уставов ускользали от внимания исполнителей благодаря той массе мелочей, которым ближайшие руководители обучения войск придавали первенствующее значение.

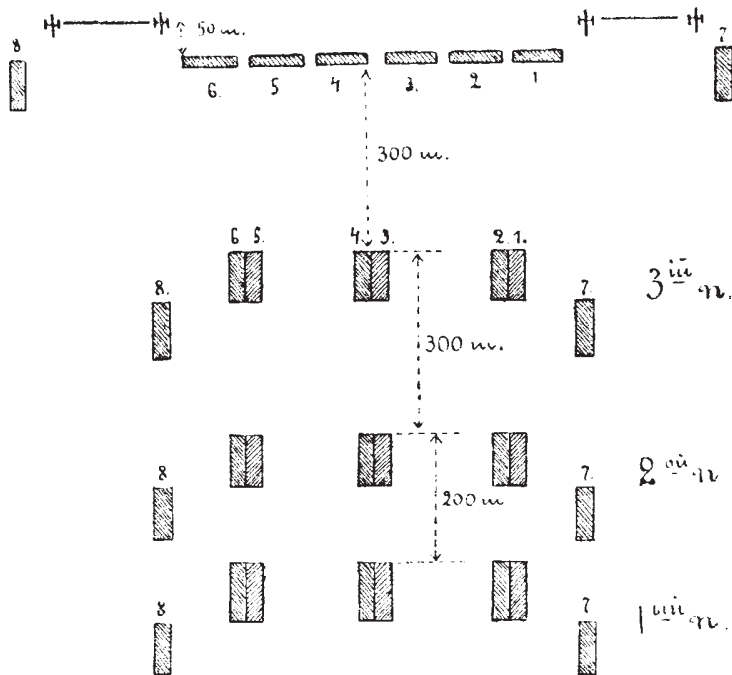
Немалое влияние на дело обучения войск имели также: расположение большей части армии по квартирам в деревнях, частые

передвижения войск с одного места на другое и многочисленные смотры, которые вносили много суеты в боевую подготовку нашей армии. Зато, с другой стороны, продолжительные сроки службы давали возможность достигнуть своего рода совершенства в тех требованиях, которые предъявлялись войскам.

Большая часть нашей армии была расквартирована мелкими частями по деревням, причем батальоны были разбросаны на десятки верст. Все обучение велось, при отсутствии манежей и каких-либо крытых помещений, на открытом воздухе, без общего руководства и направления со стороны батальонных и полковых командиров²⁴.

Лишь на короткое время летом полки, а иногда и дивизии собирались на тесные квартиры, в лагерный сбор, в течение которого производились совместные занятия батальонов и полков. Но и этот незначительный промежуток времени, в который войска только и могли научиться чему-нибудь, очень часто прерывался смотрами, и тогда начиналась та суета, которая доводила войска до полного расстройств²⁵.

Поступавшие на службу рекруты первоначально обучались или в своих частях, или же при резервных батальонах и при образцовых

3-й боевой порядок легкой кавалерийской дивизии

полках. Последние два способа, по свидетельству современников, приносили войскам более вреда, чем пользы. Собранные при резервных частях рекруты плохо обучались и плохо кормились, так как местное начальство фактически не несло за них никакой ответственности. Вконец изнуренные, они отправлялись, наконец, в полки в виде обученного, но в действительности сырого материала, с надломленными уже силами для дальнейшей службы²⁶.

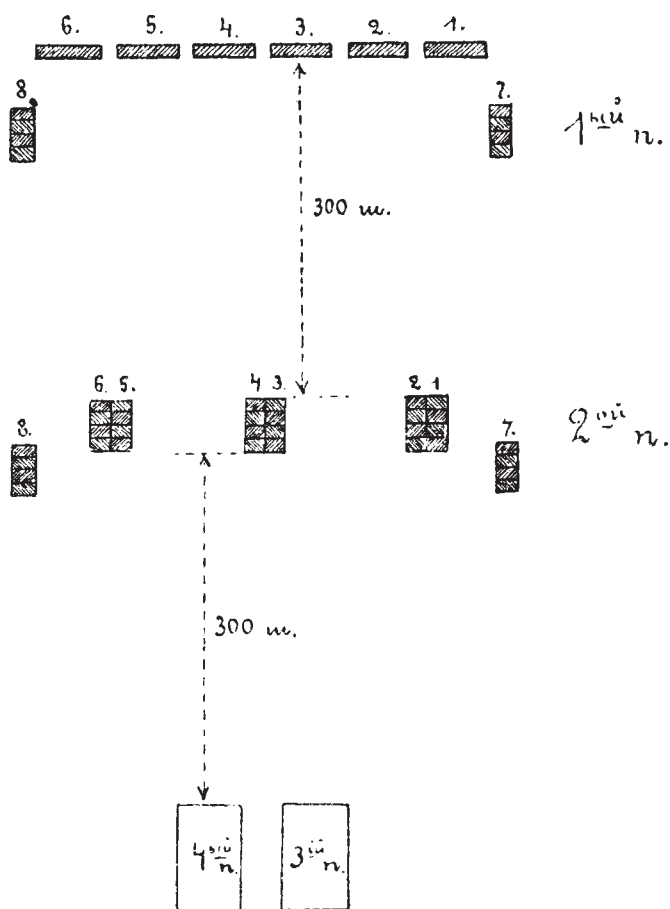
Подготовка рекрутов при образцовых войсках, главное назначение которых было служить правильным рассадником для армии всех тонкостей фронтовой службы, отличалась теми же неудобствами, как и при резервных частях, но, кроме того, там рекруты еще более страдали от непосильно тяжелых занятий.

«В Царском Селе, на смотре обучаемых при образцовом полку рекрутов, — писал Муравьев, — государь казался весел и доволен, хвалил рекрутов, но не замечал существенного недостатка этих 5000 человек, готовящихся при образцовом пехотном полку, где у них нет попечителя о благосостоянии их, и далеко недостает учителей для образования их. Государь не знает, что у рекрутов 500 больных, и в течение лета 40 человек бежало, а 10 повесилось или застрелилось вследствие усиленных занятий. Много было лжи и обмана на этом смотре! Люди, не носившие еще амуниции, не знающие никакого начальства и чуждые необходимым приемам солдатского быта, считаются готовыми стать в строй. Что за несообразность образовывать рекрутов вне своих команд толпами, без надлежащих начальников! Их обирают и морят»²⁷.

В полках одиночное обучение рекрутов да и вообще нижних чинов лежало исключительно на обязанности вахмистров, унтер-офицеров и так называемых дядек, из старых солдат, которые представлялись к каждому рекруту. По установившемуся в войсках обычаю, младшие офицеры не принимали почти никакого участия в деле одиночного обучения нижних чинов; ротные же и эскадронные командиры имели много других занятий, а потому также мало вмешивались в зимнее время в обучение своих частей.

Очевидно, что унтер-офицеры и дядьки учили нижних чинов тому, что требовалось на смотрах, т. е. маршировке, стойке и ружейным приемам. Хотя правила «рекрутской школы» и предписывали начинать обучение рекрута «с развития его понятия вообще и с детального ознакомления с ружьем, заставляя собирать и разбирать его по частям», но в действительности это правило никем не исполнялось. Учителя хорошо знали, что будут смотреть летом, и потому все время силы солдата напрягали на уразумение премудрости тихого учебного шага в три приема, стойки и щегольских ружейных приемов.

Такой тон занятий поддерживался всем составом офицеров до высших начальствующих лиц включительно. В ружейных приемах,

**Боевой порядок кавалерийской дивизии
из 8 эскадронных полков**

равнении и маршировке видели не средства сплотить часть и подготовить ее к боевым действиям, а цель всех трудов, всю суть военного искусства. Увлечение ружейными приемами и стойкой, по свидетельству современников, доходило до курьезов.

Хлопотали единственно о блеске солдат, о разных тонкостях в маршировке и ружейных приемах и больше ни на что не смотрели. Точность выправки, писали современники, доходила до того, что команды: «Поддай вперед корпус тела между 5-й и 6-й пуговицей» и др. слышались постоянно. В ружейных приемах нашли

возможность кокетства и грации; при маршировке требовали уха в носке и т. п.²⁸ И чувствовал себя наш солдат в строю на своем месте только тогда, когда чувствовал локтем товарища²⁹.

Обучение каждого отдельного солдата маршировке также отнимало массу времени. Сначала шло обучение первому учебному шагу в три приема, потом учебному шагу в два приема; после этого уже начиналось обучение обыкновенному шагу, который, в свою очередь, делился на тихий (от 70 до 72 шагов в минуту), скорый учебный шаг в один прием, скорый шаг (в минуту 110 шагов) и вольный шаг.

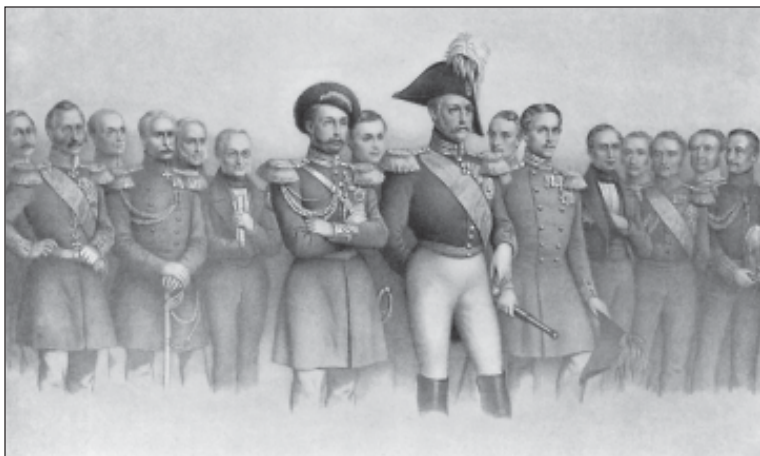
Дальнейшее обучение пехоты состояло в ротных, батальонных, полковых учениях, и венцом всего были боевые порядки. Все внимание при производстве этих занятий было исключительно обращено на достижение полного однообразия в движениях, на чистоту уставных построений, равнение, твердый шаг и опять-таки на ружейные приемы. Стройность и однообразие сомкнутого строя были доведены до того, что целые дивизии передвигались в ногу.

Каждое учение обязательно полагалось заканчивать церемониальным маршем, доведенным до совершенства. Церемониальный марш полковыми колоннами называли «зрелищем богов»³⁰. Действительно, нужно было время и невероятные усилия сколотить колонну в 2500 человек так, чтобы все это двигалось, как натянутые струны. Марш полковыми колоннами был апофеозом учебного шага; к нему подготовлялись исподволь, и им завершались летние занятия³¹...

Учение боевым порядкам, к сожалению, также сводилось к соблюдению мельчайших правил линейного учения и всех тонкостей сомкнутого строя. Никто из старших начальников, а тем паче из младших не старался вникнуть в основную идею государя, смотревшего на боевые порядки лишь с точки зрения более выгодного суммирования свойств оружия и строев, а видели в них только новую головоломную форму сомкнутого строя со всеми присущими ему особенностями. Масса времени тратилась на то, чтобы батальонные командиры одновременно останавливали свои батальоны при вводе их в линию, чтобы команды подавались под ту или другую ногу, чтобы начальники равнялись при всех положениях частей и пр.

Немудрено, что при таком взгляде на дело боевые порядки являлись камнем преткновения для начальствующих лиц и источником мучений для подчиненных и нижних чинов. Вместо пользы делу они принесли много вреда, бесцельно утомляя войска и отбивая у офицеров всякое понимание смысла того, что они делают, а следовательно, и охоту к этому делу³².

Даже в 1854 году, в то время, когда на Дунае уже выяснились многие недочеты нашего обучения, мы³³ не могли отказаться от плац-парадов³⁴.

*Николай I и его сподвижники в 1854 г.
(с французской литографии)*

Рассыпному строю обучались в каждом полку только застрельщики и штуцерные. Многие полки его совсем не знали и впервые начали обучаться ему во время стояния на Алминской позиции³⁵; но так как устав был построен на устаревших и трудно применимых основаниях, то войска по-прежнему теряли только попусту время и ничему не выучились³⁶.

Упражнения войск в полевой службе совершенно не производились, хотя этот отдел обучения входил в уставы и требовался как государем, так и наследником. И офицеры, и нижние чины терпеть не могли этих занятий, на которые смотрели как на источник излишних мучений, так как они не подлежали проверке на смотрях. Войска обыкновенно ограничивались расстановкой постов и пикетов на плацу при помощи устава, без всякого объяснения цели этих упражнений и без применения к местности. Результатом такого взгляда на этот важный отдел образования войск было то, что во время Крымской кампании многие батальонные командиры не понимали отличия между аванпостной и боевой цепью и напрасно морили целые батальоны, выставляя совершенно ненужную боевую цепь для охранения биваков³⁷.

Что касается обучения стрельбе, то этот важный отдел военного ремесла как бы совершенно находился в загоне и вызывал больше, чем какой-либо другой отдел, нареканий современников. На стрельбу смотрели как на излишнее, никому не нужное бремя, и даже производимые ежегодно государем и наследником смотры не помогали делу. Смотры эти почти всегда бывали удачны, и даже чересчур.

Стрельбе никогда не учили толком, систематически; назначенный для этого порох не употребляли по назначению, а топили в воде, раздаривали знакомым помещикам или продавали жидам³⁸. Одиночные робкие попытки разумного обучения не приводили ни к чему. Они были преждевременны и бессильны, так как почва к этому совершенно не была подготовлена. Принимаемые с 1848 года меры для увеличения числа обученных стрельбе из штуцеров людей оставались в течение многих лет мертвой буквой даже в Петербурге, в гвардии, на глазах у царя³⁹.

Для упражнения в стрельбе обыкновенно выбиралось время, предназначенное для отдыха. На нее смотрели как на отбытие номера; офицеры если и делали замечания стрелявшим, то исключительно с точки зрения чистоты приемов для заряжания, а солдаты, выпуская свои три пули, думали только о том, чтобы не получить сильного удара в щеку. Многие из нижних чинов ухитрялись избегать скучных занятий стрельбой, и на это начальством смотрелось сквозь пальцы.

«После нескольких занятий с унтер-офицером, — пишет Давыдов в своих воспоминаниях о Самарине⁴⁰, — мы с Самариным полюбопытствовали, умеет ли сам учитель стрелять, и, к удивлению нашему, узнали, что он, до мельчайших подробностей знающий искусство метания ружьем, никогда не стрелял!»

Гораздо чаще практиковалась и более нравилась батальонным командирам стрельба залпами холостыми патронами, причем в чистоте залпов целыми батальонами хотели достигнуть такого совершенства, как в ружейных приемах и равнении. На маневрах в 1850 году, например, вся 12-я дивизия усиленно стреляла из колонн залпами⁴¹.

Что касается стрельбы штуцерных и стрелковых батальонов, то это дело было у нас поставлено основательно, и обе эти категории войск стреляли отлично⁴².

Для обучения стрельбе на каждого пехотного и драгунского солдата до 1853 года отпускалось всего по 10 боевых патронов в год, и только с 1853 года был увеличен отпуск боевых патронов⁴³ для частей, вооруженных Литтихскими штуцерами, до 200, а для прочих — до 15 патронов в год.

Бою на штыках полагалось обучать во всей армии только одних застрельщиков.

На обучение кавалерии государь, сам отличный кавалерист, обращал особое внимание, но и в этом отношении его взгляды, намного опередившие современные от кавалерии требования, не могли надлежащим образом проникнуть в массу нашей армии. Восточная война, кроме Балаклавского сражения, не дает материала для суждения о подготовке и правильности обучения этого рода оружия. Она только отмечает общий для всей армии факт неподготовки к своему делу большей части командного элемента.

Государь требовал от своей кавалерии большой подвижности⁴⁴, лихого движения по пересеченной местности⁴⁵; он настаивал на том, чтобы кавалерия не сидела на носу своей пехоты, а смело выдвигалась вперед⁴⁶, чтобы кирасирские полки в последнюю минуту боя пехоты довершали своим ударом поражение неприятеля⁴⁷. Настоянию же государя принадлежит установка правильных аллюров, которые до этого были так коротки, что «любая пехота, — как говорил император Николая Павлович, — в состоянии обогнать идущую галопом кавалерию». Он же на малых маневрах и смотрах старался неожиданно даваемыми задачами развить находчивость и сообразительность офицеров⁴⁸; обращал внимание на надлежащую постановку упражнений в полевой службе и действий кавалерии массами⁴⁹.

Государь был большой поклонник драгун и придавал важное значение этому роду кавалерии. Сформированием особого драгунского корпуса, предназначенного для выполнения целого ряда стратегических задач, он намного опередил взгляды современников. К сожалению, этот корпус, участвуя в двух войнах, ни разу не был применен в дело по неумению главнокомандующих надлежащим образом использовать его положительные свойства.

Но как же на практике привились такие требования государя?

В одиночном образовании кавалериста, как это ни странно, важную роль играли пешая выправка, ружейные приемы и маршировка. Люди проводили иногда целые дни на пеших учениях, делали всевозможные ружейные приемы, маршировали тихим, скорым и беглым шагом.

Увлечение пешим строем в кавалерии иногда доходило до того, что целые кавалерийские дивизии усиленно обучались пешему стрелковому учению и старательно строили кучки против кавалерии⁵⁰. Даже в образцовом кавалерийском полку не избежали этого увлечения. Полк этот давал отличных пехотных унтер-офицеров, но ни одного кавалерийского. Иначе и быть не могло. Туда отправлялись молодые солдаты красивой наружности, хорошо маршировавшие и порядочно делавшие ружейные приемы. По отношению к знанию верховой езды требовалось только, чтобы эти нижние чины не падали и держали, как говорилось, посадку на хорошо выездженной лошади. В образцовом полку их сажали на отлично уже обученного кадровым унтер-офицером коня, совершенствовались до тонкости пешую выправку и, нашив галуны, отправляли обратно⁵¹.

На обучение людей езде большое влияние имела заботливость эскадронных командиров о телах лошадей.

Люди обучались почти исключительно манежной езде; более всего требовалась красивая посадка на длинных стремянах, а управление конем и владение оружием стояли на втором плане. Луч-

ше других езде были обучены карабинеры (фланговые ряды во взводах, вооруженные штуцерами), на которых лежала фланкерская служба. На езду их было обращено особое внимание; их освобождали от всех пеших командировок, которые ложились таким образом всей тяжестью на остальных людей эскадрона, и редкому из этих последних приходилось в течение зимы сидеть на коне более 20 раз⁵².

Учения эскадронные, полковые и более крупных частей делались обыкновенно на ровной местности и на учебных плацах. Все внимание было обращено на стройность движения масс, правильность посадки, чистоту уставных перестроений и церемониальный марш.

Иногда выводимые на учение полки пропускались справа по одному, водились церемониальным маршем по ровной местности какого-либо плацпарада; все производилось чинно, натянуто, без удал, без лихости. Таким образом, смолоду усыплялась в офицере та лихость, без которой кавалерийское дело невозможно; сонливость эта переходила в характер его и сообщалась всему войску⁵³.

Все отдели полевой службы кавалерии, как не подлежащие смотрам, были, по крайней мере в армейской кавалерии, в совершенном забросе.

Аванпостной службе людей обучали с изумительной небрежностью, и незнание этого дела было заметно даже в старших офицерах наших легких полков. Офицеры не знали своих обязанностей и не понимали устава⁵⁴.

Фехтованию на саблях и палашах полагалось обучать только нижних чинов гвардейской кавалерии. Обучение же всей кавалерии сабельной рубке и фланкировке пикой сводилось к согласному деланию приемов целыми эскадронами⁵⁵.

В артиллерии и в инженерных войсках обучение велось в общем на тех же основаниях, как в пехоте и кавалерии, — много времени тратили на достижение стройности движений и отлично-

Вид Вифлема

(с французской гравюры Дартуа начала XVIII столетия)

Интерьер храма Гроба Господня
(с голландской гравюры, по рисунку Н. де Брюиньи)

го церемониального марша. Но хороший состав офицеров, преимущественно из воспитанников артиллерийского и инженерного училищ и кадетских корпусов, позволил этим родам оружия не забывать и своего главного назначения. Как артиллеристы, так и саперы по своему образованию стояли во время Крымской войны вполне на высоте современных требований, а инженерные войска стяжали сверх того своим искусством неувядаемую славу при обороне Севастополя и минной около него войны.

Стрельба артиллерии была в хорошем состоянии⁵⁶. Отпуск огнестрельных припасов для учебной стрельбы доходил в год от 54 до 120 снарядов (смотря по образцу) на орудие.

Если в чем артиллерию и можно было упрекнуть, так это в недостаточной подвижности⁵⁷.

Несколько более мрачную картину рисуют современники об обучении крепостной артиллерии. «Артиллеристы, — доносил контр-адмирал Матюшкин генерал-адмиралу⁵⁸, — офицеры, как и нижние чины, люди, не имеющие понятия ни о возвышении, ни о дальности полетов; люди, которые до сих пор учились только ходить по плацам и метать ружьем».

Грамотностью в войсках совершенно не занимались, хотя грамотных на службу поступало не более 5 %.

Что касается обучения офицеров, то первоначально отметим те меры, которые были приняты государем для надлежащей их подготовки.

Сюда следует отнести широкое развитие учения с обозначенным противником, малых и больших маневров, установление военной игры, в которой принимал участие и сам государь, и, наконец, военные беседы по тактике офицеров Генерального штаба со строевыми офицерами⁵⁹.

Но все эти начинания падали на совершенно неподготовленную почву и не приносили никакой пользы.

На военную игру и на маневры приближенные государя смотрели как на пустую забаву, как на даром потраченное время⁶⁰. И действительно, маневры того времени были далеко не совершенны и полны курьезов⁶¹; но виной этому были как новизна самого дела, так и отношения к ним высших начальствующих лиц в армии.

Отличительная черта этих маневров заключалась в том, что, кроме государя и наследника, все на них смотрели не только как на бесполезное, но как на вредное дело, как на прихоть государя, и своим отношением к маневрам действительно отняли от них всю пользу. Маневры почти всегда производились в присутствии государя и даже при его близком участии. Это вносило суету в дело; каждый думал не о том, чтобы получить пользу от таких дорого стоящих упражнений, а чтобы в лучшем виде показаться государю, принаравливаясь с внешней стороны к его требованиям, не сознавая и не стараясь вникнуть в их суть.

Такие исполнители делали то, что никто из офицеров, даже начальники крупных войсковых частей, не понимали, в чем состоит маневр, что от них требуют, и всю суть их видели все в той же чистоте перестроений и мелочном сохранении дистанции.

Военные познания большинства старших генералов армии были в высшей степени ничтожны или, вернее, совсем отсутствовали. Государь отлично это сознавал, но ничего не мог поделать. Многие из писем его к князю Варшавскому наполнены похвалой войскам и жалобой на никуда не годных генералов⁶². «На маневрах, — писал он 28 июня 1852 года, — войсками был очень доволен, но не начальниками, и с горестью вспоминал наши разговоры; увы, ума в них не видишь, а правду им выговаривать довольно тяжело, хотя и необходимо!»

Жалобы на отсутствие знающих генералов слышались отовсюду и до войны, и во время ее⁶³.

«Не столь отрадны беспечность и бестолковость начальства, которым только и приписать можно все бывшие неудачи», — писал государь князю Горчакову⁶⁴.

«C'est un rude métier que de commander sur une ligne de six cents verstes, avec des gâînйraux dont la majeure partie ou bien ne

*Святые места на Кедроне близ Иерусалима
(с голландской гравюры, по рисунку Н. де Брюиньи)*

connait pas la guerre, ou bien l'a oublié», — в свою очередь писал князь Горчаков⁶⁵.

«Dans le Nord nous n'avons pas non plus, comme Vous le savez, des gйййраux armййs d'expййrience. C'est triste a dire, mais c'est vrai», — сознавался военный министр⁶⁶.

Очевидно, такой состав высшего командного элемента должен был положить и известный отпечаток на направление деятельности всего корпуса офицеров нашей армии в мирное время. Не только ничего не было сделано для умственного развития или для воспитания их в духе разумного применения частной инициативы, столь необходимой в военное время, но, напротив, все было сделано к тому, чтобы сузить до последней степени умственный и служебный кругозор офицеров, чтобы окончательно отбить у них охоту к военному делу.

Бесспорно, что большинство офицеров русской армии по своим нравственным качествам и по своему желанию принести пользу Отечеству и той службе, которой они себя посвятили, отличались всегда присущими русскому дворянству доблестями; они доказали это всему свету в начавшейся вскоре войне. Но как воспользовались начальствующие лица этими положительными сторонами нашего корпуса офицеров? Они убили у одной части любовь к военному делу, а другую обратили в отличных фельдфебелей и вахмистров⁶⁷.

На младших офицеров не обращалось никакого внимания, и они больше ценились по их личным качествам в строю. Поле деятельности этих офицеров на всех учениях и маневрах было сужено до крайности⁶⁸, они являлись только механическими передатчиками приказаний старших. Вся деятельность ротных и эскадронных командиров была направлена к тому, чтобы лучше пройти церемониальным маршем и хорошо представить маневжную езду, по успехам которых на смотрах судили и о достоинствах командиров. Военная же наука ограничивалась познаниями, получаемыми в учебном заведении, без применения их к делу.

Малые маневры, которым в начале пятидесятых годов начали придавать большое значение⁶⁹, имели своим недостатком то, что они развивали у офицеров и солдат страх ответственности и страх начальства. В понятиях офицеров они вообще стояли ничуть не выше фронтовых учений. Войска, совершенно не понимая сути маневров, наступали, отступали, делали обходы и заботились только о том, чтобы не спутать каких-либо построений⁷⁰.

Характер смотровых требований также давал соответственное направление занятиям офицеров. Вот как описывает Алабин в своих записках смотры одного из корпусных командиров в лагерном сборе под Луцком⁷¹. Сегодняшний день, пишет он, корпусный командир употребил на пригонку в каждой роте касок на три типичных головы, следующий день был употреблен на такую же пригонку мундиров, потом одиночная езда пехотных офицеров, обязанных быть верхом, смотр всем музыкантам, песенникам и даже ротным балагурам; за сим следовал детальный осмотр тамбур-мажоров, а в ненастное время людям приказано было лежать в палатках и всем вместе кричать: «Здравия желаем, ваше-ство! Ура!», чтобы выработать в этом крике выражение восторга и одушевления. Эта живая картинка с натуры, в которой рельефно обрисовывается вся среда служебного круговорота наших офицеров, ясна без всяких комментариев.

Донесения высших начальствующих лиц о произведенных ими смотрах является также мерилom современных требований.

«Церемониальный марш был вообще хорош, шаг правильный, но в держании ружья замечена еще неровность... Войска одеты хорошо, стойка верна, шаг правильный, равнение и держание ружей на церемониальном марше хорошо»... Вот суть специальных донесений князя Варшавского государю императору о произведенных им смотрах⁷² в 1852 году — и больше ничего. А вот и разбор князем Варшавским произведенных им маневров: «Дистанции вообще были соблюдены, и войска нигде не сходились ближе того, как по положению о маневрах постановлено. На маневре этом вообще войска исполняли все движения с должной отчетливостью».

«Войска представились в отличном виде, — доносил генерал Лидерс 22 мая 1853 года⁷³; — проходили церемониальным маршем очень удовлетворительно и на произведенном мною маневре делали все построения совершенно отчетливо».

Наступившая война заставила, впрочем, несколько изменить взгляд на характер обучения войск, и в отчетах того времени наряду с указаниями о проверке церемониального марша появляются и сведения о произведенных смотрах стрельбы; в инструкциях же для ведения занятий начинается понемногу отвоевывать себе место и цельная стрельба, но отнюдь не в ущерб церемониальному маршу⁷⁴. Впрочем, князь Варшавский и в это время продолжал доносить исключительно о церемониальном марше, хорошем шаге и равнении⁷⁵.

Такова была почва, которая подготовила к наступившей войне генералов и офицеров, большая часть которых не рисковала самостоятельно шага сделать, не умела ни выбирать позиций, ни двигать войск на полях сражений, ни охранять и разведывать. Это развило среди начальствующих лиц тот гнет, который убивал у них всякую энергию, заставлял их идти не иначе, как на помочах, парализовал в них инстинктивное иногда желание действовать так, как подсказывал им здравый смысл. И что всего ужаснее, так это то, что всеми этими качествами, как увидим ниже, были с особым избытком одарены руководители наших армий во время Восточной войны.

Кампания эта, полная подвигами высокого мужества и беззаветной преданности своему долгу всех наших войск, начиная от генерала до рядового, дает нам в то же время более примеров живой, активной деятельности со стороны младших начальников и молодых офицеров, которых не успела окончательно засосать еще душная атмосфера мирного обучения, или же со стороны таких лиц, как генерал Хрулев, который до Венгерской кампании семнадцать лет был вне строя, чем со стороны старших начальников⁷⁶. Среди этих последних общественное мнение того времени указывало на двух генералов, способных стать во главе армий, это на Лидерса и на Н. Н. Муравьева, но, по странной

Князь М. Д. Горчаков
(с литографии Дарленга,
по рисунку Гиллера)

случайности, первый из них в течение всей кампании занимал место второстепенное, а последний был призван к деятельности лишь во вторую ее половину.

Как на следствие и как в то же время на причину такой подготовки начальствующих лиц, следует указать и на те оригинальные инструкции, которыми в обилии снабжал князь Горчаков на Дунае и в Крыму командиров корпусов и прочих начальников отрядов. Целые сотни страниц были исписаны главнокомандующим с этой целью, причем князь Горчаков с поразительным усердием старался указать начальникам отрядов, находящимся за несколько сот верст от него, не только все подробности, как действовать в случае столкновения с неприятелем, но даже какие полки в какую линию ставить. Очевидно, что генералы, начальники отрядов, привыкшие в мирное время только слепо повиноваться, более заботились о том, чтобы в точности исполнить данные главнокомандующим указания для построения войск к бою, чем разбить неприятеля, и приходили в полное недоумение, что им делать, когда противник вел себя не так, как ему это было предписано князем Горчаковым. Например, в одной из таких инструкций, данной начальнику Мало-Валахского отряда генералу Бельгарду, князь Горчаков, советуя в подробности, как расположить в боевом порядке каждый батальон и батарею, кончает свое поручение следующим образом: «Надобно, чтобы войска знали заранее, в каком боевом порядке им драться. Посему надлежит не только им это объяснить, но немедленно по прибытии на место сделать непременно несколько репетиций и показать, как будете употреблять резерв в случае нападения на ваши фланги или тыл, сообразно с данным вам руководством»⁷⁷.

Закончим характеристику обучения нашей армии мнением принца Нидерландского, присутствовавшего на Красносельских занятиях 1853 года⁷⁸: «C'est très bien a voir ces exercices amenés a un tel état de perfection. Nul doute, que ce n'est qu'avec des troupes parfaitement exercées, qu'on peut parvenir a une telle régularité dans les mouvements, mais je pense, que si l'on voulait essayer de ces formations et de ces changements de front en présence de l'ennemi, on ne se trouverait pas bien. Tout ce que je vois faire ici, me semble, ne servira qu'a mettre des bornes a l'entendement humain».

Но подобная фальшивая система обучения нашей армии не была делом только ее строевого состава. Напротив того, она пустила глубокие корни и в рассаднике военных познаний среди русских войск в нашей Академии Генерального штаба. Современные профессора были далеки от правильного понимания ведения боя и залог успеха видели не в изучении и исследовании действий великих полководцев, не в опыте, который в мирное время дает основательное знакомство с военной историей, а в Красносельских лагерных упраж-

*Сатирическое изображение политического положения Европы в конце XVIII столетия
(с английской гравюры Голланды)*

нениях⁷⁹. Совет великого Наполеона, говорившего, что для того, чтобы стать хорошим военачальником, необходимо изучить тридцать сражений, заменился постановлением конференции академии, что не в опытах военной истории надо искать познаний военного дела, а на военном поле Красного Села с его знаменитыми *coups d'oeil* во главе. Эти «кудёлки», как их называли солдаты, состояли в том, что по окончании учения или маневров все войска быстро собирались к одному пункту и строились в глубокие колонны, после чего с музыкой и барабанным боем проходили 1—1½ версты, изображая этим последний акт боя, тот молот, который наносил окончательный удар предполагаемому противнику⁸⁰.

Таким образом, описанная система обучения войск не была делом рук отдельных личностей, а она пустила глубокие корни во всех руководящих военных сферах, и правильное и неуклонное применение ее с каждым годом приносило все более и более обильные плоды, уклоняя нашу армию в ложном направлении.

Но эта система не была следствием Николаевской эпохи; она была привита нашей армии при Павле, культивирована при Александре и, как тяжелое наследие, перешла к Николаю. Современники последних годов царствования Александра Павловича рисуют состояние нашей армии в ту эпоху в тех же мрачных красках, с которыми мы отчасти встречаемся и во времена Крымской войны⁸¹.

Князь М. С. Воронцов
(с литографии, по рисунку
Генсена)

«Муштровка войск, — пишет один из исследователей Александровской эпохи⁸², — доводилась до поэтического восторга. Войска выводились на ученье задолго до назначенного часа. Измученные долгим ожиданием, валившиеся под грузом ранца, подавленные тяжестью туго надетого кивера, с колыхающимся от ветра почти аршинным султаном, затянутые до удушения туго застегнутым воротником и скрещенными на груди ремнями, солдаты с напряженным вниманием исполняли команды, требовавшие от них бодрости и быстрого исполнения».

Совершенно в ином положении в отношении боевой подготовки находились наши

кавказские войска. Заброшенные на окраину, они не испытали ни той ломки, которой подвергались войска Европейской России в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого столетий, ни мелочей фронтовой службы мирного времени и таким образом сохранили в себе дух румянцевских и суворовских полков.

«Кавказский полк, — говорит Фадеев⁸³, — являлся целым организмом, проникнутым одним духом, одними понятиями и обычаями, высоко ценящий свои предания, выработавший свой особенный боевой характер. Находясь лицом к лицу с противником отважным, ловким и хитрым, кавказский солдат поневоле, для собственного сохранения, должен был стать таким же. Служба на передовых постах и в секретах, в боковых цепях на походе, действия небольшими партиями и даже в одиночку должны были развить в нем в высшей степени индивидуальные боевые качества. Эта обстановка выдвигала людей выдающихся, раскрывала душу каждого; в начальствующие не могли попасть люди по случайному выбору ротного командира, а попадали действительно достойные, нравственно влияющие на своих товарищей. Здесь нельзя было выслуживаться — надо было заслужить. Эти же условия выработали в Кавказской армии столь же славный офицерский состав. В кавказских полках, где каждый солдат не раз стоял лицом к лицу со смертью, не могло быть и страха смерти, и действительно, в бою никакой огонь не мог их остановить. Кроме решительности удара, кавказские войска в

высокой степени обладали инициативой. В бою каждый делал свое посильное дело, не ожидая приказаний свыше; ротного командира заменял младший офицер, его — фельдфебель и даже рядовой, и заминки при этом не бывало. Действуя в горах, лесах, где часто приходилось топором прорубать дорогу и где из-за каждого камня или дерева можно было ожидать вражеской пули, войска эти в бою всегда умели применяться к местности. Размыкание под огнем, смыкание перед ударом делались, по свидетельству очевидцев, как бы инстинктивно, без приказаний. Между родами оружия существовала самая тесная связь.

Славный Нижегородский драгунский полк, выручая пехоту, врзался в неприятельские каре, несмотря на самый сильный батальный огонь, атаковал под картечью и брал неприятельские батареи. Донские линейные и черноморские неустрашимые одинокие всадники во всех боях с честью восполняли недостаток у нас регулярной кавалерии и в боях, наравне с нею, прославились сомкнутыми атаками на расстроенного неприятеля. В артиллерии материальная часть была в плохом состоянии: старые пушки, деревянные лафеты, плохая сбруя; зато среди батарей и отдельных орудий существовало соревнование в меткости стрельбы, и в этом отношении иногда достигались результаты поразительные.

Как в походе, где ее выручала пехота, так и в бою, где ей приходилось выручать пехоту и конницу, она никогда не отставала. Отступить с позиции ранее пехоты, не выручать своей конницы считалось позором, и никто не ставил в вину потерю орудий, когда ей приходилось умирать, дав последний картечный выстрел в упор.

Действуя в бою, артиллерия не приковывалась к одной позиции, а сама искала для себя наилучших задач, переезжала с одного пункта поля сражения на другой и часто, опережая свою пехоту и кавалерию, подсакивала к неприятельским каре на картечный выстрел».

Современники эпохи царствования императора Николая оставили после себя немного материалов, которые помогли бы надлежащим образом обрисовать нравственный облик армии. Обширная же литература конца пятидесятих и шестидесятих годов прошлого столетия, имеющая характер обличительного направления, бесспорно, не отличается полной беспристрастностью.

Окончание Крымской войны и вступление на престол молодого, мягкого государя, искавшего в общественном мнении страны как бы содействия к проведению в жизнь тех реформ, которые созрели в предшествующее царствование, дало какой-то невероятный толчок к публичному самоунижению. Появилась целая масса

обличительных статей, хулящих порядки и обычаи минувшего царствования и в особенности касающихся состояния нашей армии. С каким-то особым наслаждением спешили сообщить и вынести наружу все то неприглядное, что в обилии существовало и в каждой другой нации, и в каждой армии; все же хорошее было позабыто, и о нем никто не смел обмолвиться. Обличители как бы забывали, что армия есть продукт самой нации, что ее обычаи и быт служат отголоском того, чем живет и мыслит население всей страны, и в особенности ее интеллигенция.

В настоящее время, смотря на прошедшие события с высоты истекших пятидесяти лет, невольно задаешься вопросом, что если, действительно, все было так плохо, как описывают это очевидцы, составлявшие свои воспоминания и записки много лет спустя; если армия, действительно, не имела воинского духа, не знала чувства чести, была деморализована, повиновалась только чувству страха палки, то каким же образом она могла выставить в Крымскую войну столько беспримерных героев, которым справедливо дивились союзники?

Перед нашими глазами длинной вереницей проходят имена особо отличившихся нижних чинов в списках, которые, по воле императора Николая, представлялись ему и которые ныне хранятся в наших военных архивах.

Рядовой Поленов, бросающийся, после сильного рукопашного боя в одиночку с целой толпой англичан, со скалы в пропасть, чтобы только избежать позора плена; рядовые Нечаев и Шелкунов, гуляющие после отступления наших войск под градом пуль противника и собирающие наших раненых; Павлов и Белоусов, спасающие генерала Хрущева; неизвестный рядовой, валяющийся на землю инженер-капитана Дельсала и прикрывающий его собою, пока не разорвется упавший вблизи снаряд⁸⁴, — разве все они не суть продукты той же армии, в которой находили только дурное, разве это не есть доказательство и существования в армии высокого чувства чести и воинского духа, и полного отсутствия деморализации?

Да не подумает читатель, что мы подобрали исключительные, редкие примеры. Именами «рядовых Поленовых» исписаны многие десятки страниц; из них состоит история обороны Севастопольской. А сколько тысяч таких рядовых остались еще совершенно неизвестными, так как русский простолюдин не видит в подобных подвигах чего-либо особенного и делает их не на показ, не для славы, а по чувству совести и внутреннего нравственного долга.

Армия жила и воспитывалась в обстановке крепостного права, обычаи которого невольно переносились и в войска⁸⁵. Наша интеллигенция, проливавшая слезы при чтении «Бедной Лизы» Карамзина и беспощадно засекавшая в то же время своих крепостных за

самые маловажные проступки; наши помещики, проводившие свое время между охотой с борзыми, карточным столом и конным заводом и чуждые каких-либо умственных интересов наконец, наше чиновничество, законно смотревшее на взяточничество и все свои способности направлявшее к усовершенствованию и развитию этого спорта, — вот та среда, в которой жила наша армия и элементами которой она пополнялась. Нет сомнения, что эта мрачная картина не включала в себя лучших представителей русского общества, но таков был общий фон, а он характеризует эпоху.

Надо было иметь силу гения, чтобы в кратковременный период человеческой жизни окончательно изменить упругие свойства народной массы; но гении являются раз в несколько столетий, а потому на медленное поступательное движение смягчения нравов и развития общества, а вместе с ним и армии, следует смотреть как на непреложный закон природы.

Эпоха, предшествовавшая стольким коренным реформам и преобразованиям царствования императора Александра II, не могла им не содействовать, не служить, так сказать, подготовительной переходной стадией. Брожение в этом направлении велось скрытно, постепенно, в известной последовательности, но оно, бесспорно, велось и в некоторой степени подготовило наше Отечество к принятию реформ Александра II.

Вступление императора Николая на престол застало армию гордой воспоминаниями о победоносных войнах Наполеоновской эпохи, но почившей на своих лаврах. Одиннадцать лет мира и окраска аракчеевского управления наложили свой отпечаток на внутренний склад армии. И в воспитании, и в обучении ее замечался характер односторонности, свойственной тому времени суровости и непомерного увлечения муштровкой, унаследованной императором Александром I со времен царствования императора Павла Петровича и доведенной им до невероятных размеров. Походы за границу не способствовали смягчению нравов вообще, а влияние их ограничивалось лишь развитием некоторого свободомыслия среди

*Обер- и унтер-офицеры
Камчатского егерского полка
(Интендантский музей)*

общества офицеров. Либерализм пустил довольно глубокие корни с тех пор, как общественное воспитание и образование были построены на принципах, чуждых нравам, правительству и религии страны. Военные, которые провели довольно долгое время во Франции, незаметно усвоили себе привычки и взгляды, не соглашавшиеся со строгой дисциплиной русской армии; вообще во всех классах общества замечалось стремление к независимости, вызвавшее потрясение, которое не могло остаться без последствий⁸⁶. Но либеральный образ мыслей большинства не был, к сожалению, употреблен ими на смягчение нравов и на правильное направление воспитания в пределах тесных рамок их служебных обязанностей.

Большинство генералов, отмеченных опытом прошлых войн, к этому времени сошло уже со сцены; остались лишь немногие единицы, которые не могли дать надлежащего тона армии. Их места заняла новая категория лиц, служаки мирного времени, детища графа Аракчеева, прошедшие суровую школу этого унижавшего личность, забивавшего все живое грозного временщика.

«Dans plusieurs de mes rapports j'ay dit, — доносил граф Дибич императору Николаю Павловичу⁸⁷, — j'ai eu occasion de soumettre a Votre Majeste toute la gkne que m'impose constamment le manque d'aides capables de bien diriger une oṗṛation ou un commandement isolṛ. Parmi mes gṛnṛaux, sans en excepter mkme les chefs de corps, la grande majoritṛ remplit de bravoure personnelle et mkme de tris bonne volontṛ, se trouve dṛnuṛ soit de moyens, soit de l'habitude de toute disposition et surtout de toute combinaison militaires. Une fois soumis a une direction supṛrieure ils pensent que leur devoir se borne uniquement a obṛir et exṛcuter; pour tout objet soit grave, soit peu important, ils attendent des ordres, sans mkme les demander, et toute mesure, tout dṛtail que les instances du chef n'auraient point pṛṛvus restent nṛgliges».

Общий уровень офицеров того времени производил далеко не отрадное впечатление. Усердные служаки, они «не имели ни малейшего понятия об европейском просвещении того времени»⁸⁸. Граф Ланжерон называл их в своих записках невеждами, считавшими лишним заниматься военными науками. По словам же графа Ф. П. Толстого, познания большинства генералов ограничивались «вытяжением носков», ружейными приемами и полковыми учениями⁸⁹. Да, впрочем, и служебное их положение много содействовало такой отсталости.

«Офицеры, кроме лагерного времени, жили во весь год порознь, в крестьянских избах, где скука, проистекающая от уединения, праздности и недостатка в воспитании, а следовательно, и в занятиях, заставляли их прибегать к крепким напиткам»⁹⁰.

На сохранение сил солдата не обращалось никакого внимания. Церемониальному маршу, например, тихим и скорым ша-

Маневры (с английской гравюры на стали)

гом солдат обучали ежедневно часов шесть или семь⁹¹. Обращение с ними было до крайности суровое; невыносимый гнет и неестественная выправка, по словам Мольтке, стали несколько смягчаться в 1829 году⁹². Барклай-де-Толли, со своей стороны, предостерегал старших начальствующих лиц в армии от неумеренности в наказаниях и от изнурительных учений. Он упоминал о закоренелом в войсках наших обыкновении основывать дисциплину и военное обучение на телесных и к тому же жестоким наказаниях⁹³.

Таково было в общих чертах внутреннее состояние русской армии ко времени вступления на престол императора Николая Павловича.

Двадцативосьмилетний период времени царствования императора Николая I, ознаменовавшийся к тому же в первые свои годы

событиями, которые должны были наложить тяжелый отпечаток на характер и образ мыслей молодого государя, был очень незначителен вообще, чтобы изменить в корне внутреннее состояние армии, и пятидесятые годы в этом отношении дают картину почти тождественную той, которая была и в конце двадцатых годов.

В основу поддержания дисциплины ставилось не развитие личности солдата и его нравственных сил, не выработка в нем чувства долга и воинской чести, а чисто внешние меры, основанные исключительно на страхе наказания⁹⁴, и, при существовавшей в то время суровости нравов населения, наказания эти, конечно, должны были отличаться особой жестокостью.

В ряду карательных мер, налагаемых по суду, жестокие телесные наказания имели преобладающее значение⁹⁵, и из них преимущественно наказания шпицрутенами. Почти все подсудимые нижние чины податного сословия, признанные по суду виновными, были подвергаемы этому наказанию как самостоятельному. Так как число тяжких преступлений относилось к незначительным сравнительно проступкам как 1:38⁹⁶, то, следовательно, большинство наказываемых нижних чинов подвергалось этому позорному взысканию за маловажные проступки. Несмотря на большую жестокость наказания шпицрутенами (прогнание сквозь строй через 500—1000 человек до шести раз и более), оно несколько не вело к уменьшению преступности и к поддержанию дисциплины. Напротив того, оно способствовало ослаблению нравственности между нижними чинами, унижению сознания собственного достоинства и поселяло в нижних чинах неуважение к своему званию. Наказание это действовало унижительно не только на виновных, но и на беспорочно служащих нижних чинов, которые были вынуждаемы исполнять при этом обязанности палачей.

Но еще более невыгодные и вредные последствия для службы и дисциплины имела тогдашняя система дисциплинарных телесных наказаний, налагаемых властью начальников.

В числе исправительных взысканий, которым могли подвергаться, по усмотрению начальников, все провинившиеся нижние чины податного сословия, было наказание розгами до 300 ударов. Этой властью, не подлежавшей никакому контролю, начальники пользовались в высшей степени неумеренно, не заботясь об изыскании иных исправительных мер, более действительных и соответствующих проступкам провинившихся⁹⁷.

И действительно, наказание вошло в плоть и кровь солдатского учения; оно было просто и невозмутительно ни в каких размерах и ни в каких разновидностях⁹⁸.

На солдат смотрели не как на людей, а как на неодушевленные предметы, которые должны были, не рассуждая, исполнять все приказания начальства⁹⁹.

Этим способом хотя и обратили большинство солдат в машины, ничего не понимавшие и ни о чем не рассуждавшие, но между ними нередко встречались такие личности, которые не в состоянии были выносить тяготевшего над ними гнета и выражали свой протест очень крупными нарушениями дисциплины¹⁰⁰.

Но входила ли в мысли законодателя такая беспощадная строгость наказания за самые мелкие провинности?

«Береги войска, сколько можно, — писал государь Николай Павлович князю Горчакову¹⁰¹, — смотри за строевым порядком и не дозволяй ни в чем ослабления службы. За проступки против подчиненности или самовольства строжайше взыскивай». Таким образом, государь как бы подчеркивал те проступки, которые подлежали строгому наказанию.

«Мне прискорбно было узнать, — писал государь ему же¹⁰², — про постыдные побеги в армии. Я сего не ожидал, признаюсь, при постоянном уверении, что добрый дух в войсках сохранялся доселе в желаемой степени. Сколь и больно мне, но меры строгости признаю и я совершенно необходимыми, чтобы позор этот остановить страхом. Но, признаюсь тебе, я ищу причину побегов и во внутренних беспорядках, в самих полковых начальствах. Не одна наружность, сохраняемая в выводимых на смотр частях, может уверить, что все в порядке»... И здесь у государя проглядывает сожаление о необходимости прибегнуть к мерам строгости, а также и бессильное понимание причин, откуда происходит все зло.

Уже в сороковых годах в полках, под давлением свыше, начала понемногу прививаться привычка больше обращать внимания на нравственность солдата¹⁰³, а в начале пятидесятых годов встречаются жалобы на ослабление со стороны государя и наследника в накладываемых взысканиях и опасение, что «если перейдут из одной крайности в другую и не будут спрашивать даже должного, то многие перетолкуют снисхождение слабостью, и тогда не будет никакой управы с войском»¹⁰⁴.

Кроме общих суровых нравов и обычности в житейском обиходе того времени телесных наказаний, причиной строгих в войсках взысканий был до некоторой степени также и состав армии.

В солдаты поступали не только люди с безупречным прошлым, но также и преступники, а в особенности бродяги. Никакое нравственное воздействие не могло, разумеется, иметь влияния на таких лиц, и только страх жестокого наказания мог отчасти удерживать их от совершения новых преступлений, а чаще всего от побегов. Мало того, что начальству трудно было справиться с этой категорией лиц, но они действовали самым развращающим образом на большинство добронравных молодых солдат, отличавшихся слабым характером, и, пользуясь их тоской по родине в первое

Секрет
(с английской гравюры на стали)

время поступления на службу, подбивали их к побегам. По словам самих солдат, нижние чины из бродяг и преступников разрушающим образом действовали на молодых, не окрепших еще рекрутов, и их дурному влиянию следует приписать большинство преступлений, а в особенности побегов¹⁰⁵.

Подобному дурному влиянию преступных нижних чинов в значительной степени содействовал и способ расквартирования войск не в казармах, где возможен строгий надзор и ряд предупредительных мер, а в деревнях, по квартирам у жителей.

По официальным данным, преступность в войсках выражалась следующими цифрами:

За первое двадцатипятилетие царствования императора Николая Павловича¹⁰⁶ число подсудимых офицеров относилось к общему их числу как 1:213; число подсудимых нижних чинов к общему числу таковых же как 1:118, причем большая половина подсудимых суди-

лась за побеги. Наименьший процент подсудимых был в гвардейском корпусе — 1:735, наибольший в корпусе внутренней стражи — 1:45.

В 1852 году подсудность офицеров определялась пропорцией — 1:163, в 1853 году, т. е. в первый год войны, — 1:178.

Подсудность же нижних чинов за эти годы выразилась в 1852 году — 1:133 и в 1853 году — 1:137¹⁰⁷, причем в оба года большая половина подсудимых также судилась за побеги. В общем же число судившихся за побеги в 1852 году было 4586 человек, а в 1853 году — 4377 человек.

Эти цифры дают возможность заключить, что за последние годы царствования императора Николая Павловича преступность в войсках никоим образом не увеличилась, а, напротив, значительно уменьшилась, за исключением, впрочем, офицеров, преступность которых за эти годы увеличилась. В год войны замечается некоторое уменьшение сравнительно даже с предшествовавшим годом числа попавших под суд как офицеров, так и нижних чинов, а также уменьшение числа судившихся за побеги.

Не дают ли эти факты права заключить, что позднейшие записки некоторых современников об отсутствии у наших солдат воинского духа, чувства военной чести, привязанности к родине, уверение, что идти против врага их заставляла лишь боязнь палки и прочее, в высшей степени преувеличены, и в них единичные, может быть, печальные факты приписаны всей армии. В год начала войны не только не видно увеличения числа подсудимых и бежавших, но, напротив, некоторое уменьшение их. Таким образом, война удержала под знаменами даже многих из любителей свободы мирного времени. Это несвойственно армии, в которой нижние чины идут проливать кровь за Отечество исключительно из-за страха жестокого наказания.

Но зато вышеприведенные цифры указывают и на один при-
сorbный факт, а именно, что процент подсудных офицеров сравнительно немногим уступал проценту подсудных нижних чинов. Это заставляет предполагать, что нравственная сторона корпуса офицеров не находилась на той высоте, которая соответствовала бы воспитательному его значению.

Как характер взысканий, налагаемых на офицеров, так и, в свою очередь, отношение офицеров к делу должны были намного ослабить их воспитательное влияние на нижних чинов.

Кроме сажания на гауптвахту, практиковавшегося в весьма обширных размерах не только относительно обер-офицеров, но также и штаб-офицеров, для офицеров существовал еще особый вид ареста на хлебе и воде¹⁰⁸. Очевидно, что этот род взысканий не мог не умалять офицерского достоинства. В приказах того времени встре-

чаются также факты официального расследования ночного поведения офицеров, предписывается под угрозой строгого взыскания не допускать никаких странностей в усах, высылать из фронта офицеров, у которых в одежде окажется что-либо не совсем точно соответствующее установленной форме, делать осмотр офицерским вещам и много другого в таком же роде.

Отношение начальников к подчиненным было большей частью в высшей степени грубое¹⁰⁹. Какого-либо нравственного руководства старших товарищей над молодыми офицерами не существовало. От них так же, как и от нижних чинов, требовалось исключительно механическое исполнение отдаваемых команд и приказаний.

Офицеры смолоду приучались к тому, что начальники всегда должны представлять свои части, так сказать, казовым концом. Они в корпусе уже свыклись с обманчивой системой удачных смотров. Плохо окончив курс наук, в пользу которых не были убеждены даже желательной строгостью на экзаменах, они являлись в полк и уже вряд ли имели случай не только заняться каким-либо учением, но даже не находили нигде возможности достать себе книгу для чтения хотя бы от скуки¹¹⁰.

Наибольшим значением в полках пользовался триумвират из адъютанта, казначея и квартирмейстера; на должности эти обыкновенно выбирались не офицеры, выдающиеся своими положительными качествами, а офицеры, удобные или угодные командирской части¹¹¹.

Какого-либо интереса к усовершенствованию в военном искусстве или к развитию своего умственного кругозора вообще не замечалось; напротив, по мере отдаления от школьной скамьи нравы офицеров грубели, круг их общих познаний уменьшался и ограничивался в конце концов знанием буквы тех уставов, которые более требовались на смотрах. Если верить рассказам Н. А. Обнинского¹¹², то он служил с командиром полка, который вовсе забыл грамоту.

Обстановка, в которой приходилось жить большинству армейских офицеров, мало со своей стороны содействовала смягчению их нравов и умственному развитию. Разбросанные чуть ли не поодиночке по деревням, они в течение почти целого года были лишены всякого общества и зачастую принуждены были жить в одной избе с крестьянами, не видя по целым месяцам никого, кроме унтер-офицеров и сельских старост¹¹³.

Тяжелое в этом отношении положение офицеров сознавал более чем кто-либо император Николай Павлович, который считал необходимым ежегодно собирать войска в лагеря к большим городам, чтобы хоть на короткое время дать офицерам возможность развлечься, повеселиться, как говорил государь¹¹⁴.

Такое бесцветное существование было невыносимо, так что у

Казачья вышка (с гравюры Ф. Брокгауза, по рисунку с натуры)

редкого из молодых людей доставало терпения дослужить во фронте до звания ротного или эскадронного командира; все, что получше, пообразованнее, удалялось к другим местам, доставлявшим им возможность жить в городе и видеть свет.

Эскадронные и ротные командиры большей частью служили, долго не подвигаясь в чинах, и заведовали своими частями лет по 10 и 12, потому что армейские штаб-офицеры никогда в кандидаты на полковых командиров не зачислялись¹¹⁵.

Обращение офицеров с нижними чинами вполне соответствовало общему состоянию нравов того времени и духу дисциплины.

Но что следует признать наибольшим бичом в армии того времени, так это заведомо недобросовестное иногда отношение к делу и в особенности к войсковому хозяйству, которое замечалось не только среди младших начальствующих лиц, но, к сожалению, и среди старших.

Ротные, а в особенности полковые командиры смотрели на введенные им части как на свое собственное имущество, как на данные им на «прокормление».

Нижние чины, по их понятиям, разделялись на две почти равные половины: одна предназначалась для службы Отечеству, а другая — для их частной службы. Огромные командировки от строя

были положительным бедствием армии. Командиры полков успевали устраивать себе целые хозяйства при помощи нижних чинов. Наличие полков показывалась всегда гораздо выше действительности, и эта разница была в особенности велика в военное время¹¹⁶. Интересен, например, факт всей переписки князя Горчакова с военным министром за лето 1855 года¹¹⁷. Князь Горчаков постоянно жаловался на недостаток войск под Севастополем, указывая боевую цифру полков; по сведениям же Военного министерства, цифра эта на бумаге была намного значительнее. Все старания главнокомандующего и его штаба подсчитать действительное состояние полков так и не привели к положительным результатам, настолько трудно было бороться с сильно укоренившейся привычкой.

«Едва ли три четверти полка несут постоянно службу, — значит в одном из официальных донесений 1856 года¹¹⁸, — потому что, несмотря на строгость и надзор высшего начальства, все, кто только приказывать могут, начиная от полкового командира до фельдфебеля, непременно скрывают людей сверх положенного на расходы и командировки числа нижних чинов. Учесть эти командировки и наблюдать за верностью расходов нет никаких средств. Закоренелая привычка, так сказать, красть людей не искоренилась».

«Офицеры, — пишет князь Урусов в своих очерках, — произвольно прикомандировывали к себе строевых, как и сколько заблагорассудится; командиры утопали в роскоши. Дрались вообще превосходно, но все ли дрались, все ли выходили в строй? Теперь сделается, может быть, понятным, почему на Алме не было войска, под Инкерманом опять не было и т. д.».

Наибольшей степени эти беспорядки достигли на Кавказе, при слабом управлении князя Воронцова¹¹⁹, когда положительно целые части войск таяли, расходясь исключительно на хозяйственные потребности¹²⁰.

Беспорядочное отношение к имущественному состоянию войск процветало еще в больших размерах¹²¹. Борьба с этим злом была непосильна, и в особенности потому, что оно вкоренилось во все инстанции, до самых высоких включительно¹²².

Система хозяйства войск, основанная на удовлетворении необходимых потребностей одной категории путем экономии по другим категориям, и способ контроля во многом способствовали такому порядку вещей.

О злоупотреблениях в войсках открыто говорилось в официальной переписке военного министра с обоими главнокомандующими¹²³, но, к сожалению, все ограничивалось одними соболезнованиями, безо всяких мер строгости или пресечения зла со стороны этих сановников¹²⁴.

Личная беспрестанная забота государя Николая Павловича о поддержании солдатского благосостояния мало могла помочь делу,

Казаки в походе
(с гравюры на стали)

так как до сведения его редко доходили подобные беспорядки; но зато в тех исключительных случаях, когда государю удавалось убеждаться в корыстолюбии начальников, кара его была беспощадна, без разбора лиц и положения¹²⁵.

Что касается высших войсковых начальников, то обстановка, в которой воспитывалась, служила и жила офицерская среда, вырабатывала и соответствующих ей начальствующих лиц, которые, в свою очередь, действовали в том же духе на подготовку молодого состава. Происходил таким образом постоянный кругооборот, нарушить который, влить в него новую, живую струю было не по силам одному человеку. Для этого было недостаточно и времени, а необходимо было потрясение всего военного организма, каковой и произвела неудачная война. Кого винить в этом? Полагаем, что причиной всему — это особенность военного

дела, которое дает возможность проверить все свои недочеты и увлечения лишь кровавым путем войны. Что касается командного состава, то мирные увлечения в этом отношении особенно легки, но и особенно страшны.

Геройские личные подвиги русской армии в Крымскую кампанию послужили лишь могущественным нравственным удовлетворением чувства народа и армии, которые с гордостью могут вспоминать все эпизоды продолжительной войны на всех обширных окраинах нашего Отечества. Но нельзя, к сожалению, сказать того же о тех случаях, где, кроме личной храбрости, требовалось общее руководство операциями. Здесь истекшие события рисуют мрачную картину полной неподготовленности генералов, непонимания и незнания всех элементов войны и неразрывно связанные с этим незнанием нерешительность и растерянность.

Не в плохом вооружении, не в отсталых тактических формах заключалась главная причина наших неудач, а в полном отсутствии руководителей войск, знакомых с тем, что предстояло им делать на войне. Все мысли и усилия сильного духом и твердого волей монарха и героического народа были бессильны и вконец парализовались этим отличительным свойством нашей армии. Справедливое Провидение, говорят, не оделяет одну нацию в ущерб другим всеми благами качествами; каждая из них имеет и свой традиционный недостаток, которого можно и не страшиться, если знать его.

Бюрократические начала и поверхностный взгляд на дело процветали, к сожалению, и в нашем центральном военном управлении.

Во главе Военного министерства в то время стоял князь Василий Андреевич Долгорукий. Человек высокой честности и отличных душевных качеств, князь Долгорукий был совершенно не подготовлен к этой трудной должности, был плохой администратор, очень мало знаком с боевым делом и «мог проявлять только честность, преданность и усердие, но уметь было ему не под силу»...¹²⁶.

Муравьев, близко соприкасавшийся по своему служебному положению с центральными учреждениями в последние перед войной годы, рисует в своем дневнике общую неприглядную картину.

«Удивительно, с какой суетой и бестолочью здесь дела делаются, — пишет он в одном месте. — Ежечасно я здесь (в Новгороде) получаю бумаги и все с надписью «о самонужнейшем», о справках по делам, им уже представленным, которые они не хотят взять труда у себя поискать. Никто, впрочем, о деле, кажется, не заботится, и никому ни до кого, как до себя, дела нет... Та же суетливость, — пишет он в другом месте, — в распоряжениях высшего начальства, та же бестолочь, те же противоречия. Если все это ожидает нас и в случае военных действий, то добра ожидать нечего... Что бы было, — продолжает он несколько ниже, — если бы неприятель был перед нами! Ни количество войск, ни качество

оных, никакие силы человеческие, никакое устройство не могут устоять против распоряжений, какие я ежечасно здесь получаю. Надобно бежать отсюда без оглядки»¹²⁷.

И нельзя признать мнения Муравьева пристрастным, если вспомнить, например, что ударные ружья, в числе достаточном для всей пехоты, лежали в складах, а войска были вооружены кремневыми; что войска не были снабжены картами театра войны и многими другими припасами, как это будет изложено ниже, в своем месте. По проверке по подлинникам многих цифровых данных в сведениях, представлявшихся во время войны государю императору по личному его требованию, оказалось, что цифры эти почти всегда отличались от действительных. Что же можно было ожидать в других делах, если такая небрежность замечалась в личных докладах к «строгому», но, к сожалению, чрезмерно доверчивому императору Николаю Павловичу.

Но могут ли все эти временные недостатки нашей армии бросить на нее какую-либо тень? Такие недостатки в большей или меньшей степени свойственны армиям всего света, периодически увеличиваясь и уменьшаясь. И если мы не скрываем их, то потому, что высоко ценим и верим в те прирожденные свойства русского народа и армии, которые позволяют им смело признавать свои отрицательные стороны и успешно бороться с ними. «Наши недостатки малы и ничтожны, — говорит один из военных писателей¹²⁸, — наши достоинства неоценимы», поэтому нам нет надобности скрывать под витиеватым блеском излишнего самовосхваления присущие всему человечеству ошибки и погрешности.

Крымская война положила в нашей армии предел почти шестидесятилетнему следованию прусской мелочной выправке и увлечению парадной стороной мирного военного искусства, которые столь несвойственны нашему характеру, но которые были привиты нашей армии в течение короткого царствования императора Павла и особенно развиты в царствование императора Александра I.

Историческим путем сложившееся, вошедшее в плоть и кровь русского народа обожание к своим монархам, глубокая преданность престолу, патриархальные отношения крепостного права, перенесенные и в армию, где нижний чин смотрел на начальника не как на офицера, а как на своего «барина», и особый, чисто религиозный взгляд нашего простолюдина на смерть, который заставляет не бояться ее, составляли исключительные условия характера нашей армии, делавшие ее отличной от всех прочих. Эти условия придавали ей ту стихийную силу, которой в защите престола и Отечества не было ничего невозможного, которая пойдет всюду за своими офицерами, лишь бы они знали, куда и как ее вести.

Принадлежность огромного большинства нашего населения к одному славянскому племени вносила в состав армии то единство, которое является залогом взаимной выручки и духа товарищества в войсках. Сельскохозяйственный характер страны давал армии физически крепких, здоровых солдат, а суровый климат, неизменный образ жизни и спокойный, присущий русскому простолюдину характер делали ее способной стойко переносить даже те невзгоды военной жизни, которые являются окончательно не под силу армиям западных наций. Продолжительные сроки службы, кроме того что они давали возможность втянуть людей во все тягости военного ремесла, приучали их к своей части, которая становилась для них как бы другой семьей; они жили преданиями своей части и зорко оберегали честь родного полка. Храбрость и выносливость русской армии не требовали для поддержания этих качеств ни блеска успеха, ни присутствия тех сорока веков, которые с высоты египетских пирамид должны были бы рукоплескать ее победам; она спокойно делала свое дело не напоказ, а при всякой обстановке, свято выполняя свой долг. И сила духа русского войска, его грозное спокойствие и беспримерная стойкость особенно проявлялись в минуту тяжелых испытаний, когда для него наглядно была затронута честь русского государства или когда ему приходилось встречать врага на своей земле. Здесь русский солдат проявлял ту непреодолимую мощь, которая одинаково показала себя и в Отечественной войну, и в Крымскую кампанию.

«Идеальные войска наши, — писал барон Д. Е. Остен-Сакен графу П. Д. Киселеву из Севастополя 16 февраля 1855 года¹²⁹, — исполнены изумительного терпения, усердия и самоотвержения. Это гладиаторы храбростью, но с той разницей, что гладиаторы-идолопоклонники жаждали рукоплескания весталок и других зрителей, а наши, подвизаясь за веру, царя и отечество, ожидают царства небесного».

«Генералы наши, исключая единиц, не соответствуют офицерам и солдатам. Я не говорю о личной храбрости, которая одна недостаточна для генерала».

«Скажу только, — читаем мы в письме адмирала В. И. Истомина к его брату от 23 ноября 1854 года из Севастополя², — что не могу надивиться на наших матросов, солдат и офицеров. Такого самоотвержения, такой геройской стойкости пусть ищут в других нациях со свечой».

Примечания

¹ См. приложение № 186.

² См. чертежи боевых порядков.

³ Подробнее см. в приложении № 186.

⁴ Подробнее см. там же.

⁵ Подробнее см. там же.

⁶ Рукоп. записки одного из современников.

⁷ Подробнее см. в приложении № 186.

⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 3, д. № 984/2.

⁹ См. приложение № 186.

¹⁰ Герсегович. О причинах тактического превосходства в кампании 1854—1856 гг. 1856 г.

¹¹ Собственная Его Величества библиотека, рук. отд., шк. 115, портф. 14.

¹² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3333.

¹³ Там же, д. № 3407.

¹⁴ К этому выводу нас привело изучение всей переписки государя, а также рукописных дневников князя Меншикова, Муравьева и др.

¹⁵ Собственная Его Величества библиотека, рук. отд., шк. 115, портф. 14.

¹⁶ «Фельдмаршал (князь Варшавский), — говорит в своих воспоминаниях один из современников, — давно уже сказал и повторяет: У меня нет беспорядков и злоупотреблений. А на доклад о злоупотреблениях губернатора А. он сказал, что будет и должен его защищать, потому что А. губернатором у него уже пятнадцать лет» (Воспом. ген.-м. Докудовского. Рязань, 1898),

¹⁷ Общ. архив Гл. шт., отд. 2, ст. 2, 1856 г., д. № 252.

¹⁸ В этом отношении интересны также факты, приводимые в записках флигель-адъютанта Аркаса (Исторический вестник. 1901. № 4).

¹⁹ Собственные слова императора Николая Павловича.

²⁰ Это в большей части случаев касалось желания Паскевича собрать побольше войск там, где он начальствовал сам, и мы увидим ниже, как во время Крымской войны настойчивые требования фельдмаршала удовлетворялись государем помимо его личной воли и в ущерб успеху дела. Н. Н. Муравьев в своем рукописном дневнике также неоднократно упоминает о громадном влиянии Паскевича на государя.

²¹ Глава I.

²² Рукоп. дневник Муравьева, 1849 г.

²³ Архив канц. Воен. мин. за 1853 г., секр. д. № 52.

²⁴ «Меня огорчает видеть то живое удовольствие, — пишет один из современников в своем дневнике, — которое ощущают начальники войск по случаю возвращения их на зимние квартиры. Уже слышу о разных порядках прежнего времени, противных военному устройству войск, но необходимых по требованиям мирного времени; по-прежнему пойдут ружейные приемы и равнение» (Рукоп. отдел Музея Севастопольской обороны).

²⁵ «Готовясь к предстоящим смотрам в присутствии великого князя, — записал Муравьев в свой дневник за 1853 год, — я сделал расписание по числам занятий в каждой дивизии, начав с батальонных учений и переходя постепенно к полковым линейным и, наконец, к боевым порядкам. На занятия каждого рода едва доставалось войскам по два дня. Необходимо было для нас заняться этими учениями, в коих еще ни одного раза не упражнялись со времени выступления полков с зимних квартир, но не тут-то было: получено из штаба великого князя измененное расписание его учениям, и нам оставалось представиться безо всяких предварительных приготовлений»...

«Постоянные смотры и приготовления к ним, — значится в записке о состоянии нашей кавалерии (Архив в. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. 520), — берут столько времени, что эскадрон вряд ли успеет проделать все построения, которые ему нужно знать»...

«Все сосредоточилось в смотрах, — пишет другой современник, — без смотра не было спасения. Солдат заботился только о том, что требовалось на смотре: чистота, выправка, темпы»//Русский архив. 1867 (Из записок севастопольца).

²⁶ «Жалкое состояние, в котором рекруты сии находятся, — пишет в своих записках один из современников, — есть следствие этого несчастного учреждения запасных и резервных войск. Сиротство изнуренных людей этих, конечно, прекратится с поступлением их в полки, но зачем было мучить их в чуждой им и прямой службе образцовом полку и резервной дивизии, и сколько их погибло до поступления в действующие войска!» (Рукоп. отдел Музея Севастопольской обороны).

²⁷ Рукоп. дневник Н. Н. Муравьева. Архив Гр. Гр. Черткова.

²⁸ Из записок севастопольца//Русский архив. 1867.

²⁹ Записки Алабина. С. 1—8.

³⁰ Из записок севастопольца//Русский архив. 1867. С. 1584.

³¹ «Вообще говоря, ни солдаты, ни офицеры не знают своего дела, — пишет один из современников, — и ничему не выучены толком. У нас все помешались, что называется, исключительно на маршировке и правильном вытягивании носка».

«Куда же девались люди способные? — пишет Н. Н. Муравьев. — Способности остались, но они забыты многими годами обращения с выправкой людей и маршировкой по правилам устава. Тут и народ пропадает, оттого и побег!»...

³² Записки князя Н. К. Имеретинского//Русский архив. 1884. Кн. 6.

³³ Там же.

³⁴ Даже в августе 1854 года, уже после оставления нашими войсками княжеств и, следовательно, после года войны, во всех донесениях князя Горчакова государю о смотрах войск, на первом плане ставятся стойка, равнение и церемониальный марш. До чего в этом отношении были намуштрованы войска, показывают следующие строки, относящиеся до смотра 2-й бригады 6-й пехотной дивизии и ее артиллерии: «Равнение и стройность в сих войсках при церемониальном марше подивизионно и сомкнутыми колоннами были до того хороши и отчетливы, что люди казались приготовленными к параду, тогда как они в этот день прошли от 20 до 30 верст и прибыли на место только к самому смотру» (Всепопд. отчет князя Горчакова 30 августа 1854 г., Яссы. Архив канц. Воен. мин. 1854 г., секр. д. № 52).

³⁵ Записки Г. Д. Щербачева//Русский архив. 1890. Кн. 1.

³⁶ Записки князя Н. К. Имеретинского//Русский архив. 1884. Кн. 6.

³⁷ Герсевичев. О прич. такт. прев. союз. в кампанию 1854—1856 гг.

³⁸ Алабин. С. 1—8.

³⁹ Прик. по гвар. пех. дивизиям. Записки князя Н. К. Имеретинского//Русский архив. 1884.

⁴⁰ Русский архив. 1877. Кн. 5.

⁴¹ Записки Н. Н. Муравьева.

⁴² «Я осмотрел, — доносит князь Горчаков 10 июля 1853 года, — стрельбу в цель застрельщиков и штуцерных трех батальонов Люблинского и Замосцкого егерских полков: застрельщики на 300 шагов стреляли очень дурно; штуцерные на 800 шагов порядочно: попала 5-я пуля».

«Посылал я, — доносил он же государю императору от 11 сентября 1853 г., — смотреть учения полков 11-й и 12-й пехотных дивизий. Восемьдесятные учения были очень правильны, но стрельба в цель частью нехороша, частью посредственна. По прибытии на новые квартиры я разрешу войскам употребить еще несколько боевых патронов на стрельбу в цель, дабы эта важная часть обучения, согласно воли Вашего Императорского Величества, была непременно доведена до надлежащей степени» (Архив канц. Воен. мин. по сн. войск 1853 г., секр. д. № 852).

⁴³ Всеподд. отч. Воен. мин. за 1852 г.

⁴⁴ Кавалерийские сборы под Воскресенском в 1835 г. и Красносельские маневры 1851 и 1853 гг. в описании их Н. Н. Муравьевым.

⁴⁵ «После трехчасовой скачки по кочкам, кустам и ямам, — описывает Муравьев один из кавалерийских маневров в присутствии государя, — маневр окончился».

⁴⁶ «Я принужден был, — с грустью описывает Муравьев Красносельские маневры 1853 г., — выслать кавалерию вперед, так как в этом заключается неперемнное требование государя».

⁴⁷ Рукоп. дневник Н. Н. Муравьева.

⁴⁸ Из истории л.-гв. Уланского государственной императрицы Александры Федоровны полка.

⁴⁹ «На военном поле, — пишет Муравьев о маневрах 1853 года, — была собрана для учения вся гвардейская и часть армейской кавалерии. Никто не сумел бы справиться с такой массой, кроме государя, который поистине с изумительным искусством это сделал».

⁵⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.

⁵¹ О состоянии кавалерии//Военный сборник 1858. № 5.

⁵² Там же.

⁵³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Закончим наш очерк обучения кавалерии характеристикой ее, сделанной адмиралом князем Меншиковым в письме его к военному министру князю Долгорукову 4 июля 1854 года из Севастополя. (Архив канц. Воен. мин. по сн. войск 1853 г., секр. д. № 72). Как ни странно, что мы приводим свидетельство адмирала, а не кавалерийского генерала, но князь Меншиков был, бесспорно, отличный кавалерист и большой любитель этого спорта. До самой глубокой старости он ежедневно ездил в манеже несколько лошадей (Его неизданный дневник.)

«Les chevaux, l'hâbillemeht, le harnachement et, en gññral, tout le matñriel sont dans l'ñtat le plus satisfaisant, — пишет князь Меншиков о гусарской бригаде, присланной ему в Крым. — Il m'a paru que les sous-officiers ãtaient en grande partie mieux a cheval que les officiers, quoique plusieurs de ces derniers m'ont fait l'effet d'ũtre de bons cavaliers. Un dñffaut qu'on rencontre souvent dans notre ãquitation militaire c'est une longueur

d'immensité des équilibres. Pour ne pas perdre ses équilibres, l'homme se tient sur l'enfourchure, fausse (?) son équilibre et le perd ou quitte ses équilibres au mouvement irrégulier du cheval. Un inconvénient de plus encore, c'est que le cavalier perd la faculté d'y lever pour bien appliquer un coup de sabre... Les mouvements que les deux régiments ont exécutés, l'ont fait avec précision et avec un alignement des plus satisfaisants à mon point de vue; les attaques ont été faites avec beaucoup d'impulsion. Mais par contre le service des troupes légères comme: avant-postes, patrouilles qui doivent être intelligentes, reconnaissance, etc. sont quasi inconnus à ces régiments».

⁵⁶ «Смотрел практическую стрельбу 12-й полевой артиллерийской бригады, — доносит князь Горчаков государю 11 сентября 1853 года (Архив канц. Воен. мин. по сн. войск 1853 г., секр. д. № 47), — стрельба была отличная».

⁵⁷ Письмо князя Меншикова военному министру 5 июня 1854 г. Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1853 г., секр. д. № 72.

⁵⁸ Архив морск. мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 45. Донесение о состоянии Свеаборгской крепости от 26 сентября 1854 г.

⁵⁹ История л.-гв. Уланского государственного императрицы Александры Федоровны полка.

⁶⁰ Записки князя Н. К. Имеретинского//Русский архив. 1884; Записки Н. Н. Муравьева.

⁶¹ Для иллюстрации приведем один из курьезов, бывших на маневрах того времени и записанных Н. Н. Муравьевым.

В 1853 году на маневрах с обозначенным противником под Красным Селом, которыми руководил сам государь, он послал одному из начальников дивизии повеление наступать прямо, пока не получит нового приказа генерала. Случайно дивизия этого генерала ко времени получения приказа генерала стояла под прямым углом к направлению, в котором разыгрывался маневр. И дивизия в так называемом резервном боевом порядке двинулась по направлению к Петербургу. Первое препятствие, которое ей пришлось преодолеть, был полигон, что на военном поле; не изменив ни на шаг взятого направления, не разомкнув даже интервалов, дивизия стройно поднялась на валы и преодолела ров полигона. Миновав лабораторию, которая, к счастью, оказалась несколько в стороне от взятого дивизией направления, она встретила другое живое препятствие — всю пехоту гвардейского корпуса, которая, имея во главе наследника, шла в атаку в перпендикулярном дивизии направлении. Столкновение было неминуемо, и наследник послал приказание дивизии остановиться и пропустить его. — Передайте Его Высочеству, — отвечал генерал, — что во всяком другом случае я беспрекословно исполню его приказание, но ныне я получил повеление Его Величества идти прямо и остановиться только по его приказанию. Наследник своевременно остановил свой корпус, и дивизия прошла перед ним, сняв только цепь застрельщиков гвардейской пехоты. На седьмой версте пути марширующую дивизию застал отбой маневра.

И подобными курьезами полны воспоминания современников.

⁶² Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд., шк. 115, портф. 14.

⁶³ «Производил маневры, — записал князь Меншиков в своем дневнике 24 августа 1854 года. — Увы, какие генералы и какие штаб-офицеры!

Ни малейшего не замечаю понятия о военных действиях, о расположении войск на местности, об употреблении стрелков и артиллерии. Не дай Бог настоящего дела в поле!»

⁶⁴ Собственная Его Величества библиотека рук. отд., шк. 115, портф. 14. Письмо от 11 декабря 1854 года.

⁶⁵ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск 1853 г., секр. д. № 57. Письмо к военному министру 3 января 1854 года.

⁶⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4328. Письмо к князю Горчакову 30 сентября 1854 года.

⁶⁷ «От сих занятий и незнаний, — пишет Муравьев в своем дневнике, — начальнику как приняться за малейшее дело. Старателен и усерден Н., но не умеет сделать никакого распоряжения. Таковы и дивизионные начальники, и с этими орудиями должно готовиться к военным действиям!»

⁶⁸ Записки князя Н. К. Имеретинского//Русский архив. 1884. Воспоминания лейб-егеря Г. В. Карцева (Рукоп. отдел Музея Севастопольской обороны).

⁶⁹ Из записок князя Н. К. Имеретинского//Русский архив. 1884. Кн. 6.

⁷⁰ Алабин. С. 1—8.

⁷¹ Там же.

⁷² Архив канц. Воен. мин. 1852 г., д. № 3.

⁷³ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1852 г., д. № 11, ч. I.

⁷⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3310 и Русский архив. 1884. Кн. 6.

⁷⁵ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 44.

⁷⁶ «Рассказывают, — пишет князь Одоевский (Русский архив. 1874. С. 311), — что под Кинбурном замерзли английские суда — и без снарядов. Начальник берегового отряда не осмелился их атаковать без позволения корпусного, потому что ему в инструкции предписано было защищать лишь берег. Корпусный нашел нужным спросить дозволения главнокомандующего. Между тем англичане обрубили вокруг судов лед и спасли их. Этот анекдот, верный или неверный, возбуждает сильное негодование. Указывают на него как на пример вреда бывшего устройства администрации, говорят про начальника берегового отряда: Il n'est pas couprable: il a йтй stylй pour n'itre qu'une machine sans intelligence».

⁷⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3429.

⁷⁸ Рукоп. отдел Музея Севастопольской обороны.

⁷⁹ Из журналов конференций Николаевской Академии Генерального штаба за сороковые годы прошлого столетия.

⁸⁰ Из рукоп. записок Н. Н. Муравьева.

⁸¹ Шильдер Н. К. Император Николай I.

⁸² Дубровин Н. Русская жизнь в начале XIX века//Русская старина, декабрь 1901 г.

⁸³ Фадеев Р. Письма с Кавказа; 60 лет Кавказской войны.

⁸⁴ Из рассказов покойного генерала Дельсала.

⁸⁵ Дубровина Н. Русская жизнь в начале XIX века//Русская старина, декабрь 1901 г.

⁸⁶ Записки Руныча//Русская старина, март 1901 г.

- ⁸⁷ Русская старина, июль 1900 г.
- ⁸⁸ Воспоминания Михайловского-Данилевского за 1824 г. Шильдер Н. К. Император Николай I // Русская старина, октябрь 1900 г..
- ⁸⁹ Дубровина Н. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина, декабрь 1901 г.
- ⁹⁰ Воспоминания Михайловского-Данилевского за 1824 г. // Русская старина, октябрь 1900 г.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Русская старина, март 1901 г.
- ⁹³ Дубровина Н. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина, декабрь 1901 г.
- ⁹⁴ Воспоминания лейб-егеря Карцева. Рукоп. отдел Музея Севастополя обороны.
- ⁹⁵ Записки Г. В. Щербачева // Русский архив, 1890 г.; Из записок севастопольца // Русский архив. 1867 г.
- ⁹⁶ Собственная Его Императорского Величества библиотека, рукоп. отд. имп. Александра II, № 200. Всепопд. докл. вел. кн. Константина Николаевича.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Из записок севастопольца // Русский архив. 1867.
- ⁹⁹ Из воспоминаний Г. Д. Щербачева // Русский архив. 1890.
- ¹⁰⁰ Записки Г. Д. Щербачева // Русский архив. 1890.
- ¹⁰¹ Письмо от 18 сентября 1853 года. Собственная Его Императорского Величества библиотека, рукоп. отд., шк. 115, портф. 14.
- ¹⁰² Там же. Письмо от 28 августа 1854 года.
- ¹⁰³ Походы 64-го пехотного Казанского полка. Материалы для истор. русск. арм. Сост. Борисов и Сытенко.
- ¹⁰⁴ Рукописный дневник Н. Н. Муравьева за 1850 год.
- ¹⁰⁵ Всепопд. записка Н. Н. Муравьева в 1835 году с собственноручными пометками государя // Военный сборник. 1903. № 2.
- ¹⁰⁶ Всепопд. отч. Воен. мин. за 1825—1850 гг.
- ¹⁰⁷ Всепопд. отч. Воен. мин. за 1852 и 1853 гг.
- ¹⁰⁸ Приказы по 2-й бриг. 23-й пех. див. за 1841 г.
- ¹⁰⁹ Походные записки Обнинского // Русский архив. 1891.
- ¹¹⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.
- ¹¹¹ Записки доктора Генерици // Русская старина. 1878. Т. XXII.
- ¹¹² Походные заметки // Русский архив. 1891. Кн. 3.
- ¹¹³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520 и Рукоп. дневник Н. Н. Муравьева.
- ¹¹⁴ Собственные заметки государя на записку Муравьева о сост. войск. Рукопись.
- ¹¹⁵ Записки о состоянии нашей армии 1856 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.
- ¹¹⁶ Очерки Восточной войны князя Урусова (не издано).
- ¹¹⁷ Секр. архив канц. Воен. мин. за 1855 г.
- ¹¹⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. № 520.
- ¹¹⁹ Князь Урусов и рукоп. дневник Н. Н. Муравьева.
- ¹²⁰ Выдержки из дневника Н. Н. Муравьева. Приложение № 208.

¹²¹ «27-го, — пишет Муравьев в своем дневнике, — я осмотрел стоявший в Бресте карабинерный полк — долги, безотчетность и слава корыстолюбия. Командиру полка я предоставил время до весны, чтобы поправить финансовые дела полка».

¹²² Рукоп. дневник Н. Н. Муравьева.

¹²³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

¹²⁴ «Les aveugles de la 13-e division, — писал князь Меншиков военному министру 24 июня 1854 года, — se trouvant a Simphïropol dans le plus grand dñnement et a la lettre mourant de faim. On dit que c'est pitii de voir ces malheureux privïs de la vue et amaigris faute de nourriture suffisante».

О недуге своекорыстия нашей армии среди начальствующих лиц и офицеров подтверждает и генерал Глинка в своем всеподданнейшем донесении от 20 июля 1856 года (Общ. архив Гл. шт., отд. 2, ст. 2, 1856 г., д. № 252).

¹²⁵ Русский архив. 1888. Кн. 9. С. 173.

¹²⁶ Мещерский В. П., князь. Мои воспоминания. Ч. I. С. 28. СПб., 1897.

¹²⁷ Дневник за 1849—1854 гг. Рукопись.

¹²⁸ Куропаткин. Ловча, Плевно и Шейново.

¹²⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 1, д. № 1039.

¹³⁰ Русский архив. 1877. Кн. 1. С. 135.

Глава XIII

Состояние русского флота к началу войны

Задачи, которые вообще могут быть возлагаемы на флот в военное время, заключаются: 1) в поражении огнем артиллерии неприятельского флота и его прибрежных пунктов; 2) в нанесении вреда неприятельской морской торговле и в обеспечении своей торговли; 3) в производстве береговых десантов собственными средствами флота и частями сухопутных войск; 4) в прикрытии своих берегов и прибрежных пунктов от поползновений неприятельского флота и, наконец; 5) в крайнем случае в рукопашной схватке с неприятельскими судами.

Таким образом, флот предназначается не только для боевой защиты государства, но и для служения его торговым интересам. Такая зависимость невольно влияет на развитие военных флотов в тех странах, которые ведут большую морскую торговлю. Для них могущественный военный флот является необходимым. Большие траты на его содержание вполне окупаются уничтожением риска огромных потерь в торговле. С другой стороны, военный флот имеет в торговом, в случае надобности, большую поддержку для достижения некоторых из своих целей.

Что касается, в частности, русского флота времен Крымской войны, то задачи, на него возлагаемые, были более узкие: он предназначался почти исключительно для военных целей и должен был не уступать в своей силе флотам соседних с нами держав. Ничтожная морская торговля не вызвала потребности сообразовать величину нашего военного флота с интересами коммерческими, и заботы нашего правительства, как можно судить, были направлены лишь к тому, чтобы в Балтийском море иметь более сильный — преимущественно своей артиллерией — флот, чем соединенный флот шведский и датский, а в Черном море — чем турецкий¹. Эта основная идея, выраженная впервые в утвержденном императором Павлом I в январе 1798 года докладе особого комитета, оставалась неизменной и в течение царствования его двух ближайших преемников.

Для выполнения всех тех разнообразных задач, которые возлагаются на морские вооруженные силы, они должны включать в себя многочисленную и больших калибров артиллерию, большой личный состав, обширные перевозочные средства для помещения на них как всего необходимого на время долгого плавания флота, так и перевозимого десанта, средства для перевозки десанта на берег и быстроходные суда для погони за неприятельскими торговыми судами и для выполнения разных, требующих быстроты, поручений.

Привал

(с английской гравюры на стали)

Все предъявляемые военному судну условия невозможно было в достаточной мере соединить в одном каком-либо типе. Таких типов, более или менее соответствовавших по своим качествам разнообразности требований, предъявлявшихся военно-морским силам государства, должно было быть несколько.

Главные элементы морских вооруженных сил составляли: артиллерия для нанесения неприятелю вреда огнем; боевые суда для передвижения артиллерии и десанта и, наконец, личный состав для управления судами, для стрельбы из орудий, для рукопашного боя и для производства десанта.

Перед Крымской войной материальная сила военных судов и морской артиллерии была почти одинакова во всех европейских

государствах; если они и отличались друг от друга в зависимости от целей, для которых предназначался военный флот каждой страны, то только большим или меньшим количеством судов вообще и различием их категорий в частности.

Военные суда в рассматриваемую эпоху подразделялись по способу их передвижения на парусные, паровые (колесные и винтовые) и гребные.

Парусные суда передвигались при помощи ветра и находились в полной от него зависимости, так что отсутствие ветра делало судно совершенно неспособным к движению.

Колесные паровые суда, очень удобные для речного судоходства, были мало пригодны для движения по морю в бурную погоду. Открыто же расположенные колеса были легко поражаемы огнем неприятельской артиллерии, и один удачный выстрел мог сделать колесный пароход непригодным для дальнейшего движения. Поэтому колесные пароходы вообще не могли заменить собой парусных военных судов, и в особенности они не заменяли больших парусных кораблей, способных носить многочисленную артиллерию большого калибра.

Этому недостатку колесных паровых судов помогли изобретенные в сороковых годах прошлого столетия винтовые корабли, которые в большом количестве начали вводиться первоначально во Франции, потом в Англии и в единичном числе у нас.

Двигателем в винтовых судах был гребной винт, который помещался в кормовой части корабля, ниже ватерлинии, и приводился в движение паровой машиной до 800—1000 лошадиных сил. В случае же попутного ветра машина переставала действовать, винт, чтобы не мешать ходу судна, подымался наверх, и корабль мог двигаться уже только при помощи парусов.

Наконец, к гребным судам принадлежали суда, двигавшиеся при помощи весел.

По своим размерам и числу носимой ими артиллерии военные суда были самой разнообразной величины и силы и носили от 8 до 120 пушек. Наибольшим разнообразием отличался парусный флот как главная составная единица тогдашних морских вооруженных сил.

Представителями морского могущества были *корабли*, самые большие трехмачтовые военные суда, вооруженные орудиями большого калибра. Главное назначение их было переносить многочисленную и больших калибров артиллерию. Корабли собственно и составляли военную морскую силу, которая решала участь морских сражений. Они назывались *линейными кораблями*, так как во время боя обыкновенно располагались в линию де-баталии. По числу орудий корабли подразделялись на 120-, 110-, 100-, 90-, 84- и 74-пушечные, причем они отличались по рангам, в зависимости

от числа орудий, находившихся на их вооружении. Длина кораблей доходила от 178 до 240 футов, ширина от 48 до 60 футов, а в воде они сидели своей кормой до 23—29 футов.

Артиллерия на кораблях была расположена на особых батареях или на палубах в несколько ярусов, причем верхняя батарея была открытая, а остальные закрытые и назывались деками.

Корабли 120-, 110- и 100-пушечные имели четыре яруса батарей, из которых три яруса помещались в закрытых палубах, и такие суда назывались трехдечными.

Корабли с меньшим числом орудий имели по три яруса батарей, из которых два в деках, и назывались двухдечными.

Как было сказано выше, главная сила кораблей заключалась в носимой ими артиллерии. С этой точки зрения казалось бы, что, чем больше орудий будет на корабле и чем большего они будут калибра, тем и лучше. Но в действительности чрезмерному увеличению калибров орудий, т. е. чрезмерному увеличению веса носимой кораблем артиллерии препятствовали морские качества корабля. Орудия большого калибра были очень тяжелы для деревянного корпуса корабля, занимали много места и требовали много прислуги. Необходимость сохранить за кораблем хорошие морские качества налагала известный предел в отношении величины и числа орудий больших калибров, предназначенных для вооружения кораблей.

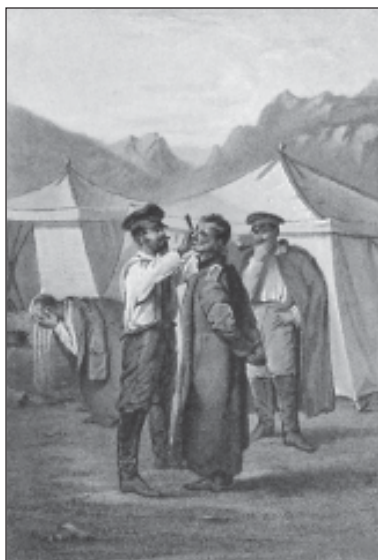
За измерение силы военного судна принимали вес выбрасываемого из всех орудий снаряда в один залп.

Надлежащее размещение артиллерии на самом судне имело очень важное значение для качества судна.

Орудия самых больших калибров помещались обыкновенно в нижнем деке, который назывался гон-деком и находился над кубриком, т. е. самой нижней палубой судна. Расположение более тяжелых орудий внизу переносило центр тяжести судна ниже и делало его более устойчивым.

В среднем, мидель-деке, помещались следующие по калибру орудия, за которыми шли располагавшиеся в верхнем, или опер-деке, а на открытых батареях ставились орудия самых малых калибров из всех, состоявших на вооружении корабля.

На наших кораблях гон-деки вооружались примерно двумя 2-пудовыми или 68-фунтовыми бомбовыми пушками, 4-пудовыми единорогами и 36-фунтовыми длинными пушками. В мидель-деках ставились 36-фунтовые короткие пушки; в опер-деках — 36-фунтовые короткие пушки или 36-фунтовые пушко-каронады; на открытой же батарее располагались 36-фунтовые каронады, 24-фунтовые пушко-каронады и 24-фунтовые каронады². Впрочем, некоторые корабли нашего флота были вооружены однокалиберной 36-фунтовой или 30-фунтовой артиллерией³.

*Полковой цирюльник
(с английской гравюры
на стали)*

Хорошие морские качества корабля достигались его конструкцией, правильной нагрузкой, снаряжением, вооружением и соответствующей подготовкой экипажа к парусному делу, а способность его выполнять все цели на войне — надлежащим снабжением боевыми припасами и продовольствием.

Боевыми припасами корабли снабжались по расчету от 75 до 100 боевых выстрелов на каждое орудие. Продовольственных запасов наши корабли могли вместить на весь экипаж на 6 морских месяцев (в месяце 28 дней), кроме сухарей, которых так же, как воды и дров, брали на 3 или 4 месяца.

Величина экипажей определялась количеством и ка-

либром орудий и величиной самого судна. Таким образом, по положению пятидесятих годов прошлого столетия, экипаж нашего 120-пушечного корабля состоял из 989 человек, 110-пушечного — из 915 человек, 84-пушечного — из 763 и 74-пушечного — из 627 человек.

Что касается количества десантных войск, которое корабли могли поднимать на себе, то оно было весьма различно в зависимости от внутреннего размещения судна, а также от расстояния, на которое перевозится десант, от свойства моря, от времени года и т. п.

В зависимости от этих обстоятельств 100-пушечные корабли могли поднять от 1000 до 1500 человек десанта, 84-пушечные — от 650 до 1000 человек и 74-пушечные — от 500 до 780 человек.

Для свозки десанта с парусных судов пользовались судовыми гребными лодками, а с парохо-до-фрегатов — десантными ботами. Самые большие корабли имели по два 20- или 23-весельных *баркаса*, по два 14-весельных *полубаркаса*, по два 10- или 12-весельных *легких катера*, по две *гички* или *вельбота* и по одной или по две маленькие шлюпки.

Баркасы и полубаркасы имели на носу по одной 24-фунтовой и 18-фунтовой каронаде и по два малых фальконета; катера были вооружены только фальконетами.

Баркасы поднимали 140 человек десанта в полной амуниции, полубаркасы — по 60, катера — по 30 человек. Таким образом, гребные суда 100-пушечного корабля поднимали сразу 460 человек десанта⁴.

Винтовые корабли в общем по своей конструкции были сходны с парусными; их только приходилось немного удлинять для помещения котлов и машины.

Суда, следовавшие по своей величине и важности в военном отношении за кораблями, были *фрегаты*. Они были несколько менее кораблей и имели только одну закрытую батарею, с меньшим числом орудий.

По своему рангу фрегаты разделялись на 60-, 52-, 44-, 36-пушечные.

Длина их корпусов была от 136 до 176 футов, ширина от 43 до 48 футов, а в воде своей кормой они сидели от 18 $\frac{1}{2}$ до 21 $\frac{1}{2}$ футов.

Вооружены фрегаты были артиллерией меньшего калибра, чем линейные корабли. В их деке ставились обыкновенно 24-фунтовые пушки, а на открытой батарее — 24-фунтовые каронады.

Боевыми припасами фрегаты снабжались по расчету 75 боевых выстрелов на каждое орудие. Продовольственных запасов они вмещали на весь экипаж на 4 или 4 $\frac{1}{2}$ месяца, воды и дров — на 3 или 4 месяца.

Величина экипажа фрегат колебалась от 440 до 500 человек. Десантных войск они могли взять от 300 до 500 человек.

Фрегаты почитались лучшими боевыми судами парусного флота. Уступая кораблям в боевой силе, они требовали меньше экипажа и отличались лучшими морскими качествами: ходили круче к ветру, были поворотливее и быстроходнее. Поэтому фрегаты обыкновенно предназначались для поисков за неприятелем, для крейсерства, для конвоирования купеческих судов, транспортов и для выполнения прочих поручений, требовавших при достаточной силе судна более быстрого хода. Во время же сражения они обыкновенно находились во второй линии, поддерживая линейные корабли, помогая слабым и заступая иногда их места.

Во Франции и в Англии в состав военных флотов ко времени Крымской войны входили и винтовые корабли и фрегаты, имевшие паровую машину от 800 до 300 лошадиных сил. Машина эта служила как вспомогательный двигатель при штиле, когда паруса были мало действительны, причем силы паров и ветра были соединены самым удачным образом.

Остальные парусные военные суда меньших рангов не имели закрытой батареи или дека, и орудия их располагались на открытой палубе. Сюда принадлежали 24-, 20-, 18-, 16-, 14-, 12-, 10- и 8-пушечные суда; они по большей части были вооружены каронадами.

Вид Перы

Все эти суда различались своей величиной и вооружением. Главными из них были: *корветы*, сходные по вооружению с фрегатами, и *шлюпы*, оба трехмачтовые; *бриги* и *шхуны*, оба двухмачтовые; *люгера* и *тендеры*, которые ходили весьма близко к ветру и потому были самыми удобными судами для посылок.

К числу паровых судов, бывших в то время в нашем флоте, принадлежали, как было сказано выше, колесные пароходы, снабженные в незначительном количестве артиллерией большого калибра.

По своей величине и силе машины они подразделялись на *пароходо-фрегаты* и *пароходо-корветы* или просто пароходы. Первые имели машины от 220 до 600 и более лошадиных сил и самое разнообразное вооружение; вторые были малосильнее и имели меньшее вооружение.

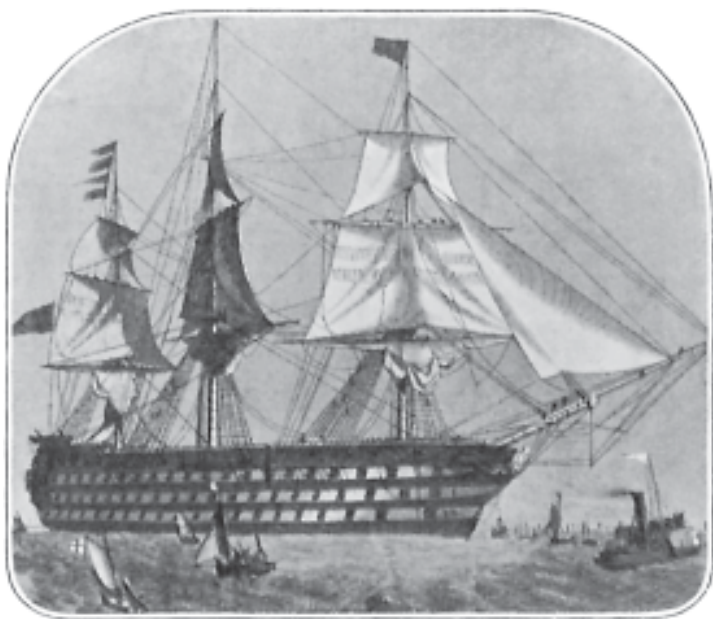
При парусном флоте пароходы предназначались для разведывательной службы, для крейсирования, а также для выбуксирования во время боя поврежденных кораблей или для ввода их в линию во время штиля. Отсюда видно, какое большое значение для парусного флота имело обилие сильных пароходов.

К гребным судам принадлежали вообще мелкосидящие в воде суда. Главными представителями их были *канонерские боты* и *канонерские лодки*. Они были вооружены 2—3 пушками большого калибра, поставленными в носу и в корме, и имели, как вспомогательное для движения средство, одну или две мачты с четырехугольными парусами. Лодки бывали иногда палубные.

По своему устройству гребные суда были неспособны к выдерживанию крепких ветров, и, имея малое пространство для провизии и воды, они не могли удаляться далеко от берега⁵. Плавание их ограничивалось только реками, шхерами и берегами морей. На гребных судах перевозился десант; делались высадки, обстреливались берега, а иногда они вступали в бой с большими парусными судами, стараясь взять их на абордаж.

К военным судам того времени следует отнести также *бомбардирские корабли* и *плавучие батареи*, предназначавшиеся для бомбардировки крепостей и защиты берегов. Первые были вооружены одной или двумя мортирами и несколькими пушками, а вторые — четырьмя—девятью орудиями большого калибра, поставленными на палубе, посередине судна, на платформах, дававших им возможность стрелять в разных направлениях.

Железных военных судов в то время еще не существовало; все они строились из дерева. У нас для главных частей судна употреблялись дуб и лиственница; обшивка же судов и палубы чаще всего делались сосновые. Снаружи подводная часть судов, для предохранения от морских животных и растений, легко прилипавших к дереву и могущих замедлять ход судна, обшивалась медными листами.

*Английский линейный корабль
(с гравюры на дереве)*

Иногда при *тимберовке*, т. е. значительной переделке старых кораблей, с них снимали один дек, и тогда стопушечный корабль обращался в двухдечный, а двухдечный — во фрегат.

Рангоут судна, т. е. мостки и их продолжение вверх (стенги и брам-стенги), назначение которых было носить паруса, делался из легкого, гибкого и прямоствольного леса; у нас преимущественно из сосны.

Такелаж, или снасти, входившие в снаряжение судна, имевшего рангоут, делался из смоляных пеньковых веревок.

Паруса состояли из пеньковой ткани, называемой парусиной, которая выделялась различной толщины. На нижние паруса употреблялась самая толстая парусина, а по мере повышения их парусина бралась более тонкая.

Быше были уже указаны причины, заставлявшие вооружать военные суда артиллерией разных калибров. Из описания вооружения боевых судов усматривается все разнообразие орудий, для этого употреблявшихся.

Желание наносить действительное поражение на дальних дистанциях и необходимость быстрого и сильного по своим результатам огня на близких дистанциях заставляли включать в состав морской артиллерии самые разнообразные калибры орудий, от очень больших до самых маленьких.

В этом отношении артиллерия военного судна имела очень много общего с артиллерией крепости, но с той только разницей, что в крепости находили для себя соответственное применение и орудия устарелых систем, на военном же судне артиллерия должна была удовлетворять последнему слову военной техники. Даже калибры орудий, употреблявшихся во флоте, были почти те же, которые употреблялись в крепостной войне.

Морская артиллерия эпохи Крымской войны состояла из следующих орудий:

Бомбовые пушки 10-дюймовые, 2- и 1 ¹/₂-пудовые и 68-фунтовые, позволявшие производить прицельную стрельбу разрывными бомбами.

Длинные пушки 36-, 30-, 24-, 18-, 12-, 8-, 6-, 3- и 1-фунтовые.

Короткие пушки 36-, 24- и 18-фунтовые, 48-фунтовые полупушки, встречавшиеся на вооружении наших судов очень редко.

Единороги одно- и полупудовые.

Каронады 96-, 68-, 48-, 36-, 24-, 18-, 12-, 8- и 6-фунтовые.

Пушко-каронады 36-, 24- и 18-фунтовые.

Фальконеты 3- и 1-фунтовые и мортиры 5-, 3- и 2-пудовые и малые 8-фунтовые кугорновы мортирки.

Об орудиях, одноименных с употреблявшимися в крепостной, осадной и полевой артиллерии, было сказано в своем месте, по-

этому в данном случае отмечаются лишь характерные особенности остальных образцов.

Бомбовые чугунные пушки в Балтийском флоте употреблялись 2-пудовые (калибр 9,65 дюйма) и 1 $\frac{1}{2}$ -пудовые (калибр 8,75 дюйма). Вес всей системы первого образца доходил до 290 пудов, а второго — до 230 пудов.

В Черноморском флоте бомбовые пушки были 10-дюймовые и 68-фунтовые (калибр 8 дюймов). Вес системы 10-дюймовых был около 327 пудов, а 68-фунтовых — около 250 пудов.

Дальность полета бомб двухпудовых пушек при 12° возвышения доходила до 1069 саженей и полуторапудовых при 11° возвышения — до 915 саженей.

Действительность стрельбы из этих орудий была хороша до 800 саженей даже в такую незначительную цель, как щит шести-фунтовых размеров. При стрельбе же на более далекие расстояния огонь был неверен, особенно при малейшем движении судна⁶.

Относительно скорости стрельбы из бомбовых пушек можно судить по тому, что два 68-фунтовых орудия давали возможность в три минуты выпускать 6 бомб⁷.

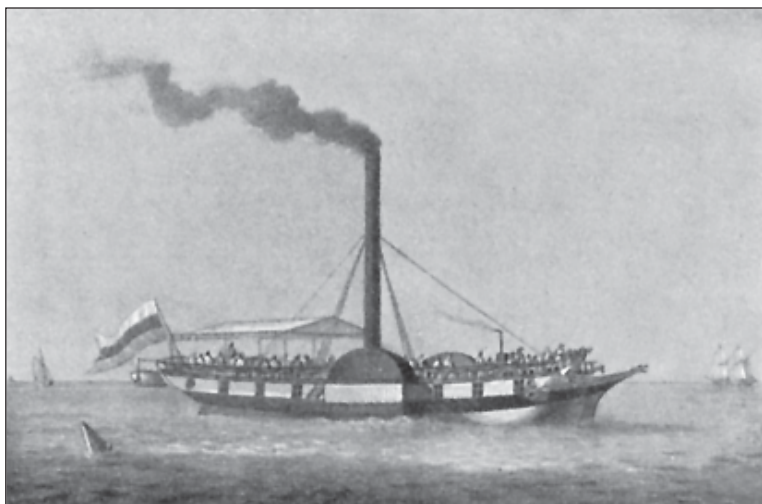
Производились у нас опыты по вооружению кораблей и 3-пудовыми бомбовыми пушками, но эти орудия были признаны неудобными, так как они весили до 450 пудов и требовали 20 человек прислуги⁸.

Пушки некоторых калибров употреблялись на судах длинные и короткие. Различие между ними заключалось в том, что при одинаковом калибре первые имели бульшую дальность прицельного выстрела. Кроме того, при стрельбе из длинных орудий боковая качка судна была спокойнее, а также дым и пламя, появившиеся у дула, находились далее от борта, чем при стрельбе из коротких пушек; это последнее составляло для кораблей довольно важную выгоду. Невыгоды длинных пушек заключались в том, что они занимали много места на палубе.

Каронады отличались меньшим относительным зарядом и меньшей дальностью. Они были особенно выгодны для употребления на кораблях, так как при одинаковом калибре с пушками каронады были гораздо легче их весом, требовали меньше прислуги и меньше занимали места. Это давало возможность иметь на судах каронады большого калибра и на близком расстоянии наносить ими более вреда, но зато на большом расстоянии они намного уступали в силе огня пушкам, и в особенности длинным.

Наши каронады⁹ превосходно действовали на один кабельтов (100 саженей), а на большее расстояние были неверны и негодны.

Пушко-каронады представляли из себя среднее между короткими пушками и каронадами. Дальность их прицельного выстрела и меткость значительно превосходили эти же свойства каронад.

Первый невский пароход
(с литографии, по рисунку Карделли)

Так, 36-фунтовая пушко-каронада имела полет при 8° возвышения свыше 1000 сажений¹⁰.

Вообще же наши моряки того времени признавали, что на кораблях не должно было иметь пушек более 36-фунтового и каронад более 68-фунтового калибров.

Что касается орудий мелких калибров, то в сухопутной артиллерии мы не встречались только с фальконетами и кугорновыми мортирами. Оба эти типа орудий отличались легкостью своего веса и малой действительностью выстрелов; они предназначались исключительно для содействия десантам.

Из артиллерийских снарядов, применявшихся специально в морской артиллерии, существовали дрейф-гагелы, которые представляли из себя род картечи, употреблявшейся для стрельбы по такелажу судов.

О действительности стрельбы того времени можно судить по приводимому в приложении № 187 отчету генерал-адъютанта Корнилова о стрельбе в цель судов Черноморского флота на Севастопольском рейде с 16 по 25 октября 1852 года. Из отчета этого между прочим усматривается, что в цель, соответствовавшую длине военного судна средних размеров, успех стрельбы кораблей на 400 сажений расстояния превосходил от 50 до 82 % попаданий числа выпущенных снарядов, а на 350 сажений 120-пушечный корабль дал 90 % попаданий. Фрегаты же на расстоянии в 300 сажений давали от 80 до 90 % попаданий.

Всепоподаннейший доклад великого князя Константина Николаевича от 4 октября 1852 года¹¹, в свою очередь, дает следующие данные о действительности и скорости стрельбы из орудий в Балтийском флоте: «На приготовление к бою употреблялось 1 $\frac{1}{2}$ минуты, на перевоз всей батареи на один борт — 6 минут, на перемену станка по разным способам — от 3 до 4 $\frac{1}{2}$ минут, на зарядание и пальбу из каждого орудия — от 4 $\frac{3}{4}$ до 7 $\frac{1}{4}$ минут. При этом попадало снарядов в щит при стрельбе с якоря на расстоянии 6 кабельтовых (600 саженей) из 55 выстрелов — 33, т. е. 60 %, и при стрельбе под парусами, при ходе от 1 $\frac{1}{2}$ до 3 $\frac{1}{2}$ узлов и в расстоянии 4 $\frac{1}{2}$ кабельтовых (450 саженей) из 96 выстрелов — 51, т. е. 53 %».

По положению 1842 года на суда была назначена следующая артиллерия: на 84-пушечный корабль — 6 бомбических орудий, 26—36-фунтовых длинных, 28—24-фунтовых длинных и 6 коротких пушек, 14—24-фунтовых каронад и 4 пудовых единорога; на 74-пушечный корабль — 4 бомбических орудия, 24—36-фунтовых и 28—24-фунтовых коротких пушек, 16—24-фунтовых каронад и 2 пудовых единорога и на 44-пушечный фрегат — 26—24-фунтовых коротких пушек, 16—24-фунтовых каронад и 2 пудовых единорога.

Впоследствии число бомбических орудий было увеличено, и 84-пушечный корабль должен был иметь их на нижнем деке 10, 74-пушечный — 6 и фрегаты — по 2. Действие этих орудий было губительнее остальных, так как они не только поражали своими осколками после разрыва бомб, но и зажигали деревянный корпус неприятельского корабля; ядра же, выпущенные из остальных орудий, приносили пользу только тогда, когда сносили у неприятеля мачты или делали подводные пробоины.

Черноморский флот, под влиянием адмирала Лазарева, перевооружался скорее Балтийского и носил на своих деках более сильную артиллерию.

С 1841 года корабль «Двенадцать Апостолов» имел на нижнем деке 28—68-фунтовых бомбических орудий и был сильнейшим кораблем своего времени; другие корабли этого флота, как-то «Храбрый», «Париж», «Великий князь Константин», имели всю нижнюю батарею из 68-фунтовых бомбических пушек. Черноморские фрегаты и корветы имели 24-фунтовую артиллерию; вооружение пароходо-фрегатов было разнообразное и определялось крепостью корпусов и родом службы; бриги имели 18-фунтовые каронады и 6-фунтовые пушки; тендера — любимые мелкие суда Лазарева — 12-фунтовые каронады и 3-фунтовые пушки; канонерские лодки — по три 24-фунтовые пушки или каронады.

Развитие наших морских вооруженных сил со времени их основания не шло в постоянных, правильных и постепенно прогрессирующих размерах, как это было в сухопутной армии. Континентальное положение государства, незначительность имевших важное значение морских границ, а главное, малое развитие морской торговли отодвигали флот на второстепенное место в ряду мер, способствовавших военному могуществу нашего Отечества.

За все время двухсотлетнего существования наших правильно организованных морских вооруженных сил значение их выдвигалось как бы скачками, в зависимости от складывавшихся политических комбинаций или целей, преследуемых царствующими монархами. Эпохи, следовавшие за таким возвышением флота, влекли за собой обыкновенно реакцию, и на него обращали мало внимания до наступления новых политических комбинаций, когда флот вновь призывался к кипучей деятельности.

Непреклонное желание Петра Великого положить прочное основание своему могуществу на берегах Балтийского моря и соседство сильной морской державы, Швеции, заставило его обратить особое внимание на устройство Балтийского флота, который выполнил свою задачу, предоставив России преобладающее влияние на Балтийском море.

В последующее полу столетие роль флота как бы умалилась. Новых целей для него не предвиделось, а сохранение нашего влияния на Балтийском море не требовало ввиду полной слабости соседних государств с его стороны почти никакого напряжения. Война императрицы Екатерины II со Швецией окончательно утвердила наше на нем могущество.

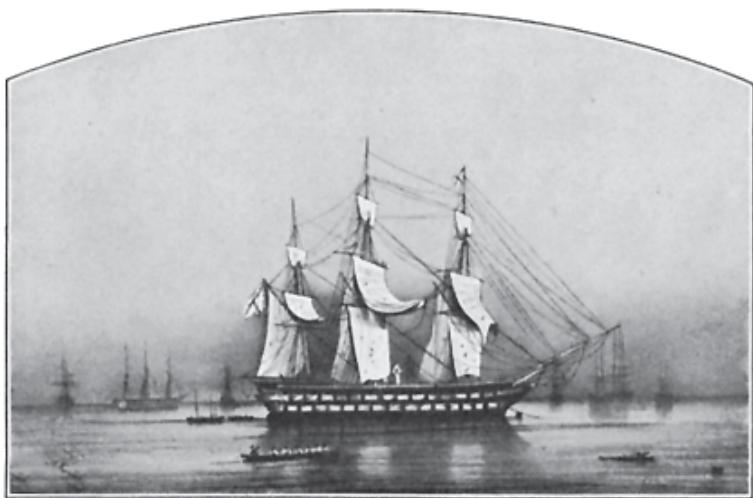
Но зато в царствование этой государыни для нас открылись новые политические горизонты, которые потребовали содействия сильного флота на юге империи и повлекли за собой основание Черноморского флота.

Необходимость обеспечения наших южных пределов в связи с разрешением Восточного вопроса в том виде, как он представлялся великой императрице, определяла значение и силу Черноморского флота.

Основание его организации и устройству положил такой выдающийся администратор, каким был князь Потемкин.

Черноморский флот тотчас же вслед за его формированием начал свою боевую деятельность и с успехом принял участие во второй Турецкой войне императрицы Екатерины.

В 1798 году четырнадцатилетний по возрасту Черноморский флот завоевал уже себе, под флагом адмирала Ушакова, европейскую известность. Слава черноморцев распространилась по всему Средиземному и Черному морям, а блестящее покорение Корфу и освобождение от французов Неаполя «зас-

84-пушечный корабль «Императрица Мария»

тавили самого Нельсона завидовать ему и интриговать против черноморцев»¹².

Но нравственное могущество Черноморского флота не соответствовало его материальной силе. Насущные и неотложные политические задачи заставили Потемкина, думавшего только о том, чтобы скорее пустить суда в бой, строить их наспех, из сырого материала, и адмирал Ушаков одерживал в Средиземном море свои победы с флотом, состоявшим из кораблей старых, гнилых, не обшитых медью, не способных к зимнему плаванию и самых плохих ходяков¹³.

В 1800 году адмирал Ушаков сошел со сцены, и Черноморский флот надолго осиротел. В начавшейся с 1806 года войне с Турцией он почти совсем не заявлял о своем существовании и не принимал никакого участия в действиях нашей армии.

В царствование императора Александра наш флот вообще пришел в упадок. И политические, и военные обстоятельства этого царствования не вызывали настоятельной потребности в действии флота. В первые пятнадцать лет все наши интересы были прикованы к борьбе против Наполеона, а в последние десять — к поддержанию установившегося порядка вещей на континенте Европы. И в том, и в другом случае нужна была сухопутная армия, а на флот не обращалось никакого внимания¹⁴.

И действительно, все современники рисуют положение его в эту эпоху в очень неприглядных красках¹⁵.

Так, предложенное, например, на Веронском конгрессе содействие союзных держав королю Фердинанду Испанскому в борьбе

его с восставшими испанско-американскими колониями оказалось фактически неисполнимым ввиду плохого состояния кораблей русского флота, появившегося для этой цели в Кадиксе.

По существовавшим штатам в Балтийском флоте полагалось иметь 27 кораблей и 26 фрегатов, но действительное число судов в последние годы царствования императора Александра I далеко не достигало этих цифр, и дошло до того, что при воцарении императора Николая Павловича было годных к службе в Балтийском флоте только 5, а в Черноморском флоте — 10 из 15 кораблей¹⁶. Самые большие калибры орудий, употреблявшихся во флоте, были 36-фунтовые пушки и 24-фунтовые каронады.

Общее штатное число чинов Балтийского и Черноморского флотов простиралось до 90 000 человек, но по причине ограниченной морской деятельности в действительности до штатного числа недоставало 20 000 человек. Некомплект этот почти исключительно ложился на строевые команды, так как число нестроевых даже превышало комплект.

Преступное отношение к сохранению казенного интереса было развито в высшей степени. В портах торговля всеми принадлежностями флота велась совершенно открыто, и доставка краденого в лавки большими партиями делалась не только ночью, но и днем. Флигель-адъютант Лазарев, производивший уже в 1826 году расследование по этому поводу, обнаружил в одном Кронштадте в 32 лавках казенных вещей на сумму 85 875 руб.¹⁷.

В таком положении застал наш флот вступивший на престол император Николай Павлович. Он посмотрел иначе на назначение наших морских вооруженных сил и видел в них солидный оплот государства на севере и, кроме того, средство для поддержания своего, историческим путем сложившегося, законного и необходимого влияния на Ближнем Востоке. В продолжение тридцатилетнего царствования этого государя заметны его постоянные заботы о поддержании флота на должной высоте.

Однако все меры, принимаемые императором Николаем Павловичем, показывают, что государь никогда не предполагал придавать своему флоту силы, способной успешно бороться с соединенными флотами двух могущественнейших морских держав в Европе. Балтийский флот им содержался в пределах, необходимых для обеспечения столицы и Балтийского побережья, и должен был быть сильнее соединенного датского и шведского флотов, а Черноморский флот, кроме охранительных начал, сообразовался и с необходимостью вести успешную наступательную войну против Османской Порты.

Греческий вопрос и ожидание войны с Турцией заставили императора Николая тотчас же по вступлении на престол обратить особое внимание на флот.

Наибольшее содействие в разрешении возможных политических комбинаций мог принести Черноморский флот; Балтийский же находился вне сферы действий того беспокойного вулкана, который представляла из себя Турция с обширными провинциями угнетенных, но подававших признаки жизни христианских племен. Кроме того, всегдашнее желание императора Николая действовать в союзе с Англией еще более отодвигало на задний план всякую мысль об активном значении Балтийского флота¹⁸.

С самого начала своего царствования государь обнаружил кипучую деятельность по усовершенствованию флота. Уничтожение вкоренившихся злоупотреблений, установление прочных штатов, организация морских вооруженных сил и порядка обучения, устройство морских сооружений, зоркий надзор за кораблестроением и, наконец, развитие и правильная постановка учебных заведений — до всего этого коснулась всеобъемлющая деятельность императора Николая Павловича, который вникал во все мелочи морского дела. Полтора же года боевой жизни, проведенные им среди Черноморского флота, сроднили его с морской средой, которая пользовалась неуклонным его вниманием до самой кончины. Только в беспримерном поведении черноморских моряков государь нашел утешение в последние тяжелые годы своей жизни.

Морскую деятельность императора Николая можно разделить на две резко отличающиеся эпохи. Первое десятилетие было посвящено преобразовательной работе, и за это время флот сделал небывалый со времен императрицы Екатерины шаг вперед. Но, доведя морские силы до желаемого совершенства, государь в последующие двадцать лет перенес центр тяжести своей кипучей деятельности на другие отрасли управления и поручил поддержание флота на достигнутой высоте ближайшему исполнителю его предначертаний, лицу, пользовавшемуся его полным доверием, князю А. С. Меншикову.

**Великий князь Константин
Николаевич**

*(с портрета масляными
красками, Севастопольский
музей)*

Политические обстоятельства этой эпохи не потребовали активного участия Балтийского флота, который, ежегодно совершая свои обычные практические плавания, все более и более увлекался в сторону исключительно показных, смотровых требований. Наружный порядок был доведен в нем до совершенства, и государь, уверенный в своих помощниках, находил при ежегодных посещениях Кронштадта и флота все в блестящем виде¹⁹.

Всеподданнейшие отчеты князя Меншикова за эти двадцать лет также были наполнены описанием блестящего состояния всех дел по управлению морским ведомством и восхвалением существовавшего порядка. Лишь только в 1853 году всеподданнейший отчет вступившего в управление Морским министерством великого князя Константина Николаевича впервые показал государю, что в действительности не все обстоит так благополучно.

Несколько в ином положении за этот период времени находился Черноморский флот. Крейсерская служба, которую ему постоянно приходилось выполнять у восточных берегов Черного моря, а также выдающаяся личность адмирала Лазарева, стоявшего во главе этого флота и соединявшего с обширными морскими дарованиями и опытностью таланты воспитательные и горячую любовь к своему делу, образовали из Черноморского флота светлое пятно на общем фоне тогдашнего состояния наших вооруженных сил²⁰.

Интересно проследить взгляд самих современников на назначение нашего флота, высказанный ими в официальной переписке в предвидении, но еще до начала военных действий с англо-французами.

«Злость англичан выше всякой меры, равно как их дерзость и бесстыдство, — писал государь князю Варшавскому 16 декабря 1853 года, после Синопского сражения²¹, — но мериться с ними на море было бы неблагоприятно по превосходству сил их, хотя моряки наши только того и желают».

В мнениях о возможном действии Балтийского флота, собранных великим князем Константином Николаевичем еще в январе и феврале 1854 года, современные адмиралы высказались так²²:

Генерал-адъютант Литке: «Если неприятель появится весной в Балтийском море, то появится, конечно, в таких силах, против которых нам в открытую борьбу невозможно будет вступать. Следовательно, нашей ближайшей целью должно быть воспрепятствование неприятелю достигнуть той, которую он имеет в виду, и по-том наносить ему возможный вред.

Это будет война оборонительная, но по предполагаемому преимуществу сил неприятельских мы и не можем вести на море иной».

Князь А. С. Меншиков: «Цель Балтийского флота должна быть: прикрывать свои порты и поражать неприятеля, если он

разделится на части или будет слабее нашего».

Князь М. Д. Горчаков²³: «Ce que Vous m'avez fait dire que, dans le cas ou l'Angleterre et la France prendraient s'irieuusement parti contre nous, ce seront elles qui seront madresses de la mer Noire, je n'en ai jamais douté. Ce serait folie de supposer qu Vous puissiez tenir la mer avec 14 vaisseaux, contre les flottes de l'Angleterre, de la France et de la Turquie. *Je crois que personne ne se fait illusion la-dessus*²⁴.

Граф Литке

Наши морские вооруженные силы перед Крымской войной состояли из двух флотов: Балтийского и Черноморского и четырех флотилий: Дунайской, Архангельской, Каспийской и Камчатской.

Судовой состав Балтийского парусного флота был определен особым штатом, утвержденным в 1826 году, по которому в Балтийском море полагалось иметь 27 линейных кораблей, 22 фрегата, 25 бригов, шхун и транспортов, 159 гребных канонерских лодок, 10 плавучих батарей и бомбард, 78 яхт, иолов, ботов и других мелких судов. Кроме того, было положено иметь в Петербурге и Кронштадте 8 колесных пароходов²⁵.

При определении этих штатов Морское ведомство рассчитывало, что «это число судов будет, с одной стороны, без отягощения государству в рассуждении содержания, а с другой, и весьма достаточно не токмо к обороне наших портов и границ, но и для нападательных военных действий в случае надобности в оных»²⁶.

Этой предначертанной программой Морское ведомство руководствовалось в своей судостроительной деятельности в Балтийском флоте в течение всего царствования императора Николая Павловича, и к началу 1853 года наш Балтийский флот имел 206 готовых судов всех рангов с 3144 орудиями²⁷. Кроме того, имелось старых и тимберовавшихся судов 31 с 1174 орудиями.

Из числа этих судов было годных к выступлению в море 25 линейных кораблей с 2077 орудиями, 11 пароходо-фрегат с 105 орудиями, 12 малых пароходов с 74 орудиями и прочие мелкие суда; кроме того, находилось в постройке: один винтовой корабль, два винтовых фрегата и два парохода.

*М. П. Лазарев (с портрета
масляными красками, Севасто-
польский музей)*

Подробное исчисление судов как Балтийского флота, так и остальных наших флотов и флотилий помещено в приложении № 188.

В начале царствования императора Николая (в 1829 году) Черноморский флот состоял из 245 судов, в числе которых имелось 17 линейных кораблей, 4 фрегата, 4 парохода, 98 гребных судов, а остальные были разные малые парусные суда²⁸.

К началу же 1853 года флот этот с Дунайской флотилией состоял из 178 судов с 2572 орудиями²⁹, могущих выступить в море, и 13 судов с 328 орудиями, старых и timberовавшихся.

В общем числе судов было: 14 линейных кораблей с 1410 орудиями, 7 парусных фрегатов с 376 орудиями, 7 паровых фрегатов с 45 орудиями, 21 малый пароход с 78 орудиями и прочие мелкие суда³⁰.

Сверх того, для Черноморского флота строилось 2 корабля и 2 винтовых корвета, для которых механизмы были заказаны в Англии³¹.

Архангельская флотилия состояла из 9 мелких судов с 40 орудиями, в том числе 2 пароходов.

Каспийская флотилия состояла из 30 мелких судов с 73 орудиями, в том числе 8 пароходов, и Камчатская — из 10 мелких судов с 62 орудиями, в том числе одной винтовой шхуны.

Но одно перечисление судов флота, а также калибров и количества орудий, которыми они были вооружены, не дает полной картины современного его состояния. Необходимо ознакомиться с действительным состоянием наших морских сил.

Все свидетельства современников проводят большую грань между состоянием судов Балтийского и Черноморского флотов, и далеко не в пользу первого из них.

О неблагонадежном состоянии Балтийского флота императору Николаю Павловичу пришлось узнать слишком поздно, лишь только в 1853 году, из всеподданнейшего отчета вступившего в этом году в управление Морским министерством, за отсутствием князя Меншикова, великого князя Константина Николаевича.

«Суда Балтийского флота, — писал великий князь³², — были большей частью сосновые, из сырого леса, слабой постройки и

весьма посредственного вооружения, и при каждом учебном плавании по портам Финского залива весьма многие из них подвергались разнообразным повреждениям. Не было возможности составить из них эскадры для продолжительного плавания в дальние моря, и с большим трудом можно было отыскать несколько отдельных судов, которые почитались способными совершить переход из Кронштадта к берегам Восточной Сибири... Из всего числа линейных кораблей Балтийского флота нет ни одного благонадежного для *продолжительного*³³ плавания в *отдаленных* морях. Совершить переход из Балтийского моря в Средиземное могут 11 кораблей. Остальные в состоянии плавать не далее Немецкого моря, вблизи своих портов. Собственно боевая сила Балтийского флота состоит из 11 парусных линейных кораблей, которые могут составить эскадру и идти против равного в числе неприятеля за пределы Балтийского моря. 25 кораблей, считая в том числе и упомянутые 11, могут вступить в бой с неприятелем в наших водах, но идти на войну далее не в состоянии. Посему, сравнительно с общим числом вымпелов, собственно боевая сила Балтийского флота и число судов, годных для дальнего плавания, т. е. для настоящей морской службы, весьма незначительны»...

С официальным докладом великого князя о состоянии Балтийского флота сходятся и все показания частных лиц.

Корвет «Наварин», избранный осенью 1852 года как самый надежный для кругосветного плавания³⁴, не мог идти далее Голландии, где должен был быть продан по своей негодности. Флигель-адъютант Аркас, командированный для осмотра «Наварина», так описывает в своем дневнике впечатление, произведенное этим осмотром³⁵:

«При подробном осмотре корвета, у которого местами была вскрыта обшивка, я был совершенно поражен его ужасным положением. Гниль оказалась во всех местах; можно сказать, что ни одного шпангоута не было вполне здорового. Все держалось на наружной обшивке, которая прикреплялась, вместо цельных медных болтов, только голов-

**Русский морской ополченец
1854 г.**

(с литографии Шевалье)

ками их снаружи, а с внутренней стороны также коротенькими концами болтов с расклепками. Обман преступный!»

Справедливость сказанного Аркасом подтверждается и следственным делом, хранящимся в архиве Морского министерства.

Летом 1854 года государь отправил Балтийский флот в море практиковаться в плавании. Дойдя до Красной Горки, флот встретил сильный ветер, далеко не доходивший, по показаниям современников, до степени шторма, и на четвертый день вернулся в Кронштадт с многочисленными повреждениями. Не было ни одного корабля, который не имел бы значительных повреждений в рангоуте и в корпусе; у некоторых же кораблей были свернуты головы у рулей и топы³⁶ в мачтах, требовавшие их перемены. На производство всего этого надо было немало времени, между тем неприятель грозил ежеминутным нападением³⁷.

Что касается состояния артиллерийской части, то она также не всегда была удовлетворительна. Чугун, из которого отливались орудия, был недоброкачественный, а почти полное отсутствие практики в боевой стрельбе не давало возможности своевременно обнаружить этого недочета. При пробной стрельбе в 1854 году многие орудия иногда после первого, а иногда после нескольких выстрелов разрывались³⁸.

Совершенно иное впечатление на современников производил Черноморский флот³⁹, который находился в блестящем во всех отношениях состоянии.

По свидетельству многих современных деятелей, он не только не уступал лучшим представителям английского и французского флотов, но и превосходил их⁴⁰, и это при постоянной крейсерской службе у восточных берегов Черного моря!

Корабли Черноморского флота, созданные покойным адмиралом Лазаревым, были отличной постройки, имели хорошее вооружение и были комплектованы опытными в морском деле экипажами⁴¹. Впрочем, боевой опыт показал, что и в Черноморском флоте система установки орудий на судах имела некоторые практические неудобства⁴².

Превосходство судов Черноморского флота над судами Балтийского великий князь Константин Николаевич⁴³ объяснял как излишним отпуском денег на первый из названных флотов, так и тем, что адмирал Лазарев подготовил для своего флота отличных мастеров за границей, чего администрацией Балтийского флота не делалось⁴⁴.

Такое различие зависело также и от личных качеств руководителей обоих наших флотов: в то время, как во главе Балтийского флота за все царствование императора Николая Павловича стоял князь Меншиков, который при всех, может быть, и очень обширных своих дарованиях не выказал ни административных, ни воспитательных талантов, во главе Черноморского флота стояли по-

очередно адмиралы Грейг и Лазарев, о которых мы будем говорить ниже.

Самой характерной особенностью морского дела в эпоху Крымской войны был тот радикальный перелом, который происходил в судостроении всех наций и сводился к введению во флоте парового двигателя вместо парусного.

Парусные суда достигли тогда в военных флотах всех европейских держав той степени совершенства, как в отношении их боевой силы, так и в отношении мореходных качеств, какой только можно требовать от этого рода судов. Но изобретение в сороковых годах прошлого столетия винтового двигателя положило предел не только дальнейшему развитию парусного флота, но и самому существованию его как боевой силы.

И этот перелом в военно-морском судостроительном деле совпал фатальным для России образом со временем тяжелой ее борьбы с двумя морскими европейскими державами, затратившими сотни миллионов на дорогие опыты со введением винтового двигателя в военных судах⁴⁵.

За истекшее после Крымской войны пятидесятилетие у нас в обществе глубоко вкоренилось убеждение в ответственности нашего правительства за отсталость от западных держав в судостроительном деле.

Но в этом скорее следует видеть вполне естественное последствие только что свершившегося введения нового фактора, и печальный опыт Крымской войны скорее доказывает, что государство, призванное играть первенствующую политическую роль, не должно жалеть никаких затрат на содержание своих вооруженных сил на высоте его политических задач.

Первые основательные опыты приспособления винтовых двигателей к судам во Франции и Англии начались всего за 10 лет до Крымской кампании. В 1844 году в Англии был построен военный пароход «Ратлер», на котором и началось испытание винтов разных систем.

После этого Великобритания стала затрачивать огромные суммы на производство опытов с винтовым двигателем, на уплату привилегий изобретателям, на сооружение заводов, доков и всего необходимого для постройки и оборудования вновь нарождавшегося винтового флота. Морской бюджет Англии, а за ней и Франции во второй половине сороковых годов увеличился почти вдвое, причем увеличение это имело преимущественной целью опыты и подготовку средств адмиралтейства ко введению винтовых судов⁴⁶.

Само изобретение винтовых двигателей в то время не внушало еще доверия большинству современного европейского общества.

Во Франции и в Англии нередко упрекали правительство за дорого стоившие и не всегда удачные опыты⁴⁷.

*Вид Батума
(с французской гравюры на дереве)*

Даже в 1853 году около половины английских моряков скептически относились к винтовому флоту и стояли за парусный. Наш посол в Лондоне барон Бруннов и морской агент капитан-лейтенант Шестаков свидетельствовали, что только осенью этого года английское общественное мнение вполне склонилось на сторону винтового флота, качества которого «поразили упрямых защитников старой системы»⁴⁸.

Наши руководящие сферы не относились, со своей стороны, безучастно ко введению на военных судах винтового двигателя.

Уже в 1848 году, т. е. в то время, когда опыты в Англии стали на более или менее реальную почву, у нас был спущен на воду первый паровой фрегат «Архимед», который в самом начале своей службы потерпел крушение. Существовавший у нас особый пароходный комитет близко следил за ходом усовершенствований по части применения пара к военному судостроению, но «тяжелой машине нашей тогдашней морской администрации требовалось очень много времени, чтобы при посредстве бесчисленных письменных и других формальностей довести каждое предположение до исполнения»⁴⁹. Притом мы ожидали дальнейших усовершенствований, последнего слова в теории и практике и не решались рисковать затратой денег. Однако в 1851 и 1852 годах у нас приступили к постройке двух винтовых фрегатов и к переделке трех парусных кораблей в винтовые⁵⁰.

Но наше Морское ведомство имело мало средств как для постройки винтовых судов, так и для их эксплуатации. Для Балтийского флота мы имели возможность строить вообще только один корабль каждые два года в Архангельске и один каждые три года в Петербурге, и притом строить их поспешно, что было крайне вредно для прочности работы⁵¹. Наши доки были малы для громадных паровых судов: мы не имели ни мастерских, ни машин, ни мастеров для изготовления собственными средствами необходимых механизмов: их приходилось заказывать за дорогую цену в Англии

так же, как приходилось довольствоваться большей частью наемными машинистами иностранцами.

Такое положение вещей очень неблагоприятно отразилось на нас при самом начале неприязненных действий с Англией. Заказанные для винтовых судов механизмы были конфискованы, а иностранные механики отказались служить, и мы во время войны не могли употребить в дело тех немногих винтовых судов, которые могли бы к этому времени быть в составе нашего флота.

Для того чтобы иметь винтовой флот, России надо было еще несколько лет кипучей деятельности и затрат многих миллионов.

Замечательно, что и в заботах о заведении у нас парового флота император Николай Павлович был впереди своих современников. Собственноручные заметки государя являются прямым этому доказательством.

Еще 3 июля 1835 года на докладе флигель-адъютанта Бутенева со сведениями об английском флоте и с мнением о необходимости назначить суммы на приобретение планов и моделей судов и пароходов государь написал: «Весьма любопытно; за деньгами нечего останавливаться, лишь бы полезное достать!» В июле 1838 года государь писал князю Меншикову: «Шанц прибыл из Америки с весьма важными открытиями по паровой части. Он меня ждет в Теплице, и ежели по словам его подтвердится то, что я читал в привезенных им бумагах, то я немедля его отправлю в Америку для заказа и привода одного парохода, *ибо времени нечего терять*»⁵².

Посетив в сороковых годах на Неве суда отряда лейтенанта Аркаса, предназначенные для провоза по речным системам в Астрахань на усиление Каспийской флотилии, государь дал ему такую инструкцию: «Когда ты пойдешь пароходом своим по рекам, то я желаю, чтоб ты останавливался на пути во всех более значительных торговых городах и показывал пароход тамошним судовладельцам и богачам, которые еще не видали там пароходов. Объясни им пользу и выгоду введения паровых судов, вместо того, что они имеют, и даже не затрудняйся показывать им на опыте эту пользу»⁵³. Наконец, уже в пятидесятых годах государь писал князю Меншикову по получении сведений от наших морских агентов в Лондоне: «Очень жалею, что мы еще ни одного корабля не снабдили винтом; очень бы пора, и не полагаю, чтобы и трудно было. Прошу мне представить ваши соображения безотлагательно»⁵⁴.

Упомянем еще о полном отсутствии у нас помощи военным целям со стороны торгового флота. В то время, как Франция и в особенности Англия располагали огромными частными пароходными средствами для постоянной и быстрой перевозки войск, провианта и всякого рода других тяжестей, у нас совершенно не существовало частных пароходных компаний. Развитие в России казенного пароходства шло в то время значительно впереди част-

*Вид Редут-Кале
(с французской гравюры на дереве)*

ной пароходной деятельности — факт, совершенно противоположный тому, который представляла нам Западная Европа и Северная Америка того времени.

Вообще же в эпоху Крымской войны главную боевую силу военных флотов все-таки составляли парусные суда; паровые же имели в общем только значение вспомогательной силы для парусных судов. Но отношение этой паровой силы к парусной было неодинаково в различных флотах, причем в русском флоте это отношение было особенно не в пользу паровых судов⁵⁵.

В строевом и административном отношениях отдельные суда соединялись в эскадры, которые, в свою очередь, входили в состав морских дивизий. Эти высшие соединения судов соответствовали, как увидим ниже, и организации личного состава флота.

Суда Балтийского флота были разделены на три дивизии: 1, 2-ю и 3-ю, а Черноморского флота — на две дивизии: 4-ю и 5-ю. Каждая дивизия состояла из девяти кораблей, шести фрегатов и прочих приписанных к ней судов и делилась на три эскадры, состоявшие каждая из трех кораблей. Исключение составляла лишь 3-я эскадра 5-й дивизии, которая была несколько меньшего против других эскадр состава⁵⁶.

Флотилии Дунайская, Каспийская, Камчатская и Архангельская ввиду своего незначительного состава на эскадры не подразделялись⁵⁷.

Дунайская гребная флотилия, принимавшая участие в наших военных действиях на Дунае, состояла из двух батальонов, в состав которых входило 4 парохода, 32 канонерские лодки, 2 баржи и 2 бота, всего 40 судов со 108 орудиями, 140 фальконетами и около 2000 экипажа⁵⁸. В действительности же наличный состав морских чинов на этой флотилии едва доходил до 850 человек⁵⁹.

Обеспеченность судов Черноморского флота порохом и снарядами указана в приложениях⁶⁰.

Боевую силу личного состава флота составляли морские экипажи, служившие административной единицей.

Всего у нас было 48 экипажей, 1 гвардейский и 47 флотских.

Гвардейский и № 1—28 комплектовали суда Балтийского флота, № 29—45 — Черноморского флота, № 46 — Каспийской и № 47 — Камчатской флотилии.

Штатами, установленными в начале царствования императора Николая Павловича, численность экипажей вместе с нестроевыми была около 1000 человек.

Каждый экипаж подразделялся на 8 рот силой в 100 рядовых каждая. К экипажам были приписаны одно или несколько судов, команда которых и набиралась из соответствующих экипажей.

Высшим административным соединением личного состава флота являлись *бригады*, составлявшиеся из трех экипажей каждая, за исключением 6-й бригады Черноморского флота, в которой было два экипажа, и *дивизии* — из трех бригад каждая.

Таким образом, в Балтийском флоте было 9 бригад, соединенных в три дивизии, 1, 2-ю и 3-ю, и в Черноморском флоте шесть бригад, входивших в состав 4-й и 5-й дивизий.

Соединение флотских экипажей в бригады соответствовало соединению судов в эскадры, и бригадный командир обыкновенно являлся и начальником соответствующей эскадры. Такой мерой было достигнуто объединение административного управления личным составом флота с боевым управлением им в море.

Кроме флотских экипажей, входили в состав морских вооруженных сил также экипажи *ластовые* и *рабочие*.

Первые формировались из чинов, не способных к линейной службе во флотских экипажах, и употреблялись для разных береговых служб при портах, а также для комплектования некоторых портовых судов. Всего было пять ластовых экипажей: три для Балтийского и два для Черноморского флотов.

Рабочие экипажи состояли из мастеровых для кораблестроения и для других адмиралтейских работ, но чины этих экипажей на время морских кампаний назначались также и на военные суда. В Балтийском флоте таких экипажей было 10 и в Черноморском 9, носивших общую нумерацию от 1-го до 19-го.

Следует упомянуть еще о двух учебных морских экипажах, по одному для Балтийского и Черноморского флотов, о штурманском полуэкипаже в Балтийском флоте и штурманской роте в Черноморском.

Первые исполняли обязанности образцовых частей военного морского ведомства, а последние, как показывает и само их название, предназначались для подготовки штурманов.

Галлиполи

(с голландской гравюры, по рисунку Н. де Брюиньи)

Остальные части морского ведомства здесь не перечисляются, так как они имели исключительно административное и хозяйственное назначение. Они переименованы в приложении, указывающем квартирное расположение частей нашего флота⁶¹.

Численный состав флота был определен штатами, установленными еще в начале царствования императора Николая Павловича; он равнялся 90 000 офицерам и нижним чинам. Этот штат был сохранен и до Крымской кампании. По спискам 1853 года у нас числилось в Балтийском флоте 2275 штаб- и обер-офицеров и 50 571 нижний чин и в Черноморском флоте 1472 штаб- и обер-офицера и 36 667 нижних чинов; всего же было 3747 офицеров и 87 238 нижних чинов, что в общей сложности составляло 90 985 человек⁶².

Но этот наличный состав был далеко не достаточен для надобностей флота 1853 года. В одной первой флотской дивизии до штата недоставало 66 офицеров и 712 нижних чинов⁶³. В Черноморском флоте этот некомплект на судах был еще больше. На судах Дунайской флотилии, например, находилась только половина личного состава, полагавшегося по штату⁶⁴.

Такой недостаток в личном составе нашего флота отчасти зависел от увеличения числа судов сравнительно с их числом, существовавшим во время утверждения штатов.

В Черноморском флоте⁶⁵, например, число вооружавшихся для плавания судов увеличилось с 69 до 125, а для комплектования их оставались все те же 17 экипажей. Недостающих офицеров и нижних чинов приходилось при снаряжении судов в море пополнять с оставшихся без плавания, а также и вольными матросами⁶⁶. Но в 1853 году, при общем движении Черноморского флота, укомплектование судов и особенно линейных кораблей и фрегатов наличными средствами экипажей было совершенно невозможно, а потому пришлось отказаться от вооружения многих мелких судов и их экипажами докомплектовать корабли и фрегаты.

Самой же коренной причиной недостаточной численности личного состава флота было чрезмерно большое число людей, изъятых из строя и находившихся на нестроевых должностях⁶⁷.

Боевую силу флота к этому времени⁶⁸ составляли только 50 000 человек⁶⁹, кроме бессрочноотпускных. Остальные 38 000 нижних чинов находились в рабочих и ластовых экипажах, в корпусе инженеров морской строительной части, портовых госпитальных ротах, межевой роте топографов корабельных лесов, в учебном морском, рабочем и первом морском учебном экипажах.

Благодаря этому в одних только флотских экипажах в 1853 году недоставало 289 офицеров и 4043 нижних чина, но зато в побочных отраслях морской службы их был излишек.

В канцеляриях и управлениях морского ведомства, кроме указанного выше числа военных чинов, находилось еще 1500 гражданских чиновников и около 1300 писарей, т. е. около 2800 человек. Таким образом, на каждые 25 человек боевого состава флота приходилось по одному лицу, занимавшемуся делопроизводством⁷⁰.

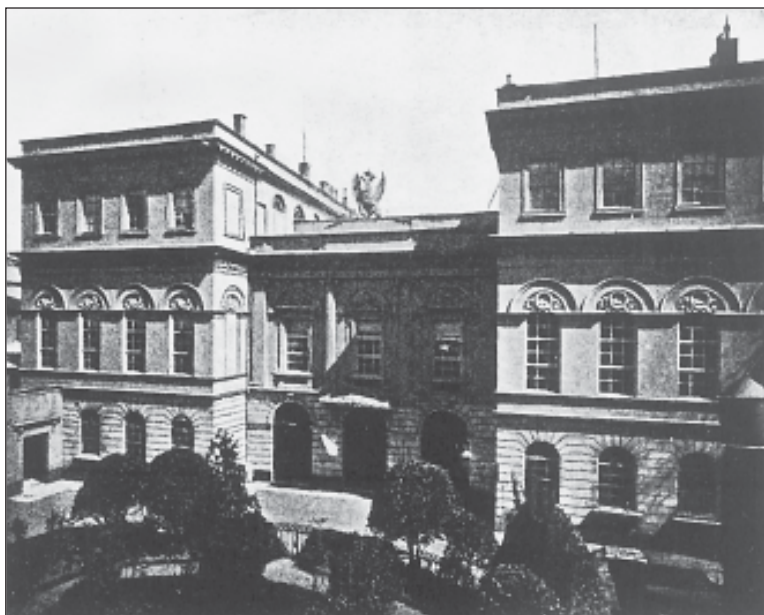
Матросами флот наш пополнялся при помощи рекрутских наборов на общих основаниях с сухопутной армией; в состав его также вступали на правах матросов и прочие лица, перечисленные в отделе комплектования нижними чинами нашей армии. До 1853 года рекруты во флот назначались без определенного порядка; с этого же года порядок комплектования флота матросами был несколько изменен в выгодную для него сторону.

По положению 1853 года, флот начал комплектоваться рекрутами лишь из нескольких назначенных для этого губерний, жители которых занимались преимущественно судоходством и рыболовством⁷¹.

Сроки службы нижних чинов флота, увольнение их в бессрочные и годовые отпуска и в отставку были также в общем тождественны с сухопутной армией, а потому мы на них и не будем останавливаться.

Незначительное отличие флота в этом отношении заключалось в существовании так называемых вольных матросов. Это были особые цехи или матросские общества, в которые могли добровольно поступать молодые люди из мещан, вольноотпущенных и разночинцев. Цель учреждения их состояла в подготовке для купеческого флота хороших матросов.

Поступившие в вольные матросы освобождались от платежа разных податей и повинностей, за что обязывались прослужить не менее 10 лет. При этом в первые пять лет они служили для практики на наших преимущественно мелких военных судах и за это время получали вещевое и провиантское довольствие наравне с линейными матросами, от которых отличались только отсутствием якорей на погонных пуговицах.

*Русское посольство в Константинополе
(с фотографии, с натуры)*

Первоначально цехи вольных матросов были учреждены в 1834 году для Черноморского флота в Алешках Таврической и Никополе Екатеринославской губерний, а через десять лет из питомцев Воспитательного дома был учрежден в Кронштадте цех вольных матросов для Балтийского флота.

Число вольных матросов было весьма незначительно. В начале пятидесятих годов в Черноморском флоте их числилось налицо всего 1600 человек, а в Балтийском лишь 100 человек⁷².

Количество бессрочноотпускных во флоте было крайне незначительно. В 1853 году их по спискам числилось всего 6245 человек⁷³ на весь флот, причем эта категория людей отличалась теми же недостатками, как и бессрочноотпускные сухопутной армии: престарелый возраст, болезненность, а потому и большой процент не являвшихся на службу; призыв 1854 года вполне оправдал это предположение. Из всего числа отпускных флота не явилось к призыву, по болезни, дряхлости и смерти 2000 человек.

Бессрочноотпускные нижние чины были расписаны по флотам, а в каждом флоте по портам, куда они и должны были являться в

случае призыва⁷⁴. Впрочем, в начале войны часть отпускных Балтийского флота была направлена в порты Черноморского флота.

Пополнение флота унтер-офицерами по большей части производилось из нижних чинов учебных морских экипажей, а также и производством в это звание достойных матросов.

Учебных экипажей, как сказано выше, у нас было два: первый — в Кронштадте для надобностей Балтийского флота и второй — в Николаеве, для Черноморского флота. Пополнялись они преимущественно кантонистами⁷⁵.

Обучение молодых людей в учебных морских экипажах состояло из преподавания им общеобразовательных предметов, строевых занятий и практического плавания на судах.

Их обучали Закону Божию, чтению, письму, арифметике, включая тройное правило, а наиболее способных, подготавливавшихся в морскую артиллерию, и начальной геометрии. Строевые занятия состояли из практического ознакомления с предстоящей им деятельностью на корабле и из учений фронтального, до батальонного включительно, а также стрелкового и изучения гарнизонного устава. Летом же старшие ученики ходили в практическое плавание на судах флота, а младшие — на особом практическом судне. Обучаемые по достижении ими 20-летнего возраста выпускались, если они окажутся достойными по поведению и учению, во флот унтер-офицерами, по мере потребности в последних.

Достоинства и недостатки учебных морских экипажей соответствовали вообще всем учреждениям такого рода. Они давали флоту унтер-офицеров безусловно теоретически хорошо подготовленных, но молодых, практически неопытных, совершенно незнакомых с бытом матросов и потому не могших оказывать на них необходимого нравственного воздействия. Да, наконец, и теоретическая подготовка их во многом зависела от того направления занятий, которому придерживались в учебных экипажах. Увлечение сухопутным строевым образованием в Балтийском флоте и короткие периоды практического плавания клали особо неблагоприятный отпечаток на подготовку унтер-офицеров этого флота.

С другой стороны, обширность и разнообразие требований, предъявляемых унтер-офицерам флота, делали очень затруднительной надлежащую подготовку унтер-офицеров в самих частях.

Подготовка офицеров для флота производилась почти исключительно в Морском кадетском корпусе в Петербурге. Незначительный контингент офицеров пополнялся, впрочем, и производством юнкеров флота по выдержании ими установленного офицерского экзамена по программе, соответствовавшей программе Морского корпуса, и при условии плавания на военном судне не менее двух кампаний.

Что же касается производства в офицеры нижних чинов, поступивших по набору и дослужившихся до звания унтер-офице-

Кронштадт

ров, то они предназначались лишь для укомплектования нелинейных команд и нестроевых должностей⁷⁶. Требования, предъявляемые этой категории лиц для получения офицерского звания, приравнивались в общем к требованиям от унтер-офицеров сухопутных войск.

В юнкера флота поступали юноши привилегированных сословий, но с более высоким уровнем образования, чем юнкера сухопутных войск, так как образовательный ценз для офицеров флота был более высокий и соответствовал требованиям, предъявлявшимся офицерам специальных родов оружия нашей армии.

В Черноморском флоте юнкера для лучшей подготовки к офицерскому званию собирались, по инициативе генерал-адъютанта Корнилова⁷⁷, в Николаеве в особую школу, где и обучались назначенными для этого преподавателями. В 1852 году эта частная инициатива адмирала Корнилова была узаконена учреждением в Николаеве училища флотских юнкеров, впоследствии переименованного в гардемаринскую роту.

Морской кадетский корпус имел характер всех военно-учебных заведений того времени. Но нахождение его в столице и на глазах у государя, отличавшего это заведение своим особым вниманием, позволили обставить в учебном отношении Морской кадетский корпус, этот почти единственный рассадник офицеров флота, очень роскошно.

Поступали в корпус преимущественно дети флотских офицеров и дворяне. Курс наук продолжался шесть лет и состоял из кадет-

ского, или общего, курса и гардемаринского. По своей программе Морской кадетский корпус в общем приравнялся к программам артиллерийского и инженерного училищ. В гардемаринском же, или специальном, курсе преподавались, кроме общих наук и трех иностранных языков, теоретически и практически все предметы, относящиеся к морскому искусству. Летом кадеты выходили в практическое плавание на судах, приписанных к корпусу. Сверх того, кадеты в достаточной степени обучались фронтовой службе⁷⁸.

Штат Морского корпуса состоял из 600 воспитанников, подразделенных на пять рот, из которых старшая называлась гардемаринской.

Кадеты, окончившие успешно курс, выпускались, в числе около 70 человек ежегодно, во флот мичманами.

С 1827 года при Морском корпусе был учрежден офицерский класс, в который из каждого выпуска поступало до 10 лучших офицеров. Курс офицерских классов был трехлетний.

Так как в будущем нам придется касаться боевых действий флота, то скажем несколько слов о морской тактике того времени.

Всякий порядок флота, в котором корабли располагались для совершения какого-либо действия, назывался *строем* или *ордером*. В парусном флоте такое расположение находилось в полной зависимости от направления дующего ветра.

Расположение флота для сражения называлось *боевым строем* (ордером баталии, линией баталии). В этом строю корабли располагались в одну линию, под острым углом к направлению ветра (бейдевинд), с правой или левой стороны и шли один другому в затылок (в кильватер).

Остальные строи флота должны были давать возможность скоро и удобно перестраиваться в боевой строй.

Для движения флота в походе, для крейсерства и в ожидании встречи с неприятелем применялись *походные строи* или *ордеры марша*. Наиболее употребляемыми из них были два следующие строя: в первом корабли располагались на одной из двух линий бейдевинда, т. е. на линии под острым углом к дувшему с той или другой стороны ветру, но шли в том направлении, которое им было указано. Во втором походном строе корабли ставились по линии, перпендикулярной к ветру, но так же, как и в первом строю, шли в направлении данного им курса.

Первый строй применялся в том случае, когда было известно, какой стороной придется принять бой, а второй — когда это условие не было еще определено.

Оба эти строя давали возможность скоро и легко перейти в боевой порядок, но оба они имели весьма важный недостаток, со-

стоявший в том, что кораблям, идущим в шахматном порядке, было очень трудно удерживать свои места.

Когда флот состоял из большого числа кораблей, то он двигался на походе в двух или трех колоннах, причем соответствующие корабли колонн должны были находиться на линии ветра, или на траверсе курса.

Отступавший от сильнейшего неприятеля флот или флот, составлявший конвой транспортов, располагался на двух линиях бейдевинда, углом к ветру, и все корабли шли произвольным курсом; адмирал находился в вершине угла. Этот строй назывался *отступным строем*, или *строем конвоя*.

Все движения флота для приведения его в порядок или для перехода из одного строя в другой назывались морскими эволюциями. Это была самая существенная часть морской тактики, и флот, искусный в морских эволюциях, всегда имел преимущество над необученным неприятелем.

Главные эволюционные движения были следующие:

1) Приведение флота в какой-либо строй, если он еще не был выстроен или, благодаря случайным обстоятельствам, строй этот нарушился. Каждый корабль в таком случае старался достигнуть своего места кратчайшим путем, наблюдая, чтобы не мешать один другому, не проходить перед носом другого корабля и проч.

2) Переход с одного галса на другой, с сохранением того же строя. Эта эволюция состояла в том, что флот, двигавшийся под известным углом к ветру, который дул, например, с левой стороны, сохранял тот же строй, но ветер уже дул под тем же углом с противоположной стороны. Переход флота с одного галса на другой был совершаем или последовательным движением кораблей, или же одновременным. При последовательном движении каждый корабль поворачивал в той точке, в которой поворотил передовой корабль. При этом следовало принимать во внимание расстояние между кораблями, качества ближайших судов, ход корабля, состояние моря и силу ветра. Одновременный поворот мог удобно производиться только при большем расстоянии между кораблями.

3) Исправление строя при перемене ветра. Так как линии, на которых располагался флот, вполне зависели от направления ветра, то при перемене его флот находился уже не в том строю, в котором был расположен ранее, а потому приходилось, как только устанавливалось новое направление ветра, исправлять строй. Делалось это исправление, смотря по обстоятельствам, по передовому, среднему или заднему кораблю.

4) Переход из одного строя в другой. Число этих эволюций во флоте было бесконечно велико. Из каждого строя флот мог переходить во все остальные четырнадцать строев, что при различных соединениях давало 210 разнообразных построений; но так как мно-

Дарданеллы

гие построения можно было делать на тот или другой галс и почти каждое построение производилось последовательным или одновременным движением, то число этого рода эволюций увеличивалось еще более. Впрочем, на практике число перестроений значительно уменьшалось тем обстоятельством, что избегали переходить из одного сложного строя непосредственно в другие, а переходили в простые и более необходимые строи, из этих же строев переходили уже в требуемое сложное построение.

Эволюции исполнялись по сигналам с адмиральского корабля, причем каждое судно старалось прибавкой или убавкой парусов соразмерить свой ход с расстоянием, которое ему нужно было пройти.

Одно перечисление всех строев и эволюций флота показывает, насколько морское дело того времени зависело от состава экипажа и его подготовленности к своему сложному ремеслу.

Что касается правил *морской тактики* парусного флота, то они подразделялись на две части — действия при встрече с неприятелем отдельных судов и целых эскадр и флотов.

Отдельное судно, заведя на горизонте неприятеля, сравнивало силу своих данных с противником, т. е. силу артиллерии и скорость хода, и, сообразно с полученными результатами, соображало свои движения так, чтобы скорее соединиться с неприятелем или же удалиться от него.

Приближаясь к неприятелю, судно готовилось к сражению. По тревоге все занимали назначенные каждому по боевому расписанию места, раскрепляли орудия, приготавливали артиллерийские принадлежности и абордажное оружие. Принимались меры

к лучшему обеспечению вооружения корабля от неприятельского огня, готовили запасный рангоут и такелаж и делали прочие необходимые для боя приготовления.

Подойдя к противнику на расстояние пушечного выстрела, судно старалось занять наиболее выгодное положение и открывало преимущественно одиночный, весьма частый огонь, избегая стрелять залпами, которые разрушительно на него действовали. Капитан, внимательно следя за ходом боя, наблюдал движение неприятельского судна и старался предугадать эти движения, чтобы воспользоваться всеми ошибками противника. Если было основание полагать, что бой может скорее и с лучшими результатами кончиться при помощи рукопашной схватки, или если обстоятельства заставляли суда сойтись, тогда вызывали стрелковую и abordажную партии и быстро бросались на неприятельское судно, стараясь им завладеть и обезоружить команду. Когда одно из сражающихся судов приводилось благодаря потере рангоута или открывшейся течи в невозможность ни уклониться от боя, ни продолжать его, то оно или сеплялось с неприятельским судном и взрывало и его и себя на воздух, или же признавало себя прекращением пальбы и спуском флага побежденным.

Эскадра или флот для лучшего управления разделялись на три части: авангард, главные силы и арьергард, которые при обилии судов, в свою очередь, подразделялись, на общем основании, на эскадры. В небольших эскадрах такое подразделение не было обязательным. Командующий флотом имел свой флаг на самом сильном или лучшем корабле и посредством сигналов управлял всеми движениями флота. От благоустроенного флота требовалось, чтобы по сигналу адмирала он мог в самое короткое время выстроиться в предназначенный строй и производить быстро и сноровисто все эволюции.

При встрече с неприятелем все внимание адмирала обращалось на то, чтобы вступить в бой в наивыгоднейших условиях и противопоставить неприятелю сплошную линию артиллерийского огня. Так как в морских сражениях имело большое влияние на ход всего дела положение враждующих сторон относительно ветра, то каждый из адмиралов старался искусными движениями выиграть у неприятеля ветер. Такое положение представляло в боевом отношении много выгод. Наветренный флот выбирал время для начала боя, рода атаки и, представляя из себя нападающую сторону, мог переменами своего положения беспокоить и утомлять неприятеля. В техническом отношении также было много выгод на стороне наветренного флота: он меньше страдал от огня, дым не мешал стрельбе, легче было избежать пожара от своих выстрелов и проч.; но зато в случае неудачи наветренному флоту было трудно уклониться от неприятеля, не подвергнувшись совершенному поражению: поврежденные корабли сносились на неприятельскую линию, при крепком

ветре и сильном волнении часто было невозможно стрелять из орудий нижних батарей ввиду сильного крена судна.

Введение винтовых судов в состав парусного флота западных держав заставило несколько изменить взгляды на морскую тактику.

Прежний боевой строй в одну линию признавался при новых условиях годным только для небольшой эскадры, примерно в пять кораблей; при большем же числе предполагали более удобным корабли строить для боя в две колонны на линии галфвинда (т. е. ветер дует под прямым углом), или при особенной надобности выигрывать ветер на линиях бейдевинда. Пароходы же иметь на обоих флангах между колоннами. Таковой порядок во многом уничтожал выгоды, которые неприятель мог иметь от винтовых кораблей, лишая его возможности быстро ставить этими кораблями наши передовые наветренные корабли в два огня. Особая забота о сохранении линии при встрече с флотом, в состав которого входили и винтовые суда, не имела значения. Рекомендовалось только держаться в плотном строю, чтобы часть эскадры не могла быть атакована превосходными силами без надежды на помощь остальных судов. От пароходов требовалась всегдашняя готовность подать кораблям буксиры. Атаку на неприятельский флот также предлагалось вести двумя колоннами, имея пароходы у задних флангов. При таких условиях современные адмиралы считали винтовые корабли не столь страшными, как они казались по своей новизне⁷⁹. Однако слабая артиллерия парусных судов на корме и носу давала возможность винтовым судам расстреливать их с этой стороны почти безнаказанно.

Генерал-адъютант Корнилов, выходя 28 октября 1853 года во главе эскадры в крейсерство по Черному морю, резюмировал свои тактические взгляды в следующих словах приказа по эскадре⁸⁰:

«Я не считаю нужным излагать каких-либо наставлений. Действовать соединенно, помогая друг другу, и на самое близкое расстояние, по-моему, — лучшая тактика».

Кроме сражения под парусами, флот мог принять бой и на якоре. Результаты таких сражений бывали обыкновенно самые решительные и кончались полным уничтожением одной из сторон (Наварин, Синоп).

Если флот решался по каким бы то ни было обстоятельствам, а чаще всего ввиду своей сравнительно с неприятелем слабости, принять сражение на якоре, то он старался расположиться под прикрытием приморских крепостей, береговых батарей или вообще старался обеспечить свои фланги местными преградами. Суда располагались таким образом, чтобы они могли лучше сосредоточить свои выстрелы по подходящему флоту, а крепость или береговые батареи могли им содействовать. Иногда ставший на якорь флот ограждался бонами или затопленными в проходах судами, а между судами протягивались кабельтовы (стосаженной длины кана-

Крепость Карс

(с рисунка тушью, с натуры Н. Чернецова, 1829 г.)

ты), чтобы таким образом воспрепятствовать неприятелю вести атаку с двух сторон.

Адмирал Корнилов рекомендовал, например, для встречи неприятеля на якоре строить флот в две линии⁸¹ в шахматном порядке, несколько уступом внутрь от той преграды, которая должна была прикрывать фланги. В первой линии должны были помещаться корабли, а во второй — фрегаты и пароходы. Под углом к линии кораблей, между ними и преградой, обеспечивающей фланги, ставить несколько судов в уступном порядке. Такое расположение давало возможность встретить неприятеля сильным фронтальным огнем, а по приближении его и перекрестным.

Атакующий флот мог делать нападение на флот, стоявший на якоре, трояким образом: в движении, не становясь в свою очередь на якорь, а обстреливая на ходу стоявший флот; становясь сам на якоре против обороняющихся кораблей, и, наконец, атаковать противника при помощи брандеров. Первый и третий способы никогда не давали значительных результатов, второй же способ, хотя и требовал большой решительности, но очень часто кончался истреблением того или другого флота.

По свидетельству всех современников, замечалось резкое различие между Балтийским и Черноморским флотами в их обучении, воспитании и быте. Оно не было следствием различия качественного состава офицеров и матросов обоих на-

ших флотов. Один и тот же русский простолюдин шел на комплектование матросов и в Балтийском, и в Черном морях; одна и та же молодежь, получившая однообразное морское воспитание и образование, комплектовала офицерский состав. Но различные условия службы обоих флотов и различный характер лиц, стоявших во главе Балтийского и Черноморского флотов, делали подготовку их неодинаковой.

Отличие подготовки Черноморского флота признавалось и с высоты трона. Об этом свидетельствуют и записки современников⁸², и официальные данные.

Великий князь Константин Николаевич свою всеподданнейшую записку о причинах плохого состояния Балтийского флота⁸³ прямо начинает, как мы упомянули выше, со сравнения его с Черноморским флотом. В этой же записке августейший генерал-адмирал останавливается и на некоторых причинах отсталости Балтийского флота.

«Многие морские офицеры и командиры, — пишет он, — не имеют надлежащей опытности и знания дела, но это потому, что они бывают в море слишком короткое время, а морская служба требует долговременной практики, и, чтобы иметь хороших морских офицеров, надобно посылать постоянно эскадры в море на несколько лет.

В Черном море крейсерство у Абхазских берегов и очередное постоянное плавание нескольких судов в Средиземном море представляло необходимую практику. Здесь же ежегодное плавание в Финском заливе, в продолжение нескольких недель, только уменьшает охоту к морской службе, но пользы не приносит»⁸⁴.

В Балтийском флоте за последнее двадцатилетие царствования императора Николая Павловича чувствовался какой-то застой; на его деятельность как бы ложился отпечаток характера жизни и обучения сухопутной армии того времени.

Как было уже упомянуто выше, сам государь, поставив в первые десять лет своего царствования флот на должную степень, передал управление им князю А. С. Меншикову и свое участие в этом деле ограничил лишь ежегодными смотрами, которые не могли дать ему настоящей картины состояния флота. Печальная истина начала всплывать наружу только с 1853 года, когда ставший во главе Морского ведомства великий князь Константин Николаевич энергично принялся за порученное ему дело.

Личность князя А. С. Меншикова должна была оказывать почти такое же влияние на состояние нашего флота, какое личность князя Паскевича оказывала на состояние армии. Князь Меншиков так же, как Паскевич, пользовался полным доверием и дружбой государя, но не имел, однако, на него такого исключительного влияния; да, кроме того, Паскевич более деятельно проводил в жизнь

Башибузуки в Шумле (с английского рисунка, с натуры)

свои взгляды на дело обучения и воспитания армии, Меншиков же, по самому своему характеру, относился более равнодушно ко всему тому, что было поручено его ведению.

Деятельность Балтийского флота времен князя Меншикова в общем отличалась неподвижностью, замкнутостью, и флот составлял как бы особый мир. Все понятия, порядки, черты и распоряжения в нем носили характер рутины, доходившей до монотонности, которая в особенности увеличивалась редкостью заграничных плаваний, семимесячным стоянием флота в гавани и бессодержательной береговой службой⁸⁵.

В обучении Балтийского флота значительное место в зимнее время отводилось парадной и строевой сухопутной стороне этого дела⁸⁶ в самом тесном смысле слова, и в этом отношении добивались, чтобы матросы ничуть не отстали от сухопутных солдат⁸⁷.

Караульная служба, подготовка ординарцев, ружейные приемы и маршировка отнимали почти все время береговой жизни наших моряков и до того впитались в плоть и кровь начальствующих лиц, что иногда сухопутные понятия переносились в полном объеме и на воду. Для канонерских лодок, например, был почти целиком переделан устав батальонного учения, и их на воде под веслами заставляли проделывать, под многочисленные сигналы барабана и горна, разные построения и перестроения полувзводных и взводных колонн и разные захождения плечом.

Только в 1854 году государь, лично произведя смотр гребной флотилии, убедился в полной несообразности такой постановки дела и приказал изменить устав⁸⁸.

Обучение Балтийского флота собственно морскому делу производилось зимой в манеже, при обстановке, совершенно извра-

щавшей понятие о настоящей работе на судах. Для этого в манеже была поставлена маленькая мачта и с десяток небольшого калибра орудий, которых совершенно не существовало на вооружении судов. Только в 1853 году, по воле государя, несоответствующая мачта и орудия были убраны из манежа⁸⁹.

Характер такого обучения, как и должно было ожидать, дал самые печальные результаты⁹⁰. Когда летом 1854 года государь собрал на корабле «Петр I» военный совет из старших адмиралов и высказал необходимость выхода нашего флота в море для нападения на союзный, то между другими причинами невозможности этого выхода адмиралы заявили, что наши команды мало подготовлены к бою и вообще по управлению парусами слабы.

Офицерский состав Балтийского флота также не находился на высоте своего положения. Лишь немногим из них удалось в продолжительных морских кампаниях свыкнуться и сродниться с морем и приобрести необходимую опытность. Большая часть наших офицеров провела службу свою в строевых занятиях зимой и в коротких практических плаваниях летом, и надобно удивляться, что тягостная и однообразная служба эта в них не подавила окончательно любви к морю и к своему трудному ремеслу⁹¹.

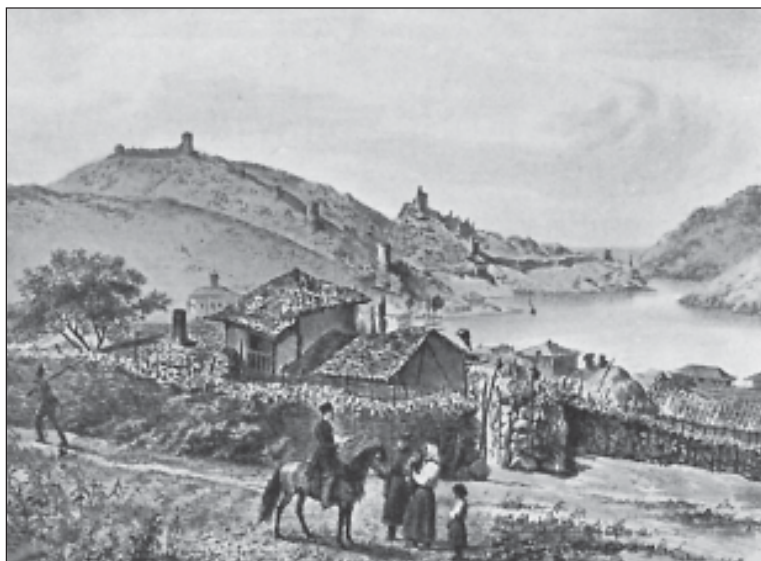
Взгляды руководящих сфер Балтийского флота на обучение и воспитание мало отличались от взглядов современных им сухопутных генералов. Все внимание их обращалось на выправку, пригонку обмундирования и умение хорошо подойти на ординарцы. В воспитании проглядывала та же суровость и произвол в телесных наказаниях. На развитие офицеров, на поддержание среди них любви к своему тяжелому ремеслу и на выработку в них необходимой самостоятельности не обращалось никакого внимания⁹².

О такой подготовке Балтийского флота свидетельствуют и другие современники.

Во всеподданнейшем обзоре за 1861 год генерал-адъютант Краббе писал по этому поводу⁹³: «Личный состав офицеров и нижних чинов не соответствовал назначению флота как морской военной силы государства. Плавая в течение короткого лета на слабо выстроенных судах, офицеры не чувствовали ни призвания, ни любви к морскому делу... Поэтому во всем сословии был общий упадок духа».

Генерал-адъютант Литке⁹⁴, со своей стороны, находил, что главная и существенная наша слабость заключалась в неопытности капитанов. «Кто из нынешних командиров кораблей наших, — писал он, — бывал в морском сражении? Во многих ли из них можно предположить ту верность взгляда и сноровку, ту решительность и самоуверенность, которые теорией не даются и без которых беда в морском бою, где капитан есть властелин своих действий».

Служба нашего Балтийского флота имела еще ту невыгодную сторону, что офицерам и матросам приходилось проводить каж-

Балаклава

(с литографии Лемерсье, по рисунку Раффё)

дый год все весеннее время в тяжелом и усиленном труде по вооружению двух флотских дивизий для того, чтобы, пробыв только несколько недель в море, опять провести всю осень в работах разоружения. После этого прямо переходили на всю зиму к занятию фронтовой частью, чтобы усиленными учениями вознаградить потерянное летом для фронта время и сравняться с армейскими солдатами.

Эта особенность службы чинов Балтийского флота имела следствием неимоверную болезненность и смертность между матросами и старание офицеров переходить в другие ведомства. Стремление оставлять флот было столь значительно, что в продолжение 15 лет (с 1840 по 1854 год) из одного Балтийского флота вышло в отставку и перешло в другие ведомства 1062 офицера⁹⁵.

Болезненность и смертность были так велики, что в последние 15 лет (с 1840 по 1854 год) средним числом в Балтийском флоте было в течение года:

больных офицеров — 2133, т. е. 100 % всего числа,
 больных нижних чинов — 43 082, т. е. 80 % всего числа;
 умерло офицеров — 39, т. е. 19 % всего числа больных,
 умерло нижних чинов — 2340, т. е. 18 1/2 % всего числа больных⁹⁶.

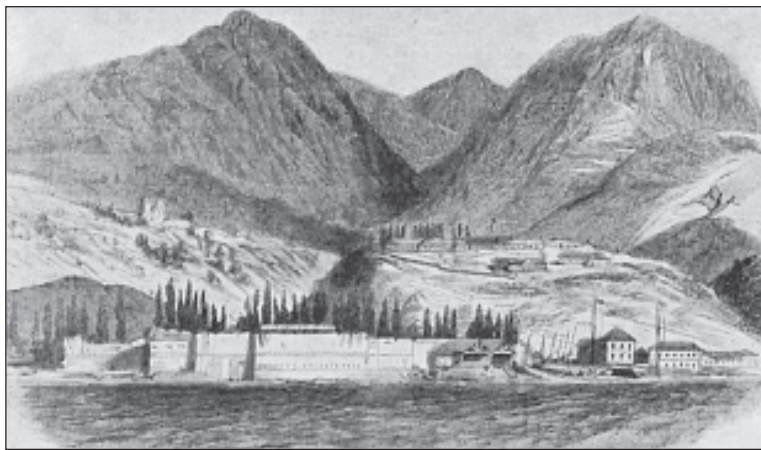
Черноморский флот начал вновь возвышаться с 1816 года, когда во главе его стал адмирал Грейг.

Алексей Самуилович Грейг в продолжение семнадцатилетней своей деятельности в звании главного командира Черноморского флота принес ему много пользы. Усиленное судостроение, начало постройки доков, заботы о развитии образования среди офицеров, обращение внимания на практическое обучение моряков в море — все это было делом рук адмирала Грейга⁹⁷.

Однако к концу его управления флот был далек от совершенства⁹⁸. Наиболее страдал его офицерский состав. Современники упрекали Грейга в излишнем пристрастии к грекам, которые вошли в доверие к главному командиру и положительно заполнили собой весь флот. Доходило до того, что в кают-компаниях русский язык был редкостью, и молодые люди, окончившие курс морского корпуса, с большой неохотой шли в Черное море⁹⁹. В отношении обучения также требовалось достигнуть еще многого.

Управление флотом Грейга представляло только легкий и небрежный абрис, к которому, для того чтобы сделаться картиной, необходимо было прикосновение другой, более решительной кисти¹⁰⁰. К счастью, начатое Грейгом дело попало в руки человека, способного не только довершить работу своего предшественника, но и довести Черноморский флот до того нравственного и материального совершенства, до которого мог доходить парусный флот. Таким человеком был адмирал Михаил Петрович Лазарев.

Редко кому из государственных деятелей выпадала такая завидная доля признания заслуг современниками, ближайшим потомством и историей, какая выпала адмиралу Лазареву. Сколько дея-

Сухум
(с французской гравюры на дереве)

телей были чрезмерно возвеличены современниками и низвергнуты впоследствии судом беспристрастной истории; заслуги скольких из них, наоборот, замалчивались ближайшим потомством, и только позднейшее поколение отдавало им должное.

Лазарев составляет в этом отношении счастливое исключение. Значение и заслуги Михаила Петровича ценились друзьями и врагами во время его жизни. Все мелкие людские страсти не могли поколебать положения его, жившего по месту своей службы вдали от двора, в глазах государя, и император Николай Павлович предоставил ему широкий простор в применении в дело его талантов как администратора, как моряка и как воспитателя. Насколько ценили его наши враги, можно судить из того факта, что в Лондоне, когда туда пришло известие о смерти адмирала, англичане, не скрывая своего злорадного чувства, поздравляли друг друга со счастливым для них событием¹⁰¹.

Два года спустя после его кончины началась война, и имя Лазарева с благоговением повторялось его ближайшими сотрудниками и на волнах Синопского рейда, и на бастионах севастопольских. Не приписывали они себе всей славы победы и героизма беспримерной обороны, а относили все это к заслугам своего незабвенного учителя.

«Ты пишешь, что вся Россия приветствует меня с Синопской победой, — писал Павел Степанович Нахимов своему двоюродному брату 19 марта 1854 года¹⁰², — я же должен сознаться, что добрым состоянием духа наших команд, прекрасной материальной частью флота Россия обязана покойному благодетелю Черноморского флота адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву. Мне же остается благодарить Всевышнего, что Он даровал мне пожать плоды неусыпной заботливости и постоянных трудов бывшего нашего начальника и друга».

И, наконец, теперь, когда наступило время для истории высказать свой правдивый приговор, в капитальной статье контр-адмирала Афанасьева¹⁰³ адмирал Лазарев предстал в том же ореоле величия и славы, в каком он казался современникам и ближайшему потомству.

Михаил Петрович Лазарев прошел всестороннюю теоретическую и практическую школу морского дела. В звании гардемарина по окончании Морского корпуса он служил волонтером в английском флоте в лучшие времена этого флота, во времена Нельсона, и участвовал с ним в боевых действиях. Эта суровая пятилетняя школа развила в нем, кроме серьезного знания морского дела, строгое сознание обязанностей и редкую любовь к порядку. В дальнейшей своей службе Лазарев совершил три кругосветных плавания, участвовал, командуя кораблем «Азов», в Наваринском бою, где своим искусством и мужеством обратил на себя особое вни-

мание и, наконец, в 1833 году был назначен главным командиром Черноморского флота. Тридцать лет службы на море и участие в боевых действиях имели большое значение в отношении подготовки Лазарева к его дальнейшей деятельности.

Для него не существовало других интересов, кроме интересов моря; в них сосредоточивались его честолюбие, помыслы, надежды, весь смысл его жизни.

Все внимание Лазарева было обращено на одновременное развитие тела и духа Черноморского флота¹⁰⁴.

Он обладал незаменимой в руководителе масс способностью отличать талантливых молодых офицеров, воспитывать их и выдвигать, сообразно их способностям. За столом адмирала всегда присутствовало по очереди несколько молодых офицеров. При такой обстановке адмирал знакомился с ними и своей увлекательной беседой, а иногда и другими способами действовал на гибкую душу молодежи и вырабатывал из них отличных служаков и любящих свое дело моряков¹⁰⁵.

В деле воспитания офицеров Лазарев не прибегал к какой-нибудь шаблонной мере, а соразмерял средства с личными особенностями каждого, но, впрочем, всегда старался действовать на нравственную сторону, старался разбудить в офицере тот священный огонек и любовь к делу, которые должны быть неотъемлемой принадлежностью каждого, посвятившего себя военной и в особенности морской специальности. Для лиц, не удовлетворявших этим требованиям, Лазаревское направление было невыносимо; они сами по себе оставляли ряды флота, и поэтому ко времени Восточной войны корпус офицеров Черноморского флота был действительно образцовым.

Лазарев хорошо понимал, что долгое держание офицеров на неотвественных должностях притупляет их энергию и любовь к морю, а потому заботился об увеличении числа судов малого размера, чтобы дать большему количеству возмозможность самостоятельной и ответственной работы¹⁰⁶.

Характер всего обучения флота был чисто практический, боевой; занятий бесцельных, притуплявших ум и сердце, не было; все было направлено к тому, чтобы из каждого сделать опытного и бесстрашного моряка.

Лазарев умел развить среди офицеров своего флота общественное мнение в лучшем смысле этого слова. Все разговоры в каюткомпаниях вертелись исключительно на морском деле; каждый офицер знал, что вход его на рейд или уход в море, а также практика в самой бухте обсуждались и критиковались не только адмиралами, капитанами и всем обществом офицеров, но также и всеми жителями Севастополя, всей его интеллигенцией, не исключая и дамского общества. Графская пристань в Севастополе всегда, а в особенно-

Перевоз башибузуков

сти ко времени прихода и ухода эскадр и шлюпочного катанья, была полна народом. Все следили напряженным и опытным глазом за движением каждого судна, и горе было тому офицеру, который не выказывал привычной для черноморца ловкости¹⁰⁷.

Особенность морского ремесла и полная зависимость успеха действий парусного флота от точности, аккуратности, быстроты и умения экипажа судна заставили адмирала Лазарева обратить также особое внимание на обучение технической стороне дела. Во всех построениях и судовых учениях требовались точность, тишина и скорость без торопливости. Аккуратность на судах была доведена до крайнего предела¹⁰⁸. Несправедливо было бы видеть во всем этом мелочность, излишество. Лазарев отлично понимал, что в судовой обстановке морского плавания и боя нет мелочей и что только такой точностью и педантичностью можно добиться механической и сноровистой работы в каких бы то ни было критических обстоятельствах.

В этом отношении адмирал был неумолимо строг, но строгость эта не была бесцельна и не уменьшала к нему любви и уважения всех его подчиненных¹⁰⁹. И в морской мелочной технике Михаил Петрович сумел вызвать во всех соревнование, желание отличиться друг перед другом¹¹⁰; она не влекла за собой того гнета, который давит все живое.

В то время, как князь Паскевич за двадцатитрехлетний срок своего фельдмаршалства не подготовил для России и не оставил в наследство армии ни одного выдающегося генерала, способного

стать во главе ее, адмирал Лазарев за свое семнадцатилетнее управление Черноморским флотом подготовил целую массу лиц, способных с достоинством продолжать его работу и с пользой служить родному делу. Среди них особую славу заслужили адмиралы Нахимов и Корнилов.

В выработке из этих двух замечательных лиц знаменитых впоследствии адмиралов играли большую роль уменье Михаила Петровича распознать людей, отсутствие в нем мелкого самолюбия, мешающего дать ход талантливым помощникам, и неустанная работа в распространении среди них всего того, чем богато одарила его самого талантливая натура и обширный опыт.

Павел Степанович Нахимов 19-летним мичманом поступил на фрегат «Крейсер», отправлявшийся под командой Лазарева в кругосветное плавание. Эта случайная встреча имела влияние на всю последующую жизнь и службу Нахимова, который сделался самым преданным почитателем своего первого руководителя на морском поприще¹¹¹.

Нахимов обладал редкой способностью отличать все тонкости наклонностей своих подчиненных, снисходить к их слабостям, заглядывать в их душу, взвешивать их побуждения¹¹². Этот неоцененный дар сделал его чрезвычайно влиятельным на сослуживцев. Благодаря своему уменью и любви говорить с матросами и своей способности подмечать оттенки каждого из них Нахимов сделался знатоком человеческого достоинства, умел действовать на слабую сторону своих подчиненных, говорить с ними по душе, трогать и направлять их своим логичным словом. Такой способ сближения с подчиненными не уменьшал его видимой требовательности в служебном отношении и внушал к нему одинаковые чувства любви и уважения со стороны всех его подчиненных.

Отличительная черта характера Нахимова и его служебных воззрений состояла именно в том, что он в каждом матросе видел прежде всего человека, а не машину; он старался, как и адмирал Лазарев, взятый им во всем за образец, развить прежде всего духовную силу человека¹¹³.

Нахимов хорошо сознавал, что одна техническая сторона дела, хотя бы доведенная до тонкости, не поддержит чести флага в те критические минуты, которые требуют полного подчинения чувств человека высшим чувствам защитника чести и славы своей родины и флота¹¹⁴.

Нахимов считался лучшим моряком обоих наших флотов. Только одной этой чести он и добивался, а на все остальное смотрел с равнодушием философа¹¹⁵.

Такой характер и система Павла Степановича дали ему ту нравственную силу, которая двигала обожавших его матросов на подвиги невероятные. Сказочная оборона Севастополя перестанет

Керченская крепость
(с литографии, по рисунку П. Мариньи)

быть легендарной, если принять во внимание, кто стоял во главе защитников города, кто воспитал их, сумев возбудить в них те возвышенные чувства масс, которые двигают миром и не поддаются материальному подсчету холодного рассудка.

Совсем с иным оттенком характера был другой помощник Лазарева, Владимир Алексеевич Корнилов. Человек блестящих способностей, образованный¹¹⁶, честолюбивый, энергичный, Корнилов в молодости своей стоял на распутье между светской жизнью столицы и служебной карьерой. Счастливый случай столкнул его в минуту этого перелома с Михаилом Петровичем Лазаревым, и с тех пор имена их обоих стали неразрывны. Корнилов не только был обязан Лазареву своим перерождением, но и своим воспитанием, морским образованием и движением по службе. Лазарев наметил в Корнилове преемника своей деятельности и приложил всю силу своего таланта и ума, чтобы подготовить достойного по себе наместника¹¹⁷.

Из Владимира Алексеевича образовался отличный администратор, превосходный моряк и человек, умевший повелевать и влиять на массы. Но влияние это было основано на несколько иных началах, чем у Павла Степановича Нахимова. Его воздействие не исходило из глубины его сердца, а было следствием выработанной системы, непоколебимой энергии и природного таланта повелевать.

Владимир Алексеевич нелегко подчинял свои убеждения воле и власти другого человека, который не разделял с ним его мнений и воззрений, и в этом отношении он резко отличался от Лазарева и Нахимова¹¹⁸.

Корнилов обладал умением употреблять с пользой способности и самолюбие подчиненных; каждый офицер имел у него на корабле свое место и свою обязанность, с личной ответственностью. В обучении матросов он требовал аккуратности и скорости во всех работах. Тишина и порядок на корабле были примерные¹¹⁹. При артиллерийском учении все производилось методически, как-то: умение и быстрота заряжания, верность прицеливания, скорость подачи снарядов, удобство всех приспособлений в бою.

Вся система обучения у Корнилова была совершенно иная. Он ни в чем не хотел отстать от Нахимова, но достигал этого равенства усиленным и очень часто чрезмерным утомлением людей, заставляя их чуть ли не десятки раз проделывать какое-нибудь трудное упражнение¹²⁰.

В служебных отношениях с офицерами Корнилов отличался необыкновенной требовательностью. От его зоркого взгляда не ускользал малейший промах, который всегда ставился виновнику на вид словесно или письменно, и иногда в довольно жесткой форме¹²¹.

«Контр-адмиралов у нас много, — говорил Лазарев о Корнилове¹²², — но нелегко избрать такого, который соединял бы в себе и познания морского дела и просвещение настоящего времени, и которому без опасения можно было бы в критических обстоятельствах доверить и честь флага, и честь нации».

В руках Лазарева, Корнилова и Нахимова, людей, отмеченных особыми талантами, любовью к своему делу, посвятивших ему все свои физические и моральные силы, наконец, людей, выработавших строгую программу своей деятельности, находилось воспитание и обучение Черноморского флота. Эти деятели при помощи целой массы подготовленных ими в долгие годы совместной службы достойных помощников дружной семьей работами над усовершенствованием родного им Черноморского флота и достигли в этом отношении совершенства.

Выше было уже выяснено то блестящее состояние, в котором находи-

*Полковой горнист
Севского пехотного
полка
(Интендантский музей)*

лась материальная часть флота. В таком же состоянии, по свидетельству всех современников, находилось и его обучение, воспитание и внутренний быт¹²³.

Обучение было направлено исключительно в сторону боевых требований без каких-либо увлечений мирного времени¹²⁴; в воспитании старались развить в офицерах и матросах чувство человеческого достоинства¹²⁵, сознательное исполнение долга, необходимую самостоятельность, отнюдь не попуская строгой дисциплины того времени; в бытовой стороне господствовала забота о хорошем содержании и пище матроса¹²⁶, о своевременном удовлетворении его всем полагающимся от казны содержанием, об умственном развитии офицеров¹²⁷ и общественной их жизни¹²⁸.

«Jamais cette flotte n'a été aussi forte et aussi belle», — писал не щедрый на похвалы князь Меншиков графу А. Ф. Орлову¹.

«Севастополь держится, — писал он же князю Горчакову², — благодаря героическому мужеству морских экипажей, которые служат при пушках и весело подвергают себя смерти: это для них праздник!»

В этом отличии воспитания и обучения Черноморского флота был залог славы черноморцев, которую они стяжали на севастопольских окопах и которая им принадлежит навеки.

Дети одной и той же русской семьи, они ничем не отличались по своим внутренним качествам от остального состава наших вооруженных сил, но были иначе ведены, иначе воспитаны, и плодотворные результаты работы руководителей этого флота говорят сами за себя.

Примечания

¹ Полн. свод законов Росс. имп., кн. штат.

² Выгода иметь на корабле однокалиберную артиллерию заключалась в особенности в том, что этим избегалось возможное перепутывание во время боя снарядов, подаваемых в разные деки. Вот почему верхние деки предпочитали вооружать пушко-каронадами и каронадами такого же калибра, который имели пушки на вооружении нижних деков.

³ Военная энцикл. лексик. 1855. Т. III и VII.

⁴ По данным Архива Морского министерства, корабли Черноморского флота имели средства высадить в один рейс до 500 человек в полном вооружении.

⁵ Письмо князя Горчакова князю Меншикову 17 июня 1853 г. Архив воен. уч. ком. Главн. штг., отд. 2, д. № 4253.

⁶ Донес. ген.-адъют. Корнилова. Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 42.

⁷ Архив Морск. мин., техн. свед. о Черном. флоте.

⁸ Военная энцикл. лексик. 1853.

⁹ Архив Морск. мин., канц. ген.-адмир., 1853 г., д. № 24.

¹⁰ Там же, д. № 23.

¹¹ Архив Морск. мин., канц. ген.-адмир., 1852 г., д. № 11.

¹² Рукоп. записка адм. Асланбекова.

¹³ «Долгом своим поставляю донести, — писал он в конце 1798 года графу Кушелеву, — что корабли и фрегаты в прошлую войну строились с великой поспешностью, только чтобы поспевали в военное дело. От такого поспешного построения не так крепки, а часто и многие гнилости уже в членах показываются. Артиллерия на всей эскадре весьма тяжелая, посему всегда, когда хожу я на море, стараюсь для сохранения судов избегать крепких ветров и уходить в закрытие к берегам».

¹⁴ «Правительство, как кажется, довольствовалось только тем, — писал в январе 1854 года вице-адмирал Меликов великому князю Константину Николаевичу, — что оно имело флот для случайностей, которые иногда могут представиться» (Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 24).

¹⁵ Декабрист Штенгель в письме к императору Николаю Павловичу от 11 января 1826 года так рисует состояние нашего флота Александровской эпохи:

«Корабли ежегодно строились, отводились в Кронштадт и нередко гнили, не сделав ни одной кампании. И теперь — более 4 или 5 кораблей, которых нельзя выслать в море, ибо мачты для сего переставляются с одного корабля на другой. Прочие, хотя число их немалое, не имеют вооружения. Итак, переводится последний лес, тратятся деньги, а флота нет. Но в царствование блаженной памяти родителя вашего в 1797 году выходило 27 кораблей всем снабженных, а в 1801 году готовилось 45 вымпелов! Можно сказать, что прекраснейшее творение Великого Петра уничтожено совершенно. Теперь на случай войны некого и не с чем выслать в море»//Русский архив. 1895. Кн. 1.

¹⁶ Коргуев Н. Русский флот//Морской сборник. 1896. № 7.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вице-адмирал Меликов в своем докладе великому князю Константину Николаевичу так характеризует деятельность императора Николая Павловича по содержанию флота в надлежащем виде:

«Со времени вступления на престол ныне царствующего государя императора началась новая эпоха для нашего флота. Принимая во внимание, что от сего времени действия морских сил будут необходимы во всякой европейской войне, Его Императорское Величество с самых первых дней своего царствования изволил изъявить непрременную волю на счет приведения флота в такое положение, чтобы он был действительным оплотом государства и мог содействовать всяким предприятиям, к чести и безопасности империи относящимся.

К осуществлению этой мысли со стороны государя императора было сделано все, что нужно. Для флота изданы были штаты в размерах, соответственных величию России, и морскому начальству преподаны были все средства к приведению наших морских сил в размеры, предписанные штатами. Бюджет Морского министерства был увеличен более чем вдвое; учебные заведения увеличены в количестве и поставлены на степень совершенства; для обеспечения наших адмиралтейств навсегда в лесном материале назначено было передать в морское ведомство все леса империи; наконец, все предположения морского начальства, которые могли

привести к ближайшему исполнению воли Его Величества, всегда были принимаемы во внимание».

Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 24.

¹⁹ Письмо великого князя Константина Николаевича к князю Меншикову от 15 июля 1853 года. Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 13.

²⁰ Состояние наших флотов перед Крымской войной более подробно мы изложим несколько ниже.

²¹ Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд. имп. Николая I.

²² Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 24.

²³ Письмо к князю Меншикову от 8 июня 1853 года. Архив военн. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

²⁴ Курсив подлинника.

²⁵ Мордвинов П. Русское военное судостроение//Морской сборник. 1880. Кн. 7.

²⁶ Всеподд. докл. от 6 февраля 1826 года.

²⁷ Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд. имп. Александра II, № 200. Всепод. отч. великого князя Константина Николаевича по морск. вед. за 1855—1880 гг. Ср. со всеподд. отч. великого князя Константина Николаевича за 1853 г. Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 16.

²⁸ Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1851 г., д. № 5.

²⁹ Ср. со всепод. докл. великого князя Константина Николаевича. Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд. имп. Александра II, № 200.

³⁰ Подробнее см. в приложении № 37. Ср. всеподд. донес. князя Меншикова от 4 февраля 1854 г., № 248. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4251.

³¹ Подробные данные о наших пароходо-фрегатах Балтийского и Черноморского флотов см. в приложении № 189.

³² Архив Морск. мин., воен. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.

³³ Курсив подлинника.

³⁴ Архив Морск. мин., воен. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.

³⁵ Рукопись.

³⁶ Средняя часть мачты.

³⁷ Рапорт адмирала Рикорда великому князю Константину Николаевичу 27 августа 1854 г., № 671. Архив Морск. мин., инсп. деп., 1 отд., 2 ст., 1854 г., д. № 437 и рукоп. дневник фл.-ад. Аркаса.

³⁸ Рукоп. дневник фл.-ад. Аркаса. Севастопольский музей.

³⁹ Письмо Крылова П. С. Лутковскому 16 июля 1853 г. Севастопольский музей.

⁴⁰ В приложении № 190 мы помещаем сравнительную ведомость главных измерений и элементов парусных кораблей и фрегатов русского, английского и французского флотов, принимавших участие в Крымской войне. Сравнение данных этой ведомости показывает, что черноморские суда ни по своим размерам, ни по боевым элементам не уступали иностранным.

⁴¹ Архив Морск. мин., воен. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.

⁴² Рапорт ген.-адм. Корнилова 7 ноября 1853 г., № 335. Черн. центр. архив в Николаеве, кн. 23, оп. 1854, д. № 1763, св. 61.

⁴³ Всепод. записка великого князя Константина Николаевича. См. приложение № 191.

⁴⁴ «Посетил нас, — писал В. П. Лазарев А. И. Веревкину 23 сентября 1841 года, — главный кораблестроитель английского флота сэр Вильям Саймондс, желавший видеть, в каком положении у нас флот и кораблестроение. Он хорошо был принят государем в Петербурге и имел разрешение побывать в Черном море. Тут пришлось, показав ему все, что есть у нас в Николаеве, отправиться с ним в Севастополь. Там он видел наш флот и посещал почти все военные суда и, кажется, сверх ожидания своего, нашел все в гораздо лучшем и большем размере, нежели он полагал найти, молчал, закусывая губы. А после из писем его к английскому в Одессе консулу я увидел, что он относился в весьма лестных для нас выражениях. «Там пахнет, — говорил он, — морской нацией, чего в Балтике я не заметил, и ежели правительство поддержит, то морская часть в Черном море в скором времени очень усилится». Он судами нашими очень любовался и всем, что на них есть, как-то: красивой постройкой, покром парусов, рангоутов, гребными судами, кузнечной работой и отделкой вообще»//Русский архив. 1883. Кн. 6.

⁴⁵ Рейтерн. Опыт кратк. сравн. исслед. морск. бюдж. англ. и франц. 1846—1852 г. Морской сборник за 1854 г.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Морской сборник за 1854 г., № 1.

⁴⁸ Письмо кап.-лейт. Шестакова к В. А. Корнилову из Лондона от 3 (15) августа 1853 г. Архив морск. мин., канц. ген.-адм., д. № 14 и донесение барона Бруннова канцлеру от 15 (27) августа 1853 г., № 234 (Архив Мин. иностр. дел. Londres, 1853).

⁴⁹ Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд. императора Александра II, № 200.

⁵⁰ Всеподд. отч. великого князя Константина Николаевича по Морск. вед. за 1855—1880 гг.

⁵¹ Мордвинов П. Русское военное судостроение//Морской сборник. 1880. Кн. 8.

⁵² Коргуева П. Русский флот//Морской сборник. 1896. Кн. 7.

⁵³ Собств. дневник фл.-адм. Аркаса. Рукопись.

⁵⁴ Мы очень жалеем, что лишены были возможности просмотреть эти интересные документы в подлинниках.

⁵⁵ Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд. имп. Александра II, № 200. Из всепод. отч. вел. князя Константина Николаевича по Морск. вед. за 1855—1880 гг.

⁵⁶ Подробный состав Балтийского и Черноморского флотов, с подразделением их на дивизии и эскадры, помещен в приложениях № 192 и 193.

Вооружение каждого отдельного судна Черноморского флота, принимавшего наиболее активное участие во время войны, указано в приложении № 194.

Действительное состояние судов как этого флота, так и Балтийского и годность их к службе видны из ведомостей, помещаемых в приложении № 195.

⁵⁷ Подробный состав этих флотилий см. в приложении № 196.

⁵⁸ Подробности см. в приложении № 197.

⁵⁹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4258.

⁶⁰ См. приложения № 198, 199 и 200.

⁶¹ Квартирное расписание частей нашего флота к январю 1853 года см. в приложении № 201.

⁶² Всепод. отч. ген.-адм. за 1853 г.; Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 46 и Инсп. деп., 1 отд., 2 ст.; 1855 г., д. № 389; Архив Морск. мин., инсп. деп., 1 отд., 2 ст., 1855 г., д. № 389.

⁶³ Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 24.

⁶⁴ «Votre flottille, — писал по этому поводу князь Горчаков князю Меншикову 23 июля 1853 г. (Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253), — n'a que la moitié de son personnel. Je serais heureux si Vous pouviez la compléter Vous-même. Mais je crois que Vous ne le pouvez pas. Dans ce cas je pense à écrire au Ministre de la guerre pour le prier de la faire compléter».

⁶⁵ Записка ген.-адъют. Корнилова 30 ноября 1853 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4258.

⁶⁶ О вольных матросах см. ниже.

⁶⁷ Впервые против такого ненормального положения вещей восстал вел. князь Константин Николаевич в своем Всеподд. отчете за 1853 г.

⁶⁸ Архив Морск. воен. пох. канц. 1853 г., д. № 155/84.

⁶⁹ Ср. архив Морск. мин., инсп. деп., 1 отд., 2 ст., 1855 г., д. № 389 и канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 46.

⁷⁰ Всепод. отчет великого князя Константина Николаевича.

⁷¹ Морской сборник за 1853 г.

⁷² Военно-морской энцикл. словарь. Ср. зап. ген.-адъют. Корнилова. Воен. уч. архив Гл. шт., отд. 2, д. № 4258.

⁷³ Всеподд. докл. ген.-адм. за 1853 и 1854 гг. Канц. ген.-адм., д. № 23, рап. адм. Берга 26 ноября 1853 г., № 20799. Воен. уч. архив Гл. шт., отд. 2, д. № 4258.

⁷⁴ Воен. уч. архив Гл. шт., отд. 2, д. № 4258. Распор. о сборе запасн. Балт. и Черномор. флотов.

⁷⁵ Военно-морской энцикл. словарь, 1852—1858 гг.

⁷⁶ Архив Морск. мин. воен. пох. канц. 1853 г., д. № 155/84.

⁷⁷ Афанасьева. К истории Черноморского флота//Русский архив за 1902 г.

⁷⁸ Военно-морской энцикл. словарь, изд. 1852—1858 гг.; Кротков. История Морского корпуса.

⁷⁹ Свод мнений адмиралов о действии Балтийского флота. Мнения контр-адм. Глазенапа и Мофета. Архив Морск. мин., канц. ген.-адм. за 1854 г.

Распор. ген.-адъют. Корнилова. Николаев. Черном. центр. военно-морск. архив, кн. оп. 51, оп. 335, д. № 2385, св. 130.

⁸⁰ Шханоchn. журн. 120-пушечн. кор. «Три Святителя» за 1853 г.

⁸¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4259.

⁸² Рукоп. дневник ген.-адъют. Аркаса.

⁸³ См. приложение № 191.

⁸⁴ Почти такого же мнения придерживается и Н. Коргуев в своей статье «Русский флот»//Морской сборник, 1896. Кн. 7.

«Для Черноморского флота, — пишет он, — условия были лучшие, чем для Балтийского. Незамерзающее море и война с горами, веденная

во все царствование императора Николая I, представляли Черноморскому флоту обширное поле для деятельности, а крейсерство у кавказского берега служило отличной школой для черноморских моряков. Если присоединить к этому, что во все то время во главе Черноморского флота стояли адмиралы сначала А. С. Грейг, потом М. П. Лазарев, то преимуществу его перед Балтийским флотом являются вполне понятными».

⁸⁵ Стеценко В. А. Образцы и примеры прошлого//Морской сборник. 1880. Кн. 10.

⁸⁶ Воспоминания графа И. Филиппсона//Русский архив. 1883. Кн. 6.

⁸⁷ Рукоп. дневн. фл.-адъют. Аркаса. Всепод. отч. вел. князя Константина Николаевича за 1853 г. Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 23.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Рукоп. дневн. фл.-адъют. Аркаса. Выдержки из этого дневника помещены нами в Истор. вестн. 1901. Кн. 4.

⁹⁰ Всепод. отч. вел. князя Константина Николаевича за 1853 г. Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 23.

⁹¹ Там же.

⁹² Письма контр-адм. Васильевна к кн. Меншикову в сентябре 1852 г. Архив Морск. мин. Оп. князя Меншикова, № 298.

Воспоминания севастопольца Д. В. Ильинского//Русский архив. 1893. Кн. 1.

Всепод. отч. вел. князя Константина Николаевича по Морск. вед. за 1855—1880 гг. Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд. имп. Александра II.

⁹³ Стеценко В. Старое и новое//Морской сборник. 1896. Кн. 3.

⁹⁴ Архив Морск. мин. Мнение это в своем месте будет приведено в полном объеме.

⁹⁵ Всепод. отч. вел. князя Константина Николаевича за 1853 г. Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 23.

⁹⁶ Рукоп. зап. адмирала Асланбекова.

⁹⁷ Там же.

Афанасьева. К истории Черноморского флота//Русский архив. 1902.

⁹⁸ Русский архив. 1894. Кн. 2. Из зап. Муравьева.

⁹⁹ Филиппсон. Рассказы и записки многих современников//Русский архив, 1883. Кн. 6.; Ильинский//Русский архив. 1893. Кн. 1.

¹⁰⁰ Из зап. Севастопольца//Русский архив. 1867.

¹⁰¹ Истомина В. К. Адмирал Унковский//Русский архив. 1887. Кн. 5.

¹⁰² Русская старина. 1901. Кн. 5.

¹⁰³ Афанасьев. К истории Черноморского флота//Русский архив. 1902.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Расск. адмиралов Перелешина, Асланбекова и др.

¹⁰⁶ Восп. Г. И. Филиппсона//Русский архив. 1883. Кн. 6.

¹⁰⁷ Афанасьев. К истории Черноморского флота//Русский архив. 1902; Ильинский Д. В.//Русский архив. 1893. Кн. 1.

¹⁰⁸ Афанасьев. К истории Черноморского флота//Русский архив. 1902.

¹⁰⁹ Восп. Г. И. Филиппсона//Русский архив. 1883. Кн. 6.

¹¹⁰ Афанасьев. К истории Черноморского флота//Русский архив. 1902.

¹¹¹ Восп. Севастопольца//Русский архив. 1893. Кн. 1.

¹¹² К истории Черноморского флота//Русский архив. 1902.

¹¹³ Фрегат «Бальчик»//Морской сборник. 1856.

¹¹⁴ Мы подтвердим нашу характеристику несколькими монологами самого Нахимова, взятыми из рассказа «Фрегат «Бальчик»», посвященного его памяти.

«Мало того, что служба представится нам в другом виде, — говорил он, — да сами-то мы совсем другое значение получим на службе, когда будем знать, как на кого нужно действовать. Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всеми и, в видах поощрения, бичевать всех без различия словами и линьками. Подобное однообразие в действиях начальника показывает, что у него нет ничего общего со всеми подчиненными и что он совершенно не понимает своих соотечественников... Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов крепостными людьми. Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют. Все сделает матрос, если мы, начальники, не будем эгоистами, если не будем смотреть на службу как на средство для удовлетворения своего честолюбия, а на подчиненных как на ступени для собственного возвышения. Вот кого нам нужно возвышать, учить, возбуждать в них смелость, геройство, если мы не себялюбцы, а действительные слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сражение? Какой там был маневр, вздор-с! Весь маневр Нельсона заключался в том, что он знал слабость неприятеля и свою силу и не терял времени, вступая в бой. Слава Нельсона заключается в том, что он постиг дух народной гордости своих подчиненных и одним простым сигналом возбудил запальчивый энтузиазм в простолудинах, которые были воспитаны им и его предшественниками. Вот это воспитание и составляет основную задачу нашей жизни. Вот чему я посвятил себя, для чего тружусь неуспынно и видимо достигаю своей цели: матросы любят и понимают меня, и я этой привязанностью дорожу больше, чем отзывами каких-нибудь чванных дворянчиков-с».

¹¹⁵ Д. В. Ильинский//Русский архив. 1893. Кн. 1; Филипсон//Русский архив. 1883. Кн. 6.

¹¹⁶ Восп. Г. И. Филипсона//Русский архив. 1883. Кн. 6.

¹¹⁷ Письмо Лазарева к князю Меншикову 11 ноября 1848 г.//Русский архив. 1883. Кн. 2.

¹¹⁸ Из восп. и замет. севастопольца//Русский архив. 1893. Кн. 1

¹¹⁹ Ильинский Д. В. Материалы для истории обороны Севастополя А. П. Жандра//Русский архив. 1893. Кн. 1.

¹²⁰ Афанасьев. К истории Черноморского флота//Русский архив. 1902.

¹²¹ «Такое управление шлюпкой, — писал он 8 марта 1854 года, — доказывает совершенное отсутствие морских познаний и случается на судах, на коих командиры не наблюдают за подчиненными и не делают им надлежащих наставлений... На многих гребных судах офицеры сидели закутанными в шубы, вероятно, полагая, что, быв назначены в партии для береговых действий, управление шлюпкой до них не касалось. Прошу командиров посылать офицеров с такими жалкими понятиями о службе на шлюпках не иначе, как для черных работ, где их взгляд на свои обязанности вреда делу причинить не может, и т. д.» (Черном. центр. воен.-морск. архив в Николаеве. Кн. опис. 15, оп. 66, д. № 6, св. 1).

¹²² Письмо М. П. Лазарева князю Меншикову от 11 ноября 1848 г.// Русский архив. 1883. Кн. 2.

¹²³ Восп. Г. Д. Щербачева//Русский архив, 1890. Кн. 1.

¹²⁴ Письмо Крылова П. С. Лутковскому 16 июля 1853 г. Севастопольский музей.

¹²⁵ Всеподд. зап. гр. А. Ф. Орлова 16 мая 1854 г. Собственная Его Величества библиотека, шк. 115, портф. 14.

¹²⁶ Л. Ухтомский//Морской сборник. 1864. Кн. 6.

¹²⁷ Из воспом. Д. В. Ильинского//Русский архив. 1893. Кн. 1.

¹²⁸ Тотчас после Крымской войны военному министру была подана записка, в которой между прочим описывалось дурное состояние нашей армии. Автор коснулся также и состояния Черноморского флота, который резко отличался по своему составу от остальных частей наших вооруженных сил. Эта характеристика Лазаревского флота особенно интересна тем, что она составлена не моряком, а потому не может быть заподозрена в пристрастности.

«Адмирал Лазарев и последователи его, Корнилов и Нахимов, — писал автор, — умели же развить в офицерах Черноморского флота то высокое чувство собственного достоинства, привязанности к своему ремеслу и обязанности честного офицера, помощью которых этот бедный флот шел исполинскими шагами к усовершенствованию, которому мы обязаны громким подвигом одиннадцатимесячной обороны Севастополя. Нельзя сказать, чтобы в этом флоте служили люди, отборные по своему образованию, по своим познаниям, нет, вы там встретите офицеров с очень обыкновенными способностями; командиров даже мало специальных. Морской кадетский корпус не может считаться отличнейшим учебным заведением, как, например, наше артиллерийское училище; корпус этот посылал в Черноморию не лучших своих воспитанников. Но каждый офицер, там служивший, был человек энергичный, любящий свое дело, гордившийся своим званием, уважавший своих начальников, которых он, пожалуй, и не любил за строгость и взыскательность их. Постоянная возможность общественной жизни в Севастополе и Николаеве поддерживала в молодежи светское образование; богатая библиотека доставляла каждому возможность читать и учиться. Это была огромная семья, которая весело жила в кругу своих постоянных занятий, непрестанных полезных трудов.

Мишуры в ученье и работе не было. Все постоянно клонилось к делу; всякий созерцал и понимал цель своей службы, домогался успеха, умел различить способности от недостатков. Матрос, любимое детище своего, хотя строгого, командира, трудился день и ночь, жил в достатке и, сознавая свое превосходство, гордо взирал на всякого, кто не имел чести принадлежать к Черноморскому флоту.

Вот что утвердило во мне мнение, что черноморцы составляют тип русского войска, тип, созданный М. П. Лазаревым, для возобновления которого нет иного средства, как подражание достойному адмиралу, имя которого озарено неувядаемой славой» (Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 4, д. 520).

¹²⁹ Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд. имп. Николая I, письмо от 18 июня 1853 г.

¹³⁰ Письмо от 15 октября 1854 г.//Русская старина. 1875. Кн. 2.

Глава XIV

Состояние вооруженных сил Франции, Англии, Турции и Сардинии к началу войны

В Восточной войне 1853—1856 годов нам пришлось действовать против армий четырех государств: Франции, Англии, Турции и Сардинии. Сделаем поэтому краткий очерк состояния вооруженных сил этих стран ко времени начала войны.

Центр тяжести боевой силы французской армии заключался в полевых войсках; на резервные и запасные части было обращено очень мало внимания. Это давало возможность сразу выставить однообразную, сильную и хорошо обученную армию, но зато вслед за ней в государстве уже не оставалось правильно организованных сил.

Французская *пехота*¹ подразделялась на линейную и легкую и состояла из полков и отдельных батальонов различного наименования. Всего в ней числилось 106 полков (75 линейных, 25 легкой пехоты, 3 полка зуавов, 2 иностранного легиона и 1 алжирских стрелков) и 26 отдельных батальонов (20 егерских, 3 легкой африканской пехоты и 3 батальона туземных войск).

Полки линейной и легкой пехоты в мирное время состояли из 3 батальонов восьмিরотного состава каждый, которые в военное время переформировывались в четырехбатальонный состав, и, кроме того, из них выделяли небольшие части, остававшиеся на месте для подготовки призываемых под знамена запасных и рекрутов. Егерские батальоны состояли каждый из 10 рот, включая в это число по 2 роты, предназначенные для службы в Алжире.

Полки зуавов состояли из 3 батальонов девятиротного состава каждый, а батальоны африканской пехоты были десятиротного состава. Полки иностранного легиона имели по 3 батальона восьмিরотного состава; такого же состава были и туземные батальоны². Роты вообще имели незначительный состав: 99 рядовых при 14 унтер-офицерах и 3 офицерах.

Численность всей пехоты доходила до 330 тысяч человек.

Французская *кавалерия* подразделялась на: 1) резервную или тяжелую (2 полка карабинер и 10 полков кирасир); 2) линейную (12 драгунских и 8 уланских полков); 3) легкую (12 полков шассеров и 9 гусарских полков); 4) на предназначавшуюся исключительно для службы в Африке (4 полка африканских шассеров и 3 полка спагов).

Тяжелая кавалерия назначалась для производства сильных ударов, и в нее выбирались самые крупные люди и лошади; карабинеры отличались от кирасир лишь формой одежды.

Полки тяжелой кавалерии состояли из 6 эскадронов и 1 депо каждый. Сила эскадрона — около 170 сабель, включая сюда 27 унтер-офицеров, 6 офицеров и 4 трубача.

Всего этого рода кавалерии было до 15 тысяч сабель.

Линейная конница составляла как бы переход от тяжелой к легкой. Она также имела по 6 эскадронов в полку. Численный состав эскадрона несколько превосходил только что описанный и состоял из 7-8 офицеров, 28 унтер-офицеров, 4 трубачей и 148 рядовых, всего 183 сабли. В общей сложности линейная кавалерия насчитывала до 22 тысяч всадников.

Несмотря на заботливое отношение Наполеона III к этой части конницы, ему не удалось поставить ее на должную высоту, и в ней часто встречались лошади, мало пригодные для службы в поле.

Третью разновидность кавалерии составляли легкие полки — шассеры и гусары, которые преимущественно предназначались для действий во фланг и для производства рассыпных атак. Каждый полк легкой кавалерии также состоял из 6 эскадронов и 1 депо; сила эскадрона — 8 офицеров, 27 унтер-офицеров, 4 трубача и 159 рядовых, всего 193 сабли. Этого рода кавалерии насчитывалось до 24 тысяч сабель.

Четвертая группа конницы исключительно назначалась для службы в Алжире. Во время африканских экспедиций выяснилось, что французская кавалерия была бессильна против выносливой легкой туземной конницы, что и вызвало необходимость обратить особое внимание на конные части, назначавшиеся для службы в Африке. В эти полки посылались охотники из самых ловких всадников французской кавалерии и иностранного легиона, а лошади приобретались местных пород. Африканские шас-

Французский гренадер
(с акварели А. Марселли)

серы и саги также имели по 6 эскадронов в полку, но полки шпагов превосходили шассеров величиной эскадронов: в 3 полках первых считалось около 3600 сабель, тогда как в 4 полках шассеров было только 3240 человек.

Всего французская кавалерия считала в своих рядах около 68 тысяч сабель и относилась к пехоте, как 1:5.

Французская армия гордилась своей *артиллерией*, которой молодой император, сам артиллерист, уделял особое внимание.

Она состояла из 7 полков линейной артиллерии, 4 — конной и 5 полков пешей артиллерии для обслуживания позиционных орудий.

Каждый полк линейной артиллерии состоял из 15 ездящих батарей и 1 депо для обучения рекрутов; полк конной артиллерии — из 8 батарей и 1 депо и пешей артиллерии — из 12 батарей. Всего, таким образом, было 197 батарей. Батареи состояли из 6 орудий каждая (12- или 8-фунтовых и длинных гаубиц), кроме батарей пешей артиллерии, имевших сверх того по 6 орудий в резервном парке. К артиллерии причислялись: понтонный полк из 12 рот и 12 рот мастеровых. Общий состав артиллерии достигал 1182 орудий.

Этот род оружия комплектовался на выбор лучшими людьми; конский состав был хуже, чем в кавалерии, поэтому французская артиллерия и не отличалась особой подвижностью.

Инженерные войска состояли из 3 инженерных полков, подразделявшихся каждый на 2 батальона, состоявших из 9 полевых рот и 1 депо.

Рота состояла частью из саперов, частью из минеров и была численностью в 152 человека, в том числе 4 офицера и 22 унтер-офицера. К инженерным же войскам относились обозная рота и две роты рабочих по 400 человек.

Кроме перечисленных войск, во французской армии имелись войска для устройства тыла, 6 рот санитаров и многочисленный корпус жандармов в составе около 24 тысяч человек.

Численность всей французской армии в случае войны доходила до 500—550 тысяч человек при 1182 полевых орудиях.

Высшим соединением войск в мирное время служили дивизии; в корпусе войска соединялись только на время войны, и соединение это носило случайный характер. Корпус обыкновенно состоял из 2—3 дивизий пехоты с их артиллерией и 1 дивизии или бригады кавалерии.

Франция, сделавшая во время Республики и первой Империи первый шаг ко всеобщей воинской повинности, отказалась от нее после падения Наполеона. Но пример Пруссии, которая с замечательной настойчивостью проводила в жизнь военные принципы своего гениального врага, вскоре заставил французское правительство вновь перейти ко всеобщей воинской повинности, которая вплоть до семидесятых годов прошлого столетия применялась

скорее по букве, чем по духу. Нужно было сильное потрясение всего организма, вроде неудачной войны 1870—1871 годов, чтобы победить природную нелюбовь французов к поголовной службе под знаменами и дать всеобщей повинности широкое и полное применение.

В 1853 году во Франции действовал еще закон Журдана 1832 года³. Согласно этому закону, французская армия комплектовалась только природными французами и пополняла свои ряды двумя способами: призывом под знамена всех молодых граждан, которые к 1 января минувшего года достигли 20-летнего возраста, и приемом на службу волонтеров.

Ежегодный контингент призывных определялся законодательным порядком и доходил примерно до 80 тысяч человек в год. Разверстка контингента по департаментам определялась императорским декретом, пропорционально числу призывных. Призыв исполнялся особым органом из пяти членов и одного врача (ревизионным советом), подобным нынешним нашим губернским и уездным по воинской повинности присутствиям; кому из призванных идти под знамена, определялось старшинством вынутого жребия. Принятые молодые люди тотчас же передавались в рекрутское, или резервное, депо.

Однако описанный выше общий порядок совершенно искажался массой льгот и изъятий от военной службы, которая отнимала от французской системы все преимущества всеобщей воинской повинности.

Наибольший вред составу армии принесла одна особенность устава, заключавшаяся в праве заместительства лица, вынувшего жребий для службы под знаменами, другим лицом, по обоюдному между ними соглашению. Вред состоял в том, что благодаря системе заместительства армия в значительной мере комплектовалась старослужащими, которые, отслужив свои сроки, охотно оставались на службе за других, получая за это значительное денежное вознаграждение. Однако это имело и свою положительную сторону, так как давало армии отличный состав сверхсрочных унтер-офицеров.

Французские и английские войска
(с французской гравюры на дереве)

Молодые люди, не попавшие под знамена, но годные для военной службы, зачислялись в резерв, во время нахождения в котором они оставались совершенно не обученными и ни разу не собирались в учебные сборы⁴.

Срок службы в войсках был определен в 7 лет для всех родов войск одинаково. При определении срока службы руководствовались не тем наименьшим временем, которое было необходимо для обучения, а временем потребным, чтобы из рекрута сделать хорошего солдата. После семилетней выслуги нижние чины совершенно увольнялись от военной службы, и только желающие могли, при известных условиях, остаться на сверхсрочной службе на 2, 3, 4 или 5 лет.

Второй способ комплектования армии, а именно приемом волонтеров, мало отличался от первого и состоял в том, что молодые люди от 17- до 30-летнего возраста добровольно изъявляли желание служить под знаменами не менее 7 лет; в военное время этот обязательный срок сокращался до двух лет.

На пополнение армии хорошими *унтер-офицерами*⁵ во Франции было обращено особое внимание; их выбирали с большой осмотрительностью из наиболее способных солдат, отличившихся личными качествами и основательным знанием службы. Отличным для этого материалом были нижние чины из заместителей, которые и занимали большинство унтер-офицерских вакансий; меньшую часть составляли молодые люди общего срока службы, из которых унтер-офицерского звания чаще всего достигали волонтеры после соответствующего испытания.

Для подготовки унтер-офицеров во всех полках существовала целая система школ. Главными из них были: 1) школа первой степени для обучения чтению, письму и арифметике и 2) школа второй степени, где проходились: грамматика, ротное и эскадронное делопроизводство, география, военная история Франции, элементарная геометрия, начала полевой фортификации и съемки планов. В этих школах обучались все нижние чины, за исключением получивших высшее образование или оказавшихся неспособными. Кроме того, существовали школы стрельбы, фехтования, гимнастики и плавания.

Офицерский состав французской армии пополнялся двояким путем:

1) из воспитанников военных школ и 2) из унтер-офицеров армии.

Последняя категория состояла как из выслужившихся нижних чинов, поступивших на службу по призыву, так и из волонтеров, большей частью образованных молодых людей.

Таким образом, корпус офицеров французской армии состоял из двух резко отличавшихся групп: первая — воспитанники военных школ, к которым присоединялись более образованные волонтеры, произведенные в офицеры после 2—4 лет службы в

войсках в звании нижних чинов, и вторая — офицеры, вышедшие из общей массы унтер-офицеров⁶. По своему образованию они мало отличались от прочих унтер-офицеров; отсутствие воспитания и грубые инстинкты их проявлялись в том, что они смотрели на службу исключительно как на средство приобретения материальных выгод. Но, несмотря на все эти недостатки, такие офицеры представляли в военном и политическом отношении очень удобный для армии материал; они основательно знали службу, относились к ней добросовестно и с точностью исполняли все ее требования; вместе с тем они хорошо знали быт солдата и являлись для них отличным примером.

Для подготовки офицеров первой группы существовала обширная система военно-учебных заведений:

1) Императорская Политехническая школа с двухгодичным курсом, которая, впрочем, предназначалась не только для подготовки офицеров.

2) Сен-Сирская специальная военная школа с курсом в 2—3 года; из нее выходили офицеры в пехоту, кавалерию и во флот.

3) Императорский военный Пританей с семилетним курсом средних учебных заведений; он служил подготовительной школой для первых двух заведений.

4) Императорская кавалерийская школа с двухгодичным курсом, для усовершенствования в своей специальности офицеров и нижних чинов кавалерии.

5) Императорская образовательная школа для артиллеристов и инженеров с 2-,3-годовалым курсом.

6) Императорская военно-медицинская и фармацевтическая школа.

7) Нормальная стрелковая школа.

8) Нормальная гимнастическая школа.

**Французский гвардейский
стрелок**

(с акварели А. Марселли)

Французская маркитантка
(с акварели А. Марселли)

9) Императорская школа для подготовки офицеров Генерального штаба с двухгодичным курсом.

В зависимости от двойственного, сильно различавшегося по своей подготовке состава офицеров во французской армии существовала двоякая система повышения в офицерских чинах: по старшинству и по избранию.

Производство по избранию, начиная с самых малых чинов, практиковалось в широких размерах и касалось почти исключительно офицеров, выпущенных из военно-учебных заведений. Они занимали в войсках все высшие должности, начиная с батальонных командиров, и представляли собой молодых, энергичных и отлично подготовленных руководителей войск.

Ко времени Крымской войны большинство из них прошло, кроме того, боевую школу в Алжире.

Высшие командные должности в армии преимущественно доставались лицам, прошедшим строевую карьеру, и лишь часть из них предоставлялась офицерам Генерального штаба. Это придавало известный оттенок большей части руководителей французской армии. Обладая хорошим общим, но очень редко высшим военным образованием, они в деле ведения и маневрирования войск были мало сведущи и нуждались в руководстве свыше; но зато обладали ловкостью, отлично знали службу, отличались ревностным к ней отношением и были хорошими военными практиками. Вместе с тем они, как французы вообще, были энергичны, самостоятельны и всегда подавали отличный пример своим подчиненным. Продолжительная боевая школа, пройденная многими из них в Алжире, не осталась без благоприятного на их качества влияния.

Пехота линейная была *вооружена* легким гладкоствольным ружьем с ударным замком и штыком⁷; у легкой пехоты и зуавов ружья были несколько короче; сигналисты и саперы носили кара-

бины; егеря были вооружены особым, укороченным нарезным ружьем с примыкавшимся к нему ножом для действия холодным оружием. Дальность гладких ружей была 300—500, а нарезных ружей — до 1200 шагов.

Кавалерия была вооружена холодным и огнестрельным оружием. Кирасиры и карабинеры имели длинный, прямой, заостренный палаш для укола и пистолеты. Драгуны, кроме таких же палашей, имели еще длинные карабины, а уланы, вместо этого, имели пики и пистолеты. Легкая, так же как и африканская кавалерии были вооружены кривыми саблями и карабинами.

Артиллерия имела 12- и 8-фунтовые пушки (последние главным образом у конной артиллерии) и по 2 гаубицы на батарею. Орудийная прислуга была вооружена фашинным ножом и карабином. Нож носился на поясе и при надобности мог служить штыком. Так же были вооружены инженерные войска.

Снаряжение пехоты состояло из ранца, покрытого телячьей кожей, патронташа и штыковых ножен на поясном ремне, штиблет, походного котелка и других мелких вещей. Пригонка была очень удобная. Подобно пехоте были снаряжены артиллерия и инженерные войска. Кавалерия была снаряжена теми же предметами с присоединением конского снаряжения, причем вещи всадника укладывались в седельный вьюк.

Обмундирование линейной пехоты⁸ составляли: широкий удобный мундир темно-синего сукна с красными выпушками и эполетами, длинные красные панталоны (за исключением егерей, имевших панталоны серо-стального цвета), длинная шинель светло-серого сукна, низкий кепи темно-синего сукна с чехлом, штиблеты или укороченные сапоги и гамаши из сукна или белого холста. Зуавы были одеты в своеобразную форму восточного покроя; одежда эта отличалась пестротой и состояла из куртки и широких шаровар. Легкая африканская пехота была обмундирована, вооружена и снаряжена наподобие зуавов.

Кирасирская форма состояла из синего короткополого мундира с разноцветными, по полкам, воротниками, красных рейтуз, обшитых снизу до колен кожей, металлической каски с висевшим сзади конским хвостом; грудь и спину покрывала металлическая кираса; перчатки с крагами; шинель светло-серого сукна, длиной до пяток. Драгуны были одеты так же, как и кирасиры, только мундир был зеленого сукна. У уланы были мундиры светло-голубые, и вместо касок они имели маленькие шапки с разноцветными шнурами. Зеленые мундиры шассеров были украшены шнурами, а головным убором им служила меховая шапка. Гусары отличались разноцветными ментиками и светло-голубыми рейтузами, причем головным убором они имели кепи. Африканские шассеры были одеты в светло-голубые мундиры с желтыми воротником и

обшлагами, имели красные кепи, такие же рейтузы и длинные белые плащи вроде бедуинских бурнусов. Одежда спагов носила чисто восточный характер. Форма артиллеристов состояла из бесполовых мундиров темно-синего сукна с красной отделкой и широких темно-синих шаровар с красными лампасами; на голове кепи с красным околышем и шнурами. Мундиры инженерных войск были тоже темно-синие с черной отделкой.

Пехотный и кавалерийский уставы в своих основах остались прежние — эпохи конца XVIII столетия⁹. Великий мастер военного дела их не изменил, но дополнил указаниями о рассыпании в цепь и о построении колонн. Ордонансы министра Сульта 1832 года также мало изменили эти уставы, вследствие чего их нужно признать устарелыми; они отличались неподвижностью и сложностью. Педантичные, малоподвижные формы строя благодаря живому характеру французского солдата усваивались нехотя и поверхностно.

Взвод в роте делился на 2 отделения, отделение состояло из двух полуотделений. Пехотный строй был двухшереножный, но при формировании каре строились в 4 шеренги. Обыкновенно в цепь рассыпались роты вольтижеров и гренадер, но могли быть рассыпаемы и другие роты или даже целые батальоны. От взводов высылали сначала в цепь по отделению, причем каждые 4 человека составляли группу, которая не разъединялась и держалась одна от другой не далее 20—40 шагов. Люди в группах расходились один от другого не более 5-6 шагов, и одна из групп назначалась направляющей. Вторые отделения взводов следовали за цепью в 150 шагах и служили поддержкой. К каждому офицеру в рассыпном строю назначался конвой из 4 нижних чинов и 1 горниста, служившего также для передачи приказаний. Управление рассыпным строем производилось посредством команд, сигналов и свистком. Против кавалерии формировались кучки различной величины. При отозвании цепи группы собирались в отделения, а отделения во взводы и роты; если нужно было быстро очистить фронт, то все группы возвращались бегом и пристраивались на фланги батальона. Сомкнутые части батальона следовали за цепью в возможно близком расстоянии. Роты в цепи действовали самостоятельно.

Батальон строил следующие колонны: 1) взводную, 2) дивизионную (фронт колонны равнялся протяжению фронта развернутой роты) и 3) колонну из середины, причем вольтижеры и гренадеры находились в хвосте колонны.

Особенностью французского пехотного строя было вогнутое каре, которое строили с целью усиления огня, так как это давало возможность употреблять перекрестный огонь против атакующего.

Для совокупных действий различных родов войск устав почти не давал указаний, и войска руководствовались неофициальной инструкцией маршала Бижо, изданной в 1846 году. Основные мысли этой инструкции были следующие:

«С дальних расстояний стреляет только плохая пехота, хорошая же скупа на огонь; поэтому она должна упражняться, чтобы стрелять уверенно. Завязывать бой как при обороне, так и при наступлении должны стрелковые цепи, после чего их следует отводить в сторону от пункта атаки. Ничего не может быть глупее бесцельной стрельбы. При отступлении следует храбро драться и переходить в наступление для поднятия нравственных сил людей; следует беречь огнестрельные припасы и отходить быстро, если нужно, бегом, так как смешно задерживаться под неприятельскими пулями. Поэтому пехоту нужно учить наступать бегом на фланги врага и отступать даже в беспорядке, но затем быстро восстанавливать порядок.

Кавалерийскую атаку пехоте следует выжидать спокойно, зарядив две пули; отбитую конницу провожают залпом и спокойно выжидают повторения атаки. В решительные минуты всегда нужно стараться захватить инициативу. Оборона всегда должна быть наступательной. Фланговые атаки и удар с тыла действуют сильно на моральные чувства врага.

Колонны более годны для марша и эволюций, чем для боя; громадные колонны в 3—12 батальонов (как при Ваграме, Люцене, Бауцене и Ватерлоо) доказывают непонимание военного искусства.

Наилучший строй пехоты для боя — это развернутые линии, так как они дают возможность применить лучшее ее боевое средство — огонь. Эта форма строя удобна и для движения в сфере артиллерийского огня. Линии удобны, даже когда желательно атаковать противника в колоннах. Перемена фронта под огнем дол-

Французский сапер
(с акварели А. Марселли)

жна совершаться всегда с движением вперед. Позади каждых трех батальонов в одной линии следует оставлять небольшие резервы в колоннах из полубатальона или целого батальона для заполнения образовавшегося разрыва и для производства охвата как при атаке, так и при обороне. При атаке противника в облическом направлении войска следует располагать уступами, что способствует нанесению удара в любом направлении и дает возможность парировать случайности. Стрельба во время наступления невыгодна, следует стремиться пройти скорее разделяющее противников расстояние».

Бизо рекомендовал обращать особое внимание на сторожевую службу.

Мы уже упоминали, что новобранцы, после принятия их на службу, поступали в полковое депо, где их обучали гимнастике под руководством капитана и нескольких унтер-офицеров. В течение первых шести месяцев всех новобранцев учили плаванию и танцам. Фехтование на палках, рапирах и саблях было поставлено серьезно, и люди обучались ему целый год¹⁰. Упражнения в стрельбе производились с большой тщательностью и педантичностью.

На учениях и при тактической подготовке придерживались взгляда учить только тому, что придется делать на войне. Французы хорошо сознавали, что в мирное время следует учить лишь те тактические формы и эволюции, которые быстро и легко исполнимы и которые отвечают данной обстановке, и их ученья отличались простотой, все движения производились быстро, причем требовалось больше общее согласование, чем однообразие в исполнении. В выносливости при маневрировании и в одиночном бою французы достигли почти совершенства.

Бой в рассыпном строю вполне соответствовал характеру французов; его вели преимущественно вольтижеры, в то время как роты центра оставались в сомкнутом строю. При атаке вольтижеры шли впереди врассыпную, гренадеры же становились в голове атакующей колонны. При учении в сомкнутых массах равнение и направление соблюдались мало; ровного шага тоже не было.

Легкая конница упражнялась главным образом в полевой службе, втягивая при этом лошадей исподволь в работу. Тяжелая кавалерия училась преимущественно в сомкнутом строю, причем главное внимание обращалось на ровный и спокойный аллюр при продолжительном маневрировании. Рысь была крупнее, чем в других армиях. Равнение соблюдалось тщательнее, чем в пехоте. Манежной езды не было.

Обучение артиллерии¹¹ велось с большой тщательностью и соответствовало тому высокому значению, которое придавалось этому роду оружия во французской армии. Практические стрельбы производились с пользой и большим умением, причем особенное

внимание обращалось на быстрый выезд на позицию и немедленное открытие огня.

Оценивая вооруженные силы Франции, следует упомянуть, что армия ее славилась строгой исполнительностью и примерной дисциплиной, которая была основана на сознательном отношении к службе как офицеров, так и нижних чинов, считавших позором нарушать требования дисциплины. Все обучение солдат с первых дней службы велось в этом духе¹².

Одушевленная сильным национальным духом, французская армия обладала и хорошими и дурными сторонами своего народа.

Она жаждала славы, деятельности и борьбы; будучи мужественной и отважной, она выказывала часто чудеса храбрости.

Природная подвижность и выдающаяся интеллигентность отдельных лиц делали войска неутомимыми, выносливыми и способными переносить всякие лишения.

При развитии самолюбия, уверенности в себе и тщеславии французов в войсках проявлялось постоянно общее стремление к движению вперед. Каждый жаждал победы, и никто не сомневался в успехе. Французский солдат был самостоятелен, ловок в бою, а на походе и биваке отличался умением применяться к обстановке и практичностью. Война была нормальным явлением для французской армии, и короткие промежутки мира не давали ей возможности усваивать сопряженные с ним пагубные привычки.

Сухопутные силы Великобритании состояли из: 1) постоянной армии, 2) милиции, 3) ополчения и 4) колониальных войск.

Занимая островное положение, Англия не нуждалась в многочисленной постоянной сухопутной армии, и, как мы увидим, такая ко времени Восточной войны далеко не соответствовала мировому значению этой великой державы. Для защиты собственной территории от неприятельских нападений и для поддержания внутреннего порядка в распоряжении Англии имелась милиция, численность которой изменялась в соответствии с обстоятельствами. Законами страны предусматривалось также формирование поголовного ополчения, в котором числились все лица мужского пола до 60-летнего возраста.

Следует отметить, что по существовавшим законоположениям милиция и ополчение могли быть употребляемы для службы лишь в пределах Соединенного Королевства.

К колониальным войскам относились как собственно английские войска, так и туземные части, численность которых была особенно значительна в Индии.

Постоянная армия состояла из пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск.

В состав *пехоты* входили полки: 3 гвардейских (7 батальонов), 84 линейных и 13 легких (фузилерных). Армейские полки были однобатальонные¹³, по 10 рот в батальоне, со штатной численностью в 1000 человек.

Легкая пехота отличалась от линейной только названием.

Таким образом, действующая пехота состояла из 103 батальонов, из которых 41 находился в различных колониях¹⁴.

Роль резервных частей выполняли роты выступивших в поход полков, которые, оставаясь в местах квартирования¹⁵, формировали полковое депо для обучения вновь завербованных нижних чинов и подготовки молодых офицеров¹⁶.

Общая численность действующей пехоты доходила до 111 тысяч человек.

Кавалерия делилась на тяжелую и легкую. Первая состояла из 3 гвардейских, 9 драгунских и 1 карабинерного полков. Легкую же конницу составляли: 4 легких драгунских, 4 уланских и 5 гусарских полков. Таким образом, всего имелось 26 полков, причем полк делился на 3—4 эскадрона, а эскадрон на 2 роты. Численность чинов была в полках неодинакова и колебалась в пределах от 400 до 800 человек на полк¹⁷.

В общем, можно было считать, что английская конница составляет от 10 тысяч до 11 тысяч сабель. Так же, как и пехота, часть кавалерии находилась в колониях.

Артиллерия делилась на пешую и конную. Вся пешая составляла артиллерийский полк, разделявшийся на 12 батальонов, из которых каждый состоял из 8 батарей (рот); всего было 96 пеших батарей. Батареи были 6- и 4-орудийного состава, в зависимости от величины калибра пушек. Всего в пешей артиллерии насчитывалось при 270 орудиях до 13 500 нижних чинов. Около $\frac{1}{3}$ этого полка было расположено в колониях. Конная артиллерия была сведена в бригаду 7-батарейного состава; в батареях было по 6 орудий.

Инженерные войска состояли из 28 саперных и минерных рот, насчитывавших в своих рядах до 2000 нижних чинов¹⁸. Военно-инженерных офицеров было до 300 человек, большая часть коих занималась сооружением крепостей и строительными работами, и лишь самое незначительное число считалось на службе при инженерных войсках.

Для наступательной войны в Европе Англия располагала армией в 140 тысяч человек при 200 орудиях.

В военное время полки сводились в бригады, бригады в дивизии. Все эти соединения были импровизированными, так как организовались в случае надобности, и число полков, входивших в их состав, было различное. Кавалерия также сводилась в дивизии; к

каждой дивизии придавалась конная батарея.

Высшее управление военно-сухопутными силами Англии находилось в руках военного статс-секретаря и главнокомандующего, причем первый главным образом заведовал хозяйственной частью, а второй — строевой¹⁹.

Комплектование английской армии нижними чинами было основано на вербовке охотников. В этом крылся главный недостаток английской армии, хотя, впрочем, милиция и ополчение (иомены), в случае опасности неприятельского вторжения, могли быть пополняемы посредством обязательного набора по жребию.

Офицерами армия пополнялась путем покупки офицерских дипломов лицами состоятельных классов общества. Первоначальное обучение подобные офицеры получали в депо при полках. Очевидно, что офицеры, получившие такую подготовку, мало были знакомы с военным делом, и все их достоинство заключалось в том, что они умели храбро умирать в борьбе с врагом²⁰. Особых военно-учебных заведений для подготовки пехотных и кавалерийских офицеров не существовало, но зато офицеры артиллерии и инженерных войск получали отличное специальное образование в училищах, артиллерийском в Вуличе и инженерном в Чатаме. Для несения службы Генерального штаба к штабам временно прикомандировывали офицеров разных родов войск, по выбору начальства.

Пехота была вооружена гладкоствольными ружьями, кроме некоторых стрелковых и линейных частей, имевших нарезные ружья системы Минье. Нарезные ружья превосходили гладкоствольные в баллистическом отношении в 3 раза и отличались прекрасной выделкой. К ружьям примыкался штык для рукопашного боя. Кавалерия была вооружена саблей и пистолетом. Полевая артиллерия имела на вооружении 6-, 9-, 12- и 18-фунтовые пушки.

**Французская армия,
знаменщик**
(с французского рисунка)

В обмундировании английской армии преобладал красный цвет; так, в пехоте мундиры в виде долгополых фраков были красного сукна, а головные уборы, тяжелые и неудобные шляпы, были некрасивы. Лишь стрелки имели обмундирование темного цвета. Шотландская бригада отличалась тем, что вместо штанов имела клетчатую юбку, не доходившую до колен, а вместо шинели — большой плед.

Обмундирование конницы было так же непрактично, как и одежда пехоты. Всюду преобладал красный цвет. Артиллерия и инженерные войска были одеты более целесообразно, как по форме, так и по цвету обмундирования. Следует отметить, что ни в одной из европейских армий предметы вооружения, снаряжения и обмундирования не изготовлялись из такого отличного материала, как в английской армии²¹.

Организованного обоза при армии не существовало, и для каждого отдельного случая вырабатывались, сообразно обстоятельствам, особые штаты²².

При снабжении войск придерживались системы заготовления тех или других предметов, когда в них начинала уже ощущаться потребность²³.

Медицинская часть была поставлена в войсках очень солидно; в однобатальонном полку состояли 1 старший врач и 3 младших²⁴, а при штабах дивизий были аптечные склады для пополнения полковых медицинских запасов²⁵.

Высшей тактической единицей в пехоте был батальон, в кавалерии — полк и в артиллерии — батарея. Батальон состоял из 8 рот и строил боевой порядок в 2 крыла по 4 роты в каждом. Для атаки употребляли построения в колоннах, и в армии почти не знакомилась с подготовкой к одиночному бою. Огонь пехоты был спокойным и метким. Удар в штыки применялся, но осмотрительно; начальники больше рассчитывали на силу огня. Движения и перестроения исполнялись медленным и спокойным шагом. Устав был очень сложный.

Английская кавалерия сидела на прекрасных полукровках, но лошади эти были изнежены, не втянуты в работу и не приучены к трудам походной жизни. Подвижность и легкость английских всадников не были на должной высоте, а в фехтовании саблей они значительно уступали французским кавалеристам; зато в сомкнутой атаке английская конница могла состязаться с лучшей кавалерией в мире.

Английская артиллерия во всех отношениях стояла на высоте современных требований.

В отношении качеств великобританской армии следует заметить, что нравственный уровень вербованных солдат был низок, и лишь суровая дисциплина сдерживала необузданные натуры,

попадавшие в армию за невозможностью устроиться на другой службе. Английский солдат был крепок телом и отважен, если предварительно выпался, поел и выпил; его мужество было более физическое, чем нравственное. Будучи избалован казарменным комфортом, он вовсе не был способен переносить лишений. На биваках он относился к обстановке апатично и, как противоположность французскому солдату, не умел приспособляться к местным условиям.

Турецкая армия не имела правильной организации до 1836 года, когда по проекту офицера прусского Генерального штаба фон Мольтке начаты были ее преобразование и организация, которые Турция не успела закончить к началу Восточной войны.

По новой организации военные силы Турции разделялись на²⁶: 1) регулярную действующую армию (низам), 2) резерв (редиф), 3) вспомогательные контингенты и 4) войска иррегулярные. Действующая армия состояла из пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск.

Пехота состояла из 6 гвардейских и 31 армейского полков. В каждом полку было по 4 батальона, которые разделялись на 4 роты, а в роте было по 2 взвода. В роте было 104 нижних чина. Всего 148 батальонов, силой до 62 тысяч.

Кавалерия состояла из 4 гвардейских и 18 армейских полков, причем полки были шестиэскадронные. Эскадрон делился на 4 взвода, и штатная численность его была 120 нижних чинов. Всего был 131 эскадрон, или 16 тысяч сабель.

Артиллерия состояла из 1 гвардейского и 4 армейских артиллерийских полков и двух батарей. Полк разделялся на 12 батарей (8 пеших, 3 конных и 1 горную). Батареи были шестиорудийные. Всего 62 полевые батареи с 372 орудиями. Крепостной артиллерии было 6 батальонов с 4 тысячами нижних чинов.

Инженерные войска состояли из саперной бригады двухбатальонного состава, в которой числилось до 1600 человек.

Резервные войска имели в мирное время лишь кадры офицеров и унтер-офицеров, которые должны были производить по времени учения с запасными нижними чинами. Кроме того, чины резерва являлись один раз в 7 лет для участия в больших маневрах. С наступлением же военного времени резерв формировал 6 корпусов такого же состава, как и действующие.

Вспомогательные контингенты, выставляемые вассальными владениями Турции, носили характер милиционных войск, на которые государство не всегда могло рассчитывать. Так, Босния и Герцеговина должны были выставлять 30 тысяч, Сербия 20 тысяч, Молдавия и Валахия 8 тысяч, Албания 10 тысяч, Египет 40 тысяч и Триполи с Тунисом 10 тысяч; всего 118 тысяч человек.

*Формы французских войск
(с английской гравюры на дереве Л. Хюара)*

Иррегулярные войска состояли из пеших и конных жандармов, полевой стражи, татар Добруджи и Малой Азии, иностранных легионов, башибузуков и некрасовцев. Общая численность иррегулярных войск доходила до 80 тысяч человек.

Таким образом, вооруженные силы Турции в военное время достигали внушительной цифры в 400 тысяч человек.

Уже в мирное время полки были сведены по два в бригады; бригады — в пехоте по 3 и в кавалерии по 2 — в дивизии. Наконец, 1 пехотная и 1 кавалерийская дивизии с одним артиллерийским полком соединялись в корпуса, которых всего было в Турции 6, и которые именовались по месту своего расположения²⁷.

Главное командование всеми вооруженными силами принадлежало сераскиру (военному министру). Для решения военно-административных вопросов в Константинополе заседал верховный военный совет; при штабах корпусов имелись также советы.

Комплектование армии нижними чинами производилось ежегодными наборами рекрутов из магометанского населения провинций, в которых власть правительства достаточно окрепла. Подлежали набору по жребию все мусульмане, достигшие 20—25-летнего возраста. Освобождалось от призыва по закону лишь духовенство. С 1850 года повелением султана все христианские подданные Турции

обязывались военной службой наравне с лицами магометанского вероисповедания. Общий срок службы был 12-летний, из коих на действительной службе 5 и в резерве 7 лет. Рекрутские наборы вследствие постепенного уменьшения численности османского племени и неповиновения прочих племен производились с малым успехом, почему в рядах армии образовывался значительный некомплект.

Особенно упорно сопротивлялись наборам курды, бедуины и друзья. Чаще же всего наборы производились в Румелии и Анатолии; к началу 1850 года они были распространены на Боснию, Герцеговину и некоторые части Сирии. Для правильного производства наборов вся территория государства была разделена на 6 округов по числу корпусов, причем каждый округ делился на участки, комплектовавшие определенные полки.

В случае надобности сверх рекрутских наборов вербовалось за деньги иррегулярное пешее и конное ополчение (башибузуки), в ряды которого чаще всего вступали албанцы, арнауты, курды и туркмены. Ополчение это состояло в ведении гражданского начальства.

Унтер-офицерами армия пополнялась путем производства в это звание расторопных рядовых, без прохождения какого-либо определенного курса, так как полковых школ в турецкой армии не существовало.

Комплектование офицерами происходило двояким путем: 1) производством из нижних чинов и 2) выпуском из военных училищ.

Офицеры из нижних чинов мало чем отличались от простых солдат; более удовлетворяли своему назначению офицеры, кончившие кадетский корпус и инженерно-артиллерийскую школу. Для высшего военного образования была учреждена военная академия, подготовлявшая офицеров Генерального штаба, артиллеристов и военных инженеров.

Вооружение пехоты состояло из гладкоствольного ружья со штыком и тесака. В немногих гвардейских полках и саперных батальонах имелись штуцера с ударным замком.

Кавалерия была вооружена саблями и парой пистолетов; в каждом полку, кроме того, 4 эскадрона имели пики, а 2 — карабины.

Обмундирование всех родов войск было почти одинаковое; куртка и шаровары темно-синего сукна с алыми выпушками, а в гвардии с красным воротником. Летом пехота имела полотняные брюки. Головной убор был общий — красная феска с медной бляхой. Обувь в пехоте состояла из башмаков, а в прочих войсках из сапог. Шинель шилась для пехоты из серого, а для кавалерии и артиллерии из синего сукна с капюшоном.

В действующей и резервной турецкой армиях при обучении войск придерживались уставов: в пехоте и коннице — французского, а в артиллерии — немецкого.

В пехотных полках один из батальонов считался стрелковым, но, кроме того, в каждом батальоне имелись нижние чины, обученные прицельной стрельбе и рассыпному строю. Строевое образование не стояло на должной высоте; в построениях и движениях не было быстроты, правильности и равнения. В кавалерии лошади были плохо выезжены и еще хуже содержаны. Вообще кавалерия значительно уступала прежней многочисленной, быстрой и смелой турецкой коннице. Лучшим родом оружия была артиллерия²⁸, быстро двигавшаяся и метко стрелявшая, но имевшая тот недостаток, что не была приучена к совместным действиям с прочими родами войск. Недостаток этот был, впрочем, общий, что и сказалось в неумении сохранять и поддерживать связь при действиях и в совершенном непонимании значения взаимной выручки; ни конница, ни артиллерия не умели выручать своей пехоты, пехота же не поддерживала ни артиллерии, ни кавалерии и, видя их поражение, часто обращалась в паническое бегство, хотя при обороне укреплений выказывала чрезвычайную стойкость, упорство и презрение к смерти. Сторожевая и разведывательная службы исполнялись турецкими войсками плохо, и исключением в этом отношении были некрасовцы, которые несли эту службу не хуже наших казаков.

Нравственный уровень турецкой армии был невысок. Офицеры отличались крайним невежеством и не пользовались должным авторитетом перед своими подчиненными, тем более что очень немногие из них получили удовлетворительное военное образование.

Турецкий солдат был вынослив, довольствовался самой ограниченной пищей, был храбр и обладал хорошими боевыми качествами. Под руководством опытных и толковых военачальников он часто проявлял свои отличные качества, но общим недостатком турецких войск была их малая дисциплинированность; случаи неповиновения своим офицерам, переходившие иногда в военные бунты, были нередки, хотя часто вызывались самими начальниками, систематично грабившими своих подчиненных.

Сардинская армия²⁹ состояла из войск действующих, резервных и милиции, называвшейся национальной гвардией. Действующая армия имела в своем составе пехоту, кавалерию, артиллерию, инженерные и обозные войска.

Пехотные части были следующие: 2 гвардейских и 18 армейских полков, 1 полк берсальеров и 1 батальон вольных стрелков. Гвардейские полки и берсальеры были 4-батальонные, прочие же полки в мирное время имели по 2, а в военное — по 3 батальона³⁰. Батальоны состояли из 6 рот³¹. В роте по штатам военного времени³² было 5 офицеров и 135 нижних чинов. Всего пехота состояла из 67 батальонов силой до 57 тысяч штыков.

*Сардинская конная артиллерия
(с литографии Бура)*

Кавалерия делилась на тяжелую и легкую. К первой принадлежали 2 кирасирских и 2 уланских полка, легкую же составляли 2 егерских, 2 гусарских, 1 жандармский³³ полки и корпус карабинеров³⁴. В мирное время каждый полк состоял из 6 эскадронов³⁵, причем в эскадроне числилось 118, а в военное время 166 сабель. Число эскадронов в полку увеличивалось в военное время до 8, с тем чтобы полки выступали в 6-эскадронном составе. Всего в военное время имелось 74 эскадрона силой до 12 тысяч сабель.

Артиллерия состояла из двух полков, разделявшихся каждый на 6 полевых и 2 конных батареи. В батареях было по 8 орудий³⁶. Всего в военное время было 16 батарей с 128 орудиями.

Инженерные войска в военное и мирное время составляли 1 полк в 2 батальона. В состав каждого батальона входили 3 саперные и 1 минная роты. Рота насчитывала в своих рядах до 154 человек. Всего в инженерном полку было 1900 человек.

Обозные части состояли из 6 обозных дивизионов и 4 дивизионных провиантских обозов.

Всего в действующих войсках в военное время было около 80 тысяч человек.

Резервные части состояли из пехоты, кавалерии и артиллерии. Резервных пехотных полков было 21 (по числу действующих) двух-батальонного состава. В мирное время в полку состояло 1355 человек³⁷. Всего в резервной пехоте числилась 31 тысяча человек. Кавалерийских резервных полков было 8 и 1 эскадрон. Всего 17 эскадронов с общей численностью в 2400 человек. Резервная артиллерия состояла из двух полков, по 8 батарей в каждом. В военное время в батареях было по 8 орудий. Всего 16 батарей при 128 орудиях. Итого в резервных войсках состояло 38 тысяч человек.

Кроме того, имелись части вспомогательного назначения, как-то: 2 батальона инвалидов и ветеранов, 4 роты дворцовой стражи и операционный артиллерийский полк, состоявший из 7 рот³⁸.

В сардинской армии имелись учебные части для подготовки новобранцев и запасных нижних чинов. Для этой цели был 21 учебный кадровый батальон³⁹ (по одному на каждый пехотный полк), а для артиллерии учебная бригада — депо⁴⁰.

Как видно из приведенного перечня, организация сардинской армии представляла стройную систему, причем особенного внимания заслуживали многочисленные резервные войска и учебные части.

В пехоте и кавалерии полки были сведены по 2 в бригады, а две бригады с двумя батареями, батальоном берсальеров и саперной ротой составляли дивизию. 5 батарей артиллерии, не приданных к дивизиям, назывались позиционной артиллерией. Всей армией командовал маршал.

Военная служба была обязательна для всех граждан без различия сословий и образования⁴¹. Ежегодно призывались к жребию все молодые люди, достигшие 20-летнего возраста, и жребье метанием решалось, кому служить под знаменами; срок службы в действующих войсках был восьмилетний и в запасе (бессрочном отпуске) столько же, всего 16 лет. Запасных призывали в учебные сборы на 1 месяц. Резервные войска комплектовались таким же образом, но общий срок службы в них был 9-летний, из коих в строю 2 и в бессрочном отпуске 7 лет. Бессрочноотпускные резервисты призывались дважды в учебные сборы. Вынувшие высшие номера по жребию и не попавшие в ряды войск зачислялись в милицию (национальную гвардию), назначавшуюся для пополнения

Турецкая артиллерия (с французского рисунка с натуры)

в военное время полевых и резервных войск, а также для гарнизонной службы.

Для подготовки рядовых к унтер-офицерскому званию существовали: школа в Ракониджи и полковые учебные школы.

Офицерами армия комплектовалась главным образом воспитанниками военно-учебных заведений и частью производством достойнейших унтер-офицеров, прошедших двухлетний курс в нормальных пехотном или кавалерийском училищах. Для подготовки первой категории офицеров существовали: 1) военная академия в Турине, кадетский корпус со специальными классами, откуда воспитанники выпускались в артиллерию и инженерные войска, 2) пехотное нормальное училище в Иорее и 3) кавалерийское нормальное училище в Пиньероле.

Пехота была вооружена⁴² гладкоствольным ружьем с примкнутым штыком. Часть пехоты и берсальеры были вооружены нарезными штуцерами системы Минье с прицелом на 800 шагов. Вооружение конницы состояло из сабли, кроме которой тяжелая кавалерия имела пику, а легкая — карабины. В артиллерии батарейные батареи имели 12-фунтовые, а легкие 6-фунтовые пушки; в каждой батарее имелось еще по две гаубицы⁴³.

Обмундирование⁴⁴ сардинских войск было простое, не щеголеватое, но отвечало требованиям удобства в походе и прочности. В пехоте и коннице короткий мундир и шинель светло-серого сукна, брюки такие же. Обувью служили башмаки. Головным убором являлось кепи синего цвета. Артиллерийское обмундирование шилось из синего сукна с желтыми воротниками. Снаряжение было ранцевое, причем имелись сухарные мешки, котелки, фляги и походные палатки. Патронные сумки вмещали только по 10 патронов.

В тактическом отношении рота делилась на 2 взвода, а взвод на 2 полувзвода. Огонь из строя⁴⁵ применялся двух родов: залпы (взводами, ротой) и звеньями (главным образом при отражении атаки кавалерии). Атака была тоже двух родов — самостоятельная и контратака. Перед производством контратаки рота давала залп, после чего с криком «Савойя» бросалась на врага. Для отражения внезапного нападения строили ротные каре. На стрелковое дело обращалось большое внимание. По пересеченной местности батальоны двигались повзводно рядами. Устав 1853 года был очень сложен⁴⁶, и в нем многое было удержано из линейных порядков.

Для приучения к совместным действиям различных родов войск были установлены лагерные сборы. Выработанный порядок и распределение занятий были направлены к обучению тому, что приходилось бы делать на войне, и к приучению солдата переносить труды походной жизни.

Войска сардинские были воспитаны в истинно военном духе; нижние чины были выносливы, трезвы, расторопны и скромны; а офицеры отличались усердием к службе и преданностью долгу; несмотря на свой энтузиазм к идее независимости и объединения Италии, на что смотрели как на призвание армии, они энергично боролись с проникавшим в армию влиянием социал-демократической партии. Вместе с тем немалое значение в деле воспитания и обучения войск имел опыт хотя и неудачной кампании. Из беззаветной преданности и строгого отношения к службе вытекала превосходная дисциплина, что составляло одну из лучших сторон сардинской армии. Все это были черты, которые не могли не придать особой ценности этой маленькой армии.

Как видно из нижеследующей таблицы, вооруженные сухопутные силы союзников достигали солидной цифры, составляя в общей сложности почти миллионную армию⁴⁷.

Страна	Батальонов	Эскадронов	Орудий	Численность, тыс. человек
Франция	456	360	1182	430
Англия	103	90	312	150
Турция	150	131	372	290
Сардиния	111	93	256	118
В с е г о	820	674	2122	988

Оценивая вооруженные силы союзников, следует принимать в расчет громадный флот, находившийся в их распоряжении. Великобритания постоянно содержала многочисленный флот, и в этом отношении, со времени уничтожения непобедимой армады Филиппа II, ей принадлежало первенство. Обладая вместе с тем обширнейшим торговым флотом, в котором по английским законам не менее $\frac{3}{4}$ экипажа должны были состоять из великобританских подданных, Англия имела возможность комплектовать личный состав флота, как и сухопутные войска, путем вербовки⁴⁸.

Тем не менее, сознавая необходимость значительного резерва опытных моряков, Англия вела списки всему прибрежному ее населению, которое в некоторых случаях было обязано выставлять определенное число лиц для военной морской службы.

Кроме того, в экипажах судов береговой обороны состояло некоторое число волонтеров, которых правительство по закону могло привлекать к службе лишь в прибрежных водах, на расстоянии не далее 150 миль от берегов Англии⁴⁹.

В 1852 году английское правительство ввело новые правила укомплектования флота нижними чинами, отменив насильственную вербовку, что, конечно, значительно улучшило состав экипажей; по новому положению нижние чины флота вербовались на пятилетний срок, по истечении которого вербовочный договор мог быть возобновлен; на службу принимались как взрослые, так и юноши 15—16-летнего возраста — юнгами⁵⁰.

Корпус офицеров великобританского флота пополнялся преимущественно молодыми людьми, окончившими Портсмутский Королевский морской колледж, основанный в 1729 году, а также теми нижними чинами флота, которых капитаны — командиры судов — могли, на основании древнего закона, производить в мичманы⁵¹.

Морские силы Англии к 1854 году разделялись на три совершенно отдельные эскадры: средиземную, эскадру канала, состоявшую из судов, находившихся в портах Соединенного Королевства, и западную, предназначавшуюся для усиления первых двух⁵². Средиземная и западная эскадры, находясь постоянно в плавании, превосходили эскадру канала как в отношении боевой готовности, так и по подготовке личного состава. Особенно плохо была поставлена в английском флоте стрельба, так как, по свидетельству Джемса⁵³, были такие суда, на которых для обучения ей иногда за три года не сжигали и одного фунта пороха. По действовавшей инструкции дозволялось тратить в продолжение первых шести месяцев плавания не более трети ядер, нужных для залпа из орудий верхнего дека, а по прошествии первых шести месяцев только половину этого количества. Заключая, что адмиралтейство было против учебной стрельбы, как лишней траты пороха и ядер, или уверенные, что при ограниченных средствах для упражнения в

	Парусные суда								
	Корабли					Фрегаты		Мелкие	
	100-пушечн.	90- и 80-пушечн.	74-пушечн.	Всего орудий	Команды	Суда	Команды	Суда	Команды
Всего	6	9	4	1 666	11 175	50	5585	67	5434
В эскадрах:									
Средиземной	2	6	—	740	6740	1	500	1	145
Канала	—	1	—	90	820	—	—	—	—
Западной	2	—	1	274	1358	—	—	6	422
	Паровые				Всего				
	Корабли	Фрегаты 400—500 сил	Малые 60—300 сил	Команды	Суда	Орудия	Команды	Механические силы	
Всего	11	32	71	16 593	225	4 673	38 787	30 573	
В эскадрах:									
Средиземной	2	10	10	4 490	32	1 208	11 875	8 092	
Канала	2	7	1	4 106	11	541	4 926	4 030	
Западной	2	4	7	1 073	22	497	2 853	3 258	

стрельбе все старания будут тщетны, многие командиры стреляли ядрами только в неприятеля, употребляя свободное время на обучение крепления парусов и на щегольскую чистоту.

Перед Восточной войной английский флот состоял из следующих судов⁵⁴:

Всего 250 судов, на которых было 4673 орудия и состояло 38 787 человек команды.

Французский флот до сороковых годов XIX столетия не мог оправиться от удара, нанесенного ему под Трафальгаром, и значение его как морской силы было невелико; но уже с 1839 года началось поспешное его усиление под деятельным руководством принца Жуанвильского. Хотя развитие французского флота не встречало стольких благоприятных условий, как в Англии, но благодаря принятым правительством мерам к началу Восточной войны

французский флот занимал, после Англии, второе место как по величине его, так и по числу паровых судов.

Особенное значение в развитии французского флота имела постоянная учебная Эволюционная эскадра, собранная вскоре после войны за независимость Греции в Леванте под начальством адмиралов де Риньи и Гюгона; теоретическое и практическое обучение личного состава было доведено до совершенства и способствовало объединению взглядов на морское дело среди чинов французского флота, поддерживая также в них драгоценные боевые традиции.

Эскадра эта в середине XIX столетия состояла из 5 больших кораблей, 1 парусного фрегата и 6 паровых судов и являлась грозной боевой силой.

К пятидесятым годам большинство судов французского флота⁵⁵ были новые, усовершенствованной конструкции, с прекрасным рангоутом и такелажем, хорошо вооруженные.

Одновременно с прекрасным парусным флотом совершенствовался и паровой флот, хотя к началу войны во Франции преобладал еще взгляд, что винт есть средство лишь вспомогательное, от которого можно ожидать для парусно-паровых судов в тихую погоду от 3 до 4 узлов ходу в час⁵⁶.

В 1853 году французский флот состоял из 25 кораблей, 38 фрегатов и 108 пароходов различного типа, всего 171 судно с 35 тысячами человек команды.

Комплектование флота нижними чинами производилось из приморского населения Франции и лиц, обитавших близ устьев рек, в сфере морского прилива, которые были обязаны нести военную морскую службу, состоя на действительной службе около 3 лет. Хотя общая численность нижних чинов флота с запасными достигала солидной цифры в 96 тысяч⁵⁷, но при трехлетнем сроке действительной службы они не могли быть одновременно хорошими матросами, артиллеристами и стрелками⁵⁸.

Так как на французских судах ощущался недостаток в хороших комендорах, то при короле Луи-Филиппе было назначено и вооружено несколько корветов, чтобы дать возможность французским матросам приобрести недостававшие им ввиду краткосрочной действительной службы знания и опытности⁵⁹.

Что касается офицеров, то их для военного времени не хватало, принимая во внимание, что многие из адмиралов и капитанов вследствие очередного производства по линии были стары и дряхлы⁶⁰.

Обширный кредит, вотированный французской палатой, позволил энергично подвинуть портовые работы для приведения морских станций в состояние, удовлетворявшее современным требованиям.

Турецкий флот к 1853 году состоял из 7 кораблей (130—74-пушечных), 6 фрегатов (64—52-пушечных), 10 корветов (44—18-пушечных), 14 бригов (18—12-пушечных), 6 пароходов и

*Алжирские туземные войска
(с французской литографии)*

28 меньших судов, — всего до 70 судов с 4000 орудий и 15 тысяч команды.

Начиная с 1833 года замечается усиленное его развитие, и в короткое время он под руководством английских инструкторов настолько совершенствуется, что, по свидетельству современных морских авторитетов⁶¹, уже в пятидесятих годах приближается на пути прогресса к флотам европейских держав.

Несмотря на неблагоприятные условия восьмимесячной стоянки на якоре в Босфоре, при полном бездействии, внутренний порядок на судах, система обучения и дисциплина на турецких военных судах были хорошо поставлены. В деле подготовки турецкого флота в пятидесятих годах громадное значение имел англичанин Слэд, бывший начальником турецкого морского штаба и инспектором Морского корпуса, который особенное внимание обращал на благоустройство кораблей, на обучение личного состава и на артиллерийское дело.

Комплектование флота нижними чинами производилось на тех же основаниях, как и сухопутных войск, причем срок всей службы во флоте был 15-летний, из коих на действительной — 8 и в резерве (редиф) флота — 7 лет⁶².

Для подготовки морских офицеров и инженеров существовал с 1770 года морской корпус, под названием математической школы, с 9-летним курсом.

Кроме матросов, у турок имелась еще морская бригада численностью до 4000 нижних чинов под командой сухопутного генерала,

предназначавшаяся главным образом для занятия караулов в учреждениях морского ведомства и для десантных операций.

Машинистами на турецких паровых судах служили большей частью англичане, что весьма стесняло как командиров судов, так и адмиралтейство ввиду того, что самое незначительное число турок подготавлилось практически на судах к замещению должностей машинистов.

По свидетельству английских морских офицеров, постройка турецких судов была превосходна, а машины их пароходов изготовлены в Англии по новейшим образцам. Артиллерия в хорошем состоянии, несмотря на то что она не подверглась коренному изменению; обучением стрельбе турки занимались много и усердно⁶³.

Примечания

¹ Organisation g n rale de l'arm e depuis la R volution jusqu'a nos jours. Paris. Impr. nationale. 1902.

² Французский гвардейский корпус был сформирован лишь в 1854 году по образцу старой гвардии первой Империи.

³ Historique des diverses lois sur le recrutement depuis la R volution jusqu'a nos jours. Paris. Impr. nationale. 1902. Loi du 21 mars 1832 sur le recrutement de l'arm e.

⁴ Указанный выше способ комплектования армии не позволял иметь среди населения, на случай военного времени, значительного запаса обученных нижних чинов.

⁵ R sum  des modifications successives apport es aux r gles de l'avancement dans l'arm e. Paris. Impr. nationale. Mars, 1880.

⁶ Их, как бы в насмешку, нижние чины и офицеры первой категории часто называли «troupi r».

⁷ Fav  (capitaine). Des nouvelles carabines.

⁸ Jannet-Lange. Uniformes de l'arm e fran aise. 1848.

⁹ Les  volutions de ligne par bataillons par le colonel Lavelaine. Paris. 1852. Ordonnance du 6 d cembre 1829 sur l'exercice et les  volutions de la cavalerie. Paris. Impr. royale.

¹⁰ На дуэль смотрели как на средство, способствующее развитию сознания чести, поэтому она и допускалась даже между нижними чинами.

¹¹ R glement provisoire sur les manoeuvres de l'artillerie. 1848. Etudes sur le pass  et l'avenir de l'artillerie par le prince L.-Napol on. Paris. 1851.

¹² Во Франции военные законы весьма строго карали преступления против дисциплины. Военные суды присуждали к смертной казни за такие преступления, за которые в Пруссии наказывали 10-летним заключением в крепости, а в Австрии — пропуском через строй в 500 человек 8—10 раз. Даже незначительные проступки, как опоздание на поверку, из отпуска, невнимание на учении и проч., наказывались во французских войсках беспощадно. Полковые и ротные командиры наказывали своих офицеров чаще, чем в других армиях. Телесные наказания были запреще-

ны и не применялись. Виды арестов были разнообразны, ежечасные явки в походном снаряжении, назначения на службу не в очередь, наряд для чистки оружия — все это были наказания, к которым прибегали часто. В Алжире существовали еще особые наказания.

¹³ Кроме двух полков (1-го линейного и 71-го легкого), состоявших из 2 батальонов, по 10 рот в каждом, 3 полков (12-й, 21-й и 23-й), по 2 батальона шестиротного состава каждый.

¹⁴ Из этого числа 20 батальонов было в Индии, 6 — в Южной Африке, 2 — в Канаде, 4 — на Гибралтаре, 5 — в Австралии и 4 — в Америке, Китае и Гвинее.

¹⁵ Большинство батальонов выступало в поход в 8-ротном составе.

¹⁶ Система организации резервных депо была изменена во время кампании. Ввиду необходимости спешной подготовки и скорейшей отправки на Восток команд пополнения, в ноябре 1854 г. было решено сформировать передовое резервное депо (4 роты) на острове Мальта, куда высылались для усовершенствования рекруты, обученные в резервных депо в Англии (Third Report, № 14473 и 14477).

¹⁷ Из десяти кавалерийских полков, отправленных из Англии на Восток в 1854 году, лишь один 6-й драгунский полк насчитывал в своих рядах 317 нижних чинов; численный состав прочих 9 полков был слабее. (Third Report. Army before Sebastopol. Приложение № 10/4. С. 472).

¹⁸ Численность инженерных войск при английской армии в Крыму за все время кампании не превышала 450 нижних чинов. Генерал Бургойн настаивал на увеличении этого числа до 1200 человек, указывая на милицию как на источник пополнения (Journal of the Operations conducted by the Corps of R. Engineers. Ч. I. С. 152 и Ч. II. С. 599).

¹⁹ Назначения на должности высших военных чинов представлялись королеве на утверждение главнокомандующим, но не военным статс-секретарем (Third Report. Army before Sebastopol. С. 109, № 14348 и след).

²⁰ «В английской армии господствовали формализм и строгое соблюдение чинов. С окончанием строевых занятий и службы всякое общение между офицерами и нижними чинами прекращается. В то время как офицеры других армий, находясь постоянно среди своих солдат, заботятся об удовлетворении их потребностей, английские офицеры в этом отношении совершенно бездействуют, считая это обязанностью правительства. Между тем английские солдаты весьма походят на своих офицеров: отлично дерутся в бою, но плохо исполняют сторожевую службу и слабые работники; для лагерных работ армии нужны наемные рабочие. В силу этого англичане превосходны в бою, но не способны переносить лишений. Организация английской армии плоха, так как административная часть недостаточно разработана» (Pictorial History of the Russian War. P. 294).

²¹ Пехотный ранец с полной укладкой весил 20 фунтов (Second Report. P. 103. № 1932).

²² Нормы для войсковых обозов рассчитывались широко. Так, например, для действий в поле 25-тысячного корпуса считалось необходимым иметь обоз из 2000 повозок и 5 тысяч вьючных мулов (Third Report. P. 14, № 13419 и 13422).

²³ Third Report. Army before Sebastopol, p. 96, № 14238.

²⁴ Second Report. Army before Sebastopol, p. 403, № 8136.

²⁵ Там же, стр. 403, № 8142.

²⁶ Обзор воен. уч. архива, отд. 2, д. № 4250.

²⁷ *Название корпусов Батальоны Эскадроны Орудия Численность,*
тыс. человек

Гвардейский	24	24	72	22
Константинопольский	24	24	72	21
Румелийский	28	24	72	32
Анатолийский	24	24	72	19
Аравийский	24	19	72	16
Иранский	8	4	12	8
Всего	132	119	372	118

²⁸ Сент-Арно доносил военному министру о состоянии армии Омер-паши: «Войска дурно вооружены, дурно одеты и в особенности дурно обуты, но имеют вид воинственный и хорошо маневрируют. Лошади конницы по большей части малого роста, но хороши и выносливы. Что есть лучшего — это артиллерия: упряжь прочная, орудия хорошо содержатся, артиллеристы также хорошо маневрируют, как и наши; я был поражен меткостью артиллерийской стрельбы» (Парижский архив Воен. мин. Письмо С.-Арно военному министру от 21 мая 1854 г. из Шумлы).

²⁹ Corsi Carlo. Del esercito piemontese e della sua organizzazione. Torino. 1851.

³⁰ 1 батальон егерский и 2 линейных.

³¹ 1 гренадерской, 1 стрелковой и 4 фузилерных.

³² По штатам мирного времени в роте было 4 офицера и 110 нижних чинов.

³³ Жандармский полк (10 эскадронов) был расположен на о-ве Сардиния. Численность его доходила до 1600 человек.

³⁴ Корпус карабинеров насчитывал в своем составе 2400 человек.

³⁵ В том числе 1 учебный и 1 эскадрон-депо.

³⁶ В батарее состояло в мирное время 124 человека, а в военное — 224 человека.

³⁷ В резервном полку берсальеров состояло 3920 человек.

³⁸ В числе которых были: 1 рота фейерверкеров, 1 рота лаборатористов, 1 рота оружейников и 2 роты понтонеров.

³⁹ В каждом кадровом батальоне было по 156 человек, всего 3276.

⁴⁰ В учебной бригаде состояло около 400 человек.

⁴¹ Legge direclutamento 20 marzo 1854. Giornale militare an. 1854, atto № 9, p. 161.

⁴² Giornale militare, pag. 622—1080.

⁴³ Armamento, munizionamento, materiale, ecc. del corpo reale di artiglieria. Torino, 1855.

⁴⁴ Vestiario ed equipaggiamento. Giornale militare 1855, p. 451.

⁴⁵ Regolamento di esercizi e di evoluzioni della fanteria. 1852.

⁴⁶ Так, например, зарядание ружья производилось в 24 приема.

⁴⁷ В это число вошли вспомогательные контингенты вассальных государств 118 тысяч человек и иррегулярные войска 80 тысяч человек.

⁴⁸ Швабе доносил в начале 1854 года великому князю Константину Николаевичу: «Не решаясь разбирать, до какой степени основательно уверение тех, которые видят в укомплектовании произвольного числа английских судов вопрос единственно денежный, я считаю долгом прибавить, что прибегнули в последнее время к мере, доселе в Англии неслыханной — набирают на флот взрослых людей, никогда не бывших в море, лишь бы они соединяли в себе физические условия, требуемые сухою службою» (Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., д. № 24, 1853 г.).

⁴⁹ Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., д. № 24, 1853 г.

⁵⁰ Die Heere und Flotten der Gegenwart, von Zepelin. Т. II. С. 383 и след.

⁵¹ Шабо-Арно. История военных флотов. С. 384.

⁵² Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., д. № 24, 1853 г.

⁵³ История Великобританского флота. Т. VI. С. 112 и 113.

⁵⁴ Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., № 27, 1853 г.

⁵⁵ Шабо-Арно. История военных флотов. С. 380 и след.

⁵⁶ Revue des deux mondes. 1852, avril. C-te de Williometz.

⁵⁷ Из них действительных матросов 60 тысяч и коммерческих 36 тысяч.

⁵⁸ Морской сборник, февраль 1853 г. С. 138.

⁵⁹ Шабо-Арно. История военных флотов. С. 381.

⁶⁰ Морской сборник, февраль 1853 г. С. 136.

⁶¹ Морской сборник. 1853 г., № 9. Записки Аркаса. Lettres sur la Turquie, par Ubicini, изд. 1851 г.

⁶² Архив Военно-учен. комитета, отд. 2, № 4250.

⁶³ Морской сборник. № 9. 1853. С. 32.

Глава XV¹

Обзор границ и крепостей России к началу войны

На военное могущество государства в значительной степени влияет, кроме величины и устройства его сухопутных и морских сил, протяжение и очертание его границ, а также меры, предпринятые для их защиты.

Протяжение всех границ Российской империи доходило до 20 тысяч верст, причем она соприкасалась с владениями свыше десяти самостоятельных государств. Более двух третей всей пограничной линии приходилось на долю морских границ и около трети на долю сухопутных.

Невыгодная сторона существования громадной пограничной линии нашего Отечества уменьшалась тем обстоятельством, что большая часть границы проходила по местам совершенно недоступным или же соприкасалась с государствами слабыми и, таким образом, не требовала для своей охраны ни войск, ни крепостей.

Наша северная граница, омываемая на всем своем протяжении Северным Ледовитым океаном и его морями, являлась почти совершенно недоступной для неприятельского вторжения как по свойствам этого океана, так и благодаря необитаемой на многие сотни верст в глубину прибрежной полосе.

Лишь только западная ее часть, Белое море, в течение нескольких летних месяцев была доступна для вторжения неприятельских флотов.

Здесь, на всем протяжении от Варангер-фиорда или от норвежской границы до устья Северной Двины, т. е. на протяжении 900 верст, была только одна Новодвинская крепость², построенная у устья Северной Двины, в 18 верстах ниже Архангельского порта для обеспечения этого последнего. Крепость эта состояла из четырехугольного редута с бастионами, вооруженными 54 орудиями. Сам фарватер реки защищался Новодвинском слабо, и для успешной обороны подступов к Архангельску необходимо было построить впереди крепости батареи, при отсутствии которых неприятель мог почти безнаказанно произвести высадку³.

На крайнем востоке русские владения соприкасались на Курильских островах с японскими и в Америке — с английскими. Эти страны были мало населены и в военном отношении не имели значения ни для России, ни для ее соседей. Мы здесь имели лишь несколько полевых укреплений у Петропавловского порта, послуживших единственным полем действий во время Восточной войны.

Турецкая пехота
(с гравюры на дереве, по рисунку Раффле)

На юге на протяжении многих тысяч верст мы соприкасались с Китайской империей, причем от Великого океана до слияния реки Аргуни с Шилкой граница не была даже точно определена и шла по горам севернее реки Амура. От слияния реки Аргуни с Шилкой границу составляли река Аргунь, горы Саянские и Алтайские, до верховьев реки Иртыша, и горы Ала-Тау южнее озера Иссык-Куль.

На всем этом пространстве к востоку от верховьев Иртыша мы непосредственно соприкасались с китайцами, миролюбие которых не вызывало никакой необходимости иметь здесь укрепления, и русские владения в достаточной степени обеспечивались естественными преградами и постами от Сибирских войск. Но к западу от верховьев Иртыша вдоль границы кочевали киргизские племена, и для обеспечения наших владений от набегов кочевых азиатов были устроены на протяжении трех с половиной тысяч верст две укрепленные линии: Оренбургская — от Каспийского моря, по реке Уралу и другим речкам, до Орской крепости и далее по реке Тоболу и Сибирская — от форпоста Песчаного, через Петропавловск и Омск, по реке Иртышу, до Бухтарминской станицы. Эти линии состояли из нескольких малых крепостей и укреплений и охранялись постами, выставляемыми уральскими, оренбургскими и сибирскими казаками.

В Средней Азии мы соприкасались с ханствами Кокандским и Хивинским, граница с которыми не была в точности определена никакими трактатами, и русские владения здесь распространялись

от форта Перовского, по реке Сыр-Дарье, через Аральское море и далее до Каспийского моря приблизительно по параллели 44° северной широты.

Исключительное господство на Каспийском море было предоставлено русскому флоту, причем на основании Туркманчайского мира 1826 года Россия обязывалась охранять берега Персии от туркменских морских разбойников. Таким образом, Каспийское море являлось внутренним русским морем и имело лишь значение кратчайшего сообщения с Закавказьем. Берега его особого охранения не требовали, и на нем имелись только две слабые крепости Дербент и Баку и укрепление Ленкоранское.

Совершенно иное значение имели наши границы на западе, а также и на юге, в пределах Европейской России и Кавказа. Здесь мы соприкасались с сильными европейскими государствами и воинственными племенами Кавказа, поддерживаемыми в своей борьбе с нами Оттоманской Портой, и в то же время эта часть границы не представляла для вторжения неприятеля, кроме Кавказа, никаких серьезных естественных преград.

Очевидно поэтому, что все внимание правительства было обращено на придание большей обороноспособности нашей границе с европейскими государствами и Турцией.

И в этом отношении Россия многим обязана императору Николаю Павловичу, который впервые положил прочное основание стройной системе обороны границ государства, существующей и по настоящее время⁴. При его же деятельном участии у нас образовался отличный корпус инженерных офицеров, который за время царствования императора Николая выдвинул из своей среды много выдающихся деятелей, а во время Восточной войны вполне оправдал заботы о себе своего основателя.

В двадцатых годах прошлого столетия вся наша западная граница была почти совсем открыта, и на протяжении от Балтийского до Черного морей имелось всего семь крепостей. Кронштадт к этому времени состоял из столетних петровских укреплений, пришедших в совершенную ветхость, а в Севастополе имелось лишь несколько земляных батарей, устроенных по распоряжению разных флотских начальников без какого-либо общего плана.

Государь не только лично принимал самое деятельное участие в начертании общего плана обороны государства, но и в утверждении проектов каждой крепости. К началу Восточной войны, однако, план государя не был окончательно приведен в исполнение, и к этому времени мы имели на западной границе только одну вполне законченную крепость, а именно Новогеоргиевскую.

Эта часть границы также не на всем своем протяжении имела для нас одинаково важное значение.

*Английские войска
(с гравюры на дереве, по рисунку И. Отто)*

От Ледовитого океана до Ботнического залива мы соприкасались со Швецией; граница здесь проходила по местности малонаселенной и не имевшей в военном отношении какого-либо значения.

Далее границу составляло Балтийское море, омывавшее наши пределы от Торнео до Либавы на протяжении около трех тысяч верст и составлявшее самую важную для нас морскую границу. Здесь находилась столица государства, здесь же была сосредоточена большая часть нашего военного флота и нашей заграничной торговли. Но, к сожалению, в военном отношении Балтийское море, в особенности при борьбе с врагом, имевшим более сильный флот, представляло для нас очень много невыгодных сторон.

Финляндский берег, имевший протяжения более 1200 верст, образовал со своими многочисленными островами и шхерами целую массу удобных для высадки мест и требовал для обороны большого количества войск и мелкосидящих судов шхерной флотилии. Южный, или прибалтийский, берег хотя и имел в своей восточной части незначительное число пунктов, удобных для высадки, но по мере удаления к западу, у берегов Эстляндии и отчасти Лифляндии, число таких пунктов значительно увеличивалось.

Выходы из Балтийского моря не находились в наших руках, благодаря чему Прибалтийский край мог всегда сделаться театром военных действий. Превосходный в силах неприятельский флот, заняв центральное положение, имел возможность почти безнаказанно угрожать нам высадкой в любом направлении, так как быстро сосредоточить войска ко всякому пункту длинной линии

Балтийского побережья, при отсутствии к тому же железных дорог, было для нас делом невозможным.

Искусственные меры для увеличения обороноспособности Балтийского моря и его побережья в 1853 году сводились к следующему:

Центром всей обороны и убежищем для Балтийского флота служила Кронштадтская крепость, расположенная в 30 верстах от Петербурга, в Финском заливе, на острове Котлине, прикрывая таким образом столицу и вход в устье Невы. В ней были сосредоточены арсеналы, мастерские, склады и разные другие учреждения Морского ведомства; весь Балтийский флот легко укрывался за укреплениями Кронштадта. От финляндского берега до крепости считалось около 9 верст и от ораниенбаумского — около 6 верст.

Усиленные меры для приведения Кронштадта в вид, соответствовавший современным требованиям, были приняты только в царствование императора Николая.

И сам государь, и лица, близкие к нему, считали укрепления Кронштадта непреодолимыми⁵. Военный министр князь Долгорукий находил даже, что при взгляде на Кронштадт нельзя не прийти в восхищение, настолько общий вид его производит в высшей степени внушительное впечатление⁶, но в действительности крепость эта далеко не представляла из себя той грозной силы, которую в ней предполагали.

К 1853 году кронштадтские укрепления заключали в себе сухопутные верки, морские форты и батареи.

Сухопутные верки были расположены на острове Котлине и состояли из бастионных фронтов с казематированными башнями и оборонительными казармами.

Форты, защищавшие южный фарватер, были расположены в две линии: в первой — гранитные форты «Император Александр I» и «Император Павел I», во второй — «Император Петр I», «Кроншлот» с четырьмя каменными бастионами и «Князь Меншиков» — четырехэтажная казематированная батарея. Купеческая гавань была защищена купеческой стенкой, состоявшей из двух каменных стен, приспособленных к обороне.

К 1854 году многие из укреплений далеко еще не были закончены постройкой, а в том числе и важнейшие форты «Павел I» и «Александр I». Многие верки имели в чисто инженерном отношении весьма большие недостатки⁷: толщина сводов казематированных батарей была слишком мала, непомерная высота некоторых фортов вредила их прочности; в обеспеченных от навесного огня крытых помещениях для запасов пороха и продовольствия ощущался недостаток⁸.

Но, кроме того, и в самой системе кронштадтских укреплений существовали весьма важные промахи.

*Английские войска в походной форме
(с английской гравюры на дереве)*

Северный фарватер считался нашими инженерами недоступным по глубине для неприятельских судов⁹, а потому был совершенно открыт и не обеспечен от бомбардирования с моря.

Между тем он, «вопреки существовавшему мнению, оказался удобным для прохода неприятельских судов»¹⁰. Преграждавшие южный рейд форты «Император Павел I» и «Александр I» были приспособлены лишь для ближней обороны. Будучи выдвинуты от Купеческой гавани всего на 900 саженей, они могли сосредоточить сильный перекрестный огонь на близком расстоянии, но что касается обстреливания фарватера вдоль, то это возможно было лишь в самой слабой степени. Таким образом, в расстоянии около 2000 саженей от фортов неприятель мог почти безнаказанно сосредоточить свой флот.

Пятиверстное пространство между фортом «Император Павел I» и ораниенбаумским берегом оставалось почти без обороны, а между тем с этой стороны легко могли прорваться мелкосидящие суда.

Западный фронт главной крепостной ограды утратил вследствие близости гавани к городу свое первоначальное значение, и для воспрепятствования неприятелю произвести высадку на косе необходимо было укрепить ее вынесенной вперед новой оборонительной линией. В противном случае неприятель легко мог там высадиться и, утвердившись на узком перешейке, вести правильную осаду. Это для Кронштадта представлялось тем более невыгодным, что с его верков нельзя было ни действовать против флангов неприятеля, ни предпринять вылазки¹¹.

Хотя в наших официальных сферах¹², пробужденных надвигавшейся грозой, и надеялись, что Кронштадт будет в состоянии оказать упорное сопротивление даже самой сильной атаке фло-

та, но в то же время сознавали, что необходимо было принять серьезные меры для усиления обороны как возведением новых промежуточных батарей и укреплений, так и улучшением существовавших верков.

В 1854 году на всех кронштадтских укреплениях, приведенных в оборонительное положение, было 1022¹³ орудия, из числа которых на форте «Павел I» — 171, на форте «Александр I» — 123, на батарее «Князь Меншиков» — 44 и на Купеческой стенке — 113¹⁴.

Важнейшим после Кронштадта пунктом на Балтийском море была крепость Свеаборг, прикрывавшая Гельсингфорс и лучший рейд, который мог служить главным местом стоянки нашей шхерной флотилии¹⁵. Кроме того, наш флот, сосредоточенный в Свеаборге, имел возможность действовать во фланг и тыл неприятельской эскадры, грозившей Кронштадту, и во всяком случае заставлял неприятеля отделить против него часть своих сил. Наконец, Свеаборг имел значение и в смысле удобства маневрирования нашего флота, представляя для него сильный опорный пункт¹⁶.

Но, к сожалению, к началу Восточной войны крепость далеко не была в том виде, в каком ей надлежало быть, ввиду огромного значения в отношении нашей обороноспособности. Общая система свеаборгских укреплений оставалась почти неизменной с 1809 года, и до 1853 года ничего не было предпринято для ее усиления и улучшения. Стены главных свеаборгских укреплений (Густавсвердских) были до того ветхи, что комендант генерал Сорокин не рисковал даже произвести с них летом 1854 года пробную стрельбу, уверяя, что от первого выстрела стены разрушатся. И действительно, после нескольких пробных выстрелов стены рухнули, в виду неприятельского флота. Острова, с которых можно было бы обстреливать неприятеля и которые давали ему возможность скрытно произвести высадку, нами не были совершенно заняты, и только летом 1854 года благодаря анонимному донесению государю было приступлено к их укреплению¹⁷. Профили укреплений по своей тонкости не могли выдержать сотрясения бомбических орудий, и «если бы неприятель знал, что у нас в Свеаборге было только 9 бомбических орудий, если бы он знал состояние стен, малость и малочисленность нашей артиллерии, несовершенство их вооружения, то еще осенью 1854 года разрушил бы все. Но фальшивая слава Свеаборга заставила его отложить свое намерение до собрания положительных сведений»¹⁸.

Однако попытка союзного флота против Свеаборга, произведенная им в следующем году, не увенчалась, как будет изложено в своем месте, положительными для союзников результатами.

Крепость занимала шесть небольших гранитных островов в двух верстах от Гельсингфорса, отделенного от нее заливом¹⁹.

Фронтальная оборона была слаба и состояла исключительно

из земляных батарей, пришедших в большей своей части в совершенную негодность²⁰. Главнейшее внимание строителей было обращено на оборону со стороны рейда, но и эта часть крепости если и была достаточно сильна, то только против парусных судов старого времени, когда корабли были вооружены орудиями не более 30-фунтового калибра. Самые фортификационные сооружения имели очень мало казематированных помещений для гарнизона и пороховых запасов²¹. Остров Скансланд, ближайший к крепости и командовавший ею, вовсе не был укреплен, так же как и те два острова, о которых упоминалось выше; неприятелю представлялась возможность проникнуть на рейд, атаковать крепость с тыла и бомбардировать оттуда Гельсингфорс²². Безопасность Свеаборгского рейда и самой крепости требовала как укрепления нескольких соседних островов, так и обеспечения Гельсингфорса от атаки с сухого пути. Между тем с этой стороны не было никаких укреплений, и Гельсингфорс не был обеспечен от бомбардирования.

Во всяком случае Свеаборг не мог бы устоять против соединенной атаки, веденной одновременно с моря и с суши.

На вооружении крепости к 1854 году состояло 333 орудия, из которых 9 бомбических, 10 — 36-фунтовых, 91 — 30-фунтовое и остальные меньшего калибра²³.

Следующее по важности на финляндском берегу место принадлежало крепости Выборг, расположенной в 120 верстах от Петербурга на перешейке между Финским заливом и Сайминским озером, через который проходили важнейшие пути из Финляндии в Россию. В этом заключалось значение Выборга.

Крепость была старинной шведской постройки и к началу войны состояла из девяти бастионных фронтов, окружавших город, предмостного укрепления и древнего замка. Все они содержались в порядке. Прибрежные же укрепления на островах, оборонявших пролив, были совсем запущены и возобновлены только в 1854 году, с приведением Выборга в оборонительное положение²⁴.

Далее по финляндскому берегу для прикрытия более значительных заливов и рейдов существовали укрепления Роченсальмское, Свартгольмское и Гангеудские²⁵. Все эти укрепления по своей слабости могли играть роль не более как наблюдательных постов; существование их и занятие войсками приносило нам более вреда, чем пользы, так как ни один из этих пунктов не мог выдержать атаки даже одного флота без десантных войск. Большая их часть была упразднена еще до войны (кроме Гангеудских), а остальные были нами разоружены и разрушены во время самой войны²⁶.

Несколько иное значение имели Аландские укрепления, расположенные на островах того же имени у входа в Ботнический залив.

Сбор турецких рекрутов
(с литографии Лемерсье, по рисунку Раффе)

Идея этих укреплений всецело принадлежала императору Николаю Павловичу и главным образом заключалась в образовании опорного пункта вне Финского залива для активного действия нашего флота и для поддержания господства его на Балтийском море. Так на них смотрели и англичане, протестуя против намерения государя укрепить Аландские острова²⁷.

Проект Аландских укреплений был составлен лично государем еще в 1831 году; тогда же было приступлено и к работам. Для прикрытия порта предполагалось построить один главный форт на 2500 человек и пять больших отдельных каменных башен; кроме того, на окружающих гавань мелких островах предполагалось построить еще семь башен. Но к 1853 году была готова только большая оборонительная казарма с горжевым капониром, двумя офицерскими оборонительными зданиями, одна башня к западу от казарм при Бомарзунде и три отдельные оборонительные башни у мыса Нотвика и на острове Прест-Э²⁸. При орудиях и под ружьем к этому времени состояло не более 1600 человек, орудий же было 112²⁹.

Каких-либо данных о том, был ли государь лично в Бомарзунде, в особенности в последнее перед войной время, не имеется, но, судя по дневнику флигель-адъютанта Аркаса³⁰, он в 1854 году считал эту крепость «превосходной, сильной и хорошо снабженной».

Нельзя и в этой идее выдвинутого вперед порта не отметить правильного военного взгляда императора Николая, причем и сами проекты укреплений вполне соответствовали состоянию артиллерийского и инженерного искусства эпохи их составления. Но беда в том, что они явились на суд истории двадцать три года спустя и в размере только одной пятой части проектированного в 1831 году, без всякого применения к новым данным артиллерийской техники

Турецкая пехота
(с литографии Лемерсье,
по рисунку Рафффе)

и при обстоятельствах, уничтожавших возможность активного действия флота.

Что касается обороны Эстляндского побережья, на котором находилось наибольшее количество удобных для высадки мест, то каких-либо сильных опорных пунктов на нем не имелось. Существовавшие укрепления в Ревеле, Риге с Динамюнде³¹ и в особенности в Нарве не представляли из себя крепостей, которые могли бы выдержать осаду, хотя бы только в течение нескольких дней.

Ревель был единственным укрепленным пунктом для защиты Эстляндии. Крепость представляла из себя древние

сухопутные укрепления, окружавшие Вышгородский замок.

Укрепления были совершенно запущены, и оборонять Ревельский рейд могла только береговая батарея, а для прикрытия города мог служить только один бастионный фронт и Вышгородская цитадель. С сухопутной стороны Ревельская крепость была окружена командующими высотами, и, кроме того, неприятель мог лишить гарнизон и жителей воды³².

Впрочем, такое состояние Ревеля вполне соответствовало и существовавшему взгляду на его назначение³³. «Ревель не есть крепость,— писал государь в 1854 году,— ибо давно брошена по бесполезности. Ревель есть позиция и сильная позиция для защиты тыла порта»³⁴.

В 1854 году на сухопутных и приморских укреплениях Ревеля было 556 орудий³⁵.

Динамюнде, расположенный при впадении Западной Двины в Рижский залив, в 15 верстах от Риги, преграждал доступ к этому городу с моря.

Крепость состояла из шести тесных бастионов с пятью рavelинами, с каменными эскарпами и водяным рвом. Со стороны моря она была в удовлетворительном состоянии и могла обстреливать фарватер, но с сухого пути не могла выдержать осады³⁶. Входы в Двину не были заграждены³⁷.

Нарвская крепость была расположена на левом берегу реки Наровы, в 4 верстах от впадения ее в Финский залив, на единствен-

ном в то время сухом пути сообщения Петербурга с Остзейским краем. Она имела назначением охранять при содействии корпуса войск от неприятельских десантов близкое к столице побережье³⁸. Укрепления Нарвы состояли из 8 земляных бастионных фронтов с двумя древними замками. Крепость была запущена и находилась в таком состоянии, что не могла оказать сопротивления даже открытому нападению. Устья реки не были обеспечены укреплениями от доступа с моря³⁹.

Чтобы окончить обзор Балтийского побережья, следует упомянуть еще о Петропавловской крепости в С.-Петербурге, которая никакого военного значения не имела и могла разве служить редюитом временных укреплений, построенных в Восточную войну в устьях Невы.

От местечка Полангена, что на Балтийском море, и до устья Дуная на Черном море проходила наша наиболее важная и опасная сухопутная граница. Здесь мы на протяжении 2200 верст соприкасались с Пруссией, Австрией и Дунайскими княжествами, причем на всем этом протяжении граница не имела значительных естественных преград.

Характерную особенность упомянутой сухопутной границы составлял глубоко вдающийся в пределы Пруссии и Австрии четырехугольник, образуемый так называемыми Привислянскими губерниями. Для наступательных действий против обоих поименованных государств эта выдающаяся часть нашей границы представляла большие удобства, но совершенно иное значение она имела при обороне. Неприятель движением в тыл легко мог отрезать войска, там расположенные, от прочих сил государства.

Так как к тому же в случае войны с западными соседями Привислянские губернии при всякой политической комбинации должны были сделаться театром военных действий, то на оборонительную силу этого участка западной границы нашим правительством было обращено особое внимание.

В течении рек Вислы и перпендикулярно впадающих в нее Буго-Нарева и Вепржа с их болотистыми долинами мы имели готовый опорный пункт, в котором наша армия могла удерживаться против превосходного в силах противника. Но этот сильный по своим местным свойствам участок был, кроме того, обеспечен рядом возведенных крепостей: Новогеоргиевск, Александровская цитадель в Варшаве, Ивангород и Брест-Литовский.

Новогеоргиевская крепость была расположена при впадении реки Наровы в Вислу. К 1853 году она была вполне отстроена и, удовлетворяя почти всем требованиям военно-инженерного искус-

ства того времени, была, бесспорно, лучшей из наших первоклассных крепостей⁴⁰.

Александровская цитадель в Варшаве по своей слабости не могла собственно считаться крепостью, способной выдержать правильную осаду, и имела значение больше как опорный пункт Варшавы⁴¹.

Ивангород был расположен на правом берегу Вислы при впадении в него Вепржа. Крепость не представляла из себя достаточного оплота против правильной осады, не была еще закончена постройкой и требовала усиления своих верков⁴². По мнению генерал-адъютанта Сумарокова, Ивангород в том виде, в каком он был уже в 1855 году, т. е. после приведения его в оборонительное положение, не мог бы выдержать и двух недель правильной осады⁴³.

Брест-Литовская крепость составляла тыл четырехугольника, защищаемого Буго-Наревом, Вислой и Вепржем. Она состояла из цитадели и главной ограды, образуемой тремя отдельными укреплениями. К 1853 году была окончательно построена только цитадель и обеспечено от нечаянного нападения одно из трех главных укреплений⁴⁴. Вообще крепость, для того чтобы быть в состоянии выдержать правильную осаду, требовала больших работ для ее усиления⁴⁵.

К этой же группе крепостей следует отнести и незначительную крепость Замостье, находившуюся в узле дорог, на правом берегу притока р. Вепржа, в болотистой и лесистой местности.

Начиная примерно от Брест-Литовска, вдоль течения бассейна реки Припяти, образуется большое лесисто-болотистое пространство в виде треугольника с вершиной у Брест-Литовска и с основанием в 300—400 верст по Днепру между Киевом и Могилевом. Это пространство, известное под именем Полесья, совершенно неудобно по своей малонаселенности и непроходимости для каких-либо в нем военных действий. Непроходимые свойства Полесья все более и более увеличивались по мере движения внутрь страны, т. е. к Днепру.

Такие свойства Полесья подразделяли нашу пограничную полосу на два совершенно самостоятельных отдельных театра — к северу и к югу от него.

Северная часть имела значение только в случае войны с Пруссией. Оборонительными линиями здесь служила река Неман и далее, по направлению к Петербургу, река Западная Двина с крепостью Динабург, а по направлению к Москве — линия Днепра и его притоков с крепостью Бобруйск⁴⁶.

Южная часть, от Полесья до Черного моря, могла быть театром борьбы с Австрией и с Турцией в случае наступательных ее действий со стороны Дунайских княжеств. Все это пространство было беззащитно. Прут и Днестр не составляли серьезных пре-

Формы французских войск
(с английской гравюры на дереве Л. Хюара)

град, а находившиеся здесь крепости Измаил, Килия, Бендеры и Хотин были совершенно слабы и находились в самом плачевном состоянии. Крепость Хотин, например, имела в июне 1854 года обвалившиеся верки и треснувшие стены⁴⁷. Только Киев мог представить некоторое препятствие, но постройка этой крепости, как увидим ниже, не была закончена.

Измаильская крепость находилась на левом берегу северного рукава Дуная, в 67 верстах от его устья, против острова Четала. Она состояла из 11 бастионных и 2 тенальных фронтов с каменными эскарпами и контр-эскарпами и сухими рвами. Мнения всех генералов и офицеров, осматривавших крепость в 1854 году, сводились к тому, что она требовала производства многих исправлений и улучшений. Блиндированных помещений было недостаточно, некоторые верки имели слишком слабую профиль, эскарпы были плохи и ненадежны и нуждались в укреплении их во рву палисадами; на валганге орудия и прислуга не имели прикрытий⁴⁸.

К 1853 году крепость имела 130 орудий, из которых только 99 были штатных калибров, тогда как их полагалось иметь в это время 118⁴⁹. Но даже из существовавших орудий далеко не все могли быть поставлены на валгангах по неимению и плохому состоянию лафетов⁵⁰. К тому же некоторые из лафетов, на которых уже сто-

яли орудия, были совсем гнилые и от первых выстрелов должны были развалиться⁵¹.

Что касается артиллерийских запасов, то к октябрю 1853 года даже по охранительному вооружению их не хватало в размере 32 950 готовых снарядов и 2544 пудов пороха; для оборонительного же вооружения не хватало снарядов 71 220 и пороху 7620 пудов. Артиллерийский же гарнизон Измаильской крепости был очень незначителен, и в июле 1853 года за всеми расходами приходилось менее двух человек прислуги на орудие⁵².

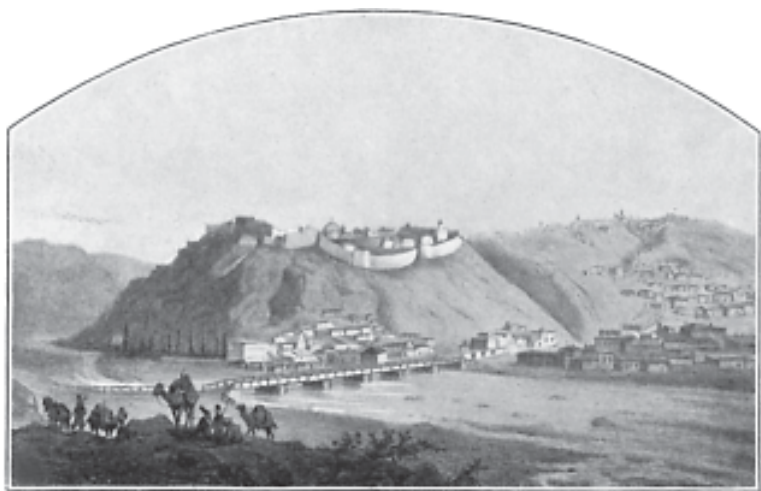
Крепость Килия была расположена на левом берегу северного (Килийского) рукава Дуная, в 25 верстах от его устья. Это была маленькая четырехугольная бастионная крепость с каменными эскарпами и контр-эскарпами и водяным рвом. Блиндрованных помещений было слишком мало, и они требовали значительных исправлений. Перед войной крепость находилась в очень запущенном виде; каменные эскарпы и контр-эскарпы были ветхи и не вполне надежны, прислуга и орудия на валгангах не имели прикрытий и проч.⁵³ Артиллерийских орудий в крепости имелось только 49 вместо полагавшихся 79⁵⁴, да и те по большей части были неисправны; огнестрельных припасов не хватало даже для орудий охранительного вооружения. Артиллерийской прислуги за всеми расходами приходилось менее одного человека на орудие.

Бендерская крепость была расположена на правом берегу реки Днестра, в 60 верстах от Кишинева. Она состояла из 10 бастионных фронтов старинного начертания. Верки находились в самом неудовлетворительном состоянии, и эскарповые стены местами обрушились⁵⁵. В крепости вместо 127 орудий имелось 79, для которых существовало только 25 лафетов.

Крепость Хотин, расположенная на правом берегу Днестра вблизи австрийской и турецкой границ, была важна в военном отношении, но по своей слабости могла иметь значение лишь предмостного укрепления. Вообще эта крепость была так слаба, что даже в 1854 году, по приведении ее в оборонительное состояние, она не могла бы выдержать и самой кратковременной осады.

Такое плачевное состояние пограничных с Турцией крепостей объясняется тем, что мы никогда не предполагали вести против турок оборонительной войны.

Киевская крепость состояла из цитадели с тремя люнетами, двух отдельных укреплений и системы оборонительных казарм и отдельных казематированных башен; в большей части крепости оборона была основана почти исключительно на артиллерии казематированных казарм, между тем как эти последние были совершенно открыты с поля. Крепость была в запущенном состоянии, верки местами даже обрушились⁵⁶.

Город Ахалцых

Штатное вооружение состояло из 554 орудий; имелось в крепости 412 орудий и к ним всего 177 лафетов⁵⁷.

Южная граница России шла от устьев Дуная Черным морем до Кавказских его берегов и далее в Малой Азии по Аджарским горам, по рекам Арпачаю и Араксу, через гору Арарат и по Карадагским горам.

Берега Черного моря имели в пределах России более 2600 верст протяжения, представляли много мест для высадки неприятеля и были очень слабо укреплены.

От устья Дуная до Очакова имелось только слабое Ольвиопольское укрепление, служившее скорее предмостным укреплением на реке Днестре.

Одесса была почти не укреплена, а близлежащие удобные для высадки места вовсе не были укреплены.

К марту 1854 года одесские укрепления состояли из городских приморских батарей, расположенных в двух местах, на оконечностях мола карантинного и практического. В каменных парапетах карантинного мола было прорезано 48 амбразур, а практического, 33 амбразуры. Сооружения эти были возведены из мягкого и мелкого камня, который не мог противостоять действию снарядов, так что в случае военных действий надо было снять весь парапет и устроить защиту из мешков, насыпанных землей.

Вооружение батарей состояло из 20 орудий 24-фунтового калибра. На все эти орудия имелось только 4 лафета, построенные к

тому же тридцать лет тому назад и пришедших в совершенную негодность.

Комплектов зарядов имелось по 190 на орудие. Команда гарнизонной артиллерии состояла из одного офицера и 25 нижних чинов⁵⁸.

Для обороны Бугского лимана и прикрытия Николаева, одного из самых главных пунктов на Черном море с верфями и запасами для Черноморского флота, а также Херсона и Берислава с большими складами, существовала только крепость Кинбург и слабое Никольское укрепление, единственно оставшееся от всех упраздненных в 1852 году Очаковских укреплений⁵⁹.

Кинбургская крепость была расположена на косе при входе в Днепровский лиман, ширина которого между Кинбургской косой и Очаковом была около 3 $\frac{1}{2}$ верст.

К началу Восточной войны крепость находилась в том же виде, в каком она была после укрепления ее Суворовым в 1788 году, и состояла из 5 бастионов и 2 полубастионов. Фронты, обращенные к лиману, были снабжены оборонительными казармами со сводами в 3 фута толщиной и земляной насыпкой в 1 фут. Внутреннее пространство в крепости было очень тесно и совершенно загромождено казематами и другими воинскими зданиями, которые по малой толщине стен не могли служить укрытиями. Для уширения внутреннего пространства крепости пришлось валганги сузить до такой степени, что действовать из орудий было крайне неудобно⁶⁰. Наружные верки были удалены от фарватера более чем на 1000 сажений, и неприятельский флот мог в виду их легко пройти через лиман к Николаеву⁶¹.

На вооружении крепости имелось 68 штатных орудий вместо полагавшихся 74⁶²; лафетов же для них было 33, так что кинбургский комендант принужден был забаррикадировать свободные амбразуры дровами, чтобы «гарантировать себя от всяких сюрпризов»⁶³. Иное впечатление эта крепость произвела летом 1855 года на генерала Лидерса, который находил ее в порядке, но считал, что она подвергнется особой опасности, если неприятель будет бомбардировать ее с моря⁶⁴.

Очаковское или, вернее, укрепление Никольское было расположено в полуверсте от города Очакова и состояло из одного кронверка, обращенного фронтом к сухому пути и примыкавшего крыльями к турецкому замку. Все укрепление было удалено от фарватера более чем на три версты и потому не доставляло ему никакой обороны; оно не могло препятствовать также десанту. Артиллерия была ненадежна, орудия (их было 19) старые и в самом ветхом состоянии⁶⁵. Лафеты во время практической стрельбы рассыпались.

Эти-то приморские крепости, как увидим ниже, и доставили дешевые лавры могущественным союзникам.

Курды, переходящие реку Аракс

Вообще Кинбург и Очаков не могли помешать противнику войти в лиман. Гораздо более могла препятствовать этому сама местность — трудный вход в лиман и большая извилистость фарватера, по которому после снятия указателей почти невозможно было пройти.

На всем Крымском полуострове единственным укрепленным пунктом был Севастополь, главный наш военный порт на Черном море и стоянка всего Черноморского флота. На долю Севастополя выпала роль быть ключом всей войны; он одиннадцать месяцев привлекал на себя взоры всего цивилизованного мира и притянул к себе все силы наших многочисленных врагов. Состояние севастопольских укреплений к началу войны будет изложено в отделе описания борьбы под стенами этого города.

Керченский полуостров, прикрывавший вход в Азовское море, важное в торговом отношении и в отношении обеспеченного морского сообщения Крыма и Кубанского края со внутренними губерниями России, вовсе не был обеспечен, так же как не было обеспечено и само море какими-либо укреплениями. Здесь находился лишь ряд упраздненных крепостей, из которых важнейшие: Керчь, Еникале и по Азовскому морю: Арабат, Геническ, Мариуполь, Таганрог, Азов и Ейское укрепление⁶⁶.

Впрочем, среди нашей высшей администрации господствовало убеждение, что Азовское море вполне обеспечено от враже-

ского нападения мелководностью Керченского пролива, который позволяет войти в Азовское море только мелкосидящим пароходам⁶⁷. Лишь во время самой войны был принят ряд запоздалых мер к усилению этих важных пунктов.

Совершенно в обособленном положении находилась перед войной наша граница на Кавказе, да и весь этот край, бывший полем полувековой упорной войны с горцами и бесспорно долженствовавший служить важным театром военных действий в случае нашего столкновения с Турцией.

Кавказ представлял из себя такой горячий материал, которым враги наши неминуемо должны были воспользоваться. С другой стороны, и мы, имея там отличную двухсоттысячную армию, могли бы развить с этой стороны обширные наступательные операции, которые не смутили бы Европы, ревнивой к нашим успехам на западной стороне Черного моря. А между тем, как увидим ниже, двухсоттысячная кавказская армия могла в 1853 году выставить для действия в поле против девяностотысячной турецкой армии только 30 тысяч человек, а в самом решительном бою этой кампании, Башкадыкларском, только 9 тысяч человек.

Императору Николаю постоянно приходилось слышать просьбу кавказского начальства о присылке свежих войск, что вызывало справедливое недоумение государя. Присылка в 1854 году новых подкреплений мало помогла делу, и в кампании этого года против стотысячной турецкой армии мы могли выставить в поле только 45 тысяч, из которых в сражении при Кюрюк-Дара приняли участие лишь 17 тысяч человек.

Характер военных действий на кавказском театре во время Восточной войны 1853—1856 годов определялся всем нашим положением в этой стране и зависел от борьбы, которую мы вели с горскими племенами. Это заставляет нас несколько подробнее остановиться на описании кавказской границы, места будущего театра военных действий, а также сделать краткий исторический очерк распространения в этом крае русского владычества и его утверждения⁶⁸.

Движение русских к границам Кавказа началось в шестнадцатом столетии, когда, после присоединения царств Казанского и Астраханского явилась необходимость обеспечить наши пределы от вторжения горцев. С этой целью в трех верстах от Каспийского моря, на Тереке, была заложена крепость Терский городок, которая способствовала сильному развитию наших торговых сношений не только с Персией, но со средней Азией и Индией, а также и заселению предгорий Кавказских гор русскими выходцами, которые образовали Гребецкое казачье войско.

Великий преобразователь России в своем неуклонном стремлении завязать прямые торговые сношения с Востоком обратил внимание на упрочение нашего владычества на Каспийском море и присоединил к России все побережье Дагестана, а также области Гилян, Мозандерян и Астрабад. Царствование Анны Иоанновны остановило наше наступательное движение на Кавказе, а трактат с Персией 1734 года даже вернул нас за Терек.

Существование в Закавказье единовременного нам Грузинского царства заставило, однако, в 1770 году наше правительство протянуть ему руку помощи и вновь перейти в наступление. Русские войска перевалили Кавказский хребет через Дарьяльское ущелье, подчинили русской власти Кабарду, Мингрелию и Имеретию, и Кучук-Кайнарджийским трактатом нашей границей со стороны Кавказа была установлена река Кубань.

Это дало возможность продолжить линию русских поселений от низовьев Терека вплоть до Черного моря заселением Кубани, на низовьях которой образовалось Черноморское казачье войско, а в верховьях — Кавказское линейное казачье войско.

Таким образом, от моря до моря, на всем тысячеверстном протяжении наши выходы стали лицом к лицу с мусульманским населением северного склона Кавказских гор, и с этих пор между ними началась непрерывная борьба. Постоянная опасность и частые боевые столкновения способствовали развитию среди русских поселенцев тех высоких боевых качеств, которыми и поныне отличаются кавказские казаки, а также и знакомству с характером своего противника. В ожидании нечаянных нападений все станицы постепенно обращались в укрепленные пункты, между которыми в расстоянии 5—7 верст друг от друга строились укрепленные посты.

Появление среди горцев Шах-Мансура, возбуждавшего их к религиозной с нами войне, и возможность для Турции действовать против нас со стороны Анапы заставили императрицу Екатерину постепенно усиливать Кавказскую линию регулярными войсками, а принятие Грузии под покровительство России и просьба ее в оказании помощи вынудили преемника императрицы передвинуть с линии в Закавказье 15-й егерский (ныне лейб-Эриванский) и Кабардинский полки с пятью орудиями. Присоединение же в декабре 1800 года этого государства к России сделало необходимым постоянное пребывание там наших войск. Приходилось утвердить в Грузии нашу власть, обеспечить новые владения от внешних нападений и установить прочное их сообщение с Россией, закрепив обладание Военно-Грузинской дорогой.

В последующие годы владения наши в Закавказье стали быстро расширяться, что вызвало столкновение с Персией, а потом и с Турцией. Однако русские войска успешно выходили из своего затруднительного положения, и примерно к 1813 году сохрани-

Езда на почтовых в Валахии

ли свою независимость только две группы горных племен, разделенных Военно-Грузинской дорогой: к западу от нее, еще номинально признававшие власть Турции, так называемые закубанские народы, черкесы, к которым принадлежали племена абадзехов, убыхов, катухайцев и других, а к востоку, между Кавказским хребтом, речкой Сунжей и Дагестаном, — чеченцы и в Нагорном Дагестане — лезгины.

Наибольшее затруднение для наших войск в их экспедициях против непокорных горцев представляли действия в Дагестане как в отношении топографическом и климатическом, так и благодаря особым военным дарованиям лезгин и целому ряду выдающихся предводителей, вышедших из их племени. Нашим войскам пришлось вести ужасную горную войну с храбрыми, привыкшими к местной обстановке племенами, которые не только оспаривали каждый шаг, но просто были неуязвимы для регулярных частей. Лишь продолжительный опыт давал возможность бороться с абorigенами, но эта борьба требовала неимоверного труда, много времени и войск⁶⁹.

Трудность борьбы с горцами и все более и более расширявшиеся задачи в Закавказье вызывали необходимость увеличения там наших войск, так что к 1816 году мы имели уже, кроме поселенных казачьих полков, 58 батальонов, 96 орудий, 1 драгунский и 9 донских казачьих полков.

С этими силами приступил к упрочению нашего положения на Кавказской линии и в Дагестане новый главнокомандующий

генерал Ермолов. Он хорошо сознавал, что дело замирения Кавказа потребует энергичных, а главное, систематичных действий в течение многих лет, и старался обеспечить и в будущем эту систематичность от иных взглядов новых главнокомандующих. Результатом забот Ермолова был указ императора Александра I, которым повелевалось как ему, «так и всем, могущим впредь заступить его место, утвердиться на Сунже, населять казаков и вообще покорять горский народ постепенно, занимая лишь то, что за собой удержат можно; не распространяться иначе, как став твердой ногой и обеспечив занятое пространство от покушений неприятных».

Для достижения этой цели генерал Ермолов в течение десятилетнего управления краем занимался постройкой передовых, впереди Кавказской линии, укрепленных пунктов, которые служили опорой для наступательных действий, устройством между ними и в тылу прочных сообщений, выселением непокорных горцев далее в горы и экспедициями для наказания оказавших сопротивление. Им за это время был усилен Назрановский редут для прикрытия дороги из Владикавказа в Моздок и поселены близ него ингуши, всегдашние враги чеченцев; построены для обеспечения линии Терека крепости Грозная и Внезапная с промежуточными укреплениями у Аксай и Исти-су, а также укреплены Староюрт, Таш-Кичу и Амир-Адже-Юрт на сообщениях этих крепостей с Терекком; сооружена крепость Бурная на берегу Каспийского моря и начаты просеки на Колкалыковском хребте и в Шалинском лесу; построен ряд укреплений в Кабарде у подошвы Черных гор, от Владикавказа до верховьев Кубани, а также на речках Урук, Кальчик и Ваксан.

Вторжение в 1826 году персов, восстание, охватившее большинство горских племен, и, главное, замена Ермолова Паскевичем отвлекли нас от продолжения программы, обещавшей относительно скорое умиротворение Кавказа.

Ко времени управления этой страной генерал-адъютантом Паскевичем относится важная административная мера, а именно разделение Кавказской линии на четыре части — Черноморию, правый фланг, центр, левый фланг и учреждение новой, Лезгинской линии; при этом связью между левым флангом и Лезгинской линией служил Прикаспийский край⁷⁰, в котором спокойствие поддерживалось покорностью нам населения многих округов, а позднее и усилением там наших войск и постройкой укрепления Темир-хан-Шура.

Таким образом горцы были окружены почти сплошным кольцом наших постов и отрядов; оставалось только сомкнуть это кольцо по берегу Черного моря от Абхазии до устья Кубани.

По Туркманчайскому трактату Россия приобрела от Персии ханства Нахичеванское и Эриванское, а по Адрианопольскому

Рущук (с акварели, с натуры Шуберта)

мирному договору к нам были присоединены от Турции Ахалцхский и Ахалкалакский округа, крепости Поти и Анапа, и, кроме того, Турция навсегда отказалась от своих прав на Черноморское побережье. Таким образом, горские племена западного Кавказа, признававшие номинально власть Порты Оттоманской, были окружены нашими владениями и должны были быть подчинены нашему влиянию, но они естественно тяготели к Турции, с которой их связывали интересы религиозные, торговые и в особенности контрабанда оружием, боевыми припасами и живым товаром.

Наше правительство вынуждено было принять ряд особых мер для противодействия таким преступным сношениям горцев с Турцией.

С этой целью, кроме охраны, так сказать, активного характера, выразившегося в постоянном крейсеровании у восточных берегов Черного моря судов нашего Черноморского флота, правительством были приняты и охранительные меры в виде расположения вдоль морского берега целого ряда отдельно стоящих незначительных фортов, известных под именем Черноморской береговой линии.

Линия эта была основана в 1840 году именно с целью пресечения контрабандной торговли горцев с турками и прекращения подвоза горцам оружия и боевых припасов, так как одного крейсерства для этой цели признавалось недостаточным.

«К пресечению подобных сношений, — сообщал военный министр командиру кавказского корпуса генералу Головину⁷¹, — крейсерство военных судов, неослабно продолжавшееся, оказалось со-

вершенно недостаточным, и никакого не оставалось средства, дабы положить им предел, как занятие самого берега с устройством укреплений в главнейших якорных местах. Правительство никогда не считало этой меры достаточной для окончательного усмирения горцев, но принятием оной и неослабным продолжением ее исполнения достигает двоякой цели, в последствиях своих одинаково важной: во-первых, лишает горцев всяких внешних пособий, во-вторых, заставляет их обратить всю торговлю в наши пределы. Независимо от сего в мере сей заключается и нравственное для горцев убеждение о положительном и непоколебимом намерении правительства привести их к покорности».

Таким образом, береговые укрепления не должны были иметь какого-либо постоянного значения, а на них надо было скорее смотреть как на учреждения временные, служившие лишь средством к достижению известной цели.

В действительности укрепления береговой линии, владея вокруг себя пространством не далее пушечного выстрела, не содержали берега в нашей власти и имели лишь значение как опорные пункты гребной Азовской флотилии⁷².

Паскевич, занятый во время своего пребывания на Кавказе внешними войнами с Персией и Турцией, не мог правильно продолжать дела утверждения нашего владычества в этом крае, а ряд следующих за ним главнокомандующих забыл установленную Ермоловым последовательную систему постепенного замирения Кавказа. Действия там носили случайный характер, без определенного плана, и состояли в ряде набегов и экспедиций, направленных к занятию таких пунктов, которых удержать в своих руках, не обеспечив заблаговременно сообщений, мы не могли. Результатом таких действий были не только громаднейшие потери наших войск и умаление нашего влияния среди горцев, но и быстрый успех на Кавказе мюридизма⁷³, при помощи которого все группы восточных, а отчасти и западных горцев сплотились в одно целое, подчиненное воле одного лица, которое было проникнуто ненавистью к гяурам и одушевлено идеей священной войны с нами. Не могли мы помешать и усилению власти и значения такого фанатика мюридизма, каковым был Шамиль, успевший сделаться самостоятельным деспотическим владетелем большей части горских племен, среди которых он ввел стройное внутреннее управление и военную организацию.

Лишь только со времени вступления в управление краем графа (впоследствии князя) Воронцова мы с 1846 года вновь переходим к выполнению программы Ермолова, и новый главнокомандующий являлся поборником идеи генерала Вельяминова⁷⁴, который высказал следующий взгляд на Кавказскую войну: «Кавказ можно уподобить сильной крепости, чрезвычайно твердой по ме-

стоположению, искусно огражденной укреплениями и обороняемой многочисленным гарнизоном. Одна только безрассудность может предпринять эскападу против такой крепости; благоразумный полководец увидит необходимость прибегнуть к искусственным средствам, заложить параллели, станет подвигаться вперед силой, призовет на помощь мины и овладеет крепостью. Так, по моему мнению, должны поступить с Кавказом, и если бы ход сей не был предварительно начертан, дабы постоянно сообразоваться с ним, то сущность вещей вынудит к сему образу действий; только успех будет гораздо медленнее по причинам частых уклонений от истинного пути».

С 1846 года набеги стали применяться только для наказания непокорных или чтобы очистить от них известную зону. Постепенное, прочное занятие присоединенных частей Кавказа сдерживало непокорных в горах, и через железное кольцо русских войск, опиравшихся на укрепления, вторжение горцев в наши пределы сделалось почти невозможным.

К 1853 году укрепления Кавказа и нашей пограничной там линии с Турцией и Персией представлялись в таком виде: Черноморскую береговую линию составляли 25 отдельных укреплений и фортов. Из них важнейшими были из укреплений первого разряда: Анапа, Новороссийск, Сухум-Кале, Редут-Кале и Поти и из укреплений второго разряда: Геленджик, Вельяминовское, форт Св. Духа, Пицунда, Бомбары и пост Св. Николая⁷⁵.

Наибольшее значение из этих укрепленных пунктов имели расположенные на оконечностях береговой линии: Анапа и Новороссийск — на северной и Сухум — на южной.

С занятием первых двух неприятель приобретал две удобные бухты вблизи Крымского берега и Азовского моря, в которых военные суда его нашли бы в течение восьми месяцев в году спокойную стоянку.

Сухумская бухта также доставила бы противнику удобный рейд для зимовки флота, и, кроме того, из Абхазии он мог бы угрожать Имеретии и сообщениям Гурийского отряда.

Все укрепления были заняты малочисленными гарнизонами, не соответствовавшими потребности для обороны края и не имевшими между собой сухопутного сообщения. Так, в Анапе находилось только 1 $\frac{1}{2}$ батальона вместо необходимых для выдержания осады 6 тысяч человек, в Новороссийске — 3 батальона, в Геленджике — 2, при недостаточном к тому же числе артиллерии. В случае блокирования берега неприятельским флотом гарнизоны оказывались бы разобщенными друг от друга и могли бы держаться только до израсходования провианта. Существование береговой

линии возможно было только до тех пор, пока наш флот господствовал на Черном море.

Во всех укреплениях было 268 орудий, причем главные из них были вооружены крайне недостаточно. В Анапе, например, вместо полагавшихся только для охранительного вооружения 33 орудий имелось всего 18; в Новороссийске их было 13, в Геленджике — 8, в Сухуме — 17, причем более половины орудий были малых калибров.

Наша сухопутная граница в Малой Азии сильна естественными преградами, но на всем своем протяжении в 800 верст имела только один пункт, который мог быть назван крепостью, а именно Александрополь (Гумры). Хотя в числе пограничных крепостей и считались также Ахалцых, Эривань и Шуша, а в числе укрепленных пунктов Ахалкалаки и Ленкорань, но все они не могли представить никакого серьезного сопротивления правильной осаде.

В бассейне Риона, который составлял особый театр военных действий и был более других подвержен нападению с моря, не было ни одного укрепленного пункта.

Взгляд наместника Кавказа князя Воронцова на силу его сухопутных крепостей можно видеть из письма его к военному министру от 21 августа 1853 года⁷⁶.

«Sur tout la ligne depuis la mer Noire,— писал он,— nous avons quatre points fortifiés, sans compter le petit fort de St.-Nicolas, près de Poti. Ahalzich, Achalkalahy, Alexandropol et Erivane sont ces quatre points importants. Les trois premiers ne couerent aucun risque, mais leurs faubourgs, si les Turcs font une opération bien combinée, ne pourront pas être bien défendus. Erivane, comme vous le savez, est dans un mauvais état de défense, et le projet d'amélioration discuté depuis l'année 1837 et qui a été dernièrement confirmé par Sa Majesté l'Empereur, ne peut s'effectuer immédiatement».

Александрополь, расположенный на самой границе, на берегу реки Арпачая, прикрывал кратчайшую и лучшую дорогу из Эрзерума и Карса в Тифлис. Его укрепления состояли из главной огады бастионного начертания, двух земляных верков и двух отдельных батарей. К 1853 году некоторые наружные верки не были еще достроены.

Ахалцых — крепость старинной турецкой постройки — был расположен на дороге из Ардагана в Тифлис, на утесах левого берега реки Пасхов-Чая. Она состояла из двух частей, верхней, или цитадели, командовавшей над всеми укреплениями, и нижней.

Ахалкалаки — на сосредоточении дорог из Карского пашалыка в Грузию. Крепость состояла из каменной стены с двумя башнями и каменной цитадели внутри.

Эривань — на главной дороге из Тифлиса в Тавриз. С западной стороны крепость прилежала к высокому обрывистому берегу реки

Занга, а с остальных имела двойные каменные стены с 56 башнями и двумя рavelинами. Укрепления были обнесены рвом с палисадом.

Упомянем еще о существовавших в то время сухопутных кордонных линиях на Кавказе, исключительное назначение которых сводилось к борьбе с горцами, имело целью охранять наши пределы от их набегов и служить опорными пунктами наступательных против горцев действий наших войск.

К 1853 году существовали следующие сухопутные кордонные линии: Черноморская по р. Кубани, из крепости Екатеринодара и 6 укреплений; Правый фланг Кавказской линии, из 19 укреплений, 16 постов и 8 станиц; Центр Кавказской линии, из 10 укреплений и 2 постов; Владикавказский округ, из 6 укреплений и 2 постов; Левый фланг Кавказской линии, из 18 укреплений и 3 постов; в Дагестане и Каспийской области 19 укреплений и 1 пост; Лезгинская линия, из 10 укреплений и 4 постов, и передовая Чеченская линия, из 5 укреплений.

Посты представляли собой небольшие укрепления, чаще четырехугольные редуты с земляными брустверами и рвами. Многие из них были вооружены артиллерией и имели внутри избы, вмещавшие гарнизон из 50 до 200 казаков, в зависимости от важности поста.

В отношении оборонительной силы государства имеют также большое значение пути сообщения. В особенности это касается нашего отечества, огромные размеры которого и большое протяжение открытой для вторжения неприятеля границы делают Россию особо чувствительной к хорошим путям сообщения.

К сожалению, Восточная война застала нас в этом отношении в самом печальном положении. Мы не только не имели железных дорог, но имели очень мало шоссированных путей, и на всем обширном протяжении приходилось почти исключительно пользоваться грунтовыми дорогами.

Вопрос о проведении железных дорог начал интересовать наши правительственные сферы еще в тридцатых годах прошлого столетия, и император Николай Павлович сразу стал убежденным сторонником пользы железных дорог, предугадывая их будущее значение для России. «Читал с большим вниманием, — написал государь на первом проекте железнодорожной сети, представленном ему в 1835 году, — и убежден, как прежде, в пользе сего дела».

Но взгляд государя расходился со взглядом его ближайших сотрудников, и в особенности со взглядом обоих главноуправляющих путями сообщения графа Толя и графа Клейнмихеля, которые считали железные дороги по меньшей мере бесполезными для России⁷⁷.

В результате к началу 1853 года мы имели железную дорогу только между Петербургом и Москвой, если не считать незначительных линий Царскосельской, Варшаво-Венской и участка Петербург—Гатчина. Всего железных дорог мы имели 979 верст⁷⁸.

Что касается шоссированных путей, то в царствование императора Николая было обращено особое внимание на развитие сети шоссе, но время его царствования было слишком незначительно для того, чтобы покрыть шоссированными путями хотя бы только главные направления в Европейской России. Первоначальное внимание правительства было обращено на нашу западную, как наиболее опасную, границу, и центр западного края, Варшава, был соединен шоссе с Петербургом и Москвой; на юг же шоссе доходило от обеих столиц только до Орла. К 1855 году мы имели отстроенных шоссированных дорог 5397 верст и неоконченных 1838 верст⁷⁹. Все же остальное пространство Европейской России, за исключением Привислянских губерний, имело только грунтовые дороги.

Следует упомянуть еще о водных путях. Искусственных водных путей в виде каналов существовало к 1855 году 579,5 версты; естественных же речных путей с искусственными сооружениями было 6623 версты.

Недостатком водных путей служили их замерзаемость в течение большей половины года, обмеление в течение летних месяцев и направление главных водных артерий в сторону от наиболее важных границ⁸⁰. В самом худшем положении относительно путей сообщения находился Кавказ.

Закавказье связывалось с Империей при посредстве Военно-Грузинской дороги, которая в то время не представляла ничего похожего на нынешнее прекрасное сооружение. Морское же сообщение, по неимению на кавказском берегу хороших портов и частных пароходных компаний, было также затруднительно.

Сообщение берегов Черного моря с центром Закавказья производилось только по одной крайне неудовлетворительной грунтовой Военно-Имеретинской дороге.

Внутренние пути Кавказа находились также в крайне неудовлетворительном состоянии. Как на Северном Кавказе, так и в Закавказье не было ни одной шоссированной дороги⁸¹.

Электрических телеграфов в описываемую эпоху у нас почти не существовало. До 1854 года таковые имелись только от Петербурга до Москвы, Царского Села и Гатчины. Между Петербургом, с одной стороны, и Варшавой и Кронштадтом, с другой для нужд правительства существовали оптические телеграфы. Скорость передачи известий при помощи этих телеграфов доходила при сообщении Петербурга с Варшавой до 2 $\frac{1}{2}$ часов времени.

С 1854 года количество линий электрического телеграфа у нас стало быстро увеличиваться, причем во время войны преимуще-

Болгарские поселане

ественно устанавливались линии, необходимые в военном отношении⁸².

В зависимости от большей или меньшей естественной силы границ государства и их значения была сделана и соответствующая группировка расположения в мирное время наших полевых войск⁸³.

Важное значение столицы, Балтийского побережья и Царства Польского вызывало необходимость сосредоточивать у этих пунктов и большую часть наших полевых войск. И действительно, в начале 1853 года, т. е. в то время, когда наше правительство было далеко от мысли о скорой европейской войне, мы имели расположенными:

В Финляндии — 14 батал. и 6 сот.

В Прибалтийском крае, включая сюда столицу и ближайшие к нему губернии, — 76 батал., 102 эск. и 29 батарей.

В Литовских губерниях, против прусской границы — 50 батал., 32 эск. и 14 батарей.

В Царстве Польском — 101 батал., 124 эск. и сот. и 38 батарей.

В Юго-Западных губерниях, против австрийской и турецкой границ — 62 батал., 32 эск. и 18 батарей.

На побережье Черного моря — 38 батал., 50 эск. и сот. и 10 батарей (из них — в Крыму 12 батал. и 4 батар.).

На Кавказе — 124 $\frac{1}{2}$ батал., 263 $\frac{1}{2}$ эск. и сот. и 21 батарея.

Кроме того, внутри государства, между Тверью и Новороссийским краем, было сосредоточено 50 батал., 194 эск. и 26 батарей,

которые могли считаться резервом выдвинутых к границам вооруженных сил.

Таким образом, как и следовало ожидать, большая часть наших вооруженных сил в мирное время была расположена на наших западной и северо-западной границах, где мы соприкасались с более могущественными соседями и где сосредоточивались наши наибольшие интересы.

Примечания

¹ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. №4272, 4321 и другие.

² Архив канц. Воен. мин., 1856 г., секр. д. № 71.

³ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5519.

⁴ В приложении № 202 помещается собственноручная записка императора Николая об укреплении западной границы, относящаяся к 1843 году.

⁵ «Государь сказал, — отметил князь Меншиков в своем рукописном дневнике 5 марта 1837 года, — что из опытов, произведенных в Кронштадте, он удостоверился в невозможности пробраться мимо фортов».

⁶ Военный министр князь Долгорукий сообщал князю Меншикову 8 мая 1854 года (Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254), что «hier j'ai fait voir Kronstadt avec Sa Majesté. Il est impossible de ne pas être étonné de tout ce qui y a été fait. L'ensemble a un aspect des plus imposants».

⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4322.

⁸ В Кронштадте имелось помещение на 8293 чел., 12 100 четв. пров. и 11 916 пуд. пор. Архив канц. Воен. мин., 1856 г., секр. д. № 71.

⁹ Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1853 г., д. № 24. Донесение князя Меншикова генерал-адмиралу в январе 1854 года, в котором он между прочим писал: «Расположение кораблей между Кронштадтом и Лисьим Носом по одну или другую сторону заграждения невозможно, по недостатку глубины, и в этом отношении 1809 год не может служить примером. Корабли того времени были меньших размеров, многие 60-пушечного ранга, не вполне вооруженные; они подходили ближе к блокшифам, чем к мореходным судам».

¹⁰ Рукописный дневник фл.-ад. Н. А. Аркаса.

¹¹ Шильдер. Граф Тотлебен, биограф. очерк, 1886 г.

¹² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4276.

¹³ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., с. д. № 71; по Богдановичу, по Шильдеру, — 969 орудий.

¹⁴ Таблицу состояния крепостей см. в приложении № 203.

¹⁵ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., секр. д. № 71.

¹⁶ Мнения адмиралов, представленные вел. князю Константину Николаевичу в январе 1854 г. Архив Морск. мин.

¹⁷ Донесение контр-адмирала Матюшкина генерал-адмиралу от 26 сентября 1854 г. Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 45; Журнал Военного совета. 16 июня 1854 г., по привед. Свеаборгской крепости в надлежащий вид. Архив Морск. мин., инсп. деп., I отд., 2 ст., 1854 г., д. № 167; Рукоп. дневник фл.-ад. Аркаса.

- ¹⁸ Из донесения к.-адм. Матюшкина от 26 августа 1854 года.
- ¹⁹ Архив канц. Воен. мин., 1856 г., секр. д. № 71.
- ²⁰ Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 45.
- ²¹ См. приложение № 203.
- ²² Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4321.
- ²³ Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 45. Ср. с приложением № 203.
- ²⁴ Вооружение см. приложение № 203.
- ²⁵ Вооружение см. приложение № 204.
- ²⁶ Прик. Воен. мин., 1851 г., № 82. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4321.
- ²⁷ См. главу VII.
- ²⁸ Жаринцов. О сооруж. порта императора Александра III. Архив канц. Воен. мин., 1856 г., с. д. № 71. Шильдер. Граф Тотлебен. Морской сборник. 1895., № 11.
- ²⁹ См. приложение № 204.
- ³⁰ Рукоп. отдел музея Севастопольской обороны.
- ³¹ См. приложение № 203.
- ³² Архив канц. воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4323 и 4272.
- ³³ Состояние Ревеля ко времени войны и значение его лучше всего видны из письма генерал-адъютанта Берга к военному министру, которое помещается в приложении № 205.
- ³⁴ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4276.
- ³⁵ См. приложение № 203.
- ³⁶ См. там же.
- ³⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4272.
- ³⁸ Архив канц. воен. мин., 1856 г., секр. д. № 71.
- ³⁹ Вооружение см. приложение № 203.
- ⁴⁰ См. там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Письмо ген.-ад. Сумарокова воен. мин. от 12 октября 1855 г. Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1855 г., д. № 75/и а.
- ⁴⁴ См. приложение № 203.
- ⁴⁵ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1855 г., д. № 75/и а.
- ⁴⁶ См. приложение № 203.
- ⁴⁷ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3473.
- ⁴⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., 1856 г., д. № 3339; архив канц. Воен. мин., 1853 г., д. № 1, ч. 1 и № 73а. Всеподд. отчет Воен. мин. за 1852 г.
- ⁴⁹ См. приложение № 203.
- ⁵⁰ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3472 и 3473.
- ⁵¹ Там же, д. № 3472 и 3480.
- ⁵² Там же, д. № 3339 и 3473.
- ⁵³ Всеподд. отчет Воен. мин. за 1852 г. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3492. Архив канц. Воен. мин. по сн. войска 1853 г., д. № 1, ч. 1.
- ⁵⁴ См. приложение № 203.
- ⁵⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3614/37 и всеподд. отч. за 1852 г.

⁵⁶ Всепод. отч. за 1852 г.

⁵⁷ См. приложение № 203.

⁵⁸ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3316.

⁵⁹ Прик. Воен. мин. 1852 г., № 5.

⁶⁰ Военный сборник. 1858. № 7.

⁶¹ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1853 г., д. № 73 и № 1; Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3392.

⁶² Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1853 г., д. № 1.

⁶³ Письмо князя Меншикова военному министру 4 февраля 1854 года. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4254.

⁶⁴ Донесение генерала Лидерса князю Горчакову от 21 июля 1855 года. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3392.

⁶⁵ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 3392.

⁶⁶ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1856 г., секр. д. № 71.

⁶⁷ «Je pense, — писал князь Меншиков военному министру 13 марта 1853 года, — que la navigation de la mer d'Azow est suffisamment garantie par le détroit de Kertch. Nos vapeurs de guerre ne peuvent pas le traverser et par conséquent ceux de l'ennemi qui ont plus de tirant d'eau que les nôtres. Pour le cas cependant où des pyroscaphes de moindre dimension voudraient y pénétrer, ceux de la ligne sont là pour les combattre» (Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1853 г., секр. д. № 72).

⁶⁸ Романовский. Кавказ и Кавказская война (публичные лекции); Фаддеев. Письма с Кавказа; Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе; Зиссерман. Фельдмаршал князь Барятинский (Русский архив. 1888); Потто. Кавказская война; Bodenstedt. D. Volker d. Kaukasus u. ihre Freiheits Kämpfe gegen die Russen. Истории полков. Дневник Н. Н. Муравьева (рукопись) и др.

⁶⁹ В приложении № 206 мы приводим выдержки из записки генерала Пассека, рисующие общий характер действий наших войск против горцев.

⁷⁰ Разделение Кавказской линии на участки подробнее обозначено в приложении № 207.

⁷¹ Морской сборник, 1862. № 9. Письмо от 22 февраля 1840 года, № 1131.

⁷² Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 73.

⁷³ В мусульманстве мюридизм не есть какая-либо особая секта, он выражает собой лишь особую степень религиозности. Первую степень составляет исполнение шариата, обязательное для всех правоверных, следующую — тарикат, уже требующую в жизни подражания пророку, наконец, третью — хакият, требующую особо благочестивой веры, ведущей к достижению лицезрения Магомета. Для достижения последней степени нужно отречься от всего земного и предаться исключительно служению и созерцанию Бога, а потому и отказаться от воинственности. Желавший ее достигнуть должен был обратиться к какому-нибудь известному праведнику — шейху, сафию, мюршиду (учителю), сам же он с этого момента именовался мюридом, учеником. Основным положением мюридизма являлось полное подчинение воли мюридов своим духовным наставникам, с другой стороны, полное равенство их всех, несмотря на сословие. На Кавказе благодаря плохому знакомству горцев

с догматами религии, целому ряду энергичных и честолюбивых проповедников удалось воспользоваться воинственным духом населения и одним из догматов мюридизма объявить газават, т. е. священную войну против неверных, против обложивших их со всех сторон русских. Идея эта вполне отвечала настроению возбужденного против нас населения, и в несколько лет мюридизму удалось из разрозненного горского населения образовать одно сплоченное целое, с ненавистью устремившееся на нас.

⁷⁴ Командовавшего в тридцатых годах войсками на Кавказской линии.

⁷⁵ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1856 г., секр. д. № 71.

⁷⁶ Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6562.

⁷⁷ Кислинский. Наша железнодорожная политика по документам Архива комитета министров.

⁷⁸ Собственная Его Величества библиотека, рукоп. отд. имп. Александра II. Всепод. отч. по вед. путей сообщ. 1855—1880 гг.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² Таблица устроенных линий помещается в приложении № 209.

⁸³ См. карту и приложение № 172.

Глава XVI

Планы действий России и Турции в предстоящей кампании и подготовка к ней со стороны последней

Все усиливавшееся двуличие Турции и видимое преобладание на берегах Босфора влияния западных держав в ущерб влиянию России и Австрии, совместно с общим беспокойством, вызванным провозглашением империи во Франции, привели в конце 1852 года императора Николая к убеждению в необходимости прибегнуть по отношению к Порте Оттоманской к особому внушительным дипломатическим мерам.

С этой целью, как сказано выше, решено было отправить в Константинополь чрезвычайного полномочного посла, облеченного особым доверием государя, причем выбор пал на светлейшего князя А. С. Меншикова.

Такое энергичное дипломатическое воздействие на Турцию, при наличности в ней сильной борьбы влияний между морскими и континентальными державами, вызывало необходимость поддержать это воздействие и боевой готовностью на случай неудачи миссии князя Меншикова.

С какими чувствами приступал государь к принятию необходимых мер военной предосторожности, лучше всего видно из следующих строк его письма к императору австрийскому Францу-Иосифу после того, как до Петербурга дошли известия о неудачном исходе посольства графа Лейнингена.

«Я не знаю, — писал Николай Павлович¹, — каковы твои намерения, но каковы бы они ни были, ты можешь быть заранее уверен, что в случае твоей войны с Турцией это будет равносильно, как если бы турки объявили мне войну. Я поручаю князю Меншикову объявить это в Константинополе, а пока привожу на военное положение 4-й и 5-й корпуса, так же как и Черноморский флот, и мы будем готовы.

Но я очень сожалею об этой печальной необходимости, так как если Оттоманская империя рухнет, что очень возможно, то последствия этого могут быть неисчислимы»².

Первые военные распоряжения государя относятся к 15 декабря 1852 года. В этот день он дал собственноручное повеление о сборе резервных и запасных частей 5-го пехотного корпуса, 5-й артиллерийской дивизии и 5-го саперного батальона и о приготовлении всего необходимого для сбора по первому требованию таких же частей 4-го корпуса и запасных эскадронов и конных батальонов 4-й и 5-й легких дивизий³.

Босфор

(с французской гравюры начала XVIII столетия)

Одновременно с этим императора Николая начала заботить и мысль о том, каким образом будет в крайнем случае лучше всего воздействовать на Турцию в военном отношении, чтобы заставить ее скорее подчиниться нашим требованиям.

Широкий, правильный военный взгляд государя выказался и в этом отношении в его собственноручной записке от 7 января 1853 года⁴, в которой Николай Павлович излагал свои военные предположения, не стесненные еще никакими дипломатическими тонкостями. Эта записка является крайне интересной еще и в том отношении, что показывает, насколько в наступившей затем войне благодаря сложившейся обстановке и влиянию окружавших лиц личные мысли государя подверглись изменению, и надо полагать, не в нашу пользу.

Разбирая цели, которые следует поставить нашим военным действиям, император Николай полагал, что «чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе». Всякая же медленность и нерешительность позволит туркам опомниться, подготовиться к обороне и, кроме того, даст время и французам вмешаться в это дело. «Итак, быстрые приготовления, — заключал государь, — возможная тайна и решительность в действиях необходимы для успеха».

Обращаясь к средствам выполнения поставленной цели, государь полагал, что «сильная экспедиция с помощью флота в Босфор и Царьград может все решить весьма скоро».

Николай Павлович вошел в разбор и необходимых подробностей для выполнения своего задуманного плана.

Даже при условии поднятия нашим Черноморским флотом в один рейс лишь 16 000 человек с 32 полевыми орудиями, необходимым числом лошадей и при двух сотнях казаков, государь считал возможным овладеть, при неожиданном появлении не только Босфором, но и Царьградом.

Для десанта предназначались 13-я и 14-я дивизии с прикомандированными к ним частями. Для скорости они должны были выступить в трехбатальонном составе, доведя их до полного комплекта на счет четвертых батальонов. Артиллерия должна была иметь по одному запряженному зарядному ящику на орудие, а остальные ящики должны быть перевезенными без лошадей.

13-я дивизия в составе 12 батальонов при 32 орудиях предполагалась к посадке в Севастополе, а 14-я, в таком же составе, с прибавлением 5-го стрелкового батальона и двух сотен казаков должна была собраться в Одессе и, если хватит судов, то также сесть на присланную за ней эскадру.

И в Севастополе, и в Одессе предполагалось десанты посадить в один и тот же день и идти на соединение к Босфору. Ежели бы в это время турецкий флот вышел в море, то предполагалось сначала его разбить, а потом уже входить в Босфор. Если бы флот не вышел, то тогда следовало приступить непосредственно к прорыву в Босфор или высадкой в тыл батареям или прямой атакой мимо них на самый Царьград. Первое из этих средств государь полагал более удобным, второе более отважным, но не невозможным.

В случае удачного прорыва предполагалось стать перед городом и требовать безусловной сдачи; в противном случае приступить к бомбардировке и высадке десанта.

Одновременно с этим государя беспокоил вопрос, можем ли мы удержаться в Константинополе в случае появления в Дарданеллах европейского враждебного флота, и полагал, что появление его можно и должно предупредить быстрым занятием Дарданелл.

В таком способе действий император Николай видел лучшее средство к скорому примирению с Турцией⁵.

Однако вскоре государь признал необходимость не ограничиться одним десантным отрядом, а приготовить еще и сухопутный отряд, состоявший из всего 4-го корпуса, 15-й пехотной дивизии с ее артиллерией, 5-й легкой кавалерийской дивизии, трех, а впоследствии шести казачьих полков и прочих прикомандированных к ним частей.

Цель действий этого сухопутного отряда не была первоначально точно установлена, но в общем предполагалось, что он займет Придунайские княжества, а может быть, и Болгарию по Троянов

*Вид крепости Свеаборга и Гельсингфорса
(с шведской литографии)*

вал или до Кюстенджи, а далее будет действовать, смотря по обстоятельствам⁶.

Десантный отряд государь требовал приготовить немедленно⁷, а сухопутный — к тому времени, когда, по времени года, признано будет возможным его движение⁸.

Вопрос о величине десанта и скорости его перевозки зависел исключительно от подъемной силы и боевой годности нашего Черноморского флота, так как малое развитие торгового мореплавания делало невозможным пользование в значительном размере частными судами. Черноморский флот при нормальных условиях мог поднять и перевезти в один рейс целую пехотную дивизию со всеми тяжестями, собственно ей принадлежавшими⁹. Но при известном напряжении флот этот мог поднять и более значительный десант. Генерал-адъютант Корнилов вложил и в это дело всю при-сущую ему энергию и уже в феврале 1853 года представил в Военное министерство ведомость перевозочных способов Черноморского флота без ослабления крейсерства у восточного берега и средств обороны Черноморской береговой линии¹⁰.

Согласно этой записке, черноморцы могли поднять в один рейс: на боевом отряде судов из 28 вымпелов 16 баталонов, 4 батареи при одном зарядном ящике на орудие и 100 казаков и на перевозочном отряде из 33 вымпелов 10 батальонов, 2 батареи, остальные незапряженные зарядные ящики и 100 казаков. Таким образом, наибольшая сила всего десантного отряда, перевозимого в

один рейс, определялась в 24 батальона пехоты, 1 стрелковый, 1 саперный батальоны, 6 батарей восьмиорудийного состава и 200 казаков с их лошадьми¹¹.

Во исполнение этой Высочайшей воли был составлен подробный доклад, лично рассмотренный и исправленный государем императором, с предположениями о снаряжении десантного и сухопутного отрядов для действия в Турции¹². Для осуществления этого плана в состав десантного отряда включались 13-я и 14-я пехотные дивизии с их артиллерией, 5-й стрелковый батальон, три роты 5-го саперного батальона, 2 гарнизонные артиллерийские роты и прочие мелкие части. Общая численность отряда при выступлении полков в трехбатальонном составе определялась в 32 тысячи, а в четырехбатальонном — в 40 тысяч при 64 орудиях¹³.

Сборными пунктами десантных отрядов назначались: Севастополь для 13-й дивизии и Одесса для 14-й дивизии; они могли собраться сюда в полной готовности к 1 апреля, но только в трехбатальонном составе. При войсках должен был быть шестинедельный запас продовольствия и фуража.

Вообще, по общему подсчету, для Севастопольского десанта предназначалось судов всевозможных размеров, как военных, так и частных, 124, которые могли высадить на шлюпках в один раз 4250 человек, и для Одесского — 146 судов, высаживавшие в один раз 4710 человек¹⁴.

По предварительному расписанию сухопутные войска садились на суда, по возможности, целыми строевыми частями, причем войска, назначаемые для первых боевых действий, по преимуществу предполагалось посадить на фрегаты, чтобы при высадке весь десант мог быть в два рейса на берегу¹⁵.

Одновременно с этим делались распоряжения и по формированию сухопутного отряда. В состав его предназначались остальные части 5-го пехотного корпуса и весь 4-й корпус с прикомандированными к ним частями. Если бы потребовалось скорое начало военных действий, то сухопутный отряд частью должен был выступить в трехбатальонном составе полков и в восьмиорудийном составе батарей.

Он подразделялся на авангард или передовой отряд (из частей 5-го корпуса), силой в 12 $\frac{1}{2}$ батальонов, 32 пех. орудия, 32 эскадрона, 18 сотен, 16 конных орудий и понтонный парк, общей численностью около 25 тысяч человек, и главные силы (4-й корпус) силой в 50 батальонов, 144 пех. орудия, 32 эскадрона, 36 сотен, 16 конных орудий и понтонный парк, общей численностью около 75 тысяч человек¹⁶.

Нельзя не остановиться на этом первом грандиозном по идее и решительном по замыслу военном плане императора Николая. Возможность перекинуть в три дня на берега Босфора десант в

Общий план Кронштадта

(с наброска английского офицера. Парижский военный архив)

32—40 тысяч человек с целью бомбардирования, а может быть, и занятия Константинополя — это та конечная цель, которая должна была соответствовать предназначению нашего Черноморского флота, а также оправдывать затраты на его содержание, и в то же время цель, которая была по силам нашим черноморцам того времени. Быстрая, одновременная перевозка войск из Одессы в Севастополь и из Севастополя на Кавказ при далеко не полном напряжении сил нашего флота, имевшая место осенью 1853 года¹⁷, служит этому лучшим доказательством.

При неожиданности самого предприятия, нравственном и материальном превосходстве русского флота над турецким, плохом состоянии укреплений Босфора и существовавшем еще в большей мере разногласии между западными державами план императора Николая нельзя не признать решительным и даже рискованным, как и всякое подобное предприятие, но рискованным в таких пределах, когда риск не преобладает над расчетом; зато в случае удачи этот план мог быть самым плодотворным по своим результатам.

То состояние, в котором в начале 1853 года находилась еще совершенно не подготовленная к войне Турция, внушительная сила нашего десанта, поддержанного всем Черноморским флотом, и занятие нами Дарданелл делали почти вероятным прекращение русско-турецкой распри в самый короткий срок и ставили нарождавшихся союзников Порты, также не подготовленных еще к борьбе, в печальную необходимость примириться с существовавшим уже фактом. Если бы даже западные державы и объявили нам войну, то мы имели бы в своих руках отличную позицию, которую до сосредоточения союзниками своих сил могли достаточным образом укрепить и усилить. Недаром князь Варшав-

ский, хотя и несколько поздно, находил мысль государя занять Босфор великой, полагая, что «таким образом не только война сразу была бы окончена, но можно было бы сделать и завоевания в Европейской Турции»¹⁸.

Однако изложенный выше план не встретил поддержки со стороны князя А. С. Меншикова. Ознакомившись ближе с положением дел на самом месте предполагаемых действий, князь Александр Сергеевич в письме от 12 (24) марта из Константинополя¹⁹ сообщал государю, а генерал-адъютант Корнилов 19 марта — великому князю Константину Николаевичу для всеподданнейшего доклада свои мысли о затруднительности морского предприятия непосредственно на Босфор²⁰.

Признавая турецкий флот малоспособным для действия на море, но могущим быть употребленным в числе 5 кораблей и 7 фрегатов для защиты проливов, а укрепления Босфора легко проходимыми при благоприятных условиях для нашего Черноморского флота, автор записки полагал, что наш флот может отстоять Дарданеллы от какого угодно неприятельского флота, заняв при помощи десанта дарданелльские укрепления и имея примерно дивизию на полуострове Гелеспонт. Что же касается сухопутной высадки для занятия Босфора, то князь Меншиков и В. А. Корнилов полагали для этого подходящими только два пункта — около Буюк-Дере и, в случае особой надобности, близ с. Килиос. Это последнее селение, находящееся на Европейском берегу, верстах в шести от входа в Босфор, открыто для господствующих северных ветров, которые могут сделать высадку невозможной. Что касается закрытого рейда Буюк-Дере, то он не представлял таких неудобств, но требовал предварительного овладения береговыми укреплениями как для входа на рейд, так и для удержания его при помощи флота в своих руках. А это, в свою очередь, требовало, по мнению князя, сильного десантного отряда.

Как обязательное условие успеха предприятия против Константинополя князь Меншиков считал необходимым сохранение глубокой тайны и даже распускание ложных слухов, но, прибавлял он, турки уже слышали о наших приготовлениях к экспедиции в Босфор и принимают ряд мер к укреплению пролива, для которого природа сделала все, чтобы малейшее толковое распоряжение могло затруднить всякое предприятие.

Одновременно с этим автор указывал другой план действий, а именно произвести высадку в Варне или Бургасе, откуда действовать на Константинополь и с сухого пути, и с моря. Варненский рейд был знаком нашим морякам еще с кампании 1828—1829 годов, что же касается Бургаса, то князь Меншиков особо рекомендовал его для этой цели. Удобное место для высадки и ряд отличных по направлению к Босфору боевых позиций для нашего флота

Тульча

(карандашный набросок с натуры Сталя)

на рейдах Чингане, Искамеи и Фаросе, «на которых можно безбоязненно ожидать атаки какого угодно сильнейшего неприятеля», особенно привлекали светлейшего князя. Овладеть же Константинополем в таком случае предполагалось с сухого пути движением нашего корпуса через Айдаз, причем подвоз для войск всего необходимого обеспечивался бы нашим флотом.

Предложение произвести, взамен форсирования Босфора, высадку в Варне или Бургасе, для дальнейшего наступления на Константинополь сухим путем, бесспорно, отнимало от первоначальной мысли императора Николая весь риск задуманного предприятия, но зато и окончательно лишало его тех плодотворных результатов, к которым оно могло привести. Высадка в Варне и даже в Бургасе не могла произвести на Блистательную Порту такого внушительного впечатления, как неожиданное появление нашего флота с большим десантом непосредственно под стенами Константинополя, и трудно предположить, чтобы только один факт подобной высадки, принимая в особенности во внимание старание европейских советчиков Порты, заставил бы турок подчиниться нашим требованиям. В перспективе, следовательно, был поход к Константинополю, требовавший времени, уменьшавший боевую силу нашего десанта и дававший туркам время опомниться от первого впечатления и приготовиться к сильной обороне. Но главный недостаток предложенного плана заключался в том, что он давал возможность западным державам принять до нанесения нами туркам решительного удара активное участие в нашей расправе и оставлял

Черное море открытым для входа их судов. Непосредственное форсирование Босфора и занятие Дарданелл были собственно единственной комбинацией, которая делала в будущем невозможной Крымскую экспедицию, сохраняла в наших руках Черное море и сводила почти на нет преимущество парового флота морских держав над нашим парусным. План императора Николая был действительно рискован, но великие результаты на войне не достигаются без риска, и в данном случае невольно приходит на ум свидетельство Наполеона I, что он считал для себя обстановку очень удачной, когда в своих военных комбинациях мог две трети рассчитать и лишь треть оставить на долю риска. Навряд ли это отношение отклонялось в плане императора Николая слишком сильно в сторону риска!

Так или иначе, но мнение таких, пользовавшихся полным доверием государя, лиц, как князь Меншиков, подготовлявшийся стать во главе всего предприятия, и Корнилов, должно было оказать воздействие на императора Николая, и он не без грусти отказался от той цели, к которой, бесспорно, подготавливал в своих мечтах Черноморский флот на случай роковой необходимости быстро обеспечить интересы России на берегах Босфора.

С этой минуты начинаются постепенные уклонения Николая Павловича от своего первоначального плана, постепенные уступки государя мнениям своих доверенных советников, уступки, делаемые не без особого труда. Здравый военный взгляд императора Николая ясно сознавал искусственность той обстановки, в которую приближенные к нему лица мало-помалу старались облечь военные операции и которая в конце концов вылилась в форму бесцветного почти годового сидения в княжествах, энергично поддерживаемого инициатором его, светлейшим князем Варшавским, и давшего созреть пагубной для нас Крымской экспедиции союзников.

Тотчас вслед за получением вышеупомянутого письма князя Меншикова государь вновь собственноручно начертил измененный план военных операций. В нем не было уже той сознательной определенности в выборе средств для нанесения врагу удара, который неминуемо должен был сломить его сопротивление. В этой и последующих записках государя как бы проглядывает невольная уступка представленным ему мнениям, некоторое недоверие к предполагаемым им самим новым предположениям и ясное сознание опасности вмешательства в военные действия со стороны западных держав. Такое настроение автора проекта делало очевидно этот проект недолговечным и было лишь первым шагом к дальнейшему изменению плана военных операций, который, катясь по

наклонной плоскости, вылился, наконец, в форму самую нерешительную, а потому и самую вредную.

«Из краткого предварительного донесения князя Меншикова, — начинал свою записку император Николай², — заключить следует, что предполагавшееся, в случае разрыва с Турцией, морское предприятие на Царьград или весьма трудно, или даже невозможно. Затем надо обратиться к другой мысли, т. е. морем же овладеть Варной и потом укреплениями залива Бургас».

В овладении Бургасом и Варной государь не предвидел затруднений, но это вызывало, в свою очередь, необходимость быстрого вступления нашего сухопутного отряда в княжества с целью переправы через Дунай где-либо ниже Силистрии и наступления на Козлуджи для соединения с десантным отрядом, который должен был оставить в Варне необходимый гарнизон, примерно в 3 батальона.

Сухопутный отряд, по предположению государя, должен был оставить для занятия княжеств одну дивизию с ее артиллерией и двумя казачьими полками, причем для наступления за Дунай в нем оставалось бы три пехотные, две кавалерийские дивизии и четыре казачьих полка с соответствующей артиллерией. В этом же отряде должны были следовать и обозы десантных войск.

Дальнейший ход действий соединенных в Козлуджи отрядов должен был зависеть от того, сосредоточат ли турки армию под Шумлой или нет.

В первом случае, если турецкая армия не будет избегать сражения, предполагалось ее разбить и далее действовать в зависимости от того, куда она отступит. В случае отступления ее в Шумлу государь признавал крайне опасным наше дальнейшее наступление, так как турецкая армия будет висеть у нас на правом фланге, откуда постоянно будет угрожать и без того довольно затруднительным нашим сообщениям. Наоборот, ежели бы турецкая армия не обратилась к Шумле, а укрылась бы за горы, то нам следовало продолжать движение вперед. После достижения Варны и Бургасского залива наши войска должны были базироваться на оба эти пункта.

Обращаясь к действиям флота, государь указывал ему не допускать турецкий флот в Черное море, уничтожить его в крайнем случае и прикрывать подвоз всего необходимого к нашей армии морским путем.

По достижении Бургаса наш сухопутный корпус должен был усилиться частью войск, перевезенных морем в этот пункт, что, принимая во внимание необходимую убыль, позволит рассчитывать иметь для дальнейших действий под ружьем в пехоте около 34 тысяч человек, а с кавалерией и артиллерией — не более 45 тысяч человек.

*Сулинский рукав Дуная
(с английской гравюры на стали)*

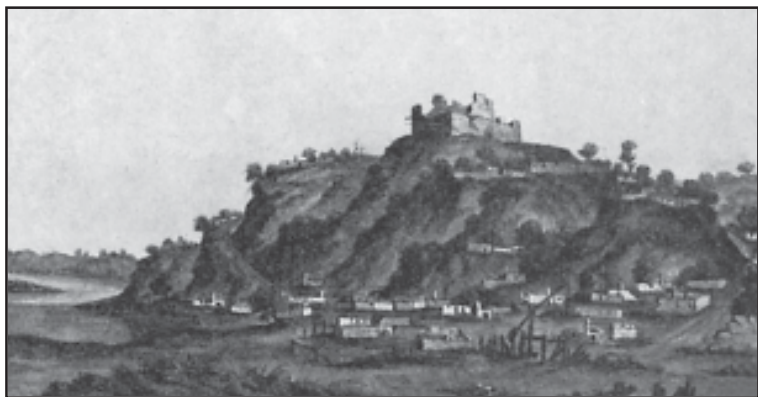
«С этим числом войск, — заканчивал государь, — следовать далее к Царьграду было бы неосторожно; это явно доказывает, что, отказываясь от намерения атаки с моря на Царьград, другой образ войны необходимо требует назначения еще одного корпуса».

При таких условиях один корпус занимал бы княжества и прикрывал правый фланг армии со стороны Силистрии или Шумлы, а два корпуса были бы обращены для действия за Балканами²².

Результатом такого предположения было Высочайшее повеление от 23 марта о немедленном приведении 3-го пехотного корпуса и его резервов на военное положение при условии готовности к выступлению не позже 15 мая.

Свои предположения государь прежде всего сообщил на заключение своему «отцу-командиру», князю Варшавскому, вызванному в это тревожное время в Петербург. Легкое нездоровье знаменитого сотрудника императора Николая заставило его изложить свое мнение письменно и таким образом сохранить его для истории.

Князь Иван Федорович²³ вполне соглашался с государем в недостаточности для приведения в исполнение задуманного плана двух корпусов и в необходимости мобилизации и третьего корпуса. При таких условиях он считал возможным, хотя и не без труда, занять Адрианополь и Кирклиссе, пункт, имеющий важное значение как в отношении обеспечения нашей коммуникационной линии на Варну и Бургас, так и для связи с флотом, но затем для похода на Константинополь у нас оставалось бы свободными от 3 1/2 до 4 дивизий, численностью всего не более 45—50 тысяч, «ко-

Систов
(с акварели с натуры Шуберта)

торые только что достаточны для того, чтобы взять Константинополь». Свои предположения Паскевич, кроме того, основывал на условии, что мы владеем Черным морем, так как, по его мнению, армия не могла идти за Балканы без флота, который снабжал бы ее боевыми и продовольственными запасами.

Признав таким образом возможность овладения Константинополем с сухого пути, князь Варшавский не упустил случая нарисовать государю то затруднительное положение, в котором будет находиться Россия после выполнения этой, видимо, несимпатичной ему операции.

Он считал, что наши три корпуса должны будут оставаться в Турции по крайней мере три-четыре года, пока их можно будет хоть отчасти заменить отрядами, сформированными из туземных христианских племен. Отделение трех пехотных корпусов на столь продолжительное время очень беспокоило его на случай европейской войны. Видимо, князь Иван Федорович серьезно рассчитывал в этом случае на окончательное падение Турецкой империи.

Все это заставило князя Варшавского посмотреть на турецкие дела «с другой точки зрения», и тогда, по его словам, можно было бы «за неисполнение турецким правительством заключенных трактатов прежде всего занять княжества и объявить, что они до тех пор не будут очищены, пока Турция не выполнит своих обязательств».

Таким образом, традиционный, но никогда не приводивший к положительным результатам способ нашего воздействия на Турцию вновь выступал на сцену и на этот раз в устах опытного вождя, человека, пользовавшегося огромным влиянием на императора Николая, знаменитого «отца-командира», князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского.

Автор предложения о занятии княжества не пожалел красок, чтобы представить заманчивую картину такого способа действий.

И войск для этого мало потребуется, и содержание их почти ничего не будет стоить; кроме того, мы там найдем 10 тысяч местного регулярного войска, которое следует увеличить до 20 тысяч. Это войско послужит зерном христианского ополчения в Турции. Болгары и даже сербы, для которых вопрос о Святых местах есть дело священное, сами будут переходить к нам за Дунай. Христианское ополчение будет формироваться в батальоны, вооружаться доставленными нами ружьями и употребляться в виде стрелковых частей.

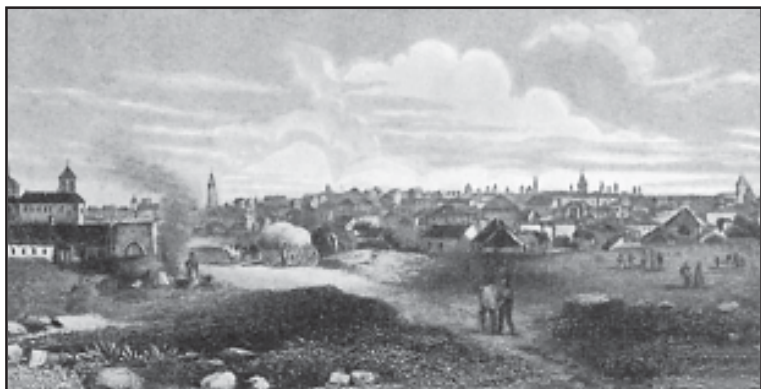
Князь Варшавский не упустил подкрепить свои доводы историческими примерами, между прочим и из своего боевого опыта, и в конце концов перешел к рассмотрению возможного в этом случае поведения Турции и иностранных держав. Первой, по его словам, оставалось или согласиться на исполнение всех условий трактатов, или собрать свою армию и решиться на сражение. «Тем лучше, — продолжал Паскевич; — турки сильны в крепостях: в поле мы должны их разбить и одним ударом рассеять их армии. Тогда все пространство очистится, и даже с небольшими силами можно зайти далеко». Что же касается иностранных держав, то они «принуждены будут найти сие условное занятие княжеств справедливым возмездием за неисполнение турками трактатов»²⁴.

Мысли, изложенные князем Варшавским, легли в основу наших действий на Дунае в 1853 году. Печальная действительность не замедлила в самом скором времени показать, как жестоко ошибался князь Иван Федорович во всех пунктах своих предположений.

Однако император Николай не сразу и нелегко отказывался от своего первоначального намерения иметь предметом военных действий Константинополь. Об этом свидетельствует его собственноручная записка от 8 апреля 1853 года²⁵.

«Дознанная невозможность, — писал он, — предполагавшейся на случай разрыва с Портой морской экспедиции прямо на Босфор и Царьград невольно приводит к необходимости сообразить иной способ действий. Желательно, однако, сохранить вновь избираемому характер первоначально предполагавшегося, т. е. неожиданность».

Поэтому государь полагал, обеспечив при помощи части флота Черное море от входа туда турецких судов, перевезти в течение месяца в Бургас в несколько рейсов 38 батальонов, 96 орудий и около бригады кавалерии, а в то же время 4-й корпус двинуть в княжества и расположить в Валахии, оставив необходимые гарнизоны в Молдавии. Дунайская же флотилия наша вместе с приготовленным для переправы через эту реку мостом будет подниматься вверх по Дунаю до Гирсова и, если возможно, даже далее.

Бухарест

(с французской гравюры на стали)

Этими мерами государь предполагал отвлечь внимание и силы турок от намеченного для главных действий пункта.

Окончательная перевозка десанта и занятие княжеств могли быть окончены одновременно в конце июня.

Дальнейшие действия для овладения собственно Константинополем представлялись в двояком виде. Или же наступать всем высадившимся корпусом непосредственно из Бургаса к Царьграду, или же, воспользовавшись тем, что высадка в Бургасе привлечет туда большую часть турецких сил, посадить неожиданно десант на флот и идти на прорыв к Босфору, овладеть им и явиться перед Константинополем. Первое требовало достаточного количества перевозочных средств для поднятия провианта по крайней мере на 20 дней, что было затруднительно, второе же государь считал возможным, но зависящим от верности расчета и положительных сведений.

Однако весь этот план император признавал выполнимым лишь в том случае, если западные державы не вступятся за турок и флоты их не войдут в Черное море. До выяснения обстановки в этом отношении государь склонялся к предварительному занятию княжеств 4-м корпусом; морскую же экспедицию он предполагал предпринять только тогда, когда наша армия подойдет к Дунаю, когда будут получены верные сведения о сосредоточении на этой реке турецкой армии, и мы убедимся, что Англия и Франция не вмешаются в дело вооруженной силой²⁶.

Таким образом, отказ от первоначального, вполне определенного и сообразованного с обстановкой плана и все большая и большая запутанность политической обстановки благодаря константинопольским переговорам князя Меншикова роковым образом

влекли императора Николая к принятию плана, которого он менее всего желал и который, как предчувствовал государь, должен быть наиболее пагубным для России. А между тем развязка приближалась. Князь Меншиков должен был покинуть Константинополь, не достигнув положительных результатов.

Одновременно с этим Николай Павлович начертал новое и на этот раз окончательное предположение о военных действиях в 1853 году, вышедшее из-под пера государя по предварительному соглашению с «отцом-командиром»²⁷.

«Желая всегда избегать войны с Турцией, — начинал государь свою записку²⁸, — по гибельным ее последствиям для войск, призываемых для действия в тамошнем крае, от климатических условий и, сверх того, по неопределенности цели действий, ежели избегнуть хотим конечного ниспровержения Турецкой империи, полагаю разделить военные действия на несколько *эпох* или *разделов*».

Первая эпоха заключалась в занятии княжеств в *залог*, если турками будет отвергнута последняя попытка к примирению в виде ультиматума, отправленного графом Нессельроде Решиду-паше²⁹. Эту операцию предписывалось исполнить 4-му пехотному корпусу с частью 15-й пехотной и 5-й легкой кавалерийской дивизий с возможной быстротой, выслав вперед кавалерию, поддержанную на близком расстоянии пехотным авангардом. Нашу границу на нижнем Дунае предполагалось не оголять от войск, чтобы обеспечить ее от набегов со стороны турок. Войска должны до последней крайности избегать военных действий против турок и вступать с ними в бой лишь тогда, когда они, перейдя на левый берег Дуная, не отступят перед нашими войсками или сами начнут нападение.

Флот в это время должен был оставаться у берегов, кроме легких крейсеров, которые будут наблюдать за движением турецкого или иностранных флотов, не вдаваясь, однако, с ними в дело.

«В этом положении, — писал государь, — держа войска в здоровых местах в лагерях, имея по Дунаю только наблюдательные казачьи посты и в избранном месте резерв или авангард — будем мы ждать, *какое впечатление занятия сие произведет на турок*»³⁰.

Вторая эпоха наступает тогда, когда и после занятия княжеств Турция будет продолжать упорствовать в своем сопротивлении. Она должна была выразиться в блокаде Босфора, в разрешении, может быть, брать нашим крейсерам турецкие суда, в предложении Австрии занять Герцеговину и Сербию и в объявлении Турции, что, в случае их упорства, государь объявит независимость княжеств и Сербии. Переходить Дунай не предполагалось и в этот период.

И, наконец, *третья эпоха* заключалась в приведении выше перечисленных угроз в исполнение, чтобы признанием независимости

княжеств положить начало разрушению Османской империи. «И тогда вряд ли Турецкая империя устоит, и, вероятно, будут везде бунты христиан, и настанет последний час Османской империи»³¹.

Переходить Дунай и приступать к дальнейшим действиям государь не был намерен и после этого. «Разве, — прибавлял он³², — Империя (Турецкая) рушится, да и тогда скорее пошлю флот, для чего держу его наготове». 13-я и 14-я дивизии оставлялись поэтому в сборе в Севастополе и Одессе³³.

16 мая Высочайше повелено было войскам сосредоточиться на исходных для занятия княжеств пунктах, не переступая, однако, границы. 3-й корпус в то же время должен был пододвинуться к предстоящему театру военных действий на смену 4-го корпуса³⁴.

Одновременно с этим, под влиянием тяжелого чувства неудачных переговоров, государь собственноручно начертил то сообщение, которое должно было быть сделано Порте Османской и австрийскому правительству³⁵.

«1. Решительное внушение (*injonction pйremptoire*) турецкому правительству заключить требуемый трактат, а в противном случае немедленное занятие княжеств.

2. Если Турция, несмотря на это, будет упорствовать, блокада Босфора и *признание независимости княжеств*³⁶.

3. Если она будет все-таки продолжать упорствовать — *признание независимости Сербии*.

4. Просить у императора австрийского нравственной поддержки в первом случае, сосредоточения его войск на границе Буковины и Сербии во втором случае и занятия этих провинций в третьем, а также признания с его стороны *независимости* сопредельных с нами провинций.

Обещать императору на условиях взаимности действовать в полном согласии во всем, что может касаться наших интересов в отношении соседей, так как таковые тождественны.

Разумеется, с моей стороны полное покровительство в Турции католикам такое же, как я ожидаю и со стороны императора по отношению к православным»³⁷.

Сообщению этому не суждено было увидеть света.

Таким образом, до поры до времени конечная цель наших военных операций состояла не в нанесении Турции решительного поражения, а в оккупации княжеств в виде залога в исполнении ею наших требований. Войска наши должны были даже избегать вооруженного столкновения с турками и лишь отражать их нападение на нас и попытки появления их на левом берегу Дуная.

Это, собственно, не был в тесном смысле слова план кампании, а полувойенная, полудиبلوماسية мера, ставившая, как и всякая полумера, армию в самое фальшивое положение. В такой двойственной роли нашего оккупационного корпуса, возложенной

Перекоп

(с русской гравюры, по рисунку де Пальдо)

на него до окончательного разгрома турецкой армии, которая под прикрытием Дуная могла свободно усиливаться и производить свое стратегическое сосредоточение, и заключался зачаток будущих наших неудачных действий на Дунае.

Военный инстинкт императора Николая ясно сознавал невыгодность подобного образа действий, и государь снизошел до него рядом постепенных уступок, под влиянием окружающих лиц и в виде дани разным политическим ухищрениям, приведшим, по словам государя, к «неопределенности цели действий, ежели избегнуть хотим конечного ниспровержения Турецкой империи»³⁸.

Князь А. С. Меншиков в секретном письме к князю М. Д. Горчакову³⁹ делал следующие предсказания о возможных результатах предпринятого нами плана:

«1) Турки позволят нам спокойно занять княжества, не начнут военных действий и не вызовут их, веря в заступничество великих держав. Заступничество, обещанное лордом Редклифом.

2) В случае открытой войны их план действий, как кажется, будет заключаться в задержании нас насколько возможно осадой крепостей, в уклонении от боя и в сосредоточении, постепенно отступая, самой сильной обороны при помощи иностранных эскадр вокруг столицы.

3) Удар на Босфоре без поддержки армии очень рискован и становится невозможным в присутствии английского и французского флотов, находящихся у входа в Дарданеллы.

4) Мало вероятно, чтобы Австрия разделила наши взгляды на мирное занятие части турецкой территории, разве только чтобы принять участие в случае деления пирога. В особенности Сербия не может быть занята без кровопролития; в ней пять крепостей имеют турецкие гарнизоны, которые захотят защищаться.

Старый базар в Керчи

5) Блокада Босфора имеет то неудобство, что она подорвет благосостояние наших южных губерний, продукты которых не могут быть вывозимы. Заграничные требования хлеба очень значительны и будут выполняться в течение всей навигации этого года.

6) Восстание христианских народностей может иметь место, но им нужно оружие. Греки для этого менее пригодны; что же касается духовенства, включая сюда и патриархов, то я думаю, что оно предпочтет турецкое владычество, которое позволяет им злоупотребления, самые вопиющие.

7) Плод недостаточно созрел, чтобы быть разделенным между желающими; война с решительной целью будет затруднена официальными и заинтересованными посредниками и затянется без конца. Надо таким образом ожидать мирного разрешения разногласий; разрешения, которое может быть почетным, если мы устоим в твердом тоне»⁴⁰.

Таков был накануне разрыва с Портой образ мыслей нашего чрезвычайного посла в Константинополе, человека, безусловно осведомленного на месте с политической обстановкой, которым он секретно делился с командующим войсками на Дунае при вступлении его в эту должность.

Князь Варшавский, со своей стороны, успокаивал государя, что миролюбивое занятие княжеств «должно показать Европе снисходительную умеренность Вашего Величества и вместе произвести важное влияние на судьбу Турецкой империи»⁴¹.

Что касается предположений наших относительно действий на Кавказе, то, относя подробный разбор их к соответствующему разделу, упомянем только, что внутренняя борьба с горцами, поглощавшая многочисленные войска Кавказского корпуса, заставила императора Николая согласиться с мнением кавказского наместника князя Воронцова пока придерживаться там строго оборонительного образа действий, продолжая приводить в исполнение ранее установленный план замирения этого края⁴².

Такое решение вполне соответствовало общему взгляду императора Николая на характер принудительных мер против Порты Оттоманской.

Первые приготовления турок или, вернее, их будущих союзников к войне с Россией относятся к 1849 году. Французский посол в Константинополе генерал Опик (Auprick) при помощи целой группы французских офицеров ознакомился с состоянием турецкой армии, с предстоящим театром войны, состоянием населения и укрепленных пунктов и выработал план военных операций на случай наступательной против турок войны со стороны Придунайских княжеств. Мысли генерала Опики тогда же любезно были препровождены для руководства военному министру Порты⁴³. Эти мысли с некоторыми маловажными изменениями легли в основу действий турецкого главнокомандующего осенью 1853 и весной 1854 годов.

По мнению автора записки, срытие турецких крепостей на левом берегу Дуная отодвинуло главный центр обороны Балканского полуострова от Дуная к Балканам.

Труднодоступные по местным условиям проходы через эти горы должны были быть еще более усилены при помощи целого ряда фортификационных сооружений и упорно обороняться действующей армией. У южного подножья Балкан под прикрытием действующих войск должны были формироваться резервы, и чем упорнее будет оборона первых, тем прочнее будет организация последних. Адрианополь имел значение как главный складочный пункт армии, а Константинополь, ввиду большого удаления его от возможного театра военных действий, надо было занять самым незначительным числом войск. Очевидно, французский советник Порты уже в то время имел в виду защиту Царьграда флотами западных держав от наших поползновений со стороны Босфора.

Что касается Дуная, то генерал Опик смотрел на него как на сильную передовую преграду, на которой, разумеется, желательно было задержать наши войска возможно долее, но отнюдь не нарушая действиями на Дунае всего плана войны, который основывался на завлечении русской армии вглубь страны и на затягивании кампании.

Французский генерал отрицал вероятие нашей переправы в Добрудже и, как пункт для таковой, наметил окрестности Силистрии. Он почему-то объяснял это опять-таки срытием крепостей левого берега Дуная, но, вернее, надо полагать, что расчет его был основан на входе в Черное море союзных флотов.

Вслед за переправой, по словам автора записки, мы немедленно должны были начать осаду Силистрии, которая предназна-

лась им служить главной базой нашей армии при дальнейшем ее наступательном движении.

Оборонять крепость он рекомендовал очень упорно, так как это даст возможность лучше укрепить Балканы. Поэтому гарнизон Силистрии определялся генералом Опиком не менее 10—12 тысяч человек.

Что касается поведения полевой армии турок в этот период войны, то она не должна была рисковать боем даже при выгодных условиях и хотя бы это потребовалось для спасения крепости. «Победа не окончит войны, — писал генерал Опик, — поражение погубит все». Туркам рекомендовалось во время осады Силистрии постоянно тревожить нашу осаждающую армию, угрожать ее нападением и утомлять ее; при этом не следовало вдаваться, однако, в серьезные дела, а ограничиваться, при полной надежде на успех, лишь частными стычками, сначала одной кавалерией, а потом и отрядами из трех родов оружия.

После взятия Силистрии усилия наши должны были направиться на линию Шумла—Варна, и генерал Опик с особенной настойчивостью рекомендовал обратить внимание на укрепление этих двух пунктов. На Шумлу он смотрел как на центр всей обороны к северу от Балканского хребта, в котором должны были быть сосредоточены главная масса турецких войск и главный складочный пункт всего необходимого для армии. Здесь должен был быть устроен сильный укрепленный лагерь⁴⁴. Варну также следовало хорошо укрепить и иметь гарнизон в 10 тысяч человек, «так как русский флот мог появиться там из Севастополя в 48 часов времени».

После взятия нами Силистрии одна часть турецкой армии должна была отступать на Шумлу, а другая к Балканским дефиле, которые и защищать с подошедшей туда резервной армией.

Если же русской армии удастся прорваться через Балканы, то вся надежда, как патетически восклицал генерал Опик, будет заключаться «в отчаянной храбрости безнадежной защиты». Но и в этот последний период он рекомендовал более всего избегать открытых сражений — «единственной надежды неприятеля», а стараться, ведя малую войну, выигрывать время.

В отношении поведения христианских народностей Турции во время войны французский посланник придавал особое значение сербам, «в которых турки найдут верных союзников», могущих не только обеспечить их левый фланг, но и угрожать правому флангу русской армии и заставить ее отделить в эту сторону значительный корпус войск. «Надо только привлекать сербов и их соседей на свою сторону благорасположенной и разумной администрации», — внушал генерал Опик. Несмотря на это, все путешествовавшие в то время по Турции французские офицеры свидетель-

*Прибытие египетских войск в европейскую Турцию
(с немецкого рисунка с натуры)*

ствовали об ужасном положении христиан, лишенных всяких человеческих прав и переданных в полное распоряжение злонамеренной, корыстной, ни перед кем не ответственной мусульманской администрации.

Таким образом, согласно нашим и турецким предположениям, театром военных действий в европейской Турции в случае наступательной с нашей стороны войны должны были служить долина Дуная и восточная часть Балканского полуострова, примерно до линии Рушук—Адрианополь.

Вплоть до 1850 года укрепленные пункты Балканского полуострова оставались почти в том же положении, как мы покинули их после Адрианопольского мира, если не считать естественного разрушения, которое последовало за прошедшие с того времени двадцать лет. С пятидесятого года началось, насколько можно судить, под влиянием французского посольства в Константинополе постепенное улучшение наиболее важных укрепленных пунктов, как-то: Шумлы, Варны, Силистрии и отчасти Рушука и Виддина, и то эти работы производились с тем равнодушием, которое отличает оттоманскую нацию. Лишь с января 1853 года Турция начала деятельно готовиться к войне, и ее энергия в этом отношении возрастала все более и более по мере приближения к открытому с нами разрыву. Лихорадочная деятельность особенно усилилась после вступления армии князя Горчакова в княжество. Целые массы христианского населения, под руководством опытных иностранных офицеров⁴⁵ и многочисленных выходцев из Венгрии и Польши, работали над укреплением горных проходов через Балканы, а также над возведением временных укреплений по берегу Дуная. Все эти пункты богато снабжались артиллерией и боевыми припасами, и в течение того целого года, который мы дали тур-

Французский посол в Константинополе генерал Барагз д'Илье

кам спокойно готовиться к войне, Балканский полуостров преобразился в достаточно грозный оплот.

По правому берегу Дуная, начиная от запада к востоку, турками было обращено особое внимание на следующие пункты:

Виддин, обеспечивавший левый фланг оборонительной линии Дуная и находившийся вблизи сербской границы, имел 30 тысяч жителей. Крепость, пятиугольной формы, древней постройки, состоящая из каменной стены, без присыпанного вала. Два фаса, обращенные к Дунаю, состо-

яли из зубчатой стены, около 5 саженей высотой, фланкируемой башнями, вооруженными орудиями. Впереди города, в 150 саженях, был построен форт, который предназначался для замены Калафата, разрушенного в 1828 году. Выше и ниже города было также построено по одному форту. Фасы, прикрывавшие город со стороны поля, были бастионного начертания; на них обращалось очень мало внимания. Вооружение крепости состояло из 200 орудий. Виддин был богато обеспечен всякого рода запасами, которые подвозились в течение всей зимы.

Рахово и Никополь имели значение в случае наступления на Плевну и Софию. Оба были плохо укреплены, но французский майор Маньян (Magnan) усилил их полевыми укреплениями. Однако со времени занятия нами княжеств на эти пункты также было обращено внимание. Для защиты Рахова было построено 6 батарей, вооруженных 8 орудиями, и, кроме того, против устья р. Жио были возведены редут, вооруженный 7 орудиями, и батарея на 3 орудия. Верки Никополя были приведены в исправность и вооружены 24 орудиями. Для обстреливания устья р. Ольты было сооружено несколько полевых укреплений, вооруженных 15 орудиями. В обоих пунктах устраивались большие склады продовольственных запасов.

Систово, против Зимнича, имело несколько наскоро сооруженных батарей.

Рушук до 1853 года оставался в полуразрушенном состоянии. С этого времени начали приводить его в сильное оборонительное состояние как возобновлением старых верков, так и постройкой

отдельных укреплений. Особенное внимание было обращено на усиление обороны крепости со стороны Дуная, которая основывалась на целом ряде временных фортов и отлично примененных к местности отдельных укреплений, соединенных между собой траншеями. Полного развития все эти фортификационные постройки достигли к марту 1854 года, причем многие из них воздвигались в зависимости от наших работ на левом берегу Дуная и на прилежащих островах. Число крепостных орудий в Рушуке доходило до 200, размещенных как на верках крепости, так и на отдельных укреплениях.

Туртукай был укреплен лишь несколькими отдельными батареями, возведенными после занятия нами княжеств.

Силистрия, которая, по плану генерала Опики, имела первенствующее значение, оставалась в развалинах до 1849 года. С этого же времени начались заботы о приведении ее в должный вид постройкой сильной цитадели и отдельных фортов.

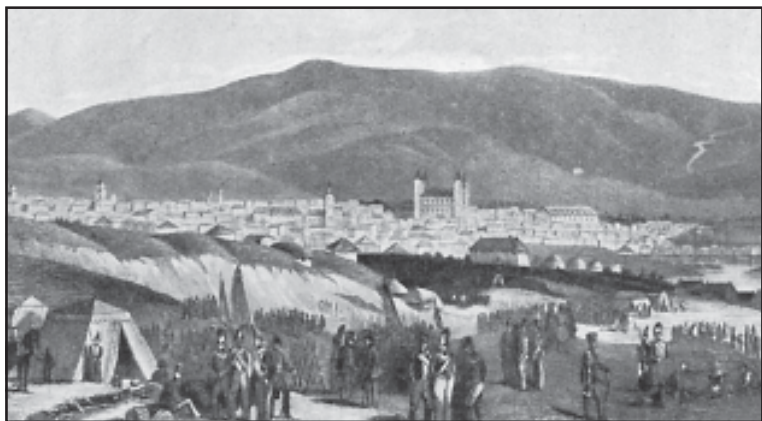
Крепость состояла из 10 фронтов старой постройки, длиной каждый от 150 до 170 саженей, с каменными эскарпами (высотой около 14 ф.) и контр-эскарпами, цитадели и 4 отдельных фортов, вновь возводимых на высотах, командующих городом. На вооружении крепости и фортов находилось 212 орудий⁴⁶.

Что касается старых крепостей, прикрывавших со стороны Дуная Бабадагскую область, то у Гирсова, Мачина, Исакчи и Тульчи был построен ряд временных укреплений, приспособленных к затруднению нашего перехода через Дунай, и отчасти были возобновлены старые постройки.

Французские офицеры, осмотревшие работы турок по берегу Дуная, нашли их более приспособленными к содействию перехода турецкой армии на левый берег реки, чем к затруднению нашей переправы.

Внутри Балканского полуострова было обращено внимание на укрепление горных проходов через Балканы и городов Шумлы и Варны.

Шумлу полковник Блондель называл настоящей столицей Турции, имеющей 30 тысяч жителей, ревностных мусульман. Ей придавалось значение как главному опорному пункту при борьбе на Балканском полуострове, а потому и на укрепление ее было обращено особое внимание. При деятельном участии иностранных офицеров турки сделали из Шумлы в имевшийся в их распоряжении год времени обширный, отлично примененный к местности, укрепленный лагерь, состоявший из нескольких фортов с каменными эскарпами и контр-эскарпами и множества временных и полевых укреплений, имевших на вооружении свыше 150 орудий большого калибра, не считая полевых. Здесь же сосредоточивались огромные запасы, артиллерийские парки, госпитали и пр.

Город Яссы
(с французской гравюры на стали)

Единственным недостатком этого лагеря была его чрезмерная величина, которая, впрочем, не мешала, по мнению маршала С.-Арно, защищавшей его 45-тысячной армии надолго удержать все дальнейшие поползновения противника⁴⁷.

Варна, отличный рейд на Черном море. Город был окружен непрерывной оградой с 16 неправильными бастионами, с каменными эскарпами и контр-эскарпами. Кроме того, крепость была усилена пятью отлично примененными к местности отдельными сильной профили укреплениями с фланкировавшимися рвами. На вооружении находилось 230 орудий. По мнению французских офицеров, для упорной обороны Варны требовался гарнизон в 10—12 тысяч человек.

Для прохода через Балканы на участке между Варной и Шумлой существовало только три дороги: 1) от Варны по берегу моря на Бургас, 2) от Праводы на Айдос и 3) от Шумлы на Карнабад. Дальнейшими предметами действий при наступлении на Адрианополь являлись города Карабурнар и Китримлия.

Вся эта местность, по словам генерала Опики, представляла много средств для обороны «твердому и мужественному народу»⁴⁸.

Согласно всем сведениям, собранным при посредстве наших консулов, в начале 1853 года в Европейской Турции находилось свободных для действия против нас войск не более 20 тысяч человек. Но с этого времени турецкое правительство приняло ряд самых энергичных мер для увеличения своей армии и для передвижения к угрожаемым пунктам действующих частей, заменяя их в тылу формируемыми резервами. Из Румелии, Албании и Боснии войска, после разрыва с нами дипломатических сношений, быст-

ро направлялись к Дунаю; на службу призывались редифы, и был объявлен набор со всего магометанского населения Турции. Кроме того, правительство приняло самые деятельные меры к сбору башибузуков, в состав которых вступила бульшая часть полицейских всех пашалыков Европейской Турции. Сверх того, были потребованы сильные контингенты из Египта и Триполи.

Следствием всех этих мер было быстрое усиление турецкой армии на берегах Дуная и в Болгарии.

К середине июня число войск, назначенных для действия против нас, доходило уже до 58 тысяч человек⁴⁹; к августу оно возросло до 75 тысяч человек и к половине октября — до 143 тысяч человек⁵⁰. С этого же приблизительно времени значительное передвижение войск через Варну на север прекратилось⁵¹, т. е. стратегическое сосредоточение армии окончилось, и турки, как известно, начали военные действия⁵².

Во главе турецкой армии на Европейском театре войны был поставлен, с званием главнокомандующего, Омер-паша, бывший австрийский подданный по фамилии Латас и по происхождению кроат. Пройдя математический курс наук, он поступил на службу в корпус австрийских инженеров путей сообщения, имевших в то время военную организацию. В 1830 году, замешанный в какой-то истории, он бежал из Австрии в Турцию и принял исланизм.

Судьба покровительствовала молодому ренегату, и ему удалось пристроиться при знаменитом сераскире Хозрев-паше в самый разгар деятельности последнего по реорганизации турецкой армии. К этой отрасли занятий и был привлечен молодой Омер, который вскоре выказал большие способности как организатор и воспитатель войск. Вместе с этим и под покровительством всемогущего Хозрева началось быстрое повышение его по ступеням служебной иерархии. В 1846 году удачным усмирением восставшего Курдистана Омер-паша обратил на себя внимание султана; в 1848 году он отлично исполнил свою миссию как начальник турецких войск в Молдавии и Валахии при совместной с русскими войсками оккупации княжеств. 1851 год был самой блестящей эпохой военной карьеры Омера-паши. Назначенный командующим войсками в Боснии, население которой отказывалось признать новую организацию Оттоманской империи, он с незначительными силами успешно разбил плохо организованные отряды восставшей провинции. После этого он был назначен командиром 30-тысячного корпуса, предназначенного для действия против Черногории, но, как известно, попытка эта была своевременно приостановлена дипломатическим вмешательством Австрии при сильной поддержке России.

После Венгерского восстания Омер-паша принял под свое покровительство всех выходцев из Венгрии и Польши и являлся са-

Омер-паша

мым горячим заступником их перед султаном⁵³.

Ко времени назначения главнокомандующим Дунайской армией Омеру-паше шел 52-й год. Это был человек среднего роста, с зверским, но выразительным лицом, грубый в обращении и жестокосердый по характеру. В достаточной степени односторонний и очень самолюбивый, он в своем военном поприще особенно любил отрасль обучения войск; присутствуя по большей части лично на учениях, он, по свидетельству современников, сделал турецкую армию неузнаваемой⁵⁴.

Что касается талантов Омера-паши как военачальника, то они во многом уступали талантам организатора. Маршал С.-Арно характеризовал его следующими словами⁵⁵: «У нас он не был бы личностью выдающейся, но для Турции он тем более замечателен и полезен, что не найдется никого другого, который мог бы его заменить. Омер-паша в высокой степени обладает военными познаниями, и это настоящий солдат. Как военачальник он иногда бывает не лишен хороших и здравых мыслей, но нарравне с этим увлекается проектами неисполнимыми и невероятными политическими намерениями. Вообще же эта твердая и основательная голова во многих обстоятельствах нуждается в руководстве»⁵⁶. Прибавим со своей стороны, что в военных операциях против русской армии Омер-паша выказал в большей степени осторожность и нерешительность.

Что касается турецких планов в кампанию 1853 и начала 1854 годов, т. е. до прихода на Балканский полуостров экспедиционного корпуса англо-французов, то в основу их лег вышеприведенный план, выработанный генералом Опиком еще в 1849 году. Строго оборонительные действия на Европейском театре, с отнесением главной обороны с берегов Дуная на Балканский хребет, и наступательная война на Азиатском театре⁵⁷. Турецкий главнокомандующий ждал нашей переправы через Дунай и был того мнения, что мы избегнем дальнейшего наступления вдоль берега Черного моря, не рассчитывая на силу нашего флота, и что наша армия вторгнется в центр Болгарии, полагая обосновать дальнейшие свои действия на симпатиях христианского населения⁵⁸.

Но турецкий главнокомандующий отлично воспользовался нашим бездействием в княжествах и добровольно принятым на себя обязательством не переходить Дуная. Это дало ему полную возможность не только безопасно сосредоточить и организовать свою армию, но придать ей в течение всей зимы необходимую боевую спайку, держать в постоянной тревоге наши войска и при помощи услужливой прессы раздуть в глазах Европы свою славу и славу своей армии. И надо отдать полную справедливость Омеру-паше, что в выполнении этих целей он достиг самых положительных результатов.

Пользуясь, по выражению английского историка⁵⁹, Дунаем «как политическим барьером, который покровительствовал туркам против русских», он смело пренебрегал всеми военными предосторожностями, перекидывая войска с низовьев Дуная на запад и обратно, и безнаказанно организовал целый ряд попыток против левого берега реки, производимых очень часто одновременно на разных, удаленных друг от друга пунктах.

Хорошо осведомленный о расположении в княжествах русских войск, Омер-паша клал в основу своих частных попыток к переходу в наступление полную осторожность, обеспечивая себя к тому же значительным превосходством в силах. Для своей армии турецкий главнокомандующий видел в этих наступательных операциях лучшее средство к боевой подготовке неопытных войск, к их сплоченности и к развитию, благодаря обеспеченности успеха, веры в самих себя.

Основательных надежд развить успех по ту сторону Дуная Омер-паша, как можно полагать по всем данным, никогда не имел. Если иногда под влиянием частных удач у него и являлись, сродные его натуре, военные и политические иллюзии, то они тотчас же уничтожались его природной осторожностью и нерешительностью⁶⁰.

«Он отлично сознает, — писал маршал С.-Арно⁶¹, — что он не может один противостоять русским; вступить же с ними в открытый бой, это значит желать полного расстройтва своей армии, которая достойна лучшей участи»⁶².

К началу октября армия Османа-паши была распределена следующим образом: на Дунае от устья и до Виддина включительно около 80 тысяч, в Шумле около 40 тысяч, в Варне и Праводах около 8 тысяч, для обороны Балканских проходов к западу от Шумлы и в окрестностях Софии около 15 тысяч. Сверх того, в Константинополе находилось 15 тысяч султанской гвардии, и около 10 тысяч было разбросано по остальным пунктам Европейской Турции. Канонерская их флотилия на Дунае состояла из 6 канонерских лодок, вооруженных тремя орудиями каждая, и одного парохода, вооруженного шестью орудиями⁶³.

Воззвание мурлы к населению
(с английской гравюры на дереве, по рисунку с натуры)

Из войск, расположенных по Дунаю, примерно около 20 тысяч занимало Бабадагскую область, группируясь преимущественно около Исаки, около 25 тысяч между Силистрией и Систово, имея большую часть в районе между Силистрией и Рушук, и около 30 тысяч между Систово и Виддиным; большая часть последней группы была сосредоточена на крайнем левом фланге турок у Виддина⁶⁴.

В зависимости от подразделения войск, расположенных по Дунаю, на три группы, они были вверены трем отдельным начальникам. В Бабадагской области начальствовал Мустафа-паша, в центре — Ахмед-паша и на левом фланге — Измаил-паша. Сам главнокомандующий с главной квартирой находился в Шумле, но в действительности он большую часть времени проводил на берегах Дуная, переезжая с одного места на другое, причем наибольшее внимание он обращал на виддинский отряд⁶⁵.

Таким образом, около половины всех войск находилось в четырехугольнике крепостей Рушук, Силистрия, Варна и Шумла, составляя главные силы и центр армии; на крайнем левом фланге сильнее других был виддинский отряд, правый же фланг главным образом охранялся отрядом у Исаки.

Такое распределение войск вполне соответствовало и принятому турецким правительством плану действий. Относительно сильный отряд на правом фланге отчасти объяснялся желанием заставить князя Горчакова растянуть свои войска, а главным образом опасением нашей переправы в этом пункте. Что касается виддинского отряда, то Омер-паша придавал ему большое значение как долженствовавшему оттянуть часть нашей армии на 300 верст в сторону от главных объектов действий и рассчитывал постоянной угрозой наступления отсюда во фланг русской армии затруднять ее операции в других, более важных пунктах. Опасения, которые, как увидим ниже, князь Гор-

чаков выказывал за свой правый фланг, и формирование мало-валахского отряда убедили Омера-пашу в правдивости его предположений, и в течение всей зимы он очень умело пользовался этой слабой стрункой нашего командующего войсками. Но можно почти наверно утверждать, что вплоть до переправы русской армии через Дунай намерения Омера-паши атаковать нас с этой стороны никогда не выходили из области мимолетных фантазий⁶⁶.

«Омер-паша, — сообщал французский министр в Константинополе маршалу Вальяну⁶⁷, — не имеет увлечений относительно способностей своих генералов, которых, однако, считает храбрыми и преданными. Он часто говорит, что сражения под Ольteniцей, Калафатом и Мачиным, а также мелкие аванпостные дела, которые имели место до сих пор и будут продолжаться до начала серьезных действий, есть превосходная школа, весьма полезная для усовершенствования организации и обучения его офицеров и солдат».

В конце сентября прекратилось передвижение турецких войск через Варну, и таким образом закончилось стратегическое развертывание их армии. С этим же временем совпадает и переход их к открытым враждебным против нас действиям.

Примечания

¹ Письмо от 11 (23) февраля 1853 года. Гос. архив.

² Перевод с французского. Подлинник смотреть в приложении № 103.

³ 4-й и 5-й пехотные корпуса начали приводиться на военное положение Высочайшими повелениями от 15 и 19 декабря (Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1852 г., секр. д. № 11, ч. 1).

⁴ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

⁵ Записка императора Николая I. См. в приложении № 210.

⁶ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1852 г., секр. д. № 11, ч. 1.

⁷ Этот отряд, при отдаче распоряжений о сборе запасных в половине февраля, мог быть собран в 4-батальонном составе полков в Севастополе и Одессе к 1 апреля. Там же.

⁸ При тех же условиях к 1 апреля 15-я дивизия могла быть сосредоточена в 3-батальонном составе полков. Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1852 г., секр. д. № 20. Архив Морск. мин., Дела князя Меншикова, № 291.

¹¹ Приложение № 211. Отношение Воен. мин. к ген.-ад. Лидерсу от 14 февраля 1853 г., № 142. Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1852 г., секр. д. № 11, ч. 1.

¹² См. приложение № 212.

¹³ По приведенному выше, в приложении № 212, подсчету перевозочных способов Черноморского флота, можно было на нем поместить при

наличности 26 батальонов только 6 батарей или 48 орудий. Приведенные же в тексте данные взяты из ведомости, имеющейся в архиве канц. Воен. мин. по снар. войск, 1852 г., секр. д. № 11, ч. 1. Этот состав рассчитан с принятием в соображение и тех частных судов, которые могли быть наняты для перевозки десанта. Вообще во всех документах по предполагаемой морской экспедиции в Турции встречаются мелкие разногласия, не имеющие почти никакого значения.

¹⁴ Воен. уч. архив Гл. шт., отд. 2, д. № 3321.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Подробный состав этих отрядов помещен в приложении № 213.

В передовом отряде полки считались 3-батальонного, а батареи 8-орудийного состава, в главных же силах 4-батальонного и 12-орудийного состава.

¹⁷ Об этом будет сказано ниже.

¹⁸ Всепод. записка князя Варшавского от 24 марта 1853 года. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

¹⁹ Подлинного письма этого нам найти в архивах не удалось, хотя император Николай и упоминает о нем в своей переписке. В воен. уч. архиве Гл. шт., отд. 2, д. № 4261 имеется донесение великому князю Константину Николаевичу от 19 марта с пометкой, что оно отправлено в приложениях от ген.-адъют. Корнилова, но без подписи. Сам текст донесения заставляет предполагать, что оно составлено Корниловым, сопровождавшим князя Меншикова в Константинополь именно с целью обрекогносцирования Босфора. Нет сомнения, что мысли, изложенные князем Меншиковым в письме к государю и Корниловым в докладе великому князю, были одинаковы, но цитирование А. Петровым (Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. Т. I. С. 67—69) фраз этого документа как принадлежащих исключительно князю Меншикову не имеет за собой достаточных данных; их следует признать принадлежавшими и Меншикову, и Корнилову.

²⁰ См. приложение № 214.

²¹ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

²² Записка императора Николая помещена в приложении № 215.

²³ Всеподд. записка от 24 марта 1853 года. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

²⁴ Записка князя Варшавского помещена в приложении № 216.

²⁵ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

²⁶ Записка эта помещена в приложении № 217.

²⁷ Письмо императора Николая от 17 (29) мая 1853 года. Собственная Его Величества библиотека.

²⁸ Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 58. Записка эта относится к 16—17 мая. Г. Петров ошибочно относит ее к январю 1853 года.

²⁹ См. гл. X.

³⁰ Курсив подлинника.

³¹ Письмо к князю Варшавскому от 17 (29) мая 1853 года. Собственная Его Величества библиотека.

³² Там же.

³³ Собственноручная записка государя помещена в приложении № 218.

³⁴ Архив канц. Воен. мин. по сн. войск, 1852 г., секр. д. № 11, ч. 2. Собственноручная записка императора Николая I от 16 мая 1853 года.

³⁵ Записка императора Николая от 17 мая 1853 года. Архив Мин. иностр. дел., доклады 1854 года.

³⁶ Курсив подлинника.

³⁷ Перевод с французского.

³⁸ См. выше.

³⁹ Из Николаева от 14 июня 1853 года. Воен. уч. архив Гл. шт., отд. 2, д. № 4253.

⁴⁰ Перевод с французского.

⁴¹ Письмо от 20 мая 1853 г. Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 44.

⁴² Письмо князя Воронцова военному министру от 28 февраля 1853 года, № 4 и резолюция на нем от 16 марта. Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 6564.

⁴³ Note remise par le gñйral Aupick au ministre de la guerre de Turquie en 1849. (Париж, Архив Воен. мин.)

⁴⁴ См. также: «Note sur les provinces Danubiennes, extraite des ouvrages et mйmoires les plus rйcents, pour le service de l'armйe, par le colonel Blondel. (Париж. Архив Воен. мин.)

⁴⁵ Подполк. Диё (Dieu) генералу Барагэ д'Илье. 25 (13) марта 1854 г. (Париж. Архив Воен. мин.)

⁴⁶ Более подробное описание укреплений Силистрии отнесено к описанию наших действий под этой крепостью.

⁴⁷ Le Mal St-Arnaud au Mal Vaillant, 19 mai 1854. (Париж. Архив Воен. мин.)

⁴⁸ Кроме перечисленных выше источников, см.: 1) Письма подполковника Диё к генералу Барагэ д'Илье (Париж. Архив Воен. мин.); 2) Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5741; 3) Архив канц. Воен. мин., 1853 и 1854 гг., секр. д. № 35 и др.

⁴⁹ Донесение консула Коллы от 13 июня 1853 года.

⁵⁰ Сведения дипломатической канцелярии командующего армией от 21 октября 1853 г.

⁵¹ Французский историк Guйgin (Т. I. С. 46) определяет силу турецкой армии в 120 тыс. человек.

⁵² Гос. архив, разр. XI, № 1226; Архив Мин. иностр. дел; Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 35; Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 5741 и др.

⁵³ Из иностранных газет того времени.

⁵⁴ Автобиография А. О. Дюгамеля//Русский архив. 1885. Кн. 7.

⁵⁵ Le Mal de St-Arnaud au Mal Vaillant. Varna, 19 mai 1854. (Париж. Архив воен. мин.)

⁵⁶ Перевод с французского.

⁵⁷ Это подтверждается и письмом Озерова к князю Меншикову от 17 сентября 1853 года. Гос. архив, разр. XI, № 1252.

⁵⁸ Консул Неаль (Neal) — лорду Страдфорду 17 июня 1853 года из Тырнова. (Oestern papers. Ч. 1. С. 381.)

⁵⁹ «L'invasion de la Crimйe» par Kinglake. Т. II. Р. 51.

⁶⁰ Об этом свидетельствует переписка подполковника Диё (Dieu) с генералом Барагэ д'Илье и в частности письмо от 25 (13) марта 1854 года. (Париж. Архив Воен. мин.)

⁶¹ Le Mal St-Arnaud au Mal Vaillant 19 mai 1854. (Париж. Архив Воен. мин.)

⁶² Перевод с французского.

⁶³ Составлено на основании сведений, имеющихся в следующих делах: Архив канц. Воен. мин., 1853 г., секр. д. № 35; Архив воен. уч. ком. Гл. шт., отд. 2, д. № 4253 и 5741; Гос. архив, разр. XI, д. № 1226 и Архив Мин. иностр. дел.

⁶⁴ Точного распределения войск по Дунаю установить нельзя как по недостаточности источников, так и по тому, что эта часть турецкой армии очень часто передвигалась с места на место.

⁶⁵ Guйin. Т. I. Р. 46.

⁶⁶ Подполковник Диё — Барагэ д'Илье от 25 (13) марта 1854 года (Париж. Архив Воен. мин.) и он же маршалу Вальяну 26 декабря 1853 г. (Архив Мин. иностр. дел, кард. Paris, 1854.).

⁶⁷ L'ambassadeur a Constantinople au Ministre de la Guerre le 5 fevrier 1854. (Париж. Архив Воен. мин.)

Приложения

**Письмо генерал-адъютанта Коновницына великим князьям
Николаю и Михаилу Павловичам в 1816 году**

Государю Императору угодно было почтить меня доверием своим быть на случай предполагаемой войны при ваших высочествах. Обстоятельства случайно изменились. Войны, благодаря Бога, нет, и мы возвратились в свое отечество.

Я, оставляя ваших высочеств, приятнейшим поставляю долгом изъяснить чувствования мои; они всегда преисполнены были усердия. Сердечно жалею, что имел весьма мало случаев показать вам приверженность мою и тем приобрести доверенность вашу; но ежели я хотя несколько имею оной, то позвольте мне сим воспользоваться и объяснить вам те истины, какие открыты во мне и опытами в жизни, и собственным сердцем и сердечной преданностью моему к особам, священным и для нас и для отечества. Буде истины сии послужат к пользе вашей и принадлежать будут к славе имени вашего, тут исполнится источник сердечною преданностью моему к особам, священным и для нас и для отечества. Буде истины сии послужат к пользе вашей и принадлежать будут к славе имени вашего, тут исполнится источник сердечного моего блага. Не говорить же чувствуемой правды любезнейшим князьям нашим, во время драгоценной молодости их, не только непростительно, но даже было бы постыдно.

1) Сколько славен род ваших высочеств в России, столько же надобно вам быть и знаменитыми в потомстве. Лучи знаменитости сей истекают от чистого действия ума и сердца. Никакой добродетельный подвиг без напряжений духа, без труда, не совершается. Следовательно, для благих и полезных подвигов ум напитан быть должен добрыми познаниями, которые украшают и самую старость; а сердце исполнено быть должно добрыми правилами, которым покорить надобно поступки наши.

Вам Бог послал дарования; они, конечно, украсят ум ваш и сердце; но тут требуется некоторое усердие, некоторое желание и некоторый труд.

Чтобы непременно занимать, питать разум, без чего он, так сказать, засыпает, возьмите на себя хоть час один в день (но каждый день непременно) занять разум какой-либо наукою или познанием, составив в самом чтении себе план, чтобы не перемешивались предметы в одно время.

Чтобы непрестанно питать сердце, без чего оно, так сказать, черствеет, отверзайте в нем пламенное сострадание к бедным, несчастным, угнетенным. Помощь ближнему да будет вам блистательнейшею радостью в жизни. Скромное подаяние милостыни да будет предметом вашей памяти и забвения: исполненное да забудется, а новое подаяние принесет с собою новое удовольствие.

Для введения сердца в таковое расположение открыты нам средства: стараться надобно познать все истины христианские, которые многочисленны; познать обязанности наши, в сем Божественном законе изображенные.

2) Следуйте всякий день свои поступки: будьте им сами строгие судии, дабы на другой день быть в своем поведении осторожнее. Одно слово иногда делает вред человеку на весь век! Невероятно, какие важные последствия происходят от малейших погрешностей в высоком звании вашем. Вы окружены подражателями, особенно в тех предметах, которые обольщают их страсти. Порок сам по себе есть яд прилипчивый. Род человеческий всегда готов к очумлению. Искра часто производит пожар. Не думайте, чтоб малейший беспорядок в поступках ваших мог остаться втайне. По высокому рождению вашему, вы сами по себе выше всякой защиты.

3) В рассуждениях общих оскорблять никогда не должно, ниже говорить о ком худо; по единой неосторожности получите недовольных. Общая вежливость привлекает, а надменность, и еще более грубость, лишит вас больших и невозвратных выгод.

4) Убегайте льстецов, кои наверно проникнут в чертоги ваши. Они слабостями вашими воспользуются для своих выгод ко вреду вашему и других. Держитесь людей таких, которые бы от вас ничего не желали, которые бы не ослеплялись величием вашим и с надлежащим почтением говорили бы вам истину, и противоречили бы вам для воздержания вас от погрешностей. Есть средство узнать людей в самых разговорах: в разговорах приметны и ветренность или неосновательность, и лесть, и нескромность, и гордость, и хитрость, и прочее. Иногда надобно скрыть собственное чувство. Выслушайте советы полезные, но потом рассуждайте об истине и пользе. Не удаляйтесь от познания людей ни под каким предлогом, различайте их, и да избавит вас Бог от таких, которые, притворяясь, что не видят ваших погрешностей, вкрадываются в сердце, а такие люди бывают, к сожалению, приятны.

5) Не будьте высокомерны, не приписывайте себе ничего. Надобно всегда разделяться с другими. Сим самым вы никогда не оскорбите подчиненных ваших. Уступайте лучше все другим. Не берите на себя ничего, а паче того, чего исполнить хорошо вам невозможно.

6) Умеряйте честолюбивые желания, буде бы они в вас вкрались. Они могут привести к желанию пролития крови ваших ближних, за которую никто вознаградить не в силах. Помните непрестанно, что вступать в войну надобно всегда с крайним сожалением, производить оную, как возможно короче и в единственных видах продолжительного мира; что и самая обязанность командования армиями есть и должна быть обязанностью начальственной, временной и даже неприятной для добрых государей. Что блаженство народное не заключается в бранях, а в положении мирном; что положение мирное доставляет счастье, свободу, изобилие посредством законов, и, следовательно, изучение оных, наблюдение за оными есть настоящее, естественное и неразлучное с званием вашим дело. В прочих же бранях, могущих касаться до опасения отечества, славы и независимости его, идите с твердостью, как славный род предков ваших подвизался. Вы имеете пред глазами пример

брата вашего, ныне царствующего над нами государя, который при всей доблести своей кроток и милосерд, как ангел. В нужных и необходимых случаях, буде бы отечество потребовало, заплатите собою, прославьте себя, принесите отечеству вашему услугу, хотя бы то стоило самой жизни.

7) Повинуйтесь слепо императору, брату вашему. Вы должны быть из вернейших его подданных.

8) Если придет время командовать вам частями войск, сколько бы велики они или малы ни были, да будет первейшее ваше старание о содержании их вообще и о призрении больных и страждущих. Старайтесь улучшить положение каждого, не требуйте от людей невозможного. Доставьте им прежде нужный и необходимый покой, а потом уже требуйте точного и строгого исполнения истинной службы. Крик и угрозы только раздражают, а пользы вам не принесут. По службе надобно неминуемо людьми запастись. Я выше упомянул, как должно стараться познавать их; теперь прибавлю, что определением людей в места низшие есть средство испытать, способны ли они к местам высшим. Следуйте за ними в делах, им поручаемых. Не теряйте их никогда из вида. Знайте, что они делают, приказывайте им отдавать вам отчет в их поручениях. Вы увидите их свойство по тому обороту, какой они примут и дадут каждому делу.

9) Поверхностное и с первого взгляда суждение о людях почти всегда обманчиво. Многие не так кажутся, как они в самом деле есть. Одно основательное и не весьма скорое движение ума прочно в заключениях.

10) Крайне остерегаться надобно пристрастия; предпочитая недостойного пред достойнейшим, оскорбляется последний, и соревнование уничтожается.

11) Буде случится вам быть в военных действиях, принимайте совет людей опытных. Обдумайте оный прежде, нежели решитесь действовать. Не открывайте намерений ваших, дабы тайна не подверглась преждевременному разглашению.

12) Украшайте себя познаниями военными по склонностям вашим. Подробности службы необходимо нужно знать по опыту, но до известной степени и для того более, чтобы уметь взыскать оную на подчиненных. Вам предстоит обширное поле. Учитесь быть искусными полководцами. Сие звание требует великих познаний, навыка и неопененной доверенности, которую неминуемо заслужить надобно. Чтение лучших военных авторов приуготовит вас в теории, а практика покажет вам дальнейшие познания на опыте.

Быть может, что откровенное начертание сие покажется вашим высочествам слишком разительным и даже неприличным; но, будучи вам предан сердцем, не могу я не открыть вам того, что у меня на сердце. Примите великодушно откровенность мою знаком приверженности моей к государю и отечеству и дайте честь сказать правду вашим императорским высочествам, милостивым государям, преданнейшему слуге.

В Белоруссии дворянство, состоящее почти все из весьма богатых полейков, отнюдь не показало преданности к России, и, кроме некоторых витебских и южных могилевских дворян, все прочие присягнули Наполеону. Крестьяне их почти все на тяжелом оброке и весьма бедны, притом общая гибель крестьян сих провинций, жида здесь совершенно вторые владельцы, они промыслами своими изнуряют до крайности несчастный народ. Они здесь все — и купцы, и подрядчики, и содержатели шинков, мельниц, перевозов, ремесленники и проч. — и так умеют притеснять и обманывать простой народ, что берут даже в залог не засеянный яровой хлеб и ожидаемую не засеянную жатву; они настоящие пиявицы, всюду всасывающиеся и совершенно истощающие несчастные сии губернии. Удивительно, что они в 1812 году отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью жизни. Также не совсем бесполезно будет упомянуть, что здесь в губернии 37 католических монастырей, из коих половина почти иезуитских, воспитывающих юношество всех исповеданий; главнейшие в Орше и Могилеве; всякий день обращают они в свою веру молодых людей, и как они совершенно отделены от гражданского ведомства, даже их имения, ежедневно происходят беспорядки и замешательства.

ПРИКАЗЫ

**Великого князя Николая Павловича, командира 2-й бригады
1-й гвардейской пехотной дивизии, а с 3 марта 1825 года начальника
2-й гвардейской пехотной дивизии**

1823 год

Приказы во 2-ю бригаду 1-й гвардейской пехотной дивизии:

20 марта. Вчерашнего числа наряженный караул от л.-гв. Измайловского полка в концерт был дурно и неопрятно одет; таковая оплошность после всех подтверждений непростительна, за что командиру оной роты штабс-капитану Языкову делается строгий выговор и арестовывается на 24 часа домашним арестом.

21 марта. Его Императорское Высочество Великий князь Михаил Павлович был вчера в госпиталях Преображенском и Семеновском, не нашел при них дежурных, по 1-му л.-гв. саперного батальона поручика Завальевского 3-го, а по последнему л.-гв. егерского полка прапорщика Бабкина 2-го, за что оба и арестовываются впредь до повеления, а по выпуске из-под ареста наряжаются на 10 раз не в очередь дежурными по оным госпиталям.

¹ Из архива л.-гв. Измайловского полка. Приказы по полку за 1823, 1824 и 1825 годы.

29 марта. К прискорбию моему вынужденным нахожусь сделать разговор л.-гв. Измайловского полка полковнику Беклешову за сегодняшний развод, в котором ни тишины, ни равнения, ни настоящего шагу не было; ежели б в первый раз случилось новому батальонному командиру выводить батальон перед начальника, и тогда бы нашел он подобный развод дурным; а тем паче когда батальонный командир имел время познаться с батальоном, а батальон его узнал; я предвлял г. полковника, что я требую большего внимания и умения к своему делу; я не вижу, чтоб после двух недель был в чем малейший успех, а потому и предписываю г. генерал-майору Мартынову войти самому во все подробности обучения 1-го батальона его полка; адъютанту же моему полковнику Годеину 2-му поручаю во всем помогать в том г. полковнику командиру. Г. полковник Беклешов будет во всем следовать его наставлениям. Надеюсь, что не долго мне нужно будет прибегать к подобным способам, тогда когда с усердием и способностью полковника Беклешова никогда не ожидал, что к тому найдусь вынужденным.

Подлинные подписаны:

Бригадный командир генерал-инспектор *Николай*

1824 год

10 февраля. Обезжая сего числа караулы от л.-гв. Измайловского полка, заметил я многие неисправности, которые доказывают, что гг. батальонные командиры не обращают должного строгого внимания на сию часть их обязанности; подпоручик Гангеблов не знал своего дела; прапорщик Миллер предпочел сидеть в караульне, когда ему следовало выйти в ружье и отговаривался болезнью, которая в одном воображении его существовала; унтер-офицеры отдельных караулов не тверды в своей должности, тогда как неоднократно подтверждаемо было посылать на такие караулы самых расторопных унтер-офицеров; в особенности я нашел одежду караулов 2-го батальона совершенно в безобразнейшем виде. Поставляя все сие на вид командующему полков полковнику Воропанову, предписываю взять строгие меры к исправлению всех сих недостатков. Полковник Веселовский не оставит строго взыскать с прапорщика Миллера, которого предвляю, что всегдашние замечания, им заслуживаемые, принудят, наконец, начальство и к строжайшим мерам.

16 марта. Нужным считаю объявить по бригаде, что гг. офицерам воспрещается играть в разные игры по пробитии вечерней зари, после чего как гг. офицерам, равно и нижним чинам находиться при своих местах.

18 июня. Я встретил вчера человека подпоручика л.-гв. Измайловского полка Козлова 2-го, который нес на полевой пикет к своему господину головную подушку; я предаю на благорассудок гг. офицеров, прилично ли, стоя на всяком карауле, и тем более в лагере, а еще и на полевом пикете, искать своего покоя; подобная нежность достойна смеха, пусть

же г. подпоручик Козлов 2-й повеселит тем своих товарищей, в которых в том, надеюсь, подражателей не найдет.

Подлинные подписаны:

Бригадный командир генерал-инспектор *Николай*

1825 год

Приказы по 2-й гвардейской пехотной дивизии:

24 апреля. Сколько мне приятно, когда имею случай отдавать полную похвалу, если вижу усердие и ревность, столько и прискорбно, когда нахожусь вынужденным замечать противное; к сожалению моему, сегодняшней смотр стрелковому взводу 1-й гренадерской и 3-й фузелерной рот л.-гв. Измайловского полка вынуждает меня объявить по дивизии, каким образом я взыскиваю за нерадение и неприлежание к своей должности.

Быв первым смотром стрелковому взводу 1-й гренадерской роты во все недоволен, ибо, несмотря на отличнейший состав людей сего взвода, нашел оный в самом запущенном виде; большая часть людей не только не походят на ефрейторов, которыми быть они назначены, но даже совершенно не исправлены; дал я двухнедельный срок, дабы привести сей взвод в должный вид; сегодня же нашел я то же невнимание, те же неправильности и, сверх того, одежду в столь неопрятном виде, что вынужденным нахожусь сделать строжайший выговор командиру роты штабс-капитану Эссену в том, что ежели все сии недостатки найдутся еще при будущем моем смотре, то лишу его командования ротой.

В 3-й фузелерной роте, в которой выведено было по 20 рядов вз взводе, нашел я, включая и унтер-офицеров, только по 10 человек, правильно стоящих; остальные не имеют ни стойки, ни выправки; ружейные приемы делают дурно, вяло и совершенно неправильно; словом, во всем видно невнимание и запущение. А так как ни одного из сих качеств ничему другому приписать нельзя, как неусердию или неумению ротного командира, которому даны были все способы воспользоваться зимним временем для приведения роты в должный порядок, то, делая ему за сие строжайший выговор, предписываю отрешить от командования ротой до тех пор, пока усердием своим докажет он, что достоин сей доверенности.

Батальонному командиру полковнику де Витте не могу не заметить, что долг его блюсти за всеми частями своего батальона наравне, что всякий недостаток, в батальоне его усматриваемый, должен он исправить, прибавив присмотра за частью, найденною слабее других; а потому и не могу не отнести подобного беспорядка и на счет недостаточной его бдительности за подчиненными, от чего впредь советую ему остерегаться во избежание больших неприятностей.

В заключение не скрою и от бригадного командира генерал-майора Мартынова, что подобная оплошность и беспорядок в полку его брига-

ды, которым сам он командовал, доказывают, что с его стороны не приложено должного наблюдения за теми частями, кои, быв отдалены своим квартирным расположением, должны были обращать на себя особенное внимание и частый его присмотр. Все сие ставлю на вид как ему, так и командиру полка полковнику Симанскому; на их же ответственность возлагаю наискорейшее исправление всего замеченного.

Вместе с сим приятно мне объявить, что, видев сего числа 1-е фузельерные роты полков Измайловского и Павловского, нашел в 1-й совершенный порядок, отличное делание ружьем и вообще много усердия и желания угодить, что я в сей роте заметил и прежде; командовавшему оной полковнику Офросимову приятно мне отдать полную справедливость за отличное состояние сей роты и уверен, что теперешний командир оной капитан Эссен 1-й умеет поддержать роту в должном порядке. В роте л.-гв. Павловского полка нашел я заметный успех и видимое рвение и усердие.

Я надеюсь, что гг. мои подчиненные удостоверятся из сего, что, кто из них заслуживает усердием своим моего внимания, тот во мне, верно, найдет признание за его труды, и что я всегда с сожалением прибегаю к мерам строгости, когда замечаю противное.

18 мая. Осматривая сего числа учебную роту, составленную из людей, поступивших из армии л.-гв. в Измайловский и Павловский полки, нашел их после 6-недельного сбора и состава всей роты столь же дурно выправленных и запущенных, каковыми были при начале сего свода. Ни в чем не мог заметить ни малейшей поправки; люди глядят сонными, и видно, что ими занимаются совершенно без толку, и отнюдь не соблюдая правил, которые на то предписаны. Подобная оплошность доказывает, с каким усердием и умением исполнял на него возложенное поручение полковник л.-гв. Измайловского полка Воейков, которому сия рота поручена была. Я сожалею весьма, что вынужденным нахожусь с него взыскать, как я не привык взыскивать с штаб-офицеров, в которых, я и думать не хочу, чтоб могло быть иное как усердие, исполнительность и совершенное знание своего дела; если же я нахожу противное, то обязанностью считаю гораздо строже взыскивать с них, чем с других.

Г. полковник Воейков арестуется на гауптвахту на 3 суток. Роту сию поручить л.-гв. Измайловского полка полковнику Анненкову.

Г. бригадному командиру строго смотреть, чтоб потерянное время было вознаграждено тем, чтобы обучение производилось ныне с должной разборчивостью и постепенностью, и помнить, что рота сия не чужой бригады, а его собственной, и что дело его смотреть за всеми ему вверенными частями с неотступной бдительностью и вниманием, отнюдь не позволяя себе одного более занимать, нежели другого.

Подлинные подписаны:

Начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии

генерал-инспектор *Николай*

**Генерал-майор Евгений Александрович Головин Великому князю
Николаю Павловичу¹**

С.-Петербург, 15 июня 1825 года

Ваше Императорское Высочество,
Всемиловитейший Государь!

Зная из опыта, сколько Ваше Императорское Высочество входите и в самомалейшие нужды Ваших подчиненных, в числе которых и я имею счастье находиться, осмеливаюсь представить Вашему Императорскому Высочеству затруднение, в котором я теперь нахожусь, и которое, при всей своей маловажности, по настоящему времени, крайне меня тяготит.

С начала еще весны купил я себе две верховые лошади. Одна из них, неизвестно от чего, вдруг захромала и теперь еще без ноги, а другая на последнем примере парада сбросила меня с себя и едва не убила до смерти, так что я боюсь выехать на ней к Высочайшему смотру не только за себя, но и потому, чтобы эта лошадь, в бешенстве своем от непривычки ко фронту, других не перетоптала и не наделала позорища, в таком случае весьма неприятного. Теперь же между тем такое время, что и за большие деньги, которых я, признаюсь откровенно, не имею, но ежели б и имел, то достать надежную лошадь для строя весьма трудно. Итак беру смелость прибегнуть к Вашему Императорскому Высочеству и всеижайше просить позволения воспользоваться для предстоящего смотра верховой лошадей с конюшни Вашего Императорского Высочества.

Простите, что я, в надежде на великодушное и снисходительное внимание Вашего Императорского Высочества, осмелился обратиться к Вам с просьбою, столько ничтожною. Но что мне делать! От службы я уклоняться всем сердцем не желаю и, по совести, не могу, потому что я здоров, а между тем на смотр показаться не имею возможности: обратиться же в теперешней крайности мне не к кому, кроме Вашего Императорского Высочества. Не стыдись открыться перед Вами в моем положении и прося удостоить меня милостивым Вашим разрешением.

Имею счастье пребыть, с глубоковпечатленными чувствами беспредельной приверженности,

Всемиловитейший Государь!

Вашего Императорского Высочества,

всепреданнейший слуга,

Евгений Головин

15 июня 1825 года

С.-Петербург

¹ Из бумаг графа П. А. Валуева, с пометой его: «Образчик не старой старины».

Всеподданнейший отчет

Членов комиссии: { *Графа Кочубея,*
Графа Толстого,
Князя Голицына,

представленный по возвращении государя из Турецкой кампании,

16 октября 1828 года

Е. И. ВЕЛИЧЕСТВУ

Вашему Императорскому Величеству угодно было при отъезде Вашем к действующей армии составить особую комиссию и избрать нас к отправлению в оной дел.

Быв удостоены таковой монаршей доверенности, мы старались всеми силами оправдать оную, и если действия наши в чем-либо не отвечали ожиданиям Вашего Императорского Величества, то, конечно, не от недостатка рвения не только исполнять, но и угадывать волю Вашу.

Благополучное и столь желанное всеми возвращение Вашего Императорского Величества в столицу, оканчивая действия наши, мы поставляем неперменным долгом отдать Вашему Императорскому Величеству сокращенный, но на строгой истине основанный отчет о тех предметах, кои, по ходу дел и по влиянию, какие настоящие обстоятельства на общее мнение имели, заслуживать могут некоторое внимание.

Вашему Императорскому Величеству, конечно, приятно будет, что во все время отсутствия Вашего, не имели мы никогда надобности прибегать ни к каким строгим или решительным мерам, на кои, по уполномочию Вашему, мы имели право.

Сему не обязаны мы каким-либо распоряжениям нашим; какому-либо направлению, от высшего правительства данному. Расположение умов внутри империи есть вообще совершенно удовлетворительно. Спокойствие везде было сохранено и не видно было нигде и ни в каком сословии никаких порывов к новизнам. Владельцы, имеющие недвижимую собственность, естественно и желать оных не могут; но не знаменовалось ничего, чтобы заставляло, что и класс, им подвластный, сносить доселе с нетерпением зависимость свою, и если открывались иногда в продолжение сего времени небольшие движения крестьян, то сие происходило или от притеснения их, или от невежества, и иногда от непонятия при исполнении решений судебных и других случаев.

¹ Приложение № 5 изъято.

Такое положение, без сомнения, долго еще сохранено быть может, если правительство в действиях своих постоянно руководствоваться будет благоразумием и справедливостью, с твердостью соединенными.

Известно, что намерения Вашего Императорского Величества, особенно в разных случаях означенные, произвели весьма полезное внутри государства влияние, таковы суть: предписания и наблюдение за успешным производством дел и в особенности уголовных; уменьшение колодников в тюрьмах; расположения к прекращению злоупотреблений при рекрутских наборах; облегчение при производстве самой тягостной для народа повинности, исправления и содержания дорог, на тех стеснительных правилах, коими до последних времен в отбывание сей повинности руководствовались; сокращение отчасти во многих губерниях земских повинностей вообще и многие другие меры в частности, выгодное впечатление произведшие. Но должно признаться, что именно, по мере оказанного же Вашим Императорским Величеством благо-расположения к подданным Вашим, все внутри пребывают в некотором ожидании, что сим не ограничите Вы, Всемилостивейший Государь, благотворные намерения Ваши, и что общими и существенными мерами довершите Вы великое предназначение Ваше. По мере сих ожиданий и чувств признательности, благословения общие доселе на Вас везде распространялись.

Если столь удовлетворительные сведения можно решительно представить Вашему Императорскому Величеству о расположении умов внутри государства, то не можно ничего сказать и в предосуждение здешней столицы. Главнокомандующий оной, по начальству своему и по подчиненности ему III отделения Собственной Вашего Императорского Величества канцелярии, утвердительно всегда удостоверал, что не доходило до него ничего, чтобы хотя малейшее сомнение о расположении умов или о каких-либо замыслах порождало. По сведениям графа Толстого, кроме шалостей, либо молодости, либо разврату свойственным и во всех больших городах неизбежным, ничего здесь не происходило.

Обратив внимание Вашего Императорского Величества на таковое положение государства в отношении внутреннего спокойствия его, мы должны привлечь оное на одно весьма важное обстоятельство. Мы уже имели счастье представлять Вашему Императорскому Величеству о делах раскольников. Мысль, что гонение на них обращается, начинает между ними утверждаться. Духовенство наше всегда было склонно преследовать их за веру, но, как в прошедшие времена таковое действие не только не имело никаких успехов и, напротив, утверждало еще более их в расколе и ожесточало так и ныне, от одинаких начал ожидать должно тех же последствий. Неудовольствие столь значительной массы простого и грубого народа (до 4 миллионов душ) может иметь во всякое время важные неудобства, наипаче же ныне, когда желать должно, чтоб и малейшее волнение не тревожило правительство. Нужно, чтоб в секретном комитете о раскольниках светские члены, последую постоянно сим началам,

старались удерживать духовных сотоварищей своих от всяких покушений, сему противных.

В войне принимаемо было всеми большое участие. Независимо от самолюбия и некоторой гордости, русским свойственной, войны с турками вообще у нас в народе всегда производили более впечатления, нежели войны европейские. В настоящем случае, когда с войной сопряжена в народе мысль угнетения единоверцев наших, и что мы действуем для спасения их, она привлекла особое участие в среднем классе и в простом народе, чувствами духовенства нашего подкрепляемое.

От таковых расположений порождалась живейшая радость, когда доходили известия об успехах оружия нашего, и скорбь, столь же сильная, когда в последнее время разносились слухи о неудачах наших. Не должно, однако ж, скрыть от Вашего Императорского Величества, что и в сем последнем случае, когда много происходило толков: о недостатке способов, против неприятеля употребленных; о разных распоряжениях военных; о планах операций и проч., ничего лично Вашему Императорскому Величеству не было приписуемо и, напротив, когда положение войск наших под Шумлою завязалось, и когда изъявляемо было опасение, что, может быть, должно будет оставить и обложение Варны, то единое и общее желание изъявляемо было, чтоб Ваше Императорское Величество сюда возвратились. Сохранение Ваше было предметом всех желаний. Все изъявляли опасение, чтобы при усилиях неприятеля, которые, может быть, и в увеличенном виде представлялись, при сильных покушениях его и при вредном влиянии климата, а наипаче в трудное осеннее время, жизнь Ваша или здоровье не подверглись опасности. Тут слышен был отголосок, что война с Турцией заслуживает ли, чтоб Ваше Императорское Величество армией предводительствовали? Не должно умолчать, однако ж, о многих суждениях, на счет начальства над армией происходивших, и нередко встречался вопрос, кому начальство сие вверено быть может? Здравый рассудок в заключениях своих не позволял ошибаться. В сем отношении есть мнение общее, довольно решительное, и Ваше Императорское Величество ныне сами в том удостовериться изволите.

Внутреннее положение государства в отношении богатства есть довольно страдательное. Государство не имело еще времени поправиться после отечественной войны, потому ли что не были приняты меры исправления, или что меры сии были недостаточны. Произведения наши изобилуют почти везде, но нет оным сбыту, и цены на все удерживаются самые низкие; обороты денежные почти ничтожны, и министр финансов в комиссии неоднократно отзывался, что он ожидает, и сие вероятно, больших в сборе податей недоимок.

В сем положении, если война продолжится и будет вторая кампания, не можно будет прибегать ни к каким новым прямым налогам: они разорили бы и остальной класс зажиточных в простом народе людей, ныне за неимущих подати уплачивающих. Должно будет обращаться к другим средствам, к займам, к каким-либо косвенным налогам или способам, как

то: к таможенным сборам, к оборотам по банкам (кроме выпуска новых ассигнаций) и проч. и в особенности к возможному уменьшению расходов везде, где только можно, и к введению в расходах самого строгого порядка и отчетности во всех частях, разумея тут и издержки на войну.

Учреждение реквизиций внутри государства произвело вообще невыгодное впечатление. В прошлые наши с турками войны, если и были иногда чинимы требования разных вещей, то всегда платили за них деньги. Реквизиции чинимы были только в отечественную войну. Впрочем, как бы ни были они учреждаемы, реквизиции не могут быть уравнительны для тех жителей, на коих они упадают и несравненно полезнее было бы покупать предметы, для войск нужные, или и, требуя оные от земли, платить деньги, ибо сим способом обращение оных могло бы увеличиться; недоимки могли бы успешнее поступать, и тягость пала бы не на несколько губерний, но на государство, обязанное совокупно нести все бремя войны.

Из опыта нашего и вообще из опыта более или менее всех государств заключить можно, что не малая осторожность нужна в разрешении мер, нередко министрами финансов предлагаемых. Многие из них, при самых лучших намерениях, занимаются предпочтительно тем, чтоб удовлетворять требованиям, не останавливаясь на том, какое действие способы, ими предлагаемые, произведут? Не могут ли они расстроить благосостояния частного, на коем основано общественное? Не произойдет ли справедливых жалоб на правительство? Не знаменуя здесь никого, мы только хотели изложить пред Вашим Императорским Величеством примеры, везде и всем известные, и обратить внимание Вашего Императорского Величества, при случае каких-либо новых финансовых мер. Драгоценно будет, конечно, для Вас, Всемиловитейший Государь, всегда иметь в виду все то, что сохранить и утвердить может к Вам любовь и приверженность подданных Ваших.

В Государственном Совете и Комитете Министров дела производились с успехом, соответствующим намерениям Вашего Императорского Величества. Мы никогда не упускали принимать в них участие и разве только по болезни кого-нибудь из нас или по каким-либо особым занятиям дозволяли мы себе, и то весьма редко, в собраниях сих верховных установлений не присутствовать. В Правительственном Сенате, сколько известно, более успешности в производстве дел примечается. По крайней мере менее поступает из Сената дел в Государственный Совет за разногласием.

Рескрипты Вашего Императорского Величества, на имена наши данные, имеем счастье у сего представить, донося, не благоугодно ли будет повелеть Государственному Совету и Правительствующему Сенату внести к Вашему Императорскому Величеству те секретные указы, кои Вашим Императорским Величеством при отъезде Вашем им были даны.

Ведомость о делах в комиссии, собственно Вашим Императорским Величеством учрежденной, произведенных, у сего имеем счастье повергнуть на Высочайшее усмотрение. Число оным было велико, но не можем

мы не донести Вашему Императорскому Величеству, что в множестве тех предметов, кои, по установившемся порядку, Вашему Императорскому Величеству представляются и в отсутствие Ваше в комиссию поступивших, находятся не в малом числе такие, которые, обременяя Ваше Императорское Величество и похищая столь драгоценное время Ваше, могли бы, при постановлении правил определительных, быть без всякого неудобства министрами разрешаемы.

Счастливы будем мы, если Ваше Императорское Величество в сем кратком изложении найти изволите доказательство нашего усердия и приверженности к Священной особе Вашей. Никакие другие побуждения нами не руководили.

Граф *В. Кочубей*,
граф *П. Толстой*,
князь *Александр Голицын*

16 октября 1828 г.

Реестр бумагам, решенным и принятым к сведению

Итого	3199
Представлено Его Императорскому Величеству:	
Прямо от комиссии	290
Через 1-е отд. Собств. Е. И. В. канцелярии	97
Итого докладных записок	387
Из них возвращено	322
Из них не возвращено	65
Сверх сего утверждено объявляемых Высочайших повелений	297
По всем сим бумагам составлено журналов	575
Всего в комиссии в производстве	4458

Апрель

—
—
—
—
—

Октябрь

Реестр журналам

Журналов, поступивших в 1-е отд. Собств. Е. И. В. канцелярии:

Общих дневных	175
Особенных	381
Журн., пост в III отд. Собств. Е. И. В. канцелярии	5
В комиссию прошений	27
По военной части	78
По морской части	56
Итого	575

**Дело об отдаче всех дорог в Ведомство путей сообщения
в Государственном Совете**

(Из дневника барона М. А. Корфа, за 1851 год)

Дороги во всем государстве, кроме шоссейных, всегда ведались, через посредство губернаторов, в Министерстве внутренних дел, и Главное управление путей сообщения и публичных зданий, заведывая единственно дорогами искусственными, т. е. шоссе, не имело никакого прикосновения к прочим. Вдруг в 1849 году по непосредственному, без всякого сношения с министерством внутренних дел, докладу графа Клейнмихеля, Государь повелел устройство и заведывание всей вообще дорожной части в империи сосредоточить исключительно в Главном управлении путей сообщения, утвердив на сей конец и поднесенное графом особое положение, но с тем, чтобы оно имело действие, в виде опыта, три года, а по истечении их было представлено на окончательное рассмотрение в установленном порядке. Лишь только положение сие огласилось, министр внутренних дел, граф Перовский, вооружился против него с крайним ожесточением и в неоднократных записках Государю старался оспорить как самое основание меры, так и все подробности нового положения, домогаясь его отмены и восстановления вполне прежнего порядка. Эти возражения и опровержения против них графа Клейнмихеля беспрестанно возобновлялись более года, так что Государь приказал, наконец, рассмотреть все дело в Государственном Совете, который, со своей стороны, передал его на предварительное соображение во II отделение Собственной Его Величества канцелярии. Здесь граф Блудов взял сторону графа Клейнмихеля, а соединенные департаменты законов и экономики, куда заключение Блудова поступило в последних месяцах 1850 года, ограничиваясь лишь рассмотрением вопроса о том, представляются ли довольно настоятельные причины к отмене Высочайше утвержденного положения 1849 года прежде истечения трехлетнего срока, назначенного для испытания его на опыте, и, разрешив этот вопрос отрицательно, разбор возражений графа Перовского против сущности и подробности сего положения заключили отложить до минования упомянутого срока, т. е. до того времени, когда оно будет представлено на окончательное рассмотрение.

Журнал о сем, возросший от многих и продолжительных споров обоих министров до огромной книги, листов во сто, но в котором собственно заключение департаментов занимало всего лишь несколько страничек,

¹ Приложения № 7—10 изъятые.

они передали сперва, по формам совета, Перовскому, от которого он воротился с коротеньким отзывом, что министр сей остается при прежнем своем мнении.

В таком виде дело было заявлено к слушанию в общем собрании совета и выложено в его зале открытым, для предварительного прочтения всеми членами. Но, как бы нарочно, целые два месяца от этого времени заболели поочередно, то Клейнмихель, то Перовский, и два чрезвычайные заседания, назначавшиеся для разбора их борьбы, были одно за другим отменены, а между тем все более и более разгорались страсти. Ни тот, ни другой из противников не пользовались особенным расположением публики, но и у того, и у другого были, однако ж, свои приверженцы, и эти приверженцы, враги и друзья, обратили их дело некоторым образом в общее дело целого города. Вся публика проведала и о предмете спора, и о подробностях его обстановки, и о заключении соединенных департаментов, и все в обществе, разделяясь на два стана, с нетерпеливым любопытством ждали минуты, когда оба соперника выйдут на бой лицом к лицу, и чем окончится. Наконец, в январе 1851 года, тяжущиеся выздоровели; ничто более не мешало приступить к развязке драмы, и давно ожидаемое дело было назначено к слушанию в понедельник 15 января.

Накануне наш председатель, князь Чернышев, при частном со мною разговоре, на вечере у себя, отозвался, что совершенно разделяет взгляд соединенных департаментов (я тоже в них присутствовал), придавая даже действиям Перовского как бы значение оппозиции против монаршей воли. Это, кажется, было некоторым отголоском свыше. По крайней мере, министр государственных имуществ граф Киселев, имевший свой доклад всегда по понедельникам, перед советом, рассказывал мне после, что в этот день Государь отпустил его со словами:

«Ну что, теперь вы идете *меня судить*? Надеюсь, однако ж, что мне не запретят приказывать».

Сначала заседание было чрезвычайно скучно, ибо, несмотря на то, что все члены предварительно уже прочли журнал соединенных департаментов, князь Чернышев признал нужным соблюсти формальность и велел снова читать его в общее услышание, что заняло более трех часов. Зато, когда чтение окончилось, и граф Перовский выступил вперед, общее внимание напряглось в высшей степени, и половина членов обступила оратора, чтобы не потерять ни слова из его речи. Для людей опытных, с первого ее слова заметно было, что она выучена наизусть по написанному, а такая речь никогда не может произвести того эффекта как импровизация. Обладая, однако, чудесной памятью, Перовский говорил безостановочно, я думаю, с полчаса и, вместо вопроса: есть ли настоящая причина тотчас отменить действие положения 1849 года, вошел в подробное рассмотрение частных его недостатков.

Ответ графа Клейнмихеля, произнесенный в большом раздражении и отрывочными фразами, отнюдь не имел силы, соответственной нападению его противника. Он ограничивался наиболее старанием доказать, что

новое положение изменило лишь *ведомство* управления, но несколько самые его *правила*, и ссылаясь на единодушные похвалы и благодарность, поступающие от всех губернаторов за это положение.

На *первое* Перовский возразил развитием обстоятельств, из которых, по его мнению, оказывалось, что положение 1849 года не только изменило существовавшие до того правила, но даже потрясло право губернаторов и самого дворянства, «чего, — продолжал он, — конечно, не могло быть в виду Государя Императора при утверждении положения по одностороннему докладу главноуправляющего, так как мы видим теперь, что и сам докладывавший того не знал».

На *второе* Перовский отозвался, что если главноуправляющим получают похвалы за положение 1849 года, то, напротив, до него, Перовского, доходят со всех сторон единодушные жалобы, доказывающие, что дело не может так продолжаться.

За исключением обоих соперников, из числа всех прочих членов сказал несколько слов в защиту Клейнмихеля только граф Блудов, и, хотя они произнесены были без свойственной ему обыкновенно энергии, дело, в пределах вопроса, постановленного соединенными департаментами и снова повторенного князем Чернышевым, видимо склонялось в пользу Клейнмихеля, как вдруг встал Наследник Цесаревич:

«Позвольте и мне, — произнес он среди общего безмолвия, — сказать несколько слов по этому предмету. Что касается собственно до настоящего дело, то хотя многие замечания министра внутренних дел кажутся мне основательными, однако, всякое суждение о них теперь я считаю преждевременным, так как положение уже утверждено Государем Императором в виде опыта, на три года, следственно, возможность и обязанность постановить наше заключение настанет только по истечении этих трех лет. Но, чтобы не быть нам поставленными в такое же неприятное положение когда-нибудь и впредь, я считаю необходимым и справедливым ходатайствовать у Государя, именем Государственного Совета, о подтверждении всем министрам и главноуправляющим (последнее слово было произнесено с особенным ударением), чтобы на будущее время по делам, прикосновенным к другому ведомству, никто из них не мог входить с докладами или испрашивать Высочайших повелений, даже и временно или в виде опыта, иначе, как по сношению и соглашении с теми, до кого предмет касается. Вот мое искреннее мнение, от которого я не могу отступить и которое прошу Государственный Совет повергнуть на Высочайшее воззрение».

Нельзя вообразить себе электрического действия, которое эта речь, произнесенная с таким же достоинством и величием, как и спокойствием, произвела на всех присутствовавших. Цесаревич выразил то, что было в мысли у многих, но чего никто, кроме именно него, не мог и, может быть, не смел выговорить. Клейнмихель не нашелся сказать ни слова; между всеми прочими членами пробежал общий шепот одобрения, а Перовский вырос целой головой и стал предлагать, чтобы, по крайней

мере, в тех губерниях, на которые еще не распространен новый порядок, его не вводить. Цесаревич и тут отвечал с большой силою, что как Высочайшая воля была и есть произвести повсеместный опыт и уже по последствиям его прийти к окончательному заключению, то противно было бы сей воле останавливаться таким опытом или делать его не вполне и не везде. Далее Перовский пытался еще навести сомнение в том, представит ли главноуправляющий путями сообщения к указанному срок окончательный проект и, в подтверждение сему сомнению, предъявил печатный экземпляр какого-то другого положения по тому же ведомству, утвержденное в 1843 году, также в виде опыта, на два года, и все еще остающегося в своем действии.

Ответ на это Клейнмихеля, в очень резком тоне, был тот, что как уже есть повеление внести проект, то, при привычке его неупустительно исполнять Высочайшую волю, сие, конечно, будет сделано и в настоящем случае.

Этим спор завершился, и Чернышев провозгласил окончательно, что «Государственный Совет утверждает заключение соединенных департаментов, со сделанною Его Высочеством прибавкою».

На чьей же стороне осталась победа? — спрашивали члены, расходясь из заседания. Конечно, не на стороне Перовского: ибо, хотя противной стороне поставлен на вид неправильный ее образ действия, однако возражения его, Перовского, признаны несвоевременными, и самое положение, против которого он протестовал, оставлено в своей силе. Но, конечно, и не на стороне Клейнмихеля: ибо, хотя положение оставлено в своей силе, но не по внутреннему его достоинству, напротив, весьма оспоренному, а только потому, что оно Высочайше утверждено; самый же образ исходатайствования или исхищения этого утверждения признан неправильным, и Клейнмихелю сделано за то от наследника престола, хотя косвенное и осторожное, но тем не менее весьма сильное гласное замечание. Наконец, и не на стороне соединенных наших департаментов: ибо, хотя заключение их утверждено, но упомянутое замечание могло быть отнесено частью и к ним, как не выставившим замеченного Цесаревичем важного нарушения формы. Словом, дело было такого рода, что каждая сторона более или менее могла сказать, по простонародной поговорке: ненароком, да с оброком!

История этого замечательного заседания немедленно доведена была князем Чернышевым, в предварительном докладе, до Высочайшего сведения. Государь вполне одобрил все, сказанное Цесаревичем, велел только, вместо внесения его речи, соответственно общему порядку, в журнал Совета, облечь сущность ее в форму Высочайшего повеления, как бы непосредственно от Государя исшедшего, и в этом виде объявить комитету министров с такою прибавкою, чтобы впредь, в случае представлений, касающихся предметов двух или более ведомств в совокупности, они были подносимы всегда за общим подписанием начальников каждого из них. Таким образом, след речи Наследника Цесаревича остается только в настоящих моих листах.

Побуждение, руководившее Государя в этом изменении порядка, наблюдаемого в Совете при составлении журналов, представлялось, впрочем, очень естественным. Целью его было и в этом случае охранить всю, так сказать, девственность самодержавия, не допустив примера, чтобы Совет присвоил себе даже и в лице сына и Наследника Царского инициативу в предмете, содержавшем в себе косвенное порицание собственного попущения Императора.

Приложение № 22¹

Приложение № 23

Абердин графу Нессельроде

(Перевод с английского)

Министерство иностранных дел,
января 21, 1845.

Дорогой граф Нессельроде!

Я получил Ваше письмо от 28 декабря, в котором Вы мне сообщаете, что Император соизволил признать точность Вашего меморандума, заключающего в себе сущность разных разговоров, которыми я был удостоен Его Императорским Величеством во время Его пребывания в здешней стране. Мне очень приятно видеть, что не существует никакой неточности в Вашем изложении, что я уже имел честь Вам засвидетельствовать.

Личные сношения, которые я имел счастье в прошлом году возобновить с Вами, повели к обоюдному обмену наших мнений, в которых, мне кажется, мы были вполне солидарны, и которые я надеюсь иметь в виду во всех сношениях касательно Востока. Ваше посещение этой страны доставило мне самое искреннее удовольствие, но сопровождалось только сожалением, что, после столь долгой разлуки, я не мог больше наслаждаться Вашим обществом.

Вам искренно преданный *Абердин*

Гос. архив, разр. III, № 104.

Приложение № 24¹

¹ Приложения № 22 и 24 изъятые.

Высочайший Манифест 14 марта 1848 года

Божиею милостию
МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ
ВСЕРОССИЙСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всенародно:

После благословений долголетнего мира запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства.

Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостию, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и нашей, Богом нам вверенной России.

Но да не будет так!

По заветному примеру православных наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, мы готовы встретить врагов наших, где бы они не предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном союзе со Святою нашею Русью защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших.

Мы удостоверены, что всякий русский, всякий верноподданный наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предрекает нам путь к победе; и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем:

С нами Бог! разумеете языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!

Дан в С.-Петербурге в 14-й день марта месяца, в лето от Рождества Христова 1848-е, Царствования же Нашего в двадцать третье.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

В Journal de St-Pétersbourg, издаваемом при Министерстве иностранных дел, напечатано:

«Мы на днях сообщили Высочайший Манифест, изданный по случаю смут, волнующих ныне Западную Европу. Всякий верноподданный царя, конечно, понял значение сего Манифеста. Это возглас веры, возглас отечества, нам сродный язык, которым русские цари во дни испытания обыкновенно вызывают к своему народу. Но за границей как действия, так и объявления нашего правительства часто перетолковываются совершенно в превратном смысле, и потому мы считаем не излишним войти в некоторые объяснения, дабы предупредить те ложные заключения, которые иностранцы вздумали бы выводить из означенного Манифеста.

Весьма заблуждались бы те, которые полагали бы, что в этом Манифесте заключается что-либо, могущее возбудить опасения касательно нарушения мира. Ничего подобного нет в помыслах нашего правительства. Но при неприязненных чувствах, явно возбуждаемых против нас за границы, ничего не могло быть естественнее воззвания царя к русским сердцам. В самом деле, не токмо во Франции, где даже власти принимают участие в замыслах польских выходцев, но в Венгрии, в Пруссии и в Германии везде раздавались враждебные против России клики. Эти клики повторяемы были в публичных совещаниях разных сословий, в представительных собраниях, даже в полуофициальных газетах. Правительствам, кои низвергнуты или преобразованы были мятежом, ставили в вину, что они находились в дружественных сношениях с нашим Двором. Лишь только узнали о событиях, имевших последствием провозглашение республики во Франции, нам тотчас стали приписывать воинственные замыслы. Громогласно отвергали союз с Россией тогда, когда не могли даже знать, намерены ли мы проливать кровь свою за чуждые нам распри. Россию старались представлять каким-то страшилищем. Тогда как мы никому не думали грозить, стали угрожать нам самим, как бы желая тем предупредить всякое со стороны нашей вмешательство.

Мы только можем удивляться подобным изъяснениям; ибо мы не помним, чтоб в наш век Россия когда-либо нарушила права Германии или в чем-либо посягнула на ее независимость.

Достопамятные события 1812 года свидетельствуют о том, с чьей стороны предпринято было неприязненное нападение; история указывает, в пользу ли или во вред германским народам послужило участие, тогда принятое нами в их делах.

Пусть же успокоятся умы, напрасно встревоженные. Ни в Германии, ни во Франции Россия не намерена вмешиваться в правительственные преобразования, которые уже совершились или же могли бы еще последовать. Россия не помышляет о нападении: она желает мира, нужного ей, чтоб спокойно заниматься постепенным развитием внутреннего своего благосостояния.

Пусть народы Запада ищут в революциях того мнимого благополучия, за которым они гонятся. Пусть каждый из этих народов по своему произволу избирает тот образ правления, который признает наиболее себе свойственным. Россия, спокойно взирая на таковые попытки, не примет в них участия, не будет противиться оным; она не позавидует участи сих народов даже и в том случае, если бы и действительно из недр безначалия и беспорядков возникла, наконец, для них лучшая будущность.

Что касается России, то она спокойно ожидает дальнейшего развития общественного своего быта как от времени, так и от мудрой заботливости своих царей.

Всякое общественное устройство, всевозможные, даже самые усовершенствованные, формы правления имеют свои недостатки. Зная это, Россия почитает первым для себя благом незыблемость существующего в оной законного порядка; так как без этого не может существовать ни политического могущества вне государства, ни кредита, ни торговли, ни промышленности, ни народного богатства внутри оно, то Россия не попустит, чтобы поколебали благонадежные и прочные ее установления, столь для нее драгоценные. Она не потерпит, чтоб чужеземные возмутители раздвигали в пределах ее пламя мятежа; чтоб, под предлогом восстановления исчезнувших народностей, покусились отторгнуть какую-либо из частей, составляющих в совокупности своей целость и единство империи.

Если же, наконец, из хаоса всех политических переворотов, всех возбужденных вопросов о взаимных правах, всех противоположных стремлений суждено возникнуть войне, то Россия в свое время рассмотрит, соответственно или нет ее выгодам вмешаться, и до какой именно степени, в распри между тем и тем государством, тем и тем народом.

Но она не упустит из виду того распределения границ между государствами, тех взаимных прав владения, кои освящены ее ручательством, и решительно не потерпит, чтобы, в случае изменения политического равновесия и иного какого-либо распределения областей, подобное изменение обратилось к ущербу империи.

Дотоле она будет соблюдать строгий нейтралитет. Не предпринимая никаких неприязненных действий, она будет бдительным оком следить за ходом событий. Одним словом: Россия не станет нападать ни на кого, если только на нас самих нападать не будет; она строго воздержится от всякого посягательства на независимость и неприкосновенность соседственных областей, если и соседственные области, со своей стороны, не посягнут на собственную ее неприкосновенность и независимость».

Приложение № 27¹

¹ Приложение № 27 изъято.

Записка Михаила Петровича Погодина 7 декабря 1853 года

*(курсивом напечатано подчеркнутое в подлиннике
рукою императора Николая I)*

Вы хотите, чтоб я написал Вам отчет о своем путешествии, особенно в отношении к славянам и современным вопросам. Но с какой целью буду я писать к Вам этот отчет? Если не произвело никакого действия и пропало без вести мое донесение 1842 года, которое так великолепно и удивительно, даже для меня самого, паче чаяния, оправдалось и оправдывается последовавшими событиями, с нынешними включительно, то какую пользу может принести краткая записка? Но так и быть. Исполню Ваше желание, как могу, второпях. *Признаюсь, у меня самого давно уже порывалась рука, давно уже волнуется желчь при чтении иностранных газет. Западная логика выведет хоть кого из терпения: переведем на простой русский язык ее последние выходки.*

Помириться с турками, говорит она России, вот примирительная нота, нами сообщена сочиненная; примите ее, но с тем условием, чтоб Вы не толковали ее статей в свою пользу, а во вред, против себя, а не для себя, под строгой ответственностью.

Или, воюйте с турками, проливайте свою кровь, истощайте свои силы, побеждайте, но с тем условием, чтоб после победы вы отказались от всех своих выгод, не только настоящих, но и прошедших, полученных вашими предками, а предоставили решение нам, и мы устроим все ваши дела как можно полезнее для себя, а не для вас.

Какое положение предоставляется России и в мире, и в войне, и даже после победы? Мудрено и выбирать. Не лучше ли желать уж нам поражения?

Есть ли смысл не только политический, но общий человеческий, в этих предложениях?

Нет, господа, по-русски мы понимаем дело так, что если вы предлагаете нам мир, то мы имеем полное право толковать его в свою пользу: никто себе не лиходей, а *если воевать, так, по крайней мере, не даром, и работать на себя, а не на вас, для какого-то мнимого равновесия.*

А каково они рассуждают об этом равновесии?

Франция отнимает у Турции Алжир, Англия присоединяет к своей Ост-Индской монархии всякий год почти по новому царству: это не нарушает равновесия, а Россия заняла Молдавию и Валахию, на время, по слову Русского Государя (а кто же смеет Ему не поверить!), и нарушается равновесие.

Франция среди мира занимает Рим и остается там несколько лет: это ничего, а Россия, если даже *думает только о Константинополе, в их собственном воображении*, то все здание Европейской политики

колеблется. Англия объявляет войну китайцам, которые будто бы ее оскорбили: никто не имеет права вступаться в ее дела, но Россия должна спрашивать позволения у Европы, если поссорится с соседом. *Англия разоряет Грецию, поддерживая фальшивый иск одного беглого жида, и жжет ее флот: это действие законное, а Россия требует, в силу трактатов, безопасности миллионам христиан: это слишком усиливает ее влияние на Востоке в ущерб всеобщего равновесия.* Австрийская Империя погибает, все западные державы молчат и не опасаются, что равновесие без нее нарушится, пусть она погибает: напротив, еще лорд Пальмерстон старается увеличить ее трудные обстоятельства, а мысль, что Турция лишится какой-нибудь своей области, или султан ослабнет в верховных правах своих, заставляет Европу трепетать даже за себя.

Грустно, грустно смотреть на Европу. Что сделалось с нею?

Как могло случиться, что отступничество, ренегатство, самое постыдное из человеческих действий, даже в частной жизни, сделалось повсюду как будто а l'ordre du jour, без малейшего зазрения совести.

По какому закону совершенствования могло случиться, что христианские народы, не краснея, становятся под ненавистным некогда знаменем Луны и празднуют ее победы, даже выдуманные?

Откуда такая симпатия к Магомету?

А впрочем, все стараются о мире и желают добра христианам. Поневолле вспомнишь об Иуде и об его лобзаниях.

И что сделала им Россия?

Не говоря о 1812 годе, годе спасения, *от которого вся настоящая Европа ведет свое происхождение, в 1848 году кто останавливал волны революционного потока, грозившего поглотить все, по собственному ее сознанию, и образование, и нравственность, и свободу, и науку, и искусство? Кто в 1850 году не допустил Австрию и Пруссию до междоусобной войны, которая могла привести на край гибели ту и другую, а вместе с ними и всю Европу?*

Пред началом нынешней войны, сколько сделано было уступок, сколько дано отсрочек, сколько принято ограничений, сколько предложено ультиматумов и ультиматиссимов. Не служили ли все сии согласия, увенчанные полным принятием Венской ноты, не служили ль осязательным доказательством желания нашего сохранить мир?

А самые требования наши? Они были так умеренны, так стары, так просты, так определены, что только *упорное сопротивление принять их сообщило им значение.* И если б они были исполнены с первого раза, без дальнейшего рассуждения (как и была готова Турция, без происков Англии, судя по общим слухам), то, кажется, ни один листик не пошевелился бы на дереве в Европе, *разве несчастные турецкие христиане вздохнули бы от глубины сердца об отсрочке спасения, но от этих потаенных вздохов положительная Евро-*

па, разумеется, не покачнулась бы на сторону, и ни один ее вагон не выскочил бы из своих рельсов.

Кто же виноват в нарушении мира и в вызове опасностей?

Но мы заняли княжества?

Временное условное занятие княжеств, принадлежащих нам почти наравне с Турцией, при торжественном обещании императора Николая, которому, повторяю, никто не смел не верить, после тридцатилетних доказательств его справедливости и великодушия, не значило ровно ничего, кроме намерения иметь залог, намерения, вынужденного предыдущими обстоятельствами. Занятия должно было показать только, что мы предъявили наши требования не шутя, и что *миссия князя Меншикова имела право на внимание со стороны Турции, не менее миссии графа Лейнингена.*

Все это так ясно, искренно, естественно, осязательно, что, казалось, не имеет нужды ни в каких дальнейших пояснениях и доказательствах, но *слепая ненависть и злоба ничего не понимают и понимать не хотят («только, и в этом все» — пометка императора Николая I.)* Она видяще не видит и слышаще не разумеет.

Какая же причина этой ненависти?

Здесь я должен войти в некоторые подробности.

Есть две Европы: Европа газет и журналов и Европа настоящая. В некоторых отношениях они даже не похожи одна на другую.

В настоящей Европе большинство думает о своих делах, о процентах и об акциях, о нуждах и удовольствиях и не заботится ни о войне, ни о мире, ни о России, ни о Турции, разве в отношении к своим выгодам. Остальное народонаселение с журналами и газетами можно разделить на три категории.

Одни ненавидят Россию, потому что не имеют о ней ни малейшего понятия, руководствуясь сочинением какого-нибудь Кюстина и двух-трех наших выходцев, которые знают свое отечество еще хуже его. *Церковь наша, во имя которой мы обнажили теперь меч, называется ересью; все учреждения считаются дикими, и личность беззащитною, литература безгласною, и вся история вчерашнею.*

На месте закона они видят везде произвол. Наше молчание, глубокое, могильное, утверждает их в нелепых мнениях. Они не могут понять, чтоб можно было такие капитальные обвинения оставлять без выражения, и потому считают их положительными и истинными. Как же вы хотите, чтоб мы нашли себе у этой категории сочувствие? Чему может она сочувствовать? *Вот вред, происшедший от нашего пренебрежения общим мнением! Мы имели бы многих на своей стороне, если бы старались не только быть, но и казаться правыми.* («Величественное молчание на общий лай приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка» — пометка императора Николая I.) Другие ненавидят Россию, считая ее главным препятствием общему прогрессу, будучи уверены, что без России конституционные попытки в

Германии и повсюду удались бы гораздо полнее; они думают, что и впрямь на этом пути прежде всего встретится им Россия. («Так», — отметил император Николай I.) Следовательно, всякое увеличение русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развития, для просвещения и потому непременно, во что бы то ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо. Это взгляд так называемой левой стороны, которую следует вразумлять, что нам до нее дела нет, хоть по головам ходи, лишь только нас не тронь, пока сама не попросит нашего участия.

К третьей категории принадлежат различные выходцы, изгнанники, политические бобыли и пролетарии, которым терять нечего, радикалы, которые имеют целью только в мутной воде рыбу ловить. Они желают войны, какой бы то ни было, надеясь вызвать ею новые происшествия, новые столкновения, полезные для осуществления их замыслов, частных и общих. Между ними поляки и венгерцы удовлетворяют войною вместе и чувству личной мести. *С этой категорией всякое объяснение бесполезно: она поймет только грозу и силу.*

Наконец, присоедините к ним инстинкт зла, которое, естественно, ненавидит добро, и как будто слышит себе грозу с Востока. Эта злоба безотчетная имеет для нас даже нечто утешительное, заставляя предполагать в себе большой капитал добра, для нас самих, может быть, сокровенный.

Вот вам мое мнение о народах и массах. Литература играет ныне в Европе жалкую роль: или невежество, или пристрастие внушает ее речи, преимущественно в продажных газетах и журналах, или служащих отголосками партий, или потакающих толпе из корыстных видов.

Правительства почти все против нас: одни из зависти, другие из страха, из личных побуждений. Даже Австрия, недавно спасенная нами от конечной гибели, объявляет себя только что нейтральною и во многих случаях, особенно судя по последним известиям, действует заодно с морскими державами.

Здесь я должен объяснить одно недоразумение, которое может встретиться при чтении моих прежних донесений: я говорил, что Австрия менее Турции имеет внутренней силы и залогов своей долговечности, а Австрия избавилась так блистательно от всех своих опасностей 1848 года и играет теперь такую важную роль в системе Европейских государств. Нет ли здесь противоречия моим положениям? Нет, противоречия никакого нет, потому что Австрия погибла бы безвозвратно, распавшись на составные свои части, если бы не спасла ее Россия.

Россия спасла Австрию в 1850 году и спасает ее всякую минуту теперь: отнимите у венгерцев, итальянцев, славян мысль, что в нужном случае Россия вступится опять за Австрию, и вы увидите, долго ли простоят она? («Неоспоримо», — помечил император Николай.)

По сим причинам можно, кажется, говорить с нею несколько тверже и не считать ее нейтралитета особенным благодеянием, и если великий

император России, на двадцать девятом году своего царствования, осчастливит своим посещением Ольмюц, то тамошний венчаный юноша не должен бы, кажется, предъявлять ему выгоды своей искусственной монархии, *существующей a la lettre только по доброй воле его великодушного союзника*, а предать ему себя и ее в полное распоряжение. («*В некоторой степени так, но не совсем*», — отметил государь.)

Может быть, я не справедлив к нему, пишу это под влиянием иностранных газет, которые приписывают ему какую-то самостоятельность, оскорбительную для русского, преданного своему государю. *Может быть, он исполнен сыновних чувствований к своему благодетелю, как и должен, но, кроме него, в Австрии есть еще правительство, есть дипломатия, есть бюрократия, враждебные искони России, знаменитые своим предательством* (как при Екатерине, так и при Павле и при Александре), которым и должно открывать иногда глаза, чтоб не забывались. («*Это так, и одним словом каналов много*», — заметил государь.)

Я остаюсь при своем мнении, и нынешнее путешествие утвердило меня в нем окончательно: союз Австрии с Россией еще противоестественнее союза Франции с Англией. Что это за союз — укажу на один маловажный пример — если одной книги, одного номера газеты или журнала нельзя переслать из России в Австрию без величайшего затруднения, как будто бы они были пропитаны ядом. Утвердиться России на Дунае Австрия всегда будет мешать больше, нежели даже Франция и Англия, потому что, приблизясь к Сербии, а, следовательно, к ее Сирмии, военной границе, вообще к славянам («*Так и будет*», — написал государь), мы повесим над нею меч Дамоклов; так из чего же мы будем хлопотать? А пожертвовать для нее славянами, значит обрубать себе руки, увечить свое тело.

Впрочем, это все только предположения. Если, вследствие предшествовавших обстоятельств, Австрия есть наша союзница, то так тому и быть. Только, *conditio sine qua non*, она должна быть союзницею верною, искреннею и безусловною, в огонь и в воду, не из новых выгод и расчетов, а с готовностью принести всякую жертву в случае нужды. («*Невозможно*», — отметил государь.)

При малейшем сомнении, подозрении или улике (коих, вероятно, ждать не будем долго), медаль должна перевернуться, ибо Австрию выгоднее иметь нам врагом, нежели другом, выгоднее во всех отношениях, даже без промена ее на Францию, которая может перейти на нашу сторону, а с Францией и говорить нечего. («*Чепуха*», — надпись государя.). Франция за Италию отдаст нам в распоряжение не только Австрию и Турцию, но пожертвует, без сомнения, и *entente cordiale* с Англией.

Скажут — правительство во Франции непрочно, и неизвестно, останется ли Бонапарт, или возвратятся Бурбоны.

По моему мнению, во Франции, Франция с Бонапартом или Бурбоном, смотря по тому, кто пораньше встал да палку в руки взял, мы можем

внутренне нравственно благоприятствовать более одному, нежели другому, но во внешнем образе действий подражать Англии, которая улаживает и Бонапарта, и Бурбона, и конституционную монархию, и радикальную республику. (*«Вранье»*, — отметил государь). Да к тому же у французов внешняя политика не зависит никогда от образа правления, и в последнее время республика, в эпоху своих оргий, действовала в отношении к Германии и Италии совершенно в духе старых преданий, как будто при Людовике XIV.

Но оставим возможность и обратимся к настоящему времени: кто же наши союзники в Европе? (*«Никто, и нам их не надо, если уповаешь безусловно на Бога, и довольно»*, — помечено государем.)

Союзники наши в Европе, и единственные, и надежные, и могущественные, — славяне, родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере, а их 10 миллионов в Турции, и (двадцать?) миллионов в Австрии. Это количество, значительное само по себе, еще значительнее по своему качеству, в сравнении с изнеженными сынами Западной Европы. Черногорцы ведь станут в ряды поголовно. Сербы также. Босняки от них не отстанут. Одни турецкие славяне могут выставить двести или более тысяч войска, и какого войска! Не говорю о военной границе, Кроатах, Далматинцах, Славонцах и проч. (*«Писано и думано через увеличительное стекло; уменьшено в 1/10 долю, и этого довольно»*, — надпись государя.)

Вот естественные наши союзники! Покажите им прекрасную, святую цель освобождения от несносного иноплеменного ига, под которым они стонут 400 лет, умейте управить их силами живыми, могучими, восторженными, и вы увидите, какие чудеса ими сотворятся. Да сколько прибудет силы и у русского Самсона. Или дух его не в счет уже пошел? Приезжай-ка, государь, в Москву на весну, отслужи молебен Иверской Божьей Матери, сходи помолиться ко гробу Чудотворца Сергия, да кликни клич: православные, за гроб Христов, за святые места, на помощь к нашим братьям, истомленным в муках! и страданиях! вся земля встанет, откуда что возьмется, и посмотрим, будет ли нам тогда страшен старый Запад, с его логикой, дипломатией и изменою.

В отношении к туркам мы находимся в самом благоприятном, самом выгодном положении, в которое они поставили нас сами, вместе со своими знаменитыми союзниками, по какому-то таинственному движению истории, которая видимо хочет чего-то другого, чем люди.

Мы можем сказать: вы отказываетесь обещать нам искреннее, действительное покровительство вашим христианам, которого мы единственно требовали, уверяя вас несколько раз торжественно, пред лицом всей Европы, что мы не хотим ничего больше и не ищем никаких завоеваний; вы объявили нам войну и провозгласили уничтожение всех прежних трактатов для нового определения наших отношений, так мы требуем теперь освобождения славян, и пусть война, избранное вами самими средство, по

собственному вашему желанию решит новые наш спор. (*«Так, вероятно, и будет»*, — надпись государя.)

Скажу даже вот что: если мы теперь не сделаем этого, не освободим славян, так или иначе, под нашим покровительством, то сделают это наши враги, англичане и французы, которые только того и ждут, чтоб мы обробели (о чем распространяются теперь слухи), и согласились заключить мир, то есть *уступить*, то есть отказаться от всякого влияния на Востоке, от миссии, нам предназначенной со времени основания нашего государства. Они сделают то, чему теперь мешают, потому что иначе вопроса решить нельзя, а теперешняя их роль ренегатов слишком позорна, *и они столько умны*, что побоятся оставить ее за собою в истории. В Сербии, Болгарии и Боснии, везде между славянами, они действуют, и завели свои, западные партии, кои предсказал я, впрочем, за десять лет пред сим. Они *развратят и освободят* славян. Каково же будет нам тогда? (*«Совершенно так»*.)

Да! если мы не воспользуемся теперь благоприятными обстоятельствами, если пожертвуем славянскими интересами, если обманем их расцветшую надежду, или предоставим их судьбу решениям *других держав*, тогда мы будем иметь против себя не одну шальную Польшу, а десять (чего только враги и желают, о чем и заботятся), и Петровы, Екатериныны высокие предположения и предначинания простите навеки! (*«Так»*.)

Имея против себя славян, и это будут уже самые лютые враги России, укрепляйте Киев и *чините Годуновскую стену в Смоленске*. Россия снизойдет на степень держав второго класса ко времени Андрусовского мира, поруганная и осрамленная не только в глазах современников, но и потомства, не умев исполнить своего исторического предначинания.

Самая великая и торжественная минута наступила для нее, какой не бывало, может быть, с Полтавского и Бородинского дня! Если не вперед, то назад — таков непреложный закон истории. Неужели назад? Неужели это случится в царствование императора Николая, за его неутомимую, беспримерную, после Петровой, службу отечеству, в продолжение 30-ти почти лет, от раннего утра до позднего вечера, без отпусков, болезней и промежутков. Нет! этого не будет, и Бог Его и нас с ним так не накажет. Нет! Благородное, великодушное, русское сердце Его чувствует, и мы все это видим, какие страницы, не в пример другим, предоставлены Ему в Отечественной Истории! Неужели променяет Он их на ту, где было бы сказано: Петр основал владычество России на Востоке, Екатерина утвердила, Александр распространил, а Николай передал его латинам. Нет! этого не может быть, и этого не будет вовеки веков. С ним не пойдем мы назад!

Боже, спаси Царя! (Последний период несколько раз подчеркнут государем.)

Архив Министерства иностранных дел. Доклад. 1853 год.

Рукописная записка Михаила Волкова «Что довело Россию до настоящей войны», относящаяся к началу 1856 года и посвященная князю Александру Михайловичу Горчакову

Влияние как действие непринужденное тогда только проявляется, когда сторона, ищущая влияния, умеет заслужить доверие той стороны, которую желает подчинить своему влиянию, убедив ее в благосклонности своих чувств, и когда, при обнаружении своих требований, соблюдает умеренность, не выступая из пределов приличия и права. Но ежели сторона, ищущая влияния, из-под личины благонамеренности выкажет неловко иные замыслы и даст основательный повод сомневаться в искренности ее дружбы или при обнаружении своих требований забудет о началах умеренности, приличия и права, в таком случае влияние ее непременно исчезнет. — На место доверия явится недоверчивость, и чувство благорасположения заменится отвращением. — Для поддержания влияния необходима также последовательность в действиях. — Кто льстит сегодня мне, а завтра врагу моему, тот лишается общего доверия и уважения; кто сегодня грозен, а завтра уступчив, тот никому не страшен; кто, смело высказав свое требование, не окажет твердости в поддержании его, а уступит пред сопротивлением посторонних лиц, тот подвергнет себя заслуженному презрению; кто предпримет дело, не имея под рукою достаточных средств для достижения своей цели, тот выйдет из дела побитый и отброшенный. — В сих коротких строках заключается история сношений наших с Востоком или, лучше сказать, с Оттоманской империей, в течение последнего сорокалетия. — Один только пятилетний период, протекавший с 1829 по 1833 год, составляет исключение из общей жалкой картины наших неудач на Востоке.

Сношения России с Портой состоят из перемежающихся периодов мира и войны. Дружба заменяется враждой и обратно. Мир наступает обыкновенно после долгих и упорных битв, когда силы воюющих сторон близки уже к истощению. Война следует за миром, когда возбужденное какими-нибудь внешними причинами чувство народного и государственного самосознания внушает туркам желание вступить с нами в брань, дабы освободиться от нашего тяготения и возвратить Турецкой империи утраченные ею права и области. В истории сношений России с Портой проявляется чисто динамическое давление русского правительства на турецкое; что же касается влияния, то оно очень редко бывает заметно. Отсутствие влияния объясняется самой природой наших отношений к Порте. Влияние, как действие невынужденное, как результат взаимного

¹ Приложение № 29 изъято.

доверия и сочувствия обеих сторон, не может существовать там, где отношения сопровождаются недоверчивостью и напряженностью. Сколько мы ни старались вникнуть в историю наших сношений с Турцией, нам не удалось найти примеров русского влияния. Все, что ни приобрели представители наши на Востоке, добыто ими посредством настойчивых требований и угроз или помощью постороннего влияния, но ни силой рассуждения и логических доводов или увлекательностью глубоко проникнутого убеждения.

Приведем здесь примеры из истории сношений наших с Турцией. Бухарестский договор, хотя и был подписан в 1812 году, но оставался без исполнения до войны 1828 года, ибо мы не пользовались в Царьграде ни малейшим влиянием. Несмотря на гордость и взыскательность барона Строганова, заменившего при турецком дворе кроткого, ученого и уступчивого посланника Италинского, русское посольство не могло похвалиться при нем ни малейшим успехом, ибо Порта, опираясь на Англию и Австрию, чувствовала себя огражденной от давления со стороны России и смотрела на требования Строганова как на выходки человека необыкновенно вспыльчивого, который высокомерным своим обращением вызвал сопротивление турок. По отбытии Строганова из Царьграда, вследствие восстания греков, влияние наше на турецкое правительство рушилось совершенно. Император Александр, испуганный Меттернихом, видел в греках карбонаров, не смел выказать им сочувствия, предал их туркам на заклание и, удержанный угрозами Австрии и Англии от войны с Портой, дошел до самых последних пределов уступчивости. Вместо того, чтобы двинуть войска свои к Царьграду на совершение того великого и святого дела, которому он сам сначала был покровителем, император Александр взирал равнодушно на восточные события. Он мог заставить трепетать Австрию изъявлением сочувствия своего к восставшим против ее давления итальянцам; он мог смело двинуть полки свои на помощь грекам, ибо вся Италия пылала в то время в пламени восстания; но смущенный дух его не постиг этого высокого призвания; он оставил прелестную Италию на поприще Австрии и предал единоверцев своих турецкому мечу. Его снисходительность к Меттерниху и Кастельрэ достигла такой степени самоотвержения, что, почитая присутствие русского посланника в Царьграде бесполезным и даже неприличным в то время, как турки губили тысячами сынов Восточной церкви и в особенности то племя, которого Великая Екатерина была гласной покровительницей, наш слабый венценосец поручил заведование делами русской миссии в Царьграде английскому послу лорду Стренгфорду! Этот хитрый дипломат занимался ими ко вреду России до Веронского конгресса. На этом знаменитом съезде, давшем Меттерниху случай упрочить пагубное свое влияние на Александра, заведование русскими делами на Востоке передано было австрийской миссии, пребывавшей в Царьграде. Веронский конгресс съехался в ноябре 1822 года, девятнадцать месяцев спустя после греческого восстания. В этот краткий, но ужасный период дело греческое

озарилось самым христианским и мученическим сиянием. Один только ослепленный мог видеть в грехах карбонаров. В глазах мира дело греческое почиталось святым. Но Александр, поработанный Меттернихом, оставался игрищем сатанических ухищрений австрийского министра. Почитая греков сообщниками какой-то революционной шайки, русский царь, тот самый, под кровом которого Этерия образовалась и процветала, тот самый, который предписывал Чичагову быть освободителем угнетенных славян, русский царь, Александр Благословенный, внук славной Екатерины, отталкивал от себя прибегающих к его покровительству греков, не внимал их воплям и не допустил посланных от Греции депутатов предстать пред его лицом. Чем более изучаешь внешнюю политику русского правительства, тем менее удивляешься тому, что русский двор есть предмет общей недоверчивости народов и правительств. Что может быть страннее этой политики? Дробить Италию и поработать ее Австрии, между тем как польза России требует, чтобы Италия была государством сильным и независимым. Ободрять Этерию на Востоке, покровительствовать учреждению училищ между христианами, живущими в Турции, пробуждать в них дух свободы, и между тем в то самое время, как этот дух начинает оживать угнетенных, в ту минуту, как удрученные подают признаки восстания, не только от них отступить, но даже предать их безбожно на заклятие их лютейшим врагам. Политика Александра отзывалась двуличностью, и эта-то двуличность вредила Александру во мнении правительств и народов.

Перейдем теперь к императору Николаю. Начало царствования этого государя было превосходно. Он восстановил честь русского имени на Востоке. Он заставил турок устроить на Аккерманском конгрессе все, что было ими оставлено без внимания со времени Бухарестского мира; он объявил себя покровителем греков; он довел западные державы до союза против ислама; он вступил в войну с Портой; он вел эту войну два года и подписал мир в Адрианополе на самых выгодных для христиан условиях. Адрианопольский договор положил основание трем новым народностям, которые неминуемо должны со временем образоваться. Права и преимущества, дарованные Молдавии и Валахии, суть зародыши будущего Дакского государства, к которому примкнет и Трансильвания. Сербское княжество есть зародыш Южно-славянского царства, в состав которого войдет: Сербия, Болгария, Босния, Герцеговина, Хорватия, равномерно как и Австрийско-южно-славянские области. Греческое королевство есть зародыш нового Византийского царства.

Положив основание этому новому распределению христианских народностей на Востоке, Николай пошел далее. Война, терзавшая в 1833 году Оттоманскую империю, подала ему повод к устроению в ней нового порядка. В то время Турецкое государство раздвоено было на удел Оттоманский и удел Арабский. Первый повиновался султану Махмуду II, второй Мегеммеду-Али, египетскому паше. Зоркий взгляд Николая I открыл, что это раздвоение согласовалось с прямой пользой России. Мегем-

мед-Али, руководимый теми же западными державами, которые и теперь с нами воюют, метил свергнуть Махмуда с престола, дабы стать главой всей Империи Оттоманской. Николай не допустил его до осуществления этого замысла; он отбросил Мегеммеда-Али за пределы Малой Азии и начертил на карте две мусульманские империи, вместо одной. За Махмудом осталась Европейская Турция с Малой Азией; за Мегеммедом-Али — Сирия, Палестина и Египет с островом Кандией. Столицей Турецкой империи остался Стамбул; первым градом Арабской империи сделалась Александрия. Польза России требовала упрочения введенного в Турции раздела, и Николай I постигал вполне всю важность этого соображения. Он понимал, до какой степени соперничество между Махмудом и Мегеммедом-Али могло служить его политическим видам, но, к несчастью, русский царь ошибся в средствах для достижения своей цели. Вместо того, чтобы удовольствоваться ослаблением Оттоманской империи посредством ее раздробления на несколько участков, он пожелал немедленно сделаться полным хозяином на Босфоре. Для осуществления этой мысли придумали в Петербурге самое неудачное средство. Глубокие русские политики, видя, что Европа не встревожилась прибытием наших войск в Царьград на помощь султану Махмуду, заключили из этого равнодушия западных держав, что России все возможно на Босфоре. Упоенные своим мгновенным успехом, они составили на берегах Невы проект союзного трактата с Портой и прислали этот акт в Царьград для подписания. Г. Бутенев со стороны России, Хозрев-паша и Акиф-Ефпенди со стороны Турции были созданы на совещание. Несколько раз сходились обоюдные полномочные для прений об условиях трактата, и, наконец, вследствие нашей настойчивости трактат был принят турками во всей нелепости С.-Петербургского проекта. Россия обязалась поддерживать султана против всех его врагов, внутренних и внешних; Турция обещала запираť Дарданеллы врагам России и обязалась не пропускать сквозь проливы никаких флотов, принадлежащих враждебным русскому царю державам. Этот знаменитый трактат относится к июлю месяцу 1833 года и назван на западе трактатом ункияр-эскелеси.

С первого взгляда Бутеневский договор не обнаруживает в себе ничего бессмысленного; Россия обещает присылать в Турцию войска при первом требовании султана; Махмуд, со своей стороны, обязывается запираť Дарданеллы на замок при первом требовании России. Но чем более вникаешь в содержание этого трактата, определяющего начало всех наших последующих неудач на Востоке, тем глубже убеждаешься в той мысли, что лица, участвовавшие в составлении С.-Петербургского проекта, не имели понятия о положении Турции и не предвидели тех последствий, которые должны были неминуемо проистечь из условий турко-русского союза. В С.-Петербурге забыли, что Махмуд не имел ни силы, ни желания, ни возможности привести когда-нибудь этот договор в исполнение. Что мог сделать в пользу нашу султан, изнуренный продолжительной войной с греками, с русскими, с арнаутами и, наконец, с арабами?

Мог ли он, при случае, выказать себя нашим союзником, когда в его империи, от низшего простолюдина до высшего сановника, всякий мусульманин почитал русского царя заклятым, вечным и непримиримым врагом Оттоманского государства? Кто из турок, начиная с самого Махмуда, в случае появления англо-французских флотов при устье Дарданелл, не принял бы их с восторгом и не открыл бы им дальнейшего хода в Черное море для истребления русского флота. Всякий, занимавшийся несколько восточными делами, предсказал бы безошибочно Петербургскому двору, что со стороны Турции Бутеневский договор останется всегда мертвой буквой. Рассмотрим теперь, какие неблагоприятные последствия навлек России этот трактат со стороны западных держав. Означенный договор скрепил между этими державами самый тесный союз и поставил русский Черноморский флот в опасность быть жертвой нашего разрыва с Англией и Францией. Обнаруживая пред турками всю ничтожность нашей морской силы в сравнении с Западом, он внушил мысль Оттоманской Порте загладить перед Англией и Францией сделанную Махмудом ошибку и вызвал турок сблизиться с западными державами для уничтожения нашего тяготения на Востоке. С 1834 года начались колебания Порты. В 1836 году султан отправил чрезвычайных послов в Париж и Лондон с ходатайством о сближении Турции с Западом. Россия вздумала было остановить поступки султана, напомнив ему о Бутеневском трактате. Но султан, ободренный Англией и Францией и поддержанный Австрией, отвечал ей, что Турция должна жить в дружбе со всеми, несмотря на помянутый трактат. Турки поняли тогда из наших движений на Черном море, что, невзирая на гордую переписку, существовавшую между нашим двором и Западом, мы в сердце своем боялись его, они видели, что, исключая двух или трех бригов, ни одно русское военное судно не осмеливалось являться у входа в Босфор, дабы не дать повода англо-французскому флоту ворваться в Дарданеллы. Эта необыкновенная осторожность, не похожая на прежние наши приемы, повредила нам чрезмерно во мнении мусульман.

В то время судьба преследовала нас по всему Востоку, и наши Кавказские, Гератские и Средне-Азийские неудачи возбудили в турках мысль, что русская сила в упадке. Действительно, расстроенное положение наших дел за Кавказом во времена барона Розена и генерала Головина; неудачная попытка отдать Герат Персии; смирение, с которым русское министерство иностранных дел отреклось от агентов, посланных им в 1838 году в центральную Азию, уверяя Англию без зазрения совести, что эти агенты русскому правительству неизвестны; все эти события не могли возвысить нас во мнении турок. Оттоманское правительство и мусульмане почитали нас людьми лукавыми, неловкими и слабыми. Но в глазах христиан договор союзный с Портой казался явной изменой со стороны русского царя, призванного, по мнению жителей Востока, разрушить, а не поддерживать Оттоманскую империю. Шесть лет протекли со дня подписания Бутеневского трактата до смерти султана Махмуда II, и в это шестилетие наше влияние в Царьграде дошло до совершенного ничтожества. Медото-

чивый наш посланник, г. Бутенев занимался текущими делами, хлопотал и о Сербии, и о Молдо-Валахии, терялся в бесконечных и скучных переписках со своим двором, но не имел в Царьграде никакого значения.

Исполни тогдашней дипломатии в Турции, главный двигатель оттоманской политики был английский посол лорд Понсомби, достойный предшественник лорда Редклифа. Мы увидим, каким влиянием при турецком дворе пользовался представитель Великобритании. Указывая туркам на Чечню, уверяя их в сочувствии к ним Англии и всей Европы, он возбуждал мусульман к сопротивлению и еще в 1838 году подал султану записку о том, как отнять у России Тавриду и Бессарабию. Но, хотя могущество России в Черном море и крайне озабочивало английского посла, лорд Понсомби понимал, однако, ясно, что его заботы о восстановлении турецкого могущества не должны были выходить из пределов возможного, и что прежде нежели приступить к осуществлению отдаленных планов, следовало начать с воссоздания Оттоманской империи в тех пределах, в которых она существовала до разрыва с Мегеммедом-Али. Понсомби предложил султану завоевать снова Сирию, и война 1839 года открылась.

Ни одна из держав Европы не пользовалась таким влиянием на Востоке, как Англия. Турецкое правительство взирало на Англию как на искреннюю свою союзницу, готовую содействовать силе и благоденствию Турции, между тем как Австрия и Франция казались ей подозрительны. Неограниченное доверие Порты помогало чрезмерно великобританским послам в исполнении их обязанностей и придавало им такую смелость, что они позволяли себе входить к султану с самыми чрезвычайными требованиями, не сомневаясь в успехе. Лорд Понсомби под разными предложениями отрешал турецких министров, сменял вселенских патриархов, и его отважные действия не внушали туркам никакого подозрения и даже не казались им оскорбительны. Англия не упускала ни малейшего средства для внушения Порте глубокого к себе доверия. Великобританский двор выставлял себя образцом нелицемерной дружбы к султану, между тем как прочие державы выказывали величайшее равнодушие к Порте. Понсомби раскидывал перед турками карту Европы и, указывая им на завоевания России, не забывал также внушать подозрения и к Франции, завоевавшей Алжир, тяготившей над судьбами северной Африки и двигавшей по своему произволу политикой египетского паши.

Влияние, которым пользовалась Франция при дворе знаменитого Мегеммеда-Али, тревожило великобританского посла, и он вместе с известным лордом Пальмерстоном, бывшим в 1839 году министром иностранных дел, определил уничтожить могущество египетского владетеля. Для достижения этой цели лорд Понсомби предположил себе возбудить войну между султаном и его вассалом. Сперва посредством разосланных агентов английский посол старался взволновать Ливанскую гору против Ибрагима-пашы, начальствовавшего в Сирии, от имени Мегеммеда-Али,

но, увидев, что это орудие недостаточно, прибегнул к другому и под разными предлогами уговорил Махмуда II объявить войну египетскому паше. Султан имел в то время порядочную армию, превосходившую числом ту силу, которой предводительствовал Ибрагим-паша. Махмуд полагал, что его сильное войско, опираясь на бунтующих друзов, победит непременно малую армию Ибрагима, и что вся Сирия покорится снова династии Оттомана. Но не так случилось. Турецкое войско под начальством безграмотного черкеса Гафыза-паши переправилось через Тавр, столкнулось с арабами у селения Незиб и было наголову разбито. Между тем, по внушению Франции, Ахмет-паша, начальник турецкого флота, увел подчиненные ему корабли в Александрию, и султан остался разом без сухопутной и без морской сил. Турецкая армия была рассеяна, флот находился в Египте, и турецкий султан походил более на призрак государя, нежели на истинного монарха. В довершении всех бед, в ту самую минуту, как Оттоманская империя особенно нуждалась в правителе, султан Махмуд скончался, и на турецкий престол вступил 16-летний Абдул-Меджид, старший из сыновей Махмуда.

Положение Турции указывало путь русскому правительству. Смерть Махмуда лишала Оттоманскую империю последней силы. России следовало воспользоваться этим случаем, чтобы помешать восстановлению Турецкой империи в прежних ее пределах. Благоразумие предписывало России сблизиться с Францией, для поддержания независимости Мегеммеда-Али, ибо этой независимостью, на которую египетский паша имел полное право вследствие несправедливого нападения на его армию в Сирии, разрушалось до основания единство турецкого государства. Но, вопреки всякой здоровой политике, мы встали на сторону Англии и Австрии и принялись усердно за работу, чтобы превратить Оттоманскую империю из развалины в государство самостоятельное. Вскоре обстоятельства доказали нам нелепость наших действий, но уже было поздно, и сколько с тех пор мы ни ссылались на болезненное положение Турции, сколько ни старались доказать Европе, что лучше зарыть этого больного в землю, нежели дать ему тлеть и гнить на вольном воздухе, но никто не убедился нашими доводами, и больной пережил самого исполина Николая I. Более того, этот больной, поддержанный тремя богатырями, собрался с последними силами, заставил нас убираться из его дома и при помощи своих приятелей и приполз к нам самим в дом. Но обратимся снова к историческому ходу наших промахов на Востоке.

В политике, как и в жизни частных людей, одна ошибка ведет к другой. Договор Бутенева с Портой положил основание нашим неудачам на Востоке. На этом основании построилось потом целое огромное здание непростительных ошибок. Бутеневский трактат разгласил в целом мире, что Россия есть преданнейшая и самая нелicenseмерная союзница султана и что действия ее связаны впредь с судьбами Порты. По смерти султана Махмуда нам предстал случай уничтожить значение Оттоманской империи посредством совершенного отлучения от нее Сирии, Палестины и

Египта; однако силой той самой логики, которая вовлекла нас в трактат 1833 года, мы вынуждены были поддерживать султана, вопреки прямой нашей пользе, и хотя наш двор не одобрял войны, объявленной Портой египетскому сатрапу, ибо чувствовал, что падение Мегеммеда-Али повредит нашему собственному значению на Востоке, но, дабы не впасть в противоречие с провозглашенными им правилами, нашелся в обязанности пристать к трактату 15 июля 1840 года.

Этот трактат был придуман нашими главными врагами, Пальмерстоном, Меттернихом и великобританским в Царьграде послом лордом Понсомби. Он имел целью восстановить Оттоманскую империю в ее целостности покорением снова ее власти тех областей, которые были в 1833 году уступлены Мегеммеду-Али, и уничтожением независимости египетского паши. Австрия и Англия желали подавить значение Франции в Египте, стране, в которой это государство пользовалось чрезвычайным влиянием, и предполагали в то же время слить вместе разрозненные силы Оттоманской империи, дабы противопоставить эту возобновленную и усиленную империю нашему тяготению на Востоке. Англия уже и тогда смущалась при зрелище нашей возраставшей силы и употребляла все старания свои, дабы вредить нам. С этой целью она вооружала против нас горцев на Кавказе и прилагала с Австрией все попечение свое о восстановлении и укреплении Оттоманской империи. Турецкое правительство, во главе которого сидел добродушный и юный Абдул-Меджид, следовало слепо направлению, данному ему английским послом, так что настоящий владыка в Турецкой империи, при начале царствования Абдул-Меджида, был не султан турецкий, а деятельный, хотя и старый лорд Понсомби.

Мы сказали выше, что польза России противилась осуществлению трактата 15 июля 1840 года, ибо этим договором уничтожалось раздвоение Оттоманской империи, и турецкое государство восстанавливалось во всей его целостности. Мы упомянули, что для противодействия восстановлению Турецкой империи, благоразумие советовало русскому двору сблизиться с Францией как с державой, которая должна быть нашей естественной союзницей. Но так как при русском дворе господствовала в то время галлофобия, то наша политика пошла путем, вредным для России. Трактат 15 июля был принят Николаем I с удовольствием, ибо доставлял ему случай разорвать дружбу между Англией и Францией и открывать ему способ уединить Людовика-Филиппа. Николай I в ненависти своей к французскому королю готов был с радостью пожертвовать Мегеммедом-Али, лишь бы досадить Людовику-Филиппу. Забывая об истинной пользе России, государь наш пристал бессознательно к тому союзу, которого настоящая цель была вредить русской державе. Вот как состоялся лондонский договор, вследствие которого Англия, Австрия и Турция отправили силы свои в Сирию, и, выгнав оттуда египетское войско, завоевали весь край до самой пустыни и возвратили оный под державу султана. Из уважения к ходатайству Франции и во избежание дальнейших затруднений, султан и

его союзники согласились оставить египетскому паше как простому вассалу Порты в потомственное управление, но не владение, Египет с Синайским полуостровом. Меггемед-Али, со своей стороны, обязался платить ежегодно Порте дань в 40 миллионов турецких пиастров и выставлять ей на службу 40 тысяч регулярного войска. Это войско дерется теперь с нами отчаянно.

Мы изложили причины, по которым император Николай с такой готовностью присоединился к трактату 15 июля 1840 года, и объяснили, что из всех причин главнейшая состояла в желании разрушить союз между Англией и Францией. Этот союз сильно тяготел на душе Николая, хотя он сам был его творцом, ибо дружба между Францией и Англией возникла в 1830 году, вследствие необдуманной политики русского двора относительно Франции. Незабвенный Николай взирал на взаимную связь двух западных держав как на великое неудобство. Он желал отстранить это зло и решился употребить все средства для достижения своей цели. Английский двор, отгадав, куда стремились виды Николая, воспользовался его добросовестностью, и в то время, когда оба западные кабинета были между собой в разногласии по делам Египта, Пальмерстон предложил нашему двору принять участие в крестовом походе, собиравшемся на знаменитого Меггеммеда-Али. Николай, в надежде на неминуемый разрыв между западными державами, пристал к австро-британскому союзу с восторгом, не отгадывая, что в намерениях английского двора было только привязать русского царя к австро-британской политике, дабы уничтожить его отдельный и исключительный вес на Востоке. Наш двор, ослепленный, как дитя, заманками английского министерства, поверил со свойственной блаженным людям добросовестностью всем уверениям Пальмерстона и, надеясь на скорый разрыв между Людовиком-Филиппом и королевой Викторией, готовился уже к чтению реляции об истреблении французских флотов английскими.

Одно только обстоятельство беспокоило Николая. В 1840 году делами Франции заведовал Тьер (Thiers), человек пылкий и предприимчивый. В Вене и Берлине опасались, чтобы французское правительство не выставило армии на Рейне и не воспользовалось бы революционными стихиями для произведения переворотов в Италии, Германии и Польше. В случае разрыва между Австрией, Пруссией и Францией, незабвенному Николаю досталось бы непременно выступить на помощь к германским союзникам, и так как в то время, равно как и в 1853 году, Россия войск не имела, ибо ее армия числилась только на бумаге, и финансы ее находились в самом жалком положении, то незабвенный Николай приходил в великую задумчивость и не отдавал себе чистого отчета о том, как это дело кончится. Мы сами были тогда зрителями того ребячьего и комического страха, который обуял правителей Германии и Австрии при мысли, что Тьер явится с армией на Рейне. Меттерних походил на полумертвого, прусские министры не знали, что придумать для отвращения предстоявшей беды, и приезжавшие для ободрения немцев русские генерал-адъ-

ютанты сами не выказывали большой твердости духа, ибо знали, что у России пайков выходило много, но солдат на деле считалось очень мало. Мы уверены, что ежели бы в августе месяце 1840 года Людовик-Филипп, призвав к себе на помощь революционные стихии, волновавшие тогда Италию, Германию и Польшу, выступил в поход через Рейн и Альпы, то Вена и Берлин пали бы в его руки без единого выстрела. Династиям Габсбургской и Гогенцоллернской довелось бы спастись в Варшаве, ибо ни Австрия, ни Пруссия в то время войск не имели. Сверх того, в Германии возгорелась бы неминуемо междоусобная война, и эта война, при пособии французской армии, вытеснила бы всех германских венценосцев из их владений. Вот положение, в котором находилась Германия в августе 1840 года. Но старость и нерешительность Людовика-Филиппа помогли предстоявшему злу. Хитрый, но трусливый король французов испугался последствий столь отважного предприятия. Французское министерство сменилось, и на место горячего Тьера вступил хладнокровный и расчетливый доктринер Гизо, который примирил Францию с Европой и ввел ее снова в европейский концерт.

Этот концерт не ограничился одним примирением Франции с Германией и Турцией. Гизо восстановил прежнюю гармонию между Англией и Францией, и поколебленный на одну минуту союз этих двух держав возобновился с такой силой, что продолжался непрерывно до падения Людовика-Филиппа и далее. Примирение Франции с Востоком и Европой ознаменовалось заключением договора о проливах (*Le traité des détroits*). В июле 1841 года Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия, Турция и Франция подписали договор, по которому, признав права султана на подчиненные ему области, обязались хранить и уважать его власть во всех местностях, ему подвластных. Вследствие этого признания, договаривающиеся стороны согласились почитать Босфор (Воспор по-гречески) и Дарданеллы проливами, запертыми для военных судов всех держав, предоставляя султану право впускать в означенные проливы те из военных иностранных судов, которые ему угодно будет принять. Двор наш имел простоумие порадоваться этому договору, полагая, что обратит Черное море в *Mare clausum*; но в 1849 году он имел случай убедиться в бесполезности этого акта, ибо узрел англо-французские флоты у Дарданелл, на пути к Севастополю и Одессе.

Итак, политика нашего двора имела следующие последствия: уничтожением независимости Египта она содействовала восстановлению и усилению Оттоманской империи; в отношении к Порте она связала Россию новыми договорами, подписанными вместе с Россией и прочими державами Европы. Она выказала нашу слабость и нанесла нам величайший вред между восточными христианами, предложив миру многоповторенные уверения в любви и преданности русского царя к султану. Она укрепила союз между Турцией и Англией, дав средство сей державе доказать султану, что лютейший из врагов его Мегеммед-Али не мог устоять против Великобритании и что сама Франция, не смев ничего

предпринять в его пользу, нашлась вынужденной признать все сделанное Англией. Могущество Англии казалось туркам непреодолимым; влияние Понсомби в Царьграде не знало пределов. С той поры начинается наш совершенный упадок в Турции. Порта смотрит на медоточивого Бутенева с презрением. Он лишается всякого личного значения и поддерживается единственно ловкостью и интригами первого своего драгомана, князя Ханджери. Без сего ловкого грека Бутенев ничто. Дела наши идут хуже и хуже, и смелость Порты достигает такой степени, что она позволяет себе в 1842 году сменить сербского князя произвольно, не спросив согласия России. Порта нарушает трактаты свои с нами, уверена будучи заранее, что Запад за нее заступится и что сама Австрия не дозволит России перейти через Дунай.

Пределы настоящего труда не позволяют нам распространяться о перевороте, случившемся в Сербии в 1842 году. Мы скажем только, что вследствие заговора, во главе которого находились сербские триумвиры, Вучич, Симич и Петровнич, князь Михаил Обренович был свергнут с княжества, и на его место возведен ныне княжествующий Александр Кара-Георгиевич, сын Черного Георгия, возродителя сербской свободы. Михаил Обренович, по молодости и неопытности своей, не имел в Сербии приверженцев. Им руководил, хотя издалека, отец его Милош, изгнанный из Сербии в 1839 году, и род Обреновичей не пользовался более любовью и уважением народа сербского. Свергнуть Михаила было дело легкое, в особенности когда английские и французские козни и деньги ежедневно умножали число врагов Обреновичей, а с нашей стороны употреблялись одни только угрозы, грубости и всякие неприличные выражения для внушения страха нашим врагам и для поддержания русской партии. Нашими ошибками мы отбивали смелость и дух у наших приверженцев, а неприличными выходками против западной партии раздражали сию последнюю до чрезвычайности, не внушая ей ни малейшего страха, ибо эта партия, под покровительством Турции, Англии и Франции, никого не опасалась и знала, что нас никто за Дунай не пустит. Следовательно, не должно удивляться падению Михаила Обреновича, но можно спросить себя, как осмелилась Порта, не снесясь с Россией, утвердить Александра Кара-Георгиевича на княжеском престоле, между тем как не по общему избранию народа сербского, но вследствие частного мятежа был он возведен на княжество? На этот вопрос ответ представляется сам собой. Порта нас более не опасалась, Порта нас презирала.

Что же мудреного, что Порта, подстрекаемая Англией и Францией, решилась на столь смелую выходку и, уверена будучи заранее, что из-за Обреновичей Россия драться не станет, забыла на ту минуту о трактатах своих с Россией.

Великого стоило нам труда, чтобы переделать на наш лад выбор Кара-Георгиевича. О восстановлении Михаила Обреновича никто более и не мыслил. Но нам, для чести нашей, следовало переработать на наш лад избрание Кара-Георгиевича, ибо, в противном случае, мы впали бы в ве-

личайшее презрение не только у Порты, но даже у всего христианского и мусульманского населения Османской империи. Дело было трудное, ибо мы не имели тогда ни денег, ни войска. Министерство иностранных дел оказало в этом случае великую ловкость. Опираясь на договоры и на общие начала государственного права, оно потребовало, чтобы избрание Кара-Георгиевича было подтверждено всей скупчиной, т. е. всем народом сербским, дабы иметь законную силу. В противном случае Россия угрожала всеми последствиями своего праведного гнева. Наше требование было столь же умеренное, сколь и законное. Отказать нам было невозможно. Однако Порта, подстрекаемая Западом, попробовала сперва нам сопротивляться; но когда, вследствие нашего решительного глагола, Англия и Австрия убедились в непреклонности предначертаний наших, Меттерних из Вены, английский кабинет из Лондона предписали своим представителям в Царьграде внушить Порте быть уступчивой. Лорд Редклиф, заменивший в то время лорда Понсомби, вынужден был играть роль примирителя России с Турцией, и это подало повод к его личному разрыву с Ризб-пашой.

Ризб был тогда главным двигателем турецкой политики; он не принадлежал еще русской партии и повиновался во всем Каннингу (теперешнему Редклифу). Великобританский посол с самого начала сербского волнения объявил себя врагом Обреновичей, признал выбор Кара-Георгиевича правильным, одобрил поведение Порты и внушил ей ни в чем не уступать перед Россией. Повинуясь воле Каннинга, Ризб-паша оказал себя непреклонным и твердил, что Порта не подается назад ни одной пяди, как вдруг предстал пред ним Каннинг с новыми инструкциями, полученными из Лондона. Англия приказывала Порте уступить перед Россией и требовала, чтобы избрание Кара-Георгиевича подчинено было всей сербской скупчине, т. е. чтобы князь был избран на всей воле сербской. Выслушав Каннинга, Ризб-паша пришел в ужасную ярость, назвал английского посла обманщиком и с того времени предался совершенно России. Ризб пребывал в нашей партии до 1854 года и считался вместе с Хозрев-пашой главой наших доброжелателей.

Благодаря содействию Англии и Австрии спор наш с Портой уладился; скупчина была созвана. Частью по собственному побуждению, а частью по внушению Запада, она подтвердила выбор Кара-Георгиевича; Порта, снесясь с нашим двором, одобрила этот выбор, как будто бы совершенно новый, и, уничтожив прежний берат (грамоту), данный Кара-Георгиевичу на сербский перстол, обнародовала новый, согласный вполне с существовавшими между Россией и Турцией трактатами. Дело наше с Портой устроилось к великой радости русского правительства, знавшего, что у него не было ни малейшего средства разделаться с Портой оружием, и к великой чести русского министерства иностранных дел, умевшего искусством своим скрыть всю бедность и слабость нашу от глаз мира. При этом случае медоточивый Бутенев пожал последние лавры свои на дипломатическом поприще и, покинув Византию, перешел посланником в

Рим. Кто-то сказал ему при этом случае, что он переходит от одного калифа к другому, и эта шутка до того усладила Бутенева, что уста его изобразили необъятное удовольствие и представили зрителям такую приторную улыбку, какой никто и никогда не видывал.

Дело сербское хотя и уладилось по желанию нашего правительства, но доказало вполне, что время преобладания России в Царьграде прошло. Как ни старался потом русский двор выказывать свое сочувствие султану, отстраняя все предлоги к неудовольствию и подозрениям турецкого правительства, но его труды пропадали тщетно, ибо турки обращали в посмеяние все наши усилия быть им приятными. Невзирая на равнодушие, с которым мы смотрели на восстание болгар и кандиотов в начале сороковых годов, турки не остались нам благодарны за это равнодушие, ибо знали, что оно не проистекало из источника искренней к ним дружбы, но происходило от недостатка в деньгах, от слабости русских войск и от совершенной ничтожности русского флота. Напрасно приписывают равнодушие России к болгарам и кандиотам отсутствию личного к этим племенам сочувствия нашего министра иностранных дел. Граф Несельроде заступался с умеренностью за страждущих, ибо предвидел, что неумеренность в требованиях повлечет к разрыву, разрыв доведет до войны, а для войны недоставало у России денег, войск и флотов. Сказывают, что та же самая причина, т. е. наша финансовая и военная немощность, заставила русский двор дать грустный ответ эпиротам и фессалийцам, желавшим в 1845 и 1846 годах сделать восстание для присоединения себя к Греческому королевству. Но мы полагаем, что отзыв нашего двора был вызван еще и другой причиной.

Известно, что мысль о слиянии Эпира и Фессалии с Грецией принесена была в Афины с запада. Она родилась в уме баварского короля с целью не только усилить Грецию, но и для того, чтобы доставить латинской пропаганде новое и большее поприще. Эта мысль нашла себе в то время жаркую опору при дворе Людовика-Филиппа. О приведении ее в действие трудились особенно: Т. Piscatory, французский посланник при Афинском дворе, Colletti, греческий первый министр, и вся партия москомангов, т. е. вся французская партия. Но так как дело шло о расширении пределов Эллады, то в этом народном предприятии всякий эллин принимал живейшее участие. Всякий эллин желал видеть свое отечество обогащенным двумя изобильными и прекрасными областями, которые не только даровали бы ему избыток во всех благах природы, но и удвоили бы народонаселение Греческого королевства. Эта идея так глубоко проникала в сердце каждого эллина, что называлась предпочтительно между греками великой идеей. Для приведения ее в исполнение наше военное содействие было не нужно. Нам следовало только предоставить обстоятельствам заняться этой работой.

Арнаулы, эпироты, фессалийцы были готовы к восстанию. Все эти племена кипели жадной поколебать турецкое иго, ибо они все исповедуют христианскую веру и, за исключением немногих мусульман, проникну-

ты той мыслью, что соединение их с Грецией было бы чрезвычайно для них полезно, потому что области, ими обитаемые, изобилуют теми дарами природы, в которых Греция терпит недостаток, между тем как Эллада, со своей стороны, богата ловким и трудолюбивым населением, годным на всякую работу, одаренным особенной способностью к торговле и созданным по отважному и предприимчивому духу своему для того, чтобы отличаться в мореходстве. Движение вышеозначенных племен могло увенчаться полным успехом, ибо в то время турки не имели ни войск, ни денег. Греки же, со своей стороны, надеялись на денежные пособия от Франции и Германии и уверены были, что ни в оружии, ни в людях у них недостатка не окажется. Французский двор готов был доставить грекам все средства к достижению их цели, ибо по существовавшим тогда тесным связям между королем Отоном и Людовиком-Филиппом Франция расположена была самым дружеским образом к грекам. Франция видела в усиленной Греции союзницу себе против Турции, где господствовало влияние Англии; она желала устроить в Греции перевес против Мальты, Гибралтара и Ионийских островов, придающих Великобритании такую силу в Средиземном море; она желала отомстить Великобритании за трактат 15 июля 1840 года и за сокрушение египетского паши, главного приятеля и любимца Франции. Среди этих обстоятельств, столь важных для России, благоразумие предписывало нам быть хладнокровными зрителями распада Турецкой империи. За восстанием Албании, Эпира, Фессалии последовал бы бунт в Македонии; за Македонией пожар обхватил бы Болгарию и другие области, принадлежащие Турции. Среди общего хаоса мы явились бы устроителями, и меч русский решил бы дело, согласное с пользой России и с благом восточных христиан и православия.

Но что сделал наш двор? Он приказал наистрожайшим образом своему представителю в Афинах объявить грекам, фессалийцам, эпиротам и арнаутом, что султан есть его первый друг и союзник, и что ежели кто из помянутых племен дерзнет против султана восстать, то русская армия вступит в ряды войск султана и будет до последней капли крови сражаться за права искреннейшего из союзников Николая I. Вот отзыв, данный нашим незабвенным монархом тем народам, которые полагали найти в нем себе опору. Вот предисловие к той священной войне, которую поднял Николай I несколько лет спустя, за православие! Последствие неимоверного приговора русского двора было следующее. Презрение ту-рок к его политике удвоилось; отчаяние христиан восточных возросло до чрезвычайности. Все народы и племена на Востоке не находили слов, чтобы изобразить свое неудовольствие, и готовы были передаться покровительству Запада.

Важное место в истории наших сношений с Портой занимает наш протекторат в Дунайских княжествах. Вступление России в дела Молдово-Валахии относится к временам Екатерины. По силе Кайнарджийского мира Россия получает право заступаться за помянутые княжества перед Портой. Знаменитый хати-шериф и брат султана Абдул-Гамида, данный

по требованию России, определяет преимущества и права молдо-валахов. Но протекторат Екатерины ограничивается хозяйственными и религиозными делами одних Румынских княжеств. Еще нет речи о возрождении славян. Сербия находится в полном порабощении у турок. Только в начале XIX столетия пробуждаются сербы из их долгого сна. За пробуждением следует кровопролитная борьба, в которой сербы оказывают важные услуги России, отвращая от наших войск знатные силы турецкие. В изъявление должной признательности мы берем сербов под наше покровительство, и Бухарестский договор упоминает о сербах как о народе, имеющем право на заступление России. Что же касается Молдо-Валахии, то Бухарестский договор, даруя России Бессарабию, составлявшую дотоле часть Молдавии, упрочивает и распространяет наше покровительство и в этом крае, но оставляет, однако, за Портой весьма важные права. Порта продолжает избирать князей из фанариотов, сохраняет крепости на левом берегу Дуная, и турки не лишаются еще права иметь оседлость в Молдавии и Валахии. Настоящее освобождение румын и сербов от тяготения турок относится к Адрианопольскому миру. По этому договору князья молдо-валахские избираются из туземцев, турки изгоняются из Румынских княжеств совершенно, крепости на левом берегу Дуная срываются, румыны получают право неограниченной торговли, Россия и Турция даруют им самую свободную форму правления, словом, влияние Турции на княжества снисходит до такого ничтожества, что княжества Румынские достигают самого благодатного состояния, благодаря заступлению России. То же самое совершается и в Сербии. Это княжество поступает под наследственное управление династии Обреновичей; получает представительную форму правления; турки лишаются права пребывать в Сербии, за исключением одним крепостей; церковь сербская приобретает самостоятельность; образуются сербские войска; словом, Сербия делается почти свободным княжеством; румыны и сербы исполнены благодарности к русскому монарху. Они называют его отцом, воссоздателем их утраченных народностей, великим покровителем восточных христиан, и, лаская себя той обманчивой надеждой, что русское правительство не отступит впредь от свободолобивых идей, коими проникнуты молдо-валахские и сербские постановления, устроенные под личным надзором русских сановников и одобренные русским двором, предаются всем сладким мечтам обольщенных людей.

Но эти мечты скоро рассеиваются. Либеральная политика графа Киселева уступает место воздействию, и это воздействие тем сильнее тяготит на сербах и румынах, что осуществление мыслей русского правительства поручается чиновникам второстепенным. В этих людях, коих личное честолюбие не довольствуется более званием консулов, порождается властолюбие древних проконсулов. Агенты русского правительства своими гордыми приемами оскорбляют личную честь и достоинство князей, унижают чувство народности в румынах и сербах, делаются гонителями всякого свободолобивого человека, объявляют неловкую войну Западу,

преследуют того, кто не их раб, превращают дома свои в вертепы интриг и своей необдуманной готовностью угождать высочайшему двору доводят всех благомыслящих людей в княжествах до отчаяния, так что народы, любившие прежде Россию как мать, исполняются неприязни к их благотворительнице. Наша бессознательная политика доводит румын и сербов до такой крайности, что султан кажется им ангелом-хранителем, и что все их надежды, обращенные прежде к нам, переносятся на Запад. Есть русская пословица, говорящая: «Всяк сверчок знай свой шесток». Кто забывает истину этой пословицы, тот впадает в ошибки. Автократ не может быть дарователем свободы. Благоразумие предписывало государю оградить Дунайские княжества от турок и Порты, не касаясь прав местных князей. Ему следовало оставить князей полными властелинами, предоставляя себе право быть покровителем народов. Тогда Россия удержалась бы в Дунайских княжествах на высокой степени уважения. Но на беду случилось иначе!

Довольно уже замечаний об упадке влияния России на Востоке предложили мы читателям нашим. Следует еще сказать несколько слов об одном из самых жарких и главных противников наших в Турции, особенно между жителями Болгарии и Румелии. Этот противник, самый ревностный, может быть, из всех наших врагов, не принадлежит Западу; он не мечтает о свободе политической, скроенной по образцу английской или американской конституции; он не понимает апостолов Запада, ибо не разумеет западных языков; он чистый православный русский человек, бежавший из России, гонения и угнетения ради. Этот заклятый враг не отечества своего, ибо он любит его от всего сердца и всей души, но существующего в России крепостного права, которого он был всю жизнь свою жертвой; этот глубоко раздраженный против русского помещного права поселянин или дворовой бежит сначала из русских губерний в Бессарабию, потом переправляется через Дунай и, находя себе в Болгарии сочувствие и приют, селится на правом берегу Дуная, в Силистрийском или Видинском санджаке. Тут он дышит свободно, работает за условленную плату, получает отличную пищу и, не будучи обязан жить поневоле у худого хозяина, переходит с места на место, куда душе угодно. Поселившиеся до него в Болгарии русские выходцы принимают своего нового собрата радушно, болгары рады соплеменнику и единоверцу, а турки, видя в нем отличного работника, далеко превосходящего своей ловкостью неповоротливого болгарина, и зная, что ненависть к России завлекла его в турецкие владения, принимают пришельца с великой лаской.

Изложенные нами здесь факты не суть выдумки нашего воображения; они принадлежат к самой прагматической истории, и каждый может в истине наших доводов убедиться, совершив путешествие в Болгарию или прибегнув к верным источникам, каковы сведения, доставляемые с места. Мы знаем, что до 40 тысяч русских выходцев жили в Силистрийском санджаке до начала настоящей войны. Мы знаем, что многие из них, большей частью беглые холопы и крепостные земледельцы, хода-

тайствовали у русского правительства о дозволении возвратиться в отечество, но с тем условием, что их поселят на казенных землях и не возвратят помещикам. Царь был готов протянуть руку помощи несчастным, удалившимся из отечества для избежания мучений, но бояре не приговорили, и дело пало. По вопросу об освобождении крепостных людей бояре стоят в России выше царя. С начала царствования Александра I по кончину Николая Незабвенного протекло полстолетия. В этот долгий период два великие монарха наши непрестанно занимались этим важным вопросом. Цари придумывали все средства к уничтожению крепостного права, но ни одно не удалось, ибо хотя царь и приказывал, но бояре не хотели приговорить.

Кроме беглых крепостных, притекающих в Турцию для избежания помещичьей власти, множество других русских ищут себе пристанища в Оттоманской империи. Эти русские принадлежат к тому разряду людей, на которых со времени Петра I поднимаются периодические гонения. Гонимые называются раскольниками; они принадлежат к различным сектам, и нужда заставляет их во избежание душевных и телесных тревог удаляться в чужие страны, дабы пользоваться тем спокойствием, которого каждый человек желает и на которое имеет право. До падения Польши раскольники наши удалялись во владения Речи Посполитой или селились между запорожцами, или искали убежища в Крымском ханстве и в турецких землях. Но с тех пор, как Польша, Запорожье и Крым слились с Русью, раскольникам нет другого убежища, кроме Оттоманской империи. Они стремятся за Дунай, селятся в Болгарии, Фракии, Македонии, а другие предпочитают переплывать Мраморное море и избирают себе убежищем страну, лежащую около Брусы, или землю, окаймляющую озеро Аполлонийское, ибо на этой гостеприимной и веротерпимой земле поселены издавна богатые колонии, состоящие из русских раскольников.

Вражда, питаемая нашими беглыми диссидентами к русскому правительству, и в особенности к духовным властям, не есть чувство, скрываемое ими в глубине сердец. Бежавшие в Турцию раскольники проповедают везде и всем, что правительство русское не щадит никого и гонит людей не только за их деяния, но и за верования, хотя бы их деяния согласовались во всем с гражданским порядком. Пропаганда раскольников приводит всех христиан, живущих в Турции, в изумление, ибо восточные христиане хотя и имеют поводы жаловаться на различные притеснения со стороны турецкого правительства в отношениях политическом, хозяйственном и гражданском, но они должны сознаться, что касательно веротерпимости турецкое начальство неукоризненно. Оттоманское правительство позволяет каждому созидать себе Бога по произволу, не вступает ни в какую догматику и смотрит с величайшим равнодушием на обряды всех церквей и религий. Для турок нет различия между православным и тем, который принадлежит поповщине или беспоповщине. Для турок нет оттенка между молящимся за царя или немолящимся за царя, ибо турок

от гиаура молитвы не требует. Итак, вот причина, по которой раскольник, гонимый в своем отечестве, предпочитает Турцию России.

Доказав, что Россия не имела влияния ни на турецкое правительство, ни на Дунайские княжества, ни на христиан, живущих в Оттоманской империи, нам остается сказать несколько слов о сношениях наших со Вселенской православной церковью. Константинопольская церковь, правимая Святейшим Синодом под председательством Вселенского патриарха, есть нравственное лицо, сильное, богатое, пользующееся обширной властью и заведующее делами Православной церкви на всем пространстве Европейской Турции и Малой Азии. Она считается истинной главой православного народонаселения Оттоманской империи и заведует не только собственно духовными и церковными, но даже и гражданскими делами сынов своих. В круг ее управления входят следующие области: Фракия, Македония, Болгария, Босна, Хорватия, Герцеговина, Албания, Эпир, Фессалия, Малая Азия и острова: Кандия, Родос, Хиос, Самос, Лесбос с принадлежностями. Православное народонаселение в помянутых областях составляет 8,5 миллиона душ. Константинопольская церковь, имея паству многочисленную, зажиточную, промышленную и пользуясь над этой паствой властью обширную, пресыщена благами мира сего. Она утопает в неге и бездействии, собирает с овец своих дань, не заботится ни о благосостоянии, ни о просвещении своей паствы, но, имея в виду одно вещественное благо свое, идет рука в руку с Портой Оттоманской, делит каждое руно на две части, оставляя бульшую себе и уступая меньшую турецкому правительству. Константинопольская церковь имеет около семидесяти епархий; но из ее семидесяти верховных пастырей едва десять могут похвастаться истинными пастырями. Прочие суть совершенные волки.

Константинопольская церковь, гордясь своим богатством и своей силой, смотрит на Русскую церковь свысока, почитает ее младшей сестрой своей и отзывается о духовном русском регламенте и о Святейшем нашем Синоде как о нововведении в иерархии церковной. Она соболезняет о Синоде, но не почитает его властью, себе равную, ибо Вселенская церковь приписывает Константинопольскому фрону первенство. Огромные доходы, которыми Вселенская церковь пользуется, ставят ее в положение, совершенно независимое. Она не нуждается в пособиях внешних; не посылает за сборами в Россию; не хлопочет о метохах и монастырях; не наскучает никому о добродетельных подаяниях, но налагает произвольно оброки на свою богатую и многочисленную паству, состоящую из 8,5 миллиона душ; употребляет свои огромные доходы, как ей угодно, и страшится чужого вмешательства в ее управление.

Всякий иностранный посол, пребывающий в Царьграде, есть предмет недоверчивости Вселенского патриарха и его Синода. Представитель России есть в глазах его естественный покровитель православия на Востоке, но с тем условием, что он не дозволит себе ни запроса, ни разбора, ни порицания, ни надзора по делам Вселенской церкви. Константинополь-

ский патриарх с его Синодом образуют тесную олигархию, в которую нет доступа никому. Патриарх и Синод боятся одной Порты и поэтому ей одной и хотят угождать. Патриарх и Синод подлежат всем превратностям судьбы. Лица, сидящие на патриархии, часто сменяются по проискам и козням турецких сановников или по просьбе самих греков, недовольных управлением какого-нибудь патриарха. Но права и власть патриарха и Синода остаются непоколебимы. Самостоятельность церкви не нарушается; власть переходит, конечно, из рук в руки, но вступивший вновь патриарх продолжает пользоваться той же самой властью, которой пользовались и его предшественники; также налагает дани, также судит лицемерно; также гонит и милует, и с той же завистью смотрит на иностранных посланников, и в особенности на русского, от которого скрывает всегда правду. Лица, возводимые в патриархи и архипастырское достоинство, редко соединяют в себе ум и науку. Со времени восстания греков, когда погибли на виселице в одном Царьграде двадцать шесть архиепископов, Вселенская церковь перешла в руки людей незначущих. Из прежнего архиерейства сохранился только один, Констадий, митрополит Синайской горы, муж высокого ума и обширных познаний.

Кроме Вселенского фрона, Православная церковь на Востоке имеет еще трех патриархов: Антиохийского, Иерусалимского и Александрийского. Паства первого состоит из 190 тысяч, паства второго — из 50 тысяч, а паства третьего — из 10 тысяч душ. Остров Кипр пользуется правом автокефализма, и духовный владыка этого острова независим. Помянутые три патриарха окружены также синодами, по примеру Вселенского, имеют по несколько архиереев, но по причине малочисленности и бедности паствы своей нуждаются часто в денежных пособиях. Эти бедные фроны пользуются особым нашим покровительством. Они принимают с благодарностью присылаемые из России суммы; беспрестанно утруждают наше правительство по делам о монастырях и метохах, принадлежащих им в Дунайских княжествах. Но что касается нашего влияния на дела патриаршие и в особенности на распределение подаваний наших, то помянутые три патриарха столь же избегают нашего вступательства в их управление, как и Вселенский. Они смотрят на Россию как на помощницу, покорную и щедрую, но отказывают ей в малейшем вмешательстве в их дела. Архимандрит Порфирий, глава русской духовной миссии в Сирии и Палестине и наблюдатель за тремя бедными патриархами, есть несносный для них аргус.

Мы сказали уже, что, довольный успехом своим по делу о выборе Кара-Георгиевича, медоточивый г. Бутенев, венчанный маслинным венком, покинул Стамбул, где 13 лет сряду был представителем Николая I и перешел в том же звании к Папе Григорию XVI. На его место вступил г. Титов, человек, одаренный умом и получивший классическое образование. Титов более годился в кабинетные ученые, нежели в деятельные дипломаты. Сколько Бутенев был сладок и щедр, столько, напротив того, Титов был кисел и скуп. Этот новый представитель России был создан

Богом из того же чертового вещества, из которого сотворены природой сребролюбивые профессора, но не походил нисколько на тех блистательных людей, из коих некогда избирались русские посланники. Наружность Титова была самая скромная и невзрачная; он не заботился о внешнем блеске, столь нужном на Востоке; он сидел дома, копил деньги и до остолбенения занимался бумагами. Люди, видевшие Титова на деле, сказывали нам, что ему часто случалось засыпать от усталости над бесконечными его редакциями. Ежели это правда, то вообразите себе, каким благодатным сном спали те лица, которых судьба осуждала на чтение трудов г. Титова! Переписка с министерством поглощала все внимание и все время у Титова. Интересы русской торговли, взыскания и тяжбы русских подданных его не озабочивали. Пока князь Ханджери, несмотря на расстроенное состояние своего здоровья, мог еще заниматься делами миссии, до тех пор наши подданные находили себе в особе князя умного и деятельного защитника у Оттоманской Порты; но после его кончины русские, пребывавшие в Турции, осиротели совершенно. Бесплодный ум Титова углублялся только в три мысли: первая имела предметом переписку его с министерством; вторая заботилась о накоплении денег; третья, та, которая его более всех тревожила и не давала ему ни на час отдыха, вращалась около идеи об упадке нашего влияния на Востоке. Титов видел, что Запад ежедневно усиливался более в Царьграде, но не знал, как злу пособить. Он чувствовал себя не в силах бороться с Редклифом или с Буркене. Англия с Францией хотя и соперничали часто между собой по другим делам, но касательно России были всегда согласны и вместе противодействовали ее тяготению на Порту. Оттоманское правительство, под их защитой, России не страшилось и мало заботилось об угождении нашему двору. Ни в Царьграде, ни вне его мы не имели влияния. В княжествах, а особенно в Сербии и в Валахии, русское правительство было предметом общей недоверчивости. В прочих частях Турецкой империи оно не имело значения. Везде отличались одни английские агенты; русские же консулы нигде не выказывались и отстраняли себя от всякого вмешательства в дела.

Да и где в то вечного забвения достойное время были мы любимы? Спрашиваю, был ли хоть один уголок на земной шаре, где бы двор наш пользовался чьим-нибудь сочувствием? Наше правительство было предметом недоверчивости всех жителей Европы и Азии. Между нами и Германией существовал разрыв за идеи либеральные; с Францией мы находились во вражде за те же самые идеи, к которым присоединялась еще личная вражда Николая I к Людовiku-Филиппу. С Австрией мы ссорились за раскольников, находивших себе убежище в Буковине, за свободу венгерских прений и журналов, за пограничные недоразумения, за упадок, в котором находилось православное народонаселение в Сирии и Банате; испанской королевы и конституции мы не признавали; Бельгии мы не признавали; с папой находились, по делам Латинской церкви, в беспрерывном столкновении и разногласии; либеральная партия в Италии, та, которая ищет слияния Италии в одно тело и которая имеет сочувствие всех

благомыслящих итальянцев, была предметом нашей ненависти; исключая короля Бомбы (Неаполитанский король), никто в Италии не нравился России; с греческим двором мы были в ссоре, ибо Отон опирался на Людовика-Филиппа, и, сверх того, мы ненавидели греков за переворот 3 сентября 1843 года. В Турецкой империи все люди, умеренные и благомыслящие, все приверженцы хартии, данной в Гюль-Хане, все покровители и защитники христиан, все желавшие улучшения участи подданных турецких, словом, вся так называемая в Турции западная партия была равномерно предметом нашего отвращения. Мы держались старо-турецкой партии, т. е. той, которая почитает христиан не людьми, а животными, которая противодействует западной партии из опасения, чтобы не умножились силы и богатство между христианами в ущерб туркам.

Быв защитниками заклятых врагов всякого развития свободы между подданными султана, имеем ли мы право удивляться тому, что от берегов Дуная до вершин Тавра христиане в нужных случаях обращались с просьбами к английскому послу и его агентам, а не к представителю России? Редклиф представлял в Турции прогресс, Титов олицетворял прежний порядок. Редклиф предлагал свое покровительство всякому христианину, Титов, в угождение старо-турецкой партии, отталкивал всякого просителя от себя. Редклиф имел на всех пунктах Оттоманской империи деятельных консулов, которые заступались за христиан перед пашами; Титов, чтобы не иметь даже возможности ни за кого заступаться, уничтожил консулов и агентов русских повсюду, исключая следующих пунктов: он оставил агента в Варне; но, дабы не иметь на этом важном пункте усердного и деятельного чиновника, который мог бы тревожить его сон, г. Титов поручил консульство в Варне 70-летнему далматинцу латинского исповедания, некоему Свиляричу, ненавидевшему православие, и приказал ему наистрожайше в дела болгар не вступаться.

Кроме Варны, по сию сторону Эмуса или Балкан Россия не имела нигде агентов. За Балканами мы имели только двух консулов, одного в Адрианополе, другого в Солуне. Итак, во всей Болгарии, Босне, Хорватии, Герцеговине, Фракии, Македонии, Эпире, Фессалии и Албании, среди народонаселения христианского, составляющего 5,5 миллионов душ православного исповедания, Россия содержала только трех консулов, из коих один был заклятый враг православия, другой (Мустакиди в Солуне) расслабленный старик, а третий (Мухин в Адрианополе), хотя и хороший человек, но совершенно бесполезный. Соображаясь с данными ему приказами, Мухин не смел ни во что входить и, наконец, был вызван в Царьград для исполнения должности секретаря миссии. Угодить старо-турецкой варварской партии, в досаду Франции и Англии, составляло политику нашего двора. Но эта политика не вела ни к чему. Порты нас не слушались; западники правили делами, и, кто бы подумал, благодаря им благосостояние христиан шло вперед исполинскими шагами. Смотри на прогресс православных христиан; взирая на сооружение новых великолепных храмов и училищ среди селений, обитаемых греками и болгарам

ми; видя ежедневный упадок русского влияния на Востоке, между тем как влияние Запада становилось с каждым днем действительнее и сильнее, бедный Титов впадал в ужасное отчаяние; ум его иногда затмевался, и, преданный невыразимой досаде, он прибегал к друзьям своим графу Метаксе и доктору Кара-Феодори, просил совета и говорил, что Россия ничего уже более не значит на Востоке. Вот в каком положении застал Титова 1848 год.

В этот памятный год, в который вся Европа поколебалась на своем основании, остались невредимы только два восточных государства, Турция и Россия. Ничто не вызвало их на сцену тогдашних политических движений, ибо эти два государства в европейской жизни участия не принимают. Они различествуют от центральной, южной, западной и северной Европы как в политическом, так и в общественном (социальном) устройстве. Следовательно, те причины, которые приводят в брожение Европу, до нас и до соседей наших, турок, не касаются. Однако наше правительство, не разделяя этой уверенности и опасаясь за Польшу, решилось вступить на действительным образом в европейские беспорядки и открыло круг своих полицейских операций занятием Молдавии и Валахии. Генерал Герценцвейг был послан с корпусом войск за Прут, но он пал жертвою бестолковых распоряжений двух представителей России, Титова в Царьграде и генерала Дюгамеля в Бухаресте. Противоречия между распоряжениями различных русских начальств и ведомств достигли такого размера, что бедный генерал Герценцвейг предпочел лишиться себя жизни, нежели быть игральным камнем Титова, Дюгамеля и еще, может быть, кого-нибудь. Герценцвейг застрелился, и Лидерс пошел в княжества вместо него. Порта приняла сначала известие о вступлении наших войск в княжества с явным неудовольствием, но потом, убежденная Австрией в кротости наших замыслов и уверенная будучи, что мы заняли Валахию только для подавления в этом крае республиканского движения, сблизилась с русским двором и даже послала, с нашего приглашения, свои собственные войска в Валахию под начальством Омер-паши. Турецкое правительство хотело доказать мину, что оно не уступает места русскому двору там, где оно само имеет право стоять и действовать, и, сверх того, желало посредством Омер-паши, занимавшего Малую Валахию, помогать венгерским инсургентам, доставляя им оружие и снаряды.

Первый год прошел в бездействии, но в следующем, т. е. в 1849 году, открылась Венгерская война. Эта война кончилась сдачей в наши руки Гёргеса с его отрядом. Другие венгерские мятежники, и между ними сам Кошут, бежали в Турцию. С мадьярами находились также и поляки. Наш двор потребовал от турецкого султана выдачи лехов, воевавших против русских, но получил отказ. В Царьграде не хотели изменить долгу гостеприимства в отношении к несчастным, просившим себе убежища в Турции. Чувство, руководившее султаном, было самое похвальное, и с нашей стороны дали большой промах, уступив султану лучшую роль в этой драме. Абдул-Меджид, опираясь на Англию и Францию, отбросил

решительно требование, порученное князю Радзивиллу касательно выдачи поляков. Опасаясь гнева русского двора, султан потребовал себе помощи от западных держав, и англо-французский флот явился в Дарданеллах. Наш двор, почитая бесполезным завязывать спор по делу о поляках, удовольствовался объяснениями со стороны Порты; но уступчивость России была истолкована в Царьграде как доказательство боязни со стороны нашего двора. Нам случилось, в бытность нашу в Царьграде в 1852 и 1853 годах, слышать от многих значащих лиц, что русский двор, испугавшись прибытия союзных флотов в Дарданеллы, поспешил замять дело о поляках и предложил г. Титову сблизиться с Портой, дабы не подать повода англо-галлам ворваться в Черное море. Дело о мятежниках венгро-польских прекратилось удалением этих лиц из Европейской Турции в Азиатскую. Сначала им назначили местопребыванием город Бруссу, а потом их перевели в Кутаю. Но, несмотря на мирный исход этой распри, в которой Австрия была главной участницей, дело о беглых поляках оставило по себе худые следы. Твердость султана и неподатливость его на наши требования остались как заноза в сердце русского правительства. С другой стороны, наши уступчивость и готовность поладить с Портой, не доходя до разрыва, подали туркам повод думать, что мы испугались прибытия флотов и что Россия боится союза между Портой, Англией и Францией. Эта идея отозвалась и после, когда прибыл в Царьград князь Меншиков.

Между тем явился на дипломатическую сцену вопрос о Святых местах. Этот вопрос был не новый. Он завязывался уже раз в начале королевствования Людовика XVIII. Но благодаря разуму и умеренности французских министров и палат он не выходил в то время из должных пределов и не доводил православных жителей Востока до тревоги. Не так повел это дело президент Французской республики, настоящий император Наполеон III. В угодность Латинской церкви и французскому духовенству президент приказал в 1849 году представителю Франции в Царьграде, генералу Опику (Aupick), потребовать от Порты изгнания греков из святынь, находившихся в их владении в Иерусалиме, называя их вторгшимися незаконно в это владение и требуя особенно, чтобы главные осьмнадцать святынь, которые по трактату, заключенному в 1740 году с Портой, были уступлены латинам и потом перешли в руки греков, были непременно латинам возвращены. Порта, забывшая, сколь этот вопрос для нее важен не только по отношению ее к России, но также и по глубоко проникнутой приверженности ее собственных подданных к Иерусалиму и Святым местам, подала французскому правительству полный обнадежения ответ. Обещания, данные Портой Наполеону, смутили Православную церковь, и патриарх Иерусалима Кирилл, старец, одаренный твердым духом, не колеблясь перед угрозами турок, обратился к покойному государю с просьбой о защите прав Восточной церкви на владемые ею святыни. Николай I, принимая живое участие в этом деле, представил Абдул-Меджиду, в собственноручном письме, всю важность означенно-

го вопроса, приглашая султана быть осторожным и напоминая ему, что требуемые латинами святилища находятся в руках у греков на основании самых правильных и священных документов, и что за это владение стоят 70 миллионов православных душ, во главе которых Он Сам, в качестве заступника и покровителя Православия.

Письмо Николая I произвело глубокое впечатление на султана. Турки образумились. Англия, завидуя латинам и досадуя на замашки президента, стала подавать хорошие советы Порте, и турецкое правительство, раскаиваясь в прежней своей опрометчивости, решилось подвергнуть это дело строгому, глубокому и беспристрастному обсуждению. Устроились комиссии для разбора притязаний латин, и эти комиссии трудились два года, с 1850 по 1852 год. Между тем Опик был смещен, и на его место назначен послом при Порте г. Лавалет, личный любимец Наполеона. Новый представитель Франции был чрезвычайно горяч и усерден к своему делу, однако не мог достигнуть своей цели, и Порта, в начале 1852 года, дала России торжественное обещание оставить во владении греков Святые места, на основании *statu quo* и обязалась издать по этому предмету надлежащий султанский фирман. Довольный своим успехом, посланник наш Титов, к великой его чести, был главою переговоров о Гробе Господнем и о прочих святилищах и решился покинуть Стамбул в самую удачную для личного своего самолюбия минуту. Предвидя, что это дело поведет еще к новым запутанностям, Титов предпочел уехать в Германию, нежели спорить с турками об осьмнадцати святилищах. Он покинул Турцию, венчаный, по примеру Бутенева, масличным венком, но передал миссию поверенному в делах Озерову в довольно жалком виде.

Русская миссия не имела в Царьграде никакого значения. Русские подданные, невзирая на самые неотъемлемые права и на чистейшие документы, теряли время в тщетных ходатайствах, не получая никогда удовлетворения по их просьбам. Чиновники посольства нашего были часто жертвой самого неприличного со стороны турок обращения. Визирь, министр иностранных дел и прочие турецкие власти почитали представителя России ниже голландского посланника, ибо последний, хотя и слабое лицо, считался у турок представителем державы приятельной, между тем как русский министр изображал державу для Порты враждебную и вместе с тем слабую, которая в 1849 году испугалась англо-французского флота и которая трепетала перед мыслью о союзе между Турцией и западными державами.

Озеров принялся за свое дело с горячностью, свойственной доброму сыну отечества, и успел во многих отношениях, о которых здесь упоминать не место, исправить положение миссии, возвысив ее во мнении Порты. Однако он увидел скоро, что все обещанное от Порты Титову по делу о Святых местах было обман. Турки, конечно, не изгоняли греков из святилищ, находившихся в их владении, но не обнародовали обещанного фирмана. Более того, уступая перед угрозами г. Лавалета, Порта решилась даже нарушить явным образом данные ею Николаю I обещания ос-

тавить вопрос о Святых местах в положении *statu quo*, и, вопреки собственному письму к покойному государю Абдул-Меджид повелел иерусалимскому патриарху Кириллу передать латинам ключ от главного входа в Вифлеемский храм. В то же время Порты, желая нанести России чувствительное оскорбление, решила ударить со всеми силами своими на ту местность, где Россия пользовалась большой популярностью, и в сентябре 1852 года, собрав армию в 50 тысяч под начальством известного Омер-паши, двинула это войско на Черную Гору, с намерением разрушить независимость Черногорского княжества и покорить этот народ своей власти. Дела наши в Турции пошли хуже и хуже. Встревоженный Озеров отнесся ко двору со свойственной ему откровенностью, и для восстановления нашего влияния на Востоке был прислан в Царьград чрезвычайным послом светлейший князь Меншиков.

Незадолго до князя Меншикова приезжал в Царьград в качестве австрийского посланного генерал-лейтенант граф Лейнинген с разными требованиями и взысканиями австрийского правительства. В угодность русскому двору, но еще более для того, чтобы пользоваться опорой России по делам своим в Стамбуле, австрийское правительство приказало Лейнингену требовать от Порты прекращения войны ее с Черной Горой. Лейнинген, приехав в Царьград, потребовал немедленно приостановления всех действий против Цетина и дал туркам срок для ответа. Фуад-Еффенди, министр иностранных дел, и Мегеммед-Али паша, верховный визирь, оскорбились было приемами цесарского посланного. Надеясь на опору со стороны Запада, они располагались даже дать графу Лейнингену неудовлетворительный ответ, как вдруг прискакал в Царьград курьер из С.-Петербурга к Озерову. Нашему поверенному в делах предписывали объявить Порте, что требования австрийские Россия почитает собственными своими, и что обе державы, Австрия и Россия, пойдут на Турцию вместе, ежели Порты отбросит требования венского двора. Туркам не осталось более никакой надежды. Будучи на тот час без войск, не имея под рукой готового союзника, между тем как 60 тысяч австрийцев и 30 тысяч русских уже стояли на Дунае, Порты Оттоманская покорилась необходимости и приняла требования Австрии. Лейнинген возвратился в Вену триумфатором; но этим триумфом Австрия не имела права гордиться, ибо он был ей доставлен Россией, которая для спасения черногорцев выступила на брань за цесаря и его державу.

Успешное окончание миссии графа Лейнингена породило в Петербурге мысль об отправлении в Царьград посольства для устроения наших дел с Турцией. На Неве сказали себе, что поелику Турция уступила перед Австрией, то тем скорее уступит перед Россией. В Петербурге были уверены, что чрезвычайный наш посол лишь только в Царьграде явится, как все получит. Но на деле вышло не так, ибо турки, увидев, что вся Европа за них, сделались упрямы. Лейнинген был не один. Он имел сильного союзника в лице русского правительства. Лейнинген обязан своим успехом этому союзу. Но наше правительство имело в Царьграде одних

врагов, и поэтому положение его в отношении к Порте было гораздо невыгоднее положения Австрии. В Петербурге думали, что прибытие русского посла с военной свитой произведет страшный эффект и покорит немедленно турок воле государя. Непростительно было так ошибаться, ибо турки уже доказали нам в 1849 году, что они неуступчивы. Сверх того, мусульмане нашего оружия более не боялись. Продолжительная и малоуспешная наша война на Кавказе внушала туркам умеренное почтение к русскому войску. К тому же Омер-паша, который во всю Венгерскую войну нещадно хулил наших военачальников, называя их глупцами, уверял турок, что он не даст русским завоевать Оттоманской империи и не перепустит их через Дунай.

В бытность нашу в Царьграде в 1852 году, следовательно, задолго еще до прибытия князя Меншикова, нам случилось быть свидетелями разговоров между чужими дипломатами и турецкими офицерами о превосходстве турецкого войска над русским. Наши опровержения и доводы о превосходстве русских никого не могли убедить и склонить на нашу сторону. Нам случилось читать письма Омер-паши о Венгерской войне, в коих граф Паскевич выставлен пошлым дураком. Следовательно, когда прибыл Меншиков со своими требованиями, турки не только не содрогнулись при зрелище его особы, но стали немедленно укреплять Батум и Карс, послали инженеро-в исправлять Шумлу и дунайские крепости, разослали приказание по всей империи о собрании редифов (резервной пехоты), приступили к вооружению крепостей и вывели на показ 15 батарей превосходной полевой артиллерии, выученной и устроенной прусскими офицерами. О флоте турки не беспокоились, потому что смотрели на англо-французский флот как на свой собственный. Говорят, будто бы султан смутился при зрелище князя Меншикова. Это, может быть, справедливо, ибо Абдул-Меджид застенчив. Но влияние султана не важно — он играл роль партий. Сверх того, требования Меншикова были такого рода, что они обсуживались не у султана, а в совещаниях министров Порты. Этого мало: их переносили еще выше и передавали на обсуждение и рассмотрение больших советов, в которых участвовали все улемы, старые сановники и всякие заслуженные люди. В эти советы сходились до 400 человек, и каждый говорил словом твердым и вольным. Эти советы, где не господствовали ни русская, ни французская, ни английская партии, но где выражались чувства чистого патриотизма, подавали пример единодушия и требовали настойчиво, чтобы предложения России были отброшены. Итак, фиаско Меншикова было неминуемо. Оно началось в ту минуту, как его светлость отправился из Петербурга, и завершилось 9 мая 1853 года, в день скромного и жалкого его выезда из Буюкдере в Одессу.

Меншиков привез с собой проект о свержении с престола султана Абдул-Меджида и его наследников. Спрашиваем, мог ли он, идучи дипломатическим путем, достигнуть своей цели? Очевидно, нет. Следовательно, зачем же дал он себе труд свергнуть с министерства Фуада-Ефенди, Рифаакт-пашу и Мегеммеда-Али, зятя султана? Он умножил этим

число врагов России, раздражил всех мусульман своими неприличными выходками и приемами, но не нашел человека, готового изменить своему отечеству. Меншиков удалил от дел людей незначущих и заменил их таким человеком, который был известен как раб Англии и лорда Редклифа и как заклятый враг России. Этот человек — Решид-Мустафа-паша. Поручение, данное Меншикову, разделялось на две части: одна касалась устройства вопроса о Святых местах. Здесь Меншиков успел совершенно: дело о Святых местах устроилось по желанию России при содействии всех держав ибо Англия, Австрия и Пруссия были с нами. Даже сама Франция уступила перед нами, и вопрос о святилищах решился в пользу греков оставлением важнейших святилищ в их владении. Но, кроме этого дела, Меншикову было поручено склонить турецкое правительство к подписанию условия (сенед), по которому султан обязался бы хранить свяшенно все преимущества и права, дарованные им самим и его предками Православной церкви и ее сынам, и никогда не дерзать даровать никаких прав другим исповеданиям иначе, как с тем условием, что эти самые права будут *ipso facto et jure* принадлежать и православным. Здесь турки поняли, что дело шло о повержении их державы к стопам русского престола и восстали все единогласно против Меншикова. Не Редклиф возбуждал турок, но турки заставляли как Редклифа, так и всю Европу держать их сторону.

Среди различных оппозиций, образовавшихся в Царьграде против Меншикова, одна из самых сильных была оппозиция Патриарха и Синода Вселенской Православной Церкви. Патриарх и Синод ужасались той мысли, что Россия когда-нибудь получит право вступаться в их дела. Патриарх и Синод готовы были охотно пользоваться услужливым заступничеством России перед Портой и турецким падишахом. Но Патриарх и Синод трепетали перед мыслью, что Россия сделается когда-нибудь официальной покровительницей Православной церкви на Востоке. Пользоваться Россией при случае составляло политику патриархии, но даровать России право вступаться гласно в дела Церкви казалось Патриарху и Синоду гнусной изменой против свободы и самостоятельности Церкви. Обладая вполне греческим языком, нам случалось говорить с епископами Константинопольского Синода о Русской церкви и слышать их рассуждения о неудобствах, могущих произойти для Вселенского престола из официального протектората русской державы. Эти епископы нам говорили: «Вы обратите нашу Церковь из господи (деспины) в рабу. Ваш Петр I сверг законного главу Русской церкви, устроил какой-то Синод и отнял у церкви управление ее имениями. Ваша Екатерина II отобрала у церкви все ее достояние и превратила церковь из богатой в убогую. Ваш Николай I, велел за воссоединением униатов с православными, отнял от воссоединенной церкви ее недвижимости и положил ей скромное жалованье. Этот же Николай, теперь столь усердный к благу Православия, в прошедшем 1852 году лишил Грузинскую церковь ее самостоятельности, отняв у нее имения и определив ей жалованье. Вы сделаете то же самое и с нами. Мы теперь богаты и

сильны. Девять миллионов душ в руках патриарха, его синода и семидесяти епархиальных епископов. Вы, с правом протектората в руке, лишите нас всего, уничтожите наше значение и пустите нас с сумою». Вот как рассуждал Вселенский Константинопольский престол.

Итак, должно ли удивляться тому, что Меншиков дал промах и нашелся вынужденным уехать из Царьграда без сенеда и без протектората. Этот результат был неминуем. Не Редклиф причина его неудачи, но собственно данное ему поручение было несообразно со здоровой политикой. После его отъезда восторг турок удесятерился. Отовсюду являлись люди, готовые выступить против России. Крепости вооружались сильнее и сильнее, артиллерия пополнялась, арсеналы работали день и ночь, редифы сходились со всех сторон. Уже в августе, три месяца спустя по отъезде Меншикова из Царьграда, Турция имела 100 тысяч солдат под ружьем на Дунае. Ее крепости были обставлены пушками и снабжены снарядами. В Азии ее армия занимала крепкие точки. Восторг мусульман доходил до чрезвычайности. В эту пору, когда уже было слишком поздно, ибо занятием княжеств Россия поставила всех против себя, явился в Царьград проект Венской ноты. Этот проект был турками отброшен на нескольких советах и, наконец, возвращен Венской конференции с изменениями со стороны Порты. Сделанные турками перемены были, в свою очередь, отброшены нами, и положение дела ухудшилось. Наконец, в сентябре 1853 года, когда Порта увидела, что на левом берегу Дуная среди открытых степей стоит князь Горчаков с одним 60 тысячным корпусом, из которого треть в больницах, а что у нее на правом берегу Дуная десять вооруженных крепостей, прикрывающих ее границу и защищающих переходы через реку; когда она увидела, что за этими крепостями тянется линия Балканских гор, вторая ее защита; когда она узнала, что у Омер-паши собрана армия в 150 тысяч воинов, из коих 100 тысяч регулярной пехоты, вооруженной карабинами Минье; когда Порта услышала, что около Карса стоят 100 тысяч турецких воинов, а что у России в тех местностях армии нет; когда она сосчитала всю силу англо-французского флота, составленного из пароходов и винтовых кораблей, и увидела, что наши парусные корабли напоминают еще о временах Петра I; когда она познала из журналов и из прочих сообщений, что вся Европа на ее стороне, и что Россия уединена совершенно, — тогда Порта объявила нам войну и 14 октября 1853 года открыла военные действия на Дунае занятием Калафата.

Вот уже 20 месяцев, как эта война в полном разгаре, и Бог знает, когда ей будет конец. Не Редклиф и не Наполеон III эту войну возбудили: они ее не желали, они опасались ее, как пожара, могущего их самих истребить. Они уговаривали Порту войны не объявлять, но советовали ей держаться на обороне, не вызывая России на брань. С.-Петербургский французский журнал от 31 мая 1855 года, под № 715, вводит в великое заблуждение своих читателей, уверяя их, что не улемы возбудили войну между Россией и Портой, но какое-то таинственное влияние, существовавшее тогда в Царьграде. Напротив того, это влияние, т. е. лорд Редклиф с приятелем своим

Решид-пашой удерживали сколько могли султана от войны, но у них не достало силы, чтобы бороться с господствовавшим тогда в Царьграде воинственным восторгом. Сераскир Мегеммед-Али-паша с мусульманской партией увлекли за собой правительство, и война была объявлена. Мы видели лично лорда Редклифа в Царьграде в тот роковой час, когда турки объявили нам войну: он был в отчаянии и с досады драл на куски знаменитый мемориал графа Нессельроде, разосланный нашим двором для изложения видов нашего правительства и для истолкования, с русской точки зрения, предложенной Венской конференцией ноты. Этот мемориал, отворотивший от нас всю Европу, принадлежит к числу величайших наших неловкостей и сцепляется превосходно с прочими чудесами, сотворенными русским правительством в течение последнего трехлетия. Мы скажем прямо С.-Петербургскому журналу, что он не может даже иметь никаких сведений о существовавшем в Царьграде, по отъезде Меншикова, влиянии, ибо тогда Россия не имела представителя в столице Турецкой империи. Корреспондентами нашего правительства были в то время самые ничтожные лица, и поэтому журнал Министерства иностранных дел не представляет для той эпохи достоверного источника. Мы же, в качестве свидетелей всех этих событий, уверяем его, что Редклиф войны не возбуждал. Английский посол знал, что сам Николай I войны не желает: лорду Редклифу были коротко известны все обещания, данные Николаем на свидании его с австрийским императором в Ольмюце. Следовательно, к чему было воевать? Порта могла довольствоваться одним отбросением требований Меншикова, не выступая из пределов простого дипломатического сопротивления. Лорд Редклиф советовал туркам держаться умеренности, уверяя их в сочувствии всей Европы; он советовал им не подписывать ноты, предложенной Венской конференцией, но никогда не побуждал их на войну. Редклиф и Решид-паша почитались в уме двигателей войны людьми ненадежными, предателями исламизма, погаными гиаурами, любителями мира, и Мегеммед-Али-паша с клеветами своими отзывались о лорде Стратфорде и о Решиде как о людях, пагубных для чести Турции. Итак, пусть *Journal de St-Petersbourg* исправит свою ошибку относительно причины, возбудившей настоящую войну.

Из этой нелепой войны не должно ожидать никакого дельного результата. Турция выйдет из нее ослабленной, вынесет за собой неоплатные долги и впадет в неизлечимый маразм. Следовательно, она цели своей, т. е. возрождения своих сил и укрепления своего организма, не достигнет. Англия и Франция изнуряют свои финансы, повредят своим вещественным интересам и помрачат свою воинскую славу. Стыдно, очень стыдно для двух держав столь сильных, каковы западные державы, стоять десять месяцев перед укрепленным лагерем и не быть в состоянии им овладеть. Что же касается России, то и она не похвалится своими делами. Война на Дунае останется в истории темной для нас страницей. После пролития целых рек крови, после необъятных расходов, каждый спросит себя: за чем я воевал? Турция, Англия и Франция останутся без ответа, ибо война

ничего в их положении не улучшит и не изменит. Что же касается России, то ей предстоит каяться во многих прошедших грехах.

Она вверглась безрассудно в события 1853 года, не имея под рукой достаточных средств для столь великого предприятия, каково было посольство Меншикова. Она осталась позади всех, не следила за ходом науки и довольствовалась армией, вооруженной дубьем, между тем как у прочих народов, даже у турок, введены такие огнестрельные орудия, что современный карабин стреляет на такое же расстояние, как и пушка. Она довольствовалась парусным флотом в то время, как у ее соперниц винтовые корабли заменили прежние, холстине повинующиеся суда. Россия содержала сильные флоты по числу кораблей, но эти флоты теперь заперты и не смеют выйти в море. Россия обладала богатейшими финансами: ее правительство получало 200 миллионов рублей серебром годового дохода; но как употреблялись эти огромные средства? Каждый беспристрастный человек скажет, что они тратились самым нехозяйственным образом. Вот грехи, в которых Россия должна каяться, стараясь себя исправить для будущего.

Приложение № 31¹

Приложение № 118

**Князь Меншиков — барону Бруннову
13/25 апреля 1853 года, Пера**

Депешу Вашего Превосходительства от 24 марта/5 апреля я имел честь получить 9/21 апреля и приношу искреннейшую мою благодарность за сообщения, в оной заключающиеся.

Дело о Святых местах соглашено между французским послом и Портой и мною; нужные же для того фирманы изготовляются. Окончательному соглашению сему много способствовал лорд Редклиф.

Но это его доброжелание миновалось, и я встречаю сильное сопротивление в получении обязательства, обеспечивающего в будущем положение настоящего времени как Святых мест, так и духовенства православного. Следующие примеры и цитаты объясняют необходимость нам иметь равное право на выгоды и преимущества, коими пользуются другие нации и религии в Турции.

Когда в прошедшем году турки в Вифлееме и у гроба Богородицы, нарушив давность владения греков, дали латынам права на сии места министры Дивана отвечали нам: «Мы имеем с Францией трактат (капитуляцию 1740 года), которому подчиняем своих подданных греков; с вами трактатов, к сему применяющихся, не имеем и, следовательно, не нару-

¹ Приложения № 31, 119—149 изъяты.

шаем и 7-й статьи Кайнарджийского договора, которою Порта обязалась покровительствовать христианству вообще, что она и исполняет, и противно сему нисколько не поступила, дав, на основании договоров, одному вероисповеданию право на совместное пользование храмом с другими религиями также христианскими».

В письме султана, по случаю фирмана 1852 года, писанном государю императору, находится также ссылка на трактаты.

Статьями договоров: Карловицкого — 13-ю, Белградского — 9-ю и Систавикой — 12-ю, Австрия имеет право требовать как соблюдение *Statu quo* в положении духовенства и церквей, так и производить по сим делам домогательство, и когда Порта отклоняла наши настояния по неимению трактатов, она исполняла в то же время (впрочем, весьма правильные), на основании договоров, требования австрийской миссии о сатисфакции Боснийскому католическому епископу.

Лживые и бессовестные поступки турецких министров не позволяют нам полагаться на их обещания, ежели они не будут облечены формой, дающую им силу формального договора. За сим достижение такового обеспечения зависеть будет от меры той настойчивости, которая на сие употребится.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь Меншиков

Гос. архив, разр. XI, д. № 1236.

Приложения № 119—149¹

Приложение № 150

Император Николай — князю Варшавскому

Царское Село. 17/29 мая 1853 года

Благодарю, любезный отец командир, за письмо от 12/24; покуда сбирался тебе отвечать, вчера утром прибыл от кн. Меншикова роковой фельдъегерь. Князь доносит, что не успел в требуемом, благодаря интригам Страдфор Каннинга, он воротился в Одессу и велел миссии за ним следовать! Итак, вот плоды образа действий, на который я так неохотно согласился, быв вперед уверен, что ни к чему не приведет и только прибавит важности неуспеху по торжественности, данной посылке Меншикова. Ежели бы, как я хотел, поступили мы, как австрийцы, *страшая*, вероятно, имели бы тот же успех, что они. Последствием — война. Однако прежде чем приступить к действиям, заняв княжества, — дабы всем доказать, сколько я до крайности желаю избежать войны, — решаюсь послать требование последнее туркам удовлетворить меня в 8-дневный срок, ежели

нет, то объявляю войну. Сходно условленному с тобой образу действий, хочу прежде ограничиться занятием княжеств и без боя, ежели турки к нам не выйдут на левый берег Дуная. Так буду ждать, чту занятие это произведет. Ежели они поддадутся, требовать буду сверх того части издержек по вооружению и до того не покину княжеств. Но, буде турки будут упорствовать, со своей стороны велю блокировать Босфор и брать турецкие суда в Черном море; и предложу Австрии, со своей стороны, занять Эрцеговину и Сербию. Ежели и это не подействует, тогда полагаю объявить независимость княжеств, Сербии и Эрцеговины — и тогда вряд ли Турецкая империя устоит; и, вероятно, будут везде бунты христиан, и настанет последний час Оттоманской империи. Переходить Дунай не намерен; разве империя рушится, да и тогда скорее пошлю флот, для чего держу его в готове, и 13-я и 14-я дивизии остаются в сборе в Севастополе и Одессе. Покуда хочу полагать, что Каннинг действовал по-своему, не согласно данной ему инструкции от своего правительства, что скоро откроется (?). Но ежели и правительство одобряет его действия, то это было б величайшее вероломство. Но и это меня не остановит; буду идти своим путем по долгу моего убеждения, как надо достоинству России. Желая вручить команду 4-го и 5-го корпусов кн. Горчакову; вели ему сейчас ехать сюда, ежели здоров, чтоб я с ним о всем здесь условился, что успеем до возможного получения решительного да или нет из Царьграда.

Сколько все это мне на старости прискорбно, отгадаешь; желал бы кончить жизнь в покое!

Смотрю гвардию; прекрасно учатся; видел 6 бат. маршевых во 2-й корпус; все порядочно, два отличны; на днях и последних увижу; жаль, что и у них холера. Жена тебе кланяется, а я душевно обнимаю. Навеки Твой искренно доброжелательный

Княгине целую руку.

Н.

Собственная Его Величества библиотека.

Приложение № 151

**Барон Бруннов — князю Меншикову 5/17 мая 1853 года,
№ 197, Лондон**

Получено на Одесском рейде 26 мая 1853 года.

Я имел честь получить почтеннейшее отношение Вашей Светлости от 13/25 апреля, и в одно время поступили сюда депеши лорда Редклифа того же числа.

Сколько я могу судить о содержании оных, по словесным объяснениям английских министров, посол разделяет предложения наши на две части.

Первая заключает в себе статьи, относящиеся до разрешения вопроса о Святых местах.

Вторая, основанная на постановлениях Кайнарджского трактата, служит к подтверждению и распространению нашего покровительства на православные народы, подвластные Порте Оттоманской.

Что касается до первого разряда, посол признает справедливость наших требований и надеется, что старания, им употребляемые, склоняют турецких министров, равно как и французского посла, к соглашению на предложения Вашей Светлости.

На тот конец он советовал Дивану приступить немедленно к составлению фирманов и сопроводить оные нотой, дающей нам обеспечение в точном исполнении сего обязательства.

В рассуждении же статей, относящихся до покровительства нашего вообще в пользу народов, исповедующих православную веру, он находит, что по силе сего постановления Императорское посольство наше в Царьграде приобрело бы влияние, предосудительное для власти султана.

Наконец, он доносит, что Вы изволили, Милостивый Государь, прочесть ему проект составленной Вами конвенции, и вкратце излагает примечания, сообщенные им Вашей Светлости, на содержание оной.

В разговоре с английскими министрами по сему предмету я заметил:

«что препровождение фирманов при ноте отнюдь не соответствовало справедливым требованиям Императорского двора. Султан, нарушив данное им Государю Императору слово, обязан доставить за то Его Императорскому Величеству должное удовлетворение. Оно состоит в заключении формального акта, имеющего силу трактата, и, следовательно, внушение лорда Редклифа о пользе ноты взамен конвенции, по моему мнению, останется тщетным».

На сие министр иностранных дел отвечал мне, что, сколько ему известно, подписание акта, относящегося единственно до постановления о Святых местах, не могло бы дать повода к дальнейшему затруднению; но что замечания посла касаются в особенности до статей о покровительстве нашем в пользу единоверцев наших, подвластных Порте.

В ответ на сие я дал почувствовать лорду Кларендону, что он не может судить о точном смысле статей, содержание коих до сих пор ему неизвестно. Во всяком дипломатическом акте многое зависит от выражений. Следовательно, толкование о конвенции, о которой дело идет, показалось мне совершенно напрасным, пока суждения наши основаны на одних слухах и догадках.

Вместе с тем я не упустил поставить на вид министру иностранных дел следующее замечание: покровительство, простираемое всеми державами на единоверцев своих в Турции, происходит от того, что по всеобщему чувству европейских народов нельзя предоставить на произвол турок святость церквей и ненарушимость христианской веры в мусульманской стране. Сия истина служила основанием существующих договоров, на которые ссылаются Австрия и Франция. Под влиянием того же народного чувства Россия, при заключении Кайнарджского трактата, ознаменовала участие, постоянно оказанное Императорским двором в пользу исповедующих православную веру.

Руководствуясь тем же чувством, великобританское правительство, хотя и без письменных обязательств, защищает не только соотечественников своих, но и протестантов вообще против всякого угнетения в Турции. Правило сие принято всеми державами. Оно введено в общее употребление, и потому нельзя удивляться, если Императорский кабинет для предупреждения будущих недоразумений считает необходимо нужным подкрепить вновь то законное покровительство, которое Россия всегда оказывала единоверцам своим, и существование коего служит наиболее всего с сохранению тишины и порядка внутри Турецкой империи.

Не оспаривая основательности сих рассуждений вообще, лорд Кларендон сделал, однако ж, на оные следующее возражение: по мнению его, есть различие между влиянием Австрии и Франции на латинцев, и тем покровительством, которое Россия распространяет на православные народы, подвластные Турции, ибо народонаселение латинцев весьма ограничено, тогда как православная вера исповедуется 12 миллионами турецких подданных.

Возражение сие дало мне повод заметить, с моей стороны, что чем сильнее народонаселение греков, тем паче нельзя предать жребия их на произвол турок, без постоянно и бдительной защиты. Само собою разумеется также, что Россия одна не может отказаться от сего покровительства по тому только уважению, что в оном нуждается большинство христиан в Турции. Если так, латинцы, по незначительному их числу, имели бы преимущество перед большинством; а таковое заключение было бы явно противно добродушию.

Разговоры наши прекратились по обыкновению. Каждый из нас остался при своем мнении, не убеждая другого. Между тем я удостоверился в том, что лорд Редклиф, как я уже полагал, употребляет старания свои к устранению нового обязательства, по силе коего Порты расширила, так сказать, круг действий Императорской миссии в пользу Православной церкви. Но, сколько я могу судить по словам министра иностранных дел, я имею причину думать, что посол не отсоветовал бы Дивану согласиться на конвенцию, имеющую единственной целью окончательное постановление о порядке вещей относительно Святых мест.

По крайней мере, развязка сия соответствовала ожиданиям и видам Великобританского кабинета. Желания его, если я не ошибаюсь, сосредоточиваются в нижеизложенных соображениях:

- 1) доводить ход настоящих переговоров к наискорейшему концу, дабы продолжительное пребывание чрезвычайного нашего посольства в Царьграде не произвело волнения в умах и не окончилось происшествием, дающим нам повод к деятельному заступлению во внутренние дела Турции;

- 2) доставить Императорскому двору некоторое благовидное удовлетворение, дабы предупредить опасение явного разрыва между нами и Портой Оттоманской;

- 3) иметь в виду, что сие удовлетворением нам дано было без явного обидения Франции, для устранения дальнейших замешательств в Востоке;

4) употребить надлежащую предосторожность, дабы новое обязательство, нами возлагаемое на Оттоманскую Порту, не было слишком оскорбительно для достоинства султана, ни предосудительно для независимости его власти. В сем отношении Великобританское министерство смотрит более на невыгодное впечатление, которое конвенция наша произведет на английскую публику, чем на настоящий вред, который она нанесет Турции. Вашей Светлости известно, что все зависит здесь от общего мнения. Следовательно, министры имеют в виду наиболее всего, чтобы решение предстоящего вопроса в Востоке не сделало ему подрыва в глазах публики. Руководствуясь также сим чувством, лорд Редклиф, конечно, употребит всевозможное старание, дабы уступления, сделанные нам со стороны Порты, показались здесь маловажными. На тот конец он, по всей вероятности, торговаться будет, сколько он может, в особенности о выражениях и форме. Посему он предпочитает ноту конвенции. Министры разделяют сию мысль с тем, однако ж, различием, что главное попечение их стремиться к ускорению развязки дела, тогда как посол, по внушению самолюбия и спорливости его нрава, забавляется мелочным толком о подробностях, ведущих только к напрасному протягиванию переговоров. Великобританское министерство повторяемо предложило послу спешить к концу, но, к сожалению моему, оно предоставляет ему судить о лучших средствах достижения сей цели, не стесняя его определительными предписаниями. Из сего происходит то неудобство, что посол делается руководителем мнения кабинета, тогда как надлежало ему быть исполнителем данных инструкций!

В таком положении вещей правительство остается теперь в совершенной неизвестности на счет окончательного решения, к коему доведут действия посла! Моя надежда в том, что Вы умели, Милостивый Государь, воспользоваться уже его самолюбием, как я заключаю из разных обстоятельств, и сколько я его знаю, я полагаю, что сия есть главная пружина, удачным движением коей возможно дать полезное направление его упрямству.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть, Милостивый Государь, Вашей Светлости покорнейший слуга

барон Бруннов

Гос. архив, разр. XI, д. № 1236.

Приложение № 152¹

¹ Приложение № 152 изъято.

Число частей войск к 1 января 1853 г.

Название войск	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ					
	Дивизий	Бригад	Полков	Батальонов	Эскадронов (сотен)	Батарей
<i>Действующие</i>						
Пехота	30	61	110	535 ³⁾	—	—
Кавалерия	15	30	59	—	454 ⁴⁾	—
Артиллерия пешая	8	28	—	—	—	109
Артиллерия конная	2	7	—	—	—	29
Артиллерия, парки	—	?	—	—	—	—
Саперы	—	3	—	9	4	—
Итого	—	—	—	544	458	138
<i>Резервные и запасные</i>						
Пехота	8	24 ¹ / ₂	—	184	—	—
Кавалерия	—	12	—	—	115	—
Артиллерия пешая	—	8	—	—	—	48
Артиллерия конная	—	—	—	—	—	12
Саперы	—	—	—	6	1 ⁹⁾	—
Итого	—	—	—	190	116	60
<i>Местные</i>						
Внутренняя стража	—	—	—	53	—	—
Местные артиллерийские парки	—	—	—	—	—	—
Осадные артиллерийские парки	—	—	—	—	—	—
Гарнизонная артиллерия	—	16	—	—	—	—
Инженерные парки	—	—	—	—	—	—
Итого	—	—	—	53	—	—
<i>Вспомогательные</i>						
Корпус жандармов	—	—	1	—	11 ¹ / ₂	—
Учебные и Образцовые части	—	3	6	21	7	7
Подвижные инвалидные роты	—	—	—	—	—	—
Кантонистские части	—	5	—	21 ¹ / ₂	48	6
Военно-рабочие части	—	—	—	3	—	—
Итого	—	—	—	45 ¹ / ₂	66 ¹ / ₂	13
Иррегулярные войска	—	—	138	25	808	27
ВСЕГО	—	—	—	857 ¹ / ₂	1448 ¹ / ₂	238

Название войск	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ				В МИРНОЕ ВРЕМЯ		
	Орудий	Парков	Рот	Команд	Дивизий	Бригад	Полков
<i>Действующие</i>							
Пехота	18 ¹⁾	1 ²⁾	—	—	30	61	110
Кавалерия	—	—	—	—	15	30	59
Артиллерия пешая	1214	—	—	—	8	28	—
Артиллерия конная	232	—	—	—	2	7	—
Артиллерия, парки	—	23	—	—	—	7	—
Саперы	—	2 ¹ / ₂ ⁵⁾	—	—	—	3	—
Итого	1464	—	—	—	—	—	—
<i>Резервные и запасные</i>							
Пехота	—	—	—	—	1	3 ¹ / ₂	—
Кавалерия	—	—	—	—	1	2	4
Артиллерия пешая	120	—	—	—	—	3	—
Артиллерия конная	100	—	—	—	—	—	—
Саперы	—	6 ⁸⁾	—	—	—	—	—
Итого	220	—	—	—	—	—	—
<i>Местные</i>							
Внутренняя стража	14	—	—	865	—	—	—
Местные артиллерийские парки	—	62	—	—	—	—	—
Осадные артиллерийские парки	—	5 ¹¹⁾	—	—	—	—	—
Гарнизонная артиллерия	см. креп.	—	103 ¹ / ₂	—	—	16	—
Инженерные парки	—	3	1 ¹ / ₂	—	—	—	—
Итого	14	70	105	865	—	—	—
<i>Вспомогательные</i>							
Корпус жандармов	—	—	—	124	—	—	1
Учебные и Образцовые части	24	—	—	—	—	3	6
Подвижные инвалидные роты	—	—	138	—	—	—	—
Кантонистские части	—	—	—	—	—	5	—
Военно-рабочие части	—	—	—	131 ¹²⁾	—	—	—
Итого	24	—	138	255	—	—	—
Иррегулярные войска	220	—	1	33	—	—	73
ВСЕГО	1942	—	—	—	—	—	—

Название войск	В МИРНОЕ ВРЕМЯ						
	Батальонов	Эскадронов (сотен)	Батарей	Орудий	Парков	Рот	Команд
<i>Действующие</i>							
Пехота	523 ³⁾	—	—	18 ¹⁾	1 ²⁾	—	—
Кавалерия	—	454 ⁴⁾	—	—	—	—	—
Артиллерия пешая	—	—	106	902	—	—	—
Артиллерия конная	—	—	29	232	—	—	—
Артиллерия, парки	—	—	—	—	23	—	—
Саперы	9	4	—	—	2 ¹ / ₂	—	—
Итого	532	458	135	1152	—	—	—
<i>Резервные и запасные</i>							
Пехота	16	—	—	—	—	—	168 ⁶⁾
Кавалерия	—	25	—	—	—	—	48 ⁷⁾
Артиллерия пешая	—	—	10	40	—	—	—
Артиллерия конная	—	—	3	24	—	—	—
Саперы	3	—	—	—	6 ⁸⁾	1	4 ¹⁰⁾
Итого	19	25	13	64	—	—	—
<i>Местные</i>							
Внутренняя стража	53	—	—	14	—	—	865
Местные артиллерий- ские парки	—	—	—	—	62	—	—
Осадные артиллерий- ские парки	—	—	—	—	5 ¹¹⁾	—	—
Гарнизонная артилле- рия	—	—	—	см. креп.	—	103 ¹ / ₂	—
Инженерные парки	—	—	—	—	3	1 ¹ / ₂	—
Итого	53	—	—	14	70	105	865
<i>Вспомогательные</i>							
Корпус жандармов	—	12 ¹ / ₂	—	—	—	—	124
Учебные и Образцовые части	21	7	7	24	—	—	—
Подвижные инвалид- ные роты	—	—	—	—	—	138	—
Кантонистские части	21 ¹ / ₂	48	6	—	—	—	—
Военно-рабочие части	3	—	—	—	—	—	131 ¹²⁾
Итого	45 ¹ / ₂	67 ¹ / ₂	13	24	—	138	255
Иррегулярные войска	8 ¹ / ₄	433 ¹ / ₂	14	122	—	1	33
ВСЕГО	657 ³ / ₄	984	175	1254	—	—	—

Примечания:

- 1) При 9 Сибирских линейных батальонах.
- 2) Понтонный при Гвардейском экипаже.
- 3) В том числе л.-гв. Гарнизонный батальон и Гвардейский экипаж.
- 4) Не считая запасного эскадрона Нижегородского полка.
- 5) Понтонные при Конно-пионерном дивизионе.
- 6) Кадры резервных и запасных батальонах.
- 7) Кадры резервных кавалерийских корпусов 1-го и 2-го.
- 8) Понтонные при резервных батальонах.
- 9) Резервный и запасный полуэскадроны 1-го Конно-пионерного дивизиона.
- 10) Кадры резервного и запасного полуэскадронов 1-го Конно-пионерного дивизиона.
- 11) 2 парка и 3 отделения.
- 12) Роты и команды.

Приложение № 157

Штаты армии к началу 1853 года

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ						
	Строевых					Нестрое- вых	
	Генералов, шт.- и об.-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Всего строевых нижних чинов	Класн. чиновников	Нестроевых нижних чинов
<i>Пехота</i>							
Пехотный гвардейский полк (3 батал.) ¹⁾	59	216	163/ 145 ²⁾	2760	3139/ 3121	8	86
Пехотный гренадерский полк (3 батал.) ¹⁾	61	246	127	3010	—	7	84
Пехотный егерский полк (4 батал.) ³⁾	81 ⁴⁾	328	155	3680	4163	8	110
Пехотный Кавказ. корп. полк (5 батал.)	102	450	183	5200	5833	10	170
Армейский стрелковый батальон ⁶⁾	21	58	17	600	675	1	29

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ						
	Строевых					Нестрое- вых	
	Генералов, шт. - и об.-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Всего строевых нижних чинов	Классн. чиновников	Нестроевых нижних чинов
Резервный батальон армейского пехотно- го полка	20 ⁷⁾	82	28	920	1030	1	24
Внутренний гарни- зонный батальон	20	80	17	920	1017	1	28
<i>Кавалерия</i>							
Армейские гусарский и уланский полки (8 эск.)	57	152 ⁹⁾	25	1200 ¹⁰⁾	1377	6	79
Армейский драгун- ский полк (10 эск.)	70	190 ¹¹⁾	39	1500 ¹²⁾	1729	8	90
Армейский кирасир- ский полк (6 эск.)	44	124 ¹³⁾	19	900 ¹⁴⁾	1033	7	61
Резервный эскадрон постоянного кавале- рийского резерва ¹⁵⁾	6	21 ¹⁶⁾	4	190 ¹⁷⁾	215	—	15
Донской казачий полк ¹⁸⁾	21	56	18	798	872	—	2
<i>Артиллерия</i>							
Батарея пешая бата- рейная (8 оруд.) ¹⁹⁾	7	20	4	198	222	—	22
Батарея пешая легкая (8 оруд.) ¹⁹⁾	7	20	4	148	172	—	22
Батарея пешая бата- рейная (12 оруд.) ²¹⁾	10	30	6	297	333	?	?

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ						
	Стрелковых					Нестрелковых	
	Генералов, шт.-и об.-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Всего стрелковых нижних чинов	Классн. чиновников	Нестрелковых нижних чинов
Батарея пехотная легкая (12 оруд.) ²¹⁾	10	30	6	222	258	?	?
Батарея конная батарея	7	20	4	258	282	—	27
Батарея конная легкая	7	20	4	195	219	—	27
Подвижной и летучий парк	6	24	2	325	351	3	27
Сводная батарея постоянного резерва Гвардейского и Гренадерского корпусов ²²⁾	—	—	—	—	—	—	—
Сводная резервная батарея постоянного пешего артиллерийского резерва ²³⁾	—	—	—	—	—	—	—
Резервная Конно-артиллерийская полубатарея постоянного резерва ¹⁵⁾	—	—	—	—	—	—	—
<i>Саперы</i>							
Армейский саперный батальон	23	80	27	920	1027	3	26
Резервный саперный батальон ²⁴⁾ (с фушштатской полуротой)	23	80	87	920	1087	3	26

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ						
	Строевых					Нестрое- вых	
	Генералов, шт.-и об.-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Всего строевых нижних чинов	Классн. чиновни- ков	Нестроевых ниж- них чинов
Понтонная рота с фурштатской полу- ротой ²⁷⁾	4	20	6	230	256	—	6
1-й Конно- пионерный дивизи- он ²⁸⁾	14	46	7	426	479	4	29
<i>Штабы</i>							
Пехотного армей- ского корпуса	17 ²⁵⁾	—	—	—	—	5	10
Гренадерской и армейской пехотной дивизий	8	—	—	—	—	3	4
Кавалерийской ди- визии	8	—	—	—	—	3	4
Артиллерийской дивизии при пехот- ном корпусе	3	—	—	—	—	2	4
Конно- артиллерийской дивизии	3	—	—	—	—	2	3
Бригад пехотной, кавалерийской и саперной	2	—	—	—	—	—	2
Пешей артиллерий- ской бригады	4	2	—	—	—	3	5
Конной артиллерий- ской бригады	4	1	—	—	—	4	5
Кавказский штаб корпуса	150	—	—	—	—	20	200
Пехотной дивизии Кавказского корпуса	8	—	—	—	—	3	4

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ				В МИРНОЕ ВРЕМЯ		
	Нестроевых			Всего чинов	Строевых		
	Фурштатских нижних чинов	Денщиков	Всего нестроевых нижн. чинов		Генералов, шт.- и об.-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов
<i>Пехота</i>							
Пехотный гвардейский полк (3 бат.) ¹⁾	54	49	189	3395/ 3377	59	216	163/ 145 ²⁾
Пехотный гренадерский полк (3 бат.) ¹⁾	54	74	—	—	61	246	127
Пехотный егерский полк (4 бат.) ³⁾	64	99	273	4517	79	328	155
Пехотный Кавказ. корп. полк (5 бат.)	126	123	419 ⁵⁾	6364	102	450	199
Армейский стрелковый батальон ⁶⁾	18	24	71	768	21	58	17
Резервный батальон армейского пехотного полка	12	23	59	1110	13	82	24
Внутренний гарнизонный батальон	—	34	62	1100	13	80	17
<i>Кавалерия</i>							
Армейские гусарский и уланский полки (8 эск.)	31	70	180	1620	57	152 ⁹⁾	25
Армейский драгунский полк (10 эск.)	39	84	213	2020	70	190 ¹¹⁾	39
Армейский кирасирский полк (6 эск.)	25	56	142	1226	14	124 ¹³⁾	19
Резервный эскадрон постоянного кавалерийского резерва ¹⁵⁾	—	—	15	236	6	21 ¹⁶⁾	4

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ				В МИРНОЕ ВРЕМЯ		
	Нестроевых				Строевых		
	Фурштатских нижних чинов	Денщиков	Всего нестроевых нижн. чинов		Генералов, шт.- и об.-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов
Донской казачий полк ¹⁸⁾	—	—	2	895			
<i>Артиллерия</i>							
Батарея пешая батареинная (8 оруд.) ¹⁹⁾	13	8	43	272	7	30 ²⁰⁾	4
Батарея пешая легкая (8 оруд.) ¹⁹⁾	11	7	40	219	7	30 ²⁰⁾	4
Батарея пешая батареинная (12 оруд.) ²¹⁾	?	?	?	?			
Батарея пешая легкая (12 оруд.) ²¹⁾	?	?	?	?			
Батарея конная батареинная	11	8	46	335	7	20	4
Батарея конная легкая	10	6	43	269	7	20	4
Подвижной и летучий парк	4	10	41	400	6	24	2
Сводная батарея постоянного резерва Гвардейского и Гренадерского корпусов ²²⁾	—	—	—	—	7	72	6
Сводная резервная батарея постоянного пешего артиллерийского резерва ²³⁾	—	—	—	—	7	72	6

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ				В МИРНОЕ ВРЕМЯ		
	Нестроевых			Всего чинов	Строевых		
	Фуриштатских нижних чинов	Денщиков	Всего нестроевых нижних чин.		Генералов, шт. - и об.-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов
Резервная Конно-артиллерийская полубатарея постоянного резерва ¹⁵⁾	—	—	—	—	3	15	2
<i>Саперы</i>							
Армейский саперный батальон	18	29	73	1126	23	80	27
Резервный саперный батальон ²⁴⁾							
(с фуриштатской полуротой)	66	29	121	1234	23	80	87
Понтонная рота с фуриштатской полуротой ²⁷⁾	185	4	195	455	4	20	6
1-й Конно-пионерный дивизион ²⁸⁾	20	18	67	564	14	42	7
<i>Штабы</i>							
Пехотного армейского корпуса	1	25 ²⁶⁾	36	58			
Гренадерской и армейской пехотной дивизий	4	12	20	31			
Кавалерийской дивизии	4	11	19	30			

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ				В МИРНОЕ ВРЕМЯ		
	Нестроевых				Строевых		
	Фурштатских нижних чинов	Денщиков	Всего нестроевых нижн. чинов		Генералов, шт. - и об.-офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов
Артиллерийской дивизии при пехотном корпусе	2	4	10	15			
Конно-артиллерийской дивизии	2	4	9	14			
Бригад пехотной, кавалерийской и саперной	—	1	3	5			
Пешей артиллерийской бригады	2	9	16	25			
Конной артиллерийской бригады	2	10	17	26			
Кавказского корпуса	—	99	299	469			
Пехотной дивизии	—	11	15	26			
Кавказского корпуса	—	11	15	26			

	В МИРНОЕ ВРЕМЯ							
	Строевых		Нестроевых					
	Рядовых	Всего строевых нижних чинов	Классн. чиновников	Нестроевых нижних чинов	Фуражатам нижн. чинов	Денщиков	Всего нестроевых нижних чинов	
<i>Пехота</i>								
Пехотный гвардейский полк (3 бат.) ¹⁾	2250	2629/ 2611	8	86	37	49	172	2868/ 2850
Пехотный гренадерский полк (3 бат.) ¹⁾	—	—	7	84	37	74		
Пехотный егерский полк (4 бат.) ³⁾	3280	3763	8	110	49	95	254	4104
Пехотный Кавказ. корп. полк (5 бат.)	4680	5329	10	170	126	113	409 ⁵⁾	5820
Армейский стрелковый батальон ⁶⁾	600	675	1	29	13	24	66	763
Резервный батальон армейского пехотного полка	320	426	1	24	12	15	51	491
Внутренний гарнизонный батальон	840 ⁸⁾	937	1	28	—	34	62	1020
<i>Кавалерия</i>								
Армейские гусарский и уланский полки (8 эск.)	1120 ¹⁰⁾	1297	6	79	17	70	166	1526
Армейский драгунский полк (10 эск.)	1400 ¹²⁾	1629	8	90	21	84	195	1902
Армейский кирасирский полк (6 эск.)	840 ¹⁴⁾	983	7	61	13	56	130	1164
Резервный эскадрон постоянного кавалерийского резерва ¹⁵⁾	190 ¹⁷⁾	215	—	15	—	—	15	236
Донской казачий полк ¹⁸⁾								

	В МИРНОЕ ВРЕМЯ							
	Строевых		Нестроевых					Всего чинов
	Рядовых	Всего строевых нижних чинов	Классн. чиновников	Нестроевых нижних чинов	Фурштатских нижних чинов	Денщиков	Всего нестроевых нижн. чинов	
<i>Артиллерия</i>								
Батарея пешая батареинная (8 оруд.) ¹⁹⁾	188	222	—	22	3	8	33	262
Батарея пешая легкая (8 оруд.) ¹⁹⁾	138	172	—	22	3	7	32	211
Батарея пешая батареинная (12 ор.) ²¹⁾								
Батарея пешая легкая (12 оруд.) ²¹⁾								
Батарея конная батареинная	258	282	—	27	3	8	38	328
Батарея конная легкая	195	219	—	27	2	6	35	261
Подвижной и летучий парк	250	274	3	27	—	10	37	320
Сводная батарея постоянного резерва Гвардейского и Гренадерского корпусов ²²⁾	144	222	—	—	—	—	32	261
Сводная резервная батарея постоянного пешего артиллерийского резерва ²³⁾	144	222	—	—	—	—	38	267
Резервная Конно-артиллерийская полубатарея постоянного резерва ¹⁵⁾	93	110	—	—	—	—	18	128

	В МИРНОЕ ВРЕМЯ							
	Строевых		Нестроевых					
	Рядовых	Всего строевых нижних чинов	Классн. чиновников	Нестроевых нижних чинов	Фурштатских нижних чинов	Денщиков	Всего нестроевых нижн. чинов	
<i>Саперы</i>								
Армейский саперный батальон	820	927	3	26	9	29	64	1017
Резервный саперный батальон ²⁴⁾ (с фурштатской полуротой)	920	1087	3	26	66	29	121	1234
Понтонная рота с фурштатской полуротой ²⁷⁾	205	231	—	6	185	4	195	430
1-й Конно-пионерный дивизион ²⁸⁾	366	415	2	29	20	18	67	498

Примечания:

Примеч. 1. Число фуhrштатских рядовых взято по штату обоза.

Примеч. 2. Фуhrштатские офицеры показаны в общем числе офицеров.

Примеч. 3. Где нет ссылки, штаты взяты по приказам военного министра 1840 г.

Примеч. 4. Число рядовых в кавалерийских полках — по Полн. собр. зак., XXIV, ст. 23556 и т. XXVII, ст. 25918 (20 янв. 1852 г.) и прик. Воен. мин. 1849 г., № 102 и прик. 1851 г., № 115.

¹⁾ Полн. собр. зак. Росс. имп., т. XXVII, ст. 26793, Выс. пов. 18 ноября 1852 г.

²⁾ В пехотных полках — 163, в егерских — 145.

³⁾ Полн. собр. зак., т. XXV, ст. 24092, Выс. пов. 19 Апр. 1850, и Св. В. П. 1838 г., 9-е прод., ст. 11 и 12.

⁴⁾ Арх. К. В. М. д. 1852 № 11 и 1853 № 25.

⁵⁾ Кроме того, инвалидная рота — 283 нижн. чина.

⁶⁾ Прик. воен. мин. 1844 г., № 62.

⁷⁾ Кроме того, в военное время прибавлялось по 1 шт.-офиц. И по 4 об.-офиц. На каждые 4 резервных батальона (прик. 1849 г., № 62).

⁸⁾ В 45 батальонах; в остальных — 920 (Прик. Воен. Мин. 1850 г., № 32).

⁹⁾ В том числе конных — 104.

¹⁰⁾ В том числе конных — 960.

¹¹⁾ В том числе конных — 130.

¹²⁾ В том числе конных — 1200.

¹³⁾ В том числе конных — 78.

¹⁴⁾ В том числе конных — 720.

¹⁵⁾ Полн. собр. зак., доп. к т. XXIV, ч. II, ст. 23681а, Высоч. утв. 28 ноября 1849 г., и Арх. В. У. К., отд. 3, № 977.

¹⁶⁾ В том числе конных — 16.

¹⁷⁾ В том числе конных — 160.

¹⁸⁾ Арх. К. В. М. по снар. войск, д. 1852 г., № 14.

¹⁹⁾ Полевые, кроме гвардейских и Кавказских. Прик. воен. мин. 1845 г., № 108 и 1849 г., № 85.

²⁰⁾ В том числе 10 фейерверкеров третьих дивизионов.

²¹⁾ Прик. воен. мин. 1849 г., № 85.

²²⁾ Прик. воен. мин. 1851 г., № 84.

²³⁾ Полн. собр. зак., т. XXV, ст. 25155, Высоч. утв. 24 апреля 1851 г.

²⁴⁾ Прик. воен. мин. 1850 г., № 32 и 1851 г., № 115.

²⁵⁾ Прик. воен. мин. 1841 г., № 107.

²⁶⁾ Прик. воен. мин. 1845 г., № 108.

²⁷⁾ Прик. воен. мин. 1850 г., № 32.

²⁸⁾ Прик. воен. мин. 1850 г., № 31.

Приложение № 158

1-я и 2-я гвардейские дивизии состояли каждая из четырех гвардейских полков, а 3-я — из двух гвардейских и двух гренадерских полков; кроме того, в состав гвардейских дивизий входили: 1-й — л.-гв. Саперный батальон, 2-й — Гвардейский экипаж и 3-й — л.-гв. Финский стрелковый батальон.

Три гренадерские дивизии состояли каждая из трех гренадерских и одного карабинерного полков.

Армейские дивизии № 1—21 состояли каждая из двух пехотных и двух егерских полков. 22-я пех. дивизия состояла из 12 Финляндских линейных батальонов, 23-я — из 10 Оренбургских линейных батальонов и 24-я — из 15 Сибирских линейных батальонов.

Дивизии гвардейские, гренадерские и № 1—21 армейские делились на две бригады, по 2 полка в каждой. В каждой гренадерской дивизии было 3 полка гренадерских и один карабинерный, который входил в состав второй бригады вторым полком. В армейских пехотных дивизиях было также по 2 бригады; первые бригады состояли из двух пехотных, а вторые — из двух егерских полков. 22-я дивизия делилась на 2 бригады, по 6 батальонов в каждой; 24-я имела 3 бригады, из которых в 1-й было 6 батальонов, во 2-й — 5 и в 3-й — 4 батальона. При 9 Сибирских линейных батальонах этой дивизии состояло по 2 орудия.

Кавказская гренадерская резервная бригада состояла из одного гренадерского и одного карабинерного полков, по 4 батальона в каждом. Грузинские линейные батальоны были сведены в три отдельные бригады, из коих в 1-й было 7 батальонов, во 2-й — 5 и в 3-й — 6. Кавказские линейные батальоны были сведены в две отдельные бригады, причем в первой было 6, а во второй 7 батальонов.

Приложение № 159

Кавалерийских дивизий было: 3 гвардейских, 7 легких кавалерийских армейских, 2 армейских кирасирских, 2 армейских драгунских и 1 резервная уланская. Нижегородский драгунский полк в состав дивизий не входил и был придан в отдельности к Кавказскому корпусу.

Гвардейские дивизии состояли: Кирасирская — из четырех гвардейских кирасирских полков; 1-я легкая — из полков л.-гв.: Конно-гренадерского, Уланского и Гусарского и иррегулярных частей л.-гв.: Казачьего полка, Черноморского казачьего дивизиона и Крымско-татарского эскадрона; 2-я легкая — из полков л.-гв.: Драгунского, Уланского Е. И. В. Вел. Князя Наследника Цесаревича, Гродненского гусарского и иррегулярных частей л.-гв.: Атаманского полка и Уральского казачьего дивизиона. Семь армейских легких кавалерийских дивизий состояли каждая из двух уланских и двух гусарских полков, причем уланские полки составляли первые бригады, а гусарские полки — вторые бригады в каждой дивизии. Обе армейские кирасирские дивизии состояли каждая из четырех армейских кирасирских полков. Две армейские драгунские дивизии состояли каждая из четырех армейских драгунских полков. Резервная уланская дивизия состояла из четырех действующих уланских полков (резервной она была только по названию).

Три гвардейские пешие артиллерийские бригады состояли каждая из двух батарейных и одной легкой батареи (в 3-ю гвардейскую артиллерийскую бригаду входили две гренадерские батареи); эти бригады в артиллерийскую дивизию соединены не были, а были приданы к Гвардейскому корпусу. Все три гвардейские конные батареи не соединялись ни в бригады, ни в дивизии и входили также в состав Гвардейского корпуса.

Три гренадерские артиллерийские бригады (№ 1, 2 и 3) состояли каждая из двух батарейных и одной легкой батареи. В военное время в состав каждой из этих бригад входило еще по одной легкой батарее; в мирное время эти три батареи были распущены и находились в кадренном составе в резервной артиллерии. Кавказская гренадерская артиллерийская бригада состояла из двух батарейных, 1-й легкой и 1-й горной батарей.

18 полевых артиллерийских бригад (№ 1—18) были сведены в 6 артиллерийских дивизий (№ 1—6), по три бригады в каждой, первые бригады в каждой дивизии состояли из двух батарейных и двух легких батарей, а вторые и третьи бригады в дивизиях — из одной батарейной и трех легких батарей. 19-я полевая артиллерийская бригада состояла из одной батарейной и трех легких батарей; 20-я — из одной батарейной, двух легких и одной горной батарей; 21-я — из одной батарейной, одной легкой и двух горных батарей.

Семь конно-артиллерийских бригад состояли каждая из двух конно-легких батарей. Гренадерская артиллерийская дивизия состояла из трех гренадерских и одной (№ 7-й) конно-артиллерийской бригад. Шесть артиллерийских дивизий (№ 1—6) состояли каждая из трех полевых и одной конно-артиллерийской бригад. Кавказская артиллерийская дивизия состояла из Кавказской гренадерской, 19, 20-й и 21-й полевых артиллерийских бригад. Две конно-артиллерийские дивизии (№ 1 и 2) состояли каждая из двух конно-батарейных и четырех конно-легких батарей.

Гренадерская, Кавказская и 6 артиллерийских дивизий входили в состав корпусов соответствующих номеров и названий. Конно-артиллерийские дивизии были приданы 1-му и 2-му резервным кавалерийским корпусам. Таким образом в гренадерском и шести армейских пехотных корпусах на каждую пехотную дивизию полагалась одна пешая, а на каждую кавалерийскую дивизию — одна конная артиллерийская бригада, т. е. на каждый пехотный полк — по одной пешей батарее, а на каждый кавалерийский полк — по $\frac{1}{2}$ конной батарее.

Все батареи гвардейские, гренадерские и конные имели 8-орудийный состав и в мирное, и в военное время, причем в мирное время были запряжены все 8 орудий.

Все полевые пешие батареи шести армейских корпусов полагались в военное время в 12-орудийном составе и делились на 3 дивизиона, по 4 орудия в каждом; в мирное время они имели запряженными 8 орудий; люди третьих дивизионов находились в отпуске, а орудия со всей принадлежностью хранились в складах и арсеналах.

Батареи Кавказской артиллерийской дивизии имели разнообразный состав: 5 батарейных батарей имели по 12 орудий (легких), 4 легкие батареи имели по 8 орудий (легких), 1 легкая — 10 орудий (№ 3 — 8 легких и 2 горных), 2 легкие — по 12 орудий (8 легких и 4 горных, № 4 и 5), 4 горные — по 14 горных орудий. В мирное время батарейные и легкие батареи содержались по числу людей и лошадей по 8-орудийному составу.

Таким образом, в действующей артиллерии орудия распределялись следующим образом:

	Всего орудий			
	по мирному составу	по военному составу	по мирному составу	по военному составу
<i>В пешей артиллерии</i>				
В каждой бригаде гвардейской пешей	24	24	72	72
В 1, 2-й и 3-й гренадерских бригадах	24	32	72	96
В Кавказской гренадерской бригаде	46	46	46	46
В каждой из 18 полевых бригад (№ 1—18) 6 пехотных корпусов	32	48	576	864
В 19-й полевой бригаде	42	42	42	42
В 20-й полевой бригаде	46	46	46	46
В 21-й полевой бригаде	48	48	48	48
<i>В конной артиллерии</i>				
В 3 гвардейских батареях	24	24	24	24
В конно-артиллерийских бригадах	16	16	112	112
В конно-артиллерийских дивизиях	48	48	96	96
Всего	—	—	1134	1446

В пешех. батареях не содержалось в мирное время против штатов военного времени по 10 канониров на батарею, которые увольнялись в бессрочный отпуск. Взамен их в батареях (8-орудийного состава) содержалось налицо по 10 фейерверкеров третьих (распушенных) дивизионов, так что общее число строевых чинов в батареях в военное и мирное время оставалось то же самое. Кроме того, в бессрочном отпуске числились нижние чины третьих дивизионов: на каждую батарейную батарею 99 бомбардиров и канониров и 2 барабанщика; для легкой батареи 2 барабанщика и 74 бомбардира и канонира¹.

¹ Приказ воен. мин. 1849 г., № 85.

Подвижные и летучие артиллерийские¹ парки предназначались для снабжения войск снарядами, патронами, порохом и возили, кроме того, для себя лабораторный, мастерской и др. инструмент и разные запасные вещи. Подвижной парк состоял из 120 парковых повозок (четырехколесных), в которых полагалось иметь 7276 артиллерийских снарядов, 537 пудов пороха и 410 400 патронов (около 150 снарядов на каждое орудие). Летучий парк состоял из 110 обыкновенных зарядных ящиков, в которых возилось 6612 снарядов и 84 780 патронов.

В подвижных парках только часть артиллерийских снарядов имелись снаряженными, для остальных же были только материалы; в летучих парках все снаряды полагалось иметь в готовом виде. В подвижных парках лошади в мирное время не содержались вовсе, а покупались при мобилизации; парковые обозы и запасы хранились в крепостях.

В летучих парках в мирное время всегда содержалось некоторое число лошадей, по усмотрению высшего начальства, а парковое имущество, обоз и запасы были в постоянной готовности.

При мобилизации подвижные парки обращались в летучие, которые предназначались для подвозки снарядов к батареям и для следования за отрядами, удаленными от главных сил армии.

Всего имелось 19 подвижных и 2 летучих парков вышеописанного состава и 2 летучих парка меньшего состава на Кавказе, по 40 зарядных ящиков в каждом.

Парки были соединены по три в парковые бригады, кроме двух Кавказских летучих парков³ (№ 19 и 21), которые в парковые бригады не соединялись, а входили в состав Кавказского корпуса. Парковых бригад было 7 — по одной на Гренадерский и 6 пехотных корпусов (№ 1—6). Гвардия и резервные войска не имели своих парковых частей, а в случае надобности к ним придавались парки вышепоименованные. Парковые бригады назывались гренадерской и по номерам соответствующих корпусов. Подвижные парки имели общую нумерацию, соответствовавшую номерам трех гренадерских и 20 полевых артиллерийских бригад. Парки № 16-й и 17-й шестой парковой бригады были летучие и состояли при действующей армии.

Каждый парк делился на 2 дивизиона и 4 взвода. При каждом парке имелась парковая рота.

¹ Руков. для артил. службы, изд. 1853 г., и распис. сухоп. войск. Всепод. отч. за 1852 г.

² В распис. сухоп. войск эти 2 парка названы подвижными запасными.

Состав корпусов к 1 января 1853 года

Гвардейский пехотный	1, 2-я и 3-я гвардейские пехотные дивизии	40 батальонов
	Л.-гв. Финский стрелковый батальон (при 3-й гвардейской пехотной дивизии)	13 батарей (100 ор.)
	Л.-гв. гарнизонный батальон	2 полускадрона
	Л.-гв. саперный батальон (при 1-й гвардейской пехотной дивизии)	3 команды
	Гвардейский экипаж (при 2-й гвардейской пехотной дивизии)	Инвалидные роты
	1, 2-я и 3-я гвардейские артиллерийские бригады	
	Л.-гв. конная артиллерия (с дивизионом гвардейской Донской батареи)	
	Гвардейская фушштатская бригада (при полках и батареях)	
	Гвардейская инвалидная бригада (при полках и батареях)	
	Л.-гв. Жандармский полускадрон	Собственный Его Императорского Величества конвой
Л.-гв. Кавказско-Горский полускадрон		
Команда Кавказского линейного казачьего войска		
Команда лезгин		
Команда мусульман		
Гвардейский резервный кавалерийский	Гвардейская кирасирская дивизия	68 ½ эскадрона
	1-я и 2-я гвардейские легкие кавалерийские дивизии	
	Л.-гв. конно-пионерный дивизион	
Гренадерский	1, 2-я и 3-я гренадерские дивизии	38 батальонов
	7-я легкая кавалерийская дивизия	32 эскадрона
	Гренадерская артиллерийская дивизия	14 батарей (112 ор.)
	Гренадерский стрелковый батальон	1 команда
	Гренадерский саперный батальон	Фушштатские батальоны
	Жандармская команда	
	5 фушштатских батальонов	

1-й пехотный	{	1, 2-я и 3-я пехотные дивизии	50 батальонов
		1-я легкая кавалерийская дивизия	32 эскадрона
		1-я артиллерийская дивизия	{ 1, 2-я и 3-я полевые артиллерийские бригады 1-я конно-артиллерийская бригада
		1-й стрелковый батальон	
		1-й саперный батальон	
		Жандармская команда	1 команда
		5 фуруштатских батальонов	Фуруштатские батальоны
2-й пехотный	{	4, 5-я и 6-я пехотные дивизии	50 батальонов
		2-я легкая кавалерийская дивизия	32 эскадрона
		2-я артиллерийская дивизия	{ 4, 5-я и 6-я полевые артиллерийские бригады 2-я конно-артиллерийская бригада
		2-й стрелковый батальон	
		2-й саперный батальон	
		Жандармская команда	1 команда
		5 фуруштатских батальонов	Фуруштатские батальоны
3-й пехотный	{	8, 9-я и 10-я пехотные дивизии	50 батальонов
		3-я легкая кавалерийская дивизия	32 эскадрона
		3-я артиллерийская дивизия	{ 7, 8-я и 9-я полевые артиллерийские бригады 3-я конно-артиллерийская бригада
		3-й стрелковый батальон	
		3-й саперный батальон	
		Жандармская команда	1 команда
		5 фуруштатских батальонов	Фуруштатские батальоны
4-й пехотный	{	10, 11-я и 12-я пехотные дивизии	50 батальонов
		4-я легкая кавалерийская дивизия	32 эскадрона
		4-я артиллерийская дивизия	{ 10, 11-я и 12-я полевые артиллерийские бригады 4-я конно-артиллерийская бригада
		4-й стрелковый батальон	
		4-й саперный батальон	
		Жандармская команда	1 команда
		5 фуруштатских батальонов	Фуруштатские батальоны
Состояли при действующей армии	{	Донские казачьи полки, № 3, 5, 8, 24, 25, 32, 33, 35	1 батальон 2 эскадрона
		Кавказский сводно-иррегулярный казачий полк	60 сотен
		Закавказский конно-мусульманский полк	

Состояли при действующей армии	Сводный Учебный Донской казачий полк	3 батареи
	Донские казачьи конно-артиллерийские батареи, № 1, 8 и 9	(24 ор.) 2 запасных
	1-й резервный саперный батальон (с 3-мя понтонными парками)	парка
	Дивизион Жандармского полка (2 эск.)	Инвалидные роты
	Подвижные запасные парки 16-й и 17-й артиллерийских бригад	
	Батальон подвижного магазина	
	Военно-рабочие роты, № 8, 9 и 10	
	Лабораторные роты, № 2 и 3	
	Подвижная инвалидная рота № 26	
	Подвижной арсенал № 2	
5-й пехотный	13, 14-я и 15-я пехотные дивизии	50 батальонов
	5-я легкая кавалерийская дивизия (в командировке при 1-м резервном кавалерийском корпусе)	32 эскадрона 18 сотен
	5-я артиллерийская дивизия	1 команда
	13, 14-я и 15-я полевые артиллерийские бригады	Фурштатские батальоны
	5-я конно-артиллерийская бригада	14 батарей (112 ор.)
	5-й стрелковый батальон	
	5-й саперный батальон	
	Жандармская команда	
	5 фурштатских батальонов	
	Прикомандированы: Донские казачьи полки, № 4, 22 и 37	
6-й пехотный	16, 17-я и 18-я пехотные дивизии	50 батальонов
	6-я легкая кавалерийская дивизия (в командировке при 2-м резервном кавалерийском корпусе)	32 эскадрона 14 батарей (112 ор.)
	6-я артиллерийская дивизия	1 команда
	(16, 17-я и 18-я полевые артиллерийские бригады	Фурштатские батальоны
	6-я конно-артиллерийская бригада)	
	6-й стрелковый батальон	
	6-й саперный батальон	
	Жандармская команда	
	5 фурштатских батальонов	
1-й резервный кавалерийский	1-я и 2-я кирасирские дивизии	80 эскадронов
	Резервная уланская дивизия	6 батарей
	1-я конно-артиллерийская дивизия	(48 ор.)
	Жандармская команда	Фурштатские части
	3 батальона и 1 рота фурштатские	1 команда
	Военно-рабочий батальон	

2-й резервный кавалерийский	1-я и 2-я драгунские дивизии 2-я конно-артиллерийская дивизия 1-й конно-пионерный дивизион Жандармская команда 2 батальона и 1 рота фурштатские	82 эскадрона 6 батарей (48 ор.) 1 команда Фурштатские части
	Кавказская резервная гренадерская бригада 19, 20-я и 21-я пехотные дивизии 3 бригады Грузинских линейных батальонов (18 бат.) 16 Черноморских линейных батальонов 2 бригады Кавказских лин. батальонов (13 бат.) Драгунский Е. К. В. наследного принца Виртембергского (Нижегородский) полк Кавказская артиллерийская дивизия (Кавказская гренадерские, 19, 20-я и 21-я полевые артиллерийские бригады) Кавказский стрелковый батальон Кавказский саперный батальон 3-й резервный саперный батальон 2 жандармские команды 2 подвижных запасных парка (№ 19 и 21) 4 ½ фурштатских батальона 21 ¾ инвалидных роты 16 инвалидных команд, 2 этапные команды Полубригада подвижного магазина 1 конный и 3 воловых транспорта 4 пеших батальона Черноморского казачьего войска 1 пеший батальон Кавказского линейного казачьего войска Балаклавский греческий батальон (2 роты) Грузинская пешая дружина 21 Донской казачий полк (№ 6, 7, 10—21, 23, 26, 27, 29, 30, 31 и 34; 108 сотен) 5 полков Черноморского казачьего войска (№ 2, 3, 10, 11 и 12) 18 полков Кавказского линейного казачьего войска (106 сотен) Дагестанский конно-иррегулярный полк 2 сотни Дунайского казачьего войска Анапско-Горский полуэскадрон 7-я Донская батарея (4 орудия) 12-я батарея Черноморского казачьего войска (11 орудий) 13, 14-я и 15-я батареи Кавказского линейного казачьего войска (24 орудия)	124 ½ батальона 11 ½ эскадрона 21 батарея (221 ор.) 252 сотни 1 пешая артиллерийская рота 22 команды Вспомогательные войска
Отдельный Кавказский		

Отдельный Кавказский	Гарнизонная пешая артиллерийская рота Черноморского казачьего войска 20 команд Азовского казачьего войска	
Войска, расположен- ные в Финлян- дии	22-я пехотная дивизия в составе двух бри- гад финляндских линейных батальонов (12 бат.) Гренадерский стрелковый батальон Резервный стрелковый батальон Донской казачий № 28 полк 6 инвалидных и 1 этапная команды	14 батальонов 6 сотен Вспомогатель- ные войска
Отдельный Оренбургский	23-я пехотная дивизия в составе двух бригад Оренбургских линейных батальо- нов (10 бат.) Сводно-иррегулярный полк (в Москве) 17-я и 19-я батареи Оренбургского казачь- его войска 12 инвалидных команд 52 этапные команды	10 батальо- нов 6 сотен 16 орудий Вспомога- тельные войска
Отдельный Сибирский	24-я пех. дивизия в составе 3 бригад Сибирских линейных батальонов (15 бат.) 18 орудий при 9 сибирских линейных батальонах 10 полков Сибирского казач. линейного войска с резервными при них командами 20, 21-я и 22-я батареи Сибирского ли- нейного казачьего войска 2 ½ гарнизонного батальона 52 гарнизонных орудия 15 уездных инвалидных команд 40 этапных инвалидных команд	17 ½ батальона 60 сотен 146 орудий 10 команд Вспомога- тельные войска

Приложение № 163

В первую полосу входили губернии: Петербургская, Эстляндская, Псковская, Лифляндская, Курляндская, Витебская, Могилевская, Минская, Виленская, Ковенская, Гродненская, Смоленская, Новгородская, Тверская, Вольнская, Полтавская, Киевская, Таврическая, Черниговская, Подольская, Херсонская и Екатеринославская.

Во вторую полосу — губернии: Московская, Владимирская, Калужская, Пензенская, Рязанская, Ярославская, Нижегородская, Костромская, Орловская, Тульская, Курская, Тамбовская и Пермская.

В третью полосу — губернии: Воронежская, Харьковская, Симбирская, Саратовская, Оренбургская, Самарская, Казанская, Вятская, Вологодская, Олонецкая и Архангельская.

Всего в кадрах резервных и запасных войск полагалось иметь на действительной службе в мирное время¹:

	Генералов и офицеров	Нижних чинов		Лошадей		
		стро- евых	нестрое- вых с кл. чиновни- ками	стро- евых	артиллер. подъемных	
В 168 кадрах резервных и запасных батальонов	168	3696	—	—	—	—
В постоянном кавале- рийском резерве	169	5160	490	4320	—	108
В 48 кадрах резервных и запасных эскадронов	48	480	48	—	—	—
В постоянных артилле- рийских резервах:						
пешем гвардии и гренадер- ском корпусе	31	889	136	—	152	12
пешем шести пехотных корпусов	50	1334	249	—	228	18
конно-артиллерийском	24	660	128	396	240	12
Итого	490	12 219	1051	4716	620	150

Места расположения парков, число их и для какого числа войск они содержались к 1 января 1853 года

Места расположения местных артилле- рийских парков	Число парков	На сколько		
		пехот- ных	дивизий кавале- рийских	артил- лерий- ских бригад
С.-Петербург	3	3	1	3
Рига	3	3	1	3
Динабург	3	3	1	3
Гельсингфорс	2	2	$\frac{2}{5}$	2
Калуга	9	9	3	9
Киев	6	6	2	6
Бобруйск	3	3	1	3
Херсон	3	3	1	3

¹ Всепод. отчет воен. мин. за 1851 г.

Места расположения местных артиллерийских парков	Число парков	На сколько		
		пехотных	дивизий кавалерийских бригад	артиллерийских бригад
Севастополь	3	3	1	3
Новогеоргиевск	9	9	3	9
Брест-Литовск	6	6	2	6
Замостье	3	3	1	3
Тирасполь	3	3	1	3
Измаил	3	3	1	3
Хотин	3	3	1	3
Всего	62	62	20 ² / ₅	62

Расписание сухопутных войск.

Приложение № 166

Осадные артиллерийские парки¹

Осадная артиллерия состояла из двух осадных артиллерийских парков (№ 1 и 2), Кавказского осадного отделения и двух запасных отделений при С.-Петербургском и Киевском арсеналах. В 1-м и 2-м осадных парках было по 4 отделения, носивших общую нумерацию. В каждом из этих восьми отделений имелось:

Пушек 24-фунтовых	4
Пушек 18-фунтовых	4
Единорогов 1-пудовых	4
Мортир 5-пудовых	2
Мортир 2-пудовых	4
Мортир ¹ / ₂ -пудовых	8

Всего 26 орудий

Кроме того, в каждом отделении имелось 18 лафетов, 16 мортирных станков, 3 зарядных ящика, 136 повозок артиллерийского обоза и 7 — коммисариатского; запасные вещи, снаряды, порох и лабораторные припасы.

В запасных отделениях Петербургском и Киевском содержалась только артиллерия с полной принадлежностью, но без пороха и снарядов.

В мирное время не все вещи и припасы осадных отделений имелись в наличности, и снабжение ими полагалось производить с приведением пар-

¹ Распис. сухоп. войск. Руков. для артилл. службы, изд. по Высоч. повел. 1853 г. Архив. канц. Воен. мин., по снар. войск, 1853 г., № 31. «Записка о приведении войск на воен. пол.».

ков на военное положение. Приготовление огнестрельных припасов полагалось производить перед выступлением в поход, на что требовалось около двух недель.

Лошади или волы (смотря по свойствам театра войны) в мирное время не содержались вовсе, а покупались при мобилизации.

В каждом отделении осадного парка полагалось по штату:

	В военное время	В мирное время
Офицеров	7	17
Нижних чинов	36	504
Лошадей	—	461
Волов	—	324

Отделения двух осадных парков были расположены по 2 в Риге, Новогеоргиевске, Тирасполе и Киеве.

Из числа штатного обоза в мирное время не содержалось вовсе 60 повозок артиллерийского обоза.

В каждом отделении, кроме запасных, возилось на каждое орудие выстрелов¹:

на 24- и 18-фунтовые пушки	1030
на 1-пудовый единорог	742
на 1/2-пудовую мортиру	500
на 2-пудовую мортиру	700
на 5-пудовую мортиру	300

Всего в каждом отделении на 18 608 выстрелов, что составляло общий вес снарядов около 19 500 пуд.; пороха — 3254 1/2 пуда.

¹ Полное собр. зак., № 22 627, вед. № 2.

Число выставяемых частей от казачьих и инородческих войск
(Расписание сухопутных войск, исправленное по 25 декабря 1852 г.)

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ					
	Полков	Дивизионов	Эскадронов	Полуэскадронов	Батарей	Батальонов
Донское	58 ²⁾	—	—	—	14	—
Черноморское	12	1 ¹⁰⁾	—	—	33	9 ^{1/4} ⁴⁾
Кавказское линейное	18	—	—	—	3	1
Оренбургское	10	—	—	—	3	—
Уральское	12	1 ¹⁰⁾	—	—	—	—
Астраханское	3	—	—	—	1	—
Дунайское	2	—	—	—	—	—
Азовское	—	—	—	—	—	—
Забайкальское	6	—	—	—	—	12
Сибирское линейное	10	—	—	—	3	—
Отдельные Сибирские полки ¹⁾	5	—	—	—	—	1
Башкиро-Мещерякское	нео	преде	лен	ное	штатом	число
Закавказский конно-	к	о	м	а	н	д
мусульманский полк	1	—	—	—	—	—
дагестанский конно-						
иррегулярный полк	1	—	—	—	—	—
кавказский конно-						
горский дивизион	—	1	—	—	—	—
Лб.-Гв. Крымско-						
татарский эскадрон	—	—	1	—	—	—
Анапский горский						
полуэскадрон	—	—	—	1	—	—
Балаклавский						
греческий батальон	—	—	—	—	—	1
Грузинская пешая						
дружина	—	—	—	—	—	1
Команды Лезгин и						
Мусульман	—	—	—	—	—	—
Лб.-Гв. Кавказско-						
горский полуэскадрон	—	—	—	1 ¹²⁾	—	—
ВСЕГО	138	3	1	2	27	25 ^{1/4}

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ			СОСТОЯЛО НА СЛУЖБЕ к 1 ян- варя 1853 года		
	Команд	Число ⁵⁾		Полков	Дивизионов	Эскадронов
		Гене- ралов и офи- церов	Казаков и ниж- них чинов			
Донское	—	1378	79 815	35 ⁸⁾	—	—
Черноморское	—	426	17 627	5	—	1 ¹⁰⁾
Кавказское линейное	1 ¹⁰⁾	490	16 685	18 ¹¹⁾	1 ³⁾	—
Оренбургское	—	231	25 361	—	1 ¹³⁾	—
Уральское	—	246	11 314	—	1 ¹³⁾	1 ¹⁰⁾
Астраханское	—	83	2558	—	—	—
Дунайское	—	37	1143	—	—	2 ¹⁵⁾
Азовское	20	37	1698	—	—	—
Забайкальское	—	85	30 859	—	—	—
Сибирское линейное	10	212	11 943	10	—	—
Отдельные Сибирские полки ¹⁾	—	53 ⁶⁾	2 421 ⁶⁾	1 ¹⁶⁾	—	—
Башкиро-Мещерякское	—	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	—	—	—
Закавказский конно- мусульманский полк	—	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	1	—	—
Дагестанский конно- иррегулярный полк	—	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	1	—	—
Кавказский конно- горский дивизион	—	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	—	1 ³⁾	—
Лб.-Гв. Крымско- татарский эскадрон	—	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	—	—	1/2
Анапский горский полуэскадрон	—	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	—	—	—
Балаклавский грече- ский батальон	—	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	—	—	—
Грузинская пешая дружина	—	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	—	—	—
Команды лезгин и Мусульман	2 ¹²⁾	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	—	—	—
Лб.-Гв. Кавказско- горский полуэскадрон	—	369 ⁷⁾	40 779 ⁷⁾	—	—	—
ВСЕГО	33	3647	242 203	73 ¹⁴⁾	— ¹⁴⁾	4 1/2

	СОСТОЯЛО НА СЛУЖБЕ к 1 января 1853 года					
	Полуэскадронов	Батарей	Батальонов	Команд	Число ⁵⁾	
					Генералов и офицеров	Казаков и нижн. чин.
Донское	—	4 ^{1/3} ⁹⁾	4 ^{1/4} ⁴⁾	—	698	28 228
Черноморское	—	1	1	—	191	7975
Кавказское линейное	—	3	—	1 ¹²⁾	490	16 685
Оренбургское	—	2	—	— ?	176	4673
Уральское	—	—	—	— ?	136	4776
Астраханское	—	^{1/2}	—	— ?	68	1198
Дунайское	—	—	—	— ?	22	819
Азовское	—	—	—	20	22	384
Забайкальское	—	—	1	—	29	1463
Сибирское линейное	—	3	—	?	212	11 943
Отдельные Сибирские полки ¹⁾	—	—	1	—	16	1272
Башкиро-Мещеряжское	—	—	—	10	?	3 872 ¹⁵⁾
Закавказский конно-мусульманский полк	—	—	—	—	?	5880
Дагестанский конно-иррегулярный полк	—	—	—	—	?	5880
Кавказский конно-горский дивизион	—	—	—	—	?	5880
Лб.-Гв. Крымское-татарский эскадрон	—	—	—	—	?	5880
Анапский горский полуэскадрон	1	—	—	—	?	5880
Балаклавский греческий батальон	—	—	^{1/2}	—	?	5880
Грузинская пешая дружина	—	—	1	—	?	5880
Команды лезгин и мусульман	—	—	—	1 ¹²⁾	?	5880
Лб.-Гв. Кавказско-горский полуэскадрон	1 ¹²⁾	—	—	—	?	5880
ВСЕГО	2	14	8 ^{3/4}	33	2060	89 168

Примечания:

- ¹⁾ Преобразованные из городских полков и городовые.
- ²⁾ В том числе два Гвардейских Донских.
- ³⁾ В составе Кавказского сводно-иррегулярного полка.
- ⁴⁾ В том числе одна гарнизонная пешая артиллерийская рота.
- ⁵⁾ Списочный состав по Всеподданнейшему отчету за 1852 г.
- ⁶⁾ В двух городских полках: в Томском казачьем и Якутском пешем.
- ⁷⁾ В том числе и отдельные Сибирские полки, кроме двух городских.
- ⁸⁾ В том числе л.-гв. Сводный казачий полк из 4 эск. от л.-гв. Казачьего и л.-гв. Атаманского полков и Учебный Донской полк.
- ⁹⁾ $\frac{1}{3}$ батареи — дивизион л.-гв. Донской батареи (4 орудия).
- ¹⁰⁾ Гвардейский в составе Гвардейского корпуса.
- ¹¹⁾ Без дивизиона, находящегося в составе Кавказского сводно-иррегулярного полка.
- ¹²⁾ В составе Собств. Его Импер. Велич. конвоя.
- ¹³⁾ 3 сотни в составе Сводно-казачьего полка Отдельного Оренбургского корпуса.
- ¹⁴⁾ Считая в числе 73 полков два сводных Кавказского и Оренбургского корпусов.
- ¹⁵⁾ Две сотни.
- ¹⁶⁾ Тобольский конный казачий полк.

Приложение № 168

Списочный состав войск¹ к 1 января 1853 года

РОД ВОЙСК	Генералов и офицеров	Нижних чинов
Регулярные войска		
Действующие		
<i>Пехота</i> (полки, стрелковые и линейные батальоны)	15 382	581 845
<i>Кавалерия</i>	4983	86 282
<i>Артиллерия</i> пешая	1784	40 896
<i>Артиллерия</i> конная	339	80 57
<i>Артиллерия</i> гарнизонная	793	40 681
<i>Инженерные войска</i> (саперы и конно-пионеры)	364	15 944
<i>Разные команды</i> (инвалидные и военно-рабочие роты, гарнизонные инженеры)	988	35 302
<i>Корпус внутренней стражи</i>	2430	144 934
Итого	27 009 ²	953 948 ²

¹ Всепод. отчет за 1852 г.

² В том числе 3267 офицеров, состоящих в действующих войсках сверх комплекта и предназначенных собственно для резервных и запасных войск, и

РОД ВОЙСК	Генералов и офицеров	Нижних чинов
Резервные и запасные		
Пехота	736	121 125
Кавалерия	736	24 210
Артиллерия и саперы	736	13 540
Итого	736	158 875

*В бессрочном отпуску,
не входящих в штат войск* — 10 760

Всего регулярных войск 27 745 1 123 583
 Во всех иррегулярных войсках¹ 3647 242 203

Всего войск 31 392 1 365 786

Приложение № 169

Ведомость запаса ружей и пистолетов, который положено было содержать в артиллерийских складах и который действительно в них состоял к 1 января 1853 года

Наименование	Положено содержать	Состояло к 1853 г.	Недоставало
<i>Для полевых войск</i>			
Ружей пехотных	1 014 959	532 835	482 124
Ружей драгунских и казачьих ..	71 038	20 849	50 189
Карабинов	69 199	21 167	48 032
Штуцеров	37 318	6198	31 120
Пистолетов	43 248	7704	35 544

Для гарнизонов²

Ружей пехотных 49 000 9907 39 093
 Ружей драгунских 500 101 399

57 232 нижн. чин., уволенных в отпуск, на пополнение рядов, не содержащихся в мирное время.

¹ В том числе в десяти казачьих войсках состояло на действительной службе 2044 генерала и офицера и 78 144 казака, а во всех иррегулярных войсках состояло на действительной службе 89 168 нижних чинов.

² Сюда поступало оружие, негодное для полевых войск.

Ведомость состояния огнестрельных припасов для ручного оружия к 1 января 1853 года

На каждое ружье полагалось иметь следующее количество патронов на людях и в патронных ящиках¹:

Р о д ы в о й с к	В сумке и лядунке	В патронных ящиках	Всего
В пехоте	60	40	100
В саперных батальонах	40	40	80
В драгунских полках	40	30	70
В конно-пионерных дивизионах	20	20	40
Во всей прочей кавалерии	<div> <div>на карабин</div> <div>на штуцер</div> <div>на пистолет</div> </div>	<div> <div>20</div> <div>30</div> <div>20</div> </div>	<div> <div>40</div> <div>50</div> <div>30</div> </div>
В конной артиллерии на пистолет	10	—	10
В подвижных парках на каждое ружье	40	—	40

В каждом подвижном парке полагалось возить боевых патронов:

пехотных	350 000
штуцерных	10 500
драгунских	20 400
карабинных	19 600
пистолетных	9900

Итого 410 400

В каждом летучем парке возилось по 84 780 патронов. Во всех подвижных парках, кроме Кавказских, полагалось иметь в мирное время 7 681 600 патронов, каковые действительно и состояли налицо к 1 января 1853 года².

Состояние запасов во всех местных парках к 1 января 1853 года:

П а т р о н о в	Полагалось иметь	Состояло	Недоставало
Во всех парках, кроме Кавказских	<div> <div>пехотных</div> <div>штуцерных</div> <div>кавалерийских ..</div> </div>	<div> <div>22 171 117</div> <div>868 000</div> <div>3 769 424</div> </div>	<div> <div>6 764 283</div> <div>—</div> <div>356 676</div> </div>
Итого	33 929 500	26 808 541	7 120 959

¹ Руков. для артил. службы, изд. 1853 г., и прик. воен. мин. 1850 г., № 36.

² Всеподд. отч. воен. мин. за 1852 г.

В Кавказских парках	готовых	неопределенно	27 094 743	—
	в материал		14 028 080	—
В Петербургской и Варшавской крепостях			2 998 480	—

Таким образом, во всех местных и подвижных парках было всего налицо готовых патронов 64 583 364, что составит на каждое штатное ружье русской армии около 87 патронов.

Приложение № 171

Числовые данные, касающиеся вооружения нашей полевой артиллерии к 1853 году¹

На вооружении полевой артиллерии состояли:

Названия орудий	Калибр, дюймы	Вес до 1838 г., пуды	Обр. 1838 г.	Предел прицельн. стрельбы, сажени
6-фунтовая пушка	3,76	22	21 $\frac{1}{4}$	400
12-фунтовая пушка	4,80	50	49	500
$\frac{1}{4}$ -пудовый единокорог	4,80	22 $\frac{1}{2}$	22 $\frac{1}{4}$	400
$\frac{1}{4}$ -пудовый единокорог горный	4,80	—	6 $\frac{1}{2}$	300
$\frac{1}{2}$ -пудовый единокорог	6	42 $\frac{1}{2}$	49 $\frac{1}{2}$	500

Меткость стрельбы из полевых орудий в мишень, длиной в 8 $\frac{1}{2}$ сажени и вышиной в 9 футов:

Дистанция, сажени	Пушки, %		Единокороги, %		
	12-фунтовые	6-фунтовые	$\frac{1}{2}$ -пудовые	$\frac{1}{4}$ -пудовые	горные
300	64	59	58	43	12
400	56	43	40	31	—
500	38	—	22	—	—

Вес всей системы полевых орудий и ящиков и число запрягаемых лошадей:

Наименование орудий	Пушки, %		Единокороги, %	
	12-фунтовые	6-фунтовые	$\frac{1}{2}$ -пудовые	$\frac{1}{4}$ -пудовые
Вес орудия с передком и полной укладкой снарядов	119 $\frac{1}{2}$	80 $\frac{3}{4}$	112	81
Число лошадей $\left\{ \begin{array}{l} \text{пешее} \\ \text{конное} \end{array} \right.$	6	4	6	4
под орудие	—	6	8	6

¹ Руков. для артил. службы, изд. 1853 г. Вессель. Курс артилл., изд. 1852 и 1857 гг.

Наименование орудий	Пушки, %		Единороги, %	
	12-фун- товые	6-фун- товые	½-пу- довые	¼-пу- довые
Вес зарядного ящика с полной укладкой снарядов	61	54	61	55
Число лошадей под зарядные ящики	3	3	3	3

Приложение № 172

Число боевых зарядов, полагаемых на одно орудие в передках и зарядных ящиках конструкции 1845 года в полевой артиллерии¹.

	Во всей артиллерии, кроме Кавказского корпуса				В артиллерии Кавказ- ского корпуса			
	пушки 12-фун- товые	единороги 6-фун- товые	½-пу- довые	¼-пу- довые	пушки 12-фун- товые	единороги 6-фун- товые	½-пу- довые	¼-пу- довые
<i>В передках</i>								
Ядер	1	6	—	—	2	6	—	—
Гранат обыкновенных	—	—	1	4	—	—	2	4
Картечи:								
дальней	4	10	4	8	—	4	—	2
ближней	—	—	—	—	3	6	3	6
Итого	5	16	5	12	5	16	5	12
<i>В зарядных ящиках</i>								
Ядер	121	134	—	—	120	114	—	—
Гранат:								
обыкновенных	—	—	58	51	—	—	58	51
с зажигат. сост.	—	—	20	20	—	—	20	20
картечных	15	—	15	15	15	—	15	15
Картечи:								
дальней	26	20	26	22	24	40	24	22
ближней	—	—	—	—	3	—	3	—
Итого	162	154	121	108	162	154	120	108
Всего снарядов на 1 орудие ...	167	170	126	120	167	170	125	120

Число боевых зарядов в каждом подвижном парке²:

¹ Руков. для артил. службы, изд. 1853 г.

² Не снаряженные.

		12-фун- товые	6-фун- товые	½-пу- довы	¼-пу- довы	Всего
Гранат	обыкновенных	589 ¹	655 ¹	225	400	1 869
	с зажигат. сост.	—	—	175	200	375
	картечных	103	—	131 ²	153	387
Картечи		108	420	150	180	858
Ядер		837	2950	—	—	3 787
Всего		1637	4025	681	933	7276

Кроме того, в каждом подвижном парке имелось 537 пудов пороха, из коих 18 пудов ружейного, для казаков.

Состояние запасов в местных парках к 1 января 1853 года:

Снарядов	Положено иметь	Состояло	Не хватало
Батарейных	183 830	174 277	9 553
Легких	417 942	393 643	24 299
Итого	601 772	567 920	33 852

Приложение № 173

Вооружение осадной артиллерии

Каждое отделение осадного парка состояло из следующих орудий образца 1838 года, а также и систем, проектированных ранее:

Наименование орудий	Калибр (дюймы)		Вес (пуды)		Наибольшая дальность, сажени	Предел прицельной стрельбы, сажени
	Старых	Новых	Старых	Новых		
18-фунтовая пушка	5,43	5,40	135	124	1640	550
24-фунтовая пушка	5,97	6,00	180	170	1670	600
1-пудовый единорог	7,69	7,70	88	139	1700	550
½-пудовая мортира	—	6,00	—	5 ?	1300	—
2-пудовая мортира	9,69	9,65	35	36	1160	—
5-пудовая мортира	13,15	13,15	90	66	950	—
Вес деревянного лафета для пушек и единорогов						
новой системы	—	—	—	64 ³ / ₄	—	—
То же передка	—	—	—	38	—	—

¹ Не снаряженные.

² В том числе 41 не снаряженных.

Во всех осадных отделениях, кроме Кавказских, состояло: пушек, единорогов и 2-пудовых мортир по 40, $\frac{1}{2}$ -пудовых мортир по 80 и 5-пудовых по 20; всего же по 270 орудий.

Кроме того, в арсеналах и складах полагалось иметь запас орудий, состояние которого к 1 января 1853 года было следующее¹:

Наименование предметов	Положено иметь	Состояло к 1 января 1853 года	Лишних	Недостает
Орудий	234	279	45	—
Лафетов	306	260	—	46
Зарядных ящиков	27	74	47	—
Обоза	684	630	—	54

В каждом отделении осадного парка полагалось возить четвертую часть снарядов на каждое орудие, а именно: для пушек по 1030 выстрелов, для единорогов по 742, для мортир полупудовых по 500, двухпудовых — 700 и пятипудовых — 300.

Приложение № 174²

Виды крепостных орудий систем 1838 года и главнейшие их данные

Наименование орудий	Калибр (дюй- мы)	Вес орудия (пуды)	Предел при- цельн. стрельбы (сажени)	Вес (фунты) Ядра	Грана- ты или бомбы
Пушка 6-фунтовая	3,76	46	450	7	—
Пушка 12-фунтовая	4,80	91	500	14 $\frac{1}{2}$	—
Пушка 18-фунтовая	5,40	157	550	21	—
Пушка 24-фунтовая	6,00	210	600	29	—
Пушка 36-фунтовая	6,80	290	650	42 $\frac{1}{2}$	—
Пушка 3-пудовая бомбовая	10,75	385	950	—	113
Единорог $\frac{1}{2}$ -пудовый	6,00	90	500	—	19 $\frac{1}{2}$
Единорог пудовый	7,70	180	550	—	39 $\frac{1}{2}$
Мортира $\frac{1}{2}$ -пудовая	6,00	5 $\frac{1}{2}$	550	—	—
Мортира 2-пудовая	9,65	57	1160	—	80
Мортира 5-пудовая	13,15	101	950	—	212 $\frac{1}{2}$

¹ Всеподд. отч. воен. мин. за 1852 г.

² Руков. для артил. службы, изд. 1853 г. Богданович. Истор. очерк воен. упр. в России за 1855—1880 гг. Вессель. Руков. по артилл., изд. 1851 г.

Меткость прицельной стрельбы крепостных пушек ядрами в мишень в 14 футов длины и 9 футов высоты:

Название орудий	Расстояния, с которых попадало около половины выстрелов, саж.	Расстояния, предельная прицельн. стрельбы, с которых попадало	Предельная досягаемость, сажени
6-фунтовая пушка	300 ⁴ / ₉	450 ⁴ / ₂₁	—
12-фунтовая пушка	350 ⁸ / ₁₉	500 ⁴ / ₁₉	1640
18-фунтовая пушка	350 ⁴ / ₉	550 ² / ₁₁	—
24-фунтовая пушка	350 ⁸ / ₁₇	600 ¹ / ₇	1670
30-фунтовая пушка	350 ¹ / ₂	600 ⁵ / ₃₂	—
36-фунтовая пушка	400 ³ / ₇	650 ¹ / ₇	—
		шит 12с. x2 ¹ / ₂ с.	
3-пудовая бомбовая	400 ¹ / ₂	950 ¹ / ₁₂	2085
½-пудовый единокор	250 ⁸ / ₁₇	500 ⁴ / ₂₅	1300
1 пудовой единокор	350 ⁷ / ₁₆	550 ³ / ₁₇	1700

Приложение № 175

Вещевое довольствие¹

К вещевому довольствию относились:

Годовые вещи — каждому солдату 3 рубахи, 1 пара подштанников, 2 пары сапог, галстук и холщовые брюки.

Мундирные вещи — мундир в армии на 2 года, зимние шаровары в пехоте на 2, а в кавалерии на 1 год; шинель на 3 года.

Амуничные вещи — ранцы, патронные сумки, седельный прибор и т. п. — на разные сроки.

Бессрочные вещи — металлический прибор, пуговицы, инструменты, сбруя, обоз и т. п. Некоторые из этих вещей отпускались частям в совершенно готовом виде, как, например, головные уборы, ранцы, сумки и металлические вещи. На постройку мундирных и годовых вещей отпускались материал и деньги. На возобновление бессрочных вещей отпускалась ежегодно ремонтная сумма, которая никуда к зачету не показывалась.

В военное время² мундирным, амуничным и годовым вещам были положены одинаковые сроки, как и в мирное время, и только в случае необходимости отпускалась третья пара сапог, но не иначе как с особого Высочайшего разрешения. Получались вещи на войне, в то же время и отчетность полагалось вести как внутри империи, так и за границей, совершенно такую же, как и в мирное время, по тем же самым шнуровым книгам, которых была масса и которые войска обязаны были иметь при себе³.

¹ Устав для управл. арм. 1846 г.

² С. В. П., 1838 г., т. X, кн. 3.

³ Устав для управл. арм. 1846 г.

Ремонтирование нашей армии лошадьми

Для ремонта строевыми лошадьми кавалерии и артиллерии было два различных способа: один для гвардии, другой для армии.

Ремонтирование гвардейской кавалерии и артиллерии было возложено на особую ремонтную комиссию, состоявшую при Управлении государственного коннозаводства. В состав этой комиссии входили инспектор ремонта, его помощник, пять ремонтников и пять их помощников.

Лошади закупались ремонтниками, действовавшими как коммиссионеры, причем в законе не было точно указано, кто отвечает за их действия. Купленные ремонтниками лошади собирались в ремонтные депо, расположенные в местах, ближайших к конским заводам и ярмаркам. Инспектор ремонта объезжал депо, браковал и сортировал лошадей по полкам, после чего они отправлялись в Петербург. Окончательный прием лошадей производился комитетами, состоявшими из высшего строевого начальства и командиров частей.

В армейской кавалерии до 1852 года ремонт производился полковыми ремонтниками, но дело это не было обставлено точными правилами и страдало многими недостатками. В 1852 году было издано положение о ремонте¹, которое несколько его упорядочило².

По положению 1852 года ремонты для армейской кавалерии покупались полковыми ремонтниками, которые выбирались всеми офицерами полка из числа офицеров своей части. Офицеры полка отвечали материально за все действия выбранного ими ремонтника; ремонтнику полагался помощник, которого он выбирал сам из числа офицеров своего полка. При каждом ремонтнике состояла ремонтная команда из четырех унтер-офицеров и 40 рядовых и свое ремонтное депо, служившее местом сбора его команды и купленных лошадей. Здесь же выдерживались лошади, приобретенные в возрасте ниже указанного для привода. Ремонтники дивизии были подчинены штаб-офицеру, обязанность которого состояла в наблюдении за покупкой надлежащих лошадей, причем он совершенно не касался денежных дел. Ремонтники покупали лошадей на коммерческом праве и несли полную ответственность за ремонт во всех отношениях, что гарантировалось, как сказано выше, поголовной ответственностью офицеров полка.

Из ремонтного депо лошади приводились в штаб дивизии, где принимались начальником дивизии, бригадными и полковыми командирами и затем сдавались в полки.

Казенная ремонтная цена в последние годы перед Восточной войной на каждую лошадь была следующая:

¹ Приказ воен. мин. 1852 г., № 30.

² Аничков. Военное хозяйство, 1860; Воен. сб., 1858, № 5.

	Гвардейская	Армейская
Кирасирская	192 руб. 85 ⁵ / ₇ коп.	128 руб.
Легко-кавалерийская	164 руб. 28 ¹ / ₇ коп.	80 руб.
Донская для драгунского корпуса	—	72 руб. 50 коп.

Кроме того, ремонтеры получали на содержание и привод лошадей на каждую 15 — 20 руб.

Рост лошадей полагался: кирасирских гвардейских — не ниже 3 вершк., армейских — не ниже 2 ¹/₂ вершк.; легко-кавалерийских гвардейских — 2—3 вершк., армейских — 1 ¹/₂—3 вершк. Лета при приеме — 4-х — 6 вершк¹. Во всех полках и батареях гвардии и армии лошади полагались одномастные; но каждый ремонтер покупал лошадей всех мастей дивизии, и распределение их по полкам делалось уже при сдаче ремонта.

Ремонтирование артиллерии производилось в общем на одинаковых основаниях с армейской кавалерией.

Казенная ремонтная цена была слишком низка, и за эти деньги почти невозможно было купить лошадь, которая удовлетворяла бы всем требованиям инструкции.

Для улучшения конского состава полковые командиры обыкновенно добавляли на каждую лошадь из полковых сумм², и так как это оказывалось недостаточно, то наружное блестящее состояние полков достигалось всякими другими мерами, как, например, постановкой лучших лошадей на фланги и вообще на видные места во фронте.

Прием ремонта в сущности находился в полной зависимости от взгляда и желания командира полка. При сдаче ремонта обыкновенно происходили споры между полковыми командирами и ремонтерами, оканчивавшиеся большей частью миролюбивыми сделками между ними, так как несогласие было невыгодно для обеих сторон. Недоводы ремонта разоряли ремонтеров и были очень неудобны для командиров полков, так как молодую лошадь, приведенную взамен забракованной, торопились выездить к положенному 6-месячному сроку, что и делалось наспех и в ущерб силам лошади.

Вследствие такой постановки дела разные полки иногда резко отличались друг от друга по конскому составу, который вообще был далеко невысок. Кроме того, в полках всегда не хватало лошадей для вывода в строй полного числа рядов. Даже на Высочайшие смотры полки выводились, имея 13 ¹/₂ — 14 ¹/₂ ряда во взводах; на обыкновенных же учениях полки выводили большей частью 12 рядов во взводах.

¹ С. В. П., 1838 г., ч. IV, кн. 4, ст. 353; прик. воен. мин. 1852 г., № 30.

² Аничков. Военное хозяйство; Воен. сб., 1858, № 5 (О состоянии кавалерии).

Подъемные лошади покупались и содержались командирами частей на ежегодно отпускаемую им ремонтную сумму. Цена подъемной лошади определена была 28 руб. 60 коп. и на ремонт в год 2 руб. 86 коп.¹.

Командиры частей имели право по закону содержать и неполное число подъемных лошадей, но с тем, чтобы в них не было недостатка как в мирное время, так и при выступлении в поход. Они имели право подъемных лошадей продавать, менять и употреблять для собственной езды, не отдавая никому отчета в расходовании ремонтных сумм².

Приложение № 177

Довольствие войск

*Полевое провиантское управление*³ было различного устройства в действующей армии и в отдельных корпусах.

В действующей армии провиантская часть находилась в ведении генерал-интенданта армии, управление которого составляли:

- 1) Канцелярия генерал-интенданта;
- 2) Главная полевая провиантская комиссия.

Генерал-интенданту принадлежала исключительно исполнительная часть, вся же хозяйственная часть ведалась Общим присутствием главной полевой провиантской комиссии, состоявшей из помощника генерал-интенданта с званием полевого генерал-провиантмейстера и трех членов под председательством генерал-интенданта. Управлению генерал-интенданта армии были подчинены:

- 1) Провиантские комиссионерства при корпусах армии;
- 2) Главные смотрители и смотрители провиантских магазинов;
- 3) Провиантские комиссионеры, состоящие при Управлении генерал-интенданта и при Провиантских комиссионерствах.

Полевое провиантское управление Кавказской армии составляли: генерал-интендант и его канцелярия, полевая провиантская комиссия в Тифлисе и провиантское комиссионерство в Ставрополе.

Провиантская часть в Сибири и в районе отдельного Оренбургского корпуса ведалась в продовольственных отделениях корпусных штабов и в Омской, Иркутской и Оренбургской полевых провиантских комиссиях. Последние три комиссии, как и Тифлисская, были учреждения также коллегияльные и состояли из управляющего ими в звании обер-провиантмейстера, председательствовавшего в присутствии комиссии и членов.

¹ Архив К. В. М. д., 1857 г., 1 отд., 1 ст., № 71.

² С. В. П., 1853 г., ч. IV, кн. 4, ст. 475—506.

³ С. В. П., 1838 г., ч. IV, кн. 4, ст. 2052—2187.

Устав для управления армиями в мирное и военное время. Высоч. утв. 5 дек. 1846 г.

Корпусные провиантские комиссионерства находились в ведении обер-провиантмейстеров, которые председательствовали в Общем присутствии комиссионерства, состоявшем из одного обер-провиантмейстера и двух членов.

Канцелярия генерал-интенданта приводила в исполнение все повеления Главнокомандующего, ей принадлежало общее направление всех дел и заведование личным составом. Обязанности Главной полевой провиантской комиссии и Корпусных комиссионерств состояли в заготовлении, хранении, перевозке и отпуске войскам провианта и фуража и в ведении отчетности.

Полевые провиантские комиссионерства были подчинены в своих действиях Главной полевой провиантской комиссии. Провиантские учреждения полевого управления распоряжались продовольствием только своих войск, в районе их расположения.

*Внутреннее провиантское управление*¹ имело высшим своим органом Провиантский департамент Военного Министерства, директор которого носил звание генерал-провиантмейстера.

Провиантскому департаменту были подчинены в губерниях 6 провиантских комиссий (Московская, Саратовская, Кременчугская, Симферопольская, Калужская и Рыбинская), 2 комиссионерства (Новгородское и Финляндское) и 2 дистанции (С.-Петербургская и Эстляндская). Во главе комиссий и комиссионерств стояли управляющие; дистанциями заведовали особые чиновники. Управляющим принадлежала часть исполнительная, а хозяйственную ведали Общие присутствия комиссий и комиссионерств, состоявшие под председательством управляющих из нескольких членов по штату.

Район действий каждой комиссии составляли от 2 до 6 губерний. В каждой губернии был дистанционный смотритель провиантских магазинов и складов.

Внутреннее провиантское ведомство заготовляло, хранило и отпускало провиант и фураж войскам, расположенным в районе его действия и следовавшим через него. Кроме того, к его обязанностям относилось заготовление предметов провиантского довольствия для полевых провиантских управлений в военное время; в мирное время эти заготовки оно делало постоянно для войск отдельного Кавказского корпуса.

*Комиссариатское ведомство*² управлялось Комиссариатским департаментом Военного Министерства, от которого исходили все распоряжения по комиссариатскому довольствию войск. Директор департамента носил звание генерал-кригс-комиссара. Департамент действовал через 16 комиссариатских комиссий. Каждая комиссия имела свой округ, довольствовала расположенные в нем войска и заведовала состоящими в черте округа военными госпиталями. Комиссии носили названия по пунктам их расположения, а именно: С.-Петербургская, Московская, Динабургская, Херсонская, Воронежская, Киевская, Кременчугская, Ставропольская,

¹ С. В. П., 1838 г., т. IV, кн. 4, ст. 2052—2187.

² С. В. П., 1838 г., т. IV, кн. 4, ст. 781—942.

Тифлисская, Казанская, Брест-Литовская, Тамбовская, Симбирская, Тобольская, Иркутская и Новогеоргиевская.

Департамент и комиссии были учреждения коллегиальные, во главе которых стояли директор департамента и управляющие комиссиями, и которым принадлежала исполнительная часть. Часть хозяйственная — заготовление, хранение и отпуск предметов довольствия — ведалась Общими присутствиями департамента и комиссий из штатного числа членов под председательством директора и управляющих. При комиссиях состояли комиссариатские магазины с вещами, которыми заведовали смотрители.

*Интендантские учреждения военного времени*¹. С приведением армии на военное положение заведование всеми видами довольствия армии, как по провиантской, так и по комиссариатской и госпитальной частям вверялось генерал-интенданту армии. Организация подведомственных генерал-интенданту учреждений и круг его деятельности существенно изменялись и расширялись введением в число подчиненных ему органов комиссариатской части и подвижных армейских магазинов.

Управление генерал-интенданта армии получало следующее устройство:

- 1) Канцелярия генерал-интенданта;
- 2) Земское отделение при генерал-интенданте.

Канцелярия и Земское отделение находились обыкновенно при Главной квартире армии. В канцелярии приводились в исполнение общие распоряжения по снабжению армии предметами провиантского и комиссариатского довольствия, и она ведала дела по личному составу интендантства действующей армии. Земское отделение заведовало продовольствием от земли, занятой у неприятеля. Управлению генерал-интенданта в военное время были подчинены:

1. Полевое провиантское управление, в состав которого входили:
 - а) Главная полевая провиантская комиссия;
 - б) Комиссионерство при главных силах армии;
 - в) Корпусные провиантские комиссионерства;
 - г) Дивизионные провиантмейстеры.
2. Полевое комиссариатское управление, в состав которого входили:
 - а) Главная полевая комиссариатская комиссия;
 - б) Корпусные обер-кригс-комиссары.
3. Управление подвижного армейского магазина.

Главная полевая провиантская комиссия находилась в ведении полевого генерал-провиантмейстера, который председательствовал в Общем присутствии комиссии из пяти членов; кроме того, в состав комиссии входили канцелярия, архив, казначейство, чиновники по особым поручениям и провиантские комиссионеры. Главная полевая комиссия оставалась обыкновенно в тылу армии. Она заведовала продовольствием войск провиантом в районе ее ведомства.

¹ Устав для управления армиями в мирное и военное время. Высоч. утв. 5 дек. 1846 г.

Комиссионерство при главных силах армии состояло из обер-провиантмейстера, двух членов канцелярии и нужного числа комиссионеров. Оно находилось при Главной квартире. Заведовало довольствием не принадлежащих корпусам частей, находящихся при главных силах, провиантскими и земскими магазинами и складами в районе расположения главных сил армии, а в некоторых случаях выполняло хозяйственные операции и заменяло главные провиантские и комиссариатские комиссии.

Корпусные провиантские комиссионерства состояли из обер-провиантмейстера, двух членов канцелярии и нужного числа комиссионеров. Находились при корпусных квартирах. Заведовали довольствием войск корпуса, провиантскими и земскими магазинами и складами в районе корпуса.

Дивизионные провиантмейстера находились при штабах дивизий и следили за отчетностью по довольствию войск провиантом.

Главная полевая комиссариатская комиссия находилась в ведении полевого генерал-кригс-комиссара, который председательствовал в Общем присутствии комиссии из 4 членов; кроме того, в состав комиссии входили канцелярия, архив, казначейство, чиновники по особым поручениям и комиссариатские комиссионеры. Комиссия формулировалась с приведением армии на военное положение и оставалась обыкновенно в тылу армии. Она заведовала удовлетворением армии деньгами, заготовлением, хранением и довольствием предметами комиссариатского ведомства.

Корпусные обер-кригс-комиссары находились при корпусных квартирах. Обязанности их были: собрание сведений об утратах в сражениях вещей, заведование госпитальными кадрами и запасами и довольствием в госпиталях после сражений.

Управление подвижного армейского магазина состояло из начальника его, дежурного штаб-офицера и двух адъютантов. Заведовало формированием и комплектованием подвижного магазина, довольствием его по всем частям, приемам, перевозкой и сдачей припасов, поступающих в магазин.

С приведением армии на военное положение по сношению главнокомандующего с военным министром определялось, какие губернии останутся в заведовании генерал-интенданта армии и какие отойдут в район внутреннего провиантского управления. Все губернии, исключая Кавказ, подразделялись на внутренние, состоящие по продовольственной части в ведении военного министра, и пограничные, в которых были расположены действующие армии и которые находились в ведении главнокомандующих армиями, военный министр управлял губерниями через провиантский и комиссариатский департаменты, а главнокомандующий — через генерал-интенданта.

Несколько губерний составляли округа, которые в районе внутренне-го ведомства находились в ведении местных комиссий, а в районе армии —

полевых комиссионерств, число которых соответствовало числу корпусов, входящих в состав армии.

Полевые провиантские учреждения, кроме распоряжений и заведования продовольствием войск через местные учреждения, сами заготавливали припасы всеми способами, установленными для мирного и военного времени. Полевой же комиссариат производил заготовки вещей только в некоторых случаях, а именно: когда сношения с внутренними комиссариатскими комиссиями оказывались невозможными, когда в войска отпусались вещи, взятые у неприятеля, и когда вещи заготавливались распоряжением главнокомандующего.

При переходе армии на военное положение приходилось совершенно вновь формировать следующие учреждения:

1. Земское отделение при генерал-интенданте армии;
2. Главную полевую комиссариатскую комиссию;
3. Канцелярию главной полевой провиантской комиссии;
4. Комиссионерство при главных силах армии;
5. Управление подвижного армейского магазина.

Многие из существовавших учреждений в мирное время усиливались чинами и совершенно вновь назначались:

обер-провиантмейстер Главной квартиры, обер-кригс-комиссар Главной квартиры, корпусные обер-кригс-комиссары, дивизионные провиантмейстеры и еще некоторые другие чины.

Некоторые перемены происходили и в управлении в губерниях: в губерниях, которые оставались в районе управления армии вместо выступавших в поход корпусных комиссионерств, формировались по усмотрению главнокомандующего местные комиссионерства. Некоторые губернии, бывшие в районе мирного управления армии и отходившие от него, причислялись к внутренним провиантским комиссиям и наоборот.

Формирование новых учреждений полевого управления лежало, главным образом, на генерал-интенданте армии. Вновь назначаемые чины избирались главнокомандующим и генерал-интендантом, причем в самом уставе об управлении армиями указывалось, что высшие должности в составе интендантства по военному времени замещаются членами Общего присутствия главной полевой провиантской комиссии мирного времени. Поэтому мобилизация вызывала целую массу новых формирований и необыкновенно большое число новых назначений. В большинстве управлений изменялся характер их деятельности, к которой приходилось приступать людям, вновь назначенным и с нею не ознакомленным. Все учреждения полевого управления получали более широкое развитие против штатов мирного времени и требовали для своего укомплектования десятков новых лиц, способности и качества которых совершенно не были известных из новому начальству.

В таком виде обстояло дело, когда кампанию начинала действующая армия мирного времени, полевые учреждения которой представляли собой все-таки некоторый кадр для развития их по военному положению. В

Восточную же войну к выступлению за границу сначала были назначены не войска действующей армии, а потому все полевые учреждения пришлось формировать совершенно вновь.

Заготовление предметов провиантского и комиссариатского довольствия производилось в мирное время способами, установленными законом, а именно: подрядным с торгов, коммерческим, комиссионерским, наличными покупками и отпуском войскам денег для заготовлений собственным попечением войск.

Подряды с торгов совершались на основании общих гражданских законов. *Коммерческий способ* заключался в том, что заготовление поручалось чиновнику, причем цена на предметы назначалась заранее, по которой заготовление и принималось. Производство заготовления сдавалось только лицам, изъявившим на то свое согласие, и они не обязаны были соблюдать правила и формы, установленные для казенных хозяйственных операций. *Комиссионерское заготовление* состояло в покупках или наймах чиновниками с соблюдением всех правил и форм для казенных заготовлений. Назначенный чиновник получал подробную инструкцию для операции, а цены не определялись заранее, а могли изменяться при каждой покупке, смотря по обстоятельствам. Наличными покупками приобретались предметы, состоявшие у продавцов налицо, без предварительных торгов; этот способ допускался только для покупок мелочных и отдельных вещей и в некоторых экстренных случаях. *Собственным попечением* войск заготовления делались не иначе, как по соглашению войск с департаментами Военного министерства¹.

В мирное время все заготовки производились преимущественно подрядным способом, в случае его безуспешности — коммерческим, а при невозможности того и другого — комиссионерским способом².

Почти весь провиант заготавливался провиантским ведомством, большая же часть овса, все сено и солома заготавливались самими войсками, по утвержденным ценам. В провиантском департаменте и в полевых провиантских учреждениях были сосредоточены все сведения о средствах губерний, на основании которых провиантский департамент и полевые высшие учреждения заготавливали их сами или через подчиненные им провиантские комиссии и комиссионерства.

Все предметы комиссариатского довольствия заготавливались самим комиссариатским ведомством, за исключением сукон, которые заготавливались при посредстве министерства финансов, что делалось в видах поддержания производства солдатского сукна частными фабриками.

Некоторые вещи для войск заготавливались на казенных комиссариатских фабриках³, которых было три: Павловская суконная фабрика, Лосинная фаб-

¹ С. В. П., 1838 г., ч. IV, кн. 1, ст. 475—1047.

² Архив канц. воен. мин. Всепод. отчеты за 1851, 1852, 1853 гг. Гр. Чернышев. Историч. обзор. 1825—1850 гг.

³ С. В. П., 1838 г., т. IV, кн. 4, ст. 1895—2051.

рика для выделки амуниционных лосинных, кожаных вещей и телячьих ранцев и фабрика офицерских вещей для продажи последних офицерам. Все эти фабрики находились в полном ведении комиссариата, и работы на них производились собственными фабричными. Производство этих фабрик сравнительно с годовой потребностью армии было очень незначительное (так, напр., в 1853 году все три фабрики вместе поставили вещей всего на 686 268 руб., из коих офицерских вещей на 5472 руб.)¹ и притом фабрики работали в убыток казне, а цены частных промышленников были ниже, чем эти вещи обходились на фабриках, почему фабрики и были закрыты в 1857 и 1858 годах².

Приложение № 178

Запасы

Провиантские запасы имелись двух родов:

1. *Неприкосновенные*³, для обеспечения первых потребностей армии при мобилизации и других чрезвычайных случаях. Они содержались по внутреннему провиантскому ведомству, и их полагалось иметь в размере:

муки	593 099	четвертей
крупы	45 685	четвертей
овса	260 000	четвертей

К 1 января 1853 года запасы муки и крупы были полностью налицо, согласно положения, овса же имелось всего 152 тыс. четв., т. е. не хватало 108 тыс. четв., израсходованных в разное время из-за неисправностей подрядчиков; на пополнение запаса имелись налицо деньги.

2. *Оборотные запасы*⁴ назначались для обеспечения продовольствия войск до поступления в магазины хлеба нового изготовления, на случай дороговизны, неурожая, распутицы, неисправности подрядчиков и т. п. Запасы эти определенно было иметь в разных пунктах в неодинаковом количестве: в пропорциях 8 и 2 месячных. К 1 января 1853 года состояние этих запасов было следующее⁵:

Положено иметь, четв.	Состояло налицо, четв.	Разница, четв.
муки	843 571	823 575 — 19 996
крупы	79 113	83 517 + 4404
овса	316 081	426 416 + 100 335

¹ Богданович. Исторический очерк.

² Архив канц. воен. мин. Всепод. отч. за 1859 г.

³ Архив канц. воен. мин. Гр. Чернышев. Историч. обзор. за 25 лет и Всепод. отч. за 1852 г..

⁴ Архив канц. воен. мин. Гр. Чернышев. Историч. обзор. за 25 лет и Всепод. отч. за 1852 г..

⁵ Богданович. Историч. очерк военного. упр. за 1855—1880 гг.

Комиссариатские запасы имелись также двух родов:

1) *Неприкосновенные*, полагалось содержать на случай формирования резервных и запасных частей и на людей, пополняющих действующие войска при мобилизации. Количество этих запасов определялось на известное число войсковых частей и людей; оно менялось ежегодно в зависимости от плана мобилизации. За последние годы перед 1853 годом, размер запасов оставался приблизительно одинаковый, в общем несколько увеличиваясь. В 1852 году полагалось иметь запасов:

а) на целые части:

- 180 батальонов;
- 90 эскадронов;
- 51 пешую батарею;
- 6 батарей и 6 полубатарей конных;
- 2 батальона и 1 роту саперов;
- 72 третьих дивизиона действующих пеших батарей;
- 13 рот гарнизонной артиллерии.

б) на ряды, не содержимые в мирное время:

для пехоты	на 44 020 человек	} Всего на 50 088 человек ¹
для кавалерии	на 4940 человек	
для артиллерии	на 1000 человек	
для конно-пионеров	на 128 человек	

Всего для целых частей и рядов, не содержимых в мирное время — на 284 435 человек², что составляло вещей на сумму 6 375 267 руб. 81 коп. К 1 января 1853 года из этого количества имелось в наличности в вещах на 6 147 157 руб. 74 ½ коп., а остальное — деньгами.

2) *Оборотные запасы* назначались для того, чтобы иметь всегда в готовности некоторую часть вещей для экстренных надобностей — на случай неисправностей подрядчиков и т. п. Количество этих запасов в разных комиссариатских комиссиях полагалось иметь в размере от 1/3 до 1/6 части их годовой потребности, что и находилось налицо к 1 января 1853 года³.

Сообразно с количеством войск, выставляемых в военное время, нельзя сказать, чтобы запас по положению был вполне достаточен. Все оборотные запасы были израсходованы еще в 1853 году, и пополнение их оказалось невозможным по причине постоянных требований вещей и неисправностей подрядчиков. Весь неприкосновенный запас оказался израсходованным к концу 1854 года, и денег к 1 января 1855 года оставалось только 85 тысяч руб.

¹ Облей же для рядов, не содержимых в мирное время, состояло 57 232 человека (см. «числительность»).

² Архив канц. воен. мин. по сн. войск. 1856 г., см. д. № 71.

³ Архив канц. воен. мин. Всепод. отч. за 1852 г.

Состав и формирование подвижных магазинов

При формировании подвижного магазина принимались за основания следующие данные: на каждую пароконную повозку казенного образца полагалось продуктов весом около 23 $\frac{1}{2}$ пудов; при определении числа повозок подвижного магазина, одна повозка полагалась для: пяти четвертей сухарей или трех четвертей крупы, или четырех четвертей. Овса, или одной 40-ведерной бочки спирта или уксуса¹.

Допуская, что пароконная или пароволовая обывательская или вольнонаемная повозка может поднять и несколько больше казенной нормы, подвижной магазин для корпуса в 50 тыс. человек и 10 тыс. лошадей должен был иметь приблизительно следующий состав²:

Для возки	Повозок	Лошадей ³
Сухарей по 1 $\frac{3}{4}$ фунта на человека	2115	4653
Соли	83	182
Круп по $\frac{1}{4}$ фунта на человека	146	322
Вина по чарке в день на человека	77	170
Овса по 10 фунтов на лошадь	1667	3667
Всего	4088	8994

Подвижные магазины имели военное устройство и разделялись на полубригады, которым соответствовали батальоны подвижного магазина; полубригады или батальоны делились на 4 роты. Командирами батальонов и рот назначались фуhrштадтские офицеры; батальоны и роты состояли из фуhrштадтских унтер-офицеров и рядовых, которым подчинялись погонщики или извозчики.

В одном батальоне подвижного магазина чисто военного устройства полагалось по штату⁴:

офицеров — 15, унтер-офицеров — 60, строевых рядовых — 560, нестроевых — 63; вооруженных: унтер-офицеров — 4, барабанщик — 1, рядовых — 60; повозок — 439, лошадей — 1435.

Приблизительно в таком составе и формировались полубригады подвижных магазинов в 1854 году (при 1-м армейском корпусе подвижной магазин был сформирован совершенно такого состава⁵).

На ремонт лошадей подвижные магазины получали деньги на $\frac{1}{10}$ часть их, остальных, вместо убывших, должны были покупать сами насчет фуражной экономии⁶.

¹ С. В. П., 1838 г., ч. IV, кн. 2, ст. 1361—1370.

² Аничков. О хозяйстве войск в военное время.

³ Лошадей или волов по 2 на повозку и 1 запасная на 10 упряжных.

⁴ Архив К. В. М. по снар. войск д., 1853 г., № 39.

⁵ Аничков. О хозяйстве войск в военное время.

⁶ Затлер. Записки о продов. войск в военное. время, 1860.

В Восточную войну при формировании полубригад за недостатком фуражирских офицеров для занятия офицерских должностей в батальонах подвижных магазинов, туда назначались офицеры из строя. Так как полковые командиры не назначали туда хороших офицеров, то состав их оказался очень неудачен, что и дало повод к беспорядкам и злоупотреблениям¹.

Приложение № 180

Штаты войскового обоза к 1853 году

	ОБОЗ КОМИССАРИАТСКИЙ						
	Ящиков			Телег			
	Патронных	Для казны и письменных дел	Аптечных	Инструментальных	Казначейских	Провиантских	Лазаретных вещей и амуниции больных
Управления корпусов: гвард., гренад. и 1–6-й пехотн. ⁴⁾	–	2	–	1	–	1	–
Штабы дивизий гвард., гренад., 1–18-й пехотн.; кавалерийск.; гвард., 1–7-й легких, 2-й кирасирск., 1-й и 2-й драгунск.	–	1	–	–	–	1	–
Штабы дивизий 13, 14-й и 15-й пехотн., 5-й кавалерийск.	–	1	–	–	–	1	–
Штабы артиллерийских дивизий гренад., 1–6-й пеш., конно-артиллерийских и гвардейских	–	1	–	–	–	–	–
Штабы пеших артиллерийских бригад: 3 гвардейских, 3 гренадерских и 18 полевых	–	1	1	–	–	–	–
Штабы 1–7-й конно-артиллерийских дивизий	–	–	1	–	–	–	–
Полк пехотный гвардейский и гренадерский	12	1	1	1	1	24	2

¹ Богданович. Восточная война, т. III.

	ОБОЗ КОМИССАРИАТСКИЙ						
	Ящики			Телег			
	Патронных	Для казны и письменных дел	Аптечных	Инструментальных	Казначейских	Провиантских	Лазаретных вещей и амуна. больных
Полк пехотный 1, 2, 3, 4 и 6-го пехотн. корпусов	16	1	1	1	1	32	3
Полк пехотный 5-го пехотного корпуса	16	1	1	1	1	32	3
Полк кавалерийский гвардейск. и двух кирасирск. дивизий	2	1	1	1	1	12	1
Полк кавалерийский 1, 2, 3, 4, 6-й и 7-й кавалерийск. дивизий	3	1	1	1	1	16	1
Полк кавалерийский 5-й кавалерийск. дивизии	3	1	1	1	1	16	1
Полк пехотный 1-й и 2-й драгунских дивизий	5	1	1	1	1	20	2
Батарея пешая батарейная гвард., гренад., 5 ⁸⁾ и 6 артилл. дивизий	—	1	—	—	—	2	—
Батарея пешая батарейная 1, 2, 3-й и 4-й артилл. дивизий	—	1	—	—	—	3	—
Батарея пешая легкая гвард., гренад., 5 и 6 артилл. дивизий	—	1	—	—	—	2	—
Батарея пешая легкая 1, 2, 3-й и 4-й артилл. дивизий	—	1	—	—	—	3	—
Батарея конная батарейная	—	1	—	—	—	3	—
Батарея конная легкая ⁸⁾	—	1	—	—	—	2	—
Армейский стрелковый батальон ⁷⁾	4	1	1	1	—	8	1
Гренадерский и армейский саперный батальон	4	1	1	—	—	8	1
1-й конно-пионерный дивизион	1	1	1	—	—	3	1
Понтонный парк	—	—	—	—	—	—	—
Подвижной артиллерийский парк	—	1	1	—	—	1	—
Летучий артиллерийский парк	—	1	1	—	—	1	—

	ОБОЗ КОМИССАРИАТСКИЙ							
	Телег					Церковных повозок	Походных кузниц	Аптечных выюков
	Для больных	Для конских лекарств	Для мундирных вещей	Палаточных	Для писарей			
Управления корпусов: гвард., гренад. и 1–6-й пехотн. ⁴⁾	–	–	–	1 ⁵⁾	3 ⁵⁾	–	–	–
Штабы дивизий гвард., гренад., 1–18-й пехотн.; кавалерийск.; гвард., 1–7-й легких, 2-й кирасирск., 1-й и 2-й драгунск.	–	–	–	–	1	1	–	–
Штабы дивизий 13, 14-й и 15-й пехотн., 5-й кавалерийск.	–	–	–	1	1	1	–	–
Штабы артиллерийских дивизий гренад., 1–6-й пеш., конно-артиллерийских и гвардейских	–	–	–	–	1	–	–	–
Штабы пеших артиллерийских бригад: 3 гвардейских, 3 гренадерских и 18 полевых	–	–	–	–	–	–	–	–
Штабы 1–7-й конно-артиллерийских дивизий	–	1	–	–	–	–	–	–
Полк пехотный гвардейский и гренадерский	6	–	–	–	–	–	–	1
Полк пехотный 1, 2, 3, 4 и 6-го пехотн. корпусов	8	–	–	–	–	–	–	1
Полк пехотный 5-го пехотного корпуса	8	–	–	16	–	–	1	1
Полк кавалерийский гвардейск. и двух кирасирск. дивизий	3	1	–	–	–	–	1	1
Полк кавалерийский 1, 2, 3, 4, 6 и 7-й кавалерийск. дивизий	4	1	–	–	–	–	1	1

	ОБОЗ КОМИССАРИАТСКИЙ							
	Телег					Церковных повозок	Походных кузниц	Аптечных выюков
	Для больных	Для конских лекарств	Для мундирных вещей	Палаточных	Для писарей			
Полк кавалерийский 5-й кавалерийск. дивизии	4	1	—	7	—	—	3	1
Полк кавалерийский 1-й и 2-й драгунских дивизий	5	1	—	—	—	—	1	1
Батарея пешая батарейная гвард., грен., 5 ⁸⁾ и 6-й артилл. дивизий	1	—	1	—	—	—	—	—
Батарея пешая легкая 1, 2, 3 и 4-й артилл. дивизий	1	—	1	—	—	—	—	—
Батарея пешая легкая гвард., гренад., 5-й и 6-й артилл. дивизий	1	—	1	—	—	—	—	—
Батарея пешая легкая 1, 2, 3 и 4-й артилл. дивизий	1	—	1	—	—	—	—	—
Батарея конная батарейная	1	—	1	—	—	—	—	—
Батарея конная легкая ⁸⁾	1	—	1	—	—	—	—	—
Армейский стрелковый батальон ⁷⁾	2	—	—	—	—	—	—	—
Гренадерский и армейский саперный батальон	2	—	—	—	—	—	—	—
1-й конно-пионерный дивизион	1	1	—	—	—	—	1	—
Понтонный парк	—	—	—	—	—	—	—	—
Подвижной артиллерийский парк	1	—	1	—	—	—	—	—
Летучий артиллерийский парк	1	—	1	—	—	—	—	—

	Обоз инженерный	Обоз артиллерийский	Всего повозок	Число фуражечных рядов при обозе		Подъемных лошадей вместе с запасными	
				В военн. время ¹⁾	В мирн. время ²⁾	В военн. время ³⁾	В мирн. время ²⁾
Управления корпусов: гвард., гренад. и 1–6 пехотн. ⁴⁾	—	—	8	8 ⁵⁾	—	26	—
Штабы дивизий гвард., гренад., 1–18-й пехотн.; кавалерийск.; гвард., 1–7-й легких, 2-й кирасирск., 1-й и 2-й драгунск.	—	—	4	4	—	14	—
Штабы дивизий 13, 14-й и 15-й пехотн., 5-й кавалерийск.	—	—	5	5	—	17	—
Штабы артиллерийских дивизий гренад., 1–6-й пеш., конно-артиллерийских и гвардейских	—	—	2	2	—	7	—
Штабы пеших артиллерийских бригад: 3 гвардейских, 3 гренадерских и 18 полевых	—	—	2	2	—	7	—
Штабы 1–7 конно-артиллерийских дивизий	—	—	2	2	—	6	—
Полк пехотный гвардейский и гренадерский	—	—	50	54	37	158	75
Полк пехотный 1, 2, 3, 4 и 6-го пехотн. корпусов	—	—	64	64	49	206	99
Полк пехотный 5-го пехотно-го корпуса	—	—	81	81	49	254	99
Полк кавалерийский гвардейск. и двух кирасирск. дивизий	—	—	25	25 ⁶⁾	13	64	27
Полк кавалерийский 1, 2, 3, 4, 6-й и 7-й кавалерийских дивизий	—	—	31	31	17	113	35

	Обоз инженерный	Обоз артиллерийский	Всего повозок	Число фуражечных рядовых при обозе-		Подъемных лошадей вместе с запасными	
				В военн. время ¹⁾	В мирн. время ²⁾	В военн. время ³⁾	В мирн. время ²⁾
Полк кавалерийский 5-й кавалерийск. дивизии	—	—	40	40	17	134	35
Полк кавалерийский 1-й и 2-й драгунских дивизий	—	—	39	39	21	141	43
Батарея пешая батарейная гвард., гренад., 5 ⁸⁾ и 6 артилл. дивизий	—	5	10	10	2	15	4
Батарея пешая батарейная 1, 2, 3-й и 4-й артилл. дивизий	—	7	13	13	3	18	6
Батарея пешая легкая гвард., гренад., 5 и 6-й артилл. дивизий	—	4	9	9	2	15	4
Батарея пешая легкая 1, 2, 3-й и 4-й артилл. дивизий	—	5	11	11	3	18	6
Батарея конная батарейная	—	5	11	11	3	18	6
Батарея конная легкая ⁸⁾	—	4	9	10	2	15	4
Армейский стрелковый батальон ⁷⁾	—	—	18	18	13	67	27
Гренадерский и армейский саперный батальон	11 ⁹⁾	—	28	18	9	98 ¹⁰⁾	21 ¹⁰⁾
1-й конно-пионерный дивизион	35 ⁹⁾	—	45	20 ⁹⁾	20 ⁹⁾	28 ¹⁰⁾	9 ¹⁰⁾
Понтонный парк	67 ⁹⁾	—	—	185	—	—	—
Подвижной артиллерийский парк	—	129	134	4	—	20	2
Летучий артиллерийский парк	—	123	128	4	—	29	2

Примечания:

¹⁾ Св. В. Пост., 1838 г., ч. IV, кн. 4, 9-е продолж. к ст. 244.²⁾ Св. В. Пост., 1838 г., ч. IV, кн. 4, 2-е продолж. к ст. 244 и Полн. собр. зак. Росс. имп., т. XVI, ст. 25097, 5 апр. 1851 г.

³⁾ Высочайше утвержд. предположения о приведении войск на военное по-
лож. в 1853 г. А. К. В. М., дела по снар. войск, 1852 г., № 11 и 1853 г., № 25.

⁴⁾ Приказ военного министра, 1842 г., № 129.

⁵⁾ В Штабе гвард. корпуса телег для писарей 5, в штабе 5-го пех. корп. палаточ-
ных телег — 2; в обоих штабах настолько же больше фуhrштатских рядовых,
насколько больше повозок.

⁶⁾ В гвардейских полках — 31.

⁷⁾ В 5-м стрелковом батальоне, сверх того, 3 палаточные повозки и 3 фуhrштат-
ских рядовых.

⁸⁾ В батареях 5-й артилл. дивизии, кроме того, 1 палаточная телега.

⁹⁾ Приказ военн. мин., 1851 г., № 115.

¹⁰⁾ Вместе с подъемными лошадьми для инженерного обоза.

Приложение № 181

Число повозок обоза и подъемных лошадей в резервных и запасных войсках ¹⁾

	Ящиков			Провиантских телег	Лошадей		В постоянных резервах
	Для казны и письменных дел	Аптечных	Патронных		В резервных войсках, приве- денных в полный состав для движения	Для всех запасных войск и для резервных, формируемых в кад- ренном составе	
Штаб резервной пехот- ной дивизии	1	—	—	—	—	—	—
Штаб резервной пехот- ной бригады	2	2	—	—	6	—	—
Штаб резервной кавалерийской бригады	2	2	—	—	6	—	—
Штаб резервной артил- лерийской бригады	—	2	—	—	6	—	—
В резервном батальоне	—	—	4	8	24	8	—
В резервном эскадроне	—	—	—	2	4	1	—
В резервной батарее 12 оруд. состава	1	—	—	3	6	—	—
В резервной батарее кадренного состава	1	—	—	2	4	1	—
В запасном батальоне	—	—	2	8	—	8	—

	Ящиков				Лошадей		
	Для казны и письменных дел	Аптечных	Патронных		В резервных войсках, приведенных в полный состав для движения	Для всех запасных войск и для резервных, формируемых в кадренном составе	
В запасном эскадроне	—	—	—	2 ⁵⁾	—	1	—
В запасной пешей батарее	1	—	—	3	—	1	—
В запасной конно-батарейной батарее	1	—	—	2	—	1	—
В запасной конно-легкой батарее	1	—	—	2	—	1	—
В запасном саперном батальоне	1	1	2	8	—	1	—
<i>В постоянных резервах</i>							
В резервном эскадроне ²⁾	1	1	—	2	—	—	7
В резервной конно-артилл. полубатарее ²⁾	1	—	—	2	—	—	2
В резервной сводной пешей батарее ³⁾	1	—	—	3	—	—	3
В резервной сводной гв. и грен. арт. бригаде ⁴⁾	1	—	—	3	—	—	3

Примечания:

¹⁾ 9-е продолж. к ч. IV, кн. 4 С. В. П., 1838 г., прил. к ст. 244, Выс. утв. 1 сент. 1849 г. Полн. собр. зак., 23483.

²⁾ Доп. к XXIV т. Полн. собр. зак., ч. II, ст. 23681а.

³⁾ Полн. собр. зак. Росс. имп., т. XXV, ст. 25155, Выс. утв. 24 апр. 1851 г.

⁴⁾ Прик. воен. министра, 1851 г., № 84.

⁵⁾ Содержались при резервных эскадронах.

Данные о повозках нашего обоза

Патронные ящики полагались в пехоте по одному на роту и по одному на 2—3 эскадрона (по родам кавалерии). В них возилось по 40 патронов на каждое пехотное ружье, по 30 на драгунское и по 20 на кавалерийское. Кроме того, в патронных ящиках возилось 20 артельных котлов для варки пищи. Укладка патронов в ящиках была неудобна, так как была приспособлена для определенного вида патронов и для малого числа их. Поэтому большое число патронов должно было возиться в парках, а с изменением калибра, вида и величины патронов, укладка их весьма затруднялась. Штуцерные патроны были распределены во всех 16-ти ящиках в полку, и поэтому, если полк брал с собой в дело не все ящики, то штуцерные не имели всех своих патронов¹.

Провиантские телеги полагались по 2 на роту и эскадрон и по 2—3 на батарее. В них возилась 6-дневная пропорция сухарей и провианта на часть; в каждой телеге — на 125 человек сухарей около 23 $\frac{1}{2}$ пуд., крупы около 6 пуд. и овса и сена на 3 дня; всего клади около 57 пуд. Кроме того, в каждой телеге возилось два древка для носилок и два мешка для перевозки и переноски раненых. В случае надобности телега приспособлялась для перевозки раненых следующим образом². Мешок набивался соломой и клался на дно телеги; при этом умещалось: лежа — двое раненых, сидя, легко раненых — четверо и еще могли разместиться трое слабых.

Телеги для больных имелись по одной на две роты и два эскадрона; они были тяжелы, без рессор и потому тряски; покрыты кожаными брезентами и потому душны; вообще неудобны для больных и могли вместить не боле пяти человек.

Палаточные телеги были те же провиантские, но приспособленные для возки 3 офицерских и 21-й солдатской палаток. К 1853 году ими были снабжены только пехота и кавалерия 5-го корпуса; прочим же войскам предполагалось отпускать их в случае надобности в военное время.

Телеги провиантские, для больных, казначейская, инструментальная и для лазаретных вещей имели конструкцию простых русских телег на деревянных осях, и первые две покрывались кожаными брезентами на деревянных дугах, а последние три имели деревянные крыши. Все три сорта ящиков были двухколесные, на железных осях с двухскатными крышами.

Повозки полкового обоза отпускались в войска один раз, при сформировании части, и затем ежегодно отпускалась ремонтная сумма в полки, которые должны были сами возобновлять их и заводить новые.

В действующих войсках повозки полкового обоза полагалось в мирное время содержать полностью налицо. К 1 января 1853 года по сведениям комиссариатского департамента в войсках состояло повозок обоза: разных — 9162, аптечных выюков — 154, походных кузниц — 143³.

¹ Дубровин. Материалы. Вып. I.

² Аничков. О хозяйстве войск в военное время.

Для резервных и запасных частей в мирное время содержались повозки только четырех видов: провиантские телеги и ящики патронные, аптечные и для казны, в очень ограниченном числе; всех видов повозок на каждый резервный батальон, эскадрон и батарею приходилось от 2 до 12 (см. приложение № 14). Вместо остальных повозок полагалось, в случае надобности, брать обывательские подводы¹.

К 1 января 1853 года хранилось в складах для резервных и запасных войск всего разных повозок — 1918².

В 1854 году, когда некоторые из резервных и запасных войск выступили в поход, то в комиссариатском департаменте был составлен расчет, сколько требуется добавить повозок в резервные дивизии гренадерского и шести пехотных корпусов и в запасную дивизию 3-го пехотного корпуса для сравнения их с действующими войсками в отношении обоза; при этом оказалось, что в каждую резервную дивизию надо добавить по 168 телег, а в запасную — 168 телег и 48 патронных ящиков; всего 1392 повозки³.

Приложение № 183

Штатное число лошадей в войсках

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ			В МИРНОЕ ВРЕМЯ		
	Стрелковых ¹⁾	Артиллерийских ¹⁾	Подъемных ¹⁾	Стрелковых ²⁾	Артиллерийских ³⁾	Подъемных ⁴⁾
Гвардейский пехотный полк	—	—	158	—	—	75
Пехотный армейский 4-батальонный полк	—	—	254	—	—	99
с палаточными телегами	—	—	206	—	—	99
Пехотный армейский 4-батальонный полк	—	—	206	—	—	99
без палаточных телег	—	—	206	—	—	99

³ Архив канц. воен. мин., 1 отд., 1 ст., д. № 71.

¹ 9-е продолж. к ч. IV, кн. 4 С. В. П., 1838 г., прил. к ст. 244. Прик. воен. мин., 1849 г., № 87.

² Архив канц. воен. мин., по снар. в. д., 1854 г., № 147.

³ 2-е продолж. к ч. IV, кн. 4 С. В. П., 1838 г., прил. к ст. 244, Высоч. утв. 24 окт. 1840 г. (Полн. собр. зак., ст. 13891).

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ			В МИРНОЕ ВРЕМЯ		
	Стрелковых ¹⁾	Артиллерийских ¹⁾	Подъемных ¹⁾	Стрелковых ²⁾	Артиллерийских ³⁾	Подъемных ⁴⁾
Армейский стрелковый батальон	—	—	67	—	—	27
Армейский гусарский и уланский полк	1089	—	134 ¹²⁾	1089	—	35
Армейский драгунский полк	1369	—	165 ¹³⁾	1369	—	43
Армейский кирасирский полк	817	—	89 ¹⁴⁾	817	—	27
Резервный эскадр. постоянн. кав. резерва ⁵⁾	180	—	7	180	—	7
Донской казачий полк ⁶⁾	875	—	?	?	—	?
Пешая батарейная 8-орудийная батарея 1, 2, 3-й и 4-й артилл. дивизий	—	164	18	—	76	6
Такая же батарея прочих корпусов	—	164	15	—	69	4
Пешая легкая 8-орудийная батарея 1, 2, 3-й и 4-й артилл. дивизий	—	115	18	—	62	6
Такая же батарея прочих корпусов	—	115	15	—	42	4
Пешая батарейная 12-орудийная батарея	—	242	21	—	118	4
Пешая легкая 12-орудийная батарея	—	167	21	—	93	4
Конная батарейная батарея 1, 2, 3-го и 4-го корп.	172	182	24	172	96	6
Конная батарейная батарея прочих корпусов	172	182	24	172	83	6
Конная легкая батарея 1, 2, 3 и 4 корпусов	135	133	18	135	79	4
Конная легкая батарея прочих корпусов	135	133	18	135	60	4
Сводная резервн. батарея постоянн. пеш. резерва гв. и грен. и 6 пех. корпусов ⁷⁾	—	—	—	—	38	3

	В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ			В МИРНОЕ ВРЕМЯ		
	Стрелковых ¹⁾	Артиллерийских ¹⁾	Подъемных ¹⁾	Стрелковых ²⁾	Артиллерийских ³⁾	Подъемных ⁴⁾
Резервная полубатарея постоянн. конно- артилл. резерва ⁸⁾	—	—	—	60	40	2
Артиллерийский под- вижной парк ³⁾	—	384	20	—	—	—
Артиллерийский летучий парк ³⁾	—	375	29	—	по усмотр.	главно- команд.
Армейский саперный батальон	—	45 ⁹⁾	98 ¹¹⁾	—	2	21 ¹¹⁾
Конно-пионерный диви- зион	287 ¹⁰⁾	208 ⁹⁾	28	287 ¹⁰⁾	164 ⁹⁾	9
Понтонный парк	—	347	13	—	12 ⁹⁾	—

Примечания:

¹⁾ Число стрелковых и подъемных лошадей в военное время взято по штатам войск из Высочайше утвержденных предположений о приведении корпусов на военное положение в 1853 г. из дел Арх. канц. воен. мин., 1852 г., № 11 и 1853 г. № 25 (кроме оговоренных в выносах).

²⁾ По штатам войск (прилож. № 7).

³⁾ По руководству для артилл. службы, изд. по Высоч. повелению в 1853 г.

⁴⁾ По С. В. П., изд. 1838 г., 2-е продолж. к ч. IV, кн. 4, ст. 244.

⁵⁾ Полн. собр. зак., т. XXIV, ст. 23681а. Полож. о пост. резерв.

⁶⁾ Арх. канц. воен. мин., д. 1852 г., № 14.

⁷⁾ Полн. собр. зак., т. XXV, ст. 25155 и прик. В. М. 1851 г., № 84.

⁸⁾ Полн. собр. зак., ст. 23681а т. XXIV. Полож. о пост. резерв.

⁹⁾ Прик. воен. мин. 1851 г., № 115.

¹⁰⁾ Прик. воен. мин. 1850 г., № 31.

¹¹⁾ Вместе с подъемными для инженерного обоза.

¹²⁾ Без палаточных — 113.

¹³⁾ Без палаточных — 141.

¹⁴⁾ Без палаточных — 64.

**Штаты войск по Высочайше утвержденным предположениям
о приведении корпусов на военное положение в 1853 году***

	Генералов, штаб- и обер-офицеров	Чиновников	Нижних чинов		Лошадей		
			Строевых	Нестроевых	Строевых	Артиллерийских	Польемых
Пехотная дивизия	336	35	16655	716 ¹⁾	—	—	1036
Легкая кавалерийская дивизия	240 ²⁾	27	5508	452 ³⁾	4356	—	553
1-е бригады артиллерийск. дивизий по 8-орудийному составу	35	4	790	143	—	558	84
2, 3-я и 4-я бригады артиллерийск. дивизий по 8-орудийному составу	32	3	742	137	—	509	78
1-е бригады артиллерийск. дивизий по 12 орудийному составу	59	4	1184	155	—	818	84
Конно-артиллерийская бригада	17	4	439	81 ⁴⁾	271	266	42
2, 3-я и 4-я бригады артиллерийских дивизий 12- орудийному	56	3	1111	149	—	743	78
Стрелковый батальон	21	1	675	50 ⁵⁾	—	—	67
Саперный батальон	23	3	1027	98	—	45	67
Понтонный парк с ротой Подвижной артилл.	7	—	256	188	—	347	13
запасн. парк	6	3	351	31	—	497	24
Подвижной госпиталь на 300 чел.	5	14	—	204	—	—	263
Госпитальные кадры на 3 тыс. чел.	—	76	—	998	—	—	90
Жандармская команда	1	—	33	—	30	—	—
Штаб корпуса	17	7	—	19	6	—	33

*) Арх. канц. воен. мин., д. 1852 г., № 11, ч. I и 1853 г., № 25.

¹⁾ В 5-м пех. корпусе — 781.

²⁾ В 5-м пех. корпусе — 242.

³⁾ В 5-м пех. корпусе — 481.

4) В 5-м пех. корпусе — 83.

5) В 5-м пех. корпусе — 53.

Приложение № 185

Число подъемных лошадей, которое полагалось содержать в обозе в военное и мирное время в действующих войсках¹

	В военное время	В мирное время
<i>К патронному ящику</i> { В пехотных полках 2		3
В кавалерийских полках		
И саперных батальонах —		3
К ящику для казны и письменных дел:		
В штабах войск, в пехотных полках		
и в легкой батарее —		3
В штабах саперных бригад, во всех		
кавалерийских полках, в саперных батальонах,		
понтонных парках и во всех прочих		
конных и пеших батареях —		2
<i>К аптечному ящику</i> { В пехотных и кавалерийских		
полках, в саперных батальонах ... 3		3
в штабах пеших и конных		
артиллерийских бригад —		3
К инструментальной телеге. Везде, где положено		
их иметь —		3
К казначейской телеге. Везде, где положено их иметь —		3
К провиантской телеге. В штабах войск. —		3
Во всех кавалерийских войсках 2		2
В пехотных полках, саперных батальонах, понтонных		
парках, конных и пеших батареях 2		3
К телеге для писарей. Везде, где положено их иметь —		3
К телеге для возки лазаретных вещей и амуниции		
больных в пехотных и кавалерийских полках и		
в саперных батальонах —		2
<i>К телеге для возки конских лекарств.</i>		
Везде, где положено их иметь —		2
К телеге для мундирных вещей. Везде, где положено		
их иметь —		3
К палаточной телеге. Везде, где положено их иметь —		3
К церковной повозке. Везде, где положено их иметь —		4
К походной кузнице. Везде, где положено их иметь —		2

П р и м е ч а н и е. Запасные лошади — по одной на каждые 10 лошадей, за исключением лошадей под палаточные телеги.

В конно-артиллерийских батареях при резервных кавалерийских корпусах полагалось по одному аптечному ящику на две батареи.

¹2-е продолж. к ч. IV, кн. 4 С. В. П., 1838 г., прил. к ст. 244, Высоч. утв. 24 окт. 1840 г. (Полн. собр. зак., ст. 13891).

**Тактическое устройство русской армии и ее боевые порядки
к эпохе Крымской войны¹****Пехота**

В гренадерских полках в каждом батальоне одна рота называлась гренадерской, а прочие три фузилерными; в пехотных полках — одна рота гренадерской и три мушкатерскими; в карабинерных и егерских полках — одна рота карабинерной и три егерскими. Эти различные названия не имели значения, все роты имели совершенно одинаковое вооружение, снаряжение и обучались одинаково. Все различие состояло в том, что гренадерские и карабинерные роты составлялись из лучших людей и что в каждой из этих рот первый взвод назывался гренадерским или карабинерным, а второй стрелковым. В боевых порядках они имели особое назначение: роты в строю расчёте делились на два взвода, каждый взвод — на два полувзвода и на несколько отделений так, чтобы в каждом отделении было не более шести и не менее четырех рядов. Для внутреннего же управления рота делилась на 4 отделения или капральства, а капральство на десятки (5).

Вообще в пехоте употреблялось 4 рода строя: развернутый, колонны, каре и рассыпной.

Развернутый строй предназначался, главным образом, «для частой и сильной пальбы» и состоял из трех шеренг. Только стрелковые батальоны, предназначавшиеся преимущественно для действия в рассыпном строю, строились в две шеренги². Самые рослые люди ставились в первую шеренгу, следующие за ними по росту в третью и остальные во вторую; шеренга от шеренги строились в одном шаге.

В каждой роте было 48 человек лучших стрелков, особенно обучавшихся стрельбе и действиям в рассыпном строю, называвшихся застрельщиками. Из них 24 человека назывались действующими и выходили при первом вызове застрельщиков; остальные 24 служили для замены первых в случае их убыли. При расчёте роты действующие застрельщики ставились по 12 человек в каждом взводе в третьей шеренге.

Штуцерных было в каждой роте шесть человек; в строю место их было в одном шаге за задней шеренгой, на линии замыкающих унтер-офицеров, по три человека за каждым взводом.

Хотя третья шеренга и не могла стрелять в сомкнутом строю, но признавалась необходимой для того, чтобы ускорять стрельбу, заряжая ру-

¹ Руководствами при составлении этой главы служили: Устав о строевой пехотной службе, изд. 1848 г.; учебники по тактике: *Карцев*, ч. I, 1850, ч. II, 1852; *Горемыкин*, 1849.

² Стрелковые батальоны строились в 2 шеренги, когда были в 600-м составе; при 1000-м же составе строились также в 3 шеренги (Общ. архив Гл. шт., 1856, 2 отд., 2 ст., № 155).

жья для второй шеренги и, кроме того, для замещения убиты людей первых двух шеренг. На деле оказывалось, что трехшеренговый строй пехоты был совершенно излишен. В развернутом строе она была более вредна, чем полезна: стрелять она не могла, а сама терпела от огня одинаково с двумя первыми шеренгами. Предписанное уставом правило, чтобы люди 3-й шеренги заряжали ружья для второй в настоящем бою редко соблюдалось по естественной склонности человека действовать самому в такой обстановке; поэтому, особенно когда в строю было много молодых солдат, третью шеренгу было трудно удержать от стрельбы, а, стреляя, они ранили людей первой шеренги.

Развернутый строй батальона также предназначался главным образом для стрельбы и состоял из развернутых рот, поставленных в одну линию. Батальон рассчитывался на 8 взводов, по числу их во всех ротах; при этом взводы рот принимали номера от 1—8. Гренадерский или карабинерный взвод становился на правом фланге батальона, затем становились взводы прочих рот по старшинству их номеров, а на левом фланге становился стрелковый взвод первой роты, принимавший № 8. Каждые два соседние взвода составляли дивизион. Гренадерский и стрелковый взводы помещались на флангах батальона с тем, чтобы там были отборные люди. В середине батальона, между 4-м и 5-м взводами, т. е. посередине 3-й роты, ставилось знамя с 5 знаменными и 3 жалонерными унтер-офицерами, построеными также в три шеренги; кроме того, крайние два ряда 4-го и 5-го взводов отделялись от прочих взводными командирами и назывались знаменными рядами. Таким образом в строе батальона первая рота оказывалась всегда разъединенной как в развернутом строе, так и в походных и боевых колоннах. Дивизионы и полубатальоны составлялись из людей разных рот. Чтобы ротные командиры могли наблюдать за всеми людьми своей роты, места их в развернутом строе батальона (кроме командира 1-й роты) были определены в середине своих рот. Развернутый строй батальона занимал по фронту при 25 рядах во взводах — 180 шагов, при 30-ти рядах — 200 шагов.

Колонны были дивизионные, взводные, полувзводные, по отделениям и шестирядные; справа, слева из середины; с полными дистанциями, когда эти дистанции равны протяжению фронта колонны; с половинными дистанциями, если эти дистанции были вдвое меньше полных, и густые, имевшие дистанции между первыми шеренгами четыре шага.

Боевыми колоннами считались вообще колонны густые и колонна к атаке; из них наиболее употребительными были последняя и густая полувзводная колонна из середины, как наиболее поворотливые, с достаточной шириной фронта и удобно развертывающиеся.

Колонны из середины в батальоне строились всегда по 4-му и 5-му взводам, стоявшим в голове колонны; за 4-м взводом строились три первые взвода в колонне слева, а за 5-м взводом — последние три взвода в колонне справа. Знаменные ряды становились в колоннах из середины, посередине головной части. Барабанщики и горнисты строились в восьми

шагах за серединой колонны, имея на правом фланге младшего штаб-офицера и адъютанта; музыканты в двух шагах за ними.

Колонна к атаке представляла собой взводную колонну из середины, разомкнутую на полувзводные дистанции.

Шестирядная колонна, принадлежавшая к числу походных, строилась из середины рядами; в этой колонне шли впереди знаменные ряды, а затем каждый ряд состоял из трех человек первого полубатальона (из ряда) и трех человек (из ряда второго полубатальона).

Разнообразие видов колонн было слишком велико, и некоторые были чересчур сложны, что происходило отчасти и вследствие расположения и нумерации взводов в батальоне. Поэтому относительное расположение взводов разных рот в одной и той же колонне было различное, как видно из приведенных чертежей колонн из середины. В дивизионной колонне справа каждый дивизион состоял из двух взводов, принадлежащих двум различным ротам. Вследствие всего этого во многих случаях в батальонных колоннах командовать ротой было неудобно, построения и перестроения колонн были необыкновенно сложны и вызывали массу перемещений начальствующих лиц. Трехшеренговый строй особенно увеличивал глубину колонн; так, например, в колонне к атаке получалось 12 шеренг; при двухшеренговом строе их было бы 8, число совершенно достаточное для силы удара, но потери от огня были бы на одну треть меньше. Колонны из середины существовали для быстрого разворачивания фронта, для чего они, действительно, были удобны; в этом встречалась тогда особенная надобность, так как считалось, что из колонн стрелять нельзя.

Каре назначались исключительно для отражения кавалерийских атак. Для того чтобы в случае атаки с разных сторон можно было и отпор дать во все стороны, строй этот имел общую форму квадрата или прямоугольника, стороны которого назывались фасадами и состояли из разных частей батальона или роты, обращенных фронтом в поле. Каре строились из развернутого строя и из колонн; в зависимости от того, из какой формы строя их строили, батальонные каре были пяти видов: 1) из развернутого фронта, 2) из колонн к атаке, 3) из густой взводной колонны, 4) из полувзводной колонны из середины, 5) двухбатальонное — два каре из колонны к атаке, сведенных в одно. Фасы каре состояли из разного числа шеренг, смотря по тому, из какого строя каре получалось: в каре из развернутого фронта все фасы имели по три шеренги, в каре из колонны к атаке два фаса состояли из трех шеренг, а два из шести шеренг, так как боковые фасы получались захождением по полувзводно; в каре из густых колонн передний и боковые фасы состояли из шести шеренг, а боковые, получавшиеся захождением взводов по отделениям, имели при четырех отделениях во взводах 6 шеренг, а при шести отделениях — 9 шеренг. Такие густые массы считались нужными для того, чтобы противопоставить кавалерийской атаке главным образом материальную силу сопротивления, так как рассчитывать на стрельбу, при взглядах на нее в то время в армии и при медленности заряжания, было трудно.

Тем не менее из каре полагалось открывать огонь залпами и батальный, одним или несколькими фасадами, как будет об этом сказано ниже. При таком образе действий быстрота построения получала особенно важное значение. Но из самой формы этого строя видно, что построение каре было сложно; требовало большой точности, сноровки и во всяком случае не могло быть сделано очень скоро.

В каре производились движения во все стороны, причем по команде: «По такому-то фасу каре вперед!» — фаса поворачивались в сторону назначенного фаса.

Каре из развернутого фронта строилось медленнее прочих, а при движении от малейшей ошибки разрывалось в углах; по тонкости же фасаов считалось, что оно легко может быть прорвано. Поэтому оно употреблялось только в тех случаях, когда перед его построением часть находилась в развернутом строе и не предвиделось надобности в больших передвижениях в этом строе. Каре из густых колонн были очень трудны для построения, особенно при неровном числе рядов в отделениях, что, конечно, могло случаться чаще всего в бою; поэтому эти каре строились очень редко. Самое употребительное было каре из колонны к атаке — оно было самое удобное для построения и движения. Ротные каре считались слишком слабыми и употреблялись только в тех редких случаях, когда ротам приходилось действовать отдельно или в случае неожиданного нападения кавалерии, когда не было времени выстроить батальонное каре.

Вообще же все виды каре, будучи сложны, менее удобны для стрельбы, чем развернутый строй, и не столь удобны для движения, как колонны, в то же время сильно терпели от огня, почему и употреблялись исключительно против кавалерии.

Рассыпной строй предназначался исключительно для стрельбы, состояв из застрельщиков или стрелковой цепи и ее резервов, и был двух видов: 1) когда цепь состояла из одних застрельщиков и 2) когда в цепь высылались и прочие люди части.

В той и другой цепи люди становились попарно для взаимной защиты. Расстояние между парами зависело от наличного числа людей и длины той линии, которую требовалось занять. Обыкновенно интервалы между парами делались 3—15 шагов. Штуцерные размещались в цепи через каждые две пары по одному. Резервы цепи располагались за нею в расстоянии 100—150 шагов и в таком же расстоянии от сомкнутой части.

Рассыпной строй застрельщиков. Предназначался для образования цепи застрельщиков, по сигналу или команде застрельщики выходили из своих мест в сомкнутом строе и строились: при развернутом батальоне за флангами его, в колонных — впереди их, в каре — внутри его, в колонне к атаке — за 2, 4, 5-м и 7-м взводами внутри колонны. Застрельщики каждой роты строились в особый взвод из 12 рядов, в две шеренги, под командой офицера и двух унтер-офицеров в каждом взводе. Вместе с застрельщиками выходили и штуцерные, которые становились в третьей шеренге за каждым взводом.

По сигналу: «Рассыпаться!» два застрельщика взвода выходили из-за фронта батальона и шли вперед до вторичного того же сигнала, по которому от каждого взвода рассыпались вторые полувзвода, а первые полувзводы оставались в сомкнутом строю, в резерве. Если нужно было усилить цепь, то опять по особому сигналу рассыпались полувзводы, оставшиеся в резерве, а на их место выходили из-за батальона остальные два застрельщика взвода. Эти последние два взвода могли быть также рассыпаны в цепь, и тогда батальон немедленно перестраивался в ротные колонны, составлявшие непосредственные резервы цепи.

Цепь застрельщиков могла быть рассыпана и без предварительного формирования взводов их за фронтом. В этом случае, по особому сигналу или команде, все застрельщики и штучерные выходили вперед через офицерские интервалы и тотчас же рассыпались без вторичного сигнала, а застрельщики 1-го и 8-го взводов выстраивались в полувзводы и составляли резерв цепи.

Когда батальон находился в движении, то рассыпание производилось бегом.

Рассыпание застрельщиков из колонн делалось аналогично рассыпанию из развернутого фронта батальона, как видно из чертежа. Только из колонны к атаке рассыпались сразу два взвода целиком.

Всеми застрельщиками батальона командовал младший штаб-офицер, а за неимением его — старший в батальоне после ротных командиров офицер, который назывался начальником застрельщиков.

Застрельщичья цепь могла занимать по фронту различное пространство. При интервалах между парами в 10 шагов, если были рассыпаны все застрельщики, кроме двух полувзводов, оставленных в резерв, цепь занимала около 360 шагов.

Рассыпной строй из ротных колонн представлял собой развитие цепи застрельщиков и употреблялся в тех случаях, когда одних застрельщиков оказывалось недостаточно. Для действий в этом строю батальон перестраивался в ротные колонны, причем каждая рота разделялась уже не на два, а на три взвода, каждый в две шеренги; третий взвод составлялся из третьей шеренги роты.

Три роты — 1, 2-я и 3-я (фузилерные, егерские и мушкетерские) — становились во взводных колоннах в 100—150 шагах за цепью, а гренадерская (карабинерная) за серединой их в 100—150 шагах и называлась боевым резервом. Из каждой роты вызывалось «в стрелки» столько людей, сколько оказывалось нужным. Они вызывались по полувзводно от всех трех рот первой линии одновременно, по мере надобности усиливая цепь следующими полувзводами. Когда были рассыпаны целиком роты первой линии, то рота боевого резерва придвигалась к цепи. От этой роты стрелки вызывались лишь в крайнем случае. Нерассыпанные части рот составляли непосредственные резервы цепи и должны были находиться за серединой своих стрелков; поэтому интервалы между ротными колоннами не были постоянными и менялись в зависимости от длины цепи.

Полагая в батальоне по 25 рядов во взводе, а интервалы между парами в 10 шагов, при рассыпании по одному полному взводу передних рот батальон занимал по фронту около 750 шагов.

Действия цепей застрельщицей и из ротных колонн в общем были одинаковы. В цепи не требовалось «строгого» равнения и интервалов; застрельщики должны были применяться к местности.

Стрельба в цепи производилась как на месте, так и в движении по установленной очереди между парами, а в каждой паре — между людьми ее составляющими, наблюдая, чтобы в каждой паре одно ружье всегда оставалось заряженным.

Движения цепи производились несколько ускоренным шагом, беглый шаг употреблялся только в исключительных случаях. Для всех действий и движений цепи — рассыпания, усиления ее, перемены фронта и стрельбы — существовали особые сигналы, которых была масса; во многих случаях подавались и сигналы и команды.

В уставе нигде нет указаний, какой из двух форм рассыпного строя следовало отдавать предпочтение; указывалось только, что батальон перестраивается в ротные колонны «для удобнейшего действия рассыпным строем» в двух случаях: 1) «когда то признается нужным и 2) когда из батальона, развернутым фронтом построенного, все застрельщики взводы рассыпаны в цепь». Таким образом устав как будто становился на сторону рассыпного строя из ротных колонн, называя его «удобнейшим». Оно и действительно было так: механизм самого рассыпания был проще, люди цепи находились более на глазах своего прямого начальства, и батальон меньше терпел от огня, хотя все-таки для ротных колонн был указан только один вид строя — взводная колонна. С другой стороны, устав узаконивал начало действий вызовом одних застрельщиков. Последнее весьма понятно при крайне слабой постановке в то время стрелкового дела; при существовавшем же тогда в русской армии стремлении действовать преимущественно сомкнутыми массами, первый вид рассыпного строя применялся на практике гораздо чаще.

Вообще в боевых действиях рассыпной строй играл роль второстепенную, хотя он применялся как при наступлении, так и при отступлении и обороне, но употреблялся большей частью как средство вспомогательное, или перед фронтом своих сомкнутых частей для противодействия неприятельским стрелкам, или когда стрельба из развернутого строя становилась почему-нибудь затруднительной; полагалось даже избегать употребления его в тех случаях, когда представлялось поле действия для своей кавалерии.

Для разных движений было принято четыре рода шага: тихий, скорый (вольный), походный и беглый. Тихий шаг не соответствовал никакой цели в бою, был утомителен и служил лишь учебным приемам; скорость его была около 70 шагов в минуту. Скорый шаг — 110 в минуту — употреблялся в строю обыкновенно; этим же шагом делались передвижения в виду неприятеля и шли в атаку. При более свободном движении, когда

ружья держались вольно, а руками свободно махали, этот же шаг назывался вольным. Беглым шагом проходили 150—200 шагов в минуту. Походный шаг — обыкновенная походка, не в ногу. За постоянную скорость движения пехоты принимался скорый шаг с 110 шагов в минуту, около 4 верст в час.

Стрельба в сомкнутом строю производилась двух видов: залпами и рядами (батальный огонь) и только из развернутого фронта и из каре; из колонн никакой стрельбы не производилось. Стрельба залпами производилась только из развернутого фронта частей и фасами каре. Залпами стреляли целыми батальонами и частями его до взвода включительно, а также шеренгами.

Для стрельбы залпами подавалась команда: «Пальба батальоном (дивизионами, взводами, шеренгами)!»), по которой все офицеры и стоящие им в затылок унтер-офицеры уходили за фронт, а на их места становились штучерные. Затем батальонный командир командовал: 1) «батальон товсь!», 2) «кладсь!», 3) «пли!», 4) «жай!». Все унтер-офицеры, знаменные ряды и 3-я шеренга не стреляли. При стрельбе частями фронта, каждая из них стреляла по команде своего начальника, соблюдая очередь и после того, когда выстрелившая часть зарядит ружья. При стрельбе шеренгами каждая из них стреляла по команде батальонного командира. Сперва стреляла 2-я шеренга и после выстрела передавала свои ружья для заряжания 3-й шеренге; после этого 2-я шеренга стреляла второй раз из ружей, взятых от 3-й шеренги, и заряжала их сама; после второго выстрела 2-й шеренги стреляла 1-я шеренга, потому опять два раза 2-я шеренга, и т. д.

Для производства пальбы рядами (батального огня) подавались команды: 1) «пальба рядами!», 2) «батальон товсь!», 3) «начинай!», или подавался сигнал «тревога!». Стрельба была рассчитана так, чтобы огонь по возможности был непрерывен. Сперва стреляли правифланговые 1-й шеренги каждого отделения, потом в каждом отделении — правифланговый 2-й шеренги и второй человек 1-й шеренги и т. д. Люди 2-й шеренги передавали свои ружья для заряжания в 3-ю шеренгу и стреляли из ружей, взятых от 3-й шеренги. После первых выстрелов очередь не соблюдалась, и каждый стрелял, когда зарядит ружье, наблюдая только, чтобы люди, стоящие в затылок друг другу, не стреляли одновременно, для избежания ранений. Стрельба была очень медленная как по сложности заряжания ружей, так и по способу производства ее в строю. Из двух видов стрельбы пальба залпами была самая медленная, и только исключительно хорошо вымуштрованные войска производили ее в бою без замешательства и без того, чтобы она не переходила в пальбу рядами. Поэтому к залпам прибегали только в некоторых редких случаях, когда не было времени обстреливать противника продолжительно, но представлялась возможность поразить его внезапно. Пальба рядами была гораздо более метка и давала большее число выстрелов в течение одинакового времени, употребленного на залпы. Кроме того, важным качеством огня считалась его непрерывность, в чем опять-таки

пальба рядами имела большое преимущество перед залпами. Поэтому всегда предпочитали открывать пальбу рядами. Характерно то, что, несмотря на все это, стрельба залпами называлась «правильной», а рядами — «неправильной».

Огонь же рассыпного строя — самый меткий — не играл должной роли и применялся лишь как средство вспомогательное.

Боевой порядок нескольких батальонов пехоты состоял из двух боевых линий и резерва. Три или четыре батальона строились в две линии — боевую и резервную.

Батальоны 1-й линии ставились в колоннах к атаке, в развернутом строе, и в ротных колоннах; батальоны 2-й линии — всегда в колоннах к атаке (кроме того случая, когда действовали вместе 4 батальона и меньше; тогда 1-я линия располагалась в ротных колоннах, а 2-я в полувзводных колоннах из середины); батальоны резерва — в полувзводных колоннах из середины.

В 1-й линии батальоны располагались преимущественно в колоннах к атаке; интервалы между батальонами делались от 100 до 300 шагов, большей же частью — равными длине развернутого фронта батальона.

В развернутом строе батальоны первой линии ставились, когда был нужен сильный огонь. Этот порядок считался мало пригодным для рукопашного боя и применялся реже. Интервалы между развернутыми батальонами оставлялись в 20 шагов; фланговые же батальоны всегда строились в колонны к атаке.

В ротных колоннах 1-я линия располагалась всего реже, только в тех случаях, когда нужно было занять небольшим числом войск значительное пространство или при надобности сильного огня на местности неровной и не удобной для действия развернутого строя. Вторая линия обыкновенно составлялась из того же числа батальонов, как и первая; иногда ставили во 2-й линии и другое число их чем в 1-й, чаще — больше. Расстояние между линиями делалось от 100 до 300 шагов.

В резерв назначалось от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всех войск и более. Резерв располагался в 400—500 шагах за второй линией в полувзводных колоннах из середины, в одну или несколько линий, так, чтобы все расположение приближалось к форме квадрата, что делалось для удобства управления им. Между батальонами резерва оставлялись интервалы в 45 шагов, а между линиями их — дистанции в 60 шагов.

Боевой порядок как на месте, так и в движении строился изредка и в уступной форме и в шахматном порядке, в зависимости от тактической обстановки и как предварительное расположение для быстрой перемены фронта.

Кавалерия

Кирасиры предназначались главным образом для производства сильных ударов в сомкнутом строе. Полки комплектовались людьми большо-

го роста и крепкого телосложения; лошади выбирались большие и сильные. Только часть людей приучалась к одиночным действиям.

Гусары и уланы, составляя легкую кавалерию, назначались преимущественно для действий, требующих быстрых передвижений на дальние расстояния, для разведывательной службы и для преследования. Люди и лошади в этих полках были более легкие, и все приучались как к действиям в сомкнутом строю, так и к одиночным.

Драгуны составляли, так сказать, среднюю кавалерию, назначавшуюся и для атак в сомкнутом строю, и для действий в пешем строю, чтобы в случае надобности заменять пехоту.

Строй кавалерии был четырех видов: развернутый, колонны, рассыпной и строй для фланкирования.

Развернутый строй назначался для производства атак. Эскадроны делились на два полуэскадрона, каждый полуэскадрон на два взвода, взводы на отделения, по три ряда в каждом. В полку два эскадрона составляли дивизион. Эскадрон строился в две шеренги на один шаг дистанции между ними. Люди и лошади в эскадроне ранжировались от флангов к середине — в первом полуэскадроне справа налево, а во втором слева направо. Эскадрон в 120 рядовых занимал по фронту около 80 шагов.

Колонны строились эскадронные, полуэскадронные, взводные и из drobных частей фронта — по одному, по два, по три и по шести. По величине дистанций колонны были на полных дистанциях и густые. Густыми колоннами назывались те, в которых дистанции между частями были в 15 шагов (считая их между передними ногами лошадей первых шеренг). Все колонны строились справа и слева, и только одна колонна к атаке строилась из середины. Эскадронной колонной называлась та, в которой эскадроны ставились один за другим в развернутом фронте.

Колонна к атаке, чаще других употреблявшаяся в боевых порядках, строилась всегда из дивизиона таким образом, что первый эскадрон дивизиона строился по четвертому взводу в колонну слева, а второй эскадрон — по первому взводу в колонну справа, и обе колонны смыкались, представляя таким образом собой полуэскадронную густую колонну из дивизиона.

Все колонны строились как из развернутого фронта, так и из других колонн, на месте и на ходу. Фронт разворачивался из колонн и не в порядке номеров частей. Все движения, перестроения, перемена фронта и т. п. совершались по правилам, вообще схожим с современными, и вообще кавалерийский устав был гораздо проще пехотного.

Рассыпной строй назначался для рассыпной атаки, которая применялась в тех случаях, когда нужна была не столько сила удара, сколько быстрота нападения.

В каждом эскадроне рассыпался один полуэскадрон, занимая по фронту пространство, равное пяти взводам, и оставаясь в двухшеренговом строю; второй полуэскадрон следовал за рассыпанным на дистанции 150-ти шагов в сомкнутом строю.

От полка точно так же рассыпались по одному полуэскадрону от каждого эскадрона, и таким образом образовывались две линии: первая рассыпная, а вторая из сомкнутых полуэскадронов на трехвзводных интервалах.

Строй для фланкирования. Назначение фланкеров состояло в том, чтобы огнем (с коня) не допускать неприятельских одиночных всадников до своего сомкнутого строя и для осмотра перед атакой места впереди фронта своей кавалерии, а если окажется возможным, то и для заблаговременного осмотра расположения противника. От полка вызывались обыкновенно для фланкирования два эскадрона. Хотя вся легкая кавалерия была обучена этому строю, но преимущественно вызывали «во фланкеры» в восьми эскадронных полках последние два эскадрона, в шести эскадронных полках — фланговые эскадроны, в кирасирских полках вызывались только карабинеры, потому что они одни имели ружья, и вообще этот способ действия считался не для кирасир.

Для фланкирования каждый взвод рассчитывался на четыре отделения. Вызванные эскадроны (или эскадрон) выезжали развернутым фронтом на 100 шагов вперед против флангов полка. От каждого эскадрона вызывались «во фланкеры» два взвода, которые выезжали вперед еще на 100 шагов, а оставшиеся полуэскадроны составляли большие резервы. От вызванных вперед взводов рассыпались по полувзводу, а остальные полувзводы составляли малые резервы. В цепи фланкеры становись в две шеренги, вторая за первой в 25 шагах; люди в каждой шеренге на интервалах также около 25 шагов, которые, смотря по надобности, суживались или расширялись. Люди второй шеренги становились против интервалов первой шеренги. Дистанция между линией фланкеров и малыми резервами — 100 шагов. Резервы располагались за серединой своих фланкеров. По сближении с противником фланкеры открывали огонь. Для стрельбы в каждом отделении выезжали вперед на 20 шагов сперва первые номера первой шеренги, останавливались и, сделав с коня выстрел, уезжали за соответствующие им номера второй шеренги, которые становились на их место; после первых номеров таким же порядком выезжали по очереди вторые и третьи номера первой шеренги; после второй шеренги в такой же последовательности стреляла вторая шеренга.

Стрельба фланкеров была крайне недействительна как стрельба с коня вообще, по малой меткости кавалерийских карабинов и по медленности заряжания, особенно сидя на лошади. Поэтому на стрельбу фланкеров смотрели не как на средство для поражения противника, а только как на средство для личной защиты против неприятельских фланкеров.

Спешивание легкой кавалерии применялось очень редко и в самых крайних случаях; стрельба из карабинов не могла рассматриваться как серьезное средство, поэтому гусары и уланы обучались только некоторым действиям в пешем строю, и на это обращалось мало внимания. Уланы же, кроме того, были очень стеснены пиками. Для спешивания предназначались драгуны. В армейских драгунских полках спешивались первые восемь эскадронов и составляли в пешем строю 8-взводный батальон;

пикинерные эскадроны совсем не спешивались и составляли прикрытые коноводов.

В каждом эскадроне спешивались $\frac{2}{3}$ людей — фланговые ряды в каждом отделении, а оставшаяся треть оставалась коноводами. Спешенные люди строились в три шеренги развернутым строем, или в колонне к атаке, или густой взводной. Коноводы оставались всегда в полковых колоннах.

Спешенные эскадроны действовали как пехота и в рассыпном строе и в колоннах. Для рассыпания высылались из драгунского батальона целые взводы, из которых в цепь шли две первые шеренги, а третья шеренга составляла резерв цепи.

Строй казачьих полков был сходен со строем регулярной кавалерии. Главный боевой строй казаков была лава, в которой каждая сотня строилась в одну шеренгу и со стрельбой производила рассыпную атаку.

Боевой порядок нескольких эскадронов строился не менее чем в две линии; при значительном числе эскадронов, — в три и четыре линии. В 1-й линии эскадроны ставились в развернутом строе на взводных интервалах, фланговые — в густых взводных колонах, причем в гусарских и уланских полках на фланги ставились последние два эскадрона, а в драгунских полка — пикинерные эскадроны; 2-я линия располагалась в колоннах к атаке в 300 шагах за первой; фланговые эскадроны также во взводных колоннах; резерв ставился в 300 шагах за второй линией в полковых эскадронных колоннах. До начала атаки часто 1-я линия строилась в колонах к атаке на полных интервалах с рассыпанными фланкерами. При построении боевого порядка из нескольких 6 и 8 эскадронных полков каждый полк строился в одну линию, драгунские же полки в две линии.

Боевые действия кавалерии против кавалерии. Перед выстраиванием боевого порядка кавалерия предварительно перестраивалась из походного порядка в сомкнутые полковые эскадронные колонны, и высылались вперед фланкеры, но не столько для огнестрельного действия, как для осмотра местности и расположения противника, а также против неприятельских фланкеров.

При сближении с неприятелем развертывался боевой порядок в столько линий, сколько оказывалось нужным, причем в резерв выделялось от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всех сил.

Наступление и отступление производилось всем фронтом, уступами и в шахматном порядке. В обоих случаях 2-я линия оставалась в колоннах. Уступы строились из центра и с флангов, составлялись из дивизионов или эскадронов; 2-я линия также строилась соответственно уступами. Шахматный порядок при наступлении применялся редко как медленный; 2-я линия при этом сохраняла установленную дистанцию от задней линии шахматов. Резерв при всех передвижениях боевого порядка сообщался в своих движениях с боевыми линиями, сохраняя от них определенную дистанцию.

Сама атака производилась в общем так же, как и теперь. С началом движения в атаку фланкеры отходили на фронт 1-й линии и строились в колонны.

В случае удачной атаки, если у противника не было второй линии, то преследовали рассыпной атакой, если же у неприятеля была 2-я линия, то эскадроны, атакующие 1-ю линию, устраивались и шли на 2-ю линию, а отступавшая 1-я линия противника преследовалась рассыпной атакой, которую производили фланкерные эскадроны, приученные раз навсегда после атаки эскадронами 1-й линии выезжать из-за ее флангов и производить рассыпную атаку.

В случае неудачи 1-й линии, ее сменяла 2-я. Смены линий делались прохождением одной сквозь другую, через интервалы.

Резерв разворачивался в линию колонн при самом начале атаки и, выстроившись за боевыми линиями, сменял их в случае надобности. Смена делалась таким же порядком, как и смена боевых линий одной другою. Резерв сменял всегда целые линии, а не части их. Отступление делалось целыми линиями или в шахматном порядке, или уступами.

Стрельба в сомкнутом строю ни в каких случаях не допускалась, ни против пехоты, ни против кавалерии.

Охваты флангов предписывалось делать, как только к тому представится возможность.

Действия кавалерии против пехоты были в общем такие же. Атака производилась из обыкновенного боевого порядка линией развернутых эскадронов или уступами, или колоннами. Последний способ употреблялся преимущественно против боевого порядка пехоты, состоящего из каре. В этом случае строились эскадронные колонны, которые направлялись по одной на каждое каре.

Колонны, подходя к пехоте, размыкались на двойные дистанции и атаковали эскадрон за эскадроном последовательно в случае неудачи предыдущих эскадронов. Атаки направлялись преимущественно на фланговые каре, чтобы меньше терпеть от огня.

Атаки на батареи делались рассыпным строем, а прикрытия артиллерии сомкнутым строем и вообще способом, соответствующим роду войск прикрытия.

Артиллерия

Батареи как пешие, так и конные, состояли из восьми орудий. В военное же время пешие батареи полагались 12-орудийного состава. Каждая батарея делилась на два дивизиона, а дивизион на два взвода, по два орудия в каждом¹.

Прислуге при орудиях полагалось на каждое батарейное пешее орудие — 9 номеров, на пешее легкое и конное — 7.

Состав батарей был следующий²:

¹ 12-орудийные батареи имели по 3 дивизиона. Все размеры строев в этой главе приведены для 8-орудийных батарей.

² Руков. к артил. службе. Изд. по Высоч. повел. 1853 г.

1. Пешие батарейные: а) 8-орудийные — 4 пушки 12-фунтовых и 4 единорога $\frac{1}{2}$ -пудовых; б) 12-орудийные — 6 пушек 12-фунтовых и 6 единорогов $\frac{1}{2}$ -пудовых.

2. Пешие легкие: а) 8-орудийные — 6 пушек 6 фунтов и 2 единорога $\frac{1}{4}$ -пудовые; б) 12-орудийные — 8 пушек 6 фунтов и 4 единорога $\frac{1}{4}$ -пудовых.

3. Горные: 8 единорогов $\frac{1}{4}$ -пудовых горных и 2 мортиры $\frac{1}{4}$ -пудовые.

4. Конные батарейные: 8 единорогов $\frac{1}{2}$ -пудовых.

5. Конные легкие: 4 пушки 6 фунтовых и 4 единорога $\frac{1}{4}$ -пудовых.

6. Казаки: 4 пушки 6 фунтовых и 4 единорога $\frac{1}{4}$ -пудовых.

7. Батареи Кавказского корпуса: а) пешие батарейные — 6 пушек 6-фунтовых и 6 единорогов $\frac{1}{4}$ -пудовых; б) пешие легкие № 1, 2, 6 и 7: 4 пушки 6-фунтовые и 4 единорога $\frac{1}{4}$ -пудовые; в) пешая легкая № 3: 4 пушки 6-фунтовые, 4 единорога $\frac{1}{4}$ -пудовых и 2 единорога $\frac{1}{4}$ -пудовых горных; г) пешие легкие № 4 и 5: 4 пушки 6-фунтовые, 4 единорога $\frac{1}{4}$ -пудовых и 4 горных единорога $\frac{1}{4}$ -пудовых; д) горные: 10 горных единорогов $\frac{1}{4}$ -пудовых и 4 мортиры $\frac{1}{4}$ -пудовые.

Такой разнообразный состав батарей был принят потому, что пушки, действуя хорошо на большие дистанции ядрами, были неудобны для действия картечью; единороги же, действуя хорошо гранатами и картечью, вовсе не стреляли ядрами и на больших расстояниях действие их было слабое. В батарейных батареях единорогов было больше, чем в легких потому, что $\frac{1}{4}$ -пудовые единороги действовали значительно слабее 6 фунтовых пушек, действуя же 12 фунтовых пушек и $\frac{1}{2}$ -пудовых единорогов были почти одинаковы. Большее число единорогов в конной артиллерии вызывалось желанием стрельбы по кавалерии преимущественно снарядами с разрывным действием.

Все эти полевые орудия были трех разных калибров. Число это само по себе не так велико, но существенное неудобство состояло в том, что в каждой батарее (кроме батарейных конных и легких) были орудия двух калибров. Снабжение батарей снарядами совершенно разных конструкций и калибров было весьма затруднительно.

12-орудийный состав батарей слишком велик для удобного управления одним лицом.

Конно-батарейные орудия были запряжены 8 лошадьми, конные легкие и пешие батарейные — 6, пешие легкие — 4.

Зарядных ящиков в военное время на каждое батарейное орудие (пешее и конное) было три, а на легкое — два). Во всех ящиках и в передках возилось снарядов на каждую пушку около 170, на каждый единорог — около 120¹. Все зарядные ящики были запряжены 3-мя лошадьми.

¹ Подробно см. «Вооружение».

В батареях	Число зарядных ящиков	
	по 8-орудийному составу	по 12-орудийному составу
Пеших батарейных	24	36
Пеших легких	16	28
Конных батарейных	24	—
Конных легких	16	—

Кроме того, в легких батареях Кавказской артиллерийской дивизии было व्युчных зарядных ящиков:

в легкой батарее № 3 (19 арт. бр.) — 14 ящ.; в легкой батарее № 4 (19 арт. бр.) и № 5 (20 арт. бр.) — по 28 व्युчных ящиков.

В горных батареях были только व्युчные зарядные ящики по 188 на батарею.

Строй артиллерии был двух видов: развернутый и колонны.

В развернутом строе интервалы между орудиями были почти такие же, как и ныне: полные — в легкой пешей — 15 шагов, в батарейной пешей и легкой конной — 20 и в конно-батарейной — 25 шагов; тесные интервалы во всех батареях — 12 шагов и сомкнутые — 5 шагов.

Колонны были: а) справа и слева: в одно орудие, взводные и дивизионные, б) из середины: в два и четыре орудия. Дистанции в колоннах считались между ящиками и уносными фейерверкерами.

Колонны взводные строились только на полных дистанциях, которые в легких батареях были 6 шагов, а в батарейных — 10 шагов. Колонны дивизионные справа и слева строились на полных дистанциях, равных протяжению фронта дивизиона, и густые, называвшиеся так, когда дистанции в легких батареях были 6 шагов, а в батарейных — 8 шагов.

Из числа зарядных ящиков по одному на орудие составляли маневрирующую часть батарей, как пеших, так и конных. Во всех порядках и строях батареи как при расположении на месте, так и в движениях и перестроениях, один ящик следовал непосредственно за или перед орудием. В развернутом строе в наступном порядке ящичный вожатый становился в трех шагах за дулом орудия; в отступном порядке уносные фейерверкер становился за ящиком также в трех шагах. В колоннах для уменьшения их глубины эта дистанция была в один шаг. В конной артиллерии номера строились между орудиями и ящиками в две шеренги, в трех шагах от тех и других, и такой строй назывался разомкнутым; сомкнутым он назывался, когда номера находились по сторонам орудия.

В боевом порядке орудия стояли, снятые с передков. В наступном — передки уносами к орудиям, в 12 шагах от них, а ящики — в трех шагах за передками; в отступном — передки уносами от орудий, в шести шагах от правил, а зарядные ящики — в трех шагах от передков, уносами к орудиям. В конной артиллерии в боевых порядках коноводы строились в одну

шеренгу, в трех шагах за передком, между ним и зарядным ящиком, который становился также в трех шагах за коноводами.

Все движения и перестроения батареи в общем мало чем отличались от современных. Особенность составляло только движение ящиков за орудиями; ящики при поворотах направо или налево (под прямым углом) следовали сбоку орудий, в трех шагах от него, и такой порядок назывался фланговым.

Боевые действия артиллерии. Роды стрельбы в бою были следующие. Обыкновенно употреблялась «пальба орудиями», причем соблюдалась отдельная очередь в каждом взводе между орудиями. Гораздо реже применялся «беглый огонь», когда орудия стреляли без очереди, как только успеют зарядить; этот род огня употреблялся только в последние минуты боя. Стрельба залпами, взводами и дивизионами в бою никогда не производилась. В редких случаях употреблялись залпы целой батареей, так как после залпа батарея оставалась некоторое время в бездействии.

Огонь открывать не полагалось с слишком дальних дистанций, а с расстояний верного выстрела (400—500 сажень), и лишь по густым колоннам допускалась стрельба с 600 сажень С расстояний, превосходящих дальность картечного выстрела (300—250 сажень), действовали ядрами и гранатами; с расстояний картечного выстрела: против развернутого строя и колонн, из орудий, находящихся против фронта — картечью, из орудий же удаленных, но могущих поражать во фланг — ядрами и гранатами.

Для движений на поле сражения батареи строились преимущественно в густые дивизионные колонны.

Выезд на позицию делался как и теперь; вторые и третьи зарядные ящики ставились при резерве.

При расположении в бою нескольких батарей, в резерв выделялись большей частью легкие батареи, как более подвижные. В боевой линии батареи располагались одна от другой на расстоянии картечного выстрела и, как общее правило, полагалось не дробить батарей и не соединять их по несколько вместе. Хотя польза массирования артиллерии в принципе и признавалась, но препятствием к тому считались малая дальность огня, ограничивавшая круг действия такой батареи, трудность обороны ее другими войсками при существовавших боевых порядках и, наконец, нежелание ослаблять прочие пункты расположения.

Наступление и отступление полагалось производить, по возможности, всегда уступами; в боевых порядках с несколькими батареями — побатарейно, чтобы движение одной батареи прикрывалось огнем другой. Наступление и отступление со стрельбой одной батареи делалось также уступами подивизионно. Кроме того, было принято еще отступление на отвозах, состоявшее в том, что вся батарея отступала одновременно, кроме одного очередного орудия, которое останавливалось, производило выстрел и, будучи заряжено, догоняло батарею.

Совокупные действия разных родов оружия. В общем составе действующей армии было принято иметь: при каждой пехотной дивизии в 16 батальонов бригаду артиллерии из четырех батарей, что составляло по три

орудия на батальон; к кавалерийским дивизиям придавалось по две батареи конной артиллерии, т. е. по четыре орудия на полк.

Боевые порядки пехоты с пешей артиллерией. При действиях пехоты с артиллерией, батареи боевой линии ставились впереди 1-й линии пехоты против ее интервалов, но не далее 150 шагов от сомкнутых частей 1-й линии. Во 2-й боевой линии батареи никогда не ставились; в резерв же назначались в зависимости от обстановки и количества артиллерии при отряде. Резервы застрельщиков располагались на флангах батарей, а цепь выдвигалась на 100 шагов перед батареями. Если батальоны строились в ротные колонны, то батареи ставились в интервалы между ними и на высоте их, а цепь высылалась вперед на ту же дистанцию — 100 шагов.

Для дивизии с ее артиллерией было установлено 4 боевых порядка и один резервный¹. *1-й боевой порядок* предназначался для обороны и для тех случаев, когда обстановка не была еще вполне выяснена, и требовалось быть в готовности к перестроениям для всяких случаев. В боевых линиях бригада с двумя батареями; полки бригады становились рядом, каждый в две линии. Два средних батальона 1-й линии в развернутом строе с интервалом между ними в 20 шагов, а два фланговые батальона в колоннах к атаке, на интервалах от средних батальонов в 180 шагов. Батальоны 2-й линии ставились в колоннах к атаке, за соответственными батальонами 1-й линии, в 200 шагах от нее. Другая бригада с двумя батареями ставилась в резервном порядке (в полувзводных колоннах из середины) за серединой 2-й линии, в 400 шагах от нее.

2-й боевой порядок также для начала действий при невыясненной обстановке, когда дивизия должна занять больше фронт, или когда должна начинать бой наступлением, расположение полков в общем также же, но батальоны обеих боевых линий ставились в колоннах к атаке на таких интервалах, чтобы, если их развернуть, интервалы между ними получились бы в 180 шагов. В интервалах между батальонами ставились 3 батареи.

3-й боевой порядок для тех случаев, когда при выяснившихся обстоятельствах нет надобности в сильном резерве, и притом нужно занять большой фронт. В боевых линиях ставилось три полка рядом. В 1-й линии батальоны в развернутом строе, кроме фланговых, которые в колоннах к атаке. Между батальонами каждого полка 1-й линии интервалы в 180 шагов, против которых ставились батареи. Полк резерва в одну линию, в полувзводных колоннах из середины.

4-й боевой порядок для удара в штыки, как при наступлении, так и при обороне. В боевой линии три полка и все батальоны в колоннах к атаке. За каждым батальоном 1-й линии ставились во 2-й линии два батальона. Третий полк строился в одну линию за средними батальонами 1-й линии. Расстояния между двумя боевыми линиями — 100 шагов, а между 2-й линией и резервом — 300 шагов.

¹ Ниже приведены боевые порядки для дивизий, состоящих из 4-батальонных полков. Дивизии из 3-батальонных полков строились применительно к этому.

Во всех 4 боевых порядках, когда были вызваны застрельщики, батареи боевой линии располагались в 100—200 шагах впереди батальонов 1-й линии; застрельщики резервы становились на флангах батарей, на линии зарядных ящиков. Если застрельщики не были вызваны, то батареи боевой линии, оставаясь на передках, ставились несколько сзади 1-й боевой линии.

Для сосредоточенного расположения дивизии перед боем или в резерве был еще 5-й боевой порядок — резервный. В этом порядке батальоны ставились в полувзводных колоннах из середины. Каждый полк в две линии, младшая бригада впереди старшей, артиллерия за пехотой в дивизионных колоннах из середины. По фронту резервный порядок занимал 235 шагов, а в глубину — 330 шагов.

Боевые порядки кавалерии с конной артиллерией. Для совокупных действий кавалерии с конной артиллерией, были установлены, как и для пехоты, нормальные боевые порядки. Для кавалерийской дивизии с двумя конными батареями было три уставных боевых порядка и один резервный. На основании этих правил строились бригады и полки, имевшие при себе артиллерию. Разные роды кавалерии — легкая, драгуны и кирасиры строились в каждом боевом порядке иначе, что вызывалось разным числом эскадронов в полках. Артиллерия, назначенная в боевые линии, ставилась побатарейно впереди 1-й линии или против середины ее, или на флангах; в последнем случае для прикрытия ее, на наружных флангах батарей ставились всегда во взводных колоннах фланкерные, пикинерные, а в кирасирских полках фланговые эскадроны 1-й линии.

*1-й боевой порядок*¹ назначался для тех случаев, когда обстановка не была еще вполне выяснена, и дивизия должна быть готова или к увеличению числа линий, или к удлинению фронта. Во всех дивизиях, кроме драгунских, бригада боевой линии строилась в две линии, полк за полком; резерв в 300 шагах за серединой 2-й линии в полковых эскадронных колоннах. Батарея 1-й линии в 200 шагах перед нею, прикрытая фланкерами; другая батарея в резерве, в колонне из середины. В драгунских дивизиях бригада боевой линии строилась в 4 линии, полк за полком, каждый полк в две линии. В кирасирских дивизиях обе батареи ставились на флангах 1-й линии, впереди ее, в 50 шагах.

2-й боевой порядок для тех случаев, когда требовался более длинный фронт, и когда имелись в виду действия не столько решительные, сколько замедляющие, и когда в резерве имелись другие войска.

Все дивизии, кроме драгунских, располагались также в две линии, но без резерва. В 1-й линии два полка бригады ставились рядом в развернутом фронте; во 2-й линии также два полка — в колоннах к атаке. Драгунские дивизии строились в две линии с резервом. Во всех дивизиях — батареи на флангах обеих линий.

¹ Подробнее описаны боевые порядки легкой кавалерийской дивизии как более типичные.

3-й боевой порядок — для усиленного наступления в определенном направлении.

Все дивизии ставились в четыре линии. В легких и кирасирских дивизиях каждая линия состояла из одного полка. В драгунских дивизиях одна бригада — в двух первых линиях, другая — в 3-й и 4-й; один полк составлял правую, а другой — левую половину обеих линий.

Артиллерия во всех дивизиях на обоих флангах 1-й линии.

Действия в боевых порядках состояли в подготовке атаки артиллерийским огнем и в атаках кавалерии. Наступление и отступление производилось всей линией боевого порядка, уступами или шахматами.

При наступлении на кавалерию конная артиллерия выезжала на первую позицию возможно ближе к противнику, ибо большей частью это была и ее последняя позиция. При действиях против пехоты, не имевшей при себе артиллерии, весь боевой порядок подходил сразу на картечный выстрел; когда же у неприятельской пехоты была и артиллерия, тогда, имея в виду превосходство пешей артиллерии перед конной, принято было за правило вести атаку во фланг. Если артиллерия до начала движения не была выдвинута вперед на позицию, то при наступлении батареи двигались в 100 шагах за 1-й линией, а при отступлении, — в таком же расстоянии впереди 1-й линии. Если же артиллерия была на позиции и стреляла, то, когда кавалерия начинала движение в атаку, батареи учащали огонь и стреляли, пока 1-я линия не заслоняла их.

При отступлении батареи двигались вместе с боевой линией, пока последняя не останавливалась, после чего выезжали на позицию для стрельбы.

Смена боевых линий делалась большей частью вместе с расположенными в них батареями; но в некоторых случаях батареи не сменялись.

Расположение на отдых. Так как в снаряжении солдата не было носимых походных палаток, то войска располагались биваком или под открытым небом, или в шалашах, устраиваемых людьми из подручных материалов. Батальоны ставились на биваке в колоннах к атаке, разомкнутых на 20 шагов, за линиями ружейных козел или же на линии их, 1-й полубатальон вправо, а 2-й влево от козел, что делалось для удобства разбивки шалашей. Кавалерия становилась в эскадронных колоннах, имея коновязи перед каждым эскадроном, параллельно фронту. Парк батареи ставился впереди, имея орудия в одну линию, за ними передки, зарядные ящики и повозки обоза; коновязи разбивались перпендикулярно к фронту, люди помещались вдоль коновязей.

Меры охранения войск, при расположении их вблизи неприятеля назывались аванпостами или передовыми постами. На аванпосты назначалась преимущественно кавалерия, а из кавалерии — легкая и особенно казаки.

Аванпосты состояли из непрерывной цепи парных часовых; кавалерийские посты назывались ведетами. Ведеты выставлялись в четырех

верстах, а пехотная цепь в двух верстах от охраняемых войск. В пехотной цепи пара от пары ставилась обыкновенно не далее 150—200 шагов; расстояние между ведетами делалось до 500 шагов.

В пехотной цепи за каждым 7—8 парами, в 500 шагах за ними, ставились «пикеты», составлявшие род резерва цепи. Пикеты и соответствующие им пары выставлялись от одного взвода. За каждым двумя пикетами, также в 500 шагах, располагался главный караул в составе целого взвода. Для занятия аванпостов роты перестраивались в ротные колонны (на три взвода), и каждая выставляла один главный караул, два пикета и посты, занимая около 1 версты.

Кавалерийские пикеты ставились за каждым 3—4 ведетами, главные караулы — за двумя пикетами; расстояния между линией ведетов и пикетами и между линией пикетов и главными караулами — 1000 шагов. Эскадрон выставлял один главный караул в составе полуэскадрона, два пикета по взводу и от них — ведеты; занимал 2—3 версты.

Пары часовых и ведеты сменялись в цепи через каждые 2 часа из пикетов, которые рассчитывались для этого на три смены как караулы; одна смена стояла на постах, а две остальные составляли пикет. Казаки выставляли аванпосты иначе, почти совершенно так, как несется служба на передовых постах теперь всеми войсками. Посты составлялись из 3—4 человек и оставались на месте бессменно целые сутки, выставляя от себя часового; назывались «бекетами». За цепью бекетов, в версте от них располагались «заставы» из 6—10 человек, служившие не для смены часовых цепи, а местом сбора ее.

В версте за линией застав располагались остальные люди сотни в виде резерва. Сотня занимала до пяти верст. Служба в цепи и действия всех частей аванпостного расположения, как пехотного, так и кавалерийского, в общем были те же, что и теперь. Разъезды и патрули высылались для связи, для освещения местности и для сбора сведений о неприятеле. Разъезды были ближние, высылаемые на 1—3 версты вперед, составлявшиеся из 3—4 человек, и дальние, высылавшиеся на 15 и более верст в составе до целых взводов.

При значительном удалении цепи выставлялся резерв передовых постов; для занятия особо важных пунктов — ставились отдельные пикеты и оборонительные посты.

При расположении войск вдаль от неприятеля (более одного перехода) вместо непрерывной аванпостной цепи выставлялись отдельные кавалерийские пикеты, которые при своем расположении соблюдали те же правила, как и пикеты, выставляемые при охранении войск вблизи противника. Выдвигались они вперед гораздо дальше на пути вероятного наступления неприятеля, а при значительном их удалении, для подкрепления их, выставлялись особые резервы.

Сторожевая и разведывательная служба была в забросе; как в кавалерии, так и в пехоте ею мало занимались в мирное время, и ей придавалось недостаточно значения на войне.

В регулярной кавалерии считалось, что ее назначение во время боя только атаковать противника. Вся тяжесть сторожевой и разведывательной службы возлагалась на казаков, и даже в походах к регулярным кавалерийским полкам почти всегда придавались казаки для разведывания противника¹.

В пехоте, по словам бывшего генерал-квартирмейстера Крымской армии, генерал-майора Герсегонова, «случалось даже, что некоторые батальонные командиры не ясно сознавали различие цепи боевой от охранительной и на ночь для охранения бивака или лагеря, вместо охранительной цепи, где люди располагаются от 100 до 200 шагов один от другого, ставили боевую цепь, в коей пары отстоят одна от другой на 8—15 шагов, и, выводя на ночь людей в десять раз более, чем следует, без нужды изнуряли их»².

Походные движения

В пехоте для походных движений употреблялись чаще колонны шестирядные и по отделениям; батальон в этих колоннах занимал в глубину 180 шагов.

Эскадрон в колонне по шести занимал в глубину 100 шагов; батареи в колонне в 1 орудие со всеми зарядными ящиками занимали: легкие — 350 шагов, батарейные пехотные и конные легкие — 500 шагов, конно-батарейные — 600 шагов.

В общих колоннах пехоты с артиллерией, последняя размещалась побатарейно между батальонами тех полков, с которыми должна была строиться в боевой порядок. Конные батареи ставились между полками.

Для охранения походного движения от главных сил высылались: авангард, передовой и боковые отряды. Сила и удаление авангарда зависели от числа войск и назначения его (от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ ч.). В передовой и боковые отряды назначались преимущественно небольшие части кавалерии; передовой отряд двигался впереди колонны главных сил, в 1—2 верстах, т. е. между главной колонной и авангардом; боковые отряды шли по дорогам. Авангард выделял от себя головной отряд на 2—4 версты, силой от $\frac{1}{2}$ эскадрона до дивизиона, и на все боковые дороги, по которым идут колонны главных сил, — боковые отряды, которые двигались на одной высоте с головным. От всех этих отрядов высылались разъезды вперед и в стороны. Арьергард шел за обозами 2-го разряда.

Обоз 1-го разряда (лазаретные повозки и аптечные фуры) шел при своих частях; обоз 2-го разряда (патронные ящики, артельные повозки, офицерские выюки, инструментальные фуры, ящик с делами и денежный) следовал верстах в пяти за колонной. Обоз 3-го разряда — в нескольких переходах. Обоз 2-го разряда занимал в глубину столько же, сколько и сами войска.

¹ Петров. Русская военная сила, 1892.

² Герсегонов. О причинах тактического превосходства французов в кампании 1855—1856 гг.

Отчет о стрельбе в цель с судов на Севастопольском рейде, 16—25 Октября 1852 г.

Дата	Название судов	Название батарей	Род орудий	Расстояние до щита, сажени	Сколько сделано выстрелов	Попало в яблоко	Попало в щит	Попало в вал
16	84-пушечный корабль «Ростислав» ¹⁾	Гон-дек Опер-дек Открытая бат.	36 ф. дл. пушки 36 ф. короткие 24 ф. пуш. кар.	400 400 400	84	2	22	20
17	84-пушечный корабль «Гавриил»	Гон-дек Опер-дек Открытая бат.	36 ф. дл. пушки 36 ф. короткие 36 ф. карронад.	400 400 400	62	4	32	15
19	120-пуш. кор. «Двенадцать Апостолов» ²⁾	Гон-дек Мидель-дек Опер-дек Открытая бат.	68 ф. бомбовая 36 ф. дл. пушки 36 ф. пуш. кар. 36 ф. короткие 24 ф. пуш. кар.	350 350 350 350 350	124	6	82	24
20	60-пуш. фрег. «Кулевич»	Гон-дек Открытая бат.	24 ф. дл. пушки 24 ф. пуш. кар.	300 300	52	4	28	15
21	52-пуш. фрег. «Коварна»	Гон-дек Открытая бат.	24 ф. дл. пушки 24 ф. пуш. кар.	300 300	52	3	16	25
22	44-пуш. фрег. «Кагул»	Гон-дек Открытая бат.	24 ф. дл. пушки 24 ф. пуш. кар.	300 300	132	5	65	32
22	60-пуш. фрег. «Мидия»	Гон-дек Открытая бат.	24 ф. дл. пушки 24 ф. пуш. кар.	300 300	168	2	118	15
	120-пушечный корабль «Париж»	Гон-дек Мидель-дек Опер-дек Открытая бат.	68 ф. бомбовая 36 ф. дл. пушки 36 ф. короткие 24 ф. пуш. кар.	350 350 350 350	124	5	44	43

Примечания:

Вал устроен был высотой в 5, а длиной в 15 саж., а мишень — длиной 3, а высотой 2 саж.

¹⁾ Стрельба производилась при сильной диагональной качке.

²⁾ Стрельба производилась при легкой боковой качке.

Приложение № 188

Состав русского флота в 1853 году ¹⁾

В таблице дано общее количество судов Императорского флота
в 1853 году

	Могущих быть под парусами и под парами				Старых и тимберующихся		
	Число судов	На них:			Число судов	На них:	
		Орудий	Паровых сил	Тонн		Орудий	Тонн
По Балтийскому ведомству							
Кораблей	25	2077	—	—	6	500	—
Тимберующихся	—	—	—	—	2	152	—
Фрегатов	7	324	360	—	5	220	—
Тимберующихся	—	—	—	—	1	44	—
Пароходо-фрегатов ²⁾	11	105	3680	—	—	—	—
Итого	43	2506	4040	—	14	916	—
<i>Судов меньших рангов:</i>							
Корветов	1	32	—	—	2	46	—
Бригов	4	80	—	—	6	120	—
Шхун	7	96	—	—	—	—	—
Люгер	1	14	—	—	—	—	—
Яхт (люгеров)	—	—	—	—	2	24	—
Тендеров	2	20	—	—	2	20	—
Итого	15	242	—	—	12	210	—

	Могущих быть под парусами и под парами				Старых и тимбе- рующихся		
	Число судов	На них:			Число судов	На них:	
		Орудий	Паровых сил	Тонн		Орудий	Тонн
Малых пароходов	12	74	962	—	—	—	—
Судов Гвардейского экипажа (в том числе 3 парохода)	10	48	221	—	—	—	—
Транспортов	7	42	—	2747	4	24	1422
Фрегатов учебных заведений	4	96	—	—	1	24	—
Гребной флот	64	130	—	—	—	—	—
Ластовых	51	—	—	—	—	—	—
Итого	148	390	1183	2747	5	48	1422
<i>Во флотилиях:</i>							
Архангельской (в том числе 2 парохода)	9	40	120	460	—	—	—
Каспийской (в том числе 8 пароходов)	30	73	610	—	—	—	—
Камчатской (в том числе винтовая шхуна)	10	62	40	1100	—	—	—
Итого	49	175	770	1560	—	—	—
Всего в Балтийском ведомстве	255	313	5993	4307	31	1174	1422
<i>Сверх сего на стапелях:</i>							
Кораблей	1	84	500	—	—	—	—
Фрегатов	2	88	720	—	—	—	—
Пароходов	2	8	130	—	—	—	—
Транспортов	2	12	—	1177	—	—	—
Итого	7	192	1350	1177	—	—	—

	Могущих быть под парусами и под парами				Старых и тимбе- рующихся		
	Число судов	На них:			Число судов	На них:	
		Орудий	Паровых сил	Тонн		Орудий	Тонн
По Черноморскому ведомству							
Кораблей	14	1410	—	—	3	252	—
Фрегатов	7	376	—	—	—	—	—
Паровых фрегатов	7	45	1960	—	—	—	—
Итого	28	1831	1960	—	3	252	—
<i>Судов меньших рангов:</i>							
Корветов	5	90	—	—	—	—	—
Бригов	12	166	—	—	—	—	—
Шхун	6	80	—	—	—	—	—
Тендеров	7	42	—	—	3	34	—
Яхт	2	20	—	—	—	—	—
Итого	32	398	—	—	3	34	—
Транспортов	28	156	—	10 432	7	42	766
Бомбардирское судно	1	10	—	—	—	—	—
Малых пароходов	21	78	2018	—	—	—	—
Гребной флот	33	99	—	—	—	—	—
Ластовых	35	—	—	—	—	—	—
Итого	118	343	2018	10 432	7	42	766
Всего в Черноморском ведомстве	178	2572	3978	10 432	13	328	766
<i>Сверх сего на стапелях:</i>							
Кораблей	2	266	—	—	—	—	—

¹⁾ Ведомость взята из Всепод. отчета Вел. Кн. Константина Николаевича за 1853 год. Арх. Морск. мин., Канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 16.

²⁾ В том числе «Владимир» почтового ведомства.

**Ведомость главных размеров и элементов пароходо-фрегатов
Балтийского и Черноморского флотов, состоявших на действитель-
ной службе во время Крымской войны¹**

ПАРОХОДО- ФРЕГАТЫ	Год спуска на воду	Главные размерения				Водоизмещение, т
		Длина между пер- пендикулярами	Ширина с обшивкой	Углубление		
				Но- сом	Кор- мой	
<i>В Балтийском флоте:</i>		ф. д.	ф. д.	ф. д.	ф. д.	
«Богатырь»	1835	186 0	32 9	13 6	14 2	1342
«Камчатка»	1840	210 0	36 11	17 8	17 8	2124
«Отважный»	1843	185 0	33 10	14 11	15 2	1450
«Смелый»	1844	198 0	34 0	15 4	—	1504
				среднее		
«Храбрый»	1844	185 0	33 2	14 11	15 2	1405
«Грозящий»	1844	190 0	36 0	13 9 ¹ / ₄	13 6	1500
«Владимир» (жел.)	1845	187 0	29 0	13 6	13 6	1215
«Гремящий»	1851	190 0	36 0	13 6	13 6	1501
«Рюрик»	1852	185 0	33 10	13 9 ¹ / ₄	13 9 ¹ / ₄	1507
«Олаф»	1852	198 0	36 2	15 4	15 4	1796
<i>В Черноморском флоте:</i>						
«Херсонес»	1843	175 0	31 10	—	—	—
«Бессарабия»	1843	180 0	31 0	—	—	—
«Крым»	1843	157 0	31 10	—	—	—
«Громоносец»	1843	180 0	31 0	—	—	—
«Одесса»	1843	175 0	31 10	—	—	—
«Эльборус»	1848	180 0	28 0	—	—	—
«Владимир»	1848	200 0	34 11	—	—	—
«Корнилов»	1853	—	—	—	—	—

¹ Позаимствовано из ст. П. Мордовина «Русское военное судостроение» (Морской сб., 1880, т. CLXXX, кн. 10, С. 71—73).

ПАРОХОДО- ФРЕГАТЫ	Артиллерия			Сила машины	Скорость хода	Стоимость	
	Число орудий	Калибр орудий				Корпу- са	Ма- шины
<i>В Балтийском флоте:</i>		ф. бомб. п.			узлы.	рубли	рубли
«Богатырь»	8	6—30	2	240	8	—	—
«Камчатка»	16	12—24	4	540	10	736.766	736.766
«Отважный»	10	8—24	2	300	8½	159.810	93.600
«Смелый»	19	14—36	5	450	9½	236.293	134.622
«Храбрый»	10	8—24	2	300	8½	209.966	93.600
«Грозящий»	8	4—24	4	400	9	172.144	140.246
«Владимир» (жел.)	5	4—24	1	350	10½	68.138	52.500
«Гремящий»	9	2—36	3	400	11	177.144	93.600
	6	4—24	3				
«Рюрик»	18/	6-бомбич.		400	10	240.000	240.000
«Олаф»	109	10—36	4	400/	11	158.724	118.062
		4—24	4	3780			
<i>В Черномор- ском флоте:</i>							
«Херсонес»	6	—		260	—	—	—
«Бессарабия»	6	—		260	—	—	—
«Крым»	6	—		260	—	—	—
«Громоносец»	6	—		260	—	—	—
«Одесса»	6	—		260	—	—	—
«Эльборус»	6	—		260	—	—	—
«Владимир»	9	—		400	—	—	—
«Корнилов»	10	—		230	—	—	—

Примечание:

Черноморские пароходо-фрегаты до Синопского боя были вооружены двумя 84-фунтов. бомбическими пушками и четырьмя пушко-карронадами каждый; после Синопского боя артиллерию каждого из них увеличили еще шестью 24-фунтов. пушко-карронадами.

Сравнительная ведомость главных размерений и элементов русских, английских и французских парусных кораблей и фрегатов, по их рангам, построенных до Крымской войны ¹

А. Сравнительная ведомость главных размерений и элементов некоторых Балтийского и Черноморского флота парусных кораблей и фрегатов

Флот	Названия судов	Число орудий	Главные размерения			
			Водоизмещение	Длина между перпендикулярами	Ширина с обшивкой	
	<i>Корабли</i>			ф. д.	ф. д.	
Балт.	«Россия»	120	4904	208	—	55 4
Черн.	«Три святителя»	120	4913	208	—	56 8
Балт.	«Император Петр I»	110	4413	198	—	52 8
Балт.	«Андрей»	84	3500	196	—	51 6
Черн.	«Ростислав»	84	3585	196	—	55 0
Балт.	«Прохор»	84	3526	196	—	51 6
Черн.	«Императрица Мария»	84	—	200	—	56 8
Балт.	«Память Азова»	74	3370	178	—	48 —
	<i>Фрегаты</i>					
Балт.	«Вилагош»	60	3005	183	—	без. общ. 48 10
Черн.	«Кулевчи»	60	2310	174	6	48 9
Балт.	«Диана»	52	2051	173	3	без. общ. 48 8
Черн.	«Коварно»	52	2310	174	6	48 9
Балт.	«Кастор»	44	1974	159	3	41 6
Черн.	«Флора»	44	1787	166	6	45 5

¹ Морск. Сборн., 1880 г., кн. 8. «Русск. военн. судостр.» П. Мордвина.

Флот	Названия судов	Главные размерения		Год спуска на воду	Когда тимберован	Стоимость постройки корпуса		
		Углубление						
		Носом	Кормой					
	<i>Корабли:</i>	ф.	д.	ф.	д.	рубли		
Балт.	«Россия»	23	7	24	7	1839	–	549 000
Черн.	«Три святителя»	24	6	25	0	1838	1852	354 200
	«Император							
Балт.	Петр I»	22	0	23	5	1829	1850	423 923
Балт.	«Андрей»	21	8	22	11	1844	–	333 850
Черн.	«Ростислав»	23	0	24	0	1844	–	–
Балт.	«Прохор»	20	9	22	6	1851	–	335 647
	«Императрица							
Черн.	Мария»	–		–		1853	–	–
Балт.	«Память Азова»	19	1	20	9	1848	–	273 495
	<i>Фрегаты</i>							
Балт.	«Вилагош»	19	1	20	9	1851	–	215 300
Черн.	«Кулевчи»	21	0	21	0	1847	–	177 977
Балт.	«Диана»	19	7	20	7	1852	–	161 123
Черн.	«Коварно»	21	0	21	0	1845	–	–
Балт.	«Кастор»	17	6	18	6	1831	1849	138 502
Черн.	«Флора»	19	6	19	6	1839	–	–

Примечание

Парусные корабли и фрегаты Балтийского флота показаны из числа тех, которые участвовали в течение Крымской войны в обороне Кронштадта и Свеаборга, а из черноморских судов – некоторые представители Синопского сражения и обороны Севастополя.

В. Сравнительная ведомость главных размерений и элементов английских и французских парусных кораблей и фрегатов, по их рангам

РАНГ СУДОВ	Длина по гондеку	Ширина с обшивкой	Углубление		Полное водоизмещение, т
			Носом	Кормой	
Английский 120-пушечный корабль	204 _{,99}	54 _{,43}	24 _{,57}	26 _{,57}	4665
Французский 120-пушечный корабль	209 _{,5}	55 _{,31}	24 _{,96}	26 _{,73}	5018
Английский 80-пушечный корабль	196 _{,13}	52 _{,03}	21 _{,72}	25	3625
Французский 80-пушечный корабль	196 _{,24}	51 _{,89}	22 _{,4}	25 _{,03}	3704
Английский 74-пушечный корабль	175 _{,98}	48 _{,16}	20 _{,9}	23 _{,78}	3043
Французский 74-пушечный корабль	183 _{,28}	49 _{,17}	20 _{,92}	23 _{,22}	2966
Французский 60-пушечный фрегат	178 _{,11}	47 _{,57}	19 _{,98}	21 _{,61}	2582
Французский 52-пушечный фрегат	172 _{,07}	45 _{,21}	—	—	2303
Английский 52-пушечный фрегат	171 _{,98}	44 _{,16}	19 _{,42}	19 _{,24}	2186
Французский 44-пушечный фрегат	153 _{,99}	40 _{,02}	—	—	1478

Примечание

Здесь показаны английские и французские парусные корабли и фрегаты из числа тех, которые около 1835 г. участвовали в соединенном плавании в Атлантическом океане, причем значительное превосходство по морским качествам оказалось на стороне английских судов.

Собственноручная черновая записка великого князя Константина Николаевича государю Николаю Павловичу о причинах плохого состояния Балтийского флота¹

Примерно август 1854 года

Ваше Императорское Величество изволили замечать в последнее время на судах Балтийского флота неисправности по материальной части и незнание морского дела и приказывали мне разобрать причины этого и взыскать с виновных.

По внимательном обсуждении этого предмета со многими опытными адмиралами я считаю себя обязанным представить Вашему Императорскому Величеству по сему поводу некоторые соображения собственно о Балтийском флоте.

Помянутые неисправности и незнание морского дела происходят не по вине нескольких частных лиц, которых следовало бы наказать и тем прекратить упущения, но от других коренных общих причин, а именно:

1) конечно, суда Балтийского флота вообще в материальном отношении хуже судов черноморских, но надобно знать, что в последние 20 лет на Черноморский флот сравнительно с Балтийским отпускалось денег в полтора раза более, и что по сему на каждую вещь черноморское ведомство имело на 50 % более против балтийского, а следовательно, и вещи могли иметь лучшего качества. Поэтому, чтобы иметь в Балтийском флоте суда равнокачественные с черноморскими, необходимо или уменьшить нынешнее число балтийских судов, или увеличить годовой бюджет Морского министерства по Балтийскому флоту;

2) здешние мастера изготовляют все корабельные принадлежности хуже черноморских, но они учились на своих заводах, работают по привычке и лучшей работы никогда не видывали, тогда как из Черного моря покойный адмирал Лазарев посылал постоянно мастеров за границу учиться на лучших тамошних заводах, чтоб приготовить здесь хороших мастеров; надобно следовать той же системе;

3) многие морские офицеры и команды не имеют надлежащей опытности и знания дела, но это потому, что они бывают в море слишком короткое время, а морская служба требует долговременной практики, и чтоб иметь хороших морских офицеров, надобно посылать постоянно эскадры в море на несколько лет. В Черном море крейсерство у абхазских берегов и очередное постоянное плавание нескольких судов в Средиземном море доставляло необходимую практику. Здесь же ежегодное плавание в Финском заливе в продолжение нескольких недель только уменьшает охоту к морской службе, но пользы не приносит.

¹ Архив Морск. мин., канц. ген.-адм., 1854 г., д. № 18.

В заключение я считаю себя обязанным доложить еще следующее: 1) чины Балтийского флота, сравнительно со всеми другими отраслями государственной службы и с моряками других наций, работают гораздо более, и служба их несравненно тяжела, ибо, хотя они мало бывают в море, но вооружают и разоружают судов большое количество (обыкновенно две, а ныне даже три дивизии). Известно, что именно эта работа тяжела, и в иностранных флотах корабль вооружается на несколько лет. Доказательством тяжести службы в Балтийском флоте служит то, что здесь умирают и бывает больных в 15—20 раз более, чем на наших судах во время кругосветных плаваний и службы; 2) морские офицеры наши, несмотря на крайнюю тягость их, получают весьма малое вознаграждение и отличаются необыкновенной умеренностью в частной жизни и честностью. Через 35 лет непрерывной службы достается им в контр-адмиралы, и в этом звании у весьма немногих достает денег, чтоб держать пару лошадей и скудный экипаж.

Серебряные ножи и вилки между моряками большая редкость. Мебель, убранство комнат и образ жизни самые простые и бедные, и нельзя назвать ни одного морского офицера, который составил бы себе на службе состояние, тогда как в других отраслях государственной службы лица и не в генеральских чинах живут в достатке и часто роскошно, наживают дома и деревни и оставляют имения детям.

По всему этому я осмеливаюсь всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество обратить на Балтийский флот взгляд милостивый и снисходительный.

1. Распределение судов Балтийского флота по дивизиям, с указанием экипажей, к которым суда приписаны ¹⁾
(к январю 1853 года)

Эска- дры	Экипа- жи	Ранги	Корабли	Роты	Стан- ции	Ранги	Пароходные и парусные фрегаты	Роты	Стан- ции
<i>1-я флотская дивизия (в Кронштадте)</i>									
1-я эскадра	1	74	«Березино»	2 ¹ / ₄	Крн.	52	«Диана»	1 ¹ / ₂	Крн.
	2	84	«Красной»	2 ¹ / ₂	Крн.				
	3	74	«Бриен»	2 ¹ / ₄	Крн.	540 сил 400	Парох.-фрег. «Камчатка» Парох.-фрег. «Олаф»	⁵ / ₈ ⁵ / ₈	Крн. Гельс.
2-я эскадра	4	74	«Фершампенуаз»	2 ¹ / ₄	Крн.				
	5	110	«Имп. Петр I»	3	Крн.	44	«Амфитрида»	1 ¹ / ₄	Крн.
	6	74	«Бородино»	2 ¹ / ₄	Крн.	300 сил	Парох.-фрег. «Отважный»	¹ / ₂	Крн.
3-я эскадра	7	74	«Смоленск»	2 ¹ / ₄	Крн.				
	8	84	«Эмгейтен»	2 ¹ / ₂	Крн.				
	9	74	«Нарва»	2 ¹ / ₄	Крн.	44	«Константин»	1 ¹ / ₄	Крн.
<i>2-я флотская дивизия (в Ревеле и Свеаборге)</i>									
1-я эскадра	10	74	«Ингерманланд»	2 ¹ / ₄	Свб.	44	Фр.-пар. «Палкан» стр.	1 ¹ / ₂	Арх.
	11	84	«Имп. Александра»	2 ¹ / ₂	Свб.				
	12	74	«Память Азова»	2 ¹ / ₄	Свб.	400 сил.	Парох.-фрег. «Грозный»	¹ / ₂	Крн.
2-я эскадра	13	74	«Сысой Великий»	2 ¹ / ₄	Свб.	44	«Церера»	1 ¹ / ₄	Свб.
	14	110	«Св. Георг.						
	15	74	Победоносец»	3	Рев.	44	«Король Нидерландский»	1 ¹ / ₂	Крн.
			«Вилагош»	2 ¹ / ₄	Рев.				
3-я эскадра	16	74	«Кульм»	2 ¹ / ₄	Рев.	300 сил	Парох.-фрег. «Храбрый»	1 ¹ / ₂	Крн.
	17	84	«Не тронь меня»	2 ¹ / ₂	Рев.				
	18	84	«Андрей»	2 ¹ / ₂	Рев.	44	«Цесаревна»	1 ¹ / ₄	Рев.

Эскадры	Экипажи	Ранги	Корабли	Роты	Станции	Ранги	Пароходные и парусные фрегаты	Роты	Станции
<i>3-я флотская дивизия (в Кронштадте)</i>									
1-я эс- кадра	19	84	«Владимир» «Полтава»	2 1/2	Крн.	44	«Аврора»	1 1/2	Крн.
	20	84		2 1/2	Крн.	Арх.	Парох.-фрег. «Смелый»	5/8	Крн.
	21	74				сил			
2-я эс- кадра	22	74	«Арсис» «Россия» «Иезекииль»	2 1/4	Крн.	400	Парох.-фрег. «Гремящий»	1/2	Крн.
	23	120		3	Крн.		«Цесаревич»	1 1/4	Крн.
	24	74		2 1/4	Крн.	44			
3-я эс- кадра	25	74	«Кацбах» «Прохор» «Финланд»	2 1/4	Крн.	240	Парох.-фрег. «Богатырь»	1/2	Крн.
	26	84		2 1/2	Крн.	сил.			
	27	74		2 1/4	Крн.	300	Парох.-фрег. «Рюрик»	1/2	Або.

Эскадры	Экипажи	Ранги	Корветы и брига	Роты	Станции	Ранги	Шхуны, люгеры, тендеры и мелкие паракходы	Роты	Станции	Тонны	Военные транспорты	Роты	Станции	За расход
<i>1-я флотская дивизия (в Кронштадте)</i>														
1-я эскадра	2	20	Бриг «Диомид» Бриг «Ангелор»	$\frac{1}{2}$ $\frac{1}{2}$	Крн. Крн.	30 сил.	Мал. парох. «Фонтанка»	$\frac{1}{4}$	Слб.	160	«Молога»	$\frac{1}{8}$	Крн.	—
2-я эскадра	3	20				80	Мал. парох. «Ладога»	$\frac{1}{4}$	Слб.					
	4	36	Корв. «Кн. Варшавский»	$1 \frac{1}{2}$	Крн.	16	Шхуна «Дождь»	$\frac{1}{4}$	Крн.					
3-я эскадра	5					12	Люгер «Орансенбаум»	$\frac{1}{8}$	Слб.					
	7					12	Тендер «Снапп»	$\frac{1}{8}$	Крн.					
	8	20	Бриг «Агамемнон» Бриг «Улисс»	$\frac{1}{2}$ $\frac{1}{2}$	Крн. Крн.	100 сил. 14	Мал. парох. «Ижора» Шхуна «Радуга»	$\frac{1}{8}$ $\frac{1}{4}$	Иж. Крн.	655	«Америка»	$\frac{3}{8}$	Крн.	—

Эскадры	Экипажи	Ранги	Корветы и брига	Роты	Станции	Ранги	Шхуны, люггеры, тендеры и мелкие паракходы	Роты	Станции	Тонны	Военные транспортные	Роты	Станции	За расход
<i>2-я флотская дивизия (в Ревеле и Свеаборге)</i>														
1-я эскадра	10					60	Мал. парох. «Быстрый»	$\frac{1}{8}$	Охт.	525	«Волга»	$\frac{3}{8}$	Свб.	—
	11	20	Бриг «Приам»	$\frac{1}{2}$	Крн.	60	Мал. парох. «Усердный»	$\frac{1}{8}$	Спб.					
	12					сил. 14	Шхуна «Стрела»	$\frac{1}{4}$	Спб.					
2-я эскадра	14	200	Парох. «Геркулес»	$\frac{1}{2}$	Крн.	12	Люгер «Петергоф»	$\frac{1}{8}$	Спб.					
						12	Тендер «Лебедь»	$\frac{1}{8}$	Рев.					
3-я эскадра	16					60	Мал. парох. «Надежда»	$\frac{1}{8}$	Спб.	655	«Або»	$\frac{3}{8}$	Рев.	—
						сил. 16	Шхуна «Метеор»	$\frac{1}{4}$	Рев.	300	«Волхов»	$\frac{1}{4}$	Рев.	—
	17	20	Бриг «Филоктет»	$\frac{1}{2}$	Крн.									
	18	20	Бриг «Парис»	$\frac{1}{2}$	Рев.	80	Мал. пар. «Гр. Вронченко»	$\frac{1}{8}$	Спб.					

Эскадры	Экипажи	Ранги	Корветы и брига	Роты	Станции	Ранги	Шхуны, люгеры, тендеры и мелкие паракходы	Роты	Станции	Тонны	Военные транспортные	Роты	Станции	Запасы
3-я флотская дивизия (в Кронштадте)														
1-я эскадра	19	20	Бриг «Палинур»	1/2	Крн.	350	Почт. парох. «Владимир» Шхуна «Грал»	1/8 1/4	Крн. Крн.	300 522	«Пинега» «Свирь»	1/4 3/8	Свб. Крн.	1/4
2-я эскадра	21	22	Корвет «Наварин»	5/8	Крн.	16	Тендер «Когчик» Люгер «Стрельна»	1/8 1/8	Крн. Крн.	522	«Тверца»	3/8	Крн.	1 1/4 1/8
	23	24				12 14		1/8 1/8	Крн. Крн.					1/8 1/3
3-я эскадра	25					90 10		1/8 1/4	Охт. Крн.					1/8 1/4
	26	20	Бриг «Казарский» Бриг «Аякс»	1/2 1/2	Крн. Крн.	60	Парох. «Тосна» Шхуна «Вихрь»	1/8	Свб.	300	«Печора»	1/4	Крн.	1 1/8
	27						Парох. «Поспешный»	1/8	Свб.					

Сверхштатные корабли, фрегаты и прочие суда, а также и суда, не входящие в состав дивизий

Сверхштатные и строящиеся					
Ран- ги	Сверхштатные	Стан- ции	Ран- ги	Строятся	Стан- ции
	<i>Корабли:</i>			<i>В С.-Петербурге:</i>	
110	«Имп. Александр I»	Крн.	84	Кор. «Орел»	—
84	«Вола»	Крн.	400	Фрег.-парох. «Мария»	—
84	«Лефорт»	Крн.	400	Трансп. «Неман»	—
74	«Вел. Кн. Михаил»	Крн.	40	Парох. «Тосна»	—
74	«Константин»	Крн.	40	Парох. «Нева»	—
74	«Выборг»	Крн.			
	<i>Фрегаты:</i>			<i>В Архангельске:</i>	
44	«Кастор»	Крн.	4	Фрег.-Парох. «Палкан»	—
44	«Прозерпина»	Крн.		Фрег. с двиг. «Илья	
44	«Екатерина»	Крн.	—	Муромец»	—
			—	Шх. «Задорная»	—
	<i>Корвет</i>		—	Трансп. «Гапсаль»	—
26	«Львица»	Крн.			
Гвардейского экипажа			Морского корпуса и 1-го учебного экипажа		
Ран- ги	Фрегаты, пароходы и проч.	Стан- ции	Ран- ги	Фрегаты	Стан- ции
52	Фрег. «Паллада»	Камч.		<i>Фрегаты:</i>	
	<i>Яхты:</i>			Морск. кадетск. корпуса:	
2	Шх. «Королева Виктория»	Крн.			
—	Шх. «Волна»	Спб.	24	«Надежда»	Спб.
12	Яхта «Дружба»	Спб.	24	«Верность»	Спб.
12	Люг. «Нева»	Спб.	24	«Постоянство»	Спб.
4	Тенд. «Костя»	Крн.	24	«Отважность»	Спб.
	<i>Буера:</i>			1-го учебного экипажа:	
—	Голландский № 1	—			
—	Голландский № 2	—	24	«Успех»	Крн.
	<i>Пароходы:</i>				
140	«Александрия»	Спб.			
70	«Невка»	Спб.			

ПРИ ПОРТАХ								
Ран- ги	Яхты, лоц-суда и трансп.		Стан- ции	Ранги	Пассажиботы, брандв. и маяки		Стан- ции	
	<i>Яхты:</i>				<i>Пассажиботы:</i>			
2	С. «Затяя»		Спб.	—	«Струя»		—	
2	Шх. «Опыт»		Крн.	—	«Пеликан»		—	
10	Шх. «Александра»		Рев.	—	«Павлин»		—	
10	Гол. «Голубка»		Рев.					
	<i>Лоц-суда:</i>				<i>Брандвахты:</i>			
—	«Нептун»		Крн.	—	Гол. Бот		Крн.	
—	«Сирена»		Рев.	—	Тенд. «Ученик»		Свб.	
14	«Коммерстракс»		Рев.	—	Барка в Больш. Неве		Спб.	
					Флашхоут для вн. брандв.		Крн.	
	<i>Транспорт</i>				<i>Маяки:</i>			
160	«Ока»		Крн.	—	Больш. невск. фарв.		Спб.	
				—	Елагинского		Спб.	
				—	Лондонский		Крн.	
ПРИ ПОРТАХ			ПАРОХОДЫ					
Ран- ги	Военные	Эки- пажи	Ран- ги	Военные и разн ведомства	Эки- пажи	Ран- ги	Разного ведомства	Эки- пажи
сил.	<i>Фрегатопароходы:</i>		сил.	<i>Малые пароходы:</i>		сил.	<i>С.-Петербургского:</i>	
—	«Илья Муромец»	—	140	«Александрия»	Гв. эк.	70	«Мирный»	Л.
—	«Мария»	—	80	«Ладога»	3	50	Букс. «Ястреб»	Л.
			70	«Невка»	Гв. эк.	60	<i>Свеаборского:</i>	
				<i>Портовые:</i>			«Поспешный»	27
				Кронштадтского:		80	<i>Придворные:</i>	
						52	«Самолет»	—
							«Стрела»	—
			40	«Охта»	2 Л.		<i>Инженерные ведомства:</i>	
			32	«Скорый»	2 Л.			
						100	«Иматра»	—

¹ Арх. Морск. мин. Инсп. деп., I отд., 2-й ст., 1854 г., д. № 68. Морской сборник, 1880 г., д. № 68. Сведения о количестве судов и распределении их по эскадрам крайне разнообразны как по архивным, так и по печатным источникам. Мы помещаем сходные с большинством наиболее достоверных документов.

1. Распределение судов Черноморского флота по дивизиям с указанием экипажей, к которым суда приписаны к 1 января 1853 года)

Эска- дры	Эки- пажи	Ранги	Корабли	Роты	Стан- ции	Ранги	Пароходы, парусные фрегаты и корветы	Роты	Стан- ции
<i>4-я флотская дивизия (в Севастополе)</i>									
1-я эскадра	28 29	84 84	«Варна» «Селафилл»	2 1/2 2 1/2	Сев. Сев.	60 260	Фрег. «Мидия» Парох.-фрег. «Крым» Корв. «Пилад» Фрег. «Кагул»	1 1/2 1/4 5/8 1 1/4	Сев. Сев. Сев. Сев.
2-я эскадра	30 31 32	84 84 120	«Ягудилл» «Храбрый» «Три Святителя»	2 1/2 2 1/4 3 1/4	Сев. Сев. Сев.	44			
3-я эскадра	33 34 35 36	84 84 120 84	«Чесма» «Уриил» «Париж» «Ростислав»	2 1/2 2 1/2 3 1/4 2 1/2	Сев. Сев. Сев. Сев.	20 18 54	Корв. «Ариадна» Корв. «Андромаха» Фрег. «Сизополь»	5/8 5/8 1 1/2	Грец. — —
<i>5-я флотская дивизия (в Севастополе)</i>									
1-я эскадра	37 38 39	84 120 84	«Святослав» «Двенадцать Апостолов» «Авриил»	2 1/2 3 1/4 2 1/2	Сев. Сев. Сев.	18 400 260	Корв. «Орест» Парох.-фрег. «Владимир» Пар.-фрег. «Гомоносец» Фрег. «Мессемврия»	5/8 1/4 3/8 1 1/2	— — — —
2-я эскадра	40 41	84 120	«Имп. Мария» «Вел. Кн. Константин»	2 1/2 3 1/4	Ник. Ник.	60 260 сил.	Фрег. «Бессарабия» Парох.-фрег. «Бессарабия» Корв. «Калипсо»	3/8 5/8 5/8	Сев. — —
3-я эскадра	42 43	84 120	«Трех Иерархов» «Босфор»	2 1/2 —	Сев. Ник.	18 260 44 52 60 260	Парох.-фрег. «Одесса» Фрег. «Флора» Фрег. «Коварна» Фрег. «Кулевчи» Парох.-фрег. «Херсонес»	— 1 1/4 1 1/2 1 1/2 —	— — Сев. Сев. Сев.

Скадры	Экипажи	Ранги	Бриги и шхуны	Роты	Станции	Ранги	Тендеры, яхты и пароходы	Роты	Станции	Тонны	Военные транспор-ты	Роты	Станции
<i>4-я флотская дивизия (в Севастополе)</i>													
1-я эс-кадра	28	60	Пар. шх. «Арго-навт»	—	—	136	Парох. «Могучий»	—	—	250	«Портица»	по 1/8	—
										250	«Аккер-ман»	—	—
										350	«Жилия»	—	—
29						10	Тендер «Поспеш-ный»	1/8	—	650	«Рион»	1/4	—
										286	«Цемес»	—	—
30		16	Шхуна «Гонец»	1/4	—	180	Парох. «Еникале»	—	—	350	«Прут»	1/4	—
2-я эс-кадра	31	16	Бриг «Фемистокл»	1/2	Сев.	120	Парох. «Колхида»	—	—	650	«Дунай»	1/4	Сев.
	32	18	Бриг «Гезей»	1/4	Сев.	90	Яхта «Стрела»	1/8	Сев.	715	«Березань»	1/4	—
	33	18	Бриг «Меркурий»	1/2	—	10	Парох. «Гаганрог»	1/8	—				
						180	Яхта «Орианда»	—	—				
							Яхта «Гамань»	—	—				
	33	12	Бриг «Эндимон»	1/2	—	10	Тендер «Провор-ный»	1/8	—	350	«Соча»	1/4	—
3-я эс-кадра	34	16	Бриг «Ахиллес»	—	—	136	Парох. «Боец»	1/8	—	550	«Днепр»	1/4	—
		12	«Бриг «Язон»	1/2	Сев.	260	Парох. «Эльбурс»	—	—	250	«Лиман»	1/8	—
										116	«Кинбурн»	1/8	—
35		16	Бриг «Эней»	1/2	Сев.	100	Парох. «Дарго»	—	—				
		16	Шхуна «Ласточка»	1/4	Сев.	100	Парох. «Петр Ве-ликий»	—	—	304	«Субаши»	1/8	—
36		16	Шхуна «Опыт»	1/4	—					250	«Ренни»	—	—

Эскадры	Экипажи	Ранги	Бриги и шхуны	Роты	Станции	Ранги	Тендеры, яхты и пароходы	Роты	Станции	Тонны	Военные транспор-ты	Роты	Станции
<i>5-я флотская дивизия (в Севастополе)</i>													
1-я эс-кадра	37	12	Бриг «Неарк»	$\frac{1}{4}$	—	12	Тендер «Легкий»	$\frac{1}{8}$	—	450	«Гара»	$\frac{1}{4}$	—
	38	16	Шхуна «Забияка»	$\frac{1}{4}$	Сев.	136	Парох. «Молодец»	—	—	250	«Кишинев»	$\frac{1}{8}$	—
	39	16	Бриг «Орфей»	$\frac{1}{2}$	—	—	—	—	—	150	«Ялта»	$\frac{1}{8}$	—
		16	Шхуна «Дротик»	$\frac{1}{4}$	—	—	—	—	—	250	«Арагва»	$\frac{1}{8}$	—
										280	«Лаба»	$\frac{1}{4}$	—
										350	«Кубань»	$\frac{1}{4}$	—
2-я эс-кадра	40					90	Парох. «Бердянск»	—	—	650	«Феодосия»	—	—
	41	12	Бриг «Аргонавт»	$\frac{1}{4}$	—	—	—	—	—	263	«Мамай»	—	—
	42	16	Шхуна «Смелая»	$\frac{1}{4}$	—	—	—	—	—	650	«Днестр»	$\frac{1}{4}$	—
		18	Бриг «Птоломей»	$\frac{1}{2}$	Сев.	120	Парох. «Грозный»	$\frac{1}{8}$	Кон.	350	«Доб»	—	—
						100	Парох. «Андия»	$\frac{1}{8}$	—	250	«Сухум-Кале»	$\frac{1}{8}$	—
										150	«Игул»	$\frac{1}{8}$	—
3-я эс-кадра	43	18	Бриг «Персей»	$\frac{1}{2}$	Кон.	12	Тендер «Скорый»	$\frac{1}{8}$	—	250	«Буг»	$\frac{1}{8}$	—
										650	«Кодос»	—	—
										346	«Балаклава»	—	—
						10	Тендер «Нырок»	—	—	320	«Бзыб»	$\frac{1}{4}$	—
											«Гостогай»	—	—

2. Сверхштатные корабли, фрегаты и прочие суда, не входящие в состав дивизий

Сверхштатные и брандвахты						2-го учеб-ного эки-пажа	При портах		
Ран-ги	Сверхштатные строящиеся	Стан-ции	Ран-ги	Брандвахты	Стан-ции	Бомбар-дирское судно	Ран-ги	Лоц-суда и прочие	Эки-пажи
84	<i>Сверхштатные:</i> К. С. «Махмуд» К. С. «Силистрия» Фрег. «Агатополь» Трансп. «Римник»	—	12	«Неарк»	—	«Перун»		<i>Лоц-суда:</i>	
84		—	16	«Ахиллес»	Одесса.		—	«Алупка»	—
60		—	12	Тендер «Струя»	Берд.		—	«Астролябия»	—
90		—	12	Тендер «Легкий»	Евп.		—	«Квадрант»	—
		—	10	Тендер «Луч»	Еник.		—	«Мензула»	—
			16	Тендер «Нырок»	Феод.		—	«Секстан»	—
84	<i>Строятся:</i> Кор. «Имп. Мария» «Босфор» Трансп. «Феодосия»	—	8	Шхуна «Гонец»	Керчь.				
120		—	8	Шхуна «Унылая»	Таганр.				
450		—	116	Шхуна «Скучная» Трансп. «Суджук-Кале»	Сул. Счак.				
—	<i>Пароходо-корветы:</i> Трансп. «Витязь» Трансп. «Воин» Лодка № 25	—							
—		—							
—		—	—						

	ПУШЕК								
	чугунных								
	10 дюймовых бомбовых	68 ф. бомбовых	56 ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	12 ф.	8 ф.	6 ф.
<i>На кораблях:</i>									
120 пуш. «Двенадцать Апостолов»	—	28	—	38	—	—	—	—	—
120 пуш. «Три Святителя»	—	28	—	34	—	—	—	—	—
120 пуш. «Париж»	—	28	—	38	—	—	—	—	—
120 пуш. «Вел. Кн. Константин»	—	32	—	38	—	—	—	—	—
84 пуш. «Трех Иерархов»	—	—	—	58	—	6	—	—	—
84 пуш. «Гавриил»	—	—	—	58	—	8	—	—	—
84 пуш. «Селафаил»	—	—	—	58	—	8	—	—	—
84 пуш. «Уриил»	—	—	—	58	—	8	—	—	—
84 пуш. «Варна»	—	—	—	58	—	—	—	—	—
84 пуш. «Ягудиил»	—	—	—	58	—	—	—	—	—
84 пуш. «Ростислав»	—	8	—	56	—	—	—	—	—
84 пуш. «Святослав»	—	4	—	60	—	—	—	—	—
84 пуш. «Храбрый»	—	28	—	36	—	—	—	—	—
84 пуш. «Чесма»	—	34	—	58	—	8	—	—	—
84 пуш. «Императрица Мария»	—	8	—	56	—	—	—	—	—
<i>Фрегатах:</i>									
60 пуш. «Мессемврия»	—	—	—	—	30	—	—	—	—
60 пуш. «Мидия»	—	—	—	—	30	—	—	—	—
60 пуш. «Кулевчи»	—	—	—	—	30	—	—	—	—
54 пуш. «Сизополь»	—	—	—	—	30	—	—	—	—
52 пуш. «Коварна»	—	—	—	—	30	—	—	—	—
44 пуш. «Флора»	—	—	—	—	26	—	—	—	—
44 пуш. «Кагул»	—	—	—	—	26	—	—	—	—

	ПУШЕК								
	чугунных								
	10 дюймовых бомбовых	68 ф. бомбовых	56 ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	12 ф.	8 ф.	6 ф.
<i>Корветах:</i>									
20 пуш. «Пилад»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20 пуш. «Ариадна»	—	—	—	—	2	—	—	—	—
18 пуш. «Орест»	—	—	—	—	—	—	—	18	—
18 пуш. «Андромаха»	—	—	—	—	—	—	4	—	—
18 пуш. «Калипсо»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бомбард. судно «Перун»	—	—	—	—	—	—	—	—	16
<i>Бригах:</i>									
«Телемак»	—	—	—	—	—	—	—	—	2
«Меркурий»	—	—	—	—	—	—	—	—	2
«Тезей»	—	—	—	—	—	—	—	—	2
«Птоломей»	—	—	—	—	—	—	—	—	2
«Ахиллес»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Фемистокл»	—	—	—	—	—	—	—	2	—
«Персей»	—	—	—	—	—	—	—	2	—
«Эней»	—	—	—	—	—	—	—	2	—
«Орфей»	—	—	—	—	—	—	—	4	—
«Аргонавт»	—	—	—	—	—	—	—	—	2
«Эндимион»	—	—	—	—	—	—	—	—	2
«Неарк»	—	—	—	—	—	—	—	—	2
«Язон»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Шхунах:</i>									
«Гонец»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Ласточка»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Дротик»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Забияка»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Смелая»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Опыт»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Скучная»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Унылая»	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	ПУШЕК							
	чугунных							
	10 дюймовых бомбовых	68 ф. бомбовых	56 ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	12 ф.	8 ф.
<i>Тендерах:</i>								
«Струя»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Нырок»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Легкий»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Проворный»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Скорый»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Поспешный»	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Яхтах:</i>								
«Орианда»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Стрела»	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Пароходах:</i>								
«Владимир»	2	3	—	—	—	—	—	—
«Крым»	2	—	—	—	—	—	—	—
«Одесса»	2	—	—	—	—	—	—	—
«Херсонес»	1	—	1	—	—	—	—	—
«Громоносец»	2	—	—	—	—	—	—	—
«Бессарабия»	1	—	1	—	—	—	—	—
«Грозный»	—	1	—	—	—	—	—	—
«Дунай»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Прут»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Северная Звезда»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Молния»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Метеор»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Скромный»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Инкерман»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Ординарец»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Еникале»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Тамань»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Петр Великий»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Дарго»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Таганрог»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Бердянск»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Андия»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Эльборус»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Молодец»	—	1	—	—	—	—	—	—

	ПУШЕК								
	чугунных								
	10 дюймовых бомбовых	68 ф. бомбо- вых	56 ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	12 ф.	8 ф.	6 ф.
«Могучий»	—	1	—	—	—	—	—	—	—
«Колхида»	—	1	—	—	—	—	—	—	—
«Боец»	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Паровая шхуна									
«Аргонавт»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Транспортах:									
«Березань»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Соча»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Днепр»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Гагра»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Ялта»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Рион»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Ингул»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Дунай»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Сухум-Кале»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Феодосия»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Кинбурн»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Алупка»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Буг»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Килия»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Арагва»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Прут»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Акерман»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Рени»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Лиман»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Днестр»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Балаклава»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Портица»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Рымник»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Кишинев»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Суджук-Кале»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Цемес»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Мамай»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Лаба»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Кадос»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Субаши»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Гостогай»	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	ПУШЕК								
	чугунных								
	10 дюймовых бомбовых	68 ф. Бомбо- вых	56 ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	12 ф.	8 ф.	6 ф.
«Бзыб»	—	—	—	—	—	—	—	—	4
«Доб»	—	—	—	—	—	—	—	—	4
<i>Лоциях:</i>									
«Секстан»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Мензула»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Квадрант»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Астролябия»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>На канонерских лодках:</i>									
№ 6	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 7	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 8	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 9	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 10	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 11	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 12	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 13	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 14	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 15	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 16	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 17	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 18	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 19	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 20	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 21	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 22	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 23	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 24	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 25	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 26	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 27	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 28	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 29	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 30	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 31	—	—	—	—	3	—	—	—	—
№ 32	—	—	—	—	3	—	—	—	—

	ПУШЕК			Пушко- каронад чугунных			Каронад чу- гунных		
	Чу- гун- ных	медных							
	3 ф.	3 ф.	$\frac{3}{4}$ ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	68 ф.	36 ф.	24 ф.
<i>На кораблях:</i>									
120 пуш. «Двенадцать Апостолов»	—	—	—	34	24	—	—	—	1
120 пуш. «Три Святителя»	—	—	—	34	24	—	—	—	2
120 пуш. «Париж»	—	—	—	34	24	—	—	—	2
120 пуш. «Вел. Кн. Константин»	—	—	—	34	24	—	—	—	2
84 пуш. «Трех Иерархов»	—	—	—	—	—	—	—	20	2
84 пуш. «Гавриил»	—	—	—	—	—	—	—	14	1
84 пуш. «Селафаил»	—	—	—	—	—	—	—	10	2
84 пуш. «Уриил»	—	—	—	—	—	—	—	10	2
84 пуш. «Варна»	—	—	—	—	20	—	—	—	2
84 пуш. «Ягудиил»	—	—	—	—	20	—	—	—	2
84 пуш. «Ростислав»	—	1	2	—	20	—	—	—	2
84 пуш. «Святослав»	—	—	—	—	20	—	—	—	2
84 пуш. «Храбрый»	—	—	—	—	24	—	—	—	2
84 пуш. «Чесма»	—	—	—	—	—	—	—	10	2
84 пуш. «Императрица Мария»	—	—	—	—	20	—	—	—	2
<i>Фрегатах:</i>									
60 пуш. «Месемврия»	—	—	—	—	24	—	—	—	—
60 пуш. «Мидия»	—	—	—	—	24	—	—	—	—
60 пуш. «Кулевчи»	—	—	—	—	22	—	—	—	—
54 пуш. «Сизополь»	—	—	—	—	24	—	—	—	—
52 пуш. «Коварна»	—	—	—	—	22	—	—	—	—
44 пуш. «Флора»	—	—	2	—	18	—	—	—	—
44 пуш. «Кагул»	—	—	2	—	18	—	—	—	—
<i>Корветах:</i>									
20 пуш. «Пилад»	—	1	—	—	20	—	—	—	—
20 пуш. «Ариадна»	—	—	—	—	18	—	—	—	—
18 пуш. «Орест»	—	1	—	—	—	—	—	—	—
18 пуш. «Андромаха»	—	2	—	—	14	—	—	—	—
18 пуш. «Калипсо»	—	—	—	—	18	—	—	—	—
Бомбард. судно «Перун»	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	ПУШЕК			Пушко-каронад чугунных			Каронад чу-гунных		
	Чу-гун-ных	медных							
	3 ф.	3 ф.	³ / ₄ ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	68 ф.	36 ф.	24 ф.
<i>Бригах:</i>									
«Телемак»	—	—	—	—	—	—	—	—	18
«Меркурий»	—	—	1	—	—	—	—	—	16
«Тезей»	—	1	1	—	—	—	—	—	16
«Птоломей»	—	—	1	—	—	—	—	—	16
«Ахиллес»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Фемистокл»	—	—	—	—	—	14	—	—	—
«Персей»	—	1	—	—	—	14	—	—	—
«Эней»	—	—	—	—	—	14	—	—	—
«Орфей»	—	—	2	—	—	12	—	—	—
«Аргонавт»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Эндимион»	—	—	2	—	—	—	—	—	—
«Неарк»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Язон»	—	2	—	—	—	12	—	—	—
<i>Шхунах:</i>									
«Гонец»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Ласточка»	2	—	—	1	—	—	—	—	—
«Дротик»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Забияка»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Смелая»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Опыт»	2	—	—	—	—	4	—	—	—
«Скучная»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Унылая»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Тендерах:</i>									
«Струя»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Нырок»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Легкий»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Проворный»	2	—	1	—	—	—	—	—	—
«Скорый»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Поспешный»	2	—	1	—	—	—	—	—	—
<i>Яхтах:</i>									
«Орианда»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Стрела»	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	ПУШЕК			Пушко- каронад чугунных			Каронад чу- гунных		
	Чу- гун- ных	медных							
	3 ф.	3 ф.	³ / ₄ ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	68 ф.	36 ф.	24 ф.
<i>Пароходах:</i>									
«Владимир»	—	—	—	—	4	—	—	—	—
«Крым»	—	—	—	—	8	—	—	—	—
«Одесса»	—	—	—	—	10	—	—	—	—
«Херсонес»	—	—	—	—	10	—	—	—	—
«Громоносец»	—	—	—	—	8	—	—	—	—
«Бессарабия»	—	—	—	—	4	—	—	—	—
«Грозный»	—	—	—	—	—	4	2	—	—
«Дунай»	—	—	—	2	—	—	—	—	—
«Прут»	—	—	—	4	—	—	—	—	—
«Северная Звезда»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Молния»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Метеор»	—	—	—	—	—	6	—	—	—
«Скромный»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Инкерман»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Ординарец»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Еникале»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Тамань»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Петр Великий»	2	—	2	—	—	—	—	—	—
«Дарго»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Таганрог»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Бердянск»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Андия»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Эльборус»	—	—	—	2	—	—	—	—	—
«Молодец»	—	—	—	—	—	—	2	—	—
«Могучий»	—	—	—	—	—	—	2	—	—
«Колхида»	—	—	—	—	—	—	2	—	—
«Боец»	—	—	—	—	—	—	2	—	—
Паровая шхуна «Аргонавт»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Транспортах:</i>									
«Березань»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Соча»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Днепр»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Гагра»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Ялта»	2	—	—	—	—	—	—	—	—

	ПУШЕК			Пушко- каронад чугунных			Каронад чу- гунных		
	Чу- гун- ных	медных							
	3 ф.	3 ф.	³ / ₄ ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	68 ф.	36 ф.	24 ф.
«Рион»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Ингул»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Дунай»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Сухум-Кале»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Феодосия»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Кинбурн»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Алупка»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Буг»	4	—	—	—	—	—	—	—	—
«Килия»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Арагва»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Прут»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Акерман»	4	—	—	—	—	—	—	—	—
«Рени»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Лиман»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Днестр»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Балаклава»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Портица»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Рымник»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Кишинев»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Суджук-Кале»	10	—	—	—	—	—	—	—	—
«Цемес»	4	—	—	—	—	—	—	—	—
«Мамай»	6	—	—	—	—	—	—	—	—
«Лаба»	6	—	—	—	—	—	—	—	—
«Кадос»	4	—	—	—	—	—	—	—	—
«Субаши»	4	—	—	—	—	—	—	—	—
«Гостогай»	4	—	—	—	—	—	—	—	—
«Бзыб»	2	—	—	—	—	—	—	—	—
«Доб»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Лоциях:									
«Секстан»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Мензула»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Квадрант»	—	—	—	—	—	—	—	—	—
«Астролябия»	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	ПУШЕК			Пушко- каронад чугунных			Каронад чу- гунных		
	Чу- гун- ных	медных							
	3 ф.	3 ф.	$\frac{3}{4}$ ф.	36 ф.	24 ф.	18 ф.	68 ф.	36 ф.	24 ф.
<i>На канонерских лодках:</i>									
№ 6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 11	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 12	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 13	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 14	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 15	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 16	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 17	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 18	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 19	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 20	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 21	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 22	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 23	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 24	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 25	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 26	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 27	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 28	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 29	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 30	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 31	—	—	—	—	—	—	—	—	—
№ 32	—	—	—	—	—	—	—	—	—

	Каронад чугунных			Фаль- коне- тов	Единорогов			Действительное число экипажа
	18 ф.	12 ф.	8 ф.		мед- ных	чугунных		
						1/4 кар.	1 пуд.	
На кораблях:								
120 пуш. «Двенадцать Апостолов»	—	2	2	4	—	4	2	964
120 пуш. «Три Святите- ля»	6	2	2	1	—	4	—	921
120 пуш. «Париж»	—	2	2	4	—	—	2	925
120 пуш. «Вел. Кн. Константин»	—	2	2	—	—	—	2	900
84 пуш. «Трех Иерархов»	—	1	2	—	—	4	—	—
84 пуш. «Гавриил»	—	2	2	1	—	4	—	734
84 пуш. «Селафаил»	—	2	2	—	—	4	—	741
84 пуш. «Уриил»	—	1	2	1	—	4	—	782
84 пуш. «Варна»	6	2	2	—	—	4	—	—
84 пуш. «Ягудиил»	7	2	2	—	—	4	—	700
84 пуш. «Ростислав»	6	1	—	2	—	—	—	672
84 пуш. «Святослав»	8	1	3	4	—	—	—	711
84 пуш. «Храбрый»	6	2	2	4	—	—	—	754
84 пуш. «Чесма»	—	2	2	8	—	—	—	741
84 пуш. «Императрица Мария»	—	2	2	4	—	—	2	1118
Фрегатах:								
60 пуш. «Мессемврия»	1	1	3	—	—	—	—	434
60 пуш. «Мидия»	1	1	3	2	—	—	—	—
60 пуш. «Кулевчи»	—	1	1	3	—	—	—	—
54 пуш. «Сизополь»	1	1	—	1	—	—	—	399
52 пуш. «Коварна»	2	—	—	3	—	—	—	—
44 пуш. «Флора»	—	1	2	—	—	2	—	398
44 пуш. «Кагул»	1	1	—	3	—	—	2	318
Корветах:								
20 пуш. «Пилад»	—	—	1	—	—	—	—	177
20 пуш. «Ариадна»	—	—	1	4	—	—	—	—
18 пуш. «Орест»	—	—	1	1	—	—	—	—
18 пуш. «Андромаха»	—	—	—	—	—	—	—	162
18 пуш. «Калипсо»	—	—	1	4	—	—	—	—
Бомбард. судно «Перун»	—	—	1	—	—	—	—	—

	Каронад чугунных			Фаль- коне- тов	Единорогов			Действительное число экипажа
	18 ф.	12 ф.	8 ф.		мед ных 1/4 кар.	1 пуд.	Де- сант- ных 10 ф.	
<i>Бригах:</i>								
«Телемак»	—	—	—	1	—	—	—	—
«Меркурий»	—	—	—	3	—	—	—	—
«Тезей»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Птоломей»	—	—	—	1	—	—	—	—
«Ахиллес»	12	—	—	—	2	—	—	—
«Фемистокл»	—	—	1	—	—	—	—	—
«Персей»	—	—	1	—	—	—	—	—
«Эней»	—	—	1	—	—	—	—	152
«Орфей»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Аргонавт»	10	—	—	1	—	—	—	—
«Эндимион»	10	—	—	—	—	—	—	—
«Неарк»	10	—	—	1	—	—	—	—
«Язон»	—	—	—	—	—	—	—	153
<i>Шхунах:</i>								
«Гонец»	14	—	—	—	—	—	—	—
«Ласточка»	14	—	—	—	—	—	—	—
«Дротик»	14	—	—	—	—	—	—	—
«Забияка»	14	—	—	—	—	—	—	—
«Смелая»	14	—	—	1	—	—	—	—
«Опыт»	—	—	—	—	—	1	—	—
«Скучная»	—	—	—	10	—	—	—	—
«Унылая»	—	—	—	8	—	—	—	25
<i>Тендерах:</i>								
«Струя»	—	10	—	—	—	—	—	36
«Нырок»	—	—	8	—	—	—	—	—
«Легкий»	—	10	—	—	—	—	—	—
«Проворный»	—	8	—	—	—	—	—	—
«Скорый»	—	10	—	—	—	—	—	—
«Поспешный»	—	4	—	—	—	—	—	—
<i>Яхтах:</i>								
«Орианда»	—	—	6	—	—	—	—	—
«Стрела»	—	—	6	—	—	—	—	—

	Каронад чугу- нных			Фаль коне- тов	Единорогов			Действительное число экипажа
					мед ных	чугунных		
	18 ф.	12 ф.	8 ф.	3 ф.	1/4 кар.	1 пуд.	Де- сант- ных 10 ф.	
Пароходах:								
«Владимир»	2	—	—	—	—	—	—	—
«Крым»	—	—	—	—	—	—	—	251
«Одесса»	—	—	—	—	—	—	—	229
«Херсонес»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Громоносец»	—	—	—	—	—	—	—	240
«Бессарабия»	—	—	2	—	—	—	—	140
«Грозный»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Дунай»	—	—	—	—	—	—	—	59
«Прут»	—	4	—	—	—	—	—	48
«Северная Звезда»	—	2	—	—	—	—	—	—
«Молния»	—	2	—	—	—	—	—	—
«Метеор»	—	—	—	2	—	—	—	—
«Скромный»	—	—	2	—	—	—	—	—
«Инкерман»	—	—	4	2	—	—	—	—
«Ординарец»	—	—	—	2	—	—	—	49
«Еникале»	2	—	—	—	—	—	—	—
«Тамань»	2	—	—	—	—	—	—	—
«Петр Великий»	—	4	—	—	—	—	—	14
«Дарго»	—	4	—	—	—	2	—	54
«Таганрог»	—	—	—	2	—	—	—	—
«Бердянск»	—	—	—	2	—	—	—	—
«Андия»	—	—	—	2	—	—	—	—
«Эльборус»	—	4	—	—	—	—	—	95
«Молодец»	—	4	—	—	—	—	—	—
«Могучий»	—	4	—	—	—	—	—	—
«Колхида»	—	4	—	—	—	—	—	—
«Боец»	—	4	—	—	—	—	—	85
Паровая шхуна								
«Аргонавт»	—	4	—	—	—	—	—	—
Транспортах:								
«Березань»	—	4	—	—	—	—	—	—
«Соча»	—	—	4	—	—	—	—	—
«Днепр»	4	—	—	—	—	—	—	—
«Гагра»	—	4	—	1	—	—	—	—

	Каронад чугунных			Фаль коне- тов	Единорогов			Действительное число экипажа
	18 ф.	12 ф.	8 ф.		мед ных	1 пуд.	Де- сант- ных 10 ф.	
«Ялта»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Рион»	—	4	—	—	—	—	—	—
«Ингул»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Дунай»	—	4	—	—	—	—	—	—
«Сухум-Кале»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Феодосия»	—	8	—	—	—	—	—	—
«Кинбурн»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Алупка»	—	—	—	6	—	—	—	—
«Буг»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Килия»	—	—	4	—	—	—	—	—
«Арагва»	8	—	—	—	—	—	—	52
«Прут»	—	—	4	—	—	—	—	—
«Акерман»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Рени»	—	—	2	—	—	—	—	—
«Лиман»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Днестр»	—	4	—	—	—	—	—	—
«Балаклава»	14	—	—	—	—	—	—	—
«Портица»	—	—	2	—	—	—	—	—
«Рымник»	—	—	—	4	—	—	—	21
«Кишинев»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Суджук-Кале»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Цемес»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Мамай»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Лаба»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Кадос»	—	—	—	—	—	—	—	—
«Субаши»	—	—	—	3	—	—	—	—
«Гостогай»	—	—	—	3	—	—	—	—
«Бзыб»	—	—	—	3	—	—	—	—
«Доб»	—	—	—	3	—	—	—	—
<i>Лоциях:</i>								
«Секстан»	—	—	—	6	—	—	—	—
«Мензула»	—	—	—	2	—	—	—	—
«Квадрант»	—	—	—	6	—	—	—	—
«Астролябия»	—	—	—	6	—	—	—	—

	Каронад чугунных			Фаль конеч- тов	Единорогов			Действительное число экипажа
	18 ф.	12 ф.	8 ф.		мед ных	1 пуд.	Де- сант- ных 10 ф.	
<i>На канонерских лодках:</i>								
№ 6	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 7	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 8	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 9	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 10	—	—	—	4	—	—	—	59
№ 11	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 12	—	—	—	4	—	—	—	31
№ 13	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 14	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 15	—	—	—	4	—	—	—	64
№ 16	—	—	—	4	—	—	—	64
№ 17	—	—	—	4	—	—	—	64
№ 18	—	—	—	4	—	—	—	64
№ 19	—	—	—	4	—	—	—	64
№ 20	—	—	—	4	—	—	—	64
№ 21	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 22	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 23	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 24	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 25	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 26	—	—	—	4	—	—	—	59
№ 27	—	—	—	4	—	—	—	64
№ 28	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 29	—	—	—	4	—	—	—	60
№ 30	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 31	—	—	—	4	—	—	—	—
№ 32	—	—	—	4	—	—	—	—

По числу и калибрам показанных орудий каждое из поименованных судов снабжено порохом, снарядами и прочими артиллерийскими припасами и материалами по положению; сверх того, военные суда снабжены абордажным оружием: пиками, тесаками или палашами и энтрепелями; некоторые суда также снабжены мушкетонами и пистолетами разноманерными, по мере наличия, изготовленными в 1806 году, которые, впрочем, от долговременного употребления и по значительным повреждениям к дальнейшему служению не благонадежны.

Список судов Черноморского флота с показанием состояния их к началу 1853 года ¹⁾

№№	НАЗВАНИЕ СУДОВ	
	Корабельный флот	
	<i>Корабли:</i>	
1	120 пуш. «Три Святителя» (32 эк.), спущ. в 1838 г.	Исправляется
2	120 пуш. «Двенадцать Апостолов» (38 эк.), спущ. в 1841 г.	К службе благонадежны
3	120 пуш. «Париж» (35 эк.), спущ. в 1849 г.	К службе благонадежны
4	120 пуш. «Великий Князь Константин»	Отделяется внутри
5	120 пуш. «Босфор»	Строится
6	84 пуш. «Трех Иерархов» (42 эк.), спущ. в 1838 г.	Предположено тимберовать
7	84 пуш. «Гавриил» (39 эк.), спущ. в 1839 г.	К службе совершенно благонадежны
8	84 пуш. «Селафаил» (29 эк.) спущ. в 1840 г.	К службе совершенно благонадежны
9	84 пуш. «Уриил» (34 эк.), спущ. в 1840 г.	К службе совершенно благонадежны
10	84 пуш. «Варна» (28 эк.), спущ. в 1842 г.	К службе совершенно благонадежны
11	84 пуш. «Ягудиил» (30 эк.), спущ. в 1843 г.	К службе совершенно благонадежны
12	84 пуш. «Ростислав» (36 эк.), спущ. в 1844 г.	К службе совершенно благонадежны
13	84 пуш. «Святослав» (37 эк.), спущ. в 1845 г.	К службе совершенно благонадежны
14	84 пуш. «Храбрый» (31 эк.), спущ. в 1847 г.	К службе совершенно благонадежны
15	84 пуш. «Чесма» (33 эк.), спущ. в 1849 г.	К службе совершенно благонадежны
16	84 пуш. «Императрица Мария»	Строится

№№	НАЗВАНИЕ СУДОВ	
<i>Фрегаты:</i>		
1	60 пуш. «Мессемврия» (40 экип.), спущ. в 1838 г.	Исправляется
2	60 пуш. «Мидия» (28 эк.), спущ. в 1843 г.	Благонадежны
3	60 пуш. «Кулевчи» (44 экип.), спущ. в 1847 г.	Благонадежны
4	54 пуш. «Сизополь» (36 экип.), спущ. в 1841 г.	Исправляется
5	52 пуш. «Коварна» (44 экип.), спущ. в 1845 г.	Благонадежность
6	44 пуш. «Флора» (43 эк.), спущ. в 1839 г.	По исправлении благонадежны.
7	44 пуш. «Кагул» (30 эк.), спущ. в 1843 г.	По исправлении благонадежны.
<i>Корветы:</i>		
1	20 пуш. «Пилад»	Благонадежны
2	20 пуш. «Ариадна»	Благонадежны
3	18 пуш. «Орест»	По назнач. исправл. благонадежен
4	18 пуш. «Андромаха»	Исправляется
5	18 пуш. «Калипсо»	По назнач. исправл. благонадежен
<i>Бриги большие:</i>		
1	20 пуш. «Телемак»	Разрешено разобрать
2	18 пуш. «Меркурий»	Благонадежны
3	18 пуш. «Тезей»	Благонадежны
4	18 пуш. «Птоломей»	По исправлении благонадежен
5	16 пуш. «Фемистокл»	Благонадежны
6	16 пуш. «Персей»	Благонадежны
7	16 пуш. «Эней»	Благонадежны
8	16 пуш. «Орфей»	Благонадежны
<i>Бриги малые:</i>		
1	12 пуш. «Аргонавт»	Благонадежны
2	12 пуш. «Эндимион»	Благонадежны
3	12 пуш. «Неарк»	Предположено исправить
4	12 пуш. «Язон»	Благонадежен

№№	НАЗВАНИЕ СУДОВ	
<i>Шхуны:</i>		
1	16 пуш. «Гонец»	Брандвахта в Керчи
2	16 пуш. «Ласточка»	Предположено исправить
3	16 пуш. «Дротик»	Благонадежна
4	16 пуш. «Забияка»	Предположено исправить
5	16 пуш. «Смелая»	Благонадежна
6	16 пуш. «Опыт»	Отделяется внутри
<i>Тендеры:</i>		
1	12 пуш. «Луч»	Требует значительн. исправлений
2	12 пуш. «Легкий»	Употребляется брандвахтой
3	12 пуш. «Скорый»	В хорошем состоянии
4	12 пуш. «Струя»	Для употребления брандвахтами
5	10 пуш. «Нирок»	Для употребления брандвахтами
6	10 пуш. «Поспешный»	В хорошем состоянии
7	10 пуш. «Проворный»	В хорошем состоянии
<i>Бомбардирское судно</i>		
1	«Перун»	По исправлении благонадежно
<i>Яхты:</i>		
1	10 пуш. «Стрела»	Благонадежны для недалних плаваний
2	8 пуш. «Ориадна»	
<i>Военные пароходы:</i>		
1	В 400 сил «Владимир»	По исправлении благонадежен
2	В 260 сил «Громоносец»	Благонадежны
3	В 400 сил «Грозный»	Благонадежны
<i>Транспорты:</i>		
1	«Березань»	Исправляется
2	«Рион»	В хорошем состоянии
3	«Дунай»	По исправлении благонадежен
4	«Днестр»	В хорошем состоянии
5	«Балаклава»	В хорошем состоянии
6	«Феодосия»	Строится
7	«Днепр»	По исправлении благонадежны

№№	НАЗВАНИЕ СУДОВ	
8	«Гагра»	По исправлении благонадежны
9	«Кубань»	Предполаг. на портовое служение
10	«Соча»	Удостоивается к разборке
11	«Прут»	По исправлении благонадежны
12	«Килия»	По исправлении благонадежны
13	«Буг»	В хорошем состоянии
14	«Сухум-Кале»	По исправлении благонадежны
15	«Арагва»	По исправлении благонадежны
16	«Акерман»	В хорошем состоянии
17	«Ялта»	В хорошем состоянии
18	«Ингул»	По исправлении благонадежны
19	«Алупка»	По исправлении благонадежны
20	«Суджун-Кале»	По исправлении благонадежны
21	«Кинбурн»	В хорошем состоянии
Гребной флот		
<i>Канонерския лодки:</i>		
1	№ 1	Разрешено разобрать
2	№ 2	Разрешено разобрать
3	№ 3	Разрешено перетимберовать
4	№ 4	Разрешено разобрать
5	№ 6	
6	№ 7	
7	№ 8	
8	№ 9	
9	№ 10	Для употребления брандвахтами
10	№ 11	и к плаванию по реке Дунаю благонадежны
11	№ 12	
12	№ 13	
13	№ 14	
14	№ 15	
15	№ 16	Благонадежны
16	№ 17	Благонадежны
17	№ 18	Благонадежны
18	№ 19	Благонадежны
19	№ 20	Благонадежны
20	№ 21	Благонадежны
21	№ 22	Благонадежны
22	№ 23	Благонадежны
23	№ 24	Благонадежны
24	№ 25	Благонадежны

№№	НАЗВАНИЕ СУДОВ	
25	№ 26	Благонадежны
26	№ 27	Благонадежны
27	№ 28	Благонадежны
28	№ 29	Благонадежны
29	№ 30	Благонадежны
30	№ 31	Благонадежны
31	№ 32	
	<i>Транспорты:</i>	
1	В 250 тонн «Лиман»	В хорошем состоянии
2	В 250 тонн «Ренни»	В хорошем состоянии
3	В 250 тонн «Портица»	В исправлении, благонадежны
4	В 250 тонн «Кишинев»	В исправлении, благонадежны
	<i>Пароходы:</i>	
1	В 100 сил «Прут»	По исправлении благонадежны
2	В 100 сил «Дунай»	По исправлении благонадежны
	Брандвархтенные и портовые суда	
	<i>Бриг</i>	
1	16 пуш. «Ахиллес»	Брандвахтой в Одессе
	<i>Шхуны:</i>	
1	10 пуш. «Скучная»	Для занятия брандвахтенных
2	8 пуш. «Унылая»	постов благонадежны
	<i>Пароходы:</i>	
1	В 100 сил «Северная Звезда»	По исправлении благонадежны
2	В 90 сил «Инкерман» (железн.)	По исправлении благонадежны
3	В 80 сил «Молния»	По исправлении благонадежны
4	В 70 сил «Метеор»	По исправлении благонадежны
5	В 60 сил «Ординарец»	По исправлении благонадежны
6	В 40 сил «Скромный»	По исправлении благонадежны

№№	НАЗВАНИЕ СУДОВ	
1	<i>Транспорт</i> «Рымник»	Благонадежен
	<i>Лоции:</i>	
1	«Астролябия»	По исправлении благонадежны
2	«Секстант»	По исправлении благонадежны
3	«Мензула»	По исправлении благонадежны
4	«Квадрант»	По исправлении благонадежны
	<i>Плавучие маяки:</i>	
1	№ 2	По исправлении благонадежны
2	№ 3	По исправлении благонадежны
3	№ 4	По исправлении благонадежны
	<i>Землечерпательные машины:</i>	
1	В 30 сил	По исправлении благонадежны
2	В 20 сил	По исправлении благонадежны
	Сверх того причислены от сухопутного ведомства	
	<i>Пароходы:</i>	
1	В 260 сил «Эльборус» (же- лезн.)	Благонадежны
2	В 136 сил «Могучий»	Благонадежны
3	В 136 сил «Боец»	Благонадежны
4	В 136 сил «Молодец»	Благонадежны
5	В 120 сил «Колхида»	Благонадежны
6	Паровая шхуна «Аргонавт»	Благонадежны
	<i>Транспорты:</i>	
1	«Цемес»	В хорошем состоянии
2	«Субаши»	Благонадежны
3	«Мамай»	Благонадежны
4	«Кадос»	Благонадежны
5	«Лаба»	В хорошем состоянии
6	«Доб»	Благонадежны
7	«Гостагай»	Благонадежны
8	«Бзыбь»	Благонадежны

№№	НАЗВАНИЕ СУДОВ	
	<p>Для сообщения Одессы с Дунайскими, Крымскими и Азовскими портами</p> <p><i>Пароходы:</i></p>	
1	В 180 сил «Еникале» (железн.)	Благонадежны
2	В 180 сил «Тамань» (железн.)	Благонадежны
3	В 100 сил «Петр Великий»	Благонадежны
4	В 100 сил «Дарго»	Благонадежны
5	В 100 сил «Андия»	Благонадежны
6	В 90 сил «Бердянск» (железн.)	Благонадежны
7	В 90 сил «Таганрог» (железн.)	Благонадежны

¹ Арх. Морск. мин., опись кн. Меншикова, д. № 285 и 308.

Беломорские суда, Каспийская и Камчатская флотилии; Балтийская и Черноморско-Дунайская гребные флотилии, а также ластовые, портовые и адмиралтейские суда (к 1 января 1853 года) ¹⁾

Архангельского порта (в Архангельске)					
Ранги	Шхуны и транспорты	Станции	Ранги	Пароходы и брандвахты	Станции
6	<i>Шхуна:</i> «Полярная Звезда»		60 60	<i>Пароходы:</i> «Полезный» «Смирный»	
300 160 160 160	<i>Транспорты:</i> «Мезень» «Онега» «Кемь» «Соловецк» Водоналивн. бот Бот № 2 Бот № 3		16	<i>Брандвахты:</i> Брандв. «Новая Земля» Судно № 8 внутр.	

К а с п и й с к а я ф л о т и я							
Ран- ги	Бриги, шхуны и тендеры	Стан- ции	Ран- ги	Боты и прочие суда	Стан- ции	Ран- ги	Пароходы
				<i>Малые боты:</i>			
8	<i>Бриг</i> «Мангишлак»	Бак.	4	«Ящерица»		100	«Ленкорань»
			4	«Скорпион»		100	«Тарки»
	<i>Шхуны:</i>		4	«Муравей»	7	100	«Куба»
4	«Опыт»	Асб.		Барж деревянн.	2	40	«Астрабад»
4	«Змея»	Асб.		Барж железн.	3	40	«Кама»
4	«Тарантул»	Асб.		Кусовых лодок	1	30	«Волга»
4	«Комар»	Асб.		Маячное судно	1		
4	«Муха»	Асб.		Расшива	1		
				Землечерп. машина	1		
	<i>Тендер</i>			Перегрузное	1		
				Тихвинск	2		
				Катеров	3		
8	«Черепаша»						Асх. Аст. Асб.

Камчатская флотилия (в Петропавловске)		ГРЕБНОЙ ФЛОТ		
Ранги	Транспортные суда	Стан- ции	Балтийского флота	Числ.
			Гребной флот и ластовые суда	
20	Корабль «Оливуца»	Спб.	Гребной флот:	1
4	Бриг «Охотск»	–		1
10	Транспорт «Двина»	Кам.	Канонерские лодки:	
8	Транспорт «Иртыш»			
6	Транспорт «Байкал»			
6	Тендер «Камчадал»	Охт.		9
400	Тендер «Неман»			32
4	Шхуна «Анадырь»			24
40	Шхуна «Восток»			1
2	Бот «Кадык»			9
				1
			Ластовые суда:	
			Боты:	
			Большой конструкции	1
			Средней конструкции	7
			Малой конструкции	12
			Перевозных	18

Г Р Е Б Н О Й Ф Л О Т				
Балтийского флота			Черноморского флота	
Ранги	Лоцманские и прочие суда	Числ.	Ранги	Числ.
	Лоцманских Маячных судов Френенсо Затворн. понтонов Камели <i>Землечерпательные машины:</i> Паровых больших Паровых малых Колесных <i>Подъемные машины:</i>	6 2 1 2 1 4 2 3 14 3 87	<i>Гребной флот</i> Канонерских лодок <i>Перевозные боты:</i> Морских Речных <i>Баржи:</i> Портowych Азовского моря <i>Землечерпательные машины:</i> Паровых Шалуп Пл. казар. (400 т)	32 25 3 14 6 2 1

¹⁾ Морск. Сб., 1880, кн. 10.

Состав Дунайской гребной флотилии¹

1-й батальон

16 канонерских лодок, вооруженных каждая тремя 24-фунтовыми пушками и четырьмя 3-фунтовыми фальконетами.

Пароход «Прут», вооруженный четырьмя 36-фунтовыми пушко-каронадами.

Пароход «Сулин».

Баржа № 1.

Бот № 1, вооруженный четырьмя 3-фунтовыми фальконетами.

И т о г о: 20 судов, 52 орудия и 68 фальконетов.

2-й батальон

16 канонерских лодок, вооруженных одинаково с лодками 1-го батальона.

Пароход «Ординарец», вооруженный двумя 3-фунтовыми пушками и двумя 3-фунтовыми фальконетами.

Пароход «Метеор», вооруженный шестью 18-фунтовыми пушко-каронадами и двумя 3-фунтовыми фальконетами.

Баржа № 2.

Бот № 2, вооруженный четырьмя 3-фунтовыми фальконетами.

И т о г о: 20 судов, 56 орудий и 72 фальконета.

В с е г о: 40 судов, 108 орудий, 140 фальконетов и около 2000 человек экипажа.

Приложение № 198

Ведомость о количестве пороха, состоящего в портах и на судах Черного моря по 1 января 1853 года²

Количество

По положению, следует иметь на судах Черноморского флота, вооруженных ныне артиллерией	30 607 пудов
Да в запас	4276 пудов

34 883 пуда

¹ Архив Морск. мин., инсп. деп., II отд., 1-й ст., 1853 г., д. № 538; Всепод. отч. Вел. Кн. Николая за 1853 год. Архив Морск. мин., воен. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.

² Архив Морск. мин., оп. кн. Меншикова, д. № 308.

В том числе имеется:

В Николаеве	1028 пудов
В Севастополе	13 728 пудов
В Измаиле	378 пудов
На судах флота	13 511 пудов

..... 28 645 пудов

Предположено заготовить на 1853 г. 4000 пудов

..... 32 645 пудов

Затем недостает 2 238 пудов

Приложение № 199

**Ведомость о количестве снаряженных артиллерийских снарядов,
положенных иметь по штату на судах флота,
с показанием, сколько в то число имеется, сколько
недостает к январю 1853 года¹**

	По штату положено на суда флота	Имеется на судах и в портах	Затем недостает
Бомб пудовых	280	141	139
Бомб 10-дюймовых	100	122	—
Бомб 68-фунтовых	1060	532	528
Бомб 56-фунтовых	20	10	10
Бомб 36-фунтовых	1880	943	937
Бомб 24-фунтовых	4950	2477	2473
Бомб 18-фунтовых	2580	1289	1291
Брандсугелей пудовых	140	72	68
Брандсугелей 10-фунтовых	50	—	50
Брандсугелей 68-фунтовых	530	317	213
Брандсугелей 56-фунтовых	10	—	10
Брандсугелей 36-фунтовых	940	564	376
Брандсугелей 24-фунтовых	2475	1486	989
Брандсугелей 18-фунтовых	1290	834	455

Картечей в железных корпусах:

Картечей пудовых	560	344	216
Картечей 68-фунтовых	2280	815	1465
Картечей 10-дюймовых	200	44	156
Картечей 56-фунтовых	40	—	40
Картечей 24-фунтовых	9900	7125	2775
Картечей 18-фунтовых	5160	1803	3357
Картечей 12-фунтовых	2740	777	1662

¹ Архив Морск. мин., оп. кн. Меншикова, д. № 308.

Ведомость о количестве артиллерийских снарядов, состоящих в портах и на Луганском заводе, за отчислением снарядов, положенных иметь в полном комплекте на судах флота к январю 1853 года¹

Января 16 дня 1853 года

	Состоит в портах	На Луган- ском заводе готовых к отправке	Число снаря- дов	В них заклю- чается комп- лект., полагая ядер по 75 шт., бомб по 10 и брандс- кугелей по 5
Ядер пудовых	19 970	558	20 528	9
Ядер 10-дюймовых	1391	303	1694	4
Ядер 68-фунтовых	21 236	9262	30 492	4
Ядер 56-фунтовых	896	—	896	5
Ядер 36-фунтовых	92 024	—	92 024	1 $\frac{1}{2}$
Ядер 24-фунтовых	179 735	—	179 735	3 $\frac{1}{2}$
Ядер 18-фунтовых	38 720	—	38 720	1 $\frac{1}{4}$
Ядер 8-фунтовых	24 477	—	24 477	2 $\frac{3}{4}$
Ядер 6-фунтовых	23 212	—	23 212	8
Ядер 3-фунтовых	89 402	—	89 402	3
Бомб пудовых	24 830	200	25 030	89
Бомб 10-дюймовых	351	369	720	7
Бомб 68-фунтовых	11 253	2020	13 273	11 $\frac{1}{2}$
Бомб 56-фунтовых	181	45	226	11
Бомб 36-фунтовых	20 494	538	21 032	2 $\frac{1}{3}$
Бомб 24-фунтовых	7404	2297	9701	1 $\frac{1}{4}$
Бомб 18-фунтовых	3552	7	3559	1
Бомб 12-фунтовых	5837	—	5837	4
Брандскугелей пудовых	9639	—	9639	68
Брандскугелей 10-дюймовых ...	1 010	146	1156	23
Брандскугелей 68-фунтовых	2 321	9 196	11 617	20
Брандскугелей 56-фунтовых	187	100	287	27
Брандскугелей 36-фунтовых ..	23 134	15	23 149	5
Брандскугелей 24-фунтовых ..	13 029	—	13 029	3
Брандскугелей 18-фунтовых	3 202	—	3 202	2
Брандскугелей 12-фунтовых	7 888	—	7 888	10
Дроби чугунной от 3 до 68 лотов:				
В Николаеве счетом	—	—	232 461	—
В Севастополе счетом	—	—	2 316 656	—
В Измаиле счетом	—	—	313 821	—
.....				
Итого	2 862 938			

¹ Архив Морск. мин., оп. кн. Меншикова, д. № 308.

Квартирное расписание войск Морского ведомства

а) Балтийского флота

В *С.-Петербурге*. Гвардейский экипаж с ластовой полуротой, флотские экипажи: 13, 17-й и часть 15-го, команды люгеров: Ораниенбаум (5 экип.) и Петергоф (14), пароходов: Ладога и Фонтанка (3), Тосна (25), Быстрый (10), Усердный (12) и граф Вронченко (18); судовые строевые чины корпуса Морской артиллерии, часть Арсенальной № 1 роты, корпус корабельный инженерный, корпус Инженерной морской строительной части, 1-й ластовый экипаж, 1, 2 и 3 рабочие экипажи, Инженерная команда, военно-рабочая № 1 рота, портовые роты: № 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7, госпитальная рота 11-го разряда, служительская рота зданий Главного адмиралтейства, Морские арестантские роты: № 1, 2 и 3, Морской кадетский корпус, Учебный морской рабочий экипаж.

В *Кронштадте*. Флотские экипажи: 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, части 11, 12, 14, 15 и 16 экипажей и части 18, 21 и 25 (части флотских экипажей 11, 12, 14, 18 квартируют в окрестностях С.-Петербурга, в уездах), судовые строевые чины корпуса Морской артиллерии, арсенальные № 2 и 3 роты, Лабораторная № 1 рота, 1-й учебный морской экипаж, рота торгового мореплавания, Инженерная команда, 1-й штурманский полужипаж, портовые роты: 8, 9, 10, 11, 12 и 13, госпитальная рота IV разряда, 2-й ластовый экипаж, 4, 5 и часть 7 рабочего экип., военно-рабочие роты № 2, 3 и 4, арестантские роты № 4, 5, 6, 7 и 31.

В *Ревеле*. Судовые арт. чины 1-й половины арсенальной № 4-го роты, портовые роты: № 14, 15 и 16, 3-я рота 3-го ластового экипажа, 4-я рота 7-го рабочего экипажа, 1-я половина военно-рабочей роты № 6, инженерная команда и арестантская № 8 рота.

В *Гельсингфорсе*. Флотские экипажи: 22, 24, 27 и 28 (ныне формируется).

В *Свеаборге*. Флотские экипажи: 3, 19, 20, 23 и 26, судовые и строевые чины корпуса Морск. артилл., 2-я половина арсенальной № 4 роты, Инженерная команда, 4 рота 3-го ластового экипажа, 3 рота 7-го рабочего экипажа, 2-я половина военно-рабочей № 6 роты, портовая № 17 рота, арестантская № 9 рота и госпитальная рота 3 разряда.

В *Архангельске*. Части 10 и 21 флотских экипажей, судовые артиллерийские чины, арсенальная № 5 рота, 1 и 2 роты 3 ластового экипажа, 8 и 9-й рабочие экипажи, военно-рабочая № 5 рота, Инженерная команда, портовые роты № 18 и 19.

В *Петрозаводске*. Часть арсенальной № 1 роты.

В *Лодейном поле*. Часть 10-го рабочего экипажа.

В *Москве*. Портовая № 20 рота.

В *селе Колпино*. Часть 17-го флотского экипажа, 6 рабочий экипаж и госпитальная полурота.

¹ Всепод. отч. ген.-адм. за 1853 г. Архив Морск. мин., воен. пох. канц., 1853 г., д. № 155/84.

В *Казани*. Часть 10-го рабочего экипажа и межевая рота топографов.

В *Астрахани*. 46-й флотский экипаж, каспийская артиллерийская рота, строевая ластовая рота, часть 10-го рабочего экипажа, Инженерная команда, портовая рота № 21.

В *Петропавловске*. 47-й флотский экипаж.

б) Черноморского флота

В *Николаеве*. Флотские экипажи 40 и часть 41, 2 учебный морской экипаж, штурманская рота, Николаевское флотское училище, судовые строевые чины корпуса Морской артиллерии, 1-я половина лабораторной № 2 роты, арсенальная № 6 рота, Инженерная команда, 1 и 2 рота 4 ластового экипажа, 2 роты 5-го, портовые роты № 22, 23, 24, 25, 26 и 27 госпитальная рота, рабочие экипажи 11, 12, 13, 14 и части 15 и 16, военно-рабочие роты № 7 и 9, арестантские роты № 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18.

В *Севастополе*. Флотские экипажи 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 42, 44, 45, части 40, 41 и 43; судовые строевые чины корп. Морской артиллерии, 2-я половина лабораторной № 2-го роты, арсенальная № 7 рота, 3 и 4 роты 4 ластового экипажа, поровые роты № 28, 29, 30, 31 и 32 госпитальная рота, рабочие экипажи 17, 18, 19 и часть 15 и 16; Инженерная команда, военно-рабочие № 8 и 10 роты, арестантские роты № 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25 и 26 и доковые 27, 28 и 30.

В *Керчи*. Часть портовой № 34 роты.

В *Измаиле*. 5 ласт. экип. портовая № 33 рота, часть 15-го рабочего экипажа, 2 половина военно-рабочей № 9 роты и Инженерная команда.

В *Новороссийске*. Часть портовой № 34 роты..... Каспийской флотилии:

бриг	1
шхун	5
ботов	2
пароходов	8
барж	8
курсовых лодок	3
Итого	27

Вообще по обоим флотам и Каспийской флотилии 252 вымпела.

Вооружение судов. Суда в прошедшую кампанию вооружены были орудиями следующих родов: пушками, бомбическими орудиями, единого родами, каронадами, фальконетами и мортирами.

На всех судах находилось орудий:

Балтийского флота	3038
Черноморского флота	2850
Каспийской флотилии	120

Итого 6008

**Записка Императора Николая об укреплении западной
границы 1843 года**

Апрель 1843 года

(Перевод с франц.).

Я не стану распространяться о географическом положении западных границ империи. Достаточно сказать, что я считаю границу эту как бы разделенной болотами р. Припети на две зоны. Северная зона лежит против Пруссии; южная — против Австрии, а еще более на юг — против Турции. Обе эти почти равные между собой зоны сходятся в Царстве Польском, заканчиваясь течением Вислы. Вот, в немногих словах, мой взгляд на нашу военную позицию с этой стороны наших границ.

Из сего я заключаю:

- 1) что наша выдающаяся позиция к стороне Европы находится на Висле;
- 2) что базис северной зоны находится на Двине и Днепре, ограничиваясь с юга Припетью;
- 3) что базис южной зоны опирается на Днепр, ограничиваясь с севера Припетью;
- 4) что точка соединения обеих зон, к стороне запада, есть Брест, который, по этому самому, из всех пунктов западной границы империи есть самый важный, так как служит первым основанием для нашей выдающейся позиции.

Наша выдающаяся позиция на Висле представляет громадную выгоду как при наступательной войне, так и при войне, чисто оборонительной.

На линии этой мы имеем три крепости: Новогеоргиевск — служит опорой для нашего правого крыла, на Нареве, обеспечивая нам вместе с тем переправу через Вислу и Нарев; в центре мы имеем Александровскую цитадель, а на левом крыле нашем стоит Ивангород.

К этому можно еще прибавить Замосць, который хотя и находится вне линии, но может быть полезным для усиления нашего левого крыла.

Позади этой грозной позиции, в виде цитадели, возвышается Брест.

Различные пункты эти соединяются двумя шоссе, а два новые шоссе будут сооружены: одно для соединения Бреста с Бобруйском, через северную зону, между тем как другое соединит Брест с Киевом, через южную зону.

Кроме того, в нынешнем году заканчивается водяное сообщение, соединяющее Днепр с Бугом и Вислой, проходя через Брест.

Эта внушительная позиция, во всяком случае, обеспечивает нам возможность с величайшим удобством соединять наши силы, готовить наши магазины, арсеналы, депо и пр., и весьма облегчит нам способы продовольствования.

Определив таким образом преимущества сей позиции, рассмотрим, чего еще недостает нам для того, чтобы сделать ее вполне выгодной.

Северная зона имеет три укрепленных пункта: первый, Рига, имеет только ту стратегическую выгоду, что обеспечивает за нами обладание устьями Двины; из других же двух, Динабург представляет мостовое укрепление на Двине и господствует над шоссе, ведущим в Петербург, а Бобруйск, лежащий немного впереди Днепра, обеспечивает нам переправу через Березину и господствует над шоссе, ведущим из Бреста в Москву. Зато огромное пространство, лежащее от Новогеоргиевска до означенных двух крепостей, равно как интервал между ними обеими, совершенно открыты.

Мне кажется поэтому, что правое крыло наше на Висле не может считаться вполне обеспеченным, пока мы не будем иметь еще, по крайней мере, двух укрепленных пунктов: один на Немане, около Гродна, на месте, которое еще придется избрать; другой же, мне кажется, должен быть в Минске.

Эти два укрепленных пункта имели бы ту огромную выгоду, что позволяли бы нам переменить фронт, правым крылом назад, против неприятельского вторжения в северную зону; а это, вероятно, сделало бы подобную попытку невозможной. Из означенных двух пунктов я предпочел бы, впрочем, крепость на Немане как весьма нужное дополнение к нашей выдающейся позиции на Висле. Отсутствие этих двух укрепленных пунктов делало бы названную позицию несовершенной, если предположить, что европейские армии, по примеру Наполеона, захотели бы проникнуть в Россию. Впрочем, предположение это столь мало вероятно, что хотя я считаю сооружение этих двух крепостей делом весьма полезным и желательным, но не признаю его необходимым.

Не то представляет южная зона, и вот почему:

Левое крыло нашей передовой позиции заканчивается Ивангородом на р. Вепрже, или же, самое большое, может быть протянуто до Замосця; но отсюда до Киева мы не имеем ни одного укрепленного пункта. Австрийская граница выдается вперед почти в виде прямоугольника и до такой степени оттесняет нашу южную зону к болотам р. Припети, что неприятельская армия может от границы достигнуть в два перехода до Дубно и Острога, на бресто-киевской дороге, и отрезать нас таким образом от единственного нашего базиса — Киева. Очевидно, значит, что прежде всего следует обезопасить этот пункт и, так сказать, уравновесить его в силах с остальной частью нашей границы. Рассмотрим, как достигнуть этой цели.

Если обойдут нашу передовую позицию на крайнем левом крыле и отрежут сообщения с Киевом, то, полагаю, что нам будет весьма трудно удержать за собой нашу позицию вообще. Нам надо будет решиться или самим предпринять наступательные действия и перенести войну в Галицию, направляясь от Замосця; или же — если б неприятельская армия угрожала нашим границам между Каменец-Подольским и Проскуровым — предпринять фланговое движение на Дубно и Острог, дабы не подвергнуть опасности наши сообщения с Киевом. Из этого я заключаю, что меж-

ду Дубно и Острогом нужна крепость, которая должна прикрывать наш военный путь из Бреста в Киев и служить для нас опорным пунктом в том случае, если бы нам пришлось маневрировать так, как мною выше указано.

Но и этого было бы недостаточно, потому что весь юг нашей южной зоны, от Бендер и до Киева, совершенно открыт для неприятеля.

Поэтому я думаю, что нам необходимо было бы иметь там крепость, по крайней мере, для обеспечения нашего левого крыла по направлению к Днестру. Гор. Брацлав, бесспорно, весьма важен по причине дорог которые у него в настоящее время сходятся. Но мне казалось бы предпочтительнее подвинуться еще более вперед, к границе, нежели сразу представлять богатые уезды неприятельскому вторжению. Если Каменец-Подольский решительно не может быть обращен в хорошую крепость — в чем позволяю себе сомневаться, не считая этого делом неосуществимым, — то следовало бы, мне кажется, избрать другой близкий к нему пункт, благоприятствующий этому назначению. Такая крепость на Днестре представляла бы нам еще ту выгоду, что являлась бы на сей реке в качестве тет-де-пона и, в случае войны с Турцией, служила бы для нас военной исходной точкой, близкой к границе.

Я не стану говорить о нижней части южной зоны, потому что это потребовало бы других соображений, о которых мы условимся впоследствии.

По указании того, что я считаю желательным для положения нашей оборонительной системы в обеих зонах, мне остается еще поговорить о средствах, которые необходимо создать для того, чтобы одна зона могла сообщаться с другой удобно и во всякое время года.

Как только выбор между Дубно и Острогом будет решен, надо будет устроить соединительное шоссе между избранным пунктом и шоссе, ведущим из Бреста в Бобруйск. По сему вопросу указывают всегда на Пинск; я не высказываюсь окончательно ни в пользу этого, ни в пользу другого пункта, более благоприятного для устройства дороги; скажу лишь, что направление это кажется мне верным. На пункте сем надо будет устроить двойной тет-де-пон, но без особенно дорогих работ.

Необходимо также иметь еще один пункт, лежащий более позади, как, например, Мозырь. Не высказываюсь относительно его местных преимуществ; однако направление это, кажется, выбрано удачно. Во всяком случае придется устроить шоссе на правом берегу Березины, потому что пункт переправы находится уже у Бобруйска; затем шоссе это примкнет к таковому же, ведущему из Бреста в Киев, — вероятно, около Житомира (это надо еще определить рекогносцировками). Тогда было бы, может быть, желательным устроить там второклассную крепость, но это сооружение было бы самым последним. Тоже и в Мозыре можно бы удовольствоваться двойным тет-де-поном, дешевого устройства.

Согласно сему расчету, нам понадобится 6 новых крепостей: 1) около Гродна, 2) около Минска, 3) около Дубна, 4) на Днестре, 5) около Пинска, 6) около Мозыря. Соответственно их важности, 1-я, подлежащая сооружению, есть Дубно, 2-я — Гродно, 3-я — на Днестре, 4-я —

Пинск, 5-я — Мозырь, последняя — Минск и, может быть, впоследствии — Житомир.

Шоссе будут построены: 1) от Белостока к новой крепости у Гродно, также на Минск и Бобруйск, 2) от Бреста к Гродно, 3) от Бреста в Киев, 4) от Киева к Днестру, 5) от Пинска в Дубно, 6) от Бобруйска в Мозырь, к Бресто-Киевскому шоссе, 7) от Динабурга к Витебску и Смоленску, на правом берегу Двины, 8) из Смоленска в Оршу.

Еще одно слово о сборных местах для армии. Действующая армия, состоящая из 1, 2, 3-го и 4-го пехотных корпусов, с гренадерами и с гвардией в резерве, а также три резервных кавалерийских корпуса соединятся и сосредоточатся между Новогеоргиевском, Варшавой, Ивангородом и Брестом; 6-й корпус, специально назначенный для защиты ее северной зоны, будет иметь сборным местом Вильну, а базисом Динабург; 5-й корпус будет стоять между Дубно и Проскуровым, опираясь на Киев.

Здесь нет речи о Турции; в противном случае надо бы 5-й корпус иметь за Днестром, а 4-му поручить южную зону.

Резервная армия, обязанная поставлять первые укомплектования, будет расположена сводными дивизиями: 1-го корпуса — между Ригой и Динабургом, 2-го корпуса — в Динабурге; 6-го — в Смоленске, 3-го — в Бобруйске; 4-го — в Киеве; 5-го — должна остаться на юге, для охраны крепостей и портов.

Первые резервные эскадроны временно оставались бы при своей пехоте; вторые же формировались бы в поселениях.

Запасная армия соберется в окрестностях Москвы и двинется лишь для замещения резервной армии, если бы последняя должна была последовать за наступлением действующей армии. Тогда определится уже — вся ли армия эта (запасная) должна направиться к одному пункту или же расположиться по дислокации, указанной для резервной армии.

С окончанием сбора резервных войск те губернии, где они находились в отпуску, доставляют контингент рекрутов, потребный для укомплектования кадров батальонов, эскадронов и батарей, с дополнением сверх того еще половины. То же и для войск второго призыва.

Губернии, приписанные к действующим войскам, будут или избавлены от набора в виду военных повинностей, или же их рекруты будут направлены к резервным войскам 1-го призыва.

Вот все, что я могу сказать о наших военных мерах.

Выбор мест для магазинов, госпиталей, парков, и т. п. — все это будет выведено из вышесказанного.

Состояние крепостей в начале Восточной войны

	Помещений:			Казематов:		Зданий каменных и деревянных
	для гарнизона (на сколько челов.)	для провианта (на сколько четв.)	для пороха (на сколько пудов)	жилых	нежилых	
Кронштадт	18.293	12.100	11.916	—	—	—
Спб. Петропавловская	—	—	—	—	—	—
Выборг	1100	60.000	16.800	—	—	—
	<i>в</i>	<i>1853</i>	<i>году</i>			
Свеаборг	4000	30.600	35.600	—	—	—
	—	—	—	—	—	—
Нарва	1200	18.000	10.400	—	—	—
Ревель	2300	14.200	23.500	—	—	—
Динаминде	800	850	7725	—	—	—
	<i>в</i>	<i>1853</i>	<i>году</i>			
Новодвинская	600	2000	2435	—	—	—
	<i>в</i>	<i>1853</i>	<i>году</i>			
Киля	710	3000	4700	—	—	47
	<i>в</i>	<i>1854</i>	<i>году</i>			
Измаил	5000	7000	21.000	137	76	65
Кинбурн	710	3000	4970	—	—	—
Никольское или Очаковское укр.	1608	3000	3900	—	—	—
Севастополь	—	—	26.300 ²⁾	—	—	—
	—	—	—	—	—	—
	<i>в</i>	<i>1854</i>	<i>году</i>			
Новогеоргиевск	27.000	73.000	69.600	783	963	267
	<i>в</i>	<i>1854</i>	<i>году</i>			
Александровская цитадель	8900	10.000	18.600	—	—	—
	<i>в</i>	<i>1853</i>	<i>году</i>			
Ивангород	11.400	14.000	12.500	358	236	44
	<i>в</i>	<i>1854</i>	<i>году</i>			
Замостье	4570	9000	6000	68	535	85
	<i>в</i>	<i>1854</i>	<i>году</i>			
Брест-Литовск	19.467	10.000	14.000	529	118	53
Рига	2500	55.000	42.000	—	—	—
	<i>в</i>	<i>1854</i>	<i>году</i>			
Динабург	4800	63.000	12.700	201	215	111
	<i>к</i>	<i>1853</i>	<i>году</i>			
Вильно	2300	—	10.700	—	—	—
	<i>в</i>	<i>1854</i>	<i>году</i>			
Бобруйск	11.000	71.000	24.000	89	57	322

	Помещений:			Казематов:		Зданий каменных и деревянных
	для гарнизона (на сколько челов.)	для провианта (на сколько четв.)	для пороха (на сколько пудов)	жилых	нежилых	
Киев	<i>в</i> 12.000	<i>1854</i> 52.000	<i>году</i> 44.000	744	584	445
Бендеры	<i>к нача</i> 2290	<i>ду 1854</i> 7900	<i>года</i> 9500	24	7	111
Хотин	<i>к</i> 1800	<i>1853</i> 13.000	<i>году</i> 6500	?	?	53
Александрополь	1690	19.000	2000	—	—	—
Ахалцых	800	3500	1200	—	—	—
Ахалкалаки	?	?	?	—	—	—
Шуша	600	3000	2500	—	—	—
Эривань	288	10.800	1500	—	—	—
Тифлис	<i>вместе</i> 4225	<i>с город</i> 42.000	15.190	—	—	—
Новые Закаталы	1300	8000	500	—	—	—
Кизляр	<i>в</i> 630	<i>1850</i> 2000	<i>году</i> 1400	—	—	—
Баку	<i>в</i> 600	<i>1850</i> 5900	<i>году</i> 2700	—	—	—
Дербент	<i>в</i> 315	<i>1850</i> 6400	<i>году</i> 1500	—	—	—
Ленкорань	<i>в</i> 140	<i>1850</i> 4000	<i>году</i> 1200	—	—	—
Анопа	—	—	—	—	—	—
Поти	—	—	—	—	—	—
Новороссийск	—	—	—	—	—	—
Сухум-Кале	—	—	—	—	—	—
Екатеринодар	—	—	—	—	—	—
Оренбург	<i>в</i> 3700	<i>1850</i> 15.000	<i>году</i> 4900	—	—	—
Омск	<i>в</i> 3405	<i>1850</i> 25.000	<i>году</i> 3000	—	—	—
Орск	<i>в</i> 1000	<i>1850</i> 7200	<i>году</i> 600	—	—	—
Усть-Каменногорск	<i>в</i> 2100	<i>1850</i> 4240	<i>году</i> 1000	—	—	—
Св. Петра	—	—	—	—	—	—

	Крепостных орудий:					
	полагалось:		состояло:		не хватало штатных:	
	орудий	лафетов	орудий	лафетов	орудий	лафетов
Кронштадт	1114	1114	1022	840	53	274
Спб. Петропавловская	—	—	109	—	—	—
Выборг	—	—	442 ¹⁾	—	—	—
Свеаборг	396	396	382	396	14	—
	396	396	197	?	199	?
Нарва	—	—	79	—	—	—
			(в 1854)			
Ревель	—	—	556	—	—	—
Динаминде	—	—	154	—	—	—
Новодвинская	—	—	112	—	—	—
	к	нача	лу	1854	года	
Киля	79	79	49	—	30	—
Измаил	118	118	130	118	119	—
Кинбурн	74	74	68	33	6	41
Никольское или Очаковское укр.	—	—	19	—	—	—
Севастополь	764	764	696	638	68	126
	—	—	533	—	—	—
Новогеоргиевск	709	709	794	679	9	30
Александровская цитадель	—	—	250	—	—	—
Ивангород	328	328	321	247	23	81
			(в 1854)			
Замостье	—	—	194	—	—	—
Брест-Литовск	465	443	401	331	42	12
Рига	544	—	104 ²⁾	—	—	—
Динабург	439	439	555	356	58	83
Вильно	—	—	36	—	—	—
Бобруйск	491	491	589	100	70	391

	Крепостных орудий:					
	полагалось:		состояло:		не хватало штатных:	
	орудий	лафетов	орудий	лафетов	орудий	лафетов
Киев	5454	5454	412	177	142	377
Бендеры	127	126	79	25	47	101
Хотин	45	44	83	47	2	—
Александрополь	—	—	171	—	—	—
Ахалцых	—	—	16	—	—	—
Ахалкалаки	—	—	—	—	—	—
Шуша	—	—	—	—	—	—
Эривань	—	—	18	—	—	—
Тифлис	—	—	19	—	—	—
Новые Закаталы	—	—	—	—	—	—
Кизляр	—	—	—	—	—	—
Баку	—	—	—	—	—	—
Дербент	—	—	—	—	—	—
Ленкорань	—	—	—	—	—	—
Анопа	33	—	18	—	—	—
Поти	—	—	—	—	—	—
Новороссийск	—	—	13	—	—	—
Сухум-Кале	—	—	17	—	—	—
Екатеринодар	—	—	—	—	—	—
Оренбург	—	—	—	—	—	—
Омск	—	—	—	—	—	—
Орск	—	—	—	—	—	—
Усть-Каменногоorsk	—	—	—	—	—	—
Св. Петра	—	—	—	—	—	—

	По каким источникам взято число крепостных орудий	Полевых орудий	Состояло крепостных ружей	Артиллерийских гарнизонных и лабораторных рот (расписание сухоп. войск к 1853 г.)
Кронштадт	Историч. очерк и Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Шильдер – биограф. Тотлебена	—	40	4 гарн.
Спб. Петропавловская	То же	—	—	2 гарн. 1 лаб.
Выборг	То же	4	—	2 гарн.
Свеаборг	То же	8	110	3 гарн.
	То же	—	—	—
Нарва	То же	—	—	1/2 гарн.
Ревель	То же	—	—	2 гарн.
Динаминде	—	—	20	1 гарн.
Новодвинская	Историч. очерк и Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Шильдер – биограф. Тотлебена	—	—	1/2 гарн.
Киля	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Арх. В. У. К., Отд. 2, № 3473.	—	—	1/2 гарн.
Измаил	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Арх. К. В. М. 1853 г., № 1.	—	—	1 1/2 гарн.
Кинбурн	То же	—	—	1/2 гарн.
Никольское или Очаковское укр.	Арх. В. У. К., Отд. 2, д. № 3392 и Шильдер	—	—	—
Севастополь	Исторический очерк Тотлебен – Шильдер	—	—	5 гарн. 1/2 лаб. —

	По каким источникам взято число крепостных орудий	Полевых орудий	Состояло крепостных ружей	Артиллерийских гарнизонных и лабораторных рот (расписание сухоп. войск к 1853 г.).
Новогеоргиевск	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Исторический очерк	—	131	5 гарн. 1 лаб.
Александровская цитадель	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Шильдер	—	60	3 гарн.
Ивангород	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Исторический очерк	—	—	1 гарн.
Замостье	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Шильдер	—	—	1 гарн.
Брест-Литовск	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Исторический очерк	—	100	3 гарн. $\frac{1}{2}$ лаб.
Рига	То же	—	35	2 гарн. 1 $\frac{1}{2}$ лаб.
Динабург	То же	—	—	2 гарн.
Вильно	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Шильдер	—	—	1 гарн.
Бобруйск	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Исторический очерк	—	—	2 гарн.

	По каким источ- никам взято число крепостных орудий	Полевых орудий	Состояло крепостных ружей	Артилле- рийских гарни- зонных и лабора- торных рот (распи- сание сухоп. войск к 1853 г.).
Киев	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Исторический очерк	—	4	3 гарн. 1 лаб.
Бендеры	То же	—	135	1 гарн.
Хотин	Арх. К. В. М. 1856 г., № 71 и Арх. К. В. М. 1853 г., № 1.	—	35	1 гарн.
Александрополь	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71	—	—	1 гарн.
Ахалцых	То же	—	2	1/2 гарн.
Ахалкалаки	То же	—	—	—
Шуша	То же	—	—	—
Эривань	То же	—	2	1 гарн.
Тифлис	Историч. очерк	—	—	2 гарн. 1 лаб.
Новые Закалаты	—	—	6	1 гарн.
Кизляр	—	—	1	3/4 гарн.
Баку	—	—	—	1 гарн.
Дербент	—	—	2	1/2 гарн.
Ленкорань	—	—	—	—
Анопа	—	—	9	1 гарн.
Поти	—	—	—	—
Новороссийск	—	—	8	1 гарн.
Сухум-Кале	—	—	4	1 гарн.
Екатеринодар	—	—	—	—
Оренбург	—	—	—	2 гарн.
Омск	—	—	—	1 1/2 гарн.
Орск	—	—	—	1 гарн.
Усть-Каменногоorsk	—	—	—	1/4 гарн.
Св. Петра	—	—	—	—

Примечания

Число помещений взято из сведений в Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71, а также из сочинения ген. Шильдера — биография гр. Тотлебена.

Число орудий, где не оговорено, — состоявшее к 1 января 1853 г.

Полевые орудия — по руководству к артиллерийской службе, изд. 1853 г., по Высоч. повел.

Число крепостных ружей взято из доклада артил. департамента от 16 янв. 1854 г. Арх. К. В. М., д. по сн. в. 1853 г., № 1, ч. I. Кроме означенных ружей, имелось в крепостях:

Оренбургского округа 40

Сибирского округа 82

На Кавказе 504

¹⁾ Не сходится с журналом Комитета 1854 года по обороне Балтийского побережья, по которому для Выборга было постановлено полное береговое вооружение и незначительное сухопутное. Всего было поставлено 56 орудий.

²⁾ Арх. К. В. М., д. 1852 г., № 15. По сведениям артил. департамента от 29 октября 1853 г.

³⁾ Сравн. с Арх. В. У. К., Отд. 2, № 4276 и Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71

Приложение № 204

Состояние укреплений в начале Восточной войны

	Помещений			Крепостных орудий		Полевых орудий	Крепостн. ружей	Артиллерийских, гарнизонных и лабо- раторных рот
	для гарнизона	для провианта в четверт.	для пороха	число орудий	Источники			
Роченсальма	50	—	2000	90	Арх. К. В. М. 1856 г., с. д. № 71 и Шильдер: «Биогр. гр. Тотлебена».	—	—	1/2 гарн.
Свартгальма	480	600	5029	22	То же	—	—	—
Гангеудские	—	—	—	63	То же	—	—	1 гарн.
Аландские	4665	12 000	5800	108	То же	—	74	1 гарн.
Николаев- ское	—	—	—	19	—	—	—	—

	Помещений			Крепостных орудий		Полевых орудий	Крепостн. ружей	Артиллерийских, гарнизонных и лаботорных рот
	для гарнизона	для провианта в четверг.	для пороха	число орудий	Источники			
Ольвиопольское	—	—	—	—	—	—	—	—
Римское	—	—	—	—	—	—	—	—
Копальское	—	—	—	—	—	—	—	—
Геленджик	—	—	—	8	—	6	—	1 гарн.
Кабардинское	—	—	—	—	—	—	—	гарнизонн. команда
Усть-Лабинское	—	—	—	—	—	6	—	1 гарн.
Кисловодское	—	—	—	—	—	2	—	1 гарн.
Форт Раевский	—	—	—	—	—	—	—	¹ / ₂ гарн.
Кр. Грозная	—	—	—	—	—	4	—	1 гарн.
Кр. Владикавказская	—	—	—	—	—	2	—	2 гарн.
Кутаис	—	—	—	—	—	6	—	¹ / ₂ гарн.
Вельяминовское	—	—	—	—	—	1	—	1 гарн.
Георгиевск	—	—	—	—	—	14	—	—
Бахтарминская	—	—	—	—	—	—	—	¹ / ₄ гарн.

**Генерал-адъютант Берг — военному министру из Ревеля
25 мая / 6 июня 1854 года**

Князь!

Что касается до Ревеля, если Вам угодно говорить со мною о нем, то я опасаясь, чтобы не вышло какого-либо недоразумения по поводу того, что мы пишем друг другу об этой старинной крепости.

Мне неизвестно, имели ли Вы случай осмотреть Ревель в подробности, а также удостоил ли Государь Император бросить на него свой взгляд после нескольких лет.

Вот в немногих словах состояние этой старой и заброшенной крепости:

С северной стороны «Шаубастион» и «Гросс Штрандфорт» бастионы были сохранены в хорошем виде и были вооружены благодаря приказаниям Государя. На них смотрели как на составляющих часть обороны порта.

В течение тридцати лет все начальствовавшие в Ревеле лица пренебрегали южной стороной крепости, Шведским и Ингерманландским бастионами.

Между тем эти постройки были шведами так хорошо сооружены, что они противостояли влиянию времени и сохранились.

Эта часть крепости, соединенная с полигонами Гитенбург и Паткуль и опирающаяся на скалу, на которой находится верхний город, называемый Домберг, имеет надобность быть вооруженной 100—150 орудиями на хороших лафетах и снабженной настоящими артиллерийскими офицерами, чтобы при поддержке 1000-го гарнизона предоставить продолжительное сопротивление и даже выдержать 15-дневную осаду.

Часть укреплений от бастиона Паткуль до Шаубастиона была предоставлена городу для уничтожения. Они, действительно, слабы. Можно на хорошей лошади переехать их рвы и валы. Лужа воды перед полигоном Пальмкист имеет один фут глубины и летом высыхает. Прежняя ограда позади этого полигона была разрушена и испорчена для удовольствия (?).

Эта часть укреплений может быть защищена только огнем и штыками 2000-го весьма стойкого гарнизона. Вандализм горожан уничтожил от Гросс-Штрандфорт бастиона и Николаевских ворот до Нарвских прекрасные ворота и сооружения, которые были здесь прежде. Природа все-таки сохранила здесь грязное и зловонное болото, позади которого 2000 человек могли бы оказать хорошее сопротивление, одновременно прикрывая бастион Нелемфорт и Нарвские ворота, которые совершенно открыты, благодаря ломкам последних трех лет.

Начиная с Нарвских ворот и до Ингерманландского бастиона, прежние хорошие эскарпы еще немного сохранены, и если расположить на них около 80—90 орудий, годных к службе, и поддержать их 1500 человек гарнизона, то мы имели бы возможность сильно сопротивляться.

Город почти не имеет сооружений, которые могли бы противостоять бомбам. Старые дома и узкие улицы могут быть легко зажжены бомбардировкой.

Вы видите, дорогой Князь, что я не могу иметь намерения предпринять восстановление Ревеля, как укрепленного пункта. Трех важных вещей для этого не хватает: артиллерии, в достаточном количестве настоящих артиллеристов и гарнизона.

Я не хотел бы, однако, чтобы англо-французский флот в соединении со всеми морскими и сухопутными силами завладел Ревелем, потому что он имел бы тогда в своих руках все средства до известной степени основа-

тельно в нем утвердиться. Неприятель мог бы сделать из Ревеля в короткий промежуток времени довольно внушительный пункт, снабдив его артиллерией и прислугой с трех линейных кораблей и гарнизоном по крайней мере в 5—6 тысяч человек.

Ревель, вооруженный 300 орудиями, может быть взят осадой только в июне или в июле. Весной, осенью и зимой осада была бы не выполнима, благодаря климату и тем немногим средствам, которые осаждающий нашел бы в его окрестностях. Ревель окружен болотами и песком.

Я не думаю, чтобы Ревель представлял из себя в настоящее время для неприятеля важный стратегический пункт, и было бы странно, если бы он начал свои наступательные действия против северной части Российской империи с овладения этим пунктом, но нельзя быть ни в чем уверенным. Англичане капризны и странны. Если Свеаборг покажется им слишком сильно укрепленным, то они бросятся на Ревель, чтобы, не имея лучшего, сделать что-нибудь.

Осторожность требует, чтобы тот, кто поставлен в оборонительное положение, рассчитал все случаи, и вот потому я, по моему скромному убеждению, постарался: 1) укрепить порт, чтобы нанести неприятелю, когда он появится на рейде, возможно больший ущерб; 2) я счел нужным воспользоваться лафетами, которые я нашел здесь, и, несмотря на их старинную и гадкую конструкцию, поместил несколько орудий на более слабых и более важных пунктах; 3) считая необходимым защищать порт и береговые батареи и не имея войск для образования гарнизона, я предполагаю драться вне крепости.

Соблаговолите, Князь, написать мне, одобряете ли Вы решение, мною принятое. Оно мне кажется соответствующим тем средствам, которыми я располагаю.

Примите и пр.

Подписано *Берг*

Приложение № 206

Выдержки из записки генерала Пассека¹, рисующие общий характер действий наших войск против горцев

В горах Дагестана наш отряд имеет авангард, арьергард и главную колонну; боковых цепей и колонн не существует по затруднительности доступов справа и слева. В случаях опасных занимают отдельными частями высоты, командуя дорогой. В важных случаях при входах и выходах из ущелий, при перевалах через хребты, при переправах оставляют особые отряды для обеспечения сообщения и свободного отступления. Неприятель преграждает ущелье, подъемы гор, ук-

¹ *Романовский. Кавказ и Кавказская война.*

репляет переправы, аулы и всегда встречает нас грудью. В больших делах каждый пункт под наблюдением мюридов и все важные завалы, части аулов, башни занимаются известными лицами и обозначаются из значками.

Легче иметь дело со скопищем из нескольких тысяч вольного ополчения, которое будет под предводительством самых храбрых горцев, чем атаковать несколько сот мюридов, окружающих известное лицо и по силам избравших позицию. Первая искусно направленная и решительная атака обращает в бегство полки вольного ополчения, а мюриды, раскиданные по завалам, должны следовать за бегущими или сделаться жертвами своего фанатизма.

Если же приходится иметь дело с одними мюридами, то каждый пункт приходится брать упорным боем; огонь неприятеля бывает самый убийственный.

Тогда же не стреляют в толпу, но всегда прицельно — несколько ружей наводят на каждый проулок, каждый угол, изворот, тропинку, откуда могут подойти наши солдаты. Кто не покорится — делается жертвой; это наводит страх на самых смелых. Хорошо, если меткость позволяет броситься целой колонной, а то нет возможности атаковать с успехом. Хладнокровие и самоотвержение защитников бывают изумительны: окруженные со всех сторон, они поражают всех, кто ни приблизится, не думая о пощаде. Одна храбрость с нашей стороны в подобном случае ни к чему не служит и может быть пагубна для отряда.

Упущение обхода, незанятие заблаговременно какой-нибудь высоты или тропинки, могут иметь самые гибельные последствия. Нигде не нужно иметь столько врожденных способностей для начальника отряда, как в горной войне: самые важные последствия зависят от ничтожных или быстро изменяющихся обстоятельств, которые надо вперед сообразить и ничего не упустить; самые умные расчеты могут не исполниться от одной пещеры или обрыва.

Одно и то же дело один выигрывает без всяких потерь, а другой — с большими пожертвованиями, или будет иметь совершенную неудачу.

Когда местность известна, обходы возможны, или выжиданием ослаблен дух в неприятеле, тогда только нужно приступить к атаке, атаковать внезапно и решительно; заблаговременная известность нападения отнимает силы у него, а нерешительность ведет к напрасным потерям. В горной войне надо быть выжидательным, «хитрым, как льву».

Военные соображения лезгин далеко превосходят соображения чеченцев. Все известные предводители горцев были аварцы, все важнейшие предприятия, даже в Чечне, начинались и совершались аварцами. Соображения горцев здравы, дальновидны, всегда основаны на знании местности и обстоятельств. Когда угрожает опасность одному неприятельскому пункту, они обращаются туда, где их не ожидают, в ту часть края, которая обнажена от войск: таким образом развлекают наши силы и ободряют своих. При слабости с нашей стороны делают вторжение с не-

скольких сторон одновременно или самые быстрые и нечаянные нападения на удаленные от них места, где их вовсе не ожидают. Чеченцы и горцы одинаково искусно пользуются местностью, но лезгины превосходят чеченцев в искусстве укрепляться, и эта часть доведена у них до совершенства. Завалы и укрепления их всегда имеют сильный перекрестный огонь. Против артиллерии они вырывают канавы с крепкими навесами, засыпанными землей, где совершенно безопасны против ядер и гранат, а для большей безопасности защитников делают крытые ходы; иногда подземные канавы делаются в несколько ярусов. Вообще же завалы делаются из камней или деревянных срубов, пересыпанных землей.

Чеченцы дерзки при нападении еще дерзче в преследовании, но не имеют стойкости и хладнокровия. Лезгины, наоборот, не так смелы, не так быстры и предприимчивы, как чеченцы, но более стойки, решительны. Чеченцы способны к наезднической войне: они делают быстро внезапные вторжения в наши пределы, пользуются всяким случаем, чтобы напасть врасплох на фуражиров, на обоз, на партии; неутомимо тревожат наши аванпосты и цепи, т. е. ведут партизанскую войну. Лезгины ведут войну положительную, с верными целями завоевания или защиты своих обществ; встречаются нас, большей частью, открытым боем на крепких позициях, усиливают их завалами, башнями, подземными канавами с навесами, занимают пещеры, переправы через реки и овраги и держатся в них с удивительной решительностью, дерутся до последней крайности.

На позициях же крепких или удобно обходимых слабо защищаются; на обозы и партии фуражиров редко нападают. Различие в образе войны происходит сколько от различия племен, столько от быта и местности Дагестана и Чечни. Большая и Малая Чечни ровны и покрыты лесом, местность доступная и обходимая. В Дагестане встречаются во всех горах теснины с отвесными стенами, встречаются горы, на которые ведет одна тропинка, пещеры, в которые можно спускаться только по веревке, переправы, к которым можно приблизиться по карнизу, под огнем их завалов, скрытых от всякого выстрела, и пещер в самих скалах.

Сама постройка аулов у лезгин придает им решительность. Брать с боя лезгинский аул дело отчаянное и допускается только в обстоятельствах, особенно важных для края. Постройки лезгин все из камня и плит или голышей, хорошо сложенных на глине в один и два яруса.

Приложение № 207

Начало Лезгинской линии было заложено в 1830 году устройством у южной подошвы горного хребта крепости *Новые Закаталы*, как базы для действий против становившихся с каждым годом предприимчивее лезгин. Но этого укрепления оказалось недостаточно, почему впоследствии в Джаро-Белоконской области и Кахетии, у подножья гор и их уступов, возведен ряд укреплений, башен и постов, расположенных на глав-

ных путях, а между ними устроены посты. Укрепления заняты были линейными батальонами, а посты и башни донскими казаками и милицией. Конечно, и тут, как на Кавказской линии, укрепления эти не обеспечивали от нападений мелких хищнических партий и единственным средством для удержания лезгин от набегов признавались экспедиции в горы, чтобы тревожить их, держать всегда в страхе. Для этой цели на летнее время, когда только и возможны здесь наступательные действия для обеих сторон, Лезгинская линия усиливалась регулярными отрядами.

Во главе каждого участка Кавказской линии был поставлен особый начальник, подчиненный командующему на Кавказской линии.

Черноморская кордонная линия, с штаб-квартирой в Екатеринодаре, начиналась от устья Кубани. Шла на 180 верст вверх по ее течению. Летом этот участок обеспечивался рекой Кубанью, зимой являлась необходимостью в усилении ее войсками. Опорными пунктами служили укрепления: Вареннинова переправа, Ольгинский тет-де-пон, Алексеевское и Екатеринодар. Некоторые посты были вооружены пушками.

Правый фланг заключал Кубанскую и передовую Лабинскую линии и обеспечивался Кубанью до впадения в нее Зеленчука, но крайний левый участок, простиравшийся до Каменного моста, был открыт, а гористая и лесистая местность способствовала неожиданности нападения горцев.

Для связи Лабинской линии с Кубанской было устроено на р. Зеленчуке (Зеленчукская линия) укрепление Надеждинское. Впереди Лабы, на р. Белой. Было построено укрепление Белореченское, служившее базой для наступательных действий против горцев крайнего правого фланга.

Центр Кавказской линии с штаб-квартирой (в Нальчике) простирался от Каменного моста до поста Секретного у Моздока и делился на линии: Кисловодскую, Внутреннюю и передовую Кабардинскую и Военно-Грузинскую дорогу до ст. Николаевской. Кисловодская линия пролегла по уступам Эльбруса и занималась только летом. Поддержкой для казачьих постов служили линейные батальоны в Пятигорске, Георгиевске и Кисловодске. Внутренняя Кабардинская линия по Мальке и Тереку до поста Секретного обеспечивалась р. Малкой и впереди — Сунженской линией. Кроме того, местное население кабардинцев было нам покорно. Передовая Кабардинская линия состояла из ряда укреплений и постов параллельно подошвы гор. Военно-Грузинская дорога тоже охранялась непрерывным рядом постов и пикетов.

Левый фланг (штаб-квартира в креп. Грозной) составляли линии: Терская по Тереку, верхняя часть которой была прикрыта Сунженской линией, с которой связывалась мостом с тет-де-поном у станицы Николаевской и укреплением Горячеводским. Нижняя Сунженская линия, прикрывавшая Терскую и отчасти центр и Владикавказский округ с крепостью Грозной. На сообщении Грозной с Куминской плоскостью укрепление Умахан-Юрт. Передовая Кумынская линия, прикрывавшая плоскость того же названия, состояла из укреплений: Внезапного, Хасав-Юрта, Куринского,

Герзель аула. Укрепления Умахан-Юрт связывало ее с Сунженской линией, а с рекой Сулак — Чир-Юрт.

Сообщение с Терекком обеспечивалось двумя башнями и укреплением Таш-Кичу. Сообщение Дагестана с Кизляром, начинаясь от укрепления Каза-Юрт, прикрывалось укреплением у Магометова моста и Лащуринским карантинном. Передовая Чеченская линия прикрывала мирных равнинных чеченцев от горных чеченцев укреплениями: Воздвиженским, Ачхоевским и Урус-Моршанским.

Владикавказский округ с главным пунктом Владикавказом составлял передовую часть центра; в него входила Военно-Грузинская дорога от ст. Николаевской до Дарьяльского ущелья. На ней находились укрепления Джароховское и два форта у Ларса и в Дарьяльском ущелье. Верхняя Сунженская линия состояла из укрепления Назрановского и постов Эльдорахановского, Кизик-Кичиновского и Нестеровского. Связью между левым флангом и Лезгинской линией служил Прикаспийский край.

Здесь спокойствие поддерживалось покорностью нам населения владений Тарковского, Мехтулинского, округа Даргинского, владения Казыкумукского и Кюринского, округа Самурского, Кубинского и Табасерани, даже влияние наше распространялось в нагорный Дагестан через ханство Аварское. Благодаря столь выгодным политическим условиям, туда не назначалось особых войск (в 1830 году было лишь 4 батальона в Табасерани) и до 1827 года возведено только одно укрепление и крепость Бурная на берегу Каспийского моря; но в 1831 году враждебные действия лезгин в Дагестане потребовали увеличения в нем наших сил, доведенных все же в 1833 году лишь до 8 батальонов, а в 1834 году воздвигнуто укрепление Темир-Хар-Шура. Таким образом, горцы были окружены почти полным кольцом наших постов и отрядов, оставалось сомкнуть его по берегу Черного моря от Абхазии до устья Кубани.

Приложение № 208

Из дневника Н. Н. Муравьева за 1855 год

Из Владикавказа я писал от 23 февраля частное письмо военному министру для доклада Государю, извещая его о сделанных мною на левом фланге замечаниях. Сперва описывал я с некоторой подробностью состояние войск и найденных мною беспорядков с названием некоторых частей. Затем я продолжал:

«Последствием такого состояния войск стало то, что при огромном количестве людей на провианте вооруженных мало, и оттуда вечные просьбы от начальников, которые я слышал, о прибавлении войск, когда людей у них много. Неоспоримы и уважительны военные доблести здешнего офицера и солдата, но частные подвиги кавказских героев не могут иметь важных последствий в общем ходе дела, пока войска не будут усилены средствами, в них же заключающимися; пока они не получают той малой

степени образования, которое необходимо для боя, пока раскиданные части не соединятся с главными, пока войска в походе не перестанут считать ротами, пока батальонные командиры не перестанут уклоняться от представления своих частей в целости, а нижние чины укрываться от сборов.

Самый ли ход здешних обстоятельств тому причиной или послабление начальников, того с положительностью решить не могу, но думаю, что обе причины тому способствовали.

Не имея под руками дел, я осведомился из слов начальствующих, что на Кавказе были разрешены вызовы солдатских жен, оставшихся на родине, к своим мужьям. Семейства сии, принимая оседлость при штаб-квартирах, размножились и распространили селитьбы свои целыми предместьями при всех крепостях и даже редутах на передовых линиях. Они должны были трудами своими обстроиться и содержать себя, приобрели и живут в достатке, но вместе с тем склонили к браку и других солдат. Солдатские слободки эти требовали вала со рвом, пушек и караула для охранения, и таким образом составились обширные города, наполнившиеся еще собственными домами женатых и отставных офицеров и торговцами всякого рода. Слободы эти потребовали непомерных караулов, как, например, Владикавказская крепость поглощает ежедневно с ночными до 600 человек. караула по наряду, Воздвиженская не обходится без 350 человек, а Грозная без 400 человек. Итак, на эти три места потребно ежедневно по 1350 человек, что только на три смены составит более 4000 человек, не могущих действовать в поле. Крепость Темир-Хар-Шура одна требует на три смены 1800 человек; кроме того. есть еще много ночных, которые не считаются в нарядах воинских начальников, но высылаются по частным приказаниям ротных и батальонных командиров, и в таком же положении находятся караулы в других штабах и малых слободах, обитающих менее значительные крепости, коих гарнизоны не полагают себя в возможности действовать в поле, имея в виду оборону форштадта и крепости со своими родными и пожитками. Много предположено возвести казенных строений по крепостям. Из них многие не начаты за неимением рук, хотя и деньги отпущены; другие не окончены, а прежде построенные наскоро требуют всегдашней ремонтировки; работы сии, а притом частные постройки, производятся нижними чинами с явным для них изнурением; непомерное количество скашиваемого сена — следствие излишнего хозяйства — прибавляет число больных, и нередко болезненность сию относят к климату.

Положение сие достигло уже таких размеров, что местными распоряжениями, строгостью и взысканиями пособить тому нельзя; но для устранения сего зла полагал бы принять другие меры, а именно: 1. Усилить обращение женатых солдат в казаков, не оставляя новых станиц — при штаб-квартирах, через что они вынуждены будут по необходимости снова обратиться к оружию, ими ныне забываемому; так населился весь южный край России, чему еще теперь остаются следы в пригородных слободах. 2. Для успешного отделения женатых от своих полков, коим они только служат обремене-

нием, не ограничиваться согласием нижних чинов после 15-летней службы поступать в казаки, но поставить это им в обязанность; люди сии, а в особенности дети их, на опыте показали, как они скоро привыкают к казачьему быту и становятся исправными всадниками, причем подающееся постепенно вперед поселение станиц есть лучшее средство усмирения края. 3. По усиленном выселении женатых солдат неотлагаемо сократить старые предместья крепостей, а при вновь строящихся укреплениях воспретить всякую селитьбу женатых, так, чтобы гарнизоны сменялись вполне, и тогда, может быть, устранится с явной пользой для края то неудобство, которое ныне везде встречается, и войска получают движимость, коей ныне лишены. 4. Отменить впредь до нового распоряжения разрешенный войскам Кавказского корпуса вызов к своим мужьям солдатских жен, оставшихся на родине. Предваряю вас о всем этом, князь Василий Андреевич, потому что при прибытии в Тифлис располагаю войти о сих предметах с представлением. Вызов же из России жен нижних чинов, думаю, без замедления приостановить по случаю военных обстоятельств.

Засим, рассматривая местные причины доведения войска до такого расстроенного состояния, я нахожу: слободки женатых солдат, огромные предместья, построения всякого рода и постоянные требования солдатских рук подали иным повод к нарушению первых правил благоустройства. Люди, в особенности мастеровые, повсюду требовались и при выступлении частей оставались на местах; иных не позаботились и не решились оторвать от хозяйства, и оттого команды перемешались, счет этим разбросанным людям утратился; другие, совершенно забывши ружья, перестали во фронт ходить; такой порядок вещей, водворившийся уже многими годами, хотя изменить не легко, но улучшить можно, ибо в этом заключается только одно расслабление, последствие спокойной жизни.

В начальниках и во всех чинах нашел я совершенную покорность, но создать войско из среды самого же войска, им подведомственного, мысль для них совершенно новая. Многие не знают, как и приняться за это, хотя цифры показывают возможность, потому что под влиянием старых привычек, считая себя потребителями войск, они никогда не полагали в кругу своих обязанностей заботиться о снабжении себя оными при имеющихся средствах, предпочитая вечные просьбы об усилении труда образовать и сохранить войска; но средств на Кавказской линии довольно, по крайней мере, для защиты края и для окончания самых необходимых построек, не предпринимая новых, и экспедиций, пока не будут исправлены орудия к действию; даже достанет для выведения в поле соразмерных надобности отрядов против покушений неприятеля ко вторжению. Конечно, для достижения сего нужны люди, убежденные в необходимости приняться за такое дело; неизбежно также будет изменить существующий обычай, по коему пехота и даже донские казаки содержат караулы на заставах в станицах, наполненных богатым и сильным населением линейцев, слабо содержащих только некоторые кордоны, а летом, и то на короткое время, в умеренном количестве отправляющихся в экспедиции. До сих пор не могу

себе объяснить причины тому; хотя выезжающие на конях линейцы точно являются ловкими и проворными всадниками, но, по-видимому. Во внутреннем управлении войска должны быть значительные недостатки; некоторые недостатки в короткое время сам я мог заметить, а о других слышал. Вообще благоустройства в линейном казачьем войске не будет без попечительного хозяина. По всем сим предметам сделаны мною распоряжения, и я надеюсь достичь некоторого успеха...

Приложение № 209

Расписание устроенных телеграфных линий в России в 1852—1856 годах

(Сведения Департамента Генерального штаба¹)

Телеграфные линии	Когда открыты телеграфные действия	Протяжение телеграфных линий
		<i>Версты</i>
От Петербурга до Москвы	1 октября	614
От Петербурга через Царское Село до Гатчины	<i>в 1853 году</i> 31 октября	55
От Петербурга через Петергоф до Кронштадта	<i>в 1854 году</i> 1 января	44
От Гатчино через Динабург, Ковно и Мариамполь до Варшавы	1 июля	1041
От Мариамполя до границы Пруссии при Эйдкунен	13 октября	41
От Москвы через Довск до Киева	14 декабря <i>в 1855 году</i>	850
От Киева до Кременчуга	1 мая	278 ?
От Кременчуга до Николаева	11 мая	286 ?
От Николаева до Одессы	27 мая	155
От Гатчино через Нарву до Ревеля	11 июня	340
От Риги до Динабурга	14 июня	220
От Варшавы до Варшавско-Венской жел. дор. через ст. Границы на м. Мисловец до границы Пруссии	6 сентября	301
По тому же направлению через ст. Границы до м. Шахова на гр. Австрии	6 сентября	294
От Николаева через Херсон, Берислав и Перекоп до Симферополя	19 сентября <i>в 1856 г.</i>	340
От Гельсингфорса до Або	29 мая	300

¹ Архив канц. воен. мин. по снар. войск, 1856 г., секр. д. № 71, ч. III.

Собственноручная записка императора Николая I относительно морской экспедиции в Босфор и Царьград 7 января 1853 года¹

Могущий быть в скоро времени разрыв с Турцией приводит меня к следующим соображениям:

- 1) Какую цель назначить нашим военным действиям?
- 2) Какими способами вероятнее можем мы достичь нашей цели?

На первый вопрос отвечаю, чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе. Но всякая медленность, нерешимость даст туркам время опомниться, приготовиться к обороне, и, вероятно, французы успеют вмешаться в дело или флотом или даже войсками, а всего вероятнее присылкой офицеров, в каких турки нуждаются. Итак, быстрые приготовления, возможные тайна и решительность в действиях необходимы для успеха.

На второй вопрос думаю, что сильная экспедиция с помощью флота прямо в Босфор и Царьград может все решить весьма скоро.

Ежели флот в состоянии поднять в один раз 16 тысяч человек с 32 полевыми орудиями, с необходимым числом лошадей, при двух сотнях казаков, то сего достаточно, чтоб при неожиданном появлении не только овладеть Босфором, но и самим Царьградом. Буде число войск может быть еще более усилено, тем более условий к удаче.

Исполнение сего должно быть следующее: 13-я и 14-я дивизии, не медля, укомплектовывают свои первые 3 батальона из четвертых, переисчислив в оные всех больных и слабых. 13-я артиллерийская бригада с одним запряженным ящиком на орудие следует в Севастополь. Здесь 13-я дивизия в составе 12 батальонов при 32 орудиях садится на флот. Так как артиллерия берет лошадей только на один ящик, то остальные ящики нагружаются одни без лошадей, которые к ним доставлены быть могут позднее. В то же время 14-я дивизия в 12 батальонном составе при 32 орудиях, с одним же запряженным ящиком, 5-й стрелковый батальон и 2 сотни донских казаков собираются в Одессе, и ежели будет возможным поднять и их, то равномерно садятся на присланную за ними эскадру.

В таком случае оба десанта должны садиться в один уже день и в Севастополе, и в Одессе, и потом идти на соединение к Босфору. Ежели турецкий флот вышел бы в Черное море, то прежде следовать будет с ним сразиться, и ежели удастся его разбить, тогда уже входить в Босфор.

Но если флот не выйдет, тогда приступить прямо к прорыву в Босфор или высадкой в тыл батареям, или прямой атакой мимо батарей, на самый Царьград.

Первое полагаю удобнейшим, второе отважнее, но зависеть будет от таких обстоятельств, которые вперед предвидеть трудно. Кажется, что оно не невозможно. Тогда, став перед городом, надо будет требовать сдачи

¹ Архив канц. воен. мин. 1853 г., секр. д. № 4.

безусловной; в противном случае сейчас приступить к бомбардированию, сделав в то же время высадку на удобнейший пункт, в котором наскоро укрепиться, заняв, если можно, водопроводы.

Ежели турецкие войска оставят город и будут собираться близ одного, тогда, поставя город под огнем флота, десантный отряд должен будет атаковать турецкую армию и, разбив, ограничиться сим, ибо состав отряда препятствует преследовать и дальним переходам, и потому далеко удаляться от флота должно крайне избегать. Впрочем, и мудрено полагать, что после потери города армия турецкая попыталась бы держаться в поле; вероятнее правительство будет просить примирения или, в противном случае, будет стягивать свои силы у Галлиполи или Эноса, в ожидании помощи от французов. Тогда должно занять Дарданеллы.

Здесь рождается другой вопрос: можем ли мы оставаться в Царьграде при появлении европейского враждебного флота у Дарданелл, и в особенности ежели на флоте сем прибудут и десантные войска? Конечно, предупредить сие появление можно и должно быстрым занятием Дарданелл.

Приложение № 211

Ведомость перевозочных способов Черноморского флота, не ослабляя военных крейсеров у восточного берега Черного моря и средств береговой линии. Февраль 1853 года¹

Боевой отряд (28 вымпелов)

Перевозочный отряд (33 вымпела)

Корабли:

120-пушечный. «12 Апостолов»
84-пушечная «Варна»
84-пушечная «Гавриил»
84-пушечный «Селафаил»
120-пушечный «Париж»
84-пушечный «Уриил»
84-пушечный «Ягудиил»
84-пушечный «Ростислав»
84-пушечный «Святослав»
84-пушечный «Храбрый»
84-пушечная «Чесма»

Фрегаты:

60-пушечный «Месемврия»
52-пушечный «Коварна»
60-пушечный «Кулевчи»
60-пушечный «Мидия»
44-пушечный «Флора»
44-пушечный «Кагул»

Корветы:

20-пушечный «Пилас»
18-пушечная «Калипсо»

Пароходы:

«Крым» (260 с.)
«Одесса» (260 с.)
«Еникале»
«Херсонес»
«Тамань»
«Боец»
«Могучий»
«Молодец»
«Грозный»
«Ординария»

Транспорты:

«Днестр»
«Балаклава»
«Рион»
«Дунай»

¹ Архив канц. воен. мин. по снар. войск, секр. д. № 20, 1852 г.

Пароходо-фрегаты:
«Владимир» (450 с.)
«Громоносец» (260 с.)
«Бессарабия» (260 с.)

Бриги:
«Тезей»
«Фемистокл»
«Эней»
«Язон»

«Днепр»
«Гагра»
«Кубань»
«Прут»
«Килия»
«Доб»
«Бзыб»
«Гостогай»
«Субаши»

Пароходы и транспорты:
«Эльборус»
«Аргонавт» (пар. шхуна)
«Дунай» (100 с.)
«Березань»

Поместится: 16 батальонов, 4 артиллерийские батареи, при 1 зарядном ящике. На орудие и 100 казаков.

Кроме исчисленных. могут быть присоединены 8 транспортных в 250 тыс., способных поднимать 10 тыс. пудов груза.

Итого поместится 8 батальонов пехоты, 2 арт. батареи, все зарядные ящики, стрелков. И саперные батальоны и 100 казаков.

На обоих отрядах по этому исчислению поместится:
24 батальона пехоты, 1 стрелковой батальон, 1 саперный батальон, 6 батарей артиллерии и 200 казаков с их лошадьми.

Подпись: генерал-адъютант *Корнилов*

Приложение № 212

Всеподданнейший доклад с предположениями о снаряжении десантного и сухопутного отрядов для действия в Турции с резолюциями императора Николая Павловича¹

(Курсивом в скобках — собственноручные пометки императора Николая)

В случае предназначения войск 5-го пехотного корпуса к отправлению в пределы Турции в составе двух отрядов:

(«Необходимо назначить не менее двух корпусов».)

Десантного — из 13-й пехотной дивизии с ее артиллерией и

(«Из 13-й и 14-й пехотных дивизий, 5-го стрелк. бат., 13-й и 14-й артилл. бриг. и других drobных команд».)

Сухопутного — из 14-й и 15-й пехотных и 5-й легкой кавалерийской дивизий с их артиллерией; предстоящие для снаряжения сих войск распоряжения должны быть соображены:

¹ Архив канц. воен. мин. по снар. войск 1852 г., секр. д. № 11, ч. I. Этот доклад относится к концу 1852 г. или к началу 1853 г.

(«Из 15-й пех. див., 5-й легкой, 5-го саперн. бат. и артилл. парков 5-го корпуса и всего 4-го пех. корпуса в полном составе, с 3 казачьими полками, к которым после и присоединить еще три с одной казачьей батареей».)

1) с временем, к коему эти войска имеют быть приготовлены к движению.

(«Десант немедля; сухопутн. отряд — когда признано будет возможным движение войск по времени года».)

2) с предметом их действий, причем необходимо иметь в виду, предполагается ли сухопутный отряд соединить с десантным, или этим отрядам предлежат отдельные действия.

(«На первый случай сего решить вполне нельзя; но предварительно сухопутный отряд назначается к занятию княжеств, а может быть, Булгарии по Троянов вал или Кюстенджи; далее обстоятельства решат, что предпринять можно или должно будет».)

С первого взгляда представляются к обсуждению следующие обстоятельства:

По десантному отряду

Состав отряда. 13-я пехотная дивизия Сосредоточена в Севастополе, кроме Виленского егерского полка, находящегося в Симферополе.

Но 13-я артиллерийская бригада расположена в северной части Таврической губернии в Бол. Знаменке, Рогачеве, Водяном и Днепровке.

Батареи сей бригады могут быть направлены для амбаркации в Севастополь или в Николаев.

(«В Севастополь, ибо в Николаеве часто Буг и Днепр замерзают».)

По скудности фуража близ Севастополя, казалось бы удобнее батареи сей бригады посадить на суда в Николаеве и для того благовременно придвинуть их к этому городу.

(«Невозможно».)

К сим войскам, применяясь к прежним примерам снаряжения десантных к берегам Босфора отрядов, предполагается причислить:

1) команду подвижного запасного парка 13-й артиллерийской бригады (расположенного в Тирасполе), для заведования парковыми запасами отряда;

(«Да, но посадить поблизости в Одессе».)

2) военно-рабочую роту усиленного состава, из числа расположенных в Севастополе, для производства инженерных работ, где оные потребоваться могут;

(«Да».)

3) две роты Севастопольского артилл. гарнизона на случай надобности для прислуги в укреплениях, которые отрядом заняты будут, без отвращения полевой артиллерии;

(«Да».)

4) две подвижные инвалидные роты для прислуги у госпиталей;

(«Да».)

5) команду казаков в 200 человек, отделив оную из находящихся на кордонах по Дунаю и Пруту донских казачьих полков, так как в Крыму нет казачьих полков. Команду эту нужно будет посадить на суда в Одессе.

(*«Из ближнего полка к Одессе, и садить в Одессе».*)

Сверх того необходимо назначить к отряду:

1) инженерного штаб-офицера для заведования инженерной частью;

2) чиновников провиантского и комиссариатского, в звании отрядных провиантмейстера и кригскомиссара;

3) директора госпиталей;

4) несколько переводчиков восточных языков.

(«Да».)

Состав обозов. По затруднениям в перевозке морем обозов и в особенности лошадей, необходимо ограничить число их и иметь:

в пехоте — патронные ящики в полном числе и в каждом полку по одному казенному ящику;

(«Да, но без лошадей».)

в артиллерии — по одному зарядному ящику на орудие, по одной походной кузнице и по одному казенному ящику в батарее.

(«Да, но и запасные лафеты».)

Генерал-адъютант Лидерс в 1838 году считал нужным иметь сверх того при каждой батарее по инструментальному полуфурку.

При дивизии — походную церковь.

(«При отряде одну. Да».)

Прочий затем обоз оставить на первое время на месте.

(«Да».)

Войскам уложить палатки в тюках; заряды из 2—3 ящиков — в простых, из досок сколоченных, ящиках, удобных для переноски, и таким же образом — все запасные вещи.

(«Не лучше взять ящики, но куда без лошадей?».)

Согласно данному в 1848 году Высочайшему указанию, полезно было бы благовременно построить зарядные выюки, по примеру употребляемых в горной артиллерии.

(«Будет продолжительно ежели нет готовых».)

Лошади

Лошадей предполагается отправить:

дышловых — к орудиям и

(«В крайности, но желательно взять всех под орудия и под один ящик».)

коренных — к зарядным и патронным ящикам, к походным кузницам и к казенным ящикам.

(«Вместо этих».)

Сбрую же взять вполне.

(«Да».)

При казачьей команде отправить 4-х офицерских и 50 казачьих лошадей, но иметь все седла.

(«Ежели более лошадей взять нельзя».)

По сему расчету будет в отряде лошадей:

Подъемных	52
Артиллерийских	144
Казачьих	54
Итого	250

Генерал-адъютант Лидерс, предвидя, что при высадке лошадей могут быть несчастные случаи, полагал не бесполезным взять и запасных лошадей в каждом полку по одной подъемной и в каждой бат. по две артиллер., сверх сего назначить каждому генералу по одной верховой лошади.

На сем основании потребуется еще лошадей:

Подъемных	4
Артиллерийских	8
Генеральских	4
Итого	16

Недостающих затем лошадей необходимо по высадке войск приобрести на *месте или перевезти в последующие рейсы.*

(«Непременно».)

Артиллерийские и инженерные запасы

Необходимо приготовить для отправления вслед за отрядом по крайней мере второй комплект патронов и зарядов в таких же ящиках и в том виде, как они возятся в подвижных парках, т. е. подготовленные к употреблению.

(«Да».)

Достаточный запас шанцевого и минного инструмента должен быть также уложен в ящиках для отправления при отряде.

Врачебные пособия

Полагая по свойству климата на Востоке $\frac{1}{10}$ часть людей в госпиталях, надобно иметь соразмерные госпитальные запасы, к отделению коней в составе госпитальных кадров не встретится затруднения, как и для снабжения отряда перевязочными припасами и медикаментами.

(«Да».)

Собственно при войсках будут аптечные выюки. По неудобству турецких зданий для госпитального помещения, необходимо иметь при отряде большие госпитальные наметы для устройства госпиталей. Эти наметы могут быть скоро изготовлены. Больные десантного отряда могут быть перевезены в Феодосийский или Севастопольский госпитали, в коих учредить нужно карантинные отделения.

(«Да».)

Путевое и местное продовольствие

В случае, если морское ведомство, по недостатку запасов, не примет на себя путевое продовольствия десантного отряда, необходимо приступить своевременно к заготовлению оного по морскому положению.

(«Готово».)

Но главнейше озаботиться должно перепечением муки в сухари по крайней мере для 6-недельного на первый случай запаса, а вслед затем и для 3-месячного. Крымские запасы достаточно обеспечивают эту потребность; распоряжения же по перепечению сухарей должны быть возложены на исправляющего должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора.

(«Да».)

Спирт для винных порций может быть куплен на месте во всякое время.

(«Да».)

Морская перевозка

По имеющимся в военном министерстве сведениям Черноморский флот может поднять и перевезти в один рейс целую пехотную дивизию с тяжестями, собственно дивизии принадлежащими.

Для перевозки артиллерии, лошадей, огнестрельных и прочих запасов должны быть наняты частные суда, число коих определится по содержанию вместительности, потребной для поднятия данного груза.

(«Соображения у кн. Меншикова с Г. А. Корниловым, но, по его словам, поднять можно до 20 тысяч человек в один раз».)

Наем этих судов принадлежит также к кругу обязанностей генерала Федорова, как главного местного начальника.

Общий вывод

Отправление десантного отряда зависит от времени открытия навигации, приготовления Черноморского флота к отплытию в море и успеха найма частных судов.

Посему необходимо ныне же о настоящих предположениях предвать начальника Главного Морского штаба Его Императорского Величе-

ства и исправляющего должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора.

(«Решим завтра с кн. Меншиковым и Г. А. Корниловым в вашем присутствии».)

Засим, по определении состава десантного отряда и его вспомогательных частей и назначении пунктов амбаркации войск, артиллерии и запасов, казалось бы нужным без потери времени распорядиться:

- 1) перепечением сухарей в достаточном количестве;
 - 2) заготовлением, в случае востребования, морской провизии для продовольствия войск на судах;
 - 3) заготовлением ящиков для укладки снарядов и зарядов;
 - 4) доставлением к пунктам амбаркации запасов, огнестрельных припасов, госпитальных вещей и инженерного инструмента и заготовлением недостающих предметов, как то: госпитальных наметов и проч.
- («Ежели на месте нет готовых».)*

Сухопутный отряд

Состав отряда

С войсками 14-й и 15-й пехотных и 5-й легкой кавалерийской дивизии и их артиллерией предполагается приготовить к походу следующие части:

(«Выше сказано».)

- 1) 5-й стрелковый батальон;
- 2) 5-й саперный батальон;
- 3) два Донских казачьих полка;
- 4) подвижные запасные № 14 и 15 артиллерийские парки;
- 5) понтонный № 5 парк;
- 6) подвижной № 3 госпиталь, с потребным числом госпитальных кадров;
- 7) подвижной провиантский магазин, в случае перехода через Дунай — в усиленном, а при одном занятии княжеств — в меньшем размере;
- 8) полевое провиантское комиссионерство;
- 9) директора госпиталей;
- 10) переводчиков восточных языков.

Обоз

Все вышепоименованные части имеют обоз в полном комплекте.

В подвижных артиллерийских парках № 14 — повозки новой конструкции, а № 15 — полуфурки старой конструкции, менее удобные и надежные для Задунайского похода.

О провиантских магазинах будет ниже объяснено.

Лошади

Предназначаемые в состав сухопутного отряда войска приведены были в военное положение в 1848 и 1849 годах; впоследствии, по обращении их на мирное положение, лошади военного времени частью проданы, но большей частью переданы на попечение дворянства тех губерний, в коих расположены сии войска. Мерой этой значительно облегчается предстоящее ныне снабжение их вновь лошадьми по военному времени.

(«Исполнить».)

По сведениям министерства:

	Артиллерийских Парковых Подъемных		
Из числа положенных в сих войсках			
по военному времени лошадей	848	1117	2561
Должно состоять теперь на			
попечении дворянства	679	922	1257
И затем недостает только	169	195	1304

К покупке коих в кратчайший срок не предвидится затруднения с назначением, по прежним примерам, прибавочных к штатным ценам денег.

Артиллерийские и инженерные запасы

Своевременное усиление ближайших к южной границе местных артиллерийских парков обеспечить последовательное снабжение сухопутного отряда огнестрельными припасами по выступлении оного за границу.

Приготовление к движению отделения осадного артиллерийского парка (в Тирасполе) и осадного инженерного парка (в Бендерах) зависеть будет от предстоящих войскам заграничных действий.

(«Это покуда еще можно отложить; но привести все в исправность».)

Врачебные пособия

К назначению и за снабжением десантного отряда достаточным числом госпитальных кадров и к заготовлению в запас потребного количества госпитальных вещей и перевязочных припасов не встретится затруднения.

Здесь заметить должно, что по воспоследовании окончательного повеления о снаряжении войск 5-го пехотного корпуса к походу необходимо назначить в оные добавочное сверх комплекта число медицинских и фармацевтических чинов для предупреждения всякого недостатка во врачебных пособиях.

(«Да».)

Запасы провианта

Распоряжения по обеспечению сухопутного отряда продовольствием объемлют:

- 1) обеспечение войск провиантом и фуражом на месте сбора;
- 2) порционное их довольствие;
- 3) устройство подвижного провиантского магазина.

Пребывание войск на сборном пункте, завися от хода политических обстоятельств, может быть более или менее продолжительным; посему кажется необходимым заготовить на сем пункте по крайней мере двухмесячную пропорцию провианта по полному числу людей и лошадей отряда, тем более, что и по выступлении оного за границу запас сей может понадобиться для подкрепления его продовольственными способами.

(«Да».)

Во время лагерного сбора войска получают порции по заграничному положению; в пределах Турции производится им по получарке уксуса и по золотнику перца в день на человека.

Для устройства подвижного магазина предстоят к соображению два вопроса:

- а) размер магазина и б) способы к его формированию.

Принимая во внимание, что кн. Варшавский и для Европейской войны считает необходимым иметь в подвижном магазине действующей армии 10-дневный запас провианта, и что подвижной магазин в сем размере сформирован был для войск 5-го пехотного корпуса, вступивших в княжества в 1848 году, предполагается и ныне ограничиться этим размером в случае, если сухопутному отряду назначено будет занять только княжества, не переходя через Дунай.

В случае же перехода через Дунай необходимо иметь в подвижном магазине по крайней мере 20-дневную пропорцию провианта и сверх того взять спирту, порционного скота и перца на две недели.

Магазин сей, по примеру 1848 года, сформировать сбором по наряду от поселян Бессарабской области пароволовых подвод с повозками и погонщиками, с платой в день за каждую подводу по 80 коп. серебром; нижних чинов в магазин назначить из внутренней стражи ко времени сбора подвод, а назначение офицеров предоставить командиру 5-го пехотного корпуса.

В 1848 году подвижной магазин сформирован был из 586 подвод с запасными, в составе полубригады. Нужный для магазина комиссариатский обоз построен вновь по распоряжению генерал-адъютанта Лидерса...

(«Ввое».)

**Ведомость о числе нижних чинов, полагаемых в действующих
войсках 5-го пехотного корпуса, по военному времени.
Составлена к 24 декабря 1852 года¹**

ЗВАНИЕ ВОЙСК	Нижних чинов:	
	строевых	нестрое- вых, кроме денщиков
Десантные отряды:		
<i>Севастопольский</i>		
13-я пехотная дивизия (в 3- или 4-батал. составе)	16655	781
.....	13200	
13-я артиллерийская бригада в 8 оруд. составе	790	143
Военнорабочая рота усиленного состава	212	2
Две гарнизонные артиллерийские роты	384	14
Подвижная инвалидная рота	—	162
Госпиталь- ные кадры	Два 3-го класса, на 600 человек каждый	176
	Два 2-го класса, на 300 человек каждый	88
	Один 1-го класса, на 150 человек каждый ..	26
Итого Севастопольский	18 041	1392
<i>Одесский</i>		
14-я пехотная дивизия (в 3- или 4-бат. составе)	16 655	781
.....	13200	
14-я артиллерийская бригада в 8-оруд. составе	742	137
5-й стрелковый батальон	675	53
Три роты 5-го саперного батальона	771	89
Команда подвижного запасного № 13 парка	117	11
Донская казачья команда	200	—
Подвижная инвалидная рота	—	162
Госпиталь- ные кадры	Два 3-го класса, на 600 человек каждый	176
	Три 2-го класса, на 300 человек каждый	132
Итого Одесский	19 160	1541
Всего десант	37 201	2841
<i>Сухопутный корпус. Передовой отряд</i>		
15-я пехотная дивизия	16 655	781
5-я легкая кавалерийская дивизия	5 508	481
15-я артиллерийская бригада	742	137

¹ Архив канц. воен. мин. по снар. войск 1852—1854 гг., д. № 24.

ЗВАНИЕ ВОЙСК

Нижних чинов:

строевых нестрое-
вых, кроме
денщиков

5-я конно-артиллерийская бригада	439	83
Одна рота 5-го саперного батальона	256	13
Понтонный № 5 парк (с понтонной № 5 ротой)	256	188
Подвижные запасные парки № 14 и 15	702	62
Жандармская команда	33	—
Один подвижной госпиталь на 300 человек	—	223
Госпитальные кадры на 2100 человек	—	308
Три Донских казачьих полка	2619	6

4-й пехотный корпус

4-я легкая кавалерийская дивизия	5508	452
10-я пехотная дивизия	16 655	716
11-я пехотная дивизия	16 655	716
12-я пехотная дивизия	16 655	716
4-я конно-артиллерийская бригада	439	81
10-я полевая артиллерийская бригада	790	143
11-я полевая артиллерийская бригада (по 8-орудийному составу)	742	137
12-я полевая артиллерийская бригада (по 8-орудийному составу)	742	137
4-й саперный батальон	1027	98
4-й стрелковый батальон	675	50
Подвижные запасные парки № 10, 11, 12	1053	95
Понтонный № 4 парк (с понтонной № 4 ротой)	256	188
Жандармская команда	33	—
Три Донских казачьих полка	2619	6
Донская конно-артиллерийская батарея	202	38
Один подвижной госпиталь на 300 человек	—	223
Госпитальные кадры на 6900 человек	—	1 020
Сверх того полагается в корпусных штабах:		
4-го пехотного корпуса	—	19
5-го пехотного корпуса	—	20
Итого сухопутный отряд	91 261	7 137

**Ведомость о числе нижних чинов в войсках 4-го и 5-го пехотных корпусов, предназначенных в состав сухопутного отряда¹.
Состоит по списку к 1 мая**

ЗВАНИЕ ВОЙСК

Нижних чинов:

строевых нестроевых

Передовой отряд

15-я пехотная дивизия (по 3-бат. составу).....	12 936	616
15-я артиллерийская бригада (по 8-орудийному составу)	801	90
5-я легкая кавалерийская дивизия	6014	480
5-я конно-артиллерийская бригада	496	80
Одна рота 5-го саперного батальона	256	13
Понтонный № 5 парк (с понтонной № 5 ротой)	256	188
Жандармская команда	33	—
Подвижные артиллерийские парки: № 14	363	26
№ 15	376	26
Донские казачьи полки № 34 и 37 и две сотни № 22 полка	2219	6
Итого	23 750	1525

4-й пехотный корпус

Корпусный штаб с жандармской командой	33	19
4-я легкая кавалерийская дивизия	6282	397
10-я пехотная дивизия	17 203	651
11-я пехотная дивизия	17 904	656
12-я пехотная дивизия	18 907	743
4-я конно-артиллерийская бригада	447	61
10-я артиллерийская бригада	1291	143
11-я артиллерийская бригада (по 12-орудийному составу)	948	100
12-я артиллерийская бригада	813	118
4-й стрелковый батальон	670	55
Подвижные запасные парки: № 10	279	26
№ 11	267	27
№ 12	353	24
4-й саперный батальон	1130	101
Понтонный № 4 парк (с понтонной № 4 ротой)	256	188
Шесть Донских казачьих полков	5238	12
Итого	72 021	3321
Всего в сухопутном отряде ...	95 771	4846

¹ Архив канц. воен. мин. по снар. войск 1852—1854 гг., д. № 24.

Примечание. Сверх сих войск при сухопутном корпусе формируются подвижные роты для подвижных и военно-временных госпиталей.

Приложение № 214

**Письмо генерал-адъютанта Корнилова к Великому князю
Константину Николаевичу от 19 марта 1853 года¹**

Имею счастье представить Вашему Императорскому Высочеству для доклада Государю Императору сведения, собранные мною при содействии бывших при мне офицеров капитан-лейтенанта Бутакова 2-го и лейтенанта Железнова о настоящем состоянии турецкого флота и укреплений Босфора и Дарданелл. При чем присовокупляю, что по личному моему мнению: 1) турецкий флот в руках турок к плаванию в море едва ли способен; но может быть ими употреблен в числе 5 линейных кораблей и 7 фрегатов к защите Босфора в виде плавучих батарей, особенно при содействии имеемых у них больших пароходов; 2) укрепления Босфора хотя и получили против 1833 года некоторые улучшения, но при благоприятных обстоятельствах для Черноморского флота из линейных кораблей, фрегатов и больших военных пароходов покуда легко проходимы; и 3) заняв Дарданелльские укрепления посредством высадки на выгодном пункте, например, в Ялова-Лимане или против греческой деревни Майдос, и имея дивизию на полуострове Геллеспонте, флот Черноморский отстоит против против какого угодно неприятельского флота.

Касательно же вопроса о занятии Босфора и удержания его в руках наших, как вопроса более до сухопутных войск относящегося, я не считаю себя вправе излагать свое суждение, могу только сказать, что после тщательного обзора местностей Босфора, способных для высадки десанта, нашлись только две по нужде возможные — в Килиосе и на Буюкдерском рейде, и что я, со своей стороны, предпочитаю последний; хотя и предстоит с войском на судах прорываться чрез самые укрепленные узкости пролива, ибо Килиос, быв совершенно открыт господствующим на Черном море северным ветрам и имея песчаный грунт, подвергает предприятие многим случайностям, чему мы имеем недавние примеры при высадках на восточном берегу Черного моря, именно: флот, подойдя к берегу для десанта, не найдет возможным свозить его и будет вынужден в продолжение нескольких дней выжидать погоду, и в это время пробужденный неприятель, имея регулярные войска и артиллерию, легко воспользуется удобной для отражения местностью и приготовит отпор. Потом, начав высадку, первый шквал от NO или NW может заставить прекратить ее, не докончив — прибой, неразлучный с морским ветром, тотчас сделает выгрузку с гребных судов невозможною — да и самим судам, может, придется искать безопасности под парусами. Высадка же в Буюкдере не представляет никаких подобных невыгод, только при после-

¹ Воен. уч. архив Гл. шт., отд. 2, д. № 4261.

дней надо быть совершенно уверенным, что высаженных войск не только достаточно, чтоб удержаться на берегу, но и что они могут, не теряя времени, хотя с содействием судов флота завладеть укреплениями Босфора и чрез то Буюкдерский рейд сделать доступным перевозному отряду с остальными войсками и тяжестями, имеющему состоять из транспортных пароходов, транспортов и зафрахтованных судов, и что военному флоту, в случае внезапного появления другого сильнейшего флота с неприязненными намерениями, возможно будет занять выгодную позицию под прикрытием батарей, в которой он мог бы принять атаку.

И тот и другой случаи покушения на Константинополь посредством Черноморского флота и высадки десанта в Босфоре никак не должно предпринимать иначе, как при соблюдении самой глубокой тайны, и потому я бы полагал, дабы усыпить турок, такое действие провозглашать невозможным, а обратить общее внимание на Варну или Бургас, готовя флот и 5-й корпус к высадке, в случае разрыва, в одно из этих мест. Бургасский залив в моих глазах, действительно, представляет и выгодный и грозный пункт для начатия военных действий; ибо свежий корпус войск чрез Ай-дос и дорогу, знакомую русским, может проникнуть в самый Константинополь, а флоту легко и высаживать и подвозить все, что потребуется для войск, и военными судами, и транспортными, и зафрахтованными, без конвоя и поодиночке, и потом, находясь в 100 милях или полусуточном расстоянии от Босфора, флоту легко избрать и укрепить позицию на отличных рейдах: Чингане, Искалеси и Фаросе, на которых можно ожидать безбоязно атаки какого угодно сильнейшего неприятеля.

В заключение повторю, что без самой глубокой тайны покушение на Босфор признано совершенно невозможным, ибо природа все сделала для берегов пролива, так что малейшее толковое распоряжение весьма затруднит амбаркацию, а общий говор о приготовлениях в России десанта собственно для этой цели начинает волновать турок, чему лучшим доказательством служит воздвигаемая с большой поспешностью батарея выше Анатоли-Кавказа и отливаемые в Топхане орудия для укрепления Босфора.

Приложение № 215

Собственноручная записка императора Николая I по поводу предстоящих военных действий в Европейской Турции 22 и 23 марта 1853 года¹

Из краткого предварительного донесения кн. Меншикова² заключить следует, что предполагавшееся, в случае разрыва с Турцией, морское предприятие на Царьград или весьма трудно, или даже невозможно.

¹ Архив канц. воен. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

² Упомянутая здесь записка кн. Меншикова на счет затруднительности предприятия на Константинополь относится к 12 (24) марта 1853 года.

Затем надо обратиться к другой мысли, т. е. морем же овладеть Варной и потом укреплениями залива Бургас.

Полагать можно, что оба предприятия не представят особых затруднений, ибо, сколько известно, укрепления сих мест остались в прежнем виде, и ежели не будут усилены гарнизоны войсками, нарочно присланными, неожиданное наше появление может иметь желаемый успех.

Но вместе с сим необходимо двинуть сухопутно остальные войска, не медля, чрез княжества к переправе чрез Дунай, вероятно, ниже Силистрии, в чем у нас в штабе должны быть подробные сведения. Флотилия наша на Дунае должна подняться по оному к избранному месту, что удобнее прежнего посредством буксировки пароходами.

Оставя 10-ю дивизию с ее артиллерией и двумя казачьими полками для защиты Валахии, прочим войскам, т. е. 11, 12 и 15 дивизиям с четырьмя и пятью легкими кавалерийскими, четырьмя казачьими полками, Донской батареей и с обозами десантных войск, следовать прямо к месту переправы.

По совершении переправы направиться прямо на Козлуджи чрез Базарджик. Десантный отряд, оставив необходимый гарнизон в Варне, примерно 3 батальона, должен присоединиться к сухопутному отряду.

Здесь решится, турки будут ли иметь, по всегдашнему обыкновению, армию под Шумлой или нет. Ежели у них армия собрана будет тут и не бежит сражения, следовать будет с ними сразиться, и дальнейший ход действий зависеть будет от успеха, и в случае разбития турецкой армии, куда она отступит. Ежели запрется в Шумле, будет крайне опасно следовать далее, оставя ее у нас на правом фланге, откуда она, при дальнейшем нашем движении, будет постоянно угрожать нашим сообщениям, уже и без того довольно затруднительным.

Но ежели после разбития турецкая армия не обратится к Шумле, но укроется за горы, тогда должно будет продолжать движение вперед, проходя Балканы. С достижением Варны и потом далее Бургасского залива все сообщения наши должны быть основаны с сими главными точками, делающимися местами всех наших продовольственных и снарядных складов.

Обязанность флота во все время с занятия Варны и Бургаса должна состоять в том, чтобы не выпускать турецкий флот в Черное море, или в уничтожении его и в прикрытии доставки морских подвозов к армии. На этот предмет флот наш достаточно силен.

Достигнув Бургаса, сухопутный корпус наш усиливается частью войск, перевезенных в Бургас; но часть их должно оставить в гарнизонах укреплений сего залива, на что должно будет отчислить не менее как батальонов 8 или 6. Следовательно, останется всегда в сухопутной армии 67 батальонов.

Приняв в соображение убыль, которой ожидать должно как от болезней и устали, так и убитых и раненых, полагать можно, что к приходу в Бургас будет под ружьем в пехоте около 34 тысяч, а с кавалерией и артиллерией не более 45 тысяч человек.

С этим числом войск следовать далее к Царьграду было бы неосторожно; это явно доказывает, что, отказываясь от намерения атаки с моря на Царьград, другой образ войны необходимо требует назначения еще одного корпуса.

Тогда один корпус занимать будет княжества и прикрывать правый фланг армии к стороне Силистрии или Шумлы, а 2 корпуса обращены быть могут для действий за Балканы.

Для сего назначаю я 3-й корпус, который привесть теперь же в военное положение с его резервами, дабы не позже 15 мая мог тронуться с своих квартир.

Для занятия гарнизона в Киеве и Бобруйске послать из 6-го корпуса одну дивизию.

Резервная дивизия 3-го корпуса по сформировании должна следовать в Киев и расположиться в сей и в Волынской губерниях.

Приложение № 216

Всеподданнейшая записка князя Варшавского от 24 марта 1853 года¹

Ваше Императорское Величество изволили сказать мне, что князь Меншиков находит десант и занятие Босфора затруднительным.

Жаль, ибо мысль была великая. Таким образом не только война сразу была бы окончена, но можно бы сделать завоевания в Европейской Турции.

Ваше Величество полагать изволите: послать флот с двумя дивизиями с тем, чтобы взять Варну и Бургас, а между тем четыре дивизии 4-го и 5-го корпусов отправить сухопутно.

Вы изволите рассчитывать, что, отправляя четыре дивизии, необходимо будет оставить: одну дивизию в княжествах, другую дивизию (даже более) против Силистрии и Шумлы. Затем останется 2 дивизии, с которыми нельзя идти далеко, хотя бы Варна (и даже Бургас) и были взяты.

Если ж бы флот не мог взять Варны, то против нее надобно оставить еще дивизию.

К тому следует принять в расчет неизбежную в Турции потерю людей от болезней, отчего батальоны будут не более как в 500 человек.

Затем останется так мало, что необходимо послать не только 4-й и 5-й, но и 3-й корпус.

С 3-м корпусом можно уже идти за Балканы, и перейдут горы пять или шесть дивизий, если Варна между тем взята (если же не взята, то только 4 и 5 дивизий), а шестая может присоединиться впоследствии, по занятии флотом Бургаса.

¹ Архив канц. воен. мин., 1853 г., секр. д. № 4.

С пятью или шестью дивизиями пехоты можно, конечно, много сделать в Турции. Положим, что взяты Варна и Бургас, даже взят и Адрианополь.

Но Адрианополь взять ныне не легко. В 1829 году занять его было легче; по случаю уничтожения янычар все военное поселение Турции было против султана. Тогда достаточно было только показать, что мы покровительствуем янычарам для того, чтобы города отворяли нам ворота. Ныне же мы не знаем, как народ расположен к султану.

Но если бы Адрианополь и Кирклиссе (где в обоих до 100 тысяч жителей и до 30 тысяч вооруженных) стали защищаться, то наши 5 дивизий будут здесь достаточно заняты, особенно имея на правом фланге войска пашей Боснии и Далмации.

Положим, однако, что сии паши будут заняты Австрией, и мы можем взять Адрианополь и Кирклиссе. В них надобно оставить гарнизоны; в Бургасе также; следовательно, у нас останутся 3 ? и четыре дивизии. На расстоянии 220 и 200 верст до Константинополя убыль должна быть. Затем: в трех или четырех дивизиях нельзя предполагать более 30, а с кавалерией и артиллерией до 45 тысяч.

Итак, начиная кампанию даже и с тремя корпусами, в которых должно полагать 120 тысяч, но, пройдя от Днепра до Константинополя 800 верст, необходимо для удержания края оставить $\frac{2}{3}$ войск и к Константинополю можно подойти только с 45 тысяч или 50 тысяч, которые только что достаточно для того, чтобы взять Константинополь.

Все это изложено в том предположении, что мы господствуем в Черном море, ибо армия не может идти за Балканы без флота, который бы снабжал ее военными и продовольственными запасами.

Заняв, однако, Царьград и все пространство от наших границ, можно считать, что по крайней мере на время 3 корпуса будут почти отделены от империи, ибо войска наши не могут быть вывезены скоро из Турции; пройдет наверно два, может быть, три, четыре года, пока можно будет их хоть отчасти заменить формированием туземных, христианских племен и включением их в наши ряды.

Отделив же 3 корпуса, будем ли мы иметь достаточно войск в случае Европейской войны?

Необходимо будет заменить сей недостаток новыми войсками.

Что же будет стоить нам: содержанием там трех корпусов, формирование войск из христианских племен в Турции и вместе образование новых войск на Западной границе?

Если же смотреть на турецкие дела с другой точки зрения, то можно бы: за неисполнение турецким правительством заключенных трактатов прежде всего занять княжества и объявить, что они до тех пор не будут очищены, пока Турция не выполнит своих обязательств.

Занятие княжеств не потребует более двух-трех дивизий. Княжества могут их содержать; по крайней мере фураж нам ничего не будет стоить.

В княжествах, по слухам, мы найдем до 10 тысяч регулярного войска. Его следует увеличить до 20 тысяч. Между тем можно воспользоваться оставшимся влиянием нашим на христианские племена в Турции, на болгар и даже сербов. Вопрос о Святых местах для них дело священное. Они сами будут переходить к нам за Дунай. Им недостает оружия и пороху; дать им то и другое, сделав предварительно запас до 30 тысяч ружей в Измаиле.

Регулярные войска княжеств будут служить зерном христианского ополчения в Турции, и тогда, по мере формирования побатальонно, прикомандировывать их к нашим полкам, употребляя их более в стрелки. Подобным образом можно поступать и в отношении их конницы. В случае военных действий они сначала не будут стойки, но потом приучатся. Так поступали Веллингтон в Португалии, Михельсон в 1807 году в Сербии. В Турецкую войну 1829 года было 5 полков конницы и 1 батальон персидской пехоты. Они служили очень хорошо; только надо дать им хорошее содержание.

При занятии нами княжеств и при вооружении христиан Турции остается: или согласиться на исполнение всех условий трактатов, или собрать свою армию и решиться на сражение. Тем лучше. Турки сильны в крепостях; в поле мы должны их разбить и одним ударом рассеять их армию. Тогда все пространство очистится, и даже с небольшими силами можно зайти далеко.

Конечно, между тем наша Черноморская торговля потерпит.

Но торговля во всяком случае — как скоро война — должна терпеть.

Кто знает, может быть, с занятием Молдавии и Валахии только как залог, как ручательство исполнения трактатов, торговля непременно потерпит, но, может быть, менее, чем в случае большой войны.

Иностранные державы принуждены будут найти сие условное занятие княжеств справедливым возмездием за неисполнение турками трактатов.

Изложив таким образом в коротких словах мысли мои, я бы мог войти в большие подробности, если б мне предложены были вопросы, ибо нет края, который бы я знал в военном отношении, как Европейская Турция, проведя там пять или шесть лет, с 1806 по 1811 год.

Ген.-ф. князь *Варшавский*

Приложение № 217

**Копия с собственноручной записки императора Николая I
от 8 апреля 1853 года¹**

Дознанная невозможность предполагавшейся, на случай разрыва с Портой, морской экспедиции прямо на Босфор и Царьград невольно при-

¹ Архив канц. воен. мин. 1853 г., секр. д. № 4.

водит к необходимости сообразить иной способ действий. Желательно, однако, сохранить вновь избираемому характер первоначально предполагавшегося, т. е. неожиданность.

Нет сомнения, что в этом отношении средства, изготовлявшиеся для первой экспедиции, дают возможность применить их ко всякой высадке на избранном месте; из них удобнее Бургасский залив; высадку здесь и овладение окружающими крепостцами не трудно исполнить; и потому они должны быть предпочтены другим соображениям. Остается определить способ исполнения. Предоставляю все подробности, все случайности усмотрению на месте командующим адмиралу и генералу.

Предполагая на первый десант 22 батальона и 48 орудий и 200 конных казаков, с этим числом войск можно надеяться овладеть заливом и крепостцами и укрепиться в избранном месте, где выждать остальных войск, перевозочных способов и в особенности продовольствия и необходимой кавалерии. Выбор укрепленного места должен быть таков, чтобы в нем с благонадежностью выдержать можно было и атаку турок. Вероятно, она последует тогда, когда собранные войска при Царьграде, в страхе ожидаемого туда нападения, направлены будут на Бургас. Ожидать можно, что на это туркам нужно будет дней 10, и притом полагать должно, что отправлена будет только часть войск, другая же останется для защиты Босфора и столицы. Итак, надеяться можно, что нападение турок будет с успехом отражено и наведет первый страх на них.

Между тем часть флота, не нужная для наблюдения за Босфором, должна, не медля после первой высадки, идти за остальными войсками и прочим в Одессу. Предполагая на обратный переход в Одессу, посадку новых войск и опять перехода в Бургас 12 дней, десантный отряд получит вновь не менее шести батальонов, шестнадцать орудий и, вероятно, около четырех эскадронов или четырех сотен казаков. Итак, в десанте будет тогда уже 28 батальонов, 64 орудия и 600 кавалерии. Повторив же в течение месяца еще две таковые перевозки, в десантном отряде будет 38 батальонов, 96 орудий и может быть одна бригада кавалерии с одной конной батареей или три казачьи полка. Силы уже весьма значительные.

В то же время 4-й корпус должен вступить в княжества и за оставлением нужных гарнизонов в Молдавии следовать в Валахию, где расположиться возможно удобно. Флотилия наша и мост в одно время должны будут подниматься по Дунаю до Гирсова, или далее, ежели удобно будет. Вероятно, появление наши в княжествах и флотилии с мостом на Дунае заставит турок ожидать переправы и принудит их собрать армию или близ Силистрии или у Видина и отвлечет их внимание от угрожаемого, действительно, места.

Окончательная перевозка десанта и занятие княжеств могут быть довершены, вероятно, в одно время, т. е. к концу июня месяца.

Если французы или англичане не вступятся за турок, и флоты их не войдут в Черное море, тогда представятся к началу июля два способа действий:

1) следовать на Царьград всем высаженным корпусом, за исключением нужного гарнизона для избранного пункта складов, как базис военных действий. Но для сего необходимо иметь достаточно перевозочных средств, чтобы поднять провианта по крайней мере на 20 дней, что сомнительно;

2) способ состоял бы в том, ежели высадка в Бургасе привлечет большую часть турецких сил туда, и Царьград оголится войском, в таком случае неожиданно посадить десант на флот и идти на прорыв к Босфору, овладеть им и явиться пред Царьградом. Полагаю, что это было бы возможно; но все зависит от верности расчета и положительных сведений.

Но ежели французский или английский флот вошел бы в Черное море явно с враждебным намерением, тогда не только действия морем на Царьград совершенно невозможны, но даже положение нашего десанта в Бургасе будет весьма опасно, лишась свободного сообщения. Останется только возложить на 4-й корпус, оставя дивизию в Валахии, переправиться через Дунай и открыть сообщения с десантом, которому придется уже идти к нему навстречу через Праводы, между Варной и Шумлой, на соединение: все это трудно и подвержено местным случайностям.

Потому все зависеть будет от того, *будут ли французы и англичане зрителями или участниками в войне.*

Наконец, можно еще начать занятием княжеств 4-м корпусом, не принимая ничего морем, но поднимая флотилию и мост по Дунаю. Морскую же экспедицию начать, убедясь, что ни англичане, ни французы в дело военной рукой не вмешиваются, и не ранее, чем когда княжества по Дунаю заняты будут, и не получится верных сведений, есть ли где-либо на Дунае турецкая армия, и занятие княжеств не привлекло ли туда все их внимание, как бывало в прежние войны.

Приложение № 218

Собственноручная записка императора Николая от 16—17 мая 1853 года¹

Предположение действий при разрыве с Турцией

Предположение это было сообщено кн. М. Д. Горчакову 28 мая 1853 года.

Желая всегда избегать войны с Турцией по гибельным ее последствиям для войск, призываемых к действию в тамошнем крае, от климатических условий и, сверх того, по неопределительности цели действий, ежели избегнуть хотим конечного ниспровержения Турецкой империи, — полагаю разделить военные действия на несколько эпох или разделов.

¹ Архив канц. воен. мин. 1853 г., секр. д. № 58.

1-я эпоха

Ежели последняя, ныне исполняющаяся, попытка согласить принять наши условия не будет иметь успеха, я намерен ввести войска в Дунайские княжества для занятия их, без объявления войны, но высказав, что займу княжества в залог, доколе Турция не удовлетворит меня в отвергнутых ею моих требованиях.

Занятие княжеств исполнить 4-му пехотному корпусу, с частью 15-й дивизии и 5-й легкой. При сем избегать, елико можно, военных действий против турок, разве они, перейдя на левый берег Дуная, не отступят перед нашими войсками, или сами начнут нападение. Полагаю, что занятие княжеств должно быть исполнено с возможной быстротой, легким авангардом конницы, за которым следовать пехоте в возможной близости, а за сим авангардом, никак не медля, следовать и всему корпусу, двумя или тремя параллельными колоннами. Кажется, что 15-й дивизии далее Галаца вести не должно по той причине, что в Бабадаге могут собраться турецкие войска, и, ежели узнают, что наша граница оголена от войск, могут делать дерзкие набеги в собственный наш край; тогда известность присутствия сильного отряда на нижней части Дуная и флотилии нашей, и заготовляемый мост будут держать турок в недоумении, не намерены ли мы возобновить переправу чрез Дунай.

Занятием княжеств оканчивается первая эпоха.

В это время флот остается при берегах наших, кроме легких крейсеров, которые наблюдать будут за движением турецкого или иностранного флота, но не вдаваясь с ним в дело.

В этом положении, держа войска в здоровых местах в лагерях, имея по Дунаю только наблюдательные казачьи посты, и в избранном месте резерв или авангард,— будем мы ждать, *какое впечатление занятие сие произведет на турок.*

2-я эпоха

Ежели и это не подействует на турок, тогда наступит время к усилению понудительных мер. Желательно, чтобы австрийцы приняли в них участие, заняв Герцеговину и Сербию; переходить же Дунай я и тогда не намерен. Полагаю только в то время объявить блокаду Босфора. Может быть, и велю крейсерам брать турецкие суда в Черном море. В это время я полагаю объявить туркам, что, ежели не согласятся на наши предложения, я объявлю независимость княжеств и Сербии.

3-я эпоха

Ежели и угроза не подействует, тогда наступит время угрозу исполнить и признанием независимости княжеств положить начало разрушения Оттоманской империи. Один Всемогущий Бог определить может, что за сим последует. Но приступить к дальнейшим действиям я и тогда не намерен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Великий князь Николай Павлович до вступления на престол	5
<i>Глава II.</i> Император Николай I до 1831 года включительно	37
<i>Глава III.</i> Император Николай I до 1848 года	100
<i>Глава IV.</i> Последние годы царствования императора Николая I	155
<i>Глава V.</i> Сношения России с Ближним Востоком до воцарения императора Николая I	185
<i>Глава VI.</i> Восточный вопрос при императоре Николае I до Адрианопольского мира включительно	207
<i>Глава VII.</i> Восточный вопрос при императоре Николае I после Адрианопольского мира	227
<i>Глава VIII.</i> Людовик—Наполеон и восстановление империи во Франции	263
<i>Глава IX.</i> Святые места	324
<i>Глава X.</i> Посольство князя Меншикова	348
<i>Глава XI.</i> Организация русских военно-сухопутных сил к началу Восточной войны	397
<i>Глава XII.</i> Тактическое устройство и внутреннее состояние русской армии к началу войны	462
<i>Глава XIII.</i> Состояние русского флота к началу войны ...	528

<i>Глава XIV.</i> Состояние вооруженных сил Франции, Англии, Турции и Сардинии к началу войны	584
<i>Глава XV.</i> Обзор границ и крепостей России к началу войны	615
<i>Глава XVI.</i> Планы действий России и Турции в предстоящей кампании и подготовка к ней со сто- роны последней	647
П р и л о ж е н и я	679

Научно-популярное издание

Андрей Медардович Зайончковский

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856

Главный редактор *Н. Л. Волковский*

Редактор *А. А. Санникова*

Технический редактор *И. В. Буздалева*

Корректоры *В. А. Преснова, В. Д. Чаленко*

Компьютерная верстка *Н. С. Сидельниковой*

ЛР № 03073 от 23.10.2000 г.

Подписано в печать 11.03.2002. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная.

Гарнитура TimeRoman. Печ. физ. л. 29,0. Усл. печ. л. 48,72.

Тираж 5 000 экз. Зак. №

ООО «Издательство «Полигон»,

С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.

Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23

E-mail: polygon@spb.cityline.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО **ПОЛИГОН**

ПРЕДЛАГАЕТ:

- литературу и энциклопедии по военной истории и технике
- книги по всеобщей истории, технике, электронике, медицине
- книги по кулинарии и домашнему хозяйству
- детскую, обучающую, художественную и специальную литературу
- словари и пособия по изучению иностранных языков

Гибкая система скидок

Доставка в любую точку России

Книгообмен

Наш адрес:

**194044, Санкт-Петербург,
Б.Сампсониевский пр., д. 38/40**

Тел.: **320-7424, 320-7423**
E-mail: **polygon@spb.cityline.ru**

